

3 3433 07919839 0

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. БАТКОВИЧЪ.

—

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

—

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Батковъ и Б°)
На Страстномъ бульварѣ.
1869.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1869

Н О Я Б Р Ъ .

СО Д Е Р Ж А Н І Е :

- I. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ УЧРЕЖДЕНІЯ ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРСТВЪ ВЪ РОССІИ. Гл. I—VII. А. Д. Градовскаго.
- II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ. Г. Де-Молинали.
- III. КЪ БІОГРАФИИ ПУШКИНА. Выдержки изъ записной книжки. М. И. Семевскаго.
- IV. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II (1762—1769). А. Н. Кудомзина.
- V. ПОЛЬСКІЕ АГЕНТЫ ВЪ ЦАРЬГРАДѢ. Гл. III—IV. В. И. Кельсиева.
- VI. ГРИВНОЙ ДОЖДЬ И ЛИВЕНЬ. Разказъ. С. В. Танѣева.
- VII. СЕОГУНЫ И МИКАДО. Историческій очеркъ по японскимъ источникамъ. Геромонаха Николая.
- VIII. ПАНУРГОВО СТАДО. Романъ. Часть третья. Гл. XVII—XXXI. В. В. Крестовскаго.
- IX. ПАМЯТИ ВАСИЛЯ ПЕТРОВИЧА БОТКИНА. 16 ОКТЯБРЯ. Стихотвореніе. А. А. Фета.
- X. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Р.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

БРИТАМПТОНСКІЙ ВИКАРІЙ. Романъ. Соч. Антони Тролона. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. XVII—XXII.

ВОЗРАТЪ ЛУНЫ. Разказъ Жюль Верна. Переводъ съ французскаго. Гл. I—V.

О ВЪ ИЗДАНИИ

РУССКАГО ВЪСТНИКА

ВЪ 1870 ГОДУ.

Вслѣдствіе новой почтовой таксы, оказывается возможнымъ возстановить прежнія, для подпущиковъ болѣе выгодныя условія подписки:

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1870 году стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, **ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП.**; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.**

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровскѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо Петербургъ, по слѣдующему разчету:

	Р.	К.
За доставку въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почтоваго Союза	16	—
Въ Бельгію	17	—
Во Францію и Данію	18	50
Въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію	20	—
Въ Швейцарію	21	—
Въ Италію	22	—

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 7 р. 75 к., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки, 3 р. 50 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 3 р. 85 к.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

УЧРЕЖДЕНІЯ ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРСТВЪ

ВЪ РОССІИ*

I.

Въ 1702 г., послѣ покоренія Петромъ Великимъ нѣкоторыхъ шведскихъ провинцій, нѣкогда принадлежавшихъ Россіи, онѣ были ввѣрены попеченію князя Меншикова, получившаго титулъ губернатора. Вскорѣ послѣ основанія Петербурга, начала образовываться первая въ Россіи губернія, Ингерманландская, въ послѣдствіи послужившая образцомъ для другихъ губерній, учрежденныхъ въ 1708 г. Административное устройство этой первой губерніи было заимствовано изъ Швеціи; вѣрнѣе сказать, Петръ Великій нашелъ шведскія учрежденія въ покоренныхъ шведскихъ и затѣмъ остзей-

* Въ послѣднее время въ нашей литературѣ были указаны многія практическія неудобства генераль-губернаторской должности. Сознавая всю важность этого вопроса, мы рѣшились представить нѣсколько соображеній, основанныхъ на историческихъ и научныхъ данныхъ. Кромѣ *Полнаго Собранія Законовъ*, мы пользовались *Русскими Архивами*, *Русскимъ Историческимъ Сборникомъ* (преимущественно статью Д. П. Троицкаго, «О министерствахъ») и важными документами изданьями г. Калашовымъ при его разборѣ сочиненія г. Андрееваго *О кампаниахъ, воеводствахъ и губернаторствѣ*.

скихъ провинціяхъ и распространилъ ихъ на всю Россію. Задолго до общаго учрежденія губерній, мы встрѣчаемся съ Ингерманландскою губерніей и въ ней съ губернаторами, потомъ генераль-губернаторами, ландрихтерами (въ русскомъ переводѣ *земскими судьями*), президентами и т. д.

Вступивъ на путь заимствованій, законодательство вмѣстѣ съ тѣмъ уклонилось, по отношенію къ внутреннему управленію, отъ пути которому дотола слѣдовало московское правительство. Последнее, раздвигая свою власть на западъ, югъ и востокъ, приносило всюду свои собственныя учрежденія. Какъ только какая-нибудь область подпадала владычеству Москвы, тотчасъ въ ней появлялись воеводы, приказныя избы, дяки; мѣстнымъ жителямъ предписывалось выбрать старостъ и цѣловальниковъ для дѣлъ мирскихъ, земскихъ и государевыхъ, и чрезъ нѣсколько времени область эта во всемъ становилась похожа на всякій московскій уѣздъ и поступала въ завѣдываніе какого-нибудь центрального приказа, который и управлялъ ею на основаніяхъ общихъ съ другими областями состоявшими въ его управленіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ московское правительство не любило имѣть дѣло съ обширными областями. Первою заботой его было раздѣленіе обширной области на мелкіе административныя округа, причемъ каждый изъ нихъ получалъ вполне самостоятельное значеніе и сносился съ центральнымъ московскимъ управленіемъ непосредственно. Воевода самаго небольшого городка получалъ царскіе указы прямо въ свои руки, обо всемъ отписывалъ его царскому величеству прямо въ Москву. Между какой-нибудь Старой Русой и Москвою не было посредствующихъ инстанцій. Вслѣдствіе этого значеніе „старшихъ городов“ утрачивалось не только въ политическомъ, но и въ административномъ отношеніи. И это имѣло важное значеніе. Когда прежній политическій центръ сохраняетъ значеніе высшаго административнаго центра для дѣлой области, чрезъ него сносящейся съ высшимъ управленіемъ, область эта привыкаетъ смотрѣть только на свое ближайшее начальство, которое, въ ея глазахъ, и олицетворяетъ собою *правительство*. Въ глазахъ мѣстнаго населенія такой центръ и такое правительство являются знаменемъ особаиваго, исключительнаго положенія въ государствѣ, особенно если мѣстность эта удерживаетъ нѣкоторыя особенности прежняго времени. Все это Москва избѣгла раздробленіемъ Россіи на мелкіе

административные округа. Какъ велико было число этихъ округовъ, видно изъ того что въ первые годы царствованія Михаила Федоровича, когда отъ Россіи отошли многія области, было около 120 городовъ имѣвшихъ самостоятельное воеводское управленіе и сносившихся прямо съ Москвой. Въ послѣдствіи число ихъ увеличилось. И среди этихъ 120—150 мелкихъ центровъ, Москва была настоящимъ хозяиномъ. Государственное единство скрѣплялось тою связью какую Москва старалась поддерживать непосредственно съ низшими классами народонаселенія. Послѣдніе всегда тянули къ московскому государю, который, въ свою очередь, пожимая это, всегда поддерживалъ ихъ значеніе. Небольшой объемъ административныхъ округовъ давалъ низшимъ классамъ мѣстнаго населенія возможность принимать участіе въ мѣстной администраціи. Многіе важные вопросы финансоваго и полицейскаго управленія были оставлены на попеченіи мірскаго выборнаго начальства. Воеводы, въ глазахъ закона, имѣли главною задачею „беречь крестьянъ и посадскихъ людей отъ сторонъ“, то-есть главнымъ образомъ отъ служилыхъ и приказныхъ людей. Въ то же время, въ виду многочисленныхъ злоупотребленій воеводъ, имъ запрещалось вмѣшиваться въ мірское хозяйство и во многія отрасли финансоваго управленія, вѣреннаго выборнымъ людямъ, которые и сносились прямо съ Москвой. Прибавимъ что въ тѣ времена низшее народонаселеніе не было еще такъ заслонено отъ правительства высшими сословіями, какъ это случилось въ XVIII столѣтіи, вслѣдствіе окончательнаго развитія крѣпостнаго права и чрезвычайнаго усиленія дворянскихъ выборныхъ должностей.

Система московской администраціи представляла много невыгодныхъ сторонъ, но общее ея направленіе благоприятствовало государственному единству. И оно росло, несмотря на всѣ матеріальныя препятствія, на плохое состояніе путей сообщенія, на разбросанность народонаселенія, на обширность территоріи. Благодаря московской системѣ, всякое расширеніе Русскаго государства было въ то же время расширеніемъ Русскаго народа.

Новая система явилась въ нашемъ законодательствѣ въ то время, когда Россія оттолкнулась съ провинціями, гдѣ прежнія средства московскаго „объединенія“ были слишкомъ слабы. Разработать остзейскія провинціи на мелкіе

уѣзды было не такъ легко, какъ нѣкогда область Великаго Новгорода. Поднять значеніе низшаго населенія на западныхъ окраинахъ было не такъ удобно какъ въ другихъ мѣстахъ. Притомъ Россія сама себѣ связала руки крѣпостнымъ правомъ, и ей пришлось цадить права „шляхетства“ въ присоединенныхъ губерніяхъ, подобно тому какъ она поднимала его значеніе у себя дома. Словомъ, западныя окраины труднѣе было переварить чѣмъ то что дотолѣ переварила Москва. Изъ этого, конечно, не слѣдовало что прежнюю систему надо было бросить; но такъ случилось, и нельзя не признать факта что провинціи присоединенныя назадъ къ русской державѣ въ XVIII столѣтіи остаются доселѣ или вовсе не русскими или не совсѣмъ русскими областями.

Для управленія вновь присоединенными провинціями, Петръ Великій считалъ полезнымъ воспользоваться тѣми установленіями которыя уже имѣлись въ этихъ провинціяхъ. Мало того, онъ распространилъ ихъ на всю Россію.

Для внутренней Россіи новыя учрежденія были не бесполезны. Ими было положено первое основаніе той „губерніи“, которою мы пользуемся въ настоящее время. Централизація управленія въ московскихъ приказахъ, выгодная въ политическомъ отношеніи, представляла большія невыгоды въ административномъ. Въ уѣздѣ не было органовъ управленія въ настоящемъ значеніи этого слова. Всѣ органы уѣзднаго управленія являлись первою, низшею инстанціей, не имѣвшею возможности удовлетворить сколько-нибудь важнымъ потребностямъ народонаселенія и правительства. Нѣкоторыя дѣла вовсе были изъяты изъ-подъ ихъ завѣдыванія. За всѣмъ должно было обращаться въ Москву, гдѣ сосредоточивались и среднія, и высшія инстанціи управленія. Этимъ инстанціямъ приходилось рѣшать всѣ дѣла внутренняго управленія. Несовершенство мѣстныхъ органовъ прежде смягчалось тѣмъ что общины и выборные люди несли всю тягость управленія. Правительство надѣялось на нихъ больше чѣмъ на своихъ собственныхъ агентовъ. Былъ моментъ въ исторіи нашего мѣстнаго управленія, когда правительство даже вовсе хотѣло уничтожить всѣхъ приказныхъ людей въ уѣздѣ, кромѣ воеводы. Такъ, въ одномъ указѣ Федора Алексѣевича мы читаемъ: „чтобы въ городахъ быть однимъ воеводамъ, а горододѣльцамъ, сыщикамъ, губнымъ старостамъ, ямскимъ прикащи-

камъ, осаднымъ, пушкарскимъ и житничнымъ головамъ не быть.... чтобы впредь отъ того градскимъ и уѣзднымъ людямъ въ кормахъ и подводахъ лишніа тягости не было". Слѣдовательно все мѣстное управленіе должно было впредь держаться на воеводахъ, съ одной, и выборныхъ земскихъ должностяхъ, съ другой стороны. Но крѣпостное право, усилившееся все больше и больше, убивало значеніе мѣстнаго крестьянства, а городскія общины, разоренныя тяжкими поборами, не могли представить надежнаго матеріала для самоуправленія. Единственнымъ сословіемъ способнымъ взяться за уѣздное управленіе были служилые люди; но они были слишкомъ заняты полковою службой и не имѣли права уклоняться „отъ посылокъ и полковыхъ дѣлъ“ для гражданской службы. Вслѣдствіе этого должность воеводы остается единственнымъ средствомъ мѣстнаго управленія и средствомъ крайне ненадежнымъ. Сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ въ рукахъ воеводы вело къ смѣшенію властей и накопленію массы дѣлъ, а это, въ свою очередь, порождало медленность и произволъ.

Петръ Великій желалъ дать мѣстности самостоятельное управленіе, которое замѣнило бы завѣдываніе изъ Москвы прежнихъ четвертей и дворцовъ. Должность губернатора казалась ему наилучшимъ средствомъ замѣнить прежніе территоріальныя приказы. Съ учрежденіемъ губерній, въ мѣстности являются двѣ инстанціи (а затѣмъ и больше), которыя дѣйствуютъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ высшаго въ государствѣ учрежденія, сената. Учреждая должность губернаторовъ и преобразуя должность воеводъ, Петръ Великій призывалъ и мѣстное дворянство къ участию въ управленіи. Учреждаются ландратскія коллегіи, гдѣ выборныя отъ дворянства лица засѣдаютъ съ губернаторомъ, и „онъ между ними не яко властитель, но яко президентъ“. Преобразовывается городское самоуправленіе. Учреждаются „вышніе и нижніе суды“, и тѣмъ полагается начало раздѣленію властей въ мѣстномъ управленіи.

Идея губерніи въ такой формѣ не погибла въ нашемъ законодательствѣ. Она сдѣлалась любимой мечтой Екатерины II, которая и дала Россіи знаменитое *Учрежденіе*.

II.

Учрежденіе о губерніяхъ было полнымъ и всестороннимъ развитіемъ началъ нѣкогда указанныхъ Петромъ Великимъ, но не осуществившихся при немъ, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ. При Екатеринѣ II потребность въ мѣстныхъ преобразованіяхъ чувствовалась сильнѣе чѣмъ прежде, и средствъ къ ихъ осуществленію было гораздо больше.

Послѣ смерти Петра Великаго всѣ его мѣстныя учрежденія погибли. Остались только должности губернаторовъ и воеводъ, окруженныхъ канцеляріями, въ коихъ были сосредоточены какъ административныя, такъ и судебныя дѣла. Выборныя должности, имѣвшія такое значеніе въ древней Россіи, исчезли. Самыя приказныя должности имѣли мало средствъ для исполненія своихъ обязанностей. Губерніи и другіе административные округа были слѣшкомъ велики. Вся Россія была раздѣлена на 10 губерній. Надъ губерніями, управлявшимися небольшимъ количествомъ приказныхъ людей, стояли коллегіи, въ коихъ сосредоточивалось все внутреннее управленіе государствомъ, подобно тому какъ прежде въ московскихъ приказахъ. Вредныя послѣдствія этого порядка вещей были неисчислимы. Императрица сама излагаетъ ихъ во введеніи къ *Учрежденію*. „По великой обширности губерній, говоритъ она, оныя недостаточно снабжены какъ правительствомъ, такъ и надобными къ управленію людьми; въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи, и казенные доходы и счета, обще съ благочиніемъ или полиціею, и сверхъ того еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются... Происходящее отъ того неустройство весьма ощутительно, съ одной стороны медленность, упущенія, волокита суть естественныя послѣдствія такового неудобнаго и недостаточнаго положенія... Съ другой стороны, отъ медлительнаго производства возрастаютъ своевольство и ябеда, обще съ другими пороками.“

Для исправленія этихъ злоупотребленій императрица рѣшила принять слѣдующія мѣры:

1. Раздѣлить Имперію на губерніи меньшаго объема чѣмъ прежнія. Предполагалось, что губернія „дабы могла быть

порядочно управляема“, должна имѣть отъ 800—400 т. жителей. На самомъ же дѣлѣ число губерній, вмѣсто прежнихъ 10, увеличено до 40.

2. Всю совокупность судебныхъ и административныхъ дѣлъ раздѣлить между специальными установленіями, дѣйствующими болѣе или менѣе самостоятельно, на точномъ основаніи законовъ. Съ этою дѣлю коллегіи, до тѣхъ поръ сосредоточенныя въ столицѣ, были распределены по губерніямъ, подъ именемъ палатъ.

3. Личный составъ мѣстной администраціи оживить множествомъ выборныхъ отъ сословій должностей.

4. Общее наблюденіе за администраціей и сословіями и направленіе администраціи сообразно видамъ высшаго правительства предоставить генералъ-губернатору или, какъ тогда именовалась эта должность, государеву намѣстнику.

5. Генералъ-губернаторовъ поставить подъ непосредственное наблюденіе императорскаго величества и сената.

Такимъ образомъ мы видимъ въ новой губерніи различные элементы администраціи, о которыхъ прежде не было рѣчи.

Вопервыхъ, мы видимъ многочисленныя органы *управленія*, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Вся совокупность административныхъ вопросовъ распределена между специальными органами, положившими конецъ прежнему смѣшенію вѣдомствъ. Казенная палата, приказъ общественнаго призрѣнія, губернское правленіе—таковы новыя административныя силы, замѣнившія прежнія воеводскія и губернаторскія канцеляріи. Судебная часть была построена на совершенно новыхъ основаніяхъ. Она отдѣлена отъ администраціи. Гражданскій судъ совершенно отдѣленъ отъ уголовного. Въ первыхъ двухъ инстанціяхъ допущено широкое выборное начало для всѣхъ сословій. Третья инстанція, замѣнившая прежнія юстицъ- и вотчинную коллегіи, осталась правительственнымъ судомъ, общимъ для всѣхъ сословій.

Кромѣ общихъ правительственныхъ установленій, учреждены еще особыя установленія для сословныхъ дѣлъ. Дворянскія корпораціи съ депутатскимъ собраніемъ, городовыя установленія и т. п. Все это является вмѣстѣ съ учрежденіемъ о губерніяхъ.

Такое разнообразіе учреждений и сравнительная съ прежнимъ временемъ самостоятельность ихъ потребовала учрежденія особаго органа для *общаго за ними надзора*.

Такимъ органомъ явился генераль-губернаторъ или государевъ намѣстникъ.

По смыслу Учрежденія о губерніяхъ, намѣстникъ былъ поставленъ далеко отъ администраціи и суда въ собственномъ смыслѣ этого слова. Учрежденіе (ст. 82) категорически выражается что онъ не есть судія. Должность его (ст. 81) есть „строгое и точное взысканіе чинить со всѣхъ ему подчиненныхъ мѣстъ и людей, о исполненіи законовъ и опредѣленнаго изъ званія и должностей“. Такой общій надзоръ или, вѣрнѣе, попеченіе объ исполненіи законовъ, составляетъ сущность генераль-губернаторской должности. Положительныя административныя мѣры требуются отъ него въ рѣдкихъ, можно сказать, исключительныхъ случаяхъ. Такъ, онъ долженъ пресѣкать всякаго рода злоупотребленія, а наипаче роскошь безмѣрную и разорительную, обуздывать излишество, безпутство, мотовство, тиранство и жестокости (послѣднія постановленія имѣютъ въ виду злоупотребленія власти помѣщиковъ); генераль-губернаторъ долженъ вступаться за всякаго кого по дѣламъ волочать, останавливать исполненіе несправедливыхъ рѣшеній, донося о томъ сенату, а въ важныхъ случаяхъ—императорскому величеству; долженъ принимать мѣры въ случаѣ голода и недостатка жизненныхъ припасовъ; въ мѣстахъ пограничныхъ долженъ охранять государственную безопасность; въ случаѣ возмущенія долженъ принимать мѣры къ его усмиренію и т. п.

Такія функціи указывали на двоякій характеръ этой должности. Большинство дѣлъ предоставленнымъ вѣдѣнію намѣстника указываютъ на намѣреніе законодателя сдѣлать эту должность обыкновеннымъ, нормальнымъ губернскимъ учрежденіемъ, ввести ее въ кругъ прочихъ мѣстныхъ установленій, подобно тому какъ это сдѣлано съ должностію нынѣшнихъ губернаторовъ. Но историческія обстоятельства того времени придали должности намѣстниковъ такой оттѣнокъ, вслѣдствіе котораго она не могла остаться обыкновеннымъ губернскимъ установленіемъ. Для объясненія этого обстоятельства, намъ необходимо войти въ нѣкоторыя юридическія тонкости, весьма важныя для пониманія всѣхъ метаморфозъ намѣстнической должности.

III.

Должность государева намѣстника, какъ замѣчено выше, имѣла значеніе органа главнаго надзора надъ губернскими установленіями.

Опредѣленіе это, конечно, не выясняетъ вполне всѣхъ характеристическихъ особенностей этой должности. *Надзоръ* имѣеть обширное и разнообразное значеніе. Разнообразие это зависитъ отъ степени власти его органовъ.

Надзоръ можетъ ограничиваться наблюденіемъ за формальнымъ соблюденіемъ закона и выражаться въ правѣ протеста противъ незаконныхъ постановленій присутственныхъ мѣстъ и донесенія высшему начальству о неправильныхъ ихъ дѣйствіяхъ. Такое значеніе имѣлъ надзоръ производившійся нашими прежними прокурорами, число которыхъ во времена Екатерины II было весьма велико.

Второй видъ надзора заключается въ наблюденіи за правильнымъ и однообразнымъ примѣненіемъ закона и за самими дѣйствіями разныхъ должностныхъ лицъ, съ правомъ останавливать своею властію рѣшенія присутственныхъ мѣстъ и отрѣшать чиновниковъ не заслуживающихъ довѣрія правительства. Этотъ надзоръ графъ Сперанскій называлъ надзоромъ съ правомъ *исправленія* (мы сказали бы *распоряженія*). Такою властію облеченъ былъ губернаторъ, какъ *голова* губерніи. На этомъ основаніи испрашивается его согласіе на опредѣленіе должностныхъ лицъ, назначеніе которыхъ зависитъ отъ губернскихъ властей; ему принадлежитъ право ревизіи всѣхъ присутственныхъ мѣстъ (кроме судебныхъ); онъ можетъ останавливать постановленія земскихъ собраній и т. д. Такой надзоръ не выходитъ изъ круга губернскихъ учрежденій, онъ есть главный мѣстный надзоръ. Цѣль его—единство мѣстной администраціи.

Наконецъ, надзоръ можетъ имѣть въ виду соглашеніе всей дѣятельности административныхъ мѣстъ съ видами высшаго правительства; онъ выражается въ руководствѣ мѣстной администраціи путемъ общихъ предписаній, циркуляровъ, въ разрѣшеніи сомнѣній возникающихъ въ подчиненныхъ установленіяхъ, въ принятіи чрезвычайныхъ политическихъ мѣръ

въ затруднительныхъ случаяхъ и т. д. Въ противоположность двумъ вышеуказаннымъ видамъ мѣстнаго надзора, онъ называется надзоромъ государственнымъ и сосредоточивается въ высшихъ государственныхъ установленіяхъ. Въ Россіи права этого надзора вообще предоставлены сенату и министерствамъ.

Надзоръ учрежденный въ лицѣ государева намѣстника соединялъ въ себѣ права двухъ послѣднихъ видовъ надзора, то-есть главнаго мѣстнаго и общаго государственнаго. Это соединеніе обуславливалось состояніемъ администраціи въ XVIII вѣкѣ.

Порученіе генераль-губернатору административнаго надзора понятно само собою. Но высшій политическій надзоръ, порученный ему, обуславливался особыми, специальными соображеніями.

Екатерина II въ своихъ реформахъ преслѣдовала одну цѣль, которая была завѣтною мечтою Петра Великаго въ первыхъ семнадцать лѣтъ его реформъ (1701 — 1718). Цѣль эта заключалась въ томъ чтобы между Верховною Властью и ея непосредственными органами, съ одной, и мѣстными учрежденіями, съ другой стороны, не было посредствующихъ *среднихъ* властей, въ родѣ коллегій. При Петрѣ Великомъ такой порядокъ вещей существовалъ около десяти лѣтъ. Губернское управленіе было поставлено подъ непосредственный надзоръ сената и самого государя. Учрежденіе коллегій измѣнило этотъ порядокъ, что принесло болѣе вреда чѣмъ пользы. Екатерина II по вступленіи на престолъ горько жаловалась на систему русской администраціи. Жалобы эти могутъ быть формулованы слѣдующимъ образомъ: губерніи заслонены отъ высшаго правительства коллегіями, которыя распоряжаются ими вполне безконтрольно. Посему необходимо поднять значеніе мѣстныхъ властей и поставить ихъ въ непосредственное отношеніе къ Власти Верховной. Первый шагъ къ этой важной реформѣ былъ сдѣланъ указомъ 21-го апрѣля 1764 (П. С. З., № 12.137), извѣстный подъ именемъ наставленія губернаторамъ. Вотъ что говорится въ этомъ замѣчательномъ указѣ: „Все цѣлое не можетъ быть отнюдь совершенно, если части его въ неурядкѣ и неустройствѣ пребудутъ. Главныя же части, составляющія цѣлое отечество наше, суть губерніи, и онѣ самыя тѣ которыя болѣе всего исправленія требуютъ, что современемъ

ны, Богу намъ поспѣшествующу, и дѣйствительно исправить и тѣмъ исполнить наши намѣренія потщимся. А нынѣ почта сего самонуднѣйшимъ къ тому приступомъ прямое существо губернаторскія должности, предпріями мы дать въ нижеслѣдующихъ статьяхъ нѣкоторыя общія губернаторамъ нашимъ правила.“ Первымъ изъ такихъ правилъ является постановленіе измѣнившее отношеніе губернатора къ верховной власти. „Губернаторъ, какъ повѣренная отъ насъ особа и какъ глава и хозяинъ всей врученной его смотрѣнію губерніи, состоять имѣеть подъ собственнымъ нашимъ и сената нашего вѣдѣніемъ, почему и указы только отъ насъ и сената нашего принимать.“ Затѣмъ губернатору ввѣряются обширныя права надзора, въ общихъ чертахъ напоминающаго надзоръ учрежденный потомъ въ лицѣ государева намѣстника. Эти начала были въ послѣдствіи развиты и въ Учрежденіи о губерніяхъ.

Императрица мало заботилась о развитіи высшихъ установленій; ей важно было имѣть хорошихъ мѣстныхъ правителей. Поэтому учрежденіе о губерніяхъ возстановило порядокъ существовавшій въ 1708—1718 гг. Весь надзоръ за мѣстнымъ управленіемъ былъ сосредоточенъ въ сенатѣ и въ рукахъ генералъ-прокурора. Но принимая во вниманіе что намѣстники пользовались личною дружбой и полною довѣренностью императрицы, можно сказать что они дѣйствовали совершенно самостоятельно, сосредоточивая въ своихъ рукахъ не только главный мѣстный, но и общій административно-политическій надзоръ. Они сдѣлались представителями не только мѣстной администраціи, но и политики государства, и проводниками высшихъ политическихъ соображеній.

Такая система въ будущемъ едва ли могла послужить къ укрѣпленію государственнаго единства. Проведенная во всей строгости и послѣдовательности, она скорѣе могла удалить страну отъ необходимой государственной централизаціи и привести къ системѣ разрозненныхъ сатрапій и многимъ замѣшательствамъ. Государственное единство и политическая централизація достигаются вовсе не тѣмъ что во главѣ областей ставятся лица облеченныя чрезвычайною властью. Государственное единство зависитъ отъ совокупнаго дѣйствія системы однообразныхъ установленій, дѣйствующихъ на твердомъ основаніи общихъ законовъ. Когда всѣ граждане поставлены подъ одну управу однообразныхъ законовъ, когда на этихъ законахъ

основываются общія для всѣхъ права, дѣло объединенія государства кончено. Англія, напримѣръ, не знала чрезвычайныхъ мѣстныхъ властей; напротивъ, ея административная система есть система самоуправленія. Франція до революціи имѣла своихъ интендантовъ съ обширною властью. Которая же изъ этихъ двухъ странъ раньше достигла дѣйствительнаго государственнаго единства? Государственная централизація есть не что иное какъ торжество общаго закона надъ племенными, сословными и корпоративными особенностями, которыя принято называть «дикомъ вѣжливымъ и почетнымъ именемъ „историческихъ особенностей“».

Разница между чрезвычайными должностями въ дѣлствіяхъ своихъ опирающимися не столько на общій законъ, сколько на личное свое усмотрѣніе и системой нормальныхъ установленій есть различіе между личною политикою, и ея случайностями и твердымъ, закономѣрнымъ управленіемъ страной. Въ послѣднемъ случаѣ исполненіе воли высшаго правительства имѣетъ гораздо больше шансовъ на успѣхъ, такъ какъ господство субъективной воли (отъ которой зависитъ *случайность* въ администраціи) въ системѣ нормальныхъ установленій по возможности ослаблено и уравновѣшено. Напротивъ, въ системѣ чрезвычайныхъ должностей личной волѣ предоставленъ полный просторъ. Высшая власть издаетъ общее распоряженіе, но субъективное усмотрѣніе правителя является верховнымъ судьей его годности, удобства, сообразности съ „историческими условіями“, и неоднократно выраженная воля государственной власти можетъ остаться мертвою буквой.

IV.

Должность государева намѣстника, по Учрежденію о губерніяхъ, носила въ себѣ зародышъ двухъ совершенно различныхъ системъ. По духу „Учрежденія“, намѣстникъ долженъ былъ составить часть мѣстныхъ установленій, имѣть ту долю надзора которая въ послѣдствіи была предоставлена губернаторамъ. Но историческія обстоятельства придали должности намѣстника особый характеръ чрезвычайной власти. Мало-по-малу стало ясно что намѣстникъ не можетъ составить одно цѣлое съ губернскими учрежденіями. Сначала онъ

былъ поставленъ внѣ ихъ, какъ вѣчто особое. Въ послѣдствіи эта должность признана пригодною только для нѣкоторыхъ мѣстностей Имперіи, но излишнею для массы русскихъ губерній.

Начало этому превращенію должности намѣстника положено самою великою учредительницею губерній. Въ 1781 году, когда Учрежденіе о губерніяхъ начало приводиться въ дѣйствіе, императрица отступила отъ первоначальнаго плана отождествить губернію съ намѣстничествомъ. Въ росписаніи намѣстничествъ, составленномъ въ 1781 году, 13-го іюня (П. С. З. № 15.171), исчисляется сорокъ губерній, на которыя раздѣлена была Имперія. Но изъ этихъ сорока губерній составилось только двадцать намѣстничествъ, причемъ приблизительно на каждое намѣстничество приходилось по двѣ губерніи. Можковская губернія составила отдѣльное намѣстничество. Петербургская и Выборгская другое, причемъ намѣстникъ (подъ именемъ главнокомандующаго) назначался только въ отсутствіи государыни. Затѣмъ всѣ губерніи, кромѣ новороссійскихъ, малороссійскихъ и остзейскихъ, соединены по двѣ подъ управленіе одного намѣстника. Новороссійское намѣстничество заняло огромное пространство. Сюда отошли губерніи: Саратовская, Астраханская, Азовская и Новороссійская, ввѣренныя князю Потемкину. Три Малороссійскія губерніи отданы въ управленіе графа Румянцева. Рижская губернія осталась особымъ генераль-губернаторствомъ. Ревельская не вошла въ составъ генераль-губернаторствъ; она осталась въ управленіи самостоятельнаго губернатора.

Такъ сразу была разорвана связь между намѣстниками и губернскими учрежденіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ была нарушена основная мысль Екатерины II чтобы между губерніями и высшимъ правительствомъ не было никакихъ посредствующихъ инстанцій. Такою посредствующею инстанціею явился тотъ же намѣстникъ. Мѣстное управленіе, по смыслу „Учрежденія“ сосредоточенное въ системѣ коллегіальныхъ и полуколлегіальныхъ установленій съ генераль-губернаторомъ во главѣ, теперь раздѣлилось между двумя администраціями: губернской и генераль-губернаторскою.

Генераль-губернаторское управленіе, основанное на полномочіи государева намѣстника, разумѣется, имѣло больше значенія чѣмъ система мѣстныхъ коллегій. Вслѣдствіе этого

недостатки мѣстной администраціи противъ коихъ писала Екатерина II, и которые она думала уничтожить посредствомъ усиленія мѣстныхъ установленій и правильнаго распределенія между ними дѣлъ, возобновлялись въ генералъ-губернаторскомъ управленіи.

Недостатки новой системы не выяснились при Екатеринѣ II. Великая женщина умѣла выбирать людей и готовить ихъ для государственной дѣятельности. Личный составъ намѣстниковъ въ 1781 г. былъ дѣйствительно замѣчательнъ. Потемкинъ, Румянцевъ, Мельгуновъ, Сиверсъ — таковы были эти довѣренныя лица императрицы.

Чрезвычайная власть, ввѣренная такимъ лицамъ, могла принести значительную пользу въ то время. Грубое общество, хотя исповѣдовавшее вольтеріанскую вѣру, но давившее крестьянъ; чиновничество воспитанное въ школахъ казнокрадства и взяточничества; экономическія бѣдствія страны, — словомъ все что произвело пугачевщину, могло быть нѣсколько исправлено сильною, энергическою властью просвѣщенныхъ намѣстниковъ. До насъ дошли нѣкоторые отрывки изъ жизни этого удивительнаго общества. Такъ, генералъ-губернатору ярославскому и вологодскому Мельгунову пришлось имѣть дѣло съ слѣдующими лицами. „Бадниковскій исправникъ Безобразовъ любилъ поколотить встрѣчнаго и поперечнаго. Однажды онъ встрѣтился на улицѣ со священникомъ и не утерпѣлъ: учинилъ побои. И дароносицу, которую священникъ держалъ какъ щитъ отъ лютаго исправника, повредилъ, и клокъ бороды вырвалъ.... Мельгуновъ велѣлъ вологодскому губернатору „войти въ тончайшее разсмотрѣніе сего дѣла“. Но оно скоро кончилось мировою. Составъ присутственныхъ мѣстъ также буйствовалъ. Чиновники вологодской казенной палаты произвели канцеляристу Мишурину побои, отъ коихъ онъ „умре“. Дворянскій засѣдатель яренскаго земскаго суда и тамошній стражничій удавили расправнаго судью.... Всѣ эти исторіи и множество имъ подобныхъ случились въ продолженіи только шести первыхъ мѣсяцевъ 1788 года. Но что значили эти побои и „умертвія“ производимыя чиновниками въ сравненіи съ тѣмъ что дѣлали магнаты? Генералъ-аншефъ и кавалеръ Св. Андрея Первозваннаго, богатый воронежскій помѣщикъ, графъ Петръ Антоновичъ Девіеръ изъ двухъ пушекъ перестрѣлялъ весь вѣхавшій къ нему земскій судъ! Что

же оставалось дѣлать генераль-губернаторамъ какъ не пользоваться своимъ надзоромъ съ „правомъ псравленія“? *

Энергія намѣстниковъ направилась если не противъ крупныхъ, то противъ мелкихъ бунновъ. Въ намѣстничествѣ Мельгунова былъ одинъ молодой канцеляристъ Иванъ Носковъ, который самъ признался что „пѣть до безчувствія и имѣть сообщество съ распутными“. Начальство рѣшило что на службѣ его держать нельзя. Мельгуновъ распорядился слѣдующимъ образомъ. „Носкова, какъ человѣка въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, коиъ ему только тридцать, оставившаго службу, и потому обращающагося въ праздности, дабы онъ болѣе въ общественную и свою собственную тягость не шатался, отослать въ военную контору, для написанія въ армейскіе полки, въ солдаты.“

Изъ этого видно какую власть имѣли намѣстники. Все внутреннее управленіе лежало на нихъ. Они зависѣли непосредственно отъ верховной власти, а между собою сносились какъ полусуверенные государи. *Учрежденіе о губерніяхъ* мало опредѣляло подробности административной дѣятельности намѣстниковъ. Поэтому они были, такъ сказать, сами себѣ закономъ и управляли областью по своему усмотрѣнію. Такъ *Учрежденіе* рекомендуетъ намѣстникамъ заботиться о предотвращеніи голода, не указывая однако что они могутъ сдѣлать для этого. Мельгуновъ въ голодный 1786 годъ просто предписалъ исправникамъ чтобъ они слѣдили за непремѣннымъ засѣвомъ полей. „Чтобы незасѣянныхъ полей нигдѣ не оставалось, или вы будете отвѣчать мнѣ честью!“ значилось въ его ордерѣ. Если дѣло касалось не одного, а двухъ намѣстниковъ, то оно разрѣшалось, такъ сказать, международнымъ способомъ, путемъ соглашенія двухъ намѣстниковъ. Любопытная переписка ярославскаго намѣстника, Мельгунова, съ новгородскимъ, Сиверсомъ, представляетъ много доказательствъ этому. Они размежевывали между собою по взаимному соглашенію свои владѣнія, утверждали разные откупа и подряды относительно вина и соли и т. д. Въ числѣ этихъ писемъ читаемъ между прочимъ слѣдующее (отъ графа Сиверса къ Мельгунову). „Тверскаго намѣстничества Весевогскій городской магистратъ мнѣ представляетъ что Ярославскаго намѣстничества, Моложскаго уѣзда, въ селѣ Осто-

* См. *Русскій архивъ*, т. III, статья о Мельгуновѣ.

лоповъ бываетъ неуканная ярмарка, и на оную не малый съѣздъ обывателей, отчего и дѣлается гражданамъ подрывъ. А какъ подобная сему ярмарка, бывшая Весъегонскаго уѣзда, въ разстояніи отъ того села Остолопова трехъ верстъ, въ разсужденіи производимаго отъ ней подрыву мною уничтожена, для того ваше высокопревосходительство покорнѣйше прошу приказать помянутую ярмарку, яко состоящую на самой границѣ обоихъ уѣздовъ, въ прекращеніе могущихъ быть во всѣхъ припасахъ подрывовъ, уничтожить.“ Такъ *надзоръ*, задуманный императрицей, перешелъ въ *управленіе* въ высшей степени *личное*. Графъ Сперанскій имѣлъ право въ 1821 году слѣдующимъ образомъ охарактеризовать положеніе мѣстнаго управленія: „Губернскія мѣста, говорилъ онъ, въ прямомъ смыслѣ не имѣютъ надъ собою мѣстнаго надзора. Гражданскій губернаторъ, бывъ предсѣдателемъ губернскаго правленія, не можетъ надзирать ни самъ за собою, ни за мѣстами ему равными. Прокуроръ имѣетъ въ сихъ мѣстахъ одно право предъявленія. Надзоръ со властью исправленія по общему учрежденію принадлежитъ генераль-губернаторамъ. Но тамъ гдѣ званіе сіе существуетъ, дѣйствіе его, *яко личное и съ точностію не определенное*, непрестанно колеблется между самовластіемъ и послабленіемъ...“

Учрежденіе министерствъ и постепенное развитіе губернаторской должности окончательно выяснило неудовлетворительность намѣстниковъ какъ органа нормальнаго мѣстнаго управленія.

V.

Учрежденіе министерствъ въ 1802 году имѣло цѣлію преобразовать заново организацію высшей исполнительной власти. Исполнительная власть до того времени была организована крайне неудовлетворительно. Екатерина II, какъ мы видѣли, обращала главное вниманіе на учрежденія мѣстныя. Высшее управленіе держалось при ней не столько достоинствомъ учреждений, сколько рѣдкими качествами лицъ, коимъ были поручены отдѣльныя отрасли управленія подъ непосредственнымъ надзоромъ самой императрицы. * Павель I,

* По закону высшій надзоръ за управленіемъ сосредоточивался въ лицѣ сената и генераль-прокурора. Сами по себѣ эти средства были недостаточны. Но императрица полагала возможнымъ воспол-

вообще недоверчиво относившіся къ преобразованіямъ своей матери, въ 1797 году задумалъ возвратиться къ старому порядку. Вслѣдствіе этого въ столицѣ были возобновлены уничтоженныя коллегіи, должности государевыхъ намѣстниковъ сокращены, среднія судебныя инстанціи въ губерніи уничтожены. Последняя мѣра была весьма полезна, ибо сокращала количество инстанцій. Но затѣмъ реформа 1797 года представляла важныя неудобства. Графъ Сперанскій опредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „*первое*, что въ немъ (порядкѣ) установленъ былъ, такъ-сказать, двойной комплектъ однихъ и тѣхъ же коллегій; ибо губернскія мѣста не что другое суть какъ тѣ же самыя коллегіи, тому же самому сенату и въ той же степени подчиненныя, и тѣми же самыми дѣлами управляющія. Отсюда множество стѣсненій и затрудненій. *Второе*, хотя надзоръ генералъ-губернаторовъ по неопредѣлительности его былъ недостаточенъ, но съ упраздненіемъ его губернскія мѣста остались уже безъ всякаго главнаго мѣстнаго надзора, кромѣ прокурорскаго, который и вездѣ слабъ, а въ отдаленныхъ губерніяхъ почти ничтоженъ, ибо прокуроръ никакой власти въ губернскихъ мѣстахъ не имѣетъ.“ Порядокъ этотъ держался не долго. Въ 1802 году дано новое устройство сенату, и положено основаніе учрежденію министерствъ.

При учрежденіи министерствъ законодатель имѣлъ въ виду образовать постоянные органы высшей исполнительной власти, распредѣливъ между ними дѣла сообразно ихъ роду и качеству. * Вмѣстѣ съ тѣмъ преобразовался на новыхъ началахъ и высшій надзоръ за администраціей. Вмѣсто того чтобы сосредоточивать надзоръ по всѣмъ частямъ управленія въ рукахъ одного учрежденія или лица (сената и генералъ-губернатора), законодательство раздѣлило его по отраслямъ дѣлъ, поручивъ эти отрасли отдѣльнымъ лицамъ. Сенатъ остался лишь учрежденіемъ объединяющимъ этотъ надзоръ, разбитый

этимъ недостатокъ, учредивъ въ областяхъ мѣстныхъ генералъ-прокуроровъ въ лицѣ намѣстниковъ. Мы видѣли что, при невозможности раздѣлить надзоръ „съ правомъ исправленія“ отъ управленія, мы получили не намѣстничій надзоръ, а намѣстническое управленіе.

* Этимъ восполнился недостатокъ высшей исполнительной власти, прежде (особенно при Павлѣ I) сосредоточенной въ лицѣ генералъ-прокурора.

по отдѣльнымъ вѣдѣніямъ. Не входя здѣсь въ разборъ достоинства учрежденія министерствъ, нельзя не замѣтить что они, въ самой идеѣ своей, стали въ прямое противорѣчіе съ учрежденіемъ генераль-губернаторствъ. Вопервыхъ, должность генераль-губернаторовъ затрудняла осуществленіе одной изъ цѣлей предположенныхъ правительствомъ при учрежденіи министерствъ. Цѣль эта состояла въ осуществленіи завѣтной мысли Петра Великаго и Екатерины II — уничтожить всѣ среднія инстанціи между губернскимъ и высшимъ управленіемъ. Поэтому министерства объявлены не среднимъ установленіемъ, замѣнившимъ коллегіи, а высшею исполнительною властію, частью правительствующаго сената. Эта мысль руководила законодательствомъ въ 1802 году и въ полной силѣ удержана въ 1810 г. Между тѣмъ, что же такое были генераль-губернаторы какъ не средняя инстанція между губернскимъ управленіемъ и высшею исполнительною властію? Во вторыхъ, генераль-губернаторскій надзоръ, по существу своему, противорѣчитъ началамъ министерскаго надзора. Послѣдній касался одного рода дѣлъ, но дѣйствовалъ на всемъ пространствѣ государства. Графъ Канкринъ справедливо называлъ организацію министерствъ *линейною*, въ томъ смыслѣ что каждая линія управленія: администрація, полиція, финансы имѣютъ главнаго министра, линія же каждаго министерства идетъ отдѣльно чрезъ всѣ инстанціи. Напротивъ, генераль-губернаторское управленіе дѣлало изъ своего района замкнутую область, гдѣ надзоръ и власть наместника распространялись на всѣ части управленія, заслоняя ихъ отъ высшей власти. Тотъ же Канкринъ называлъ такое устройство островнымъ, федеративнымъ. Втретьихъ, учрежденіе министерствъ должно было сосредоточить всю силу политической власти въ высшихъ установленіяхъ, оставивъ всѣмъ подчиненнымъ учрежденіямъ только административное значеніе, точно опредѣленное дѣйствующими законами. Генераль-губернаторы, напротивъ, имѣли значеніе представителей высшей политической власти въ мѣстности.

Какъ разрѣшить эти противорѣчія? Въ эпоху учрежденія министерствъ объ этомъ не было еще рѣчи. Самыя противорѣчія эти не вышли еще наружу. Напротивъ, учрежденіе министерствъ всѣми считалось за естественное продолженіе политики Екатерины II, и императоръ Александръ I могъ спокойно думать что онъ царствуетъ по духу и разуму своей

бабки. Важныя политическія дѣла отвлекли его отъ внутренней политики, и только послѣ Вѣнскаго конгресса онъ могъ приняться за внутреннія преобразованія. Тогда правительство ясно увидѣло необходимость согласовать двѣ должности, построенныя на двухъ совершенно различныхъ началахъ, — министра и генераль-губернатора. Лучшіе политическіе умы и опытнѣйшіе администраторы приняли участіе въ этомъ согласованіи. Но оно, какъ мы сейчасъ увидимъ, привело къ весьма неудовлетворительнымъ результатамъ.

VI.

Въ 1816 году, по высочайшему повелѣнію, былъ составленъ проектъ новаго учрежденія намістничества. Въ силу этого проекта, Имперія должна была раздѣлиться на 12 намістничествъ; каждое изъ нихъ предполагалось составить изъ 3—5 губерній. Намістничество ввѣрялось намістнику, при которомъ состоялъ совѣтъ съ правами совѣщательнаго установленія; голосъ намістника одинъ имѣлъ рѣшительное значеніе. Въ завѣдываніи этого совѣта и во власти намістника сосредоточивались всѣ части управленія: судебная, полицейская, хозяйственная, духовная, учебная, почтовая и т. д., кромѣ дѣйствующей арміи и флота. Намістникъ не управляетъ прямо никакою частью, но ему подчинены всѣ начальствующія лица. Онъ можетъ мѣнять всѣхъ должностныхъ лицъ (кромѣ губернатора, вице-губернатора, предсѣдателей палатъ и прокуроровъ). Представленія свои онъ дѣлаетъ прямо императору чрезъ комитетъ министровъ и получаетъ высочайшія повелѣнія чрезъ это же учрежденіе. Сенатъ присылаетъ свои указы прямо къ нему. Министры посылаютъ свои распоряженія губернскимъ властямъ не иначе какъ чрезъ намістниковъ. Чрезъ нихъ же и подчиненныя власти дѣлаютъ свои представленія высшему правительству. Намістнику принадлежитъ важное право останавливать исполненіе указовъ сената и предписаній министровъ.

Этотъ проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе, можетъ-быть потому что онъ встрѣтилъ сильную оппозицію въ тогдашнихъ министрахъ, особенно въ министрѣ финансовъ, графѣ Гурьевѣ, которому означенный проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе по высочайшему повелѣнію.

Графъ Гурьевъ справедливо доказывалъ что чрезвычайная власть предоставляемая намѣстникамъ парализуетъ дѣятельность министерствъ. Онъ соглашался съ тѣмъ что учрежденіе министерствъ и внутреннее управленіе представляли нѣкоторые недостатки порождавшіе важныя злоупотребленія. Но эти недостатки и злоупотребленія не обусловливали учрежденія власти по существу своему противорѣчившей началамъ министерскаго управленія. Напротивъ, графъ Гурьевъ полагалъ что причина недостатковъ внутренняго управленія заключается „*главнѣйшимъ образомъ* въ необразованіи, соотвѣтственно началамъ министерскихъ управленій, подвѣдомыхъ имъ или мѣстныхъ управленій“.

Изъ проекта самого графа Гурьева видно что онъ соглашался съ необходимостію намѣстниковъ, но не въ томъ видѣ въ какомъ предлагалъ ихъ проектъ. По мысли графа, *управленіе* высшее и мѣстное должно сосредоточиться въ министерствахъ съ одной и губернскихъ установленіяхъ съ другой стороны; главный же мѣстный *надзоръ* долженъ быть ввѣренъ намѣстникамъ, причемъ должность ихъ должна организоваться такъ чтобъ они не могли задерживать дѣйствія высшихъ и низшихъ исполнительныхъ властей.

Мнѣніе графа Гурьева, кажется, возымѣло надлежащее дѣйствіе въ высшихъ сферахъ управленія. По крайней мѣрѣ правительство въ принципѣ отказалось отъ мысли сдѣлать изъ намѣстниковъ органы высшаго управленія и стремилось превратить ихъ въ орудія главнаго мѣстнаго надзора. Кромѣ того, правительство пришло еще къ тому важному заключенію что теоретическая разработка этого важнаго вопроса не можетъ принести той пользы какъ указанія опыта.

Вслѣдствіе этого, въ 1819 году, генераль-адъютанту Балашову высочайше повелѣно было взять въ свое завѣдываніе пять губерній (Рязанскую, Тульскую, Орловскую, Воронежскую и Тамбовскую), съ тѣмъ чтобъ „онъ доказалъ возможность примѣненія на дѣлѣ проекта о намѣстничествахъ“. Балашовъ началъ дѣйствовать только съ 1823 года, и въ теченіе трехъ лѣтъ представлялъ свои соображенія и проекты. Въ то же самое время графъ Сперанскій (въ 1821 г.) составилъ свой проектъ преобразованія мѣстныхъ учреждений. Этотъ проектъ показываетъ какъ мало можно было сдѣлать изъ генераль-губернаторской должности, и въ какой степени разошлась уже она съ общими губернскими установленіями.

Императоръ Александръ I, поручая Балашову въ 1819 году пять губерній, изложилъ ему свой взглядъ на должность на-мѣстника. Сущность этого взгляда заключается въ слѣдую-щемъ. При восшествіи своемъ на престолъ, императоръ замѣтилъ что внутреннее управленіе соединено въ лицѣ гене-ралъ-прокурора и подъ его всеобщимъ надзоромъ раздроб-лено на нѣсколько десятковъ мѣстныхъ управленій. Такое соединеніе власти въ высшихъ сферахъ и раздробленіе ея въ низшихъ сопряжено со значительными неудобствами. Посе-му императоръ призналъ за благо подраздѣлить государствен-ное управленіе: съ этою цѣлію учреждены министерства, ко-митетъ министровъ, преобразованъ государственный совѣтъ. Для довершенія же преобразованія необходимо учрежденіе генералъ-губернаторовъ. Новые генералъ-губернаторы долж-ны отличаться отъ намѣстниковъ Екатерины II. Послѣдніе, по мнѣнію императора, слишкомъ были обременены подвѣдом-ственными имъ дѣлами (то-есть заняты были *управленіемъ*, въ собственномъ смыслѣ) и оттого имѣли мало времени занимать-ся тѣми которыя, по обстоятельствамъ или ихъ усмотрѣнію, должны были привлечь ихъ особенное вниманіе. Затѣмъ им-ператоръ слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ соотношеніе разныхъ частей администраціи. „Министры, по обязанности своей, должны давать направленіе каждой своей части, а под-вѣдомственныя мѣста и лица въ губерніяхъ должны дѣлать распоряжки и исполненія по предписаніямъ министровъ на основаніи законовъ и уставовъ, генералъ-губернаторъ же всегдашній наблюдатель всякаго распорядка и всякаго испол-ненія въ порученныхъ ему губерніяхъ, или ежеминутный инспекторъ всѣхъ частей внутренняго управленія въ его округѣ.“ Для помощи генералъ-губернатору полагался совѣтъ.

На основаніи этой инструкціи и проекта Балашовъ на-чалъ дѣйствовать во вѣреннхъ ему губерніяхъ. При этомъ онъ постепенно выработывалъ проектъ генералъ-губернатор-скаго управленія, которое, по волѣ императора, предполагалось распространить на всю Имперію, если опытъ пяти гу-берній вѣреннхъ Балашову окажется удачнымъ.

Основныя начала проекта Балашова сходны съ тѣми ко-торыя мы видѣли въ замѣчаніяхъ графа Гурьева и инструк-ціи Александра I, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями.

Генералъ-губернаторы, писалъ Балашовъ, должны быть

безпрерывными инспекторами всѣхъ частей управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ главными начальниками полиціи.

Министры направляютъ дѣятельность подчиненныхъ властей, а генераль-губернаторъ наблюдаетъ за исполненіемъ предписаній высшаго правительства. Въ такомъ видѣ, говорить онъ, генераль-губернаторы *не могутъ быть неприятны министрамъ и бесполезны службѣ*. Польза, ожидаемая отъ генераль-губернаторской должности, состояла въ томъ что они будутъ наблюдать „чтобы министерскія части одна другой не вредили, а ни которая никакого свыше мѣры предписанной не стѣсняла“.

Устраняя генераль-губернаторовъ отъ дѣйствительнаго управленія, Балашовъ, по необходимости, долженъ былъ признать самостоятельность губернаторовъ. „Губернаторъ, говорить онъ, есть хозяинъ своей губерніи и, слѣдовательно, его *надзору* подлежать должны распорядки по предписаніямъ гг. министровъ по ихъ частямъ; но по исполнительной части онъ находится самъ подъ главнымъ надзоромъ генераль-губернатора и, какъ по той обязанности, такъ и по другой, долженъ состоять подъ повелѣніемъ комитета министровъ.“ Переводя эти слова на болѣе понятный языкъ, выходитъ слѣдующее. Губернаторъ есть *хозяинъ* губерніи, слѣдовательно вся отвѣтственность за внутреннее управленіе лежитъ на немъ. На немъ же лежитъ надзоръ за исполненіемъ законовъ и министерскихъ предписаній въ низшихъ установленіяхъ. Но по скольку онъ самъ исполнительная власть, его дѣйствія подлежатъ двойному контролю—генераль-губернатора и комитета министровъ, то-есть двухъ установленій, которыя сами не весутъ прямой отвѣтственности за порядокъ внутренняго управленія, но могутъ стѣснять своими распоряженіями лицо прямо отвѣтственное за этотъ порядокъ. Балашовъ очень опредѣленно выражается объ отличіи генераль-губернаторской и губернаторской отвѣтственности. Последняя, какъ власть управляющая, отвѣчаетъ за то „правильно ли онъ распорядилъ или исполнилъ“, а генераль-губернаторъ, какъ власть надзирающая, за то „не допустилъ ли онъ въ молчаніи и въ невзысканіи неправильнаго распорядка или исполненія“. Итакъ, заключаетъ Балашовъ, я полагаю управленіе лежащимъ на губернаторѣ, а надзоръ за управленіемъ и за самимъ губернаторомъ лежащимъ на генераль-губернаторѣ.“

Мы ничего не имѣли бы противъ этой легкой и пріятной обязанности, еслибъ она не парализовала дѣятельность лица на которомъ лежитъ вся серьезная часть администраціи. Балашовъ самъ сознается что отвѣтственность устраиваемая имъ для губернатора тяжеле той которую онъ возлагаетъ на генераль-губернатора. „Отвѣтственность губернаторская, говоритъ онъ, возможна при одной только, много при двухъ губерніяхъ, иначе замедлитъ крайне теченіе дѣлъ; отвѣтственность же генераль-губернаторская, допускаетъ подъ надзоръ *неопредѣлительное* число губерній.“ Но очевидно что надзоръ, о которомъ говорилъ Балашовъ, можетъ съ удобствомъ быть сосредоточенъ въ лицѣ правительствующаго сената и министра внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе что тогда только администрація достигнетъ дѣйствительнаго единства. Замѣчательно что Балашовъ самъ высказалъ эту мысль.

„Въ государствѣ меньшей обширности, читаемъ мы у него, можетъ быть достаточно управленія однихъ губернаторовъ по губерніямъ, не составляя изъ нихъ округовъ или областей. Въ обширномъ государствѣ могутъ быть также такіе края которые не составляютъ цѣлой области или большаго округа, а губернію и даже менѣе оной. Въ сихъ случаяхъ нѣтъ нужды въ генераль-губернаторахъ, а достаточно одного губернатора, въ отношеніи къ которымъ министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ общую надъ всеми обязанность генераль-губернатора.“

Но еслибы Балашовъ допустилъ предположеніе что вся Имперія раздѣлена на мелкія губерніи, безъ соединенія ихъ въ округи, на чтѣ тогда нужна была бы должность генераль-губернатора?

Не удивительно что такой проектъ, основанный на противорѣчійхъ, не могъ получить одобренія законодательной власти. Балашова, конечно, нельзя винить въ этихъ несообразностяхъ; онъ зависѣли отъ несостоятельности самого учрежденія которое ему пришлось защищать, ему предстояло примирить учрежденіе министерствъ, какъ общей для всей Имперіи исполнительной власти, съ чрезвычайною должностію генераль-губернаторовъ. Удивительно ли что онъ не успѣлъ въ этомъ предпріятіи?

Несмотря на весь свой талантъ, самъ Сперанскій не могъ ничего сдѣлать въ этомъ отношеніи. Его проектъ есть обра-

зецъ политической ловкости, удачныхъ комбинацій, но онъ не достигаетъ своей цѣли.

Сперанскій принималъ въ своемъ проектѣ признанное уже правительствомъ основное положеніе что должность генералъ-губернатора состоитъ въ *надзорѣ* за мѣстнымъ управленіемъ. Но онъ понималъ также, лучше чѣмъ кто-либо другой, что нѣтъ возможности, въ такой сильной должности какова генералъ-губернаторская, провести границу между надзоромъ и управленіемъ. Поэтому онъ предполагалъ, сколько возможно, ослабить личное вліяніе генералъ-губернаторовъ на мѣстную администрацію, парализовать возможность личнаго произвола.

Онъ предполагалъ изъять генералъ-губернаторовъ изъ круга мѣстныхъ учреждений, что, какъ онъ справедливо доказывалъ, давно уже было сдѣлано на дѣлѣ. Поэтому должность генералъ-губернаторовъ должна быть отнесена къ кругу *государственныхъ* установленій. „Генералъ-губернаторъ есть не что иное какъ министерство, дѣйствующее на мѣстѣ и принадлежащее къ общему всѣхъ министерствъ составу, къ сенату. Такимъ образомъ министерское установленіе будетъ имѣть два вида: одинъ общій, въ коемъ всѣ дѣла раздѣляются по предметамъ, другой мѣстный, въ коемъ дѣла раздѣляются по округамъ. Изъ сего само собою уже слѣдуетъ, продолжаетъ онъ, что нѣтъ никакой причины давать сему установленію видъ средній, ни къ тому ни къ другому порядку не принадлежацій. Сей средній видъ въ многосложности управленія было бы нѣчто излишнее, а потому вредное.“

Такъ думалъ Сперанскій обойти важное затрудненіе представлявшееся составителямъ проекта, не допускать между мѣстнымъ и высшимъ управленіемъ никакихъ посредствующихъ властей. Сперанскій разрѣшаетъ этотъ вопросъ тѣмъ что относитъ генералъ-губернаторовъ къ государственнымъ (то-есть высшимъ) установленіямъ, и затѣмъ утверждаетъ что они не будутъ составлять никакой средней инстанціи, какъ будто перемѣна названія измѣняетъ сущность дѣла! Мало этого; генералъ-губернаторы дѣйствующіе какъ *средней* установленіе менѣе стѣсняли бы высшее правительство чѣмъ въ случаѣ возведенія ихъ на степень „министерства дѣйствующаго на мѣстѣ“.

По кончинѣ императора Александра I, эти проекты посту-

пили на усмотрѣніе новаго правительства. По высочайшему повелѣнію былъ составленъ особый комитетъ, который долженъ былъ окончательно рассмотреть дѣло о генералъ-губернаторахъ. Постановленія этого комитета вывели впервые вопросъ о мѣстномъ управленіи на настоящую дорогу, а потому они заслуживаютъ бѣльшаго вниманія.

VII.

Засѣданіе комитета, долженствовавшего рѣшить участь Балашовскаго проекта, происходило 7-го мая 1827 года. Результаты совѣщанія были весьма неблагопріятны для этого сановника. Образование округовъ, по мнѣнію комитета, дать каждому изъ нихъ значеніе отдѣльной отъ цѣлаго части или даже особаго владѣнія. Комитетъ полагалъ что въ политическомъ отношеніи это дѣленіе будетъ вредно, въ административномъ бесполезно. Учрежденіе намѣстниковъ нисколько не улучшило бы положенія губерній. Въ подтвержденіе этого заключенія, комитетъ привелъ весьма убѣдительные мотивы. Вотъ что мы читаемъ въ журналѣ его: „Твердость, единство и сила управленія зависятъ отъ совершенства установленій, отъ хорошаго выбора лицъ, а не отъ безмѣрной ихъ власти. Напротивъ того, эти установленія теряютъ свою силу и разрушаются, когда высшіе сановники (какъ сіе нерѣдко бывало) употребляютъ данныя имъ полномочія на то чтобы затруднять или останавливать законное теченіе дѣлъ и одинъ другому противодѣйствовать. Желанный порядокъ въ губерніяхъ тогда только учредится, когда будутъ поставлены точныя и единообразныя правила для всѣхъ мѣстъ управленія и суда, когда мѣста сіи зависѣтъ будутъ отъ одного центрального верховнаго правительства, которое бы руководствовало каждымъ по одинаковымъ началамъ и, такъ-сказать, единымъ движеніемъ.“

Комитетъ справедливо признавалъ эти начала годными для общаго государственнаго управленія. Къ сожалѣнію, онъ признавалъ слишкомъ обильныя исключенія изъ этого правила въ пользу разныхъ пограничныхъ губерній. Постороннія вліянія были слишкомъ сильны чтобы комитетъ могъ ихъ преодолѣть. Но нельзя не питать къ нему глубокой признательности за то что онъ далъ руководящія начала, которымъ рано

или поздно (дай Богъ чтобы не слишкомъ поздно) должны подчиниться всѣ русскія губерніи.

Начала эти просты и плодотворны. Они не только не ослаблены реформами настоящаго царствованія, но постоянно продолжаютъ развиваться.

Когда генераль-губернаторы были признаны неудовлетворительными органами надзора, такъ какъ при ихъ чрезмѣрной власти этотъ надзоръ переходилъ въ управленіе, законодательство ввѣрило главный надзоръ въ мѣстности губернатору. Это было правильное разрѣшеніе задачи. Такая власть, какъ губернаторская, удовлетворяя потребностямъ административнаго надзора, на сколько это нужно для поддержанія единства въ мѣстной администраціи, вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ перейти въ чрезвычайную политическую власть, уничтожающую значеніе другихъ установленій.

Всѣ отрасли мѣстной администраціи завѣдуются установленіями имѣющими свою опредѣленную степень власти. Отношенія губернатора къ нимъ различны. Онъ или наблюдаетъ только за порядкомъ производящихся въ нихъ дѣлъ, въ рѣдкихъ случаяхъ принимая участіе въ особенно важныхъ актахъ, или дѣйствуетъ чрезъ подвѣдомственные ему мѣста.

Въ такомъ смыслѣ начертанъ наказъ губернаторамъ въ 1837 г., когда вообще произошли важныя реформы въ мѣстномъ управленіи. *Наказъ* опредѣляетъ двоякую дѣятельность губернатора: какъ высшаго представителя власти и охранителя законовъ, и какъ администратора. Какъ представитель высшей власти, онъ предсѣдательствуетъ въ губернскомъ правленіи, которое и является непосредственнымъ органомъ высшаго правительства. Какъ блюститель порядка и законовъ, онъ пользуется правомъ ревизіи и непрерывнаго надзора. Какъ администраторъ, онъ до послѣдняго времени имѣлъ обширный кругъ дѣлъ, коими онъ завѣдывалъ чрезъ приказы общественнаго призрѣнія, строительныя, дорожныя и прочія комиссіи и комитеты, которыхъ было чрезвычайно много.

Такимъ образомъ *Наказъ* соединилъ въ лицѣ губернатора два элемента, до тѣхъ поръ разъединенные. Учрежденіе о губерніяхъ рассматривало его какъ *правителя*. Власть надзора принадлежала генераль-губернатору. Съ видоизмѣненіемъ этой должности нужно было подумать объ организаціи

надзора въ каждой губерніи, какъ этого желала императрица Екатерина. Естественнѣе всего было возложить его на губернатора. Но наше законодательство не сразу пришло къ такому разрѣшенію вопроса и лишь пройдя чрезъ Балашовскіе проекты убѣдилось въ возможности имѣть въ мѣстности представителя власти не парализующаго дѣятельности другихъ учреждений и организовать мѣстный надзоръ не переходящій въ управленіе.

Понятно что, при такомъ характерѣ мѣстнаго надзора, можно достигнуть двухъ важныхъ цѣлей: подчиненія всего управленія непосредственно высшему правительству и постепеннаго развитія самостоятельности мѣстныхъ установленій.

Законъ 1837 года представлялъ однако важные недостатки. Судебная власть не была освобождена отъ вліянія администраціи; сословное самоуправленіе не имѣло достаточной самостоятельности; участіе общества въ общихъ дѣлахъ мѣстнаго управленія было ничтожно.

Нынѣшнему царствованію принадлежитъ дальнѣйшее развитіе началъ мѣстнаго управленія. Судебная реформа 1864 года освободила судъ изъ-подъ вліянія администраціи. Судебныя учрежденія вовсе вышли изъ круга губернскихъ установленій. Введеніе земскихъ учреждений въ значительной степени сократило кругъ административныхъ дѣлъ подлежащихъ вѣдѣнію губернатора. Губернаторъ болѣе и болѣе получаетъ значеніе высшаго представителя власти и органа надзора, существованіе коего не должно препятствовать ни участію общества въ административныхъ дѣлахъ, ни самостоятельности другихъ учреждений.

Нынѣшнее губернское управленіе, вообще говоря, построено на твердыхъ оснваніяхъ. Нельзя не видѣть въ немъ задатковъ для еще лучшаго порядка вещей. Для полного его успѣха необходимо твердо держаться за самостоятельность земскаго и городского управленія, независимость и силу суда. Это требуетъ возможно большей свободы слова и печати и общается то счастливое положеніе вещей при которомъ сила государственной власти и твердость закона обусловливаются общественною свободой.

Такъ организованы губерніи управляемыя на *общемъ основаніи*. Губерніи съ *мѣстными особенностями* представляютъ иной порядокъ вещей.

А. ГРАДОВСКИЙ.

(До слѣд. №.)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ.

I.

Международные конгрессы, собирающіеся обыкновенно въ августъ и сентябрь, были особенно многочисленны въ нынѣшнемъ году. Изъ нихъ можно упомянуть о международномъ статистическомъ конгрессѣ въ Гагѣ, о международномъ конгрессѣ рабочихъ въ Базелѣ и о международномъ конгрессѣ мира въ Лозаннѣ; затѣмъ слѣдуетъ многочисленный рядъ конгрессовъ національных: конгрессъ союзовъ рабочихъ (*trades unions*) въ Бирмингамѣ, конгрессъ германскихъ рабочихъ ассоціацій въ Эйзенахѣ, конгрессъ департаментской печати въ Лионѣ, конгрессъ общества покровительства животнымъ въ Цюрихѣ, конгрессъ торговыхъ палатъ въ Генуѣ и пр. и пр. О національных конгрессахъ я скажу вамъ лишь нѣсколько словъ. Въ июльской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за нынѣшній годъ я сдѣлалъ очеркъ устройства союзовъ рабочихъ. Конгрессъ ихъ происходившій въ Бирмингамѣ не представилъ ничего особенно замѣчательнаго. Онъ принялъ нѣсколько резолюцій, изъ которыхъ одна относится къ огражденію капиталовъ союзовъ рабочихъ, — о чемъ нынѣ предложенъ билль въ парламентъ, — и къ отмѣнѣ послѣднихъ остатковъ закона противъ стачекъ. Дѣло идетъ главнымъ образомъ о распоряженіяхъ запрещающихъ стачкувшимся рабочимъ ставить часовыхъ вокругъ подвергнутыхъ запрещенію, мастерскихъ, для воспрепятствованія другимъ рабочимъ пробираться въ нихъ. Можно пожалѣть, какъ справедливо замѣчаетъ *Times*, что

конгрессъ] не воспользовался этимъ случаемъ для осужденія насилій, слишкомъ часто совершаемыхъ рабочими участвующими въ стачкахъ,—члены ли они союзовъ или нѣтъ,—противъ тѣхъ которые продолжаютъ работать. На основаніи другой резолюціи, конгрессъ присоединился къ *Международной ассоціаціи рабочихъ*, подѣ тѣмъ предлогомъ что рабочимъ различныхъ странъ необходимо придти въ соглашеніе между собою для опредѣленія цѣны на свой трудъ, такъ какъ, благодаря свободѣ коммерческихъ оборотовъ, торговля становится все болѣе и болѣе международною. Впрочемъ конгрессъ не выразилъ своего мнѣнія относительно коммунистическихъ ученій Международной ассоціаціи, и оставаясь въ этомъ отношеніи вѣрнымъ духу англійскаго народа, не пускался въ область теоріи. Другая резолюція была принята въ пользу сокращенія рабочаго дня до 8-ми часовъ. Значительное число американскихъ рабочихъ добилось уже, какъ извѣстно, этого сокращенія, но рынокъ труда въ Соединенныхъ Штатахъ находится въ подоженіи болѣе благоприятномъ чѣмъ въ Англіи; рукъ тамъ менѣе, а потому рабочіе поставлены въ условія гораздо болѣе для нихъ выгодныя. Наконецъ приняты были еще резолюціи относительно допущенія въ парламентъ представителей рабочихъ классовъ, заработная плата коихъ, по словамъ г. Марседена Латура, въ общей сложности превышаетъ огромную сумму 400.000.000 ф. ст. На основаніи документа представленнаго на другой конгрессъ, совершенно отличный отъ описываемаго, ежегодный доходъ всѣхъ классовъ англійской націи простирается до 814.000.000 ф. ст. Итакъ, если упомянутыя цифры вѣрны, рабочій классъ одинъ владѣетъ половиной доходовъ всей націи; другая половина распределяется между землевладѣльцами, предпринимателями промышленности и торговли, капиталистами, чиновниками и пр. Хотя союзы рабочихъ и очень богаты, но они не очень разщедрились на конгрессъ; въ общей сложности потрачено 12 ф. ст. 17 шилл. По принятіи предложенныхъ имъ резолюцій, члены конгресса мирно разошлись. Не то было съ конгрессомъ германскихъ рабочихъ ассоціацій въ Эйзенахѣ. Два вождя партій, гг. Лабкнехтъ и Швейцеръ, оба депутаты сѣверо-германскаго парламента, страшно поссорились между собой, и одинъ изъ нихъ даже прибѣгаулъ къ помощи полиціи. Поле сраженія осталось, наконецъ, за социалистами школы Лавалля,

принадлежащими къ Международной ассоціаціи. Въ заключительномъ засѣданіи, президентъ, г. Гайбе, сравнилъ движеніе рабочихъ съ восходящимъ солнцемъ, а будущіе результаты его съ золотыми плодами висящими на деревѣ. „Но, воскликнулъ онъ, садовникъ не можетъ пользоваться этими плодами, потому что змѣя преграждаетъ доступъ къ дереву. Змѣя эта—нынѣшнее общество, но, клянусь вамъ, мы сокрушимъ ее, и если будемъ лишены еще долѣе этихъ плодовъ нашего права и достоинства, то предпочтемъ, какъ истые революціонеры, повергнуть старое дерево подъ нашими ударами и на обломкахъ его посадить новое.“ Г-ну Гайбе, какъ справедливо было замѣчено, не мѣшало бы провести нѣсколько дней въ лѣсныхъ школахъ Германіи; онъ научился бы тамъ что новое дерево растетъ очень плохо на томъ мѣстѣ гдѣ было старое, и гдѣ остались его корни. Но Нѣмцевъ не останавливаютъ такія простыя истины, и изъ ихъ среды, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, появились самыя яростныя коммунисты на конгрессѣ Международной ассоціаціи.

Конгрессъ департаментской печати въ Лионѣ переноситъ насъ совершенно въ иную сферу. Оппозиція тамъ господствовала, но оппозиція эта въ огромномъ большинствѣ была консервативная и преимущественно легитимистская. Тамъ горячо ораторствовали за дѣло децентрализаціи; тамъ требовали расширенія круга дѣйствій общинныхъ и департаментскихъ администрацій насчетъ центральнаго правительства. Въ сущности, это только переимѣненіе власти. По моему мнѣнію, гораздо лучше было бы уменьшеніе вѣдѣтельности власти,—будь она правительственная, департаментская или общинная,—въ пользу инициативы отдѣльныхъ лицъ и частныхъ ассоціацій. Конгрессъ потребовалъ чтобы департаментскія собранія были организованы болѣе либеральнымъ образомъ, высказался въ пользу бельгійской организаціи; онъ потребовалъ также чтобы выборное начало примѣнено было къ назначенію меровъ. Наконецъ онъ въ особенности занимался положеніемъ печати. Онъ потребовалъ отмены штемпеля и привилегій коими пользуется маленькій *Официальный Журналъ*, не платящій ни за штемпель, ни за почтовую пересылку, свободы типографій и книжной торговли, справедливаго распредѣленія судебныхъ извѣщеній, составляющихъ нынѣ замаскированную субсидію

для официальных газетъ. Наконецъ онъ рѣшилъ чтобы была установлена „постоянная коммиссія провинціальной печати“ съ цѣлю наблюденія за выполненіемъ программы конгресса. О прочихъ національных конгрессахъ я не имѣю сообщить вамъ ничего особенно интереснаго, а потому и перехожу къ конгрессамъ международнымъ.

II.

Седьмая сессія международного статистическаго конгресса происходила въ Гагъ, между 6-мъ и 11-мъ сентября. Я самъ былъ на ней и, признаюсь вамъ откровенно, остался ею не совсѣмъ доволенъ. А между тѣмъ, на эту сессію собралось значительное число знаменитостей официальныхъ и иныхъ, и встрѣча, которую имъ сдѣлало голландское гостепріимство, не оставляетъ желать ничего болѣе. Ежедневно устраивались для нихъ банкеты, балы, иллюминаціи и фейерверки. Но если занимающимся статистикой было весело на конгрессѣ, то представляется вопросъ, какую выгоду извлечь для себя изъ этого сама статистика?

Для устройства статистическаго конгресса предстояли два рациональные и полезные способа. Впервыхъ, конгрессъ этотъ могъ быть чисто техническимъ собраніемъ завѣдующихъ официальною статистикой различныхъ цивилизованныхъ странъ. Подобно тому какъ директоры англійскихъ желѣзныхъ дорогъ имѣютъ обыкновеніе собираться для обсужденія вопросовъ общаго интереса (собранія эти перешли въ послѣднее время и на материкъ), завѣдующіе официальною статистикой различныхъ странъ могли бы съ успѣхомъ собираться правильно, для установленія нѣкотораго единообразія въ своихъ изслѣдованіяхъ, для болѣе удобнаго сравненія статистическихъ данныхъ въ различныхъ странахъ и для достиженія большаго согласія въ результатахъ, напримеръ, таможенной статистики и пр. Но чтобы собранія эти были дѣйствительно плодотворными, они должны имѣть характеръ простыхъ дѣловыхъ собраній, при которыхъ совершенно излишни всѣ цвѣточныя гирлянды и фейерверки, обыкновенно окружающіе вышніе конгрессы.

Или же конгрессъ долженъ быть ученымъ собраніемъ безъ всякаго официального характера, въ которомъ бы директоры

и прочіе чиновники статистическихъ бюро обсуждали вмѣстѣ съ учеными, занимающимися статистикой по призванію, небольшое число вопросовъ и сообщали другъ другу наиболѣе замѣчательные результаты работъ исполненныхъ со времени предшествовавшаго конгресса.

Но ни та, ни другая изъ этихъ системъ не была принята на конгрессѣ. Принята была система смѣшанная, существенно-бюрократическая по своей сложности, которая не представляетъ ни практическихъ выгодъ технического собранія, ни теоретической пользы ученаго конгресса. Статистическій конгрессъ раздѣлялся на пять отдѣленій, а именно: 1) теорія статистики и примѣненіе статистическихъ данныхъ; 2) статистика гражданскаго и коммерческаго судопроизводства; 3) финансы; 4) рыбная ловля и торговля; 5) статистика европейскихъ трансатлантическихъ владѣній. Каждому отдѣленію предстояло разсмотрѣніе нѣсколькихъ вопросовъ относящихся къ его специальности и составленіе доклада общему собранію. Но возможно ли было обсудить эти вопросы съ надлежащею полнотой въ краткій срокъ пяти, шести дней, и могли ли докладчики, принужденные дожидаться конца преній для начала своей работы и имѣвшіе въ своемъ распоряженіи одинъ, много два вечера, въ которые имъ съ большимъ трудомъ удалось освободиться отъ официальныхъ собраній и народныхъ праздниковъ, составить нѣчто полное и серьезное? Наконецъ чтеніе этихъ докладовъ должно было поглотить совершенно два общія собранія конгресса, не оставивъ во все времени для преній. Такъ дѣйствительно и случилось. Въ отдѣленіяхъ произошло нѣсколько интересныхъ, но, по необходимости, самыхъ сжатыхъ преній, между тѣмъ какъ, за исключеніемъ одного довольно живаго эпизода по поводу неотчуждаемыхъ имуществъ, общія собранія, посвященныя чтенію докладовъ и некрологическихъ свѣдѣній, были совершенно лишены интереса.

Въ первомъ отдѣленіи заслуживали вниманія пренія объ опредѣленіи и о границахъ статистики, относительно коихъ, конечно, соглашенія достигнуть не успѣли. Цѣль статистики весьма скромная, хотя необходимость ея очевидна: доставленіе матеріаловъ прочимъ нравственнымъ и политическимъ наукамъ, то-есть собраніе экономическихъ и социальныхъ фактовъ интересующихъ каждую изъ нихъ специально. Это „добываніе научныхъ матеріаловъ“ есть искусство гораздо

болѣе трудное чѣмъ оно кажется на первый взглядъ; не достаточно сгруппировать факты и цифры, необходимо оцѣнить ихъ по достоинству и не загромождать таблицъ ничтожными свѣдѣніями, какъ то дѣлаютъ большею частію, по старой рутинѣ, чиновники статистическихъ бюро, пропускающая безъ вниманія свѣдѣнія дѣйствительно полезныя. Такъ напримѣръ, когда дѣло идетъ о криминальной статистикѣ, то меня мало интересуетъ вычисленіе сколько преступленій совершено было женатыми людьми, и сколько вдовцами, но мнѣ интересно было бы знать, — о чемъ официальные статистики оставляютъ меня въ невѣдѣніи, — какъ велико число доказанныхъ преступленій совершителямъ коихъ удалось избѣжать наказанія, чтобъ я могъ составить себѣ настоящее понятіе о дѣйствительности карательной системы. Но несмотря на дѣйствительную важность статистическихъ изсѣдованій, занимающіеся статистикой не довольствуются этою необходимою, хотя и скромною обязанностью собирателей научныхъ матеріаловъ; они любятъ вторгаться въ область другихъ наукъ, и вотъ почему такъ трудно придумать опредѣленіе статистики которое бы ихъ удовлетворило. Прусскій уполномоченный, г. Энгель, объявилъ конгрессу что онъ собралъ уже 180 опредѣленій статистики; кому же, послѣ того, вздумалось бы придумывать еще 181-е? Вотъ почему докладчикъ отдѣленія пришелъ къ остроумному заключенію, которое впрочемъ и прежде высказалъ президентъ конгресса г. Виссерингъ, предложивъ предоставить каждому опредѣлять статистику по его усмотрѣнію.

Въ томъ же засѣданіи, г. Семеновъ представилъ прекрасный докладъ „о статистическихъ методахъ“. Иное впечатленіе произвели на меня тенденціи, обнаруженныя завѣдующимъ французскою статистикой г. Леуга. Г. Леуга съ особеннымъ удареніемъ говорилъ о неудобствахъ которыя сопряжены съ составленіемъ статистическихъ таблицъ данной категоріи различными вѣдомствами. Въ доказательство онъ привелъ статистику упомоушательства, составленную во Франціи двумя министерствами. Статистическія данныя обоихъ министерствъ оказались согласными, сказалъ г. Леуга, но еслибы случилось иначе, чтѣ подумали бы о статистикѣ? Она потеряла бы свою репутацію. Вотъ почему г. Леуга предложилъ внести въ резолюцію конгресса чтобъ „изсѣдованія по однимъ и тѣмъ же предметамъ были всегда произ-

водимы статистическимъ бюро при содѣйствіи администрацій заинтересованныхъ въ дѣлѣ. "Несомнѣнно что статистическое бюро, облеченное такимъ образомъ „монополіей изслѣдованій“ и не опасаясь никакой конкуренціи, никогда не можетъ быть уличено въ неточности собираемыхъ имъ свѣдѣній. Честь статистики останется неприкосновенною, но развѣ интересъ истины не долженъ стоять выше чести статистики?"

Пренія о средствахъ опредѣленія доходовъ какой-либо націи исключительно занимали третье отдѣленіе. Для достиженія этого результата существуютъ два метода: *методъ личный*, требующій исчисленія индивидуальнаго дохода жителей, и *методъ всецѣпый*, производящій коллективно оцѣнку различныхъ отраслей производства. Но до сихъ поръ и тотъ и другой далеко еще не достигли желанныхъ результатовъ, и если теперь въ точности извѣстны доходы правительствъ, то относительно доходовъ націй, налоги съ коихъ и составляютъ правительственный доходъ, приходится ограничиваться лишь приблизительнымъ вычисленіемъ. Въ Англіи, гдѣ подоходный налогъ позволяетъ съ бѣльшимъ удобствомъ пользоваться *личнымъ методомъ*, ежегодный доходъ націи, по вычисленію ученаго статистика, г. Доддея Баутера, простирается до 814 милл. ф. ст. Другой ученый, присутствовавшій на конгрессѣ, г. Вальпи, представилъ распредѣленіе налоговъ и мѣстныхъ поборовъ и пришелъ къ валовой цифрѣ 93 милл. ф. ст.; стало-быть, если мы допустимъ что налоги пропорціональны съ доходами каждаго изъ членовъ націи, каждому Англичанину приходится употреблять девятую часть своего дохода на содержаніе правительства. Хотя правительство въ Англіи статья очень дорогая, но я не думаю чтобы всѣ націи раздѣльвались съ нимъ такъ дешево, а статистика представляетъ намъ относительно этого интереснаго предмета самыя неточныя и запутанныя данныя. А между тѣмъ, какъ бы полезна была дѣльная, аналитическая статистика національнаго дохода! Впервыхъ, она показала бы намъ въ точности какой части нашего дохода стоить намъ правительство. Она показала бы намъ также вліяніе какое оказываютъ война, голодъ, покровительство національной промышленности и пр. на общественное богатство и слѣдовательно на благосостояніе всѣхъ и каждаго. Но статистика не дошла до этого; она довольствуется пока болѣе или менѣе вѣрнымъ исчисленіемъ

лицъ привозимыхъ изъ Франціи въ Англію; болѣе или менѣе вѣрнымъ, сказалъ я, ибо относительно этого пункта, такъ же какъ и относительно многихъ другихъ, статистика вѣншей торговли Франціи не всегда согласуется со статистикой вѣншей торговли Англіи. То Англія получаетъ менѣе лицъ чѣмъ Франція отправляетъ ихъ, то получаетъ ихъ болѣе. Кто же въ состояніи будетъ проникнуть въ тайны международной статистики?

Но я не намѣренъ обращать этотъ краткій очеркъ статистическаго конгресса въ номенклатуру вопросовъ и докладовъ, и перехожу къ эпизоду который оживилъ первое общее засѣданіе конгресса. Рѣчь шла о неотчуждаемыхъ церковныхъ имуществахъ. Вопросъ этотъ давно уже волнуетъ Бельгію и понемногу начинаетъ волновать Голландію. Это было тотчасъ же замѣчено изъ нѣсколько высокопарной рѣчи докладчика г. ванъ-Гюгенпота. „Я бы желалъ, воскликнулъ онъ, бесѣдовать съ вами о поэзіи, изящныхъ искусствахъ и литературѣ, но, господа, на моей лирѣ осталась только одна струна; я разорвалъ остальные собственными руками и горжусь этимъ. Вся жизнь моя посвящена святому дѣлу, и если я не въ состояніи доставить ему торжество, я завѣщаю его моему сыну, какъ самое лучшее мое наслѣдіе“ и т. д. Это дѣло есть упраздненіе неотчуждаемыхъ церковныхъ имуществъ. Названіемъ неотчуждаемыхъ имуществъ (*de main morte*) обозначается, какъ извѣстно, вообще всякая собственность изъятая изъ обращенія. Имущества государства и общины суть неотчуждаемыя. Тѣмъ же характеромъ отличаются майораты. Наконецъ церковная неотчуждаемая собственность состоитъ, во первыхъ, изъ имуществъ церкви и признанныхъ религіозныхъ учреждений, и таковая пользуется покровительствомъ закона; во вторыхъ, изъ имуществъ монастырей непризнанныхъ, и послѣдняя, подобно собственности англійскихъ *trades unions*, имѣетъ характеръ контрабанды и существуетъ помимо закона или наперекоръ ему. Требованіе, съ которымъ г. ванъ-Гюгенпотъ обратился къ конгрессу, состояло въ томъ чтобы выражено было желаніе въ пользу составленія статистики неотчуждаемыхъ имуществъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Статистику эту составить не легко, но крайней мѣрѣ относительно собственности корпорацій непризнанныхъ закономъ. Тѣмъ не менѣе конгрессъ выразилъ желаніе котораго у него требовали и,

по замѣчанію одного бывшаго народнаго представителя Франціи, г. Паскаля Дюпра, выразилъ его гораздо съ большимъ удареніемъ чѣмъ докладчикъ отдѣленія г. Роленъ Жакмейнсъ. Онъ постановилъ что свѣдѣнія о неотчуждаемыхъ имуществвахъ есть дѣло величайшей важности при настоящемъ положеніи Европы. Говоря откровенно, рѣшеніе это гораздо болѣе отзывалось предвзятою мыслью чѣмъ то сообразно со строгими требованіями науки, главное достоинство коей есть безпристрастіе. Въ этомъ постановленіи болѣе политуки чѣмъ статистики.

Разсмотрѣніе вопросовъ относящихся къ статистикѣ европейскихъ трансатлантическихъ владѣній не представило всего интереса какого можно было ожидать. А между тѣмъ въ пятомъ отдѣленіи были люди вполне способные дать точныя и полезныя свѣдѣнія о положеніи нидерландскихъ колоній и въ особенности о системѣ культуры господствующей на островѣ Явъ. Земли на островѣ Явъ, какъ и въ большей части восточныхъ странъ, принадлежать государству. Поселяне пользуются ею съ обязательствомъ воздѣлывать продукты значаемыя къ отпуску, какъ-то: сахаръ, кофе, индиго и пр. Эти продукты продаются потомъ въ счетъ государства нидерландскимъ торговымъ обществомъ *Handels Maatschappij*, и до послѣдняго времени правительство получало отъ нихъ чистаго дохода 30 милліоновъ гульденовъ. Теперь доходъ этотъ уменьшается, и въ нынѣшнемъ году, какъ слышно, ограничится 15-ю милліонами. Реформа такой системы земледѣлія, отягчающей населеніе, которое она держитъ въ положеніи рабства, стоитъ теперь въ Голландіи на очереди. Земли Яванской общины или *desa* раздѣлены между семействами ее составляющими, и это раздѣленіе производится и возобновляется соразмѣрно съ числомъ душъ, изъ коихъ состоятъ семейства, и стало быть сообразно съ количествомъ продуктовъ, которое они обязаны доставить въ уплату за пользованіе землей. Сверхъ того прежніе раджи, сохранившіе свою власть надъ селеніями и служащіе посредниками между правительствомъ и населеніемъ, взимаютъ свою часть, такъ что несчастные крестьяне буквально задавлены тяжестью этихъ двойныхъ поборовъ. Въ настоящую минуту изыскиваются средства превратить общинную собственность или, точнѣе, общинное право этихъ *desas* на пользованіе землей въ личную собственность и замѣнить поборы натурой поземель-

нымъ налогомъ. Не знаю, существуютъ ли на Явъ люди придающие какое-либо мистическое достоинство коммунистской системѣ *desa*, но ни по чему не замѣтно чтобы крестьяне слишкомъ дорожили ею; они очень скоро привыкаютъ къ личной собственности, и провинція Батавія, гдѣ собственность эта пріобрѣтаетъ перевѣсъ, есть самая цвѣтущая на островѣ. Въ 5-мъ отдѣленіи конгресса ограничались сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній объ увеличеніи населенія на островѣ Явъ. Увеличеніе это значительно. Населеніе Явы простирается нынѣ до 15 милл., и съ 1796 года оно удваивается каждыя 35 лѣтъ, такъ что представляетъ ежегодное приращеніе въ $2\frac{1}{2}\%$ —цифра, которой не достигаетъ ни одно изъ европейскихъ государствъ. Но увеличеніе населенія, взятое отдѣльно, отнюдь не тождественно съ увеличеніемъ благосостоянія. До голода, свирѣпствовавшаго въ Ирландіи въ 1847 году, населеніе этой страны возрастало также очень быстро и достигло цифры въ 8 милл. душъ, съ которой оно понизилось потомъ до 6 и даже до $5\frac{1}{2}$ милл., подъ соединеннымъ вліяніемъ голода, тифа и выселенія. При этомъ надо замѣтить что средній возрастъ на островѣ Явъ гораздо короче чѣмъ въ Европѣ и что особенно велика смертность между дѣтьми. Не видно ли въ этомъ характеристической черты невоольничества?

Одинъ изъ членовъ отдѣленія прочиталъ весьма неутѣшительную замѣтку о нынѣшнемъ состояніи Негровъ въ колоніяхъ и въ южныхъ штатахъ Американскаго Союза. Я только что получилъ весьма любопытное изслѣдованіе о положеніи хлопчатобумажной культуры на югѣ, составленное гг. Лорингомъ и Аткинсономъ изъ Бостона*, и это изслѣдованіе подтверждаетъ, къ несчастію, свѣдѣнія сообщенныя на конгрессѣ. Негры, какъ гласитъ это изслѣдованіе, оказываются неспособными къ правильному труду, а большею частію и къ самоуправленію; они предаются лѣности, не исполняютъ естественныхъ обязанностей относительно своихъ семействъ, и смертность между дѣтьми достигаетъ ужасающихъ размѣровъ. Число ихъ быстро уменьшается, и на нихъ нельзя уже разчитывать для обработки хлопка. Если на помощь не явится переселеніе, то производство хлопка, превышавшее цифру 5

* *Cotton culture and the South considered with reference to emigration.* By F. W. Loring and C. T. Atkinson. Boston.

милл. кипъ до войны, съ трудомъ достигнетъ 3 и даже 2½ милл. Результаты эти, конечно, весьма прискорбны, но доказываютъ ли они, какъ замѣтилъ одинъ изъ членовъ отдѣленія, что потребность, которую мы имѣемъ въ хлопкѣ, сахарѣ и кофе, даетъ намъ право обращать негровъ въ рабочихъ животныхъ? Они доказываютъ что освобожденіе могло бы быть произведено правильнѣе, что слѣдовало бы, можетъ-быть, въ-время принять нужныя предосторожности для снабженія колонистовъ и плантаторовъ необходимымъ продуктомъ, который называется трудомъ, путемъ переселенія или иначе, но результаты эти, повторяемъ снова, отнюдь не узаконяютъ рабства и не представляютъ ровно никакого аргумента противъ принципа освобожденія.

Два доклада—г. Бушена о статистикѣ налоговъ и г. Вешнякова о рыбныхъ ловляхъ—обратили на себя вниманіе. То же должно сказать и о предложеніи г. Вишерса, изъ Брюсселя, въ пользу общаго распространенія метрической системы, хотя система эта на практикѣ сопряжена съ нѣкоторыми недостатками, которые слѣдовало бы исправить прежде чѣмъ вводить ее въ общее употребленіе. Другое предложеніе г. Шадвика, о напечатаніи общей статистики военныхъ расходовъ, было также благопріятно принято конгрессомъ. Упомяну еще объ интересной замѣткѣ, представленной г. Рогльсомъ, американскимъ уполномоченнымъ, о производствѣ хлѣбныхъ растений во всемъ мірѣ. На основаніи этой замѣтки, Россія производитъ, на населеніе въ 68.097.025 душъ, 1.483.487.000 квинталовъ хлѣбныхъ растений или по 20,5 квинталовъ на человѣка; эта цифра самая высокая въ Европѣ, за исключеніемъ Даніи, производящей по 33,6 квинталовъ на человѣка, и Румыніи, гдѣ приходится на человѣка по 24 квинтала. Германія производитъ только по 17,3, Франція по 18,9, Англія по 12,6; наконецъ, самая низкая цифра принадлежитъ Швейцаріи, производящей по 6,8 квинталовъ на человѣка. Среднее производство во всей Европѣ по 16,5. Соединенные Штаты, по указанію г. Рогльса, произвели въ 1868 году, на населеніе въ 39 миллионъ душъ, 1.405.449.000 квинталовъ хлѣбныхъ растений или по 36 квинталовъ на человѣка,—цифра болѣе чѣмъ на треть превосходящая производство Россіи и слѣшкомъ на половину среднее производство Европы. Передаю вамъ эти цифры безъ повѣрки. Много другихъ документовъ, и между прочимъ, чрезвычайно остро-

умно составленныя графическія таблицы о движеніи населенія, были представлены конгрессу; каталогъ ихъ заключалъ въ себѣ не менѣе 812 статей. Конгрессъ рѣшилъ, по предложенію г. Кетле, почетнаго президента конгресса, которому возданы были вполнѣ заслуженные знаки уваженія, пополнить этотъ каталогъ обнародованіемъ международной статистики, которая имѣеть быть составлена при сотрудничествѣ уполномоченныхъ отъ правительствъ, приславшихъ своихъ представителей на конгрессъ въ Гагъ. Отъ души желаю успѣха этому изданію, хотя не совсѣмъ довѣряю такому официальному сотрудничеству.

Наконецъ конгрессъ приступилъ къ назначенію мѣста своего будущаго собранія, которое, вѣроятно, произойдетъ черезъ два года. Представители Россіи и Испаніи выказали относительно этого пункта живѣйшее соперничество. Но собраніе видимо склонялось на сторону Россіи, которая предложила безмездный переездъ по желѣзнымъ дорогамъ для уполномоченныхъ и ихъ семействъ. Итакъ почти достоверно что будущій статистическій конгрессъ соберется въ Петербургъ. Радуюсь за нашихъ журналистовъ, которымъ представится, наконецъ, случай познакомиться со страной, о которой они слишкомъ часто говорятъ какъ о внутренней Африкѣ до открытій совершенныхъ въ ней капитанами Спекомъ и Грантомъ и докторомъ Ливингстономъ.

III.

Конгрессъ *Международной ассоціаціи рабочихъ* въ Базелѣ отличался совершенно инымъ характеромъ чѣмъ вышеизложенный. Ядро статистическаго конгресса составляли официальные уполномоченные отъ правительствъ. Конгрессъ *Международной ассоціаціи* состоялъ изъ людей желающихъ низвергнуть правительства и совершенно извратить общество. Число ихъ было не велико: ихъ набралось всего 75 человекъ, а число слушателей, состоявшихъ изъ добрыхъ гражданъ города Базеля и нѣсколькихъ журналистовъ, было еще незначительнѣе. Личный составъ былъ тотъ же что собирався въ Лозаннѣ два года тому назадъ и въ Брюсселѣ въ прошедшемъ году; идеи и рѣчи были тѣ же. Вслѣдствіе этого, чтобы не затягивать настоящей статьи, я попрошу читателей

заглянуть въ прошлогодній отчетъ мой о Брюссельскомъ конгрессѣ,* а теперь ограничусь только указаніемъ главныхъ вопросовъ которыми занимались въ Базелѣ.

Вопросовъ этихъ было три; два вопроса теоретическіе,—собственность и наслѣдство, и одинъ практической—распространеніе на материкѣ англійскихъ *trades unions*. Прежде всего скажу нѣсколько словъ о составѣ и духѣ конгресса. Собраніе было насколько возможно международное; тамъ было много Нѣмцевъ, нѣсколько Бельгійцевъ, Французовъ, Англичанъ, Итальянцевъ и одинъ Русскій—г. Бакунинъ. Были тамъ коммунисты и коллективисты, набранные преимущественно изъ Нѣмцевъ и Бельгійцевъ, со включеніемъ г. Бакунина, и индивидуалисты, большею частью Французы, которые, что очень куріозно, хвастаются въ Парижѣ что они коммунисты и что ведутъ борьбу съ экономистами-индивидуалистами. Признаюсь вамъ что я напрасно старался найти разницу между коммунистами и коллективистами. Тѣ и другіе дѣйствовали заодно, когда рѣчь шла о нападеніи на личную собственность: они различаются только способомъ организациі общества возрожденнаго посредствомъ отгнѣны личной собственности и социальной ликвидаці. Они составляли главнымъ образомъ господствующій элементъ конгресса что и доказали, утвердивъ большинствомъ 54 голосовъ противъ 4 постановленіе объ отгнѣнѣ личной собственности.

Кто же будетъ собственникомъ? Государство. Но не такое государство, присовокупилъ одинъ нѣмецкій коммунистъ г. Эккаріусъ, какъ понимаютъ его нѣкоторые Французы, съ императоромъ въ жандармскихъ ботфортахъ, но государство демократическое, которое устроитъ эксплуатацію почвы и промышленности въ интересахъ каждаго и на основаніяхъ равенства. По словамъ другаго коммуниста, Англичанина г. Люкрафа, эта эксплуатація вспомоцествуемая паромъ обнаружитъ чудное развитіе и плодотворность. Земледѣльческія паровыя машины совершенно замѣнятъ, наконецъ, трудъ человѣка, правительство будетъ только направлять этотъ механическій снарядъ и распределять плоды его между населеніемъ, которое, избавившись отъ большей части матеріальнаго труда по производству, въ состояніи будетъ почти исключительно заниматься своимъ умственнымъ и

* См. Русскій Вѣстникъ 1868 г. № 10.

вравотвеннымъ развитіемъ. Другіе ораторы, менѣ доврчи-
вые къ государству, отказываютъ ему въ роли главнаго
распорядителя производствомъ; они желаютъ чтобы земля и
матеріалъ производства, отнятые у ихъ владѣльцевъ путемъ
соціальной ликвидаціи, были розданы общинамъ и свобод-
нымъ ассоціаціямъ. Какимъ образомъ совершится эта соці-
альная ликвидація? Послушаемъ что говорить по этому пред-
мету г. Бакунинъ. „Отъ обстоятельствъ будетъ зависѣть,
сказалъ онъ, совершится ли эта ликвидація мирно или нѣтъ.
Еслибы рабовладѣльцы приняли, до начала войны, скром-
ныя условія имъ предложенныя, то они были бы щедро
вознаграждены за потерю своихъ невольниковъ, и вопросъ
разрѣшился бы безъ вмѣшательства меча. Они отвергли по-
любовную ликвидацію, и у нихъ отняли ихъ собственность
силой!“ Вотъ предостереженіе собственникамъ Стараго Свѣ-
та! Объ устройствѣ общинъ и ассоціацій, въ руки коихъ бу-
дутъ переданы земля и матеріалъ производства, ораторы-
коммунисты и коллективисты представили намъ самыя смутныя
соображенія. Мы знаемъ только что равенство будетъ соблю-
даемо при распредѣленіи продуктовъ и что, напримѣръ, рен-
та съ земли, если только земля еще будетъ давать ренту,
должна обратиться въ коллективную собственность (рѣчь г.
Цезаря де-Пене въ Брюсселѣ). Таковъ по крайней мѣрѣ об-
щій смыслъ резолюцій принятыхъ на конгрессѣ.

Вы, конечно, замѣтите что, подъ предлогомъ прогресса, ре-
золюціи эти приводятъ насъ къ положенію общества очень
старинному и ужь никакъ не прогрессивному. Я говорилъ
выше объ организаціи собственности на островѣ Явѣ. Не
поражаетъ ли васъ сходство коллективной собственности
какъ объясняли оную въ Базелѣ, съ системой господствующею
на островѣ Явѣ, которая, однако, не составляетъ счастія
Яванцевъ? Сколько ни говорите что собственность будетъ
принадлежность всѣмъ, но *всѣ* только абстрактъ, кото-
рый не можетъ практически проявиться иначе какъ въ госу-
дарствѣ. Не будетъ ли это государство—единственный и все-
общій собственникъ—облечено самымъ громаднымъ могуще-
ствомъ? Чѣмъ сдѣлаются отдѣльныя лица, ихъ права и
вольности въ присутствіи такого чудища? Не будетъ ли это,
подъ предлогомъ прогресса, возстановленіе восточнаго деспотизма,
съ одной стороны, и самаго тягостнаго рабства,
съ другой?

Вотъ еще любопытное обстоятельство свидѣтельствующее что члены конгресса не совсѣмъ въ ладу съ логикой: постановивъ отмѣну личной собственности, они большею частью отказались, несмотря на убѣдительное краснорѣчіе г. Бакунина, постановить отмѣну наслѣдства. Итакъ личная собственность упразднена, но крайней мѣрѣ теоретически, но наслѣдство существуетъ! Такое противорѣчіе обоихъ постановленій было объяснено довольно оригинально французскимъ уполномоченнымъ г. Мюра. Къ чему, сказалъ онъ, упразднять наслѣдство, когда мы становимся въ положеніе социальнаго равенства, при которомъ никому изъ насъ нечего будетъ передавать по завѣщанію? Аргументъ найденъ былъ совершенно удовлетворительнымъ, и вотъ почему собраніе сочло излишнимъ постановлять упраздненіе наслѣдства.

Не стану повторять вамъ всѣхъ нецѣлостей которыя привели къ означенному результату. Обсужденіе ихъ до того затянулось что конгрессъ близился уже къ концу, когда порѣшены были вопросы о собственности и наслѣдствѣ, такъ что не осталось времени для обсужденія стоявшаго также на очереди вопроса о кредитѣ. Многие члены высказывали свое неудовольствіе что конгрессъ такъ бесплодно расточаетъ отмѣренное ему время. Нѣкто г. Либкнехтъ, Нѣмецъ, сдѣлалъ даже нѣсколько весьма дѣльныхъ замѣчаній противъ этихъ нескончаемыхъ преній о собственности и противъ по меньшей мѣрѣ ребяческаго притязанія порѣшить этотъ вопросъ постановленіемъ конгресса. „Всѣ аргументы выставляемые съ той и другой стороны, сказалъ онъ, хорошо извѣстны тѣмъ кто болѣе двадцати лѣтъ занимается этимъ вопросомъ; не высказано было ни одного новаго аргумента, и конгрессъ могъ бы проговорить цѣлые мѣсяцы и годы и все-таки не уладилъ бы разногласія взглядовъ господствующихъ въ его средѣ. Намъ предстоитъ обсудить другіе предметы; перейдемъ къ практическимъ вопросамъ; одинъ практическій пенни, говорить англійская пословица, дороже теоретической сотни фунтовъ стерлинговъ. Предоставимъ печати разъясненіе этого спора; преимущественно же устранимъ отъ себя желаніе рѣшать этотъ вопросъ постановленіемъ, ибо это значило бы ставить себя въ такое же смѣшное положеніе въ какое нѣкогда поставила себя коллегія кардиналовъ, постановившая большинствомъ голосовъ что солнце обращается около земли.“

Конгрессъ не послушался добраго совѣта г. Либкнехта и

постановилъ что солнце обращается около земли; но наконецъ, въ своемъ послѣднемъ засѣданіи, онъ приступилъ къ практическому вопросу, бывшему настоящею цѣлю конгресса, то-есть къ распространенію *trades unions* на материкъ.

Безъ сомнѣнія, въ устройствѣ *trades unions*, достигшихъ огромнаго развитія въ Англіи, есть полезная сторона, которую я имѣлъ уже случай поставить на видъ. Трудъ, какъ часто повторяли, есть такой же товаръ какъ и всѣ другіе, цѣна на который повышается и понижается согласно съ закономъ о предложеніи и спросѣ. Только, благодаря посредникамъ, ставшимъ между производителемъ и потребителемъ и организовавшимъ во времени и въ пространствѣ продажу продуктовъ, дѣйствія закона о спросѣ и предложеніи приобрѣтаютъ правильность. Когда, напримѣръ, сахаръ и кофе изобилуютъ на рынкѣ, то негоціанты, занимающіеся торговлей этими предметами, складываютъ ихъ въ магазины или перевозятъ на другіе рынки, гдѣ подвозъ ихъ не такъ великъ, а спросъ дѣятельнѣе. Гласность вполне организованная, освѣщающая всѣ рынки *a giorno*, служитъ имъ руководительницей, и такимъ образомъ всѣ товары стремятся непрерывно помѣститься на тѣхъ рынкахъ, гдѣ спросъ на нихъ значительнѣе, то-есть гдѣ они полезнѣе и гдѣ можно ихъ продать по болѣе выгодной цѣнѣ. Относительно работы организація эта еще не существуетъ, или находится только въ зародышѣ, вслѣдствіе ли естественныхъ затрудненій, которыя долгое время препятствовали перемѣщенію рабочихъ, или вслѣдствіе искусственныхъ преградъ, которыя полагали такому перемѣщенію законы или международныя предубѣжденія. Рабочіе принуждены были довольствоваться рынками находящимися у нихъ подъ рукой; большія затрудненія представляли также фабрикантамъ, которымъ необходимо было добыть себѣ рабочихъ изъ мѣстностей нѣсколько отдаленныхъ для пополненія ихъ личнаго состава. Словомъ, не было посредника, который бы могъ оказать тѣмъ и другимъ услугу подобную той какую оказываетъ торговля производителямъ и потребителямъ. Правда, въ нѣкоторыхъ большихъ центрахъ промышленности завелись *сводчики* (*marchands*), служащіе посредниками между рабочими и хозяевами, и устроились бюро помѣщеній, принимающія на себя обязанность доставлять занятіе рабочимъ и работу предпринимателямъ промышлен-

ности; но подъ вліяніемъ социалистскихъ ученій и предразсудковъ враждебныхъ посредникамъ, рабочіе смотрятъ на сводчиковъ неблагопріятно, считая ихъ дармовѣдами, а бюро помѣщеній, управляемая большею частію людьми сомнительной нравственности, исполняютъ свою обязанность далеко неудовлетворительно. Пробѣлъ этотъ было бы полезно пополнить, какъ въ интересѣ предпринимателей промышленности, которые главнымъ образомъ нуждаются въ правильномъ запасѣ труда, такъ и въ интересѣ рабочихъ, которымъ нужно помѣстить свой трудъ при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, и пробѣлъ этотъ можетъ быть пополненъ только организаціей и развитіемъ торговли трудомъ, которая располагала бы капиталами и пользовалась содѣйствіемъ гласности, какъ и прочія отрасли торговли. Союзы рабочихъ, основавшіеся сначала съ совершенно иною цѣлію, то-есть съ цѣлію вести войну противъ хозяевъ и предписывать имъ законы при назначеніи заработной платы, стали принимать на себя эту полезную обязанность, съ тѣхъ поръ какъ опытъ доказалъ имъ все безсиліе забастовокъ и подобныхъ тому комбинацій. У нихъ есть справочное бюро, которое сообщаетъ имъ свѣдѣнія о положеніи рынка труда ихъ профессіи; они выдаютъ своимъ членамъ ссуды для содѣйствія полезному перемѣщенію ихъ внутри страны или переселенію въ чужіе края и пр. Нѣкоторые пошли еще далѣе: они входятъ прямо въ сношенія съ предпринимателями промышленности; они заключаютъ съ ними контракты на опредѣленный срокъ, и предприниматели, такъ же какъ и рабочіе, находятъ въ этомъ свою выгоду, ибо первымъ обезпечивается необходимая для нихъ работа, а послѣднимъ вѣрное помѣщеніе ихъ труда на все время продолженія контракта. Союзы рабочихъ, конечно, пойдутъ далѣе по этому пути, если они будутъ признаны закономъ, и недалеко уже то время когда предприниматели промышленности перестанутъ обращаться прямо къ рабочимъ для покупки у нихъ труда въ розницу, а будутъ покупать *оптомъ* у посредниковъ этотъ необходимый для нихъ продуктъ, какъ они покупаютъ *оптомъ* свое суровье, хлопокъ, ленъ, шерсть, вмѣсто того чтобы покупать его въ розницу у производителей. Можно даже предположить что со временемъ въ этихъ сдѣлкахъ приметъ участіе кредитъ, и что снабженіе трудомъ будетъ уплачиваться, подобно всѣмъ прочимъ снабженіямъ, векселями подле-

жащими учету. Рабочие, производители труда, съ своей стороны, найдутъ въ этомъ тѣ выгоды которыя торговля доставляетъ всѣмъ прочимъ производителямъ, рынокъ болѣе обеспеченный, заработную плату болѣе однообразную, если не болѣе высокую, и гарантію противъ всякой попытки къ частной эксплуатаціи въ мѣстностяхъ, гдѣ находится одинъ только предприниматель или незначительное число таковыхъ. Но мы еще не дошли до этого, и надо сказать правду, улучшения, которыя развитіе торговли трудомъ могло бы внести въ положеніе рабочихъ классовъ, покажутся недостаточными для рабочихъ пропитанныхъ социалистскими и коммунистскими теоріями и вслѣдствіе того убѣжденныхъ что въ руководствѣ предприятиями капиталъ долженъ быть подчиненъ труду, что его даже слѣдуетъ принудить къ безмездному доставленію услугъ, и что всѣ результаты производства должны принадлежать рабочимъ. Вотъ почему, на ихъ глаза, союзы рабочихъ и „общества сопротивленія или поддержанія цѣнъ“, существующія уже во Франціи и въ Бельгіи, не чтѣ иное какъ боевыя машины, которыми должно пользоваться, насколько возможно, для предписанія закона хозяевамъ, устраивая стачки и забастовки въ громадныхъ размѣрахъ, до тѣхъ поръ пока социальная революція не представитъ возможности измѣнить организацію промышленности и общества. Такова, по крайней мѣрѣ отчасти, идея руководившая въ Англіи устройствомъ рабочихъ союзовъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Нынѣ желается сдѣлать это орудіе войны болѣе дѣйствительнымъ, распространивъ его посредствомъ федераціи союзовъ рабочихъ или обществъ сопротивленія. Главой этой федераціи естественно должна быть *Международная ассоціація рабочихъ*. Вотъ резолюціи которыя были предложены и приняты въ этомъ смыслѣ:

„Конгрессъ выражаетъ мнѣніе что всѣ рабочіе должны дѣятельно стараться объ устройствѣ обществъ сопротивленія (*trades unions*) въ различныхъ отрасляхъ труда.

„По мѣрѣ того какъ общества будутъ формироваться. онъ пригласяетъ отдѣленія, федеральныя группы и центральныя совѣты сообщать о томъ обществамъ той же корпораціи, дабы вызвать сформированіе международныхъ ассоціацій въ какой-либо отрасли труда.

„Этимъ федераціямъ будетъ поручено собирать всѣ свѣдѣнія интересующія отрасли промышленности къ коимъ они

относятся, указывать мѣры которыя слѣдуетъ принимать для правильной организаціи стачекъ и неуклонно стараться объ ихъ успѣхѣ, въ ожиданіи того когда салиаріатъ замѣнится федераціей свободныхъ производителей.

„Конгрессъ приглашаетъ сверхъ того генеральный совѣтъ быть посредникомъ союза обществъ сопротивленія.“

Цѣль къ которой стремится Международная ассоціація, и которую указываютъ эти резолюціи, есть покрытие Европы сѣтью обществъ сопротивленія, нити которой сосредоточивались бы у нея въ рукахъ до тѣхъ поръ „пока салиаріатъ не будетъ замѣненъ федераціей свободныхъ производителей“; цѣль эта, очевидно, не будетъ достигнута, но тѣмъ не менѣе справедливо что идея войны, руководящая нынѣ устройствомъ *обществъ сопротивленія*, можетъ возбудить многочисленныя столкновения, вызвать кровавыя схватки, подобныя тѣмъ которыя происходили въ каменноугольныхъ бассейнахъ Шарльруа и Дуары, и значительно ухудшить бытъ рабочихъ. Но мало-по-малу опытъ окажетъ свое вліяніе, и при содѣйствіи ученія экономистовъ (хотя я и не ослѣпленъ относительно дѣйствія этого ученія), рабочіе поймутъ наконецъ что они первые становятся жертвами этого положенія войны. Общества сопротивленія вступать наконецъ на тотъ путь который уже пролагаютъ себѣ англійскіе союзы рабочихъ, и отъ всего бурнаго движенія, грозящаго, повидимому, существованію общества, останется, вѣроятно, только полезное устройство и развитіе *торговли трудовъ*.

Въ послѣднемъ засѣданіи, одинъ американскій уполномоченный, г. Камеронъ, явился отъ имени своихъ соотечественниковъ предложить союзъ братства рабочимъ Старога Свѣта. Говоря о политическомъ положеніи Соединенныхъ Штатовъ, онъ выразилъ желаніе чтобы рабочіе образовали особую партію, какъ въ Новомъ, такъ и въ Старомъ Свѣтѣ. Вопросъ объ эмиграціи долженъ быть улаженъ соединенными усиліями Международной ассоціаціи и *союзомъ рабочихъ* въ Соединенныхъ Штатахъ, имѣющимъ уже до 800.000 членовъ. Для американскаго рабочаго, присовокупилъ онъ, европейскій переселенецъ будетъ желаннымъ гостемъ, съ тѣмъ однако условіемъ чтобы, по прибытіи своемъ, онъ не принималъ стороны хозяевъ противъ рабочихъ, какъ то случилось слишкомъ часто. Въ заключеніе г. Камеронъ пригла-

шилъ членовъ Международной ассоціаціи на конгрессъ Союза рабочихъ, имѣющій быть въ Цинциннати въ 1870 году.

Послѣ этой рѣчи и этого приглашенія, вызвавшихъ восторженныя рукоплесканія, президентъ г. Йонгъ объявилъ конгрессъ закрытымъ, и собраніе разошлось съ криками: „Да здравствуетъ республика демократическая и социальная!“

IV.

Лига мира и свободы была основана два года тому назадъ, съ цѣлю соединить вмѣстѣ, подѣ предлогомъ мира, всѣ знаменитости демократической партіи въ Европѣ и содѣйствовать соглашенію между ними, на случай еслибы вспыхнула новая революція въ родѣ революціи 1848 года. Основатели Лиги избрали миръ своею вывѣской. Вывѣска эта нисколько ихъ не компрометируетъ, да еще въ добавокъ весьма популярна въ настоящую минуту. Но замѣтимъ что главный штабъ Лиги революціонный, и зпитеть этотъ не совѣмъ тождественъ миролюбію. Его политическій идеалъ — европейская республика, основанная по образцу Соединенныхъ Штатовъ. Что касается до социальнаго вопроса, которымъ почти исключительно занимались въ Базелѣ,—замѣтимъ мимоходомъ что чистые социалисты не слишкомъ обращаютъ вниманіе на политическіе вопросы, которые считаются у нихъ второстепенными,—то руководители Лиги мира и свободы отодвигаютъ его, въ свою очередь, на второй планъ; они охотно бы устранили его совѣмъ, еслибы не боялись разладить съ социалистами. Словомъ, они преемники якобинцевъ, для которыхъ главная цѣль—замѣна монархическаго правленія республиканскимъ, между тѣмъ какъ наши коммунисты и социалисты берутъ свое начало отъ Бабефа, которому якобинцы отрубили голову. Очевидно что, по мнѣнію этихъ странныхъ друзей мира, республика можетъ установиться только посредствомъ войны, но наиболѣе ловкіе изъ нихъ не высказываютъ своей идеи, и только одни простодушные, каковъ на примѣръ г. Викторъ Гюго, имѣютъ неосторожность сознаваться въ этомъ. Какъ бы то ни было, Лига мира и свободы была открыта два года тому назадъ съ большою торжественностью, подѣ покровительствомъ генерала Гарибальди. Аспромонтскій герой разыгрывалъ въ Женевѣ роль

„феномена“, которымъ привлекають толпу на ярмаркахъ; но, къ несчастію, этому феномену позволили разглагольствовать, и необузданность его рѣчи показалаь добрымъ Жевецамъ такимъ соблазномъ что канперскаго отшельника пришлось выводить до конца представленія. На лозанскомъ конгрессѣ „феноменомъ“ былъ г. Викторъ Гюго, который держалъ себя приличнѣ генерала Гарибальди и оставался до конца. Я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія унижать достоинства г. Виктора Гюго. Онъ замѣчательный поэтъ, и нѣтъ ему равнаго въ искусствѣ построенія звучныхъ фразъ. Но несмотря на все его претензіи, поддерживаемыя поклоненіемъ его семейства и близкихъ людей, онъ отнюдь не политическій чело-вѣкъ. Онъ былъ горячимъ легитимистомъ во время реставраціи, перомъ Франціи при Лудовикѣ Филиппѣ, умѣреннымъ республиканцемъ въ началѣ февральской республики, потомъ бонапартистомъ (онъ поддерживалъ кандидатуру на президентство Лудовика-Наполеона противъ Кавеньяка), и наконецъ, изъ оскорбленной гордости и обманутаго честолюбія, сулявшаго ему портфель народнаго просвѣщенія, онъ сдѣлался зачинщикомъ „демократической и соціальной республики“ и заклятымъ врагомъ имперіи. Онъ принялъ величественную позу изгнанника, избравъ себѣ пьедесталомъ герзейскій утесъ, и хотя можетъ преспокойно возвратиться во Францію, но поклялся, какъ слышно, вступить на ея почву тогда только, когда она сдѣлается республикой. Въ ожиданіи этого онъ пишетъ романы, которые продаются очень дорого и приносятъ ему сотни тысячъ франковъ. Онъ очень ловко умѣетъ устраивать сдѣлки со своими издателями, и утверждаютъ что его послѣдній романъ *l'Homme qui rit* („Человѣкъ, который смѣется“), самая безобразная путаница когда-либо выходившая изъ-подъ пера писателя, былъ для нихъ сущимъ бѣдствіемъ. У меня предъ глазами остроумная карриатура, изображающая „человѣкомъ, который смѣется“ г. Виктора Гюго, а „человѣкомъ, который не смѣется“—издателя его, г. Лакруа. Несмотря на все это, г. Викторъ Гюго сохранялъ еще много ревностныхъ почитателей, и потому онъ былъ центромъ притяженія на лозанскомъ конгрессѣ, подобно тому какъ Гарибальди былъ таковымъ на жевецкомъ. Онъ былъ почетнымъ президентомъ конгресса и открылъ его рѣчью, духъ коей вполнѣ выразился въ слѣдующихъ словахъ: „Первое условіе мира есть освобож-

деніе. Для этого освобожденія, конечно, необходима революція, которая будет окончательная, и можетъ-быть, увѣ! война, которая будетъ послѣднею. Тогда все совершится. Такъ какъ миръ сдѣлается ненарушимымъ, то онъ будетъ вѣченъ. Тогда не будетъ ни армій, ни королей. Забвеніе прошедшаго — вотъ чего мы желаемъ.“

Это открытіе конгресса вѣчнаго мира объявленіемъ всеобщей войны не есть ли антитеза во вкусѣ автора *Les Misérables*? Обсуждать ее было бы излишне. Но не представляется ли чего-то смѣшнаго и вмѣстѣ трагическаго это громко сказано высказанное намѣреніе повергнуть Европу во всѣ ужасы войны въ интересахъ мира? По крайней мѣрѣ, г. Викторъ Гюго отличился откровенностью. Онъ высказалъ во всеуслышаніе то что его друзья и сторонники европейской демократіи думаютъ про себя.

Первый вопросъ стоявшій на очереди относился къ устройству европейской федераціи, и насчетъ этого пункта конгрессу предложены были слѣдующія резолюціи:

„Конгрессъ объявляетъ:

„1) что единственное средство основать миръ въ Европѣ есть устройство федераціи народовъ подъ названіемъ *Соединенныхъ Штатовъ* Европы;

„2) что правленіе этого союза должно быть республиканское и федеративное, то-есть основываться на принципѣ верховенства народа и уваженія автономіи и независимости каждаго изъ членовъ федераціи;

„3) что конституція этого правленія должна подлежать усовершенствованіямъ;

„4) что европейская федерація должна обезпечить каждому изъ народовъ ее составляющихъ: верховенство и автономію; личную свободу; свободу подачи голоса; свободу печати; свободу собраній и ассоціацій; свободу совѣсти; свободу труда безъ эксплуатаціи; отвѣтственность дѣйствительную и личную всѣхъ чиновниковъ исполнительнаго разряда;

„5) что ни одинъ народъ не можетъ вступить въ европейскую конфедерацію, если онъ не пользуется уже вполне: правомъ всеобщей подачи голосовъ, правомъ постановлять и отвергать налоги, правомъ мира и войны, правомъ заключать и ратификовать политическіе союзы и торговые трактаты, правомъ самому совершенствовать свои конституціи.“

Не стану разбирать эти резолюціи, замѣчу только что „свобода безъ эксплуатаціи“ есть уступка сдѣланная социалистамъ, которыхъ просто свобода не могла бы удовлетворить. Но что

значить свобода безъ эксплуатаціи? Авторы резолюціи не высказались относительно этого щекотливаго пункта. Это тайна требующая разъясненія. Впрочемъ, главный вопросъ не въ составленіи программы, а въ средствахъ привести ее въ исполненіе. По мнѣнію г. Виктора Гюго, средство это — война. По мнѣнію г. Симона изъ Трира, который, въ качествѣ Нѣмца, имѣлъ полное право быть туманнымъ, средство это — „востшествіе народовъ“. Но какимъ образомъ совершится это востшествіе народовъ? Вотъ что недостаточно объяснилъ г. Симонъ изъ Трира. Нѣкоторыя изъ его выраженій, впрочемъ, были весьма удачны. Такъ, напримѣръ, относительно Пруссіи онъ сказалъ: „Пруссія начала объединеніе или, точнѣе, прусификацію Германіи насиліемъ, оружіемъ. Пруссійскій орелъ какъ будто покрываетъ своими крыльями конфедерацію, но прежде онъ сдавилъ ее въ своихъ когтяхъ.“ Резолюція была утверждена, но безъ всякаго упоминанія о средствахъ ея выполненія.

Перехожу къ вопросу о централизаціи, подавшему поводъ къ длиннымъ и довольно скучнымъ преніямъ, въ которыхъ особенно приняли участіе парижскіе адвокаты демократическаго отѣнка, явившіеся въ значительномъ числѣ, съ г. Жюлемъ Ферри, сенскимъ депутатомъ, во главѣ. Общимъ голосомъ осуждено было излишество централизаціи, но принципъ ея оставленъ неприкосновеннымъ. Вопросъ этотъ, какъ я замѣтилъ выше по поводу Ліонскаго конгресса, поставленъ очень дурно во Франціи. Сторонники децентрализаціи, принадлежащіе большею частію къ легитимистамъ, къ высшей орлеанистской буржуазіи, желаютъ только чтобы правительство отказалось отъ нѣкоторой части своихъ правъ и передало ихъ маленькимъ департаментскимъ или общиннымъ правительствамъ, гдѣ они надѣются утвердить свое вліяніе. Не лучше ли было бы уменьшить права этихъ различныхъ правительствъ въ пользу свободной инициативы гражданъ? Не въ этомъ ли заключается настоящая децентрализація? Одинъ безбородый якобинецъ, г. Альбертъ Бонъ, сотрудникъ газеты *Rappel*, позабавилъ слушателей простодушнымъ признаніемъ, вѣрно выражающимъ мысль большей части политиковъ демократіи, которую они, однако, тщательнo скрываютъ. „Я не желаю, сказалъ онъ, централизаціи съ монархіей, но полагаю ее полезною съ республикой: для послѣдней она послужитъ къ низложенію ея враговъ.“ Въ 1848 году предше-

стенники г. Бона тоже говорили что свобода печати хороша съ монархіей, но что газетамъ нельзя дозволить нападей на республику. Но эти же самые демократы выражаютъ крайнее негодование противъ папы, и находятъ что *Syllabus* есть нѣчто чудовищное, потому что онъ запрещаетъ нападать на католическую церковь. Какъ будто у нихъ нѣтъ своего силлабуса, и какъ будто они сами, какъ называлъ ихъ нѣкогда Прудонъ, не іезуиты демократіи!

„Польскій вопросъ“ послѣдовалъ за децентрализаціей, и конгрессу представлены были на обсужденіе слѣдующія резолюціи:

„Принимая въ соображеніе что миръ и свобода въ Европѣ могутъ утвердиться на прочномъ основаніи только съ условіемъ, если они будутъ основаны на автономіи и независимости всѣхъ народовъ безъ исключенія;

„принимая въ соображеніе что одно изъ существенныхъ условій для устройства европейской федераціи есть соглашеніе между демократіей польскою, демократіей восточною и демократіей западною;

„конгрессъ объявляетъ:

„что польскій вопросъ, восточный вопросъ, чешскій вопросъ должны, какъ всѣ прочіе вопросы, разрѣшиться практически самымъ широкимъ примѣненіемъ всеобщаго принципа автономіи народовъ;

„вслѣдствіе этого, и признавъ необходимость тщательнаго изученія различныхъ и сложныхъ интересовъ, заключающихся въ сихъ вопросахъ, постановляетъ, чтобы спеціальной комиссіи изъ пяти членовъ поручено было собрать всѣ документы относящіяся къ означеннымъ вопросамъ, и возлагаетъ на центральнѣйшій комитетъ назначеніе президента и членовъ сей комиссіи.“

Замѣтьте что резолюціи эти не имѣютъ въ себѣ ничего опредѣленнаго. Онѣ постановляютъ только назначеніе комиссіи. Но, по общезаведенному порядку, постановляютъ что назначена будетъ комиссія почти то же что похоронить вопросъ. Тѣмъ не менѣе эти столь неопредѣленныя резолюціи не прошли безъ измѣненій и оппозиціи. Г. Зоннеманъ, Нѣмецъ, объявилъ что чешскаго вопроса вовсе нѣтъ въ Германіи, какъ нѣтъ овернскаго вопроса во Франціи, что это только ловушка разставленная г. фонъ-Бисмаркомъ по соглашенію съ Россіей, и вслѣдствіе этого замѣчанія чешскій вопросъ былъ исключенъ. Генераль Босакъ Гаукъ прочелъ предлинный докладъ по вопросамъ восточному и польскому. Конечно,

но, онъ утверждалъ что переустройство Польши необходимо для цивилизаціи. „До тѣхъ поръ пока Польша не будетъ переустроена, сказалъ онъ, не будетъ ни мира, ни свободы, и самый экономическій вопросъ не можетъ достигнуть развитія. Занимаются прорытіемъ перешейковъ и проложеніемъ подводныхъ канатовъ, и оставляютъ посреди Европы неодолимую преграду, препятствующую идеямъ прогресса и торговли проникать въ богатая равнины Россіи.“ Но эти заявленія г. Босака вызвали возраженія, особенно со стороны Нѣмцевъ. Г. Симонъ изъ Трира объявилъ что онъ не видитъ необходимости возбуждать войну изъ-за Польши. Г. Бенедитъ изъ Франкфурта соглашается на переустройство Польши, но находитъ что предварительно польскіе аристократы должны измѣнить свой образъ дѣйствій. „Во франкфуртскомъ парламентѣ, сказалъ онъ, они постоянно мѣшали сдѣлать что-нибудь для Польши, и сами до такой степени дурно поступали съ сельскимъ населеніемъ что галиційскимъ крестьянамъ достаточно было погрозить возвращеніемъ ихъ прежнихъ господъ чтобы заставить ихъ искать себѣ убѣжище подъ русскими знаменами.“ Наконецъ г. Луге, ученикъ Прудона, присовокупилъ что онъ потребуетъ возстановленія Польши только съ тѣмъ непрѣмннимъ условіемъ чтобы „польская революція имѣла цѣлю освобожденіе крестьянъ, а не одно только возстановленіе какого-нибудь Чарторыйскаго“. Все это прекрасно, но только г. Луге, повидимому, не знаетъ что польскіе крестьяне уже освобождены Россіей и что требованіе возстановленія Польши имѣетъ смыслъ только по отношенію „къ какому-нибудь Чарторыйскому“. Другой Французъ, г. Монто, явился ожесточеннымъ противникомъ Россіи, угрожающей, по его мнѣнію, „всему міру“, и предложилъ конгрессу предать ее проклятію всего цивилизованнаго міра. Конгрессъ, которому страшно наскучила длинная и напыщенная рѣчь г. Монто, не принялъ его предложенія; онъ удовольствовался передачей въ комиссію вопросовъ восточнаго и польскаго и устраненіемъ вопроса чешскаго.

Затѣмъ на очереди стоялъ „вопросъ социальный“. Г. Викторъ Гюго принялъ на себя обязанность заявить о немъ конгрессу, требуя „возвѣщенія республики и социализма“, и напомнилъ при этомъ случаѣ что онъ былъ социалистомъ съ 1828 года. Это не помѣчало ему, однако, въ 1848 году, предложить себя въ кандидаты реакціоннымъ избирателямъ Сен-

скаго департамента, съ энергическимъ протестомъ противъ „демократической и соціальной республики“, коей нынѣ онъ является самымъ ревностнымъ сторонникомъ. Вотъ что говорилъ онъ тогда на своемъ обычномъ нарѣчїи, переполненномъ антиitezъ:

„Эта республика водрузить красное знамя надъ поверженнымъ во прахъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, повергнетъ во прахъ статую Наполеона и поставитъ статую Мюрата, истребитъ Институтъ, Политехническую Школу, Почетный Легионъ, и къ священному девизу: *Свобода, равенство, братство*, присоединитъ грозное слово: *или смерть!* Устроитъ банкротство, разоритъ богатыхъ, не обогащая бѣдныхъ, уничтожитъ кредитъ, достояніе всѣхъ, и трудъ, насущный хлѣбъ cadaго, отиѣнитъ собственность и семейство, будетъ носить головы на копьяхъ, наполнитъ тюрьмы подозрѣніемъ и очиститъ ихъ убійствомъ, покроетъ Европу пламенемъ и обратитъ цивилизацію въ пепель, сдѣлаетъ Францію отчизной мрака, зарѣжетъ свободу, задушитъ искусства, обезглавитъ мысль, отвергнетъ Бога, приведетъ снова въ дѣйствіе двѣ роковыя машины не дѣйствующія одна безъ другой: доску для печатанія ассигнацій и топоръ гильотины; словомъ, хладнокровно выполнить то что люди 93 года исполняли съ горячимъ увлеченіемъ, и послѣ ужаснаго въ великомъ, что видѣли наши отцы, покажетъ намъ чудовищное въ маломъ.“

Все это прекрасно, но прочитавъ подобную, исполненную негодовавія тираду, какъ не сказать объ авторѣ ея: *Quantum mutatus ab illo?* Тѣмъ не менѣе г. Викторъ-Гюго счелъ себя въ правѣ руководить примиреніемъ политическихъ республиканцевъ съ социалистами и поддерживалъ резолюціи предложенныя въ этомъ смыслѣ. Впрочемъ эти резолюціи отличались какою-то несмѣлостью; онѣ ограничивались требованіемъ отиѣны всякой промышленной монополіи и въ особенности монополіи перевозки, учрежденія синдикатовъ для рабочихъ, а равно и для хозяевъ, и „вмѣшательства законодательства съ цѣлю устраненія всякой частной регламентаціи, которая могла бы повредить главнымъ принципамъ общаго права“. Нужно ли прибавлять что резолюціи эти отзывались гораздо болѣе политическою экономіей чѣмъ социализмомъ? Они даже оканчивались слѣдующимъ *considerant*, очень похожимъ на эпиграмму направленную противъ социалистовъ, если даже не противъ самого конгресса. „Принимая въ соображеніе что вопросъ о соціальной р. формѣ не былъ достаточно изслѣдованъ, конгрессъ отлагаетъ его изслѣдованіе

до будущаго года.“ Если этотъ *considerant* относился къ социалистамъ, то болѣе чувствительнаго упрека имъ невозможно было сдѣлать. Какъ же это? Вотъ собрались люди задумавшіе передѣлать общество и преобразовать міръ, а имъ недостаточно извѣстель социальный вопросъ! Они желаютъ ниспровергнуть учрежденія, подъ управленіемъ коихъ живутъ, — дурно или хорошо, а все-таки живутъ, — сотни миліоновъ людей, а еще не знаютъ какъ ихъ перестроить! Можно ли придумать эпиграмму болѣе ядовитую? Если этотъ *considerant* касается только членовъ конгресса, что подумать о людяхъ провозглашающихъ союзъ республики и социализма и пренаивно объявляющихъ что они не знаютъ еще какъ слѣдуетъ что такое социализмъ? Что подумать о людяхъ которые берутся проводить ученіе, не зная его, въ особенности когда дѣло идетъ о самомъ бытіи общества? Какое изумительное легкомысліе!

Впрочемъ, эти резолюціи и *considerants* нисколько не удовлетворили социалистовъ конгресса; и нигилистъ г. Вырубовъ, напримѣръ, горько жаловался что конгрессъ не провозгласилъ „уравненія классовъ“ и отказался принять заключенія „ученой демократіи“. Рѣчь идетъ, конечно, о демократіи г. Вырубова. Но значительное большинство конгресса, надо отдать ему эту честь, очевидно не желало заходить слишкомъ далеко на пути социализма, и отъ души рукоплескало ораторамъ-экономистамъ, каковъ напримѣръ Американецъ г. Самперъ, протестовавшій во имя свободы противъ замысловъ коммунистовъ и коллективистовъ. Оно рукоплескало еще сильнѣе простому крестьянину изъ Ваатланда, г. Шёнферу, протестовавшему противъ поглощенія общества правительствомъ, что составляетъ основаніе всѣхъ социалистскихъ доктринъ. „Горе народамъ, воскликнулъ онъ, которые встрѣчаютъ правительство на каждомъ шагу, блаженны тѣ которые ищутъ его съ фонаремъ.“

Вообще, примиреніе республики съ социализмомъ, провозглашенное такъ торжественно корифеемъ конгресса, г. Викторомъ Гюго, было не болѣе какъ громкою фразой. Политическіе республиканцы, для которыхъ республика есть цѣль, и социалисты, считающіе ее средствомъ, остаются столь же далекими другъ отъ друга какъ они были до конгресса. Если даже допустимъ что глашатаи мира, собравшіеся въ Лозаннѣ, успѣютъ возбудить всеобщую войну и этимъ *краткимъ*

средствомъ основать Европейскіе Соединенные Штаты; будетъ ли эта война послѣднею? Положимъ что борьба между республикой и монархіей прекратится, но не начнется ли она еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ между республикой „политикановъ“ и демократическою и соціальною республикой социалистовъ? Не возобновятся ли июньскіе дни 1848 года въ размѣрахъ еще болѣе обширныхъ, и не послѣдуютъ ли за ними снова реакція и диктатура. Вотъ почему мнѣ кажется что истинные друзья мира поступаютъ разумно, уклоняясь отъ этихъ странныхъ машатаевъ, которые хотятъ предать мѣръ огню и мечу въ видахъ его умиротворенія. Призываюсь вамъ, эти красные друзья мира, считающіе своими руководителями Гарибальди и Виктора Гюго, кажутся мнѣ крайне подозрительными, и еслибы мнѣ привелось отворить имъ храмъ мира, то я прежде повторилъ бы имъ слова съ которыми коза, въ баснѣ Лафонтена, обратилась къ лисицѣ: „А покажите-ка мнѣ вашу бѣлую лапку“.

Г. ДЕ-МОЛИНАРИ.

КЪ БІОГРАФІИ ПУШКИНА

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

Біографія Пушкина довольно уже извѣстна и, къ чести послѣдняго времени, надо замѣтить что нынѣ собрано и напечатано на страницахъ различныхъ изданій множество матеріаловъ для подробнаго и обстоятельнаго знакомства съ общественною и литературною дѣятельностью Пушкина. Тѣмъ не менѣе и теперь можно еще слышать отъ лицъ знавшихъ Пушкина не мало подробностей о немъ и о его жизни, и притомъ подробностей не бывшихъ до сихъ поръ въ печати. Воспоминанія о Пушкинѣ попадаютъ въ разныхъ неизданныхъ еще запискахъ, замѣтки о немъ встрѣчаются въ мало извѣстныхъ провинціальныхъ изданіяхъ.... Въ моей записной книжкѣ есть не мало такихъ выписокъ и замѣтокъ, записанныхъ мною со словъ лицъ хорошо знавшихъ Пушкина. Эти-то выдержки изъ записной своей книжки я представляю въ настоящей статьѣ, отнюдь не связывая ихъ въ цѣльный очеркъ, дабы не повторять фактовъ слѣшкомъ хорошо извѣстныхъ изъ печатныхъ біографій Пушкина.

I.

Въ Псковскія Губернскія Вѣдомостяхъ, за прошлый годъ, была помѣщена небольшая статейка, составленная по дѣламъ Псковскаго губернскаго правленія 1824 года, о ссылкѣ Пушкина изъ Одессы въ деревню, въ Псковскую губернію. Я считаю великимъ начатъ выдержки изъ моей записной книжки эту небольшою статейкой, тогда же списанною мною изъ мало извѣстной газетки, съ необходимыми съ своей стороны дополненіями.

Въ іюль 1824 года, бывшій тогда псковскій губернаторъ Адеркасъ получилъ предложеніе генераль - губернаторовъ: мѣстнаго — маркиза Паулуччи и новороссійскаго — графа Воронцова, слѣдующаго содержанія: „Коллежскій секретарь Александръ Пушкинъ, къ несчастію, не только не перемѣнилъ поведенія и дурныхъ правилъ, которыя ознаменовали первые шаги общественной его жизни, но даже распространяетъ въ письмахъ своихъ предосудительныя и вредныя мнѣнія; по сему, по Высочайшему повелѣнію, онъ исключенъ изъ списка чиновниковъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и дабы отвратить, по возможности, тотъ молодого человѣка всю строгость законовъ, которой бы онъ, оставаясь въ совершенной независимости, могъ легко подвергнуться при ненадежности своего поведенія, государь императоръ изъявилъ свою волю, дабы онъ немедленно былъ отправленъ на жительство Псковской губерніи въ помѣстье родителей своимъ, гдѣ будетъ состоять подъ наблюденіемъ мѣстнаго начальства.“ Приложенная при предложеніи маркиза Паулуччи выписка изъ письма Пушкина заключала въ себѣ нѣсколько строкъ, писанныхъ имъ, какъ можно думать, къ своему другу о томъ какъ онъ проводитъ время: онъ „пишетъ пестрыя строфы романтической поэмы и бесѣдуетъ съ какимъ-то глухимъ философомъ-Англичаниномъ“. Бесѣды эти, заключаая въ себѣ легкомысленныя сужденія о религіи, послужили поводомъ къ высылкѣ Пушкина. Поэтъ нашъ въ то время былъ въ Одессѣ. По маршруту, данному ему одесскимъ градоначальникомъ, онъ отправился 30го іюня въ Псковъ и прибылъ 9го августа прямо къ отцу своему, статскому совѣтнику Сергію Львовичу, проживавшему въ Опочецкомъ уѣздѣ, въ селѣ Михайловскомъ. По соглашенію губернатора съ губернскимъ предводителемъ дворянства, полковникомъ Львовымъ, для наблюденія за поступками и поведеніемъ Пушкина былъ назначенъ новоржевскій помѣщикъ, коллежскій совѣтникъ Иванъ Рокотовъ; но опасаясь ли тотъ пылкой природы поэта, и оттого не хотѣлъ

становиться въ щекотливое положеніе въ отношеніи къ нему, или, какъ писалъ Львовъ, Пушкинъ на первомъ же шагу не послушалъ Рокотова, только сосѣдь-помѣщикъ, во избѣжаніе неприятности, отказался отъ возложенной на него должности, отзываясь разстроеннымъ здоровьемъ. Опасенія за Пушкина, усиливаемыя еще и тѣмъ что, вопреки распоряженію губернатора, онъ, не являсь въ Псковъ, проѣхалъ прямо въ имѣніе своего отца, побудили Адеркаса сдѣлать распоряженіе о высылкѣ Пушкина въ Псковъ. Въ августѣ 1824 года, въ присутствіи псковскаго губернатора, коллежскій секретарь Александръ Пушкинъ далъ подписку въ томъ что онъ обязуется жить безотлучно въ помѣстьи родителя своего, вести себя благонравно, не заниматься никакими неприличными сочиненіями и сужденіями, предосудительными и вредными общественной жизни, и не распространять оныхъ нигде. Послѣ того, по распоряженію генералъ-губернатора маркиза Пауллучи, сообщено опочечному предводителю дворянства, статскому совѣтнику Пещурову, что „если статскій совѣтникъ Пушкинъ дастъ подписку, что будетъ имѣть неослабный надзоръ за поступками и поведеніемъ сына, то въ семъ случаѣ послѣдній можетъ оставаться подъ присмотромъ своего отца и безъ избранія особаго къ такому надзору дворянина, тѣмъ болѣе что отецъ Пушкина есть изъ числа добродѣлнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей.“ Однакожь Сергій Львовичъ отозвался (въ ноябрѣ 1824 года) что не можетъ воспользоваться довѣріемъ, дѣлаемымъ ему генералъ-губернаторомъ, потому что, имѣя главное помѣстье въ Нижегородской губерніи, а всегдѣшнее пребываніе въ С.-Петербургѣ, онъ, по дѣламъ своимъ, можетъ потерпѣть совершенное разстройство, оставаясь неотлучно при одномъ сынѣ, тѣмъ болѣе что непредвидимыя обстоятельства вынуждаютъ его быть вскорѣ въ Москвѣ.

„Такъ проживалъ нашъ писатель въ Михайловскомъ, когда было получено извѣщеніе отъ главнаго штаба его величества, отъ 26го іюня 1825 года, что государь императоръ дозволилъ Пушкину пріѣхать въ Псковъ и имѣть тамъ пребываніе до излѣченія отъ болѣзни, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы губернаторъ имѣлъ наблюденіе какъ за поведеніемъ, такъ и за разговорами Пушкина. По пріѣздѣ въ Псковъ, Пушкинъ, 19го іюля 1825 года, свидѣтельствованъ въ псковской врачебной управѣ, и оказалось что онъ имѣетъ въ нижнихъ конечностяхъ, особенно на правой голени, повсемѣстное расширеніе крововозвратныхъ жилъ, отчего коллежскій секретарь Пушкинъ затрудненъ въ движеніи. Тогда же Пушкинъ послалъ всеподданнѣйшее прошеніе государю императору о позволеніи ѣхать, для излѣченія болѣзни, въ Москву, Санктпетербургъ или въ чужіе края...“

Послѣдующія событія, передаваемые въ цитуемой статьѣ къ *Псковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ*, спутаны и отнесены

къ 1825 году, тогда какъ въ дѣйствительности они совершались въ 1826 году, по востествіи на престолъ императора Николая Павловича. По повелѣнію государя, генералъ Дибичъ сообщилъ Пушкину о высочайшемъ позволеніи ему отправиться въ Москву съ посылаемымъ нарочно отъ Дибича фельдъегеремъ, въ своемъ экипажѣ, свободно, не какъ арестантъ.

„4-го сентября (1826 года), вечеромъ, Пушкинъ (продолжаетъ составитель статейки *Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*) отправился въ Москву, гдѣ въ то время находился императоръ и при немъ дежурный генералъ главнаго штаба его величества, къ которому было велѣно явиться поэту.... Одинъ изъ старожиловъ разказываетъ что Пушкинъ ѣхалъ въ Псковъ съ Пещуровымъ. Перевъздъ до Пскова былъ сопряженъ въ то время съ большими неудобствами: почтовыхъ лошадей по тракту отъ Острова было немного; отъ послѣдней станціи Черехи къ Пскову начинались сыпучіе пески до самаго города. На станціи путешественники не могли ничего найти съѣстнаго; лошади были въ разгонѣ, нужно было ожидать, и усталые путники находились въ самомъ невеселомъ настроеніи духа; но Пушкинъ развлекалъ декламациею стиховъ и, подойдя къ окну, перстнемъ начертилъ два стиха, которые оканчивались: „Адеркасъ накормить насъ“. Неизвѣстно, однакожь, накормилъ ли ихъ Адеркасъ, потому что они дотащились едва-едва къ ночи въ Псковъ и, вѣроятно, не нашли удобнымъ беспокоить губернатора напоминаніемъ что они не ѣли.“

Не такъ давно, въ одной изъ книжекъ *Чтеній*, издаваемыхъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, напечатана переписка гр. Нессельроде съ гр. Воронцовымъ, вслѣдствіе которой состоялась ссылка Пушкина изъ Одессы въ деревню. Поводомъ къ этой перепискѣ было, безъ сомнѣнія, перехваченное письмо Пушкина, къ кому именно писанное—неизвѣстно. Нессельроде, не упоминая объ этомъ письмѣ, просто пишетъ что, по дошедшимъ до императора свѣдѣніямъ о поведеніи и образѣ жизни Пушкина въ Одессѣ, его величество находитъ что пребываніе въ этомъ шумномъ городѣ для молодаго человѣка, во многихъ отношеніяхъ, вредно, и потому государь поручаетъ спросить мнѣнія Воронцова на этотъ счетъ. Воронцовъ отвѣтилъ что совершенно согласенъ съ высочайшимъ опредѣленіемъ и вполне убѣжденъ что Пушкину нужно больше уединенія для собственной его пользы.

II.

Помѣщикъ Рокотовъ, какъ видно изъ предыдущей статьи, отказался отъ наблюденія за „опаснымъ“ поэтомъ. Тогда Пушкина, какъ гласитъ мѣстное преданіе, да видно и изъ его писемъ, отдали подъ надзоръ игумена Святогорскаго Духова монастыря, находящагося верстахъ въ пяти отъ сельца Михайловскаго. Это обстоятельство дало Пушкину поводъ ко многочисленнымъ шуткамъ, анекдотамъ и экспромптамъ; ими онъ дѣлился съ друзьями, охотно посвѣщавшими поэта въ его сельскомъ уединеніи. Вотъ, напримѣръ, начало одной изъ такихъ шутокъ, сохранившихся въ памяти добраго пріятеля нашего поэта, А. Н. Вульфа:

„Дѣдушка игуменъ
 Былъ ли вамъ пріятель?
 Жилъ ли олъ межъ гумель
 Или межъ голубатень?
 Дѣвушкамъ красоткамъ
 Олъ ли строилъ куры?
 Бабушкамъ дѣвоткамъ
 Говорилъ ли: куры
 Отчего несутся?

III.

Въ теченіи двухъ лѣтъ, проведенныхъ Пушкинымъ въ изгнаніи, въ деревнѣ, какъ извѣстно, лучшею отрадой его было проводить время въ лежащемъ неподалеку отъ сельца Михайловскаго селѣ Тригорскомъ. Это село отстоитъ отъ имѣнія Пушкина верстахъ въ двухъ или въ трехъ. Не проходило дня чтобы Пушкинъ не приходилъ пѣшкомъ или не пріѣзжалъ на своемъ лихомъ жеребцѣ въ этотъ тихій и поэтический пріютъ. Владѣлица этого села, вдова Прасковья Александровна Осипова (рожденная Вымдонская, по первому мужу Вульфъ) была женщина весьма, по своему времени, образованная и, вмѣстѣ со своими дѣтьми: студентомъ Дерптскаго университета Алексѣемъ Вульфомъ и дочерьми: Анной и

Евпраксіей, отъ всего сердца любила Пушкина и высоко чтла его талантъ. Я много уже разказывалъ объ этомъ почитаемомъ семействѣ и объ отношеніяхъ къ нему Пушкина въ шести статьяхъ озаглавленныхъ: *Прогулка въ Тригорское*, и помѣщенныхъ мною въ *С.-Петербургскіе Вѣдомостѣи* за 1866 годъ. Рядъ писемъ Пушкина къ Пр. А. Осиповой и А. Н. Вульфъ напечатанъ мною въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 года, въ первой книжкѣ. Здѣсь мы приведемъ лишь тѣ черты и подробности которыя не нашли себѣ мѣста въ *Прогулкѣ*, а между тѣмъ имѣютъ свой интересъ. Такъ, напримѣръ, оставимся на альбомѣ Пр. А. Осиповой.

Въ двадцатыхъ и въ началѣ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія въ русскомъ обществѣ были въ большой модѣ альбомы. Рѣдкій изъ писателей того времени, платя дань модѣ, не писалъ въ альбомы... Были и такіе стихотворцы-любители, которые, ничего не печатая, весьма охотно посвящали свое творчество на стихи исключительно альбомныя; такимъ, напримѣръ, былъ отецъ нашего поэта, Сергѣй Львовичъ Пушкинъ....

Тригорское имѣло много альбомовъ, но изъ нихъ самымъ драгоценнымъ и, такъ сказать, самымъ священнымъ для его обитательницъ былъ альбомъ Пр. А. Осиповой. Въ теченіи почти цѣлаго полустолѣтія вписывались сюда его обладательницей, дочерью ея и наконецъ самими поэтами различнаго рода стихи, на языкахъ русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ; множество воспоминаній связано для семейства г-жи Осиповой съ этимъ альбомомъ, и вдругъ, незадолго до смерти его обладательницы, именно въ 1859 году, альбомъ этотъ исчезъ. Десять лѣтъ драгоценная для Тригорскаго и его обитателей книга странствовала по чужимъ людямъ и, наконецъ, при посредствѣ пишущаго эти строки и благодаря обязательности П. И. Булычева, альбомъ этотъ возвратился въ руки тѣхъ кому онъ особенно дорогъ....

Наружность его изящна: это книга во 178 страницъ, въ большую четвертку, обтянутая чернымъ сафьяномъ съ золотыми застежками и золотообрѣзною почтовою бумагой. На оборотѣ первой страницы написаны, въ видѣ эпиграфа ко всему альбому, слѣдующія строки:

„Не всякій рожденъ поэтомъ, не всякій можетъ быть писателемъ и сочинителемъ; но чувствовать красоты изящнаго и ими плѣняться можетъ каждый.“

Семейное преданіе гласитъ что альбомъ этотъ подаренъ г-жѣ Осиповой, въ 1816 году, ея двоюроднымъ братомъ, офицеромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, Сергѣемъ Ивановичемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, въ бытность г-жи Осиповой въ Петербургъ. Есть повѣрье, что тотъ кто начинаетъ альбомъ неминуемо погибнетъ *насильственной смертью*. Это повѣрье въ свое время было такъ сильно что Екатерина Никифоровна Хвостова, двоюродная сестра Осиповой, желавъ начать альбомъ ея, струсила и отступилась. Вслѣдствіе этого Прасковья Александровна, не желая подвергать своихъ друзей и поклонниковъ *гибели*, дерзнула сама начать альбомъ, заявивъ впрочемъ о своемъ мужествѣ: „Comme je ne crains rien moins que la mort, je commence mon Album.“

Вслѣдъ за этими строками С. И. Муравьевъ-Апостолъ собственноручно написалъ слѣдующее:

„Ni moi non plus je ne crains ni ne desire la mort. Que le Bon Di u la bénisse!!!! Quand elle arrivera, elle me trouvera tout prêt, et c'est alors seulement que votre souvenir, ô aimable cousine, s'effacera de mon coeur, si toutefois il ne me suit pas jusqu'à l'autre monde (ce dont je ne puis répondre, car c'est pour moi un pas inconnu).

„Votre cousin Serge Mourawiew.“

„1816, Petersbourg.
„Le 12 de Mai.“

Десять лѣтъ спустя по начертаніи этихъ строкъ, 13-го іюля 1826 года, Сергѣй Муравьевъ погибъ, совершенно согласно съ повѣрьемъ обладательницъ альбомовъ. За вооруженное возстаніе поднятое имъ на югъ Россіи, онъ былъ повѣшенъ на гласисѣ Петропавловской крѣпости въ С.-Петербургѣ....

Что касается до альбома, то онъ, съ роковой руки Муравьева-Апостола, сталъ быстро наполняться всевозможными, впрочемъ, самыми мирными и большею частію сантиментально-романтическими стихами. Такимъ образомъ въ число 139 піесъ, наполнившихъ альбомъ, вошло много произведеній Байрона, Клопштока, Шиллера, Гете, Виктора Гюго и въ особенности моднаго въ то время поэта Ламартина; затѣмъ стихи Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, барона Дельвига, Козлова, Баратынскаго, князя Вяземскаго, Воейкова, Батюшкова, Дениса Давыдова, Ѳ. Глинки, Хомякова, Гнѣдича, Плетнева, басни Крылова; даже произведенія такихъ незатѣшливыхъ піесъ, какъ Оливъ, Пл. Ободовскій,

Борисъ Федоровъ, нашли себѣ мѣсто въ альбомѣ г-жи Осиповой.

Большая часть стихотвореній этихъ авторовъ вписаны въ альбомъ рукой Пр. А. Осиповой или ея дочерей Анны и Евпраксіи, но нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ автографы; таковы стихи: А. Пушкина, барона Дельвига, Жуковского, Н. Гнѣдича, и особенно много Н. Языкова....

Между стихами, тамъ и самъ, попадаются выписки отдѣльных мыслей, афоризмовъ изъ писателей русскихъ и иностранныхъ. Вообще же, пересматривая подобные альбомы, невольно отдаешь имъ справедливость въ томъ что они породили и сохранили не мало мелкихъ произведеній нашихъ поэтовъ. Въ общемъ же своемъ составѣ альбомы всегда показываютъ что именно интересовало въ сферѣ умственной жизни то или другое поколѣніе, къ эпохѣ котораго относятся альбомы....

Альбомъ Пр. А. Осиповой, по крайней мѣрѣ въ стихахъ иностранныхъ (французскихъ и нѣмецкихъ), пестрящихъ его страницы, большею частію сантиментально-романтической; что касается до русскихъ стихотвореній, то наиболее интересны изъ помѣщенныхъ въ этомъ альбомѣ стихи Пушкина: „Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду“; элегія: „Рядъветь облаковъ летучая гряда“; его же *Къ Морфею; Посланіе къ Ч****, 1820 года, съ морскаго берега Тавриды:

„Къ чему холодныя сомнѣнья?
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ“ и т. д.

Это стихотвореніе автографъ Пушкина; даже изъ его же произведеній въ этомъ альбомѣ встрѣчаются слѣдующія: стихи 1825 года „Въ альбомѣ Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ“ (нынѣ баронессы Вревской), переписанные ея матерью и вошедшіе въ собраніе сочиненій Пушкина: „Если жизнь тебя обманетъ“ и пр. Затѣмъ слѣдуютъ собственноручно вписанные Пушкинымъ прелестные его стихи, вошедшіе въ изданія его сочиненій и имѣющіе прямое отношеніе къ Пр. А. Осиповой и къ селу Тригорскому:

„Быть-можетъ, ужъ не долго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ
И сельской музѣ, въ тишинѣ,
Душой безпечно предаваться.

„Но и вдали, въ краю чужомъ,
Я буду мыслію всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
Въ саду, подъ сѣнью липъ домашней.

„Когда померкнетъ ясный день,
Одна, изъ глубины могильной,
Такъ иногда въ родную сѣнь
Летитъ тоскующая тѣнь
На милахъ броситъ взоръ умильной....“

„С. Михайловское,
25-го іюля 1825.“

Далѣе въ альбомѣ помѣщены стихи писанные Пушкинымъ по случаю въ позднюю осень присланныхъ (Пр. А. Осиповою) цвѣтвъ:

„Цвѣты послѣдніе лиліи
Роскошныхъ переводовъ полей,
Они унылыя мечтавъ
Живѣ пробуждаютъ въ насъ,
Такъ иногда разлуки часъ
Живѣ самаго свиданья.

„16-го октября 1825 г.“

Изъ прочихъ стиховъ Пушкина, мы находимъ въ альбомѣ: *Къ Зинь В.*: „Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ: играйте“ и пр. *Посланіе къ Языкову*:

„Языковъ, кто тебѣ внушилъ....“ и т. д.

Посланіе къ Чаадаеву:

„Любви, надежды, тихой славы,
Не долго вѣжилъ насъ обманъ,
Исчезли юныя забавы....“ и пр.

Извѣстное стихотвореніе *Талисманъ* собственноручно вписано Пушкинымъ:

„Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ....“ и пр.

И имъ же вписанъ переводъ не изданныхъ стиховъ Шенье:

„Баишь мѣсть, гдѣ царствуетъ Венеція златая....“ и т. д.

Баронъ Дельвигъ, навѣстившій Пушкина весной 1825 года, не могъ, конечно, не посѣтить и того отраднaго пріюта въ

которомъ такъ часто улаждались и душа, и сердце его друга Дельвиго, познакомившійся съ Пр. А. Осиповой еще въ Петербургѣ, провелъ въ Тригорскомъ нѣсколько весьма пріятныхъ дней вмѣстѣ съ Пушкинымъ и оставилъ о себѣ память въ альбомѣ Пр. А. Осиповой, слѣдующимъ стихотвореніемъ:

„Ничто не безсмертно, ни прочно
Подъ вѣчно цвѣтнвой луной:
И все расцвѣтаетъ и вянетъ,
Рожденное бѣдной землей.

„И прежде насъ много веселыхъ
Любило и пить и любить,
Не худо гулякамъ усопшимъ,
Веселья бокалъ посвятить!

„И послѣ насъ много веселыхъ
Полюбить любовь и вино,
И въ честь намъ наполнять бокалы
Любившимъ и пившимъ давно.

„Теперь мы доврчиво, дружно
И тѣсно за чашей сидимъ:
О, дружба, да вѣчно пылаемъ
Отвѣтъ мы безсмертнымъ твоимъ!

„Б. Дельвиго.“

„Село Михайловское.

„22-го апрѣля 1826 года.“

Но особенно усерднымъ вкладчикомъ въ альбомъ Пр. А. Осиповой былъ молодой еще тогда Языковъ. Языковъ, вмѣстѣ съ Пушкинымъ и другомъ своимъ А. Н. Вульфомъ, провелъ въ Тригорскомъ лѣто 1826 года. Объ этомъ лучшемъ времени въ жизни Языкова я подробно говорилъ въ статьѣ своей о немъ, напечатанной въ четвертой книжкѣ *Русскаго Архива* за 1867 годъ. Въ это лѣто Языковымъ собственноручно вписаны въ альбомъ радушной хозяйки Тригорскаго прелестнѣйшія изъ его стихотвореній:

Элегія: „Свободенъ я, уже не трачу...“, *Мое уединеніе*, „Отъ свѣта вдаль...“, длинное стихотвореніе: *Тригорское* и нѣсколько другихъ піесъ. Вообще же въ альбомѣ Осиповой помѣщено 19 стихотвореній Языкова, большая часть которыхъ вошла въ изданія его сочиненій, а другія впервые напечатаны мною въ указанной выше статьѣ.

Изъ прочихъ русскихъ стихотвореній, встречающихся въ этомъ альбомѣ, интересна піеса *Деспотъ*. Эта піеса, за исключеніемъ нѣсколькихъ легкомысленныхъ словъ во второй строкѣ, совершенно невинная по содержанию, такъ какъ она относится не къ какой-либо отдѣльной личности, а къ общему типу деспота, очень долго числилась у насъ въ группѣ плодовъ запрещенныхъ. Стихотвореніе это принадлежитъ, если не ошибаюсь, Денису Давыдову.

Вотъ оно въ томъ видѣ какъ вписано неизвѣстною намъ рукой въ альбомъ Пр. А. Осиповой:

„За правду покую, за истину святую,
 деспотъ
 Любимца осудилъ. Главу его сѣдую
 Велѣлъ взнести на эшаф .тъ.
 И сей предъ смертію маслу могъ добиться
 Предстать передъ него;
 Не милости просить, не плакать, не крушиться,
 Но есть ли правды онъ боится,
 Хоть басню выслушать его.
 Позволилъ царь. Философъ нашъ садится
 И басню эту говоритъ:
 „Ребенокъ нѣкогда сердился,
 „Увида въ зеркалѣ свой безобразный видъ,
 „Ну въ зеркало стучать, и въ злобѣ, веселился.
 „Что могъ онъ зеркало разбить.
 „На завтра же, гуляя въ полѣ,
 „Въ рѣкѣ свой глупый видъ увидѣлъ онъ опять.
 „Какъ рѣку истребить? Нельзя. И по неволѣ
 „Онъ долженъ былъ въ душѣ и стыдъ, и гнѣвъ сокрыть;
 „Сіе прилично сходство—
 „Монархъ, гушайся!— для тебя:
 „Я — зеркало, разбей меня,
 „Рѣка — твоё потомство,
 „Ты въ ней найдешь всегда себя!...“
 Монарха эта рѣчь такъ сильно убѣдила,
 Что онъ велѣлъ ему и жизнь, и волю дать.
 Пойдите! виноваты! велѣлъ его сосать,
 А то бы эта была на сказку походила.“

Выше мы сказали что въ Тригорскомѣ былъ не одинъ альбомъ. Поэты, гостившіе въ немъ и воспѣвавшіе его, какъ бы завѣщали обитателямъ этого села любовь къ поэзіи. Такимъ образомъ, здѣсь можно видѣть до десятка разныхъ

рукописныхъ сборниковъ (альбомовъ), исписанныхъ произведениями музы двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Стихотворенія: Пушкина, Веневитинова, барона Дельвига, Жуковского, Языкова, Баратынскаго, Козлова,—обыкновенно во множествѣ попадаются въ этихъ сборникахъ. Одинъ изъ нихъ весь наполненъ стихами Языкова, и изъ него мы извлекали нѣсколько интересныхъ вариантовъ и неизданныхъ его произведеній, которыя и помѣстили въ статьяхъ своихъ о немъ. Другой полонъ произведениями студентовъ Дерптскаго университета, товарищей Вульфа и Языкова и пр. Нѣкоторые изъ альбомовъ суть подарки либо самихъ поэтовъ, либо подвижниковъ альбомной поэзіи, какъ, напримѣръ, Сергія Львовича Пушкина. Между прочимъ, въ одномъ изъ этихъ сборниковъ я встрѣтилъ слѣдующую эпиграмму Пушкина, не попавшую въ изданія его сочиненій:

Воспитанный подъ барабаномъ
 Нашъ Z*** ахимъ былъ капитаномъ:
 Подъ Аустерлицемъ онъ бѣжалъ,
 Въ двѣнадцатомъ году дремалъ,
 Зато былъ фруктовой профессоръ!
 Но фруктъ герою надобѣлъ—
 Теперь коллежскій онъ ассессоръ
 По части иностранныхъ дѣлъ!

А. Н. Вульфъ изъ устъ Пушкина слышалъ эту мѣтку и звуку эпиграмму на одного изъ русскихъ дѣятелей первой четверти текущаго столѣтія.

Вмѣстѣ съ альбомами, у жительницъ Тригорскаго свята хранятся разныя мелочи, напоминающія Пушкина: прописи писанныя имъ для дѣтей г-жи Осиповой, бокалы саксонскаго хрустала изъ которыхъ онъ пилъ, суковатая палка на которую онъ опирается; у баронессы Вревской мы видѣли наброски карандаша Пушкина; ей же поднесенъ нашимъ поэтомъ экземпляръ IV и V главъ *Евгенія Онегина* (въ 8 д. Спб. 1828 г.) съ собственноручною, весьма знаменательною надписью поэта: „Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ отъ автора: *Твоа отъ твоихъ*. 22-го февраля 1828.“

IV.

Живя въ деревнѣ въ 1823—1826 годахъ, Пушкинъ, какъ извѣстно, весьма много работалъ для литературы. Между прочимъ, онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ знаменитаго

въ то время (въ 1823 — 1825 годахъ) альманаха *Полярная звезда*. Такимъ образомъ мы находимъ въ трехъ вышедшихъ въ свѣтъ книжкахъ этого прекраснаго, по своему времени, литературнаго сборника нѣсколько стихотвореній заточенника сельца Михайловскаго: *Къ Гречанкѣ, Элегія, Къ друзьямъ, Переида, Въ альбомѣ малюткѣ, Къ Морфею, Элегія, Отрывокъ изъ посланія къ В. Л. П., Доловому, Элегія, Надпись къ портрету*. Здѣсь же были напечатаны первые отрывки изъ его поэмъ: *Дыгана* и *Разбойники*, наконецъ въ *Звѣздочкѣ* на 1826 годѣ, * набранную и частію уже напечатанную, но исчезнувшую въ бурѣ 14-го декабря 1825 года, Пушкинъ послалъ прелестный отрывокъ изъ *Евгенія Онѣгина*: ночной разговоръ Татьяны съ няней. Издатели-редакторы *Полярной звезды*, Рылѣевъ и Бестужевъ, высоко чтли дарованіе Пушкина. Вотъ что, между прочимъ, разказывалъ мнѣ по этому поводу братъ Александра Александровича Бестужева, Михаилъ Александровичъ:

„...А. Пушкинъ, присылая свой милый разговоръ Тани съ старушкою няней, увѣдомляетъ моего брата что условія относительно вознагражденія за напечатаніе этого стихотворенія онъ можетъ сдѣлать чрезъ Льва Сергѣевича Пушкина. Это условіе съ Лёвущкой состоялось въ моемъ присутствіи. Не знаю, отдалъ ли Александръ Пушкинъ этотъ эпизодъ изъ *Онѣгина* своему брату-гулякѣ чтобы деньги были доставлены ему, какъ увѣрялъ Лёвущка, или это была обычная заплата, которыми Александръ Пушкинъ безуспѣшно зашивалъ долговыя дыры брата, но только Лёвущка потребовалъ съ издателей по пяти рублей ассигнаціями за строчку. И братъ мой Александръ, не думая ни минуты, согласился.

„— Ты промахнулся, Лёвущка, смѣясь, добавилъ братъ мой:—промахнулся, не потребовавъ за строку по червонцу.... Я бы тебѣ и эту цѣну далъ, но только съ условіемъ: припечатать нашу сдѣлку въ *Полярной звездѣ* для того чтобы знали всѣ съ какою готовностью мы платимъ золотомъ за золотые стихи....“

„Должно замѣтить, добавилъ въ своемъ разказѣ М. А. Бестужевъ:—этому золотому дитяти не суждено было качаться въ модной зыбкѣ *Звѣзды*, потому что событія 1825 года похоронили изданіе альманаха, который долженъ уже былъ

* См. мою замѣтку объ этомъ альманахѣ въ *Русскомъ Архивѣ* 1869 г., стр. 53—60.

явиться въ свѣтъ подъ именемъ: *Звѣздочки*. Переменная названія проистекала отъ объема изданія, а объемъ зависѣлъ отъ недостатка времени собрать и сгруппировать въ должной гармоніи статьи. Не стану объяснять вамъ этотъ недосугъ издателей, когда вамъ стоить только припомнить эпоху предшествовавшую 14-му декабря, когда волны событій влекли насъ къ тому жизненному кризису, гдѣ долженъ былъ разрѣшиться вопросъ: to be or not to be....“

V.

Пушкинъ, какъ извѣстно, не былъ членомъ тайнаго политическаго общества которое съ своими развѣтвленіями широко раскинулось въ Россіи за время съ 1817 по 1825 годъ. Между тѣмъ многіе изъ его товарищей, друзей и пріятелей вошли въ составъ этого общества. Чтѣ же спасло Пушкина отъ участія въ немъ? Осторожность отнюдь не была въ его натурѣ, и именно благодаря ея отсутствію онъ сильно настрадался въ жизни; трусомъ Пушкинъ никогда не былъ, чтѣ доказываютъ его дуэли, на которыхъ онъ съ такимъ спокойствіемъ становился предъ пистолетомъ своего противника; воздержностію сужденій не отличался: объ этомъ знала вся грамотная Россія, съ жадностію перечитывавшая множество его рукописныхъ, цензурныхъ стихотвореній: онъ-то и угодили его въ долгодѣльную ссылку. Итакъ, чтѣ же сохранило пылкаго поэта отъ вступленія въ тайное общество?

Разрѣшеніе этого вопроса мы находимъ въ запискахъ *Ивана Ивановича Пущина* (умеръ 3-го апрѣля 1859 года). Пущинъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, былъ другъ и товарищъ Пушкина по воспитанію въ лицѣ. Онъ составилъ весьма интересныя воспоминанія о знакомствѣ и отношеніяхъ своихъ къ Пушкину, которыя и напечаталъ не задолго до своей смерти въ журналѣ *Атеней* (1858 г.). Предъ нами *неизданныя рукописныя дополненія къ этимъ запискамъ*, и въ нихъ-то мы находимъ объясненія по поводу поставленнаго выше важнаго въ жизни Пушкина вопроса. Приводимъ нѣсколько отрывковъ изъ нашей интересной рукописи.

„.... Встрѣча моя съ Пушкинымъ“, рассказываетъ Пущинъ, „на новомъ поприщѣ (въ 1818—1819 г., то-есть по выходѣ

уже изъ лица) имѣла свою знаменательность. Пока онъ гулялъ и отдыхалъ въ селѣ Михайловскомъ, а уже успѣлъ поступить въ тайное общество: обстоятельства такъ расположили моей судьбой! Еще въ лицейскомъ мундирѣ я былъ частымъ гостемъ артели которую тогда составляли Муравьевы (Александръ и Михайло), Бурцевъ, Павелъ Колошинъ и Семеновъ. Съ Колошинымъ я былъ въ родствѣ.... Наши бесѣды о предметахъ общественныхъ, о злѣ существующаго у насъ порядка вещей и о возможности измѣненія, желаемого многими втайнѣ, необыкновенно сблизили меня съ этимъ мыслящимъ кружкомъ: я сдружился съ нимъ, почти жилъ въ немъ. Бурцевъ, которому я больше высказывался, нашелъ что по мнѣнїямъ и убѣжденїямъ моимъ, вынесеннымъ изъ лица, я готовъ для дѣла. На этомъ основанїи онъ принялъ въ общество меня и товарища моего Вальховскаго, который, поступивъ въ гвардейскій генеральный штабъ, сдѣлался его товарищемъ по службѣ. Бурцевъ тотчасъ узналъ его, понялъ и оцѣнилъ....

„Первая моя мысль была открыться Пушкину: онъ всегда согласно со мною мыслилъ о дѣлѣ общемъ (res publica), по своему проповѣдовалъ въ нашемъ смыслѣ и изустно, и письменно, стихами и прозой. Не знаю, къ счастью ли его или къ несчастію, онъ не былъ тогда въ Петербургѣ, а то не ручаюсь что, въ первыхъ порывахъ, по исключительной дружбѣ моей къ нему, я, можетъ-быть, увлекъ бы его съ собою. Въ послѣдствїи, когда думалось мнѣ исполнить эту мысль, я уже не рѣшался ввѣрить ему тайну, не мнѣ одному принадлежавшую, гдѣ малѣйшая неосторожность могла быть пагубна всему дѣлу. Подвижность пылкаго его нрава, сближеніе его съ людьми ненадежными, пугало меня. Къ тому же въ 1818 году, когда часть гвардіи была въ Москвѣ, по случаю прїѣзда прусскаго короля, столько было опрометчивыхъ дѣйствїй одного члена общества, что признали необходимымъ дѣлать выборъ со всею строгостью, и даже, нѣсколько лѣтъ спустя, объявлено было объ уничтоженїи общества чтобы тѣмъ удалить неудачно принятыхъ членовъ. На этомъ основанїи я присоединилъ къ союзу одного Рылѣва, несмотря на то что всегда былъ окруженъ многими раздѣляющими со мною мой образъ мыслей.

„Естественно что Пушкинъ, увидя меня послѣ первой нашей разлуки, замѣтилъ во мнѣ нѣкоторую перемену и

началъ подозрѣвать что я отъ него что-то скрываю. Особенно во время его болѣзни и продолжительнаго выздоровленія, видаясь чаще обыкновеннаго, онъ затруднялъ меня спросами и разспросами, отъ которыхъ я какъ умѣлъ отдѣлывался, успокоивая его тѣмъ что онъ лично, безъ всякаго воображаемаго имъ общества, дѣйствуетъ какъ нельзя лучше для благой цѣли: тогда вездѣ ходили по рукамъ, перечитывались и читались наизусть его *Деревня*, *Ода на свободу*, *Ура! въ Россію скачетъ* и другія мелочи въ томъ же духѣ. Не было живаго человѣка который не зналъ бы его стиховъ. Нечего и говорить уже о разныхъ его выходкахъ которыя вездѣ повторялись.... Онъ во всеуслышаніе въ театрѣ кричалъ: „Теперь самое безопасное время, по Невѣ идетъ ледъ!“ Въ переводѣ: „нечего опасаться крѣпости“. Конечно, болтовня эта вздоръ; но этотъ вздоръ, похожій нѣсколько на поддразниваніе, переходилъ изъ устъ въ уста и порождалъ разные толки, имѣвшіе дальнѣйшее свое развитіе; слѣдовательно и тутъ даже нѣкоторымъ образомъ достигалась цѣль которой онъ несознательно содѣйствовалъ.

„Между тѣмъ тотъ же Пушкинъ.... очень часто сердилъ меня и вообще всѣхъ насъ тѣмъ что любилъ, на примѣръ, вертѣться у оркестра около Орлова, Чернышева, Киселева и другихъ; они съ покровительственною улыбкой выслушивали его шутки.

„....Самое сильное нападеніе Пушкина на меня, по поводу общества, было, когда онъ встрѣтился со мной у Н. И. Тургенева, гдѣ тогда собрались всѣ желавшіе участвовать въ предполагаемомъ изданіи политическаго журнала. Тутъ, между прочими, были Куницынъ * и нашъ лицейскій товарищъ Масловъ. Мы сидѣли кругомъ большаго стола. Масловъ читалъ статью свою о статистикѣ. Въ это время я слышу что кто-то сзади беретъ меня за плечо. Оглядываюсь—Пушкинъ. „Ты что здѣсь дѣлаешь? Наконецъ поймалъ тебя на самомъ дѣлѣ!“ шепнулъ онъ мнѣ на ухо и прошелъ дальше. Кончилось чтеніе. Мы встали. Подхожу къ Пушкину, здороваюсь съ нимъ. Подали чай. Мы закурили сигары и сѣли въ уголокъ.

„—Какъ же ты мнѣ никогда не говорилъ что знакомъ съ Николаемъ Ивановичемъ (Тургеневымъ)? Вѣрно это

* Замѣчательный профессоръ Царскосельскаго Лицея въ первую эпоху его существованія.

ваше общество въ сборѣ? Я совершенно нечаянно зашелъ сюда, гуляя въ Лѣтнемъ саду. Пожалуста, не секретничай: право, любезный другъ, это ни на что не похоже!

„Мнѣ и на этотъ разъ легко было, безъ большого обмана, доказать ему что это совсѣмъ не собраніе общества, имѣ отыскиваемого, что онъ можетъ спросить Маслова, и что я самъ тутъ совершенно неожиданно.

„— Ты знаешь, Пушкинъ, что я отнюдь не литераторъ и, вѣроятно, удивляешься что я попалъ нѣкоторымъ образомъ въ сотрудники журнала. Между тѣмъ это очень просто, какъ сейчасъ увидишь. На дняхъ былъ у меня Н. Тургеневъ, разговорились мы съ нимъ о необходимости и пользѣ изданія въ возможно-свободномъ направленіи: тогда это была преобладающая его мысль. Увидѣлъ онъ у меня на столѣ недавно появившуюся книгу M-me Staël: *Considérations sur la révolution française* и совѣтовалъ мнѣ попробовать написать что-нибудь объ ней и изъ нея. Тутъ же пригласилъ меня въ этотъ день, вечеромъ, быть у него: вотъ я и здѣсь!“

„Не знаю настоящимъ образомъ до какой степени это объясненіе, совершенно справедливое, удовлетворило Пушкина, только вслѣдъ за тѣмъ у насъ перемѣнился разговоръ, и мы вошли въ общій кругъ. Глядя на него, я долго думалъ: не долженъ ли я, въ самомъ дѣлѣ, предложить ему соединиться съ нами? Отъ него зависѣло принять или отвергнуть мое предложеніе. Между тѣмъ, тутъ же, неволью являлся вопросъ: почему же, помимо меня, никто изъ близко знакомыхъ ему старшихъ нашихъ членовъ не думалъ объ немъ? Значить, ихъ останавливало почти то же что меня пугало: образъ его мыслей всѣмъ хорошо былъ извѣстевъ, но не было полнаго къ нему довѣрія.

„Преслѣдуемый мыслью что у меня есть тайна отъ Пушкина и что, можетъ-быть, этимъ самымъ я лишаю общество полезнаго дѣятеля, я почти рѣшался броситься къ нему и все высказать, зажмуря глаза на послѣдствія. Въ этой постоянной борьбѣ съ самимъ собою, какъ нарочно вскорѣ случилось мнѣ встрѣтить Сергѣя Львовича * на Невскомъ проспектѣ.

„— Какъ вы, Сергѣй Львовичъ? Что нашъ Александръ?

„— Вы когда его видѣли?

* Отца Пушкина.

„Нѣсколько дней тому назадъ, у Тургенева.

Я замѣтилъ, что Сергій Львовичъ что-то мраченъ.

„Je n'ai rien de mieux à faire que de me mettre en quatre pour rétablir la réputation de mon cher fils. Видно, вы не знаете послѣднюю его проказу?

„Тутъ онъ разказалъ мнѣ что-то, право не помню что именно, да и припоминать не хочется.

„Забудьте этотъ вздоръ, почтенный Сергій Львовичъ! Вы знаете что Александру многое можно простить: онъ окушаетъ свои шалости неотъемлемыми достоинствами, которыхъ нельзя не любить.

„Отецъ пожалъ мнѣ руку и продолжалъ свой путь.

„Я задумался, и, признаюсь, эта встрѣча, совершенно случайная, произвела свое впечатлѣніе: мысль о принятіи Пушкина исчезла изъ моей головы. Я страдалъ за него и, подчасъ, мнѣ опять казалось что, можетъ-быть, тайное общество, сокровеннымъ своимъ клеймомъ, поможетъ ему повнимательнѣе и построже взглянуть на самого себя, сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ ненормальномъ своемъ быту. Я зналъ что онъ иногда скорбѣлъ о своихъ промахахъ, обличалъ ихъ въ близкихъ нашихъ откровенныхъ бесѣдахъ, но, видно, не пришла еще пора кипучей его природѣ уговориться. Какъ ни вертѣлъ я все это въ умѣ и сердцѣ, кончалъ тѣмъ что созналъ себя не въ правѣ дѣйствовать по личному убѣжденію въ дѣлѣ, отвѣтственномъ предъ цѣлю самого Союза.*

„Послѣ этого мы какъ-то не часто видѣлись....“

Между тѣмъ опрометчивыя выходки Пушкина, давно уже обращавшія на него вниманіе полиціи, вызвали наконецъ рѣшительную для него ссылку. Поэтъ нашъ былъ отправленъ на службу въ Бессарабію и затѣмъ почти четыре года провель въ скитаніяхъ по всему югу Россіи, прежде чѣмъ пріютился въ Одессѣ, въ канцеляріи новороссійскаго генералъ-губернатора Воронцова. Лѣтомъ 1824 года Пушкинъ былъ высланъ и оттуда: на этотъ разъ его сослали въ заточеніе въ село Михайловское. Всѣ эти годы Пушкинъ зналъ о своемъ другѣ только по слухамъ. Слухи же эти, въ высшей

* „Союзъ благоденствія“, такъ называлось тайное политическое общество учрежденное въ 1818 г. въ Петербургѣ нѣсколькими молодыми людьми.

степени интересовавшіе современное общество, были самые разнорѣчивые.

„... Не зная ничего положительнаго, прибавляетъ Пущинъ, приписывали эту ссылку (то-есть изъ Одессы въ деревню) бывшимъ тогда неудовольствіямъ между Пушкинымъ и графомъ Воронцовымъ. Были разнообразныя слухи и толки.... Все это нисколько не утѣшало насъ.... Впрочемъ, Пушкинъ и самъ не зналъ настоящимъ образомъ причины своего изгнанія въ деревню; онъ приписывалъ удаленіе изъ Одессы графу Воронцову... думалъ даже что тутъ могли дѣйствовать въкоторыя смѣлыя его бумаги по службѣ, эпиграммы на управление и неосторожныя частыя разговоры его о религіи....“

Въ январѣ или февралѣ мѣсяцѣ 1825 года Иванъ Пущинъ посѣтилъ своего друга-поэта въ его деревенской глуши. Поездка эта, пребываніе въ селѣ Михайловскомъ и свиданіе съ Пушкинымъ въ высшей степени живо и увлекательно разказаны Пущинымъ въ его воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ *Атенѣ* 1858 года. Но предъ нами лежитъ рукопись этихъ записокъ, и въ ней мы находимъ двѣ-три дополнителныя подробности, не попавшія до сихъ поръ въ печать.

Пушкинъ, разказываетъ между прочимъ его гость, съ любопытствомъ спрашивалъ, что объ немъ говорятъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ? При этомъ вопросѣ Пушкинъ разказалъ, будто бы императоръ Александръ пришелъ въ безпокойство, увидя его фамилію въ запискѣ коменданта о пріѣзжихъ въ столицу, и тогда только успокоился, когда убѣдился что не онъ пріѣхалъ, а братъ его, Левушка. „На это я ему отвѣчалъ, прибавляетъ Пущинъ, что онъ совершенно напрасно мечтаетъ о политическомъ своемъ значеніи, и что врядъ ли кто-нибудь на него смотритъ съ этой точки зрѣнія.... Незамѣтно (въ разговорѣ нашемъ) коснулся опять подозрѣній насчетъ общества. Когда я ему сказалъ что не я одинъ поступилъ въ это новое служеніе, онъ вскочилъ со стула и воскликнулъ: „Вѣрно все это въ связи съ маіоромъ Раевскимъ, котораго пятый годъ держать въ Тираспольской крѣпости и ничего немогутъ допроситься....“*

* Маіоръ 32-го егерскаго полка Владимиръ Раевскій заключенъ былъ въ Тираспольскую крѣпость 6-го февраля 1822 года. О немъ произведено было четыре военныя дѣла въ разныхъ

VI.

Въ дополненіе къ изложенному считаю необходимымъ привести еще одну небольшую выдержку изъ неизданной части записокъ Пущина. Она укажетъ намъ какія чувства сохранило благородное сердце Пушкина къ его другу, погибшему въ бурь 14-го декабря 1825 года, и какимъ добрымъ участіемъ платили ему его друзья за эту любовь. Вотъ этотъ отрывокъ.

„Сцена перемѣнилась.

„Я осужденъ; * 1828 года, 5-го января, привезли меня изъ Шлиссельбурга въ Читу, гдѣ я соединился наконецъ съ товарищами моего изгнанія и заточенія, прежде меня прибывшими въ тамошній острогъ. Чтò дѣлалось съ Пушкинымъ въ эти годы моего странствованія по разнымъ мытарствамъ, я рѣшительно не знаю; знаю только и глубоко чувствую что Пушкинъ первый встрѣтилъ меня въ Сибири задушевымъ словомъ. Въ самый день моего приѣзда въ Читу призываетъ меня къ частоколу А. Г. Муравьева и отдаетъ листокъ бумаги, на которомъ неизвѣстною рукой написано было:

„Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ сѣтгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ;
Молю святое Провидѣнье:
Да голосъ мой душѣ твоей

частяхъ войскъ и наконецъ, въ 1827 году, по личному чинѣ, ордемовъ и шкѣнія, Ржевскій сосланъ въ Сибирь „какъ вредный въ обществѣ человекъ, за важные поступки и вредный образъ мыслей“. *Московскія Вѣдомости* 1827 г., № 94.

* Коллежскій ассессоръ Пущинъ, какъ видно изъ *Росписи*, обнародованной въ 1826 г., осужденъ къ смертной казни, отсѣченіемъ головы, между прочимъ за то что участвовалъ въ управленіи (тайнаго) общества, принималъ членовъ и давалъ порученія; лично дѣйствовалъ въ матажѣ и возбуждалъ лишние чины. Приговоръ этотъ тогда же былъ замѣненъ пожизненною каторжною работою, которая потомъ сокращена до 15-тилѣтняго срока, по истеченіи какого срока, Пущинъ до 1856 года жилъ поселенцемъ въ Сибири.

Даруетъ то же утѣшенье,
 Да озаритъ оны заточенье
 Лучемъ лицейскихъ асмыхъ дней!

„Псковъ, 13-го декабря 1826.“

„Отраднo отозвался во мнѣ голосъ Пушкина; преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не могъ обнять его, какъ оны меня обнималъ, когда я первый посѣтилъ его въ изгнаньи. Увы! я не могъ даже пожать руку той женщины которая такъ радостно спѣшила утѣшить меня воспоминаніемъ друга; но она поняла мое чувство безъ всякаго вѣшняго проявленія, нужнаго, можетъ-быть, другимъ людямъ и при другихъ обстоятельствахъ, а Пушкину, видно, тогда не разъ икнулось. Наскоро, черезъ частоколъ, Александра Григорьевна (Муравьева) проговорила мнѣ что получила этотъ листокъ отъ одного своего знакомаго предъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, хранила его до свиданія со мною, и рада что могла наконецъ исполнить порученное повѣтомъ.

„По прїѣздѣ моемъ въ Тобольскъ, въ 1839 г., я послалъ эти стихи къ Плетневу: * такимъ образомъ были они напечатаны; а въ 1842 году братъ мой Михаилъ ** отыскалъ во Псковѣ самый подлинникъ Пушкина, который теперь хранится у меня въ числѣ заветныхъ моихъ сокровищъ. ***

„Въ своеобразной нашей тюрьмѣ я слѣдилъ съ любовью за постепеннымъ литературнымъ развитіемъ Пушкина, мы наслаждались всѣми его произведеніями, являвшимися въ свѣтъ, получая почти всѣ повременные журналы. Въ письмахъ родныхъ и Энгельгардта, **** умѣвшаго найти меня и за Байкаломъ, я не разъ имѣлъ объ немъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Бывшій нашъ директоръ прислалъ мнѣ его стихи: „19-го октября 1827 года“:

„... Богъ помощь вамъ, друзья мои,
 Въ заботахъ жизни, царской службы,
 И на пирахъ разгульной дружбы,
 И въ сладкихъ таинствахъ любви!

* Плетневъ издавалъ въ то время *Современникъ*.

** Михаилъ Ивановичъ Пущинъ, бывшій въ послѣдніе годы комендантомъ Вобруйской крѣпости, умеръ въ февралѣ 1869 года.

*** Писано въ 1858 году.

**** Бывшаго первымъ по времени, да и по своимъ достоинствамъ, директоромъ Царскосельскаго лицей.

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
И въ счастья, и въ житейскомъ горѣ,
Въ странѣ чужой, въ пустынномъ морѣ
И въ темныхъ пропастьяхъ земли!..*

И въ эту годовщину, въ кругу товарищей, друзей, Пушкинъ вспоминалъ меня и Вильгельма, * заживо погребенныхъ, которыхъ они не досчитывались на лицейской сходкѣ.

Въ послѣдствіи узналъ я объ его женитбѣ и камерьерскерствѣ; и то, и другое какъ-то худо укладывалось во мнѣ: я не умѣлъ представить себѣ Пушкина семьяниномъ и придворцомъ; жена красавица и придворная служба пугали меня за него. Все это вмѣстѣ, по моимъ понятіямъ объ немъ, не обѣщало упрочить его счастье....“

VII.

Съ освобожденіемъ изъ заточенія въ деревнѣ, Пушкинъ, какъ извѣстно, бросился въ водоворотъ шумной свѣтской жизни. Всюду сопутствовала ему слава гениальнаго поэта, окружившая его личность блестящимъ ореоломъ; всюду ждалъ его самый радушный приѣмъ, вездѣ встрѣчались люди стоявшіе въ рядахъ образованнѣйшихъ представителей тогдашняго общества и считавшіе за особую честь быть знакомыми или пріятелями Пушкина. Къ этимъ первымъ годамъ новой эпохи его жизни относится одинъ эпизодъ, который не былъ еще разказанъ ни въ одной изъ многочисленныхъ статей о его жизни. Этотъ эпизодъ переданъ намъ однимъ изъ тогдашнихъ друзей Пушкина, г. М***.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ въ Москвѣ славился радушіемъ и гостепріимствомъ домъ князя Александра Михайловича и княгини Екатерины Павловны Урусовыхъ. Хозяйка, рожденная Татищева, родная сестра знаменитаго русскаго посла сначала въ Мадридѣ, а потомъ въ Вѣнѣ, Дмитрія Павловича Татищева, была женщина весьма образованная, прекрасно знала иностранные языки и въ особенности англійскій, на которомъ весьма свободно и

* Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, по воспитанію лицеистъ, за участіе въ 14-мъ декабря 1825 года, сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ въ 1843 году.

съ большою охотою объяснялась. Но не одно радушіе и образованность хозяевъ влекли въ этотъ домъ тогдашнюю молодежь, и туземную, и пріѣзжую. Въ домѣ этомъ были три граціи, дочери князя Урусова, три красавицы, справедливо считавшіяся украшеніемъ московскаго общества того времени. Старшая изъ нихъ, Марія, была замужемъ за графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, сыномъ московскаго богача, имѣвшаго громадный домъ на Разгуляѣ; вторая, Софья, вышла въ послѣдствіи за кн. Льва Радзивилла, а третья была потомъ въ замужествѣ за гр. Кутайсовымъ. Нельзя сказать чтобы князь Урусовъ дѣлалъ большіе и парадные приемы гостей или вообще устраивалъ роскошные званые вечера, тѣмъ не менѣе почти каждый день собирався у него тѣсный кружокъ друзей и знакомыхъ, преимущественно молодыхъ людей. Такимъ образомъ здѣсь бывалъ М***, блестящій адъютантъ знаменитаго графа Петра Александровича Толстаго; сюда же постоянно являлся родственникъ княгини Урусовой, артиллерійскій офицеръ С***, человѣкъ образованный, хорошо знавшій англійскій языкъ, угрюмый поклонникъ поэзіи Байрона и скромный подражатель ему въ стихахъ, которые онъ кропалъ, такъ сказать, „про себя“. С*** былъ весьма неравнодушенъ къ одной изъ красавицъ княженъ Урусовыхъ. Въ этомъ же домѣ особенно часто появлялся, весной 1827 года, Пушкинъ. Прекрасная среда его окружавшая, красота и любезность молодыхъ хозяекъ дѣйствовали на нашего поэта весьма возбуждительно, и онъ, проводя почти каждый вечеръ у князя Урусова, бывалъ весьма веселъ, остеръ и словоохотливъ. Въ разказахъ, импровизаціяхъ и шуткахъ бывалъ въ это время неистощимъ. Между прочимъ, онъ увлекалъ присутствовавшихъ прелестною передачей русскихъ сказокъ. Бывало все общество соберется вечеркомъ кругомъ большаго круглаго стола, и Пушкинъ поразительно увлекательно переноситъ слушателей своихъ въ фантастическій міръ населенный вѣдьмами, домовыми, лѣшими, русалками и всякими созданіями народнаго эпоса. Нечего и говорить что матеріалъ, добытый имъ въ долговременное пребываніе въ деревнѣ, разукрашаемъ былъ вымыслами его неистощимой фантазіи, причемъ Пушкинъ ловко поддѣлывался подъ колоритъ народныхъ сказаній.

Во время этихъ посвѣщеній Пушкинъ, еще по петербург-

ской своей жизни бывшій короткимъ пріятелемъ М***, облизался и съ С***; послѣднему Пушкинъ подарилъ сочиненія Байрона, причемъ сдѣлалъ на книгѣ надпись въ весьма дружественныхъ выраженіяхъ. Тѣмъ не менѣе легко было замѣтить что ревнивый и крайне самолюбивый С*** чѣмъ чаще сходился съ Пушкинымъ у князя Урусова, тѣмъ становился угрюмѣе и холоднѣе къ своему пріятелю. Особенное вниманіе, которое столь справедливо встрѣчалъ Пушкинъ въ этомъ семействѣ, и въ особенности вниманіе молодой княжны, предмета сокровеннаго обожанія со стороны С***, возбуждало въ немъ сильнѣйшую ревность. Такія напряженныя отношенія должны были привести къ вспышкѣ; она скоро произошла и притомъ, какъ большею частію бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, произошла изъ-за самой пустой причины.

Однажды Пушкинъ, шутя и балагурия, разказалъ что-то смѣшное о графинѣ Б. С***, мрачно поглядывавшій на Пушкина, прослушалъ весь разказъ и, по окончаніи его, счелъ нужнымъ, въ качествѣ знакомаго или даже роднаго Б., обидѣться.

— Какъ вы смѣли отозваться неуважительно объ этой особѣ? задорно проговорилъ С*** обращаясь къ Пушкину. — Я хорошо знаю графиню, это во всѣхъ отношеніяхъ почтенная особа, и я не могу допустить оскорбительныхъ объ ней отзывовъ....

— Зачѣмъ же вы не остановили меня, когда я только начиналъ разказъ? отвѣчалъ Пушкинъ.— Почему вы не сказали мнѣ раньше что вы знакомы съ графиней Б? А то вы спокойно выслушали весь разказъ, и потомъ какимъ-то Донъ-Бихотомъ становитесь въ защитники этой дамы и берете ее подъ свою протекцію?

Вся эта сцена произошла въ довольно тѣсномъ кружкѣ обычныхъ гостей князя Урусова; тутъ же былъ и г. М***, передавшій намъ подробности происшествія.

Затѣмъ разговоръ въ тотъ вечеръ не имѣлъ никакихъ послѣдствій, и всѣ разъѣхались по домамъ не обративъ на него никакого вниманія.

Но на другой же день, рано утромъ, на квартиру къ М*** является Пушкинъ. Къ величайшему изумленію М***, пылкій пріятель его, съ обычною ему живостью, передалъ что не далѣе какъ въ это же утро онъ получилъ отъ С***

письменный вызовъ на дуэль, и ни минуты не мѣшкая, отвѣчалъ ему, письменно же, согласиеть на принятіе вызова.

Вотъ подлинныя слова записки Пушкина, написанной на маленькомъ лоскуткѣ. М*** въ послѣдствіи добылъ ее и до нынѣ сохраняетъ изъ уваженія къ памяти своего друга:

„A l'instant, si vous le desirez, venez avec un témoin.“

A. P.

„15-го апрѣля.“

Передавъ о своемъ отвѣтѣ на вызовъ С***, Пушкинъ сообщилъ М***, что у него уже былъ секундантъ С***, Алексѣй Васильевичъ Шереметевъ (нынѣ покойный), и что онъ послалъ его для переговоровъ объ условіяхъ дуэли, къ нему, М***, котораго и просить быть секундантомъ.

Какъ ни неожиданно и странно было это предложеніе, тѣмъ не менѣе М*** не счелъ возможнымъ отклонить предложеніе Пушкина, съ одной стороны, зная, что если онъ откажется, то Пушкинъ легко найдетъ себѣ другаго секунданта, а главное, тутъ же задумавъ какъ бы уладить дѣло миромъ и не допустить человѣка бывшаго гордостью и славою всей Россіи такъ опрометчиво рисковать жизнью.

Только что уѣхалъ Пушкинъ, къ М*** явился секундантъ С***, Шереметевъ. Это былъ артиллерійскій офицеръ, по прежней своей службѣ товарищъ С***, а въ разказываемое время состоявшій адъютантомъ у графа Петра Александровича Толстаго. Это былъ человѣкъ благородный и добрый, несмотря на нѣкоторыя странности. М*** очень обрадовался увидавъ Шереметева въ роли секунданта противника Пушкина: значить, дѣло можно уладить!

И вотъ М*** повелъ переговоры о'мнрѣ. Но Шереметевъ, войдя серьезно въ роль секунданта, требовалъ чтобы Пушкинъ, если не будетъ драться, извинился предъ С***, и какъ ни убѣждалъ его М*** что этого не возможно требовать отъ Пушкина, такъ какъ онъ ни въ чемъ и не виновать предъ С***, но Шереметевъ былъ непреклоненъ.

— Послушай, однако, сказалъ М***, прибѣгая къ послѣднему аргументу: — если будетъ убитъ на этой дуэли С***, никто дурнаго слова не скажетъ ни о комъ изъ насъ, никто не пожалѣетъ о С***, такъ какъ подѣломъ ему и кара, ну, а если погибнетъ Пушкинъ, какъ приметъ эту вѣсть все

русское общество, вся Россія? И что жь ты думаешь? Не обратится ли справедливое всеобщее негодованіе на секундантовъ этой глупой дуэли, на меня съ тобой? Не обвинить ли насъ каждый что мы допустили состояться этой дуэли; повѣрь что каждый назоветъ насъ полнѣйшими дураками, что мы не сумѣли отвратить дуэли и притомъ происшедшей изъ-за такихъ пустяковъ.... Повѣрь что намъ послѣ этого нельзя будетъ никуда показаться, каждый кто мало-мальски почитаетъ Пушкина будетъ насъ проклинать....

Въ виду этихъ и имъ подобныхъ аргументовъ, Шереметевъ понявъ наконецъ что исторія, въ которую онъ вступалъ, прежде всего падеть всѣмъ позоромъ на головы секундантовъ, въ случаѣ если будетъ убитъ или раненъ Пушкинъ, и что во всякомъ случаѣ надо предотвратить эту роковую случайность и не подставлять лобъ геніальнаго поэта подъ дуло пистолета взбалмошнаго офицера.... Шереметевъ поспѣшилъ уговориться съ М*** о средствахъ къ примиренію С*** съ Пушкинымъ. Затѣмъ въ то же утро Шереметевъ привелъ С*** къ Сергію Александровичу Соболевскому, на Собачью площадку, у котораго жилъ въ это время Пушкинъ. Сюда же пришелъ М***, и, при дружныхъ усиліяхъ обоихъ секундантовъ и при посредничествѣ Соболевскаго, имѣвшаго, по свидѣтельству М***, большое вліяніе на Пушкина, примиреніе состоялось. Поданъ былъ роскошный завтракъ, и, съ бокалами шампанскаго, противники, безъ всякихъ извиненій и объясненій, протянули другъ другу руки.

Такъ благополучно окончился одинъ изъ многихъ подобныхъ эпизодовъ въ жизни пылакаго и быстро увлекавшагося Пушкина. По мнѣнію М***, съ Пушкинымъ не произошла бы катастрофа, десять лѣтъ спустя сведшая его въ преждевременную могилу, еслибы на то время случился при немъ въ Петербургѣ С. А. Соболевскій. Этотъ человѣкъ пользовался безусловнымъ довѣріемъ нашего поэта и непремѣнно сумѣлъ бы отвратить отъ него роковую дуэль.

VIII.

Семейная жизнь Пушкина, какъ извѣстно, не была особенно сладка и пріятна. Отецъ его, отставной гвардейскій офицеръ времени Павла I, былъ человѣкъ холодный, пустой

и безтолково-расточительный. Всю жизнь свою онъ провелъ довольно безалабернымъ образомъ, проживая и проживаясь, положительно ничего не дѣлая, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. Французское воспитаніе имъ полученное отодвинуло его отъ Россіи и русскаго народа и не могло дать ему ни свѣдѣній, ни энергіи для службы на какомъ бы то ни было поприщѣ. Средства, полученные имъ частію по наслѣдству, частію за женой, позволяли ему бѣольшую часть своей жизни удовлетворять своимъ прихотямъ. Любопытно что онъ никогда не оказывалъ ни малѣйшей помощи своему сыну Александру, и тотъ справедливо говорилъ своимъ деревенскимъ сосѣдямъ, близко знавшимъ его семейныя дѣла, что онъ едва ли получалъ отъ отца во всю свою жизнь до пяти сотъ рублей ассигнаціями. При всемъ томъ тщеславіе Сергѣя Львовича тѣшили успѣхи его сына, и онъ по-своему цѣнилъ ихъ и гордился ими.

Въ нѣкоторыхъ біографіяхъ Александра Пушкина упоминается что отецъ его былъ самъ стихотворецъ. Дѣйствительно, Сергѣй Львовичъ имѣлъ врожденную способность писать и говорить стихами, — даръ возросшій въ его сынѣ до поэтическаго творчества. Поприще на которомъ онъ подвизался со своими стихами были дамскіе и дѣтскіе альбомы, и въ нихъ-то онъ весьма охотно и съ одинаковою легкостью писалъ то русскіе, то французскіе стишки самаго сладкаго сентиментальнаго характера. Меня увѣряли даже что онъ владѣлъ довольно легкимъ англійскимъ и италіянскимъ стихомъ. Предметами его пѣснопѣній бывали обыкновенно юницы, только-только что выходившія изъ коротенькихъ платьицъ, и чѣмъ старѣе дѣлался Пушкинъ-отецъ, тѣмъ охотѣе „точилъ онъ слезы умиленія и любви предъ юнѣйшими изъ юныхъ отроковицъ“. Небольшаго роста, толстенькій, беззубый, пѣшивый и вѣчно прилизывавшій скудные остатки волосъ фиксауаромъ, онъ былъ чрезвычайно слезливъ и весьма рано обрѣячился. Влюблялся онъ въ десятилѣтнихъ дѣвочекъ и пресмѣшно ревновалъ ихъ. Такъ разказывали мнѣ предметы его поклоненія, нынѣ солидныхъ лѣтъ дамы и дѣвицы.

Въ альбомахъ села Тригорскаго мы встрѣтили множество стиховъ Сергѣя Львовича Пушкина, и имѣя въ виду что эти стихи принадлежатъ *тому* великаго поэта, нельзя не привести хоть нѣкоторыя изъ этихъ произведеній. Вотъ, напри-

хѣръ, посланіе Сергія Львовича Пушкина, написанное въ 1840 году, Марья Ивановна О—и:

„Не знаю, дружбу или любовь
 Питаю къ ней въ душѣ умышлой,
 Но сердце коетъ, бьется вновь
 Какъ билось въ юности счастливой:
 Люблю ее за тихій нравъ,
 За ясный умъ, столь просвѣщенный,
 За красоту, за взглядъ безцѣнный
 И за улыбку на устахъ;
 Люблю я звукъ ея рѣчей
 И кудри русыя, густыя,
 Рѣсницы длинныя очей,
 И розы на щекахъ живыя.
 При ней я робокъ, молчаливъ,
 Одну ее я вижу, ей внимаю,
 Порой то весель, то ревнивъ,
 Любовь ли это?... Я не знаю.
 Во мнѣ кипитъ и стываетъ кровь,
 При ней мнѣ все очарованье,
 Но нѣтъ надежды, нѣтъ желанья....
 То вѣрно дружба, не любовь.“

А вотъ и другой обращеніе этой поэмѣ:

„Люблю.... никто того не знаетъ,
 И тайну милую храню въ душѣ моей.
 Я знаю то одинъ.... хоть сердце изнываетъ,
 Хотя и день, и ночь тоскою я по ней;
 Но мило мнѣ мое страданье,
 И я клался любить ее безъ упованья;
 Но не безъ счастья для сердца моего
 Я на нее гляжу.... Довольно и того.“

Пушкинъ—отецъ довольно часто проводилъ лѣто въ селѣхъ Михайловскомъ, имѣнныи своей жены, и, подобно сыну, любилъ проводить цѣлыя дни въ сосѣднемъ Тригорскомъ. Выше приведены стихи Александра Пушкина, 1825 года, объ этомъ дорогомъ для него убѣжищѣ, а вотъ и стихи отца его (1839 года) обращенные къ тому же предмету:

„Жизнѣе мирное, услада дѣей моихъ,
 И озеро, и лѣсъ, и садъ любимый мною,
 Гдѣ слезы апаъ подъ сѣнью дровъ густыхъ,
 Гдѣ усаждали мы, страдальца, тишиною,
 Гдѣ я, друзья, мечтаю о васъ,
 Простите всѣ въ послѣдній разъ!“

И ты, которую я называть не смѣю,
 Которую любилъ я всею душой моею,
 Которой има я, въ послѣдній жизни часъ,
 Послѣдню мысль мою замывъ одной тобою,
 Я прошепчу съ любовью и тоскою, —
 Прости, въ послѣдній разъ.“

Страсть къ стихописанію у Пушкина-отца была чрезвычайная; всѣ записки его къ предметамъ его платонической страсти писались не иначе какъ стихами; посылаетъ ли онъ цвѣты, книгу, собаку, лампу, посылку неминуемо сопровождаютъ стихи. Вотъ одно изъ его посланій на французскомъ языкѣ:

Ayez pour moi de l'amitié
 Des petits soins, de l'indulgence.
 Je vous promets obeissance,
 Amour de chien, reconnaissance
 Et surtout sa fidelité.“

Или вотъ еще:

„Un mot d'amour
 Est le bonheur suprême,
 Si par l'objet, qu'on aime,
 Il est dit sans détour
 Ce mot d'amour.“ и т. п.

Нѣкоторые стихи Пушкина-отца отличались и легкостью формы, и нѣкоторою игривостью мысли. Вотъ, на примѣръ, довольно милое, по своему времени и по преклонному возрасту автора, стихотвореніе, написанное къ одной изъ дочерей владѣтельница села Тригорскаго въ 1842 году:

„Вы приказали. Повинуюсь
 И дамъ спѣшу принести въ альбомъ,
 Хоть въ стихотворцы я не суюсь,
 Но воля ваша мнѣ законъ.
 Я не былъ никогда поетомъ,
 Стиховъ я вовсе не писалъ,
 И пѣническимъ привѣтомъ
 Къ себѣ я музъ не призывалъ.
 Въ связи съ жрецами Аполлона,
 Когда, кой-гдѣ о немъ слыжалъ...
 Изъ пѣсней съ жадностью внималъ,
 Но и къ подошвѣ Гелікова
 Отъ робости не приступалъ.
 Не знаю, истинно, ей, ей,
 Какой звѣрь ялюбъ и что хорей;

Не знаю гдѣ кастальскі воды,
 И кто былъ Обѣзъ, и гдѣ Парнасъ,
 Вбланиль Тригорскаго у васъ
 Обѣзъ щецъ мира и свободы.
 Подчасъ, мнѣ кажется, онъ къ вамъ
 Подкралъ тихими шагами,
 Невидимо любуясь вами,
 Слѣдитъ плавною мечтамъ,
 Невидимо, предъ всѣми вами,
 По звонкамъ, сладостнымъ струнамъ
 Играетъ вашими перстами.*
 Такъ что жъ при немъ могу сказать?
 Что чувствую писать не смѣю...
 Предъ Обѣзомъ я благоговѣю...
 Предъ вами лишь могу молчать.*

Александръ Пушкинъ, какъ разказывали мнѣ люди близко знавшіе его семейный бытъ, не встрѣчалъ и въ матери своей той нѣжной привязанности и любви которая такъ усаждаетъ каждого человѣка и остается для него на всю жизнь самымъ дорогимъ воспоминаніемъ. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ въ доставшейся мнѣ замѣткѣ баронесса В., коротко знавшая отношенія своего друга Пушкина къ его матери:

„...Пушкинъ чрезвычайно былъ привязанъ къ своей матери, которая однако предпочитала ему втораго своего сына (Льва), и притомъ до такой степени что каждый успѣхъ старшаго дѣлалъ ее къ нему равнодушнѣе и вызывалъ съ ея стороны сожалѣніе что успѣхъ этотъ не достался ея любимцу. Но послѣдній годъ ея жизни, когда она была больна нѣскольکو мѣсяцевъ, Александръ Сергѣевичъ ухаживалъ за нею съ такою нѣжностью и удѣлялъ ей отъ малаго своего состоянья съ такою охотою что она узнала свою несправедливость и просила у него прощенія, сознавая что она не умѣла его цѣнить. Онъ самъ привезъ ея тѣло въ Святоторскій монастырь (апрѣль 1836 г.), гдѣ она похоронена, и тутъ же купилъ и себѣ мѣсто. Послѣ похоронъ онъ былъ чрезвычайно разстроенъ и жаловался на судьбу что она и тутъ его не пощадила, давъ ему такое короткое время пользоваться нѣжностью материнскою, которой до того времени онъ не зналъ. Между тѣмъ, какъ онъ самъ мнѣ разказывалъ, наши люди въ Петербургѣ которые увѣряли что онъ при отпѣваніи тѣла матери неприлично веселъ былъ...“

* Особа, которой писаны эти стихи, хорошо играла на фортепіано.

Предо мною лежитъ собраніе писемъ матери Пушкина къ баронессѣ В. Письма эти — свѣтская, дружеская боатовня столичной жительницы съ провинціальною пріятельницей: извѣстіями объ удовольствіяхъ и нарядахъ старушка думала занять молодаго своего друга; есть впрочемъ и двѣ-три строки имѣющія біографическій интересъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ изъ Петербурга отъ 4-го января 1834 года, мать Пушкина пишетъ: „... Je vous dirai pour nouvelle qu'Alexandre est nommé Gentilhomme de la chambre, Natalie * en est enchantée parce que cela lui donne l'entrée à la Cour; en attendant, elle danse partout chaque jour...“

Родители Пушкина жили зимою 1834 года въ Петербургѣ, у Пустаго рынка, на Гагаринской улицѣ: „...C'est a deux pas de mon fils, пишетъ 26-го декабря того же года мать Пушкина: ses enfans sont charmants. Natalie sort beaucoup, danse tous les jours. Hier j'ai passée la journée en famille: tous mes enfans ont diné chez nous. On n'entend parler que de fêtes, de bals et spectacles...“

Баронессѣ В—ской, проводившей въ могилу мать Пушкина, суждено было видѣть ея первенца-сына, а своего друга, за вѣсколько лишь дней до его трагической гибели. Въ началѣ января 1837 года баронесса В—ская пріѣхала въ Петербургъ съ мужемъ. Пушкинъ, лишь только узналъ о пріѣздѣ друга своей молодости, поспѣшилъ къ ней явиться. Съ этого времени онъ бывалъ у нихъ почти ежедневно и долго и откровенно говорилъ съ баронессой о всѣхъ своихъ дѣлахъ. Все это время онъ былъ въ высшей степени въ возбужденномъ и раздражительномъ состояніи. Сплетни и интриги тяжкими путами связали его, и онъ изнемогалъ подъ бременемъ клеветъ не оставившихъ въ покоѣ самую святыню его семейной жизни; къ тому же прибавилась крайняя запутанность матеріальныхъ средствъ.

Между тѣмъ жена его, не предвидя послѣдствій, передавала мужу все что доводилось ей слышать во время ея безпрестанныхъ выѣздовъ въ свѣтъ. Все это подливало масло въ огонь. Пушкинъ видѣлъ во всемъ вздорѣ до него доходившемъ посягновеніе на свою честь, на свое имя, на святость своего семейнаго очага, и давимый ревностью, мучимый фальшивостью положенія въ той сферѣ куда бы ему и не слѣдовало

* Наталья Николаевна, жена Пушкина.

стремиться, видимо искалъ смерти.... Встрѣтившись за нѣсколько дней до дуэли съ баронессой В. въ театрѣ, Пушкинъ самъ сообщилъ ей о своемъ намѣреніи искать смерти. Тщетно та продолжала его успокаивать, какъ дѣлала то при каждой съ нимъ встрѣчѣ. Пушкинъ былъ непреклоненъ. Наконецъ она напомнила ему о дѣтяхъ его.

— Ничего, раздражительно отвѣчалъ онъ:—императоръ, которому извѣстно все мое дѣло, обѣщалъ мнѣ взять ихъ подъ свое покровительство....

IX.

„Въ послѣднихъ числахъ января 1837 года,“ такъ разказывала намъ баронесса В., „сидѣла я у себя въ домѣ, въ селѣ Голубовѣ (въ 16 верстахъ отъ Тригорскаго), на верху, въ мезонинѣ, и расчесывала волосы.... Былъ вечеръ.... Тутъ же въ комнатѣ, въ полусумеркахъ, сидѣла со мною сестра Анна Николаевна и нянюшка.... Вдругъ я ясно услышала скрипъ лѣстницы, шумъ шаговъ и затѣмъ слышкомъ хорошо знакомый и дорогой мнѣ голосъ А. С. Пушкина.... Онъ спросилъ по-французски: „Можно войти?“

„До нельзя изумленная появленіемъ Пушкина, котораго я еще нѣсколько дней тому назадъ оставила въ Петербургѣ, я бросилась къ дверямъ, быстро распахнула ихъ, но ни въ передней, ни на лѣстницѣ — нѣтъ никого. Спрашиваю няню и сестру, и тѣ говорятъ что явственно слышали мужской голосъ, спрашивавшій за дверями позволенія войти. Всѣ мы сходимъ внизъ, спрашиваемъ: не пріѣзжалъ ли кто?... Но никто и никого не видѣлъ.... Сердце у меня болѣзненно сжалось. Я поняла тогда что это было видѣніе. Пушкина нашего нѣтъ на этомъ свѣтѣ.“

5-го февраля 1837 года, въ пасмурный зимній день, подъ вечеръ, П. А. Осипова, сидя у окна въ своемъ Тригорскомъ, попросила младшую свою дочь прочесть ей какую-то скучнѣйшую статью изъ французскаго журнала. Только что Марья Ивановна приступила къ чтенію, какъ лакей доложилъ что пріѣхалъ Тургеневъ.

— Ну что жь, вели ему выдать четверикъ овса, сказала госпожа Осипова, думая что это пріѣхалъ какой-нибудь малкій чиновникъ изъ земскаго или уѣзднаго суда ближняго города Опочки, за обыкновенною взяточною милостыней.

Всѣ эти чиновнички имѣли громкія фамиліи: Разумовскаго, Тургенева и т. п.

— Никакъ вѣтъ-съ, это не изъ судейскихъ, сказалъ лакей,— этотъ со звѣздой.

Оказалось что прїѣхавшій дѣйствительно былъ со звѣздой, и не писецъ изъ города Опочки, а Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Онъ, въ сопровожденіи жандарма, на почтовыхъ привезъ изъ Петербурга тѣло А. С. Пушкина.... Тѣло провезли прямо въ Святогорскій монастырь, а Тургеневъ заѣхалъ въ село Тригорское (въ трехъ верстахъ отъ монастыря) чтобы лично передать его обитателямъ подробности тяжкой утраты понесенной всею Россіей.

Долго не умолкала въ Тригорскомъ грустная бесѣда въ этотъ роковой вечеръ.... Тургеневъ разказывалъ много о своемъ другѣ. На этого почтеннаго человѣка выпала странная доля: онъ отвозилъ Пушкина двадцать шесть лѣтъ предъ тѣмъ въ лицей, и теперь сопровождалъ трупъ его въ его послѣднее жилище. Между прочими подробностями о смерти и отпѣваніи Пушкина, Тургеневъ сообщилъ что уваженіе къ памяти поэта въ громадныхъ толпахъ народа, бывшихъ на его отпѣваніи въ Конюшенной церкви, было до того велико что всѣ полы сюртука Пушкина были разорваны въ лоскутки, и онъ оказался лежащимъ чуть не въ курткѣ; бакенбарды его и волосы на головѣ были тщательно обрѣзаны его поклонниками.... *

Достойно замѣчанія что несмотря на поздній прїѣздъ свой въ Тригорское и на усталость съ дороги, Тургеневъ, какъ разказывала мнѣ М. И. О., остался вѣренъ своимъ привычкамъ: въ тотъ же вечеръ М. И. О. должна была, подъ его диктовку, записать происшествія послѣднихъ дней въ особый дневникъ, который Тургеневъ неизмѣнно, болѣе двадцати лѣтъ, велъ каждый день!

Гдѣ-то находится теперь этотъ, безъ всякаго сомнѣнія, любопытный матеріалъ для исторіи русскаго общества и

* Въ моемъ большомъ собраніи портретовъ русскихъ дѣятелей есть довольно рѣдкій портретъ 1837 г., автографія изображающая Пушкина въ гробу. Выраженіе лица поэта крайне спокойное, щеки какъ-то одутаваты. Голова подперта высокимъ галстукомъ, сюртукъ съ широкими лапками. На головѣ волосъ мало, бакенбарды чуть замѣтны. Подъ портретомъ простая подпись: „А. С. Пушкинъ“. Этотъ портретъ во всякомъ случаѣ стоило бы мнѣ перепечатать.

литературы за первыя десятилѣтія текущаго столѣтія? Александръ Ивановичъ Тургеневъ и по служебному своему положенію (онъ долго занималъ важный постъ въ канцеляріи государственнаго совѣта, затѣмъ въ придворной службѣ и, наконецъ, если не ошибаюсь, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ), и по своимъ какъ общественнымъ, такъ и литературнымъ связямъ, могъ многое знать, многое видѣть, а слѣдовательно могъ сообщить въ своемъ журналѣ чрезвычайно много любопытнаго. Вообще же этотъ человекъ, — вопреки свидѣтельству завистливаго и желчнаго Вигеля, — былъ дѣлатель весьма просвѣщенный и высоко достойный по своимъ нравственнымъ качествамъ. Извѣстно, напримѣръ, что когда братъ его, Николай Ивановичъ Тургеневъ, осужденный верховнымъ уголовнымъ судомъ въ 1826 году за участіе въ тайномъ обществѣ, вынужденъ былъ навсегда остаться въ чужихъ краяхъ изгнанникомъ, причемъ имѣнія его въ Россіи поступили его брату Александру, послѣдній продалъ ихъ и вырученный миллионъ рублей ассигнаціями передалъ брату и затѣмъ всю свою жизнь его поддерживалъ.

Обитатели Тригорскаго, чья память Тургенева, хранятъ литографированный портретъ его, едва ли не имъ самимъ подаренный, а въ альбомѣ сохраняются строки начертанная Александромъ Ивановичемъ во время его пріѣзда съ тѣломъ Пушкина. Вотъ что написалъ въ альбомѣ Тригорскихъ А. И. Тургеневъ.

„La bonheur est dans la vertu qui aime et dans la science qui éclaire.... (добавлено другою рукою: et la foi qui espère.)
Sentence versipée à Trigorskoye le 5 fevrier, 1837. A. Tourgeneff.“

Etends sur eux la main de Ta clémence:
Ils ont peché, mais le ciel est Ton don!
Ils ont aimé; c'est une autre innocence.
Ils ont souffert; c'est le sceau da pardon....

Lamartine. (Написалъ А. И. Тургеневъ 5-го февраля 1837 г.)

Въ пятомъ часу утра, 6-го февраля 1837 года, Тургеневъ и г-жа Осипова съ дочерью уже были въ Святогорскомъ монастырѣ. Тѣло Пушкина, какъ извѣстно, опущено въ могилу на самой вершинѣ крутой горы, на которой стоитъ церковь этой уединенной обители; по зеленому крутому обрыву спускается березовая роща, а у подошвы горы, за красивою

оградой изъ дикаго камня, огибаетъ монастырь большая почтовая дорога. Мѣсто это многократно описывалось разными провѣзжими и по своей живописности вполнѣ оправдываетъ выборъ здѣсь могилы, сдѣланный самимъ Пушкинымъ еще за годъ до своей смерти.

Памятникъ крайне не затѣливъ. На широкомъ каменномъ пьедесталѣ стоитъ небольшая усѣченная мраморная пирамидка, въ нишѣ которой поставлена урна. Желѣзная рѣшетка окружаетъ монументъ. Все это заплеснѣвало, заржавѣло, грязно, заброшено....

Когда-то Россія дождется монумента Пушкину? Когда-то по общественной инициативѣ и на пожертвованныя обществомъ же суммы сооруженъ будетъ памятникъ поэту, такъ много послужившему и русскому слову, и русской мысли?

Х.

Если потомки, къ стыду ихъ, довольно равнодушны къ памяти Пушкина, то современники его, надо отдать имъ справедливость, превознося его при жизни, приняли вѣсть о его утратѣ съ необыкновенною печалью.

Она выразилась и въ литературѣ, и въ частныхъ письмахъ, и въ общественныхъ толкахъ. Судя по силѣ того чувства безпредѣльной любви и уваженія которое выказалось тогда въ обществѣ къ Пушкину, нѣтъ сомнѣнйя, былъ бы сооруженъ ему общественными средствами и величественный памятникъ, и изданіе его сочиненій сдѣлано было бы съ надлежащею роскошью, еслибъ, увы, русское общество того времени имѣло болѣе свободы для проявленія своихъ желаній и для осуществленія ихъ. Къ сожалѣнію, тогдашняя администрація, не спускавшая общества съ помочей, не сочла возможнымъ допустить въ слишкомъ большихъ размѣрахъ проявленія сочувствія къ памяти Пушкина....

Тѣмъ дороже и интереснѣе для насъ проявленія чувствъ общества той эпохи, пережитыхъ имъ при вѣсти объ утратѣ Пушкина.... Въ самомъ дѣлѣ, едва ли когда-нибудь и прежде, и послѣ, смерть частнаго человѣка, простаго литератора, вызывала столь искреннюю печаль въ обществѣ какъ это было послѣ смерти Пушкина. Каждый, кто только мало-мальски состоялъ въ фалангѣ поэтовъ, счелъ своимъ

долгомъ выразить въ стихахъ чувства глубочайшей печали о повешенной обществомъ утратѣ. Князь Вяземскій, Эдуардъ Губертъ, Лермонтовъ, Макаровъ, Бороздна, Крепичевъ, словомъ, множество извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, старыхъ и молодыхъ стихотворцевъ того времени почтили свѣжую могилу Пушкина стихами; многія изъ этихъ произведеній такъ и остались въ рукописи, другія стихотворенія, какъ напримѣръ Лермонтова, вызвавъ много горя на голову ихъ сочинителя (ссылку на Кавказъ), узрѣли свѣтъ лишь тридцать лѣтъ спустя, обойдя до того всю Россію въ рукописи.

Обитательницы Тригорскаго, съ трогательною любовью къ памяти своего друга и сосѣда, собирали все что писалось тогда „на смерть Пушкина“. Отецъ поэта, А. И. Тургеневъ, Жуковскій, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ и другіе охотно посылали имъ произведенія этого *отдѣла* тогдашней литературы.... Вотъ между прочимъ къ этому же роду относящіяся рукописные стихи отца Пушкина, написанные имъ къ дочери г-жи Осиповой:

„На память нашего поэта
 Погибшаго во цвѣтъ лѣтъ
 Средь бурь, измѣнь моднаго свѣта, —
 Дарю тебѣ его портретъ.
 Ты вспомнишь и мои страданья,
 Потоки слезъ моихъ очей,
 И будутъ два воспоминанья —
 Предметы думъ души твоей.
 Да не отравятъ твой покой
 Сія мечта воображенья,
 Услышитъ теплая молитва
 Мои хранитель ангелъ твой!
 Склонялася главою въ прахъ,
 Я слышу генія... Паритъ онъ надъ тобою
 И блещетъ яркою звѣздою,
 И молить онъ о томъ же въ небесахъ.“

Сергѣй Пушкинъ.

Михайловское.

30-го сентября 1837 г.

На одномъ изъ хранящихся въ Тригорскомъ спискѣ извѣстнаго стихотворенія Лермонтова „на смерть Пушкина“, мы прочли слѣдующій эпиграфъ изъ трагедіи:

„Отищенья, государь, отищенья!
 Паду къ ногамъ твоимъ,

Будь справедливъ и накажи убійцу,
 Чтобъ казнь его въ позднѣйшіе вѣка
 Твоей правый судъ потомству возвѣстила,
 Чтобъ видѣли злодѣи въ ней примѣръ.*

Стихотвореніе Эдуарда Губерта, такъ же какъ и Лермонтова, писанное (30-го января 1837 г.) не для печати, довольно сильно и дышетъ неподдѣльнымъ чувствомъ.... Оно, подобно стихотворенію Лермонтова, увидѣло свѣтъ уже многіе годы спустя послѣ смерти ихъ автора. * Привожу нѣсколько заключительныхъ строкъ этого стихотворенія, а именно обращеніе поэта къ убійцѣ Пушкина:

„А ты... Но дура умокаетъ
 При страшномъ имени его,
 Но смѣлый голосъ замираетъ
 И не доходитъ до него.
 Влачишь въ пустынь безотрадной
 Съ клеймомъ позора на челѣ!
 Твоимъ костямъ въ могилѣ холодной
 Не будетъ мѣста на землѣ!
 Не знай надежды свѣтозарной,
 Чуждайся нѣги, сладкихъ сновъ!
 И въ глубинѣ души коварной
 Таи проклятія вѣковъ!
 Когда же горькими слезами
 Въ предсмертной мукѣ принята
 Молитва грѣшными словами
 Сойдетъ на грѣшныя уста,
 Тогда приликаетъ къ ложу муки
 Нѣмая тѣнь во тьмѣ ночью
 И окровавленныя руки
 Судомъ подниметъ надъ тобой!“

Ни одно почти стихотвореніе на смерть Пушкина не обходилось безъ выраженія болѣе или менѣе сильнаго негодованія противъ его убійцы. Такъ напримѣръ, безвѣстный для насъ авторъ рукописнаго же стихотворенія: *Воспоминаніе о Пушкинѣ*, между прочимъ, восклицаетъ:

„....Не спрашивай, Россія,
 Чьей святотатственной рукой
 Волшебныхъ струнъ оборванъ строй.
 Зачѣмъ? Оставь слова пустыя!

* Впервые сообщено въ *Москов. Вѣдом.* 1857 г. извѣстнымъ библиографомъ нашимъ М. Н. Лодгиновымъ.

Стыдится изгнанный пришлецъ.
 Поэтъ простилъ его съ любовью;
 Заоднѣ прославленный вѣнецъ
 Не запятвалъ прожитой кровью."

„Le nom de l'auteur je l'ignore, замѣчаетъ отецъ Пушкина, приславшій это стихотвореніе въ Тригорское въ своемъ собственноручномъ списокѣ: mais je lui porte le sentiment d'une reconnaissance profonde et bien sentie...“

Братъ покойнаго поэта, Левъ Пушкинъ, также прислалъ въ Тригорское своеручный списокъ нѣкоторыхъ стихотвореній на смерть автора *Полтавы* и *Бориса Годунова*. Вотъ, напримеръ, одно изъ нихъ, вычурное и своеобразное стихотвореніе нѣкоего Ивана Борозды, написанное въ Москвѣ 18-го марта 1837 г., съ эпиграфомъ изъ Пушкина: *Плачь, муза, плачь!* Не знаю, было ли оно въ свое время напечатано, тѣмъ не менѣе, для знакомства съ тѣмъ настроеніемъ общества которое вызвала смерть Пушкина, приведу отрывокъ и изъ этого произведенія:

„Ты перешелъ за грань земнаго міра,
 Очарователь нашъ, Очѣгина пѣвецъ,
 Славыяскихъ музъ любимый жрецъ!

И заострунная осиротѣла аура!

О какъ пѣвнительно на ней,
 Во славу родины своей,
 Ты, полный силы откровенья,
 Игралъ могучею рукой,
 Рояля пламень вдохновенья
 Въ грудь молодого поколѣнья
 Путеводимаго тобой!

И путь твой совершемъ! И гордая Россія
 Ихъ сохранитъ, твои созданыя вѣковыя,
 Неисчерпаемый источникъ чувствъ и думъ!

Ты стариковъ питаешь строгій умъ,
 Мечтательнымъ даримъ заманчивыя грезы,
 Скорбящимъ—утѣшенья слезы;
 Ты, какъ мудрецъ, разишь пороки,
 Величію даешь—величія урокъ;
 Волнуешь сердце дѣвы
 Картиной жизни и страстей,

И сладкорѣчіе любви внушаютъ ей
 Твои отрадные напѣвы!

Давно минувшіе ты воскрешаешь годы;

Когда жь дѣлательно живописуешь ты
 Мiросоздающа красоту,
 Въ твоихъ стихахъ слышна гармонiя природы.
 О! звуки ихъ изъ рода въ роды
 Стезею славы долетать,—
 Потожки повдвiе ихъ жадно затвердятъ
 И будетъ аркою звѣдою
 Сiять вѣнецъ, покинутый тобою!" и пр.

Приведу двѣ или три строфы изъ стихотворенiя В. Макарова, также по рукописному списку, найденному мною въ архивѣ Тригорскаго. Стихотворенiе это не безынтересно какъ отголосокъ тѣхъ толковъ которые вызвала гибель Пушкина:

„Друзья, я видѣлъ трупъ холодный
 Пѣвца возвышенныхъ рѣчей!
 И слышалъ я въ толпѣ народной
 Языкъ коварства и страстей.
 Одинъ бессмысленно взираетъ
 На трупъ великаго пѣвца,
 Другой, безумецъ, осуждаетъ
 И говоритъ: она, она
 Всему вина!

„Я думалъ: о, языкъ коварный,
 Ты какого не пощадишь!
 О, человекъ неблагодарный,
 Не знаешь ты предъ кѣмъ стоишь!
 Зачѣмъ пришелъ? Или прахъ священный
 Ты хочешь злобой помрачить?
 Съ душою низкою и надменною
 Земнымъ коварствомъ узавить
 Нельзя пѣвца!

„Онъ умеръ. Что же, въ этомъ мiрѣ
 Ужеи мало емъ страдалъ,
 Когда на сладкозвучной ларѣ
 Святую правду величалъ?
 Итакъ козѣна преклоняете,
 Оставьте дѣрскiя слова
 И Бога вышняго молитъ,
 Поэтъ предъ Нимъ,—его душа
 На небесахъ!" и т. д.

Извѣстное письмо Жуковскаго къ отцу Пушкина о смерти поэта попало въ подлинникѣ къ обитательницамъ Тригорскаго же. А именно, Сергѣй Львовичъ передалъ его одной

изъ дочерей г-жи Осиповой, баронессы Вревской, и уже въ послѣдствіи у нея выпросилъ его на время покойный Шенггъ, бывшій инспекторъ Дерптскаго университета и большой поклонникъ литературы; онъ не возвратилъ этого письма, и теперь неизвѣстно у кого этотъ вдвойнѣ драгоценный автографъ. Впрочемъ, *Русскій Архивъ* подобралъ на свои страницы тѣ мѣста изъ этого списка которыя въ свое время, по требованіямъ цензуры, не были напечатаны. Затѣмъ въ Тригорскомъ есть списокъ другаго письма о смерти же Пушкина: это письмо князя П. А. Вяземскаго къ Александру Яковлевичу Булгакову, отъ 5-го февраля 1837 года. Если оно еще не напечатано, то желательно чтобы князь помѣстилъ его гдѣ-нибудь, такъ какъ въ немъ есть нѣкоторыя интересныя подробности.

Вѣсть о смерти Пушкина поразила всѣхъ лучшихъ русскихъ людей того времени во всѣхъ концахъ нашего отечества. Вотъ что, напримѣръ, писалъ 23-го февраля 1837 года Александръ Бестужевъ (Марлинскій) съ Кавказа, именно изъ Тифлиса, гдѣ онъ влачилъ жизнь изгнанника, къ брату своему, по полученіи роковаго извѣстія:

„...Я былъ глубоко тронутъ трагическою кончиной Пушкина, несмотря на то что это извѣстіе мнѣ было сообщено очаровательною женщиной. Всякое внезапное несчастіе не вдругъ проникаетъ въ глубину сердца, оно, повидимому, дѣйствуетъ только на его оболочку; но чрезъ нѣсколько часовъ, въ тиши и уединеніи ночи, ядъ горечи вливается внутрь. Я не сомкнулъ глазъ во всю ночь и на разсвѣтъ дня былъ уже на крутой дорогѣ ведущей въ монастырь Св. Давида, который тебѣ извѣстенъ.* Придя туда, я призвалъ священника и попросилъ отслужить панихиду надъ могилой Грибоѣдова, надъ могилою поэта, поправною святотатственными ногами, безъ каменя, безъ надписи! Я плакалъ тогда, какъ плачу теперь, — плакалъ горячими слезами, плакалъ надъ другомъ и товарищемъ по жизни, оплакивалъ самого себя! А когда священникъ запѣлъ: „за убиенныхъ бояръ Александра и Александра“, я чуть не задохся отъ рыданій: этотъ возгласъ показался мнѣ не только поминовеніемъ, но и предсказаніемъ... Да, я самъ предчувствую что смерть моя будетъ также на-силъствена и необычайна, и она не далека отъ меня.** Во

* Младшій братъ Бестужева, Павелъ, къ которому писано это письмо, долго служилъ на Кавказѣ, сосланный туда въ 1826 г. Письмо я привожу въ переводѣ съ французскаго.

** Александръ Бестужевъ изрубленъ въ бою съ Черкесами три съ половиною мѣсяца спустя послѣ того какъ писалъ эти строки, а именно 7-го юня 1837 года.

миѣ слышкомъ много горячей крови, эта кровь кипитъ въ жилахъ и не охлаждается годами. Единственная моя молитва—не умереть на одрѣ страданій, либо не пасть въ незначительной стычкѣ. Въ остальномъ да будетъ воля Провиднiя! Какая однако роковая судьба тяготѣетъ надъ поэтами нашего времени! Вотъ уже трое погибло! и какою смертью!* Дань соболѣзнованья отданная публикой великому таланту умершаго истинно трогательна. Императорская милость, столь великодушно излитая на семейство покойнаго, заставить краснѣть нашихъ заморскихъ недоброжелателей. Но все-таки Пушкинъ умеръ, и потеря эта неизгладима. Ты, впрочемъ, слышкомъ обвиняешь Дантеса; всеобщая мораль или скорѣй безразличность — его оправдываютъ; по-моему, самое большое преступленіе или несчастье его — убіеніе Пушкина, а этого болѣе чѣмъ достаточно чтобы быть въ глазахъ моихъ неизгладимымъ оскорбленіемъ. Пусть будетъ онъ предупрежденъ (Богъ свидѣтель что я не шучу), что онъ или я не возвратимся съ нашей первой встрѣчи. Когда я прочелъ твое письмо Мамуку Арбельянову, онъ разразился въ восклицаніяхъ: „Я убью этого Дантеса, оказалъ онъ, если когда-нибудь его увижу!“ Я замѣтилъ что на Руси довольно Русскихъ чтобы отомстить кровь любимаго поэта. Пусть онъ бережется!...“

Не менѣе сильное впечатлѣніе произвела вѣсть о смерти Пушкина среди льдистой Сибири, въ городахъ и даже за стѣнами остроговъ. Такъ напримѣръ, въ эту эпоху въ Нерчинскомъ округѣ, въ Петровскомъ острогѣ, доживала свой пятнадцатилѣтній срокъ каторги небольшая уже группа „перваго разряда“ декабристовъ. Всѣ они высоко чтили дарованіе Пушкина и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за его литературною дѣятельностью.

И вдругъ въ среду ихъ кружка какъ бомба упала вѣсть о гибели одного изъ любимѣйшихъ ими писателей. Вотъ какъ вспоминалъ, двадцать лѣтъ спустя, Иванъ Ивановичъ Пуцинъ о впечатлѣніяхъ испытанныхъ тогда имъ и его друзьями. Привожу этотъ неизданный отрывокъ изъ его воспоминаній:

„Между тѣмъ у насъ (въ Петровскомъ острогѣ), съ теченіемъ времени, силою самихъ обстоятельствъ, устроились болѣе смѣлыя контрабандныя сношенія съ Европейскою Россіей: кой-когда доходили до насъ не одни газетныя извѣстія. Такимъ образомъ, возвратившійся въ январѣ 1838 года изъ

* Рыжковъ повѣшенъ въ 1826 г., Грибоѣдовъ растерзанъ чернью въ Тегеранѣ въ 1829 г., Пушкинъ палъ на дуэли въ 1837 г.

отпуска нашъ пладъ-адъютантъ Розенбергъ зашелъ въ мой 14-й номеръ. Я искренно обрадовался и забросалъ его распросами о родныхъ и близкихъ, которыхъ ему случилось видѣть въ Петербургѣ. Отдавъ мнѣ отчетъ на мои вопросы, онъ съ какою-то нервнѣйшею упомянулъ о Пушкинѣ. Я тотчасъ ухватился за это дорогое мнѣ имя; гдѣ онъ съ нимъ встрѣтился? какъ онъ поживаетъ? и пр. Розенбергъ выслушалъ меня въ раздумьи и наконецъ сказалъ: „Нечего отъ васъ скрывать: друга вашего нѣтъ! Онъ раненъ на дуэли „Давтесомъ и чрезъ двое сутокъ умеръ; я былъ при отпѣваніи его тѣла въ Конюшенной церкви наканунѣ моего выѣзда „изъ Петербурга.“

„Слушая этотъ горькій разказъ, я сначала рѣшительно какъ будто не понималъ словъ разказчика: такъ далеко была отъ меня мысль что Пушкинъ долженъ умереть въ цвѣтѣ лѣтъ, среди живыхъ на него надеждъ. Это былъ для меня громовый ударъ изъ безоблачнаго неба: ошеломило меня, а вся скорбь не вдругъ сказалась на сердцѣ. Вѣсть эта электрической искрой сообщилась въ тюрьмѣ; во всѣхъ кружкахъ только и рѣчи было что о смерти Пушкина, объ общей нашей потерѣ; но въ итогѣ выходило одно что его не стало и что не воротить его! Провидѣніе такъ рѣшило; намъ остается смиренно благоговѣть предъ его опредѣленіемъ. Не стану бесѣдовать съ вами объ этомъ народномъ горѣ, тогда неслыханно меня поразившемъ: оно слишкомъ тѣсно связано со жгучими оскорбленіями, которыя невыразимо должны были отравлять послѣдніе мѣсяцы жизни Пушкина. Другимъ лучше меня, далекаго, извѣстныя гаусныя обстоятельства, породившія дуэль; съ своей стороны скажу только что я не могъ, безъ особеннаго отвращенія, объ нихъ слышать: меня возмущали лица дѣйствовавшія и подозрѣваемые въ участіи по этому гадкому дѣлу, подвѣкшему существованіе величайшаго изъ поэтовъ.

„Размышляя тогда, и теперь очень часто, * о ранней смерти друга, не разъ я задавалъ себѣ вопросъ: чтѣ было бы съ Пушкинымъ, еслибъ я привлекъ его въ нашъ союзъ, ** и еслибы пришлось ему испытать жизнь совершенно иную отъ той которая пала на его долю? Вопросъ дерзкій, но мнѣ, можетъ-быть, простительный.

„Вы видѣли внутреннюю мою борьбу всякій разъ, когда, созная податливую его готовность, приходила мнѣ мысль принять его въ члены тайнаго нашего общества; видѣли что почти уже на волоскѣ висѣла его участь въ то время, когда я случайно встрѣтился съ его отцомъ: эта пустая и совершенно ничего незначащая встрѣча, между тѣмъ, высказалась во мнѣ какимъ-то знаменательнымъ указаніемъ.... Только

* Писано въ 1858 году.

** „Союзъ благоденствія“, тайное общество 1818—1825 годовъ.

послѣ смерти его всѣ эти, повидимому, ничтожныя обстоятельства приняла въ глазахъ моихъ видъ яснаго дѣйствія Промысла, который, спасая его отъ нашей судьбы, сохранилъ поэта для славы Россіи.

„Положительно сибирская жизнь, та на которую въ послѣдствіи мы были обречены въ теченіи тридцати лѣтъ, еслибъ и не вовсе иссушила его могучій талантъ, то далеко не дала бы ему возможности того развитія которое, къ несчастію, и въ другой оферѣ жизни несвоевременно было прервано. Характеристическая черта генія Пушкина — разнообразіе. Не было почти явленія въ природѣ, событія въ обыденной и общественной жизни, которое бы прошло мимо его, не вызвавъ дивныхъ и неподражаемыхъ звуковъ его лиры, и поэтому просторъ и свобода, для всякаго человѣка бездѣльные, для него были сверхъ того могущественнѣйшими вдохновителями. Въ нашемъ же тѣсномъ и душномъ заключеніи природу можно было видѣть только чрезъ желѣзныя рѣшетки, а о живыхъ людяхъ развѣ только слышать. Пушкинъ, при всей своей воспримчивости, никакъ не нашелъ бы тѣхъ матеріаловъ которыми онъ пользовался на пользу общественной жизни. Можетъ-быть и самый рѣзкій переломъ въ существованіи, который далеко не всѣ могутъ выдержать, пагубно отозвался бы на его своеобразномъ, чтобы не сказать капризномъ, существѣ.

„Однимъ словомъ, въ грустныя минуты, я утѣшаю себя тѣмъ что поэтъ не умираетъ, и что Пушкинъ мой всегда живъ для тѣхъ кто, какъ я, его любилъ и для всѣхъ умѣющихъ отыскать его живаго въ бессмертныхъ его твореніяхъ....

„Еще пара словъ.

„Манифестомъ 26-го августа 1856 года я возвращенъ изъ Сибири. Въ Нижнемъ-Новгородѣ я посѣтилъ Дала (онъ провѣлъ съ Пушкинымъ послѣднюю ночь). У него я видѣлъ прострѣленный сюртукъ Пушкина. Дала хочетъ принести его въ даръ академіи или публичной библіотекѣ.

„Въ Петербургѣ навѣщалъ меня, больного, Константинъ Данзасъ. Много говорилъ я о Пушкинѣ съ его секундантомъ. Онъ, между прочимъ, разказалъ мнѣ что разъ какъ-то, во время послѣдней его болѣзни, пріѣхала Г. К. Глинка, сестра Кюхельбекера; но тогда ставили ему пивки. Пушкинъ, прося поблагодарить ее за участіе, извинялся что не можетъ принять. Вскорѣ потомъ со вздохомъ проговорилъ: „Какъ жаль что вѣтъ теперь здѣсь ни Пушкина, ни Малюновскаго!“

„Вотъ послѣдній вздохъ Пушкина обо мнѣ. Этотъ предсмертный голосъ друга дошелъ до меня слишкомъ чрезъ двадцать лѣтъ!...

„Имъ кончаю и разказъ мой.“ *

* Разказъ этотъ написанъ Иваномъ Ивановичемъ Пущинимъ въ августѣ мѣсяцѣ 1858 года, въ Московской губерніи, въ Бронницкомъ

Я привелъ довольно значительные отрывки изъ неизданныхъ записокъ Пущина; они вполне разъясняютъ отношенія членовъ тайнаго общества къ Пушкину и причины почему поэтъ нашъ не попалъ въ него. Предо мной свидѣтельство другаго *декабриста*, И. И. Горбачевскаго (умершаго въ февралѣ 1869 г.), проникнутое крайнимъ нерасположеніемъ къ поэту.

.....Я не могу, писалъ Горбачевскій въ 1861 году, забыть брошюрки, которую я прочелъ,—сочиненіе нашего Ив. Ив. Пущина о своемъ воспитаніи лицейскомъ и о своемъ Пушкинѣ, о которомъ онъ много написалъ. Бѣдный Пущинъ, онъ того и не знаетъ что намъ (членамъ тайнаго общества) отъ верховной думы было даже запрещено знакомиться съ поэтомъ Ал. Серг. Пушкинымъ, когда онъ жалъ на югъ. И почему? прямо было сказано что онъ, по своему характеру и малодушію, по своей развратной жизни, сдѣлаеть тотчасъ доносъ о существованіи тайнаго общества.“

XI.

Отправимся изъ Тригорскаго въ село Михайловское, Зуево тожь, и посмотримъ въ какомъ-то оно видѣ теперь, тридцать три года спустя послѣ послѣдняго пріѣзда въ него Александра Сергѣевича Пушкина....

Дорога бѣжитъ волнистыми полянами и лугами. Влѣво извивается голубая лента рѣки Сороти. Близъ самой дороги поднимаются знаменитыя, воспѣтыя Пушкинымъ сосны.... Но ихъ уже не три, а двѣ, причемъ одна имѣеть форму совершенной лиры; у подошвы этихъ стариковъ не подымается уже молоденькая зелененькая рожица, она вырублена какимъ-то досужимъ старостой, заправлявшимъ нѣсколько лѣтъ хозяйствомъ Зуева.... Но вотъ на горбатыхъ корняхъ этихъ сосенъ, останавливавшихъ на себѣ задумчивый взоръ Пушкина, отдыхаетъ группа крестьянскихъ ребятшекъ, дѣтей уже не *крѣпостныхъ*, а свободныхъ гражданъ земли русской!... Съ какимъ восторгомъ взглянулъ бы Пушкинъ на эти русокудрявыя головки, которымъ не суждено уже влачить

уздѣ, въ селѣ Маршинѣ, гдѣ 8-го апрѣля 1859 года онъ окончилъ свою жизнь.

свою жизнь подъ тяжкимъ ярмомъ крѣпостнаго рабства!... Съ какимъ бы наслажденіемъ привѣтствовалъ поэтъ осуществленіе завѣтнаго своего желанія видѣть уничтоженіе на Руси рабства!...

Вотъ вправо подымается стройная сосновая роща. Влѣво отъ нея бѣгутъ необозримые зеленые луга. Сойдемъ съ незатѣливой линейки, на которой пріѣхали, и пойдѣмъ пѣшкомъ.

Въ рощѣ проходитъ широкая, прямая аллея, прямо къ селу Пушкина. Въ началѣ этой аллеи еще недавно была деревянная часовенка, нынѣ до основанія стившая.... Сюда приходилъ Пушкинъ съ книгой въ рукахъ; сюда еще нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти собирались больные крестьяне, и здѣсь ихъ осматривалъ и лѣчилъ докторъ, пріѣзжавшій въ деревню со вдовой Пушкина.

Но идемъ по аллеѣ.... Вотъ и село. Все оно очень не велико. Почти всѣ хозяйственныя постройки, за исключеніемъ небольшого скотнаго двора нѣсколько отбившагося въ сторону, сгучены въ одно мѣсто. Онѣ окружаютъ небольшой дворикъ, посреди котораго, во время Пушкина, былъ овальный цвѣтничокъ, заботливо поддерживавшійся его няней, Пушкинымъ же и Языковымъ воспитой; нынѣ это мѣсто густо заросло терновникомъ и крапивой. Изъ всѣхъ построекъ, подымающихся вокругъ дворика, только небольшой амбарчикъ помнитъ Пушкина, прочія строенія всѣ позднѣйшаго времени.... А вотъ и домикъ. Но увы! этотъ новешенькій, весь выкрашенный красною краской балаганчикъ хотя и стоитъ на мѣстѣ прежняго домика, но ни наружностью, ни внутреннимъ расположеніемъ не напоминаетъ жилища Пушкина; въ этомъ, по крайней мѣрѣ, увѣряли меня лица посѣщавшія въ тридцатыхъ еще годахъ домъ поэта... Не болѣе десяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ прежній домъ разобранъ, и отъ него не сохранилось ни единого бревнышка. вмѣстѣ съ этимъ не уцѣлѣло ни одного стула или стола изъ прежней мебели. Все это погибло и растрачено, не столько временемъ, сколько поразительнымъ равнодушіемъ къ памяти замѣчательнаго человѣка.

Да, странно, право, какъ мало еще мы цѣнимъ то что напоминаетъ намъ нашихъ лучшихъ, замѣчательнѣйшихъ дѣятелей на различныхъ общественныхъ поприщахъ. Кому не извѣстно какъ сохраняется въ Веймарѣ домъ Шиллера:

въ немъ не только комнаты, но вся рѣшительно обстанов-ка, до послѣднихъ мелочей мебели, обоевъ, занавѣсокъ, сохранены въ томъ точно видѣ какъ были при знамени-томъ обитателѣ этого дома, такъ что можно подумать что онъ только что вышелъ изъ него. А домикъ Шекспира въ Стратфордѣ не только цѣлъ и сохраняется въ теченіе уже нѣсколькихъ столѣтій съ поразительнымъ къ нему уваженіемъ, но въ сосѣдней деревнѣ цѣлъ даже домъ гдѣ жила невѣста Шекспира, Анна Гесевей, въ немъ сохраняется даже скамейка на которой, бывало, сидѣвалъ гениальный писатель!... И все это взято подъ охрану цѣлаго особо учрежденнаго общества; домики посѣщаютъ тысячи туристовъ.... И они сохраняются не годъ, не десятки, а сотни лѣтъ!

А у насъ: едва прошло тридцать лѣтъ, и если вы *случайно* забредете (нарочно никто не поѣдетъ!) въ селцо Михайловское, въ которомъ такъ много создано, а еще болѣе задумано лучшихъ произведеній нашего поэта, вы не найдете не только ни одного предмета который бы вамъ его напомнилъ, но не увидите даже его портрета.

Недалеко отъ домика небольшой садикъ съ обвалившимся вокругъ него палисадомъ. Внутренность сада такова что можно подумать что здѣсь не была нога человѣческая съ того времени какъ въ немъ гулялъ заточенный сюда поэтъ. Въ самомъ дѣлѣ, садъ заросъ непролазно; испровергнутыя ударами молній, либо порывами вихря столѣтнія деревья заграждаютъ тѣнистыя аллеи; высохшій прудъ, съ островкомъ посрединѣ, печально подымаетъ съ болотистаго дна своего кучи лапушника, терновника и громаднѣйшей крапивы.... Все уныло, мрачно, глухо, но, если хотите, поэтично, и если бы сюда попалъ кто-нибудь изъ нашихъ стихотворцевъ новѣйшаго времени, онъ, безъ сомнѣнія, нашелъ бы во всей этой угрюмой и грустной обстановкѣ прекрасный сюжетъ для поэтической картины. Она, впрочемъ, измѣняется, лишь тольکو вы переходите по другую сторону домика. У подошвы покатою отлогости, спускающейся отъ дома, разстилается на далекое, далекое пространство зеркальная гладь Петровскаго озера, въ которое вливается рѣчка Соротъ.... Мѣстность весьма живописная, и общая картина, освѣщенная заходящимъ солнцемъ, восхитительна!

Окидывая взоромъ далекій горизонтъ этой картины, по-

нимаешь почему такъ живо работало въ маленькомъ, уютномъ домикѣ этого сельца богатое воображеніе поэта.

Нельзя не пожелать чтобы въ этомъ историческомъ сельцѣ, когда-нибудь, создалось нѣчто въ родѣ маленькаго музея, напоминающаго его прежняго знаменитаго обитателя: почему бы не собрать здѣсь портреты его, изданія его сочиненій, тѣ вещи которыя напоминаютъ его и т. п.? Сельцо близко отъ большой дороги: съ какимъ бы удовольствіемъ стали заѣзжать сюда тѣ изъ проѣзжихъ которымъ дорога память Пушкина.... Видь не все же мы будемъ коснѣть въ невѣжественномъ равнодушіи къ отечественнымъ талантамъ сошедшимъ въ могилу.

Для тѣхъ кто, не довольствуясь настоящимъ видомъ сельца Михайловскаго, пожелалъ бы узнать какимъ оно было при Александрѣ Пушкинѣ, я укажу на небольшой альбомъ литографированныхъ рисунковъ достопримѣчательностей Псковской губерніи, изданный въ началѣ сороковыхъ годовъ во Псковѣ (въ большой листъ), кажется, учителемъ рисованія въ гимназій этого города, или архитекторомъ, г. Ивановымъ. Въ этомъ небольшомъ и весьма рѣдкомъ нынѣ альбомѣ есть весьма удовлетворительный рисунокъ сельца Михайловскаго конца тридцатыхъ годовъ.... Я надѣюсь, впрочемъ, перепечатать этотъ рисунокъ въ скоромъ времени во *Всемирной Иллюстраціи*, старающейся, не щадя издержекъ, воспроизводить на своихъ страницахъ рисунки отечественныхъ памятниковъ и достопримѣчательностей.

XII.

Заключу настоящія выдержки изъ своей записной книжки маленькимъ пожеланіемъ относительно изданія сочиненій Пушкина. Какъ извѣстно, всѣ рукописи Пушкина и право изданія его сочиненій куплены у его наследниковъ Я. А. Исаковымъ, на опредѣленное число лѣтъ. Нельзя сказать чтобы г. Исаковъ вполнѣ удовлетворительно воспользовался приобретеннымъ имъ изданіемъ. Выпущенное имъ въ семи довольно компактныхъ томикахъ собраніе сочиненій Пушкина, нынѣ до послѣдняго экземпляра разошедшееся и, слѣдовательно, съ лихвою окупившее ему всѣ издержки, не отличается ни полнотою, ни систематичностью въ рас-

положеніи сочиненій, ни умѣемъ помѣщеніемъ вариантовъ, ни, наконецъ, богатствомъ бібліографическихъ, біографическихъ и критическихъ примѣчаній. Недостатки этого изданія вполнѣ справедливо были указаны нашею критикою. Мы не слышали чтобы г. Исаковъ, приступивъ къ новому изданію полного собранія сочиненій Пушкина, озабочился устраненіемъ замѣченныхъ недостатковъ. Новое собраніе сочиненій нашего поэта вновь будетъ, повидимому, также несовершенно и также недостойно памяти великаго писателя.

Нельзя не пожелать чтобы появилось, наконецъ, дѣйствительно полное собраніе сочиненій Александра Пушкина, достойное его памяти и соответствующее, напримѣтъ, великодушному академическому изданію сочиненій Державина, подъ редакціей почтеннаго нашего ученаго Я. К. Грота. Въ такое изданіе непременно должно войти собраніе писемъ Пушкина и прочихъ доселѣ извѣстныхъ и отысканныхъ матеріаловъ къ его біографіи. Необходимо замѣтить что самый трудъ редакціи такого изданія значительно облегченъ въ послѣдніе годы обнародованіемъ множества матеріаловъ относящихся къ объясненію сочиненій Пушкина и вариантовъ къ нимъ, а также массою писемъ его. Притомъ въ настоящее время не существуетъ уже тѣхъ стѣснительныхъ условій, вслѣдствіе которыхъ многія произведенія Пушкина безобразились выпусками по независѣвшимъ отъ издателей причинамъ.

М. СЕМЕВСКІЙ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II

(1762—1769 гг.)

I.

Екатерина II нашла при вступленіи своемъ на престолъ значительный дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ, и потому должна была немедленно обратиться къ приисканію мѣръ для восстановленія равновѣсія въ бюджетѣ.

Въ первый же мѣсяцъ своего царствованія императрица указомъ юля 23-го * предписала: 1) розданныя изъ банковъ и изъ передѣла мѣдныхъ денегъ ссуды на размноженіе заводовъ и фабрикъ взыскать; 2) выбытые не въ силу законовъ государственные доходы возвратить, и 3) бывшія застѣки и также порожнія въ дачахъ земли съ лѣсами и прочими угодыми продать тѣмъ помѣщикамъ которые въ нихъ нуждаются для размноженія хлѣбопашества и экономіи.

Вслѣдъ за этимъ указомъ, опредѣлявшимъ общую цѣль стремленій правительства, послѣдовалъ цѣлый рядъ частныхъ распоряженій въ томъ же духѣ, служащихъ прямымъ его развитіемъ.

Относительно взысканія розданныхъ въ заемъ изъ различныхъ банковыхъ установленій денегъ, послѣдовали указы: 6-го ноябра 1762 года, ** которымъ учреждена была коммиссія

* П. С. З. № 11.624.

** П. С. З. № 11.702.

для рассмотрѣнія долговъ по главной экспедиціи передѣла мѣдныхъ денегъ и способа для ихъ взысканій; именной 6-го апрѣля 1764 года * указъ, которымъ повелѣвалось графу Головину, совокупно съ президентомъ коммерцъ-коллегіи Евреиновымъ, рассмотреть долги коммерческому банку, простиравшіеся до 382 тыс. руб., и взыскать ихъ въ два года; и указъ 23-го іюля 1764 года, ** коимъ устанавливались новыя правила для раздачи ссудъ изъ коммерческаго банка.

Что касается продажи и раздачи государственныхъ земель, какъ средства увеличить доходъ казны, то и по этому предмету послѣдовалъ цѣлый рядъ постановленій съ цѣлью привести эту мѣру въ исполненіе.

Такимъ образомъ сенатъ въ началѣ августа 1762 года *** доносилъ что главной межевой канцеляріи, вотчинной коллегіи, губернаторамъ и воеводамъ посланы указы собрать справки о томъ сколько гдѣ имѣется нерозданныхъ никому застѣкъ и дикихъ полей, а также лѣсовъ и всякихъ угодій, и въ какомъ количествѣ, и представить вѣдомости въ сенатъ. Императрица повелѣла продавать эти земли съ публичнаго торга въ московской вотчинной коллегіи и с.-петербургской вотчинной конторѣ подѣ главнымъ вѣдѣніемъ сенатора В. И. Суворова. Въ началѣ же 1763 года **** была учреждена подѣ его предсѣдательствомъ особая коммиссія о продажѣ казенныхъ застѣкъ и „въ дачахъ небывалыхъ земель“.

Между тѣмъ изъ поступавшихъ въ коммиссію прошеній видно было что многія земли, не помянутыя въ писцовыхъ книгахъ, оказывались самовольно присвоенными разными лицами и даже заселенными цѣлыми деревнями. Потому всѣмъ лицамъ владѣвшимъ подобными землями, безъ документовъ на нихъ, велѣно было въ годовой срокъ подать прошенія въ коммиссію о продажѣ имъ тѣхъ земель. По прошествіи годоваго срока, въ случаѣ доноса о владѣніи тѣми лицами упомянутыми землями, они лишались даже права купить эти земли. Въ такомъ случаѣ земли должны были быть проданы постороннимъ лицамъ, а четвертая ихъ часть отдава на доносителю; съ прежнихъ же владѣльцевъ предписывалось

* П. С. З. № 12.127.

** П. С. З. № 12.213.

*** П. С. З. № 11.651.

**** П. С. З. № 11.781.

взыскать арендную плату за всѣ тѣ года въ теченіе которыхъ означенныя земли находились въ ихъ рукахъ.*

Въ генеральныхъ правилахъ данныхъ межевою комиссію, учрежденной указомъ 19-го сентября 1765 года,** повелѣно было продавать пустопорожнія земли не съ аукціона, а по опредѣленнымъ въ особо приложенномъ росписаніи цѣнамъ; лицамъ же завладѣвшимъ землями въ прежнее время было предоставлено право купить ихъ по тройной противъ росписанія цѣнѣ; за несогласіемъ же со стороны владѣльцевъ купить владѣемые ими земли, эти земли отбирались въ казну. Наконецъ сенатскимъ указомъ 14-го марта 1766 года*** Московской губернской межевой канцеляріи, которой была поручена продажа казенныхъ земель, была дана подробная инструкція, въ которой опредѣлялось при продажѣ тѣхъ земель давать предпочтеніе смежнымъ владѣльцамъ, но не продавать имъ свыше 15-ти десятинъ на душу, по числу владѣемыхъ ими ревизскихъ душъ; остальное же за тѣмъ количество продавать и не смежнымъ владѣльцамъ, но въ однѣ руки не мѣнѣе 100 десятинъ и не болѣе 1,500 десятинъ. Правила эти были подробно развиты въ инструкціи губернскимъ межевымъ конторамъ, суммы же получаемыя отъ продажи казенныхъ земель предположено было употреблять на расходы по генеральному земель размежеванію.

Въ числѣ мѣръ которыми Екатерина II благодѣтельница вала народъ немедленно по вступленіи своемъ на престолъ, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ послужили началомъ цѣлаго ряда финансовыхъ преобразованій съ цѣлью возстановить равновѣсіе въ государственныхъ доходахъ и расходахъ, была сбавка съ налога на соль по *гривнѣ* съ пуда, объявленная указомъ 5-го іюля 1762 г.**** Сбавка эта должна была произвести уменьшеніе въ государственныхъ доходахъ на 674,520 р. 20 к., изъ которыхъ 300.000 р. должны были быть покрыты тѣмъ что императрица повелѣла отпустить въ комнату ея императорскаго величества изъ солянаго дохода 1.000.000 р. уменьшить на 300.000 руб.; остальная часть дефицита должна была восполниться доходомъ отъ передѣла мѣди въ мѣдную

* П. С. З. № 12.178.

** П. С. З. № 12.474.

*** П. С. З. № 12.595.

**** П. С. З. № 11.597.

монету. * Выбравъ съ тѣмъ, указомъ 7-го августа того же года, было повелѣно сенату ** стараться изыскивать способы „къ большей съ оной соли сбавкѣ, еще по одной гривнѣ съ пуда во всей Имперіи и въ Астрахани, и въ Черномъ Яру по 5 к., такъ чтобы за тѣмъ соль продавалась во всемъ государствѣ по однопобразной цѣнѣ 30 коп. за пудъ, а въ Астрахани и Черномъ Яру по 10 коп.“ При этомъ сенатъ долженъ былъ изыскать такіе доходы „кои бы были обществу не только не отяготительны, но еще и съ пользою быть могли“.

Отъ такой новой сбавки въ налогъ на соль, сенатъ предполагалъ что казна получить новое уменьшеніе въ доходахъ на 604.027 руб., потому для покрытія его онъ представилъ рапортомъ объ установленіи, въ замѣнъ предполагавшейся новой сбавки въ налогъ на соль, слѣдующихъ сборовъ:

1. На вино положить по 30 коп., на пиво и медъ по 5 коп. на ведро, отъ чего предположено было получить, по разчету о проданномъ въ 1750—1761 годахъ винъ, съ послѣдняго 452.565 руб. прибыли, а отъ пива и меду 182.557 руб., итого 635.122 руб.

2. Въмѣсто прежней съ явки пивъ и полпивъ пошлины по 5 коп. съ четверти, брать въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, кромѣ уѣздовъ, по 20 к. съ четверти, и не дозволяя варить означенные напитки на частныхъ пивоварняхъ, въ мѣстахъ гдѣ кабацкіе сборы находятся на откупъ, право варки и продажи этихъ напитковъ отдать тѣмъ же откупщикамъ, а гдѣ продажа питей состоитъ на вѣрѣ, учредить казенныя пивоварни.

3. Возобновить правила, дѣйствовавшія отъ 1750 до 1755 года, объ отдачѣ герберговъ для проѣзжающихъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ съ торговъ на откупъ.

4. Соль для вывоза за границу отпускать безъ всякихъ пошлинъ, но лишь изъ тѣхъ мѣстъ гдѣ ея окажется въ излишкѣ.

5. Съ протеста винныхъ векселей взыскивать по 2%.

Между тѣмъ вниманіе императрицы было обращено на другой, не менѣе важный предметъ,—улучшеніе внутренней администраціи страны. Недостаточность получаемого чиновниками

* Докладъ сената. Въ дѣлахъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

** П. С. З. № 11.634.

жалованья была отчасти причиною всюду вкоренившагося взяточничества. Потому указами 23-го іюля, 9-го августа и 4-го сентября 1762 года государыня повелѣла тому же сенату „тщатися чтобы въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ судейскія мѣста достойными людьми пополнены были, и чтобы справедливая служба награждена была и малоимущіе не имѣли причинъ къ лихоимству склоняться, назначить пристойное жалованье.“ Для этой цѣли сенатъ долженъ былъ „изыскать 1½ милл. руб. не вновь налагаемыми съ народа сборами“, какъ говорилось въ указахъ, а другими „благопристойными сборами“.

Въ виду упомянутого новаго расхода, сенатъ вторично представилъ въ 1763 году рапортъ императрицѣ, * въ которомъ онъ, для удовлетворенія этимъ потребностямъ, предложилъ отмѣнить предполагавшуюся сбавку съ соли по 10 к. съ пуда и установить съ 1764 года слѣдующіе сборы:

1. Прежде всего сенатъ полагалъ заявленную имъ накладку на вино по 30 к. съ ведра и на пиво и медъ по 5 к. обратитъ на пополненіе требуемыхъ 1½ милл. рублей.

2. Возобновить учрежденный въ 1715 году и уничтоженный въ 1729 году сборъ съ явки купчихъ, закладныхъ, духовныхъ и всякихъ крѣпостей по 3 к. коп. съ четверти, и сверхъ того при совершеніи какъ каждой подобной сдѣлки, такъ и векселей, и при выдачѣ ссудъ изъ кредитныхъ учрежденій, брать съ каждаго акта до 100 руб. по 10 к., до 1.000 р. по 50 к. и сверхъ 1.000 р. до 1 рубля.

3. Затѣмъ сенатъ предлагалъ установить при явкѣ пивъ и полпивъ пошлину, вмѣсто 5 к. съ четверти, по 20 к., но съ тѣмъ измѣненіемъ противъ первоначальнаго его предположенія, что онъ полагалъ не уничтожать частныя пивоварни и не отдавать право продажи помянутыхъ напитковъ на откупъ, а взимать сборъ съ нихъ въ формѣ акциза.

4. Сенатъ предлагалъ далѣе, какъ и въ первомъ рапортѣ, отдачу на откупъ права содержать герберги.

5. Съ протестованныхъ векселей собирать одновременно съ каждаго 8% изъ числа 18% годовыхъ, слѣдующихъ въ этихъ случаяхъ заимодавцу.

6. Съ явочныхъ челобитенъ взимать по 25 коп., съ исковыхъ по 3 р., а съ апелляціонныхъ по 6 руб.

7. Амбары, лавки, кузницы и прочія оброчныя мѣста, отдававшіяся въ оброкъ, переоброчить, а съ частныхъ

* Изъ дѣлъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

таковых же положить сборъ, равный 10% получаемого съ нихъ дохода.

8. Фабрики работающія станами обложить по 1 р. съ каждаго стана, а остальные по 1% съ употребляемаго на нихъ капитала.

9. Съ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ собирать съ домы по 100 р., а съ мѣдиплавильныхъ печей по 5 р.

10. Съ паспортовъ, вмѣсто 2 коп., брать съ годовыхъ и меньше по 10 к., съ двухгодовыхъ по 50 к., а съ трехгодовыхъ по 1 рублю.

11. Съ патентовъ на военные чины учредить прогрессивный по величинѣ чина сборъ, отъ 25 коп. съ субалтернъ-офицера и въ увеличивающейся прогрессии до 100 руб. съ генераль-фельдмаршала, а съ гражданскихъ вдвое, такъ какъ они жалованье получаютъ не по чинамъ, а болѣе.

12. Съ выдаваемыхъ дипломовъ собирать: съ дворянскихъ и баронскихъ по 50 р., съ графскихъ по 100 р., съ жалюемыхъ имѣній съ души по 25 к., а съ гака по 5 р.

13. Возвысить сборъ съ вѣчныхъ памятей по новому росписанію, согласно званію людей.

14. Съ каеиенія кубовъ (на винокуренныхъ заводахъ), вмѣсто прежде положенныхъ съ ведра по 25 к., брать по 40 коп. съ тѣхъ заводовъ которые курятъ для продажи.

15. Переоброчить казенныя мельницы, кромѣ пильныхъ, а частныя обложить сборомъ въ 10% съ получаемого съ нихъ дохода.

16. Усилить надзоръ за тѣмъ чтобы въ окладъ съ потаенныхъ раскольниковъ было включено полное ихъ число.

17. Отмѣненную указомъ 31го іюля 1762 года казенную продажу клея возобновить относительно продажи его за границу, а дозволить свободную его продажу лишь внутри государства, въ портахъ же скупать его по 15 р. за пудъ, а продавать для внутренняго употребленія съ выгодой 1 р. съ пуда, а за границу какъ можно выгоднѣе.

18. Сбираемая при оборѣ подушныхъ накладныя въ пользу сборщиковъ по 2 к. съ рубля, которыхъ собирается до 100.000 р., обратить въ доходъ казны.

19. Удвоить цѣну гербовой бумаги.

Указанныя сенатомъ мѣры къ увеличенію государственныхъ доходовъ были приняты правительствомъ, за исключе-

иѣмъ возвышенія сбора съ вѣчныхъ памятей, и новые сборы манифестомъ 15-го декабря 1763 года были введены съ 1-го января 1764 года.

Однакоже послѣдствія этихъ мѣръ не вполне соответствовали ожиданіямъ. Такъ, вмѣсто предполагавшагося возвышенія дохода отъ питейной продажи, вслѣдствіе увеличенія питейныхъ пошлинъ, послѣдовало значительное уменьшеніе въ этой отрасли государственныхъ доходовъ. Сенатъ указомъ 13-го февраля 1766 года * потребовалъ отчета отъ камеръ-коллегіи о причинахъ уменьшенія кабацкихъ доходовъ, и получилъ 20-го іюля рапортъ, въ которомъ излагалась исторія увеличеній и уменьшеній въ этой отрасли государственныхъ доходовъ. Изъ этой объяснительной записки видно что въ 1749 году, когда вино продавалось по двойной цѣнѣ противъ дѣйствительной его стоимости съ надбавкою 22 к. на ведро, продано было 1.673.771 ведро и получено было 1.673.173 р. чистаго дохода.

Когда же въ 1750 году было набавлено на ведро по 50 к., и установлена вину однообразная по всему государству цѣна, то потребленіе вина *уменьшилось* на 351.328 ведеръ; хотя при значительности надбавки доходъ съ него возросъ на 821.633 р. Въ послѣдующіе за тѣмъ годы потребленіе вина вновь возросло, и въ 1756 году достигло почти прежняго размѣра, то-есть равнялось 1.581.794 ведамъ, съ которыхъ доходу получалось 3.113.213 руб. Новая надбавка по 35 к. съ ведра, установленная съ 1757 года (при чемъ цѣна вину была 2 р. 23½ к.), понизила потребленіе до 1.313.094 ведеръ, и доходъ уже не возвысился, а понизился до 2.934.765 р., т.-е. на 178.448 р. Затѣмъ потребленіе опять возросло, и въ 1763 году достигло уже значительной цифры 1.958.069 ведеръ, и доходъ казны возросъ до 4.376.285 руб.

Въ 1764 году, при установленіи новой накладки по 30 к. на ведро, повторилось явленіе 1757 года, и правительство вновь ошиблось въ расчетахъ: потребленіе быстро упало до 1.584.336 ведеръ, а доходъ казны до 4.016.292 р., и вмѣсто прибыли, казна получила отъ увеличенія налога убытка на 359.992 р. Уже только въ 1765 году обстоятельства стали нѣсколько исправляться; потребленіе вина нѣсколько усилилось

* Изъ дѣлъ московскаго архива министерства юстиціи. Книга по производству 1го департамента 1766 г., №№ част. 136, общ. 3707.

и дошло до 1.656.323 ведеръ, и правительство противъ 1764 года получило болѣе на 182.486 р., то-есть убытка было уже только 177.506 р., хотя цифра потребления 1763 года еще не была достигнута.

Изъ вѣдомости о государственныхъ доходахъ и расходахъ за 1764 годъ видно что всѣхъ вновь учрежденныхъ на увеличение штатнаго жалованья сборовъ поступило въ томъ году, вмѣсто предполагавшихся 1½ милл. руб., только 615.041 руб. 97½ коп., такъ что за вычетомъ изъ этой суммы 359.992 руб. (убытка въ питейныхъ доходахъ), дѣйствительная прибыль отъ новыхъ налоговъ составила въ 1764 году лишь 255.049 руб. 47½ коп. Въ такой же вѣдомости за 1766 годъ упоминается что за 1765 годъ ихъ вступило 801.758 руб. 19 коп., то-есть, за исключеніемъ убытка въ питейномъ доходѣ, прибыли отъ новыхъ налоговъ было 624.252 руб. 19 коп.

Въ виду нуждъ государственнаго казначейства установленны были и нѣкоторые другіе новые налоги, кромѣ помянутыхъ въ указѣ 15го декабря 1763 года. Указомъ 20го декабря 1765 года * установленъ былъ налогъ на привозныя карты по гривнѣ съ игры, въ прибавку къ собиравшимся до того 78½ коп. ввозной пошлины съ дюжины, и по 5 коп. съ игры внутренняго приготовленія.

Именнымъ указомъ, даннымъ сенату 2го октября 1767 года, ** повелѣно было государственныхъ и прочихъ равнаго съ ними званія крестьянъ сравнять въ сборахъ съ экономическими, и прибавочныя деньги собирать хлѣбомъ, который принимать по среднимъ за десять лѣтъ цѣнамъ, и сдѣлать распоряженіе объ отдачѣ этого хлѣба въ вѣдомство военной коллегіи, „такъ какъ, по возвысившимся на хлѣбъ цѣнамъ, положенной на пропитаніе сухопутныхъ войскъ суммы становилось недостаточно“, какъ сказано было въ указѣ.

Наконецъ высочайше утвержденнымъ докладомъ сената отъ 15го апрѣля 1764 года, *** согласно представленію бергъ-коллегіи, повелѣно было вмѣсто сбора съ частныхъ желѣзныхъ заводовъ десятины натурою, собирать по 4 коп. съ пуда выплавляемаго чугуна, а съ мѣдиплавильныхъ заводовъ

* П. С. З. № 12.530.

** П. С. З. № 12.980.

*** П. С. З. № 12.129.

сбирать десятину натурою, причѣмъ сдѣланы были значительныя облегченія для заводчиковъ въ способѣ контролированія слѣдующихъ съ нихъ на уплату налога суммъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено вниманіе на то что нѣкоторыя сословія вовсе уходили отъ платежа податей. Такъ, въ именномъ указѣ императрицы секундъ-маіору Цербинину, * упоминается о дошедшихъ до правительства свѣдѣніяхъ что въ Бѣлгородской и Воронежской губерніяхъ и прочихъ мѣстахъ на великороссійскихъ и казачьихъ земляхъ есть цѣлыя черкасскія слободы которыя вовсе въ окладъ не положены и потому никакого дохода казнѣ не платятъ, съ другихъ же положенныхъ въ окладъ слободъ подаются сказки невѣрныя; потому предписывалось переписать тѣ слободы чрезъ надежныхъ людей, а затѣмъ положить ихъ въ 70-тикопѣчный окладъ. ** Такихъ Черкасъ по вѣдомостямъ за 1767 годъ, представленнымъ въ сенатъ въ 1770 году, оказалось 355.721 душа. ***

Учрежденная при сенатѣ коммиссія для изслѣдованія разныхъ дѣлъ по управленію Сибирью нашла что въ Сибири проживаютъ въ городахъ вышедшіе изъ разныхъ мѣстъ въ русское подданство Бухарцы, которые, по прошествіи льготныхъ годовъ, остаются необложенными, или платятъ самый незначительный оброкъ; потому повелѣно было обложить ихъ оброкомъ наравнѣ съ прочими государственными крестьянами. ****

Въ такомъ же почти положеніи находились проживавшіе въ разныхъ южныхъ губерніяхъ Цыгане, на которыхъ вниманіе правительства было обращено коммиссіей Украинско-Слободскихъ полковъ.

Сборъ съ этихъ Цыганъ, въ числѣ около 4.400 душъ, начался съ 1763 года на откупъ у Цыгана Мивенко, который, уплачивая въ казну 591 р. 58½ коп., имѣлъ право собирать съ Цыганъ, какъ значилось въ заключенномъ съ нимъ контрактѣ, „по чему въ Малороссіи съ нихъ собираютъ, смотря по ихъ промысламъ, безъ отягощенія“. Сколько же дозволено было собирать „безъ отягощенія“, о томъ въ контрактѣ упомянуто не было, а предписано было бѣлгородской

* П. С. З. № 11.778, марта 11го дня 1763 г.

** П. С. З. № 12.995, указъ 16го декабря 1763 г.

*** П. С. З. № 18.459.

**** П. С. З. № 12.041.

губернской канцеляріи справиться въ генеральной войсковой канцеляріи. По справкѣ же оказалось что указомъ Елизаветы Петровны 1755 года всѣ сборы съ Цыганъ были отменены. Между тѣмъ на притѣсненія со стороны откупщика и значительность произвольно имъ налагаемыхъ поборовъ поступили жалобы, и правительство вступило въ разбирательство всего дѣла. Оказалось что въ три года откупщикъ собралъ съ Цыганъ 2.800 руб., но, по словамъ его, излишекъ сверхъ откупной суммы былъ израсходованъ имъ на разъѣзды по разнымъ губерніямъ, въ которыхъ имѣли свое пребываніе Цыгане. Во всякомъ случаѣ очевидно было что, приписавъ Цыганъ къ тѣмъ городамъ гдѣ ихъ застаетъ перепись и обложивъ ихъ, какъ сама они того просили, окладомъ въ 70 коп. съ души, правительство могло возвратитъ въ свои руки значительную часть тѣхъ прибылей которыя получалъ откупщикъ и избавитъ Цыганъ отъ притѣсненій и произвола. Къ этой мѣрѣ и прибѣгнуло правительство въ указѣ 1го марта 1766 года, * причемъ срокомъ положенія въ окладъ Цыганъ былъ назначенъ 1767 годъ, когда истекалъ и срокъ контракта съ Цыганомъ Миненко.

Подобная мѣра была принята относительно нѣкоторыхъ крестьянъ Симбирской губерніи, числомъ до 400, которые, состоя записанными въ двухъ ревизіяхъ за разными помѣщиками, въ дѣйствительности вовсе ихъ не знали и оброка имъ никакого не платили. Они были обложены, сверхъ 70 коп. подушной подати, по 1 руб. съ души оброка въ пользу казны.**

Съ другой стороны, съ тою же фискальною цѣлю, указомъ 13го февраля 1763 года *** предписано было привести къ окончанію новую ревизію, начатую еще въ царствованіе Елизаветы Петровны, въ 1761 году, и приостановленную указомъ 31го іюля 1762 года, такъ какъ „окончаніе ревизіи“, какъ сказано въ указѣ, „весьма есть нужно для многихъ государственныхъ нуждъ“. Окончательный срокъ подачи сказокъ былъ назначенъ 1-го декабря того же года, но произошли обычныя замедленія, и правительству невозможно было производить взысканіе податей по новой ревизіи. Потому 28го апрѣля 1764 года былъ изданъ новый указъ, **** въ которомъ

* П. С. З. № 12.587.

** П. С. З. № 12.685.

*** П. С. З. № 11.755.

**** П. С. З. № 12.141.

новымъ окончательнымъ срокомъ для подачи сказокъ было назначено 1е сентября того же года, и предписывалось вторую половину подушныхъ денегъ взыскивать по новымъ сказкамъ, а въ случаѣ неподачи таковыхъ, взыскивать, кромѣ обыкновенныхъ подушныхъ, по 5 коп. съ души штрафныхъ.

На ряду со сбавкой цѣны на соль послѣдовали и нѣкоторыя другія облегченія въ налогахъ. Такъ, указомъ 14го іюля 1765 года * былъ отмѣненъ сборъ со свадебъ, собираемый за вѣчныя памяти. Указомъ же 15го ноября 1766 года ** уничтоженъ восьмипроцентный сборъ съ протестованныхъ векселей, такъ какъ, сказано было въ указѣ, онъ „усмотрѣнъ отяготительнымъ, а въ коммерціи дѣлаетъ помѣшательство“.

Не менѣе благотворны были мѣры предпринятія правительствомъ для замѣны нѣкоторыхъ натурою взимаемыхъ податей денежными.

Такъ, указомъ 6го августа 1762 года *** предписано было съ сибирскихъ крестьянъ, вмѣсто положеннаго съ нихъ сбора хлѣбомъ и пенькой (по 2 фунта съ души), взимать наравнѣ съ прочими государственными крестьянами по 1 руб. 70 коп. съ души.

При этомъ въ указѣ приведены всѣ тѣ стѣсненія которымъ могутъ быть подвергнуты крестьяне при взиманіи податей натурою, какъ со стороны чиновниковъ при приѣмѣ продуктовъ, такъ и вслѣдствіе обязанности подвозить эти продукты въ мѣста приѣма, которыя, по обширности и малонаселенности Сибири, не могутъ быть очень близки отъ мѣста жительства крестьянъ. Съ другой стороны указывалось на убытокъ могущій произойти для казны отъ дурнаго качества доставляемыхъ произведеній, отъ поврежденія ихъ, отъ расходовъ на постройку и содержаніе магазиновъ и цѣлаго штата необходимыхъ для приѣма ихъ чиновниковъ.

Другимъ указомъ, 16го іюля 1764 года, **** отмѣнена была для малороссійскихъ однодворцевъ обязанность содержать натурою ландмилицкіе украинскіе полки и замѣнена положеніемъ ихъ въ общій окладъ по 1 руб. 70 коп. съ души.

* П. С. З. № 12.438.

** П. С. З. № 13.197.

*** П. С. З. № 11.633.

**** П. С. З. № 12.185.

II.

Рядомъ съ пониженіемъ нѣкоторыхъ податей, съ возвышеніемъ другихъ и съ установленіемъ совершенно новыхъ сборовъ, императрица прибѣгла и къ другимъ финансовымъ мѣрамъ, съ тою же цѣлію увеличить доходы государственной казны. Такъ она приступила къ измѣненіямъ въ способахъ взиманія нѣкоторыхъ государственныхъ косвенныхъ налоговъ.

Здѣсь вниманіе императрицы было обращено на значительныя упущенія и злоупотребленія при сборѣ таможенныхъ пошлинъ, отданныхъ въ 1758 году на откупъ Шемякину.

Изъ записки поданной императрицѣ въ декабрѣ 1762 года * о злоупотребленіяхъ откупщика Шемякина видно что, по составленіи тарифа 1757 года, таможи немедленно были отданы на откупъ, причемъ для исчисленія откупной суммы взята была трехлѣтняя сложность доходности таможенныхъ сборовъ по поступленію ихъ въ года предшедшіе! изданію новаго тарифа, и хотя по новому тарифу, бывшему въ дѣствіи до введенія таможенныхъ откуповъ въ теченіи восьми мѣсяцевъ, доходы и увеличились на нѣсколько сотъ тысячъ, но прибыль эта не была принята во вниманіе при опредѣленіи откупной суммы, а отдана была откупщикамъ въ наущачу. Пошлину же откупщики собирали по новому возвышенному тарифу, и „хотя тое пошлину,—сказано въ запискѣ,—платили купцы, но обществу во отягощеніе, которое покупаетъ товары у нихъ двойною цѣною предъ прежнимъ“. Шемякинъ и его товарищи были люди „безкапитальные“. Въмѣсто представленія за себя поручителей, они обязались вносить въ казну откупную сумму помѣсячно, за каждый мѣсяцъ впередъ; но потомъ стали ходатайствовать о дозволеніи имъ уплачивать откупную сумму по прошествіи каждого мѣсяца; за тѣмъ въ первый же годъ откупщики оказались неисправными, и въ четыре года на нихъ накопилась огромная недоимка. Подъ предлогомъ уменьшенія, вслѣдствіе войны, доходности сборовъ, Шемякинъ съ

* Въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

товарищами просили въ 1761 году о снятіи съ нихъ откупа, первоначально взятаго на шесть лѣтъ. Но въ сущности, говорится въ приведенной запискѣ, цѣль ихъ состояла въ томъ чтобы получить откупъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ; и дѣйствительно, въ царствованіе Петра III, Шемякинъ, соединившись съ оберъ-директоромъ Собакинымъ, получил таможенные сборы на откупъ на десять лѣтъ за прежнюю откупную сумму, но съ прибавкой состоявшихъ въ казенномъ содержаніи сибирскихъ и остзейскихъ таможенъ. Какъ прибыльны были для откупщиковъ таможенные откупа, видно между прочимъ изъ хранящагося въ С.-Петербургскомъ сенатскомъ архивѣ прошенія портовыхъ и пограничныхъ таможенъ директора Дубровина, который показывалъ что Шемякинъ съ товарищами получили за время содержанія ими откуповъ до милліона рублей прибыли. * Въ виду столь невыгоднаго для казны контракта, Екатерина, почти немедленно по вступленіи на престолъ, обратила вниманіе на указанную отрасль финансоваго управленія. Еще въ августѣ 1762 года ** обнародованъ былъ указъ, которымъ императрица, ссылаясь на то что казна претерпѣвала отъ нарушенія Шемякинымъ контракта и отъ „безпорядочнаго его правленія“ значительные убытки, учредила комиссію для разчета съ откупщиками и повелѣла взять всѣ таможенные сборы въ казенное управленіе. При этомъ однако объявлялось во всеобщее свѣдѣніе намѣреніе правительства „не совершенно оставить ихъ въ вѣдѣніи казны, а сдать ихъ въ содержаніе надежной и капиталистой компаніи, составляющей знатное число людей“, для чего и приглашались желающіе взять таможенные сборы на откупъ въ правительствующій сенатъ не далѣе сентября 1763 года, съ „основательными, какъ для казны, такъ и для коммерціи неотаготительными, кондиціями“. Для предупрежденія какихъ-либо злоупотребленій со стороны откупщиковъ, сенатскимъ указомъ въ маѣ 1763 года повелѣно было: *** по представленію упомянутой комиссіи, назначить въ с.-петербургскую таможду трехъ контролеровъ, одного надъ входящими судами, другаго надъ

* С.-Петерб. сенатскій архивъ, высочайшія повелѣнія, Опись № 3, книга 5.

** П. С. З. № 11.658.

*** П. С. З. № 11.829.

отходящими и третьяго надъ всеми должностными лицами, и въ наиважнѣйшія изъ прочихъ таможенъ, а именно: въ Нѣжинъ, Смоленскъ, Псковъ, Ревель, Архангельскъ, Астрахань, послать по штабъ-офицеру для наблюденія надъ исправнымъ поступленіемъ таможенныхъ сборовъ.

Между тѣмъ сенатъ, на основаніи указа 31го іюля того же года, въ которомъ, между прочимъ, повелѣно ему было войти въ подробное разсмотрѣніе, слѣдуетъ ли таможенные сборы вновь отдать на откупъ или взять въ казенное вѣдомство, представилъ октября 24го 1763 года рапортъ.* Въ этомъ рапортѣ, находя, съ одной стороны, что во избѣжаніе значительныхъ расходовъ, необходимыхъ при взятіи въ казенное содержаніе таможенныхъ сборовъ, а также и вѣроятныхъ недоборовъ, полезно было бы отдать ихъ въ содержаніе частнымъ людямъ, но, съ другой, принимая во вниманіе что опасно ввѣрить не особенно довѣреннымъ людямъ столь значительную отрасль государственныхъ доходовъ, приносящую до 2.000.000 руб. ежегодно, сенатъ пришелъ къ тому заключенію что „какъ сіе дѣло требуетъ особливою въ сборахъ вѣрности и большаго труда, и къ тому нужно и достаточное учрежденіе, сопряженное съ знаніемъ коммерціи, къ неотягощенію всѣхъ торгующихъ при досмотрахъ товаровъ и сборѣ пошлинъ“, то необходимо поручить его въ единственное завѣдываніе знатной особы, на знаніе и вѣрность которой можно было бы положиться. Но денежныхъ лицъ, которыя бы предлагали взять таможенные сборы на откупъ на выгодныхъ для казны условіяхъ, несмотря на сдѣланные вызовы чрезъ публикацію, не представлялось, и потому рѣшено было оставить сборы въ казенномъ вѣдѣніи, назначивъ казенными сборщиками прежнихъ откупщиковъ Шемякина съ товарищами и служившихъ при нихъ лицъ, приведа ихъ къ присягѣ и давъ имъ жалованье изъ таможенныхъ доходовъ. Надзоръ же за ними положено было поручить выбранному отъ сената штабъ-офицеру и одному изъ купцовъ по выбору и одобренію с.-петербургскаго купечества; затѣмъ главный надзоръ за таможенными сборами порученъ былъ съ 1-го января 1764 года дѣйствительному тайному совѣтнику графу Милуху, сыну фельдмаршала. Въствѣ съ тѣмъ повелѣно было коммерцъ - коллегіи подать заблаговременно до окончанія

* П. С. З. № 11955.

слѣдующаго года балансъ отпущеннымъ и привезеннымъ товарамъ, разсмотрѣть тарифъ, обсудить число необходимыхъ таможенныхъ мѣстъ, и представить о томъ черезъ сенатъ докладъ императрицѣ.

Съ цѣлью чтобы „при таможенныхъ сборахъ справедливо поступано было, интересъ же нашъ безъ ущерба сохраненъ и на будущее время, къ приращенію онаго поводъ подающихъ обстоятельства въ извѣстность приведены и въ пользу употреблены и вредныя напротивъ того пресѣчены быть могли“, императрица, ввѣривъ тѣ сборы „въ особое главное надзираніе графа Миниха“, не поручила его никакому правительству (начальству) въ вѣдѣніе, „но собственно ея особѣ“. Какое значеніе придавала императрица данному графу Миниху порученію, и какъ вѣрно понимала она значеніе для государства таможенныхъ законовъ, видно, между прочимъ, изъ того что она считала это дѣло „касающимся частію до цѣлости государства“.

Графу Миниху дана была обширная инструкция. Въ инструкціи этой, съ одной стороны, опредѣлялись характеръ и предѣлы предоставляемой графу Миниху власти, а съ другой стороны, указывались въ общихъ чертахъ какъ тѣ мѣры какія слѣдовало принять при приѣмѣ администраціи таможенныхъ сборовъ отъ прежнихъ откупщиковъ, такъ и тѣ главныя основанія на которыхъ должны были быть устроены на будущее время управление упомянутыми сборами и самыя таможенныя обряды.

Относительно характера и предѣловъ предоставленной Миниху, власти въ инструкціи говорилось, что управление надъ таможенными оставляется на прежнемъ основаніи за коммерцъ-коллегіей, а графу Миниху поручается *единое смотрѣніе*; но при всемъ томъ Миниху „повергнуты были въ полную власть“ не только подчиненные назначаемыхъ при каждой таможнѣ сборщиковъ, но и самыя эти сборщики, коихъ предположено было набрать изъ числа прежнихъ откупщиковъ; причемъ предоставлено Миниху всѣхъ сихъ лицъ смѣнять по своему усмотрѣнію, отдавать ихъ подъ судъ коммерцъ-коллегіи и самому назначать новыхъ изъ купцовъ. Кроме того поручалось ему посылать надежныхъ и способныхъ людей тайно и явно для надзора за дѣйствіями мѣстныхъ надъ таможенными начальниковъ. Для всѣхъ этихъ распоряженій предоставлено было Миниху требовать отъ сената необходимое число

секретарей, и учреждалась подъ его начальствомъ при с.-петербургской таможенѣ „главная надъ таможенными сборами канцелярія“, въ которой повелѣно было присутствовать двумъ статскимъ штабъ-офицерскаго класса и выбранному отъ купцовъ надзирателю.

Что касается приѣма таможенъ отъ откупщиковъ, то упомянутою инструкціей предписывалось въ С.-Петербургѣ членамъ вновь учреждаемой главной канцеляріи, а въ другихъ таможенныхъ опредѣляемымъ туда чинамъ освидѣтельствовать и описать оставшіеся въ пакгаузахъ и другихъ мѣстахъ товары, навести справки объ откупныхъ за истекшіе года недоимкахъ, объ обязательствахъ состоящихъ на купцахъ, о чемъ и доносить, для производства съ откупщиками разчета, коммерцъ-коллегіи. Хотя разчеты эти дѣлать поручалось коммерцъ-коллегіи, но о томъ же долженъ былъ рапортовать императрицѣ и самъ графъ Минихъ. Равнымъ образомъ предписывалось принять отъ откупщиковъ и всѣ казенныя строенія по описямъ.

Наконецъ, по отношенію къ предстоявшему устройству таможеннаго управленія и таможенныхъ обрядовъ, инструкція прежде всего возлагала на графа Миниха собраніе всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній отъ комиссіи о таможенныхъ, коммерцъ-коллегіи и откупщиковъ о состояніи таможенъ и таможенныхъ сборовъ за время нахождения ихъ на откупѣ, объ улучшеніяхъ или беспорядкахъ введенныхъ откупщиками, о действительномъ поступленіи сборовъ по каждой изъ таможенъ въ 1755—57 годахъ за время нахождения ихъ въ казенномъ содержаніи и за время откуповъ; о числѣ личнаго состава должностныхъ лицъ до учрежденія откуповъ и во время оныхъ; о поступленіи откупной суммы съ бывшихъ откупщиковъ и о суммахъ оказавшихся въ наличности въ каждой изъ таможенъ; о числѣ необходимыхъ таможенъ и, наконецъ, о мѣрахъ какими можно было бы пресѣчь контрабандную торговлю и вообще улучшить таможенное управленіе. На основаніи всѣхъ собранныхъ такимъ образомъ свѣдѣній, графу Миниху слѣдовало, „съ обстоятельнымъ мнѣніемъ“, представить государынѣ „какія къ распоряженію пристойныя мѣры взять“. Особенное вниманіе графа Миниха обращалось на то чтобы непременно было представлено императрицѣ о томъ гдѣ слѣдуетъ учредить таможни, причемъ указывалось что сохранены должны быть одни главныя на

большихъ дорогахъ, а побочныя уничтожены; слѣдуетъ ли оставить при таможенныхъ посланныхъ туда штабъ- и оберъ-офицеровъ, или уменьшить ихъ число, или вовсе отрѣшить, замѣнивъ ихъ купцами. За симъ повелѣвалось представить императрицѣ о состояніи с.-петербургской таможи рапортъ въ первый же мѣсяцъ, а объ остальныхъ по мѣрѣ полученія свѣдѣній. Таможи должны были посылать рапорты и вѣдомости какъ графу Миниху, такъ и коммерцъ-коллегіи, для донесенія сенату, а коммерцъ-коллегія должна была увѣдомлять Миниха о тѣхъ наставленіяхъ и указахъ которые она давать будетъ таможеннымъ. Самые сборы поручалось таможеннымъ отпускать въ подлежація мѣста по ассигновкамъ коммерцъ-коллегіи; послѣдняя же должна была извѣщать Миниха о томъ куда даны будутъ ею ассигновки, а таможи должны были особо рапортовать ему объ исполненіи этихъ ассигновокъ.

Самые сборы повелѣно было производить по тарифу 1757 года, а особому вниманію графа Миниха поручалось слѣдующее: наблюдать чтобы при осмотрахъ товаровъ и при сборѣ пошлинъ ни малѣйшихъ не было дѣлаемо надбавокъ къ пошлинамъ, затрудненій и притѣсненій торгующимъ, чтобы на пути кораблей изъ Кронштадта въ Петербургъ товары не были тайно свозимы на берегъ; слѣдить не производить ли донскіе казаки контрабанды и придумать средства къ ея уничтоженію, представить государынѣ какимъ образомъ поступать съ безфактурными товарами (которые до того времени конфисковались) безъ отягощенія купцовъ и убытка казнѣ; перемѣнить въ таможенныхъ клейма, ежегодно измѣняя изображаемыя на нихъ фигуры; наблюдать за тѣмъ, чтобы выписываемыя иностранными послами кипы были досматриваемы въ таможенныхъ, а не на дому, и прекратить беспорядки при продажахъ изъ пакгаузовъ; въ случаѣ объявленія купцами товаровъ по чрезмѣрно дешевой цѣнѣ, разрѣшать брать ихъ въ казну съ выдачею за нихъ изъ казны денегъ съ наддачею 20% и со взиманіемъ пошлины, такъ какъ таможенные чины хотя и имѣли право брать такіе товары себѣ, но не могли этого дѣлать за недостаткомъ пошлинныхъ денегъ; наблюдать за скоростью въ разгрузкѣ кораблей, и для складки товаровъ увеличить, въ случаѣ нужды, число пакгаузовъ.

По вступленіи въ управленіе вѣренною ему частью, графъ

Минихъ отъ времени до времени докладывалъ императрицѣ о результатахъ своихъ трудовъ по исполненію данной ему инструкціи. Въ ряду принятыхъ по представленіямъ графа Миниха мѣръ, прежде всего заслуживаютъ вниманія попеченія объ установленіи правильнаго таможеннаго управленія. Такъ, уже въ февралѣ 1764 года,* Минихъ доносилъ объ окончаніи даннаго ему порученія относительно собраній свѣдѣній о числѣ бывшихъ по таможнякъ, во время откуповъ, служащихъ; о количествѣ получаемаго ими жалованья; о томъ сколько такихъ чиновниковъ нужно было оставить; какія таможни упразднить и гдѣ открыть новыя; гдѣ слѣдуетъ оставить посланныхъ для надзора за откупщиками штабъ-офицеровъ, а гдѣ таковыхъ упразднить. При семъ онъ представлялъ на утвержденіе императрицы составленные имъ штаты таможенъ и причисленныхъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ заставъ. При этомъ графъ Минихъ пояснялъ что число людей въ таможнякъ умножено, жалованье увеличено, нѣкоторыя таможни предназначены къ упраздненію по незначительности приносимаго ими дохода, а вмѣсто ихъ предположено устроить заставы.

По представленному графомъ Минихомъ штату главной надѣ таможняи канцеляріи, жалованье его было опредѣлено въ 2.094 рубля; члену той же канцеляріи артиллеріи военному совѣтнику Козмину назначено было 840 руб., прокурору и члену отъ купечества по 1.200 руб., а на 23 секретарей и канцелярскихъ служителей полагалось 4.345 руб. На 40 же таможенъ и заставъ, въ которыя полагалось опредѣлить 840 чиновъ, назначалось на жалованье чиновникамъ и на прочіе расходы всего 77.869 руб.** и на состоящихъ при нѣко-

* С.-Пбург. сен. архивъ, высочайшія повелѣнія, опись № 8, книга № 5.

** Таможни эти были: С.-Петербургская, Кронштадтская, Выборгская, Травнгульская застава, Фридрихсгамская, Нарвская, Ревельская Рижская, Пермская застава, Темерниковская, Астраханская, Еютаевская, Кизлярская, Архангельская съ Новодвинскою заставой, Колская застава, Мезельская заст., застава при Олешскомъ устьѣ, Псковская таможня, Тапловская заст., Дерптская заст. Шелеговская, Мельницкая заст., Порецкая, Боевская, Сенковская заст., Бѣльская заст., Васильковская, Переяславская заст., Межигорская заст., Вышковская, Бѣлянская заст., Добрянская, Перевелеченская, Кремен-

торыхъ изъ нихъ штабъ-офицеровъ 9.090 руб. Штаты эти были утверждены императрицей 12го февраля 1764 года.

Въ мартѣ того же года штаты этотъ дополненъ былъ учрежденіемъ новой заставы въ Ораніенбаумѣ. * Одною изъ первыхъ заботъ Екатерины II относительно вновь приобретаемыхъ областей всегда было возможное приравненіе ихъ относительно правъ къ кореннымъ провинціямъ Имперіи и облегченіе сношеній новыхъ областей со старыми. Такъ, еще въ 1762 году повелѣно было существовавшія въ Малороссіи таможи Переволоченскую и Кременчугскую перенести за предѣлы Новой Сербіи (Новороссіи) „дабы жители Новой Сербіи, чтó нынѣ Новороссійская губернія“, сказано было въ указѣ, „внутри какъ своихъ жилищъ, такъ и въ Малой и Великой Россіи, равно со всѣми подданными въ торгахъ пользовались, а платили бы пошлину только съ отпускныхъ за границу и приходящихъ къ нимъ изъ-за границы товаровъ“. Вслѣдствіе этого указа графъ Минихъ, вмѣстѣ съ находившимся въ Новороссійской губерніи генералъ-поручикомъ Мельгуновымъ, предлагалъ императрицѣ чтобы, въ виду дороговизны устройства новыхъ таможенъ, учредить ихъ исподоволь на счетъ прибылей какія поступать по названнымъ двумъ таможнямъ сверхъ прежней откупной суммы, и впредь до устройства новыхъ таможенъ, дозволить купечеству привозить въ Новороссійскую губернію свои товары, назначенные не для заграничнаго торга, беспошлинно; а въ случаѣ дальнѣйшаго слѣдованія за границу уплачивать пошлины въ крѣпости Св. Елизаветы (Елизаветградѣ). Вмѣстѣ съ тѣмъ поручалось Мельгунову секретно провѣдать какіе товары вывозятся въ Новороссію и Сѣчь Запорожскую для собственнаго потребленія сихъ областей, съ тѣмъ чтобы составить такимъ товарамъ реестръ и за тѣмъ уже не пускать туда беспошлинно всѣ остальные товары; „однакожь надлежитъ“, говорится въ докладѣ, „въ томъ имѣть осторожность, особливо чтó слѣдуетъ до Запорожскихъ казакѣвъ, чтобы они не отягощены были излишше и отъ того не оставили бы своихъ жилищъ“.**

чужовская, Секеринская заст., Цариченская заст., Бахмутская, Изюмская, Оловецкая-Кимаозерская, Нѣжинская (С.-Пбург. сем. архивъ, высоч. повелѣн., опись № 3, книга № 5).

* Д. С. З., № 12.101.

** Д. С. З. № 12.164.

Всѣмъ за тѣмъ, въ октябрѣ того же года, государыня продолжала, по докладу Миниха, дѣйствіе утвержденныхъ на 1764 годъ таможенныхъ штатовъ на слѣдующіе года впредъ до новаго ихъ пересмотра.*

Наконецъ въ январѣ 1765 года графъ Минихъ представилъ императрицѣ вновь пересмотрѣнные имъ штаты таможенныхъ учрежденій на окончательное ихъ утверженіе.** Штаты эти представляли значительныя измѣненія на основаніи указаній опыта въ числѣ назначенныхъ въ каждую таможенную таможню лицъ и въ размѣрахъ присвоеннаго разнымъ должностямъ содержанія. Такъ сумма назначенная на содержаніе таможенной канцеляріи была увеличена до 10.389 руб., вслѣдствіе прибавки жалованья одному изъ членовъ. Три таможни обращены въ заставы, число чиновъ и служителей въ таможенныхъ и заставныхъ увеличено до 913, вмѣсто прежнихъ 840, и расходы на содержаніе таможенъ опредѣлены въ 79.503 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Минихъ представлялъ что бывшіе откупщики отказались продолжать свою службу по таможенному управленію, и потому онъ полагалъ замѣнить ихъ назначенными отъ правительства лицами.

Одновременно съ устройствомъ таможеннаго управленія, графъ Минихъ разрабатывалъ также и нѣкоторыя мѣры къ облегченію таможенныхъ обрядовъ, къ воспособленію внѣшней торговлѣ и ко введенію строгаго порядка во внутреннемъ устройствѣ таможенъ. Мѣры эти, сперва приняты въ отдѣльности, по особымъ докладамъ, вошли затѣмъ въ двѣ обширныя инструкціи, составленныя и разосланныя по таможнямъ въ томъ же 1764 году главною надъ таможнями канцеляріей: одну для с.-петербургской и другихъ портовыхъ таможенъ, другую для пограничныхъ сухопутныхъ таможенъ*** Содержаніе первой изъ этихъ инструкцій можно группировать по слѣдующимъ тремъ родамъ предметовъ: въ ней, во-первыхъ, заключаются подробныя правила о встрѣчѣ судовъ приходящихъ съ моря въ Кронштадтскую гавань, объ осмотрѣ ихъ еще до входа въ гавань особымъ *гавань-мейстеромъ*, о составленіи деклараціи, о наблюденіи за судами во время плаванія ихъ отъ Кронштадта до Петербурга, объ

* П. С. З. № 12.268.

** С.-Пбург. сев. архивъ, выс. пов., опись № 3, книга № 10.

*** П. С. З. №№ 12.224 и 12.225.

осмотрѣ ихъ въ Петербургѣ, о выгрузкѣ и о правилахъ для храненія товаровъ въ пакгаузахъ, о нагрузкѣ судовъ при выходѣ въ море, и наконецъ о надзорѣ за ними при обратномъ до Кронштадта плаваніи. Вовтерыхъ, та же инструкция содержитъ нѣкоторыя постановленія объ особыхъ, въ пользу торгующаго купечества, облегченіяхъ во взносѣ таможенныхъ пошлинъ, а именно: о правѣ оставлять товары не подлежащіе порчѣ въ пакгаузахъ до шести мѣсяцевъ; о дозволеніи, вмѣсто взноса пошлинъ ефимками, какъ того требовалъ таможенный уставъ 1755 г. и тарифъ 1757 года, представлять въ залогъ русскія серебряныя деньги по цѣнѣ 1 р. 30 коп. за ефимокъ, впредь до покупки ими сихъ послѣднихъ, но не долѣе одного мѣсяца; о разрѣшеніи купцамъ представлять въ таможенную деньги на текущій счетъ, въ счетъ слѣдующихъ съ нихъ пошлинъ. Наконецъ, третьихъ, инструкция содержитъ и нѣкоторыя общія наставленія оберъ-инспектору (Шемакину) о томъ что онъ долженъ всячески стараться чтобы подвластные ему чиновники строго исполняли свои обязанности, не притѣсняли купечества и соблюдали казенный интересъ, чтобы вѣсы, гири, клейма и аршины были всегда вѣрны и въ исправности, и установленныя для таможенъ книги велись исправно.

Другую инструкціей, для таможенъ сухопутныхъ, прежде всего опредѣлялись права таможенныхъ директоровъ. Они обязаны были наблюдать за дѣйствіями всѣхъ чиновниковъ подчиненной имъ таможни, причемъ о назначеніи высшихъ чиновъ: управителей, кассира, экера и штемпельмейстера они должны были представлять въ таможенную канцелярію, а прочіихъ опредѣляли собственною властію. При этомъ предписывалось въ объѣздики брать изъ обѣдѣвшихъ купцовъ, а въ досмотрщики изъ мѣстныхъ магистратовъ по выбору, если невозможно будетъ найти по найму достойныхъ и надежныхъ лицъ. Директорамъ поставялось въ обязанность имѣть неослабное наблюденіе надъ подчиненными таможенъ заставами. Съ торговыми „купецкими“ людьми инструкция предписывала „поступать ласково, справедливо и съ умѣренностью, незлобительно, не давая причины къ приношенію на себя жалобъ, наипаче же вреда и помѣшательства въ настоящемъ торгу и дѣлахъ и ни малой остановки не чинить, и какъ сверхъ настоящихъ указныхъ пошлинъ, такъ и въ покупкѣ преимущества передъ другими у пріѣзжаго требовать,

или ему указывать кому бы онъ прежде товары свои продавъ, или его къ какой цѣнѣ товаровъ принуждать, отнюдь не держать, соблюдая благосостояніе коммерціи, *которая по большей части процвѣтаетъ вольностію и свободою.*" За соблюденіемъ этихъ коренныхъ правилъ должны были наблюдать директоры; о сомнѣніяхъ своихъ въ какихъ-либо случаяхъ директоръ долженъ былъ сноситься съ главною канцеляріей. Кромѣ этихъ общихъ правилъ, инструкція содержать и нѣкоторыя частныя правила относительно досмотра, пропуска товаровъ и взиманія съ нихъ пошлинъ, постройки для удобствъ торговли пакгаузовъ, отсылки собираемыхъ пошлинъ въ ближайшія губернскія провинціальныя и воеводскія канцеляріи. При этомъ опредѣлялось что штатные по содержанію таможи расходы и жалованье объѣзднякамъ должны быть удовлетворяемы изъ акциденціи и огневыхъ и ластовыхъ денегъ.

Независимо отъ всѣхъ указанныхъ мѣропріятій, графъ Минихъ обратился также и къ окончанію расчетовъ съ бывшими откупщиками. Въ дѣлахъ откупа господствовалъ, по видимому, совершенный беспорядокъ. Въ упомянутой выше запискѣ, хранящейся въ дѣлахъ государственнаго архива, говорится что разыскать дѣйствительно получившіяся Шемакинымъ доходъ не было никакой возможности, ибо, какъ коммиссія ни разыскивала, счетныхъ книгъ не оказалось, а нашлись только отдѣльныя записки на тетрадахъ и лоскуткахъ бумаги, многія купеческія объявленія о товарахъ оказались подчищенными и переправленными, другія растерянными или вовсе въ тетради не записанными. Назначенные отъ откупщиковъ сборщики инструкцій не имѣли, а получая пошлину ефимками, сами сдавали ее въ казну мѣдными деньгами. Въ указѣ, данномъ графу Миниху въ началѣ 1764 года, * императрица между прочимъ объявляла что изъ поданнаго ей рапорта о найденныхъ въ таможахъ по принятіи ихъ отъ откупщиковъ наличныхъ деньгахъ и недоимкахъ усматривается что многихъ объявленій о товарахъ, привезенныхъ въ 1763 году, на лицо не имѣется, а находятся они на рукахъ у купцовъ. А такъ какъ расрочки во взносѣ

* Указъ 17-го февраля 1764 г. Спб. сен. архивъ, выс. пов., Опись, № 8, книга 5.

пошлинъ сдѣланы, были тѣмъ купцамъ откупщиками, безъ требованія поручителей, то императрица повелѣвала: реестры неоказавшимся объявленіямъ и вѣдомость поданную откупщиками о состоящихъ на купцахъ недоимкахъ въ пошлинахъ передать въ комиссію о таможенныхъ для изслѣдованія какую часть изъ разсроченныхъ пошлинъ можно надѣяться взыскать, затѣмъ приступить къ неослабному взысканію съ должниковъ невнесенныхъ имъ пошлинъ, на что давался одинъ мѣсяць срока; за несостоятельностью которыхъ-либо изъ купцовъ въ уплатѣ означенныхъ недоимокъ, предписывалось обращать взысканіе на бывшихъ откупщиковъ.

Наконецъ въ мартѣ того же года * поданъ былъ графомъ Минихомъ императрицѣ особый докладъ о расчетахъ съ откупщиками. Изъ подробнаго разбирательства всѣхъ ихъ счетовъ оказывалось:

На лицо состояло	527.851 руб.
Въ недоимкахъ и разсрочкахъ на купцахъ состояло	406.689 .
	<hr/>
Итого	934.040 .
Долговъ на казенныхъ мѣстахъ	82.586 .
	<hr/>
Всего	1.016.576 .

На откупщикахъ состояло долгу казнѣ 359.088 руб.

По исключеніи сей послѣдней суммы изъ приведеннаго итога актива откупнаго товарищества, оставалось 657.489 руб., изъ коихъ повелѣно было выдать 128.500 руб. тѣмъ изъ откупщиковъ которые за главнаго откупщика Шемякина не ручались и которымъ онъ и его товарищи были должны означенную сумму. Затѣмъ подлежали вычету 417.775 р. долговъ Шемякина банку и разнымъ казеннымъ мѣстамъ. Остальные же за всѣми этими вычетами 111.214 руб. и 120.000 руб. которые, по расчетамъ откупщиковъ, должны были оказываться въ Васильковской таможенѣ, а всего 231.214 руб., предоставлены были Шемякину съ товарищами въ раздѣлъ между ними, въ видѣ дивиденда.

Одновременно съ преобразованиями по таможенной части Екатерина II обратила свое вниманіе и на другіе два главные косвенные налога: *винный и соляной*, сборы, которые, по способу ихъ взиманія, служили источникомъ безчисленныхъ притѣвленій народа.

* Сиб. сем. архивъ, тамъ же.

Императрица ясно сознавала невозможность лишить государственную казну этих двух важных источников дохода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ тѣ бѣдствія которыя происходили отъ стѣснительнаго для народа способа взиманія упомянутыхъ доходовъ. Вслѣдствіе сего, указомъ 23-го марта 1764 года, * она учредила комиссію изъ графа Фермора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Козлова, Волкова и Елагина. Комиссію предписывалось въ данной ей инструкціи: „по долгу присяги и любви къ отечеству, прилежно разсмотрѣть обстоятельства важныхъ сихъ дѣлъ, представить мнѣніе о удобнѣйшихъ къ поправленію и порядочному оныхъ установленію способахъ“.

Уже тогда народъ и казна страдали, какъ значитса въ названной инструкціи, отъ обмановъ людей (завѣдывавшихъ взиманіемъ упомянутыхъ сборовъ, отъ „грабительства, привязокъ и коварнаго и безстрашнаго посползованія на многія другія злодѣяства, отъ крайней строгости и ибгязанія при слѣдствіяхъ по случаю корчемства“ и т. д.

Потому комиссіи предписывалось: собрать свѣдѣнія на какихъ основаніяхъ учреждены помянутые сборы и сколько казна за всѣми расходами имѣетъ отъ нихъ дѣйствительной прибыли; изыскать средства чтобы сборы эти, не отягощая народа, умножили доходъ казны.

При этомъ государыня предписывала комиссіи обратить вниманіе на нѣкоторые вопросы, постановленіе которыхъ доказываетъ обширность ея видовъ въ дѣлѣ финансовой политики: „не полезнѣ ли, вмѣсто продажи одной елтоновской соли, производить продажу ея и изъ другихъ мѣстъ добычи?

„Не можетъ ли не только безъ ущерба казнѣ, но и съ выгодною быть допущена вольная продажа соли?

„Нѣтъ ли возможности подвозъ соли въ Малороссію изъ Польши и Крыма обложить пошлиной въ пользу государства или замѣнить его поставкою русской соли?“

Соляные сборы находились въ началѣ царствованія Екатерины II въ завѣдываніи главной московской соляной конторы и слѣдующихъ подчиненныхъ ей мѣстъ: соляныхъ конторъ: с.-петербургской, низовой, нижегородской и сибирской, и соляныхъ комиссарствъ: псковскаго, олонцакаго, архан-

* П. С. З., № 12.106.

гельскаго, самарскаго и оренбургскаго. Казна пользовалась исключительнымъ правомъ продажи соли, которая поставлялась въ нѣкоторые центральные пункты частью съ казенныхъ солеваренныхъ заводовъ, частью же частными солепромышленниками; развозилась за тѣмъ по городамъ, гдѣ она продавалась за счетъ казны особо назначенными для того по выборамъ отъ купечества соляными головами, ларешниками и цѣловальниками.

Во исполненіе данной ей инструкціи, коммиссія 28-го января 1766 года * доносила императрицѣ что, сознавая всю важность порученныхъ ей дѣлъ, она прежде всего приступила къ изслѣдованію того сколько по солянымъ и виннымъ сборамъ остается казнѣ дѣйствительной прибыли за исключеніемъ всѣхъ расходовъ. Истребованы были вѣдомости изъ всѣхъ подлежащихъ мѣстъ. Требуемыя вѣдомости, на сколько онѣ касались солянаго сбора, хотя и были присланы, но оказались въ значительной степени недостаточными и неясными. По кабацкимъ же сборамъ изъ многихъ мѣстъ вовсе не было прислано никакихъ свѣдѣній, и получить ихъ не было надежды, ибо камереръ-коллегія отозвалась „что сколько старанія ни прилагаеть, по существу находившихся до сего въ оной дѣлѣ, но къ достаточному объясненію не токмо для коммиссіи, но и для внутренняго своего распоряженія желаемого свѣдѣнія не находятъ, а кои и присланы весьма между собою разногласны и ко тому жь недостаточны“. Вслѣдствіе того коммиссія и доносила что „она не могла еще приступить ни къ какому рѣшительному и точному о томъ постановленію какимъ образомъ доходы сохранить и умножить и народу отягощенія не сдѣлать, однакожь тѣмъ не менѣе она находила надобность нѣкоторыя къ будущему главному дѣлу основаніемъ служащія распоряженія всенижайше представить“.

Коммиссія именно находила что въ предшедшее ея назначенію время соляному дѣлу было дано неправильное направленіе въ томъ отношеніи, что по преимуществу была подражаема къ поставкѣ въ казну елтонская соль, обходившаяся въ Нижнемъ-Новгородѣ по 16 коп. пудъ, тогда какъ пермская, которая ставится въ Нижній по 8 коп. съ долями, совсѣмъ оставлена. Если за симъ и показано было въ

* С. петербург. сен. архивъ, выс. повел., Опись № 2, книга 125—126.

1761 году чистой прибыли отъ соли 2.188.182 руб., а на будущее время, при цѣнѣ на соль въ 40 коп., разчитывалась прибыль соляною конторой въ 1.510.661 руб., то комиссия объясняла это тѣмъ что въ 1750—1760 годахъ до 2.015.043 руб. употреблено было въ оборотный по заготовленію соли капиталъ, что воинскія команды, приставленныя къ сему дѣлу, получали содержаніе изъ другихъ источниковъ, а не изъ соляныхъ доходовъ, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ заготовленіе соли обходилось весьма дешево, что употребленіе соли за послѣдніе предшешіе годы увеличилось, хотя за лучший годъ она показана была не болѣе какъ въ 7 милл. пудовъ. Потому единственнымъ способомъ къ облегченію сего налога для народа комиссия считала удешевленіе поставки соли. Для сего комиссия предлагала:

1. Прибавить баронамъ Строгановымъ, которые, по ея разчету, вываривали до 1.500.000 пудъ, по 1 коп. на пудъ и, въ случаѣ размноженія ими сего промысла, еще по 1¹/₂ коп. и обнадѣжить „что и паки сверхъ того стараніе приложится разными полезными распоряженіями выварку ихъ облегчить и выгоднѣйшею сдѣлать“. Противъ этого доклада послѣдовала собственноручная государыни резолюція: „сдѣлать прибавку хотя до двухъ копѣекъ, но остается знать въ состояніи ли они и до какаго числа?“

2. Возстановить соляныя старорусскія варницы, оставленныя въ 1753 году. При этомъ комиссия рапортовала, что причиною оставленія старорусскихъ заводовъ было предположеніе что ими слишкомъ много истребляется лѣса; нынѣ же, упоминала комиссия, употреблѣть можно березовый и другой мелкій лѣсъ, отпуску же изъ той мѣстности лѣса нигде не можетъ быть, да при томъ, присовокупляла комиссия, „есть надежда тамъ найти *каменное уголье*, по меньшей мѣрѣ комиссия стараніе о томъ приложить“. Для изслѣдованія же сего дѣла, докладывала комиссия, посланъ былъ ею инженеръ-маіоръ и химіи профессоръ съ ученикомъ. На это императрица положила резолюцію: „Согласна чтобъ возстановить, но при томъ узнать должно чрезъ вѣрный опытъ по чѣмъ оная (соль) на мѣстѣ становится; а кажется будетъ въ сравненіи съ пермскою она очень дорога.“

3. Стараться чтобы не только русская соль продавалась въ Украинѣ вмѣсто польской и крымской, но чтобы и въ самой Польшѣ русская соль *по-прежнему* продавалась.

Противъ сего государыня писала: „Сіе весьма желательно, и уже смоленскому губернатору приказано оную продажу за границу производить, о чемъ ему подтвердить можно.“

4. Не оказывая предпочтенія елтонской соли, заподряжать болѣе той соли какая окажется дешевле, и къ поставкѣ которой найдется болѣе охотниковъ. Государыня и противъ этого начертала: „Сіе правило за основательное приѣмлетя и опробуется.“

5. Разрѣшить добычу соли во всѣхъ мѣстахъ гдѣ таковая прежде была запрещена, и если гдѣ явятся охотники производить тотъ промыселъ, то немедленно ихъ снабжать дозволеніями и потребнымъ вспоможеніемъ. Противъ этого пункта Екатериною II замѣчено: „Нѣтъ ли какого правильнаго резону для котораго бы нѣкоторыя соли заказаны были, и нѣтъ ли между ими и вредительной, впрочемъ опробуется.“

6. Оставить казенную продажу соли лишь въ городахъ и значительнѣйшихъ слободахъ, предоставивъ частнымъ лицамъ покупать въ городахъ въ казенныхъ лавкахъ соль и развозить ее по селеніямъ съ нѣкоторою для себя прибылью, отъ 2 до 3 к. на пудъ, отъ чего казна освободилась бы отъ 20.000 р. ежегодныхъ расходовъ по развозкѣ соли, а купечество, принудительно занимающееся по выбору продажѣй соли, получило бы облегченіе. Государыня замѣтила на это: „Остается подумать о семъ, чтобъ сохраня казнѣ 20.000 рублей не произвести народу отягощенія и не подать поводу къ корчемству.“

7. Въ Астрахани, какъ усматривала коммиссія изъ присланныхъ ей дѣлъ, до 1750 года соль продавалась по 3½ к., съ 1750 года по 17, а въ 1756 по 25 к., вслѣдствіе чего расходъ соли уменьшился съ 500.000 до 200.000 пудовъ, и рыболовная промышленность, пользовавшаяся дешевою солью для соленія рыбы, значительно упала. Хотя, говорила коммиссія, и продается та соль теперь по 15 коп., но для развитія рыбныхъ промысловъ она предлагала сбавить цѣну на 5 коп. Но государыня положила: „Оставить до будущаго разсмотрѣнія на прежнемъ основаніи.“

„И дѣйствительно всемилостивѣйшая государыня“, заключала коммиссія свой докладъ, „чѣмъ свободнѣе будутъ соляные промыслы и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ дешевле станетъ соль приходиться въ казну, а чѣмъ дешевле, тѣмъ больше

будетъ прибыли и способовъ доходы въ подлинность привести и народу вашему облегченіе дать.“

Для приведенія всего солянаго дѣла въ порядокъ, комиссія предположила составить для соляной канцеляріи подробную инструкцію, и для того просила разрѣшенія взять въ комиссію assessора Тихомирова. Государыня положила резолюцію: „Заготовить, однако, что для чего въ ономъ дѣлѣ предпринимается, о томъ подать мнѣ особое объясненіе“, а противъ представленія о Тихомировѣ: „Взять“.

Въ 1768 году, 11-го марта,* комиссія, согласно приведенному докладу, представила императрицѣ составленный ею проектъ инструкціи для соляной канцеляріи, съ подробнымъ къ сей инструкціи объясненіемъ. Инструкція эта озаглавлена: „Инструкція государственной соляной канцеляріи“, и состоитъ изъ 17 главъ, раздѣленныхъ на 225 пунктовъ. Въ силу этой инструкціи, предполагалось поставить соляную канцелярію, которую переименовывали въ соляную канцелярію, на равную съ остальными коллегіями степень и подчинить ее вѣдѣнію сената. Предметъ вѣдомства канцеляріи опредѣлялся слѣдующимъ образомъ: „чтобы солей во всей нашей Имперіи къ народному удовольствію заготавливаемо было достаточно“. Содержащаяся въ инструкціи постановленія касаются главнѣйше четырехъ предметовъ: добычи, развозки, продажи соли и наказанія за нарушеніе законоположеній касавшихся солянаго дохода.

По первому изъ означенныхъ предметовъ, канцеляріи предполагалось поставить въ обязанность наблюдать за исправнымъ состояніемъ какъ казенныхъ, такъ и частныхъ заводовъ, послѣднимъ, въ случаѣ необходимости, помогать собирать обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи соляныхъ промысловъ и представлять въ сенатъ ежегодную вѣдомость о состояніи соляныхъ запасовъ. Относительно казенныхъ промысловъ, на канцелярію возлагалось привести въ ясность, выгодность или невыгодность каждаго отдѣльнаго казеннаго промысла: по чемъ обходится выварка соли на каждомъ заводѣ, во сколько обходится ея развозка, и сколько получаетъ казна отъ соли чистой прибыли. При этомъ указывалось что нѣкоторые заводы могли бы съ выгодой для казны быть отданы на откупъ, на сроки отъ 5 до 10 лѣтъ,

* С.-Пет. сен. архивъ, тамъ же.

или даже проданы, для чего предполагено было испрашивать каждый разъ разрѣшенія сената. Относительно частныхъ заводовъ, предписывалось имѣть особенное попеченіе о правильности производства соли заводами и поставкахъ соли въ казну. При семъ дозволялось давать частнымъ промышленникамъ, въ случаѣ надобности, безпроцентныя ссуды изъ казенныхъ денегъ, но не свыше третьей части или половины наличной состоящей у нихъ соли, а поморскимъ промышленникамъ по 100 руб. на каждую варницу, но со взысканіемъ изъ первой продажи соли. Такія же ссуды, не долге какъ на годовой срокъ и за поручительствомъ состоятельныхъ лицъ, предполагалось давать промышленникамъ при учрежденіи ими новыхъ заводовъ и тѣмъ изъ нихъ, заводы коихъ придуть въ упадокъ отъ обстоятельствъ; отъ промышленниковъ независящихъ; при семъ указывались и средства ко взысканію раздаваемыхъ ссудъ, а именно, продажа заводовъ или взятіе ихъ въ казенное управленіе и привлеченіе къ отвѣтственности поручителей. Канцеляріи предписывалось одинаковымъ образомъ стараться о размноженіи соли во всевозможныхъ мѣстахъ, не давая предпочтенія одному роду соли противъ другаго, для чего и предполагалось предоставить ей право, смотря по обстоятельствамъ, усиливать или уменьшать выварку, или выломку соли изъ тѣхъ или другихъ источниковъ или озеръ, но при томъ воспрещалось прибѣгать для выломки или развозки соли къ принудительнымъ нарядамъ мѣстныхъ крестьянъ, и предписывалось производить эти операціи единственно лишь вольными трудами.

Та же инструкция содержала подробныя правила объ отдачѣ развоза соли съ торговъ въ подрядъ, срокомъ не болѣе какъ на четыре года, причемъ предписывалось сдавать эти подряды, смотря по выгодности испрашиваемыхъ подрядчиками цѣнъ, или на мѣстахъ въ губерніяхъ, или въ соляной канцеляріи.

Относительно продажи соли, въ инструкціи были изложены подробныя правила, прежде всего, о постройкѣ казенныхъ магазиновъ для храненія соли, о замѣнѣ деревянныхъ магазиновъ каменными, о способѣ казенной продажи. При этомъ предполагено было оставить казенную продажу лишь въ городахъ и значительнѣйшихъ слободахъ, предоставивъ частнымъ торговцамъ покупать соль въ городахъ и развозить ее по селеніямъ и деревнямъ, для чего и выдавать имъ

билеты съ означеніемъ количества и качества купленной ими соли. Въ городахъ же предписывалось: приѣмъ, храненіе и продажу соли поручать выборнымъ отъ купечества съ отвѣтственностью за нихъ тѣхъ обществъ которымъ полагалось поручить ихъ выборъ; если же на всѣхъ мѣстныхъ купцахъ окажется недоимка по соляной продажѣ, то брать такихъ приѣмщиковъ изъ ближайшихъ городовъ съ уплатою имъ содержанія и на проѣздъ денегъ на счетъ города состоящаго въ недоимкѣ, или опредѣлять изъ отставныхъ военныхъ или штатскихъ чиновниковъ. Головамъ и ларешникамъ, а также магистратамъ и городovýmъ канцеляріямъ предписывалось имѣть наблюденіе чтобы соль имѣлась всегда въ достаточномъ количествѣ, требовать ея присылки въ случаѣ недостатка, и производить оптовую продажу отъ 12 пудъ разомъ и выше изъ магазиновъ; а розничная продажа изъ лавокъ поручалась цѣловальникамъ, назначаемымъ по выбору купечества, съ отвѣтственностью за нихъ головъ и ларешниковъ. Храненіе денегъ, записка ихъ въ книги и отправка въ соляную канцелярію поручались магистратамъ, а общее наблюденіе за правильностью продажи и производство слѣдствій предположено было возложить на губернскія, воеводскія и провинціальныя канцеляріи, которыя должны были, въ случаѣ сомнѣнія, дѣлать представленія губернаторамъ, а послѣднимъ поручалось разрѣшать тѣ сомнѣнія не списываясь съ соляною канцеляріей. Продажа должна была производиться на чистыя деньги, но астраханскимъ промышленникамъ разрѣшено было давать соль въ ссуду, срокомъ не долѣе года, съ платежомъ $\frac{1}{2}\%$ въ годъ интереса, причемъ предписывалось „представлять въ канцелярію въ случаѣ если и въ другихъ мѣстахъ окажется необходимость въ выдачѣ подобныхъ за проценты ссудъ“. Казенныя деньги, выручаемыя отъ продажи соли, предписывалось переводить куда слѣдуетъ по векселямъ; съ крымской соли, при ввозѣ ея въ Малоросію и Украину, предписывалось брать пошлины по 20 коп., причемъ предположены были разныя мѣры къ поощренію вывоза пермской и елтонской соли въ Польшу и Украину. Желающимъ вывозить русскую соль въ Польшу предположено было отпускать соль изъ нижегородскихъ магазиновъ, при отпускѣ не менѣе 10.000 пудовъ заразъ, по заготовительной цѣнѣ, съ приплатою только 10 коп. на пудъ. Также предполагалось давать лицамъ, предпринимавшимъ продажу

соли въ Украинѣ, Малороссіи и Польшѣ, безпроцентныя ссуды, срокомъ на годъ, за вѣрными поручителями. Иностранную соль дозволялось ввозить только чрезъ порты Рижскій, Ревельскій, Выборгскій и Нарвскій, съ уплатою положенной по тарифу пошлины, продавать же привозную соль дозволялось лишь жителямъ ближайшихъ мѣстностей, не ввозя ее во внутреннія губерніи. О количествѣ привозной изъ-за границы соли предписывалось мѣстнымъ губернаторамъ доносить по трети въ С.-Петербургскую соляную контору, куда пересылать и полученные за ту соль таможенные сборы. Въ случаѣ же потребности въ иностранной соли для внутреннихъ губерній, выписывать ее не иначе какъ съ разрѣшенія соляной канцеляріи. Безденежный отпускъ соли предоставлялся казацкимъ войскамъ Донскому и Яицкому, на основаніи примѣра прежнихъ лѣтъ, а Волжскому войску назначалось на служащую семью по 3 пуда, а отставнымъ вдовамъ и сиротамъ по одному пуду. За развозъ по Россіи соленой рыбы и икры положено было съ Яицкаго войска взыскивать по-прежнему откупную сумму и обложить таковою же Донское войско, въ случаѣ если оно будетъ заниматься упомянутою торговлей. Наконецъ изложены были въ проектѣ инструкціи правила для ежегоднаго обревизованія счетовъ подвѣдомыхъ соляной канцеляріи мѣст. Для наблюденія за правильностью сбора соляныхъ денегъ, канцелярія должна была разослать во всѣ мѣста формы для веденія книгъ, а мѣстныя губерскія, воеводскія и провинціальныя канцеляріи должны были выдавать по тѣмъ формамъ книги, и обревизовавъ ихъ въ концѣ года, отсылать въ главную соляную канцелярію, причемъ взысканіе недоимокъ съ лицъ коимъ поручались храненіе и продажа соли должно было производиться не позже 3-хъ мѣсяцевъ по истеченіи отчетнаго года.

Проектъ инструкціи оканчивался перечисленіемъ наказаній, которыя предполагалось постановить за всѣ преступленія какъ частныхъ лицъ, такъ и чиновниковъ по нарушенію ими интересовъ казны и по обманамъ при торговлѣ солью.

Коммиссія, поднося императрицѣ выработанный ею проектъ инструкціи, представляла что, еслибы за сложностію содержащихся въ ней постановленій государынѣ не благоугодно было утвердить ее безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія, то она просить по крайней мѣрѣ издать особый указъ, коимъ

объявлено было бы что пермским заводчикам прибавляется по 2 коп. на пудъ за добываемую ими соль, и что казенная продажа соли въ деревняхъ и селеніяхъ отмѣняется, а дозволяется вольный торгъ ею.

Далеко не всѣ предположенія комиссіи были приведены въ исполненіе въ разсматриваемую эпоху. Составленный ею проектъ инструкціи вовсе не получилъ высочайшаго утвержденія. Въ эту эпоху были приняты лишь нѣкоторыя отдѣльныя мѣры, клонившіяся частію къ водворенію въ соляномъ управленіи большаго порядка, частію къ развитію солеваренной промышленности и торговли этимъ продуктомъ. Такъ, по части солянаго управленія, находимъ слѣдующія мѣры: сенатскимъ указомъ 1766 года * повелѣно было соляной конторѣ представлять о поступленіи солянаго сбора и производимыхъ изъ него расходахъ подробныя вѣдомости какъ камеръ-коллегіи, такъ и ревизіонъ-коллегіи. Въ томъ же году повелѣно было соляной конторѣ, по случаю взысканія съ цѣловальниковъ неказавшейся при Емотаевской крѣпости и на Бертюльской пристани соли, хранившейся въ буграхъ и въ магазинахъ съ худыми крышами, предписать всѣмъ мѣстамъ гдѣ соль хранится чтобы для храненія соли амбары и магазины были содержимы въ крѣпкомъ видѣ, ** чтобы лица коимъ поручено храненіе соли не могли представлять какія-либо оговорки относительно утраты соли. Въ 1768 году сенатскимъ указомъ *** предписано было, по случаю происшедшаго въ главной соляной конторѣ разногласія въ сужденіи о потопленіи на рѣкѣ Волги барки съ солью, чтобы въ контрактахъ о перевозкѣ соли точнѣйшимъ образомъ были оговариваемы тѣ случаи когда за потопленіе казенной соли должны отвѣчать поставщики, а именно, если окажется что, несмотря на дурную погоду, плаваніе не было судовладельцемъ приостановлено, или снасти окажутся ненадежными. Въ томъ же году, по всеподданнѣйшему докладу сената, **** разрѣшено было прибавить пермскимъ заводчикамъ за поставляемую ими въ Нижній-Новгородъ соль по 2 коп. на пудъ, и соляной конторѣ разрѣшено, согласно ея представленію, заключать

* П. С. З. № 12.690.

** П. С. З. № 12.695.

*** П. С. З. № 13.160.

**** П. С. З. № 13.206.

подряды на поставку соли срокомъ не долѣе четырехъ лѣтъ, такъ какъ при заключеніи такихъ подрядовъ изъ года въ годъ въ лицахъ желающихъ заняться перевозкой соли чувствовался крайній недостатокъ.

Относительно расширенія сбыта соли, еще въ 1765 году императрица, по всеподданнѣйшему докладу смоленскаго губернатора, * повелѣла открыть въ Смоленской губерніи, при форпостахъ на границѣ Польши, соляные склады и стойки для продажи соли въ Польшу, для чего, кромѣ ежегодно доставляемой въ Смоленскую губернію соли, препроводить туда до 20.000 пудовъ пермской соли. Въ 1766 году повелѣно было распространять добычу астраханской соли, доставка коей до Нижняго, по произведенному опыту, оказалась на $2\frac{1}{2}$ коп. на пудъ дешевле елтонской; ** въ томъ же году государыня утвердила проектъ коллежскаго совѣтника Тетюшева, который предлагалъ возобновить добычу илецкой соли и съ перваго же года довести эту добычу до 1 милл. пудовъ. Для этого повелѣно было послать въ Илецкую крѣпость до 200 рабочихъ людей изъ ссыльныхъ и другихъ людей, устроить тамъ магазины и пристань на рѣкѣ Бѣлой для сплава добытой соли; сухопутную же ея перевозку производить чрезъ мѣстныхъ тептерей. *** При учрежденіи въ 1764 году Новороссійской губерніи, повелѣно было дозволить въ ней вольную продажу крымской соли, отъ чего цѣна на соль стала въ тѣхъ мѣстахъ значительно ниже цѣны казенной соли. Вслѣдствіе сего правительство вынужденнымъ нашлось въ 1766 году закрыть въ упомянутыхъ мѣстностяхъ казенную продажу соли и прекратить вывозъ ея съ бахмутскихъ заводовъ. **** Одновременно съ симъ, для облегченія торговли крымскою солью въ Польшѣ, производимой русскими купцами, дозволено было не брать, при пропускѣ той соли чрезъ русскіе предѣлы, таможенной пошлины. † На распространеніе русской соли въ Малороссіи также было обращено вниманіе: въ 1769 году сперва дозволено было частнымъ торговцамъ брать соль для вольной въ Малороссіи продажи изъ дмитріевскихъ магазиновъ

* П. С. З. № 12.482.

** П. С. З. № 12.551.

*** П. С. З. № 12.558.

**** П. С. З. № 12.765.

† П. С. З. № 12.769.

(въ городѣ Дмитріевскѣ, что нынѣ Камышинѣ), съ тѣмъ чтобы соль эта была провозима, минуя великороссійскіе города, чрезъ донскія степи и Слободскую губернію, * а за тѣмъ разрѣшено было на Дашкинской пристани у Острой Луки учредить магазинъ казенной соли, съ запасомъ 600.000 пудовъ. **

Что касается *винныхъ сборовъ*, то предпріятыя въ разсматриваемую эпоху преобразованія по этой части разработаны уже въ прекрасномъ трудѣ, изданномъ государственною канцеляріей въ 1860 году; потому, для полноты настоящаго очерка, выписываемъ относящееся сюда мѣсто изъ упомянутой книги.

„Доходъ съ вина получался въ то время предоставленіемъ продажи:

- „1) магистратамъ и ратушамъ,
- „2) такъ-называемымъ вѣрнымъ сборщикамъ и
- „3) откупщикамъ.

„Коммиссія о винныхъ и соляныхъ сборахъ нашла что при первыхъ двухъ способахъ „произошли превеликіе подлоги и утайки“, и вмѣстѣ съ тѣмъ „пресѣченіе купеческаго промысла“, а въ откупной тогдашней системѣ находила тотъ недостатокъ „что на откупѣ только самая меньшая часть, а именно: пиво и медъ, да изъ вина въ каждомъ мѣствѣ только то во что по истинной цѣнѣ вино подрядомъ въ казну приходило, а противъ того вся накладная прибыль, которая гораздо большее число составляетъ, оставлена вся откупщикамъ на вѣру, что поелику откупщики продаютъ казенное вино и какъ истинныя, такъ и всѣ накладныя за каждое ведро напередъ платятъ, такъ что во многихъ мѣстахъ надлежало имъ сперва заплатить въ казну болѣе 2 руб. за ведро, чтобы послѣ при продажѣ онаго въ награду получить себѣ еще около 40 коп. на платежъ извѣстной откупной суммы, то сіе, по мнѣнію коммиссіи, и было откупщикамъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ соблазнительнымъ поводомъ продавать потаенно подвозное вино вмѣсто казеннаго и чрезъ то „впадать въ преступленіе.“

„Окончательно коммиссія пришла къ тому убѣжденію что единственный способъ обезпечить государственный доходъ отъ винной регалии состоитъ въ отдачѣ питейной продажи на откупъ частнымъ лицамъ.

„Вслѣдствіе этого, манифестомъ 1-го августа 1765 года велѣно „порядокъ собиранія кабацкаго дохода магистратами и вѣрными сборщиками вовсе отрѣшить, и чтобы питейная продажа и получаемая отъ нея прибыль были съ

* П. С. З. № 18.250.

** П. С. З. № 18.361.

„начала 1767 года во всемъ государствѣ, кромѣ Сибирской губерніи, на откупъ, и съ торговъ отдавались охочимъ людямъ изъ купечества на четыре года.“

„Откупной порядокъ состоялъ главнымъ образомъ въ томъ что казна подряжала вино и продажу онаго предоставляла откупщикамъ.

„Вмѣстѣ съ продажей вина откупщикамъ предоставлялось продавать пиво и медъ.

„Откупныя суммы должны были уплачиваться впередъ помѣсячно; при опредѣленіи ихъ велѣно было всѣ прибыльныя и накладныя деньги положить по расходу вина въ 1763, 1764 и 1765 годахъ, а съ пива и меда по расходу двухъ лѣтъ, 1764 и 1765, и такимъ образомъ составить откупную сумму, и кто изъ охотниковъ дастъ большую наддачу, за тѣмъ оставить откупъ.

„Продажная цѣна вина опредѣлена: при продажѣ въ ведрахъ 2 р. 54 к., въ кружкахъ и чаркахъ 2 р. 64 к. за ведро, и откупщикамъ, подъ страхомъ штрафа за корчемство, предписывалось продавать вино по этимъ цѣнамъ.

„Откупщикамъ бесплатно отдавались въ пользованіе всѣ казнѣ принадлежащія кружечныя и отдаточныя дворы, кабаки, магазины и т. п., и кромѣ того, имъ предоставлены были нѣкоторые преимущества относительно подсудности, защиты и т. д., и при этомъ сказано: „обнадеживаемъ мы будущихъ откупщиковъ нашимъ монаршимъ покровительствомъ, повелѣвая питейную продажу именоватъ и почитать казенною, и откупщиковъ, во время ихъ откупа, коронными пошпренными служителями, и дозволяя имъ для того носить шпаги.“

„Кабаки велѣно называть *питейными домами*, потому что „отъ происшедшихъ злоупотребленій названіе кабака сдѣлалось весьма подло и безчестно, хотя въ самомъ дѣлѣ безчестно токмо худое питья употребленіе“. На отдаточныхъ дворахъ дозволено было имѣть *государственный гербъ*, и предоставлено неограниченное право открывать питейные дома тамъ гдѣ откупщики пожелаютъ и въ томъ числѣ въ какомъ имъ будетъ нужно.

„Почти въ одно время съ манифестомъ объ отдачѣ питейной продажи на откупъ изданъ, 9-го августа 1765 г., *Уставъ о винокурениіи*.

„На основаніи сего *Устава*:

„Право винокурения предоставлялось только дворянамъ въ ихъ помѣстьяхъ, съ тѣмъ чтобъ они продажей вина, пива и меда отнюдь не занимались и только курили для поставки въ питейные дома, по договорамъ съ откупщиками или по подрядамъ съ казенными мѣстами.

„Дозволено курить вино только въ мѣднѣныхъ кубахъ и казанахъ, а отнюдь не въ чугунныхъ или желѣзныхъ. „А кто выпшетъ или по выписаннымъ уже себѣ сдѣлаетъ такіе кубы какими курится въ Англіи, такового будемъ мы

„признавать не о своей только корысти пекущимся, но и о пользѣ государства, ревнительнымъ сыномъ отечества.“

„Для собственнаго употребленія позволялось курить только тѣмъ которые пользовались этимъ правомъ на основаніи прежнихъ указовъ и жили въ своихъ собственныхъ деревняхъ.

„Попрежнему велѣно кубы и казаны клеймить со взысканіемъ съ каждаго ведра ихъ вмѣстимости по 50 коп. въ годъ.

„Пивовареніе въ уѣздахъ для домашняго употребленія дозволялось безпошлинно, а въ городахъ съ платежомъ 20 коп. съ каждой четверти хлѣба употребленной для пивоваренія (согласно указу 15-го декабря 1763 года).

„Продавать пиво нигдѣ не дозволялось кромѣ питейныхъ домовъ.

„Въ *Уставѣ о винокурении* находятся весьма подробныя правила о надзорѣ за продажей вина, о корчемствѣ и о провозѣ вина, дозволенномъ не иначе какъ по выписямъ даннымъ изъ надлежащихъ правительственныхъ мѣстъ.

„Вмѣстѣ съ питейными сборами, на первое четырехлѣтіе на откупъ были оставлены и канцелярскіе сборы, но на камеръ-коллегію была возложена обязанность въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ разчислить особо приносимый ими доходъ, чтобы можно было сборъ этотъ поручить казеннымъ чиновникамъ.

„При самомъ введеніи въ исполненіе новыхъ правилъ правительство встрѣтило затрудненіе въ поставкѣ вина.

„Причиной тому, между прочимъ, былъ неурожай хлѣба и происшедшее оттого возвышеніе цѣны на вино. На 1767 годъ казна успѣла еще заготовить довольно значительное количество вина. 174 поставщика обязались поставить 1.853.456 ведеръ.

„Но на 1768 годъ подрядчики совсѣмъ не явились на торги, такъ что казна принуждена была заготовить вино въ Польшѣ, слободскихъ, Эстляндской и Лифляндской губерніяхъ и учредить новые казенные винокуренныя заводы на 400.000 ведеръ.

„Жалобы на низкую подрядную цѣну принудили правительство возвысить оную, и указомъ 17-го января 1768 года определены были слѣдующія цѣны для губерній: Петербургской — 1 р. 3 к., Московской, Архангельской, Смоленской и Новгородской — 90 к., для Нижегородской, Казанской, Оренбургской и Астраханской — 85 коп., для Воронежской — 75 коп., для Белгородской — 70 коп. за ведро.“

Коммиссія о соляныхъ и винныхъ сборахъ, по окончаніи ея работъ, была закрыта указомъ 20-го іюня 1768 года.*

Наконецъ, въ связи съ финансовыми мѣрами Екатерины находилось и присоединеніе къ государственнымъ имущемъ

* П. С. З. № 13.137.

ствамъ монастырскихъ имѣній, создавшее неисчерпаемый, можно сказать, запасъ земельныхъ угодій въ виду предприятной ею продажи казенныхъ земель.

Присоединенію монастырскихъ и церковныхъ имѣній къ государственнымъ имуществамъ было положено начало въ царствованіе Петра III, и Екатерина II невозможно было покинуть этотъ путь, но въ виду неудовольствія возбужденнаго рѣзкостью и внезапностью мѣры Петра III, императрица указомъ 12-го августа 1762 года, * —обвиняя предшествовавшее правительство что оно, думая лишь о томъ чтобы отобрать отъ духовенства имѣнія, не помышляло „о порядочномъ и какъ для церкви и духовнаго чина безобидномъ, такъ и для отечества полезномъ управленіи“,—учредила комиссію для окончательнаго приведенія этого дѣла въ порядокъ и временно возвратила имѣнія въ управленіе духовенству, повелѣвъ крестьянамъ или платить рублевый положенный съ нихъ окладъ, или отбывать необходимыя работы, а въ томъ и другомъ духовнымъ управителямъ выдавать имъ квитанціи.

Прямымъ послѣдствіемъ такой мѣры были возмущенія монастырскихъ крестьянъ во многихъ мѣстахъ, почти повсемѣстное ихъ непослушаніе и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отказъ какъ платить оброкъ, такъ и отбывать работы.

Правительство должно было манифестомъ 8-го января 1763 года ** вновь подтвердить о послушаніи крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и напомнить о томъ чтобы духовенство ихъ не притѣсняло и не своевольничало. На крестьянъ выказавшихъ своеволие были наложены штрафы, но содержащіеся подъ карауломъ за непослушаніе возвращены домой.

Между тѣмъ комиссія представила 29-го января 1763 года *** на высочайшее утвержденіе докладъ, въ которомъ она, для успѣшнѣйшаго приведенія въ исполненіе своей задачи, предлагала послать во всѣ церковныя имѣнія оберъ-офицеровъ съ цѣлію сдѣлать имъ по предписанной формѣ подробное описаніе. Указомъ 12-го мая того же года **** была восстановлена, уничтоженная въ предшествовавшемъ году, коллегія

* П. С. З. № 11.643.

** П. С. З. № 11.730.

*** П. С. З. № 11.745.

**** П. С. З. № 11.814.

экономіи, какъ для управленія церковными имѣніями, такъ и для завѣдыванія тою частью церковныхъ доходовъ, которая, за необходимыми на содержаніе духовнаго чина расходами, оставалась на устройство и содержаніе богоугодныхъ заведеній.

Подробная инструкция этой коллегіи дана была 6-го іюня того же года.

Наконецъ, указомъ 26-го февраля 1764 года, по докладу комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, монастырямъ и церквамъ были даны штаты, и на крестьянъ поступившихъ окончательно въ завѣдываніе коллегіи экономіи положенъ оброкъ по 1 р. 50 к. съ души.

III.

Предпринятая преобразованія должны были отразиться на состояніи финансовъ за разсматриваемую эпоху царствованія Екатерины II; потому не безынтересно будетъ представить нѣсколько данныхъ о суммахъ государственныхъ доходовъ и расходовъ за упомянутый промежутокъ времени.

Екатерина II вступила на престолъ при значительномъ дефицитѣ въ государственномъ бюджетѣ, слишкомъ въ 2½ милліона рублей. Въ какой же мѣрѣ, спрашивается, удалось великой монархинѣ достигнуть уничтоженія въ финансахъ дефицита? Хранящіяся въ архивѣ департамента государственнаго казначейства,* а частію въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, вѣдомости о государственныхъ доходахъ и расходахъ за 1763, 1764, 1765, 1766, 1767 и 1768 года и генеральный штатъ на 1765 годъ, составленный въ штатъ-конторѣ о штатныхъ расходахъ по сему вѣдомству** содержать обильныя данныя для отвѣта на приведенные вопросы. Помянутыя вѣдомости представлялись, какъ видно изъ ихъ содержанія, самой императрицѣ, составлялись на основаніи данныхъ о дѣйствительномъ вступленіи доходовъ и дѣйствительно произведенныхъ расходахъ за предшествующіе года, и заключаютъ въ себѣ весьма ясное и подробное изложеніе состоянія государственныхъ доходовъ по каждой ихъ отрасли. Для краткости, мы возьмемъ однако

* Въ дѣлахъ 2-й экспедиціи о государственныхъ доходахъ и расходахъ, состоявшей въ XVIII столѣтіи при сенатѣ.

** Въ дѣлахъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

лишь данныя за первые два года и за послѣдній, представивъ ихъ въ слѣдующемъ видѣ:

	1763 г. Руб.	1764 г. Руб.	1766 г. Руб.
1. Подушныхъ 7-ми и 4-хъ гривенныхъ и 40 алтынныхъ.....	5.212.685	5.212.685	7.136.552
" съ государственныхъ крестьянъ, черносошныхъ и пр. по 60 коп.	455.514	587.064	
" съ однодворцевъ по 60 к. сверхъ 7-ми гривенъ.	.	258.181	
" съ прибылыхъ по новой ревизии.....	.	761.797	
	<u>5.688.199</u>	<u>6.819.678</u>	
2. Виноныхъ по указу 1750 г.....	1.109.651	1.146.490	Откуп. сумма. 5.105.411
" по указу 1756 г.....	648.742	656.113	
	<u>1.733.394</u>	<u>1.802.604</u>	
3. Штатскъ-комторскихъ доходовъ:			
Окладныхъ канцелярскихъ и кабацкихъ (конскихъ, съ лавокъ, кубовъ, медвищъ, оброчн. земель).	1.733.747	—	—
Виноныхъ прежнихъ.....	—	1.285.660	—
Прочихъ окладныхъ 24 казенноавинъ	—	304.122	193.840
Съ оренбургскихъ таможенъ.....	—	58.311	—
Съ боровицкихъ пороговъ.....	—	5.855	—
Печатныхъ пошанинъ.....	—	8.850	—
Неокладныхъ ежегодныхъ (поведерныхъ-прибавочныхъ).....	276.476	524.920	—
Новоположенныхъ сборовъ на жалованье статскимъ чинамъ.....	—	615.041	328.708
Накладные на вино по 30 к. на ведро.	—		
Неокладныхъ не ежегодныхъ.....	—	316.204	521.627
Штрафныхъ за утайку лошадей...	7.656	—	—
Изъ доимокъ пропавшихъ лѣтъ.....	—	121.739	80.892
	<u>2.017.881</u>	<u>3.240.707</u>	<u>1.125.069</u>
4. Соляныхъ по указу 1749 г.....	1.193.647	1.195.040	1.677.933
" по указу 1756 г.....	317.014	347.205	
разныхъ.....	—	34.259	
	<u>1.510.661</u>	<u>1.576.505</u>	<u>1.699.683</u>
5. Таможенныхъ.....	1.405.711	1.307.321	1.769.415
Съ таможенъ Оренбургской и Троицкой.....	—	—	66.890
Ефимочныхъ.....	592.488	592.488	106.209
Остзейскихъ.....	—	—	857.181
	<u>1.988.199</u>	<u>1.899.809</u>	<u>2.299.697</u>
6. По Сибири разныхъ сборовъ... ..	591.495	591.495	—

Государственные доходы и расходы. 147

	1763 г.	1764 г.	1768 г.
	Руб.	Руб.	Руб.
7. Съ завоеванныхъ провинцій ревизионныхъ, съ публичныхъ и частныхъ мызъ, за хлѣбъ и фуражъ деньгами, морской пошлыны и рекогносцированныхъ		192.989	
Портовыхъ, лицензныхъ, и некоторыхъ другихъ	595.052	421.029	362.910
Прочихъ сборовъ 29 наименованій .		33.628	
		<u>647.597</u>	
Хлѣбныхъ	—	—	92.729
8. Въ ведомствѣ бергъ - колегіи съ партикулярныхъ заводовъ за выплаваемые мѣдъ и чугуны, десятины	—	158.316	—
9. Съ потаенныхъ раскольниковъ двойнаго олада	—	6.174	31.126
10. Съ монастырскихъ по 1 р. 50 к.	—	1.366.299	1.521.022
Неокладныхъ	—	—	18.189
Съ Вѣгородской губ.	—	—	12.360
11. Съ дворцовыхъ крестьянъ	—	478.530	520.172
12. На малороссійскіе драгунскіе полки, со всякихъ людей	—	95.337	95.337
13. Съ числящихся за разными лицами подсосѣдковъ и другихъ Слободской Украинской губер. подданныхъ, Черкасъ и подсосѣдковъ донокскихъ станицъ и слободскихъ полковъ	—	356.418	390.380
Съ топорныхъ барокъ	—	—	26.908
14. Въ 17-ти отдѣльныхъ ведомствахъ сборовъ	(въ 10 отд. в.) 401.551	368.888	(24 отдок.) 1.257.990
	<u>14.536.435</u>	<u>19.407.852</u>	<u>21.695.438</u>
15. Истинныхъ соляныхъ	1.098.486	1.244.871	1.255.798
винныхъ	862.458	940.404	1.416.616
	<u>1.960.945</u>	<u>2.185.275</u>	<u>2.672.410</u>
Недоимокъ за прошлые года	—	—	863.534
	<u>16.507.381</u>	<u>21.598.128</u>	<u>25.231.384</u>

Изъ приведенныхъ цифръ оказывается, такимъ образомъ, что государственные доходы въ разсматриваемый промежутокъ времени возросли отъ 16.507.381 руб. до 25.231.384 руб., то-есть слѣшкомъ на 50% причемъ подушный налогъ возвысился съ 5.668.000 р. до 7.136.000 р., то есть на 26%.

Косвенные налоги на вино, соединяя въ одну сумму поименованные подъ разными наименованіями налоги, давали въ 1763 году 3.329.870 руб., а именно сюда слѣдуетъ отнести:

Собственно винныхъ по указамъ 1750 и 56 гг...	1.753.394 руб.
Кабакіе сборы окладные, около.....	1.300.000 .
„ прибавочные неокладные.....	276.476 .
Итого.	<u>3.329.870 .</u>

Въ 1764 году было прибавлено по 30 к. на ведро, что составило за 1765 годъ до 475.275 руб., слѣдовательно въ началѣ разсматриваемыхъ годовъ доходы съ вина составляли не болѣе 3.805.145 руб.

Въ 1766 году доходы эти составляли:

Вины 1750—1766 гг.....	1.575.937 р.
Окладные.....	1.401.771 .
Неокладные.....	555.825 .
Прибавочные на вино.....	495.581 .
Итого...	<u>4.029.114 р.</u>

При отдачѣ же всѣхъ этихъ сборовъ на откупъ, въ слѣдующемъ же году доходъ съ нихъ казны увеличился до 5.081.906 руб., то-есть на 25% въ одинъ годъ, въ 1768 же году откупная сумма составляетъ уже 5.105.411 р.

Таможенные доходы также увеличились съ 1.998.199 руб. 1763 года до 2.440.992 р. въ 1767 году (за исключеніемъ остзейскихъ). Наибольшее увеличеніе въ этой отрасли государственныхъ доходовъ относится ко времени преобразованія въ способъ взиманія сихъ сборовъ, а именно замѣны откупной системы казеннымъ управленіемъ, когда они въ одинъ годъ возросли на 500.000 р. Такимъ образомъ правительство, если и не успѣло уничтожить откупъ въ отрасли питейныхъ доходовъ, то, какъ видно было выше, вполне сознавало вредъ прикосимый народу отъ сохраненія упомянутого способа взиманія налога; оно уступило лишь необходимости стремиться всемирно къ увеличенію доходности косвенныхъ налоговъ, какъ менѣе для народа чувствительныхъ чѣмъ прямые.

Переходя къ сравненію мѣста какое въ то время занимали въ ряду государственныхъ доходовъ прямые налоги сравнительно съ налогами косвенными, видимъ что изъ общей суммы 22.966.387 руб. доходовъ за 1767 годъ, который, какъ послѣдній предъ войною годъ можно считать за нормальный, до 11.737.885 руб. валоваго дохода собиралось въ видѣ

косвенныхъ налоговъ съ вина, соли и другихъ предметовъ потребления и таможенныхъ съ предметовъ иностранной торговли, 9.825.756 р. въ видѣ прямыхъ податей; затѣмъ 378.536 р. получалось съ завоеванныхъ провинцій, а 1.625.204 р. получалось отдѣльными вѣдомствами и расходовалось ими независимо отъ общихъ государственныхъ расходовъ.

Что же касается до государственныхъ расходовъ, то по принятому въ то время порядку составленія государственныхъ бюджетовъ, каждая изъ отраслей государственныхъ доходовъ назначалась на удовлетвореніе особой государственной потребности, и потому въ этомъ отношеніи указанная выше вѣдомости представляютъ чрезвычайную запутанность. Чтобы составить себѣ сколько-нибудь ясное понятіе о государственныхъ расходахъ, необходимо выбирать подъ отдѣльныя рубрики и наименованія цифры, разбросанныя по всей вѣдомости. Наконецъ, значительная часть расходовъ значится въ вѣдомостяхъ этихъ подъ общимъ наименованіемъ штатныхъ расходовъ, то-есть расходовъ производимыхъ штатсъ-конторою на разные предметы. О распредѣленіи этихъ расходовъ можно получить понятіе изъ генеральнаго штата штатсъ-конторскимъ расходомъ за 1765 годъ, составленнаго съ нѣкоторою подробностью. Это обстоятельство позволяетъ составить довольно полную картину состоянія государственныхъ расходовъ за 1765 годъ.

Такимъ образомъ мы видимъ что въ 1765 году назначено было:

На содержаніе двора	2.461.830 руб.
" арміи.	9.473.895 "
" флота и адмиралтейства.	2.084.798 "
" центральную администрацію.	2.228.756 "
" коллегію иностранныхъ дѣлъ	340.998 "
" мѣстную администрацію	930.251 "
По канцеляріи отъ строеній на постройку	208.007 "
На пути сообщенія	210.133 "
" академіи наукъ и художествъ и Московскій университетъ	227.319 "
" раздачу милостей и пожалованныхъ денегъ.	201.495 "
" казенные заводы	240.944 "
" лекарства	71.459 "
По банкамъ	96.102 "
На колонистовъ	200.000 "
Итого	18.921.004 "

Оборотныхъ расходовъ	2.100.178 .
На экстраординарные расходы	1.154.416 .
Всего	<u>22.175.599 .</u>

Чтобъ видѣть въ какой степени расходы увеличились въ разсматриваемую эпоху, мы возьмемъ изъ разобранныхъ нами вѣдомостей цифры за 1764 и 1768 годы. Цифры эти, конечно, не выражаютъ вполне дѣйствительнаго распредѣленія расходовъ по предметамъ, ибо значительная сумма значится подъ общимъ наименованіемъ штатъ-конторскихъ расходовъ, но онѣ даютъ приблизительное понятіе о значеніи въ тогдашнемъ государственномъ строѣ той или другой отрасли государственной администраціи.

Государственные расходы по ведомостямъ 1764 и 1768 гг.

	1764 г.	1768 г.
I. Обыкновенные:		
На дворъ ея императорскаго величества.	1.669.612 р.	2.041.845 р.
Расходы на армію	7.523.028 .	8.818.293 .
" " флотъ и адмиралтейство ..	556.258 .	639.400 .
Штатъ-конторскіе расходы	4.964.888 .	5.083.300 .
На расходы на центральную и мѣстную администрацію *	2.310.594 .	2.286.726 .
На пути сообщенія	76.165 .	102.452 .
По канцеларіи отъ строеній на постройки	— .	178.389 .
		на богоугодныя заведенія.
На медикаменты	71.459 .	3.549 .
На казенные заводы и по бергъ-коллегіи	68.971 .	342.311 .
На академію наукъ и художествъ и Московскій университетъ	29.171 .	66.346 .
По банкамъ	100.067 .	173.070 .
На коллегію иностранныхъ дѣлъ	42.353 .	91.488 .
Опекунство иностранцевъ (колонистовъ)	200.000 .	200.000 .

* Въ томъ числѣ:

По камеръ-коллегіи, главной соляной конторѣ, вочинному департаменту и коллегіи экономіи	1.455.518 р.	1.654.170 р.
По амской канцеларіи	1.228 .	—
По ревизіонъ-коллегіи	12.758 .	—
По конфискаціонъ-коллегіи	11.927 .	—
По коммерцъ-коллегіи	24.907 .	55.703 .
По таможенному управленію	—	108.907 .

	1764 г.	1768 г.
Жалованныхъ	60.000 .	60.000 .
На дѣланіе монеты	—	299.949 .
Итого обыкновенныхъ	17.672.071 .	20.378.124 .
II. Чрезвычайныхъ расходовъ	1.696.600 .	604.730 .
	19.368.671 .	20.982.855 .
Истивныхъ за вино и соль (оборотныхъ)	—	877.667 .
Итого	19.368.671 .	21.860.522 .

Сравнивая два крайніе года разсматриваемой эпохи, мы видимъ что расходы на дворъ увеличились въ этотъ промежутокъ времени въ самой незначительной степени: расходы на армию и флотъ колеблются между 11 и 12 милліонами, расходы на центральную и мѣстную администрацію вмѣстѣ съ коллегіей иностранныхъ дѣлъ поглощаютъ болѣе 2½ милл. рублей. Пути сообщенія, общественныя постройки, научныя заведенія и народное здравіе привлекаютъ къ себѣ вниманіе правительства, и расходы на всѣ эти предметы вмѣстѣ доходятъ до 700.000 руб., небывалой въ прежнее время цифры.

Обращаясь наконецъ къ степени равновѣсія государственнаго бюджета, находимъ что въ теченіе приведенныхъ шести лѣтъ доходы и расходы, за исключеніемъ оборотныхъ, повидимому, вступавшихъ и расходовавшихся весьма неправильно, составляли:

	Доходы:	Расходы:
Въ 1763 г.	14.536.435 р.	14.873.098 р.
„ 1764 „	19.407.852 „	19.368.671 „
„ 1765 „	20.458.689 „	20.368.357 „
„ 1766 „	21.403.261 „	22.991.793 „
„ 1767 „	21.710.593 „	20.838.094 „
„ 1768 „	22.558.972 „	20.982.855 „

(Включая и поступленіе недоимокъ за прѣжніе годы.)

Но такъ какъ по другому источнику доходы за 1763 г. равнялись 14.843.640 р., то-есть почти доходили до суммы расходовъ, то въ этотъ періодъ времени открывается значительный дефицитъ только въ 1766 году.

А. КУЛОМЗИНЪ.

ПОЛЬСКІЕ АГЕНТЫ

ВЪ ЦАРЪГРАДЪ

III.

На Черкесахъ Поляки оборвались. Ихъ экспедиція на Кавказъ, подъ командой полковника Превлоскаго (Przewloski), составленная на половину изъ Французовъ и на половину изъ Поляковъ, находившихся въ зависимости отъ Чарторыйскихъ, рѣшительно не удалась. Впервыхъ, составъ ея былъ очень ограниченный; во вторыхъ, Черкесы смотрѣли на нихъ подозрительно; затѣмъ, втретьихъ, они явились черезчуръ поздно. Съ мѣсяць повертѣлись Поляки и Французы на берегу Чернаго моря, затопили пушки которыя привезли было и убралась по-добру по-здорову въ Синопъ, а потомъ въ Царьградъ, гдѣ въ то время затѣвалась другая работа. Демократическая партія въ это время затѣяла спасти благородное и рыцарское племя среднеазиатскихъ Татаръ, Хивинцевъ, Бухарцевъ, Ташкентцевъ, отъ всемогущаго духа Русскихъ, которые грозили-де внести свое монголо-татарское варварство и деспотизмъ въ благородныя, рыцарскія, независимыя среднеазиатскія татарскія ханства, которыя могли, точно такъ же какъ Черкесы, сдѣлаться вѣрными и надежными союзниками возрождающейся Польши. Не знаю въ какихъ размѣрахъ приводился въ исполненіе этотъ планъ. По всей вѣроятности, не въ очень крупныхъ, потому что демократическая партія

* См. *Русск. Вѣст.* №№ 6 и 9.

у Поляковъ, какъ и всюду, не обладаетъ большими денежными средствами и вообще, не имѣя ни большихъ связей, ни титуловъ, лишена волей-неволей того вліянія которое могутъ имѣть магнаты и капиталисты, допускаемые во всевозможные салоны, состоящіе въ связяхъ, часто даже и въ родствѣ съ высокопоставленными лицами при разныхъ дворахъ. Мелкій шляхтичъ бунтуетъ; онъ своего рода *chair au canon*. Магнатъ рѣдко беретъ ружье въ руки: онъ руководить движеніемъ.

Среднеазіатскій планъ состоялъ въ томъ чтобъ изъ естественныхъ враговъ Россіи, Черкесовъ, состоящихъ въ турецкой службѣ, вербовать артиллерійскихъ офицеровъ, инструкторовъ и вообще специалистовъ по разнымъ отраслямъ военнаго дѣла, и препровождать ихъ въ Ташкентъ, Хиву, Бухару и Самаркандъ для организаціи тамъ регулярнаго войска. Одного довольно дикаго полковника-Черкеса, собиравшагося по польскимъ совѣтамъ въ такую экспедицію, я видѣлъ. Дѣйствительно ли онъ собирался или нѣтъ, дѣло темное; но Поляки юлили около него, онъ имъ улыбался, кивалъ головой и какъ будто понималъ блестящее призваніе быть спасителемъ среднеазіатской цивилизаціи на берегахъ Аму-и Сыръ-Дарьи.

Между тѣмъ въ Турціи разрушалась другая польская затѣя — униа. Происхожденіе униа у насъ довольно извѣстно. Цареградскіе Греки, такъ-называемые фанаріоты, съ самаго взятія Царяграда Турками, сдѣлались изъ расчетовъ поборниками ихъ интересовъ. Между фанаріотами и Турками какъ будто сложился своего рода договоръ. Греки-фанаріоты, видя что Византійское царство пало, рѣшились спасти для себя то что можно было спасти, а именно: передовое и почетнѣйшее мѣсто въ средѣ всѣхъ національностей населявшихъ Балканскій полуостровъ. Они сдѣлались секретарями, повѣренными, драгоманами, дипломатами при Туркахъ. Турки были довольны ихъ услугами и нисколько не мѣшали имъ распространять свой языкъ и свое образованіе въ средѣ Болгаръ, Арнаутовъ, Сербовъ. Греческое духовенство стало вытѣснять изъ болгарскихъ и сербскихъ церквей славянскую литургію, отмѣнило славянское патріаршество въ Болгаріи и наконецъ добилось того что въ высшіе духовные чины не стали возводить ни одного *варвара*. Сгибаясь подъ иноподобною властью и поддерживая ее, Греки никогда не

забывали что они все-таки Греки, и никогда не вѣрили и не вѣрятъ чтобъ эти инопородцы долго провластвовали надъ ними. Подъ видомъ робкой и угодливой покорности Туркамъ, защищая ихъ на дипломатическомъ поприщѣ даже противъ самихъ Грековъ, какъ въ послѣднее время въ кандіотскомъ вопросѣ, фанариоты охотно посодѣйствуютъ переселенію Турокъ въ Азію, если только убѣдятся что переселеніе можетъ совершиться безъ особенныхъ хлопотъ, и что они не потеряютъ своей власти на полуостровѣ.

Послѣ переворота 1848 года, новый элементъ, не предвидѣнный трактатами, ворвался въ жизнь европейскихъ народовъ. Это былъ вопросъ о національности. Все зашевелилось, заговорило, „своя своихъ стали познавать“. Мадзини сталъ будить Италію такъ, какъ не будилъ ее никто изъ его предшественниковъ. Германія разомъ заговорила о флотѣ и создала изъ себя Nationalverein. Проснувшіеся Славяне заложили *Матуцы, Бесѣды, Липы*.

Болгары не могли не откликнуться на общее движеніе охватившее Европу, и понятное дѣло что имъ пришлось нажать за это безчисленное множество враговъ. Первые испугались Греки; Греки переполошили Турокъ. Укрывающіеся въ Царѣградѣ революціонеры и Поляки поддали жару. Революціонерамъ, людямъ которые вообще „не отъ міра сего“, вопросъ о національности ненавистенъ, потому что они въ національности видятъ только помѣху немедленному введенію всевозможныхъ благодѣтельныхъ учрежденій. Национальность кажется имъ инстинктомъ унижающимъ человеческое достоинство и оттягивающимъ введеніе и примѣненіе на практикѣ принциповъ 1789 года. Революціонеры своего рода католики: едино стадо, единъ пастырь, единъ папа въ Римѣ, и все что рѣшено въ парижскихъ клубахъ, все это должно быть цѣликомъ приложено къ любому уголку земнаго шара. Революціонеры не могли сочувствовать болгарскому движенію. Поляки, въ свою очередь, рѣшили что это все „Москали затѣяли“. Болгары добивались просто самостоятельной церкви и самостоятельныхъ школъ, то-есть хотѣли чтобы въ ихъ церквахъ богослуженіе шло на славянскомъ языкѣ, и чтобъ имъ ставили архіереевъ и митрополитовъ изъ нихъ же самихъ. Греки уступить этого не могли. Поляки объявили что Болгары въ сущности хотятъ не болгарской церкви, а что они спятъ и видятъ какъ бы стать въ зависимость отъ петер-

бургскаго святѣйшаго синода. Какой интересъ въ этомъ Болгарамъ, о томъ, разумѣется, никто не спрашивалъ; но Греки съ Поляками согласились, а Турки и подавно, и вотъ началась борьба не на животь, а на смерть.

Поляковъ поддерживали Французы, провозглашавшіе что любовь къ прогрессу, интересы цивилизаціи, не допускають ихъ отдать Болгаръ на жертву варварамъ-Русскимъ.

— Да мы и не хотимъ быть Русскими, твердили болгарскіе вожди,—мы Болгаре и хотимъ остаться Болгарами.

— Вы не знаете, говорили имъ Французы,—всего варварства и завоевательныхъ стремленій сѣвернаго исполнина. Стоить только намъ допустить его до изгнанія Турокъ изъ Европы, чтобы вы погибли. Русскіе прежде всего не Славяне, что уже доказано блистательнымъ образомъ новѣйшею наукой. Цивилизація имъ не доступна, у нихъ нѣтъ того рыцарскаго духа и тѣхъ высокихъ стремленій къ прогрессу которыя вы видите даже у вашихъ повелителей. Турокъ. Что васъ связываетъ съ ними? Единство вѣры? Но эта самая вѣра оторвала васъ отъ европейской цивилизаціи, и до тѣхъ поръ покуда не сгладится вашъ религіозный расколъ съ Римомъ, до тѣхъ поръ вы такъ и останетесь чуждыми всему образованному міру. Ваши предки нѣсколько разъ добровольно признавали главенство папы. Возобновите эту вѣру отцовъ вашихъ, и Западъ приметъ васъ съ распростертыми объятіями. Западъ убѣдится тогда что вы не игрушка въ рукахъ Русскихъ, а унія освободитъ васъ отъ Грековъ.

На Балканскомъ полуостровѣ образованные Славяне распадаются на три категоріи. Большинство книжныхъ людей между ними состоятъ изъ самоучекъ, которые, при помощи греческаго, иногда италіянскаго, изрѣдка французскаго языка, кое-что прочли, кое-чему подучились, благоговѣютъ предъ западною цивилизаціей, но спасенія себѣ ждуть отъ Россіи, на которую, впрочемъ, довольно часто негодуютъ за медленность, нерѣшительность и неэнергичность политики. Къ нимъ болѣе или менѣе примыкають Славяне побывавшіе въ Россіи или кончившіе курсъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Одни изъ нихъ, которые поумнѣе и которые изучили наше общество, нашъ бытъ и условія нашей политической жизни, ждуть съ вѣрою что наступитъ и наше время, что мы проснемся отъ летаргическаго сна навѣяннаго на насъ Священнымъ Союзомъ, польскими и нѣмецкими интри-

гами. Но такихъ людей, вообще говоря, мало. Большинство Славянъ побывавшихъ въ Россіи, куда они идутъ въ упованіи встрѣтить распростертыя объятія и начннть цѣлые сакволяжи знаменитыми рублями и полумперіалами, возвращаются домой разочарованными, хандрящими, обиженными и разказываютъ иногда ужасы о порядкахъ нашей полиціи, паспортной системѣ и т. д. Но поживъ годикъ-другой въ Турціи, начинаютъ вздыхать о Россіи, хвастаться тѣмъ что были у насъ и волей-неволей приходитъ къ убѣжденію что имъ гораздо выгоднѣе говорить за насъ чѣмъ противъ насъ, потому что довѣрія къ намъ требуетъ общій голосъ ихъ соплеменниковъ. Къ этому же разряду примыкаетъ большинство Славянъ воспитывающихся въ Бѣлградѣ, въ Вѣнѣ, въ Прагѣ. Славянинъ воспитывающійся въ Австріи невольно попадаетъ въ тамошніе славянскіе кружки и возвращается оттуда панславистомъ. Поляки первые замѣтили это опасное вліяніе Россіи и Австріи на славянство и, при помощи Французовъ, такъ настроили турецкое правительство что оно весьма не охотно выдаетъ учащейся славянской молодежи паспорта въ эти два государства. Положительныхъ преслѣдованій нѣтъ, но учиться за границу можетъ ѣхать только богатый человекъ, то-есть, по мѣстнымъ условіямъ: сынъ купца, банкира, подрядчика, откупщика или вообще какого-нибудь промышленника, а каждый промышленникъ волей-неволей приходитъ въ соприкосновеніе со властями. Стоитъ ему навлечь на себя подозрѣніе въ панславистскихъ тенденціяхъ, его донекрутъ. Поэтому въ Турціи всѣ мѣры принимались и принимаются чтобы сосредоточить народное образованіе Славянъ въ рукахъ Французовъ, и если кто хочетъ получить высшее образованіе, пускай ѣдетъ въ Парижъ. Славяне прошедшіе французскія школы, а особенно побывавшіе въ Парижѣ, толкуютъ о прогрессѣ, объ интересахъ цивилизаціи, о томъ что вѣра и народные обычаи помѣха всякому прогрессу, что духовенство надо держать въ ежовыхъ рукавицахъ, что въ Россіи будочники, для препровожденія времени и чтобы согрѣться отъ 30° мороза, хлыщутъ народъ бичами, что день и ночь въ Сибирь, подъ казацкими конвоями, мчатся кибитки съ политическими преступниками и пр. Вотъ на этихъ-то господъ и приударила польская аристократическая партія, науськанная Французами. Демократы въ дѣло уніи не вмѣшивались;

вопервыхъ, потому что оно не имъ было затѣяно; вовторыхъ, потому что оно шло отъ высокопоставленныхъ французскихъ сановниковъ.

Въ одномъ монастырѣ былъ отысканъ старикъ архимандритъ, человекъ не очень книжный, но честный, какъ всѣ Болгаре, повидимому индифферентный, но глубоко преданный, опять таки какъ всѣ Болгаре, пользамъ и выгодамъ своей народности.

— Отче! говорили ему:—Греки обижаютъ насъ, выручите насъ на милость. Папа обѣщается оставить за нами и обрядъ нашъ, и славянскую литургію, ничѣмъ насъ не тронетъ, ни во что не вмѣшается. Онъ даже поручилъ намъ самимъ выбрать себѣ патріарха. Побѣждайте, отче, въ Римъ; вѣдь и отцы наши не разъ принадлежали къ римской патріархіи. Если соединеніе совершится, за насъ будетъ и Франція, и Австрія, и вся просвященная Европа.

(Я разказываю это, какъ и все предшествующее, со словъ людей лично участвовавшихъ въ описываемыхъ мною событіяхъ. О началѣ болгарской униіи разказывалъ мнѣ одинъ болгарскій литераторъ, самъ подбивавшій старика архимандрита на унию, но въ послѣдствіи отрекшійся отъ униіи; приводить его имя считаю неудобнымъ.)

— Все это ладно, говорилъ старикъ, — я не прочь сдѣлать для народа нашего доброе дѣло, хотя, признаюсь, патріаршескій санъ меня вовсе не соблазняетъ. Только вѣрное ли это дѣло что нашъ обрядъ не будетъ измѣненъ, и что меня посвящать по-нашему, а не по-латинскому?

— Вѣрно, вѣрно, отче, говорили ему.

И старикъ поддался.

Онъ отправился въ Римъ съ адресомъ отъ болгарскаго народа къ папѣ, въ которомъ высказывалось что болгарскій народъ желаетъ примкнуть къ католической церкви изъ опасенія подпасть подъ иго ослабянншихся Монголовъ, называемыхъ Московитами, и изъ боязни подвергнуться тѣмъ же гоненіямъ которыя выпали на долю благороднѣйшаго и цивилизованнѣйшаго изъ славянскихъ племенъ, Поляковъ. Этотъ адресъ, если не ошибаюсь, былъ написанъ Духинскимъ, который въ то время жилъ въ Конотатинополѣ.

Старикъ скрѣпя сердце вѣхалъ въ Римъ. Послѣ Крымской войны у Славянъ сильно поколебалась вѣра въ Россію, положеніе ихъ казалось дѣйствительно безвыходнымъ. Нужно

было на что-нибудь рѣшиться, и какъ ни противно было имъ сближеніе съ Римомъ, но западная Европа поставила ихъ въ такое безысходное положеніе что даже искренно православные изъ нихъ подписались подъ адресомъ.

Въ Римѣ старика встрѣтили съ большимъ почетомъ, представили папѣ, допустили до цѣлованія туфли и назначили день рукоположенія. Этотъ день былъ днемъ муки для несчастнаго. Прежде всего его привело въ ужасъ то что на него надѣли красные чулки. „Въ требникѣ этого не показано“, говорилъ старикъ. Окружавшіе его Болгаре-западники, уніатскіе священники изъ нашей Холмщины и Подлясья говорили ему что это все пустяки, на которые не стоить обращать вниманіе, что это мѣстный *римскій* обычай, что въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ. Старикъ покорился; но кромѣ красныхъ чулковъ на него надѣли еще перчатки, и въ перчаткахъ заставили отслужить литургію. Началось рукоположеніе. Стали постригать.

— Да вѣдь я цюкъ, говорилъ архимандритъ, — я уже постриженъ. По нашему православному уставу въ епископы не постригаютъ.

— Молчи, отче, шептали со всѣхъ сторонъ, — молчи, это ничего.

Затѣмъ его обручили съ церковью перствомъ. Старикъ вернулся въ Константинополь уніатскимъ патріархомъ и ненавидящимъ унію. Его приняли съ блескомъ и трескомъ, представили султану, представителямъ католическаго духовенства всевозможныхъ обрядовъ, французскому посланнику и водворили въ Константинополь.

Медленно и тихо, противъ желанія новаго патріарха, но унія все-таки распространялась, хотя масса народа, большинство богатаго купечества, школьныхъ учителей, и вообще всѣ такъ-называемые народолюбцы, смотрѣли на унію весьма косо. Имъ какъ-то не вѣрилось чтобы вся переѣвна состояла только въ томъ что будутъ поминать папу, а не патріарха, дѣло казалось нечистымъ. Болгарамъ обѣщали что ихъ обрядъ будетъ соблюденъ свято и неприкосновенно, а самое посвященіе патріарха доказало ясно что Римъ свои обряды ставитъ выше восточныхъ и навязываетъ ихъ имъ. Несмотря на содѣйствіе Поляковъ, французскихъ и австрійскихъ консуловъ, Армянь-католиковъ, Турокъ и даже самихъ фаворитовъ, которымъ пріятнѣе было видѣть Болгаръ уніатами

чѣмъ сочувствующими Россіи, большинство приняло выжидательное положеніе. Риму было неприятно что дѣло идетъ медленно. Для усиленія пропаганды было прислано нѣсколько униатскихъ священниковъ. Въ числѣ ихъ, кромѣ вышеупомянутаго іезуита изъ артиллерійскихъ полковниковъ, и кромѣ ксендза такъ-называемыхъ павликіанъ, то-есть Болгаръ-католиковъ, для которыхъ молитвенники печатаются латинскими буквами, пріѣхали еще протоіерей Мальчинскій и дьяконъ Лавросевичъ.

Мальчинскій былъ маленькій, худенькій человекъ, лѣтъ много-много 30, уроженецъ не то Холмщины, не то Подлясья, сынъ униатскаго священника. Тамъ онъ окончилъ курсъ въ одной изъ униатскихъ семинарій, которыя въ то время были вполне полонизованы, и довершать свое богословское образованіе отправился въ Римъ. Человекъ работающій усердно, онъ блистательно кончилъ курсъ въ Римѣ и вполне искренно пришелъ къ убѣжденію что восточный обрядъ хотя и имѣетъ нѣкоторыя достоинства, но въ сущности нуждается въ радикальной передѣлкѣ. Добродушный и искренно-вѣрующій человекъ, вполне убѣжденный въ святости своей миссіи и въ томъ что онъ дѣйствительно во имя цивилизаціи спасаетъ Болгаръ отъ православія и Россіи, Мальчинскій часто горько жаловался мнѣ на своихъ неофитовъ.

— Чѣмъ больше я тружусь для Болгаръ, говорилъ онъ, — тѣмъ болѣе и болѣе отчаиваюсь въ успѣхѣ. Для этого народа вѣры не существуетъ. Имъ только бы цѣль былъ ихъ обрядъ. Когда я имъ доказываю что-нибудь отъ Писанія, они или слушать не хотятъ, или говорятъ что „мы это сами все знаемъ“, и потомъ, представьте себѣ, отказываютъ мнѣ, ихъ же духовному отцу, въ просьбѣ наблюдать за ихъ школами, за ихъ домашнею жизнью; не прибѣгаютъ ни за совѣтомъ, ни за утѣшеніемъ.

Мальчинскій и вообще пропагандисты унии дѣлали все что бы понравиться православнымъ: отпустили бороды, надѣли рясы и камилавки, ничѣмъ не нарушали богослужебныхъ обрядовъ, даже крестили младенцевъ въ три погруженія. Они думали въ простотѣ души что Болгаринъ такъ-таки добродушно и приметъ ихъ за православныхъ только потому что они съ бородами, не сидятъ по кофейнямъ, ведутъ себя вообще строго и прилично, и если въ постный день и разрѣшаютъ себѣ на молочное, то развѣ тайкомъ. Мальчинскій

ссылался на отцовъ церкви, показывалъ тексты, излагалъ мнѣнія ученыхъ богослововъ, Болгары его даже и не слушали; они просто-на-просто говорили ему что „у насъ не такъ поведось, какъ дѣлывали наши отцы, такъ и мы хотимъ дѣлать“.

Помощникомъ кроткаго и маленькаго Мальчинскаго былъ огромный и толстый отецъ діаконъ Лавросевичъ, политическій эмигрантъ. Лавросевичъ тоже воспитывался въ Холмской семинаріи, и когда справлялась Поляками годовщина соединенія Руси съ Польшею, онъ пошелъ съ крестомъ въ рукахъ и сказалъ проповѣдь противъ Москалей схизматиковъ. Проповѣдь о. Лавросевича была такъ хороша что на другой же день онъ бѣжалъ въ Галичину и очутился тоже въ Римѣ. Въ Римѣ дѣлать было нечего, униатское духовенство было нужно, и его откомандировали въ Царьградъ. Это былъ высокій, полный человекъ, лѣтъ 28, много 30, красивый собою, бойкій и разбитной. Какъ всѣ воспитанники Холмской семинаріи, образованіе онъ получилъ весьма поверхностное. Онъ былъ большой говорунъ, засыпалъ собесѣдника трескучими фразами и отрывочными фактами, никого не выслушивалъ, всѣхъ поучалъ и заговорилъ Болгаръ до озлобленія. Какъ миссіонеръ, онъ былъ хуже даже Мальчинскаго, который все-таки былъ человекомъ симпатичнымъ и который, можетъ-быть, и успѣлъ бы кое-что сдѣлать, еслибы въ проповѣди о любви къ ближнему не проповѣдывалъ Болгарамъ ненависти къ Москалямъ и презрѣнія къ вѣрѣ отцовъ ихъ. Лавросевичъ корчилъ ученаго, постоянно читалъ, занимался, писалъ корреспонденціи въ Часъ. Болѣзнь прервала его дѣятельность. Помнится, съ полгода пролежалъ онъ въ сильной нервной горячкѣ, выздоровѣлъ, бросилъ Турцію и очутился въ Краковѣ настоятелемъ приходской церкви. Бороду онъ, разумѣется, смахнулъ; вмѣстѣ съ бородой сбросилъ и прочіе средневѣковые атрибуты, православную рясу и подрясникъ, и сдѣлался однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ варшавскаго жонда. Когда онъ умеръ въ Краковѣ, то въ бумагахъ его оказалась цѣлая переписка съ жондомъ.

Для содѣйствія униі польскіе магнаты, французскіе агенты, фанаріоты и, однимъ словомъ, вся анти-славянская клика сочли нужнымъ издавать газету. Въ редакторы отыскали нѣкоего г. Цанкова, Болгарина, воспитывавшагося

въ Парижѣ. Газета эта называлась *Bulgaria* и служила проводникомъ католическихъ идей, проповѣдникомъ благоговѣнія предъ Франціей, любви къ Турціи и ненависти къ Россіи. Газета эта, какъ и унія, лопнула, особенно когда искренніе Болгаре, понявъ какую штуку затѣваютъ съ ними Поляки, уговорили старика-патріарха удалиться по добру и по здорову. Старикъ видѣлъ что дѣло идетъ не только не ладно, а просто-на-просто во вредъ Болгарамъ, захватилъ съ собою свою ставленную грамоту, кое-что изъ церковной утвари, подаренной ему въ Римѣ, сѣлъ на лодку и ночью подплылъ къ отходившему русскому пароходу. Догадавшеся Поляки и ихъ вѣрное эхо—Французы, сейчасъ же заговорили что злодѣи Москали похитили его.

Возстаніе между тѣмъ пылало. Польскія надежды были возбуждены. Газеты только и говорили о побѣдахъ надъ Русскими, о приготовленіяхъ Франціи, Англіи, Австріи и Турціи. Въ западной печати появились извѣстія о мнимомъ возстаніи русскихъ крестьянъ въ Псковской губерніи, о переходѣ будто бы цѣлыхъ баталіоновъ русскихъ солдатъ къ Полякамъ, о движеніи казанскихъ Татаръ. Черезъ Царьградъ другъ за другомъ проѣзжали изъ Италіи, изъ Алжира эмигранты чтобы примкнуть къ возстанію. Изъ Польши являлись комиссары жонда, съ таинственнымъ видомъ, съ таинственными порученіями, давали обѣды, тратили огромныя суммы, дѣлали заказы оружія, вербовали охотниковъ. Деньги и оружіе тратились такъ безтолково что я не могу удержаться чтобы не разказать слѣдующаго анекдота.

Демократическая партія прислала въ Константинополь какого-то своего агента, эмигранта 1848 года, долгое время мирно и скромно проживавшаго гдѣ-то въ Бирмингемѣ или Манчестерѣ механикомъ на какой-то фабриктѣ. Это былъ господинъ въ высшей степени аккуратный, исполнительный, который съ утра до ночи тѣмъ только и занимался что писалъ рапорты своимъ довѣрителямъ, оставляя у себя копіи, и какъ каждый Полякъ, мѣтилъ въ случаѣ возстановленія Польши, по меньшей мѣрѣ, въ посланники. Онъ и его довѣрители вошли какъ-то въ сношенія съ Гарибальди и съ польскимъ легкомысліемъ предложили ему начальство надъ всѣми войсками Рѣчи Посполитой. Гарибальди, разумѣется, отказался. То что онъ могъ предводительствовать южными Американцами и Итальянцами еще вовсе не обезпечивало

его что ему удастся справиться съ Русскими, въ странѣ ему незнакомой, начальствуя народомъ завѣдомо неспособнымъ подчиняться дисциплинѣ, и языка котораго онъ не зналъ. Сочувствуя Полякамъ, хотя и понятія не имѣя объ отношеніяхъ польскихъ магнатовъ къ хлопамъ, польской національности и польскаго католицизма къ Русскимъ и православію, Гарибальди сдѣлалъ что могъ: онъ подарилъ нѣсколько ящичковъ штуцерныхъ ружей. Подарокъ этотъ былъ, само собою разумѣется, весьма полезенъ для успѣха возстанія, въ которомъ большинство было вооружено охотничьими двустолками и косами, и даже дубинами. По добру по здорову прибыли ящички въ Царьградъ и выложены были въ таможенѣ какъ желѣзный товаръ. Въ таможенѣ, разумѣется, всѣ знали какого это рода желѣзный товаръ прибылъ, и всѣ ждали что Поляки сумѣютъ его украсть. Турецкое таможенное начальство состоитъ изъ Турокъ, которые вообще не донощички по своему характеру, и изъ Армянъ-католиковъ, которые ненавидятъ Россію не менѣе самихъ Турокъ. Политическую или военную контрабанду, при подобной обстановкѣ, похитить изъ турецкой таможи дѣло весьма незатруднительное—это я знаю по собственному опыту, потому что и мнѣ пришлось похищать изъ нея цѣлый ящикъ прокламцій и лондонскихъ изданій, назначавшихся для распространенія на Кавказѣ и въ южной Россіи. Поляки-аристократы, само собою разумѣется, такъ бы и поступили; они вообще умѣе и изворотливѣе этихъ псевдолибераловъ, которыхъ и презираютъ дѣйствительно по дѣломъ. Демократическіе агенты распорядились иначе. Они отправились прежде всего къ Фуадъ-пашѣ, который былъ тогда великимъ визиремъ, и откровенно изложили ему дѣло.

— Господа, отвѣчалъ имъ Фуадъ-паша,—благодарю за довѣріе которымъ вы меня почтили, и заплачу вамъ за него такимъ же довѣріемъ. Вы знаете что наше правительство по многимъ причинамъ не можетъ сочувствовать Россіи, а съ Польшей насъ связываютъ старыя узы, но дипломатическія условія не позволяютъ намъ открыто вамъ содѣйствовать, и я не могу дать вамъ письменнаго разрѣшенія на полученіе изъ таможи вашихъ ящичковъ. Постарайтесь достать ихъ сами, какъ умѣете, постарайтесь забыть что вы мнѣ говорили, а я уже въ настоящую минуту забылъ что я

слышалъ и что вамъ сказалъ и совершенно не знаю какіе именно товары находятся теперь въ таможенѣ.

Кажется, дѣло было ясно, но хитроумные политическіе Одиссеи никакъ не могли открыть ларчикъ просто: они все совѣщались, все придумывали, ломали голову надъ всевозможными мѣропріятіями, откладывали дѣло со дня на день и наконецъ дождались развязки. Развязку эту произвели носильщики, разгружавшіе какое-то судно. Сваливъ въ пакгаузъ какой-то тюкъ, они уронили одинъ изъ ящичковъ съ желѣзнымъ товаромъ, у ящичка отлетѣла доска, и изъ него высунулись штыки. Таможенные чиновники должны были наложить секвестръ на подобный товаръ; по турецкому закону онъ долженъ былъ быть секвестрованъ, какъ всякая военная контрабанда. Опять потянулись агенты демократической партіи къ великому визирю. Тотъ только развелъ на нихъ руками и спросилъ ихъ: „Кто же виновать?“ Поляки стали приводить ему всевозможные резоны, но онъ имъ прямо сказалъ:

— Господа! Вы не умѣли справиться сами покуда было время; теперь не можетъ быть чтобы русская миссія не знала что въ здѣшнемъ портѣ захвачена военная контрабанда. Прощайте.

Чтобъ утѣшиться въ конфискаціи подарка Гарибальди, демократы стали говорить будто ружья были стары, ломаны, избиты и даже безъ замковъ, такъ что имъ и не стоило похлопотать объ ихъ вырчкѣ.

И такихъ случаевъ не мало можно привести изъ исторіи польской эмиграціи.

Покуда Царѣградъ купилъ польскими агентами и эмигрантами, туда пріѣхалъ изъ Каира князь Витольдъ Чарторыйскій, старшій сынъ покойнаго Адама, отрекшійся въ пользу младшаго своего брата Владислава отъ всѣхъ правъ сопряженныхъ съ первородствомъ, то-есть даже и отъ польской короны, еслибы таковой было суждено когда-нибудь увѣнчать этихъ претендентовъ на польскій престолъ. Отречение отъ первородства совершилось на томъ основаніи что князь Витольдъ былъ чахоточный и до такой степени страдалъ грудью что каждую зиму долженъ былъ проводить въ Каирѣ. Онъ былъ женатъ на какой-то госпожѣ Грохольской, въ жилахъ которой будто бы текла еврейская кровь. И князь, и княгиня были лучшіе Поляки какихъ я когда-либо видѣлъ. Онъ

былъ высокій, красивый человекъ, лѣтъ 38—40, черноволосый. Благородный профиль, изящество рукъ и ногъ, изящество походки, истинно аристократическая вѣжливость и обходительность не могли не возбуждать къ нему сочувствія. Въ немъ было что-то тихое, скромное, задумчивое; онъ таялъ какъ свѣчка, и сознавалъ что таялъ; но никого онъ не тревожилъ своими страданіями; никогда на нихъ не жаловался; ни на что не ропталъ, всегда былъ веселъ и обходителенъ. Въ душѣ онъ былъ прежде всего художникъ и поэтъ. На мѣръ и людей онъ смотрѣлъ какъ гость, какъ путешественникъ разсматриваетъ ландшафты изъ оконъ вагона, и по дорогѣ дѣлалъ столько добра сколько могъ, а Поляки атакывали его немилосердно. То и дѣло, бывало, входилъ къ нему его камердинеръ-негръ съ докладомъ что его спрашиваетъ monsieur такой-то. „Спросить его что нужно“, говорилъ князь, и камердинеръ возвращался съ отвѣтомъ что monsieur такой-то проситъ у князя пособія, такъ какъ онъ эмигрантъ съ такого-то года, столько-то разъ равенъ, тамъ-то дрался и пр. Князь безропотно вынималъ изъ кармана наполеонъ или два и поручалъ камердинеру передать эти деньги просителю. Черезъ полчаса повторялась такая же сцена; черезъ четверть часа снова то же самое.

— Вѣдь вотъ, оказалъ мнѣ разъ князь Витольдъ,—Поляки бранятъ насъ Чарторыйскихъ за аристократизмъ и за гордость. Кто ихъ знаетъ, можетъ, между этими просителями есть и въ самомъ дѣлѣ люди дѣятельные и достойные, но вѣдь если всѣхъ принимать лично и выслушивать исторіи и проекты каждаго изъ нихъ, то не только времени, но даже и силъ человѣческихъ не хватитъ. Наше величайшее несчастье состоитъ въ томъ что Поляки такъ легко эмигрируютъ. Эмиграціи у насъ вошли точно въ моду. Люди которые могли бы съ пользой жить въ Польшѣ затѣваютъ тамъ пустяки, бросаютъ отечество, шляются по свѣту, ничего не дѣлаютъ и только позорятъ самое имя Польши. Мы народъ чрезвычайно непрактичный. Мелкими заговорами и мелкими интригами, до которыхъ такая охотница наша мелкая шляхта, мы истощаемъ свои силы. Талантливейшіе изъ насъ гибнутъ или въ Сибири, или въ эмиграціи; а ваше правительство боится насъ эмигрантовъ, тогда какъ именно мы-то ничего серьезнаго сдѣлать не можемъ. Даже, можетъ-быть, прибавилъ онъ, какъ-то грустно махнувъ

рукой,—можетъ-быть, мы сами нашею безтолковостію помогаемъ вамъ владѣть нами.

— Да, вы правы, отвѣчалъ я, — съ тѣхъ поръ какъ я сошелся такъ близко съ эмиграціей, мнѣ не разъ приходила въ голову мысль что у нашего правительства нѣтъ друзей надежнѣе Поляковъ. Знаете, князь, что мнѣ казалось? Что ваша величайшая ошибка состоитъ въ томъ что вы не стараетесь убѣдить себя что Южная и Бѣлая Русь не могутъ принадлежать вамъ.

Витольдъ засмѣялся.

— А неужели вы думаете, спросилъ онъ меня, — что мы и въ самомъ дѣлѣ разчитываемъ на забранный край? Если мы и говоримъ о немъ, если мы приняли за правило кричать и трезвонить что онъ намъ принадлежитъ, то это единственно въ томъ разчетѣ что для того чтобы получить немного, надо много просить.

— Дурной разчетъ, отвѣчалъ я.—Могутъ ли Русскіе поступиться забраннымъ краемъ?

— Да я жъ вамъ говорю что и намъ дѣла нѣтъ до забраннаго края.

— Если вамъ дѣла нѣтъ, скажите откровенно; не сбивайте съ толку своихъ и не раздражайте народнаго чувства. Большинство Поляковъ, вся польская печать только и трубятъ о Вильнѣ, о Кіевѣ, о Житомирѣ, о Львовѣ...

— Что прикажете дѣлать съ нашими? грустно говорилъ онъ, чертя палочкой по песку. Мы сидѣли съ нимъ въ садикѣ полковника Иордана, въ подгородной деревнѣ Ферикей.—Вы знаете пословицу что Польша неурядомъ держится (*Polska nierządem stoi*)? Какіе мы были прежде, такіе мы и теперь, такими, вѣроятно, всегда и останемся. Велѣпольскаго мы прозѣвали, такъ и всѣхъ прозѣваемъ. Самые вожди польскаго дѣла должны волей-неволей подчиняться этому характеру нашей шляхты.... Вы, по крайней мѣрѣ, составляете сильное государство. Въ революціонеровъ вашихъ, извините меня, я не вѣрю. Это болѣе люди фразы чѣмъ дѣла, и если польскіе вожди дѣлаютъ фатальную ошибку что подчиняются инстинктамъ массы, то ваши дѣлаютъ ошибку вдвое фальшивѣе что они идутъ противъ этихъ инстинктовъ.

— Я съ вами согласенъ, возразилъ я.—По вѣстямъ которыя доходятъ изъ Россіи, оказывается что мы, русскіе революціонеры, если постоянно обрывались, то именно вслѣдствіе

того что намъ казалось, вопреки баснѣ Кориолана, будто же-
лудокъ существуетъ самъ по себѣ, а голова и руки сами
по себѣ....

Мы, русскіе революціонеры за границей, въ эту эпоху чув-
ствовали уже что наше дѣло падаетъ, что мы остаемся жи-
выми мертвецами. Припоминаю какъ волновали меня, какъ
не давали мнѣ покоя стихи г. Майкова изъ его прекраснаго
произведенія: *Выборъ смерти*:

Нѣтъ! намъ пора, пора намъ, братья!
Иные люди въ мѣръ пришли,
Иныя чувства и помятыя
Они съ собою привесли.
Быть-можетъ, вѣруя упорно
Въ преданья юности своей,
Мы леденимъ какъ вихрь тлетворный
Жизнь обмолвленную людей.
Быть-можетъ, истина не съ нами....

И еще отрывокъ изъ той же поэмы:

Мы обезсмысленныя ценки
Побѣдоносныхъ кораблей.

Рушилось наше вліяніе, рушились наши связи, наши на-
дежды. Воспитаніе, которое получили мы въ Россіи и кото-
рое вело къ полнѣйшему невѣдѣнію всего русскаго, къ пол-
нѣйшему непониманію нашего роднаго духа, народныхъ силъ
и народныхъ стремленій, создало изъ насъ революціонеровъ
и ввергло насъ въ рядъ и горькихъ, и смѣшныхъ ошибокъ.
Мы думали, напримѣръ, что русскій народъ совсѣмъ не пра-
вославный, потому что крестьянинъ ропщетъ на плату за
требы; въ бунтахъ Стеньки Разина и Пугачева мы видѣ-
ли какія-то революціонныя загадки; въ Малороссіи мы про-
зрѣвали начало республиканскаго устройства. Однимъ сло-
вомъ, мы были невѣжды, и только невѣжествомъ, полнымъ
незнаніемъ русской исторіи и русскаго быта и могутъ быть
извинены наши прокламаціи, писавшіяся отъ чистаго сер-
дца. Мы отличаемся отъ Поляковъ тѣмъ что Поляки хвата-
ются за каждую соломенку, а мы за каждую идею кажущу-
юся передовою, Полякъ идеализуетъ Польшу, а мы не зна-
емъ Россіи. Еслибы Петръ Великій всталъ изъ гроба и взгля-
нулъ на насъ, онъ бы пришелъ въ ужасъ отъ нашего глубо-
каго незнанія Россіи и отъ неумѣнія поставить ее на ту

степень могущества о которой онъ мечталъ. Мы, по мѣткому выраженію Крылова, львата которые гнѣзда вить умѣють.

Тяжелую, страшную эпоху переживали мы, русскіе эмигранты, въ концѣ 1863 г. Дольше всѣхъ вѣровали въ свое знамя Герценъ и Огаревъ. Имъ все не вѣрилось что Россія, которая видѣлась изъ оконъ ихъ кабинета, вовсе не та Россія которая существуетъ на дѣлѣ. Они были обиты съ толку разглагольствованіемъ книжниковъ и учащейся молодежи. Меня отрезвило то что моя безпокойная и предприимчивая натура не позволяла мнѣ оставаться въ кабинетѣ, а толкала меня постоянно въ среду той массы, руководить которою я имѣлъ претензію. Эта моя безпокойная натура заставляла меня изучать массы не по книгамъ, не по газетнымъ извѣстіямъ, а въ ихъ средѣ, и вотъ въ этой-то средѣ я и понялъ что дѣло наше лопнуло.

Судьба загнала меня въ среду людей живущихъ настоящею жизнью. Кризисъ отрезвленія былъ тяжелъ, болѣзненъ, тѣмъ болѣе что отечество было для меня потеряно. Воротиться въ Россію и сдаться, какъ я сдался въ послѣдствіи, я не рѣшался, потому что у меня было семейство. Быть Вѣчнымъ Жидомъ, человѣкомъ безъ осѣлости, безъ своего угла, физически невозможно. Бродягой можно быть до поры до времени, но въ натурѣ человѣка таится потребность имѣть свой кровъ, свое гнѣздо, свою сферу дѣятельности. Примкнуть было некуда, а примкнуть куда-нибудь было нужно. Унія пала, Болгары освободились отъ французскаго гнета, и я рѣшился посвятить себя и всѣ свои силы на служеніе этой народности.

Меня спросятъ почему я не ограничился болѣе скромною ролью. Почему я не сдѣлался какимъ-нибудь прикащикомъ въ банкирской конторѣ, не взялъ частнаго мѣста, не занялся, что ли, часовымъ мастерствомъ?... Потому что кто разъ втянулся въ политическую жизнь, тому изъ нея выхода нѣтъ; привычка агитировать, какъ привычка писать, какъ привычка къ семейной жизни, къ вину, къ табаку, къ наукѣ, поглощаетъ человѣка и дѣлаетъ его неисправимымъ.

Болгары признали мою искренность и поняли что я хотя и революціонеръ, хотя и знаюсь съ Поляками, но прежде всего Русскій и православный. Полнаго довѣрія отъ нихъ къ себѣ я однако никогда не добился. Болгаринъ въ настоящее время такъ замкнутъ въ самомъ себѣ и въ кружкѣ своей

народности, что отъ него ни слова не добиться ни о болгарскихъ мнѣнiяхъ, ни о болгарскихъ стремленiяхъ. Я сдѣлалъ слѣдующее предложенiе болгарскимъ вождямъ: „У васъ нѣтъ литературы, сказалъ я, народу нужно учиться. Учиться исключительно по ученымъ книгамъ будетъ трудно, потому что не было подготовки; надо начинать съ приученiя къ чтенiю. Для этого самое лучшее средство завести журналъ въ родѣ нашихъ русскихъ, который бы состоялъ преимущественно изъ беллетристическихъ статей, переводныхъ, преимущественно съ русскаго, польскаго, чешскаго, сербскаго, изрѣдка съ французскаго и англiйскаго языковъ. Романы приучили бы вашу публику къ чтенiю. Прочтя три-четыре повѣсти въ первой книжкѣ журнала, подписчикъ сталъ бы читать статьи по политикѣ, критикѣ, ознакомился бы съ современнымъ движенiемъ мысли. Само собою разумѣется что направленiе моего журнала будетъ не русское, не польское, ни какое-либо иностранное, а чисто болгарское. Я уже и теперь турецкiй подданный, но мнѣ не достаетъ того чтобъ я сдѣлался Болгариномъ. Примите меня въ свою среду. Я потерялъ отечество и хотѣлъ бы отыскать себѣ новое. Если судьба лишила меня возможности оставаться Русскимъ, мнѣ хотѣлось бы все-таки быть Славяниномъ.“

Болгары меня поняли, сказали что подумаютъ, долго думали и наконецъ объявили мнѣ, что выдумка моя нравится имъ крѣпко, что они мнѣ вѣрятъ, и что готовы будутъ мнѣ помогать.

— Ты, господинъ Василiй, говорили они мнѣ,—человѣкъ ученый, въ литературѣ болѣе насъ свѣдущiй, и мы видимъ что ты искренно хочешь пристать къ намъ. Противъ Русскаго Царя ты былъ не правъ; но, господинъ Василiй, если ужъ такова твоя судаба, то приходи къ намъ — мы тебѣ все устроимъ. И типографiю, и бумаги дадимъ; о подписчикахъ тебѣ и думать нечего—подписчиковъ будетъ больше чѣмъ ты думаешь. Только одно, господинъ, не можемъ мы никакъ сами выхлопотать тебѣ фирманъ на изданiе журнала. Первое дѣло, мы самихъ себя бережемъ для нашего народа, а Турки и Греки обвиняютъ насъ что мы взяли Русскаго; да и русское посольство прогнѣвается на насъ зачѣмъ мы сошлись съ русскимъ революционеромъ. Устрой ты самъ это дѣло. Какъ ты себя устроишь, фирманомъ себя обезопасишь отъ русскаго посольства, такъ съ нашей стороны

будеть тебѣ поддержка такая какую только мы, Болгары, можемъ тебѣ дать. А ты знаешь, господинъ Василій, что мы народъ стойкій, и что мы всѣ стоимъ за народное дѣло какъ одинъ человекъ.

Я остался въ раздумьѣ. Болгары были правы, и имъ самимъ не приходилось якшаться съ человекомъ который, какъ Русскій по происхожденію, былъ бы подозрителенъ Портѣ, а какъ революціонеръ, былъ на дурномъ счету въ нашемъ посольствѣ. Куда я ни совался чтобы за меня замолвили доброе слово Фуадъ-пашѣ или Аали-пашѣ, мнѣ никто не отказывалъ,—въ Турціи вообще никогда ни въ чемъ не отказываютъ,—но никто ничего не дѣлалъ: одинъ чтобы не компрометтироваться, другіе — потому что не довѣряли мнѣ. Послѣ долгихъ колебаній я рѣшился обратиться къ князю Витольду, съ которымъ былъ въ весьма дружескихъ отношеніяхъ. Когда я изложилъ ему свой планъ, онъ пришелъ отъ него въ восторгъ.

— Завтра ѣду, сказалъ онъ мнѣ,—къ маркизу де-Мутье (тогдашнему французскому посланнику въ Царѣградѣ), переговорю съ нимъ, и повѣрьте что онъ выхлопочетъ вамъ фирманъ.

Меня покорило.

— А сами вы, князь, не можете этого сдѣлать?

— Само собою разумѣется могу, сказалъ онъ,—но голосъ маркиза де-Мутье во всякомъ случаѣ сильнѣе моего.

— Видите, князь, продолжалъ я,—болгарское дѣло—дѣло славянское; мнѣ какъ-то претитъ мѣшать въ него Французовъ, тѣмъ болѣе что, разъ ставши подъ ихъ покровительство, я долженъ буду писать въ ихъ пользу даже тогда когда они станутъ дѣлать что-нибудь противъ Болгаръ.

— Ah! bah! отвѣчалъ князь:—вѣдь все-таки Франція несетъ цивилизацію, которой у Болгаръ нѣтъ.

— Да, но внося цивилизацію, она хочетъ чтобы Болгары были ея орудіемъ. Я ни слова не могу сказать въ своемъ журналѣ ни въ пользу Франціи, ни въ пользу Турціи, ни въ пользу униіи....

— Чудной вы человекъ, отвѣчалъ мнѣ князь,—да вѣдь не можете же вы не согласиться что французская цивилизація выше какой-нибудь славянской.

— О словахъ, князь, спорить не будемъ. Издавая болгарскій журналъ, я сдѣлаюсь Болгариномъ, и поэтому для меня

будеть существовать только болгарская національность внѣ всякихъ постороннихъ интересовъ.

— Ну, тогда вамъ трудно будетъ добиться фирмана, скасалъ князь, и мы съ нимъ разстались. Онъ уѣхалъ въ Кауръ, гдѣ и умеръ.

IV.

Когда Чайковскій пріѣхалъ въ Царьградъ, однимъ изъ первыхъ его предпріятій было разысканіе въ Турціи казаковъ.

Я уже выше говорилъ что Чайковскій, какъ и всѣ Поляки казацкаго происхожденія, мечталъ о возстановленіи казачества и былъ вполне увѣренъ въ возможности подобной операціи. У ополячившихся казаковъ совершенно пропалъ инстинктъ пониманія что такое было казачество. Они смотрятъ на него какъ на особенное рыцарское учрежденіе, цѣль котораго состоитъ прежде всего въ галопированіи по степи, въ распѣваніи разныхъ думокъ и въ воеваніи съ кѣмъ-попало. Сабля, пука и конь кажутся имъ чѣмъ-то въ высшей степени привлекательнымъ и повitchескимъ, и они вполне увѣрены что подобнаго рода идеалы могутъ не только увлечь массы, но и сдѣлаться ихъ религіей.

Чайковскій отправился въ Добруджу отыскивать Запорожцевъ и отыскалъ ихъ. Это были нѣсколько пьяныхъ стариковъ, не способныхъ ни къ какому пониманію и думавшихъ не столько о казачествѣ сколько о томъ какъ бы и гдѣ бы выпить.

Малороссійскіе казаки постоянно были въ сношеніяхъ съ Турціей и нѣсколько разъ затѣвали даже вступить въ турецкое подданство. Юрій Хмельницкій даже и дѣлался турецкимъ подданнымъ. При Петрѣ Великомъ Турція нѣкоторое время владѣла Вольныю и Подоломъ, и, наконецъ, Мазепа, послѣ Полтавской битвы, ушелъ со своимъ воинствомъ въ Турцію. Казаки тамъ поселились, завели Сѣчь, затѣмъ, при окончательномъ разгромѣ нашей Запорожской Сѣчи при Екатеринѣ, недовольные Запорожцы бѣжали въ Турцію и основались тамъ на Дунавѣ. Новая Сѣчь представляла собой нѣчто куріозное. Казаки были большею частію холостые, а женатые держали женъ и все хозяйство на отдѣльныхъ хуторахъ. Но женатыхъ было немного. Въ Сѣчь поступалъ

всякій кто былъ православыи, а тонъ и направление ей за-
давали первые удалцы, которые были по преимуществу бродя-
ги, сорви-головы, для которыхъ не было ничего святаго,
и главная цѣль жизни которыхъ состояла въ томъ чтобы до-
быть денегъ на выпивку. Рыцарскаго тутъ ничего не было,
по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ какъ мы понимаемъ те-
перь слово *рыцарство*. Человѣкъ лѣнтяжничалъ, буянилъ на
родинѣ, работа у него не спорилась, пьянство его одолѣва-
ло—онъ бросалъ все, потому что сама работа его бросала,
и, переходя изъ кабака въ кабакъ, добирался до Дунавца,
гдѣ и встрѣчался со своими. Жениться въ подобной компа-
ни было нельзя, потому что въ Сѣчи былъ благоразумный
порядокъ не допускать присутствія женскаго пола, вовсе не
для того чтобы сохранить какой-нибудь рыцарскій духъ меж-
ду казаками, а исключительно для того чтобы не выходило
дракъ и убійствъ. Въ Сѣчи происходило то самое чтò про-
исходило въ Памѣвщинѣ и во всѣхъ малороссійскихъ ка-
зацкихъ общинахъ. Половина населенія вовсе не имѣла даже
одежды, а цѣлтомъ своимъ походила на грязь. Промышляли
дунавецкіе Запорожцы рыбною ловлей и косою. Чтò вы-
ловятъ, то тутъ и пропьютъ.

На косьбу ходили они даже подъ Варну, то-есть верстѣ
слишкомъ за двѣсти. Косили они исправно (Русскіе счита-
ются лучшими косарями во всѣхъ тѣхъ краяхъ, а Болгаре
лучшими жнецами), зарабатывали хорошія деньги и возвра-
щались домой. Возвращеніе это совершалось, какъ старики
разказываютъ, очень оригинальнымъ манеромъ. Одинъ весь-
ма ветхій Запорожецъ разказывалъ мнѣ что шло ихъ изъ-
подъ Варны трое. Они не пропускали по дорогѣ ни одной
корчмы, а на третій день остались безъ денегъ и потому
стали продавать по дорогѣ тѣ лохмотья которые купили се-
бѣ подъ Варной. Когда дошли до Сѣчи, оказалось что на
одномъ была какая-то шапка, на другомъ какой-то кафта-
нишка, на третьемъ — порты. Явиться такъ, даже въ Сѣчь,
казалось имъ все-таки неприлично, потому что пришли съ
заработковъ, стало-быть, предподагалось, должны явиться въ
нѣсколько благообразномъ видѣ. Поэтому они схитрили: за-
сѣли въ камышахъ, нарядили одного въ кафтанъ, порты и
шапку и отправили въ Сѣчь съ тѣмъ чтобъ онъ въ куре-
няхъ отыскалъ или у пріятелей занялъ подходящіе костюмы

(само собою разумѣется, нероскошные) и привезъ бы въ камыши....

Кромѣ этого безпутнаго населенія, въ Добруджѣ жило и живетъ множество другихъ Малороссіянъ, людей семейныхъ, хорошихъ хозяевъ, которые все-таки считались казаками, то-есть были приписаны къ янычарамъ и должны были ходить на войну. Въ войну 1828 г. атаманъ Запорожцевъ, считавшійся атаманомъ и ослѣдыхъ людей, потолковавъ со стариками, рѣшилъ что гораздо выгоднѣе примириться съ русскимъ правительствомъ и воротиться въ Россію чѣмъ толочь воду въ Турціи. Извѣстно что Гладкой перевозилъ покойнаго государя чрезъ Дунай, что государь принялъ ихъ въ русское подданство, и что изъ нихъ вышли Черноморцы. Тѣ изъ членовъ Свчи которые не захотѣли перейти въ Россію остались въ Турціи и кончили тѣмъ что другъ за другомъ полегли подъ заборами. Я засталъ только троихъ Запорожцевъ, изъ которыхъ одинъ, бывший мой сосѣдъ въ Тульчѣ, старикъ неизвѣстнаго числа лѣтъ, видѣлъ императрицу Екатерину и живо помнить конфедератовъ!

Въ довершеніе всего чтѣ можно сказать о нравахъ господствовавшихъ въ Добруджѣ въ янычарскія времена, приведу слѣдующій разказъ слышанный мною отъ стариковъ: „Запорожцы за что-то ненавидѣли Некрасовцевъ, какъ Некрасовцы объясняютъ, за то что послѣдніе не давали имъ буйнить въ своихъ селахъ, ссорились съ ними изъ-за рыбныхъ ловель, а пуще всего изъ-за бабъ, которыхъ у Запорожцевъ почти не водилось, а у Некрасовцевъ было сколько угодно. Казацкій кругъ въ Свчи приговорилъ что Некрасовцевъ, какъ кацаповъ и старовѣровъ, надо побить, казаковъ всѣхъ вырѣзать, а женокъ себѣ взять. Поэтому они отправились въ Тульчу и взяли съ собою роту янычаръ. Некрасовцы провѣдали про это дѣло, отправились въ Бабадагъ, взяли татарскаго мурзу съ сотнями двумя Татаръ и двумя или тремя пушками. Запорожцы плыли на челнахъ; Некрасовцы таились въ камышахъ. Чуть Запорожцы на берегъ—завязалась перестрѣлка. Некрасовцы ее поддерживали, заманивая своихъ недруговъ ближе и ближе, и наконецъ грянули въ нихъ картечью....

Въ книгѣ Чайковскаго, изданной подъ псевдонимомъ Х. У. Z., въ Парижѣ, *Kozaszuzna w Turcii*, чрезвычайно поэтически описаны остатки Запорожцевъ которые онъ встрѣ-

тилъ. Тутъ является неизбѣжный казакъ-бандуристъ, слѣпецъ, сидящій на курганѣ и распѣвающій думу о благоухан-ныхъ степяхъ, о казацкихъ наѣздахъ, воспоминающій о Сагайдачномъ (що замѣнилъ жѣнку на тютюкъ та дюдьку—необачный). Можетъ-быть, въ путешествіе Чайковскаго какой-нибудь казакъ и дѣйствительно сидѣлъ на курганѣ, но чтобъ онъ дѣйствительно оплакивалъ Сѣчь и думалъ о Сагайдачномъ болѣе чѣмъ сомнительно, даже невозможно, противорѣчить духу и Запорожцевъ, и мѣстнаго малороссійскаго населенія. Предполагать что Чайковскій сочиняетъ я не имѣю права, но польскій взглядъ таковъ что изъ мухи всегда слонъ дѣлается. Поляку въ родѣ Чайковскаго достаточно увидѣть Малороссіянина верхомъ или на курганѣ, онъ сейчасъ увидитъ въ этомъ фактѣ преданіе временъ Собѣскаго, и въ его глазахъ воскреснетъ вся Рѣчь Посполитая, и сейчасъ же выведется объясненіе что даже самый фактъ отдѣленія лѣваго берега Днѣпра отъ Польши былъ не что иное какъ домашняя распря. Всякіе Палѣи, Остриацы кажутся ему не столько патриотами, сколько *жартовниками*, то-есть шулунами, которые не съ Польшею ужиться не могли, а просто рыцарскую удадь показывали.

Съ Запорожцами дѣлать было нечего. Всѣмъ которые ему попадались Чайковскій толковалъ о степи, объ удали, и Запорожцы, само собою разумѣется, поддакивали, пригорюнивались, вздыхали, въ ожиданіи что можно съ нами содрать на выпивку, или просто изъ боязни челоуѣка котораго сопровождаютъ кавасы. Съ пропагандистами всегда такъ: они говорятъ много, съ увлеченіемъ, и имъ кажется, что если ихъ слушаютъ, то ихъ понимаютъ, и если имъ поддакиваютъ, то, стало-быть, убѣждаются.

Оставался другой казацкій элементъ, живой, раскинувшійся крупными селами, не платящій податей, въ то время еще дикій, самостоятельный до такой степени что имѣлъ собственныи судъ и расправу * (турецкій чиновникъ не имѣлъ права забраться въ некрасовское село). Но эти казаки носили бороду, молились двуперстно и на видъ были волаѣвшіе Москвали. Нужно было съ ними сладить, и Чайковскій постарался съ ними сблизиться. Онъ узналъ что эти казаки съ

* См. мою статью: „Русское Село въ Малой Азии“, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1866 года № 6.

Донцами не дерутся, и что Донецъ въ нихъ никогда не выстрѣлитъ; что эти казаки воюютъ только съ Москалями или, пожалуй, съ Греками, съ Болгарами, съ кѣмъ угодно кромѣ своихъ, что у этихъ казаковъ есть свои традиціи о Донѣ, что они до сихъ поръ поютъ пѣсни объ Игнатѣ Некрасѣ, и въ книгѣ *Kazaczuzna w Turcii* Чайковскій придумалъ объясненіе откуда они взялись.

По его словамъ, казачество какъ сѣверно-русское, такъ и южно-русское, заведено было *польскою шляхтой*. Вѣротерпимость въ казачествѣ была полная (!), потому-де что казаки особенною религіозностью никогда не отличались (!). Польская шляхта заложила на Дону основаніе рыцарскихъ колоній, которыя теперь поработены московскимъ правительствомъ, и потому изъ этихъ колоній бѣжали лучшіе рыцари. Спорить съ Чайковскимъ трудно, какъ трудно спорить съ каждымъ фантастомъ, но нельзя упустить изъ виду того мелкаго обстоятельства что Булавинскій бунтъ произошелъ вслѣдствіе того что Донецъ не выдавалъ правительству бѣглыхъ мужиковъ съ которыхъ требовались подушныя или которые бѣжали отъ кабалы, а что пуце всего огорчило правительство—Донецъ не выдалъ ему дезертировъ, особенно драгунъ. Стало-быть, тѣ которые взбунтовались съ Булавинымъ, съ Голымъ и ушли съ Игнатомъ Некрасой, были едва ли природные казаки, а по всей вѣроятности *гуллиціе люди*. Какъ бы то ни было, но въ интересахъ отчизны нужно было возвести Некрасовцевъ въ степень казачества и ошляхетить ихъ, а ошляхетить ихъ можно только предположивъ что они происходятъ, наравнѣ со всѣми Донцами, отъ польской и отъ южно-русской шляхты.

Затѣмъ оставался еще вопросъ, въ высшей степени серьезный. Казаки на Дону народъ рыцарскій. Изъ любви къ казачеству Чайковскій преклоняется предъ разными казацкими атаманами и особенно благоговѣетъ предъ памятью Платова, какъ рыцаря изъ рыцарей. Между тѣмъ рыцари и шляхта, какъ извѣстно, народъ вовсе неторговый, и если пускаются на какіе промыслы, то исключительно на перекупку лошадей, повозокъ, трубокъ, собакъ, но никакъ не дагѣ, между тѣмъ Некрасовцы, какихъ увидѣлъ Чайковскій, оказались народомъ не только не рыцарскимъ, но и въ высшей степени промышленнымъ. У многихъ изъ нихъ были лавки, въ которыхъ они торговали не конями, саблями, коньями, не поро-

хомъ и собаками, а просто краснымъ и желѣзнымъ товаромъ, да вдобавокъ еще посудой. Въ книгѣ *Козаскузна въ Турціи* эта аномалія объясняется, и объясняется чрезвычайно ясно и рационально. „Рыцари пришли съ Дону, говорить Чайковскій, — со своими рыцарскими замашками. Но, вслѣдствіе гоненія московскаго правительства и вслѣдствіе его татаро-монголо-византійскихъ замашекъ, не выдержала душа также у *шляхетницъ Новгородцевъ*, которые было проникнуты западною цивилизаціей, границы коей доходятъ до береговъ Днѣпра, и эти благородные Новгородцы бросились тоже въ Турцію, перемѣшались съ Донцами и внесли къ нимъ свой промышленный и предприимчивый духъ.“ Къ чему тутъ Новгородцы, и когда Новгородцы бросились въ Турцію, — неизвѣстно, какъ неизвѣстно и то почему и когда они изволили принадлежать къ южно-русскому племени. Но для Чайковскаго все ясно, и каждое лыко идетъ въ строку: новгородское племя не имѣло-де ничего общаго съ нашимъ съ окаяннымъ, Иванъ III со своими московскими боярами кромѣ безстыдства ничего не творилъ, московское правительство кромѣ варварства ничѣмъ не отличалось и т. д.

Чайковскій постарался познакомиться съ некрасовскими стариками. Некрасовцы были тогда народъ совершенно дикій. Они теперь просто мужики, какъ всѣ русскіе мужики, но тогда эти мужики имѣли кое-какія янычарскія замашки. Въ Малой Азіи и до сихъ поръ въ каждой хатѣ видны пистолы и сабли, каждый казакъ умѣетъ владѣть саблей и, сверхъ всего этого, очень не любитъ чтобы кто-нибудь мѣшало въ политическія дѣла безъ особаго повелѣнія круга. А кто войдетъ въ какія-нибудь сношенія съ чужими помимо круга, для того есть батоги, кнуты и плеть; а въ важномъ случаѣ и тѣ благословенныя мѣста гдѣ раки зимуютъ, попросту говоря, Майносское озеро. Въ Добруджѣ роль Майноскаго озера разыгрывалъ лиманъ Разельмъ (у насъ называемый Разинымъ — говорятъ, Стенька Разинъ тутъ-де ходилъ) или, наконецъ, воды свѣтлая Дуная.

Старики внимательно слушали проповѣдь о томъ что Москаля-де варвары, сокрушили блестящее Польское королевство, подавили всякую свободу, погубили Донъ, и что великое призваніе казачества состоитъ въ освобожденіи казаковъ и Поляковъ отъ Москалей.

Москаля притѣсняють въру. — стало-быть, надобно идти

противъ нихъ за вѣру; Москали берутъ рекрутовъ, — стало-быть, нужно идти противъ нихъ за свободу военной службы, за самую честь ея. Какъ уніатовъ Москали гонятъ, такъ и старообрядцевъ гонятъ. Затѣмъ въ яркихъ и живыхъ краскахъ развивалъ Чайковскій блестящую картину свободы народа и вѣры, возрожденную Польшу, возстановленный Донъ, союзъ казаковъ, расхваливалъ рыцарскія наклонности Некрасовцевъ; ну и, наконецъ, подробно представилъ имъ блестящія картины степи, коня, кургана, бандуриста и пр.

Старики и „люди съ понятіемъ“ кланялись, почесывались и поддакивали. Затѣмъ Чайковскій обратился къ старообрядцамъ разыгрывать на тему о томъ какъ гонить ихъ Россія. А времена тогда для старообрядцевъ дѣйствительно были не легкія. Онъ привелъ имъ на память что когда при Алексѣѣ Михайловичѣ и при Федорѣ Алексѣевичѣ старообрядцевъ тревожили, то они нашли себѣ пріютъ въ польскихъ владѣніяхъ; что покуда Польша была вполнѣ независима, *Вѣтка* процвѣтала; что Польша давала имъ пріютъ, что Украина давала имъ пріютъ, доказательствомъ чему и доселѣ служатъ такъ-называемыя *слободы* въ Харьковской въ Черниговской губерніяхъ, и что слѣдовательно Поляки и южнорусскіе казаки состоятъ въ старомъ знакомствѣ со старообрядцами, и что для пользы самой вѣры было полезно заключить союзъ противъ Москалей.

Старики почесывались, поддакивали и—ничего не понимали. Въ глазахъ людей которые просто-на-просто бѣжали съ Дону, о Посполитой Рѣчи и не слыхивали, всѣ эти рассказы казались странными и загадочными. Старики поддакивали, Чайковскій радовался, но, какъ человѣкъ все-таки умный и способный, онъ понялъ что нужно имѣть между ними своего агента. Старики съ своей стороны поняли, что пріѣзжалъ какой-то панъ, который очевидно „большую силу имѣеть и цѣлымъ міромъ воротить“, и что надобно разнюхать что это за панъ. Можетъ-быть, думали они, этотъ панъ снова повернетъ ихъ въ крѣпостное право. Для переговоровъ съ нимъ они отрядили казака Осипа Семеновича Гончара, сарыкѣйскаго жителя. *

Гончаръ (или Гончаровъ, какъ его называютъ по манерѣ.

* *Сари* по-турецки значитъ желтый, *кѣй* — деревня; стало-быть *сари-кѣй* будетъ—желтое село.

дѣмать изъ существительныхъ прилагательное) родился въ началѣ нынѣшняго вѣка на Кара-Бурну (черный мысъ), на одномъ изъ мысовъ отдѣляющихъ Босфоръ отъ Чернаго моря. Тамъ было въ то время маленькое русское село рыбаковъ. Отецъ и мать его умерли, когда ему было что-то семь-восемь лѣтъ, и оставили его безпомощнымъ сиротой. Добрые люди взяли мальчика, и онъ нѣсколько лѣтъ пасъ свиней. Какой-то добрый человекъ приоткрылъ его къ дѣлцу обучиться грамотѣ. Мѣсяца два, можетъ-быть, юноша ходилъ въ школу, выучился писать, какими-то судьбами перебрался въ Сары-кѣй, женился и сдѣлался хозяиномъ. Хозяинъ изъ Гончара вышелъ не дурной. Не знаю на сколько въ немъ *новгородской* крови, но онъ открылъ лавки, нажилъ капиталець, по тамошнимъ мѣстамъ очень крупный, то-есть, на наши деньги тысячъ до пяти, попалъ въ число стариковъ и прослылъ расторопнымъ, разсудительнымъ и дѣятельнымъ человекомъ.

Гончаръ личность во всякомъ случаѣ замѣчательная. Глядя на него и на покойнаго Носа, я началъ понимать что такое были наши безграмотные московскіе бояре, и какимъ манеромъ они производили свои знаменитыя *волокуты*. Все образованіе Гончара и Носа (біографіи послѣдняго я не знаю) состояло въ умѣннн кое-какъ читать по-церковному и въ то же время хорошо понимать людей и выходить сухими изъ воды. Безъ всякаго образованія, безъ всякаго знанія свѣтскихъ приемовъ, эти два человека умѣли втираться всюду, водить компанію со всякаго рода людьми, и такъ ловко, что еслибы Гончаръ или Носъ вошли въ любой аристократической салонъ въ своихъ чекменахъ, они сумѣли бы просидѣть тамъ дѣлый вечеръ, никого не шокируя своими манерами, не сказавъ ни одного лишняго слова, никого не стѣсняя, а поддерживая всякій разговоръ, былъ бы онъ только не на французскомъ языкѣ и не касался бы такихъ предметовъ какъ музыка, театръ или наука. Въ вопросахъ политическихъ это были совершеннѣйшіе дипломаты, дипломаты по природѣ, а не по воспитанію. Они были ходатаями предъ Портой за интересы Некрасовцевъ; они саживали съ пашами, саживали съ русскими генералами и толковали о дѣлѣ такъ, какъ дай Богъ толковать каждому. Одно, чего имъ не доставало и не достаетъ всѣмъ подобнымъ личностямъ — умѣнья сразу рѣшить вопросъ. Они

тянуть, хитрять, вертять, путаютъ, все стараюсь убѣдиться нѣтъ ли какого-нибудь *подвоха*, и только когда убѣдятся что *подвоха* нѣтъ, скажутъ свое слово. Въ сомнѣніи точно ли вы имѣете вліяніе сдѣлать то что обѣщаете, они васъ высматриваютъ, ощупываютъ, рѣшаются туго, и лишь когда вполне удостовѣрятся что вы дѣйствительно такая личность за какую себя выдаете, сдадутся, но сдадутся опять-таки не легко. Они вамъ станутъ погибать разные мелкіе крюки. „Какого духа это человѣкъ есть?“ скажутъ они.... и опредѣлать васъ какъ нельзя лучше, хотя иногда заподозрятъ въ такихъ качествахъ какія вамъ и въ голову не приходили. Перечтите разказы иностранныхъ посланниковъ пріѣзжавшихъ въ Россію въ старое время. Сначала вовсе не примутъ и держать чуть не подъ арестомъ; затѣмъ, принимаютъ, угощаютъ, стараются вывѣдать затѣмъ ли дѣйствительно пріѣхалъ; потомъ заспорятъ о томъ какъ въѣзжать въ Кремль: должна ли карета въѣхать за ворота или остановиться предъ воротами; затѣмъ опять обдумаютъ какъ на крыльцо взойти. Много стариннаго сохранилось въ этой дикой сторонѣ.

Гончаръ человѣкъ замѣчательно безкорыстный. Разъ только пришлось было ему взять за труды. Онъ хлопоталъ по какому-то дѣлу, и тотъ за кого онъ хлопоталъ принесъ его женѣ, Аннѣ Кирилловнѣ, шерстяные чулки. Анна Кирилловна приняла эти чулки. Гончаръ, воротаясь домой, узналъ это, далъ Аннѣ Кирилловнѣ надлежащій нагоняй, чулки отослалъ назадъ, и съ тѣхъ поръ никто никогда не осмѣливался *благодарить его за труды*. Это человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова безкорыстный. Но Гончаръ честолюбивъ и агитаторъ по природѣ. Это человѣкъ не высокаго роста, нѣсколько рыжеватый, съ маленькими сѣрыми глазами, съ довольно длинною рыжеватою бородой, широкоплечій, чрезвычайно стройный и удивительно подвижной. Ходить съ Гончаромъ почти возможности нѣтъ. Я его зналъ когда ему было за шестьдесятъ лѣтъ, и несмотря на то что ходокъ я не совсѣмъ дурной и хожу очень скоро, я за нимъ угнаться не могъ. Безъ крайней нужды Гончаръ никогда не ѣздитъ, но ходитъ онъ такъ что не каждая лошадь за нимъ уговится. Вѣсть Гончаръ чрезвычайно мало и ничего хвѣльнаго въ ротъ не беретъ, и хотя, какъ говорятъ замы языки, съ нимъ случаются припадки запоя, но ничего подобнаго я не былъ свидѣтелемъ.

Сарыкѣйскій кругъ отрядилъ этого человѣка перетолковать съ Чайковскимъ. Чайковскій изложилъ ему все что было выше сказано о казачествѣ. Гончаръ выслушалъ внимательно и понялъ что Михаилъ Илларионовичъ панъ большой, что онъ въ дружбѣ съ самимъ княземъ Чарторыйскимъ, со всякими генералами и министрами, съ великимъ визиремъ, у султана въ силѣ, у французскаго правительства въ почетѣ, и догадался что съ такимъ человѣкомъ стоить хлѣбъ-соль водить.

Кругъ, какъ я уже выше сказалъ, въ высшей степени бдительный и ревнивый, а тѣмъ болѣе опасливый, хотя самъ поручилъ Гончару веденіе переговоровъ, не довѣрялъ и Гончару. Дикарямъ постоянно кажется будто весь міръ вооружается противъ какого-нибудь села Сары-кѣй.

Чайковскій садился въ лодку, уѣзжая изъ Сары-кѣя, вполнѣ довольный умѣвшимъ ловко поддакивать ему Гончаромъ, и на прощанье подарилъ ему булавку изъ своего галстука съ серебрянымъ бѣлымъ польскимъ орломъ. Этотъ подарокъ былъ сдѣланъ при всѣхъ. Чайковскій отплылъ. Кругъ вскинулся на Гончара.

— Зачѣмъ онъ далъ тебѣ эту булавку, и что эта булавка означаетъ? Міръ ты продалъ!

Я не помню подробностей исторіи о булавкѣ, о которой мнѣ Гончаръ разказывалъ нѣсколько разъ, но смыслъ исторіи тотъ что кругъ собирался нѣсколько разъ, нѣсколько разъ допрашивали Гончара, чуть его кнутомъ не отстегали за эту несчастную булавку и чуть-чуть не окунули въ Дунай.

Гончаръ сумѣлъ вывернуться изъ бѣды. Дѣло о булавкѣ заглохло, но въ это время поднялось другое дѣло. Это—*искаженіе священства*.

О томъ какъ искали старообрядцы священства писано было не разъ, и похождения иноковъ Павла Бѣлокриницкаго и Олимпія Милорадова извѣстны довольно хорошо. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* напечатано много статей объ этомъ гг. Субботинымъ и Мельниковымъ. Когда Павелъ пріѣхалъ въ Турцію, то, разумѣется, первое лицо къ которому онъ *могъ и долженъ былъ* обратиться былъ Гончаръ, какъ человѣкъ дѣятельный и вліятельный. Гончаръ былъ купецъ, имѣвшій обширныя связи съ Царегородомъ. Гончаръ часто ѣздилъ въ Царьградъ, и само собой разумѣется что, несмотря на

исторію съ булавкой, часто видался съ Чайковскимъ. Инокъ Павелъ и Олимпій съѣздили въ Египеть, побывали въ Сиріи, въ Палестинѣ, священства тамъ не нашли, и послѣ многихъ и долгихъ походовъ очутились въ Тульчѣ и поклонились Гончару.

Но ни г. Субботину, ни г. Мельникову неизвѣстны, повидимому, подробности о томъ какъ митрополитъ Амвросій сдѣлался старообрядскимъ митрополитомъ. Расскажу объ этомъ дѣлѣ со словъ Гончара и Чайковского.

Павелъ и Олимпій потолковали съ Гончаромъ, уже гонимымъ своими Сарыкѣйцами за сношенія съ Поляками. Гончаръ поѣхалъ въ Царьградъ и обратился къ Чайковскому.

— Михаилъ Илларионовичъ, сказалъ онъ, — дѣло наше такое что таперича намъ митрополитъ нуженъ. Научите, ваше превосходительство, гдѣ намъ его взять. А нуженъ намъ такой митрополитъ чтобы былъ христіанинъ, значить, крещенъ въ три погруженія, и чтобы въ нашу вѣру отъ Грековъ перешелъ. Сумѣннѣ народъ нашъ противъ Грековъ точно имѣеть, а все намъ митрополитъ нуженъ.

Чайковский, потомокъ малороссійскаго казака, полуправославный, сейчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло. Оно показалось ему выгоднымъ для Hôtel Lambert.

Вопервыхъ, Польша со временъ царя Алексѣя Михайловича давала пріютъ бѣглымъ старообрядцамъ. Предки Гончара жили на Вѣткѣ и даже гдѣ-то на земляхъ князей Чарторыйскихъ. Затѣмъ выгоднымъ казалось соединить вопросъ о нашихъ старообрядцахъ съ польскимъ вопросомъ. Поляковъ-де гонять у насъ, уніатовъ гонять, старообрядцевъ гонять, стало-быть надо этимъ пользоваться. Если Hôtel Lambert подержитъ своимъ вліяніемъ старообрядцевъ въ такомъ важномъ для нихъ вопросѣ, то старообрядцы неминуемо будутъ благодарны Полякамъ; а старообрядцевъ-де въ Россіи на вѣсь 45 милліоновъ Великоруссовъ считается или считалось что-то до восьми милліоновъ. Имѣть подъ рукою подобную силу, съ которою можно обратиться для польскаго дѣла, казалось все великимъ.

Потолковавъ съ Гончаромъ, Чайковский списался съ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, и тутъ началась исторія такого рода:

Чарторыйскій переговорилъ объ этомъ предпріятіи съ

французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Тотъ свесся съ Меттернихомъ.

Но разрѣшеніе на заведеніе Бѣлокриницкой митрополіи получило только послѣ большихъ усилій. Черновицкое мѣстное начальство постоянно рапортовало что въ Бѣлой Криницѣ пропасть бѣглыхъ, что бѣлокриницкіе старообрядцы ведутъ себя дурно, занимаются конокрадствомъ, предаются пьянству и пр. Изъ Вѣны сдѣлали запросъ въ Черновицы, какъ ведутъ себя старообрядцы. Отъ отвѣта зависѣло разрѣшеніе учредить митрополію. Черновицкіе чиновники только что собирались писать рапортъ въ Вѣну о томъ какъ ведутъ себя бѣлокриницкіе иноки, *какъ вдругъ въ архивѣ сдѣлался пожаръ, и его не стало.* Всѣ темныя дѣла, всѣ невѣроятныя похождения и всѣ рапорты о личностяхъ въ родѣ Иларіона Коровьи Ножки, * жившаго при Іосифѣ II, исчезли. Показаній о томъ что бѣлокриницкіе старообрядцы вели себя дурно не стало. Въ Вѣнѣ не было причины отказать въ разрѣшеніи завести въ Бѣлой Криницѣ митрополію....

Митрополитъ Амвросій былъ найденъ. Онъ былъ Грекъ изъ Эноса, митрополитствовалъ въ Босніи, запутался въ какихъ-то невѣроятныхъ дѣлахъ, перессорился съ пашой, попалъ подъ запрещеніе патріарха, но для такого важнаго дѣла патріархъ разрѣшилъ ему отслужить молебень, что, стало-быть, возстановило его въ правахъ священнодѣйствовать, и затѣмъ

* Объ Иларіонѣ Коровьи Ножки упоминается въ книгѣ *О древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ*, но упоминается не довольно ясно. По собраннымъ мною отъ бѣлокриницкихъ старожиловъ свѣдѣніямъ, Иларіонъ былъ въ Бѣлой Криницѣ коноводомъ тамешныхъ старообрядцевъ, когда пріѣзжалъ туда императоръ Іосифъ II. Онъ выстѣ съ прочими стариками подносилъ хлѣбъ-соль десарю и ходатайствовалъ у него о разрѣшеніи завести въ Бѣлой Криницѣ старообрядскую митрополію. Митрополита для Бѣлой Крилицы не нашлось, а Иларіонъ потихоньку сталъ заявлять себя Христомъ. Онъ былъ мужикъ богатый, заказалъ себѣ митрополитче облаченіе, и многіе изъ бѣлокриницкихъ иноковъ и мірянъ *сами-де сѣдали какъ онъ, въ митрополитчьемъ облаченіи, въ саду Бѣлокриницкаго монастыря, гуляли не по землѣ, а по воздуху, въ сіяніи*, и почитали его не только за митрополита, но и за владыченіе Іисуса Христа. Въ послѣдствіи онъ въ чемъ-то попался, и, сколько я помню изъ разказовъ, умеръ въ тюрьмѣ. Въ запискахъ инока Аркадія Тульчинскаго исторія эта разказана съ большими подробностями.

Павель и Олимпій увезли его изъ Царяграда. Везли они его переодѣтымъ въ русскій кафтанъ, увидѣли на пароходѣ какого-то греческаго монаха, перепугались, покрыли рогожами и доставили цѣлымъ и сохраннымъ въ Тульчу. Митрополитъ Амвросій не зналъ ни одного славянскаго нарѣчія, такъ что когда онъ добрался до Бѣлой Кривицы и когда ему пришлось служить по-славянски, то ему греческими буквами надписывали какъ произносить по-русски. Контрактъ между имъ и старообрядцами былъ заключенъ довольно выгодный, и до сихъ поръ сынъ его, живущій теперь въ Австріи, ведетъ на эти деньги какую-то торговлю, и если, какъ купецъ, не особенно богатъ, то во всякомъ случаѣ бѣднымъ считаться не можетъ.

Епископъ за епископомъ стали ставиться изъ Бѣлой Кривицы для Россіи, и Поляки торжествовали что созданіе старообрядскаго священства было дѣломъ рукъ ихъ, что старообрядцы, стало-быть, иль должны быть благодарны за подобную помощь. Они были вполнѣ увѣрены что старообрядцы стоятъ на ихъ сторонѣ. Въ то время, въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ, стоило поговорить съ любимъ Полякомъ чтобъ услышать отъ него какъ дѣло старообрядцевъ и польское дѣло связаны между собою. „Мы помогли старообрядцамъ въ ихъ религіозномъ вопросѣ, говорили Поляки,—мы ихъ поставили на ноги, и они очень хорошо знаютъ что священство свое получили чрезъ наши руки, при помощи нашего вліянія. Старообрядцы наша правая рука! Имъ точно также ненавистны русскіе порядки, русское правительство какъ и намъ, и они пойдутъ вмѣстѣ съ нами!...“

О томъ что происходило въ Добруджѣ послѣ избранія Амвросія въ митрополиты и до Крымской войны, читатель можетъ узнать изъ статьи г. Субботина, помѣщенной въ *Русскою Вѣстникъ*. *

Наступила Крымская война. Уже предъ тѣмъ наше правительство требовало высылки Чайковскаго изъ Турціи.

Турція не выдаетъ политическихъ преступниковъ. Но въ то время наше посольство было въ Турціи въ большой силѣ, и насъ боялись. По настоянію нашего правительства,

* „Учрежденіе архіерейской каѳедры у турецкихъ раскольниковъ“, Н. И. Субботина. *Русскій Вѣстникъ*, 1869, № 6.

Чайковскій могъ быть намъ выданъ. Единственнымъ исходомъ для него было сдѣлаться мусульманиномъ, и Михаилъ Илларионовичъ мусульманиномъ сдѣлался (какъ говорятъ, по настоянію г-жи Снядецкой, которая желала быть его законною женою, хотя бы и по мусульманскому обряду). Я не знаю, принялъ или не принялъ онъ обрѣзаніе, но дѣло въ томъ что онъ сдѣлался *Мехмедомъ*, и султанъ призналъ его Садыкомъ. *Садыкъ* — это арабское слово, то самое чтó еврейское *удикъ*, то-есть вѣрный, преданный, надежный. Михаилъ Илларионовичъ такимъ образомъ превратился въ Садыкъ-пашу, каковымъ состоитъ и понынѣ.

Предъ Крымскою войною не только у Чайковского, но и у всѣхъ Поляковъ фантазія играла сильно. Разрушить Россію казалось дѣломъ болѣе чѣмъ пустяковымъ, и Садыкъ-паша предложилъ турецкому правительству организовать казачій полкъ, разчитывая на сочувствіе старообрядцевъ.

Михаилъ Илларионовичъ, само собою разумѣется, оборвался, и оборвался крѣпко. Выхлопотать разрѣшеніе у Порты на основаніе казачкаго полка вещь не трудная, но найти казаковъ для этого полка болѣе чѣмъ трудно. Старообрядцы наши вообще не одушевлены никакими воинскими поползновеніями, и если идти на войну, то точно съ такою же охотою съ какою идетъ крестьянинъ, то-есть въ силу неизбежности. Гарцовать на конѣ, звенѣть шпорами, сверкать саблей для него вовсе не занимательно, такъ что охотниковъ нашлось всего человѣкъ не болѣе пяти, изъ которыхъ особенно замѣчательны были Григорій (въ просторѣчїи *Гришка*) Разноцвѣтъ и Данило Бѣлый. Они были произведены Чайковскимъ въ корнеты, то-есть въ офицеры. Но на наше русское населеніе въ Добруджѣ это не подѣйствовало. Въ казачкїй полкъ Русскіе не пошли. Пошли въ казаки Чайковского разные эмигранты, Цыгане пошли, какіе-то неудавшіеся Болгаре, Поляки, Евреи изъ бѣглой братїи.

Чайковскій разказывалъ мнѣ съ похвалой какой народъ у него набрался, и привелъ мнѣ два примѣра.

Идетъ онъ со своимъ полкомъ по Молдавіи. Является помѣщикъ съ жалобой что у него украли барана. Чайковскій съ этимъ помѣщикомъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, рассердился и сталъ допытывать куда дѣвался этотъ баранъ. Казаки вытягивались въ струнку и говорили что про барана ничего не знаютъ, чисты и неповинны. Чайковскій велѣлъ

сдѣлать обыскъ—барана не оказалось. Чайковскій поѣхалъ дальше въ своей генеральской коляскѣ, и когда проѣхали версты двѣсти, то какой-то изъ его офицеровъ попросилъ его сойти съ мѣста. Баранъ оказался спрятаннымъ у него подъ сидѣньемъ, въ коляскѣ.

— Чтò же вы скажете, говорилъ мнѣ Чайковскій, — развѣ это не настоящіе казаки? Вѣдь вотъ молодцы, такъ молодцы: мнѣ подъ сидѣнье зарѣзаннаго барана подложить!

Другая исторія была такого рода. Когда казаки шли полкомъ чрезъ Молдавію, къ Чайковскому прибѣжалъ пастухъ, жалующь что у него украли вола. Михаилъ Илларионовичъ, который самъ поощрялъ подобную казацкую удадь, почему-то серьезно огорчился и велѣлъ сдѣлать обыскъ. Пропавшаго вола сыскать, кажется, не мудрено. Чрезъ нѣсколько дней только оказалось куда дѣвался волъ. Казаки, не слѣзая съ коней, поймали этого вола, освѣжвали его; одни кожу спрятали подъ сѣдло, другіе мясо разрѣзали и подъ сѣдло спрятали, и все это въ нѣсколько минутъ. Чайковскій разказывалъ мнѣ все это съ самодовольствіемъ, что „вотъ, дескать, наши казаки такой же народъ какой были наши предки“.

Въ Тульчѣ былъ у меня пріятель капитанъ Кучъ, въ свое время офицеръ русской службы. Настоящаго имени его я не знаю, а Кучемъ онъ себя зоветъ по гербу, вѣроисповѣданія православнаго. Кучъ во время этой войны, когда турецкое жалованье не выплачивалось, остался совершенно безъ денегъ, а деньги были до-зарѣзу нужны.

„Зналъ я, разказываетъ Кучъ, — что у Чайковскаго есть пара буланыхъ коней. Я прихожу къ нему прежде всего за жалованьемъ.

„— Але-жъ пане, говоритъ мнѣ Чайковскій,—дали Бòгъ у меня теперъ денегъ нѣту, я заплатить не могу.

„— Пане енерале, говорю я,—не хочеть ли пане енерале коня у меня буланаго купить?“

„— Хочу, говоритъ Чайковскій. Мы сторговались; я коня ему привелъ, деньги получилъ, и сказалъ ему:

„— Пане енерале, стало-быть, деньги есть, пане енерале.

„Коня онъ у меня купилъ и отправилъ на конюшню. Чайковскій позвалъ своего кучера и сказалъ ему:

„— Ну чтò, каковъ конь котораго намъ привели въ конюшню?

„— Да вѣдь нашъ конь, отвѣчалъ кучерь,—три дня тому назадъ онъ пропалъ, а теперь воротился.

„Чайковскій разсердился на меня и позвалъ меня къ себѣ.

„— Пана емерале, отвѣчалъ я на его брань,—денегъ на жалованье мнѣ не хватало, а на покупку коня хватило, стало быть, мы квиты....“

Пока безобразіе казаковъ Чайковскаго я, кажется, и не видалъ. Я познакомился съ ними въ 1862 г. Большая часть офицеровъ были выходцы изъ Россіи 1848 года. Они считали принадлежностью военной службы мундиръ и плеть. Казакскій мундиръ, весьма похожій на тотъ что носятъ наши Донцы, въ ихъ глазахъ былъ священнымъ, и сверхъ всего этого они хвастались тѣмъ что сегодня былъ наказанъ плетью такой-то рядовой, а вчера такой-то унтеръ. Въ то самое время когда у насъ въ Россіи исчезало тѣлесное наказаніе въ войскѣ, у турецкихъ казаковъ оно не только поддерживалось, но даже проповѣдовалось какъ нѣчто спасительное или неизбежное. Былъ у Чайковскаго одинъ капитанъ, имени котораго я не хочу упоминать печатно, который въ Россіи былъ лѣсничимъ, въ 1848 году участвовалъ въ мадыарскомъ возстаніи, произведенъ былъ въ капитаны и, стало быть, въ полку Садыкъ-паши очутился ротмистромъ. Этотъ широкоплечій силачъ говорилъ мнѣ:

— Солдата нужно *бить*. Чѣмъ его больше бьешь, тѣмъ больше изъ него толку выходитъ. Турки дураки; Турки переняли теперь французскіе обычаи и солдата не бьютъ, а у насъ все дѣлается по-русски, по-казацки. Мы не церемонимся: какъ провинился, такъ ему и ногайка.

Для того чтобы въ казакахъ дослужиться до офицерскаго чина, нужно семь лѣтъ пробыть рядовымъ. Что такое эти рядовые въ этомъ почтенномъ войскѣ, я могу привести два три примѣра. Когда началось повстаніе въ Польшѣ, и когда польская эмиграція хлынула въ Царѣградъ, со дня на день я становился въ весьма непріятное положеніе. Съ Садыкъ-пашой я былъ довольно хорошъ, а между тѣмъ ко мнѣ приходили его солдаты, то-есть всевозможные студенты, чиновники и гимназисты съ просьбой: „Панъ Василій, какъ бы намъ убѣжать изъ этого полка?“ Гимназистъ, корнетъ, студентъ, привыкъ въ Россіи къ человѣческому обращенію, а тутъ за малѣйшій проступокъ его стегали ногайками, говоря что это

наилучшій обычай, который въ наилучшемъ въ свѣтѣ войскъ, въ Россіи, употребляется.

Заведеніе казацкаго войска въ Турціи произвело переполохъ въ Hôtel Lambert, съ которымъ Чайковскій тогда уже перессорился. Въ Крымскую войну явился въ Турцію старый графъ Замойскій и добился у правительства дозволенія сформировать полкъ турецкихъ драгунъ. О подробностяхъ основанія этого полка и объ его дѣйствіяхъ я разказывать не стану, такъ какъ существуетъ множество польскихъ брошюръ и даже цѣлыхъ книгъ, которыя выводятъ на свѣжую воду всякіе неподобающіе подвиги польской эмиграціи.

Два полка создались, серьезнаго толка отъ нихъ никакого не вышло, а какое вліяніе они имѣли на нашихъ старообрядцевъ, я разкажу сейчасъ.

Казаки Чайковского направлялись на сѣверъ, и замыселъ былъ подвигаться по мѣрѣ возможности въ Украину, для того что вотъ, дескать, вся Малороссія, увидѣвъ своихъ казаковъ, перейдетъ на французскую сторону и поразгнаетъ Москалей. Начало возстанія казачины предполагалось произвести въ Добруджѣ. Гончаръ, Михаилъ Андреевъ Носъ, Шмаргунъ и еще нѣсколько человекъ, преданныхъ бѣлокриницкой іерархіи, которые были обижены и чуть-чуть не убиты Сарыкѣйцами *, воспользовались вступленіемъ казаковъ въ село и, при ихъ помощи, начали хозяйничать надо всѣми которые бѣлокриницкой митрополіи не признавали. Въ селѣ Журиловкѣ творились при помощи Садыковыхъ казаковъ такія вещи: атаманъ (то чтò у насъ называется *старостой*) сидитъ и тянетъ тамошнее жиденькое вино съ пріятелями; проходитъ какой-нибудь казакъ по улицѣ, не поклонился или съ родными казака счетъ какой-нибудь есть, атаманъ и кричитъ: „взять его и отвалить ему плетей!“

Въ Добруджѣ я видѣлъ до какой степени русскому человеку свойственна вѣротерпимость. Секта живетъ подлѣ секты, и каждая называетъ себя почему-то *нацией*. Молокане не интересуются изучить какіе-такіе догматы у старообрядцевъ, а старообрядецъ тоже не старается изучить

* См. статью г. Субботина въ *Русскомъ Вѣстникѣ*: „Учрежденіе архіерейской каведры у турецкихъ раскольниковъ“. 1869 г. № 6, июль.

какіе-такіе догматы у молоканъ. Они живутъ между собой совершенно какъ чужіе, но тѣмъ не менѣе хлѣбъ-соль водятъ и всякія дѣла между собой обдѣлываютъ. Придетъ старообрядецъ къ молокану въ гости, подтрунитъ надъ нимъ что тотъ его виномъ не попотчуетъ, а молоканъ подтрунитъ надъ нимъ что онъ принесъ свой собственный стаканъ для чая. Кирила говоритъ что Данила человекъ хорошій, и Данила говоритъ что Кирилла человекъ хорошій—вражды ни малѣйшей нѣтъ....

Есть въ Тульчѣ молоканскій купецъ. Сидѣлъ я у него въ лавкѣ, и сидѣлъ съ нами молоканскій староста. Входитъ старикъ-безпоповецъ, у котораго было не помню теперь какое дѣло. Нужно было этому безпоповцу напоить чаемъ молоканскаго старосту. Онъ тутъ же у молоканскаго купца купилъ стаканъ и повелъ молоканскаго старосту пить чай, не покупая стакана для него, потому что молокане посудой не брезгаютъ. Правда, молоканъ у старообрядца обѣдать не останется, во первыхъ, потому что, можетъ-быть, старообрядецъ его свининой поподчуетъ, а во вторыхъ, потому что у старообрядца мясо не вымочено за ночь въ семи водахъ. Тѣмъ не менѣе Русскіе между собою вовсе не ссорятся и терпятъ не могутъ всякихъ религіозныхъ преслѣдованій.

Возвращусь къ Гончару.

Русскій генераль, бывшій комендантомъ въ Тульчѣ, когда въ Крымскую войну она занята была нашими войсками, заявилъ желаніе видѣть старообрядское богослуженіе. Въ Тульчѣ была въ то время (недавно снесенная) маленькая деревянная старообрядская церковь. Старообрядцы не прочь показать православнымъ съ какимъ благочиніемъ совершается у нихъ богослуженіе, какъ благозвучно звонятъ въ колокола, поютъ складно, крестятся въ опредѣленное время; въ опредѣленное время въ землю кланяются; разговаривать въ церкви не позволяется. Но не принято чтобы кто-нибудь не принадлежащій къ старообрядской церкви молился тамъ или участвовалъ вообще въ какихъ бы то ни было обрядахъ.

Генераль этихъ обычаевъ не зналъ, и когда прибылъ въ церковь, куда для него явились оба архіерея, то вмѣсто того чтобы остаться, какъ не-старообрядецъ, въ притворѣ, вошелъ прямо въ церковь и сталъ у клироса. Старообрядцы раздвинулись и дали ему дорогу.... Онъ молился, ну и, разумѣется, путался, когда слѣдуетъ перекреститься, когда

сдѣдуетъ положить земной поклонъ. Затѣмъ епископъ Аркадій выходитъ изъ алтаря съ крестомъ, послѣ молебна. Генералъ подошелъ ко кресту, епископъ Аркадій отодвинулъ крестъ и сказалъ: „Ваше превосходительство, извините...“

Затѣмъ, разказывалъ мнѣ одинъ священникъ, въ Славскій скитъ прѣзжаютъ солдаты, и офицеръ заявилъ желаніе видѣть Аркадія. „Июки бросились ко владыкѣ и говорили ему: „Владыко святой, владыко святой, хоронись,—еще время не „пропало.“ Аркадій отвѣчалъ: „Богъ васъ благословить, а „мнѣ, значить, пришло время пострадать и, значить, я хорониться не стану.“ Онъ вышелъ, сѣлъ въ бричку, и бричка понеслась.“

Въ Измаилѣ, какъ разказываютъ, обоихъ епископовъ посадили въ *тежную карету* (?) и повезли со священникомъ Θεодоромъ. И попали они въ Спасо-Евфимьевскій монастырь.... Такъ разказывали мнѣ,—не знаю на сколько справедливо,—эту исторію, бывшую, если память мнѣ не измѣняетъ, въ 1854 году.

Гончаръ и Носъ изъ кожи вонъ лѣзли чтобы выручить епископовъ.

Въ Парижскомъ трактатѣ 1856 года значитъ, что воюющія стороны должны размѣняться военноплѣнными. Стало быть, вопросъ состоялъ въ томъ, плѣнные ли эти два епископа и священникъ, или просто взяты какъ бѣглецы. Hôtel Lambert становилась на дыбы изъ-за этой исторіи. Чаѣковскій дѣлалъ все что только человѣкъ можетъ сдѣлать. Гончаръ, который, если беретъ за дѣло, такъ беретъ не на шутку, жизнь свою, кажется, посвятилъ этому вопросу о возвращеніи арестованныхъ епископовъ. У Гончара разговоръ другаго не было кромѣ того что русское правительство обидѣло старообрядцевъ и несправедливо держитъ подъ арестомъ епископовъ. Но никакіе протесты представителей западныхъ державъ не помогали, наше правительство не соглашалось признать епископовъ военноплѣнными и не возвращало ихъ.

Крѣпко бился Гончаръ. Какъ прежде онъ себѣ цѣлью жизни поставилъ создать бѣлокриницкую митрополию, такъ теперь всѣ домыслы направилъ къ тому чтобы выручить епископовъ.

Въ одно прекрасное утро, этотъ полуграмотный человѣкъ, то что у насъ называется мужикъ, сѣлъ въ Царьградъ на

пароходъ, прѣхалъ въ Марсель и изъ Марсели по желѣзной дорогѣ въ Парижъ. Онъ явился къ графу Замойскому, который живетъ въ самомъ зданіи Hôtel Lambert, передалъ ему письмо отъ Иордана и разъяснилъ ему въ чемъ дѣло.

Въ то время (въ 1862 г.) французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ Тувенель. Добиться аудіенціи Тувенеля, какъ вообще удостоиться аудіенціи Француза, занимающаго высокое официальное положеніе, не легко. Французскій генеральный консулъ въ Каирѣ прѣхалъ въ Парижъ по дѣламъ, и по дѣламъ чисто французскимъ, въ одно время съ Гончаромъ и что-то мѣсяца четыре не могъ удостоиться видѣть министра. Гончаръ представлялся ему что-то черезъ недѣлю по прѣздѣ въ Парижъ.

Разказывалось, — разказъ этотъ повторенъ былъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, — что Гончаръ представлялся самому императору Наполеону. Это неправда. Я знаю о пребываніи Гончара въ Парижѣ изъ вѣрнаго источника; во первыхъ, отъ Косиловскаго, субъ-инспектора польской школы въ Батиньболѣ, и потомъ отъ самого Гончара. Гончаръ прѣхалъ въ Парижъ въ своемъ старинномъ некрасовскомъ костюмѣ, то-есть въ расшивной рубахѣ, не съ косымъ воротомъ, — съ косымъ воротомъ Некрасовцы не носятъ, — а съ прямымъ, въ казаккомъ чекменѣ, въ русскихъ портахъ и въ турецкихъ башмакахъ. Когда онъ явился къ Замойскому, Замойскій устроилъ ему аудіенцію у Тувенеля; но такъ какъ Гончаръ, само-собою разумѣется, по-французски не знаетъ,* то съ нимъ и былъ препровожденъ полковникъ Косиловскій, бывшій офицеръ русской службы, знающій по-русски очень хорошо. Полковникомъ онъ сдѣлался въ Венгерскую кампанію.

„Мое положеніе, разказывалъ онъ мнѣ, было одно изъ самыхъ комичныхъ, когда прѣхалъ Гончаръ. Разгуливать по Парижу и разѣзжать въ фіакрахъ съ такою странною

* Да и по-русски Гончаръ говорить плохо, какимъ-то страшнымъ языкомъ. Такъ, онъ не можетъ сказать *наша*, а говоритъ *апаша*. Онъ отъ роду не могъ произнести *Фуадъ-наша*, а называлъ его *Ухватъ-наша*. Снядецкая разказывала мнѣ что она много хохотала надъ этимъ именемъ и все исправляла Гончара, но онъ оказался на этотъ счетъ неисправимъ и говорилъ то *Буадъ-наша*, то *Хуатъ-наша*.

личностью, какъ хотите, довольно смѣшно. И замѣтите, что Гончаръ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на всѣ эти удобства западной жизни которыя тутъ въ первый разъ увидѣлъ. Парижъ какъ Парижъ для него не существовалъ, ему нужно было добиться своихъ епископовъ. Мы пріѣхали къ Тувенелю, пошли въ его кабинетъ, и только что я началъ открывать дверь, вдругъ Гончаръ меня задергалъ за плечо. „Что такое?“ спросилъ я его. „Палучи (калоши) снять забылъ.“ Мы вошли. Гончаръ расклаивался. Тувенель просилъ насъ садиться. Я переводилъ. Гончаръ явился съ Парижскимъ трактатомъ и, не зная по-французски, тыкалъ пальцемъ въ тотъ параграфъ въ которомъ говорилось о выдачѣ пѣн-ныхъ. Тувенель улыбался, разумѣется, ласково и милостиво, и говорилъ что французское правительство сдѣлаетъ все что можно, и что оно вытребуетъ у Русскихъ выдачи этихъ епископовъ. Гончаръ былъ очень доволенъ. Затѣмъ Тувенель спросилъ меня кто я такой. Я разказалъ что я Полякъ-эмигрантъ. Послѣ того спросилъ меня что это за Некрасовцы и гдѣ они живутъ. Я ему показалъ на картѣ гдѣ водятся Гончары. Тувенель спрашивалъ Гончара чрезъ меня объ ихъ вѣрѣ, объ ихъ обычаяхъ, и наконецъ спросилъ знаютъ ли они объ императорѣ? Я исправлялъ должность переводчика, стало-быть вопросъ долженъ былъ передать по принадлежности. „Передайте его превосходительству что народъ у насъ глупый, но тихій и смирный; Сарыкѣйцы, вотъ тѣ такъ буяны и раздорники, и церкви не признаютъ. А что про императора, про его-то величество, такъ вотъ у насъ обычай есть въ уголку образа держать, такъ почитай что ни одной хаты не найдется гдѣ бы подлѣ угодниковъ святыхъ портрета императора не было.“

Въ послѣдствіи я, когда познакомился съ Гончаромъ, спрашивалъ его, дѣйствительно ли онъ такую штуку сморозилъ?

— Да что жь, отвѣчалъ онъ мнѣ,—ну и пускай, надо же людей потѣшить. Мнѣ главное дѣло объ епископахъ, ну и надобно же потѣшить. Иному, Василій Ивановичъ, голову сахару принесешь, съ другимъ простымъ угощеньемъ отдѣлаешься, а тутъ вѣдь это—большой министр!

Вотъ вамъ старинный русскій человѣкъ!...

Я пріѣхалъ въ Парижъ мѣсяца черезъ два послѣ того какъ былъ Гончаръ. Гончаръ былъ въ Парижѣ приблизительно

въ іюль, а я пріѣхалъ въ сентябрѣ и почти что проживалъ у полковника Косиловскаго. Въ ноябрѣ или декабрѣ того же 1862 г., когда я уже былъ въ Царѣградѣ, входятъ ко мнѣ три мужика, или, какъ тамъ выражаются, три казака. Впереди идетъ невысокій человѣкъ легкою походкой, — тою походкой которая теперь исчезаетъ и которая только у очень старыхъ мѣщанъ и старыхъ купцовъ водится, будто не на ноги ступаетъ, а на пружины, — и говоритъ: слышали, что вотъ російскій человѣкъ живетъ здѣсь, въ Царѣградѣ, и что очень бы рады были познакомиться. Черты лица показались мнѣ знакомыми; я припомнилъ что у Косиловскаго видѣлъ я портретъ Гончара. Разумѣется, гостей я усадилъ и всякія обряды гостепріимства соблюлъ. А обряды гостепріимства состоятъ въ томъ что я послалъ сейчасъ же, не спрашивая именъ моихъ гостей, за фруктами, легкимъ виномъ и чашками густаго и крѣпкаго турецкаго кофе. Въ то время я искалъ обліженія со старообрядцами, и вотъ — старообрядцы пришли ко мнѣ сами! Мы усѣлись на неизбѣжную вещь въ Турціи — на софу. Рыжій старикъ съ легкою походкой все въ меня всматривался и все улыбался.

— Изъ далекихъ сторонъ вы пріѣхали! проговорилъ онъ.

— Да, говорилъ я, — не изъ близкихъ.

— Весело, продолжалъ онъ, — съ русскимъ человѣкомъ по-толковать. Узналъ что русскій человѣкъ, такъ вотъ сію секундочку душа у меня взыграла. Разные языки небось знаете?

— Знаю разные, Осипъ Семеновичъ, отвѣчалъ я ему.

Старикъ, сидѣвшій подлѣ меня, отшатнулся.

— А меня почему знаете?

— Стыдно на свѣтѣ жить и разными дѣлами руководить, а Осипа Семеновича Гончара знать!

— Вотъ-те и поди! Одно слово, про Гончара на весь свѣтъ слава ходитъ. Чтò это такое? Всѣ цари меня знаютъ, всякіе меня министры знаютъ, *всѣ апашы* меня знаютъ.

И тутъ лицо его приняло какое-то даже грустное выраженіе.

— Вѣдь вотъ чтò жь, Василій Ивановичъ, чтò жь я такое? Мужикъ просто, неученый. Ну совсѣмъ ничего — а всѣ меня знаютъ. Какъ вы меня знаете?

— У Косиловскаго въ Парижѣ портретъ вашъ видѣлъ и поклонъ вамъ отъ него привезъ. Я даже нарочно хотѣлъ

прѣхать къ вамъ въ Журиловку, куда вы бѣжали изъ Сары-Кѣя.

— И вотъ всё-то меня знаютъ! Гончаръ, Гончаръ, — простой мужикъ! и всё-то меня знаютъ.

— Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Какъ у человѣка мозгъ въ головѣ водится, такъ онъ никуда не скроется.

— Правда, охъ! правда, правда. Всѣхъ видѣлъ я, со всѣми это я разговаривалъ. Вѣдь вотъ что со мною было. Чрезъ этотъ самый Босфоръ переѣзжаю я это: на каикъ сѣлъ, взялъ, вотъ какъ теперь помню, за три лева (піастра). Переѣзжаю на тотъ берегъ. Каикчи былъ пьянъ что ли, или такъ былъ пустой человѣкъ, только онъ подъ пароходъ прямо попалъ. Какъ попалъ подъ пароходъ, такъ нашъ каикъ и перерѣзало. Слышу, Турки кричатъ: „спасайте! спасайте!“ Ну, я рыбальствомъ занимался много, по морю ходилъ и, знаешь, Василій Ивановичъ, на простой лодчнкѣ, вотъ на вашей, на рыбальской, вѣжалъ оттуда, съ Дуная, въ Смирну. Кричатъ: „спасайте! спасайте!“ Ну чего жь тутъ спасать? Пароходъ остановился; колеса, знаешь это какъ у парохода бывають, хлопать перестали; прицѣпился, вышелъ, спрашиваю по-турецки что мнѣ дѣлать, а мнѣ говорятъ: „это султанъ ѣдетъ!“ Ну вотъ съ той поры султанъ про меня и знаетъ. Я вамъ говорю, Василій Ивановичъ, одно слово—всѣ про меня знаютъ и вотъ все не съ простыми людьми знаюсь. Вотъ теперь къ вамъ пришелъ—тоже не простой человѣкъ. Все люди важные, тѣ что міромъ ворочають. Пріятно мнѣ было познакомиться съ вами.

Для меня было важно познакомиться съ Гончаромъ. Я видѣлъ что это человѣкъ хотя и въ высшей степени хвастливый, но который въ нашихъ лондонскихъ дѣлахъ могъ быть весьма полезенъ. Я сначала къ нему присматривался и узнавалъ между прочимъ характеристическую черту, что онъ отъ роду, какъ себя помнитъ, ни одного сна не видѣлъ. Затѣмъ я началъ излагать ему все наше ученіе, проповѣдовавшееся въ *Колоколѣ*. Говорилъ я ему о федераціи, говорилъ я ему о республикѣ въ Россіи, говорилъ я ему о правахъ женщины—словомъ, говорилъ о всемъ о чемъ мы толковали. Гончаръ на все соглашался и на все поддакивалъ. Гончаръ поддакивалъ польскому повстанію! Гончаръ Гарибальди сочувствовал!

Гончаръ наконецъ зачисталъ прѣзжать въ Царьградъ за товаромъ и все ближе и ближе сходилъ со мною. Мнѣ все

казалось что вотъ таки добился я до своего идеала сближенія съ народомъ, а ужъ Гончаръ-то человѣкъ положительно изъ народа, агитаторъ въ своемъ кругу и человѣкъ бывалый, бывалый до такой степени что разъ, по его разказамъ, его въ Диванъ призывали, въ присутствіи самого султана, сказать какъ расположены нѣкоторыя мѣста, на случай вступленія нашихъ войскъ. Это было предъ Крымскою войной. Наконецъ Гончаръ такой человѣкъ который все-таки не со-всѣмъ на печи лежитъ, а сумѣлъ изъ пастуха сдѣлаться атаманомъ Некрасовцевъ, побывать несчетное число разъ въ Царѣградѣ, и въ самомъ дѣлѣ сошелся со всякими апашами.

И Гончаръ между тѣмъ дѣлалъ все возможное чтобы сойтись со мною. Я въ нашей революціонной дѣятельности былъ человѣкомъ подчиненнымъ, какъ по личнымъ привязанностямъ, такъ и потому что мнѣ не хотѣлось разрывать нашего дѣла. Можетъ-быть, когда-нибудь явятся въ свѣтъ, если они цѣлы, мои письма въ Лондонъ, которыя теперь я не знаю гдѣ находятся. Я подчинялся добровольно: нужно было быть кому-нибудь вождемъ, а время было горячее. О своемъ самолюбіи хлопотать, какъ Поляки, было бы безтолково. Поэтому всю свою дѣятельность я свелъ на то что рапорты въ Лондонъ писалъ.

Сдѣлавъ связь такую важную, какъ мнѣ казалось, я первымъ дѣломъ сталъ настаивать у Гончара чтобъ онъ въ Лондонѣ побывалъ. Гончаръ долго думалъ объ этомъ, все будто отпѣкивался, пріѣхалъ опять въ Царѣградъ, и наконецъ объявилъ что онъ въ Лондонъ ѣдетъ. Онъ въ это время все распространялъ свои торговые обороты и нашелъ что какой-то товаръ выгоднѣе закупать въ Марсели чѣмъ въ Царѣградѣ, такъ что его политическая дѣятельность связывалась съ его торговыми оборотами, а торговые обороты его сводились и сводятся не болѣе какъ на три мелочныя лавки: одну въ Славъ, другую въ Журиловкѣ, третью въ Сары-кѣв, и если у него и есть капиталъ тысячь въ десять, то во всякомъ случаѣ не больше.

Мы простились съ Гончаромъ. Я проводилъ его на пароходъ, и Гончаръ сказалъ что онъ, побывавъ въ Марсели, прѣдетъ въ Парижъ, а можетъ-быть и въ Лондонъ.

И былъ онъ въ Лондонѣ, обѣдалъ у Герцена. Покойный князь Петръ Долгоруковъ особенно ему понравился. Всѣ кого видѣлъ Гончаръ въ Лондонѣ, толковали ему о необходимости

поднять въ Россіи движеніе, о неизбежности реформъ, о польскомъ вопросѣ. Гончаръ замѣчалъ что онъ самъ родился гдѣ-то въ Могилевской Губерніи, на землѣ князя Черторыйскаго, и что Полякамъ онъ много обязанъ. Ему растолковывали наши принципы, онъ сказалъ наизусть свое стихотвореніе виршами, въ которомъ храбрился предъ русскимъ правительствомъ и предъ покойнымъ государемъ довольно не складно и даже не остроумно. Князь Долгоруковъ больше всего заинтересовалъ его, во первыхъ, потому что онъ былъ князь, а во вторыхъ, потому что онъ, при своихъ аристократическихъ связяхъ, казался Гончару, могъ подвинуть вопросъ о двухъ пропавшихъ епископахъ. О Герценѣ и объ Огаревѣ Гончаръ отзывался хорошо. Но ему, какъ всякому старообрядцу, который вступаетъ въ союзъ съ политическими дѣятелями, ни одинъ политическій вопросъ не дорогъ, а дороги просто-на-просто свои домашнія церковныя дѣла.

В. КЕЛЬСІЕВЪ.

ГРИБНОЙ ДОЖДЬ И ЛИВЕНЬ

РАЗКАЗЪ.

Въ Сокольникахъ, въ одномъ изъ переулковъ близъ заставы, направо отъ шоссе, изъ воротъ богатой и роскошной дачи выходила молодая, красивая дѣвушка. Ее провожали нѣсколько молодыхъ подругъ.

Было три часа, и дѣло было въ июль мѣсяцъ. Жара стояла ужасная. День былъ знойный. Выхода изъ воротъ, молодая дѣвушка раскрыла свой маленькій бѣленькій зонтикъ, подбитый зеленымъ шелкомъ.

— Погодите, Ольга, не ходите, говорила ей одна изъ провожавшихъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Оля, пережди, говорила другая, — посмотри какая туча идетъ отъ Москвы! Сейчасъ пойдетъ дождь, и ты не успѣешь дойти домой.

Всѣ повернули головы къ сторонѣ Москвы. Дѣйствительно, отъ города подходила темная туча, закутанная въ небольшія облачка дымчатаго цвѣта.

— Ничего, сказала Ольга, — я успѣю добѣжать домой; а то маманъ будетъ беспокоиться; туча еще далеко. Прощайте, до свиданья, до вечера на кругу.

— Прощай, ступай скорѣе, душка моя, сказала третья изъ провожавшихъ и поцѣловала Ольгу.

Молодая дѣвушка простилась со всѣми и пустилась скорыми шагами къ роцѣ.

Туча отъ Москвы надвигалась, и надвигалась прямо къ Сокольникамъ, скорѣ чѣмъ молодая дѣвушка предполагала.

Подобравъ спереди лѣвою рукой свое легонькое бѣлое платье, а правую загнувъ зонтикъ совершенно за голову, она спѣшила въ рощу. Дойдя до вала, она взбѣжала на мостикъ и поворотила направо. Она шла скорыми шагами, почти бѣжала; оставалось уже немного до поворота на Пеликановскія дачи, какъ на шоссе показалась небольшая пыль. Пронесясь нѣсколько аршинъ, эта пыль какъ бы остановилась, покружилась на мѣстѣ, потомъ вдругъ поднялась столбомъ къ верху, высоко, высоко; затѣмъ вдругъ этотъ столбъ рванулся и сильно понесся далѣе, къ Ширяеву полю. За нимъ полетѣлъ, какъ бы въ догонку, другой, третій и еще нѣсколько. Подулъ вѣтеръ, зашевелились и погнулись деревья. Летѣвшіе въ догонку столбы пыли, наконецъ, нагнали первый у оранжереи Омина, столкнулись всѣ и въ разсыпную понеслись по Ширяеву полю и на шестую просѣку.

Попелъ маленькій дождь. Подталкиваемая попутнымъ вѣтромъ, молодая дѣвушка шла скоро и легко. Поровнявшись съ садомъ Оминыхъ, она перебѣжала шоссе. Маленькій отставшій столбикъ пыли ударился объ нее, но тотчасъ же, не преслѣдуя, разлетѣлся въ стороны и, смоченный дождемъ, улегся опять на землю.

У оранжереи стоялъ садовникъ.

— Барышня, не угодно ли зайти отъ дождя? сказалъ онъ.

— Нѣтъ, благодарю, я добѣгу домой. И въ доказательство она пошла еще скорѣе.

Частый, мелкій, неправильный дождь сталъ падать сильнѣе.

— Зайдите, госпожа, не добѣжите.

— Ничего, вѣдь это грибной дождь, онъ скоро пройдетъ.

Она повернула налѣво и пошла по направленію къ церкви. Блеснула молнія. Ударилъ громъ. Дождь усилился. Молодая дѣвушка побѣжала. Вѣтеръ рванулъ такъ сильно что она чуть не упала. Опять блеснула молнія, но уже вмѣстѣ съ сильнымъ ударомъ грома, раскатившимся по всему небу. Дождь полилъ крупными, сильными каплями. Молодая дѣвушка продолжала бѣжать, но уже въ изнеможеніи; она чуть не падала. Маленькій зонтикъ едва защищалъ ея голову отъ дождя. Платье въ одно мгновеніе было уже все мокро. Вдругъ новый порывъ вѣтра, вмѣстѣ съ молніей и сильнымъ проливнымъ дождемъ, вырвалъ изъ ея рукъ маленькій зонтикъ,

единственную защиту, и понесъ его въ поле. Молодая дѣвушка на секунду остановилась, схватила платье обѣими руками, опрометью бросилась налѣво къ церкви, перескочила барьеръ, попала въ лужу, подбѣжала къ церкви, вскочила на паперть и тутъ же упала.

Съ самаго начала дождя, молодой человѣкъ, высокаго роста, въ коричневомъ пальто, въ сѣрой, почти бѣлой шляпѣ и панталонахъ того же цвѣта, стоялъ на паперти церкви, въ свою очередь ожидая окончанія дождя. Онъ видѣлъ бѣгство молодой дѣвушки, видѣлъ ея взмоchenное легонькое платье, видѣлъ, наконецъ, жестокое обращеніе съ нею вѣтра и бросился бѣжать за унесеннымъ зонтикомъ. Поймавъ его уже въ полѣ, онъ бѣгомъ воротился къ церкви. Дождь лилъ какъ изъ ведра, громъ не переставалъ гудѣть. Стало темно какъ въ сумерки. По временамъ молнія ослѣпляла глаза. Кто-то проскакалъ по шоссе въ карьеръ.

Молодая дѣвушка сидѣла на паперти, едва переводила духъ и дрожала.

— Вотъ вашъ зонтикъ, сказалъ молодой человѣкъ, подавая ей зонтикъ. — Но что съ вами?

Хлынулъ ливень.

— Что съ вами, сударыня? повторилъ молодой человѣкъ и нагнулся къ ней.

— Благодарю васъ. У меня лихорадка, я едва могу говорить, я такъ устала.

Она была блѣдна и едва говорила.

— Васъ мочить дождь. Ради Бога позвольте мнѣ предложить вамъ мое пальто, оно уже, правда, мокро, но можетъ быть, хоть сколько-нибудь защититъ васъ отъ дождя.

Молодая дѣвушка не отвѣчала. Она часто дышала.

Онъ снялъ свое пальто, накинулъ его ей на плечи и сталъ бесполезно суетиться около.

Громъ гремѣлъ, и дождь безжалостно лилъ и мочилъ все. Паперть, трава, шоссе, все стало одна вода и грязь.

— Пожалуста, достаньте мнѣ хоть что-нибудь, заговорила молодая дѣвушка, — хоть какое-нибудь средство добраться домой.

— Но что же достать? Не видать ни одного экипажа, ни одного извозчика.

Молодой человѣкъ засуетился опять.

— Это ужасно! А дойти теперь домой нѣтъ никакой возможности, сказала она.

— Конечно, невозможно. А вамъ далеко?

— На тотъ конецъ новой просѣвки.

— Если вы не боитесь остаться здѣсь однѣ, я побѣгу отыскивать какой-нибудь экипажъ.

И молодой человѣкъ бросился съ паперти.

— Но какъ же... сказала она, васъ самихъ ужасно смочить дождь, и вы ничего, вѣроятно, не найдете. Нѣтъ, я не могу объ этомъ просить васъ. Это ужасно! какъ силенъ дождь!

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ донести васъ до дому.

— Это невозможно.

Она улыбнулась.

— Такъ пойдемте, я какъ-нибудь помогу вамъ дойти домой или до первой дачи, и вы взойдете туда.

— Въ этомъ видѣ? Я не могу рѣшиться.

— Но вѣдь вамъ невозможно оставаться здѣсь; дождь не перестаетъ и неизвѣстно когда окончится, а вы притомъ такъ одѣты.

— Да теперь ужъ все равно, меня такъ измочило что нѣтъ сухой нитки.

— Если все равно, то рѣшитесь пойти. Дайте мнѣ вашу руку, дойдемте хоть въ рощу, до навѣса подъ которымъ танцуютъ. Здѣсь можно къ нему прямо пройти.

— Но я такъ устала.

— Чтò же дѣлать, надо идти. Я васъ прошу, рѣшитесь идти, потому что вамъ невозможно оставаться здѣсь подъ дождемъ.

Молодая дѣвушка рѣшилась идти. Она поднялась, онъ взялъ ее подъ руку, и они пошли по водѣ яко по суху.

Дождь нещадно лилъ и мочилъ ихъ. Громъ продолжалъ гремѣть. Они вышли на шоссе и пошли вочти бѣгомъ.

— Пойдемте скорѣй... и еще скорѣй, сказалъ онъ, — если это вамъ возможно. Перейдемте въ рощу и спрячемтесь подъ навѣсомъ, онъ тутъ недалеко. Вотъ все чтò намъ остается дѣлать.

— Но какъ же... начала было она.

— Я прошу васъ не прекословить. Подумайте что, можетъ-быть, васъ ожидаетъ послѣ всего этого простуда, а можетъ, даже и серьезная болѣзнь.

— Я не боюсь болѣзни, отвѣчала она.

Они подошли къ канавѣ предъ рощей.

— Но какъ я здѣсь перейду? Ровъ полонъ воды.

— Я перенесу васъ.

— Нѣтъ, этого нѣльзя.

Она выдернула свою руку.

— Но иначе вамъ перейти нѣльзя; ровъ такъ широкъ что вамъ и перепрыгнуть нѣтъ никакой возможности.

— Я постараюсь, я попробую.

— Я какъ вижу, вы такъ уже привыкли къ дождю что, должно-быть, не замѣчаете его. Вѣдь онъ льетъ покуда мы разсуждаемъ.

— Я рѣшилась. Я перепрыгну.

Она сдѣлала движеніе. Онъ бросился къ ней.

— Нѣтъ, этого нѣльзя, вы можете упасть. Вы уже и такъ промочили ноги.

Съ этими словами онъ обхватилъ молодую дѣвушку руками и подъялъ ее. Она крикнула, но было поздно: онъ былъ уже во рву и по колѣно въ водѣ. Сильными ногами онъ вышелъ изъ него, поднялся на валъ и вошелъ въ роуцу.

— Теперь держитесь и не падайте, проговорилъ онъ, и держа ее на рукахъ, пустился бѣжать.

— Боже мой! Чтò вы дѣлаете! Пустите меня! кричала она. Онъ держалъ ее крѣпко и бѣжалъ. Она схватила себя руками за лицо, а потомъ опустила голову къ нему на плечо.

Онъ бѣжалъ. Дождь, сучья били ихъ по лицу. Не прошло двухъ минутъ, онъ подбѣжалъ къ навѣсу, внесъ ее туда и посадилъ на скамейку.

— Вотъ и все, сказалъ онъ. — Какъ видите, не стоило объ этомъ говорить.

— Благодарю васъ, но все-таки, какое вы имѣли право?... Я не позволяла вамъ этого... Я не хотѣла.

Она сконфузилась и отвернулась отъ него.

— Простите меня, но какъ же былъ поступить иначе?

Они замолчали.

— По крайней мѣрѣ, сказала она, — скажите мнѣ, кто вы?

— Зачѣмъ вамъ это?

— Затѣмъ что татап и рара захотятъ благодарить васъ за вашу любезность, за.....

— Это рѣшительно не нужно. Позвольте мнѣ не называть себя.

Она все еще не поворачивала къ нему своей хорошенькой головки и утирала съ лица капли дождя.

— Я исполнилъ только первую часть своей обязанности, теперь долженъ исполнить вторую: иду искать вамъ экипажъ.

— Не ходите, не нужно; я вижу, дождь не намѣренъ перестать, а для меня вы измочитесь еще болѣе. Не ходите, пожалуйста, я рѣшаюсь добѣжать домой; отсюда, я думаю, уже не далеко. Съ этимъ дождемъ я совершенно забыла мѣстность.

— Чья ваша дача?

— Это наша дача, она... съ конца.

— Такъ это дѣйствительно уже не далеко. Но извините меня, я не могу позволить вамъ идти пѣшкомъ. Вы должны согласиться на то чтобъ я васъ опять донесу.

— Но, Боже мой, это рѣшительно невозможно.

— Какъ невозможно? Что это возможно, это уже доказано. И посмотрите, можно ли вамъ идти? Вѣдь земли уже не видно—одна вода. Что скажутъ ваши татаи и рара если я васъ пусти теперь! Они уже навѣрное не будутъ благодарить меня.

— Но я все-таки не могу согласиться, сказала она.

— И я не могу согласиться, отвѣтилъ онъ.

Они опять немного помолчали.

— Позвольте же мнѣ все-таки узнать ваше имя? проговорила она.

— Позвольте мнѣ его не говорить.

— Но отчего же?

— Оттого что я еще не стою благодарности вашихъ родителей, вы еще не дома. А что они теперь думаютъ о васъ? прибавилъ онъ.

Дождь пошелъ еще сильнѣе. Громъ уже не гремѣлъ, но все небо обложилось тучей.

— Боже мой! но что же мнѣ дѣлать? сказала отчаянно молодая дѣвушка, и поспѣшно встала.

— Согласиться на мое предложеніе, это теперь для васъ единственный исходъ.

Она улыбнулась на это.

— Я могу согласиться на ваше предложеніе, но только съ условіемъ: вы должны сказать мнѣ свое имя.

— Я скажу его когда донесу васъ домой. Согласны?

Молодая дѣвушка не отвѣчала и нагнула свою голову.

Онъ поднялъ ее опять на руки и вышелъ изъ-подъ навѣса. Дождь опять мочилъ имъ лицо, руки, платье.

Онъ пробѣжалъ рощу и вышелъ на шоссе.

— Скажите когда будетъ ваша дача.

— Вотъ налѣво, большая. Я не знаю какъ благодарить васъ, прибавила она, и подвинула свою руку къ его губамъ, какъ бы поправляя зонтикъ. Онъ поцѣловалъ руку.

— Скажите же кто вы?

— Сегодня не могу, отвѣчалъ онъ, и поворотивъ налѣво на дворъ, вбѣжалъ на крыльцо и опустилъ ее тамъ.

— Но вы обѣщали! вы должны сказать, вы должны, наконецъ, войти къ намъ. Посмотрите какой дождь!

— Въ этомъ видѣ? Я не могу рѣшиться. Прощайте.

— Но куда же вы?...

Онъ убѣжалъ, а дождь пошелъ еще сильнѣе и чаще.

Дверь на крыльцѣ отворилась, но молодая дѣвушка не вошла; она продолжала смотрѣть въ ворота, за которыми скрылась молодой человекъ.

— Пожалуйте же скорѣй, барышня.... да какъ вы взмокли! сказалъ нараспѣвъ лакей, поглядывая на нее большими, удивленными глазами.

Молодая дѣвушка послѣшно вбѣжала по ступенькамъ въ переднюю. Въ дверяхъ ее встрѣтила мать.

— Помилуй, Оля! воскликнула та встревоженнымъ голосомъ. — Чтò ты дѣлаешь? Можно ли было идти въ этакій ливень? Долго ли простудиться, посмотри на себя какъ ты взмокла!

Молодая дѣвушка ничего не отвѣчала. Слегка нагнувшись, она проворно поцѣловала мать въ щеку и, захвативъ одною рукой обвисшее мокрое платье, повернулась и скоро пошла. Мать послѣдовала за нею.

— Посмотри, да на тебѣ сухой нитки нѣтъ! Да какъ ты только добралась домой?

Онъ вошли въ комнату молодой дѣвушки. Началось передѣванье. Прибѣжали младшая сестра и братъ Ольги.

— Да гдѣ тебя засталъ дождь? продолжала допрашивать мать. — И зачѣмъ было идти! Оставалась бы тамъ.

Лицо матери выражало беспокойство и заботу. Молодая дѣвушка подробно разказала исторію своего путешествія и мать развеселилась немного.

— Вотъ благодѣтель! Спасибо ему, проговорила она. — Да кто жь это такой?

— Не знаю.

— Да неужели же ты его никогда не видала?

— Рѣшительно нигдѣ и никогда.

— Странно... серьёзно и протяжно произнесла мать.— Да не Прегубовъ ли это былъ?

— Ахъ, папан! Какой Прегубовъ! развѣ я его не знаю?

— Ну, если это былъ не Прегубовъ, то вѣрно Писаревъ: онъ такой сильный.

— Чтѣ ты, папан! Вѣдь я и его знаю. Я тебѣ говорю: совершенно незнакомый человѣкъ, котораго я никогда не видала.

— Ну, такъ я ужъ не знаю кто это былъ, рѣшительно и серьёзно сказала мать.

Дочери разсмѣялись.

За обѣдомъ приключеніе путешествія было передано такъ же подробно отцу и прочимъ членамъ семьи.

Къ вечеру дождь прошелъ; тучи разсмѣялись; погода разгулялась совсѣмъ. Заходившее солнце лѣниво спускалось за верхушки сосенъ многолѣтней Сокольничьей рощи. Зной спалъ; воздухъ освѣжился; листья ожили, но земля была еще сыра, и вода стояла въ канавахъ. Дачники надѣли калоши и, принявъ разныя другія предосторожности, высыпали изъ своихъ жилищъ. Тамъ и сямъ засновали гуляющіе, направляясь къ музыкѣ, и знаменитый сокольничій кругъ скоро наполнился и запестрѣлъ самою разнообразною толпой, двигавшеюся около бесѣдки гдѣ помѣщаются музыканты.

Промокшая утромъ Оля, наученная недавнимъ опытомъ, надѣла на себя сѣренъкое драповое пальто. Она уже сотый разъ дѣлала кругъ около бесѣдки, взявшись подъ руки со своими пріятельницами, которымъ успѣла разказать подробности своего возвращенія отъ нихъ.

Молодые дѣвушки не ходили, а просто бѣгали по кругу, иногда съ трудомъ пробираясь между вереницей двигавшихся группъ. Онѣ видимо искали кого-то, — такъ озабоченно смотрѣли онѣ.

— Нѣтъ, Оля, должно-быть, его нѣтъ здѣсь, проговорила наконецъ одна изъ пріятельницъ, вытягивая шею и стараясь рассмотреть кого-то. — Можетъ, это былъ какой-нибудь пріѣзжій, такъ неудачно избравшій время для своей прогулки!

Оля не отвѣчала и не слушала. Таща за руки своихъ подругъ, она быстро подвигалась впередъ, какъ будто догоняла кого-то, съ силой расталкивая каждую встрѣчную пару. Ея хорошенькая головка ежесекундно поворачивалась во всѣ

стороны; еще скорѣй бѣгали ея глаза, смѣдя то за тѣмъ, то за другимъ встрѣтившимся. Она искала молодого человѣка провожавшаго ее утромъ, но его не было.

Изрѣзавъ по всѣмъ направленіямъ площадку круга, онѣ отправились на „старое гулянье“, къ вокзалу. Тамъ кто сидѣлъ на скамейкахъ, кто ходилъ. Самоварщицы приставали ко всѣмъ съ чаемъ; шарманка разбитыми звуками обѣщала поѣздку „на тотъ погибельный Кавказъ“; у безпроигрышной лотереи толпилось очень много, а утренняго провожатаго Оли и тамъ нигдѣ не было.

Проискавъ безуспѣшно цѣлый вечеръ, Оля возвратилась домой и закончила свой день въ какомъ-то раздраженномъ, нервномъ состояніи.

Съ этого вечера спокойствіе покинуло молодую дѣвушку. На другой день поиски возобновились, но съ равнымъ успѣхомъ: молодого человѣка нигдѣ не было видно. Чѣмъ болѣе шло время, чѣмъ невозможнѣе казалась встрѣча, тѣмъ сильнѣе желалась она. Молодого человѣка искали въ Сокольникахъ и въ роцѣ, и на кругу; предполагали встрѣчу съ нимъ въ городѣ на улицахъ; ожидали встрѣтить на гуляньяхъ Петровскаго парка и въ сосѣднемъ селѣ Богородскомъ, куда часто стали ѣздить.

Оля признавалась подругамъ что желаніе встрѣтить молодого человѣка уже перешло въ какое-то томительное, почти неопредѣленное состояніе, что мысли объ исчезнувшемъ молодомъ человѣкѣ занимаютъ ее цѣлые дни, что воспоминанія о ливнѣ и приключеніи не покидаютъ ея головы ни на минуту. Подруги усердно помогали ей; справлялись, узнавали, часто сопровождали ее, но все безуспѣшно: молодого человѣка нигдѣ не было видно, нигдѣ не встрѣчали его.

Прошло двѣ недѣли. Оля измѣнилась совершенно: стала скучна, грустна и неузнаваема. Лицо ея очень поблѣднѣло и глаза немного впали. Прежняя веселость ея исчезла, она почти всегда молчала и цѣлые дни бродила по дорожкамъ и улицамъ Сокольниковъ. Отецъ и мать не на шутку задумались надъ этою перемѣной, а подруги и пріятельницы стали чаще навѣщать ее и всѣми силами старались развлекать.

Прошла еще недѣля, и насталъ августъ мѣсяць. Жизнь молодой дѣвушки текла тѣмъ же порядкомъ, только грусть ея стала ровнѣе, и она стала покойнѣе.

А жизнь обитателей Сокольниковъ не измѣнила своего живаго и веселаго характера. Музыка на кругу смѣняла балъ съ Цыганами въ воксалѣ стараго гулянья. Погода все время стояла чудесная, жаркая, почти знойная. Нѣкоторые дачники, въ виду приближавшейся осени, стали чаще ѣздить въ городъ чтобы запастись квартирами.

Въ одно утро Оля, не совсѣмъ еще одѣтая, отворила балконъ на маленькую террасу у своей комнаты. Солнце стояло еще не высоко, но душливый, жаркій воздухъ такъ и ворвался въ комнату. Колоколь маленькой Сокольничьей церкви мѣрными ударами призывалъ дачниковъ къ обѣднѣ.

Въ комнату Оли вошла горничная.

— Барышня! маменька спрашиваетъ пойдете ли къ обѣднѣ?

— Пойду.... Скажи, Дуняша, пожалуста, что я сейчасъ буду готова.

— Слушаю-сь. Маменька уже готовы, прибавила горничная.

— Сейчасъ, сейчасъ, сказала Оля, заспѣшила и засуетилась.

Черезъ четверть часа Оля вышла къ матери совсѣмъ готовая. На ней было легкое бѣлое платьѣ; широкая голубая лента опоясывала ея гибкій станъ. Давно не была она такъ свѣжа, такъ хороша. Отецъ и мать замѣтили ей это. Она грустно улыбнулась въ отвѣтъ.

Съ матерью и въ сопровожденіи маленькаго брата она отправилась пѣшкомъ въ церковь. Перейдя на ту сторону шоссе, противъ своей дачи, они вошли въ рощу; прошли около того навѣса подъ которымъ три недѣли тому назадъ Оля спасалась отъ ливня и подошли къ церкви окруженной экипажами. У паперти стоялъ балдахинъ на катафалкѣ, запряженный четверкой лошадей въ похоронныхъ черныхъ пополахъ. На ступеняхъ паперти сидѣли факельщики.

— Ахъ, татаа! что это такое! Я не пойду въ церковь, проговорила робко Оля, приближаясь къ матери.

— Что ты, Оля! Что за пустяки, моя милая!

— Вѣдь ты знаешь, мама, какъ я не люблю покойниковъ, я даже боюсь ихъ, говорила она дрожащимъ голосомъ и еще больше прижималась къ матери.

— Перестань, мой другъ, успокойся, чего ихъ бояться, всѣ умремъ, всѣ (будемъ покойниками.... Мы станемъ подадѣе, успокойся, прибавила мать, крестясь и входя въ церковь.

Они вошли; церковь была полна. Протискавшись, они стали

налѣво у задней стѣны. Слегка поблѣднѣвшая Оля стала усердно молиться.

Обѣдня была въ самомъ началѣ. По срединѣ церкви, на черной подставкѣ, стоялъ длинный, бѣлый газетовый гробъ, до половины покрытый богатою золотою парчой. Въ гробу лежалъ молодой человекъ, повидимому, умершій отъ изнурительной болѣзни. Небольшая семья родныхъ въ траурѣ окружала гробъ.

Обѣдня кончилась. Священникъ вышелъ съ крестомъ. Оля съ матерью пошли приложиться ко кресту. Нагнувши голову, прошла молодая дѣвушка около покойника, и возвращаясь, отвернулась отъ него и спѣшила пройти мимо. Когда она поравнялась съ гробомъ, одна изъ свѣчей стоявшихъ вокругъ него выпала изъ подсвѣчника и ударилась объ полъ. Всѣ оглянулись.

— Пойдемъ скорѣе отсюда, сказала матери въ торопяхъ встревоженная Оля.

Когда они выходили изъ церкви, накрапывалъ дождь.

— Пойдемъ, мама, скорѣе, я предчувствую что будетъ буря: погляди какая туча.

Въ самомъ дѣлѣ, отъ Москвы надвигалась синяя, темная туча. Они прибавили шагу. Подулъ свѣжій вѣтерокъ, верхушки деревьевъ закачались. Сперва маленькій, а потомъ и большой столбъ пыли пронеслись по шоссе, и передъ самыми дачами новой просѣки, кружась, взвились къверху. Дождь пошелъ крупнѣе. Нѣсколько экипажей пролетѣли по шоссе, всѣ заспѣшили; Оля съ матерью шли уже бѣгомъ. Вѣтеръ подулъ сильнѣе, деревья качались и гнулись, пыль летѣла въ глаза. Оля съ матерью были уже на крыльцѣ своей дачи когда раскатился по окрестностямъ сильный ударъ грома, и дождь полилъ какъ изъ ведра.

Они вошли въ домъ. Вся семья дожидалась ихъ у оконъ.

Оля прошла прямо въ свою комнату, бросилась на постель, уткнула лицо свое въ подушку и зарыдала, а дождь полилъ ливнемъ. Крупныя капли стучали по стекламъ, вѣтеръ рвалъ деревья, крыши, молнія сверкала, и громъ гремѣлъ не переставая. Стемнѣло совсѣмъ.

Былъ ли то нервный припадокъ, или мѣстность, по которой проходила молодая дѣвушка, дождь и вѣтеръ, когда она возвращалась, воскресили въ ея воображеніи картину встрѣчи съ молодымъ незнакомцемъ, — какъ угадать?—но на

душѣ ея сдѣлалось такъ тяжело, такъ невыносимо грустно; ее томило какое-то темное, бессознательное предчувствіе, и слезы хлынули невольно; грусть выплакалась бессознательно.

Узнаетъ ли когда-нибудь Оля что въ гробу лежалъ тотъ самый молодой человекъ котораго она такъ долго и тщетно отыскивала? Простудившись въ день первой встрѣчи, онъ слегъ къ вечеру. На другой день обнаружился тифъ, и въ три недѣли смерть взяла свою жертву.

Два раза въ жизни встрѣтилась Оля съ этимъ незнакомцемъ. Ежели бы судьба свела ихъ,—кто знаетъ?—быть-можетъ, и для него, и для нея развернулась бы тихая, отрадная, счастливая будущность. Но Провидѣнію было угодно иначе: при первой встрѣчѣ она не узнала кто онъ; при послѣдней не узнала что это былъ онъ.

С. ТАНЪЕВЪ.

СЁОГУНЫ И МИКАДО

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ ПО ЯПОНСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Объ Японіи писано въ Европѣ очень много, но все лишь по вѣшнимъ наблюденіямъ, поверхностнымъ распросамъ и догадкамъ. Никто изъ писателей, начиная отъ добросовѣстнаго Кемпфера и плодовитаго Зибольда до Алькока, Линдау, Готцена и легіона имъ подобныхъ, спекулирующихъ въ настоящее время на интересъ, возбужденный Японіей, не былъ въ состояніи заглянуть поглубже въ душу Японца, прослѣдить развитіе и разныя проявленія его духа. Необыкновенныя трудности японскаго языка, при изученіи котораго только мимоходомъ, какъ средство, долженъ быть изученъ китайскій, были главнымъ къ тому препятствіемъ. Оттого Японія до сихъ поръ для Европы terra incognita. У всякаго, при упоминаніи объ Японцѣ, рисуется въ воображеніи, пожалуй, какая-то фигура въ халатѣ, съ косичкой на маковкѣ, смѣшно присѣдающая и хихикающая. Но это ли Японецъ какъ онъ есть? Кто пообщаетъ этой фигурѣ въ близкомъ будущемъ мѣсто въ кругу цивилизованныхъ народовъ? Кому не покажутся загадочными даже эти во очію совершившіеся факты, что Японцы, всего пятнадцать лѣтъ тому назадъ казавшіеся такими же непробудно сонными и неподвижными какъ Китайцы, въ настоящее время имѣютъ уже военный флотъ паровыхъ судовъ, на которомъ ни человѣка

Европейцевъ, имѣють специалистовъ ученыхъ, получившихъ дипломы въ европейскихъ школахъ, механическія заведенія могущія собственными средствами соорудить пароходъ, наконецъ либеральную конституцію съ выборнымъ началомъ въ основаніи? А между тѣмъ эти факты какъ нельзя болѣе естественны, и странно было бы еслибъ ихъ не было. Но чтобы судить такъ, нужно изучить не костюмъ и внѣшніе приемы Японца, а его духъ въ историческомъ развитіи, словомъ, изучить его литературу. Пишущій эти строки, въ продолженіе восьми лѣтъ употребленныхъ на изученіе японскаго языка, довольно коротко ознакомился съ этою литературой и имѣеть намѣреніе, на сколько позволятъ ему его спеціальныя занятія, знакомить съ нею читателей интересующихся Японіей. Настоящій очеркъ, имѣющій цѣлю главнымъ образомъ дать ключъ къ уразумѣнію современной японской революціи, написанъ на основаніи японскихъ исторій: Дайнихонси, Кокусуряку, Иси и Нихонгвайси. Разговоры заимствованы большею частію изъ послѣдней, какъ самой достоверной и притомъ единственной бывшей у меня подъ рукою, когда, вдали отъ Японіи, я писалъ этотъ очеркъ.

Во временахъ Ёритомо, перваго [сёюгуна (1186—1200 по Р. Хр.), династія микадо, царствовавшая съ 660 г. до Р. Хр., давно уже успѣла совершить свою службу Японіи. По общеполитическому закону, ей слѣдовало бы сойти со сцены, уступивъ ее другимъ дѣятелямъ, свѣжимъ и сильнымъ. Но національная религія дѣлала это невозможнымъ: по ея ученію, микадо прямой потомокъ богини солнца, Аматерасуками, отдавшей Японію во владѣніе ни кому другому какъ своему внуку и его потомству. И вотъ исторія находитъ для себя окольные пути. У престола одряхлѣвшей династіи возвышается сначала фамилія Фудзивара, овладѣваетъ всѣми важными должностями въ государствѣ, а къ концу концовъ вводитъ обычай: имѣть на престолѣ микадо или малолѣтнихъ, или такихъ которые завѣдомо неспособны ни къ какой самостоятельной дѣятельности. Этотъ обычай, длившійся больше двухъ вѣковъ, долженъ былъ принести свои горькіе плоды. Нашелся микадо пожелавшій защитить свои права которыя были ему предоставлены, когда онъ былъ

ребенкомъ, но отняты, лишь только онъ сдѣлался совершеннолѣтнимъ. Фудзивара выставили овою креатуру, безталантнаго Госиракава; но въ мѣгѣ и роскоши придворной жизни они и сами уже успѣли изжить свои таланты. Дѣло не обошлось безъ участія болѣе воинственныхъ фамилій Таура и Минамото. Та и другая, славныя своими воинскими подвигами, были до сихъ поръ, однако, въ крайнемъ пренебреженіи у Фудзивара. Усмиривъ бунтующія отдаленныя провинціи и покрытый военною славой, герой, являясь ко двору, если только былъ допускаемъ, занималъ тамъ самое послѣднее мѣсто и подвергался презрѣнію и насмѣшкамъ за незнаніе всѣхъ тонкостей мелочнаго этикета и за недостатокъ образованности, которая измѣрялась, главное, умѣньемъ въ каждую данную минуту сочинить на заданную тему красивый стишокъ. При возстаніи Сютоку, эти фамиліи, въ лицѣ своихъ вождей, приняли сторону Госиракава. Въ самой столицѣ дѣло императоровъ рѣшалось мечомъ. Оно было рѣшено въ пользу Госиракава, благодаря талантамъ Таура Кіёмори и Минамото Йоситомо. Конечно, эти послѣдніе не для Фудзивара лили свою кровь; мечъ на этотъ разъ и при дворѣ оказался пригоднѣе мирныхъ стишковъ, и уже не хотѣлъ уступить имъ отвоеванное первенство. Но два медвѣдя въ берлогѣ не уживаются. Вожди своихъ фамилій, Кіёмори и Йоситомо, оба одинаково талантливые и одинаково властолюбивые, ставъ о плечо другъ съ другомъ, не замедлили начать и между собою борьбу на жизнь и смерть. Кіёмори одержалъ верхъ и истребилъ почти всю фамилію Минамото. Былъ уже совсѣмъ обреченъ на казнь и тринадцатилѣтній Горитомо, сынъ Йоситомо; но, къ счастью, два женскія вліянія неожиданно помогли ему: прекрасная Токива, вдова Йоситомо и новая страсть Кіёмори, заодно съ матерью его, благочестивою и кроткою старушкой, упростили Кіёмори оставить жизнь ребенку и сослать его въ заточеніе. „Львенка выпустили изъ клітки“, сказалъ тогда кто-то при дворѣ и, какъ послѣ оказалось, сказалъ правду. Таура теперь неограниченно властвовали въ Японіи, смѣняли императоровъ по своему произволу, научились даже слагать стишки. Но въ разныхъ уголкахъ тихо и незамѣтно подростали и молодые побѣги срубленнаго подъ корень, но не вырваннаго съ корнемъ дерева Минамото. Вотъ одинъ изъ нихъ кликнулъ кличъ; смѣльчака, конечно, тотчасъ же уничтожили, но его голосъ не

замеръ безслѣдно, а послужилъ для родичей сигналомъ: всѣ они, скрывавшіеся по разнымъ провинціямъ, разомъ подняли свое родовое бѣлое знамя; къ нимъ толпами стеклись многочисленные ветераны, которыхъ нѣкогда это славное знамя водило къ побѣдамъ, и началась кровавая драма. Въ лицѣ Кіёмори, умершаго въ самомъ началѣ борьбы, Таура лишились своего главнаго вождя; никто не нашелся замѣнить его. Ихъ арміи одна за другою были разбиты, и сами они, вмѣстѣ со своимъ микадо, уничтожены. Истребивъ Таура, Минамото начали драться другъ съ другомъ; Іоритомо надъ всѣми одержалъ верхъ и сдѣлался властителемъ Японіи.

Чѣмъ же сталъ при этомъ микадо? Въ сущности тѣмъ же чѣмъ былъ прежде: вѣнчаннымъ рабомъ невѣнчанной власти. Но теперь и по наружности многое измѣнилось. Фудзивара и Таура, похитивъ власть у микадо, не бѣжали казать это всему міру, а скромно становились у подножія престола и дѣлали видъ что они лишь покорные исполнители воли своего повелителя. За то они и были не болѣе какъ временщики. Іоритомо не хотѣлъ этой роли; у него предъ глазами прошли событія, ясно говорившія что не обладаніе особой микадо, а обладаніе арміей можетъ дать прочную власть. И военная диктатура отнынѣ основалась въ Японіи. Камакура, которую Іоритомо избралъ своею резиденціей, стала военнымъ станомъ, управлявшимъ Японіей посредствомъ разсланныхъ повсюду военныхъ офицеровъ. Но отчего Іоритомо прямо не провозгласилъ себя императоромъ? Онъ возсталъ первоначально мстителемъ за свой родъ и достигъ несравненно болѣшихъ результатовъ чѣмъ ожидалъ: чего ему было больше желать? Притомъ же онъ былъ увѣренъ что съ нимъ симпатіи войска и народа, пока онъ не выходилъ изъ должныхъ границъ: но было ли бы то же, еслибъ онъ задѣлъ народныя вѣрованія? А вѣдь микадо въ глазахъ народа потомокъ боговъ. Сѣогунская власть потому и возникла что, въ той или другой формѣ, Японія, уставшая отъ долгихъ неурядицъ, требовала дѣйствительной власти: Іоритомо шелъ такъ далеко какъ простирались народныя требованія.

По смерти Іоритомо, воздвигнутый имъ сѣогунскій престолъ безспорно перешелъ къ его несовершеннолѣтнему сыну. Къ несчастію, Іоритомо, въ видахъ упроченія власти за своимъ прямымъ потомствомъ, безпощадно истребилъ своихъ

ближайшихъ родственниковъ изъ фамилиі Минамото. Сёогунскій престоль, нуждавшійся теперь въ опорѣ по малолѣтству дѣтей Горитомо, сдѣлался игроащемъ вдовы его, Масако, а чрезъ нее ея рода—Хоодзёу, происходившаго отъ Таура. Какъ двойные рабы (императора и сёогуна), Хоодзёу, конечно, не смѣли объявить притязанія на престоль; но тутъ съ сёогунами стало повторяться то же что было съ микадо. Масако со своимъ отцомъ и братомъ играала дѣтми и внуками Горитомо, возводя и низводя ихъ съ престола до тѣхъ поръ пока всѣ они были истреблены. За неимѣніемъ ближайшихъ родственниковъ Горитомо, былъ тогда вызванъ изъ Миако (столицы микадо) одинъ дальній, и, разумѣется, ребенокъ. Удамая Масако продолжала регентствовать и за него, изъ-за занавѣса изрекая приговоры. Всѣ, не исключая военачальниковъ, трусили предъ нею и называли ама-сёогунъ (монахиня-сёогунъ, потому что Масако, согласно господствовавшей тогда модѣ, по смерти мужа не замедлила пойти въ монахиню).

Между тѣмъ микадо, на досугъ отъ дѣлъ правленія, успѣли сообразить въ какое положеніе они попали, и захотѣли возвратить потерянную власть. При Горитомо и его прямыхъ наследникахъ они не смѣли и думать объ этомъ. Но по пресѣченіи его рода, царствовавшій тогда микадо Готоба рѣшился приступить къ дѣлу. Такъ какъ въ его распоряженіи не было никакихъ войскъ, то на первый разъ, чтобъ имѣть съ чѣмъ начать возстаніе, онъ затѣвалъ въ Миако праздникъ и, подъ видомъ военныхъ игръ, созвалъ изъ ближайшихъ мѣстъ нѣсколько военныхъ отрядовъ. Между тѣмъ секретные агенты, съ воззваніями къ вооруженію, разосланы были во всѣ стороны. Одинъ изъ нихъ прибылъ и въ Камакура, но былъ здѣсь узнавъ и схваченъ; вмѣстѣ съ тѣмъ узнаны и дѣйствія Готоба. Масако созвала военачальниковъ и изъ-за занавѣса произнесла имъ рѣчь, въ которой разказала какъ „злые люди стараются оклеветать ее и ея родичей предъ микадо, и какъ микадо, подстрекаемый наговорами, замыслилъ истребить весь родъ Хоодзёу“, и заключила воззваніемъ ко всѣмъ кто помнитъ благодѣянія ея мужа помочь ей противъ „клеветниковъ“. Военачальники единодушно вызвались защищать регентшу. Тогда ея братъ, Іоситоки, въ нѣсколько дней собралъ болѣе 100 тысячъ войска и отправилъ въ столицу, послѣ чего отпустилъ туда

же и посланца Готоба, наказавъ передать микадо отъ его имени слѣдующее: „Слышно что ваше величество любите сраженія; благопочтеннѣйше посылаю къ вамъ моихъ сыновей со 100 тысячною арміею; пусть они подерутся, а ваше величество посмотрите; если еще ваше сердце не удовлетворится, то есть еще 200 тысячъ, съ которыми я самъ приду.“ Готоба, услышавъ это, перетрусилъ и опустилъ руки. Войска Хоодзёу безъ труда разбили защитниковъ его и овладѣли столицей; Готоба малодушно хотѣлъ свалить всю вину на своихъ приближенныхъ, но это не помогло: онъ былъ сосланъ въ заточеніе, вмѣстѣ съ другими виновными своими родственниками.

Съ этихъ поръ микадо надолго потеряли охоту гоняться за властью. Хоодзёу беспрепятственно управляли Японіей въ качествѣ регентовъ, возводя и низводя сёгуновъ по своему произволу. Между ними были люди несомнѣнно талантливые и заслужившіе истинную любовь и добрую память народа. Между прочимъ, ихъ стойкости и мужеству Японія обязана тѣмъ что избѣжала позора подчиненія Монголамъ (въ 1281 году было нашествіе ихъ), тогда какъ микадо совсѣмъ уже готовъ былъ подвергнуть отечество этому позору. Въ самихъ микадо замѣтна еще нѣкоторая жизнь и дѣятельность, но какъ она мелочна! Золотая монета совершенно разбивалась на мѣдныя полупки. Члены фамиліи микадо ссорились между собою за честь посидѣть на престолѣ, сплетничали и клеветали другъ на друга предъ Хоодзёу, и довели, наконецъ, регентовъ до того что послѣдніе безъ церемоніи установили имъ 10-ти-лѣтнюю очередь пользованія титуломъ микадо. Но и Хоодзёу мало-по-малу изнѣжились и выродились, и въ ихъ рукахъ бразды правленія ослабли. Хорошъ былъ составъ правительства въ это время въ Японіи! Микадо по неволѣ безъ власти, сёгунъ по неволѣ безъ власти, регентъ по волѣ безъ власти, заброшенной имъ для забавъ. Не находящая себѣ пріюта у кого слѣдуетъ, власть ютится гдѣ-нибудь у темнаго временщика, который, не имѣя возможности пріютить ее подъ какимъ-нибудь законнымъ предлогомъ, незаконно извлекаетъ изъ нея за то все чтѣ можетъ.

Когда послѣдній изъ регентовъ Хоодзёу, Такатоки (1311—1383), предавался своимъ любимымъ забавамъ: травлѣ собакъ и слушанью пѣсенниковъ, а его приближенный Такасуке, страшный взяточникъ, грабилъ Японію, на император-

скомъ престолѣ сидѣлъ Годайго. Природа, кажется, употребила послѣднія узлы чтобы произвести въ этомъ микадо все къ чему была способна истощившаяся и выродившаяся династія, и чтобы развѣ навсегда заявить что Японіи больше нечего ждать отъ нея. Годайго скорбѣлъ о потерѣ власти; презрѣвъ обычаи, сталъ сходиться съ военными и дѣлать имъ попойки, самъ слушалъ жалобы и судилъ справедливо. Его сынъ, Моріёси, былъ тоже не изъ обыкновенныхъ въ императорскомъ родѣ; его онъ прочилъ на престолъ послѣ себя, чтобы поддержать свои планы возвращенія власти. Такатоки, услышавъ обо всемъ этомъ, велѣлъ схватить микадо и отправить въ ссылку, но Годайго успѣлъ убѣжать и скрыться. Разосланные имъ гонцы тамъ и сямъ приглашали людей на защиту микадо, но ихъ никто не слушалъ. Однажды, занятый своимъ грустнымъ, безвыходнымъ положеніемъ, микадо заснулъ и, по сказанію лѣтописцевъ, увидѣлъ слѣдующій сонъ: у дворца, на югъ, подъ деревомъ, стоитъ императорское сѣдалище пустое; подходятъ къ нему два мальчика и горько плачутъ что во всей Японіи нѣтъ мѣста для повелителя ея. Проснувшись, Годайго сталъ гадать о значеніи сна; „дерево“ и „югъ“: если соединить въ одинъ два іероглифа, которыми пишутъ эти слова, то выйдетъ названіе дерева „кусуноки“. „Нѣтъ ли гдѣ по близости такой фамиліи?“ спросилъ онъ у бояръ, у которыхъ скрывался. Ему указали на нѣкоего Кусуноки Масасинге. Годайго велѣлъ сыскать его и поручилъ ему свое дѣло. Въ немъ на историческую сцену выступаетъ одна изъ самыхъ благородныхъ личностей японской исторіи. Родъ Кусуноки возникъ и уничтожился вмѣстѣ съ Годайго и его родомъ. Онъ весь истощился на защиту правъ микадо. Вмѣстѣ съ Нитта, другою благожелательною императорамъ фамиліей, Кусуноки оказывали чудеса храбрости и умственными талантами далеко превосходили своихъ соперниковъ, но потому только что они защищали отжившую идею, непопулярное дѣло, они не имѣли прочныхъ успѣховъ и принесли отечеству болѣе вреда чѣмъ пользы. Масасинге началъ защищать Годайго съ самыми ничтожными средствами: у него набралось всего 500 челвѣкъ противъ большаго войска Ходзёу; но это войско не могло взять и одной занятой имъ крѣпости до тѣхъ поръ пока Масасинге, видя бесполезность дальнѣйшаго упорства, самъ тайно оставилъ ее, устроивъ такъ чтобы неприятели

остались увѣренными что ояъ погнѣ въ пожарѣ. Распространился слухъ о его смерти. Годайго былъ схваченъ и сосланъ. Но Масасинге явился въ другомъ мѣстѣ и сталъ одерживать побѣду за побѣдой. Дѣятельнымъ помощникомъ его на этотъ разъ былъ Моріѣси. Годайго успѣлъ бѣжать изъ плѣна. Сочувствіе къ микадо начало пробуждаться. Наконецъ Такатоки, чтобы разомъ уничтожить враговъ, посланъ противъ нихъ огромнѣйшую армію, подъ начальствомъ лучшаго изъ военачальниковъ, Асикага Такаудзи. Но и Хоодзѣу въ это время уже потеряли свою популярность. Въ рѣшительную минуту боя другихъ смѣлъ Хоодзѣу съ войсками Годайго, Такаудзи расположился со своею арміей, въ виду сраженія, на попойку, и видя что сторона микадо беретъ перевѣсъ, перешелъ и самъ туда. Между тѣмъ другой военачальникъ Хоодзѣу, Нитта Юсисада, еще прежде взявъ за болѣзнію отпускъ изъ дѣйствующей арміи и тайно получивъ отъ Моріѣси, объявившаго себя сѣогунемъ, указъ о наказаніи Такатоки, вернулся въ свои помѣстья, неподалеку отъ Камакура, и дождавшись сборщиковъ на военныя издержки, перебилъ ихъ, быстро вооружился и напалъ на беззащитную почти Камакура. Такатоки, чтобы не попасться въ позорный плѣнъ, распоролъ себя брюхо, и Хоодзѣу, такимъ образомъ, были низвергнуты; само-собою разумѣется что вмѣстѣ съ ними ступевадся, и безъ того едва замѣтный, сѣогунъ ихъ. Годайго изъ своего убѣжища, гдѣ скрывался послѣ побѣга изъ ссылки, съ торжествомъ вернулся въ Міяко, объявилъ Камакура своимъ владѣніемъ, наградилъ своихъ защитниковъ, и въ особеннсти Такаудзи, котораго объявилъ главнымъ виновникомъ своего возвращенія на престолъ; самъ занялся дѣлами правленія, а для разбирательства жалобъ назначилъ Кусуноки, вмѣстѣ съ другими героями. Все, повидимому, пошло хорошо, старымъ, обычнымъ порядкомъ. Но, увы, только на первые дни. Годайго хотѣлъ, какъ видно, вознаграждать себя за прежнія лишенія: скоро бросилъ дѣла, окружилъ себя любовницами, пѣвицами, актерами; отнятыя у Хоодзѣу помѣстья, вмѣсто того чтобы раздѣлить заслуженнымъ и раненымъ воинамъ, сталъ раздавать любовницамъ и актерамъ, причемъ происходила такая путаница что, лишь только помѣстье назначено одному лицу, какъ, не отмѣняя указа, его же назначали и другому; разомъ являшіеся въ свое помѣстье, два разные владѣльца затѣвали тяжбу, или драку, что еще больше

увеличивало общую сумятицу въ администраціи. Придворные, до сихъ поръ бывшіе въ уничиженіи, теперь, съ паденіемъ сёгоуна и переходомъ правленія въ руки микадо, опять подняли голову и старались всячески унижать военныхъ. Последние почувствовали себя крайне оскорбленными и ждали только вождя который бы вновь подалъ сигналъ къ возстанію противъ микадо. Этотъ вождь явился въ лицѣ Такаудзи. Но прежде чѣмъ объявить себя противъ микадо, онъ постарался отдѣлаться отъ самаго опаснаго для себя лица, Моріёси. Этотъ царевичъ, настоящій *bon vivant*, любившій чтобы все вокругъ него кутило, пѣло и шумѣло, но честный, прямой и храбрый и, разумѣется, преданный своему отцу, послѣ котораго имѣлъ наследовать престолъ, разсорился съ Такаудзи за то что тотъ, въ качествѣ губернатора Міяко, казнилъ за беспорядки нѣсколько солдатъ изъ команды его офицера. Такаудзи началъ предъ микадо всячески чернить поведеніе наследника престола. Въ этомъ ему дѣятельно помогала любимая наложница микадо, имѣвшая въ виду очистить престолъ для своихъ дѣтей. Наконецъ Моріёси, появившій намѣренія Такаудзи, сталъ сзывать войска чтобы истребить его. Одно изъ воззваній попало въ руки Такаудзи, который не преминулъ представить его микадо, съ подобающимъ комментариемъ, изъ котораго явствовало что Моріёси затѣваетъ преждевременно овладѣть престоломъ. Моріёси былъ позванъ во дворецъ, безъ всякаго суда схваченъ и выданъ головою Такаудзи. Въ это время, подростивъ въ неизвестности сынъ Такатоки, Такаюки, собравъ остатки преданныхъ своему роду людей, явился подъ Камакура. Годайго отправилъ Такаудзи съ войскою противъ него. Такаюки былъ неопасенъ; его тотчасъ же уничтожили. Но Такаудзи засѣлъ въ Камакура и объявилъ себя сёгоуномъ. Микадо спохватился, но поздно: почти всѣ военныя силы были въ рукахъ Такаудзи. Микадо объявилъ его измѣнникомъ и велѣлъ собирать войска; но Такаудзи двинулся на Міяко, принудилъ микадо бѣжать и овладѣлъ столицей. Все съ радостію переходило на сторону новаго сёгоуна; только Кусуноки и Нитта опять вооружились за микадо. Съ малыми средствами они выгнали Такаудзи изъ Міяко, крайне стѣснили его и принудили бѣжать на Кіусію. Тамъ Такаудзи безъ труда собралъ огромное войско и съ нимъ вновь явился предъ столицей. Придворные, ничего не понимавшіе

въ военномъ дѣлѣ, помѣшали исполненію плановъ Масасинге, вслѣдствіе чего онъ, съ горстью воиновъ, долженъ былъ вступить въ сраженіе съ полками Такаудзи, заграждая имъ путь въ столицу; онъ дрался какъ левъ; тучи враговъ разступались предъ нимъ, давая дорогу бѣжать; но онъ предпочелъ кончить здѣсь свою геройскую жизнь, и объявшись съ братомъ, попросилъ пронзить его сади кинжаломъ, въ ту минуту какъ самъ оказывалъ брату такую же услугу. Такаудзи занялъ Міяко, переманилъ къ себѣ одного изъ царевичей, и изъяснивъ затѣмъ притворную покорность предъ самимъ Годайго, попросилъ и его вернуться въ Міяко. Годайго, малодушно бросивъ единственного своего вѣрнаго защитника, Нитта Іосисада, явился къ Такаудзи, но, увы, его звали только за тѣмъ чтобъ отобрать унесенные имъ знаки императорскаго достоинства и потомъ засадить его въ тюрьму. Годайго опять посчастливилось убѣжать; Асикага на этотъ разъ и не гнались за нимъ; они, напротивъ, рады были что онъ развязалъ имъ руки, и что народъ не можетъ урекать ихъ, какъ прежде Хоодзёу, за жестокое обращеніе съ императорами. Такаудзи поставилъ своего собственнаго микадо. Но и Годайго, подъ защитой все еще вѣрнаго Іосисада, не думалъ отказываться отъ престола. Такимъ образомъ явились два микадо: сѣверный и южный (Годайго). Сёогуну былъ страшнѣе не Годайго, но его защитникъ Іосисада; пока послѣдній стоялъ во главѣ противниковъ, дѣло Асикага не могло быть прочнымъ, и потому противъ него они направили свои главныя силы. Еще была надежда для Іосисада: онъ поправился до такой степени что изъ оборонительнаго положенія сталъ въ наступательное; къ несчастію, вмѣсто того чтобъ идти на югъ, гдѣ его ожидалъ успѣхъ и гдѣ Камакура уже была взята его сыномъ, онъ, безъ особенной нужды, долго оставался предъ одною незначительною, но геройски защищавшеюся крѣпостію, и наконецъ, наткнувшись во время рекогносцировки съ небольшою свитой на значительный непріятельскій отрядъ, тутъ же погибъ. Всѣ поняли что это была погибель и дѣла Годайго. Такаудзи въ Міяко торжественно выставилъ голову Іосисада на позоръ и успокоился отъ военныхъ трудовъ. Умеръ и несчастный Годайго, оставивъ южный престолъ своему сыну, Гомураками, и завѣщавъ истребить родъ Асикага. Завѣщаніе это разслано было въ разныя провинціи. Затѣмъ еще одна яркая вспышка героизма за

права мукадо, въ лицѣ Масацура, 22лѣтнаго сына Маса-синге; вновь Асикага должны были поднять все свои силы. Масацура оказывалъ чудеса храбрости, но нельзя было стоять за дѣла за которое почти никто не хотѣлъ сражаться; горсть храбрецовъ, увлекаемыхъ болѣе личными качествами вождя чѣмъ сочувствіемъ къ мукадо, недостаточна противъ симпатій всей націи. Послѣ Масацура, погибшаго такою же героической смертію какъ и его отецъ, южные мукадо держались еще довольно долго остальными потомками Маса-синге, но, разумѣется, безъ дѣла, власти и собственно благодаря тому что Асикага не обращали на нихъ вниманія. Уже спустя 57 лѣтъ по раздѣленіи (1336—1392), Асикага предложили южному мукадо перебраться въ Міако, обѣщавъ что его потомство будетъ чередоваться званіемъ мукадо съ потомствомъ сѣвернаго; южный съ охотою согласился; но въ первый же разъ когда ему приходилось держать свою очередь, сёогунъ не исполнилъ своего обѣщанія. Последніа Ку-суноки, оскорбленные за своего протѣгѣ, старались было поднять возстаніе, но безуспѣшно; это было, однако, послѣднее эхо замолкающаго голоса за мукадо. Съ тѣхъ поръ, до прошедшаго года, никто никогда не думалъ заступаться за нихъ. И въ какомъ жалкомъ положеніи находится съ того времени мукадо! Дворъ Асикага блисталъ неслыханнымъ великолѣпіемъ, а мукадо часто былъ въ опасности умереть голодною смертію; Асикага воздвигали серебряную башню, а мукадо жилъ въ развалинахъ, и въ тронной залѣ уличные ребяташки собирались играть въ комки грязи; Асикага отъ своего имени свосились съ Китаемъ и приняли отъ китайскихъ императоровъ титулъ королей, а о мукадо его собственные подданные забыли. * Династію Асикага смѣнили

* Хорошо характеризуетъ положеніе мукадо въ этотъ періодъ слѣдующій случай. Однажды, въ правленіе еще довольно сноснаго сёогуна, заштатный мукадо проходя въ носилахъ по улицѣ Міако, встрѣтился съ однимъ офицеромъ, который ѣхалъ верхомъ и былъ въ-веселѣ; офицеръ не думалъ сворачивать съ дороги, между тѣмъ какъ ему слѣдовало это сдѣлать и въ добавокъ сойти съ лошади. Сауги мукадо разсердился и стащилъ офицера съ лошади, тогда ему что проходить по улицѣ не кто другой какъ самъ инъ (такъ называется заштатный мукадо, равно какъ и другіе высокіе родственники, поступившіе въ монахи). „Инъ или ину (собака), мнѣ все равно, а я выстрѣлю“, возразилъ дерзкій офицеръ, и пустилъ стрѣлу

Ода *Нобунага (1573—1582), его фамилія Тоётоми (1583—1602), за которою возсталъ родъ Токугава (1603—1868). Все это было рядомъ кровавыхъ междуусобій, но эти междуусобія—драки за сёогунскій престолъ; за микадо не поднималось ни одного голоса. Вновь возникающіе властители оказывали имъ дешевыя ласки: Нобунага построилъ для микадо новый дворецъ; Тоётоми Хидеёси, въ часы отдыха отъ военныхъ трудовъ, любилъ иногда устроить блестящую процессію во дворецъ микадо и посидѣть по лѣвую руку у него, въ качествѣ квамбаку (государственнаго канцлера, титулъ, который Хидеёси предпочелъ титулу сёогуна, означаящему въ буквальномъ смыслѣ генералъ); Токугава устроили довольно сносно матеріальное положеніе микадо, такъ что онъ, хотя не богато, но сыто жилъ. Но никто изъ нихъ не давалъ микадо и тѣни власти и вліянія на государственныя дѣла. Все что ему было предоставлено, это: пользоваться почетными титулами тенси (сынъ неба), микадо (почтенныя ворота), теи (императоръ), утверждать въ почетныхъ чинахъ тѣхъ кого ему представлятъ, возводить умершихъ сёогунонъ въ званіе боговъ и затѣмъ всю жизнь читать книги. „Такъ какъ, для того чтобы хорошо править государствомъ, нужно быть образованнымъ, то микадо долженъ имѣть первую свою обязанностію прилежное занятіе науками“, стоитъ на первомъ мѣстѣ въ числѣ правилъ, которыми Токугава Іеясу оградилъ жизнь микадо. И какая злая пропія въ этомъ правилѣ!

Тотъ же упадокъ императорской власти подалъ поводъ и къ возникновенію удѣльной системы. * Сёогунъ, крѣпко

въ носики. По жалобѣ микадо, сёогунъ, правда, наказалъ офицера; но интересно знать какъ отзывались объ этомъ жители Міако. „Если при встрѣчѣ съ микадо нужно сходить съ лошади, то что жъ дѣлать при встрѣчѣ съ самимъ сёогунонъ?“ въ недоумѣніи спрашивали они другъ друга. „Слѣдуетъ пойти на головѣ“, отвѣчали остраки.

* Въ русскихъ газетахъ, допускающихъ на свои столбцы извѣстія объ Японіи, обыкновенно заимствуемыя изъ иностранныхъ газетъ, удѣльные князья постоянно называются *даймиосами*. Это имя составлено не вѣрно. Ужъ если называть удѣльныхъ князей японскимъ именемъ, такъ слѣдуетъ писать *даймёо*, не оклоняя этого слова. Англичане, по правиламъ своей грамматики, прибавили

стянувшіе въ однѣ руки бразды правленія, безспорно, могли бы въ первое время уничтожить зародыши этого новаго государственнаго явленія; но они нашли въ немъ такое вѣрное средство къ огражденію себя отъ императоровъ и къ утвержденію своего господства что никто изъ нихъ и не подумалъ о томъ; напротивъ, они охотно поощряли и развивали удѣльную систему. Повременныя ослабленія власти въ рукахъ сёгуновъ естественно способствовали къ развитію и укрѣпленію этой системы, которая наконецъ окрѣпла до такой степени что уже нельзя было и думать объ ея уничтоженіи.

Въ цвѣтущія времена императоровъ, Японія, раздѣленная на провинціи, управлялась губернаторами, которые смѣнялись чрезъ каждые четыре года. Губернаторы были чисто гражданскіе чиновники; знаніе отечественнаго и китайскаго законодѣнія было непремѣннымъ условіемъ избранія на эту должность. Избраніе производилось подъ непосредственнымъ надзоромъ самого императора. вмѣстѣ съ губернаторомъ отправлялись изъ столицы его ближайшіе помощники; второстепенные же чиновники выбирались изъ мѣстныхъ жителей. Для повѣрки губернаторовъ и устраненія самовольства съ ихъ стороны, императоръ часто назначалъ ревизоровъ, которые, объѣзжая провинціи, входили въ непосредственное сношеніе съ народомъ. Чиновники, найденные виновными въ незаконныхъ поступкахъ, тотчасъ же вызывались въ столицу и подвергались суду. Иногда императоръ и самъ выезжалъ въ ту или другую провинцію, для ближайшаго ознакомленія съ народнымъ бытомъ и потребностями. Это былъ золотой вѣкъ японской исторіи! При ослабленіи императорской власти выборы губернаторовъ стали производиться полными видами временщиковъ, и четырехлѣтній срокъ службы скоро былъ забытъ; пользуясь протекціей при дворѣ, многіе губернаторы спокойно оставались все время своей службы въ столицѣ и отсюда управляли своими губерніями; иные же, напротивъ, завѣхавъ въ провинціи, жили тамъ сколько хотѣли, и дѣлали что хотѣли. Въ послѣднемъ случаѣ, въ мѣстахъ удаленныхъ отъ столицы, губернаторы скоро стали

къ слову даймё, во множественномъ числѣ, букву *s*, а у насъ образовали изъ этого и въ единственномъ даймёосъ, даймёоса и т. д.

смотрѣть на свои провинціи какъ на вотчины и, умирая, передавали ихъ, вмѣстѣ со своими должностями, дѣтямъ, какъ законное наследство. Хорошо еще если кто заботился о доставленіи собранныхъ податей въ столицу; многіе и того не дѣлали. Такъ обозначались первые признаки тяготѣнія Японіи къ удѣльному устройству преимущественно на югѣ, на отдаленномъ отъ центра имперіи Кіусіу; тамъ еще задолго до сѣогунствъ было истинное удѣльное царство: губернаторы дрались между собою, отнимали другъ у друга провинціи и знать не хотѣли никакихъ указовъ изъ столицы. На сѣверѣ было иначе. Съ этой стороны Японія граничила со своими исконными врагами Айнами, не представлявшими тревожить ее вплоть до нынѣшняго столѣтія. По мѣрѣ расширенія къ сѣверу, Японцы шагъ за шагомъ оттѣсняли ихъ. Но чтобъ удержать за собою занятую территорию, Японцамъ постоянно нужно было или воевать, или быть готовыми къ войнѣ. Между тѣмъ въ досѣогунскія времена постоянныхъ войскъ въ Японіи не было: имперія довольствовалась земскою милиціей, собираемою во время особенной нужды, какъ, на примѣръ, для походовъ въ Корею, и распускаемою по минованіи надобности; для мелкихъ непрерывныхъ стычекъ съ Айнами, очевидно, не стоило содержать армію. Какія же были средства защиты отъ нихъ? Пограничнымъ землевладѣльцамъ дозволено было, кто можетъ, имѣть у себя достаточный запасъ вооруженныхъ людей, для огражденія своихъ и сосѣднихъ вѣсовъ и деревень. Эта мѣра, разумная въ основаніи, при ослабленіи центральной власти, тоже повела къ дурнымъ результатамъ. Богатые землевладѣльцы не замедлили обратиться въ воинственныхъ помѣщиковъ; о земледѣліи они перестали думать: на нихъ работали уже другіе, обязанные оплачивать военную защиту которою пользовались отъ нихъ. Любящая праздность и военную славу молодежь стекалась подъ ихъ знамена; а такъ какъ мелочныя схватки съ Айнами не могли занять ихъ праздныя силы, то они начали драться другъ съ другомъ; слабые скоро были поглощены болѣе сильными, и такимъ образомъ на сѣверѣ, безъ воли и почти безъ вѣдома императоровъ, образовалось множество удѣльныхъ князьковъ. Не имѣя закономъ опредѣленнаго положенія въ государствѣ, не связанные, поэтому, никакими обязательствами, князьки эти никакъ не могли опредѣлить свои отношенія къ центральной власти, и болѣе сильныя

кончили тѣмъ что порвали всякую зависимость отъ кого бы то ни было. Это, наконецъ, потребовало сильныхъ мѣръ и, для приведенія сѣвера къ покорности, направлена была туда одна изъ лучшихъ фамилій имперіи, Минамото, облеченная для этого высшими военными титулами и полномочіемъ вездѣ набирать войска. Рядъ героевъ, предковъ Юритомо, прославился въ этихъ войнахъ, до того упорныхъ что и несомнѣнные таланты полководцевъ, и огромныя арміи едва не оказывались тщетными. Такъ утверждалась удѣльная система по окраинамъ имперіи. Въ другихъ мѣстахъ, въ то же время, цѣлыя провинціи были разобраны временщиками и розданы ихъ роднымъ и друзьямъ, какъ помѣстья, управлявшіяся въ такомъ случаѣ старостами, которыхъ назначали сами владѣльцы. Чѣмъ сильнѣе былъ временщикъ, тѣмъ больше провинцій раздавалъ онъ своей партіи, такъ что, напримеръ, фамилія Таура, во времена Кіёмори, владѣла тридцатью провинціями, что составляло почти полъ-Японіи. Это подготовило къ удѣльному порядку центральныя провинціи, и уже борьба Таура съ Минамото носить на себѣ характеръ дракъ удѣльныхъ князей: за Таура лили кровь ихъ провинціи; у Минамото въ это время, правда, не было провинцій, но за нихъ стояли ихъ бывшія вотчины, вмѣстѣ съ потомками тѣхъ кто дрался подъ ихъ славнымъ бѣлымъ знаменемъ на сѣверѣ.

Когда Юритомо взялъ верхъ надъ Таура и надъ своими соперниками изъ родичей, Японія представляла лишь блѣдную тѣнь прежнихъ порядковъ, какъ заведенныхъ самими императорами, такъ и образовавшихся независимо отъ ихъ воли. Слабые губернаторы не имѣли вліянія на народъ, потому что источникъ ихъ собственной силы иссякъ съ окончательнымъ паденіемъ императора; удѣльные владѣльцы были безсильны предъ обладателемъ огромной, правильно организованной и уже не распускавшейся арміи. Это было лучшее время вновь учредить единоличное правленіе и устранить на будущее время поводы къ удѣльному раздробленію. Такъ бы, можетъ-быть, и было, еслибъ Юритомо рѣшился, презрѣвъ народныя суевѣрія, столкнуть призракъ императорства съ престола и занять его мѣсто. Но онъ на это не рѣшился и долженъ былъ, поэтому, обѣгать страшное затрудненіе. Прежніе гражданскіе губернаторы были оставлены имъ въ покоѣ, такъ что, по наружности, Японія какъ

будто оставалась подъ управленіемъ императора; но во всѣ провинціи и даже въ личныя помѣстья императора и придворныхъ онъ разослалъ своихъ офицеровъ съ сильными военными отрядами, посредствомъ которыхъ собственно и управлялъ имперіей. Это было хорошо и нисколько не опасно до тѣхъ поръ, пока правленіе находилось въ его сильныхъ рукахъ. Но при его преемникахъ, когда и Камакура, какъ прежде Міяко, сдѣлалась театромъ непрерывныхъ интригъ, дѣло не замедлило принять другой оборотъ. Гражданскіе губернаторы, какъ и слѣдовало ожидать, не замедлили безслѣдно ступеваться; военные же начали одинъ за другимъ принимать свои провинціи за настоящій наследственный удѣлъ. Болѣе добросовѣстные изъ Хоодзёу хотѣли было поддержать порядки Юритомо: но имъ ли было сдѣлать это, когда они сами незаконно пользовались верховною властію и, для защиты себя отъ императоровъ, должны были искать услугъ тѣхъ же губернаторовъ? И притомъ, теперь уже не такъ легко было справляться съ губернаторами какъ въ былыя времена: теперь Японія была покрыта сѣтью постоянныхъ военныхъ становъ, и каждый губернаторъ могъ дать отпоръ; а еслибы въ одномъ и томъ же дѣлѣ были заинтересованы всѣ они, то отпоръ могъ превратиться въ наступленіе. Довольно того что губернаторы еще допускали надъ собою контроль Хоодзёу, которымъ и побуждаемы были править своими областями ко благу народа, такъ что времена Хоодзёу еще были довольно мирны и счастливы для народа.

Приготовленная такимъ образомъ къ воспріятію удѣльной системы, Японія, въ правленіе слѣдующей сѳогунской династїи, Асикага, не только окончательно усвоила ее себѣ, но и испытала всѣ ея невыгоды. Асикага на первыхъ же порахъ, за помощь оказанную имъ противъ микадо, стали платить своимъ генераламъ самыми роскошными надѣлами. Явились князья владѣвшіе шестою частію Японіи въ однихъ рукахъ. Асикага думали этою щедростію обезпечить для себя на будущее время вѣрность людей казавшихся имъ наиболѣе преданными. Они и не подумали о томъ какъ неудобно будетъ потомъ управлять этими людьми. Они, впрочемъ, правду сказать, не думали ровно ни о чемъ относящемся до правленія. Кромѣ Такаудзи, родоначальника династїи, всѣ

прочіе сёогунъ Асикага были замѣчательно бездарные и бездѣятельные. При вступленіи на престолъ большею частію интриги и коварныя убійства, въ прочее время пиры, охота, безумныя затѣи роскоши, въ родѣ постройки серебряной башни и посылки въ Корею за драгоценностями, вотъ картина жизни Асикага. Правленіе государствомъ было поручено безсмѣннымъ регентамъ (кванрёо). Но такъ какъ это званіе было не избирательное, а наследственное достоинство извѣстныхъ вассаловъ, огромные же лепы этихъ вассаловъ давали и имъ возможность кутить не хуже сёогунъ, то власть мало-по-малу перешла въ руки мелкихъ слугъ регентовъ; а это естественнымъ путемъ привело къ тому что эти мелкие господа начали играть и регентами, и сёогунъ какъ пѣшками и переставлять ихъ по произволу. Регенты и сёогунъ иногда понимали невыгоду своего положенія и стонали подъ гнетомъ, но уже не въ силахъ были высвободиться изъ-подъ опеки. При такомъ положеніи вещей могли ли оставаться въ покоѣ князья, почти не чувствовавшіе надъ собою контроля, а между тѣмъ содержавшіе огромныя арміи, какъ для охраненія своихъ владѣній, такъ особенно для того чтобы во всякое время быть готовыми защищать сёогунъ, — самое главное и почти единственное что вмѣнялось имъ въ обязанность при полученіи ими владѣтельныхъ грамотъ? Они, естественно, безъ устали дрались другъ съ другомъ; даровитые и храбрые изъ нихъ расширяли свои владѣнія на счетъ слабыхъ; являлись болѣе даровитые и пускали ихъ самихъ по-миру; всякій воевалъ, кто съ кѣмъ хотѣлъ, и разбиралъ Японію, кто только могъ. Вотъ Ямана Моцитоё и Хо-сокава Кацумото, лично ненавидѣвшіе одинъ другаго, просятъ позволенія у сёогунъ (Тосимаса) немного подрагаться другъ съ другомъ. Сёогунъ разрѣшаетъ, съ единственнымъ условіемъ чтобъ они дрались одинъ на одинъ, и Кацумото выдвигаетъ своихъ собственныхъ 160.000 войска, Моцитоё тоже своихъ 110.000: Міяко съ окрестностями подвергается на одиннадцать лѣтъ всѣмъ ужасамъ опустошительной войны, и это съ разрѣшенія сёогунъ! Но вотъ, уже безъ разрѣшенія, вѣкто Нагаудзи, изъ фамиліи Хоодзёу, идетъ пѣшкомъ одинъ-одинехонекъ въ Идзу, съ твердымъ намѣреніемъ приобрести себѣ эту провинцію. Успѣлъ онъ здѣсь кое-съ-кѣмъ познакомиться, подобралъ пріятелей по душѣ. Во время возникшихъ

въ скорости между Масатомо и Наріудзи споровъ за лезъ изъ восьми восточныхъ провинцій (Кван-Хассіу), составлявшій, по завѣщанію Такаудзи, родовую собственность самихъ же Асикага, въ поконіи младшаго сына Такаудзи, Нагаудзи сталъ на сторону Масатомо; а когда Масатомо былъ убитъ, и по этому поводу произошло смятеніе, Нагаудзи, съ партіей своихъ пріятелей, всего до 500 человекъ, быстро овладѣлъ всѣмъ Идзу. Но теперь одной провинціи ему показалось уже мало: онъ задумалъ овладѣть всѣмъ Кван-Хассіу; уже онъ забралъ и другую провинцію, Сангами, но смерть помѣшала ему идти дальше; умирая, онъ строго завѣщалъ своему потомству исполнить его планъ, и его внукъ уже владѣлъ всѣми восемью провинціями. Вотъ сынъ одного небогатаго помѣщика, Мори Мотонари, былъ усыновленъ тоже небогатымъ домою Тацухи и получилъ въ наслѣдство деревню, доставлявшую возможность содержать 300 солдатъ. Когда въ Аки сталъ вольничать одинъ князекъ, Мотонари смѣло напалъ на него со своимъ крошечнымъ войскомъ и разбилъ. Когда за тѣмъ два сосѣдніе большіе князя, Амако и Ооудзи, начали драться между собой, Мотонари явился дѣятельнымъ сторонникомъ сначала одного, потомъ другаго, а кончилъ тѣмъ что завладѣлъ ленами и того и другаго, и явился такимъ образомъ обладателемъ 13 провинцій. Это родоначальникъ теперешняго князя Цѣосіу, пріобрѣтшаго всесвѣтную извѣстность своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ японскихъ событіяхъ за послѣднее десятилѣтіе. А тамъ, на западѣ, два героя-монаха: владѣтель провинціи Каи, Такеда Сингенъ, и провинціи Эцзинго, Нагао Кенсинъ, вперили другъ въ друга зоркій взглядъ: ежеминутно готовятъ они другъ другу смертельный ударъ и ежеминутно парируютъ взаимные удары съ непостижимымъ искусствомъ. Прервемъ на минуту нить мыслей чтобы полюбоваться истиннымъ рыцарствомъ этихъ героевъ. Каждый изъ нихъ настолько имѣлъ военныхъ талантовъ что, съ увѣренностію можно сказать, могъ овладѣть всею Японіей. Но судьба поставила ихъ другъ противъ друга, какъ будто для того чтобы связать одну силу другой и не дать обѣимъ свободнаго движенія.

— Какъ Сингенъ воюетъ? спросилъ Кенсинъ одного князя, выгнаннаго Сингеномъ изъ владѣній и пришедшаго просить защиты у Кенсина.

— Онъ обыкновенно не торопится въ военныхъ дѣйстви-
яхъ, отвѣчалъ тотъ.

— Это значитъ, пояснилъ Кенсинъ, — что онъ гонится за
расширеніемъ своихъ владѣній. Я не такъ, у меня чтобы
только копье не погнулось въ сторону.

И отложивъ предпринятую поѣздку въ Міяко, съ цѣлю
проложить себѣ путь къ сёогунскому престолу, онъ двинулъ
свои силы на Сингена, и съ этого времени начались ихъ по-
чти непрерывныя войны другъ съ другомъ. Какихъ они хи-
тростей не употребляли другъ противъ друга, и какъ искусно
разбивали одинъ другого, но только для того чтобы чрезъ
два-три дня помѣняться побѣдами! Поставленные въ необ-
ходимость изодраться другъ противъ друга, они создали
военное искусство въ Японіи, по крайней мѣрѣ первые ста-
ли употреблять правильно построенныя и твердо сомкну-
тыя колонны, для чего нужно значительное развитіе военной
тактики. И при этой, почти непрерывной, борьбѣ другъ съ
другомъ, они относились одинъ къ другому истинно рыцар-
ски. Однажды другой непріятель и сосѣдъ Сингена запретилъ
вывозъ соли въ Каи, чѣмъ поставилъ эту удаленную отъ
моря провинцію въ большое затрудненіе. Кенсинъ послалъ
къ Сингену сказать: „Мы сражаемся съ тобой оружіемъ, а
не хлѣбомъ и солью. Бери у меня соли сколько хочешь“, и
велѣлъ своему народу поставлять аккуратно и по дешевой
цѣнѣ соль въ непріятельскую землю. Вотъ Сингенъ, въ одной
битвѣ потѣсенный Кенсиномъ, переправляетъ свои колон-
ны за рѣку; уже послѣдняя колонна вступила въ воду; Син-
генъ, замыкавшій шествіе, остается на минуту одинъ на бе-
регу. Вдругъ съ непріятельской стороны на него несется
всадникъ съ закрытымъ лицомъ, и сабля, какъ молнія, свер-
каетъ надъ головой Сингена; онъ не успѣлъ выхватить своей
сабли: онъ раненъ, изрубленъ? Нѣтъ, онъ хладнокровно на-
рируетъ удары желѣзнымъ вѣромъ, случившимся въ его ру-
кахъ, пока лошадь противника, испуганная направленнымъ
на нее копьемъ, не отпрянула назадъ и всадникъ не ускакалъ.
То былъ Кенсинъ, прилетѣвшій одинъ на одинъ помѣряться
съ соперникомъ; но онъ могъ бы прискакать и не одинъ.
Сингенъ умеръ раньше Кенсина, и послѣдній почтилъ смерть
своего благороднаго противника искренними слезами. Ему
совѣтовали воспользоваться малоопытностію наследника Син-
гена чтобы завоевать его владѣнія. Кенсинъ отвѣчалъ: „Я не

могъ взять чего хотѣлъ у Сингена, стану ли теперь пользоваться слабостію его ребенка?²⁴ (между тѣмъ этотъ ребенокъ давно уже командовалъ арміями) и обратилъ свое оружіе противъ другихъ князей: самые сильные изъ нихъ задрожали; ничѣмъ не могли они остановить страшнаго врага, уже не видѣвшаго себѣ соперника; онъ шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ, и неизвѣстно гдѣ бы остановился, еслибы смерть не пресѣкла его плановъ. А въ области Микава, въ деревни Мацудаира, зародился уже и домъ Токугава. Староста этой деревни не забывалъ что онъ потомокъ Нитта Іосисада, погибшаго въ несчастной борьбѣ съ Асикага за права микадо. Сынъ Іосисада, Токудзю, принужденный въ то время скрываться отъ ненависти Такаудзи, уже хотѣлъ поступить въ бонзы: по счастію, онъ понравился одному случайно встрѣтившемуся крестьянину, который оказался старостомъ деревни Мацудаира; не имѣя сыновей, староста пожелалъ усыновить мальчика, и на его желаніе съ радостію согласился. Токудзю наследовалъ отъ своего пріемнаго отца и званіе старосты; но онъ и его потомки помнили свое происхожденіе и питали твердое намѣреніе добыть себѣ княжество. Царствовавшая кругомъ сумятица представила легкую возможность къ этому, и вотъ староста, при помощи своихъ сельчанъ, которыхъ не преминулъ расположить къ себѣ щедростію и справедливостію, овладѣлъ еще деревенькой, за нею другой, и маленькое княжество родилось на свѣтъ. Новый князекъ нашелъ удобныя обстоятельства чтобъ изъ столицы выхлопотать себѣ чинъ и владѣтельную грамоту; съ этими атрибутами Токугава дѣйствуютъ уже смѣлѣе, и ихъ княжество расширяется. Но вотъ они приходятъ въ непріятное столкновеніе съ знатымъ сосѣдомъ, Имагава Іосимото, владѣтелемъ трехъ провинцій: Іосимото грозится уничтожить ихъ; для умиловленія его, они должны послать къ нему заложника своей вѣрности; и этотъ заложникъ не кто иной какъ сынъ князя, малелькій Іеясу, будущій обладатель Японіи; но тогда этотъ обладатель былъ еще малъ и слабъ: дорогой его по-просту укралъ другой князь, хотѣвшій обезпечить за собою вѣрность Токугава. Черезъ нѣсколько времени Іеясу переданъ былъ Іосимото и сталъ коротать свое невеселое дѣтство въ неволѣ, часто затрудняясь со своею свитой насчетъ дневнаго пропитанія. А между тѣмъ ему уже давно слѣдовало бы пользоваться всѣми выгодами своего княжескаго положенія: отецъ

его умеръ, княжество оставалось за нимъ; но дѣлами, а главное, доходами распоряжались чиновники Иосимото. И нужно еще удивляться благородству Иосимото, просто не присоединившаго это княжество къ своему удѣлу. Оставляемъ другіе примѣры чтобы сказать вообще что, во время Асикага, куда бы мы ни обратили взоръ, вездѣ война: каждый князь или недоволенъ своимъ удѣломъ и добивается бѣльшаго, или соперничаетъ съ сосѣдомъ въ военной славѣ, или мститъ обиду, или помогаетъ сосѣду, или защищаетъ свои территоріи, или усмиряетъ внутренніе мятежи, словомъ, по той или другой причинѣ, непремѣнно воюетъ. Правда, нѣкоторые останавливаются на время чтобы воспользоваться достояніемъ отцовъ: бранные клики смѣняются въ дворцахъ мягкими звуками гитары и флейты, желѣзный панцырь уступаетъ мѣсто парчѣ и атласу, веселыя толпы любовницъ, танцовщицъ окружаютъ князя; театры, пиръ, вино—рѣкой. Но сосѣди жадною толпою уже обступили сибарита и по пальцамъ разчитываютъ сколько еще дать ему времени веселья, скоро ли перемрутъ герои-сподвижники его отца или дѣда, и когда настанетъ окончательный упадокъ военнаго духа въ его владѣніяхъ. И будьте увѣрены, они не дадутъ ему загуляться, скоро онъ пойдетъ обивать пороги у прежнихъ своихъ прилебателей. Смотря на князей, дерется и простой народъ, собираясь иногда огромными скопищами и мстя своимъ мучителямъ-князьямъ; дерутся, наконецъ, бовзы, собирая цѣлыя арміи своихъ послѣдователей и отбивая другъ у друга храмы и земли. Словомъ, дерется все что только способно носить оружіе и хотеть драться. Но скоро ли же настанетъ конецъ этой взаимной рѣвнѣ? Скоро ли придетъ тотъ кто крикнетъ на эти разбушевавшіяся волны могучее: quos ego? А вотъ и онъ идетъ....

(До слѣд. №.)

Гермомахъ НИКОЛАЙ.

ПАНУРГОВО СТАДО

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XVII. Сумбуръ.

Наступилъ годъ 1862,—годъ тысячелѣтія Россіи. Въ Великомъ Новгородѣ ставили по этому поводу памятникъ. Лондонскій Колоколъ съ самодовольною скромностію нашелъ что форма памятника очень льститъ ему, ибо напоминаетъ собою колоколъ,—„только который, вѣчевой или лондонскій?“ спрашивалъ г. Герценъ.

То были времена такъ-называемой „благодѣтельной гласности“. По вопросамъ государственнымъ и общественнымъ гласности еще никакой не было: она не простиралась даже и на столько чтобы передавать пренія дворянскихъ сѣздовъ; но за то всѣ понимали „благодѣтельную гласность“ какъ плеть для наказанія преступника или какъ дубину для самозащиты, и это было еще самое лучшее пониманіе ея. Въ нѣкоторыхъ же литературныхъ органахъ она понималась какъ прекрасное средство швырять собственною грязью въ противниковъ, или же какъ пугало противъ трактирныхъ буфетчиковъ, когда тѣ требовали уплаты за напитокъ и наѣденное. Въ этихъ случаяхъ петербургскимъ трактирщикамъ гро-

зили „спаать ихъ одною искрою“, и трактирщики трепетали предъ такою „благодѣтельною гласностью“.

То были времена вокабулъ, икса, игрека и зета, времена алфавитной гласности, когда въ *Искрѣ* обличались какой-то идилликъ Филимонъ, какой-то воевода болотяный, какіе-то Мидасъ, Психъ, Ураукъ, Рыковъ и Макарь Гасильникъ; обличались города Чертогорскъ, Уморскъ, Грязнославъ и пр., и когда въ обличительныхъ стихкахъ, разъ въ недѣлю, неизбежно какъ смерть, риемовались *Вѣкъ* и Левъ Камбекъ, Краевскій и „берегъ Невскій“, Чичеринъ, „меринъ“, и „благонамѣренъ“.

Это еще было время доброй, наивной вѣры во всякаго кто кричалъ громко и называлъ себя либераломъ. Какъ же? человекъ вѣдь кричить: я либераль! ну, значить, и точно либераль.

Но на наивности дѣло не остановилось, и либералы наши дошли до столбовъ Геркулесовыхъ. Для доказательства истинности своихъ „убѣжденій“ и для вящаго распространенія ихъ, они прибѣгали ко всяческимъ средствамъ: явная ложь, клевета, самовосхваленіе, словомъ, всѣ темныя силы, какія только находились въ распоряженіи поборниковъ истины, были пущены въ ходъ для зажатія рта противникамъ, поднимавшимъ голосъ во имя простаго здраваго смысла.

Въ виду всѣхъ нецѣлостей и промаховъ всевозможныхъ плюгавыхъ Анцыфровыхъ, журнальные оракулы приказывали здравому смыслу молчать, потому „пусть лучше ошибаются, но пусть не забываютъ общаго дѣла“.

Это было своего рода фанфаронство общимъ дѣломъ. Въ чемъ оно, это „общее дѣло“ большинство этихъ фатовъ и фанфароновъ и сами не знали. Одни въ этой фразѣ поклонялись какому-то невѣдомому кумиру, другіе эксплуатировали ее въ пользу собственныхъ кармановъ, или самолюбій. И это понятно: въ тѣ времена у насъ не было еще дѣйствительной общественной жизни, не было суда, не было свободного слова, не было участія въ общественномъ и земскомъ самоуправствѣ, то-есть не было истиннаго, дѣйствительнаго участія въ общемъ дѣлѣ.

Настало вавилонское смѣшеніе ролей: рутинна и невѣжество выдавались за передовое направленіе, а прямое, истинное передовое направленіе провозглашалось рутинною и отсталостью.

Изъ разныхъ угловъ и щелей выползали на свѣтъ Божій боксеры и спадассины нигилизма, жандармы гуманности сыщики либерализма. Все это были великіе прогрессисты на пути паденія!...

Расплодилось множество людей желавшихъ сдѣлаться эффектными жертвами, людей, игравшихъ роль того самого матроса, который до того любилъ генерала Джексона что не зная чѣмъ бы лучше доказать ему любовь свою, бросился съ высоты мачты въ море, провозгласивъ: „я умираю за генерала Джексона“. Но было и нѣчто хуже: мы были свидетелями своего рода биржевой игры въ гражданскія добродѣтели, гдѣ одному подставляли ногу, чтобы поднять курсъ на акціи гражданской честности и достоинствъ другаго.

Жандармы прогресса и будочники нигилизма открыто провозглашали ультиматумъ такого рода: „кто не съ нами того мы обязаны уничтожить, смѣшать съ грязью, закалебимъ какъ врага человечества. Мы обязаны это дѣлать, потому что всякій кто не за насъ, тотъ противъ насъ, и можетъ повредить успѣху нашего великаго дѣла.“ Они съ гигантскою беззащитностью объявляли что въ полемической статьѣ позволительно, умѣстно и, пожалуй, даже хорошо взваливать на своего противника всевозможныя нелѣпости и всячески издѣваться надъ нимъ, разсыпаясь въ острогахъ и колкостяхъ.*

Февральская книжка *Русскаго Вѣстника* принесла съ собою *Отцовъ и дѣтей* Тургенева. Поднялась цѣлая буря толковъ, споровъ и сплетень, философскихъ недоразумѣній въ обществѣ и литературѣ. Все что бродило въ обществѣ какъ неопредѣленная, болѣе ощущаемая чѣмъ сознаваемая сила, воплотилось теперь въ опредѣленный образъ. Два лагеря, два стремленія, два потока, обозначились рѣзко.

Въ гостиныхъ, въ клубахъ, въ департаментахъ, въ ресторанахъ, въ аудиторіяхъ, въ книжныхъ магазинахъ, первые два - три мѣсяца только и толковъ было что объ *Отцахъ и дѣтяхъ*. — Ты за кого? за отцовъ или за дѣтей? зачастую было обычнымъ и первымъ вопросомъ двухъ пріятелей при встрѣчѣ. Въ лагерѣ проповѣдниковъ новыхъ началъ вдругъ произошло, по поводу Базарова, страшное и неожиданное раздвоеніе: свои своихъ не познала. Прежде всего накинудись на самого автора, на его личность, одни съ пренебрежитель-

* *Современникъ*. Мартъ 1862. *Русская литература*, стр. 70.

нымъ сожалѣніемъ „о его тупоуміи, недалковидности и не-„сообразительности“, другіе просто со слюною бѣшеной собаки: это были вопли Ситниковыхъ и Кукшиныхъ. Критики этого направленія провозгласили что съ этого времени и всѣ прочія произведенія Тургенева должны считаться ничего не стоящими.

Современникъ объявилъ Базарова типомъ не существующимъ, ложью, гнусною и преступною клеветой на людей новаго направленія, сравнилъ Базарова съ Асмодеемъ нашего времени, являющимся въ какомъ-то романѣ г. Аскоченскаго, и при этомъ поставилъ Тургенева во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо ниже сего послѣдняго автора. *Современникъ* кричалъ что Тургеневъ — ненавистникъ всякаго образованія, особенно женскаго, ненавистникъ всего народа и молодости, проповѣдникъ помѣщичьяго разврата, что онъ не можетъ поднести лица своего къ микроскопу для наблюденій надъ казавкой, „а наши, молъ, дѣвушки готовы смотрѣть въ микроскопъ на что только „угодно и даже ручками потрогать“.*

Русское Слово представило, въ этомъ случаѣ, полный контрастъ съ *Современникомъ*. Оно съ похвальною искренностью признало въ Базаровѣ полный типъ человѣка своего направленія, и объявило что романистъ, помимо своего вѣдома и собственной воли, написалъ похвальный панегирикъ „новымъ людямъ“. *Русское Слово* сдѣлало въ высшей степени замѣчательную характеристику новаго типа и его „принциповъ“. „На людей подобныхъ Базарову можно негодовать сколько душѣ угодно“, говорилъ этотъ журналъ устами своего бесспорно талантливаго критика: „но признать ихъ искренность рѣшительно необходимо. Эти люди могутъ быть честными гражданскими дѣятелями и — отъявленными мошенниками, смотря по обстоятельствамъ и по личнымъ вкусамъ. Ничто, кромѣ личнаго вкуса, не жьшаетъ илжъ убивать и „грабить, и ничто, кромѣ личнаго вкуса, не побуждаетъ людей подобнаго закала дѣлать открытія въ области наукъ и общественной жизни.... Ни надъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя онъ (Базаровъ) не признаетъ никакого регулятора, никакого нравственнаго закона, никакого принципа. Впереди никакой высокой цѣли, въ умѣ — никакого высокаго помысла и, при всемъ этомъ, силы огромныя... Китайскіе тайпинги и

* *Современникъ*, мартъ 1862. *Русская Литература*.

„идѣйскіе душители въ сравненіи съ послѣдователями этой секты (базаровщины) просто ягнята; люди они образованные, но положиться на нихъ можно столько же какъ на извѣстнаго Фарингеа. Это вотъ какой народецъ: захочеть—сдѣлаетъ полезнѣйшую реформу, захочеть—зарѣжетъ чело-вѣка, захочеть—откроетъ истину въ наукѣ, захочеть—вскроетъ шкатулку у васъ въ кабинетѣ.“ *

И эти слова не безобразная клевета, не фальшивый доносъ!.. Нѣтъ, напротивъ! Дѣлая подобную рекомендацію, критикъ „восторженно, съ увлеченіемъ“, признавалъ въ Базаровѣ свой типъ, свою силу, красоту и надежду.

До сихъ поръ жандармы и сыщики этого направленія именovali себя то свистунами, то сектой поморцевъ. Но Базаровъ назвалъ себя нигилистомъ, и съ тѣхъ поръ это слово стало самымъ популярнымъ по лицу земли русской. Въ первое время послѣ *Отцовъ и дѣтей* это направленіе окрестили было „базаровщиной“, а послѣдователей его „базаровцами“; но вкорѣ два эти термина были вытѣснены изъ употребленія. Ихъ окончательно замѣнили слова „нигилизмъ“ и „нигилисты“.

Слово было найдено, понятіе уяснилось.

А наука? А стремленіе къ просвѣщенію? На этотъ вопросъ лучше всего отвѣтятъ намъ слова сказанныя въ то время однимъ почтеннымъ профессоромъ который имѣлъ случай извѣдать на опытѣ людей и тенденціи о которыхъ довелось ему высказаться. Вотъ эти знаменательныя и характеристичныя слова:

„Между молодыми людьми въ послѣднее время намъ случалось встрѣчать такихъ господъ которые проповѣдуютъ что наука сама по себѣ не только бесполезна, но даже вредна, потому что отвлекаетъ умы отъ другихъ, болѣе плодотворныхъ сферъ дѣятельности. Теперь не то время, говорятъ эти господа: пришла пора общественной дѣятельности — будемъ заниматься современными вопросами. Вслѣдствіе этого они требуютъ отъ профессора чтобъ онъ предъ своими слушателями кокетничалъ модными либеральными фразами, притягивалъ факты своей науки къ любимымъ моднымъ тенденціямъ, хотя бы то было ни къ селу, ни къ городу, и вообще

* Русское Слово, мартъ 1862. Русская Литература.

„имѣлъ бы въ виду не научную истину, а легкое приложеніе „того-сего изъ своей науки къ современнымъ вопросамъ „жизни. Чуть только профессоръ въ своихъ чтеніяхъ объек- „тивенъ — эти господа рѣшаютъ что онъ *отсталъ*, что сущ- „ность его лекцій — *жертвечина*, что поэтому его не только „не должно слушать, но слѣдуетъ прогнать. При этомъ не „берется во вниманіе то что есть много другихъ слушателей „которые находятъ для себя безполезнымъ посѣщать его „аудиторию. Вздумается воображающимъ себя *передовыми* „людьми молодого поколѣнія устроить демонстрацію, профес- „соръ долженъ показывать къ нимъ сочувствіе, хотя бы „противъ собственнаго убѣжденія, иначе ему грозятъ свистка- „ми, ругательствами, даже побоями... Дивный способъ распро- „страненія либеральныхъ и гуманныхъ идей!“ *

Къ этой характеристикѣ прибавлять намъ отъ себя болѣе нечего.

Къ началу 1862 года возникло очень много воскресныхъ школъ. Вопросъ о народномъ образованіи казался однимъ изъ самыхъ горячихъ, животрепещущихъ и насущныхъ вопро- совъ. Никогда еще онъ не стоялъ въ такихъ благопріят- ныхъ обстоятельствахъ какъ именно въ это самое время. Въ обществахъ сознавалась идея необходимости сближенія съ народомъ. Положеніе 19го февраля порѣшило крѣпость, крестьянамъ предоставлялись права самосуда и самоуправ- ленія: все это были двигатели такого рода что по неволѣ гнали къ сознанію о настоятельной нуждѣ и пользѣ грамот- ности. Поэтому и воскресныхъ школъ возникло великое мно- жество. Ихъ заводили при гимназіяхъ, при училищахъ, и въ частныхъ домахъ, и въ приходахъ, и въ войсковыхъ казар- махъ. Люди объявившіе себя передовыми и прогрессистами почти вездѣ захватили въ свои руки власть и преподаваніе въ этихъ школахъ. Кромѣ того стали заводить народныя без- платныя читальни. Въ Петербургѣ одна была открыта при гальванической ротѣ, другая при воскресной Самсоіевской школъ на Выборгской сторонѣ.

Въ началѣ успѣхъ школъ былъ блистательный. Особен- ную популярностью пользовались Самсоіевская и на Пе- тербургской сторонѣ Введенская. Въ пользу ихъ то и

* Н. И. Костомаровъ. *Мѣшать, или не мѣшать учиться?* Май 1862 года.

дѣло устраивались подписки, концерты, лекціи, литературные вечера, любительскіе спектакли, такъ что въ средствахъ не было недостатка. Всѣмъ ходомъ дѣлъ и преподаванія завѣдывали сходки учителей, распорядительная власть принадлежала лицамъ выбраннымъ самою сходкою, и сходка же ихъ контролировала. Ученики дѣлились на кружки, и каждый кружокъ поручался неизмѣнно одному преподавателю. Много молодежи, студенты, медики, офицеры, гимназисты, семинаристы, дѣвушки и даже свѣтскія дамы и барыни, стремились записаться въ число дѣателей и преподавателей. Мода на воскресныя школы пошла ужасная, невообразимая, все это бросилось поучать народъ, все толковало о сближеніи съ народомъ, о привитіи къ нему новыхъ идей и свободныхъ началъ „новой жизни“.

И что же?...

Не прошло и года какъ множество школъ закрылись, умерли естественною, ненасильственною смертію. Жаръ охладѣлъ, энергія смѣнилась апатіей.... Мода проходила, мода успѣла уже надоесть своимъ мимолетнымъ приверженцамъ. Тѣ изъ школъ, существованіе которыхъ еще кое-какъ продолжалось, стали бѣдны и средствами, и учителями, и учениками. Радѣтели и любители народа начали манкировать дѣломъ, опаздывать на уроки и вовсе не являться въ школу. Въмѣсто ученья, завелось гулянье: ученики и учителя расхаживали, прогуливались по заламъ, толкуя не объ *азалъ*, а о современныхъ вопросахъ. Большинство же учениковъ хотѣло *азолъ*, а такъ какъ азами зачастую некому было заниматься, потому что нынче тотъ, а завтра этотъ кружокъ оставались безъ учителя, то вскорѣ недовольство стало проникать въ среду учащихся, за недовольствомъ слѣдовало охлажденіе, ученики оставляли школу, и школа умирала естественною смертію.

Дѣло спуталось, довѣріе было подорвано, и любители народа сами же нанесли тяжкій ударъ столь облюбленному ими народному просвѣщенію.

А въ общество, межъ тѣмъ, невѣдомо откуда, сыпались многочисленныя произведенія подпольной печати. Рѣдкая недѣля проходила безъ какой-нибудь новой прокламаціи, воззванія, программы дѣйствій, программы требованій, ультима-

тумовъ, угрозы.... Тутъ были и „Великороссъ“, и „Земля и воля“, и многое другое.

Эти листки приклеивались невидимою рукой къ фонарнымъ столбамъ, на углахъ улицъ, къ стѣнамъ домовъ; подбрасывались въ магазины, въ харчевни, въ трактиры, въ кабаки; ихъ находили на тротуарахъ, на рынкахъ, въ церквахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, въ казармахъ, въ учебныхъ заведеніяхъ. Они присылались по городской почтѣ къ людямъ извѣстнымъ, почтеннымъ и высокостоящимъ. Часто, возвращаясь домой, хозяинъ находилъ на лѣстницѣ, предъ дверями своей квартиры, какой-нибудь конвертъ съ подобною прокламаціей; часто въ чьей-нибудь прихожей раздавался звонокъ, и неизвѣстный человекъ, сунувъ въ руку ладья или горничной свернутый листокъ, торопливо сбѣгалъ внизъ, и скрывшись за подъездомъ, удиралъ во всѣ лопатки на лихачѣ-извозчикѣ.

Безцеремонность въ распространеніи этихъ подметныхъ листковъ дошла до того что, говорятъ, во время заутрени на Свѣтлое Воскресенье, въ самомъ дворцѣ, при многолюднѣйшемъ собраніи, было разбросано во многихъ экземплярахъ воззвание „къ русскимъ офицерамъ“. Оно валаось на подоконникахъ, на мебели, и многіе изъ офицеровъ, не исключая и весьма почтенныхъ генераловъ, совершенно неожиданно находили у себя въ заднемъ карманѣ, вмѣстѣ съ носовымъ платкомъ, и эту прокламацію.

А въ это же самое время процвѣтало царство скандала и канкана.

Канканъ самый неистовый, невообразимый, сталъ процвѣтать съ зимы 1861 года, какъ разъ послѣ студенческихъ исторій, и все шель crescendo, съ шумомъ, съ блескомъ и трескомъ, такъ что къ веснѣ изображаемаго времени, покрытый скандальнымъ ореоломъ своей блистательной славы достигъ уже полного апогея.

Маскарады Большаго Театра впервые пріютили и узаконили его въ яркой хранилѣ Талии и Мельпомены. Тамъ подвижались наемные тандоры и тандорки разряженные въ невозможно причудливые костюмы. Иные изъ нихъ, какъ слышно было, плясали даже и по наряду, то-есть въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы официально, по службѣ. Обыкновенно болѣе шести тысячъ народу, бывало, ломались въ залу Большаго Театра,

и вокругъ каре танцующихъ была вѣчная давка. Взрывы неистовыхъ „браво“ и рукоплесканій приветствовали каждое пикантное или безцеремонно-наглое тѣлодвиженіе, каждую приподнятую выше колѣна юбку, каждый смѣлый и ловкій взмахъ ноги, когда красивая маска носкомъ своей ботинки задорно сбивала шляпу съ выразительно подставленной къ ней головы своего vis-à-vis кавалера.

Въ этихъ маскарадахъ не было ни изящества, ни остроумія, ни таинственно-заманчивой поэтической прелести, саовомъ, — ничего такого чѣмъ отличались маскарады добраго, стараго, романтическаго времени. Тутъ было одно безконечное царство канкана. Изъ-подъ бархатныхъ полумасокъ по преимуществу слышался нѣмецкій говоръ, и стремленія каждой интриги сводились на исканія какъ бы нашедся какой-нибудь дуракъ который угостилъ бы даровымъ ужиномъ и шампанскимъ. И дѣйствительно, употребленіе крѣпкихъ напитковъ сдѣлало здѣсь прогрессъ невозможный.

Великосвѣтскія дамы ѣздили въ ложи, и оттуда любовались сквозь свои лорнеты и бинокли на вальпургіевы ночи канкана.

Но и маскарадный канканъ являлся сущою ничтожностью сравнительно съ тѣмъ который свирѣпствовалъ въ танцъ-классахъ.

Ежедневно на всевозможныхъ загородныхъ балахъ, у Излера, въ Екатерингофѣ, въ Петровскомъ вокзалѣ, на Крестовскомъ, въ Александровскомъ паркѣ, только и былъ канканъ, канканъ и канканъ.

Кадриль Штрауса Hommage à St.-Petersbourg, вальсъ Пассіо и полька Folichon всѣ вечера и напролетъ всѣ ночи гремѣли въ этихъ приютахъ канкана.

Но всего этого казалось еще мало. .

Канкану покровительствовали, а по системѣ протекціонизма надо было заботиться о его развитіи, и потому канканные танцъ-классы открылись уже не на окраинахъ, а въ самомъ центрѣ С.-Петербурга. Пальму первенства взялъ знаменитый Ефремовъ, неподалеку отъ Цѣпнаго моста, на углу Моховой и Пантелеймоновской улицъ. Предъ входомъ горѣла ярко иллюминированная транспарантная вывѣска, на которой огромными красными буквами значилось:

Танцевальный вечеръ, начало въ 9 часовъ; цѣна 1 рубль.

Всевозможные Гебгардты, Егаревы и Марцынкевичи изъ

кожи лѣзли стремясь перещеголять другъ друга и оспорить пальму первенства у Ефремова. А кромѣ этихъ главныхъ антрепренеровъ-сколько развелось еще второстепенныхъ, третьестепенныхъ и вовсе безстепенныхъ, трупповыхъ танцклассиковъ. И тутъ были тоже свои официальные тандоры и тандорки, были свои извѣстности и знаменитости, между которыми блистали громадный Фокинъ и такъ-называемая Катя-Ригольбошъ. Этотъ Фокинъ былъ въ своемъ родѣ первый левъ сезона, его слава росла, о немъ говорили, его поили, имъ занимались, ему рукоплескали, фельетонисты разныхъ газетъ посвящали ему плоды своихъ вдохновеній.

Но кромѣ этихъ, какъ бы официальныхъ тандоровъ, образовался многочисленный классъ добровольныхъ „благородныхъ любителей“, и все это подвизалось и преуспѣвало въ ужасающихъ на, поражаало чудесами эквилибристики и канканнаго воображенія. Массы молодыхъ и старыхъ зрителей наполняли всѣ эти залы. И все это бѣснованіе, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше текло бурнымъ, неудержимымъ потокомъ.

Дикости въ проявленіяхъ жизни общественной, развогололица во всѣхъ сферахъ общества, фанфаронство общимъ и народнымъ дѣломъ, вопросительный знакъ значительной части дворянства предъ новымъ экономическимъ бытомъ, финансовый кризисъ, зловѣщія тучи на окраинахъ, государственныя затрудненія, подпольная интрига и козни, наплывъ революціонныхъ прокламацій, и брань, брань, повальная брань въ несчастной, подунѣмотствующей литературѣ, и наконецъ, въ видѣ палліативы эта безумная и развратная оргія канкана,—вотъ общая картина того положенія въ которомъ засталъ Россію 1862 годъ.

И точно: это былъ какой-то сумбуръ, какая-то тяжелая оргія канкана, хмѣльная, чадная оргія.

Но это было явленіе нормальное.

Это было прямое и естественное слѣдствіе причинъ историческихъ, начиная съ Гатчинщины, Аракчеевщины и кончая тридцатилѣтнимъ гробовымъ молчаніемъ....

Это была расплата за прошлое.

А между тѣмъ, забавляясь и фанфарона „общимъ дѣломъ“, всѣ уже о виглаизмѣ юродствующіе доигрывались мало-помалу не только до сумашедшаго дома, но и гораздо далѣе того. Они доигрывались до крупной услуги ярому обскурантизму.

XVIII. Что значитъ смѣть свое сужденіе имѣть.

Сезонъ 61—62 года былъ необыкновенно богатъ всевозможными любительскими спектаклями, концертами и литературными чтеніями. Все это предлагалось публикѣ въ пользу „бѣдныхъ учащихся“, народныхъ читалень, студентовъ и мѣдиковъ, воскресныхъ школъ и литературнаго фонда.

Послѣ закрытія университета, многіе профессора согласились между собою читать публичныя лекціи. Петропавловская школа и городская дума уступили имъ для этой цѣли свои залы. Плата была самая доступная, по четвертаку за лекцію, и такимъ образомъ въ Петербургѣ открылся родъ общедоступнаго, партикулярнаго университета, что было весьма важно для тѣхъ экзекутовъ которые, въ силу извѣстныхъ обстоятельствъ, оказались лишенными возможности прежнимъ путемъ докончить свое образованіе. Профессора распредѣлили между собою часы лекцій, нѣсколько бывшихъ студентовъ взялись распоряжаться продажей билетовъ, такъ какъ выручка предназначена была въ пользу ихъ бѣдныхъ товарищей, и дѣло двинулось ходко, энергически и, казалось, имѣло на своей сторонѣ всѣ шансы блистательнаго успѣха.

Тотчасъ же явились мода на публичныя лекціи, но безспорно, изъ всѣхъ модъ эта послѣдняя должна была бы имѣть за себя и всѣ порядочныя симпатіи, и права на уваженіе, еслибы только для *всѣхъ* цѣлю этой моды была *одна наука*. Но увы.... для многихъ цѣль заключалась вовсе не въ ней.

Большинство аудиторіи составляли дилеттантки, такъ что зала казалась наполненною однѣми только женщинами. Эти почитательницы лекцій рѣзко дѣлились на два разряда: однѣ были „студентки“, другія, то-есть большинство—просто дилеттантки. Первыя занимались бодѣ юридическими науками, и посѣщали аудиторію еще до закрытія университета. Вторыя познакомились съ университетскою наукой только съ тѣхъ поръ какъ открылись публичныя лекціи, и отличались тѣмъ что носили шляпки, криволины, перчатки и, по невѣдѣнію, въ разговоры о Бюхнерѣ, Фогтѣ, Малешотѣ и Фейербахѣ,

какъ и вообще въ „большіе разговоры“ не вступали. Этими дилеттантками руководила пока еще одна только современная мода, и наиболее скромныя и серіозныя изъ нихъ посѣщали лекціи „О физиологіи растеній“. Многія дамы прѣзжали въ каретахъ и съ ливрейными лакеями, но французскій языкъ слышался очень мало; нѣкоторые записывали.

Много и мундировъ попадалось на этихъ лекціяхъ, даже тамъ и самъ блестящіи иногда генеральскіе погоны. Рвеніе къ лекціямъ простиралось до того что публика вламывалась потокомъ въ дверь аудиторіи.

Студентки видимо старались выдѣлиться изъ массы дилеттантокъ стриженными волосами и оригинальнымъ костюмомъ, неизмѣнную принадлежность котораго составляли отсутствіе кринолина и мужская гарибальдинка, либо мужская же барашковая шапка. Страніе выдѣлиться замѣчалась также и въ силѣ преній о „вопросахъ“ и вообще о матеріяхъ важныхъ. Въ антрактахъ и на лекціяхъ, до появленія профессора, студентки всегда вели оживленныя и довольно шумныя бесѣды.

Но между мужчинами не замедлили явиться „спеціалисты“ по части женскаго пола. Они тотчасъ же поставили своею задачей перезнакомиться чуть ли не со всѣми слушательницами, и со студентками, и съ дилеттантками; съ галантерейною любезностью сновали отъ одного женскаго кружка или кучки къ другимъ, къ третьимъ, пока не перепорхаютъ по всѣмъ безъ исключенія, тамъ спорили, здѣсь говорили комплименты, мѣнялись тетрадами, жали ручки, сбѣгали внизъ и предупредительно надѣвали салоны, и вообще старались показать что они кавалеры не безъ современности и не безъ пріятности. Другіе же, напротивъ, проповѣдовали простоту нравовъ и эгоизмъ, и въ силу того и другаго ни за что не соглашались уступить свой стулъ дамѣ.

Вообще на этихъ лекціяхъ, благодаря ихъ модѣ, новые люди и новые нравы сталкивались лицомъ къ лицу съ людьми и нравами стараго закала.

2-го марта, въ огромной залѣ Руадзе, считавшейся тогда самою модною концертною залой, былъ литературно-музыкальный вечеръ въ пользу литературнаго фонда.

Антонъ Рубинштейнъ игралъ на фортепіано, Венявскій на скрипкѣ, Лагруа пѣла, нѣсколько литераторовъ читали свои произведенія. Публики собралось гораздо болѣе тысячи

человѣкъ; тутъ присутствовали литераторы и ученые всѣхъ кружковъ и партій, люди великосвѣтскіе и среднего класса, моряки, студенты, военные, особенно генеральнаго штаба,— словомъ, на этомъ вечерѣ было необыкновенно удачно собрано все образованное меньшинство Петербурга, который до сегодня еще не запомнитъ болѣе многочисленнаго и блистательнаго собранія на литературныхъ чтеніяхъ.

Тутъ же присутствовала и наша „коммуна“ въ лицѣ всѣхъ своихъ представителей. Лиденька Затцъ, одѣтая совсѣмъ „по-домашнему“, громко объясняла какой-то стриженной и вѣроятно пріѣзжей дѣвицѣ свойства и особенности присутствовавшихъ литераторовъ и ученыхъ. Она безцеремонно тыкала на нихъ указательнымъ пальцемъ, поясняя, что „это молъ дураки, постепеновцы, а этотъ порядочный господинъ, потому что изъ нашихъ“, а тотъ—подлецъ и шпіонъ, потому что пишетъ въ газетѣ которая „ругаетъ нашихъ“; а вотъ эти двое дрянные пошляки и тупоумные глупцы, потому что оба они поэты, стихонки сочиняютъ; а этотъ профессоръ тоже дрянной пошлякъ, затѣмъ что держится политико-экономическихъ принциповъ, а тотъ „совсѣмъ подлецъ и негодяй“, такъ какъ онъ читаетъ „что-то такое о полицейскихъ и уголовныхъ законахъ, тогда какъ вообще идея виновности есть подлость и самый принципъ права въ сущности нелѣпность, да и вся-то юриспруденція вообще самая рабская наука, и потому вовсе не наука, и дураки тѣ кто ею занимаются!“

Андыфровъ, Малгоржановъ и князь заранѣе приготовляли ладони для аплодисментовъ тѣмъ изъ чтецовъ которыхъ они считали „изъ нашихъ“. Ардалионъ Полояровъ, скрестивъ на груди руки и включивъ болѣе обыкновеннаго волосы, старался глядѣть „вызительнымъ литераторомъ“ и все напуцалъ на себя молчаливо-свирѣпую мрачность. Ему, вообще, очень хотѣлось быть замѣченнымъ, чтобы публика взирая на него вопрошала: кто это, молъ, съ такимъ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, съ такою замѣчательною физиономіей?—это-де нашъ извѣстный литераторъ Ардалионъ Полояровъ.—По крайней мѣрѣ, самому Полоярову мечталось что и спрашивать, и отвѣчать должны непременно въ этомъ родѣ.

Ради чего же собственно отличался такою экстраординарною блистательностью вечеръ 2го марта?

Разгадка этого обстоятельства крылась въ томъ что нынче долженъ былъ впервые показаться предъ публикой одинъ изъ знаменитѣйшихъ публицистовъ того времени, стоявшій въ тѣ дни въ апогеѣ своей славы и имѣвшій множество горячихъ поклонниковъ и горячихъ враговъ. Поклонники заранее уже готовили своему идолу блистательную овацію, а публика нейтральная вообще интересовалась увидѣть воочию того о комъ столько кричали и писали, кого такъ страстно превозносили и такъ сильно порицали, кого наконецъ въ журнальномъ мѣрѣ столь много боялись либо изъ раболѣпія предъ авторитетомъ, либо изъ трусости предъ его безцеремонно рѣзкимъ словомъ въ полемикѣ. Когда онъ появился на эстрадѣ, въ залѣ вдругъ разразился такой громъ продолжительныхъ, встречныхъ рукоплесканій, какого рѣдко кто изъ литераторовъ и ученыхъ удостоивался до сего времени.

Онъ началъ... Но это было не чтеніе, а экспромптъ импровизаціи; онъ разказывалъ „о знакомствѣ своемъ съ Добролюбовымъ“. Монологъ его, крайне неискусный и вялый, сопровождавшійся къ тому же странными по своей безцеремонности манерами, не прерывался ни единымъ знакомъ одобренія со стороны слушателей. Публика очевидно ожидала не этого; недоумѣніе ея росло все болѣе, послышался ропотъ, даже смѣшливое фырканье... Наконецъ кто-то подошелъ къ каедрѣ и сказалъ что пора кончить, и когда публицистъ замолкъ, вдругъ раздались свистки, шипѣнье, шиканье и крики негодованія. Напрасно ярые приверженцы его старались хлопаньемъ своимъ заглушить этотъ общій взрывъ, — увы! всѣ невѣроятныя усилія ихъ легкихъ, гортани, коблуконъ и ладоней оказались тщетны. Буря свиста пересиливала всѣ другія бури.

Князь Багрово-Плохово не зналъ какъ ему быть: Малгоржановъ съ Фрумкинѣмъ хлопали, а одинъ великосвѣтскій одаокашникъ князя шикалъ и подталкивалъ его на то же самое. Лиденька же глазами дѣлала ему знаки хлопать какъ можно усерднѣе. Добродушный, но злосчастный князь, желая угодить и той и другому, вдругъ зашикалъ и захолопалъ въ одно и то же время. Свистяція губы его улыбались въ знакъ довольства самимъ собою, ибо юному князю показалось что совмѣстивъ аплодисменты со свистомъ онъ нашелъ самое остроумное разрѣшеніе труднѣйшей проблемы.

Шолоховъ не свисталъ, но и не хапалъ. Онъ только хранилъ свой мрачный видъ и въ эту минуту постарался сдѣлать его еще мрачнѣе и суровѣе. Это тоже было своего рода разрѣшеніе проблемы: взглянувъ на Ардаліона можно бы было подумать что онъ негодуетъ, можетъ на импровизатора, а можетъ на публику. Но внутри его копошилось довольство и радость. Самолюбивая и завистливая душа его вообще никому не прощала никакого успѣха,

Въ послѣдующіе дни большинство литературныхъ органовъ возстали противъ „публичнаго поведенія“ знаменитаго публициста: и въ фельетонахъ, и въ обзорнѣяхъ внутренней политики, и въ полемическихъ статьяхъ заговорили о его самовосхваленіи, о его панегирикахъ своему фуму, о неприличіи его тона и внѣшнихъ приемовъ предъ публикой. Одна газета посвятила даже цѣлую передовую статью специально „манерамъ“ этого публициста. Враги его возликовали еще болѣе; благоразумные же друзья молчали, скорбя о безтактности своего вождя, и одинъ лишь вольнонаемно-сатирической журналецъ сидѣлся защититъ и оправдать его поведеніе.

Но вечеръ 2го марта былъ знаменателенъ не столько этимъ фіаско сколько другимъ обстоятельствомъ, которое въ ближайшемъ будущемъ разрѣшилось послѣдствіями весьма печальнаго свойства:

На этомъ же самомъ вечерѣ профессоръ Петербургскаго университета, П. В. Павловъ, читалъ статью *Тысячелѣтіе Россіи*, встрѣченную публикой съ энтузіазмомъ.

6го же марта, въ *Сѣверной Почтѣ* было напечатано слѣдующее:

„При чтеніи статьи, г. Павловъ дозволилъ себѣ выраженія и возгласы, не находившіеся въ статьѣ пропущенной цензурою и клонившіеся къ возбужденію неудовольствія противъ правительства. Вслѣдствіе сего, статскому совѣтнику Платону Павлову запрещено чтеніе публичныхъ лекцій, и сдѣлано распоряженіе о высылкѣ его на жительство, подъ надзоръ полиціи, въ отдаленный уѣздный городъ.“

Личныя достоинства и заслуги пострадавшаго профессора возбудили къ нему сильное сочувствіе въ обществѣ. Но... нашлись ловкіе господа которые, думая воспользоваться этою удобною минутой, возжелали и несчастіе человѣка поэксплуатировать въ пользу своихъ несовсѣмъ-то чистенькихъ стрем-

леньцы. Эти „промышленники прогресса“, вздумали записать его въ свои ряды и прицѣпить его честное имя къ своей разношерстной кликѣ. Это была своего рода передержка въ глазахъ общества, такъ какъ профессоръ никогда не принадлежалъ къ полояровско-анцыфровскимъ партіямъ прогресса.

8го марта въ Александровской залѣ городской думы профессоръ Костомаровъ читалъ свою лекцію. Аудиторія была биткомъ набита. Еще до начала чтенія въ публикѣ обнаруживалось какое-то лихорадочное броженіе. Разные господа перебѣгали отъ кучки къ кучкѣ, шнырили между рядами стульевъ, шептались, передавали что-то, дѣлали какія-то предупрежденія, распоряженія, и вообще суетились болѣе обыкновеннаго. Публика, очевидно, была къ чему-то подготовлена, ожидала чего-то особеннаго, крупнаго, выходящаго изъ ряда обычныхъ явленій. Тамъ и сямъ упоминалось имя Павлова, передавались обстоятельства вечера 2го марта....

„Коммуна“ была вся налицо. Полоярвъ протискивался впередъ чтобы быть поближе къ каедрѣ, Анцыфровъ пѣтушкомъ слѣдовалъ за нимъ, держась за полу его пальто и подслѣповато наступая на ноги всѣмъ встрѣчнымъ. Лиденька Затцъ, забравшись сначала въ самую середину одного ряда стульевъ, гдѣ она завела громогласную бесѣду съ нѣсколькими своими знакомцами и знакомками, захотѣла пробраться тоже поближе къ каедрѣ; но такъ какъ и въ ту и въ другую сторону проходъ былъ весьма затруднителенъ, по причинѣ множества столпившагося народа, то она, не долго думая, подобрала юпку и зашагала цѣбликомъ по стульямъ, валяя напрямикъ черезъ спинки и крича во весь голосъ: „Полоярвъ! Анцыфрикъ! Подождите, черти, меня! Сядемъ всѣ вмѣстѣ!“ Ни мало не стѣсняясь тѣмъ что юпки и ноги ея задѣваютъ по плечамъ и даже по физиономіямъ впереди сидящихъ слушателей, она храбро прокладывала себѣ дорогу впередъ, пока наконецъ не соединилась со своими пріятелями. Впрочемъ такой оригинальный способъ передвиженія былъ уже здѣсь не въ диковинку, потому что еще и прежде иныя студентки зачастую прибѣгали къ нему для сокращенія разстояній.

Лекція прошла въ какомъ-то напряженномъ ожиданіи. Боль-

шинству слушателей едва сидѣлось отъ нетерпѣнія, скоро ли она кончится.

Профессоръ кончилъ и селъ съ кафедръ. Тогда на мѣ-
стѣ его тотчасъ же появился какой-то лохматый господинъ
и громогласно объявилъ что такъ какъ профессоръ Павловъ
сославъ, то распорядители порѣшили что публичныя лекціи
сегодняшнимъ числомъ прекращаются, и никакихъ болѣе чте-
ній впредь уже не будетъ.

Публика захопала и закричала „браво!“

Профессоръ, очевидно приведенный въ недоумѣніе столь
самовольнымъ и неожиданнымъ заявленіемъ, въ которомъ
заключалась такая странная логика, снова взошелъ на кафе-
дру и въ свою очередь обратился къ публикѣ съ вопросомъ:
желаетъ ли она продолженія его лекцій?

Болѣе сотни голосовъ съ разныхъ концовъ залы закрича-
ли: „Читайте! читайте! Къ чему прекращать?! Отчего жь не
продолжать? Мы хотимъ слушать! Читайте!“

Послѣ этого профессоръ объявилъ что онъ будетъ читать.

Но едва лишь сказалъ онъ эти слова какъ въ залѣ раз-
дался свистъ, гиканье, шипѣнье, крики: „вонъ! долой!“ и да-
же... площадныя ругательства.

— Онъ подкупленъ! оралъ Полояровъ. — Онъ заодно съ
жандармами!...

— Подкупленъ!... подкупленъ правительствомъ, полиціей!
орала, какъ стадо барановъ, свистящая и гикающая толпа.

— Эй, вы! за сколько васъ наняли? сколько вамъ заплати-
ли? кричалъ Полояровъ, не выставляя однако очень близко
напоказъ свою физиономію.

— Ступайте читать свои лекціи у Цѣпнаго Моста! Тамъ
васъ будутъ слушать! пронзительно визжала Лиденька, стоя
на стулѣ среди поднявшейся толпы.

— Тамъ будутъ! вторило стадо.

Профессоръ не смутился. Въ лицѣ его было спокойствіе
и твердость, и только въ движеніи губъ сказывалось, быть-
можетъ, подавляемое негодованіе.

Онъ снова сталъ говорить, несмотря на шумъ и гвалтъ,
и говорилъ громко, твердо и явственно.

Толпа на минуту примолкла.

Онъ говорилъ что не намѣренъ потакать такому пошлomu
либерализму, что извѣстные поступки, въ родѣ настоящаго
деспотическаго и безнравственнаго насилія, характеризуютъ

не либераловъ, а Репетиловыхъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи легко выходятъ Расплюевы.

Вновь поднялась неистовая буря озлобленныхъ криковъ, гама, свиста.... и опять площадныя ругательства, опять гнусные намеки и предположенія, опять комки нравственной грязи и градъ оскорбленій.

Среди двухтысячнаго стада, которымъ коноводили нѣсколько завязатыхъ вожаковъ, бывшихъ, въ свою очередь, передовыми баранами въ другомъ, еще большемъ, громаднѣйшемъ стадѣ, выдвигалась одна только самостоятельная личность, не захотѣвшая подчиниться насилію. А сколько въ этой толпѣ было тѣхъ самыхъ юношей которые не даже какъ годъ назадъ восторженно выносили на своихъ рукахъ этого же самаго профессора изъ его аудиторіи!

Изъ разныхъ угловъ литературы поднялся лай. Но на кого? На тѣхъ кто поступили по-Репетиловски? Нѣтъ, осужденію и лаю подвергся профессоръ. И это понятно: могли ли мы, смѣли ли мы поднять голосъ противъ такъ-называемаго „молодаго поколѣнія“? Мы такъ боялись и гнѣва журнальныхъ оракуловъ, и того чтобъ о насъ не подумали будто мы „отсталые“; каждому изъ насъ такъ хотѣлось, въ родѣ Петра Ивановича Бобчинскаго, „пѣтушкомъ, пѣтушкомъ“ побѣждать за молодымъ поколѣніемъ, заявить всѣмъ и каждому что и я, молъ, тоже молодое поколѣніе.

Однако многіе слушатели и словесно, и письменно стали заявлять профессору чтобъ онъ возобновилъ свой курсъ, прерванный 8го марта, и профессоръ объявилъ въ газетахъ что, подчиняясь желанію слушателей, онъ вновь начнетъ свои чтенія, лишь только прищеть новую аудиторію.

Между противниками публичныхъ лекцій, сдѣлавшими скандалъ 8го марта, поднялось новое броженіе. Многіе изъ нихъ снѣжили запастись свистками да мочеными яблоками чтобы встрѣтить имъ открытіе чтеній. Къ профессору посыпались пасквильныя, безымянные письма и угрозы; даже нѣкто выкинулъ гаусный фарсъ грозя ему смертію за противодействие общему дѣлу.

Черезъ недѣлю Костомаровъ объявилъ что его лекціи вновь открываются въ залѣ Руадзе; сонмъ противниковъ уже совсѣмъ было приготовился къ новому великому скандалу „во

има свободы“, какъ вдругъ на слѣдующій день въ *Сѣверной Почтѣ* появилось слѣдующее объявленіе:

„По распоряженію г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе безпорядковъ бывшихъ на лекціи г. профессора Костомарова, навлекающихъ нареканія на студентовъ здѣшняго университета, прекращаются разрѣшенныя прежде публичныя лекціи слѣдующихъ гг. профессоровъ и преподавателей: Костомарова, Утина, Спасовича, Мендѣлева, Калиновскаго, Благовѣщенскаго, Ивановскаго, Гайковскаго, Лохвицкаго и Гадолина.“

Итакъ лекціи были запрещены, но это запрещеніе не вызвало никакихъ толковъ. Мимолетная мода уже миновала, какъ миновала она на воскресныя школы и на многое другое...

XIX. Меркуриѳ.

Начиная съ зимняго сезона 60го, или 59го года, на петербургскомъ горизонтѣ время отъ времени стала появляться нѣкоторая новая личность. Хотя на петербургскомъ горизонтѣ появляется ежесезонно многое множество личностей, которымъ вообще можно дать имя метеоровъ: онѣ появляются, вертятся, иногда на мгновенье блистаютъ и потомъ исчезаютъ невѣдомо куда, никѣмъ не замѣченныя, на другой же день всѣми забытыя; но та личность которую мы имѣемъ въ виду представить читателю имѣла въ себѣ нѣчто особенное.

Этотъ метеоръ извѣстенъ былъ въ свѣтѣ подъ именемъ графа Слонцицкаго, а въ польскихъ кружкахъ титуловали его просто графомъ Тадеушемъ.

Но на сколько панъ Слонцицкій въ дѣйствительности имѣлъ правъ на графскій титулъ, этого не разрѣшила бы ни одна герольдія въ мірѣ. Вообще онъ былъ графъ самаго сомнительнаго качества.

Въ Петербургѣ его можно было встрѣтить вездѣ и повсюду: и на обѣдѣ въ англійскомъ клубѣ, и на раутѣ князя Г., и въ салонѣ графини К., и въ оперѣ, и вообще въ любомъ спектаклѣ, на биржѣ и на бѣгахъ, въ Лѣтнемъ саду, у генеральши Пахантьевой, у любой артистки, въ танцъ-классахъ у Гебгардта и Марцынкевича, въ гостяхъ у содержателя гласной кассы соудъ, въ редакціи *Петербуржскоѳ* *сплетни*, въ гостиной любой камелии, словомъ, куда ни пошла бы, вездѣ

вы могли бы наткнуться на графа Слонцицкаго. Но болѣе всего онъ любилъ тереться въ кругахъ которые такъ или иначе претендуютъ называться „избранными“, аристократическими.

Онъ отлично владѣлъ французскимъ, весьма хорошо русскимъ и недурно нѣмецкимъ языками, да при этомъ еще отличался польски-изящною развязностью манеръ и тою особенною наглостью которая повсюду растворяла ему любыя двери. И дѣйствительно, у него было необыкновенное умѣнье втираться въ домъ и въ дружбу. Ему ровно ничего не значило со второй встрѣчи съ человѣкомъ, прямо, ни съ того ни съ сего, начать съ нимъ вдругъ *на ты*, самымъ пріятельски-фамиллярнымъ тономъ: „Ah, mon cher, какъ, дескать, поживаетъ?... Чтѣ, душечка, поддѣлываетъ? Давно былъ у нашего милаго князя?... А, кстати, чтѣ тебя такъ давно не видать у нашей прелестной Жозефины?“ и т. д., все въ такомъ же милломъ родѣ. Но зато такъ же точно ровно ничего не значило ему въ другой разъ, столкнувшись носъ къ носу съ тѣмъ же самымъ импровизованнымъ пріателемъ, вдругъ не узнать его, или не отвѣтить на поклонъ. И вѣдь не то чтобъ онъ и въ самомъ дѣлѣ не узналъ человѣка, вѣтъ, узналъ очень хорошо, но притворился незнакомымъ. Иногда у него это дѣлается по минованіи надобности въ человѣкѣ или по какимъ-либо разчетамъ, а иногда и вовсе безъ всякихъ разчетовъ, а просто такъ, потому лишь что онъ — панъ грабя Слонцицкій.

Это былъ панъ чрезвычайно легкій на подъемъ. Сегодня онъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, а чрезъ двѣ недѣли въ Парижѣ, а тамъ, гляди, въ Вильнѣ въ административныхъ салонахъ трется, а то въ какихъ-нибудь Тельшахъ или Шавляхъ съ Жидами какія-то сдѣлки заключаетъ; потомъ его видятъ на Тверскомъ бульварѣ въ Москвѣ, а чрезъ трое сутокъ онъ уже въ Варшавѣ, въ кондитерской у Лурса, *Curjera Warszawskiego* пробѣгаетъ, но чрезъ недѣлю, гляди! опять нашъ панъ грабя бѣжитъ своею торопливою походкой по Невскому проспекту.

Иногда панъ грабя ходитъ, прятаясь отъ людей, въ старенькомъ пиджачкѣ, и вся фигура его неволью изображаетъ собою видимое отсутствіе „пенѣнды“; и чтѣ же!—не далѣе какъ вчера еще встрѣтили вы его въ такомъ, говоря относительно, убожествѣ, такъ что даже онъ самъ поспѣшилъ

отвернуться отъ васъ къ окну перваго встрѣчнаго магазина и внимательно заняться разсматриваніемъ всякихъ бездѣлушекъ, нарочно для того чтобы вы не узнали его, а сегодня онъ уже ѣдетъ въ Парижъ, и не иначе какъ въ вагонъ перваго класса, и чрезъ двѣ-три недѣли возвращается оттуда съ самымъ разнообразнымъ и причудливымъ выборомъ всевозможныхъ атрибутовъ гардероба и туалета. Между тѣмъ виленскіе „родѣки“ его очень хорошо знаютъ что у пана грабега, кромѣ фантастическаго титула нѣтъ ни кола, ни двора за душой, и ни въ единомъ изъ европейскихъ банковъ никакихъ капиталовъ на его имя не хранится. Откуда же, однако, изъ какихъ богатыхъ источниковъ черпаетъ нашъ грабя Тадеушъ средства на эти ежеминутныя летанья по всей Европѣ и на эти рѣзкіе переходы отъ старенькаго пиджачка къ великолѣпнымъ парижскимъ фракамъ? Въ Петербургѣ, при встрѣчѣ съ такимъ вопросомъ, люди обыкновенно дѣлаютъ самое индифферентное заключеніе: „а чортъ его знаетъ! должно-быть, играетъ въ карты; впрочемъ онъ ничего, славный малый!“

И точно: онъ былъ и славный малый, и *bon vivant*, и бонмотистъ, и каламбуристъ, и артистъ, и въ карты игралъ, и фокусы отлично показывалъ, но не богиня зеленого поля была его добрымъ геніемъ, открывавшимъ ему финансовыя источники.

У Слосцичкаго былъ добрый геній совсѣмъ особаго рода. Что это за добрый геній, про то не вѣдалъ никто, даже и изъ „виленьскихъ родѣковъ“, за исключеніемъ весьма ограниченнаго числа лицъ посвященныхъ....

Въ вышнихъ сферахъ „святой справы“ панъ грабя Слосцичкій былъ извѣстенъ подъ специальнымъ прозвищемъ „Меркурій“... У него имѣлись два специальныя назначенія. Одно изъ нихъ было такъ-называемая „салонная миссія“ (*missia salonowa*), въ силу которой Меркурій обязанъ былъ постоянно вертѣться во всевозможныхъ салонахъ, незамѣтно и ловко, между болтовней объ оперѣ и вчерашнемъ раутѣ, пропагандировать и такъ и сякъ „великую идею“, подчасъ поражать умы сердобольныхъ барынь повѣствованіями о русскихъ ужасахъ и варварствахъ, о страданіяхъ несчастной угнетенной Польши, возбуждать салонное и особенно дамское сочувствіе къ польскому дѣлу, подчасъ же ловко втирать очки доврчивому и умѣренному либеральному сановнику насчетъ консерватив-

ности западнаго „дворянства“ и скрытно-революціонныхъ элементовъ „хлопства“, которое только и можно удерживать въ повиновеніи посредствомъ воинскихъ экзекуцій. Кроме этого, панъ грабя обязанъ былъ вслѣдствіи вынуждены и вывѣдывать о всевозможныхъ новостяхъ правительственнаго міра, о всякомъ мѣропріятіи, проектѣ, предположеніи, которыя такъ или иначе могутъ имѣть отношеніе къ польскому дѣлу. Часто какой-нибудь случайный разговоръ, какая-нибудь фраза оброненная тѣмъ или другимъ высокопоставленнымъ лицомъ служили для Слонцицкаго поводомъ къ сообщеніямъ, выводамъ, заключеніямъ,—и обо всемъ этомъ, о слышанномъ, видѣнномъ, о сдѣланномъ и подстроенномъ онъ немедленно же сообщалъ по назначенію въ Парижъ, въ Варшаву, въ Вильну,—словомъ, куда требовалось, смотря по обстоятельствамъ. Зачастую, вслѣдствіе этихъ сообщеній, онъ получалъ какое-нибудь экстренное назначеніе изъ Ламберова отела, и тогда-то у него, совершенно неожиданно для всѣхъ его знакомыхъ, вдругъ являлась самая спѣшная, безотлагательная необходимость летѣть въ Москву, въ Тельши, въ Женеву.... Словомъ, вчера онъ и самъ не зналъ гдѣ будетъ сегодня, а сегодня не вѣдаетъ гдѣ ночуетъ завтра. Въ этихъ повсюдныхъ перелетахъ заключалось его второе специальное назначеніе. Онъ леталъ политическимъ курьеромъ къ дипломатическимъ представителямъ Ламберова отела при разныхъ правительственныхъ переднихъ Европы и къ тайнымъ представителямъ польской sprawy внутри Россіи, принося съ собой тѣмъ и другимъ сообщенія наиболѣе важнаго свойства.

Въ этой-то второй миссіи и заключалась разгадка его великолѣпныхъ фраковъ, его финансовъ, его существованія и его гонору.

Онъ благоденствуетъ и доселѣ. Графъ Муравьевъ его не повѣсилъ. Напротивъ, въ самый разгаръ времяя повстанскихъ, панъ грабя, когда только бывалъ въ Вильнѣ, неутомительно являлся въ пріемные дни на поклонъ къ Муравьеву. Его имя, впрочемъ безъ графскаго титула, можно найти на всевозможныхъ „дворянскихъ адресахъ“, въ которыхъ онъ свидѣтельствовалъ, если и не о вѣрноподданствѣ, то о высокихъ чувствахъ своего „вѣрнопреданства“. Пана грабего и доселѣ можно встрѣтить иногда то въ Петербургѣ, то въ Вильнѣ, то въ Парижѣ и пр. и пр.

Полезная миссія его не кончилась. Въ наши дни онъ съ подобающимъ ужасомъ распространяется въ нѣкоторыхъ петербургскихъ салонахъ о революціонныхъ и социалистскихъ началахъ муравьевскихъ „дѣятелей“ въ западномъ краѣ и вообще съ негодованіемъ относится о „партіи красныхъ“. Онъ, конечно, самый консервативный и самый „вѣрнопреданный изъ наивѣрнопреданнѣйшихъ“ польскихъ пановъ.

Впрочемъ.... авторъ начинаетъ чувствовать что онъ уже слишкомъ забѣжалъ впередъ своего повѣствованія, и такъ какъ читателю предстоитъ еще неоднократно встрѣчаться въ послѣдствіи съ этимъ паномъ, то въ данную минуту авторъ считаетъ благоразумнымъ пока не распространяться долѣе о дѣятельности графа Тадеуша. Эта дѣятельность принадлежитъ будущимъ повѣствованіямъ.

XX. Панъ грабя Тадеушъ и просто панъ Ансельмъ.

Онъ былъ знакомъ и съ Бейгушемъ. Онъ не могъ не быть съ нимъ знакомъ, во первыхъ потому что съ кѣмъ же и не знакомъ онъ въ Петербургѣ, а во вторыхъ, и это главное, Бейгушъ, какъ добрый патриотъ, былъ связанъ съ нимъ единствомъ идеи, общностью дѣла. Конноартиллерійскій мундиръ поручика все что-нибудь да значить, и панъ грабя любезно снисходилъ до пріятельскаго знакомства съ бравымъ поручикомъ. Хотя въ аристократическихъ салонахъ, гдѣ впрочемъ панъ Тадеушъ съ паномъ Ансельмомъ не встрѣчались, онъ и не признался бы въ близкомъ пріятельствѣ съ безвѣстнымъ офицеромъ, но въ сферахъ пониже, и особенно въ польскихъ кружкахъ, весьма охотно называлъ себя его хорошимъ знакомымъ. Въ плохія времена, когда жаль было бросить лишній рубль въ модномъ ресторанѣ и когда не предстояло случая попасть на обѣдъ въ какое-нибудь аристократическое семейство, панъ грабя зачастую направлялъ алчущія стопы свои до Ансельма и снисходительно пользовался его офицерскою похлебкой. Панъ же Ансельмъ, съ своей стороны, не мало гордился тѣмъ что можетъ назвать своимъ короткимъ пріателемъ человека съ аристократическимъ титуломъ. Находились иныя родовитыя шляхтичи которые

даже отчасти завидовали дружбѣ Бейгуша съ аристократствующимъ проходивцемъ.

Однажды, въ плохое время господства стараго пиджака, панъ грабя пришелъ покормиться къ Бейгушу и увидалъ у него на письменномъ столѣ фотографическую акварельную карточку прехорошенькой женщины, обдѣланную въ очень изящную рамочку.

— Ah, tiens!... Ба, ба, ба!... Это чтѣ значить?! развязно вскричалъ онъ, схватывая со стола портретику и любясь на него:—Пане капитане!... Такъ вотъ мы какими дѣлами занимаемся!?... а?

Бейгушъ, не въ силахъ сдержаться отъ невольнаго проявленія внутренняго самодовольства, со скромною улыбкой покрутилъ свой красивый усъ.

— Кто такая?... Купчиха? чиновница? гувернанточка?... а? лукаво подмигивая и продолжая любоваться, допытывалъ грабя.

— Нѣтъ.... барыня одна.... знакомая.... такъ себѣ, просто.... какъ бы неохотно сообщилъ Бейгушъ, тогда какъ въ душѣ весьма и весьма охотно бы разказалъ ему всю суть своей „офицерской интрижки“.

— Барыня!.. *Saprestie!*... Да какъ же это я ея не знаю? удивился Слонцидкій:—я, кажется, ихъ всѣхъ наперечетъ знаю!... Должно быть нездѣшная?... А? прѣзжая, вѣрно?

— Н-ѣтъ.... она здѣсь живетъ.

— *Mais, mon cher!*... Кто жь она такая, если это не нескромно съ моей стороны?

— Нигилистка, улыбнулся Бейгушъ.

— Ah, ça!... une nihiliste!... Аум! плотоядно мурлыкнулъ онъ:—*Vraiment, c'est piquant! la petite nihiliste!*... Прехорошенькая!

— Да, превкусная барынька! многозначительно согласилса Бейгушъ.

— Именно превкусная!... Глаза-то какіе!... А губы? а ноздри?... О, многообѣщающія ноздри! И притомъ еще нигилистка! Да это, еѣ-Богу, преинтересно!... Но только отчего жь у нея волосы не острижены? Вѣдь у этихъ нагилитокъ, говорятъ, волосы подъ гребенку стригутъ? Только фи!... Это, положимъ, оригинально, однако очень не красиво.

— Нѣтъ, эта не выстрижется!... Эта не изъ такихъ нигили-

стокъ! заступился Бейгушъ. — А у нея, надо отдать ей всякую справедливость, просто божественные волосы... Роскошь!

— О, да это видно! Это видно сейчасъ же! съ видомъ компетентнаго судьи поспѣшилъ согласиться панъ грабя.—А ты продолжаешь посвѣщать нигилистовъ? впадая въ дѣловой, серьезный тонъ, обратился онъ къ Бейгушу.

— Конечно, постоянно бываю!

— Ну, и каково теперь настроены эти инструменты?

— Да признаться сказать, настраиваетъ ихъ болѣе Пожондковский, Свиткой зовутъ, а я, грѣшный человекъ, я болѣе насчетъ этой прелестной вдовушки.

— А она еще вдовушка, вдобавокъ?

— Вдовушка. Да это чтѣ! А ты скажи что кромѣ этого и богата вдобавокъ! похвалился Бейгушъ.

— О?!.. Еще и богата!.. А какъ богата?

— Около пятидесяти тысячъ чистоганомъ!

— Тсс! покачалъ головой панъ грабя.—Послушай же, коханку! Если она такъ добра къ тебѣ и такъ богата, съ нею слѣдовало бы слупить сколько можно въ пользу дѣла, въ фондъ народовой?

— Не беспокойся! свое дѣло знаемъ! подмигнувъ панъ Ансельмъ:—триста рублей еще на прошлой недѣлѣ подписала. Уговорилъ!

Панъ грабя потоядно улыбнулся и весело потеръ себѣ руки.

— А у прочихъ какъ идетъ подписка? спросилъ онъ.

— Ничего-себѣ. Гдѣ лучше, гдѣ хуже, но въ общемъ довольно порядочно. Ужъ на что коммунисты: вѣдь это все народъ чтѣ называется ni foi, ni loi, однако Свитка и съ тѣхъ ухитрился слупить малую толику.

— А эти триста рублей?... ты ихъ отправилъ уже? съ какою-то заботливостью спросилъ панъ грабя.

— Н-вѣтъ еще.... раздумчиво отвѣтилъ Бейгушъ, и сейчасъ же вдругъ спохватился: — ахъ, это триста-то рублей!? Какъ же, какъ же! Тогда же отправлены!

„Такъ-то спокойнѣе, а то еще взаимны попросить“, подумавъ онъ себѣ и поспѣшилъ перевести разговоръ на другую тему.

— Да, да!... дѣло вообще не дурно идетъ! говорилъ онъ:— то чтѣ паче ведетъ въ салонахъ, Свитка проводитъ въ коммунахъ; а я тамъ, и самъ, а больше въ казармахъ, то-есть

такъ-себѣ, исподоволь, въ батарейной школѣ, тутъ большая осторожность нужна.

— Дѣло идетъ! компетентно и съ видимымъ удовольствіемъ подтвердилъ панъ грабя:—теперь гляди, душа моя, вотъ какъ: у меня — пропаганда салонная, у Колтышка — литературная и научная, у Чарыковского—военная, у Почебутъ-Коржимскаго—„между столпами отечества“, такъ сказать, у тебя съ этимъ Свиткой твоимъ—коммуны и нигилисты.... А разные министерства, канцеляріи, управленія? А университетъ? а корпуса? а школы, гимназіи, институты? Охо-хо-хо!...

Еще Польша не сгинѣла
Пуки мы жиемы!

запѣлъ онъ вдругъ, прихлопнувъ въ ладоши, и въ два-три на прошелся мазуркой по комнатѣ.

Послѣ обѣда, въ которомъ деньщикъ Голэмбикъ показывалъ свое кулинарное искусство, панъ грабя Слончицкій, развалясь въ креслѣ и ковыряя въ зубахъ съ такимъ сибаритскимъ видомъ какъ будто онъ только что всталъ изъ-за Лукуловскаго пиршества, снова завелъ съ поручикомъ разговоръ насчетъ прелестной вдовушки. Его ужасно интересовало: кто она?—но Бейгушъ съ видомъ притворной скромности сказалъ что онъ не имѣетъ обыкновенія называть фамиліи тѣхъ особъ которыя дарятъ его своею благосклонностью. Однако, чрезъ пять минутъ, увлеченный жаромъ своего разказа и такимъ внимательнымъ, даже пріятельски завистливымъ участіемъ друга Тадеуша, выболталъ что „моя-де Сусанна—это божество! вдова гусарскаго полковника барона Штрома (полковника и барона онъ прибавилъ для пущей важности), что эта прелесть готова ему всѣмъ пожертвовать, что она влюблена въ него безъ памяти, что вообще это добрѣйшее существо изъ всѣхъ какихъ онъ только зналъ на свѣтѣ, существо которое ни въ чемъ не умѣетъ отказывать, и вотъ доказательство: эти триста рублей пожертвованные въ пользу народоваго дѣла, но.... одно лишь бесконечно жаль: Москевка!

— Такъ что жъ что Москевка? выпучилъ глаза Тадеушъ.

— А то что, кабы не Москевка, честное слово, женился бы сейчасъ же!

— А я бы на твоёмъ мѣстѣ и непремѣнно женился бы, и тѣмъ скорѣе тѣмъ лучше! резонерскимъ тономъ заговорилъ

пань грабя:—если дѣйствительно, какъ ты говоришь, изъ нея веревки вить можно, да еще если къ тому же эта добродѣтель ни въ чемъ отказывать не умѣетъ, а для тебя готова всею пожертвовать, я бы вотъ сію же минуту „къ алтарю“. Къ алтарю безъ всякихъ разговоровъ!

— Женись на Московкѣ! съ пренебрежительною гримасой повелъ плечами поручикъ.

— Да я бы на Юліи Пастранѣ женился, лишь бы деньги!

— Да, но могу ли я связывать себя, когда не сегодня, завтра можетъ потребовать меня къ дѣлу? съ видомъ благороднаго достоинства возразилъ Бейгушъ.

— Ну, когда потребуетъ, ты и развяжись.

— Ну, это, пожалуй, не такъ легко какъ кажется!

— Чего тамъ не легко! Что жъ она, пойдетъ тебя разыскивать, преслѣдовать чрезъ полицію, что ли? Погорюетъ двѣ недѣли, и по добротѣ, общей всему Евину роду, постарается утѣшить кого-нибудь въ одиночествѣ, и сама вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшится.... А пятьдесятъ тысячъ, мой другъ, это легко вымолвить, но не легко добыть. Пятьдесятъ тысячъ на улицѣ не валяются! Вѣдь это, шутка сказать! это триста семьдесятъ пять тысячъ золотыхъ!...

Пань грабя даже выскочилъ изъ своего глубокаго, покойнаго кресла.

— Ансельмъ! съ рѣшительнымъ видомъ остановился онъ предъ Бейгушемъ:—если ты не женишься, это будетъ величайшая ошибка.... Э, да чего тамъ ошибка! Это будетъ пошлая, непростительная глупость съ твоей стороны! Понимаешь?... Я считаю тебя слишкомъ умнымъ и разчетливымъ для того чтобы ты могъ упустить такой кладъ! И именно вотъ на тотъ самый случай когда, какъ ты говоришь, Польша призоветъ тебя къ дѣлу! Э, брацшкю! драться на голодные зубы куда какъ скверно!... Будемъ смотрѣть практически, будемъ предусмотрительны! Ежелибы, наприжъръ, чего не дай Богъ и чего, я увѣренъ, не случится, но все-таки, положимъ, ежелибы.... Итакъ, ежелибы мы проиграли: имѣя въ карманѣ деньги, всегда можно, при нѣкоторой ловкости, удрать за границу, и жить себѣ въ Парижѣ или въ Швейцаріи, и работать сколько можно на пользу дѣла, а безъ денегъ что ты? Что предстоитъ тебѣ? Ватка или Иркутскъ! И это еще самое легкое! Я, братъ, человекъ прежде всего практическій. Я самъ подчасъ увлекаюсь и люблю

помечтать о томъ, о семь, о но... практики при этомъ никогда не забываю.

Бейгушъ сидѣлъ вытянувъ ноги и молчалъ, не то колеблѣсь, не то соображая что-то.

Панъ Тадеушъ, насвистывая какую-то французскую шансонетку и подщелкивая пальцами, прошелся по комнатѣ и снова сталъ предъ Бейгушемъ.

— Педаггъ моралистъ, пожалуй, скажетъ что это не со-всѣмъ-то... снова заговорилъ онъ, развивая далѣе свою тему: — но, мой другъ, вопервыхъ, между мужемъ и женою — все общее, что мое, то твое, это первое правило; а вовторыхъ, я понялъ бы такую щепетильность относительно Польки, относительно Француженки, словомъ, относительно всякой порядочной женщины любой націи цивилизованной, европейской; но относительно Москевки—воля твоя, душа моя, а этого не понимаю! Мало того: я рѣшительно не допускаю этого!

Панъ грабя пришелъ даже въ нѣкоторый патриотическій азартъ и говорилъ сильно жестикулируя.

— Какъ! продолжалъ онъ наступая:—они сто лѣтъ уже грабятъ наши дома, наши земли, наши финансы, нашихъ дѣдовъ, отцовъ и насъ теперь грабятъ, а мы будемъ деликатничать съ ними!... Вздоръ!... Ты только тѣмъ или другимъ способомъ берешь назадъ свое добро, свое, кровное, законно тебѣ принадлежащее!... Съ этой точки зрѣнія я оправдываю и взятки, и казнокрадство... Я предъ тобой говорю теперь откровенно, да и чего намъ скрывать другъ предъ другомъ?... Они твою родину расплатали, подѣлили ее и ограбили, а ты будешь еще думать да церемониться: можно ли, да слѣдуетъ ли мнѣ воспользоваться капиталомъ моей жены-Москевки? Спроси цѣлую Польшу, и вся Польша отвѣтитъ тебѣ: „не можно, а должно!“

Панъ грабя былъ даже величественъ въ своемъ паеосѣ.

Бейгушъ, видимо убѣжденный, тихо улыбнулся, въ отвѣтъ какому-то своему особому расчету и соображенію.

— А что? не рискнуть ли и въ самомъ дѣлѣ? повернулъ онъ прояснившееся лицо къ другу.

— Онъ еще спрашиваетъ! возводя глаза къ потолку и покачивая плечами, воскликнулъ Слончикій:—онъ еще спрашиваетъ!... О, тяжелая артиллерія!... Рискуй, душа моя!

XXI. И хочется, и колется....

Нѣсколько дней спустя послѣ похоронъ Лубянской, члены коммуны, въ одно далеко не прекрасное утро, были поражены совершенно неожиданною новостью.

Въ это самое не прекрасное утро нѣкоторые изъ членовъ, слѣдуя повседневному обыкновению, отправились для препровожденія времени въ книжный магазинъ Луки Доброpravова и К^о.

Но вообразите себѣ всю степень панического недоумѣнія ихъ когда входную дверь они нашли не только запертою, но и запечатанною, и при этомъ оказалось что печать несомнѣнно принадлежитъ кварталу мѣстной полиціи. Члены толкнулись съ черной лѣстницы въ другую дверь, но и тамъ то же самое. Позвали дворника, и тотъ объяснилъ что нынѣшнюю ночью пріѣзжали жандармы съ полиціей, сдѣлали большой обыскъ, запечатали магазинъ и забрали самого Луку Доброpravова.

Всѣ ужасно переполошились. Какъ, за что и почему взять Луку, никто не зналъ. Недоумѣнію не было предѣловъ. Никто даже и подозрѣвать не могъ чтобы возможно было арестовать Доброpravова, этого, повидимому, столь скромнаго, немногослаголиваго, всегда сдержаннаго, осторожно поступающаго сподвижника. Ему, казалось, только и дѣла было что до своей конторки, до своихъ книжныхъ полокъ.... Правда, любилъ онъ постоянно мечтать о возрожденіи человечества для новаго духа и новой жизни въ алюминіевыхъ фаластерахъ, но что же изъ того? Кому теплѣй или холоднѣй было отъ мечтаній Луки Доброpravова? Члены коммуны чуть ли даже не единодушно были убѣждены что этотъ вѣчный труженикъ способенъ только смотрѣть за книжнымъ магазиномъ, корпѣть надъ конторскими книгами и счетами, да еще по принципу добровольно измождать плоть свою, а онъ вдругъ чѣмъ-то такимъ занимался за что люди знакомятся съ секретными комнатами.... Но чѣмъ же занимался Лука Доброpravовъ? Что такое творилъ онъ? Для чего ни единой души изъ коммунистовъ не посвятилъ въ свои предпріятія? На эти вопросы никто не могъ подыскать

отвѣта, и только одно недоумѣніе все сильнѣй разраста-лось.

— А?... Каковъ?... Лукашка-то нашъ?... А? обращался ко всемъ Ардалионъ Полояровъ.

— Чортъ знаетъ что такое!... И кто бы ждалъ отъ него? Кто бы могъ ожидать? пожимали плечами и топырили руки члены коммуны.

Всѣхъ ужасно заинтриговало что такое дѣлалъ Лука, и за что и куда именно спрятанъ теперь? Съ помощью Сусанны навели чрезъ Бейгуша стороной кой-какія справки и пронюхали что взять Лука по очень важному дѣлу, за какое-то особенное предпріятіе; но что за предпріятіе такое и въ чемъ его важность, это оставалось покрыто мракомъ неизвѣстности.

За то, начиная съ этой минуты, уваженіе къ таинственному Лукѣ возвысилось на сто градусовъ. Но вмѣстѣ съ уваженіемъ, на сто же градусовъ, возвысился и страхъ нѣкоторыхъ коммунистовъ: „а ну, какъ и меня также сжамкаютъ?“ За что бы собственно сжамкать Малгоржанова или Андцифрова, этого ни Малгоржановъ, ни Андцифровъ и сами не вѣдали, но почему же, казалось имъ, и не сжамкать, если сжамкали Луку? Вообще, очень затруднительно опредѣлить то особенное психическое настроеніе которое одолѣло членовъ коммуны послѣ ареста Луки. Это было очень странное настроеніе. Каждому изъ нихъ и очень страшно было ареста, и очень хотѣлось его. Каждый хотѣлъ бы быть арестованъ, потому что это тотчасъ же возбуждаетъ въ дѣломъ обществѣ говоръ, толки, участіе, сочувствіе, словомъ, дѣлаетъ изъ человѣка, въ нѣкоторомъ родѣ, героя, а если и не героя, то во всякомъ случаѣ очень интересную личность: „А, молъ, Андцифровъ-то! Представьте, бѣдный!... Въ крѣпости, въ казематахъ!...“—„Неужели?!“—„Да; взять.“—„Ай, ай!... скажите пожалуйста!... Какъ жаль!... И вѣдь это все наши лучшіе люди!“ Во всемъ вообще Андцифрикамъ казалось что если говорятъ о нихъ, то не иначе какъ о лучшихъ людяхъ земли Русской, дескать сокъ и соль наша. И вотъ, въ силу таковыхъ-то побужденій, заманчиво щекочащихъ самолюбыеце, и восточнымъ Малгоржанамъ, и маленькимъ Андцифрикамъ, и Моисеямъ Фрумкинимъ, и даже князю Багрово-Шлохово ужасно какъ хотѣлось быть арестованными, и притомъ не иначе какъ ночью, и не иначе какъ съ жандармами, съ каретой, съ казематами, словомъ,

со всѣми эффектными атрибутами которые придаютъ ореолъ мученичества и политической интересъ личности каждаго плогавенькаго Андифрова. Но всѣмъ имъ непремѣнно хотѣлось быть мучениками при томъ лишь единственномъ и неизмѣнномъ условіи чтобъ ихъ всѣхъ взяли, подержали себѣ маленько, и потомъ благополучно бы выпустили съ Богомъ на волю, дабы они могли опять безпрепятственно гулять между любезными согражданами, засѣдать въ читальной Доброправа, проживать въ коммуны и повѣствовать о своемъ гражданскомъ мужествѣ и подвигахъ онаго во время заточенія. О, при этихъ условіяхъ сколь желательно и сколь лестно быть политически арестованнымъ! Это вѣдь просто оглавленіе, въ нѣкоторомъ родѣ повышение въ чинъ или орденъ на шею!

Но.... если арестуютъ, да не подержать и выпустятъ, а вдругъ ушлютъ въ какой-нибудь городъ Кадниковъ или Бугульму, подъ надзоръ мѣстныхъ властей полицейскихъ, словомъ въ какія-нибудь такіа допотопныя страны, гдѣ ни о гражданскомъ мужествѣ, ни о гражданской скорби еще и не слыхивали.... Вдругъ эдакая-то бѣда страсется! Тогда чтѣ?... Оно, конечно, можно и въ Кадниковъ идти, такъ-сказать, пионеромъ цивилизаціи и гражданскихъ чувствъ, но, чортъ возьми, тамъ насчетъ этихъ предметовъ и слова-то сказать не съ кѣмъ! Ты имъ будешь о гражданскомъ мужествѣ и о прочемъ, а они тебѣ на это: „Да-съ..... Такъ-съ.... Да, это моль, чтѣ-съ! А вотъ не хотите ли въ стучолку?“ Главная бѣда что тамъ разговаривать-то рѣшительно не съ кѣмъ! И поэтому, въ силу соображеній о Кадниковѣ и Бугульмѣ, члены коммуны, вмѣстѣ съ желаніемъ эффектнаго ареста, въ то же время и сильно побаивались его.

Каждый Андифрикъ, каждый Малгоржанъ въ то же самое утро, какъ только узнали объ арестѣ Луки, поспѣшили домой и тщательно перерыли и пересмотрѣли всѣ книжки, всѣ бумажки свои, но запретныхъ плодовъ между ними, за исключеніемъ двухъ-трехъ невинныхъ фотографическихъ карточекъ, рѣшительно не оказалось, несмотря на все стремленіе этихъ господъ подвести хотя что-либо собственной цензурой подъ категорію запрещеннаго. Тѣмъ не менѣе, для вящаго успокоенія, они побросали въ огонь и карточки, и много разнаго хлама въ родѣ старыхъ корректуръ, старыхъ рукописей, записокъ, писемъ, счетовъ и прочаго. Это суще-

ственнѣ всего способствовало облегченію ящиковъ стола и собственнаго ихъ духа.

Каждый въ отдѣльности, невольно поддаваясь въ душѣ чувству страха за возможность неблагоприятнаго ареста, хотѣлъ бы какъ-нибудь увильнуть отъ него, и потому стремился исчезнуть куда ни на есть изъ коммуны, укрыться гдѣ-нибудь на сторонѣ, въ мѣстѣ укромномъ, глухомъ и безопасномъ, и каждый, въ то же самое время, ясно провидѣлъ въ другомъ подобное же эгоистическое стремленіе; но Малгоржанову, напримѣръ, не хотѣлось чтобъ Андцыфровъ избѣжалъ ареста, тогда какъ самъ онъ, оставаясь въ коммунѣ, подвергнется ему, равно и Андцыфрову не хотѣлось чтобы Малгоржановъ укрылся, если ему, Андцыфрову, предлежитъ сія печальная участь: „лучъ лучше всѣмъ вмѣстѣ, всѣмъ заодно“, думаетъ каждый въ глубинѣ души, и потому одинъ за другимъ зорко наблюдаетъ чтобы тотъ не увильнулъ какъ-нибудь изъ коммуны. Такимъ образомъ, первое время всѣ члены коммуны держались какъ бы въ стадѣ, и если выходили куда, то старались дѣлать это по возможности гуртомъ. Одна только вдовушка Сусанна, не раздѣляя этихъ опасеній, ни за что не желала подчиниться теперь стаднымъ свойствамъ и требованіямъ. Какъ ни убѣждали ее сидѣть дома, какъ ни увѣрялъ ревнивый Малгоржановъ что это даже подлость не сидѣть когда всѣ сидятъ, Сусанна все-таки урывалась изъ коммуны и возвращалась только позднимъ вечеромъ. Малгоржановъ, быть-можетъ и не безъ основаній, подозрѣвалъ что причина этихъ настойчивыхъ уклоненій и продолжительныхъ отлучекъ кухни лежитъ ни въ чемъ иномъ какъ въ бравыхъ свойствахъ конвоартиллера Бейгуша. Впрочемъ, сама кухня, несмотря на всѣ назойливыя пристаиванья, не давала восточному человѣку ни малѣйшаго отчета въ своихъ послѣднихъ поступкахъ. Восточный человѣкъ бѣсился, выходилъ изъ себя и жестоко испытывалъ то самое чувство, которое—увы!—онъ еще почти вчера называлъ гнуснымъ и недостойнымъ порядочнаго человѣка, проповѣдая что чувство это совершенно тождественно съ тѣми побужденіями, въ силу которыхъ пошляки и подлецы не позволяютъ другому человѣку надѣть своего носильнаго платья, или брезгаютъ пить изъ одного и того же стакана одну и ту же воду. Короче, онъ жестоко ревновалъ свою кухню.

Прошло нѣсколько дней послѣ ареста надѣлавшаго столько

переполоха. Сожители все ожидали что не сегодня, завтра нагрянутъ жандармы и ихъ заберутъ. Каждый внезапный и порывистый звонокъ приводилъ ихъ въ смущеніе. И чего такъ страшились эти политическіе ребятки, они и сами не знали, но только страшились, потому что время тогда такое было.... „Тамъ берутъ, тутъ берутъ, отчего же и насъ не взять?“ все думаетъ себѣ Малгоржановъ или Анцыфровъ, безпрестанно возвращаясь все къ одной и той же господствующей и тревожащей мысли.

Но проходила ночь за ночью, день за днемъ, а роковой звонокъ не раздавался. Если и были звонки, то все такіе которые Полояровъ называлъ „глупыми“: они возвѣщали либо знакомыхъ, либо кредиторовъ. Жандармы не появлялись. Это наконецъ становится даже досадно, зачѣмъ они не появляются! И именно, досадно потому что съ каждымъ днемъ вѣроятность ареста уменьшалась, а вмѣстѣ съ этимъ уменьшеніемъ опасности пропорціально росло заманчивое желаніе быть эффектно арестованнымъ, само собою съ соблюденіемъ того условія что поддержать маленько да и выпустятъ. И съ каждымъ же днемъ они, всякъ про себя, почему-то все болѣе убѣждались что если возьмутъ, то непременно выпустятъ здрава и невредима. Это было желаніе играть въ герои и боязнь дурныхъ шансовъ игры, совершенно по пословицѣ: „и хочется, и колется....“

Одна только Сусанна, занятая другими мыслями, была чужда этихъ желаній.

Но.... дни шли за днями, ареста не послѣдовало, и члены мало-по-малу совсѣмъ успокоились.

А между тѣмъ, съ исчезновеніемъ Луки Добронравова всѣ дѣла ассоціаціи стали какъ-то расплзаться. Уже не говоря о книжномъ магазинѣ, которымъ онъ одинъ только и занимался какъ слѣдуетъ и который доставлялъ довольно значительную поддержку для существованія коммуны, всѣ эти швейные и переплетные тоже пошли врознь. Богъ вѣсть какъ и отчего—члены и сами не понимали,—только съ отсутствіемъ Луки все у нихъ стало не клеиться. Этотъ немногословный, медвѣжватый, узколобый Лука, который постоянно уклонялся отъ сожительства въ коммунѣ, быть-можетъ для того чтобъ успѣшнѣе заниматься какимъ-то своимъ особымъ таинственнымъ предпріятіемъ, этотъ Лука, на котораго всѣ склонны были смотрѣть почти какъ на послѣд-

нюю спицу въ колесницѣ, онъ-то, невѣдомо для сочленовъ, и былъ настоящею, живою душою всего дѣла, главнымъ направителемъ, руководителемъ и дѣятелемъ всей работы, всѣхъ предпріятій, клонившихся къ возрожденію человѣчества. Духъ отлетѣлъ, и организмъ сталъ разрушаться.

XXII. Сюрпризъ отъ вдовушки Сусанны.

Не прошло и мѣсяца послѣ ареста Луки какъ членовъ коммуны поразила новая и весьма существенная неприятность.

Однажды вдовушка Сусанна исчезла и ночевать не вернулась. Малгоржановъ очень тревожился. Прошли еще сутки, а вдовушки нѣтъ какъ нѣтъ. Малгоржанова уже начинали мучить нѣкоторыя темныя предчувствія. Онъ уже замышлялъ было подавать въ полицію явку объ исчезновеніи жены, какъ вдругъ на третій день утромъ Лиденька Затцъ получила съ городской почты письмо. Хотя это письмо и было адресовано на ея имя, но содержаніе его относилось ко всѣмъ вообще. Это было, въ нѣкоторомъ родѣ, посланіе сборное.

„Любезные сограждане,—спѣшу васъ удивить очень приятно для меня новостью: третьяго дня вечеромъ я сочеталась формально-законнымъ бракомъ съ поручикомъ конной артиллеріи Ансельмомъ Людвиговичемъ Бейгушъ. Новое мое положеніе препятствуетъ мнѣ продолжать старую жизнь съ вами, мои любезные сожители. Поэтому я прошу мою милую Лиденьку вещи мои собрать и переслать ко мнѣ по прилагаемому адресу. Мужу моему и мнѣ будетъ очень приятно видѣть у себя всѣхъ васъ безъ исключенія. По воскресеньямъ вечеромъ мы всегда дома. Выѣствъ съ этимъ, нахожу нужнымъ увѣдомить васъ что я сегодня же препроводила къ хозяину дома деньги за послѣдній мѣсяцъ и на дальнѣйшее время отказалась отъ квартиры. Если желаете оставаться въ ней, то постарайтесь уже сами какъ-нибудь устроить это. Вѣрьте, мои друзья, что время, проведенное мною съ вами, останется для меня навсегда однимъ изъ самыхъ приятныхъ воспоминаній. Остаюсь преданная вамъ

„Сусанна Бейгушъ.“

Карась, внезапно свалившійся съ неба, не могъ бы произвести болѣе сильнаго, болѣе неожиданнаго впечатлѣнія чѣмъ это не длинное посланіе. „Какъ? замужемъ!.. Какъ же мы-то

теперь?" мелькнуло прежде всего въ головѣ каждаго. Полояровъ, изобразивъ гримасу которая выражала собою какъ бы восклицаніе: вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! обратился съ комическимъ поклономъ къ Малгоржанову. Тотъ былъ внѣ себя.

— Я этого не позволю! чуть не задыхаясь и бѣгая по комнатѣ съ крѣпко сжатыми кулаками, не заговорилъ, а какъ-то захаркалъ гортаннымъ своимъ голосомъ Малгоржановъ. Когда онъ былъ взволнованъ или раздраженъ чѣмъ-нибудь, то быстрый говоръ его всегда переходилъ въ какое-то горловое харканье, почти общее свойство людей его расы. Глаза Малгоржанова налились кровью, губы дрожали, въ душѣ кипѣла ревность, а въ головѣ вставалъ призракъ вопроса: какъ же ты теперь безъ кузины существовать-то будешь?...

— Это подлость!... Это измѣна! Измѣна дѣлу! тараторила азартная Лиденька:—законный бракъ... и еще съ военнымъ... офицершккой!... Гдѣ жь принципъ, послѣ этого?!.. Это низость, мерзость, пошлость!... Это надо огласить! Непремѣнно надо! Чтобы во всѣхъ газетахъ, во всѣхъ журналахъ отгребали ее за такую подлую измѣну!... Надо чтобъ *Искра*, чтобы карикатуры... Погодижь ты, голубушка!... Я, господа, я это устрою!... Непремѣнно устрою!... Это такъ нельзя оставить! Это всѣхъ касается, всѣхъ честныхъ и мыслящихъ людей!... Это общее дѣло, господа!... Андцифровъ, приготовь мнѣ бумагу, я буду сейчасъ же карикатуру въ *Искру* сочинять!

Животрепещущая Лиденька горячилась не менѣе оскорбленнаго Малгоржанова.

— Какъ же теперь квартира? размышлялъ болѣе практичный Моисей Фрумкинъ:—князь! Надо чтобъ это вы теперь на себя взяли, на свое имя... съ квартирой-то...

— Да, да, съ квартирой... на свое имя... на себя взять, бессознательно, но благодушно повторялъ князь, улыбаясь и хлопая глазами въ одно и то же время.

— Я восточный человекъ!... азіатскій человекъ!... Съ кинжаломъ! харкалъ межъ тѣмъ азартно бѣгающій Малгоржановъ.

— Ну, и что жь что ты съ кинжаломъ? философски ухмылялся, обращаясь къ нему, болѣе всѣхъ спокойный Полояровъ.

— Кинжалъ! не слушая его, оралъ покинутый кузень. — Я ее заколю, его заколю!... Я не позволю!... Она мнѣ деньги должна еще.... Она мнѣ пускай деньги мои прежде отдасть.... Я жаловаться буду.... Я мои права имѣю!

— Азія! Смирися!... Смирися, Азія, говорю тебѣ! комически-ораторскимъ тономъ взывалъ къ нему Ардаліонъ, простирая руки:—не ву горяче па! Чтò съ возу упало, то пропало!... Гляди на жизнь философски, какъ я гляжу, и благо ти будетъ! Ну чтò жь что кузина носъ показала? Укротись и старайся сыскать новую, и будешь ты утѣшенъ! Вотъ тебѣ мое вѣрное слово!

И долго еще подымалась въ тотъ день пыль смятенія въ коммунѣ. Долго еще возглашалъ Малгоржановъ о своемъ восточномъ происхожденіи, долго и Лиденъка тараторила объ измѣнахъ, подлости и пошлости, принимаясь то за карриатуру, то измышляя горяченькую обличительную статейку чтобы хорошенько хлестнуть въ ней Сусанну за измѣну принципамъ и общему дѣлу. А Моисей Фрумкинъ и Ардаліонъ Полояровъ, каждый втайнѣ, самъ про себя, измышляли уже новые пути и планы для обезпеченія собственнаго и коммунаго житья-бытья безъ посредства щедратаго кармана безкорыстной вдовушки.

XXIII. Мины и подкопы.

Планы эти естественнымъ образомъ сошлись на князѣ Багрово-Плохово. Да и кто жь бы иначе могъ замѣнить вдовушку Сусанну? Ни Ардаліонъ, ни Фрумкинъ, не повѣрили другъ другу своихъ сокровенныхъ дѣлей и стремленій: каждый дѣйствовалъ особо, потому что каждый разчитывалъ приобрести себѣ исключительное вліяніе на князя; и оба въ то же время чувствовали что одинъ другому мѣшаетъ, перебиваетъ дорогу и, пожалуй, даже ногу не прочь подставить. Изъ этого возникла затаенная вражда Моисея къ Ардаліону и Ардаліона къ Моисею. Это были два врага, которые одновременно вели осаду на одну и ту же крѣпость: оба хотѣли взять крѣпость и въ то же время сокрушить другаго осаждающаго. Моисею уже давно было не по душѣ то нравственное преобладаніе которымъ пользовался въ коммунѣ Полояровъ, тѣмъ болѣе что смысленый Моисей какъ нельзя

лучше понималъ что все это преобладаніе, всѣми чувствуемое, но въ-явь никѣмъ не признаваемое, построено единственно на безпардонномъ нахальствѣ Ардалиона, на его наглости, на его громкомъ голосѣ и на его безапелляціонномъ тонѣ, которыми онъ рѣшалъ что всѣ — дураки и пошляки, и никто ничего не знаетъ, не смыслитъ и не умѣетъ, давая тѣмъ самымъ чувствовать что умезъ и свѣдуецъ одинъ только онъ, Ардалионъ Полояровъ. Самолюбіе Фрумкина давно уже страдало втайнѣ и отъ Полояровскаго первенства, и отъ Полояровской безцеремонности отношеній. Оно страдало тѣмъ болѣе что Фрумкинъ чувствовалъ и сознавалъ что и онъ точно также могъ бы играть ту же самую роль какую теперь играетъ Полояровъ, и что немножко бы только нахальства, и ничто тому не помѣшаетъ. Моисей во глубинѣ души своей рѣшилъ сокрушить Ардалиона и стать на его мѣсто. Ардалионъ же, пользуясь столько времени своими преимуществами, считалъ себя съ этой стороны вполне обезпеченнымъ, несокрушимымъ, и стремился только къ тому чтобы не допустить Моисея до исключительнаго вліянія на князя Багрово-Плохово. Но задавшись такою цѣлью, онъ совершенно упустилъ изъ виду что, кромѣ Моисея, въ коммунистическихъ существахъ еще и другіе члены, которыхъ, впрочемъ, онъ привыкъ считать за ничто, а этими-то именно членами и воспользовался исподоволь Моисей Фрумкинъ. Полояровъ, въ безпечномъ спокойствіи своемъ, ничего еще не подозревалъ, а Фрумкинъ межъ тѣмъ съ этой стороны успѣлъ уже подвести подъ него весьма значительныя мины.

Каждый изъ коммунистовъ, конечно, не менѣе Фрумкина чувствовалъ на себѣ тягость Полояровскаго преобладанія: каждый, быть-можетъ, сознавалъ что Полояровъ трактуетъ его въ душѣ какъ дурака, но.... такъ какъ Полояровъ разъ уже завоевалъ себѣ это привилегированное положеніе, и всѣ подчинились такому порядку вещей (сначала, конечно, безсознательно), то потомъ уже и молчали. Кто молчалъ изъ малодушія, изъ трусости, кто отъ безхарактерности или въ силу подчиненія болѣе сильной натурѣ, а кто и отъ самолюбія: „какъ же, молъ, я сознаю что Ардалионъ командуетъ надо мною.... Хоть оно, молъ, и такъ, а только я виду не покажу“. И такимъ образомъ, чувствуя извѣстнаго рода тягость, всѣ молча выносили ее до поры до времени. Можетъ-быть, этимъ господамъ пришлось бы и очень еще

долго выносить ее, еслибы въ душѣ Моисея не возникла коварная мысль воспользоваться Ардалионовскими преимуществами. Этими побужденіями болѣе всего руководили расчеты на карманъ глупаго князя, въ который и Ардалионъ протягивалъ свою лапу. Были тутъ у Моисея и еще кое-какія соображенія, и тоже финансоваго свойства: Моисей былъ самый работающій человекъ изъ всѣхъ коммунальныхъ сожителей. Онъ и переводами занимался, и корректуры правилъ, и фельетончики въ одну газетку поставлялъ, за что и получалъ приличное вознагражденіе. Сумма его мѣсячнаго заработка превышала заработокъ другихъ, поэтому Моисею было обидно что съ какой же стати онъ долженъ свой заработокъ отдавать въ кассу находящуюся въ завѣдываніи Полоярова, и съ какой стати этотъ самый Полояровъ, зарабатывая гораздо меньше, но пользуясь равными условіями жизни, живетъ въ нѣкоторомъ родѣ на его, Фрумкина, счетъ? Что оба они, равно съ прочими, жилали на счетъ князя и Сусанны, этого Моисей въ расчетъ не принималъ и вообще старался исключать изъ своихъ соображеній какъ нѣчто къ дѣлу вовсе не принадлежащее; но помнилъ онъ только себя и свой собственный, личный заработокъ.

Моисей, мало-по-малу, успѣлъ и прочимъ членамъ внушить мысль что Полояровъ, зарабатывая самъ очень немного и въ то же время распоряжаясь общими деньгами, живетъ по преимуществу на ихъ общій счетъ. Это открытіе очень понравилось членамъ, и оно-то послужило началомъ возстанія противъ Ардалиона. Полояровъ обязанъ былъ ежемѣсячно представлять отчетъ общему собранію членовъ, но прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, а онъ объ отчетѣ и не думалъ, да и ему никто не напоминалъ про то. Всѣ казалось жили спустя рукава, а Полояровъ болѣе всѣхъ, и потому позамотался таки и позапутался въ расчетахъ весьма изряднымъ образомъ.

Подготовка свою партію, Фрумкинъ, наконецъ, явно возсталъ противъ Ардалиона. Всѣ, въ одинъ голосъ, потребовали у него отчетовъ. Ардалионъ почувствовалъ весьма критическое положеніе. Хотѣлъ было, по обыкновенію, взять начальствомъ—не удалось, хотѣлъ и такъ и сякъ вильнуть въ сторону—и тоже не удалось. Члены настойчиво предъявляли свои требованія, Фрумкинъ кричалъ болѣе всѣхъ и даже грозилъ предать гласности всѣ поступки Полоярова, если

тотъ не представить самаго точнаго, вполне удовлетворяющаго отчета. Даже маленькій Анцыфровъ совсѣмъ вышелъ изъ повиновенія. Полояровъ растерялся. Авторитетъ его видимо падалъ и почти уже превратился въ ничто. Въ коммуны поселился раздоръ, раздвоеніе, или, вѣрнѣе сказать, возстаніе противъ Ардалионовой диктатуры. Такимъ образомъ этотъ развѣнчиваемый кумиръ испытывалъ теперь на себѣ общую судьбу диктаторовъ: пока не появлялось соперника, онъ могъ дѣлать все что угодно, и всѣ ему подчинялись, всѣ молчали, всѣ трепетали, но чуть явился соперникъ въ лицѣ Моисея, всѣ разомъ поднялись и завопили противъ Полоярова. Всѣмъ даже и лестно, и пріятно было теперь выместить на немъ свое прошлое униженіе, повиновеніе и молчаніе. Фрумкинъ явно одолевалъ, Ардалиону оставалось только покориться со смиреніемъ....

XXIV. „Съ того берега“.

Но не таковъ былъ Ардалионъ чтобы сразу смириться предъ Фрумкинѣмъ. Еще въ тѣ времена когда онъ былъ становой приставомъ, онъ привыкъ чтобы всѣ покорялись ему, а теперь вдругъ какой-нибудь Моисей Фрумкинъ одолеваетъ! Нѣтъ, этого нельзя! Это невозможно! Горше всего была потеря авторитета, потеря преобладанія. Во что бы то ни стало, надо приложить всѣ усилія, пустить въ ходъ всѣ способы, всю изобрѣтательность чтобы возстановить свой авторитетъ въ прежней силѣ. Затѣмъ преобладаніе и безконтрольность администраціи явятся сами собою, и тогда Ардалионъ наступитъ на василиска....

Хотя Ардалионъ и былъ теперь весьма сконфуженъ, хотя онъ и въ концѣ растерялся, тѣмъ не менѣе продолжалъ трактовать въ душѣ своихъ сотоварищей какъ дураковъ. А между тѣмъ самолюбіе вопіетъ, злоба на Моисея кипитъ, обаяніе недавней власти требуетъ возстановленія падшаго достоинства, мозги работаютъ надъ скорѣйшимъ изобрѣтеніемъ способовъ для этого возстановленія, а тутъ эта сконфуженность мѣшаетъ, эта растерянность и самая необходимость поспѣшности лишаютъ возможности спокойно сосредоточиться въ своихъ мысляхъ, обдумать, обстроить, получить, обставить половче все дѣло, и вотъ, Ардалионъ Полояровъ сгоряча додумывается до замѣчательнаго изобрѣтенія.

Члены назначили ему вечеръ, когда онъ обязанъ былъ представить имъ отчеты. Такъ какъ Фрумкинъ опасался съ ихъ стороны охлажденія къ дѣлу, думая что Ардалионъ успѣетъ подвести подъ нихъ какую-нибудь такую механику которая возвратитъ ему общее ихъ довѣрiе и расположенiе, то и рѣшился повтому дѣйствовать сгоряча, не давая ни членамъ, ни Полоярову сообразиться и одуматься. Впрочемъ члены достаточно сильно подыались противъ своего администратора, и сами назначили ему слѣдственное засѣданiе на другой же день послѣ возстанiя. Съ утра они, по обыкновенiю, разбрелись; но Полояровъ остался дома и все время, запершись, сидѣлъ въ своей комнатѣ. Вечеромъ же, когда всѣ собрались, онъ самъ, безъ всякаго зова и понужденiя, очень спокойно вышелъ къ нимъ въ залу. Въ лицѣ его было гордое и нѣсколько презрительное спокойствiе незаслуженно оскорбленнаго достоинства. Это лицо какъ будто говорило: „а все-таки вы-де дурачье, и я стою на столько высоко что всѣ ваши оскорбленiя никакъ до меня не достигнутъ“.

— Извините, господа, началъ Ардалионъ очень тихо, сухо и сдержанно: — извините меня что я не успѣлъ приготовить вамъ отчетъ... Я попрошу на это еще два два сроку... сегодня никакъ не могъ, потому что получилъ изъ за-границы очень важное для меня письмо и долженъ былъ по поводу его заняться нѣкоторыми соображенiями.

— Какое намъ дѣло до вашихъ писемъ! отозвался Фрумкинъ: — изъ-за вашихъ корреспонденцiй не терпѣтъ же общему интересу! Это довольно странно!

— А можетъ эта корреспонденцiя коснется еще болѣе важныхъ и болѣе общихъ интересовъ чѣмъ ваши? загадочно и вѣско возразилъ Полояровъ: — вы думаете что весь мiръ только въ вашихъ однихъ интересахъ и заключается?.. Но я повторяю вамъ что я не могъ, и даже... просто не имѣлъ права оставить безъ извѣстныхъ соображенiй это письмо.

— Да какое письмо-то?.. Откуда письмо? не утерпѣла любопытная Лидевка.

— Изъ Лондона, какъ бы нехотя и равнодушно отвѣтилъ ей Полояровъ.

Всѣ насторожили уши.

— Изъ Лондона? протянула удивленная и озадаченная Затцъ: — это еще новости какiя-то!.. хм!.. Съ кѣмъ же это у васъ корреспонденцiю въ Лондонѣ завелись?

— А вы полагали что я только съ вами и могъ вести ихъ? Слишкомъ много чести мнѣ? проницески поклонился ей Ардалионъ.

— Вы изъ Лондона письмо получили? Отъ кого же это? вмѣшался Малгоржановъ, любопытный не менѣе Лиденьки.

— Отъ Герцена... Отъ кого же еще? опять какъ бы нехота и равнодушно отвѣтилъ Полояровъ.

Это послѣднее сообщеніе произвело-таки своего рода эффектъ. Фрумкинъ смутно сталъ предчувствовать что противникъ подводитъ какіе-то еще невѣдомые ему подвохи. Всѣ переглянулись, и въ этихъ скрестившихся взглядахъ сказалось и недоумѣніе, и сильное любопытство: „какъ это, молъ, Ардалионъ Полояровъ — и вдругъ письмо отъ Герцена!.. Э!.. значить, Полояровъ таки молодець... Штука-то не простая!“ помыслилъ каждый про себя не безъ того чтобы не ощутить въ душѣ маленькій позывъ на возвратъ нѣкотораго уваженія къ Ардалиону.

— Да, со вздохомъ началъ Полояровъ грустнымъ и горько ироническимъ тономъ, вынимая изъ бокового кармана разорванный конвертъ: — мои друзья, тѣ на кого я такъ надѣялся, кому я вѣрилъ, кого я считалъ людьми одинаковыхъ убѣжденій со мною, всѣ тѣ для кого я готовъ былъ побратски жертвовать и временемъ, и трудами, и моимъ честнымъ трудовымъ кускомъ хлѣба, всѣ тѣ отъ меня отвернулись, подозреваютъ меня въ какихъ-то продѣлкахъ, считаютъ за какого-то подлеца и мерзавца!.. Это въ благодарность за мое-то братское радушіе!.. А вотъ люди цвого сорта, люди съ которыми я, положимъ, лично и не знакомъ, но эти люди и заочно знаютъ меня и дѣлаютъ мнѣ честь и уваженіе... Они вотъ и заочно успѣли понять и одѣвать меня... А мнѣ больше ничего не нужно! Я и тѣмъ счастливъ! Считайте меня послѣ этого за кого вамъ угодно, мнѣ рѣшительно все равно: я все-таки знаю что за мною остается уваженіе такихъ людей до которыхъ намъ съ вами далеко, господа.

Всю эту рѣчь, очевидно подготовленную, Полояровъ произнесъ даже растроганнымъ голосомъ, и притомъ съ чувствомъ неуязвимаго благороднаго достоинства, которое знаетъ себѣ настоящую цѣну.

— Да мы тебя вовсе и не думаемъ за подлеца считать!

вступилась Лидевька: — мы только отчета хотимъ, потому что это такъ въ правилахъ положено... Что жь тутъ такого?

— А о чемъ писать-то? Покажи... прочти, пожалуста! ласково приступилъ Малгоржановъ, въ которомъ сила любопытства значительно умягчила на время силу враждебности къ сотоварищу.

Моисей Фрумкинь мрачно стоялъ поодаль у окна и въ злбномъ молчаніи кусалъ себѣ ногти. Онъ сильно опасался теперь что члены примирятся съ Ардалиономъ, и вся его стратегика рухнетъ, опрокинутая ловкимъ противникомъ. Глупый князь, побѣжденный именемъ Герцена, уже юлилъ около Полоярова и искательною улыбкой ослаблялъ свои зубы. За исключеніемъ одного только Моисея, всѣ члены любовытно подвинулись къ Ардалиону Михайловичу и не безъ благосклонности приготовились услышать Герценовское посланіе.

Полояровъ развернулъ письмо и началъ читать:

„Милостивый Государь

„Ардалионъ Михайловичъ!

„Мы не знакомы съ вами лично. Вы выступили бойцомъ на ваше поле далеко позднѣ насъ: мы были уже тогда вдали отъ родины, и здѣсь, на этомъ берегу, готовились къ святому служенію ей... Мы вышли равными святыми. Вамъ досталась доля болѣ завидная чѣмъ намъ: вы насъ моложе, вы насъ добрѣе. Вы на мѣствѣ осызаете вашу родную почву, и вамъ, быть-можетъ, предстоитъ честная жатва... А мы... мы только издали можемъ смотрѣть на нее, наблюдать ее, мучительно скорбѣть о ней, о нашей пока еще несчастной родинѣ, и присоединять нашъ горячій голосъ — но увьи! только голосъ — къ свѣтлой, благородной дѣятельности людей вашего поколѣнія. Мы не знакомы съ вами лично, но мы заочно знаемъ васъ. Добрыя вѣсти о дѣятельности честныхъ людей хорошо доходятъ къ намъ изъ Россіи, несмотря на російско-нѣмецкія таможни, татарскія цензуры и рафинированную жандармерию. Вы остаетесь однимъ изъ тѣхъ немногихъ дѣятелей которые высоко держатъ въ Россіи знамя демократическаго социализма. Со свѣтлымъ упованіемъ обращаются наши очи на этихъ апостоловъ, бѣдныхъ числомъ, но богатыхъ духомъ и вѣрою. Идите же твердо и неуклонно вашимъ тернистымъ путемъ къ источнику новой жизни! Борьба неизбѣжна—боритесь! Мы будемъ благословлять васъ. Вы побѣдите — мы будемъ братски ликовать съ вами. Вы падете — мы запишемъ на вѣчную память всему міру ваши громкія имена въ наши мартирологи, мы

вплетемъ ихъ въ славный вѣнецъ нашихъ мучениковъ. Идите! Надъ вами заря побѣды! Отходящіе бойцы кланяются новымъ побѣдителямъ. Привѣтъ вамъ изъ нашего далека! Горячо жму вашу руку. Вашъ

„А. Герценъ.“

Письмо это сначала озадачило всѣхъ слушателей. Малгоржановъ уже сталъ было сладко улыбаться своими жирными глазами, Андифровъ ласково заежилъ и головною, и руками, и ногами, точь-въ-точь маленькій песикъ съ закорюченымъ хвостикомъ, а князь просто заржалъ отъ восторга и, слюняво сюсюкая, горячо ухватилъ и тресъ руку Полоярова:

— Bravo!.. Поздравляю!.. благодарю!.. благодарю!.. лепеталъ онъ, захлебываясь: — bravo! ей-Богу, bravo!.. Я радъ... я душевно радъ!..

— А покажите-ка конвертъ? съ какимъ-то затаеннымъ умысломъ и съ видимымъ недоверіемъ обратился къ Ардалиону Фрумкинъ.

Легкая тѣнь смущенія пробѣжала по лицу Полоярова. Онъ насунилъ и, кашлянувъ, отвернулся, будто и не слышалъ словъ Моисея.

Тотъ повторилъ свое требованіе.

— На кой вамъ чортъ еще конвертъ понадобился?

— Такъ. Видѣть желаю.

— Нечего вамъ тутъ видѣть! Ничего вы дальше своего носа не увидите.

— А вы все-таки покажите. Отчего это вы такъ упорно не желаете показать мнѣ?

— Да мнѣ чтѣ!.. Пожалуй, нате, глядите!

И онъ пренебрежительно бросилъ конвертъ Моисею.

Тотъ взявъ его со стола и внимательно оглядѣвъ съ обѣихъ сторонъ.

— Какими же вы судьбами получили это письмо?.. Тутъ что-то ни нашихъ, ни заграничныхъ штемпелей не видать... да и марокъ тоже нѣту.

Фрумкинъ вопросительно испытующимъ взглядомъ поглядѣвъ въ лицо Полоярову.

Ардалионъ скосилъ глаза свои внизъ и въ сторону.

— Экой вы младенецъ невинный! помолчавъ немного, но все-таки не глядя на Моисея, насмѣшливо заговорилъ онъ: — какой же это дуракъ сталъ бы такіа письма прямо по почтѣ

пересылать? Для этого надо не имѣть въ башкѣ ни капли человѣческаго смысла! Развѣ такія вещи по почтѣ пересылаются?

— А какъ вы получили его? любопытно допытывалъ Малгоржановъ съ пріятною улыбкой.

— Да нынче вотъ... Сижу я надъ вашими разчетами, (слово разчеты Полояровъ произнесъ не безъ преднамѣренной ироніи), вдругъ звонокъ. Отворяю, смотрю, какой-то совершенно незнакомый господинъ. „Здѣсь, говоритъ, живетъ Ардалионъ Михайловичъ Полояровъ?“ — „Здѣсь, говорю, я самъ и есть; а вамъ что, говорю, угодно?“ Тутъ онъ мнѣ подалъ это самое письмо. „Я, говоритъ, изъ друзей... вы не сомнѣвайтесь! Проѣздомъ изъ-за границы, и ѣду теперь въ Москву, а черезъ нѣсколько дней вернусь и тогда, говоритъ, непременно буду у васъ.“ Я заперъ дверь за нимъ, распечатываю и просто глазамъ не вѣрю!.. Да! прибавилъ Ардалионъ въ заключеніе съ самодовольною улыбкой: — порадовалъ таки меня Александръ Ивановичъ!... Это вѣдь просто патентъ, въ нѣкоторомъ родѣ... Этимъ можно гордиться-съ!

— Гордиться-то можно, да только не вамъ, съ ѣдкостью замѣтилъ Фрумкинъ.

— Отчего жь бы это и не мнѣ-съ?

— А оттого что не вы ли сами всегда обзываете Герцена и дуракомъ-то, и отсталымъ-то, и лишнимъ человѣкомъ, и краснобаемъ. Вспомните-ка, вѣдь это все ваши эпитеты! То вдругъ еще вчера онъ у васъ выдохшійся болтунъ, пустельга-колотовка, а сегодня ужъ вы гордитесь имъ!... Послѣдовательно-съ! И главное, прочиство вашихъ убѣжденій рисуется!

Полояровъ побагровѣлъ и злобно вскинулъ глазами на Моисея.

— Я съ вами и говорить-то не хочу! презрительно пробурчалъ онъ, отворачиваясь.

— Это всеконечно такъ-съ! съ улыбкой поклонился Фрумкинъ.—Больше вамъ и сказать-то мнѣ нечего!

Онъ чувствовалъ что шансы его борьбы съ Полояровымъ начинаютъ колебаться, и потому, какъ утопающій за соломинку, хватался теперь за каждый крючечекъ чтобы повернуть дѣло въ свою пользу.

— А мнѣ, господа, это письмо кажется очень сомнительнымъ! не стѣсняясь присутствіемъ Ардалиона, громко обратился онъ къ присутствующимъ: — и странно это, право!

Отчего вдругъ Полояровъ получаетъ отъ Герцена хвалебный гимнъ своей честности какъ разъ въ то самое время когда мы потребовали отъ него отчетовъ? Не знаю какъ вы, господа, а я нахожу что это очень странная игра случая!

Лиденька громко захохотала одобрителнымъ смѣхомъ. Андѣфровъ вслѣдъ за нею тоже было фыркнуть, но зачѣмъ взглядомъ взглянувъ на Ардалиона, тотчасъ же струсилъ и примолкъ. И Малгоржановъ, глядя на другихъ, состроилъ вдругъ лукавую усмѣшку, озаренный новою мыслію со стороны Моисея. Фрумкинъ же, видя это, начиналъ уже ощущать предвѣстіе нѣкотораго торжества.

Полояровъ въ первое мгновеніе окончательнo смутился. Злоба въ немъ закипала все болѣе.

— Я... я... я... отрывисто заговорилъ онъ, заикаясь отъ волненія и злости.—Я за такіа сомнѣнія морду колочу!

Эти слова сопровождались весьма выразительнымъ жестомъ въ воздухѣ.

И нужно же ему было произнести такое слово! И нужно же было изобразить такой жестъ!... Эта „морда“ сразу сдѣлала то что члены-сожители снова и всецѣло передались на сторону Фрумкина. Весь эффектъ Герценовскаго посланія пропалъ задаромъ. Эта „морда“ очень живо напомнила членамъ Полояровскія свойства и качества, его безцеремонность, его самомнѣніе, его диктатуру, которую только вчера, благодаря Фрумкину, они успѣли сбросить съ своей шеи. Герценовское письмо разставляло имъ новыя свѣти, и это очень хорошо поняли теперь злосчастные коммунисты. Они поняли что примириться съ Полояровымъ, поддавшись обаянію Герценовскихъ похвалъ его особѣ, значить опять пойти къ нему въ кабалу, и потому очень живо отшатнулись отъ Ардалиона, тѣмъ болѣе что Моисей Фрумкинъ успѣлъ даже заронить въ нихъ сомнѣніе касательно подлинности хвалебнаго письма.

— Нѣтъ, главное, онъ-то! онъ-то въ дѣятели попалъ! провозительнымъ своимъ голосомъ затараторила Лиденька, которая какъ флюгеръ по вѣтру перешмыгивала отъ одного къ другому.—Скажите, пожалуста, какіе нынче дѣятели!... Нѣтъ, настоящіе-то дѣятели не такъ поступаютъ.... Вотъ Лука у насъ былъ настоящій дѣятель; такъ тотъ, небось, писемъ не получалъ и всенародно не хвастался ими. Дѣятели-то теперь по казематамъ сидятъ. Вотъ гдѣ дѣятели!... И въ

самомъ дѣлѣ, поглядишь, то тотъ арестованъ, то другой, того взяли, тотъ сосланъ, берутъ ежедневно и здѣсь, и тамъ, а одно только наше красно солнышко, нашъ дѣятель, свѣтъ Ардалионъ Михайловичъ на свободѣ гуляетъ. Нѣтъ, батюшка, когда бы ты былъ настоящій дѣятель, такъ тебя давнымъ-давно бы арестовали, а ты, вишь, все еще промежь насъ толкаешься. А отчего ты не арестованъ? Отчего?

— Глупый вопросъ! пожавъ плечами, буркнулъ Полояровъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, отчего ты не арестованъ? какъ пивка впицалась Лиденька все съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ.

— Оттого что ты дура.

— Это не причина-съ. А ты мнѣ все-таки скажи: отчего Лука взятъ, арестованъ, а ты нѣтъ? Ты скажи мнѣ, а я послушаю?

— Да! Отчего вы и въ самомъ дѣлѣ не арестованы, если вы такой важный дѣятель, если вы одинъ только высоко держите знамя демократическаго социализма? ядовито поддержалъ Лиденьку Моисей Фрумкинъ: — тутъ вотъ, поглядишь, кто и гораздо пониже васъ держали знамя-то это, однако и тѣхъ позабрали, а вы благоденствуете себѣ на свободѣ. Какіе это боги покровительствуютъ вамъ?

— Нѣтъ, ты скажи намъ, отчего и зачѣмъ ты не арестованъ? приставала между тѣмъ Лиденька.

— А вы мнѣ скажите: зачѣмъ вы не арестованы? руки въ боки и ноги врозь, съ нахально смѣющимся лицомъ обратился Полояровъ ко всѣмъ присутствующимъ.

— Да мы вѣдь писемъ отъ Герцена не получаемъ, отвѣтилъ за всѣхъ Моисей Фрумкинъ.

— А отчего вы не получаете?

Нѣкоторые изъ членовъ совѣщательно переглянулись между собою. Фрумкинъ молчалъ.

— Ну-съ, такъ отчего же вы не получаете? съ возрастающимъ нахальствомъ наступалъ на нихъ Полояровъ.

Что было отвѣчать ему на такой назойливый вопросъ?

— Отчего мы и въ самомъ дѣлѣ не получаемъ? хлопая глазами и принимая все это въ самую серіозную сторону, тихо спросилъ наивный князь у Моисея.

— А я вамъ скажу отчего! продолжалъ Ардалионъ, стоя фертомъ предъ всею компаніей: — оттого что вы рыломъ еще не вышли получать-то такія письма! Вотъ отчего!

— Ладно, ладно! А вы намъ, милостивый государь, извольте все-таки отчеты представить! завопило на Полоярова все общество, въ конецъ уже оскорбленное послѣднею выходкою.— Вы намъ отчеты подайте, а если черезъ два дня у насъ не будетъ отчетовъ, такъ мы ихъ у васъ гласно, печатнымъ образомъ потребуемъ. Въ газетахъ отшлепаемъ-сь! И посмотримъ, какія тогда-то вотъ письма къ вамъ станутъ Герценъ писать!

Полояровъ, махнувъ рукою, ретировался въ свою комнату.

XXV. Изъ угла въ уголь по комнатѣ.

Ему было жутко. Герценовское письмо, на которое онъ такъ разчитывалъ, окончательно не вывезло. Упорная наглость, элементъ наиболѣе присущій натурѣ Полоярова, тоже не помогла. „Охъ, кабы не жидъ! думалъ-себѣ Ардаліонъ: кабы не онъ, все бы шло какъ по маслу! Съ остальными бы управился!“ Но эти остальные была сильны теперь жидомъ, а жидъ ими, и въ результатъ, сколь ни прикидывалъ и такъ и сякъ Полояровъ, выходило что все-таки ничего противъ этой соединенной силы не подѣлаешь.... Главнѣйшимъ образомъ смущала эта угроза предать его благодѣтельной гласности. „Охъ, ужъ эта благодѣтельная!“ злобно сжимая зубы, мыслилъ Полояровъ: „а ну какъ отпечатаютъ?...“ Эта мысль приводила его въ содроганіе: если отпечатаютъ, тогда въ журнальномъ мірѣ погибла его репутація, тогда эти каналы Фрумкины сдѣлаютъ что и статей его, пожалуй, принимать не станутъ, тогда по всѣмъ кружкамъ, по всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ, по всѣмъ союзникамъ, друзьямъ и врагамъ самое имя его эти Фрумкины пронесутъ яко золь глаголь. „Всѣ эти *Искры* въ набатъ ударятъ, пойдутъ теревить, потрошить, копаться въ тебѣ, и на всѣ лады, и въ стихахъ, и въ прозѣ, перевероятъ всю твою внутренность.“ И Полояровъ съ наслажденіемъ начинаетъ желать чтобы надъ всѣми этими *Искрами*, надъ всѣми газетами, надъ всѣми Фрумкиными вдругъ страслась бы такая бѣда, такая гроза, чтобы слова про него некому было пикнуть. Эти самыя *Искры* и Фрумкины еще только вчера составляли его силу, его первую угрозу „подлецамъ и пошлякамъ“, эти самыя *Искры* вчера еще съ такимъ ласковымъ почтеніемъ относились къ нему, а сегодня онъ

уже ихъ боится.... И все это надѣлалъ какой-нибудь Моисей Фрумкинъ.

Нѣтъ, надо какъ ни на есть поправить это дѣло! рѣшай-те-себѣ Полояровъ,—любъ расшибу, а поправлю!

Просить у нихъ прощенія что ли? мелькаетъ ему мысль. Нѣтъ, не годится!... Простить-то, пожадуй, простять, но ужъ прежняго уваженія не будетъ. И каналья Фрумкинъ на твое мѣсто сядетъ!

Какъ!... Чтобы вдругъ Фрумкинъ.... Да никогда!... Ни въ жизнь! азартно схватывается съ мѣста Полояровъ и начинаетъ шагать по комнатѣ.

Рррасшибу! въ увлеченіи вскрикнулъ вдругъ Полояровъ, описавъ по воздуху разящее движеніе кулакомъ и съ размаху хватилъ имъ по столу. Ни въ чемъ неповинный столъ затрясся и задрезжалъ со стоящимъ на немъ стаканомъ недопитаго чая.

Тише ты, дьяволь! огрызнулся на него въ полоборотъ Ардаліонъ Михайловичъ, и снова зашагалъ по комнатѣ.

И вотъ все больше и больше предается онъ злобнымъ и задорнымъ мечтамъ.

И куда-куда не заносить злорадно-золотыя мечты огорченнаго Ардаліона! Эти мечты въ данную минуту были и утѣшеніемъ его, и отместкой врагамъ за недавнее поруганіе.

Но возвращаясь, по временамъ, къ дѣйствительности, голова его додумалась-таки до рѣшенія какъ быть и что слѣдуетъ дѣлать. Присѣвъ къ столу и вынувъ чистый листъ бумаги, онъ принялся писать, медленно выводилъ буквы и какъ бы обдумывая каждое слово:

„Его высокопревосходительству....“ но вдругъ зачеркнулъ написанное и вмѣсто того выставилъ:

„Его сіятельству....“

За симъ подумалъ, пустил нѣсколько колецъ табачнаго дыма, подумалъ и сталъ писать такъ:

„Симъ имѣю честь, по долгу вѣрноподданнической присяги и по внушенію гражданскаго моего чувства, почтительнѣйше извѣстить что вольнопроживающій въ городѣ С.-Петербургѣ *нигилистъ* Моисей Исааковъ Фрумкинъ распространяетъ пропаганду зловредныхъ идей, вредящихъ началамъ доброй нравственности и святой религіи, подрывающихъ авторитетъ высшей власти и закона, стремящихся къ испроверженію существующаго порядка и наносящихъ ущербъ цѣлости государства. А посему....“

На этомъ „посему“ Полояровъ опять остановился.

Нѣтъ, „посему“ еще рано!.. Надо бы прежде еще что-нибудь такое... пополновѣсьте, а потомъ уже „посему“.... Но что бы такое?

И снова сталъ онъ ходить по комнатѣ и придумывать къ-что пополновѣсьте; но среди этихъ раздумываній, пришла ему вдругъ мысль: — А что какъ ничего этого не удастся?... Какъ если Фрумкина-то возьмутъ, поддержать-поддержать, да выпустятъ, а онъ тогда вернется къ намъ—го-го, какимъ фертомъ!... Не подходит! Да какъ начнетъ опять каверзы подыменя подводить?... Тутъ ужъ basta!... Вся эта сволочь прямо на его сторонѣ будетъ.... Какъ же, молъ, мучился, терпѣлъ... сочувствіе и прочее....

Нѣтъ, это не годится! Это не подходящее! порѣшилъ Полояровъ и въ мелкіе кусочки изорвалъ начатый доносъ свой: Этимъ я только дамъ ему же лишніе выгодные шансы противъ себя самого; а лучше бы что-нибудь другое!... Но что жь?... Что?

И снова зашагалъ онъ по комнатѣ.

Въ залѣ раздавались межъ тѣмъ веселые голоса и громкій смѣхъ. Громче всѣхъ хохотала Лидеръка. О чемъ тамъ разговаривали, Полоярову не было слышно сквозь затворенную дверь. Можно было только догадываться что надъ тѣмъ-то или надъ кѣмъ-то смѣются. „Ага! вѣрно меня на смѣхъ поднимаютъ!“ domeкнулся Полояровъ, и на цыпочкахъ подойдя къ двери, внимательно сталъ вслушиваться сквозь замочную скважину. Но и подслушивать не опредѣляло ему точнѣе причину общаго смѣха. Слышно было лишь нѣсколько голосовъ: какъ будто слово „дѣатель“, такъ по крайней мѣрѣ слышалось... А можетъ и не дѣатель,... можетъ стѣатель, а можетъ и другое что—чортъ его знаетъ!—не разберешь! — и опять этотъ невнятный шумъ говора покрылся взрывомъ дружнаго смѣха.

Ну да!... „Онъ... дѣатель“... Это они надо мной!.. Надо мной! думалъ Полояровъ, злобно кусая себѣ губы. Ему сдѣлалось и больно и досадно, и просто избилъ бы ихъ всѣхъ!.. Но главное, это такъ больно и такъ обидно что хоть плакать готовъ...

И онъ на нѣсколько минутъ, подъ вліяніемъ щемящаго до слезъ ощущенія обиды и боли вдругъ почувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, приближеннымъ человѣкомъ....

И только грунь его увидя,
 Какъ много сдѣлаалъ онъ, поймутъ,
 И какъ любилъ онъ ненавидя! —

начинаетъ наконецъ онъ патетически думать и мечтать Некрасовскими стихами.

Тфу!!! какъ бы опомнившись, энергически плюнулъ Полоярвъ почти въ ту жь минуту: да чтò жь это я, въ самомъ дѣлѣ?!.. Ужь до стиховъ!.. Ерундища какая-то все въ голову ползеть.... Смѣшно, право!

„А ты скажи зачѣмъ ты не арестованъ?... Нѣтъ, ты братъ постой! ты намъ прежде скажи зачѣмъ и почему ты не арестованъ? Зачѣмъ Лука арестованъ, а ты нѣтъ?“ смутно звучать въ ушахъ Полоярва какъ будто бы давишіе голоса.

А и въ самомъ дѣлѣ зачѣмъ я не арестованъ? остановясь среди комнаты, задаетъ онъ вдругъ самому себѣ неожиданный вопросъ и даже не безъ нѣкотораго удивленія.— Для чего я не арестованъ доселѣ, и почему бы мнѣ не быть арестованнымъ?

...А чтò, еслибы вдругъ хоть сегодня ночью нахлынули жандармы и взяли бы меня?...

...Хм!... А вѣдь это даже не душно бы было!... Ей-Богу не душно!... Впервыхъ, всѣ эти отчеты къ чорту!... вовторыхъ...

...Вовторыхъ, арестовали же Луку... значить и меня можно!...

...Н-да! вотъ, небось, какъ сжамкали Луку, такъ и куда-какъ всѣ уважать его стали!... Кто, почитай, и совсѣмъ-то не знаетъ его, или былъ на однихъ только шапочныхъ поклоняхъ, такъ и тотъ теперь, поди-ка, вездѣ трубить: „какъ же, молъ, очень коротко знакомы были!... Даже, можно сказать, пріятели!“... И сколько этихъ пріятелей сразу же найдется, чуть только сжамкаютъ человѣка! Каждому, небось, хочется, чтобъ Лукина извѣстность и слава, хоть заднимъ концомъ, а и меня бы чуточку задѣла... Ха, ха, ха!... Ей-Богу, отминая это штука быть арестованнымъ!... Сейчас это они тебя въ десять разъ больше уважать начинаютъ.

„Нѣтъ, ты, братъ, скажи, зачѣмъ ты не арестованъ, коли ты держишь знамя демократическаго социализма? Ты скажи, какіе боги тебѣ покровительствуютъ?“ снова начинаютъ смутно гудѣть въ головѣ Ардалиона всѣ эти давишіе голоса.

...И въ самомъ дѣлѣ, отличная штука! размышляетъ онъ далѣе:—то-есть вотъ какъ: если заберутъ тебя завтра или

послѣ завтра, то отчеты, главное дѣло, сейчасъ же фю-фю! А потомъ какъ выпускать, такъ этихъ дурацкихъ отчетовъ ужь никто съ меня не потребуетъ... Го-го! поглядѣлъ бы я тогда, кто это осмѣлится!.. Нѣтъ, братцы, шалишь! Тогда всѣ вы, сколько васъ ни есть, опять и знакомствомъ моимъ и дружбой гордиться станете... Уважать меня станете, подлизываться ко мнѣ... Ну, Іудей! Чтѣо взять?! Сѣлъ на мое мѣсто? а?.. Нѣтъ, братъ, тогда ужь и духомъ твоимъ въ нашей коммуны не попахнетъ!.. Выживу!.. Ха, ха, ха!.. Ей Богу, отминая штука!.. Вотъ фортель-то!.. Ну, братъ, Ардалионъ Михайловичъ, крѣписи! Шевела мозгами, пошевеливай!..

...И для чего бы, въ самомъ дѣлѣ, не быть мнѣ арестовану?.. Это даже для приличія, такъ сказать, для конвенансу, для поддержки собственного достоинства слѣдовало бы. Вѣдь я все жь таки—чортъ возьми!—известнаго рода общественное положеніе имѣю... Какъ поглядить, всѣ болѣе или менѣе порядочные люди, то-есть почти всѣ арестованы, а я нѣтъ!.. Гм... Это даже и стыдно, и обидно отчасти. Чтѣо же, развѣ я уже такъ ничтоженъ что и ареста не стою?.. И вѣдь каждый мозглякъ Андцыфровъ, каждая дура Лиденька, послѣ этого въ правѣ будутъ подумать про меня что я сущая ничтожность... И точно: какой же я серьезный дѣятель, если гуляю на свободѣ, когда даже Лука Добронравовъ арестованъ!..

...И не понимаю просто, чего эти жандармы ждуть?!.. Чего они медлятъ-то?.. Просто, дѣломъ своимъ не занимаются какъ слѣдуетъ. У насъ вѣдь и все такъ! все спуста рукава!..

...Ахъ, ты Господи! Еслибы надоумило ихъ явиться и забрать меня хоть сію минуту!

...Ну чтѣо же, поддержать да и выпускать. Какія улики? гдѣ факты? Нигдѣ и никакихъ!.. Въ чемъ виновать? Ни въ чемъ рѣшительно. Все чисто!.. Стало-быть, тутъ мнѣ и опасаться нечего... И всеконечно такъ, что поддержать да и выпускать...

Но только какъ же бы это сдѣлать чтобы быть арестованнымъ? задалъ себѣ Ардалионъ новый и послѣдній вопросъ самаго серьезнаго свойства, и снова сосредоточенно зашагалъ по комнатамъ.

Черезъ полчаса, онъ тихо и спокойно уже подошелъ къ своему столу, досталъ новый листъ бумаги, погнулъ на ногтѣ стальное перо и тщательно обмакнулъ его въ чернила.

XXVI. Дождались!

Прошелъ день, Полояровъ не говорилъ ни съ кѣмъ изъ членовъ коммуны, или, лучше сказать, съ нимъ говорить не хотѣли. Въ этотъ день онъ только утромъ часа на два ухотился изъ дому, а потомъ все сидѣлъ запершись. На слѣдующій день наступилъ крайній срокъ назначенный ему для представленія отчетовъ. Ардалионъ Михайловичъ сказался больнымъ, все время лежалъ подъ синею чуйкой и довольно смиренно просилъ у Малгоржанова передать членамъ что и сегодня онъ не можетъ по болѣзни представить имъ отчеты, и потому покорнѣе просить имѣть къ нему маленькое состраданіе, ради болѣзни, и отсрочить еще на нѣкоторое время. Члены согласились, и Моисей Фрумкинъ почти уже торжествовалъ: въ этомъ отлыниваньи Полоярова и въ его немного пониженномъ, смиренномъ тоиъ онъ провидѣлъ уже зарю своей побѣды.

Но вдругъ....

Въ этотъ же самый день, но уже ночью, часу въ третьемъ, когда вся коммуна покоилась глубокимъ сномъ, въ прихожей раздался звонокъ...

Разъ... другой... третій..

Боже мой, что жь это значитъ?!... Вся коммуна переполошилась.

— Андифровъ! вы слышите?

— Слышу... Но что это такое?

— А вотъ узнаемъ. Ступайте отворите!

— Нѣтъ, ужь увольте-сь! Встаньте вы, Малгоржановъ... вамъ ближе.

— Да я сплю. Не заставляйте же дожидаться!

— Но у меня туфель нѣтъ...

— У меня возьмите!

Но въ это время въ корридорѣ зашлепали тяжелые шаги Полоярова и вскорѣ послышался звукъ отмыкаемой двери.

— Господиъ Полояровъ дома? спросилъ чей-то незнакомый голосъ.

— Дома. Я Полояровъ.

По корридору раздались шаги, сопровождаемые звяканьемъ шпоръ и легкимъ лягомъ сабель.

Малгоржановъ высунулъ носъ въ щель своей полупритворенной двери. Изъ противоположной щели выглядывалъ носъ Анцыфрова. Въ третьей двери бѣлѣлась ночная кофта Лиденьки, и только изъ комнаты князя раздавался далеко не аристократическій и никакими звонками не возмутимый храпъ юнаго мецената.

Наѣхавшіе люди скрылись за дверью Полоярвской комнаты.

— Полиція... жандармы... жутко и испуганно прошептавъ Малгоржанову плюгавенькій, словно дѣлаясь ещеменьше и еще плюгавѣе отъ страху.

— Дождались! со вздохомъ тихо воскликнулъ восточный челоуѣкъ, и сталъ одѣваться.

Въ комнату шелъ горячій обыскъ. Обыскивали бумаги и у Малгоржанова, и у Лиденьки, и у всѣхъ остальныхъ, но тщательнѣе всего обыскивали у Полоярова.

Ардалионъ во все время обыска былъ невозмутимо спокоенъ, въ совершенную противоположность прочимъ своимъ сожителямъ:

Но вдругъ онъ словно вспомнилъ про что-то и поблѣднѣлъ, тяжело проведя по лицу рукой.

Какая злая иронія судьбы! какая коварная насмѣшка сѣпаго случая!.. И какъ было не подумать раньше! какъ было не предусмотрѣть, не уничтожить!.. Совсѣмъ изъ головы вонъ при этихъ всѣхъ передрагахъ!.. Эдакая непростительная, необъяснимая разсѣянность!.. Эдакое разгильдяйство!.. А все эти дьяволы Фрумкины!.. Вотъ что значить увлечься одною стороною дѣла! Кажись, вѣдь ужъ какъ думалъ-то! и все обдумалъ, и все передумалъ, а это и упустилъ... не додумался!... Словно бы какъ нарочно... И вѣдь пустакъ-то какой!.. Господи! что жъ теперь будетъ?

Полояровъ нечаянно спохватился что въ боковомъ карманѣ его пальто осталось письмо за подписью Герцена, которое онъ, потерпѣвъ фіаско, въ попыхахъ сунулъ туда да и позабылъ куда именно сунулъ. И какъ это такъ? словно затменіе какое нашло... Вотъ ужъ именно врагъ-то гдѣ попуталъ!

Все еще не довѣряя себѣ и своей памяти, онъ, совсѣмъ одѣвшись уже, для пущаго удостовѣренія, запустилъ руку въ боковой карманъ и пощупалъ тамъ: такъ и есть!.. лежитъ... лежитъ, проклятое! „И какъ это право! недоумѣваетъ

Полояровъ: еще третьяго дня вечеромъ, перебирая бумаги, мнѣ вѣдь казалось что я его сжегъ вмѣстѣ съ прочимъ лишнимъ хламомъ...

„Надо бы какъ-нибудь поосторожнѣе вынуть его оттуда и уничтожить, лишь бы только не замѣтили, domeкнулся Ардалионъ Михайловичъ, и уловивъ минутку повидимому самую удобную, запустилъ руку въ карманъ и сжалъ въ кулакъ скомканное письмо, съ намѣреніемъ при первой возможности бросить его куда-нибудь въ сторону, когда станутъ уходить изъ квартиры или садиться въ карету.

Однако это движеніе руки было далеко несвоевременно, что служило явнымъ доказательствомъ ненормальности душевнаго состоянія, которое весьма естественно овладѣло Ардалиономъ чуть лишь онъ вспомнилъ про Герценовское письмо.

Это роковое и уже вторичное движеніе руки въ боковой карманъ, несмотря на то что, по мнѣнію Ардалиона, минута казалась очень для того удобною, не укрылась-таки отъ зоркаго и старо-опытнаго глаза одного изъ господъ полицейскихъ.

— Потрудитесь вынуть вашу руку! очень деликатно и даже не безъ нѣкоторой вѣжливости предложилъ онъ Полоярову.

— Это зачѣмъ же-съ? глухо пробурчалъ тотъ.

— Такъ. Я васъ прошу сдѣлать это въ личное мнѣ одолженіе.

Ардалионъ оставилъ въ карманѣ скомканное письмо, и вынувъ руку, показалъ ее растопыренною ладонью вѣжливому офицеру, какъ бы для явшаго доказательства что въ рукѣ у него ровно ничего не находится.

Это, повидимому, ничего не значащее и самое естественное движеніе показалось опытному докъ весьма подозрительнымъ: оно навело его на пущее подозрѣніе что въ боковомъ карманѣ Полоярова должно быть что-то не ладно....

— Вы, конечно, будете столь обязательны и не откажетесь вынуть что лежитъ у васъ въ этомъ карманѣ? еще мягче, слабѣе и любезнѣе предложилъ онъ своему „субъекту“.

— У меня тамъ... ничего нѣтъ, запнулся слегка Полояровъ.

— Однако?

— Ей Богу ничего....

— Тѣмъ лучше-съ. Но тогда вы, для большаго убѣжденія,

Конечно, не откажетесь выворотить и показать намъ этотъ кармашекъ?

— Да развѣ вы мнѣ не довѣряете?

— Что дѣлать! ужь это наша обязанность такая... нашъ долгъ, такъ сказать...

Полояровъ ни кармана не выворачивалъ, ни довода никакого не представлялъ, а стоялъ себѣ безъ движенія, словно не понимая чего хочется офицеру.

— Ужъ вы меня извините, если такъ! съ полупоклономъ любезно пожалъ офицеръ плечами:—я, конечно, со всею деликатностью... но... я прикажу унтеръ-офицеру обезпозаботить васъ маленькимъ обыскомъ... что дѣлать-съ!.. Бога-ради, извините... Эй! Щотовъ!

Полояровъ увидѣлъ ясно что влопался теперь окончательно и, скрѣпя сокрушенное сердце, отдалъ роковое письмо.

Офицеръ очень деликатно, дѣйствуя болѣе большимъ и указательнымъ пальцами рукъ, развернулъ и тщательно расправилъ скомканную бумажку, и все съ тою же мягкой пріятною улыбочкой посмотрѣлъ на заголовокъ посланія и на подпись.

— А!.. Герцѣвъ! съ видомъ какого-то почтительнаго благоговѣнія, почти шепотомъ произнесъ онъ, рассматривая подпись; полюбовался ею, далъ полюбоваться и другимъ своимъ сотоварищамъ и рачительно присоединилъ письмо къ прочимъ бумагамъ.

— А замѣчательный человекъ-съ! добродушно и даже съ маслицемъ въ улыбающемся взорѣ обратился онъ къ Полоярову съ такимъ постороннимъ, совсѣмъ не официальнымъ тономъ, какъ будто велъ самую пріятную, вадушевную бесѣду:—да-съ, истинно замѣчательный человекъ!.. какой талантъ! и вѣдь сколько бы пользы могъ принести отечеству! Конечно, есть нѣкоторыя крайности, увлеченія, но... бойкое перо! бойкое!.. мнѣ въ особенности стиль его нравится. Прекрасный стиль!

Полояровъ стоялъ и только хлопалъ глазами.

Обыскъ въ коммунѣ былъ наконецъ оконченъ. Бумаги всѣхъ сожителей,—каждая пачка отдѣльно, — были перевязаны бичевками и запечатаны.

Поклонникъ Герценовскаго стиля очень любезно извинился предъ всѣми членами коммуны что по долгу службы напелся въ необходимости обезпозаботить ихъ въ такую позднюю

пору и еще любезнѣ предложилъ Полоярову надѣть чулки и слѣдовать по назначенію вмѣстѣ съ обысочною комиссіей.

Вскорѣ послѣ этого они отправились.

По уходѣ ихъ, и Фрумкинъ, и князь, и Лиденъка съ Андрыфровымъ, словно сконфуженные, отошли по серединѣ залы, и не говоря ни слова, только поглядывали другъ на друга.

— Ну, дождались! протянулъ, наконецъ, Малгоржановъ, разводя руками.

— Дождались! въ отвѣтъ ему повторилъ про себя каждый изъ членовъ.

Нельзя сказать чтобъ остатокъ ночи провели они спокойно.

XXVII. Есть многое въ природѣ, другъ Горацио, что и не снилось порядочнымъ людямъ.

Два три спустя послѣ этого ареста, Андрей Павловичъ Устиновъ получилъ чрезъ полицію приглашеніе пожаловать въ назначенный часъ въ одно очень важное полицейское вѣдомство. Недоумѣвая что бы могло значить и предвѣщать это краткое официальное приглашеніе, онъ далъ полиціи подписку въ томъ что требованіе будетъ исполнено, а къ назначенному времени облекся во фракъ и отправился куда требовалось.

Его провели въ особую комнату какой-то особой канцеляріи или экспедиціи, гдѣ нѣкоторый весьма благонамѣренно-внушительной наружности чиновникъ съ либеральными бакенбардами, очень любезно предложилъ ему занять кресло у заставленнаго бумагами стола, за которымъ самъ занимался. Кромѣ этого чиновника здѣсь никакого больше не было.

— Извините что мы васъ обезпокоили, началъ онъ: — не видите ли, намъ надо получить отъ васъ нѣкоторыя необходимыя объясненія по поводу вашего доноса.

Устинову показалось что онъ либо не понялъ, либо ослышался.

— Какъ вы изволили сказать? внимательно подаль онъ впередъ свою голову, наставляя ухо.

— Нѣкоторыя дополнителныя свѣдѣнія и объясненія по поводу доноса, вразумительнѣе повторили благонамѣренно-либеральныя бакенбарды.

— То-есть... какого доноса?... стараюсь выискнуть въ суть, еще болѣе подался впередъ учитель:—извините, я можетъ не совсѣмъ точно понимаю... развѣ на меня доносъ кѣмъ-либо сдѣланъ?

— О, нѣтъ! улыбнулся чиновникъ; — но намъ нужны отъ васъ объясненія по поводу вашего собственнаго доноса.

— Доноса?!.. Моего?! въ крайнемъ изумленіи откинулась Устиновъ на спинку кресла:—извините-съ, тутъ должно быть какое-нибудь недоразумѣніе... а никакихъ доносовъ не дѣлалъ!

Теперь уже чиновникъ въ свой чередъ внимательно и недоумѣло поглядѣлъ на Устинова.

— Но какъ же это однако?.. Позвольте....

И онъ вытащилъ изъ кипы бумагъ какую-то записку и свѣрился съ нею.

— Вы вѣдь господинъ Устиновъ?

— Да, я Устиновъ.

— Ваше имя Андрей Павловичъ?

— Да, это мое имя.

— Вы бывшій учитель Славнобубенской гимназіи?

— Совершенно вѣрно.

— Ну, такъ это вы и есть. Ошибки быть не можетъ. Вы Ардалиона Полоярова знаете?

— Полоярова? Знаю.

— Вы знакомы съ нимъ?

— Былъ когда-то, но теперь раззнакомился.

— По какимъ причинамъ?

Устиновъ пожалъ плечами. „Зачѣмъ ему отъ меня все это нужно знать?“ подумалось ему.

— Да безъ всякихъ особенныхъ причинъ, объяснилъ онъ:— просто потому что не люблю глупыхъ знакомствъ.

— Но... какъ же доносъ-то?

— Какой доносъ, наконецъ? ужь не безъ прорывавшейся досады возразилъ Устиновъ.

Чиновникъ снова поглядѣлъ на него внимательно.

— У насъ полученъ доносъ на Полоярова подписанный вашимъ именемъ.

— Это мистификація! воскликнулъ Устиновъ. — Но... позвольте мнѣ однако взглянуть на него... Это очень любопытно! И притомъ крайне меня удивляетъ! Кому бы могла

прийти мысль и съ какою дѣлю писать доносы отъ моего имени?

Чиновникъ порылся у себя на столѣ и подалъ Устинову бумагу.

Тотъ сталъ читать:

„Самъ имѣю честь, по долгу вѣрноподданнической присяги и по внушенію гражданскаго моего чувства, почтительнѣйше извѣстить что вольно-проживающій въ городѣ С.-Петербургѣ (слѣдуетъ адресъ) *нигилистъ* Ардалионъ Михайловъ Полояровъ имѣетъ весьма злобредное вліяніе на нѣкоторыхъ лицъ проживающихъ въ одной съ нимъ квартирѣ. Вышепомянутый *нигилистъ* Полояровъ ведетъ дѣятельную пропаганду идей и дѣйствій вредящихъ началамъ доброй нравственности и святой религіи, подрывающихъ священный авторитетъ закона и высшей власти, стремящихся къ испроверженію существующаго порядка и наносящихъ ущербъ дѣлости государства. Фактическія доказательства его злонамѣренности, заключающіяся въ его бумагахъ, сочиненіяхъ, корреспонденціи и въ хранящихся у него брошюрахъ и книгахъ могутъ быть почерпнуты посредствомъ немедленно произведеннаго обыска въ занимаемой имъ квартирѣ. Онъ же сильно прикосновененъ къ дѣлу уволеннаго изъ духовнаго сословія Луки Добронравова, о чемъ долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія надежащей власти.

„Бывшій учитель Славнобубенской гимназіи Андрей Павловъ Устиновъ.“

Маленькій математикъ прочелъ все это и, въ величайшемъ недоумѣніи, только пожалъ плечами.

— Невѣроятная мистификація!... Чья-то очень глупая и очень злая шутка, не болѣе! проговорилъ онъ:—и насколько я знаю Полоярова, это просто дуракъ, пожалуй, пустой болтунъ, какихъ теперь тысячи щеголяютъ по бѣлому свѣту, но что касается до какихъ-либо дѣйствій и идей, то у него ровно никакихъ идей въ головѣ не имѣется, и полагаю что каждый мало-мальски серьезный заговорщикъ постыдился бы назвать его своимъ сотоварищемъ.

— Это ваше убѣжденіе? пытливо спросилъ чиновникъ.

— Да, это мое искреннее убѣжденіе, основанное на достаточно знаніи господина Полоярова.

— Мы по этому-то поводу и приглашали васъ, пояснилъ чиновникъ;—потому что, видите ли, при самомъ тщательномъ обыскѣ ни у кого во всей этой квартирѣ не оказалось ровно ничего подозрительнаго.... бумаги, письма — все это самое

пустячное! Къ дѣлу Добронравова, которое теперь выяснилось для насъ всесторонне и какъ нельзя полнѣе, этотъ Полояровъ ровно никакого отношенія не имѣетъ, но вотъ, нашлось тутъ у него одно письмо за подписью Герцена; мы его свѣряли съ нѣсколькими подлинными письмами Герцена, но въ почеркѣ и тѣни нѣтъ сходства! Напротивъ, этотъ почеркъ, очевидно измѣненный нарочно, очень походитъ на почеркъ самого доноса. И притомъ конвертъ — мы знаемъ лондонскіе конверты: этотъ не похожъ ни мало, а просто слишкомъ знакомая всемъ наша домашняя, гостинодворская работа. Это видно сразу, и оно-то еще болѣе наводитъ на мысль что письмо не изъ Лондона, а вѣроятно все та же поддѣлка.

— Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Устиновъ:—я еще болѣе прихожу къ убѣжденію что все это — дѣло чьей-то гнусной шутки, жертвою которой сдѣланы Полояровъ и мое имя.

Чинovníкъ, какъ бы соображая и обдумывая что-то, запустилъ руку въ свои либеральныя бакенбарды и плавно сталъ пропускать между пальцами.

— Это, во всякомъ случаѣ, требуетъ разъясненія, медленно процѣдилъ онъ сквозь зубы и обратился къ Устинову:— вы не откажетесь, конечно, въ видахъ собственнаго своего интереса, разъяснить насколько возможно это дѣло?

— Дѣло слишкомъ близко и чувствительно касается моего имени, подтвердилъ Андрей Павловичъ.—но какъ же мнѣ разъяснять его, если я самъ пока еще ровно ничего тутъ не понимаю?

— Не знаете ли вы, напримѣръ... не вспомните ли, нѣтъ ли кого-нибудь кто питаетъ и къ вамъ, и къ Полоярову личную вражду, ненависть?

— И ко мнѣ, и къ Полоярову вмѣстѣ? Нѣтъ, такихъ рѣшительно не знаю.

— А ваши личныя отношенія къ нему, въ настоящее время, какого свойства? Совершенно равнодушныя?

— Мм... То-есть, какъ вамъ сказать?...

— Я потому васъ спрашиваю объ этомъ, пояснилъ чиновникъ, съ граціознымъ достоинствомъ поправляя положеніе своего шейнаго ордена на бѣлой сорочкѣ:—что, можетъ-быть, тотъ кто сыгралъ съ вами эту штуку имѣлъ въ виду, конечно, обставить ее такъ чтобы все дѣло не противорѣчило вашимъ дѣйствительнымъ отношеніямъ къ Полоярову,

потому что странно же предположить чтобы такая проделка была сдѣлана отъ имени совсѣмъ посторонняго, незнакомаго челоѣка. Вѣроятно, тотъ кто подписалъ здѣсь ваше имя разчитывалъ на какую-нибудь особенность вашихъ личныхъ отношеній къ этому господину, и вотъ почему именно я спрашиваю васъ какого свойства ваши отношенія: равнодушныя или враждебныя?

— Мм.... Враждебныя, это уже было бы чрезчуръ много въ отношеніи къ такому господину какъ Полояровъ, но, конечно, отношенія эти уже никакъ не могутъ назваться дружелюбными.

— Стало-быть, скорѣе приближаются къ враждебнымъ?

— Да, пожалуй.

— Не на нихъ ли тутъ и разчитывалось?

— Не знаю; можетъ быть.

Чиновникъ снова запустилъ пальцы въ бакенбарды, и снова сообразительно подумалъ о чемъ-то.

— Какъ вы полагаете, совѣщательно обратился онъ къ Устинову:—не помогло ли бы отчасти разъясненію ваше, напримѣръ, личное свиданіе съ Полояровымъ? Можетъ-быть, переговора съ нимъ, мы бы всѣ вмѣстѣ напали на какія-нибудь нити? Какъ знать? умъ хорошо, а два лучше, говорятъ пословица.

— Мнѣ все равно; я не прочь, согласился Устиновъ.

— Въ такомъ случаѣ, я бы просилъ васъ на нѣкоторое время удалиться въ ту комнату.... Это будетъ не долго, а когда понадобится, я попрошу васъ опять. Вы тамъ найдете газеты и журналы, если угодно....

Андрей Павловичъ удалился, а чиновникъ сдѣлалъ распоряженіе чтобы привели арестанта Полоярова.

Чрезъ нѣсколько минутъ Ардалионъ предсталъ предъ благонамѣренно-либеральныя бакенбарды солиднаго чиновника, и ему, точно такъ какъ и Устинову, любезно было предложено то же самое кресло.

Полояровъ совершенно спокойно, и даже не безъ нѣкоторой рисовки своимъ положеніемъ, занялъ указанное ему мѣсто.

— Вы знаете что доносъ на васъ сдѣланъ нѣкоимъ учителемъ Устиновымъ? помолчавъ немного, внезапно спросилъ чиновникъ арестанта.

— Да! вполнѣ утвердительно кивнулъ головой Полояровъ.

Это да и увѣренная положительность жеста и тона которыя

ми оно сопровождалось показались чиновнику очень странными.

— Да; это такъ, подтвердилъ и онъ ему въ свою очередь:— но вы-то почему это знаете?

Последній вопросъ былъ сопровождаемъ самою благосклонною улыбкой.

— То-есть, я такъ догадываюсь, поправился Полояровъ:— потому что кому же больше?

— О?... Такъ значить у этого господина есть какіе-нибудь особые поводы на это?

— Непремѣнно такъ, подтвердилъ Ардаліонъ:—потому что онъ радъ бы меня въ ложкѣ воды утопить, и притомъ же онъ еще въ Славнобубенскѣ, какъ слышно было, любилъ заниматься доносами; ну, такъ это ему съ руки болѣе чѣмъ кому-либо.

— Стало-быть, вы полагаете что это сдѣлано изъ личной вражды къ вамъ?

— Не иначе-съ! Чтобы надѣлать мнѣ лишннихъ непріятностей, выставить въ невыгодномъ свѣтѣ предъ правительствомъ. Чтò же касается меня, съ видомъ благороднаго достоинства прибавилъ Полояровъ,—я знаю только одно, что я невиненъ, и оклеветанъ напрасно.

— А письмо отъ Герцена? улыбнулся чиновникъ.

— Чтò же-съ?... Я ничѣмъ не заслужилъ такихъ похвалъ!... Я и дѣлъ-то съ нимъ никогда никакихъ не имѣлъ и даже, по моему крайнему убѣжденію, считаю его просто выдохшимся болтуномъ, который даже и вредить-то не можетъ! А мнѣ это письмо принесъ какой-то неизвѣстный въ тотъ самый вечеръ какъ меня арестовали. Вся бѣда моя только въ томъ что я не успѣлъ его уничтожить. Но теперь я вижу ясно что и оно, должно-быть, тоже Устиновской работы, чтобы вѣрнѣе погубить меня.... Но Богъ съ нимъ, съ этимъ милымъ баринкомъ, великодушно махнулъ Ардаліонъ рукою и даже вздохнулъ при этомъ:—злому за зло платить не хочу! И не желаю ему ничего дурнаго.... Богъ съ нимъ! Справедливый законъ, безъ сомнѣнія, увидитъ мою правоту и невинность, и тогда, если я буду освобожденъ, я не стану его преслѣдовать и буду даже тогда просить его сіятельство оставить и забыть все это дѣло.... Пусть же лучше его накажетъ собственная совѣсть!

— Это конечно! Наказаніе божеское сильнѣе человѣческаго, съ чувствомъ согласился чиновникъ и позвонилъ.

Вошелъ унтеръ-офицеръ.

— Тамъ ждетъ меня въ той комнатѣ одинъ господинъ... скажи ему что онъ можетъ войти.

— Слушаю-съ.

— Прикажете мнѣ удалиться? приподнялся Полояровъ.

— Сію минуточку-съ! безразлично и вскользь кивнулъ ему чиновникъ, наклонившись надъ кипой своихъ бумагъ и будто отыскивая въ нихъ что-то.

Растворилась дверь и вошелъ Устиновъ.

Ардалионъ вздрогнулъ, вскочилъ съ мѣста, огматнулся назадъ и поблѣднѣлъ мгновенно.

Онъ могъ бы ожидать чего хотите, но только никакъ не этого появленія въ настоящую минуту.

Величайшее смущеніе покрыло собою всю его фигуру.

Эта внезапность въ одинъ мигъ сдѣлала то что онъ въ конецъ растерялся и никакъ не могъ ни овладѣть собою, ни собрать своихъ мыслей.

— Господинъ Полояровъ рѣшительно утверждаетъ что этотъ доносъ написали вы по личной къ нему ненависти, обратился чиновникъ къ Устинову: — Господинъ Полояровъ даже весьма страннымъ образомъ изумилъ меня, сказавъ сразу, самымъ рѣшительнымъ тономъ, что это никто иной и быть не можетъ какъ только вы, господинъ Устиновъ.

Краска негодованія выступила на лицѣ Устинова.

— Господинъ Полояровъ лжетъ, съ твердостью проговорилъ онъ, глядя въ упоръ въ смущенное, перепуганное лицо Ардалиона: — соберите всѣ мои письма, записки, рукописи, созовите экспертовъ, и они подтвердятъ вамъ что это наглая ложь! Вотъ, кстати, со мною какъ разъ есть одно письмо, — я не успѣлъ еще бросить его въ почтовый ящикъ, продолжалъ Андрей Павловичъ, вынувъ изъ бокового кармана конвертъ и сламывая печать: — вотъ оно! Сличите сейчасъ же мою руку, мою подпись.... Подписывая доносъ своимъ именемъ, я, конечно, не имѣлъ бы ни малѣйшей надобности измѣнять мой почеркъ. Позвольте же теперь, господинъ Полояровъ, узнать цѣль съ которою вы это утверждаете?!

— А заодно ужъ, домекнулся чиновникъ, — мы сличимъ и почеркъ господина Полоярова, да и его друзей, — здѣсь,

кстати, довольно есть разныхъ писемъ, — авось до чего и доберемся!

Онъ позвонилъ. Явился унтеръ-офицеръ, которому было приказано позвать какого-то Карла Ивановича.

Вошелъ Карлъ Ивановичъ, благоприличной, благонамѣренной наружности чиновникъ, щупленькій, сивенькій, лѣтъ около пятидесяти, съ орденомъ въ петлицѣ.

— Вотъ, Карлъ Ивановичъ, потрудитесь, пожалуйста, сейчасъ же случить почерки этихъ рукъ, обратился къ нему обладатель либеральныхъ бакенбардъ, подавая доносъ, Герценовское письмо, письмо Устинова и одинъ листокъ изъ рукописи Полоярова.

Карлъ Ивановичъ, не торопясь, протеръ свои толстые золотые очки, методически осѣдлалъ ими востренькій носикъ и сосредоточенно погрузился въ разсмотрѣнiе предложенныхъ ему бумагъ.

— Это совсѣмъ посторонняя рука, сказалъ онъ наконецъ, откладывая въ сторону письмо Андрея Павловича. — А это и это похоже... очень похоже, объявилъ онъ черезъ нѣсколько времени, указывая либеральнымъ бакенбардамъ на доносъ и письмо отъ Герцена. — Всѣ эти три бумаги писаны одною рукою, компетентно порѣшилъ онъ, наконецъ, случивъ ихъ съ рукописью Полоярова:—въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя, потому что, глядите сами, характеръ отдѣльныхъ буквъ, вотъ, на примѣръ: р, б, ж, д, к, т, в, во всѣхъ трехъ бумагахъ точенъ и одинаковъ до поразительности. Въ нихъ измѣненъ только наклонъ почерка, но характеръ руки—все одинъ и тотъ же. Это одна рука писала, повторилъ онъ еще разъ тономъ колебимаго убѣжденiя.

Ардalionъ почувствовалъ себя, въ нѣкоторомъ родѣ, взятымъ за горло и крѣпко притиснутымъ въ уголъ къ стѣнѣ. Все сорвалось, все лопнуло, и все уже кончено!... Гдѣ доводы? гдѣ оправданiя? что тутъ выдумаешь?... Ни одной мысли порядочной нѣтъ въ головѣ! Логика, находчивость, все это сбилось, спуталось и полетѣло къ черту! Пропалъ человекъ, ни за грошъ пропалъ!... Все потеряно, кромѣ.... да нѣтъ, даже и *крош* потеряно.

— Простите!... Пощадите!... Виноватъ.... Одинъ.... одинъ кругомъ виноватъ! глухо пробормоталъ онъ дрожащими, посинѣлыми губами, съ бесконечно жалкимъ, глубоко-растерян-

вымъ и перетрусившимъ видомъ приближаясь къ столу чиновника.

— Въ чемъ-съ прикажете простить васъ, и въ чемъ вы одинъ виноваты? методически размѣренно, пунктуально, съ спокойно-ледяною улыбкой спросилъ чиновникъ, привставъ съ мѣста и эластически упираясь на столъ сжатыми пальцами.

Въ головѣ Полоярова точно колесило что-то, въ ушахъ тонко звенѣло, и въ глазахъ рябило какими-то плавающими сверху внизъ водянистыми мушками. Онъ смутно и бессмысленно видѣлъ только сверканіе дорогаго перстня на упертомъ въ столъ указательномъ пальцѣ своего неприступно и морозно-вѣжливаго допрощика.

— Итакъ, спрашиваю васъ еще разъ: въ чемъ прикажете простить васъ, и въ чемъ вы одинъ виноваты-съ?

— Я.... я.... этотъ доносъ.... я самъ на себя написалъ его.

Устиновъ широко раскрылъ и ротъ, и глаза, даже отшатнулся назадъ отъ изумленія: столь неожиданно и нелѣпо было это признаніе! Логика его просто отказывалась понять такое ни съ чѣмъ несообразное дѣйствіе. Доносъ на самого себя!

— А письмо Герцена къ вашей особѣ? металлически звучалъ межъ тѣмъ спокойный, ничѣмъ не возмутимый голосъ допрощика.

— Тоже самъ написалъ.... сконфуженнымъ шепотомъ проормоталъ Полояровъ, не зная куда дѣваться отъ двухъ съ разныхъ сторонъ устремленныхъ на него взглядовъ.

— Съ какою цѣлю вы это дѣлали? допрашивалъ чиновникъ.

— По глупости-съ.... Виновать.... Пощадите.... пощадите!... Я круглый сирота.... Ни отца, ни матери!...

И онъ началъ тяжело всхлипывать. Лицо его искривилось, нижняя губа конвульсивно задергалась, и въ глазахъ показались непритворныя, настоящія слезы....

Дѣйствительно, онъ былъ очень жалокъ въ эту минуту.

— Сядьте.... успокойтесь, придите въ себя! вдругъ предупредительно и мягко заговорилъ чиновникъ, наливая ему въ стаканъ воды изъ граненаго графина:—выпейте воды.... нѣсколько глотковъ, это васъ облегчитъ. Успокойтесь же, успокойтесь!...

Полояровъ почти повалился въ подставленное ему кресло, трасующею рукой взялъ отъ чиновника стаканъ и жадно

вытянулъ изъ него всю воду. Всклипыванья стали меньше. Черезъ нѣсколько минутъ онъ сдѣлался гораздо спокойнѣе, но все-таки въ величайшемъ смущеніи чувствовалъ что глазъ поднять не можетъ ни на своего столь внимательнаго допро-щика, ни на глубоко пораженнаго Устинова, и особенно на Устинова.

— Ну, скажите же мнѣ теперь откровенно что васъ побу-дило писать на самого себя доносы? уже мягко и участливо приступилъ чиновникъ къ новому допрашиванью.

— Хотѣлъ быть арестованнымъ, тихо проговорилъ Полоя-ровъ.

— Но что за цѣль?... Кому жь пріятно быть арестован-нымъ? пожалуй плечами допрощикъ.

— Такъ....

— Какъ „такъ“! Этого же быть не можетъ!... И я увѣренъ что, сознавшись въ главнѣмъ, вы не захотите скрыть и при-чинъ.... Вѣдь были же причины?

— Это все Фрумкинъ, говорилъ Ардаліонъ, все также со смущенно потупленными глазами: — Фрумкинъ вотъ, да еще Малгоржановъ.... да Затцъ....

— Ну да, это все наши сожители. Такъ что же этотъ Фрум-кинъ и прочіе?

— Это все они-съ.... Они стали ко мнѣ приставать что молъ всѣ честные и порядочные люди арестованы и сидятъ, а я одинъ хожу.... Одинъ не арестованъ.... Они все приста-вали и смѣялись надо мною.... Мнѣ это обидно сдѣлалось...]

— Ну, и что же?

— Я и написалъ. Они говорили что могутъ только тѣхъ уважать кто арестованъ, а меня всякаго уваженія лишили... Мнѣ же это обидно и больно было....

— А вы развѣ очень дорожите ихъ уваженіемъ? улыбулся чиновникъ.

— Да какъ же-съ.... Вмѣстѣ живемъ вѣдь....

— Ну, а письмо къ самому себѣ зачѣмъ написали?

— Письмо-съ....

Полояровъ закунулся и растерянно поглядѣлъ вокругъ себя опущенными глазами.

— Письмо-съ.... Это такъ.

— Ну, вотъ! Олять у васъ это „такъ!“

— Да это все повтому же.... Они меня ругали.... Все равно

какъ за дрянъ какую почитали.... Даже ругать стали мерзавцемъ....

— А вы написали письмо чтобы разубѣдить ихъ?

— Да-съ.... Потому они сейчасъ уважать начинаютъ. Впрочемъ, я все это такъ больше.... по молодости и опрометчивости....

— Ну, какая же у васъ молодость, однако! улыбнулся чиновникъ: — вы, конечно, не старикъ, но уже и не юноша....

— По опрометчивости-съ.... Я, признаться сказать.... я въ ненормальномъ состоянiи всѣ эти дни находился.

Счастливая мысль блеснула въ головѣ Полоярова. Эта мысль была первымъ проблескомъ возвращавшагося самообладанiя, и онъ за нее ухватился.

— Чтѣ вы называете ненормальнымъ состоянiемъ? спросилъ чиновникъ.

— Пьянъ былъ-съ.... Такъ какъ мнѣ это все очень было горько и обидно что они меня такъ обзываютъ, то я съ горя-съ.... всѣ эти дни вотъ.... И въ этомъ состоянiи мнѣ пришла мысль написать письмо и доносъ.... Я думалъ, пусть же лучше мнѣ пропадать чѣмъ терпѣть все это!

— Но для чего же вы подписывали доносъ именемъ господина Устинова?

— Надо же было какъ-нибудь подписать. Это я помнилъ что безымянный доносъ силы не имѣетъ, я и подписалъ.

— Но почему же непременно именемъ господина Устинова, а не другимъ?

— Такъ это.... Еще въ Славнобубенскѣ слышно было будто они занимаются доносами.... Я это вспомнилъ себѣ и подписалъ.... Потому тоже что никакого другаго имени не вспомнилъ себѣ въ ту пору.... Я тогда никакъ не предполагалъ чтобъ это все могло такъ обернуться какъ теперь вдругъ обернулось.

— То-есть, вы разчитывали что мы не станемъ разыскивать господина Устинова и не потревожимъ его чтобъ удостовериться?

— Да, я разчитывалъ....

— Ну, надо отдать вамъ справедливость, вы разчитывали на нашу очень и очень большую наивность.

— Пьянъ былъ-съ, вздохнулъ Полояровъ;—это съ-пьяну все.

— Однако, нельзя сказать чтобы доносъ былъ написанъ пьяною рукой, замѣтилъ чиновникъ, разсматривая бумагу.

— Ей-Богу, пьянъ былъ-съ!... Богомъ клянусь!... Рука у меня, впрочемъ, всегда очень твердая.

— Ну, можетъ-быть. А вотъ въ письмѣ къ самому себѣ вы пишете что вы одинъ изъ немногихъ которые высоко держать знамя демократическаго социализма въ Россіи. Вы, значитъ, сочувствуете этимъ убѣжденіямъ?

— Ей-Богу нѣтъ! Видитъ Богъ, нисколько! Честное слово! оторопѣло и торопливо сталъ отпѣкиваться и завѣрять Полояровъ, ударяя себя въ грудь рукою, но все еще избѣгая взглядовъ на Устинова.—Помилуйте, я даже самъ занималъ нѣкогда должность въ полицейской администраціи.... Могу ли я? А что я точно всею душой сочувствую прогрессу который намъ указанъ самимъ правительствомъ; но чтобы сочувствовать *этому*, Боже меня избави!... Я, напротивъ, спорилъ съ ними всегда, и они меня за то мерзавцемъ стали обзывать.... Это они вотъ сочувствуютъ.... Они всѣ сочувствуютъ! Это повѣрьте!

— Кто это они? спросилъ пунктуальный чиновникъ.

— Они-съ.... То-есть Фрумкинъ вотъ, въ особенности.... Малгоржавовъ, Анцыфровъ, князь Багрово-Плохово, госпожа Затцъ, Добронравовъ.... пояснилъ Полояровъ, стараясь припомнить еще нѣсколько именъ своихъ знакомыхъ.

— Но въ такомъ случаѣ, если вы такъ расходитесь съ этими господами въ убѣжденіяхъ, то для чего же вамъ понадобилось писать къ себѣ письмо подобнаго рода?

— Они же меня ругали, я вамъ докладываю! съ жалкою миной развелъ руками Полояровъ.

— Ну, такъ вамъ-то что?... Вы бы плюнули на ихъ брань и только!

— Мнѣ это очень, говорю, обидно было.... Они притомъ же про меня даже печатать хотѣли.... мою гражданскую и литературную репутацію замарать, чтобы никуда моихъ статей не принимали, а я человекъ бѣдный.... я только моимъ честнымъ трудомъ живу.... Мнѣ и вѣсть послѣ этого нечего было бы!

— Ну, стали бы работать въ другихъ редакціяхъ.

— Помилуйте-съ, это невозможно.

— Отчего же невозможно?

— Да какъ же-съ.... Они вѣдь противнаго лагеря.... У нихъ направленіе совсѣмъ другое.... и въ убѣжденіяхъ мы расходимся.

— Да вѣдь вы же расходитесь въ убѣжденіяхъ съ вашими сожителями?

— Это такъ, да все же.... Съ другими-то я незнакомъ.... и кланяться не люблю.

— Ну, наконецъ, если вы сочувствуете правительственному прогрессу и либерализму, работали бы въ официальныхъ газетахъ, въ *Сѣверной Почтѣ*, напримѣръ.

— Да что жь, я пожалуй.... Я не прочь бы.... Еслибъ это можно было устроить, я готовъ, съ своей стороны.... Почему же!...

Устинову стало ужь очень противно слушать все это. Онъ взялся за шляпу и обратился къ чиновнику:

— Могу я теперь удалиться, такъ какъ дѣло, полагаю, вполне уже разъяснилось?

— Pardon!... Сію минуту-съ! съ предупредительною любезностью и даже не безъ извѣстной граціи полуповернулся тотъ къ учителю и снова заговорилъ съ Полояровымъ: — Очень жаль мнѣ васъ, господинъ Полояровъ, но все-таки я долженъ вамъ сказать что, въ результатѣ всего этого дѣла, вы сами приготовили себѣ весьма печальныя послѣдствія.

Выраженіе испуга и тревоги опять отразилось въ смущенномъ лицѣ Ардалиена.

— Вы позволили себѣ подписаться подъ доносомъ именемъ другаго, продолжалъ чиновникъ: — а вы знаете какъ это называется и къ какого рода преступленіямъ относится вашъ поступокъ?

— Простите!... Я прошу милости.... Снисхожденія прошу! забормоталъ Ардалионъ съ какою-то мятущею тоской въ испуганныхъ взорахъ: — съ-пьяну.... по глупости-съ.... Если возможно, я готовъ чѣмъ угодно искупить мою вину... Все что знаю, все что мнѣ только извѣстно, я могу какъ предъ Богомъ, безъ утайки.... съ полною откровенностію.... Я раскаиваюсь.... Простите, Бога ради....

Полояровъ готовъ уже былъ начать плести и впутывать всѣхъ своихъ знакомыхъ, всѣхъ кого знаетъ, всѣхъ про кого могъ только вспомнить что-либо, даже всѣхъ тѣхъ кого и не зналъ лично, но про кого слышалъ что-нибудь также подходящее, или даже и неподходящее ни къ селу, ни къ городу. Въ случаѣ же надобности можно, пожалуй, и изобрѣсти нѣчто, основываясь на болѣе или менѣе вѣроятныхъ догадкахъ и предположеніяхъ. Словомъ, все что можешь, все

плети и путай въ дѣло, и нужное, и не нужное, лишь бы самому какъ-нибудь вынырнуть. Бодрость окончательно покинула его. Этотъ арестъ и все это дѣло, казавшіяся такими пустяками на свободѣ, стали теперь страшно пугать его, въ особенности послѣ того какъ это приняло такой неожиданный оборотъ и какъ пришлось отвѣдать на опытъ что это такое значить арестъ извѣстнаго рода. Полоярову стали теперь мерещиться разные страхи: и казематы, и сѣрыя куртки, и ссылки, и всякія мытарства.

Болѣе струсить и пасть духомъ было уже невозможно. Въ эту минуту всѣ эти чувства дошли въ немъ даже до какого-то лихорадочнаго ощущенія злаяго страха.

— Простите!... Простите ~~вы~~ меня! растерянно обратился онъ къ Устинову, ловя его руки:—не сдѣлайте меня несчастнымъ!... Умоляю васъ!

— Если тутъ можетъ имѣть на сколько-нибудь значенія мой голосъ, обратился Андрей Павловичъ къ чиновнику:— то я покорнѣйше прошу оставить это дѣло безъ послѣдствій. Я не желаю преслѣдовать господина Полоярова.

— Вамъ, конечно, прежде всего принадлежитъ право преслѣдованія, замѣтилъ чиновникъ.

— Если только мнѣ, то я отказываюсь отъ этого права.

Устиновымъ овладѣло такое чувство презрѣнія и гадливости и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣнія къ этому уничиженному существу, которое стояло теперь предъ нимъ, тщетно лова его руки, что ему хотѣлось только вырваться поскорѣй отсюда на свѣжій воздухъ, на свѣтъ Божій. Это ужасное, жалкое, оскорбительное для всякаго человѣческаго достоинства положеніе, въ какое поставилъ себя Ардалионъ Михайловичъ Полояровъ, исключало уже возможность негодованія на него. Оно исключало всякую возможность соприкосновенія съ нимъ, даже возможность преслѣдованія его путемъ закона. Можно было только плюнуть и постараться поскорѣе забыть что бываютъ въ жизни случаи, когда то что называется человѣкъ можетъ падать такъ низко.

Полоярова, подъ конвоемъ унтеръ-офицера, увели въ его номеръ.

Устиновъ, послѣ этого, поспѣшилъ откланяться.

XXVIII. Благородное слово на благородное дѣло.

Протель цѣлый мѣсяць, медовый мѣсяць супружеской жизни Бейгуша. Сусанна блаженствовала: ее всѣ называли теперь madame Beugouche; на визитныхъ карточкахъ, которыя она поразвозила въ нѣсколько знакомыхъ домовъ ея мужа, стояла даже частица *de*. Она ѣздитъ съ мужемъ и въ собраніе, и въ театрѣ. На красивую парочку обращаютъ кое-кто немножко вниманія, но счастливой, самообольщенной Сусаннѣ это вниманіе кажется огромнымъ и почти всеобщимъ, и она этимъ такъ довольна, такъ счастлива, а у себя дома еще довольнѣй и счастливѣе: мужъ ее такъ любитъ, онъ такъ внимателенъ, такъ нѣженъ, его ласки такъ горячи, такъ полны страсти... Сусанна окончательно привязалась къ своему бравому мужу. За такое счастье, за такія ласки, добрая, мягкая душа ея стала способна для него на всякую жертву.

Между тѣмъ, къ концу перваго мѣсяца счастливый мужъ сталъ порою задумываться.... Его начинала смущать эта, по видимому, безграничная привязанность Сусанны. Ея крупныя, чувствєнныя губы, ея добрыя и сладострастные глаза просили все больше и больше новыхъ поцѣлуевъ, новыхъ ласкъ, а ему все это успѣло уже понадоѣсть. Онъ начиналъ чувствовать нѣкоторую тягость и скуку, оставаясь продолжительное время наединѣ съ женой. Говорить съ нею.... но о чемъ говорить съ нею? Она только добра, но увѣ!—не умна ни мало!... Говорить съ нею не о чемъ, кромѣ какъ о поцѣлуяхъ, о новой шляпкѣ, о фасонѣ новаго платья, о коммунѣ, о любви, да о томъ какъ была вчера въ театрѣ одѣта такая-то, или такая-то. Бейгушу это подъ-часъ становилось даже досадно, но онъ былъ терпѣливъ, подавляя въ себѣ злобное чувство и стараясь искусственно подогрѣвать себя на новыя нѣжности и ласки.

Какъ-то разъ, находясь въ непріятномъ расположеніи духа и въ грустномъ раздумьи, по поводу этихъ самыхъ причинъ, шелъ Бейгушъ одинъ по Невскому проспекту и нечаянно столкнулся съ Слонцицкимъ. Панъ грабя на сей разъ былъ въ авантажѣ, одѣтъ изящно и потому добръ, веселъ и изобрѣтателенъ на всякую ловкую, остроумную штуку.

— А я только вчера изъ Варшавы, говорилъ онъ Бейгушу, фланерски ухватя его подъ руку и направляя праздныя стопы свои въ одну съ нимъ сторону. — Ну, душа моя, дѣла наши идутъ пока отлично! *Наездъ* сконфуженъ, потерялъ и руки, и голову, и носъ опустилъ на квинту!... Варшава теперь чудо чтѣ такое!... Эдакая пестрота, движеніе, чамарки, кунтуши, конфедератки, просто душа радуется! Доброе времячко! Ну, а ты какъ?... Чтѣ семейная сладость и прочее?... а?...

— Да чтѣ, братъ, я тоже опустилъ носъ на квинту! съ грустною досадою проговорилъ Бейгушъ.

— Те, те, те!... Чтѣ я слышу!... Медовый мѣсяцъ не кончился, а онъ уже на квинту!... Или жена не любитъ?

— То-то что черезчуръ уже влюбилась.

— Значить тѣмъ лучше! А веревки вьешь изъ нея?

— И это, пожалуй, можно.

— Ну, такъ пять съ плюсомъ тебѣ за поведеніе! Въ чемъ же дѣло? Или капиталовъ оказалось меньше чѣмъ думалъ?

— Нѣтъ, на этотъ счетъ, слава Богу, не ошибся.

— Э, душа моя, такъ кричи vivat!... Ей-Богу, просто позавидовать можно человѣку: и любятъ-то его, и веревки-то онъ вьеть, и въ капиталахъ не разочаровался, и женка прелесть какая хорошенькая! Да ты, mon cher, просто привередничаешь послѣ этого!

— Да, привередничаешь! кислотовато пробрюзжалъ Бейгушъ:— связалъ себя по рукамъ и по ногамъ, тогда какъ почти равнодушемъ къ женщинѣ...

— Ну, стало-быть, и того еще лучше! подхватилъ грабя:— если такъ, то ты тѣмъ легче можешь во всякое время сдѣлать ей ручку и улыбнуться. Капиталы перевелъ уже на свое имя, или нѣтъ еще?

— То-то что нѣтъ.

— Э, братъ, слабенекъ!... За это тебѣ изъ поведенія нуль! А еще хвалишься что веревки вьешь! Чего же ты медлишь-то?

— Да какъ тебѣ сказать!... Ужасно вѣдь неловко это... и какъ приступить?... Вѣдь это ей покажется и странно, и подозрительно, если такъ ни съ того, ни съ сего ляпнешь ей: переведи, молъ, все состояніе на мое имя!... А сама она еще не догадалась объ этомъ... Надо какъ-нибудь исподоволь, поосторожнѣе да половче, а тутъ, можетъ, не сегодня, завтра придется браться за дѣло, уходить въ Литву. Вотъ тутъ и раздумывай надъ такою задачей.

— То-есть, по-просту сказать, ты либо деликатничаешь некстати, либо не умѣешь взяться за дѣло, порѣшилъ панъ грабя. — И притомъ, я понимаю, душа моя!... Я очень хорошо понимаю тебя! Тебѣ хотѣлось бы прежде всего остаться въ ея глазахъ и вообще выйти изъ этого дѣла джентльменомъ. Не такъ ли?

Бейгушъ молчалъ и шелъ потупясь.

— Ты молчишь, продолжалъ, пытливо взглянувъ на него Слонцицкій:—ну, конечно такъ! Молчаніе есть знакъ согласія. А что ты мнѣ скажешь, вдругъ полноувѣсно и съ торжествующею загадочностью заговорилъ онъ: — что скажешь ты мнѣ, еслибы, напримѣръ, я, твой пріятель, помогъ тебѣ обдѣлать всю эту исторію такъ что и деньги завтра же у тебя въ карманѣ будутъ, и джентльменомъ ты предъ женой останешься?... Нуте, пане капитане, отвѣчайте мнѣ!

— Хм.... Что жъ отвѣчать не это! полусоблазняясь и полунедовѣрчиво усмѣхнулся Бейгушъ.

— Нѣтъ, братъ, ты отвѣты!... Я вѣдь говорю тебѣ серьезно, не на вѣтеръ!... Только ты стой напередъ! Такъ дѣла не дѣлаются. А ты вотъ что, хочешь идти со мной на условіе?

— На какое условіе? все съ тою же усмѣшкой спросилъ поручикъ.

— Впервыхъ, обѣдъ у Дюссо съ трюфелями и шампанскимъ:—это прежде всего! Вовторыхъ, пять процентовъ со всего капитала, который хоть завтра же, при моей помощи, перейдетъ къ тебѣ въ руки.

— Да; но какъ перейдетъ—вопросъ? усомнился Бейгушъ.

Панъ грабя при этомъ поспѣшилъ даже, хотя пріятельски, но благородно обидѣться.

— Странное дѣло! воскликнулъ онъ оскорбленно подфыркивая: „какъ перейдетъ!“ Неужели жъ ты можешь предполагать что-нибудь нечестное, неблагоприятное!... Хм!... Ты, кажется, долженъ бы хорошо знать что я, какъ дворянинъ и порядочный человекъ, не въ состояніи предложить ничего неблагоприятнаго! Объ этомъ даже и думать нелѣпо. Я полагаю что и ты, и я — оба мы такъ поставлены въ свѣтъ и по рожденію, и по положенію, и по образованію, что не можемъ сдѣлать ничего такого за что общественное мнѣніе могло бы набросить на насъ какую-нибудь тѣнь. Если я тебѣ, какъ доброму пріятелю, предлагаю помощь, то понятно

что въ ней нѣтъ ничего компрометирующаго. Я вѣдь только изъ участія къ тебѣ же, а впрочемъ какъ хочешь.

— Ну, вотъ, ты ужь и обидѣлся! поспѣшилъ Бейгушъ поправить свою неосторожность: — зачѣмъ такъ странно принимать каждое слово? Я, напротивъ, я буду безконечно тебѣ благодаренъ если ты укажешь путь чтобъ она сама добровольно предложила мнѣ деньги.

— А условіе? торгуясь, подмигнулъ панъ грабя: — у меня братъ, дружба дружбой, а деньги деньгами. Дашь пять процентовъ?

— Прекрасно, да съ какой же суммы? заторговался въ свою очередь Бейгушъ.

— Съ какой бы ни было! Однимъ словомъ, съ той какая оцутится у тебя въ карманѣ.

— Изволь, даю; но помни: только съ тѣмъ чтобы жена отдала мнѣ сама доброю своею охотой.

— А то какъ же иначе? опять подфыркнулъ Слосцидкій: — Такъ пять процентовъ?

— Пять.

— Значить идетъ?

— Идетъ.

— И кромѣ того обѣдъ у Дюссо съ трюфелями и шампанскимъ. Чуръ, по картѣ я самъ заказывать стану. Это условіе я тоже выговариваю себѣ заранѣе.

— Не прочь и отъ этого, согласился поручикъ: — ты заказывать, я платить.

— Вотъ, вотъ оно-то самое и есть! съ живостью подхватилъ панъ Тадеушъ. — А ты актеръ хорошій?

Бейгушъ посмотрѣлъ на пріятеля съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Это чтò же значить? спросилъ онъ смѣясь.

— О! ты не сомнѣвайся, увѣрилъ тотъ: — эта статья очень важная въ нашемъ дѣлѣ... Такъ какъ же, хорошій?

— Въ любительскихъ спектакляхъ раза два подвизался.

— Ну, и эдакъ того... въ драмахъ и въ трагедіяхъ?

— Нѣтъ, больше въ водевиляхъ.

— Э... ну, мы соединимъ водевиль съ трагедіей и закончимъ комическою развязкой, къ общему удовольствію, порѣшилъ веселый и довольный собою панъ грабя. — А насчетъ трагедіи ты можешь?

— Не знаю, не пробовалъ.

— Не пробовалъ? Такъ вотъ тебѣ первый дебютъ! Впрочемъ, я полагаю, что гдѣ дѣло своего кармана коснется, тутъ ой-ой! всякій человѣкъ, небось, отличнымъ актеромъ вдругъ сдѣлается: и въ водевилѣ запоетъ, и въ трагедіи завоетъ!

- Такъ какъ же, по рукамъ?
- По рукамъ! уже сказано.
- И исполнено будетъ точно?
- Точно и вѣрно.
- Честное слово?
- Честное слово.
- Ну, давай же, примемся за дѣло.

XXIX. Люб и шь - не - люб и шь.

На другой день послѣ этого разговора у Бейгуша былъ назначенъ маленькій „вечеръ“. Было человѣка два-три военныхъ, Свитка и панъ грабя Слончикій. Изъ дамъ никого не было. Сусанна очень любила дѣлать у себя *petites soirées* подобнаго рода: ей пока еще такъ нравилась роль молодой хозяйки, такъ забавляло сидѣть за чайнымъ столомъ, дѣлать тартинки и разливать гостямъ чай въ свѣтлые, граненаго хрустала стаканы. Все это было такъ мило, уютно и красиво послѣ первобытной простоты коммунаго обихода. Матовый фонарикъ въ гостиной, яркій каминъ, зелень на окнахъ, красивая покойная мебель и мягкіе ковры, — все это такъ красило ея новую обстановку, среди которой, въ роли счастливой молодой хозяйки, она и постороннимъ, и самой себѣ казалась еще прелестнѣе. Сусаннѣ грезилось что она дѣйствительно нашла теперь свой маленькій рай и свое большое счастье... Все у нея есть: красивый мужъ, у мужа веселые, милые пріатели, есть маленькая квартирка, и столько свѣжихъ, модныхъ нарядовъ!

Двое изъ офицеровъ специально прикомандировали себя къ молодой хозяйкѣ и даже слегка ухаживали за нею, что ей очень нравилось и подавало поводъ къ маленькому кокетству. Сусанна хоть и сильно облюбила своего мужа, но видя около себя ухаживающаго мушкетера, по прирожденной ей слабости, никакъ не могла воздержаться отъ нѣкотораго

кокетства: ей хотѣлось чтобы всѣ безъ исключенія были ею заинтересованы и находили бы ее прелестною.

Остальные, въ томъ числѣ и самъ Бейгушъ, засѣли за зеленый столъ, въ невинный ералашъ, „по маленькой“.

Вечеръ танулся своимъ чередомъ до ужина, который былъ обиленъ и веселымъ разговоромъ, и добрымъ виномъ. Послѣ ужина гости вскорѣ взялись за шапки и откланялись. Остался одинъ только Слосичицкій. Онъ присѣлъ къ ломберному столу и, промежъ болтовни, прокинулъ направо и налево.

— А что, не рискнуть ли на маленькую? игриво предложилъ ему Бейгушъ.

— Поздно, взглянувъ на часы, уклонился панъ Тадеушъ:— вы люди молодые, вамъ и въ постель пора!

— Нѣтъ, что за поздно!.. Шутя, двѣ-три талии, не болѣе, присталъ межъ тѣмъ Бейгушъ: — садись-ка, садись, пріятель. Дай-ка я тебя вздую немножко на сонъ грядущій.

— Да что жь, я пожалуй... если тебѣ такъ хочется, нехотя согласился панъ грабя вынимая бумажникъ, и заложилъ банкъ въ двадцать пять рублей.

Бейгушъ взялъ колоду и приготовился понтировать. Сусанна полуприсяла къ нему на ручку кресла и обвила его шею рукой.

— А вы, пани Бейгушова, не мастерица въ любить-не-любить? шутя обратился къ ней Слосичицкій.

— Я? Нѣтъ, я люблю, похвалилась она.

— Такъ что жь?... Не хотите ли поставить карточку?

— О, съ удовольствіемъ!

— А я васъ тоже съ удовольствіемъ обыграю. Вѣдь вы истая Московка, а я, видите ли, Полякъ и ненавижу Русскихъ, и потому обыгрываю ихъ въ карты.

Сусанна засмѣялась.

— Да, смѣйтесь! Вотъ и васъ потому обыграю. Ну, что вы поставили?

— Я?... Червоный король! отозвалась молодая супруга, выбирая карту.

— А что цѣна ему?!

— Рубль.

— Э, дешево же вы королей цѣните! Ишь какая республиканка!... А ты, душа моя, что ставишь? обратился онъ къ Бейгушу.

— Ансельмъ, ставь даму! подтолкнула мужа Сусанна.

— Пожалуй, можно и даму, улыбнулся Ансельмъ.

— Э!... И оба червонные! воскликнулъ грабя, взглянувъ на Бейгушеву карту: — значить, полный марьяжъ! Король и дама—молодая чета. Такъ и свѣдуетъ въ медовомъ мѣсяцѣ! А что идетъ? вопросительно поднялъ онъ глаза на партнера.

— Тоже рубль! весело отвѣтила за мужа оживленная Сусанна.

— Однако, послушайте! серьезно и внушительно предостерегъ ее Тадеушъ:—вѣдь вѣдь какъ разъ можно жестоко зарваться! Первые карты въ рубль! Вѣдь такъ-то и тысячи спустишь въ одинъ вечеръ! Начало въ рубль, во что же конецъ у васъ будетъ? Не уменьшитъ ли кушикъ?... а?... Право, благоразумнѣе будетъ!

— Нѣтъ, нѣтъ. Пускай по рублю идутъ. По рублю. И слышать ничего больше не хочу. Понимаете? Я хочу такъ. Не смѣйте мнѣ противорѣчить, кокетливо и капризнымъ тономъ балаованнаго ребенка притопнула на него Сусанна.

— Ну, инъ быть по сему! со вздохомъ согласился панъ грабя, и сталъ метать отчетливо и изящно.

— Дама дана! возгласилъ онъ, прокинувъ нѣсколько картъ.

Глазами, блестящими отъ удовольствія, Сусанна съ живымъ интересомъ слѣдила за ходомъ игры, быстро ловя взорами выпадающія карты.

— Король битъ! А что? обратился къ ней Слончицкій: — а что? Не говорилъ я вамъ что какъ добрый врагъ поражаю Москалей на картахъ?... Хе-хе!... А вы мнѣ не вѣрили!... Ну, такъ вотъ же вамъ! Рубашко имѣю за вами.

Супруги поставили еще по картъ. Обѣ карты были даны. Успѣхъ еще болѣе оживилъ и подзадорилъ Сусанну. Она загнула уголъ и присоединила нѣсколько очковъ мазу.

Карта снова была дана ей.

Не въ силахъ сдержаться отъ внутренняго удовольствія, она захопала въ ладоши и радостно засмѣялась какъ ребенокъ.

— Уголъ!... Еще разъ уголъ! говорила она, выдергивая новую карту.

— Ишь, какая вы азартная однако! шутя покачалъ головой панъ грабя: — съ новой карты да прямо уголъ!

Карта была бита, Сусаннѣ пришлось разстаться съ выигрышемъ. Поворотъ успѣха уцѣпивъ ее и задѣвъ за живое. Съ разгорѣвшимися щеками и глазами, думая сразу

вернуть весь проигрышъ, она поставила на карту равную ему сумму. Карта снова дана. Успѣхъ малый породилъ жажду успѣха большаго. Она поставила на не, и взяла.

— Э, да вы у меня ужъ весь банкъ сорвали!... Нѣтъ, съ вами бѣда играть! говорилъ Слонцицкій, передавая ей деньги: — да мало того, еще и приплатиться приходится.

Онъ досталъ бумажникъ и вынулъ сторублевую.

— Ну, меньше нѣтъ. Пожалуйте сдачи, а то и на извоица не будетъ, сказалъ онъ, кладя на столъ бумажку.—А можете, хотите еще попытать счастья? заманчиво подмигнувъ ей панъ грабя.... Какая, право, счастливая! И въ жизни везеть, и въ картахъ везеть, и въ любви везеть! Такъ что же? угодно еще немножко?

Сусанна, раздраженная уже столь легкимъ выигрышемъ, съ радостью согласилась.

Слонцицкій снова началъ метать съ тою особенною отчетливо-изящною граціей и хладнокровіемъ, которыя дѣлали игру съ его особой въ высшей степени пріятною. Въ немъ сразу былъ виденъ опытный, ловкій и свѣтскій игрокъ-джентльменъ. Не даромъ же панъ грабя въ великосвѣтскомъ кругу показывалъ порой и фокусы.

Сначала игра шла съ перемежнымъ счастьемъ. Бейгушъ игралъ сдержанно и осторожно; за то Сусанна увлекалась безъ мѣры и ставила все крупныя куши. Каждый маленькій успѣхъ придавалъ ей рѣшимость и смѣлость дальнѣйшаго риска, а каждая крупная неудача колола подъ сердце, волновала, будила новый азартъ и желаніе отыгратъ ся скорѣе, сразу, съ одной карты. Въ ея игрѣ не было ни малѣйшей сдержанности, ни малѣйшаго благоразумія, такъ что панъ грабя только улыбался да головой покачивалъ, глядя на азартныя выходки ретивой партнерки.

Но чѣмъ далѣе шла игра, тѣмъ все болѣе склонялось счастье на сторону банкмета. Онъ убилъ уже подъ-рядъ нѣсколько крупныхъ картъ Сусанны.

— Ну, однако, матушка, баста! рѣшительно и серьезно остановилъ ее Бейгушъ. — Еще и четверти часа не прошло, а ты уже шестьсотъ рублей спустить успѣла! Ступай-ка спать лучше. Теперь только впору мужу поправлять твои грѣхи. Надо отыгрываться.

— Нѣтъ, я хочу еще!... Еще хочу!... Я сама буду! настой-

чиво говорила Сусанна, словно совѣтъ хмѣльная отъ своего азарта.

— Ну, не дури же, Сусанна!... Это глупо, наконецъ! насыпалъ брови Бейгушъ. — Я говорю тебѣ серьезно. Видь подумай: шестьсотъ рублей въ какія-нибудь пятнадцать минутъ!

— Да я не дальше какъ двѣ минуты назадъ была триста въ выигрышѣ! возражала она.

— Ну, то было, да сплыло.

— Но я хочу играть! притопнула молодая супруга.

— А я не хочу, рѣшительно возразилъ ей супругъ.

— Графъ! мечите же!... Я играю! настойчиво обратилась она къ Тадеушу.

Тотъ положилъ карты на столъ и сидѣлъ сложа руки.

— Мечите же, графъ, говорю вамъ.

— Полноте, что за ребячество! увѣзательно заговорилъ онъ: — я рѣшительно не стану болѣе метать для васъ.

— Но я требую.

— А я не стану.

— Ну, я прошу.... Графъ, слышите ли? Я, я прошу васъ.

— А я все-таки не стану.

— Но это, наконецъ, невѣжливо!

— Пусть такъ.... И пусть я буду невѣжей, а метать все-таки не стану вамъ.

Сусанна съ сердцемъ бросила на столъ свои карты.

— Ну, это, наконецъ, уже выходитъ изъ всякихъ границъ, подвинулся Бейгушъ съ мѣста. — Ступай спать, говорю тебѣ. Я этого требую, Сусанна, или мы серьезно поссоримся.

Онъ проговорилъ все это рѣшительнымъ и строгимъ тономъ. Въ недовольномъ взорѣ его свѣтилась непреклонная, мужская воля.

Сусанна взглянула на него и, какъ ребенокъ пойманный на шалости, робко и сконфуженно потупилась. Ея до сихъ поръ никто еще въ строгихъ рукахъ не держалъ, а она, напротивъ, любила строгія руки. Это-то именно и нравилось, и было ей любо въ мушкетъ.

Бейгушъ молча обнялъ ее за талию и повелъ изъ комнаты въ спальню.

— Будь же умница и ложись себѣ, подумѣнно и полу-строго сказалъ онъ ей: — шестьсотъ рублей, шутка сказать! Помолись лучше Богу чтобъ я отыгралъ ихъ поскорѣе, тогда скорѣй и къ тебѣ приду.

И поцѣловавъ ее въ лобъ, онъ спокойно вернулся къ Слоницкому.

Игра началась снова.

Но Сусанна не раздѣлась и не легла. Она походила изъ угла въ уголъ, сидѣла на кушеткѣ, снова походила и снова сидѣла, но, наконецъ, не вытерпѣла: осторожно, на цыпочкахъ вышла въ гостиную и оттуда, притаившись за портьерой, стала глядѣть на играющихъ. Ужь ей теперь хотѣлось чтобъ они поскорѣе кончили. Но игра продолжалась и, по видимому, очень серьезно. Счастіе было на сторонѣ Слоницкаго.

Сусанна постояла минутъ съ десять и тихо удалилась въ спальню.

Бейгушъ, по шороху въ смежной комнатѣ, очень хорошо слышалъ ея присутствіе, но и виду не показавъ что замѣчаетъ ее. Напротивъ, чувствуя что она стоитъ и смотритъ изъ-за портьеры, онъ, ероша рукою волосы, устраивалъ себѣ серьезную и даже озлобленную физиономію и еще внимательнѣе погрузился въ игру.

Слоницкій улыбнулся и не безъ коварства кивнулъ на дверь по уходѣ Сусанны.

А она между тѣмъ все еще не ложилась. Уютно помѣстившись на кушеткѣ съ поджатыми подъ себя ножками, она принялась за какой-то романъ Поль-де-Кока, писателя, котораго отъ души находила теперь несравненно занимательнѣе всѣхъ Дарвиновъ и Боклей на свѣтѣ; но и чтеніе на сей разъ какъ-то не давалось ей. Нетерпѣливое ожиданіе, скоро ли тамъ, наконецъ, кончатъ, и скоро ли мужъ придетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ Евино любопытство узнать что тамъ дѣлается и какъ идетъ игра, заставили ее, спустя часъ времени, снова на цыпочкахъ выйти въ гостиную и помѣститься за портьерой.

Они все еще играли. Предъ обоими стояло по стакану краснаго вина; множество гнутыхъ картъ валялись подъ столомъ. Злобно сжимая въ зубахъ сигару, Бейгушъ, по видимому, такъ взволнованно и тревожно ставилъ карту за картой, а панъ грабя билъ ихъ такъ отчетливо, плавно, хладнокровно и изящно. Счастіе рѣшительно повернулось спиной къ поручику. Вдругъ онъ, какъ будто замѣтя чье-то присутствіе за портьерой, раза два строго и взглядливо вскинулъ туда злые глаза и закричалъ, будто выведенный изъ терпѣнья:

— Ступай же, наконецъ, спать, Сусанна!

Молодая супруга даже струхнула предъ этимъ взглядомъ и голосомъ, и надувъ губки, окончательно уже удалилась къ себѣ, помѣстившись предъ зеркаломъ и медленно стала раздѣваться.

— А вѣдь, ей-Богу, я еще прехорошенькая! съ наивно свѣтлою улыбкой подумала она, глядя на себя въ зеркало, на свои глаза, блестящіе отъ давишняго волненія, на эти свѣжія, красивыя плечи и на эти волнистыя, роскошныя волосы, упавшія въ ту самую минуту густыми, тяжелыми прядями на стройную спину.

XXX. На чтѣ оказалась способною Сусанна.

Въ залѣ межъ тѣмъ продолжалась игра.

Сусанна нехотя, медленно раздѣлась, нехотя легла въ постель, нехотя принялась за книжку. Но вскорѣ строки стали двоиться, пестритъ, рябитъ и опамваться въ глазахъ, книжка неслышно выпала изъ руки на одеяло. Сусанна заснула.

Сонъ ея былъ не совсѣмъ-то покоенъ. Раза два просыпалась она, широко раскрывала сонные глаза, осматривалась вокругъ—все одна.... мужа нѣтъ еще. „Ахъ, Боже мой! чтѣ это они тамъ!... Надо бы сходить, посмотрѣть,“ думаетъ она, но сонъ морить, сладко смыкаетъ вѣки, оковываетъ волю, и она слова засыпаетъ.

Когда въ третій разъ проснулась Сусанна, свѣча совсѣмъ уже оплыла и догорѣла, сквозь занавѣску пробивался свѣтъ утра, а мужа все еще не было. Крайне встревоженная и даже раздосадованная послѣднимъ обстоятельствомъ, она наскоро вдѣла въ туфли босыя ножки, торопливо накинула на плечи плафрокъ и пошла въ залу.

Тамъ, къ удивленію ея, никого уже не было. Одинъ только раскрытый столъ, разбросанныя карты, мѣлки и щетки, да распитая бутылка свидѣтельствовали о недавней игрѣ.

Сусанна подумала что мужъ ушелъ изъ дому вмѣстѣ съ Саопчикимъ и заглянула въ переднюю: шинель висѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, и пальто тоже. Она разбудила чело-
вѣка.

— Баринъ ушелъ куда?

— Никакъ нѣтъ.... Они дома.

— Гдѣ же онъ?

— Не знаю-съ.... Я хотѣлъ раздѣть ихъ, они сказали что сами и прошаи въ кабинетъ.

„Милый! подумала Сусанна:—это онъ не хотѣлъ меня тревожить.“

Она подошла къ двери кабинета и взялась за ручку, дверь оказалась запертою на замокъ. Она заглянула въ скважину, заперто изнутри и ключъ въ замкѣ оставленъ.

„Странно!... зачѣмъ ему вдругъ пришла охота запирается?“ подумалось ей.

Въ эту минуту въ кабинетѣ слышались шаги, тихіе, осторожные, съ явнымъ намѣреніемъ скрыть малѣйшій шелестъ, но Сусанна очень хорошо ихъ слышала.

— Ансельмъ! Ты не спишь?... Отвори мнѣ, сказала она, снова потрогавъ ручку.

Въ кабинетѣ никто не откликнулся, и шаги тотчасъ же окончательно притихли.

— Ансельмъ! Ты слышишь?... Отвори мнѣ.... Это я! повторила Сусанна.

И снова ни отклика, ни звука.

Это ее встревожило. Въ сердце кольнуло предчувствіе чего-то недобраго.

— Ансельмъ!... Отвори мнѣ сейчасъ, говорю тебѣ! настойчиво и громко заговорила она, съ силою дергая дверную ручку, такъ что еслибъ Ансельмъ даже спалъ глубокимъ сномъ, то не могъ бы не проснуться отъ стука и шума.

Опять ни отклика, ни звука, словно бы въ кабинетѣ и нѣтъ никого.

— Ансельмъ! Я буду кричать.... Я стану ломиться, созову людей, если ты сейчасъ же не отворишь, нервно и со слезами въ голосѣ закричала испуганная Сусанна.

— Ступай и ложись.... Я сейчасъ приду къ тебѣ.... тихо отвѣтилъ Бейгушъ изъ-за запертой двери.

— Отвори мнѣ, говорю тебѣ.... Я не уйду отсюда, пока ты не отворишь.

И она съ новою силою стала дергать за ручку.

— Ансельмъ!... Ансельмъ! раздавались у двери ея громкіе истерически-рыдающіе крики.

Ключъ щелкнулъ въ замкѣ, и Сусанна въ тотъ же мигъ стремительно растворила себѣ двери.

Предъ нею стоялъ мужъ, блѣдный, со взъерошенными волосами, съ явнымъ разстройствомъ въ омраченномъ лицѣ.

Сусанна зоркимъ окомъ окинула мужа и комнату: на столѣ лежалъ револьверъ, кучка пороху съ двумя-тремя пулями на листѣ бѣлой бумаги и недописанное письмо.

— Ансельмъ.... что это значить? оторопѣло проговорила она, перевода бѣглые, взволнованные взоры съ лица своего мужа на всѣ эти предметы, прежде всего кивнушіеся ей въ глаза.

Тотъ не отвѣчалъ, и отвернувшись отъ жены, мрачно прошелся по комнатѣ.

Сусанна быстрымъ движеніемъ схватила со стола револьверъ и сунула его въ карманъ шлафрока, потомъ рассыпала на полъ весь порохъ съ листа бумаги и взялась за письмо.

Бейгушъ, въ величайшемъ изнеможеніи, какъ бы уставъ и видѣть, и понимать что вокругъ него происходитъ, погрузился въ кресло, и положивъ на столъ руки, опустил на нихъ отяжелѣлую голову.

Сусанна жадными, тревожными глазами забѣгала по строчкамъ его писанья:

„Милая и неопѣненная моя Сусанна! Прощай! прощай на вѣки, и не кляни, а прости своего несчастнаго мужа. Я не стою тебя, я сознаю это, и потому не долженъ, не имѣю болѣе права жить на свѣтѣ. Мнѣ остается только одно: пустить себя въ лобъ пулю, что я и исполню сейчасъ же. Боже мой! Еслибы ты знала какъ я несчастенъ и какъ я люблю тебя, — тебя, моя добрая, красивая, нѣжная!... Чего бы не далъ я теперь за новую возможность наслаждаться съ тобою и жизнію, и счастьемъ!... А жизнь только что стала такъ весело и привѣтно улыбаться намъ обоимъ, сулила столько счастья, столько радостей и блаженства взаимной любви!... И, увы! всему конецъ теперь!... Будь проклятъ тотъ часъ, когда дьяволъ подтолкнулъ меня съѣсть за зеленый столъ! Теперь, въ расплату за все, я отдаю ему свою душу; но ты, послѣ того какъ трупъ мой, лишенный христіанскаго погребенія и зашитый въ рогажу, будетъ брошенъ въ яму на собачьемъ кладбищѣ, вмѣстѣ со всякою падалью, ты не прокляни меня, но прости и помолись, какъ добрый ангелъ, за мою погибшую душу!... Шутя съѣвъ играть, я проигралъ Тадеушу сорокъ тысячъ. Карточный долгъ для каждаго порядочнаго человѣка есть долгъ священныи, а я, увы!... я нищій! Я ничего не имѣю кромѣ моихъ эполетъ, которыя не хочу покрывать позоромъ: я не хочу чтобы кто-либо могъ указать на меня пальцемъ какъ на несостоятельнаго игрока. Я сдѣ-

далъ подлость позволивъ себѣ увлечься до такой цифры, тогда какъ самъ не имѣлъ возможности уплатить, и за эту подлость долженъ быть наказанъ. Мнѣ не остается ничего болѣе какъ умереть. И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Прощай же, моя несравненная, моя....“

На этомъ мѣстоѣ письмо прерывалось.

Сусанна громко рыдала, читая эти строки, а Бейгушъ все сидѣлъ неподвижно, положивъ на руки свою голову и, казалось, ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Она подбѣжала къ нему и обвила руками его шею.

— Ансельмъ!... Безумный ты!... Милый!... Да подыми же голову!... И тебѣ не стыдно? не совѣстно? Развѣ мое состояніе не твое?... Я твоя и все твое!... все! все! Бери все у меня! въ страстномъ и нѣжномъ порывѣ говорила она, стараясь поднять его голову.—Ансельмъ! Да откликнись же! Взгляни!... Ахъ, да не пугай же ты меня!... Господи! Чтò это съ нимъ!

И она зарыдала припавъ къ плечу его.

Онъ поднялъ голову и ласково провелъ рукою по ея волосамъ.

— Полно, Сусанна.... полно, милая! тихо, но безнадежно-грустно проговорилъ онъ. — Чтò сдѣлаю, того не поправишь.... Успокойся же....

— Нѣтъ, поправишь! Поправишь! съ новою силой убѣжденія воскликнула она, оживленная этими знаками пробужденія и участія къ ней:—поставишь, мой милый! Сейчасъ же поѣдемъ въ банкъ, вынемъ сорокъ тысячъ и ты отвези ихъ.... И о чемъ убиваться!.. Боже мой, ну не все ли равно?... Ну, разъ проигралъ, въ другой ужъ не будешь.... Ну, и полно же, Анзя мой! ну, проснись! ну, улыбнись мнѣ, солнышко мое!.. Ну же?... ну?..

И она, смѣясь и улыбаясь сквозь слезы, [съ нѣжностью старалась заглянуть ему въ отуманенные глаза, какъ бы выжидая отвѣтной улыбки, но онъ грустно и отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, Сусанна.... благодарю тебя, но.... я никогда не возьму твоихъ денегъ.... Ты, можетъ-быть, потомъ расскажешь въ этомъ добромъ порывѣ.... Какъ знать, ты можешь разлюбить меня, разойтись со мною.... да и мало ли чтò!..

— Разлюбить тебя!... Тебя-то?... Разойтись съ тобой! воскликнула она, порывисто отклоняясь отъ него:—сумасшедшій ты!... Чтò это ты бредишь!... Нѣтъ, ужъ разъ чтò ты мой, такъ ужъ мой навсегда.... Я покаюсь.... Ха, ха, ха!.. Я

покаюсь что спасла тебя отъ смерти для самой же себя! Нѣтъ, ты нынче рѣшительно съ ума сошелъ, мой милый.... Вотъ тебѣ мой сказъ: вынь изъ банка деньги и отвези ему. Я тебѣ вею это.... Я тебѣ приказываю. Слышишь?

— Ребенокъ!... добрый ребенокъ! И всю жизнь ты будешь ребенкомъ! грустно усмѣхнулся онъ:—все отдать за одну ночь подлога увлеченія!... Все твое состояніе!... Нѣтъ, не хочу, Сусанна!

— А я хочу!... И впервыхъ, вовсе не все состояніе: у насъ остается около десяти тысячъ—ну что жь?—мы еще молоды, ты будешь служить, я трудиться, проживемъ какъ-нибудь. „Глупая, но добрая бабенка!“ не безъ чувства подумалъ въ душѣ Бейгушъ и поцѣловалъ Сусанну.

— Такъ что же?... Берешь ты эти деньги?... Онѣ твои.... Ну, если такъ не хочешь, я дарю тебѣ ихъ.... Можешь дѣлать съ ними что угодно. Мнѣ, кромѣ тебя, ничего не нужно. Онѣ твои, говорю тебѣ.

— Эй, покаешься! еще разъ предостерегъ ее Бейгушъ, но уже видимо проясненный и успокоившійся.

— Ну, ужъ покаюсь ли, нѣтъ ли—это мое дѣло, порѣшила она:—только я отъ своего слова не отступлюсь.

Обрадованный мужъ крѣпко сжалъ ее въ объятіяхъ и зацѣловалъ безчисленными поцѣлуями.

Сусаннѣ только этого и нужно было. Она вѣрила въ свѣтлое будущее, вѣрила въ возможность прожить хорошо и счастливо безъ копѣйки, то-есть, вѣрнѣе сказать, едва ли понимала она что значить жизнь безъ копѣйки, съ вѣчнымъ трудомъ и заботой. Доселѣ испытывать этого ей еще не доводилось, и потому взглядъ ея на жизнь былъ и легокъ, и поверхностенъ. Съ ея расплывающеюся добротой, съ ея распущенною безпечностью ей нужно было только ласкъ человѣка котораго она любила въ данную минуту.

„А, какъ видно, порядочный дуракъ былъ этотъ восточный кузень, подумалъ про себя Бейгушъ, вѣдь ужъ давнымъ-давно могъ бы обобрать ее какъ липку!“

— Ну, моя спасительница! Спасибо тебѣ! говорилъ онъ вслухъ:—ты просто мой добрый геній, мое провидѣніе! Пятью бы минутами позднеѣ, и всему конецъ!

— Ну, ужъ впередъ такой глупости не будетъ.... Нѣтъ? не будетъ? Поклянись мнѣ! Поклянись всѣмъ что тебѣ всего дороже на свѣтѣ! горячо приступила она къ мужу, не выпу-

ская его изъ объятій.—А ужъ этотъ проклятый пистолетчикъ! Ужъ погодишь ты: я его такъ теперь упрячу что ужъ никогда не найти тебѣ!... Нѣ-вѣтъ, ужъ это кончено!

Въ то же самое утро молодые супруги вынули изъ банка сорокъ тысячъ.

XXXI. Чего никакъ не могъ предвидѣть панъ граба.

— И такъ, поздравляю! въ тебѣ есть положительный драматическій талантъ! весело похвалилъ панъ граба пана Ансельма, наслаждаясь тонкимъ обѣдомъ въ одномъ изъ отдѣльных кабинетовъ ресторана Дюссо:—и что жъ ты теперь одѣлаешь съ этими деньгами?

— Очень просто: придется переложить ихъ на свое имя, повѣдалъ пану Тадеушу панъ Ансельмъ.

— Благодарумно! апробую! еще разъ похвалилъ Тадеушъ. Это было на другой день послѣ только что описанной исторіи. Бейгушъ свято сдержалъ свое слово: панъ граба получилъ пять процентовъ и тонкій обѣдъ по собственному заказу.

— И такъ-таки сразу сама предложила? продолжалъ онъ.

— Предложила, подарила, умолила, заставила взять, все что ты хочешь, подтвердилъ поручикъ.

— Ага!... Теперь, душа моя, видишь, какой я вообще тонкій знатокъ женскаго сердца? похвалился граба.

— Вижу и отдаю полную справедливость.

— Ну, этого мало: я еще къ тому и великодушный другъ. Другой за такую науку слупилъ бы съ тебя не пять процентовъ. Но я и этимъ доволенъ. Я доволенъ въ особенности тѣмъ что, оказавъ маленькую услугу тебѣ какъ доброму другу, вмѣстѣ съ тѣмъ оказалъ услугу и нашему дѣлу. Теперь у тебя по крайней мѣрѣ руки развязаны, а то что бы ты сталъ дѣлать въ рѣшительную минуту?... Намъ, братъ, нужны теперь средства, и охъ какъ нужны! съ серіознымъ вздохомъ подтвердилъ Слончикій: — фундушъ народовой и народова офяра — это все прекрасно, но на всякій случай не мѣшаетъ эдакъ, знаешь, ощущать въ своемъ карманѣ свой собственный капиталецъ. Скрывать отъ самихъ себя нечего: дѣло, во всякомъ разѣ, очень рискованое!

— Это такъ, согласился Бейгушъ:—но знаешь ли? была минута когда я серьезно готовъ былъ отступиться отъ нашего плана и отказаться отъ денегъ и отъ всего.

— Э! это ужъ не хорошо!... Не одобряю! замѣтилъ граба, качая головой:—тогда бы ты, значить, лишилъ меня удовольствія скушать съ тобой этотъ обѣдъ. За чтѣ же такъ?... Это ужъ было бы не по-приятельски!

— Но я бы тебя поставилъ на мое мѣсто! Вѣришь ли, она такъ искренно, такъ свято и безкорыстно предложила мнѣ эти деньги что мнѣ просто стало совѣстно. За чтѣ я, думаю себѣ, такъ жестоко обманываю ее?... Ахъ, другъ мой, еслибы она была немножко поумнѣе, и еслибы немножко поменѣе меня любила, все это было бы гораздо легче сдѣлать!

— Но вѣдъ и теперь, сколько я вижу, не особенно трудно, замѣтилъ Слопчицкій.

— Чтѣ говорить про то! подхватилъ Бейгушъ:—но мнѣ-то самому, мнѣ, моей совѣсти трудно, пойми ты это.

— А, вотъ оно въ чемъ дѣло! насмѣшливо, но серьезно уныбулся Тадеушъ:—ну, братъ, берегись! Ты, я вижу, молкаться начинаешь.... Эдакъ, пожалуй, когда они опять станутъ насъ грабить и рѣзать, тебѣ тоже совѣстно сдѣлается, и ты будешь просить у нихъ прощенья за ихъ же преступленія?

— Это совсѣмъ другое! возразилъ Бейгушъ:—тѣ наши враги, и мы ихъ ненавидимъ; но это моя жена которая меня любить.

— А ты ее любишь? все тѣмъ же насмѣшливымъ, но серьезнымъ тономъ спросилъ Слопчицкій.

— Она жена моя, уклончиво отвѣтилъ Ансельмъ.

— А къ какой націи имѣетъ честь принадлежать ваша супруга? И чего ради, въ сущности, женились вы на ней?

— Это все такъ; это все я очень хорошо знаю, согласился Бейгушъ:—но, другъ мой, ей Богу, я не ожидалъ столько самоотверженія!

— По глупости, прости за откровенность. Самоотверженіе по глупости! Такая ему и цѣна!

— Нѣтъ, по любви! не безъ самохвальной горделивости возразилъ поручикъ.

— Ну, и по любви!... Не въ послѣдній разъ! На твой вѣкъ хватить еще женской любви, съ избыткомъ! Ну, и ты тоже люби ее за это, пока любится,—надоѣдите же когда-нибудь

другъ другу. Но позволь спросить безъ обиняковъ: кого ты больше любишь, Польшу или Сусанну?

— Объ этомъ не можетъ быть даже и вопроса, съ достоинствомъ промолвилъ поручикъ.

— А не можетъ быть вопроса, значитъ не можетъ быть и сомнѣній и колебаній, значитъ нѣтъ и выбора! рѣшилъ панъ грабя.

— Пусть такъ, но все же... раздумчиво говорилъ Бейгушъ:— все же какой-то бѣсъ смущаетъ меня... шепчетъ мнѣ что это...

— Ну?... Что же именно „это?“ выжидательно глядя на столыника пытающимся взглядомъ, спросилъ Слосцицкій.

— Что это не хорошо! съ тяжелымъ вздохомъ, но рѣшительно закончилъ Бейгушъ.

— Мало того что не хорошо, пусть будетъ это даже подлость и преступленіе! Допускаю; пусть такъ! говорилъ Тадеушъ, сдвинувъ свои брови. — Но подлость противъ заклятаго, потомственного врага не есть подлость. Преступленіе противъ Москала не есть преступленіе. Это есть законная, святая месть. Это есть подвигъ.

— Но вѣдь тутъ женщина!... любящая женщина! защищался Бейгушъ, и въ тонѣ его дрогнуло что-то похожее на внутреннее страданіе.

— Эта женщина не Полька!

— Не все ль равно?

— Нѣтъ, не все! горячо вступился Тадеушъ: — еслибъ это была Полька,—о, да! такой поступокъ противъ нея былъ бы величайшею низостью. Но любовь Москевки я не признаю любовью. Жабы любить не могутъ, и ихъ любить невозможно. Если Полька выходитъ замужъ за Москала,—это горько, но это я еще понимаю: она можетъ на пользу родинѣ вліять на мужа, парализовать его вредную дѣятельность, можетъ дѣтей своихъ воспитать честно, сдѣлать изъ нихъ добрыхъ Поляковъ. Но много ли честныхъ Поляковъ женятся на Москевкахъ? Это рѣдкія исключенія. И если ужъ Полякъ допустилъ себя до подобной женитьбы, то развѣ ради какихъ-нибудь особыхъ и важныхъ дѣлей, а иначе это подлость, измѣна своимъ, измѣна родинѣ, для которой и онъ, и все его потомство погибли навсегда и безвозвратно. А если ты не доглядѣлъ за собою, если ты полюбилъ безъ разчета, такъ не будь же тряпкой и постарайся вырвать изъ себя это чувство, потому что оно жараеетъ, оно позоритъ тебя.

Авселемъ молчалъ, нахмурился, и медленно тянулъ вино изъ уместаго стакана.

Слопчицкій поглядѣлъ на него, улыбнулся и, хлопнувъ его по плечу, перебѣнилъ свой горячій, фанатически-суровый тонъ на прежнюю пріятельски-веселую и насмѣшливо-беззаботную ноту.

— Эхъ, дружище! заговорилъ онъ, чокаясь о край стакана своего пріятеля:—кажется, вѣдь оба мы съ тобой воспитывались когда-то въ Вильнѣ у превелебныхъ отцовъ миссіонажей, * и хоть были они—между нами будь сказано—скоты препорядочные, но я ихъ уважаю. Впервыхъ, жить умѣли, вторыхъ, пить умѣли, а третьихъ, все-таки были добрыми, если не лучшими патриотами, и то что они въ меня насадили во мнѣ крѣпко живеть, и никакимъ московскимъ здоухкамъ, ни графинямъ, ни княгинямъ, ни чиновницамъ, ни танцовщицамъ этихъ корней (изъ меня не вырвать). А ты, какъ видно, забываешь менторскія наставленья.... Это не хорошо, дружище!... Встряхнись!

Бейгушъ вернулся домой съ обѣда не въ веселомъ расположеніи духа. Онъ много выпилъ, но вино не дало ему ни хмѣлю, ни облегченія: оно только болѣзненно тяжело подѣйствовало ему на организмъ и принесло съ собою еще болѣе мрачное настроеніе.

Сусанна, по обыкновенію, встрѣтила его любовно и беззаботно. Со вчерашняго утра ни тѣни упрека, ни тѣни сожалѣнія о безпутно утраченныхъ деньгахъ не встрѣтилъ онъ въ этой женщинѣ. Она была съ нимъ какъ и всегда, словно бы ничего такого и не случилось, словно бы жизнь и не должна теперь ни на волосъ измѣниться; напротивъ, Сусанна какъ будто стала еще теплѣе и мягче, еще любовнѣе съ нимъ, оттого что для ней была ужасна мысль потерять его на вѣки. Она не сознавала, но чувствовала что съ той минуты какъ спасла его отъ смерти и сохранила для самой себя, онъ сталъ ей еще милѣе и дороже. Странное дѣло,—но то что въ первое время ихъ близкихъ отношеній было для нея не болѣе какъ прихоть, капризомъ, новымъ развлече-

* Отцы миссіонеры были главными проводниками польской пропаганды. Въ ихъ рукахъ до 1863 года, главнѣйшимъ образомъ, сосредоточивалось воспитаніе юношества въ Польшѣ и въ западной Россіи. Въ Варшавѣ имъ принадлежалъ богатый монастырь Св. Креста, одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ повстанскаго организаціи.

нѣмъ отъ надобнаго кузена, то съ теченіемъ времени, и особливо послѣ свадьбы, стало для нея дорогимъ и завѣтнымъ. Это уже было свое, родное. Капризъ и прихоть незамѣтно, но прочно перешли въ чувство любви, въ отрадное ощущеніе надъ собою болѣе разумной, болѣе крѣпкой воли и силы.

Замѣтивъ что мужъ не совсѣмъ-то здоровъ, Сусанна, безъ воркотни, безъ неудовольствія, уложила его въ постель, и почти всю ночь, какъ добрая сидѣлка, нѣжно, кротко и терпѣливо ухаживала за нимъ, охраняла его покой, предупреждала малѣйшій взглядъ, малѣйшее желаніе.

Все это минунами еще болѣе кололо и щемило душу Бейгуша. Давишнія убѣжденія и доводы пана *грабего* разбивались объ это простое, даже мало сознающее себя чувство любви и безграничной привязанности, которое такимъ яркимъ огнемъ горѣло для Ансельма въ сердцѣ Сусанны. Но чѣмъ яснѣй дѣлалось въ немъ сознаніе этого простаго и столь глубокаго чувства, тѣмъ хуже и темнѣй на душѣ становилось ему, тѣмъ грустнѣе представлялась недавняя комедія съ деньгами....

„О, какъ же я подлъ и низокъ предъ нею!“ посылалъ онъ себѣ мысленные упреки.

И послѣ этого каждый новый знакъ участія и вниманія жены, какъ капля растопленнаго свинца, жегъ и колюче пронизывалъ его душу. Въ эти минуты въ немъ, быть-можетъ помимо собственной его воли, но одною только неотразимою силой жизненнаго факта, совершался внутренній переворотъ: изъ грязи паденія, оправдываемаго принципомъ народной, исторической вражды, вырастало хорошее, честное чувство уваженія, любви и благодарности. *Москвака* уже не существовала, предъ его нравственнымъ взоромъ стояла теперь только *женщина*, которая была его *женою*.

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

(Окончаніе до слѣд. №.)

ПАМЯТИ

ВАСИЛІЯ ПЕТРОВИЧА БОТКИНА

16 октября 1869.

Прости! разверстая могила
Тебя отдасть родной землѣ.
Скажи что смерть изобразила
На безмятежномъ семь челѣ?

Ужель добра поклонникъ страстный,
Заслыша смутный толкъ невѣждъ,
Ты обозвалъ мечтой напрасной
Любимый строй живыхъ надеждъ?

О, вѣтъ! стремишь къ иной потребѣ
Въ нашъ оскудѣвшій, блѣдный вѣкъ,
Ты не забылъ что не о хлѣбѣ
Одномъ живъ будетъ человекъ.

Ты, покидая жизнь земную,
Сомнѣньемъ духа не смущалъ,
И тихо ленту трудовую
Тремъ старшимъ музамъ завѣщалъ.

А. ФЕТЬ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

I.

Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о новой книгѣ одного изъ популярнѣйшихъ историческихъ писателей Германіи. Зибель отчасти извѣстенъ уже у насъ: говоримъ „отчасти“, ибо гг. Ососовъ и Путята, издавшіе русскій переводъ капитальнаго его сочиненія: *Исторіи французской революціи и ея времени*, отнюдь не считали нужнымъ церемониться съ такимъ отсталымъ, по ихъ мнѣнію, авторомъ, и весьма тщательно исправили и почистили его съ точки зрѣнія того сумбура который въ началѣ шестидесятыхъ годовъ извѣстенъ былъ у насъ подъ названіемъ прогресса. Зибель явился предъ русскою публикой въ такомъ видѣ что едва ли бы узналъ самого себя: многія мѣста изъ его книги исчезли вовсе, другія были искажены, и наконецъ весь переводъ былъ усыпанъ подстрочными примѣчаніями куріознѣйшаго свойства, въ которыхъ переводчики относились къ знаменитому писателю съ забавнымъ высокомеріемъ. Но дѣло тѣмъ не кончилось: гг. Ососовъ и Путята объявили что имъ прискущало слѣдить за Зибелемъ, исправляя на каждомъ шагѣ его ошибочныя сужденія и приговоры, и что они намѣрены издать въ послѣдствіи свои возраженія въ особой книгѣ; изъ нея должны были мы узнать что Зибель не понималъ будто бы истиннаго смысла французской революціи, не обратилъ достаточно вниманія на „чернорабочіе интересы“, какъ и слѣдовало впрочемъ ожидать отъ человѣка которому недоступенъ высокій идеалъ будущаго, когда „натуры самихъ“

капиталистовъ преобразуются на столько что имъ сдѣлается неловко и нежелательно хранить для себя свои капиталы". Къ великому сожалѣнію всѣхъ любителей веселаго чтенія, обѣщанный трудъ еще не появился, а что касается до перевода, то остается лишь сожалѣть о тѣхъ кто вздумалъ бы, на основаніи его, составить себѣ понятіе объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ историковъ нашего времени.

Не такъ давно появилось собраніе мелкихъ его статей, а также и публичныхъ лекцій, читанныхъ при различныхъ торжественныхъ случаяхъ, и эта книга, въ теченіи короткаго срока, выдержала уже два изданія. Мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ вошедшихъ въ нее произведеній, относящихся къ новѣйшей исторіи или же затрогивающихъ событія совершившіяся при участіи Россіи, причемъ воспользуемся также и превосходнымъ историческимъ сборникомъ (*Historische Zeitschrift*), выходящимъ подъ редакціей того же Зибеля.

Прежде всего въ разбираемой нами книгѣ останавливаетъ на себѣ вниманіе статья объ Екатеринѣ Великой. Безъ сомнѣнія, весьма любопытно узнать мнѣніе объ этой государынѣ писателя, которому приходилось уже, въ главномъ своемъ трудѣ, говорить подробно о политикѣ ея относительно польскаго вопроса, но ожиданія наши были удовлетворены не вполне. Зибель ограничился лишь тѣмъ что, по извѣстнымъ ея мемуарамъ, представилъ очеркъ пребыванія Екатерины въ Россіи до вступленія ея на престолъ: о самомъ царствованіи ея говорить онъ мало, хотя и тутъ нѣкоторыя изъ его сужденій могутъ быть приняты къ свѣдѣнію. Вотъ какимъ образомъ, на примѣръ, отзывается онъ объ Екатеринѣ II, когда она приняла управленіе въ свои руки: „Незначительная принцесса Цербтская сдѣлалась, благодаря собственной энергіи, повелительницею всей Россіи. Во всѣхъ отношеніяхъ она была тогда въ самомъ блестящемъ періодѣ своей жизни. Современники единогласно утверждаютъ что даже въ юности никогда красота ея не отличалась большею свѣжестью и блескомъ. Здоровье Екатерины, прежде весьма слабое, также совершенно окрѣпло; необычайная бодрость наполняла все ея существо среди безконечныхъ занятій, трудовъ и обширныхъ плановъ. Она была рождена для власти, и теперь, погрузившись въ заботы и наслажденія, сопряженные съ этою властью, жадно упивалась какъ бы нарочно созданною для нея атмосферой. Ревностно

принялась она знакомиться со своимъ государствомъ, спрашивала, училась, собирала матеріалы и не успокоивалась до тѣхъ поръ пока не выработывала себѣ вполне самостоятельнаго и яснаго взгляда. Екатерина вела громадную собственноручную корреспонденцію,—она обладала неподражаемымъ даромъ прискивать людей способныхъ сообщить ей вполне вѣрныя свѣдѣнія, умѣла какъ бы подчиняться имъ, пока заимствовала отъ нихъ все что было нужно, но лишь только овладѣвала предметомъ, съ обворожительнымъ искусствомъ обнаруживала свое царственное надъ ними превосходство. Затѣмъ, не теряя ни минуты, спѣшила она извлечь пользу изъ приобретенныхъ свѣдѣній.... Нельзя воздержаться отъ чувства изумленія при обзорѣ внутренней дѣятельности въ первые тринадцать лѣтъ ея царствованія: въ этотъ періодъ времени возникаетъ новое административное раздѣленіе государства, новая организація присутственныхъ мѣстъ и судовъ; создаются новые города, принимаются мѣры для улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, церковныя имущества переходятъ подъ болѣе разумное управленіе; важная отрасль рѣчныхъ сообщений и каналовъ получаетъ широкое развитіе; правительство занято мыслію объ общемъ гражданскомъ кодексѣ для всей имперіи, изъ уголовной процедуры изгоняются пытки, финансы приходятъ въ порядокъ, выработывается планъ соответствующей народнымъ потребностямъ учебной системы. Повсюду господствуетъ непрерывная личная инициатива самой императрицы: она дѣлаетъ опыты и постановляетъ окончательныя рѣшенія, торопитъ и одобряетъ своихъ подчиненныхъ; съ чисто женскою заботливостію занимается она малѣйшими мелочами и съ царственною силою держитъ въ рукахъ главныя нити всего движенія....“

Вотъ бесспорно блестящая картина, начертанная мастеромъ, хотя картина не совсемъ вѣрная, въ томъ отношеніи что эта изумительная внутренняя дѣятельность отнюдь не ограничивалась лишь первыми тринадцатью годами царствованія Екатерины, какъ хочетъ увѣрить г. Зибель. Многія изъ исчисленныхъ имъ мѣръ относятся къ поздѣйшему времени и служатъ доказательствомъ что долго еще не ослабѣвала энергія великой государыни. Но, по мнѣнію нѣмецкаго писателя, въ исторіи той эпохи рѣзко различаются два періода, изъ коихъ каждый связанъ съ именемъ одного изъ фаворитовъ.

Въ первомъ періодѣ вліятельнѣйшею личностію является Григорій Орловъ: „его отношенія къ Екатеринѣ, говоритъ г. Зибель, были чрезвычайно странны; то была прямая, добродушная натура, съ ограниченными способностями, плохимъ образованіемъ, человекъ нерадивый и безпечный, и котораго подкадало почти всякое честолюбіе какъ скоро нужно было трудиться. Онъ питалъ къ императрицѣ искреннюю привязанность, такъ что согласился бы скорѣе погибнуть чѣмъ сознательно и изъ эгоистическихъ видовъ посовѣтовать ей что-либо дурное. Но въ сущности онъ и не стремился подавать ей совѣты и обременять себя заботами политическихъ дѣлъ. Екатерина, напротивъ, желала бы сообщить мужественному по внѣшности любимцу частицу своего отважнаго духа, старалась привлечь его къ государственнымъ занятіямъ, выставляла его на первый планъ всякій разъ какъ открывалась перспектива блистательной дѣятельности, но Орловымъ очень скоро овладѣвала по-прежнему апатія и усталость...“ Человекъ съ такими свойствами не могъ приобрести сколько-нибудь прочнаго вліянія на Екатерину, но суровая Немезида дала почувствовать себя, восклицаетъ г. Зибель, когда Орлова замѣнили Потемкинъ. Къ этому послѣднему нѣмецкій историкъ относится съ крайнимъ негодованіемъ: „Потемкинъ, говоритъ онъ, никогда не питалъ истиннаго чувства къ императрицѣ; Потемкинъ имѣлъ въ виду только самого себя, свою власть, свое положеніе въ обществѣ и необузданную страсть къ наслажденіямъ. Онъ забралъ въ свои руки внутреннее управленіе, внѣшнюю политику и войну единственно съ цѣлью обогатиться и ототравить опасныхъ соперниковъ. Онъ старался дѣйствовать на честолюбіе Екатерины, и ему дѣйствительно удалось раздражить это честолюбіе дикими и фантастическими планами...“ Взглядъ этотъ не новъ, онъ господствовалъ долгое время и у насъ, и объясняется единственно тѣмъ что о Потемкинѣ не имѣли настоящаго понятія; на нашихъ глазахъ взглядъ этотъ значительно измѣнился, но мы полагаемъ что иностранные писатели, даже отличающіеся столь высокими дарованіями какъ г. Зибель, едва ли откажутся отъ него, и причина того весьма понятна. Задача нашего отечества на Востокѣ опредѣлилась съ давнихъ поръ, но никто еще до Потемкина не стремился къ выполненію этой задачи такъ сознательно и съ такою энергическою настойчивостію: вотъ вина которую

недоброжелатели наши никогда не согласятся извинить ему. Напрасно бы повторяли имъ что онъ далеко не походилъ на празднаго мечтателя, что онъ сознавалъ громадность предпріятія и обдумывалъ его со всѣхъ сторонъ,—напрасно стали бы также утверждать, указывая на великія дѣла совершенныя имъ, что онъ менѣе всего походилъ на мелкаго честолюбца забавлявшаго Екатерину пышными проектами и втихомолку набивавшаго себѣ карманъ. Г. Зибель упорно повторяетъ что русская политика, подъ вліяніемъ Потемкина, стремилась къ фантастическимъ дѣламъ и была провѣнута „дикою беспорядочностію“ (wilde Regellosigkeit). Съ этой стороны небольшая статейка германскаго писателя свидѣтельствуешь лишь о поразительномъ пристрастіи и недоброжелательствѣ съ которыми судятъ въ Европѣ о нашихъ историческихъ дѣятеляхъ служившихъ самыми вѣрными представителями національныхъ стремленій своей страны....

Въ 1860 году г. Зибель прочелъ въ Мюнхенѣ нѣсколько публичныхъ лекцій, которыя появляются теперь въ его книгѣ подъ общимъ заглавіемъ: *Возстаніе Европы противъ Наполеона I.* Въ слѣдующемъ обращеніи къ своимъ слушателямъ онъ самъ опредѣляетъ какъ нельзя лучше цѣль которая руководила имъ въ этомъ случаѣ: „Время не дозволяетъ мнѣ изобразить ту достопамятную эпоху въ полномъ ея объемѣ и на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій; я могу остановиться лишь на нѣсколькихъ, особенно важныхъ ея моментахъ, чтобы воскресить ихъ предъ вашими взорами возможно болѣе нагляднымъ образомъ. Вы одобрите меня, конечно, если я буду имѣть въ виду не столько массу оставшихся намъ до сихъ поръ неизвѣстными подробностей, сколько внутренній смыслъ совершившагося. Для чтеній своихъ я избираю послѣдній и вполнѣ отрадный отдѣлъ упомянутой эпохи, а именно пробужденія чувства національной самостоятельности противъ Наполеоновскаго владычества: сначала буду говорить о великой борьбѣ испанской націи, потомъ о могучемъ порывѣ Австріи въ 1809 году и наконецъ о войнѣ за независимость 1813 года.“ Изъ словъ самого автора видно что въ блестящемъ очеркѣ, сдѣланномъ имъ, мы должны обращать вниманіе преимущественно на тенденціи одушевляющія его, на общій колоритъ которымъ онъ облакаетъ событія

повлекшія за собой низверженіе французскаго владычества надъ Европой; съ этой точки зрѣнія и намѣрены мы отнестись къ его труду, и тутъ на первомъ планѣ является у насъ вопросъ: почему, говоря о геройскихъ усиліяхъ Испаніи и германскихъ государствъ, не упоминаетъ онъ почти ни слова о Россіи?...

Что это, не забывчивость ли со стороны г. Зибеля? Или, быть-можетъ, изображеніе пожертвованій, принесенныхъ нашимъ отечествомъ для спасенія Европы, не входило въ рамку его разказа? Но нѣтъ, картина задумана имъ достаточно широко, и если не нашлось въ ней мѣста для Россіи, то никакимъ образомъ нельзя считать этотъ пропускъ неумышленнымъ. Еще болѣе убѣждаютъ насъ въ этой мысли тѣ желчныя и недоброжелательныя отзывы которыми пропитаны чтенія знаменитаго ученаго какъ относительно русской политики, такъ и относительно дѣйствій русской арміи въ эпоху излагаемой имъ борьбы. Какъ ни странно это, но не должно удивлять насъ, если вспомнимъ что г. Зибель является лишь органомъ мнѣній которыя съ давнихъ уже поръ укоренились въ нѣмецкой исторической печати: кому не извѣстенъ превосходный трудъ покойнаго гейдельбергскаго профессора Гейссера — *Исторія Германіи съ кончины Фридриха Великаго до основанія Германскаго Союза?* Эта книга облетѣла всю Германію, выдержала нѣсколько изданій, доставила ея автору громадную, вполне заслуженную извѣстность,—но посмотрите же какъ тщательно старается онъ умалить роль нашего отечества въ событіяхъ наступившихъ за 1812 годомъ, какъ упорно хочется ему доказать что германскій народъ могъ бы освободиться самъ собою, что для этого было достаточно овладѣвшаго имъ одушевленія, что главное бремя борьбы лежало почти исключительно на немъ одномъ, а Россія служила лишь привѣскомъ... Но полно, такъ ли? Мы рады что г. Зибель доставляетъ намъ поводъ обратиться къ этому вопросу, въ которомъ національная наша гордость не страшится никакихъ нареканій.

Въ концѣ 1807 года Наполеонъ достигъ апогея своего могущества: въ трехъ великихъ войнахъ побѣдилъ онъ Австрію, отнялъ у нея италіянскія земли, а нѣкоторыми другими ея провинціями надѣлилъ своихъ вассаловъ и союзниковъ; Пруссія, въ свою очередь, подверглась страшному разгрому, потеряла половину принадлежавшихъ ей владѣній, изъ коихъ

образованы были королевство Вестфальское для брата императора, Иеронима, а герцогство Варшавское для короля саксонскаго, и кромѣ того многочисленныя французскіе гарнизоны занимали крѣпости на Вислѣ, Одере и Эльбѣ; вся остальная Германія, въ формѣ Рейнскаго союза, безусловно повиновалась завоевателю; Испанія, подъ позорнымъ правленіемъ Карла IV или, лучше сказать, Годои, давно уже только по имени сохраняла свою самостоятельность.... Недавистное владычество все болѣе и болѣе захватывало Европу въ свои сѣти, но, какъ случается нерѣдко, именно въ ту минуту когда торжество его казалось вполнѣ несомнѣннымъ, и возникли отчаянныя усилія освободиться отъ ига. Г. Зибель съ любовью слѣдитъ за этими геройскими попытками, но странно было бы отрицать что исходный ихъ пунктъ находится въ событіяхъ разыгравшихся на поляхъ Россіи, что безъ грозной катастрофы 1812 года всѣ онѣ оказались бы одинаковы тщетными и безсильными. Не признавая этого первостепеннаго обстоятельства, нѣмецкій историкъ рѣшительно не въ состояніи уяснить причинъ породившихъ паденіе Наполеона. Возьмемъ, на примѣръ, испанскую войну: намъ не приходится, конечно, въ голову отрицать энергію и мужество обнаруженныя Испанцами, которые не задумались, съ самыми ничтожными средствами, подняться противъ врага, предъ которымъ трепетали несравненно болѣе сильныя державы, но—говоря откровенно—разумно ли предположить чтобы противодѣйствіе это могло продолжаться долго? „Испанская нація, говоритъ одинъ изъ лучшихъ ея историковъ, осталась и теперь точно такою же какъ была она триста лѣтъ тому назадъ; исключеніе составляетъ лишь Мадридъ, какъ всякая другая европейская резиденція, но во внутреннихъ областяхъ, гдѣ нѣтъ ни торговли, ни правильныхъ путей сообщенія, жители и въ настоящее время отличаются тѣми же пороками и добродѣтелями которыми были извѣстны ихъ предки въ пятомъ колѣнѣ. И теперь, точно также какъ тогда, основой испанскаго характера служатъ, съ одной стороны, набожность, храбрость и преданность королевской власти, а съ другой—тщеславіе, распущенность и непомерное презрѣніе къ труду. На каждого Испанца равнодушнаго къ дѣламъ вѣры, приходится миллионъ другихъ, готовыхъ отчаянно рѣзаться подъ вліяніемъ религіозной страсти....“ Не забудемъ при этомъ что люди, къ которымъ перешло управленіе

страной по удаленіи королевской семьи, славились только своимъ эгоизмомъ, высокомеріемъ и самою позорною неспособностію. Несмотря на такія неблагоприятныя условія, испанскій народъ возсталъ какъ одинъ человекъ, и этотъ первый порывъ его ознаменовался блестящими успѣхами: Французы потерпѣли поражение въ нѣсколькихъ битвахъ, и самъ король Іосифъ, братъ Наполеона, вынужденъ былъ покинуть Мадридъ. Но затѣмъ начинается цѣлый рядъ неудачъ, такъ рельефно изображенныхъ въ превосходномъ сочиненіи г. Баумгартена, съ которымъ уже знакомы читатели *Русскаго Вѣстника*. Народъ теряетъ всякое довѣріе къ своимъ предводителямъ; имъ начинаетъ овладѣвать апатія; временное правительство предъ наступающимъ непріателемъ очищаетъ одинъ городъ за другимъ, и вскорѣ единственнымъ безопаснымъ для него убѣжищемъ служитъ Кадиксъ со Львинымъ островомъ, но и тамъ претерпѣваетъ оно всякаго рода невзгоды: „центральная юнта, говоритъ самъ г. Зибель, не имѣла ни денегъ, ни опредѣленнаго плана, и почти вовсе не встрѣчала повиновенія въ странѣ; во всемъ и непрерывно прибѣгала она къ содѣйствию Англичанъ, и въ то же самое время не хотѣла слѣдовать совѣтамъ англійскихъ полководцевъ, подъ вліяніемъ своего чрезмѣрнаго, фальшиваго самолюбія. И Португалія была точно также опустошена и разорена, малочисленныя войска ея разсѣяны, милиція страдала отъ неустройства, королевская фамилія спаслась бѣгствомъ, регентство бессмысленно соперничало съ Англичанами. Удивительно ли что англійская нація, англійскіе министры и парламентъ были въ высшей степени смущены этимъ зрѣлищемъ и часто возвращались къ вопросу—не напрасно ли расточаютъ они свои усилія, не совершенно ли бесполезно приносить они жертвы для Пиринейскаго полуострова?..“ Либеральная партія въ Кадиксъ успѣла наконецъ вырвать власть изъ недостойныхъ рукъ и рѣшилась прибѣгнуть къ кореннымъ реформамъ, помявъ очень вѣрно что безъ внутреннего возрожденія своего отечества невозможно восторжествовать надъ иноземнымъ игомъ, но реформы, задуманныя среди грома оружія и отчаянной борьбы, не проникали въ массу народа и лишь давали поводъ къ безконечнымъ распрямъ: прежде всего отнесались къ нимъ крайне враждебно Англичане, отъ добраго согласія съ которыми зависѣлъ главнымъ образомъ успѣхъ дѣла задуманнаго либералами.

Таково было положеніе дѣлъ предъ 1812 годомъ, и можно ли предполагать что оно улучшилось бы еслибы Наполеонъ возвратился изъ Россіи побѣдителемъ? И если потомъ Испанцы переходятъ отъ обороны къ наступленію, если Веллингтонъ одержалъ при Витторіи побѣду надъ Іосифомъ и маршаломъ Журданомъ, то не потому ли только что Наполеонъ не былъ уже въ состояніи посылать, въ 1813 году, никакихъ подкрѣпленій за Пиринеи и даже вывелъ оттуда 40.000 войска? Чему же, слѣдовательно, обязана была Испанія своимъ спасеніемъ?

Но пойдѣмъ далѣе. Наученный печальнымъ опытомъ, Фридрихъ-Вильгельмъ III призвалъ послѣ 1807 года къ управленію дѣлами знаменитаго патріота Штейна. Это былъ, конечно, одинъ изъ славныхъ періодовъ въ исторіи Пруссіи, когда внутреннія реформы коснулись всѣхъ главнѣйшихъ отраслей гражданскаго устройства страны, и въ то же время началась коренная реорганизация арміи подъ руководствомъ такого опытнаго и искуснаго государственнаго челоѣка какъ Шарнгорстъ. Особенное вниманіе обращено было на образованіе юношества, причѣмъ имѣлось въ виду возвысить духъ молодежи и внушить ей патріотическія стремленія. Австрія, потерпѣвшая не менѣе тяжкіе удары, также не захотѣла остаться позади. Тамъ мѣсто ограниченнаго, ничтожнаго и лукаваго Кобенцеля занялъ графъ Филиппъ Стадіонъ, который предпринялъ отчаянную попытку вывести монархію Габсбурговъ на совершенно незнакомый ей путь всесторонняго политическаго и гражданскаго развитія, но задача эта была для него неизмѣримо труднѣе чѣмъ для Штейна. Одинъ изъ друзей императора Франца замѣтилъ въ описываемое нами время что для австрійскаго правительства выгоднѣе выдержать несчастную войну чѣмъ предпринимать сколько-нибудь отважные эксперименты внутри государства: „неприятелю, сказалъ онъ, можно зажать ротъ тѣю или другою провинціей, но какъ сладить съ возбужденіемъ народныхъ страстей?“ Самъ императоръ думалъ именно такимъ образомъ, и—увы!—въ этомъ мрачномъ убѣжденіи было много основательнаго. Примѣръ того что совершается нынѣ предъ нашими глазами достаточно показываетъ въ какой безвыходный хаосъ впадаетъ Австрія, какъ скоро приступаетъ она ко внутреннимъ преобразованіямъ: соперничество между различными національностями, возмущеніе высшихъ классовъ обще-

ства, нетерпимость католическаго духовенства, придворныя интриги, все соединилось вмѣстѣ чтобы затруднить на каждомъ шагѣ графа Стадіона, который и самъ, оставаясь ревностнымъ аристократомъ въ душѣ, сильно дорожилъ привилегіями своего сословія. Г. Зибель, отъ зоркости котораго не ускользаютъ всѣ эти неблагоприятныя условія, придаетъ однако огромную важность движенію обнаружившемся одновременно и въ Австріи, и въ Пруссіи: онъ убѣжденъ что еслибы германскія державы вознамѣрились дѣйствовать заодно, еслибы Стадіонъ протянулъ руку Штейну, то Европа еще въ 1809 году освободилась бы отъ Наполеонскаго владычества, и освободилась бы отъ него героическимъ порывомъ одной Германіи. Легко утѣшать себя догадками такого рода, но онѣ кажутся намъ далеко несостоятельными: дѣла могли повернуться такъ, а можетъ-быть и иначе, и несравненно вѣроятнѣе что они имѣли бы гибельный, а не благоприятный исходъ. Повторяемъ снова что мы не питаемъ слишкомъ большой вѣры въ цѣлесообразность и успѣшность австрійскихъ реформъ, а что касается реформъ предпринятыхъ Штейномъ, то онѣ не успѣли еще окрѣпить и принести всѣ желаемые результаты. Всего какихъ-нибудь три года протекло со времени разгрома постигшаго Пруссію на поляхъ Йены и Ауэрштедта: даже при самомъ твердомъ убѣжденіи что страна вступила, наконецъ, на спасительный путь, ни правительство, ни народъ не могли еще проникнуться достаточною самоувѣренностью и сознаніемъ своихъ силъ чтобы попробовать счастья въ новой борьбѣ, въ которой Пруссія должна была поставить на карту самое свое существованіе. Поэтому мы нисколько не удивляемся колебаніямъ обнаруженнымъ въ критическую минуту Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, а если удивляемся чему-нибудь, такъ это настойчивымъ увѣреніямъ г. Зибеля что въ 1809 году Наполеонъ находился въ рукахъ Германіи, что отъ ея единодушія и тѣснаго согласія зависѣло будто бы предписать ему постыдныя условія...

Вмѣсто того, императоръ Французовъ бросился, какъ извѣстно, въ упомянутомъ году на Австрію и снова сокрушилъ ее нѣсколькими ударами. Пруссія не двинулась, но не была оставлена въ покоѣ: Наполеонъ не только заставилъ Штейна удалиться отъ правленія, но обрекъ его на изгнаніе, куда отправилась вслѣдъ за нимъ многіе другіе патриоты. Поло-

женіе германскихъ государствъ сдѣлалось невыносимѣе чѣмъ когда-нибудь....

Особенно Пруссія находилась, повидимому, на краю гибели. „Императоръ Французовъ, весьма справедливо замѣчаетъ Гейссеръ, вознамѣрился довести эту изувѣченную страну до такой степени униженія и гнета чтобъ она не имѣла подѣ конецъ причины дорожить призракомъ своей самостоятельности, чтобы присоединеніе свое къ подвластнымъ ему областямъ она могла считать какъ бы облегченіемъ для себя.“ Руководителемъ австрійскаго правительства, вмѣсто графа Филиппа Стадіона, явился князь Меттернихъ, тогда еще молодой человекъ, составившій себѣ извѣстность въ качествѣ посланника при Тюльерійскомъ дворѣ. Политическая теорія его состояла въ томъ что, такъ какъ нѣтъ средствъ преодолѣть грознаго противника, то лучше всего жить съ нимъ въ добромъ мирѣ и согласіи, тѣмъ болѣе что въ императорѣ Французовъ онъ ухитрился видѣть главнаго поборника столь дорогихъ ему консервативныхъ интересовъ: по крайней мѣрѣ креатура новаго министра, извѣстный Генцъ, открыто высказалъ однажды что „владычество Наполеона служитъ спасительнымъ противодіемъ противъ общей болѣзни вѣка, что оно представляетъ самое вѣрное средство для охраненія внутренняго спокойствія и безопасности государствъ“... Ловкій интриганъ, человекъ безъ всякихъ возвышенныхъ благородныхъ убѣжденій, одинаково равнодушный къ добру и злу, Меттернихъ относился къ чувству народной чести съ циническимъ презрѣніемъ, и успѣлъ вскорѣ обнаружить самое губельное вліяніе на настроеніе общественнаго мнѣнія. „Всякій, говоритъ г. Зибель, кто заводилъ рѣчь объ отечествѣ, свободѣ, энтузіазмѣ, тотчасъ же замѣчалъ недовѣріе и усиленную на лицахъ своихъ слушателей; старинное безутѣшное изреченіе: станемъ ѣсть и пить, ибо завтра насъ уже не будетъ, раздавалось во всѣхъ слояхъ австрійской публики. Присоединимъ къ этому тяжкій финансовый кризисъ, обиліе бумажныхъ денегъ, дефицитъ и наконецъ полное банкротство....“

Дѣйствительно, ничего не можетъ быть мрачнѣе этой картины, но какимъ же образомъ избавилась Германія отъ терзавшихъ ее бѣдствій? Чтò дало, наконецъ, толчокъ къ ея пробужденію отъ апатіи и безсилія? Чей голосъ призвалъ ее оподичать за свои права?... Нѣмецкій историкъ, какъ

уже знаемъ, не останавливается на этихъ вопросахъ и перескакиваетъ прямо къ войнѣ за независимость 1813 и 1814 годовъ.

„Велики были препятствія которыя приходилось преодолѣть Германіи,—такъ разсуждаетъ г. Зибель, —и всѣ они были послѣдствіемъ несчастій понесенныхъ ею въ 1809 году. Если бы въ то время Пруссія рѣшилась дѣйствовать, или если бы эрцгерцогъ Карлъ (австрійскій полководецъ) сумѣлъ выполнить свою задачу, то Германія восторжествовала бы надъ противникомъ своими собственными силами, она шествовала бы къ побѣдѣ подъ руководствомъ Стадіона и Штейна. Теперь же она была осуждена опереться на содѣйствіе Россіи, причемъ на ней отразились всѣ слабыя и худыя стороны подобнаго содѣйствія.“ Уже изъ этихъ словъ видно съ какимъ явнымъ недоброжелательствомъ смотритъ авторъ на великую роль которую играло наше отечество въ событіяхъ того времени; но этого мало, слѣдуетъ доказать что и мысль освободить Европу явилась не самому русскому правительству, а была напечатана ему Нѣмцами. „Планъ перенести войну въ германскіе предѣлы, говоритъ другой историкъ, г. Гейсеръ, представлялся чѣмъ-то совершенно новымъ для Россіи и не безъ труда былъ усвоенъ ею; русской натурѣ и русскому образованію едва ли была доступна великая идея о всемірной борьбѣ съ Наполеономъ. Къ чему, слышалось въ этой странѣ, ополчаться намъ за чуждые для насъ интересы!“ И это сказано послѣ того какъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ сряду русская кровь проливалась на поляхъ Требии, Нови, Аустерлица, Прейсишъ-Эйлау и Фриланда, послѣ того какъ Россія не разъ, и цѣною тяжкихъ жертвовацій, спѣшила оградить и Пруссію, и Австрію отъ угрожавшихъ имъ бѣдствій! Всякій изъ насъ готовъ скорѣе думать что политика нашего правительства въ описываемое время отличалась чрезчуръ космополитическимъ характеромъ, и вдругъ приходитъ теперь слышать что она исполнена была крайняго эгоизма и презрѣнія къ общечеловѣческимъ интересамъ.... Но если всякія возвышенныя стремленія были такъ чужды русской натурѣ и русскому образованію, то по чѣмъ же внушеніямъ предпринялъ императоръ Александръ великій подвигъ умиротворенія Европы? Неужели по внушеніямъ только Штейна? Ужь не Штейнъ ли побудилъ его также отказаться въ 1812 году отъ всякихъ переговоровъ съ

Наполеонѣ пока французскія войска не очистятъ совершенно Россію?...

Щекотливость національнаго чувства весьма понятна намъ, и мы отнюдь не нашли бы страннымъ, еслибы германскіе историки усиливались выставить въ возможно болѣе блестящемъ свѣтѣ подвиги своихъ соотечественниковъ, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ чтобы нужно было искажать истину и предавать поруганію народъ который оказалъ огромныя услуги общему дѣлу. И Зибель, и Гейссеръ не находятъ достаточно порицаній для Кутузова и другихъ нашихъ полководцевъ которые совѣтовали Александру удовольствоваться изгнаніемъ Наполеона и не переступать границы. А между тѣмъ предложеніе это, быть-можетъ и ошибочное, покажется весьма естественнымъ, если вспомнимъ о крайнемъ истощеніи въ которомъ находилась тогда Россія. Въ послѣдствіи, по окончаніи войны въ Германіи, союзники наши также задумались перешагнуть черезъ Рейнъ, и г. Гейссеръ нисколько не думаетъ винить ихъ за это. Упомянувъ о Баухеръ и Гнейзенау, энергически настаивавшихъ на продолженіи войны, онъ замѣчаетъ: „Мнѣніе названныхъ нами генераловъ далеко не было, однако, всеобщимъ, ибо не только дипломаты, но и многіе опытные военные люди противились ему. Несмотря на одержанныя недавно побѣды, они не успѣли освободиться отъ чувства страха предъ Наполеономъ; еще живо было въ нихъ воспоминаніе о несчастіяхъ 1792 года и убѣжденіе въ слабости своихъ силъ. Напасть на Францію во внутреннихъ ея предѣлахъ казалось имъ чрезчуръ дерзкимъ.... И дѣйствительно, при нормальномъ и обычномъ ходѣ дѣлъ нельзя было бы не принять въ расчетъ подобныхъ соображеній. Положеніе Французской имперіи, величіе ея и богатство орудствъ которыми она могла располагать, воинственный духъ ея народа, гений человѣка стоявшаго въ ея главѣ, все это невольно побуждало къ благородію и осторожности....“ Такимъ образомъ г. Гейссеръ почти оправдываетъ Пруссаковъ и Австрійцевъ, когда, исполнивъ одну часть своей задачи, они устрашили одно время довести до отчаянія Наполеона и хотѣли остановиться на Рейнѣ, но совершенно такія же колебанія Кутузова и Румянцева послѣ изгнанія Французовъ изъ Россіи являются чуть ли не преступленіемъ въ ихъ глазахъ. Тутъ должны мы выслушивать неслѣпые возгласы о русскомъ варварствѣ

и грубости русской натуры, хотя Румянцевъ и Кутузовъ могли, въ 1812 году, подкрѣпить свою мысль несравненно болѣе сильными доводами чѣмъ Шварценбергъ и прусскіе генералы при наступленіи 1814 года....

Союзники наши остановились именно тогда, когда главные силы Наполеона были сокрушены подъ Лейпцигомъ, когда онъ отступалъ на всѣхъ пунктахъ, а европейскія націи изготавились для всевозможныхъ жертвъ чтобы привести борьбу къ рѣшительному результату. Не то было за годъ предъ тѣмъ. Русскому правительству приходилось продолжать войну безъ увѣренности встрѣтить ли оно энергическую и искреннюю поддержку со стороны Пруссіи и Австріи. Берлинскій дворъ, надъ которымъ таготѣло воспоминаніе о страшной катастрофѣ постигшей его въ 1806 году, никакъ не хотѣлъ примириться съ мыслию что счастье измѣнило наконецъ Наполеону, и предавался колебаніямъ до самой той поры, пока командиръ прусскаго корпуса, дѣйствовавшего въ рядахъ французской арміи, генералъ Йоркъ, не отважился самовольно, на свою собственную отвѣтственность, присоединиться къ Россіи. Нѣмецкіе историки придаютъ огромное значеніе этому поступку генерала Йорка. Моизенъ, въ своей *Римской Исторіи*, ставитъ его на одну ногу съ Аннибаломъ, рѣшившимся начать борьбу съ Римлянами вопреки настроенію и намѣреніямъ карфагенскаго сената, и мы не думаемъ отрицать что упомянутый шагъ былъ дѣйствительно весьма важенъ, ибо много способствовалъ возбужденію національнаго и патриотическаго чувства въ Пруссіи. Но извѣстно, однако, что Фридрихъ-Вильгельмъ III отвѣчалъ на него удаленіемъ генерала Йорка отъ должности, преданіемъ его военному суду, и что если, наконецъ, онъ объявилъ себя врагомъ Франціи, то главнымъ образомъ подъ вліяніемъ настойчивыхъ увѣщаній императора Александра. Политика вѣнскаго двора представлялась еще болѣе сомнительною: еслибы г. Гейссеръ былъ безпристрастенъ, то именно къ Австріи отнесъ бы онъ свое замѣчаніе что она оставалась въ эту минуту совершенно недоступною общеевропейскимъ интересамъ и помышляла лишь о томъ кому и какимъ образомъ выгоднѣе продать свое содѣйствіе. Князь Меттернихъ продолжалъ расточать самую утонченную лесть предъ Наполеономъ, вопилъ о корыстныхъ и честолюбивыхъ замыслахъ Россіи, хвалился тѣмъ будто бы „съ

презвѣнемъ“ отвергнулъ субсидіи предложенныя Англіей, и утверждалъ что поступокъ генерала Торка долженъ послужить сигналомъ къ революціи! „Вашъ союзъ съ Россіей, говорилъ онъ французскому посланнику Отто, былъ поистинѣ чудовищнымъ дѣломъ, а союзъ съ нами имѣетъ основой естественные, долговѣчные и спасительные интересы и долженъ оставаться неизмѣннымъ, подобно потребностямъ которыя вызываютъ его.... Еслибы сегодня мы отказались отъ сближенія съ вами, то завтра снова вынуждены были бы желать его. Франція причинила намъ много зла, но существенные интересы заставляютъ насъ забыть о прошедшемъ. При теперешнихъ критическихъ обстоятельствахъ мы хотимъ быть полезны вамъ, и думаемъ что въ свое время вы окажете намъ точно такую же услугу. Мы страшимся не Франціи, а Россіи, возвышенію коей вы сами содѣйствовали не мало....“ Нечего и говорить что патриотическое настроеніе умовъ, возникшее въ Германіи, не вызывало со стороны князя Меттерниха ничего кромѣ глубокаго отвращенія. „Я нисколько не заблуждаюсь относительно теперешняго народнаго движенія, твердилъ онъ посланнику Отто: вызванное будто бы честью и независимостью Германскаго отечества, оно порветъ вскорѣ всѣ политическія и общественныя связи, и я вижу уже въ немъ печальное предвѣстіе испроверженія престоловъ и цѣлаго ряда великихъ бѣдствій. Повѣрьте мнѣ, не много пройдетъ времени, какъ прусское возстаніе распространится до береговъ Рейна....“ Не одинъ Меттернихъ, но и многія другія вліятельныя личности вѣнскаго двора проповѣдовали тотъ же самый взглядъ, и особенно настойчиво развивалъ его князь Шварценбергъ, которому выпала въ послѣдствіи высокая честь быть главнокомандующимъ союзныхъ армій въ борьбѣ съ Наполеономъ. Прибывъ въ Парижъ для дипломатическихъ переговоровъ, онъ прямо говорилъ императору Французовъ что австрійское правительство „въ высшей степени тяготится господствующимъ настроеніемъ умовъ, которое угрожаетъ разорвать самыя священные связи между государями и подданными и заставляетъ монарховъ, какъ обнаружилось это въ Пруссіи, идти вслѣдъ за народомъ“. Вѣнскій дворъ, не на словахъ только, а и на дѣлѣ старался противодѣйствовать „якобинскому“ движенію: въ то самое время какъ императоръ Александръ посылалъ Штейна въ Бреславль вести переговоры съ Фридрихомъ-

Вильгельмомъ III, прусскіе и германскіе патриоты, возлагавшіе на Штейна главныя свои надежды и вмѣстѣ съ нимъ обреченныя нѣкогда на изгнаніе, были изгоняемы изъ австрійскихъ предѣловъ, или должны были томиться въ крѣпостяхъ Шпильбергъ и Мукачѣ. Все это не худо припомнить чтобъ объяснить тяжкое раздумье которое овладѣло и Кутузовымъ, и Румянцевымъ предъ переходомъ за границу русскихъ войскъ: не трудно было имъ предвидѣть что отъ Россіи потребуются громадныя усилія, невозвѣрныя жертвы, въ награду за которыя она пожнетъ только черную неблагодарность....

Россія могла съ самаго начала добиться для себя самыхъ выгодныхъ условій, ибо только съ однимъ императоромъ Александромъ желалъ Наполеонъ вести переговоры, лишь ему одному готовъ былъ сдѣлать уступки. Вотъ какимъ образомъ разсуждаетъ Гейссеръ объ извѣстномъ посольствѣ Коленкура послѣ Люценскаго сраженія: „Французскій уполномоченный прибылъ на аванпосты съ мыслию „построить золотой мостъ“ для Россіи, утратить австрійское посредничество и предоставить исключительно Александру честь заключенія общаго мира. Предложенія его состояли въ слѣдующемъ: Рейнскій Союзъ будетъ простираться до Одера, Вестфальское королевство увеличится 1½ милліонами душъ, оторванныхъ отъ Пруссіи, а Пруссія получитъ вознагражденіе на счетъ польскихъ областей и поставлена будетъ въ зависимость отъ русской системы. Франція и Россія были бы раздѣлены такимъ образомъ разстояніемъ 300 часовъ, между нами находилось бы лишь одно государство, а Польша была бы совершенно уничтожена. Превосходный планъ! Императоръ Французовъ болѣе полновластный господинъ Германіи чѣмъ предъ катастрофой 1812 года, германская Пруссія превратившаяся въ польско-русскую вассальную страну, а Россія господствующая на Вислѣ!... * Но если даже предположить что Александръ оказался бы чувствителенъ къ подобной приманкѣ, могъ ли бы онъ поддаться на нее стоя рядомъ съ прусскою арміею и посреди народа напрягавшаго всѣ свои силы съ цѣлью остаться Прусскимъ и Нѣмецкимъ?...“

* Еще предъ отъѣздомъ Коленкура, Наполеонъ выразилъ цѣль его посольства въ такихъ словахъ: „une mission directe au quartier-general russe partagerait le monde en deux.“

Другими словами, авторъ задаетъ вопросъ, могли ли бы Франція и Россія, находясь въ тѣсномъ союзѣ, совладать съ одною Пруссіей! Не станемъ нападать на него за то что въ патриотизмъ своемъ онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, но къ чему, спросимъ еще разъ, всѣ подобныя выкладки, когда ему хорошо извѣстно что русскій императоръ не захотѣлъ даже допустить къ себѣ и выслушать Коленкура? Къ чему онъ въ виду того несомнѣннаго факта что одинъ лишь Александръ противился до самого конца всякому соглашенію съ противникомъ, что совершенно противъ его желанія и намѣреній возникали въ послѣдствіи дипломатическіе переговоры во Франкфуртѣ и Шатильонѣ, что онъ одинъ не переставалъ убѣждать своихъ союзниковъ довести дѣло до конца? Не вынужденъ ли и самъ Гейссеръ признать эту истину,—хотя и съ крайне недоброжелательнымъ чувствомъ? „Нельзя не порадоваться тому, говорить онъ, описывая перенесеніе войны изъ Германіи въ предѣлы Франціи, нельзя не порадоваться что *русское честолюбіе* не захотѣло успокоиться на Рейнѣ. Иначе императоръ Франціи и король Фридрихъ-Вильгельмъ III преспокойно оставили бы Французовъ въ Майнцѣ, Кельнѣ и Ахенѣ до тѣхъ поръ пока, чрезъ два или три года, не появились бы они снова на берегахъ Эльбы и Дуная...“

Послѣ всего сказаннаго нами можно было бы умолчать о постоянной заботливости и Зибеля, и Гейссера, ограничить самыми ничтожными размѣрами участіе Россіи въ военныхъ дѣйствіяхъ 1813 года. „Русскія войска, замѣчаетъ первый изъ названныхъ нами писателей, были до такой степени малочисленны и слабы, резервы и подкрѣпленія находились отъ нихъ такъ далеко что они являлись скорѣе пособниками чѣмъ союзниками. Тѣмъ большею надменностью отличалось обращеніе съ нами ихъ полкоподдевъ...“ Гейссеръ замѣчаетъ въ свою очередь: „Русскіе постоянно старались протереться на первый планъ, и многіе изъ ихъ предводителей, командовавшіе весьма незначительными отрядами, получили начальство надъ несравненно многочислѣннѣйшими прусскими войсками. На сторонѣ Пруссаковъ находилось болѣе способныхъ людей, а на сторонѣ Русскихъ болѣе людей притязательныхъ. Несмотря на слабость своихъ силъ, Русскіе считали себя великою европейскою державою (еще бы!) и цѣнили Пруссію не столько по ея вооруженіямъ, сколько по

ея развѣрамъ. Они усвоили себѣ токъ покровителей, которые единственно изъ великодушія, а вовсе не ради собственныхъ интересовъ, ополчились за Пруссію.... При такомъ положеніи дѣлъ нечего было и думать чтобы кому-нибудь изъ прусскихъ полководцевъ предоставлена была первостепенная роль, хотя Кутузовъ, Витгенштейнъ, Барклай не могли, конечно, выдержать сравненія съ Блюхеромъ, Йоркомъ, Бюловымъ, Шарнгорстомъ, Гнейзенау. Одинъ лишь главный штабъ Блюхера, при которомъ состояли Шарнгорстъ, Гнейзенау и другіе совмѣщаль въ себѣ болѣе интеллигенцію и энергію чѣмъ всѣ руководители русской арміи въ теченіи трехъ лѣтъ сряду....* Военная репутація Барклая, Кутузова, Витгенштейна стоитъ слишкомъ высоко чтобы нужно было защищать ее противъ такого авторитета въ военномъ дѣлѣ какъ г. Гейссеръ, и мы рѣшительно не постигаемъ, почему бы слѣдовало имъ, по перенесеніи борьбы въ Германію, смиренно ступеваться предъ прусскими генералами. Они явились туда во главѣ арміи которая первая изъ всѣхъ нанесла рѣшительное, громовое пораженіе Наполеону и доказала Европѣ что онъ былъ вовсе не такъ непобѣдимъ какъ привыкли о немъ думать до сихъ поръ, и неудивительно, слѣдовательно, что и Барклай, и Кутузовъ имѣли нѣкоторое право проникнуться высокимъ понятіемъ о своихъ способностяхъ! Намъ не приходится въ голову, по примѣру Гейссера, относиться презрительно къ прусскимъ военачальникамъ, самъ Наполеонъ отзывался въ послѣдствіи о нихъ, а именно о Блюхерѣ, весьма снисходительно (*ses animaux ont arrigé quelque chose*), но нельзя не видѣть однако что имъ нужно было еще упрочить свою репутацію, ибо со смерти Фридриха Великаго и до самого 1813 года Пруссія славилась не столько своими побѣдами, сколько пораженіями.... Что же касается мнимои малочисленности русскихъ военныхъ силъ, о которой такъ настойчиво распространяются и Гейссеръ, и Зибель, то увѣренія ихъ прямо противорѣчатъ фактамъ: при началѣ кампаніи, въ Люденской битвѣ (см. Богдановича) участвовало Русскихъ 39.000 съ 314 орудіями, а Пруссаковъ 33.350 человекъ при 136 орудіяхъ, въ Лейцигскомъ же сраженіи на общее число союзныхъ войскъ, простиравшееся до 282.000 (мы говоримъ о битвѣ 4го октября) Русскихъ приходилось—116.000.... Не ребячество ли же послѣ этого утверждать что одни Нѣмцы вынесли на своихъ

плечахъ борьбу за независимость, что Нѣмцы во всемъ играли первую роль, а Русскіе являлись только слабыми ихъ пособниками?...

Изъ замѣчаній сдѣланныхъ нами видно какимъ образомъ лучшіе вѣмецкіе писатели относятся къ Россіи даже по поводу событій въ которыхъ Россія оказала Германіи великія и несомнѣныя услуги. Лекціи г. Зибеля были прочитаны имъ въ 1860 году: онъ закончилъ ихъ пламеннымъ воззваніемъ къ тѣсному союзу между Пруссіей и Австріей, какъ къ единственному вѣрному и надежному средству обезпечить величіе и безопасность германскаго отечества. Какою грустною прощій отзываются эти слова послѣ грома выстрѣловъ огласившихъ поля Кѣниггреца...

Время реставраціи, наступившей за низверженіемъ Наполеона, затронуто г. Зибелемъ въ весьма интересной статьѣ написанной имъ по поводу обнародованной въ 1858 году дипломатической корреспонденціи *Жозефа де-Местра*. Человѣкъ этотъ служилъ, какъ извѣстно, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей эпохи, когда между политическими партіями шла ожесточенная борьба о томъ какими путями можно предотвратить возвратъ революціи: удовлетвореніемъ ли либеральныхъ стремленій общества или упорнымъ имъ противодействіемъ, радикальнымъ ли разрывомъ со старымъ порядкомъ вещей или, напротивъ, тѣснымъ союзомъ съ отжившимъ дворянствомъ и католическою церковью. Графъ де-Местръ явился краснорѣчивымъ проповѣдникомъ консервативной реакціи: по твердому его убѣжденію всѣ смуты, охватившія Европу съ конца прошлаго столѣтія, имѣли своимъ корнемъ религіозную реформацію XVI вѣка, и только авторитетъ католицизма, какъ единственной охранительной силы, могъ спасти общество отъ угрожавшихъ ему новыхъ бѣдствій. Г. Зибель не считаетъ нужнымъ приступать къ подробному разсмотрѣнію этой странной теоріи: „Мы принадлежимъ, говоритъ онъ, къ безусловнымъ ея противникамъ, но не полагаемъ, однако, чтобы въ наше время заслуживала она опроверженія на почвѣ исторической науки. Тотъ кто подъ вліяніемъ религіозной потребности или практическихъ цѣлей принадлежитъ къ поборникамъ папской власти, не убѣдится, конечно, историческими доводами, а всякій другой нисколько не нуждается въ нихъ. Вполнѣ несомнѣнно что въ средніе вѣка, въ эпоху процвѣтанія папской теокра-

ти, монархическій принципъ не пользовался уваженіемъ въ Европѣ, государственная власть нигдѣ не отличалась прочностью, а права частныхъ гражданъ постоянно подвергались нарушеніямъ. Лишь со времени упадка папства возникаетъ развитіе монархіи въ настоящемъ смыслѣ слова, — монархіи которая обладаетъ достаточнымъ могуществомъ чтобы служить представительницей націи и ограждать интересы своихъ подданныхъ. И съ протестантской, и съ католической стороны одинаково не было недостатка въ деспотическихъ тенденціяхъ и въ революціонномъ имъ противодѣйствіи: не трудно было бы начертать, для каждаго изъ этихъ исповѣданій, подробный перечень совершенныхъ ими безчинствъ, ибо ни одно изъ нихъ не отличалось опредѣленнымъ политическимъ характеромъ. Каждое, въ свою очередь, отвѣчало ревностною преданностью на покровительство и отчаянною оппозиціей на угнетеніе государственной власти; католицизмъ проникнуть монархическими принципами при Филиппѣ II и революціонными при Генрихѣ III, — протестантизмъ служить въ Швеціи опорой королевскаго престола, а въ Англіи отстаиваетъ республиканскія учрежденія противъ Карла I. Но вообще нельзя отрицать что съ конца религіозныхъ войнъ, то-есть въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій, политическія потрясенія обнаруживались несравненно сильнѣе въ католическихъ странахъ Европы, между тѣмъ какъ на протестантской почвѣ преобладала склонность къ примиренію, соглашенію и постепеннымъ реформамъ: то же самое происходитъ и теперь, какъ легко убѣдиться изъ сравненія современной исторіи Франціи и Англіи, Австріи и Пруссіи, итальянскихъ и скандинавскихъ государствъ.“ Ограничившись этими мѣткими и вполне справедливыми замѣчаніями относительно доктрины графа де-Местра, нѣмецкій историкъ остановился преимущественно на характерѣ и личныхъ свойствахъ писателя, имѣвшаго столь сильное вліяніе на значительную часть европейской публики въ первыхъ годахъ нашего столѣтія. Г. Зибелю удалось вполне уловить его образъ и выставить тотъ несомнѣнный фактъ что самъ по себѣ Жозефъ де-Местръ былъ несравненно лучше чѣмъ проповѣдуемая имъ теорія: не говоря уже о совершенной его искренности, онъ умѣлъ оставаться либеральнымъ среди самыхъ странныхъ своихъ увлеченій, и еслибы суждено было ему жить позднѣе, то, быть-можетъ, онъ присоединился бы

къ той партіи въ средѣ католицизма, представителями коей служили Монталамберъ, Ламне и Лакордеръ. Удивительное дѣло! видя спасеніе для общества только въ старинномъ, отжившемъ порядкѣ вещей, де-Местръ глубоко возмущался деспотическими инстинктами, съ которыми выступала реакція послѣ 1815 года. „Въ наше время, говоритъ онъ, много толкуютъ о необходимости *сильнаго* правительства, но если сила монархіи опредѣляется только степенью ея полновластія, то Неаполь, Мадридъ и Лиссабонъ должны были бы приводить насъ въ восхищеніе, а между тѣмъ всякому извѣстно что эти слабыя исчадія едва держатся на ногахъ. Если хотите сдѣлать монархическое правленіе поистинѣ прочнымъ, то избѣгайте произвола и никогда не покидайте почвы строгой законности....“ Оставаясь до конца ревностнымъ аристократомъ, онъ настойчиво требуетъ во Франціи чтобы всѣ безъ различія были допускаемы къ занятію государственныхъ должностей, защищаетъ права народныхъ представителей на участіе въ законодательствѣ, утвержденіи налоговъ, податей, и „что кажется еще поразительнѣе среди тогдашнихъ обстоятельствъ, говоритъ г. Зибель, де-Местръ открыто высказываетъ свое убѣжденіе о невозможности управлять государствомъ съ помощью приверженцевъ стараго порядка вещей; онъ ратуетъ за безусловную амнистію, за амнистію даже для убійцъ Лудовика XVI, и твердитъ постоянно что эмигранты совершенно неспособны пріобрѣсти сколько-нибудь значительное вліяніе въ странѣ“. Безумныя гоненія, къ которымъ прибѣгло піемонтское правительство, оскорбляли де-Местра до глубины души: онъ предостерегалъ, увѣщевалъ, совѣтовалъ, и когда убѣдился, наконецъ, что не только въ маленькой его родинѣ, но повсюду въ Европѣ тупыя политическія страсти одерживали верхъ надъ требованіями благоразумія и справедливости, онъ все чаще и чаще обращалъ свои взоры къ Англіи, хотя, какъ пламенный католикъ, терпѣть не могъ Англичанъ. „Какая жалость, говаривалъ онъ, что столь дурные люди являются единственными защитниками хорошаго дѣла....“

Но все-таки главная задача де-Местра состояла въ усердномъ служеніи католическимъ интересамъ. Съ этой точки зрѣнія имѣетъ онъ значеніе и для насъ, ибо продолжительное его пребываніе въ Петербургѣ, многочисленныя его связи въ нашемъ высшемъ обществѣ и тѣсныя сношенія съ

іезуитами, которые при Павлѣ и Александрѣ играли столь видную роль, все это побуждало его заняться религіозною пропагандой. Быть-можетъ онъ не успѣлъ тутъ такъ много какъ бы того желалъ, но все-таки дѣятельность его не осталась безъ слѣда. Де-Местръ писалъ министру, графу Разумовскому, изумительные трактаты о народномъ просвѣщеніи, пріивлѣчалъ многочисленныхъ слушателей разглагольствіями о высокомъ призваніи панской власти, и имѣлъ ревностныхъ приверженцевъ: эта податливость русскаго ума, эта склонность его подчиняться чуждому вліянію кажется Зибелю явленіемъ довольно страннымъ, и онъ старается объяснить его съ своей точки зрѣнія. „Войны, замѣчаетъ онъ, не приносятъ съ собою только разрушеніе, но имѣютъ и воспитательное значеніе для народовъ; во время войнъ, чрезъ соприкосновеніе съ другими государствами, народы усвоиваютъ себѣ новыя понятія и потребности. При Екатеринѣ Россія вела много войнъ, но вела ихъ преимущественно съ Турціей или съ Польшей; что могла она заимствовать отъ этихъ отжившихъ, разлагавшихся организмовъ? Не удивительно, слѣдовательно, что при великой императрицѣ Русскіе продолжали оставаться Русскими, но другое дѣло когда, въ царствованіе ея внука, русскія войска побывали въ Италиі, Швейцаріи и Голландіи, въ южной и сѣверной Германіи, когда Россія вступила въ близкое и непосредственное соприкосновеніе съ Европой. Новыя идеи, предвозвѣстницею коихъ служила Франція, оказывали повсюду болѣе или мѣнѣе сильное вліяніе, и даже на германской почвѣ вызвали онѣ множество различныхъ демократическихъ учрежденій, а потому весьма естественно что и Россія была сильно затронута ими, но, продолжаетъ г. Зибель, при этомъ обнаружилось одно замѣчательное явленіе. Такъ какъ умственные интересы русскаго народа сосредоточивались не столько въ политикѣ, сколько въ религіи, то и вліяніе новыхъ идей отразилось преимущественно на его религіозныхъ вѣрованіяхъ: „умы, волнуемые то французскимъ невѣріемъ, то германскою философіей, сегодня лютеранскимъ, а завтра англиканскимъ богословіемъ, пришли въ колебаніе. Русское духовенство, издавна находившееся въ зависимости отъ правительства, а со времени конфискаціи Екатериною церковныхъ имуществъ окончательно утратившее свою свободу, не было уже въ состояніи сдерживать общество на прежнемъ пути.

Движеніе оказалось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе возбуждено было во всѣхъ сословіяхъ религиозное настроеніе вслѣдствіе потрясеній и бѣдствій причиненныхъ цѣлымъ рядомъ войнъ. Въ низшихъ классахъ фанатическая секта раскольниковъ усиливалась съ каждымъ днемъ, а въ образованной публикѣ успѣшно распространялись мистическія ученія С. Мартена....“ Таковъ взглядъ г. Зибеля, и мы привели его вовсе не потому чтобы считали его вѣрнымъ: не говоримъ уже о странной мысли нѣмецкаго историка — объясняющей лишь совершеннымъ незнакомствомъ его съ предметомъ — поставить расколъ въ какую-либо связь съ европейскими событіями начала XIX столѣтія, но вполне несомнѣнно что высшее наше общество и при Екатеринѣ, не менѣе чѣмъ при Александрѣ, было проникнуто новыми идеями. Не примѣръ только императрицы, но и непреодолимое собственное влеченіе побуждало его усвоивать себѣ воззрѣнія Вольтера и Руссо, Дидро и д'Аламбера, а между тѣмъ ни въ одномъ изъ тогдашнихъ государственныхъ и общественныхъ нашихъ дѣятелей не видимъ мы того высокоумнаго, презрительнаго отношенія къ Россіи, которымъ отличалось послѣдующее поколѣніе. Люди Екатерининской эпохи умѣли быть Европейцами, оставаясь вполне Русскими, чего отнюдь нельзя сказать объ ихъ преемникахъ: вотъ именно это-то обстоятельство — не шаткость религиозныхъ вѣрованій, а крайній космополитизмъ въ политическихъ убѣжденіяхъ — нисколько не поддается объясненію г. Зибеля, хотя для насъ не представляетъ онъ ничего загадочнаго, если обратимъ вниманіе на направленіе которое принимаетъ тогда политика нашего правительства.

Чтобы пояснить нашу мысль, позволимъ себѣ упомянуть здѣсь о книгѣ, давно уже (а именно въ 1846 году) появившейся въ свѣтъ, но о которой ничего еще, кажется, не было до сихъ поръ говорено у насъ: то біографія князя Петра Борисовича Козловскаго, занимавшаго въ первой четверти нынѣшняго столѣтія должность русскаго посланника попеременно при правительствахъ Сардинскомъ, Баденскомъ и Вуртембергскомъ (*Fürst Kosloffsky, herausgegeben von Wilhelm Dorow*). У насъ извѣстенъ онъ очень мало, повсюду въ Европѣ сохранились самыя лучшія и, повидимому, вполне заслуженныя, воспоминанія о немъ. „Меня радуетъ, писалъ Фарнгагенъ фонъ-Энзе къ Дорову, задумавшему составить

биографію князя,—меня радуетъ мысль увѣковѣчить память этого блестящаго (praechtigen) Русскаго, ибо столь привлекательная личность не должна пройти незамѣченною и представляетъ много поучительнаго для каждаго кто способенъ понимать и цѣнить все высокое...“ Князь Козловскій былъ приверженцемъ латинской церкви: еще въ весьма молодыхъ лѣтахъ, находясь въ Римѣ, поступилъ онъ, для довершенія своего образованія, подъ руководство іезуита Лами, который сдѣлалъ изъ него ревностнаго католика, и такимъ онъ остался навсегда. Репутація его, какъ человѣка многосторонне и глубоко образованнаго, чрезвычайно остроумнаго и пріятнаго собесѣдника, была твердо упрочена въ Европѣ; на Вѣнскомъ конгрессѣ, куда стеклась почти вся тогдашняя интеллигенція, онъ занималъ въ обществѣ одно изъ видныхъ мѣстъ; за нимъ ухаживали какъ за принцемъ де-Линь и братьями Гумбольдтами; графъ Лагардъ тщательно собиралъ щедро расточаемыя имъ колкости и остроты; г-жа Сталь, намекая на непомѣрную его толщину, говорила о немъ „que c'est un russe engraisé par la civilisation“. Въ послѣдствіи онъ покинулъ официальную свою карьеру, по причинамъ которыя говорятъ скорѣе въ его пользу: онъ былъ слишкомъ просвѣщенъ чтобы сочувствовать реакціи наступившей послѣ 1825 года, и свѣдѣнія какія онъ сообщалъ изъ Штутгарта и Барльсруэ о движеніи умовъ въ Германіи не могли нравиться вашему государственному дѣятелю, напуганному, подъ вліяніемъ Меттерниха, грознымъ призракомъ революцій. Вынужденный покинуть службу, князь Козловскій непрерывно путешествовалъ изъ одной страны въ другую, и самый радушный пріемъ ожидалъ его повсюду со стороны людей стоявшихъ во главѣ политическаго и литературнаго движенія Европы: Шатобрианъ находился съ нимъ въ дѣятельной перепискѣ, Кавнингъ считалъ его въ числѣ своихъ друзей; съ принцемъ Орлеанскимъ (въ послѣдствіи королемъ Лудовикомъ-Филиппомъ) завязалъ онъ тѣсныя сношенія еще во время пребыванія своего въ Кальяри, и съ тѣхъ поръ они не прерывались никогда. Князь Козловскій не былъ только любопытнымъ зрителемъ совершавшихся предъ нимъ событій, не принималъ въ нихъ живое и близкое участіе: въ Нидерландахъ хлопочетъ онъ о примиреніи голландской и бельгійской партій, во Франціи издаетъ брошюры о политическомъ положеніи этой страны и адресуетъ къ герцогу Бродь дивныя

послания по поводу процесса Полицяка и другихъ министровъ Карла X; въ Англіи беретъ на себя защиту ирландскихъ католиковъ противъ ожесточенныхъ на нихъ нападковъ епископа Честерскаго.

Вотъ, следовательно, сколько ума, блеску, знаній, которыя по справедливости были оценены европейскою публикой, но посмотрите же на этого человека когда онъ начинаетъ разсуждать о Россіи. Графъ Лагардь утверждаетъ что „князь Козловскій былъ искренно преданъ своему государю и страшно дорожилъ величіемъ и славой своего отечества“; быть-можетъ это и такъ, но въ такомъ случаѣ онъ принадлежалъ къ столь значительному въ его время кругу людей, для которыхъ величіе Россіи представлялось какимъ-то отвлеченнымъ понятіемъ и нисколько не мѣшало имъ питать самое высокомерное презрѣніе къ русской націи. Авторъ известнаго памфлета, маркизъ Кюстинъ, подробно записалъ въ своей книгѣ разговоры свои съ Козловскимъ, котораго онъ встрѣтилъ по дорогѣ въ Петербургъ, — и вотъ что пришлось ему выслушать изъ устъ своего собесѣдника: Россія отстала на цѣлыя четыре столѣтія отъ Европы; великое ея несчастіе заключается въ томъ что вліяніе рыцарства нисколько не коснулось ея почвы и остановилось на Польшѣ. „Русскіе исполнены воинственнаго духа, но лишь для того чтобы дѣлать завоеванія; они сражаются изъ повиновенія и алчности, тогда какъ польскихъ рыцарей одушевляла исключительно жажда славы.... Въ то время какъ Европа напрягала усилія чтобы вырвать гробъ Господень изъ рукъ невѣрныхъ, Русскіе платили дань Узбеку и продолжали заимствовать отъ Византійской имперіи искусство, науку, религію, обычаи и политическія правила, проникнутыя коварствомъ и вѣроломствомъ, столь свойственными Византійцамъ. Если принять во вниманіе все это, то легко объяснить почему нельзя вѣрится честному слову ни одного Русскаго (c'est le prince russe qui parle, замѣчаетъ Кюстинъ).... Поляки находятся въ настоящее время совершенно въ такомъ же положеніи относительно Русскихъ, въ какомъ Русскіе находились относительно Монголовъ при преемникахъ Батыя“. Вспомнимъ что человекъ говорившій такимъ образомъ былъ лицо далеко не дюжинное, пользовавшееся значительнымъ вліяніемъ въ обществѣ, и преимущественно въ Варшавѣ, гдѣ князь Козловскій проживалъ довольно долго и имѣлъ друзей въ самыхъ

высшихъ административныхъ сферахъ, и мы угадываемъ безъ труда куда были направлены его симпатіи, въ какомъ смыслѣ расточалъ онъ свои указанія и совѣты.... „Великія, благородныя услуги, говоритъ о немъ его биографъ, оказалъ Козловскій несчастной польской націи!“

— Не забывайте ни на минуту, когда очутитесь среди этого азіятскаго народа (дѣло идетъ опять-таки о Россіи), продолжалъ Козловскій поучать французскаго путешественника,— что идеи рыцарства и католицизма совершенно ему чужды; не только онъ не усвоилъ ихъ, но обнаруживалъ имъ упорное противодѣйствіе во время продолжительныхъ войнъ съ Литвою, Польшею, Тевтонскимъ орденомъ и орденомъ Меченосцевъ.

— Вы заставляете меня гордиться моею проникательностью, отвѣчалъ Костякъ;—еще недавно писалъ я одному изъ своихъ друзей что религіозная нетерпимость служитъ, какъ мнѣ кажется, главнымъ двигателемъ русской политики.

— Вы угадали какъ нельзя лучше, воскликнулъ князь:—трудно составить себѣ даже приблизительное понятіе о глубокой нетерпимости русскаго общества; тѣ изъ моихъ соотечественниковъ которые получили достаточное образованіе и находились въ соприкосновеніи съ Европой, стараются тщательно скрывать основную свою мысль, которая состоитъ въ повсемѣстномъ торжествѣ православія, служащаго для нихъ синонимомъ русской политики.

Измученный всѣмъ что пришлось ему слышать, маркизъ замѣчаетъ съ изысканною вѣжливостью:

— Дѣлайте что хотите (*vous avez beau faire*), не вамъ конечно удастся внушить мнѣ невыгодное понятіе о Россіи!

— Ахъ, Боже мой, возражаетъ ему его собесѣдникъ,—не судите пожалуста по мнѣ, ни по тѣмъ изъ Русскихъ которые долго путешествовали за границей; съ нашимъ податливымъ характеромъ, мы становимся космополитами лишь только покидаемъ предѣлы своего отечества....

Итакъ космополитизмъ, въ глазахъ человѣка по происхожденію вполне русскаго и долгое время находившагося въ русской службѣ, становится неотъемлемымъ правомъ на уваженіе къ нему европейской публики! Замѣтимъ, что приведенныя нами сейчасъ сужденія не представляютъ ничего поразительнаго со стороны ревностнаго и непоколебимаго католика, но почему же русскій католикъ непременно

долженъ относиться съ презрѣніемъ къ своему отечеству, и почему ни католикъ прусскій, ни французскій протестантъ не измѣняютъ никогда своимъ патриотическимъ убѣжденіямъ? Какой удивительный примѣръ представляетъ въ этомъ отношеніи графъ де-Местръ! Человѣкъ этотъ былъ всецѣло поглощенъ идеей о всесвѣтномъ владычествѣ папы, и между тѣмъ трудно было бы сказать чему служилъ онъ ревностнѣе, этой ли идеѣ, или интересамъ своей родины, маленькаго Пиемонтскаго королевства? Онъ не забываетъ о нихъ ни на минуту, среди самыхъ тяжелыхъ невзгодъ и испытаній, и изъ-за нихъ проникается ненавистью къ католической Австріи. Отчего же наши beaux esprits такъ легко и скоро превращались въ космополитовъ, и неужели комплиментъ г-жи де-Сталь: „l'homme engraisé par la civilisation“ достаточно вознаграждалъ за отреченіе отъ отечества?...

Но возвратимся къ тому о чемъ мы начали бесѣдовать съ читателями. Во второй книжечкѣ *Историческаго Сборника* г. Зибеля за нынѣшній годъ помѣщена превосходная статья Германа Баумгартена подъ заглавіемъ: *Борьба за испанское престоламясліе въ послѣдніе годы короля Фердинанда*. Очевидно что это отрывокъ изъ долженствующихъ появиться въ свѣтъ дальнѣйшихъ томовъ *Исторіи Испаніи* того же автора, подробный отчетъ о которой былъ представленъ недавно въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Мы считаемъ далеко не лишнимъ остановиться на упомянутой статьѣ, ибо она содержитъ въ себѣ много новаго, и къ тому же имѣетъ весь интересъ романа, — романа поразительнаго и который могъ разыграться только на испанской почвѣ. Престарѣлый король напоминающій Тиверіа, около него мрачная, угрюмая фигура его брата, нѣсколько женщинъ утратившихъ совершенно чувство женственности и явившихся достойными прераводительницами толпы монаховъ, напоминающихъ дворець, въ какомъ другомъ государствѣ XIX вѣка можно встрѣтить подобную обстановку?

Г. Баумгартенъ приступаетъ къ разказу своему такимъ образомъ: „Въ прежнемъ королевскомъ музеѣ въ Мадридѣ (не знаю, какимъ названіемъ окрестила его революція) находилась особая комната, на дверяхъ коей красовалась надпись: Salon del descanso de la Reyna (зала для отдохновенія королевы). Рѣдко посѣщали ее чужеземцы, и тотъ кто останавливался въ ней, могъ въ совершенномъ одиночествѣ

разсматривать картины покрывавшія ея стѣны. И естественно. Между тѣмъ какъ всѣ другія комнаты обширнаго зданія представляли любителю удивительные образцы испанской, голландской, италіанской и французской живописи XVI и XVII столѣтій, упомянутый салонъ отнюдь не могъ соперничать съ ними достоинствомъ хранившихся въ немъ произведеній. Содержаніе картинъ не имѣло въ глазахъ большинства особаго значенія, и лишь весьма немногіе могли серьезно интересоваться ими. Тутъ собрано было огромное количество портретовъ всѣхъ почти членовъ Бурбонской династіи, начиная съ превосходнаго изображенія Лудовика XIV и кончая нашими современниками. Государи Франціи и Испаніи, Неаполя и Пармы, окруженные по большей части своими семействами, взираютъ со стѣнъ на почитателя, и если ему извѣстна подробная исторія этихъ лицъ, то онъ не можетъ конечно не вглядываться съ живымъ участіемъ въ ихъ черты. Легко переносится онъ мыслью въ тѣ времена, когда судьбы романскаго міра находились почти исключительно въ рукахъ этой фамиліи, распространившей господство свое изъ Франціи за Пиринеи и изъ Испаніи на Аппенинскій полуостровъ. Какая изъ европейскихъ династій могла сравниться съ Бурбонами за столѣтіе предъ симъ? И всѣ они теперь обречены на черствый хлѣбъ изгнанія! Новѣйшая исторія не представляетъ намъ примѣра болѣе печальной участи. Съ неограниченною властью господствовали эти люди надъ значительною частью земнаго шара; громадные матеріальныя средства доставляли имъ Европа, Америка и Азія для достиженія ихъ цѣлей, но такъ какъ не захотѣли они уразумѣть духа своего времени, противились самымъ законнымъ потребностямъ и стремленіямъ своихъ подданныхъ, были упорны когда надлежало обнаружить мудрость, и слабы когда требовалась энергія, то и сошли они нынѣ одинъ за другимъ со своихъ престоловъ....“ Судьба дѣйствительно печальная, но которую никакъ нельзя назвать незаслуженною: поразительнѣйшимъ доказательствомъ того служить, между прочимъ, король Фердинандъ VII, многочисленные портреты коего особенно наполняютъ заветный салонъ мадридскаго музея. „На нѣкоторыхъ изъ нихъ, говоритъ г. Баумгартенъ, изображенъ онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ; лицо отиѣчено печатью необузданной чувственности; въ налитыхъ кровью глазахъ, въ отвисшихъ губахъ не менѣе ясно

отражаются злоба и жестокость.“ Невольное содроганіе закрадывается въ душу при взглядѣ на эти холодныя черты.

Читателямъ нашимъ уже извѣстно какимъ образомъ конституціонное движеніе начала двадцатыхъ годовъ подавлено было насильственнымъ вмѣшательствомъ Франціи. Съ тѣхъ поръ реакціонной партіи приходилось бы, повидимому, только радоваться своей побѣдѣ, но, къ изумленію, весьма сильный расколъ возникаетъ вскорѣ въ ея собственныхъ рядахъ. Дѣло въ томъ что король Фердинандъ далеко не пользовался популярностью между изступленными поборниками абсолютизма и религіозной нетерпимости: правда, онъ обнаружилъ достаточно самой холодной и разчитанной жестокости въ преслѣдованіи либераловъ, въ первое время почти каждую недѣлю совершались казни на площадяхъ Мадрида, монахъ и инквизиторъ Саезъ поставленъ былъ во главѣ управленія, но реакціонная партія не могла простить королю слабости и колебаній обнаруженныхъ имъ въ критическіе моменты революціи, она знала что нѣтъ никакой возможности довѣриться его слову, и что при первой же опасности готовъ былъ онъ, безъ малѣйшаго угрызения совѣсти, пожертвовать своими ближайшими друзьями. То ли дѣло его братъ: вотъ цѣльная натура въ полномъ смыслѣ слова! Двуличность и обманъ были совершенно чужды характеру донъ-Карлоса, который шелъ неуклонно къ своей цѣли, въ политическихъ убѣжденіяхъ сформировался слѣпо со внушеніями своего духовника и другихъ отчаянныхъ изуверовъ, и во всемъ что напоминало самый умѣренный прогрессъ видѣлъ нечестіе и погубель; при немъ лоза либерализма не проникла бы, конечно, за Пиринеи, и на подобнаго человѣка можно было положиться безъ боязни чтобъ онъ сдѣлалъ какую-нибудь уступку поборникамъ пововеденій. Рѣчи подобнаго рода непрерывно слышались въ дворцахъ Эскуріала и Мадрида, и въ скоромъ времени толпа недовольныхъ высказывала ихъ уже почти во всеуслышаніе: въ 1820 году Фердинандъ задумалъ—не обратиться къ принципамъ либеральной политики, ибо ни о чемъ подобномъ нельзя было и помышлять въ Испаніи,—а хотя нѣсколько обуздать своеволіе и безчинства отъ которыхъ страдало мирное населеніе страны, и отвѣтомъ ему былъ взрывъ разнузданныхъ фанатическихъ страстей... Во многихъ городахъ вспыхнули возстанія; въ Толедо появились прокламаціи въ пользу его брата, и вполне несомнѣнно что

если бы донъ-Карлосъ рѣшился тогда же прибѣгнуть къ насильственнымъ средствамъ, то безъ труда проложилъ бы себѣ путь къ престолу. Но донъ-Карлосъ считалъ долгомъ, въ теченіи всего описываемаго времени, выказывать безусловную преданность королю; онъ не хотѣлъ слышать ни о какихъ заговорахъ, ни о какомъ противодѣйствіи законной власти—обстоятельство въ высшей степени затруднительное для карлистовъ, напрасно твердившихъ своему вождю что нѣтъ ничего предосудительнаго дѣйствовать противъ Фердинанда, такъ какъ въ былое время онъ самъ не задумался низвергнуть своего отца. Къ счастью для нихъ, при дворѣ находились другія вліятельныя личности, съ помощію коихъ представлялась возможность отважиться на самыя рискованныя предпріятія. Супругою донъ-Карлоса была донна Марія-Франциска, старшая дочь королевы Португальской, Каротты, оставившей по себѣ самую непривлекательную память,—женщина, усвоившая вполнѣ характеръ и нравы своей матери. Въ весьма молодыхъ лѣтахъ прибыла она въ Мадридъ съ сестрою своею Изабеллою, которая вступила въ бракъ съ королемъ Фердинандомъ; Изабелла скончалась въ 1816 году; тогда Марія-Франциска, сдѣлавшаяся, какъ мы сказали, женою донъ-Карлоса, страстно привязалась къ старшей своей сестрѣ Маріи-Терезіи, принцессѣ Беирской, постоянно проживавшей съ нею въ Мадридѣ. Обѣ онѣ удостоивали неприимиримой своей ненависти принцессу Луизу, супругу младшаго изъ братьевъ короля, донъ-Франциска де-Паула, не уступавшую имъ въ склонности къ проискамъ и интригамъ и постоянно убѣждавшую своего мужа чтобы тотъ, лишенный всякихъ надеждъ на престолъ, попробовалъ счастья въ тѣсномъ сближеніи съ либеральною партіей. Почтенное trio этихъ достойныхъ дамъ, одинаково мстительныхъ, озлобленныхъ и готовыхъ на всякія средства, превратило дворъ въ сущій адъ; скандалы слѣдовали непрерывно одинъ за другимъ, и даже авторитетъ короля не былъ въ состояніи водворить миръ между враждовавшими сторонами; всѣ придворные были призываемы не только свидѣтелями, но даже участниками этихъ распрей, ибо разыгравшіяся южныя страсти не хотѣли стѣсняться никакими самыми обыкновенными приличіями. Донна Марія-Франциска и принцесса Беирская естественно показалиcя апостолической партіи именно такими личностями въ которыхъ она нуждалась среди тогдашнихъ

обстоятельствъ; если самъ донъ-Карлосъ не рѣшался отступить отъ легальнаго пути, то ни отъ его жены, ни отъ свояченицы нельзя было, конечно, ожидать подобной щекотливости; можно было надѣяться, напротивъ, что онъ увлекутъ за собою черезчуръ совѣставаго принца и во всякомъ случаѣ, еслибъ интрига не удалась, будутъ въ состояніи оградить отъ заслуженной кары ея виновниковъ. Заговорщики могли, повидимому, тѣмъ основательнѣе разчитывать на успѣхъ что на сторону ихъ склонился вскорѣ министръ юстиціи донъ-Францискъ Каломарде. Г. Баумгартенъ представилъ подробную біографію этого лица, и мы считаемъ не лишнимъ познакомить съ нею читателей, чтобы дать понятіе о томъ какого рода люди занимали тогда въ Испаніи высшія государственныя должности и пользовались почти безграничнымъ довѣріемъ короля. Каломарде не отличался ни знатностью происхожденія, ни образованіемъ, ни богатствомъ, а между тѣмъ честолюбіе и алчность къ деньгамъ составляли основныя черты его характера, и онъ твердо рѣшился достигнуть почестей какими бы то ни было путями; во время революціи явился онъ отчаяннымъ либераломъ и успѣлъ занять мѣсто въ рядахъ регентства, установленнаго въ 1810 году, но несчастіе этого чело-вѣка заключалось въ томъ что лишь только достигалъ онъ власти, какъ проявлялась въ немъ необузданная страсть къ грабежу. Уличенный во взяточничествѣ, Каломарде вынужденъ былъ покинуть свою доходную должность и разсорился съ либеральною партіей; достаточно было этого чтобы оставить его весьма высоко въ глазахъ такъ-называемыхъ консерваторовъ; его величали жертвой, радовались его возвращенію на путь истинный, и когда, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, Фердинандъ воцарился снова на престолѣ, онъ получилъ мѣсто въ департаментѣ колоній. Существовалъ обычай, замѣчаетъ г. Баумгартенъ, что всѣ чиновники служившіе въ этомъ департаментѣ выходили оттуда непремѣнно съ значительнымъ состояніемъ, но Каломарде опять-таки обогатился такъ неумѣренно и такъ быстро что его попросили выйти въ отставку. Въ 1820 году революціонная партія одержала верхъ; Каломарде былъ одинъ изъ первыхъ предложившихъ ей свои услуги, но былъ отвергнутъ, и тогда по-прежнему обратился къ роялистамъ. По вступленіи Французовъ, герцогъ Ангулемскій назначилъ его секретаремъ временнаго

правительства въ Мадридѣ, приче́мъ звѣрскою жестокостью своею онъ возбудилъ удивленіе даже кровожадныхъ фанатиковъ. Его имя связано было съ самыми отвратительными мѣрами, которыми ознаменовалась клерикальная реакція, вслѣдствіе чего и достигъ онъ, наконецъ, министерскаго портфеля. Но въ описываемое время положеніе Каломарде представлялось далеко незавиднымъ: онъ зналъ что со стороны либераловъ, еслибъ они когда-нибудь одержали верхъ, ему нечего разчитывать на пощаду, а въ то же самое время и фанатики, забывъ о прежнихъ его услугахъ, считали его противникомъ дона Карлоса, слѣдовательно умѣреннымъ и чуть ли не революціонеромъ! Вотъ причины побудившія его соединиться съ партіей доны Маріи-Франциски и принцессы Беарской: король Фердинандъ все еще считалъ его самымъ преданнымъ себѣ слугою, между тѣмъ какъ онъ ревностно интриговалъ съ цѣлю похитить тронъ у этого государя.

„Союзъ истыхъ роялистовъ“, такъ называли себя заговорщики, приступилъ тотчасъ же къ дѣйствіямъ, но поспѣшность сильно повредила ему въ этомъ случаѣ. Почва еще не была достаточно подготовлена для возстанія. Множество самыхъ рьяныхъ приверженцевъ упомянутой партіи колебались взяться за оружіе въ виду того что ни донъ-Карлосъ, ни его жена, ни Каломарде отнюдь не хотѣли занять мѣсто во главѣ движенія, оставались за кулисами, а на первомъ планѣ выдвигались лишь второстепенныя личности. Несмотря на то, смуты вспыхнули во многихъ областяхъ: въ Каталоніи, Арагоніи и другихъ, и приняли даже столь сильныя размѣры что самъ король, нисколько не подозрѣвавшій гдѣ находятся его главные враги, долженъ былъ поспѣшить съ войсками для усмиренія недовольныхъ. Видя что замыселъ не удался, Каломарде помышлялъ теперь лишь о томъ чтобы выпутаться изъ бѣды, а потому обнаружилъ необычайную ревность въ подавленіи мятежа, который былъ вызванъ имъ же самимъ: долго послѣ того не могли забыть о пыткахъ и казняхъ въ Таррагонѣ. Одинъ изъ виновныхъ, Пиксола, успѣвшій спастись бѣгствомъ, издалъ прокламацію, въ которой говорилъ между прочимъ: „Многіе изъ правительственныхъ лицъ, обращающихся теперь съ нами какъ съ презрѣнными бунтовщиками, знаютъ очень хорошо что они-то и увѣрили насъ будто бы король сдѣлался франкмасономъ, будто бы страшная

опасность угрожаетъ религию, если инфантъ донъ-Карлосъ не вступитъ немедленно на престолъ: патеръ Цурило, герцогъ Инфантадо, министръ юстиціи Каломарде и другія вліятельныя лица принимали ревностное участіе въ нашемъ предпріятіи“....

То былъ, конечно, сильный ударъ апостолческой партіи, но она не упала духомъ, и вообще можно сказать о ней что „elle n'a reculé que pour mieux sauter“, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство сообщило совершенно иное направленіе дѣламъ.

Послѣ кончины супруги своей Изабеллы, Фердинандъ (уже въ третій разъ) вступилъ въ бракъ съ Амалією Саксонскою. Эта германская принцесса, далеко не отличавшаяся красотою, но тихая, скромная и съ необыкновенно добрымъ сердцемъ, никогда не могла привыкнуть къ правамъ и понятіямъ мадридскаго двора, съ его безконечными интригами и циническою враждою партій. Жизнь ея тамъ была далеко не привлекательна; вліяніемъ она не пользовалась ни малѣйшимъ, Фердинандъ былъ къ ней, особенно подъ конецъ, вполнѣ равнодушенъ; постоянно больная и почти не покидавшая своихъ комнатъ, она не принимала никакого участія во всемъ что совершалось вокругъ нея. Въ маѣ 1829 г. вдругъ пронеслась вѣсть что она находится въ безнадежномъ положеніи,—вѣсть, которая поразила какъ громомъ приверженцевъ Донъ-Карлоса. До тѣхъ поръ они не переставали льстить себя надеждою что, еслибы даже и не удалось имъ низвергнуть короля съ престола, то во всякомъ случаѣ не долго пришлось бы имъ ждать его кончины,—и онъ сошелъ бы въ могилу не оставивъ послѣ себя дѣтей, такъ что корона естественно досталась бы ихъ вождю. Но что если умретъ его супруга? Возможно ли было думать, зная нравы Фердинанда, чтобъ онъ не вступилъ тотчасъ же въ новый бракъ? И что если явятся у него наследники? Что если онъ отстранитъ своего брата отъ регенства? Весь дворъ пришелъ въ неописанное смущеніе, и никогда еще несчастная королева не вызвала столько участія и заботливости какъ во время тяжкой своей болѣзни. Карлисты, не обращавшіе на нее до тѣхъ поръ ни малѣйшаго вниманія, усердно молились теперь о сохраненіи ея дней, ибо она грозила унести съ собою самыя лучшія ихъ планы и надежды; изъ Алкалы и Толедо привезено было съ необычайною поспѣшностью нѣсколько мощей; въ

Комнаты больной, около ее постели, поставлены были мощи святых мучениковъ Исидора и Діега, оказавшія нѣкогда чудеса для исцѣленія Донъ-Карлоса; но ничто не помогло, и 17го мая 1829 года королева Амалія скончалась послѣ долгихъ страданій. Позднѣе фанатики обвиняли въ ея смерти либераловъ; нѣтъ такого ужаснаго преступленія, котораго политическія партіи въ Испаніи не готовы были бы бросить въ лицо одна другой....

Послѣдствія упомянутаго нами событія были именно таковы какъ предвидѣли люди, которые особенно его опасались. Король Фердинандъ тотчасъ же обнаружилъ намѣреніе вступить въ новый бракъ, и воля его была выражена такъ настойчиво и непреклонно что не представлялось никакой возможности обуздать его порывы. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, позаботиться о томъ чтобы выборъ короля палъ на принцессу которая, своимъ образомъ мыслей, не внушала бы опасеній за будущее: конечно, было бы лучше всего еслибы принцесса Беирская удостоилась чести сдѣлаться подругой его жизни, но ей минуло 38 лѣтъ, она давно уже утратила очарованіе молодости и красоты, и Фердинандъ никогда не питалъ къ ней особенной нѣжности. Затѣмъ были въ виду двѣ принцессы сардинскаго дома, изъ которыхъ каждая съ успѣхомъ заняла бы предназначаемое для нихъ мѣсто; по словамъ посланника, графа Соларо-делла-Маргерита, обѣ онѣ были воспитаны въ правилахъ, относительно которыхъ самые ретивые фанатики мадридскаго двора не могли бы желать ничего лучшаго. Но среди этихъ критическихъ обстоятельствъ, когда со дня на день ожидали окончательнаго рѣшенія короля, вдругъ выступаетъ на сцену Луиза, супруга дона Франциска де-Паула, о которой мы уже упоминали выше; въ послѣднее время она была совершенно загнана своими соперницами, положеніе ея при дворѣ сдѣлалось крайне тяжкимъ и, конечно, ухудшилось бы во сто разъ, еслибы ненавистная ей Марія-Франциска приняла королевскій титулъ, или заняла бы со своимъ мужемъ мѣсто во главѣ регентства. Нужно было во что бы то ни стало воспрепятствовать подобному несчастію, и принцесса Луиза тотчасъ же пустила въ ходъ всѣ уловки своего хитраго и изворотливаго ума для достиженія своей цѣли. Она показала королю портретъ сестры своей Маріи-Христины Неаполитанской, съ такимъ энтузіазмомъ говорила ему объ ея красотѣ и душев-

ныхъ качествахъ что престарѣлый Фердинандъ, никогда не выдавшій своей нареченной, считалъ уже себя страстно влюбленнымъ въ нее: 8го июня, то-есть ровно черезъ десять дней по смерти королевы Амаліи, отправленъ былъ запросъ неаполитанскому двору свободна ли Марія-Христина располагать своею рукою, а 19го числа того же мѣсяца послѣдовало и формальное предложеніе. До такой степени искусно вела принцесса Луиза интригу что никто и не подозрѣвалъ о ней до той самой минуты, когда неожиданное извѣстіе поразило какъ громомъ мадридскій дворъ: можно представить себѣ отчаяніе и негодованіе апостолической партіи! Она пыталась удержать Фердинанда, до его свѣдѣнія доведены были возмутительные толки о нравахъ и образѣ жизни Маріи-Христины, ему безпрерывно твердили о неудовольствіи крайнихъ роялистовъ, но всѣ эти навѣты не привели ровно ни къ чему: напротивъ, они заставили только Луизу поспѣшить развязкой дѣла. При дворѣ дѣлались поспѣшныя приготовленія къ браку, а между тѣмъ всѣ люди сколько-нибудь либеральнаго образа мыслей, обреченные на самую печальную судьбу послѣ 1823 года, вдругъ прониклись теперь надеждами при слухѣ о пораженіи повесенномъ карлистами. Будущая супруга короля приобрѣла огромную популярность еще прежде чѣмъ вступила на испанскую почву: нисколько неизвѣстны были ни ея убѣжденія, ни характеръ, но для большинства общества было вполне ясно что не можетъ быть никакого примиренія между нею и партіей донъ-Карлоса, что волею или неволею она вынуждена будетъ вступить въ открытую борьбу съ элементами на которые опирался существовавшій порядокъ вещей. Одушевленіе народа было поэтому чрезвычайно сильно и увеличилось еще болѣе по случаю слѣдующихъ обстоятельствъ: въ началѣ сентября, когда король ѣхалъ изъ Мадрида въ загородную свою резиденцію С. Ильдефонсо, соскочило колесо его экипажа, и онъ получилъ сильный ушибъ; чрезъ нѣсколько дней послѣ того, присутствуя вечеромъ при богослуженіи, онъ вдругъ почувствовалъ слабость, упалъ на мѣстѣ и пролежалъ цѣлый часъ безъ сознанія; вообще весьма серьезные болѣзненные признаки начали проявляться въ немъ именно въ это время; онъ жаловался на тоску, отъ истерической веселости переходилъ къ апатіи.... Все это было, разумѣется, истолковано народомъ въ смыслѣ крайне неблагоприятномъ для карлистовъ:

„Массы волнуются, доносилъ въ Берлинъ прусскій посланникъ Либерманъ, и я не сомнѣваюсь что, еслибы среди теперешнихъ обстоятельствъ короля постигла смерть, то послѣдствіемъ этого событія были бы повсемѣстные смуты, а можетъ-быть и коренной переворотъ въ государствѣ...“

Наконецъ, въ половинѣ ноября 1829 года, Марія-Христина прибыла въ Испанію и встрѣчена была на улицѣ своею сестрой и дономъ Францискомъ де-Паула. Шествіе ея до Мадрида было истиннымъ для нея торжествомъ: народъ толпами стекался къ ней на встрѣчу, повсюду привѣтствовали ее восторженные клики, въ каждомъ городѣ выслушивала она пышныя поздравительныя рѣчи, и—замѣчательное дѣло—впервые, послѣ долгаго молчанія, въ рѣчахъ этихъ выражались надежды что отнынѣ восторжествуютъ наконецъ въ странѣ законъ и справедливость. Юная принцесса отвѣчала весьма благосклонно на всѣ эти заявленія; и если не расточала съ своей стороны никакихъ обѣщаній, то по крайней мѣрѣ и не считала нужнымъ разочаровывать тѣхъ кто обращался къ ней. Вслѣдъ затѣмъ совершилась съ необыкновенною торжественностью свадьба, но увы! она не принесла съ собою ни малѣйшаго измѣненія въ общемъ ходѣ дѣлъ... По-прежнему самыя ненавистныя административныя лица оставались на своихъ мѣстахъ, по-прежнему король Фердинандъ обнаруживалъ особую благосклонность къ своему брату дому Карлосу и какъ бы нисколько не подозрѣвалъ того что его бракъ долженствовалъ вызвать поворотъ въ пользу разумной и умѣренной политики. А между тѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, мадридскій дворъ болѣе чѣмъ когда-нибудь раздѣлился на два противные лагеря, и непрерывно происходили сцены порождающія не малый соблазнъ въ публикѣ: такъ напримѣръ, всему городу было извѣстно объ оскорбленіяхъ которымъ подверглась молодая королева, когда сочла нужнымъ удостоить своимъ посвѣщеніемъ принцессу Беирскую.... Это натянутое, невыносимое положеніе дѣлъ разрѣшилось совершенно неожиданнымъ образомъ: въ мартѣ 1830 года официальная газета извѣстила о беременности Маріи-Христины, а чрезъ нѣсколько дней послѣ того четыре алкада, въ средневѣковой пышной одеждѣ, при звукахъ литавръ и трубъ, возвѣстили по всему городу королевскій декретъ, которымъ восстановлена была прагматическая санкція Кар-

ла IV (1789 года) о порядкѣ престолонаслѣдія въ Испаніи: то было прямое и рѣшительное объявленіе войны карлистамъ.

Мы считаемъ необходимымъ представить здѣсь, со словъ г. Баумгартена, нѣсколько объясненій по поводу упомянутого нами документа. Съ отдаленныхъ временъ доступъ къ престолу былъ открытъ въ Испаніи лицамъ женскаго пола. Альфонсъ X Кастильскій говоритъ въ изданномъ имъ сборникѣ законовъ *Siete Partidas* слѣдующее: „Съ цѣлію избѣгнуть замѣшательствъ, которыя уже обнаружались и могутъ еще возникнуть въ будущемъ, они (то-есть мудрые и провицательные мужи) постановили что престолъ переходитъ въ наслѣдіе всегда по прямой линіи, при чемъ, если не имѣется наслѣдниковъ мужскаго пола, то законными правами пользуются женщины; въ томъ лишь случаѣ еслибы вымерли всѣ безъ исключенія лица принадлежащія къ прямой линіи, королевскую власть наслѣдуетъ линія побочная.“ Такого рода порядокъ вещей сохранился до самаго XVII столѣтія, и извѣстно что когда произошли бракосочетанія Людовика XIII и Людовика XIV съ испанскими инфантинами, то потребовалось изданіе особыхъ узаконеній которыми упомянутыя инфантинны отказались отъ всякихъ притязаній на корону. Но Людовикъ XIV рѣшился отступить отъ принятыхъ на этотъ счетъ обязательствъ: по смерти Карла II, онъ предъявилъ права Филиппа Анжуйскаго (внука инфантинны Маріи-Терезіи), и слѣдствіемъ того была продолжительная борьба, окончившаяся водвореніемъ Филиппа на испанскомъ престолѣ. Вотъ этотъ-то государь рѣшился впервые измѣнить старинный порядокъ престолонаслѣдія которому онъ самъ былъ обязанъ своею властью. Не станемъ распространяться о причинахъ побудившихъ его къ тому; скажемъ только что 10-го мая 1713 года онъ издалъ декретъ (*auto acordado*), которымъ женщины хотя и не отстранялись совершенно отъ престола, но могли наслѣдовать его въ томъ лишь случаѣ если не находилось вовсе лицъ мужскаго пола, иначе мужская линія, даже отдаленная, имѣла всегда преимущество предъ женскою. Въ 1789 году Карлъ IV, отецъ Фердинанда VII, отважился на новое весьма важное измѣненіе: четверо старшихъ сыновей его умерли, остававшійся въ живыхъ Фердинандъ отличался въ юности крайне болѣзненнымъ сложеніемъ, но у короля было нѣсколько дочерей, изъ коихъ старшая, Карлотта, была тогда въ

замужествѣ за наследнымъ принцемъ португальскимъ. Ему сильно хотѣлось оградить ихъ права, но для этого надлежало прибѣгнуть къ отмінѣ закона 1713 года, — задача весьма трудная и даже опасная, ибо родственныя династии неаполитанская и савойская, а также Австрія и Франція неминуемо выступили бы съ протестомъ. Намѣреніе короля выполнено было въ высшей степени страннымъ образомъ: кортесамъ предложено было объявить престолъ наследственнымъ для лицъ женскаго пола по прямой линіи, и кортесы выразили свое согласіе, но при этомъ клятвенно обязались сохранить все это дѣло въ глубокой тайнѣ. Обнародованіе принятаго ими постановленія отлагалось до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ.... Затѣмъ для Испаніи наступилъ цѣлый рядъ тяжелыхъ потрясеній: изгнаніе Бурбоновъ, чужеземное владычество, продолжительная съ нимъ борьба, послѣ чего воцарился Фердинандъ VII: этотъ государь зналъ о законѣ 1789 года, знали о немъ также и многіе государственные люди, принимавшіе вѣкогда участіе въ его обсужденіи, но никто не придавалъ ему ни малѣйшей важности до тѣхъ поръ пока у Фердинанда не было дѣтей, и пока права донъ-Карлоса являлись, вслѣдствіе того, вполне неоспоримыми. Другое дѣло теперь, когда Марія-Христина сдѣлалась беременною: она могла родить дочь, и за устраненіемъ этой дочери отъ престола не представлялось бы и ей самой, по кончинѣ короля, никакой возможности оставаться въ Испаніи. Вотъ почему законъ, утвержденный кортесами за сорокъ лѣтъ предъ тѣмъ и никогда не обнародованный, законъ, о которомъ и большинство націи, и вся Европа не имѣли ни малѣйшаго понятія, былъ вынутъ изъ-подъ спуда: Фердинандъ приложилъ къ нему подпись 29го марта, въ самый день рожденія донъ-Карлоса....

Апостолическая партія дрогнула и готовилась отвѣчать возстаніемъ, но изъ Мадрида дано было ей приказаніе соблюдать строгое спокойствіе. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему спѣшить? Еслибы королева разрѣшилась отъ бремени принцемъ, то никто не былъ бы, конечно, въ состояніи оспаривать его права, въ противномъ же случаѣ казалось несравненно удобнѣе отложить борьбу до смерти короля. Обѣ партіи съ неописаннымъ напряженіемъ выжидали теперь чѣмъ подарить Марія-Христина своего супруга.

Между тѣмъ (разказываетъ г. Баумгартенъ) наступилъ роковой день родовъ. Уже гораздо ранѣе сдѣлалось извѣст-

вѣсть что рожденіе принца будетъ возвѣщено съ вершины дворца краснымъ, а инфантины бѣлымъ флагомъ. За недѣлю предъ тѣмъ, въ самомъ концѣ октября, вдругъ появилось красное знамя. Придворные и сановники хлынули во дворецъ съ поздравленіями, но оказалось что то была ошибка. Офицеръ, завѣдывавшій сигналами, вздумалъ предварительно испробовать его чтобы не осрамиться въ рѣшительную минуту. Ошибку эту извинили весьма благосклонно, потому что увидѣли въ ней хорошее предзнаменованіе. Старухи придворныя дамы твердили съ непоколебимою увѣренностью что непременно родится принцъ. Вѣроятно вѣсѣдствіе того тотчасъ же было обнародованъ подробный церемоніалъ соблюдаемый при крещеніи принцевъ астрійскихъ (насажденковъ престола), мало того, были даже возвѣщены имена которыя долженствовали получить новорожденный. Наконецъ, въ ночь съ 9го на 10ое октября весь дипломатическій корпусъ и государственныя сановники были пробуждены отъ сна повѣсткой: „король проситъ васъ немедленно отправиться въ комнаты королевы чтобы быть свидѣтелями при разрѣшеніи ея величества отъ бремени“. Въ четвертомъ часу утра собрались всѣ приглашенные, — весьма блестящая толпа, состоявшая болѣе чѣмъ изъ ста лицъ. Имъ пришлось ждать очень долго. Первые шесть часовъ протекали кое-какъ, но затѣмъ, послѣ цѣлыхъ полусутокъ ожиданія, несчастными овладѣли голодъ и усталость. Министры первые, около четырехъ часовъ пополудни, подали примѣръ бѣгства, а за ними послѣдовали и другіе, за исключеніемъ лишь какихъ-нибудь двадцати человѣкъ. Никто еще не возвращался, какъ вдругъ отворились двери, и появившаяся на порогѣ статсъ-дама возвѣстила громкимъ голосомъ: „Ея величество изволила благополучно разрѣшиться отъ бремени...“ — „Принцемъ?“ воскликнули въ одинъ голосъ всѣ находившіеся въ комнатѣ. Статсъ-дама повторила: „Ея величество разрѣшилась отъ бремени.“ Глубокое безмолвіе присутствовавшихъ свидѣтельствоvalo объ ихъ разочарованіи. Въ ту же минуту вошелъ король, блѣдный и видимо взволнованный, въ сопровожденіи маркизы Санта-Круцъ, которая несла на серебряной подушкѣ новорожденнаго ребенка. Она показала его сановникамъ. „Принцъ?“ робко спросилъ одинъ изъ нихъ. Маркиза отвѣчала: „Упа цѣца“ (маленькая). „Рего бегство“ (но хорошенка), прибавилъ король какъ бы въ удивленіе. Затѣмъ отправилась она въ другую залу, чтобы представить ребенка дипломатамъ, изъ которыхъ находились на лицѣ только нунцій и посланники трехъ сѣверныхъ державъ. Онъ пробовалъ произнести нѣсколько словъ, но голосъ измѣнился ему; за то тѣмъ громче кричала новорожденная принцесса. Министры появились лишь гораздо позднѣе. А между тѣмъ офицеръ выкинулъ на дворецъ бѣлый флагъ, но блестящіе лучи заходящаго осенняго солнца озарили его багровымъ цвѣтомъ, такъ что обманутые артиллеристы салютовали

этому сигналу 101 пушечнымъ выстрѣломъ, и народонаселеніе города вторично предалось несбыточной радости....“

Королева и ея приверженцы не могли не сознавать что теперь наступила минута дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ, но, къ несчастію для нихъ, это было вовсе не легко. Надлежало заранѣе, еще при жизни Фердинанда, сформировать достаточно сильную либеральную партію, но король упорно отказывался отъ всякихъ мѣръ которыя могли бы свидѣтельствовать о перемѣнѣ въ его политикѣ. Такъ напримѣръ, Марія-Христина настаивала чтобы, по поводу рожденія ея дочери, обнародована была амнистія; сначала король согласился, и думали даже что амнистія будетъ полная, затѣмъ распространился слухъ что въ ней допущены важныя ограниченія, а кончилось дѣло тѣмъ что проектъ этотъ окончателно канулъ въ воду. Не слѣдуетъ забывать что именно въ описываемое нами время болѣзнь Фердинанда усилилась болѣе чѣмъ когда-нибудь, и онъ самъ нисколько не сомнѣвался относительно ея исхода: если чувственная привязанность располагала его къ Маріи-Христинѣ, то страхъ смерти ни минуты не давалъ ему покоя и, подъ вліяніемъ его, онъ съ раболѣпною покорностью выслушивалъ увѣщанія и совѣты монаховъ, наполнявшихъ дворецъ и ревностно преданныхъ интересамъ донъ-Карлоса. Камарилья, которую Марія-Христина успѣла уже отчасти отодвинуть на второй планъ, снова забирала теперь власть.... Среди всего этого, положеніе королевы становилось крайне тягостнымъ, нигдѣ не встрѣчала она поддержки и должна была приготовиться къ самымъ печальнымъ случайностямъ: Каомарде объявилъ ей прямо что вся армія стоитъ на сторонѣ донъ-Карлоса, и что по смерти короля нечего и думать о декретѣ 29-го марта; таково же было мнѣніе и неаполитанскаго посланника; этотъ послѣдній совѣтовалъ, пока еще не ушло время, вступить въ переговоры съ противною партіей. Совѣтъ понравился королевѣ и, съ одобренія ея, возникъ проектъ соглашенія такого рода: донъ-Карлосъ обязется признать права на корону юной инфантинны Изабеллы, а взамѣнъ того Изабелла тотчасъ же будетъ обручена со старшимъ его сыномъ, и онъ самъ раздѣлитъ съ Марією-Христиной труды и обязанности по управленію государствомъ. Братъ короля сознавалъ однако свою силу и отказался наотрѣзъ отъ всякихъ сдѣлокъ: „Меня отнюдь не

увлекаеть личное честолюбіе, отвѣчалъ онъ, но религія воспрещаетъ мнѣ пожертвовать правами предоставленными моему семейству самимъ Богомъ....“

Въ сентябрѣ 1831 года, Фердинандъ, страдавшій страшными стѣсненіями въ груди, почувствовалъ себя такъ дурно что доктора ежедневно опасались задушенія. Епископъ леонскій, патеръ Цирило и другія духовныя лица, не покидавшія его комнаты, и къ голосу коихъ онъ прислушивался съ жадностью, одержали наконецъ великую побѣду: король, „вознамѣрившись принести жертву благоденствію и спокойствію націи“, отмѣнилъ декретъ 29го марта и снова возстановилъ въ полной силѣ права своего брата! Необычайный восторгъ овладѣлъ карлистами, хотя королевское рѣшеніе еще не было обнародовано. Марія-Христина приказала укладывать свои вещи чтобы покинуть Мадридъ, тѣмъ болѣе что Фердинандъ впалъ въ летаргическій сонъ, сочтенный всѣми за предсмертную агонію. Но онъ не умеръ, напротивъ, дня чрезъ два или три послѣ того почувствовалъ значительное облегченіе, такъ что непосредственная опасность миновала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и у приверженцевъ Маріи-Христины блеснула надежда что есть, быть-можетъ, средство поправить дѣло. Сама она, впрочемъ, совершенно потеряла голову и неспособна была ни къ какой инициативѣ, но у нея явилась энергическая и отважная помощница. Принцесса Луиза, та самая которая устроила когда-то бракъ сестры своей съ Фердинандомъ, и теперь приняла на себя роль добраго ея генія. Изъ Кадикса, гдѣ брала она морскія ванны, эта неукротимая женщина посѣбно бросилась въ столицу съ твердымъ намѣреніемъ вырвать побѣду изъ рукъ ненавистныхъ ей карлистовъ. Прибытіе ея произвело цѣлый переворотъ, ибо она снова внушила энергію королевѣ, упрекала въ малодушіи ея друзей, имѣла нѣсколько страшныхъ сценъ съ приверженцами донъ-Карлоса, особенно съ Каломарде, который, по обыкновенію, тянулъ на ту сторону гдѣ оказывалось болѣе шансовъ успѣха. Объясненіе съ этимъ послѣднимъ окончилось даже весьма звонкою пощечиной: „бѣлыя ручки не наносятъ безчестія (manos blancas no infaman, senora)“, отвѣчалъ достойный сановникъ. Но особенная жестокость ожидала короля: ему буквально не давали умереть спокойно; около его постели, надъ его головой, происходили безпрерывно самыя

отчаянныя схватки; его терзали и мучили до тѣхъ поръ пока онъ не подписалъ нѣсколько декретовъ, о которыхъ достаточно упомянуть чтобы понять великую ихъ важность: первымъ были отставлены отъ службы и удалены въ изгнаніе Каломарде, Альмеида, Алькудія и другія вліятельныя лица; вторымъ возвѣщалась полная и безграничная амнистія; третій, наконецъ, предоставлялъ, во время болѣзни Фердинанда, все управление государствомъ въ руки Маріи-Христины. Правда, о постановленіи короля отмѣнявшемъ декретъ 29го марта не было и рѣчи, но какую могло оно имѣть силу когда не было еще обнародовано, когда о немъ знали лишь придворные, между тѣмъ какъ самый декретъ былъ торжественно возвѣщенъ всей націи? Съ лихорадочною поспѣшностью принялась за дѣло партія королевы: высшія должности были замѣщены исключительно либералами; изъ арміи, администраціи, судовъ толпами изгоняли всѣхъ кто былъ заподозрѣнъ въ преданности донъ-Карлосу, но на этомъ, къ несчастію, и остановились. Новое правительство не отважилось ни созвать кортесовъ, ни разорвать всякую связь съ политикой согласно которой считалось до тѣхъ поръ долгомъ поддерживать въ Португаліи донъ-Мигуэля; оно сдѣлало слишкомъ мало чтобы вполне упрочить положеніе Маріи-Христины, и слишкомъ много чтобы раздражить карлистовъ, которые изготовились, съ своей стороны, къ борьбѣ. Въ половинѣ октября 1832 г. появилась ихъ манифестъ, гласившій что король, „въ тотъ страшный часъ когда открывалась предъ нимъ вѣчность, когда внушенія страсти уступаютъ голосу совѣсти и разсудка, призналъ законныя права своего брата, но двѣ недостойныя женщины, позорившія дворъ своею порочною жизнью, вознамѣрились исказить его намѣренія, опираясь на бессмысленное дворянство. Но испанская нація не потерпитъ этого: потомки героевъ, державшихъ нѣкогда въ трепетѣ Европу, не захотятъ признать надъ собою власть изнѣженныхъ Неаполитанокъ. Пусть же возстанутъ они поголовно, пусть возьмутся за оружіе—и да здравствуетъ король Карлъ VI!“

Этотъ призывъ къ междуусобной войнѣ сопровождалъ въ могилу Фердинанда VII. Сдѣлавъ въ теченіи своей жизни все зависѣвшее отъ него чтобы подорвать нравственную дисциплину и разрушить въ странѣ всякій политическій порядокъ, онъ оставлялъ ее теперь въ жертву разъяреннымъ партіямъ, угрожавшимъ одна другой безпощаднымъ истреб-

леніемъ. Никто болѣе его не заслужилъ безусловнаго осужденія исторіи. Не забудемъ однако что, когда у Тацита читаемъ мы о звѣрствахъ Тиверія, то удивляемся вмѣстѣ съ тѣмъ глубокому упадку римскаго народа: вотъ почему кажется намъ что только на испанской почвѣ могло возникнуть такое явленіе какъ король Фердинандъ...

II.

Въ послѣднее время замѣчаются попытки пополнить одинокіе изъ существенныхъ пробѣловъ въ нашей исторической литературѣ. Несомнѣнно что русская публика начинаетъ обнаруживать живой интересъ къ политическимъ вопросамъ; ежедневная газета сдѣлалась необходимою для всякаго сколько-нибудь образованнаго человѣка; каждое движеніе въ сферѣ международныхъ отношеній служитъ предметомъ безконечныхъ пересудъ и толковъ, а на ряду съ этимъ естественно развивается потребность обстоятельнаго знакомства съ событіями новѣйшей исторіи. Но куда же обратиться чтобы пріобрѣсти необходимыя для того свѣдѣнія? У насъ нѣтъ почти никакихъ руководствъ, никакихъ сочиненій по упомянутому предмету; въ заграничной литературѣ напротивъ, ихъ, очень много, но мы не полагаемъ чтобы даже лучшія изъ нихъ были вполнѣ пригодны для русскаго читателя. Дѣло въ томъ что Россіи отводится въ нихъ лишь второстепенное мѣсто; изъ событій касающихся внутренняго развитія нашего отечества упоминается о весьма немногихъ, которыя по чему-нибудь представляли въ свое время исключительный интересъ для Европы, а что до политики внѣшней, то уже извѣстно на какого рода безпристрастіе можемъ мы разчитывать со стороны иностранныхъ писателей. Вотъ почему хорошій учебникъ, или руководство по новѣйшей исторіи становится въ настоящее время положительно необходимымъ: намъ хотѣлось бы имѣть такую книгу, въ которой судьбы Россіи были бы изображены въ настоящемъ свѣтѣ, въ которой добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла была бы выяснена роль принадлежавшая ей во всемирныхъ событіяхъ,—книгу, написанную съ русской точки зрѣнія, а не содержащую въ себѣ только рабскій отголосокъ мнѣній установившихся въ западной Европѣ. Знаемъ очень

хорошо, что выполнение подобнаго труда сопряжено съ значительными трудностями, исчислять которыя было бы тутъ излишне, но тѣмъ не менѣе убѣждены что человекъ, принявшій на себя задачу такого рода, оказалъ бы значительную услугу нашему обществу.

Въ прошломъ году г. Григоровичъ издалъ *Записки по новейшей исторіи*, весьма краткія, но написанныя хорошимъ языкомъ. Авторъ воспользовался нѣсколькими сочиненіями (Е. П. Ковалевскаго, Шмидта, Устрялова и др.), относящимися къ царствованіямъ императоровъ Александра и Николая, и двѣ небольшія его книжки имѣли такой успѣхъ что въ настоящее время появляются уже вторымъ изданіемъ. Фактъ краснорѣчиво свидѣтельствующій о томъ что сочиненія такого рода какъ нельзя болѣе соответствуютъ потребностямъ публики. Теперь г. Марковъ представляет не самостоятельный трудъ, а переводъ, но опять-таки и этотъ переводъ служитъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ того что было нами замѣчено выше. Для перевода избралъ онъ *Исторію новаго времени отъ Вѣнскаго конгресса до Парижскаго мира*, д-ра Фридриха Лоренца, и во многихъ отношеніяхъ выборъ этотъ заслуживаетъ полнаго сочувствія. Лоренцъ долгое время жилъ въ Россіи, занимая мѣсто профессора въ бывшемъ Педагогическомъ институтѣ, онъ издалъ учебникъ всеобщей исторіи въ нѣсколькихъ томахъ, справедливо считавшійся нѣкогда лучшимъ изъ учебниковъ появившихся на русскомъ языкѣ. Но никогда еще достоинства этого писателя не выражались въ столь блестящемъ свѣтѣ какъ въ сочиненіи о которомъ мы бесѣдуемъ въ настоящую минуту: оно отличается и обиліемъ фактовъ, и умѣньемъ искусно группировать ихъ, и наконецъ, чего прежде не доставало Лоренцу, весьма оживленнымъ и часто даже увлекательнымъ изложеніемъ. Вотъ почему новый его трудъ (вышедшій уже послѣ его кончины) можетъ служить не только полезнымъ руководствомъ, но и очень занимательнымъ чтеніемъ для большинства публики. Лоренцъ былъ всегда чуждъ какихъ бы то ни было рѣзкихъ политическихъ тенденцій, и къ нему вполнѣ примѣняются слова поэта:

Спокойно врите на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва....

Это обстоятельство говорить въ пользу выбора г. Маркова. Ужь если приходилось переводить на русскій языкъ иностранное сочиненіе, то благоразумнѣе всего было, конечно, остановить свой выборъ на такомъ писателѣ, со стороны коего не проявляется систематическаго недоброжелательства къ Россіи и который, по большей части, готовъ даже отдать Россіи справедливость. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ, Лоренцъ представляетъ и значительные недостатки: самый крупный, съ русской точки зрѣнія, заключается въ томъ что въ книгѣ его можно почерпнуть обстоятельныя свѣдѣнія не только о важнѣйшихъ, но часто даже о второстепенныхъ событіяхъ происходившихъ въ западной Европѣ, а на ряду съ этимъ о нашемъ отечествѣ говорится едва ли не также мало какъ объ Ионическихъ островахъ или испанскихъ колоніяхъ въ Америкѣ. Смуты ознаменовавшія вступленіе на престолъ императора Николая, польское возстаніе 1830 года, еще два или три факта, вотъ и все чѣмъ исчерпывается у него внутренняя жизнь Россіи отъ 1815 до 1856 года. Для характеристики Лоренца замѣтимъ однако что, столь воздержный относительно свѣдѣній о всемъ что касается нашего политическаго и гражданскаго развитія, онъ счелъ далеко не лишнимъ включить въ свою книгу нѣсколько словъ „о гоненіяхъ на лютеранъ въ остзейскихъ провинціяхъ“, разумѣется съ той точки зрѣнія съ которой и до сихъ поръ смотритъ на этотъ вопросъ прибалтійская интеллигенція. Упомянувъ что все движеніе начала сороковыхъ годовъ было будто бы порождено безстыдною интригой нѣсколькихъ чиновниковъ и православнога духовенства, онъ замѣчаетъ: „Само правительство отреклось отъ своихъ агентовъ и устыдилось средствъ которыя были употребляемы этими послѣдними чтобы привести въ заблужденіе простодушный сельскій людъ; но тѣ изъ крестьянъ которые успѣли уже обратиться остались въ лоно греческой церкви, и такимъ образомъ *это дѣло лжи и обмана* если и не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, то все-таки нанесло ударъ твердынѣ лютеранства въ остзейскомъ краѣ.“ Что касается внѣшней политики Россіи, то опять-таки и тутъ тщетно искали бы мы въ книгѣ Лоренца разъясненія вопросовъ о томъ какими цѣлями руководилась эта политика въ излагаемый имъ періодъ, въ чемъ состояли ея ошибки и достоинства, принесла она намъ пользу или вредъ. Замѣ-

тамъ при этомъ что Лоренцъ менѣ всего интересуется судьбами Славянъ турецкихъ и австрійскихъ, а если и говорить о нихъ, особенно о послѣднихъ, то подъ вліяніемъ возрѣній которыя мы отнюдь не можемъ считать безпристрастными и справедливыми. Вотъ, въ краткихъ чертахъ, слабыя стороны его труда, имѣющія особенную важность для насъ Русскихъ,—во всемъ же остальномъ книга отличается весьма цѣнными качествами.

Къ чести переводчика слѣдуетъ сказать что упомянутые нами недостатки не укрылись отъ его взора, и онъ не рѣшился представить публикѣ трудъ Лоренца иначе какъ съ весьма существенными въ немъ измѣненіями. Въ чемъ же состоятъ эти измѣненія? Г. Марковъ выкинулъ нелѣпыя выходки въ родѣ той которая касается небывалаго гоненія на лютеранъ въ прибалтійскомъ краѣ; онъ включилъ двѣ обширныя главы, излагающія внутреннія событія царствованій императоровъ Александра и Николая; затѣмъ, въ приложеніи къ книгѣ, мы находимъ очеркъ движенія славянскихъ народностей въ Австрію, а также очеркъ польской эмиграціи. Несомнѣнно что книга, въ русскомъ переводѣ, выиграла много: добавочныя главы, вышедшія изъ-подъ пера г. Маркова или его сотрудниковъ (изъ заглавія видно что ему принадлежала лишь редакція), составлены толково и подробно; видно что составители воспользовались многимъ чтѣмъ появилось въ послѣднее время въ печати, хотя работа ихъ и отзывается иногда журнальнымъ характеромъ. Но во всякомъ случаѣ читателю могутъ только поблагодарить ихъ, встрѣчая въ книгѣ, излагающей событія новѣйшей исторіи, довольно подробный очеркъ внутренняго состоянія Россіи—очеркъ законодательнаго, административнаго и даже литературнаго движенія. Конечно, они не достигли всего чего слѣдовало бы ожидать: компіляція никакимъ образомъ не можетъ замѣнить самостоятельный трудъ. Мало того, пробѣлы встрѣчающіеся въ книгѣ Лоренца становятся еще нагляднѣе при тѣхъ дополненіяхъ которыя присоединены къ ней, но во всякомъ случаѣ г. Марковъ исполнилъ все чтѣ можно было бы отъ него требовать.

Онъ сдѣлалъ даже нѣчто больше, въ чемъ, впрочемъ, не представлялось нужды. Такъ мы рѣшительно не понимаемъ зачѣмъ г. Марковъ предпослалъ своему переводу обширное предисловіе довольно страннаго свойства. Чтѣ хотѣлъ

онъ сказать въ этомъ предисловіи? Если казалось ему необходимымъ указать что внутреннее развитіе Россіи отличается во многихъ чертахъ инымъ характеромъ чѣмъ развитіе другихъ европейскихъ государствъ, что у насъ нѣтъ сословнаго антагонизма, что всѣ слои нашего общества проникнуты одинаковымъ довѣріемъ и преданностью къ верховной власти, что власть эта должна имѣть своимъ призваніемъ вести націю по пути разумнаго прогресса, и что никакія революціи и насильственныя потрясенія не имѣютъ мѣста на нашей почвѣ, то, конечно, нельзя не считать эту мысль вполне справедливою: съ этой точки зрѣнія удалось автору предисловія высказать нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній объ извѣстномъ мятежѣ 14го декабря 1825 года. Но онъ счелъ нужнымъ пуститься въ обширныя разсужденія о нашихъ теперешнихъ „партіяхъ“ и разъяснить, — такъ выражается онъ, — „значеніе направленій въ нашемъ собственномъ обществѣ, а затѣмъ, въ связи съ этимъ, обозначить нѣкоторые общіе принципы долженствующіе служить для насъ руководящею нитью въ области практической государственной жизни“. Г. Маркова сильно огорчаетъ что въ общественномъ нашемъ мнѣніи обнаруживается „нѣкоторая разладица“. Обстоятельство это, по его словамъ, тѣмъ болѣе печально что высшій идеаль, къ которому должно стремиться политическое развитіе въ странѣ, состоитъ-де въ томъ чтобы не было въ ней никакихъ политическихъ партій. Откуда заимствовалъ онъ подобную диковину? До сихъ поръ всѣ были убѣждены что партіи, лишь бы только онѣ не преслѣдовали враждебныхъ государству цѣлей, составляютъ цвѣтъ политической жизни государства и свидѣтельствуютъ о зрѣломъ и самостоятельномъ его развитіи. Въ какой-нибудь Кохинхинѣ нѣтъ политическихъ партій, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ чтобы Кохинхина должна была служить предметомъ подражанія и зависти для Европы. Г. Марковъ указываетъ намъ на примѣръ Америки, „гдѣ, послѣ уничтоженія рабства, партіи съ каждою минутой теряютъ свой смыслъ“, но опять-таки и это замѣчаніе служитъ доказательствомъ что онъ не вполне уяснилъ себѣ то о чемъ разсуждаетъ. Вотъ почему показалось ему, между прочимъ, что Россія пережила уже періодъ ожесточенной борьбы партій, и что когда послѣдніе ихъ остатки исчезнутъ съ лица земли, то и для нея наступитъ эпоха блаженнаго и

безмятежнаго развитія, заря коей просіяла уже будто бы за Атлантическимъ океаномъ. Но какія же это партіи, гдѣ онѣ и откуда народились? Г. Марковъ насчитываетъ ихъ цѣлый легионъ: славянофиловъ, западниковъ, консерваторовъ, либераловъ, нигилистовъ и т. д. О каждой изъ нихъ толкуетъ онъ весьма серьезно, каждая получаетъ въ его глазахъ огромное значеніе, онъ усиливается разъяснить ихъ *raison d'être* и пользу которую принесли онѣ отечеству. Оказывается что всѣ въ свое время были одинаково благодѣтельны. Откуда появилась партія нигилистовъ? восклицаетъ г. Марковъ. „Вѣдь не явилась она съ вѣтру, не свалилась съ неба или не вышла изъ ада, какъ готовы думать нѣкоторые...“ Но никто и не думаетъ что она „вышла изъ ада“, ибо всѣ знаютъ очень хорошо что она вышла изъ корпусовъ, семинарій и гимназій, гдѣ, вмѣсто того чтобы заниматься дѣломъ, молодежь пробавлялась пустяками. Авторъ предисловія твердо убѣжденъ что исчисленные имъ направленія только по недоразумѣнію „пятятся врозь, другъ отъ друга чураются“, но придетъ время когда „они угаснутъ, какъ погрѣшающіе односторонностью взгляды, чтобъ уступить мѣсто воззрѣнію которое сочетало бы ихъ органически. Подобно струнамъ въ музыкальномъ аккордѣ, истинныя, присутія имъ начала должны войти въ гармоническое созвучіе, и только тогда получится правильный, вѣрный тонъ.“ Что за удивительная мысль! Нигилисты, добровольцы, полковники, прикрывающіеся императорскими знаменами и, наконецъ, люди которые, не добываясь чести принадлежать къ какой-либо изъ нашихъ „партій“, желаютъ лишь успѣшнаго развитія спасительныхъ для Россіи реформъ въ духѣ національныхъ интересовъ, все это должно слиться въ одинъ „музыкальный аккордъ“! Гдѣ капельмейстеръ который произведетъ такое чудо? И не разбѣгутся ли слушатели, заткнувъ себѣ уши, при самомъ началѣ столь страннаго концерта?..

На основаніи предисловія, о которомъ упомянули мы сейчасъ, осмѣливаемся предположить что авторъ его еще очень юнъ, а потому и охотно предается неяснымъ фантазіямъ. Онъ поступилъ очень благоразумно испробовавъ свои силы не на самостоятельномъ трудѣ, а на переводѣ. Сдѣланный имъ переводъ книги Лоренца во всякомъ случаѣ можетъ считаться весьма полезнымъ приобрѣтеніемъ нашей литературы, и мы весьма искренно желаемъ ему успѣха.

P.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1870 ГОДЪ

НА БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

Цѣна: 12 руб., съ доставкою въ С.-Петербургъ 13 руб. 50 коп., съ пересылкою въ другіе города 15 руб. (1 руб. 80 коп. за пересылку и 1 руб. 20 коп. за упаковку).

Главная контора редакціи (Германа Гоппе) находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, въ домѣ Ильина, № 16.

Въ Москвѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ А. Лангъ. 9.914.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1870 ГОДЪ

НА САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

МОДНЫЙ СВѢТЪ.

Цѣна I-му изданію съ 12 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ: безъ доставки 4 р., съ дост. въ С.-Петербургъ 5 р. 50 к., съ перес. въ другіе города 6 руб. (60 к. за доставку и 1 р. 40 к. за упаковку).

Цѣна II-му изданію, съ 24 РАСКРАШЕННЫМИ КАРТИНАМИ: безъ дост. 5 руб., съ дост. въ С.-Петербургъ 6 р. 50 к., съ перес. въ другіе города 7 р. (75 к. за пересылку и 1 руб. 25 к. за упаковку).

Главная контора редакціи (Германа Гоппе) находится въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, въ домѣ Ильина, № 16.

Въ Москвѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ А. Лангъ. 9.913.

отъ всякаго судопроизводства, такъ какъ чрезъ него вся эта исторія сдѣлалась бы гласною.

— Я не буду притворяться что дѣлаю это для отца, сказалъ онъ дядѣ.

Священникъ Джонъ покачалъ головой, пожалъ плечами, подразумевая что хотя дѣло дѣйствительно не совсѣмъ хорошо, но такъ какъ полковникъ Маррабель былъ Маррабель, то его нужно по возможности щадить.

— Я для себя это дѣлаю, продолжалъ капитанъ,—и отчасти для моего имени. Я вынесу что угодно, но только не то чтобъ это дѣло прокатилось по газетамъ. Тогда я никогда не рѣшусь показаться въ свой полкъ.

— Въ такомъ случаѣ разрѣшите Блоку и Корлингу идти на мировую и получить что дадутъ, сказалъ священникъ Джонъ равнодушнымъ, насмѣшливымъ тономъ, который показывалъ что въ такомъ случаѣ онъ будетъ смотрѣть на это какъ на дѣло оконченное миролюбиво и къ удовольствію всѣхъ партій. Равнодушіе дяди, и то что онъ безъ негодованія смотритъ на это дѣло, очень обижало капитана Маррабель.

— Бѣдный братъ, сказалъ однажды священникъ, говоря о своемъ нечестивомъ братѣ,—онъ никогда не могъ оставить двухъ шиллинговъ лежать вмѣстѣ. Это началось еще гораздо раньше того времени когда я рѣшилъ что ничто на свѣтѣ не принудитъ меня дать ему полкрану. Надѣюсь что онъ не обидѣлся когда я сказалъ ему это.

— Какую онъ имѣлъ надобность просить у васъ полкрану?

— Онъ всегда былъ однимъ изъ тѣхъ ненасытныхъ песочныхъ мѣшковъ, которые равно поглощаютъ малыя и крупныя капли. Онъ взялъ у бѣднаго Грегори 10.000 фун. около того времени когда вы родились, и Грегори до сихъ поръ сокрушается объ этихъ деньгахъ.

— Что меня убиваетъ, такъ это безчестность этого дѣла.

— Да, непріятно было бы увидать это въ газетахъ. А въ остальномъ онъ былъ славный малый, и такой красивый. Я всегда наслаждался его обществомъ, послѣ того какъ рѣшился закрыть для него мои карманы.

И тотъ человѣкъ былъ священникомъ, и проповѣдывалъ о честности и нравственности, но самъ жилъ далеко не согласно со своими проповѣдями. Капитану казалось сначала что небо сойдется съ землей, изъ облаковъ грянетъ громъ, и

горы раскалятся при одномъ намекѣ на порочность его отца. Грѣхи совершенные противъ насъ грѣшнѣе другихъ грѣховъ.

У капитана были гораздо болѣе сочувствовавшіе ему слушатели въ Опгилѣ. Не потому чтобъ обѣ дамы когда-нибудь строго относились къ его отцу, но потому что онѣ дружески входили въ его непріятное положеніе. Еслибъ онъ могъ спасти хоть 4.500 фунтовъ, проценты съ этихъ денегъ дали бы ему возможность жить на родинѣ, въ полку. Если онъ получитъ 4.500 фунтовъ, онъ это непремѣнно сдѣлаетъ.

— Со ста пятьюдесятью фунтами годового дохода я могъ бы поднять голову и идти впередъ, говорилъ онъ.—Но я могу потерять все и не плакать объ этомъ.

Потомъ онъ опять повторялъ что для его полного счастья онъ долженъ выбросить изъ головы всѣ денежные разчеты. „Еслибъ это устроилось, я удовольствовался бы этимъ, я былъ бы спокоенъ.“

— Это правда, мой милый, говорила старушка.—У меня такія понятія о деньгахъ, что если у васъ ихъ много или мало, вы должны такъ устроиться съ ними чтобы никакіе разчеты васъ не беспокоили. Деньги все равно что марки въ дѣтской игрѣ и не должны ничего значить. И этого можно достигнуть, устроивъ свои дѣла какъ слѣдуетъ.

Итакъ обѣ дамы въ Опгилѣ очень сошлись съ капитаномъ въ Лотоунѣ, и съ его стороны дружеское расположеніе къ младшей было такъ же сильно, какъ и къ старшей—такъ же сильно, но дружба съ первой, безъ сомнѣнія, была гораздо пріятнѣе. Они гуляли вдвоемъ, какъ дозволено гулять родственникамъ, и разсуждали о всѣхъ пунктахъ писемъ гг. Блока и Корлинга. Капитанъ Маррабель пріѣхалъ въ домъ своего дяди на недѣлю, или дней на десять, но принужденъ былъ остаться ждать окончанія дѣла. Онъ получилъ отпускъ до конца ноября, и могъ продлить его, если вздумаетъ возвратиться въ Индію.

—Останьтесь до конца ноября, сказалъ священникъ Джонъ.—Зачѣмъ тратить деньги въ лондонской гостиницѣ. Не влюбитесь только въ свою кузину Мери.

И капитанъ остался, слѣдуя первой половициѣ совѣта и общавъ послѣдовать второй.

Тетушка Сарра тоже боялась любви, и сдѣлала на этотъ счетъ тонкій намекъ Мери.

— Милая Мери, сказала она,—вы съ Вальтеромъ точно влюбленные голубки.

— Онъ мнѣ очень нравится, отвѣчала Мери.

— И мнѣ тоже, милая моя. Онъ джентльменъ и уменъ, и ко всему этому такъ великодушно переноситъ большую несправедливость. Я его люблю. Но мнѣ кажется что не должно влюбляться, когда есть сильныя причины противъ этого.

— Конечно не должно, еслибъ это было въ нашей волѣ.

— Полноте, вы говорите нелѣпости, и сами это знаете. Еслибы мнѣ сказала какая-нибудь дѣвушка что она влюбилась, потому что не могла совладать съ собой, то я отвѣтила бы ей что она не стоить любви ни одного мужчины.

— Но какія причины имѣете вы противъ этого, тетушка?

— Впервыхъ ту что это не понравилось бы мистеру Джильмору.

— Я не обязана угождать мистеру Джильмору.

— Объ этомъ я ничего не знаю. Потомъ и для Вальтера это было бы не хорошо. Развѣ онъ можетъ жениться когда лишился всего состоянія?

— Да у меня и въ мысляхъ не было влюбиться въ него. Вопреки тому что я сказала, я думаю что это въ моей волѣ. И притомъ я люблю его какъ брата. Я поняла теперь что значить имѣть брата.

Въ этомъ миссъ Лоутеръ, кажется, ошибалась. Она знала своего родственника ровно мѣсяць. Мѣсяца слишкомъ достаточно чтобы почувствовать любовь, но сомнительно чтобы для порожденія братской дружбы не потребовалось гораздо болѣе продолжительнаго времени.

— Мнѣ кажется, еслибъ я была на вашемъ мѣстѣ, я сказала бы ему о мистерѣ Джильморѣ.

— Сказали бы, тетушка Сарра?

— Мнѣ кажется, сказала бы. Еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ былъ вашъ братъ, вы бы сказали ему.

Очевидно что, когда миссъ Маррабель давала этотъ совѣтъ, она приписывала исканіямъ мистера Джильмора успѣхъ значительнѣе того какой они имѣли въ дѣйствительности. Хотя много было говорено между теткой и племянницей о мистерѣ Джильморѣ и его предложеніи, Мери никогда не умѣла разъяснить теткѣ свои собственныя чувства и мысли на этотъ счетъ. Она думала что никогда не будетъ въ

состояніи дать ему согласіе и теперь была въ этомъ убѣжденіи тверже чѣмъ когда-либо. Но еслибъ она способна была выразить это словами, которыя поняла бы тетка, то послѣдняя, вѣроятно, спросила бы для чего она оставила его въ сомнѣніи. И хотя она сознавала что во всемъ старалась поступать какъ слѣдуетъ, но надъ ней тяготѣло полусознаніе что тѣмъ не менѣе она поступала ошибочно и эгоистично. Ея пріятельница писала ей и говорила съ ней такъ какъ будто была увѣрена что она со временемъ согласится принять предложеніе Джильмора. Жанета Фенвикъ въ своихъ письмахъ говорила объ этомъ какъ о дѣлѣ почти рѣшенномъ, а тетюшка Сарра, повидимому, жила въ ожиданіи этого. Не лучше ли ей написать и отказать мистеру Джильмору теперь же, а не ждать окончанія тяжелыхъ шести мѣсяцевъ, которые онъ назначилъ какъ срокъ, въ концѣ котораго онъ возобновитъ свое предложеніе? Еслибы тетюшка Сара знала все это, и то что Мери была готова написать подобное письмо, она, конечно, не посовѣтовала бы ей сказать Вальтеру о мистерѣ Джильморѣ. Ей казалось что разказъ объ этомъ дастъ понять Вальтеру что онъ не долженъ пытаться вкрадываться туда гдѣ онъ лишній, но этотъ разказъ, какъ его разказала бы Мери, могъ имѣть совершенно другія послѣдствія.

Но какъ бы то ни было, Мери рѣшилась поговорить съ родственникомъ. Какъ пріятно ей будетъ посовѣтоваться съ братомъ! Какъ хорошо поговорить объ этомъ съ кѣмъ-нибудь кто будетъ сочувствовать ей, и не станетъ уговаривать ее бросаться въ объятія мистера Джильмора, потому только что мистеръ Джильморъ хорошій человекъ, съ хорошимъ состояніемъ. Даже въ Жанетѣ Фенвикъ, которую она такъ любила, она не находила сочувствія въ какомъ нуждалась. Жанета, лучшій ея другъ, дѣйствовала въ этомъ случаѣ руководствуясь желаніемъ составить счастье двухъ любимыхъ ею людей, но въ этомъ дѣлѣ между ними не было никакой симпатіи.

— Выходи за него, говорила Жанета, — и въ послѣдствіи будешь обожать его.

— А я хочу обожать его сначала, отвѣчала Мери.

Итакъ она рѣшила что скажетъ Вальтеру Маррабель о своемъ положеніи. И вотъ они опять на берегу Лорвелл, сидятъ рядомъ на покатости, оборотившись къ рѣкѣ. Вальтеръ только что закурилъ сигару. Не трудно было навести разговоръ на Булгамптонъ, потому что Семъ все еще сидѣлъ

въ тюрьмѣ, и письма Жанеты полны были таинственности окружавшей убійство Тромбула.

— Кстату, сказала она,—мнѣ нужно разказать вамъ кое-что о мистерѣ Джильморѣ.

— Разказывайте, сказалъ онъ,—повернувъ сигару во рту и оборотивъ ее концомъ къ вѣтру.

— Нѣтъ, не скажу, если это не интересуеъ васъ. То что я намѣрена разказать должно васъ заинтересовать.

— Онъ сдѣлалъ вамъ предложеніе?

— Да.

— Я это зналъ.

— Какъ могли вы узнать. Никто не могъ вамъ этого сказать

— Я понялъ это изъ того какъ вы говорите о немъ. Но мнѣ также казалось что вы отказали ему. Развѣ я ошибся въ этомъ?

— Нѣтъ.

— Вы отказали ему?

— Да.

— Я не вижу что тутъ разказывать, Мери.

— Не будьте такимъ недобримъ, Вальтеръ. Это цѣлая исторія, и исторія которая меня мучаетъ. Еслибъ это было не такъ, я не предложила бы разказать вамъ. Я надѣялась что вы дадите мнѣ совѣтъ какъ мнѣ поступить.

— Но если вы отказали, вы, вѣроятно, поступили какъ слѣдуетъ и безъ моего совѣта. Я опоздалъ чтобы быть вамъ тутъ въ чемъ-нибудь полезнымъ.

— Дайте мнѣ самой разказать. Мнѣ кажется, я ничего не сказала бы вамъ, еслибы не приняла окончательнаго рѣшенія, но теперь я вамъ не скажу что это за рѣшеніе, и вы должны дать мнѣ совѣтъ. Впервыхъ, хотя я отказала ему, но дѣло еще не кончено, и онъ можетъ опять возобновить свое предложеніе, если пожелаетъ.

— Вы дали ему позволеніе на это?

— Да. Надѣюсь что я не поступила дурно. Я такъ старалась поступить какъ слѣдуетъ.

— Я не говорю что вы дурно поступили.

— Я такъ его люблю, считаю его такимъ хорошимъ человекомъ, и чувствую что онъ своею любовью дѣлаетъ мнѣ такую честь, что я не могла ему отвѣтить такъ какъ отвѣтила бы, еслибы была совершенно равнодушна къ нему.

— Какъ бы то ни было, но онъ опять обратится къ вамъ?

— Если пожелаетъ.

— Онъ очень любить васъ?

— Какъ могу я это знать? Нѣтъ, это ложь: я знаю что онъ очень любить меня.

— Такъ что онъ сильно огорчится, лишившись васъ?

— Я знаю что огорчится. Можетъ - быть, я не должна бы этого говорить, но знаю что это такъ.

— Вы должны отвѣчать правду. А вы сами любите его?

— Не знаю. Я люблю его, но еслибы мнѣ сказали что онъ завтра же женится на другой дѣвушкѣ, это осчастливило бы меня.

— Такъ вы его не любите.

— Мнѣ кажется, я то же самое чувствовала бы ко всякому человѣку который хотѣлъ бы жениться на мнѣ. Но дайте мнѣ самой разказать. Всѣ кого я люблю совѣтуютъ мнѣ принять его предложеніе. Я знаю что тетушка Сарра увѣрена что я наконецъ соглашусь, и думаетъ что я должна была бы сдѣлать это съ самаго начала, а подруга моя, Жанета Фенвикъ, не понимаетъ даже какъ я могу колебаться, и только потому прощаетъ мнѣ это что твердо убѣждена что я наконецъ одумаюсь. Мистеръ Фенвикъ думаетъ то же самое и говорить со мной такъ, какъ будто мнѣ назначено судьбой провести всю жизнь въ Булгамптонѣ.

— Булгамптонъ прекрасное мѣсто?

— Очень красивое, я его люблю.

— И мистеръ Джильморъ богатъ?

— Кажется, довольно богатъ. Но вообразите какъ странно было бы съ моей стороны спрашивать объ этомъ съ 1.200 фунтовъ приданого!

— Такъ почему же, скажите Бога ради, вы не соглашаетесь?

— Вы думаете что я должна согласиться?

— Отвѣчайте мнѣ на мой вопросъ. Почему вы не соглашаетесь?

— Потому что я не люблю его такъ какъ надѣюсь любить моего мужа.

Послѣ этихъ словъ капитанъ Маррабель, который во время всѣхъ своихъ вопросовъ смотрѣлъ ей прямо въ глаза, отвернулся отъ нея, и разговоръ на этомъ остановился. Она сидѣла неподвижно, и просидѣла бы такъ долго, еслибы онъ не напомнилъ ей что пора идти домой. Онъ не далъ ей никакого совѣта, но ей казалось что онъ тономъ своихъ словъ

выразилъ ей что считаетъ ея обязанностью принять такое выгодное и во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительное предложеніе. Во всякомъ случаѣ она не скажетъ ему болѣе ни слова объ этомъ, пока онъ самъ не заговоритъ съ нею. Она хотя сильно любила его какъ родственника, но нѣсколько боялась, и теперь она не была увѣрена, не обвиняетъ ли онъ ее за ея слабость и нерѣшительность. Наконецъ онъ быстро повернулся къ ней и взялъ ея руку.

— Ну, Мери!

— Что, Вальтеръ?

— Что же вы намѣрены дѣлать?

— Что же мнѣ дѣлать?

— Что вамъ дѣлать? Вы знаете что вамъ должно сдѣлать. Неужели вы сдѣляетесь женой человѣка, котораго вы любите не болѣе чѣмъ эту палку, потому только что онъ настойчиво проситъ васъ. Не болѣе чѣмъ эту палку, Мери! Что это за любовь, если вы съ радостью услышали бы что онъ завтра женится на другой дѣвушкѣ? Развѣ это любовь?

— Я никого больше его не любила.

— И не полюбите?

— Развѣ я могу отвѣчать на это? Мнѣ кажется, я не одарена чувствами другихъ дѣвушекъ. Мнѣ хочется чтобы меня кто-нибудь любилъ, это правда, и въ этомъ я признаюсь. Я хочу быть для кого-нибудь первою, но я никогда не встрѣчала человѣка котораго я могла бы полюбить.

— Вамъ лучше подождать пока вы его встрѣтите, сказалъ онъ, приподнимаясь на локтѣ. — Вставайте, и пойдѣте домой. Вы спрашивали у меня совѣта, и я вамъ его далъ. Не отдавайтесь человѣку только потому что другіе васъ объ этомъ просятъ, и вамъ кажется что вы можете доставить этимъ удовольствіе и ему, и имъ. Если же вы это сдѣлаете, вы скоро начнете и всю жизнь будете раскаиваться. Что если, сдѣлавшись женой этого человѣка, вы замѣтите что былъ другой человѣкъ котораго вы могли бы полюбить.

— Я не думаю чтобы до этого когда-нибудь дошло, Вальтеръ.

— Какъ вы можете ручаться! Что можетъ помѣшать этому, если нѣтъ любви къ мужу? Вы нѣсколько не любите мистера Джильмора, и я не понимаю какъ у васъ хватаетъ духа думать сдѣлаться его женой. Пойдѣте домой. Вы у меня спрашивали совѣта, и получили его. Если вы ему не послѣдуете, я постараюсь забыть что далъ вамъ его.

Она, конечно, приметъ его совѣтъ. Она ему тогда не сказала этого, но онъ, конечно, будетъ ея руководителемъ. Во сколько разъ вѣрнѣе и съ большею деликатностью чувства понялъ онъ ея положеніе, и понялъ съ перваго слова. Онъ говорилъ съ нею сурово, серьезно, почти жестко, но ей хотѣлось чтобъ именно такъ поговорилъ съ нею кто-нибудь кто принимаетъ въ ней участіе и на столько интересуется ею что побезпокоится дать ей подобный совѣтъ. Она готова была вѣрить ему какъ брату, и слова его, при всей ихъ строгости, были ей пріятны.

Они молча дошли до дому, и даже его манеры съ нею были суровы. Но, можетъ-быть, такъ же велъ бы себя братъ давшій сестрѣ полезный совѣтъ, но неуверенный что совѣтъ его принять.

— Вальтеръ, сказала она, — я надѣюсь что вы не сомнѣваетесь.

— Въ чемъ, Мери?

— Я, конечно, поступаю какъ вы мнѣ сказали.

XVII. Маркизь Тробриджъ.

Въ концѣ сентября сдѣлалось очевиднымъ что Семь Бретль долженъ быть освобожденъ изъ тюрьмы, если что-нибудь подобное новому доказательству не будетъ представлено къ слѣдующему вторнику. Въ графствѣ на этотъ счетъ составились уже твердыя мнѣнія, бретлевское мнѣніе и анти-бретлевское мнѣніе. Мы могли бы назвать ихъ также булгамптонское мнѣніе и анти-булгамптонское мнѣніе, еслибы не то обстоятельство что самая могущественная личность Булгамптона, съ нѣкоторыми изъ своихъ блюдолизовъ и подчиненныхъ, не объявляла открыто своего мнѣнія что убійство совершено Семомъ Бретлемъ, и что его не должно выпускать изъ тюрьмы пока не придетъ время его повѣсить. Эта могущественная особа былъ маркизь Тробриджъ, у котораго бѣдный фермеръ Тромбулъ былъ арендаторомъ, и который теперь полагалъ что убійство его арендатора равнялось личному оскорбленію ему самому, маркизу Тробриджу. Онъ сильно гнѣвался на Булгамптона и думалъ прекратить вспоможеніе приходу, и уже объявилъ что не будетъ принимать никакого участія въ подпискѣ на поправку церкви,

по крайней мѣрѣ въ слѣдующіе три года. До послѣдняго рѣшенія дошелъ онъ, кажется, подъ вліяніемъ методистскаго священника деревни.

Онъ гнѣвался не за то только что мистеръ Тромбуль убитъ. Такой великій и умный человекъ какъ лордъ Тробриджъ зналъ, безъ сомнѣнія, что въ свободной странѣ, какова Англія, человекъ не можетъ быть огражденъ отъ рукъ убійцы или чего другаго тѣмъ что онъ арендаторъ, или подчиненный, или какимъ бы то ни было образомъ находится подъ покровительствомъ высокаго аристократа. Люди маркиза, конечно, должны были подавать голоса за его кандидатовъ, и скоро перестали бы быть людьми маркиза, еслибы не исполнили этого. Они связаны были во многихъ отношеніяхъ нѣкоторыми условіями своихъ краткосрочныхъ арендъ. Они не могли убить скотины на своей фермѣ, не могли продать скота и вообще ничего изъ своего производства кромѣ скота и хлѣба. Они должны были обрабатывать землю установленнымъ образомъ, и безъ его разрѣшенія не смѣли арендовать не принадлежавшей ему земли. И въ вознагражденіе за все это они дѣлались людьми маркиза. Каждый арендаторъ удостоивался разъ въ три года пожать руку маркиза и два раза въ годъ могъ напиться пьянъ на счетъ маркиза, если имѣлъ на то желаніе, конечно, съ тѣмъ условіемъ чтобъ рента была уплачена. Если тяжелы были условія, то и вознагражденіе было велико. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ маркизь, и полагалъ что покровъ безопасности накинутъ на плеча каждаго изъ его людей, вслѣдствіе той связи которая соединяетъ его съ нимъ. Но, конечно, онъ не думалъ чтобы покровъ этотъ могъ спасти отъ пули, обыкновеннаго убійцы или отъ топора посторонняго злодѣя. Но дѣло въ томъ что топоръ принадлежалъ не постороннему злодѣю. По мнѣнію его сятельства, и это мнѣніе поддерживала въ немъ полиція графства, топоръ принадлежалъ человеку изъ Булгамптона, и былъ употребленъ противъ его арендатора сыномъ „человѣка который нанимаетъ землю у джентльмена владѣющаго нѣкоторою собственностью въ приходѣ“. Такъ выражался маркизь о своемъ сосѣдѣ мистерѣ Джильморѣ, который въ глазахъ маркиза былъ недостаточно важною особой чтобъ имѣть право называть своихъ наемщиковъ своими людьми. Что такой человекъ какъ Семъ Бретль убилъ такого человекъ какъ мистеръ Тромбуль было въ глазахъ маркиза скорѣе оскорбленіемъ чѣмъ преступле-

ніемъ, и теперь это оскорбленіе увеличивалось еще тѣмъ что преступникъ освобождается изъ тюрьмы по приговору суда въ которомъ засѣдалъ мистеръ Джильморъ. И во всемъ этомъ заключалось нѣчто еще болѣе важное. Въ Торноверъ-паркѣ, резиденціи лорда Тробриджа, близъ Вестбери, всѣмъ было извѣстно что мистеръ Джильморъ, джентльменъ владѣющій нѣкоторою собственностью въ Бугамптонскомъ приходѣ его сіятельства, и мистеръ Фенвикъ, викарій этого прихода, были вторыми Дамономъ и Пифіемъ. Леди, дочери маркиза, которыя были горячими приверженицами Нижней церкви, слыхали и, безъ сомнѣнія, вѣрили что мистеръ Фенвикъ немногимъ лучше язычника. Когда онъ только что поселился въ графствѣ, онъ употребили всѣ силы чтобы выдать его за приверженца Высокой церкви. То было время когда еще не окончилась великая война, происходившая по этому поводу между приверженцами лорда Тробриджа и другой могущественной фамиліи — леди Стоутъ. Джонъ Августъ Стоутъ и маркизь Тробриджъ очень желали причислить нашего викарія къ числу своихъ враговъ этого разряда. Но обвиненіе было такъ нелѣпо, такъ невозможно, что они принуждены были ограничиться убѣжденіемъ что мистеръ Фенвикъ — язычникъ! Чтобъ отдать справедливость маркизу, мы должны сказать что онъ не обратилъ бы на это вниманія, еслибы мистеръ Фенвикъ покорился и вступилъ въ число его людей. Маркизь былъ главой въ своемъ домѣ, и леди Софи и Каролина съ гордостью принимали бы въ Торноверѣ мистера Фенвика, язычника или правовѣрнаго, еслибъ онъ согласился покориться ихъ обычаямъ. Но онъ на это никогда не соглашался, и не только былъ сердечнымъ другомъ „джентльмена владѣвшаго нѣкоторою собственностью въ приходѣ“, но самъ былъ вдвое непокорнѣе этого джентльмена. Онъ противорѣчилъ маркизу прямо въ глаза, какъ выражался самъ маркизь, когда они сходились по какому-нибудь приходскому дѣлу. И ко всему этому, когда однажды, въ первые дни мистера Фенвика въ Бугамптонѣ, устроился какой-то школьный праздникъ на лугу позади дома фермера Тромбула, мистрисъ Фенвикъ вела себя тамъ до крайности неприлично.

— Честное слово, она хотѣла покровительствовать намъ, со смѣхомъ говорила леди Софи. — А знаете ли вы кто она? Ея отецъ былъ просто приходскимъ строителемъ, который

скопилъ себѣ кое-какія деньжонки производствомъ кирпичей и известа.

Леда Софи говорила это, вѣроятно, не зная того факта что мистеръ Больфуръ былъ младшимъ сыномъ фамиліи которая была древнѣе ея фамиліи, что онъ получалъ первый призъ въ Оксфордѣ, былъ членомъ половины ученыхъ обществъ Европы и двухъ или трехъ лучшихъ клубовъ Лондона.

Изъ всего этого не трудно понять что маркизь Тробриджъ съ неодобреніемъ посмотритъ на все то что будетъ сдѣлано Джильморъ-Фенвикскою партіей прихода въ дѣлѣ объ убійствѣ. Къ довершенію всего этого ходили слухи что викарій и убійца были друзьями, и въ Торроверѣ охотно вѣрили что они нѣсколько лѣтъ тому назадъ проводили вдвоемъ всѣ лѣтніе дни на рыбной ловлѣ. Ходили также толки объ охотѣ на крысъ, которою они занимались, толки основанные на непреложномъ фактѣ одного похода на крысъ въ мельницу, въ которомъ викарій принималъ горячее участіе. Уничтоженіе вредныхъ животныхъ, въ особенности одной ихъ породы, для предупрежденія производимаго ими вреда, рыбная ловля и стрѣльба птицъ были увлекательными занятіями въ глазахъ викарія. Онъ, можетъ-быть, переступилъ нѣсколько границы и ронялъ священническое достоинство, когда онъ съ Семомъ, каждый съ ломомъ въ рукахъ, ползали въ пыли мельницы и одерживали побѣды надъ крысами. Джильморъ, который это видѣлъ, сдѣлалъ ему замѣчаніе.

— Все это я знаю, мой милый, отвѣчалъ Фенвикъ своему другу, — и знаю также что мнѣ нужно выбрать одно изъ двухъ: или я долженъ допустить чтобъ меня звали лицемѣромъ, или дѣйствительно имъ сдѣлаться. Я не сомнѣваюсь что со временемъ я увижу преимущества послѣдняго выбора.

Въ то время между ними часто происходили подобныя разговоры, потому что они были такіе друзья которые не боются разбирать образъ жизни другъ друга. Но мы не будемъ долѣе утомлять читателей отступленіями. Мѣсто которое занималъ священникъ во мнѣніи лорда Тробриджа, вѣроятно, уже понято.

Семейство Торроверъ-парка считало бы большимъ счастьемъ имѣть подлѣ себя духовное лицо съ которымъ бы оно могло дѣйствовать заодно, но такъ какъ это оказалось невозможнымъ, то они приблизили къ себѣ мистера Пудельгама, священника методистовъ. Отъ мистера Пудельгама они

узнавали о приходскихъ происшествіяхъ и приходскихъ сплетняхъ, которыя безъ его посредничества никогда не дошли бы до нихъ. Мистеру Фенвику это было извѣстно, но онъ говорилъ что ему до этого нѣтъ никакого дѣла. Онъ готовъ былъ доказывать что не видитъ почему мистеръ Пудельгамъ не имѣетъ права также свободно дѣйствовать въ приходѣ какъ онъ самъ, онъ, имѣющій и желающій оставить за собой незначительное преимущество приходской церкви, викарскаго дома и небольшого десятиннаго дохода. Онъ былъ вполне увѣренъ что религиозное ученіе мистера Пудельгама лучше полного невѣжества. Онъ всегда подавалъ ему руку, хотя мистеръ Пудельгамъ никогда не смотрѣлъ ему прямо въ глаза.

Въ дѣлѣ о заключеніи и теперь ожидавшемся освобожденіи Сема Бретля, приходскія извѣстія, безъ сомнѣнія, передавались въ Торноверъ мистеромъ Пудельгамомъ, можетъ-быть не непосредственно, но все же такимъ образомъ что великіе люди Торновера знали кому они ими обязаны. Мистеръ Джильморъ съ самаго начала смотрѣлъ съ неблагопріятной для Сема Бретля точки зрѣнія на все касавшееся его въ ту воскресную ночь. Когда ударъ поразилъ семейство Бретлей, его обращеніе съ ними совершенно измѣнилось. Онъ простилъ непокорность мельника, но онъ тѣмъ не менѣе всегда считалъ Сема виноватымъ. Священникъ съ самаго начала съ большимъ сомнѣніемъ взглянулъ на это дѣло, и сначала былъ противъ Сема, и даже теперь, когда онъ такъ настойчиво утверждалъ что Семъ долженъ быть освобожденъ, онъ основывалъ свое мнѣніе не на невинности Сема, а на отсутствіи какой бы то ни было улики противъ него.

— Онъ имѣетъ полное право на освобожденіе, Гарри, говорилъ онъ Джильмору, — и не получаетъ его только потому что противъ него вооружены. Слышали вы что говорить этотъ старый осель, сэръ-Томасъ?

— Сэръ-Томасъ очень хорошій судья.

— Однако, если онъ не остережется, онъ можетъ заплатить за то что безъ законнаго основанія задерживаетъ молодого человѣка. Найдется ли хоть одинъ юристъ который осудитъ его, основываясь только на томъ что онъ лежалъ въ канавѣ за недѣлю до преступленія?

Съ этой точки зрѣнія, Джильморъ также началъ благо-

пріятно смотрѣть на требованіе освобожденія Сема и, наконецъ, рѣшено было что въ слѣдующій вторникъ Семъ будетъ освобожденъ, если не представится новыхъ уликъ противъ него.

Въ это время замѣчательный митингъ происходилъ въ приходѣ. Въ понедѣльникъ утромъ, 5-го октября, мистеру Джильмору пришли сказать что маркизъ Тробриджъ будетъ въ церковной фермѣ, въ фермѣ бѣднаго Тромбула, въ полдень того дня, и что его сіятельство изволилъ сказать что ему было бы пріятно повидаться тамъ съ мистеромъ Джильморомъ. Письма никакого не было, и порученіе было передано мистеромъ Пикеромъ, подначальнымъ агентомъ и однимъ изъ людей маркиза, котораго Джильморъ хорошо зналъ.

— Я приду, Пикеръ, и буду очень радъ повидаться съ маркизомъ.

Маркизъ никогда не былъ судьей въ Гайтсберійскомъ судѣ и не присутствовалъ ни на одномъ допросѣ Сема, и мистеръ Джильморъ не только не видался съ нимъ по этому дѣлу послѣ убійства, но вообще ни разу не встрѣчался съ нимъ въ продолженіи послѣднихъ двѣнадцати мѣсяцевъ. Мистеръ Джильморъ только что окончилъ свой завтракъ, когда получилъ это извѣстіе, и подумалъ что успѣетъ еще сходить повидаться съ Фенвикомъ. Его свиданіе со священникомъ окончилось обѣщаніемъ что онъ, Фенвикъ, тоже заглянетъ на ферму.

Въ двѣнадцать часовъ маркизъ сидѣлъ въ гостиной, въ старомъ креслѣ Тромбула. Домъ былъ темень и мраченъ, и со времени преступленія ни разу не отворялся. Съ маркизомъ былъ Пикеръ, стоявшій предъ нимъ, между тѣмъ какъ маркизъ дѣлалъ видъ что углубился въ принесенныя ему книги. Онъ уже обошелъ весь домъ, останавливаясь посмотрѣть на постель гдѣ лежалъ старикъ когда на него напали, какъ будто надѣясь своимъ долгимъ взглядомъ открыть что-нибудь, что могло бы обнаружить истину; онъ съ ужасомъ взглянулъ на то мѣсто гдѣ нашли тѣло, и сдѣлалъ самъ себѣ замѣчаніе что домъ былъ далеко не въ порядкѣ. Маркизу было около семидесяти лѣтъ, но онъ былъ еще очень здоровъ, и годы оставили на немъ мало слѣдовъ. Онъ былъ низокъ и толстъ, безъ малѣйшаго намека на бороду, съ коротко остриженными сѣдыми волосами, которыхъ совсѣмъ не было замѣтно когда онъ надѣвалъ шляпу. Его манеры были бы не

дурны, еслибы тяжесть титула постоянно не стѣсняла ихъ, и сердце было бы доброе, еслибы не было отягощено тѣмъ же самымъ. Но онъ былъ скучнымъ, слабодушнымъ невѣждой, и едва ли былъ бы способнымъ добыть себѣ кусокъ хлѣба своимъ трудомъ, еслибы хлѣбъ не былъ въ изобиліи доставленъ ему его праотцами.

— Мистеръ Джильморъ сказалъ что будетъ здѣсь въ двѣнадцать часовъ, Пикеръ?

— Точно такъ, милордъ.

— А теперь больше двѣнадцати?

— Одной минутой, милордъ.

И перъ опять опустилъ глаза на книгу Тромбула.

— Я не обязанъ ждать, Пикеръ?

— Конечно нѣтъ, милордъ.

— Скажите чтобы готовили лошадей.

— Сейчасъ, милордъ.

Когда Пикеръ вышелъ въ корридоръ чтобъ отдать приказаніе, онъ встрѣтилъ мистера Джильмора и ввелъ его въ комнату.

— А, мистеръ Джильморъ! Очень радъ васъ видѣть, мистеръ Джильморъ.—И маркизъ сдѣлалъ шагъ впередъ, и подалъ руку своему гостю.—Я счелъ нужнымъ повидаться съ вами насчетъ этого ужаснаго дѣла въ приходѣ. Не правда ли, ужасное дѣло.

— Совершенно съ вами согласенъ, лордъ Тробриджъ, и таинственность дѣлаетъ его еще болѣе ужаснымъ.

— Мнѣ кажется что таинственнаго тутъ нѣтъ ничего, мистеръ Джильморъ. Я полагаю что не можетъ быть сомнѣнія что этотъ несчастный молодой человекъ сдѣлалъ.... сдѣлалъ.... по крайней мѣрѣ участвовалъ въ этомъ преступленіи.

— Я считаю это очень сомнительнымъ, милордъ.

— Неужели? А я думалъ что тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, ни малѣйшаго. И вся полиція того же мнѣнія. Я самъ довольно опытенъ въ подобныхъ дѣлахъ, но я не рѣшился бы говорить такъ утвердительно, еслибы полиція не поддерживала меня. Вамъ извѣстно, мистеръ Джильморъ, что полиція очень рѣдко ошибается?

— А мнѣ кажется что она очень рѣдко не ошибается, если всѣ обстоятельства дѣла у нея не подъ носомъ.

— Я долженъ признаться что совершенно несогласенъ съ вами, мистеръ Джильморъ. Теперь по этому случаю....

Слова маркиза были прерваны громкимъ стукомъ въ дверь, и прежде чѣмъ успѣли отвѣтить на призывъ, викарій вошелъ въ комнату, а за викаріемъ слѣдовалъ мистеръ Пудельгамъ. Маркизь ожидалъ что священникъ вмѣшается, и мистеръ Пудельгамъ былъ приготовленъ какъ уравнивающимъ грузъ. Когда мистеръ Фенвикъ увидалъ ходившаго взадъ и впередъ по двору фермы священника, онъ не почувствовалъ ни малѣйшей досады. И если мистеру Пудельгаму угодно было идти за нимъ и угодить этимъ маркизу, такъ пусть себѣ идетъ. Великій человекъ выразилъ своимъ взглядомъ что онъ до крайности удивленъ и даже нѣсколько оскорбленъ, но тѣмъ не менѣе онъ снизошелъ до того что подалъ руку священникамъ и пригласилъ ихъ садиться. Объяснивъ что онъ пріѣхалъ чтобы сдѣлать нѣсколько справокъ о печальномъ дѣлѣ, онъ продолжалъ излагать свое мнѣніе объ участи Сема Бретля.

— Изъ всего что я слышалъ и видѣлъ, продолжалъ маркизь,—боюсь что не остается сомнѣнія что убійство совершенно близкимъ сосѣдомъ.

— Вы намекаете на того молодого человека который содержится въ тюрьмѣ, милордъ? спросилъ викарій.

— Конечно, мистеръ Фенвикъ, полиція того же мнѣнія.

— Это намъ извѣстно, лордъ Тробриджъ.

— Не позволите ли вы мнѣ, мистеръ Фенвикъ, высказать мои собственныя мысли. Полиція думаетъ что онъ одинъ изъ тѣхъ людей которые ворвались въ домъ моего арендатора въ роковую ночь, а мнѣ, какъ я уже говорилъ мистеру Джильмору, въ ту минуту когда вы сдѣлали намъ честь присоединиться къ намъ, изъ моей долговременной опытности извѣстно что полиція рѣдко ошибается.

— Какъ, милордъ!

— Если вы позволите, мистеръ Фенвикъ, я буду продолжать. Я не могу пробыть здѣсь долго, а мнѣ хотѣлось бы сдѣлать одно предложеніе мистеру Джильмору, какъ судѣ нашей части графства. Не мое, конечно, дѣло порицать то что судьи сдѣлаютъ завтра въ судѣ.

— Я увѣренъ что вашему сіятельству не придется порицать ихъ, сказалъ мистеръ Джильморъ.

— Я и самъ не желалъ бы этого по многимъ причинамъ. Но я считаю себя въ правѣ сказать вамъ что будутъ требовать освобожденія молодого человека.

— И я думаю что онъ, какъ и слѣдуетъ, будетъ освобожденъ, сказалъ священникъ.

На это маркизъ не сдѣлалъ никакого возраженія и продолжалъ:

— Если это будетъ сдѣлано, хотя я надѣюсь что подобный поступокъ не будетъ сдѣланъ Вестберійскимъ судомъ, то куда тогда отправится молодой человѣкъ.

— Конечно домой, къ отцу, сказалъ священникъ.

— Онъ возвратится въ приходъ со своею любовницею что бы рѣзать другихъ моихъ арендаторовъ?

— Милордъ, я не могу допустить такого несправедливаго предположенія, сказалъ священникъ.

— Я желалъ бы поговорить еще нѣсколько минутъ, и попрошу васъ помнить что я обращаюсь единственно къ вашему сосѣду, мистеру Джильмору, который сдѣлалъ мнѣ честь пожаловать сюда по моему приглашенію. Я ничего не говорю противъ вашего присутствія, мистеръ Фенвикъ, или другаго джентльмена,—и маркизъ кивнулъ на мистера Пудельгама, который стоялъ и до сихъ поръ не произнесъ ни одного слова, — но я желалъ бы высказать то что привело меня сюда. Мнѣ будетъ чрезвычайно непріятно, если этому молодому человѣку дозволятъ опять поселиться въ приходъ, послѣ всего что случилось.

— У его отца здѣсь есть домъ, сказалъ мистеръ Джильморъ.

— Мнѣ это извѣстно, сказалъ маркизъ.—Отецъ молодого человѣка, кажется, нанимаетъ у васъ мельницу и нѣсколько акровъ земли?

— У него хорошая ферма.

— Пусть будетъ такъ, не станемъ спорить о выраженіяхъ. Я полагаю что это не откупъ; впрочемъ и до этого мнѣ нѣтъ дѣла.

— Пѣтъ, не откупъ, милордъ, отвѣчалъ мистеръ Джильморъ, который начиналъ уже сердиться и мрачно сдвигалъ брови.

— Я такъ и говорю; но я полагаю, вы согласитесь что я имѣю нѣкоторый интересъ въ приходѣ? Надѣюсь что эти два джентльмена, служители Бога, также согласатся что моя обязанность, какъ владѣльца большей части прихода, принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

— Конечно, милордъ, сказалъ мистеръ Пудельгамъ.

Мистеръ Феввикъ ничего не сказалъ. Онъ сидѣлъ, или скорѣе полулежалъ, облокотившись на столъ, и улыбался. Лицо его не было мрачно, какъ лицо его друга, но Джильморъ, который его зналъ, взглянувъ на него, началъ опасаться что онъ скоро обратится къ маркизу съ такими энергическими словами, какія мистеръ Джильморъ считалъ не совсемъ приличными.

— И когда я вспомню, продолжалъ маркизь, — что этотъ несчастный человекъ былъ въ продолженіи полустолѣтія арендаторомъ у меня и у моей фамиліи, что онъ такъ гнусно убитъ въ моихъ собственныхъ владѣніяхъ, стащенъ съ постели среди ночи и убитъ въ томъ самомъ домѣ въ которомъ я теперь сижу, и въ томъ приходѣ въ которомъ я владѣю, кажется, болѣе чѣмъ двумя третями....

— Двумя тысячами и двумя акрами изъ двухъ тысячъ девяти сотъ десяти, сказалъ мистеръ Пудельгамъ.

— Кажется что такъ. Хорошо, мистеръ Пудельгамъ, но вы не должны были перебивать меня.

— Просту прощенія, милордъ.

— Я хочу сказать, мистеръ Джильморъ, что вы должны принять мѣры чтобы помѣшать возвращенію этого молодаго человека въ нашъ приходъ. Вы должны объяснить отцу что этого нельзя дозволить. Изъ того что я слышалъ, я заключаю что для прихода не было бы большою потерей, еслибъ и все семейство удалилось отсюда. Говорять, одна изъ дочерей предалась разврату.

— Это правда, милордъ, сказалъ мистеръ Пудельгамъ.

Викарій обернулся и взглянулъ на своего коллегу, но ничего не сказалъ. Онъ поставилъ себѣ однимъ изъ принциповъ жизни что не долженъ никогда ссориться съ мистеромъ Пудельгамомъ, и теперь онъ не хотѣлъ тратить своего гнѣва на такого ничтожнаго врага.

— И я надѣюсь что вы обратите на это ваше вниманіе, мистеръ Джильморъ, сказалъ маркизь, довершая свою рѣчь.

— Я не могу постигнуть, какое вы имѣете право дѣлать мнѣ предписанія въ подобныхъ дѣлахъ, сказалъ мистеръ Джильморъ.

— Я не думалъ дѣлать вамъ предписаній, я только высказалъ мое мнѣніе, отвѣчалъ маркизь.

— Теперь, милордъ, позвольте ли вы мнѣ сказать нѣсколько словъ? спросилъ мистеръ Феввикъ. — Вонпервыхъ, объявляю

что, если Семъ Бретль не найдетъ убѣжища на мельницѣ, которое, надѣюсь, онъ будетъ имѣть тамъ на многіе годы, то онъ найдетъ убѣжище въ моемъ домѣ.

— Вотъ какъ! произнесъ маркизь.

Мистеръ Пудельгамъ всплеснулъ руками.

— Не мѣшало бы вамъ придержать языкъ, Франкъ, сказалъ мистеръ Джильморъ.

— Это такое дѣло о которомъ я желалъ бы сказать нѣсколько словъ, Гарри. Меня здѣсь назвали служителемъ Бога, и я сознаю мою отвѣтственность. Я во всю мою жизнь не слышалъ такого жестокаго предложенія какое сдѣлалъ сейчасъ лордъ Тробриджъ. Молодаго человѣка надо прогнать за то что одинъ изъ арендаторовъ его оіательства былъ убитъ; признать его виновнымъ безъ слѣдствія, безъ доказательствъ и вопреки рѣшенію судей!

— Нисколько не вопреки рѣшенію судей, сказалъ маркизь.

— Запретить ему возвратиться въ родной домъ только потому что лордъ Тробриджъ считаетъ его виновнымъ! Милордъ, домъ мистера Бретля его собственность, и онъ можетъ держать въ немъ кого ему угодно, какъ и вы въ своемъ. Еслибъ я предложилъ вамъ чтобы вы выгнали изъ вашего дома вашихъ дочерей, это было бы такимъ же оскорбленіемъ какъ ваше требованіе чтобы мистеръ Бретль выгналъ своего сына.

— Моихъ дочерей!

— Да, вашихъ дочерей, милордъ.

— Какъ вы смѣете упоминать о моихъ дочеряхъ?

— Я убѣжденъ что эти леди заслуживаютъ полного уваженія, и я не имѣю ни малѣйшаго желанія совѣтовать вамъ жестоко поступить съ ними, но если вы желаете чтобы къ вашему семейству относились съ уваженіемъ, то вы и сами должны научиться относиться такимъ же образомъ къ другимъ.

Маркизь всталъ съ мѣста, онъ звалъ Пукера, звалъ свою карету и лошадей, молилъ боговъ исторгнуть свой громъ и наказать такую ужасную дерзость. Онъ никогда не слышалъ ничего подобнаго. Его дочерей! Въ его разстроенномъ умѣ пробѣжала мысль что его дочерей поставили на одну доску съ убійцей, Семомъ Бретаемъ, и, можетъ-быть, съ кѣмъ-нибудь еще похуже. А его дочери были такія важныя особы, хотя, правда, старыя и дурныя, и почти безъ приданого, вслѣдствіе фамильныхъ установленій и расходовъ.

Со стороны мистера Фенвика было бы несправедливостью и оскорбленіемъ сдѣлать малѣйшій намекъ на его дочерей, но говорить о нихъ такъ, какъ будто бы онѣ были не значительнѣе обыкновенныхъ людей, это рѣшительно невыносимо. Маркизь прежде сомнѣвался, но теперь онъ окончательно убѣдился что Фенвикъ язычникъ. „И къ тому же зловредный язычникъ“, какъ онъ сказалъ леди Каролинѣ, возвратившись домой.

— Я не слыхивалъ о подобномъ поступкѣ во всю мою жизнь, сказалъ лордъ Тробриджъ, направляясь къ каретѣ. — Можно ли послѣ этого удивляться что въ приходѣ есть и убійцы и развратницы.

— Милордъ, они не принадлежать къ моей паствѣ, сказалъ мистеръ Пудельгамъ.

— Мнѣ дѣла нѣтъ къ чьей паствѣ они принадлежать, сказалъ маркизь.

Когда мистеръ Фенвикъ и мистеръ Пудельгамъ возвращались вдвоемъ, мистеръ Фенвикъ сказалъ:

— Другъ мой, вы были правы говоря объ акрахъ маркиза.

— Да, это совершенно вѣрныя цифры, отвѣчалъ мистеръ Пудельгамъ.

— Я хотѣлъ сказать что вы были правы, сдѣлавъ это замѣчаніе. Факты всегда имѣютъ значеніе, и я думаю, лордъ Тробриджъ благодаренъ вамъ. Но мнѣ кажется, вы были не совсемъ правы въ другомъ замѣчаніи.

— Въ какомъ замѣчаніи, мистеръ Фенвикъ?

— Въ томъ что вы сказали о бѣдной Карри Бретль. Вы не увѣрены что это достовѣрный фактъ.

— Всѣ это говорятъ.

— По чемъ вы знаете что она не вышла замужъ и не сдѣлалась честною женщиной?

— Это, конечно, возможно, но тѣмъ не менѣе, если молодая дѣвушка сошла съ истиннаго пути....

— Какъ, напримѣръ, Марія Магдалина!

— Мистеръ Фенвикъ, это такой дурной поступокъ.

— А я развѣ не дѣлаю дурныхъ поступковъ, и вы тоже? Развѣ мы не на дурномъ пути, пока не увѣруемъ и не раскаемся? Развѣ мы всѣ своими грѣхами не заслужили вѣчнаго наказанія?

— Это правда, мистеръ Фенвикъ.

— Въ такомъ случаѣ между ею и нами небольшая разница.

Она тоже заслужила не болѣе вѣчнаго наказанія. Если она увѣруетъ и раскается, всѣ ея грѣхи сдѣлаются былы какъ снѣгъ.

— Конечно, мистеръ Фенвикъ.

— Такъ говорите о ней какъ вы говорите о другихъ братьяхъ и сестрахъ, а не какъ о существѣ которое навсегда осталось гадкимъ, потому что разъ упало. Пусть такъ говорятъ женщины и другіе мужчины, у нихъ свои понятія на этотъ счетъ. Но вы и я служители Христа, мы не должны никогда позволять себѣ такъ необдуманно говорить о грѣшникахъ. Прощайте, мистеръ Пудельгамъ.

XVIII. Бѣлая бумага.

Въ началѣ октября капитанъ Маррабель былъ вызванъ въ городъ письмами гг. Блока и Корлинга и, вѣрный своему общанію, писалъ письма къ Мери Лоутеръ, сообщая ей о томъ какъ шли его дѣла. Всѣ эти письма были показаны тетущкѣ Саррѣ, и были бы показаны отцу Джону, еслибъ отецъ Джонъ не отказался отъ ихъ прочтенія. Но хотя эти письма были чисто родственныя, какія могъ бы писать братъ къ сестрѣ, миссъ Маррабель все же находила ихъ опасными. Она не говорила этого, но думала что они опасны. Въ послѣднее время Мери ни слова не говорила о мистерѣ Джильморѣ, и въ этомъ молчаніи тетущка Сарра замѣчала что надежды мистера Джильмора не улучшались. Сама Мери, совершенно порѣшивъ про себя что планы мистера Джильмора, по скольку они относились къ ней, всѣ были покончены, не могла раздумать какъ и когда сообщить это рѣшеніе своему поклоннику. По настоящему уговору съ нимъ, ей слѣдовало тотчасъ же написать къ нему, еслибъ она приняла другое предложеніе, и ждать шесть мѣсяцевъ, еслибъ этого не случилось. Конечно, никакого соперника не было, и потому она не была увѣрена должна ли она, или нѣтъ, тотчасъ же писать при настоящихъ обстоятельствахъ. Вскорѣ она подумала что и въ этомъ случаѣ она также обратится къ своему нареченному братцу за совѣтомъ. Она спроситъ его и сдѣлаетъ именно такъ какъ онъ ей скажетъ. Развѣ онъ уже не доказалъ ей какъ онъ способенъ подать совѣтъ въ такомъ дѣлѣ?

Послѣ десятидневной отлучки Вальтеръ вернулся назадъ, и

нельзя выразить до какой степени тревожило Мери какія извѣстія онъ привезъ. Она старалась при этомъ не думать о себѣ, но не могла однако не сознаться внутренно что весь складъ ея жизни зависитъ отъ того, поѣдетъ ли онъ въ Индію, или останется здѣсь. Чувство одиночества овлаживало ею при мысли что, отказавшись отъ Джильмора, она должна отказаться и отъ дружескихъ сношеній съ Фенвиками. Нельзя уже будетъ ей ѣхать въ Бугамптонъ, по крайней мѣрѣ долгое время. Она останется одинокою, если новый братъ уѣдетъ отъ нея. На слѣдующее утро послѣ своего приѣзда, онъ пришелъ къ нимъ и объявилъ что дѣло рѣшено. Гр. Блокъ и Корлингъ считаютъ его почти конченнымъ. Деньги можно спасти. Изъ наслѣдства въ 20.000 ему останется 4.000 фунт. слѣшкомъ. Слѣдовательно, ѣхать въ Индію не нужно. Онъ былъ очень въ духѣ и ни слова не сказалъ о безчестности своего отца.

— Ахъ, Вальтеръ, какая радость! воскликнула Мери со слезами на глазахъ.

Онъ взялъ ее за обѣ руки и поцѣловалъ въ лобъ. Въ эту минуту тетущка Сарра не было въ комнатѣ.

— Я такъ счастлива! Такъ счастлива! говорила она, пожимая его руки своими ручками.

Почему ему не поцѣловать ея? Развѣ онъ не братъ ей? Когда онъ собирался уходить, она вспомнила что нужно что-то сказать ему, что-то спросить. Не пойдетъ ли онъ погулять съ ней вечеромъ? Конечно пойдетъ.

— Мери, милая моя, сказала тетка, обнимая ея талию и цѣлуя ее,—не влюбитесь въ Вальтера.

— Чтò за глупости, тетущка Сарра.

— Это дѣйствительно была бы глупость.

— Вы не понимаете. Тутъ совсѣмъ другое. Развѣ я могла бы быть съ нимъ такъ близка, еслибы допускала возможность чего-нибудь подобнаго?

— Этого я не знаю.

— Не возставайте на меня за то что я нашла родственника котораго могу любить почти какъ брата. У меня до сихъ поръ не было еще никого къ кому я могла бы питать такое чувство.

Какъ бы ни размышляла объ этомъ тетущка Сарра, она не рѣшилась повторить свое предостереженіе, и Мери, совершенно счастливая и довольная собой, надѣла шляпку и

побѣжала встрѣтить Вальтера у массивныхъ воротъ Лотунскаго ректорства. Зачѣмъ тащить его въ гору чтобы потомъ опять спускаться съ нея? Такъ они и условились разѣ навсегда.

Въ началѣ прогулки они говорили только о господахъ Блокъ и Корлингъ и о деньгахъ. Капитанъ Маррабель былъ такъ преисполненъ собственными намѣреніями и такъ радъ спасенному остатку состоянія котораго лишился, что позабылъ о желаніи Мери еще посоветоваться съ нимъ. Но добѣдя дѣлѣста гдѣ они прежде сидѣли, она остановила его и пригласила сѣсть.

— Ну, въ чемъ же дѣло? спросилъ онъ, протянувшись на землѣ подлѣ нея.

Она разказала свою исторію, объяснила свои сомнѣнія и просила совѣтовъ его мудрости.

— Увѣрены ли вы что поступаете какъ слѣдуетъ? сказалъ онъ.

— Въ чемъ, Вальтеръ?

— Въ томъ что отказываете человѣку который такъ любить васъ и такъ много можетъ дать вамъ?

— Да чтѣ же сами вы говорили? Увѣрена ли я? Конечно, увѣрена. Совершенно увѣрена. Я не люблю его. Развѣ не говорила я вамъ что послѣ сказаннаго вами не могло быть во мнѣ сомнѣнія?

— Я не приписывалъ такой силы моимъ словамъ.

— Они имѣли силу; но и помимо этого я теперь совершенно убѣдилась. Еслибъ я рѣшилась, я обманула бы его. Я знаю что не люблю его.

Онъ не глядѣлъ на нее, а игралъ сигарочницей которую вынулъ, какъ будто собираясь опять закурить. Но онъ не открылъ сигарочницы, не взглянулъ на нее, не сказалъ ни слова. Прошло минуты двѣ, она опять заговорила.

— Я думаю, не лучше ли мнѣ написать ему не откладывая?

— А другаго нѣтъ никого къ кому бы вы были неравнодушны, Мери? спросилъ онъ.

— Никого, отвѣчала она, какъ будто вопросъ былъ самый пустой.

— У васъ сердце чтѣ бѣлая бумага?

— Бѣлая бумага! отвѣчала она, и засмѣялась.—Знаете ли, мнѣ иногда кажется что оно и всегда такимъ останется.

— Ну, нѣтъ, у меня не то! вскричалъ онъ, вскакивая на ноги.

Она глядѣла на него съ удивленіемъ, не понимая что онъ хочетъ сказать и не подозрѣвая что онъ готовится открыться ей въ любви, хотя бы къ другой.

— Изъ чего я же сдѣланъ, по-вашему, Мери? Или вы воображаете что во мнѣ нѣтъ никакого чувства?

— Я ничего не понимаю.

— Послушайте, милая моя, сказалъ онъ, становясь подлѣ нея на колѣни.—Дѣло просто въ томъ что вы стали мнѣ дороже всего свѣта, я люблю васъ больше чѣмъ душу. Ваша красота, ваша кротость, ваше тихое прикосновеніе — вся жизнь для меня. А вы приходите ко мнѣ за совѣтомъ! Одно только могу я теперь посоветовать вамъ, Мери....

— Что же?

— Любите меня.

— Я люблю васъ.

— Нѣтъ, любите меня и будьте моею женой.

Объ этомъ слѣдовало подумать, но она тутъ же поняла что думать объ этомъ будетъ ей удовольствіе. Не совсѣмъ ясно ей было какъ избранный братъ ея вдругъ превратился во влюбленнаго, но она чувствовала лишь радость и счастье, и сознавала что возможенъ только одинъ отвѣтъ. Отказаться въ томъ о чемъ онъ просилъ съ такою любовью невозможно. Нельзя сказать ему „нѣтъ“. Она не разъ боролась съ собою относительно мистера Джильмора и не могла принудить себя сказать: „да“; теперь точно также невозможнымъ казалось ей сказать „нѣтъ“. Какъ очернить себя такою ложью? И однако, сознавая это, она была такъ ошеломлена его признаніемъ, такъ поражена переменой отношеній, такъ занята внутреннимъ усиліемъ смотрѣть на этого человѣка съ новой точки, что не думала отвѣчать ему. Еслибъ онъ только сѣлъ подлѣ нея, поближе, и не говорилъ бы съ нею, ей казалось что она уже была бы счастлива. Все остальное было забыто. Предостереженіе тетюшки Сарры, гнѣвъ Жанеты Фенвикъ, горе бѣднаго Джильмора — обо всемъ этомъ она вовсе не думала, или останавливалась на этихъ обстоятельствахъ развѣ какъ на пустыхъ мелочахъ, которыми нужно будетъ ей, или, лучше сказать, имъ обоимъ какъ-нибудь распорядиться, точно также какъ своимъ доходомъ и другими подобными дѣлами. Въ ней сомнѣнія не было. Эготъ человѣкъ господинъ ея, она въ его власти и, конечно, будетъ повино-

ваться ему. Но надо укрѣпить свой голосъ, дать утихнуть бѣшенію сердца, опомниться прежде чѣмъ отвѣчать ему.

— Сядьте, Вальтеръ, сказала она наконецъ.

— Зачѣмъ мнѣ садиться?

— Затѣмъ что я васъ прошу. Сядьте, Вальтеръ.

— Нѣтъ. Я знаю какъ вы будете разсудительны и холодны, и понимаю какъ самъ я глупъ.

— Вальтеръ, вы не хотите сѣсть подлѣ меня, когда я васъ прошу?

— Зачѣмъ мнѣ садиться?

— Чтобъ я могла сказать вамъ какъ искренно я люблю васъ.

Онъ не сѣлъ, а бросился къ ея ногамъ и припалъ головой къ ней на колѣни. Немного было сказано. Когда дошло до того что парочка влюбленныхъ сидитъ рядомъ и трется перушками другъ о друга какъ птички, уже нѣтъ большой надобности въ разговорѣ. Она играла его кудрявыми волосами, онъ цѣловалъ ее не только въ лобъ, но и въ щеки, и въ губы. Она начинала чувствовать что значитъ быть любимой и самой любить. Она могла уже говорить съ нимъ будто сама съ собою, шептать ему на ухо разный вздоръ, считать себя его собственностью и его своею. Теперь она яснѣе прежняго понимала что никогда не любила Джильмора и не могла любить его. Было разрѣшено для нея и другое сомнѣніе. „Знаете ли,“ говорила она, „мнѣ кажется что сердце у меня всегда будетъ пусто?“ А вотъ теперь оно полно черезъ край.

— Надо идти домой, сказала она наконецъ.

— И сказать тетущкѣ Саррѣ? отвѣтилъ онъ, смѣясь.

— Да, и сказать тетущкѣ Саррѣ. Только не сегодня. Сегодня я могу только думать. Ахъ, Вальтеръ, я такъ счастлива!

XIX. Семъ Бреталь возвращается домой.

Судьи сѣзжались въ Гайтсбери во вторникъ, и Семъ Бреталь выпустили. Мистеръ Джонсъ при этомъ случаѣ съ негодованіемъ требовалъ чтобъ его кліента выпустили безъ поруки, но на это судьи не согласились. Адвокатъ пытался объяснить имъ что нельзя требовать поруки за явку обвиняемаго который освобождался за недостаткомъ уликъ. Но сэръ-Томасъ и его товарищи подобныхъ доводовъ слушать не хотѣли. Если

другіе участники будутъ наконецъ пойманы, а Бретль тогда не явится, правосудіе пострадаетъ, говорилъ сэръ-Томасъ. Сельскіе судьи вообще отаичаются больше здравымъ смысломъ и вѣрнымъ тактомъ нежели точнымъ знаніемъ всѣхъ тонкостей закона. Можетъ-быть, возрѣніе мистера Джонса было правильное. Однако потребовались поруки, и достать ихъ оказалось не легко. Мистеръ Джей, желѣзный торговецъ въ Варминстерѣ, отказался. Когда мистеръ Фенвикъ говорилъ съ нимъ объ этомъ, онъ отвѣтилъ что мѣстные владѣльцы до такой степени возстановлены противъ его зятя что онъ не рѣшается вступить за него. Фенвикъ обѣщавъ взять на себя денежный рискъ, но Джей отвѣчалъ что затрудненіе не въ этомъ. „Вотъ маркизь, и сэръ-Томасъ, и сквайръ Гринторъ, и нашъ священникъ, всѣ говорятъ что его вовсе не слѣдуетъ брать на поруки.“ Да и кому охота разглашать свою бѣду предъ всѣми? Не мало было хлопотъ и съ Джорджемъ Бретлемъ въ Фордингъ-Бриджѣ. Джорджъ Бретль былъ осмотрительный, упрямый, работающій человекъ, не страдающій избыткомъ чувствительности и весьма мало заботящійся о томъ что будутъ говорить о немъ, если только рента заплачена. Но онъ вбилъ себѣ въ голову что Семъ виновенъ, что онъ во всякомъ случаѣ человекъ никуда негодный, который долженъ быть удаленъ изъ семейнаго гнѣзда, и что ему не слѣдуетъ оказывать никакой помощи. Однако фермера мистеръ Фенвикъ уговорилъ, и затѣмъ самъ вызвался быть вторымъ поручителемъ. Его сильно отговаривали и Джильморъ, и дядя Джильмора, салисберійскій стипендіатъ, и другіе. Благосклонность, которую онъ нѣкогда оказывалъ молодому человекъ, не принесла хорошихъ плодовъ, и неблагоразумно въ настоящемъ случаѣ, такъ говорили друзья, подвергать свое имя излишнимъ пересудамъ. Фенвикъ согласился остаться всторонѣ, если найдутся другіе поручители. Но когда возникло затрудненіе, онъ предложилъ себя и былъ, по необходимости, принятъ.

Когда Сема выпустили, онъ, какъ звѣрь долго просидѣвшій въ кѣткѣ и вырвавшійся наконецъ на свободу, не зналъ какъ воспользоваться ею. Онъ стоялъ въ сѣняхъ суда глядя кругомъ и какъ будто не собираясь уходить. Констабль спросилъ его имѣетъ ли онъ средства добратъся до дому; онъ отвѣчалъ: „тутъ рукой подать“. Констабль предложилъ ему пообѣдать, но онъ отказался и продолжалъ стоять,

озираясь кругомъ. Вскорѣ Джильморъ и Фенвикъ подошли къ нему. Сквайръ первый заговорилъ.

— Бретль, сказалъ онъ,—надѣюсь, вы победите теперь домою и приметесь хоть на время за работу съ отцомъ.

— Этого я не знаю, отвѣчалъ молодой человѣкъ, не достоинъ сквайра взглядомъ.

— Семъ, пожалуста, ступайте прямо домой, сказалъ настоятель.—Мы сдѣлали для васъ что могли, и вамъ не слѣдовало бы намъ противиться.

— Мистеръ Фенвикъ, если вы мнѣ скажете чтобъ я пошелъ въ..... (Онъ готовъ былъ назвать очень дурное мѣсто, но удержался изъ уваженія къ настоятелю.) Куда вы мнѣ скажете, туда я и пойду.

— Прекрасно! Такъ я говорю вамъ чтобы вы шли на мельницу.

— Не знаю, пустить ли меня отецъ къ себѣ, сказалъ онъ, едва удерживая рыданія.

— Конечно, пустить съ радостью. Скажите ему что вы здѣсь говорили со мной и что я зайду къ нему завтра.

Настоятель опустилъ руку въ карманъ и, шепнувъ что-то, предложилъ юношѣ денегъ. Но Семъ отвернулся и, покачивая головой, отошелъ.

— Я думаю что этотъ человѣкъ также невиненъ какъ мы съ вами, сказалъ Фенвикъ.

— Я не знаю что и думать, возразилъ Джильморъ.—Вы слышали что маркизъ въ городѣ? Гринторъ сейчасъ сказалъ мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ лучше уѣзжать, намъ обоимъ нѣтъ мѣста въ Гайтсберу. Вы вѣдь также покончили здѣсь дѣла, отправитесь домой.

Джильморъ въ этотъ день обѣдалъ въ домѣ настоятеля и разговоръ шелъ, конечно, о дневныхъ дѣлахъ. Споръ происшедшій на фермѣ былъ отчасти извѣстенъ мистрисъ Фенвикъ.

— Знаете ли, я на половину горжусь, а на половину боюсь, сказала она сквайру.—Я знаю что маркизъ старый дуракъ, гордый, самолюбивый и несносный, а между тѣмъ мнѣ представляется что онъ все-таки маркизъ, владѣеть двумя тысячами слшскомъ акровъ земли въ приходѣ, живетъ въ Торнверъ-Паркѣ, и что поэтому ему слѣдуетъ оказывать уваженіе.

— Франкъ вчера не оказалъ ему уваженія, сказалъ сквайръ.

— Онъ ничего не уважаетъ, отвѣчала жена.

— Ты несправедлива ко мнѣ, Жанета. Я тебя очень уважаю, да и всѣхъ дамъ въ Вильтшейръ болѣе или менѣе, да, могу сказать, и всякую женщину. Я бы и его до нѣкоторой степени уважалъ, еслибъ онъ не выводилъ меня изъ терпѣнія своею глупостью и надменностью.

— Ты знаешь что онъ можетъ сдѣлать намъ много вреда, замѣтила мистрисъ Фенвикъ.

— Чтò можетъ, то сдѣлаетъ, отвѣчалъ настоятель. — Онъ, конечно, бранить меня. Но на это онъ, вѣроятно, и прежде не скупился. Теперь онъ будетъ увѣрять что я источникъ всякаго зла, а этому не повѣрять. Упорная, постоянная враждебность, безпрестанно дѣйствующая, но удерживаемая въ границахъ умѣренности, опаснѣе въ наше время чѣмъ вспышки мстительной злобы. Маркизь не можетъ выслать вооруженныхъ людей чтобъ убить меня или бросить въ темницу. Онъ можетъ только кидать въ меня грязью, а чѣмъ больше онъ будетъ забирать ея разомъ, тѣмъ меньше долетитъ.

Что касается до Сема, то они рѣшили, виновать ли онъ или невиновенъ, убѣдить стараго мельника въ его невиновности, на сколько это удастся сдѣлать соединенными усиліями.

— Онъ невиновенъ предъ закономъ пока виновность его не доказана, сказалъ сквайръ.

— Въ такомъ случаѣ мы совершенно въ правѣ увѣрять отца въ его невиновности, сказала мистрисъ Фенвикъ.

Съ этимъ Джильморъ не согласился, а настоятель улыбнулся доводамъ жены. Однако оба признали за лучшее распространить по приходу что Семъ непричастенъ къ совершенному въ ту ночь преступленію. Внутренно Джильморъ оставался при своемъ прежнемъ убѣжденіи.

— Имѣете вы вѣсти изъ Лоринга? спросилъ онъ мистрисъ Фенвикъ, собираясь уходить.

— Весьма часто. Она совершенно здорова, мистеръ Джильморъ.

— Мнѣ иногда хочется съѣздить туда взглянуть на нее.

— Чтò жъ? И она, и тетка ея будутъ, конечно, очень рады васъ видѣть.

— Но благоразумно ли это?

— Если вы спрашиваете, такъ я считаю обязанностью

сказать вамъ что, по-моему, это было бы неблагоуразумно. На вашемъ мѣстѣ я оставила бы ее нѣкоторое время въ покоѣ. У Мери сердце золотое, но она женщина, и какъ другія женщины, чѣмъ больше за нею ухаживать, тѣмъ больше она будетъ упираться.

— Мнѣ все кажется, сказалъ Джильморъ,—что для успѣха въ любви мужчинѣ надо вовсе не быть влюбленнымъ, или по крайней мѣрѣ скрывать свое чувство.

Затѣмъ онъ пошелъ домой одинъ, чувствуя на сердцѣ ту гнетущую тяжесть которая происходитъ отъ необузданнаго стремленія къ недостижимому благу. Ему казалось что ничто на свѣтѣ не имѣло бы цѣны, еслибы Мери продолжала стоять на своемъ отказѣ, и что если она не дастъ ему согласія очень скоро, то онъ лишится уже всякой способности къ наслажденію и радости.

На слѣдующее утро, тотчасъ же послѣ завтрака, мистеръ Фенвикъ съ женою отправились вмѣстѣ съ Джильморомъ на мельницу. Они пошли селомъ, потомъ тропинкой внизъ къ мостику для пѣшеходовъ и оттуда берегомъ рѣчки. Было прекрасное октябрьское утро, 7-е октября; Фенвикъ разговаривалъ о фазанахъ. Джильморъ любилъ стрѣлять кроликовъ и куропатокъ на своей землѣ и ѣздилъ иногда на дальнія охоты. Но были когда-то неприятели изъ-за маркизовыхъ фазановъ, и съ тѣхъ поръ онъ оставилъ ихъ въ покоѣ. Несомнѣнно что въ его имѣніи, состоявшемъ большею частію изъ низменностей и заливныхъ луговъ, неудобно было разводить фазановъ, а если фазаны попадались, такъ по'всей вѣроятности принадлежашіе лорду Тробриджу. Но несомнѣнно также что фазаны лорда Тробриджа кормились на землѣ Джильмора. Тѣмъ не менѣе онъ отказался отъ мысли разводить свою дичь въ Бугамптонѣ.

— Честное слово, Джильморъ, сказалъ настоятель, когда фазанъ поднялся у нихъ изъ-подъ ногъ,—послѣ того что было вчера, я на вашемъ мѣстѣ сталъ бы стрѣлять безъ церемоніи.

— Вы стали бы платить зломъ за зло, Франкъ?

— Кажется, сталъ бы.

— Хорошее ли это правило для священника?

— Это правило весьма хорошее для сквайра. А что касается до ученія о воздаяніи добромъ за зло, то прежде чѣмъ исполнять его, надо хорошенько разобрать свои побужденія.

Если человекъ дѣйствительно руководствуется христіанскимъ стремленіемъ прощать своимъ врагамъ, тогда прекрасно; но если есть примѣсь въ этомъ золотъ, если онъ просто желаетъ избѣгнуть неудобствъ ссоры, не нарушать заведеннаго порядка, и въ то же время заявить себя хорошимъ христіаниномъ, тогда онъ, по-моему, едва ли не очутится на полу между двухъ стульевъ.

Еслибы лордъ Тробриджъ слышалъ это, онъ окончательно убѣдился бы въ невѣріи Фенвика.

Они сомнѣвались что найдутъ Сема на мельницѣ; однако, подходя, они увидали его усердно работающимъ на перестройкѣ.

— Я рада видѣть васъ опять дома, Семъ, сказала мистрисъ Фенвикъ, не безъ непріятнаго однако чувства что, можетъ-быть, она привѣтствуетъ убійцу.

Семъ коснулся шапки, но не отвѣтилъ ни слова и не поднялъ глазъ съ работы. Они прошли мимо грудъ сора, наваленныхъ предъ мельницей къ навѣсу, предъ домою. Тутъ, по обыкновенію своему въ свободное время, мельникъ сидѣлъ съ трубкой въ зубахъ. Увидѣвъ даму, онъ всталъ, кивнулъ головой, и потомъ сѣлъ опять.

— Если жена ваша дома, такъ я войду къ ней, мистеръ Бретль, сказала мистрисъ Фенвикъ.

— Она здѣсь, отвѣчалъ мельникъ, указывая головой на окно кухни. Мистрисъ Фенвикъ вошла въ домъ; настоятель сѣлъ на лавку подлѣ мельника.

— Я отъ души радъ, мистеръ Бретль, что Семъ опять вернулся къ вамъ.

— Онъ вонъ тамъ работаетъ съ другими, сказалъ мельникъ.

— Я видѣлъ его, проходя мимо. Надѣюсь что онъ теперь здѣсь останется.

— Не знаю, мистеръ Фенвикъ.

— По крайней мѣрѣ онъ намѣренъ остаться?

— Не знаю, мистеръ Фенвикъ.

— Не лучше ли бы вамъ спросить его?

— Не думаю, мистеръ Фенвикъ.

Очевидно, старикъ не говорилъ съ сыномъ объ убійствѣ, и не было довѣрія, по крайней мѣрѣ выраженнаго словами, между отцомъ и сыномъ. Ни при комъ еще мельникъ не высказывалъ своего мнѣнія о невиновности или виновности Сема. Священнику казались ужасными такіа отношенія между

людьми столь близкими, которые должны жить вмѣстѣ, работать вмѣстѣ, ѣсть вмѣстѣ, и имѣть одни интересы.

— Надѣюсь, мистеръ Бретль, сказалъ онъ, что вы относитесь къ Сему со всею справедливостію, какъ къ человѣку оправданному по суду.

— Онъ получаетъ пищу и постель, получить и сколько-нибудь жалованья, если заработаетъ.

— Я не то разумѣю. Я совершенно увѣренъ что вы не лишите Сема удобствъ домашней жизни, пока у васъ есть домъ.

— Ну, удобствъ здѣсь теперь не много.

— Я разумѣлъ ваше мнѣніе о совершенномъ преступленіи. Я убѣжденъ что Семъ непричастенъ къ нему.

— Ничего не могу сказать объ этомъ, мистеръ Фенвикъ.

— Но вамъ было бы утѣшительно считать его невиновнымъ?

— Не утѣшительно говорить объ этомъ, и я не желалъ бы, съ вашего позволенія, мистеръ Фенвикъ.

— Я ничего больше не буду спрашивать, но повторю мое мнѣніе, мистеръ Бретль. Я увѣренъ что онъ точно также не участвовалъ въ этомъ разбоѣ и убійствѣ, какъ я.

— Надѣюсь что такъ, мистеръ Фенвикъ. Убіеніе преступленіе страшное. А теперь, если вы потрудитесь сказать мнѣ сколько вы заплатили адвокату въ Гайтсбери....

— Не могу еще съ точностію опредѣлить. Какіе-нибудь пустяки. Не беспокойтесь объ этомъ.

— Я намѣренъ платить что долженъ, мистеръ Фенвикъ. Пока еще есть возможность, хоть иногда и трудненько бываетъ.

Настоятель принужденъ былъ обѣщать что пришлетъ ему счетъ мистера Джовса, затѣмъ позвалъ жену, и они ушли съ мельницы. Семъ все сидѣлъ на лѣсахъ и ни разу не сошелъ, пока посѣтители были въ домѣ. Мистрисъ Фенвикъ удачнѣе подѣйствовала на женщинъ нежели настоятель на отца. Она рѣшилась утверждать что положительно убѣждена въ невиновности Сема, и онъ горячо благодарилъ ее.

Настоятель съ женой пошли домой не тѣмъ же путемъ какимъ пришли, а по большой дорогѣ на выселки, находящіяся не далеко отъ Вязниковъ. Оттуда шла тропа въ Булгамптонъ, полежъ, мимо рощи принадлежащей маркизу. Все мѣсто было лѣсистое, и эта именно роща славилась обиліемъ фазановъ. На тропикѣ, вооруженный ружьемъ, съ охотникомъ, также вооруженнымъ, стоялъ маркизь Тробриджъ.

Фенвики слышали два-три выстрѣла, но не обратили вниманія, иначе они вернулись бы назадъ.

— Не говори ничего, сказалъ настоятель, идя быстро подъ руку съ женою.

Маркизь стоялъ и хмурился; но онъ былъ человекъ благовоспитанный, и когда мистрисъ Фенвикъ поравнялась съ нимъ, онъ приподнял шляпу. Настоятель приподнял свою, жена его поклонилась, и они прошли, не говоря ни слова.

— Не было повода, а то я сообщалъ бы ему что Семъ Бретль благополучно живетъ дома съ отцомъ, сказалъ настоятель.

— Какъ ты любишь войну, Франкъ!

— Если война открытая и честная, я не прочь.

XX. У меня теперь свое божество.

Вернувшись домой послѣ послѣдней, разказанной выше, прогулки съ троюроднымъ братомъ, Мери Лоутеръ рѣшила не портить своего счастья въ этотъ вечеръ бесѣдою съ теткой о своей помолвкѣ. Сказать, конечно, надо будетъ, и не медля; надо сказать и священнику Джону; надо написать письмо Жанетъ, и еще другое, весьма трудное, мистеру Джильмору; надо приготовиться выдержать неодобреніе всѣхъ пріятелей; но на нынѣшній вечеръ она рѣшила оставить въ сторонѣ всѣ эти заботы. Завтра утромъ она скажетъ теткѣ. Завтра къ завтраку придетъ Вальтеръ, какъ объявленный женихъ, а послѣ завтрака, по должномъ совѣщаніи съ нимъ и съ теткой, будетъ написано письмо.

Она по крайней мѣрѣ разрѣшила одно сомнѣніе, уявила себѣ одинъ вопросъ. Сознавая холодность свою къ Джильмору, она сомнѣвалась въ своей способности любить муцину, любить какъ Жанета Фенвикъ любила мужа. Теперь она не допускала чтобы какаѣ-нибудь женщина на свѣтѣ могла обожать муцину искреннѣе чѣмъ она Вальтера Маррабеля. Ей сладко было видѣть и припоминать каждое его движеніе. Идя съ нимъ рядомъ, она не могла удержаться чтобы не прикоснуться къ нему плечомъ. Прощаясь съ нимъ, она лишь съ усиленіемъ вынимала свою руку изъ его руки. И она говорила себѣ что все это сдѣлалось въ одну прогулку, и дивилась что сердце ея способно было такъ скоро отдаться.

Правда, она отдалась скоро, хотя дѣло сдѣлалось и не въ одну эту прогулку. Она не агала ни себѣ, ни другимъ говоря что видить въ Вальтерѣ брата, но еслибъ этотъ новый братъ съ братскою откровенностью сказалъ ей что сердце его принадлежитъ другой женщинѣ, она почувствовала бы тяжкую боль, хотя не призналась бы ни другимъ, ни себѣ самой, что ей больно. Въ этотъ вечеръ, придя домой, она говорила очень мало.

Она была очень утомлена. Нельзя ли ей лечь спать?

— Какъ, въ девять часовъ? спросила тетюшка Сарра.

— Если хотите, я буду сидѣть съ вами, сказала Мери.

Однако не было еще десяти часовъ какъ она сидѣла одна въ своей комнатѣ, сложивъ руки и чувствуя, скорѣе чѣмъ соображая, какое божественное дѣло любить. Чего не готова она сдѣлать для него? Чего не готова вынести чтобы жить съ нимъ? Какое благополучіе на свѣтѣ можетъ равняться съ этимъ благополучіемъ? Затѣмъ она подумала объ отношеніяхъ своихъ къ Джильмору и содрогнулась, припоминая что она едва не дала ему согласія. Тогда было бы очень не хорошо! „А вѣдь я не понимала. Теперь я знаю что будетъ хорошо, потому что чувствую себя способною вполне отдаться ему.“

Такъ она думала, такъ мечтала; затѣмъ настало утро, и пришлось идти внизъ къ теткѣ. Она пила кофе молча, рѣшивъ что тотчасъ же скажетъ все. Ночью въ постели она старалась не придумывать какъ сказать. До утра она не хотѣла ничѣмъ нарушать своего счастья. Одѣваясь, она попыталась составить планъ дѣйствій, но рѣшила что лучше всего дѣйствовать безъ всякаго напередъ составленнаго плана.

Когда тетюшка Сарра кончила кофе и собиралась, по своему обыкновенію, пойти внизъ въ кухню, Мери заговорила.

— Тетюшка Сарра, мнѣ нужно поговорить съ вами. Лучше ужъ сказать сразу: я дала слово Вальтеру Маррабелю выйти за него замужъ.—Тетюшка Сарра уронила щипцы для сахара и остановилась молча.—Милая тетюшка, не глядите такъ будто вамъ непріятно. Скажите мнѣ доброе слово. Вы вѣдь не думаете что я васъ обманывала?

— Нѣтъ, этого я не думаю.

— И только?

— Я очень удивлена. Не далѣе какъ вчера, въ отвѣтъ на

наекъ мой, вы говорили мнѣ что видите въ немъ лишь родственника, или брата.

— Такъ я и думала; право, думала! Но когда онъ сказалъ мнѣ что чувствуетъ, я тотчасъ же поняла что могу дать только одинъ отвѣтъ. Иначе отвѣчать было невозможно. Я люблю его больше чѣмъ кого-либо на свѣтѣ. Я чувствую что могу обѣщать быть его женою безъ всякаго сомнѣнія и опасенія. Не знаю почему, но это такъ. Я знаю что поступаю какъ слѣдуетъ.—Тетушка Сарра все стояла молча, въ размышленіи.—Развѣ мнѣ не слѣдовало, сознавая въ себѣ такое чувство, отвѣчать ему такъ какъ я отвѣтила? Я прежде уже совершенно убѣдилась что могу дать мистеру Джильмору только одинъ отвѣтъ. Милая тетушка, говорите со мной.

— Я не знаю чѣмъ вы будете жить.

— Вѣдь рѣшено, вы знаете, что ему останется четыре или пять тысячъ фунтовъ, да у меня есть тысяча двѣсти. Это не много, но все-таки что-нибудь. Конечно, онъ останется на службѣ; я буду женою солдата. Я, пожалуй, согласна ѣхать въ Индію, если онъ пожелаетъ. Но этого я не предполагаю. Милая тетушка, поздравьте же меня хоть однимъ словечкомъ.

Тетушка Сарра не знала какъ поздравить племянницу. Ей казалось что всякое поздравленіе будетъ съ ея стороны ложью и притворствомъ. Она считала этотъ бракъ рѣшительно не подходящимъ. Помолвка эта казалась ей въ высшей степени безразсудною. Она удивлялась слабости Мери и негодовала на Вальтера Маррабель. Хотя она раза два и предостерегала Мери, однако она не считала возможнымъ чтобы дѣвушка, обыкновенно столь сдержанная, нисколько не склонная къ кокетству, чуждая сантиментальной слабости, вдругъ предалась до такой степени необдуманному увлеченію. Предостереженія ея имѣли въ виду скорѣе вѣшность, устраненіе какихъ-нибудь поверхностныхъ впечатлѣній, нежели такую серіозную опасность. Такъ какъ былъ на лицо признанный искатель, мистеръ Джильморъ, въ окончательный успѣхъ котораго тетушка Сарра твердо вѣрила, то этимъ родственно-братскимъ отношеніямъ не слѣдовало доходить до такой близости которая могла бы въ послѣдствіи создать неудобства. Вотъ что тетушка Сарра имѣла въ виду, предостерегая племянницу, и вдругъ, не прошао еще двухъ недѣль, не успѣли еще молодые люди хорошенько познакомиться, еще мистеръ Джильморъ ждетъ отвѣта, какъ Мери является

и объявляетъ что дѣло кончено, что она помовлена! Какъ же выговорить слово поздравленія?

— Такъ вы не одобряете этого? сказала Мери почти сурово.

— Не могу сказать что нахожу это благоразумнымъ.

— Я не о благоразуміи говорю. Конечно, мистеръ Джильморъ гораздо богаче.

— Вы знаете, Мери, что я не посоветовала бы вамъ выйти за человѣка потому только что онъ богатъ.

— Вы это однако разумѣете, называя меня неблагоразумною. Я дѣлала всѣ усилія и пришла къ убѣжденію что не могу выйти за мистера Джильмора.

— Я не объ этомъ теперь говорю.

— Вы думали что Вальтеръ бѣденъ, и что поэтому ему никакъ не позволительно жениться.

— Мнѣ ни малѣйшаго дѣла нѣтъ до Вальтера.

— Да мнѣ есть дѣло до него, тетюшка Сарра, больше чѣмъ до кого-нибудь на свѣтѣ. Мнѣ пришлось думать за него.

— Не долго вы думали.

— Не болѣе одной минуты, и этого было довольно.

Она остановилась, ожидая отвѣта тетקי, но тетка, повидимому, ничего не находила сказать.

— Ну, продолжала Мери,—если такъ, что жъ дѣлать! Если вы не можете пожелать мнѣ добра...

— Милая моя, вѣдь вы знаете что я желаю вамъ всякаго счастья.

— Въ этомъ мое счастье.

Удивленной старушкѣ казалось что вся природа племянницы измѣнилась. Мери говорила теперь какъ какая-нибудь пылкая дѣвушка, вскормленная на романахъ, которой удалось наконецъ овладѣть болѣе или менѣе прочно молодымъ человѣкомъ, а до сихъ поръ въ ней и слѣда не было такого настроенія.

— Очень хорошо, продолжала Мери,—мы не будемъ болѣе говорить объ этомъ. Мнѣ очень жаль что я заслужила ваше неудовольствіе, но я не могу поступать иначе.

— Я ничѣмъ не выразила неудовольствія.

— Вальтеръ придетъ послѣ завтрака: я попрошу васъ только не встрѣчать его мрачными взглядами. Если это грѣхъ, такъ пусть на меня падетъ наказаніе.

— Мери, для чего вы это говорите?

— Еслибъ вы знали, тетюшка Сарра, какъ хотѣлось мнѣ услышать вашу голосъ, какъ ждала я вашего одобренія и сочувствія.

Тетка опять остановилась на минуту, и затѣмъ пошла внизъ по хозяйственнымъ дѣламъ, не сказавъ ни слова.

Около полудня Вальтеръ пришелъ, но тетюшка Сарра не видала его. „Такъ лучше“, сказала старушка въ отвѣтъ Мери, приходившей звать ее.

— Я еще не знаю что ему сказать. Надо мнѣ подумать и поговорить съ его дядей, и рѣшить что тутъ дѣлать.

Она сидѣла въ своей комнатѣ, не держа даже книги въ рукахъ и соображая уже болѣе часа какъ поступать въ настоящемъ случаѣ. Мери наклонилась къ ней и поцѣловала ее, и тетка отвѣчала лаской на ласку племянницы.

— Не будемъ ссориться во всякомъ случаѣ, сказала миссъ Маррабель.— Кого же и любить мнѣ, какъ не васъ? О чемъ счастья заботиться, какъ не о вашемъ?

— Такъ пойдѣте къ нему. Скажите ему что вы и его будете любить.

— Нѣтъ, по крайней мѣрѣ не теперь. Конечно, Мери, вы можете выйти замужъ безъ моего одобренія. Я не считаю себя въ правѣ требовать чтобы вы повиновались мнѣ, какъ дочь обязана повиноваться матери. Но не могу сказать, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, что я одобряю этотъ бракъ. Я боюсь что онъ не поведетъ къ добру. Это огорчаетъ меня. Я не запрещаю вамъ принимать Вальтера, но пока лучше мнѣ не видѣть его.

— Что же она говоритъ? спросилъ Вальтеръ съ серьезнымъ негодованіемъ.

— Она думаетъ что мы будемъ бѣдны.

— Развѣ мы просимъ у ней чего-нибудь? Конечно, мы будемъ бѣдны. На первое время у насъ будетъ не болѣе трехсотъ фунтовъ дохода, кромѣ моего жалованья. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ это считалось бы совершенно достаточнымъ. Если ты боишься, Мери....

— Ты знаешь что я не боюсь.

— Такъ что же ей то? Разумѣется, мы будемъ бѣдны, очень бѣдны, но жить можемъ.

Пришло въ голову Мери, что Вальтеръ говоритъ теперь о необходимости достаточнаго дохода совсѣмъ не такъ какъ говорилъ прежде. Онъ утверждалъ что ему невозможно жить въ

Англіи холостымъ человѣкомъ на свое жалованье, а конечно, женившись онъ будетъ бѣднѣе съ этими 300 фунтами дохода нежели былъ бы безъ нихъ и безъ жены. Но какая дѣвушка, любя мужчину, можетъ сердиться на него за такое неблагоразуміе и за такую непослѣдовательность? Она уже сказала ему что готова, если нужно, ѣхать съ нимъ въ Индію. Она сказала это прежде чѣмъ идти къ теткѣ. Онъ отвѣчалъ что, Богъ дастъ, такой жертвы отъ нея не потребуется. „Одно только сочла бы я жертвой, возразила она, еслибы потребовалось, чтобъ я отказалась отъ тебя.“ Конечно, онъ обнялъ ее и поцѣловалъ. Есть минуты въ жизни, въ которыя не быть безразсуднымъ, не забыть ребячески всякое благоразуміе было бы чѣмъ-то уродливымъ, нечеловѣческимъ, дьявольскимъ.

— Сказалъ ты священнику Джону? спросила она.

— Сказалъ.

— Чтò жъ онъ говорить?

— Да ровно ничего. Онъ подвѣлъ брови и замѣтилъ что я измѣнилъ свой взглядъ на жизнь. „Дѣйствительно“, отвѣчалъ я. „Такъ,“ отозвалась онъ: „Надѣюсь что Блокъ и Корлингъ не ошиблись относительно 5.000 фунтовъ.“ Вотъ и все. Конечно, онъ считаетъ насъ сумашедшими, но отъ чужаго безумія ему ни тепло, ни холодно.

— Точно также и тетукѣ Саррѣ, замѣтила Мери.

— Тутъ есть однако разница. Если намъ будетъ плохо, аппетитъ дяди Джона не уменьшится ни на волосъ отъ нашихъ несчастій, а тетушка Сарра огорчится за тебя.

— Непремѣнно огорчится, сказала Мери.

— Но намъ не будетъ плохо. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ передѣлать себя изъ опасенія огорчить ее.

Было рѣшено, что Мери въ этотъ же день напишетъ письма Джильмору и Жанетѣ Фенвикъ. Она предложила, вредже чѣмъ отправить письма, показать ихъ Вальтеру; но онъ отвѣчалъ что не желаетъ читать ихъ. „Довольно съ меня что я торжествую“, сказалъ онъ, прощаясь съ ней. Когда онъ ушелъ, она тотчасъ же сказала теткѣ что идетъ писать письма и покажетъ ей письмо къ Джильмору, какъ только оно будетъ написано.

— Я на вашемъ мѣстѣ подождала бы еще немного, сказала тетушка Сарра; но Мери отвѣчала что считаетъ себя не въ правѣ медлить изъ уваженія къ мистеру Джильмору. Тутъ же предъ обѣдомъ она написала слѣдующія два письма:

„Дорогой мистеръ Джильморъ!

„Въ послѣднее свиданіе наше въ Булгамптонѣ я обѣщала вамъ, какъ вы, можетъ-быть, помните, въ случаѣ еслибъ я дала слово другому, тотчасъ же увѣдомить васъ. Не думала я тогда, что такъ скоро придется мнѣ сдержать свое обѣщаніе. Признаюсь, писать вамъ это письмо мнѣ очень тяжело, но я считаю обязанностью положить конецъ ожиданіямъ которыя вы съ такою добротой переносили ради меня. Вы, вѣроятно, слышали имя моего родственника, капитана Вальтера Маррабель, вернушагося мѣсяца три тому назадъ изъ Индіи. Когда я пріѣхала сюда, онъ гостилъ здѣсь у своего дяди, священника, и теперь я дала ему слово быть его женой.

„Можетъ-быть, лучше бы мнѣ ничего болѣе не говорить и предоставить вамъ произнести надо мною осужденіе, или оправданіе, не возставая противъ перваго и не заискивая послѣдняго, но вы были всегда такъ благородны и добры со мной что я не могу принудить себя къ такой холодной краткости. Я всегда считала чувство ваше ко мнѣ великою для меня честью. Я высоко цѣнила ваше уваженіе и дорожила вашимъ сочувствіемъ болѣе чѣмъ могу выразить. Еслибы вы и впередъ удостоили меня вашей дружбы, я бы стала гордиться ею. Да благословить васъ Богъ, мистеръ Джильморъ. Я всегда буду желать вамъ счастья и радоваться всякой хорошей вѣсти о васъ.

„Остаюсь вашимъ искреннимъ другомъ

„Мери Лоутеръ.“

„Я сочла нужнымъ сообщить Жанетѣ Фенвикъ о моемъ рѣшеніи.“

„Лорингъ, четвергъ.

„Милая Жанета!

„Какъ то примете вы мою новость? Только не браните меня. Пожалуста не браните. Я никакъ, никакъ не могла сдѣлать по-вашему. Я дала слово выйти замужъ за моего родственника, капитана Вальтера Маррабель, племянника серъ-Грегори и сына полковника Маррабеля. Мы будемъ очень бѣдны, имѣя лишь триста фунтовъ дохода сверхъ жалованья, но еслибъ у него ничего не было, я, кажется, поступила бы также. Помните ли какъ я, бывало, сомнѣвалась что когда-нибудь полюблю мужчину, какъ вы любите; какъ завидовала я вамъ. Теперь я уже не завидую и считаю мистера Фенвика далеко не такъ божественнымъ какъ прежде. У меня есть теперь свое божество, и нечего мнѣ завидовать какой бы то ни было женщиной.

„Я пишу мистеру Джильмору съ этою же почтой и говорю ему всю правду какъ есть. Чтò же мнѣ иначе сказать ему? Я вставила нѣсколько словъ, ужасно пошлыхъ, обѣ

уваженіи и дружбѣ, которыя лучше было бы выкинуть, да письмо казалось бы слишкомъ сухо безъ этого. Онъ бытъ ко мнѣ добръ, какъ нельзя болѣе, но виновата ли я что не могла полюбить его? Еслибъ вы знали какъ я старалась, какъ увѣряла себя что люблю его, какъ доказывала себѣ что я только и способна на такое холодное сочувствіе, и все потому что вы этого хотѣли. Еслибы вы знали все это, вы не стали бы бранить меня. Я наконецъ почти убѣдилась. А теперь... Боже, что было бы со мной, еслибъ я дала слово мистеру Джильмору, и потомъ явилась бы Вальтеръ. Мнѣ страшно подумать что я чуть-чуть не обѣщалась любить человека котораго я любить не могла.

Конечно, я спрашивала себя что мнѣ дѣлать на свѣтѣ? Каждой женщинѣ, я думаю, приходится предложить себѣ этотъ вопросъ. Я говорила себѣ что лучше не думать о вѣшной обстановкѣ. Что за дѣло до того, трудно ли, или легко будетъ мнѣ жить? Долгъ свой я всегда могу исполнить. Этотъ человекъ добръ, благовоспитанъ, одаренъ прекрасными качествами, почему же не имѣть ему жены какую онъ желаетъ? Я могу, думала я, до сихъ поръ увѣрять себя что люблю его, пока не полюблю дѣйствительно. Теперь все это кажется мнѣ ужаснымъ. Теперь я знаю что мнѣ дѣлать. Принадлежать ему съ ногъ до головы. Не считать унизительнымъ ничего что для него дѣлается. Стоять за корытомъ и мыть его бѣлье, если нужно. О Жанета, съ тѣмъ я, бывало, страшилась, думая о времени когда онъ обниметъ меня и поцѣлуетъ. Не могу сказать вамъ, что теперь я чувствую съ этимъ.

„Я знаю какъ вы разсердитесь, и все изъ любви ко мнѣ; но вы не можете не сознаться что я права. Если есть въ васъ хоть капля справедливости, напишите мнѣ и скажите что я поступаю какъ слѣдуетъ.“

„Вы очень дружны съ мистеромъ Джильморомъ, и поэтому съ перваго раза отнесетесь недружелюбно къ Вальтеру; а то я сказала бы вамъ о немъ больше: какъ онъ красивъ, какъ мужественъ, какъ уменъ. Голосъ его какъ гармонія сферъ. Вы сначала будете смотрѣть на него неприязненно, но со временемъ вы должны быть друзьями, вы должны полюбить его, какъ я люблю мистера Фенвика. Скажите мистеру Фенвику что и онъ долженъ раскрыть свое сердце для человека который будетъ моимъ мужемъ. Увы! мнѣ, должно-бытъ, не скоро можно будетъ прѣхать въ Булгамптонъ. Какъ я желаю чтобы мистеръ Джильморъ нашелъ жену достойную его!“

„Прощайте, милая Жанета! Если вы въ самомъ дѣлѣ добры, вы напишете мнѣ теплое, хорошее письмо и пожелаете мнѣ счастья. Надо вамъ все сказать. Тетушка Сарра отказалась поздравить меня, потому что у него такъ мало дохода. Мы однако съ ней не поссорились. Но въ вашихъ глазахъ состояніе ничего не значить, и я ожидаю отъ васъ добраго слова. Когда все будетъ устроено, я, разумеется, сообщу вамъ.“

„Вашъ искренній другъ Мери Лоутеръ.“

Первое изъ этихъ двухъ писемъ было показано миссъ Маррабелл. Старушка совѣтовала не посылать его, но если уже посылать, такъ не находила повода измѣнять его.

XXI. Чтò объ этомъ думалъ священникъ Джонъ.

Въ тотъ же самый четвергъ когда Мери Лоутеръ написала два письма въ Бугамптонъ, миссъ Маррабелль послала записку къ священнику Джону, въ которой высказывала ему желаніе повидаться съ нимъ. Если онъ будетъ дома и свободенъ, она сегодня вечеромъ прійдетъ къ нему, или, если ему угодно, онъ можетъ придти къ ней самъ, но первое она считаетъ болѣе удобнымъ. Священникъ Джонъ выразилъ оспасіе, и вскорѣ послѣ обѣда миссъ Маррабелль прибыла въ Лотоунъ.

— Я отправляюсь къ священнику Джону, сказала она Мери.—Мнѣ надо поговорить съ нимъ объ этомъ сватовствѣ.

Мери благосклонно кивнула головой, и тетюшка Сарра отправилась. Она застала своего родственника одного въ его кабинетъ и тотчасъ же приступила къ дѣлу которое заставило ее спуститься съ верхней части города.

— Я думаю, Вальтеръ говорилъ вамъ о своемъ сватовствѣ? сказала миссъ Маррабелль.

— Во всю мою жизнь ни разу не былъ я такъ удивленъ. Онъ мнѣ сказалъ вчера вечеромъ. Я начиналъ уже подозрѣвать что онъ къ ней сильно привязывается, но никогда не думалъ что дойдетъ до этого.

— Не думаете ли вы что это очень не благоразумно?

— Конечно не благоразумно, Сарра. Это не думая можно понять. Это такъ очевидно глупо. Два родственника, и у той и у другаго ничего нѣтъ, и каждый, безъ сомнѣнія, могъ бы хорошо устроить свою судьбу. Они оба хорошаго происхожденія, красивы, умны, и все тому подобное. Это безуміе, и не думаю что это кончится чѣмъ-нибудь серьезнымъ.

— Сказали вы Вальтеру какъ вы на это смотрите?

— Для чего мнѣ ему говорить? Онъ безъ моихъ словъ знаетъ какъ я на это смотрю, но онъ ни въ грошъ не ставитъ мое мнѣніе. Вамъ я говорю потому что вы меня спрашиваете.

— Нельзя ли сдѣлать что-нибудь чтобы помѣшать этому?

— Что же мы можемъ сдѣлать? Я, конечно, могу сказать ему что не хочу чтобъ онъ дольше оставался у меня, но этого мнѣ не хотѣлось бы говорить ему. Можетъ-быть, она согласится поступить по вашему желанію.

— Боюсь что нѣтъ, мистеръ Маррабель.

— Ну, такъ можете быть вполне увѣрены что и онъ не поступитъ по-моему. Онъ уйдетъ и забудетъ ее, и все этимъ кончится. Это будетъ потеряннымъ годомъ въ ея жизни, и она упуститъ своего другаго обожателя изъ.... какъ называется то мѣсто? Жаль ея, но это неизбѣжно.

— Развѣ онъ такой непостоянный? спросила пораженная тетюшка Сарра.

— Такой же, я думаю, какъ и другіе мужчины, а она такая же какъ другія дѣвушки. Теперь имъ нравится ихъ забава, да и нѣтъ въ ней большаго вреда, но эти забавы дорого обходятся молодымъ дѣвушкамъ. Что касается до ихъ брака, не думаю что Вальтеръ будетъ такимъ дуракомъ.

Въ этомъ было что-то ужасное для тетюшки Сарры. Такъ поступаютъ съ ея Мери, играютъ ею какъ игрушкой, и потомъ бросаютъ, когда пройдетъ время игры! Эта игра будетъ служить развлеченіемъ Вальтеру Маррабель, а результатомъ этой игры будетъ испорченная будущаость Мери.

— Мнѣ кажется, сказала она,—еслибъ я считала его такимъ безчестнымъ, я выгнала бы его изъ дома.

— Онъ совсѣмъ не безчестный. Онъ такой же какъ всѣ другіе мужчины, сказалъ священникъ Джонъ.

Тетюшка Сарра истощила всѣ свои аргументы, доказывая что надо предпринять что-нибудь чтобы помѣшать этому браку. Она думала, что если заставить сэръ-Грегори принять въ этомъ участіе, онъ можетъ имѣть вліяніе на племянника, но старый священникъ засмѣялся. Какое дѣло Вальтеру Маррабель, который всю жизнь провелъ въ военной службѣ и не могъ ожидать ничего отъ дяди, какое ему дѣло до сэръ-Грегори? Глава семейства! Что ему до главы семейства? Если дѣвушка хочетъ быть душой, то пусть она выноситъ сѣдствія своей глупости. Такова была доктрина священника Джона, и при этомъ твердая увѣренность что это сватовство ни къ чему не поведетъ. О Мери онъ очень сожалѣлъ, и въ похвалу ей сказалъ много хорошаго, но Вальтеръ не первый такъ безумствуетъ, и она не послѣдняя. Не его дѣло, и его внимательство не принесетъ никакой пользы. Подѣ

конецъ свиданія онъ однако обѣщалъ поговорить съ Вальтеромъ. Ничего изъ этого не выйдетъ, но если миссъ Маррабель желаетъ, можно поговорить съ нимъ.

Но прошли цѣлыя сутки прежде чѣмъ онъ заговорилъ, и въ это время его ни мало не коснулось то безпокойство которое мучило миссъ Маррабель. Ему казалось даже жестоко мѣшать молодому человѣку въ его заботы. По его взгляду на жизнь, отъ женщинъ, какъ молодыхъ, такъ и старыхъ, нельзя было требовать большаго благоразумія. Онѣ по большей части живутъ на готовомъ хлѣбѣ, и бѣдны онѣ или богаты, отъ нихъ не спрашивается большой работы. И какъ бы онѣ ни были бѣдны, безчестіе этой бѣдности не падаетъ на нихъ такъ тяжело какъ на мужчинъ. Если же онѣ добровольно подвергаютъ себя несчастію, это несчастіе падаетъ на нихъ тяжелѣе чѣмъ на мужчинъ, и онѣ не имѣютъ права винить въ немъ кого-нибудь кромѣ себя. Конечно, очень весело быть влюбленными. Стихи, сладкія рѣчи, нѣжные романсы, все это очень пріятныя вещи въ свое время. Священникъ Джонъ, безъ сомнѣнія, испыталъ себя на этомъ поприщѣ и зналъ какъ это много способствовало его счастью. Но женщины любятъ слишкомъ сильныя чувства. Ей мало одного молодого человѣка въ Буагамтонѣ, а понадобился другой въ Лорингѣ. Такъ смотрѣлъ на это священникъ Джонъ, и еслибъ онъ сказалъ свое мнѣніе Мери Лоутеръ, онъ навлекъ бы на свою голову со стороны молодой дѣвушки такое сильное негодованіе что оно было бы ему очень непріятно. Но онъ былъ слишкомъ уменъ чтобъ сообщить Мери Лоутеръ свое мнѣніе о такомъ предметѣ.

— Мнѣ кажется, надо будетъ съѣздить на будущей недѣлѣ въ Лондонъ, повидаться съ Корлингемъ.

— А развѣ что-нибудь не такъ?

— Я, по всей вѣроятности, получу эти деньги, но мнѣ хотѣлось бы знать когда я ихъ получу. Мнѣ хотѣлось бы назначить день моей свадьбы.

— Я на вашемъ мѣстѣ не спѣшилъ бы въ этомъ дѣлѣ, сказалъ священникъ Джонъ.

— Почему же? Въ моемъ положеніи я долженъ спѣшить. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, хотѣлось бы знать гдѣ мы будемъ жить.

— Я думаю, вы поѣдете въ полкъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

— Да, я поѣду въ полкъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, если мы рѣшимъ, что будемъ жить въ Индіи.

— Кто? Вы и Мери?

— Да, я и Мери.

— Мужъ и жена, сказалъ съ улыбкой священникъ.

— Какъ же иначе?

— Да, ужъ конечно. Если она поѣдетъ съ вами, то не иначе какъ мистрисъ Маррабель. Но еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, я не думалъ бы о такой ужасной вещи.

— Это было бы ужасно, сказалъ Вальтеръ Маррабель.

— Можетъ-быть. Индія хороша, когда человѣкъ молодъ, и если онъ можетъ воздержаться отъ пива и вина. Но ѣхать туда въ ваши годы, съ женой и съ надеждой имѣть дюжину дѣтей, это, смѣю сказать, перспектива не совсѣмъ пріятная.

Вальтеръ Маррабель сидѣлъ безмолвный и мрачный.

— Я отказался бы отъ мысли объ Индіи, продолжалъ дядя.

— Что же мнѣ дѣлать? спросилъ капитанъ.

Священникъ пожалъ плечами.

— Я скажу вамъ о чемъ я думаю, сказалъ капитанъ.—Еслибъ я былъ въ состояніи нанять ферму съ четырьмя или пятью стами акровъ....

— Ферму! воскликнулъ священникъ.

— Почему же нѣтъ? Я знаю что съ фермой нельзя многого сдѣлать, не имѣя капитала. Возьмутъ по десяти или двѣнадцати фунтовъ за акръ, я полагаю. Надѣюсь, дядюшка позволитъ мнѣ арендовать у него ферму.

— Онъ сначала испытаетъ васъ.

— Почему я не могу такъ же хорошо какъ всякій другой заниматься фермой?

— Почему вы не сдѣлаетесь сапожникомъ? Потому что вы этому не учились. Хорошъ фермеръ! Еслибъ и взяли ферму, то бросили бы ее чрезъ три года. Нѣтъ, Вальтеръ, вы слишкомъ долго были въ военной службѣ чтобы годиться на что-нибудь другое.

Капитанъ Маррабель одѣвался мраченъ и разсердился за такія слова, но не могъ не сознаться что дядя говоритъ правду и не находилъ возраженій.

— Вы должны держаться военной службы, продолжалъ старикъ,—и если вы послѣдуете моему совѣту, вы сдѣлаете это не обременяя себя женой.

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

— Почему это?

— Какъ вы можете дѣлать такіе вопросы, дядя Джонъ? Неужели вы хотите чтобъ я отказался, сдѣлавъ предложеніе?

— Я посоветовалъ бы вамъ отказаться отъ всякой подобной глупости.

— И сказать дѣвухѣ, послѣ того какъ я просилъ ее быть моею женой, что она мнѣ болѣе не нужна?

— Этого я ей не сказалъ бы, но я далъ бы ей понять что вы слишкомъ поспѣшили, и что чѣмъ скорѣе вы покончите съ вашею глупостью тѣмъ лучше для васъ обоихъ. Вы не можете жениться на вашей кузинѣ, это неоспоримо.

— Увидите какъ не могу.

— Если вы захотите ждать десять лѣтъ, никто вамъ не помѣшаетъ.

— Я не хочу ждать десяти мѣсяцевъ, и если будетъ возможно, даже десяти недѣль. (Какъ жаль что Мери не могла его слышать.) Половина офицеровъ женятся не имѣя ничего кромѣ жалованья, а мнѣ хотять доказать что я не могу прожить имѣя триста фунтовъ ежегодно. Попробуемъ!

— Поспѣшить женитьбой и расквашаться на свободѣ, сказалъ священникъ.

— Согласно съ доктриной которая проповѣдуется въ настоящее время, сказалъ капитанъ,—скоро будетъ рѣшено что человѣкъ не можетъ жениться не имѣя трехъ тысячъ годового дохода. Это самое безсердечное, самое вредное ученіе изъ всѣхъ которыя когда-либо проповѣдывались. Оно портитъ мужчинъ и заставляетъ женщинъ требовать отъ брака того чего они не въ правѣ требовать.

— А вы хотите переучить ихъ, Вальтеръ?

— Я хочу дѣйствовать самъ по себѣ, а не соображаться съ тѣмъ что думаетъ свѣтъ.

И сказавъ это, разсерженный капитанъ пошелъ изъ комнаты.

— Какъ бы то ни было, сказалъ священникъ, выстрѣливая свой послѣдній зарядъ,—я дважды подумалъ бы прежде чѣмъ жениться на Мери Лоутеръ.

— Онъ такой тупоголовый оселъ какимъ я не считалъ его, сказалъ на слѣдующій день священникъ Джонъ миссъ Маррабелли.—Но я все-таки не думаю что это кончится серьезно. Сколько я могъ замѣтить, три такіа сватовства противъ одного разстраиваются. Онъ ѣдетъ въ Лондонъ на

свѣдующей недѣлѣ, и я не буду просить его воротиться ко мнѣ. Но если онъ воротится, я не могу этому помѣшать. Еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, я не пригласилъ бы его къ себѣ, и прямо высказалъ бы миссъ Мери свое мнѣніе.

Тетушка Сарра мало говорила съ Мери Лоутеръ, очень мало, и еще не сказала ей ни одного слова поздравленія. Мери знала что тотъ способъ какимъ она хотѣла устроить свою жизнь былъ не по душѣ обоимъ ея родственникамъ въ Лонгѣ.

XXII. Чтò объ этомъ думали Фенвики.

Булгамптовъ, къ несчастію, былъ на концѣ пути почтальйо-на, и такъ какъ онъ шелъ отъ самаго Левингтона, то письма получались рѣдко раньше одиннадцати часовъ. Конечно, это былъ ужасный порядокъ, и о немъ мистеръ Фенвикъ велъ постоянный споръ съ начальствомъ почтовой конторы, и высказалъ великую почтовую доктрину что письма должны сыпаться какъ съ неба на столъ каждаго человѣка во время завтрака, и именно въ то мгновеніе, когда въ комнату вносится горячая вода для чая. И такъ какъ онъ былъ человѣкъ необыкновенно энергичный, то онъ велъ долгую и серьезную переписку съ вышеупомянутымъ начальствомъ, но булгамптонскій почтальйонъ продолжалъ приходить въ деревню ровно въ одиннадцать часовъ. Хотя и было признано что онъ долженъ приходить въ десять, но самъ онъ рѣшилъ что между десятью и одиннадцатью часами разница не велика. Вслѣдствіе этого письмо Мери Лоутеръ было получено мистрисъ Фенвикъ двумя или тремя часами раньше чѣмъ она получила возможность поговорить о немъ съ мужемъ. Наконецъ онъ пришелъ, и она выбѣжала къ нему съ письмомъ въ рукахъ. „Франкъ“, сказала она, „Франкъ, какъ ты думаешь, чтò случилось?“

— Англійскій банкъ лопнулъ, судя по выраженію твоего лица.

— Отъ всего сердца желала бы чтобъ это было такъ вмѣсто того чтò случилось. Мери выходитъ замужъ за своего родственника, Вальтера Маррабель!

— Мери Лоутеръ!

— Да, Мери Лоутеръ! Наша Мери! и судя по тому чтò я

слышала, онъ можетъ быть все что угодно, но не такой человекъ какого мы желали бы для Мери.

— Ему досталось большое наследство.

— Вѣроятно небольшое, потому что Мери признается что они будутъ очень бѣдны. Вотъ ее письмо. Какъ это меня огорчаетъ! Помнишь, этотъ полковникъ имѣлъ исторію.

— Не суди сына по отцу.

— Они оба были въ военной службѣ и похожи другъ на друга. Я ненавижу военныхъ. Въ нихъ ужъ непремѣнно что-нибудь да не такъ.

— Это правда. Могу я прочесть?

— О, конечно. Она стыдилась самой себя за каждое слово которое писала. Я ее хорошо знаю. Какъ подумаю я что Мери согласилась выйти замужъ за человека котораго знаетъ какихъ-нибудь десять дней!

Мистеръ Фенвикъ прочелъ письмо очень внимательно и отдалъ женѣ.

— Хорошее письмо, сказалъ онъ.

— Ты хочешь сказать что оно хорошо писано?

— Я хочу сказать что оно правдиво. Тутъ нѣтъ ни одного слова поставленнаго для эффекта. Одного она любитъ, другаго не любитъ. Я могу только сказать что мнѣ очень досадно. Это выгнать отсюда Джильмора.

— Ты такъ думаешь?

— Да. Я никогда не видалъ чтобы человекъ такой сильный былъ вмѣстѣ съ тѣмъ такъ малодушенъ въ подобномъ дѣлѣ. Сила его чувства была бы достаточною порукой за его будущее счастье, еслибы онъ женился на ней, но такъ какъ ему нельзя на ней жениться, то невольно пожалѣешь что человекъ ставитъ свое счастье въ зависимость отъ недостижимой цѣли.

— Такъ ты думаешь что все кончено? Что она выйдетъ за того человека?

— А развѣ можно думать иначе?

— Это можетъ разстроиться. У него, вѣроятно, нѣтъ состоянія, потому что, ты видишь, старая миссъ Маррабель противъ этого брака, на томъ основаніи что онъ мало получаетъ. Она сама не богата и менѣ всѣхъ способна пренебрегать деньгами. Это можетъ разстроиться.

— Если я не ошибаюсь въ Мери Лоутеръ, она не такая дѣвушка чтобы позволила кому-нибудь разстроить свой бракъ-

Я не знаю этого человѣка, но если онъ будетъ постояненъ, то и она будетъ постоянна.

— Она написала Джильмору, сказала мистрисъ Фенвикъ.

— Если такъ, то все кончено для бѣднаго Гарри, сказалъ мистеръ Фенвикъ.

У викарія былъ другой интересный предметъ о которомъ ему хотѣлось поговорить съ женой. Семъ Бретль, послѣ двухъ-недѣльной усиленной работы на мельницѣ, до того усиленной что отецъ самъ выразилъ готовность поставить гянею, если въ трехъ приходахъ найдется человѣкъ который по работѣ могъ бы сравняться съ его Семомъ, послѣ всего этого Семъ исчезъ, пропадалъ уже два дня, и констабль объявилъ что его видѣли ночью близъ Девиза, откуда, какъ предполагаютъ, явился Точильщикъ. Вплоть до этого времени никто не былъ арестованъ по дѣлу убійства Тромбула, и не было открыто ни малѣйшихъ слѣдовъ Точильщика и его сообщника. Главный полицменъ, которому было поручено это дѣло, объявилъ съ увѣренностью что старуха въ Пикрофтской общинѣ ничего не знаетъ о мѣстопребываніи своего сына, но онъ съ самаго начала увѣрялъ и все еще продолжалъ увѣрять что Семъ, еслибъ онъ захотѣлъ, могъ бы разказать все объ убійствѣ, и потому за молодымъ человѣкомъ продолжали наблюдать, къ его досадѣ и къ досадѣ его отца. Семъ громогласно божился въ деревнѣ, очевидно желая чтобъ его всѣ слышали, что онъ поѣдетъ въ Америку и посмотритъ кто осмѣлится остановить его. Онъ говорилъ о поручительствѣ, и объявилъ что будетъ требовать чтобъ его освободили отъ порукъ, что это сдѣлано незаконно, и что онъ заставитъ разобрать все это въ судѣ. Мистеръ Фенвикъ объ этомъ слышалъ и сказалъ что, насколько это касается его самого, онъ насколько не боится. Онъ тоже думалъ что поручительство незаконно, и притомъ увѣрялъ что Семъ никуда не уйдетъ. И теперь Семъ ушелъ, и булгамптонскій констабль говорилъ съ увѣренностью что онъ пошелъ къ Точильщику. „Куда бы то ни было, но онъ ушелъ“, сказалъ мистеръ Фенвикъ, „и мать его не знаетъ куда онъ пошелъ. А старый Бретль если и знаетъ, не скажетъ ни слова.“

— Не повредить ли это тебѣ?

— Не повредить, пока не найдутъ другихъ молодцовъ, и тогда потребуютъ Сема. А тогда, будь увѣрена, онъ самъ придетъ.

— Такъ ничего не значить что онъ ушелъ?

— Для него это имѣеть значеніе. Мнѣ кажется, что я знаю куда онъ пошелъ, и я хочу пойти за нимъ.

— Далеко это, Франкъ?

— Къ счастью, ближе чѣмъ Австралія.

— О, Франкъ!

— Я скажу тебѣ правду. Я увѣренъ что Карри Бретль живетъ за двадцать миль отсюда, и что Семъ пошелъ повидаться съ сестрой.

— Бѣдняжка! веселая маленькая Карри! Какъ же она живетъ, Франкъ?

— Она не изъ числа страдалицъ, можешь быть спокойна.

— Ты мнѣ скажешь, если увидишь ее?

— Да, конечно.

— Не послать ли мнѣ ей чего-нибудь?

— Ей можно послать только денегъ. Если она нуждается, я ей помогу, но очень умеренно.

— Привезешь ты ее сюда?

— Могу ли я это знать? Я скажу ея матери, и намъ придется просить отца принять ее. Я знаю что онъ отвѣтитъ.

— Онъ откажетъ.

— Безъ сомнѣнія. Тогда намъ нужно будетъ придумать что-нибудь, и всего вѣроятнѣе что бѣдная дѣвушка тѣмъ временемъ уйдетъ въ Лондонъ. Не легко распутывать спутавшіяся нити.

Но несмотря на этотъ перерывъ, Мери Лоутеръ и ея бракъ съ капитаномъ Маррабель были предметомъ величайшаго интереса въ домѣ священника въ продолженіе всего того дня и ночи. Мистрисъ Фенвикъ надѣялась что Джильморъ придетъ вечеромъ, но викарій говорилъ что другъ его не охотно покажется послѣ удара который онъ получилъ. Онъ знаетъ что имъ тоже извѣстна новость, и онъ не можетъ придти и не сказать имъ объ этомъ. Если онъ придетъ, у него будетъ видъ прибитой дворняшки, съ поджатымъ хвостомъ. Поднялся вопросъ, не лучше ли отвѣтитъ Мери Лоутеръ не выдавшись съ Джильморомъ. Мистрисъ Фенвикъ, у которой пальцы чесались написать, объявила наконецъ что напишетъ сейчасъ же и безъ того не ляжетъ въ постель.

„Пятница.

„Дорогая Меру!

„Не знаю какъ отвѣтить на ваше письмо. Вы просите меня отвѣтить вамъ любезно и поздравить васъ; но можно ли дѣлать то что такъ противно нашимъ интересамъ и желаніямъ? О, милая моя! Какъ бы я желала чтобы вы остались въ Булгамптонѣ! Я знаю что вы рассердитесь на мои слова, но могу ли я говорить иначе? Я не могу представить себѣ что вы будете скитаться изъ города въ городъ и жить на военныхъ квартирахъ. Я никогда не видала капитана Маррабель, и что бы я о немъ ни думала, я не могу принимать въ немъ такого участія какое я принимаю въ другомъ человѣкѣ, котораго, я знаю, и люблю, и уважаю. Я знаю что говорю вамъ неприятныя вещи, но я сказала бы вамъ пріятное, если бы могла. Я, конечно, желаю вамъ много радости, желаю чтобы вы были счастливы съ вашимъ родственникомъ, но все это случилось такъ быстро что мы не можемъ смотрѣть на это какъ на дѣйствительность.“

— Ты должна говорить только за себя, Жанета, сказалъ мистеръ Фенвикъ, когда дошелъ до этого мѣста письма, но не потребовалъ однако чтобы выраженіе было исправлено.

„Вы такъ часто говорили что хотите поступать правдиво! Никто не сомнѣвается что вы поступаете согласно съ нравственностью и чувствомъ, и остается только сожалѣть что такой поступокъ правдивъ, а другой былъ бы ложью. Бѣдный! Мы его еще не видали и не слышали о немъ. Франкъ говоритъ что это на него сильно подѣвствуетъ. Мнѣ кажется, на мужчинъ это дѣвствуетъ не такъ сильно какъ на женщинъ. Нѣкоторыя женщины этого не переносятъ; но Гарри Джилморъ въ этомъ отношеніи болѣе похожъ на женщину чѣмъ на мужчину. Если бы онъ былъ другой, и въ половину менѣе любилъ васъ, и предложилъ вамъ быть его женой такъ что вы видѣли бы что онъ не слишкомъ дорожитъ вашимъ согласіемъ и считаетъ его несомнѣннымъ, то, мнѣ кажется, вы были бы теперь въ Вэзникахъ, вмѣсто того чтобы вѣхать солдатствовать съ капитаномъ.“

„Франкъ поручаетъ мнѣ передать вамъ его дружбу и желаніе всевозможнаго счастья. Это его собственные слова, и они, кажется, добрее моихъ. Я васъ люблю и желаю вамъ всего лучшаго, но я не могу написать такъ какъ будто бы я радуюсь за васъ. Вашъ мужъ будетъ намъ всегда дорогъ, каковъ бы онъ ни былъ, если онъ будетъ добръ къ вамъ. Теперь я очень, очень сердита на капитана Маррабель, и мнѣ даже было бы пріятно если бы ему снесли голову въ сраженіи. Но если ему суждено быть счастливецемъ, я открою для него мое сердце, конечно, если онъ будетъ достоинъ этого.“

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ РУССКОМУ ВѢСТНИКУ.

ВОКРУГЪ ЛУНЫ

РАЗКАЗЪ ЖЮЛЯ ВЕРНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1869.

ВОКРУГЪ ЛУНЫ

РАЗКАЗЪ ЖЮЛЯ ВЕРНА.*

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА,

вкратцѣ излагающая первую часть этого сочиненія и служащая предисловіемъ ко второй.

Въ теченіи 186* года весь міръ былъ глубоко взволнованъ ученымъ предпріятіемъ, подобныхъ которому не встрѣчалось въ лѣтописяхъ науки. Члены Пушечнаго Клуба, кружка артиллеристовъ, основаннаго въ Бальтиморѣ по окончаніи Американской междуусобной войны, возымѣли мысль завести сношенія съ луной,—да, съ луной!—и послать ей ядро. Президентъ ихъ, Барбиканъ, посовѣтовавшись на этотъ счетъ съ астрономами Кембриджской обсерваторіи, принялъ всѣ мѣры необходимыя для успѣха этого необычайнаго предпріятія,

* Это новое, только что оконченное печатаніемъ на столбцахъ *Journal des Débats*, произведеніе извѣстнаго автора *Необыкновенныхъ путешествій* есть вторая часть его любопытнаго фантастическаго очерка *Отъ земли до луны*, появившагося года два тому назадъ, и содержаніе котораго пересказано во вступительной главѣ настоящаго сочиненія. Новое произведеніе отличается тѣми же достоинствами какъ и прежніе труды остроумнаго автора, умѣвшаго создать новый родъ ученой беллетристики. Изображая фантастическія странствованія въ мѣста въ дѣйствительности недоступныя человѣку, на полюсы, къ центру земли, въ воздушныя и даже междузвѣздныя пространства, онъ умѣетъ придать описанію замѣчательный отблѣсокъ вѣроятности и успѣваетъ сообщить множество живо, блестяще и вмѣстѣ точно изложенныхъ научныхъ свѣдѣній.

признаннаго исполнимымъ по приговору большинства людей компетентныхъ. Объявивъ публичную подписку, которая въ этой странѣ, сочувствующей всему что сопряжено съ затрудненіями, доставила около тридцати милліоновъ франковъ, оныя принялся за выполнение своихъ гигантскихъ работъ.

На основаніи мемуара составленнаго членами обсерваторіи, пушка назначенная для послѣдки ядра должна быть установлена въ странѣ, лежащей между 0° и 28° градусомъ сѣверной или южной широты дабы прицѣлиться въ луну въ зенитѣ. Ядро должно имѣть начальную скорость въ 12.000 ярдовъ въ секунду. Выпущенное 1го декабря, въ 11 часовъ безъ 13ти минутъ и 20ти секундъ вечера, оно должно встрѣтить луну спустя четыре дня, 5го декабря, ровно въ полночь, когда луна будетъ находиться въ своемъ перигеѣ, то есть на ближайшемъ разстояніи отъ земли или, точнѣе, на разстояніи 86.410 льё отъ земли.

Главные члены Пущечнаго Клуба, президентъ Барбиканъ, майоръ Эльфистонъ, секретарь I. Т. Масгонъ и другіе ученые имѣли нѣсколько засѣданій, на которыхъ обсуждались форма и составъ ядра, устройство пушки, количество и качество пороха, которыя для того потребуются. Рѣшено было: 1) чтобы ядро имѣло форму гранаты изъ алюминія въ 108 дюймовъ въ діаметръ и толщиной въ 12 дюймовъ въ стѣнкахъ, а вѣсомъ было въ 19.250 фунтовъ; 2) чтобы пушка была чугунная, Колумбиада, длиной въ 900 футовъ и вылитая прямо въ землѣ; 3) чтобы зарядъ состоялъ изъ 400.000 фунтовъ разрывнаго хлопка, которые, развивая шесть милліардовъ литровъ газа подъ ядромъ, легко могли бы перенести его къ лунѣ.

По рѣшеніи этихъ вопросовъ, президентъ Барбиканъ, при содѣйствіи инженера Мурчисона, избралъ мѣстность, расположенную во Флоридѣ, подъ $27^{\circ} 7'$ сѣв. широты и $5^{\circ} 7'$ зап. долготы. Здѣсь-то, по выполненіи диковинныхъ работъ, Колумбиада и была отлита съ полнымъ успѣхомъ.

Дѣло находилось въ такомъ положеніи, когда произошла событіе увеличившее во сто кратъ интересъ связанный съ этимъ великимъ предпріятіемъ. Однѣмъ Французъ, членомъ Парижскаго по своимъ фантазіямъ, художникъ остроумный и отважный, потребовалъ чтобы его посадили въ ядро, и чтобы оныя могъ такимъ образомъ достигнуть луны и изслѣдовать земнаго спутника. Этого

неустранимый авантюристъ былъ Мишель Арданъ. Онъ былъ въ Америку, былъ повсюду принимаемъ съ восторгомъ, собиралъ митинги, на которыхъ его носили въ триумфѣ, примирилъ президента Барбикана съ его заклятымъ врагомъ, капитаномъ Николемъ, и въ залогъ примиренія убѣдилъ ихъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ ядръ.

Предложеніе было принято. Форма ядра была измѣнена, его сдѣлали цилиндро-коническимъ. Этотъ родъ воздушнаго вагона снабдили сильными пружинами и разбивными перегородками, которые должны были ослабить толчокъ, неизбежный при выпускѣ ядра. Заготовили съѣстныхъ припасовъ на годъ, воды на нѣсколько мѣсяцевъ и газа на нѣсколько дней. Автоматическій снарядъ производилъ и доставлялъ количество воздуха, необходимое для дыханія трехъ путешественниковъ. Въ то же время Пушечный Клубъ устраивалъ на одной изъ высочайшихъ вершинъ Скалистыхъ Горъ испанскій телескопъ, который давалъ возможность свидѣть за ядромъ во время его полета. Все было готово.

30го ноября, въ назначенный часъ, посреди многочисленнаго стеченія публики, ядро полетѣло, и въ первый еще разъ три человѣческія существа, оставивъ земной шаръ, пустились въ междупланетныя пространства, почти съ полною увѣренностью достигнуть своей цѣли.

Эти смѣлые путешественники, Мишель Арданъ, президентъ Барбиканъ и капитанъ Николь, должны были совершить свой перелѣтъ въ *девяносто семь часовъ тринадцать минутъ и двадцать секундъ*. Такимъ образомъ прибытіе ихъ на лунный дискъ должно было совершиться 5го декабря, въ полночь, въ ту самую минуту, когда совершится полнолуніе, а не 4го, какъ извѣстили нѣкоторыя газеты, получившія неточныя свѣдѣнія.

Но, — обстоятельство неожиданное! — выстрѣлъ Колумбиады непосредственнымъ дѣйствіемъ своимъ имѣлъ возмущеніе земной атмосферы и сосредоточеніе въ ней громаднаго количества паровъ. Феноменъ этотъ возбудилъ общую досаду, ибо луна въ продолженіе нѣсколькихъ ночей была скрыта отъ взорахъ ея наблюдателей.

Достоинный Л. Т. Мэстонъ, одинъ изъ друзей трехъ путешественниковъ, отправился къ Скалистымъ Горамъ въ сопровожденіи досточтимаго Л. Бельфаста, директора Кембриджской обсерваторіи, и достигъ станціи Лонгсъ-Пука,

гдѣ воздвигнуть былъ телескопъ, приближавшій луну на разстояніе двухъ лѣ. Почтенный секретарь Пушечнаго Клуба желалъ самъ наблюдать за воздушною колесницей своихъ отважныхъ друзей.

Скопленіе облаковъ въ атмосферѣ дѣлало невозможными наблюденія 5го, 6го, 7го, 8го, 9го и 10го декабря. Полагали даже что наблюденіе придется отложить до 3го января будущаго года, ибо луна, вступая 11го декабря въ свою послѣднюю четверть, представитъ тогда уменьшающуюся часть диска, недостаточную для того чтобы слѣдить по немъ путь ядра.

Но наконецъ, къ общему удовольствію, сильная буря очистила атмосферу въ ночь съ 11го на 12е декабря, и луна, въ половину освѣщенная, ясно обрисовалась на черномъ фонѣ неба.

Этою же ночью отправлена была, со станціи Лонгсъ-Пака, Мастономъ и Бельфастомъ телеграмма къ членамъ бюро Кембриджской обсерваторіи.

Что же гласила эта телеграмма? Она извѣщала что 11го декабря, въ 8 часовъ и 47 минутъ вечера, ядро, пущенное Колумбіадою изъ Стоуъ-Гилла, замѣчено было гг. Мастономъ и Бельфастомъ; что ядро, уклонившееся съ пути по неизвѣстной причинѣ, не достигло своей цѣли, но что оно прошло столь близко отъ луны что задержано было ея притягательною силой; что его прямолинейное движеніе измѣнилось въ круговое, и что потомъ, увлеченное по эллиптической орбитѣ вокругъ ночнаго свѣтила, оно сдѣлалось его спутникомъ.

Телеграмма извѣстила что элементы этой новой планеты не могли еще быть исчислены; и дѣйствительно, для ихъ опредѣленія необходимо троекратное наблюденіе планеты въ трехъ различныхъ положеніяхъ. Потому она сообщала что разстояніе отдѣляющее ядро отъ лунной поверхности *могло* приблизительно считаться въ двѣ тысячи восемьсотъ тридцать три миля или въ четыре тысячи пятьсотъ лѣ.

Въ заключеніе она высказывала слѣдующую двоякую гипотезу: или лунное притяженіе луны увлечетъ наконецъ ядро, и путешественники достигнутъ своей цѣли, или же ядро, удерживаемое на неизмѣнной орбитѣ, будетъ обращаться около луннаго диска до скончанія вѣковъ.

При этихъ различныхъ случайностяхъ, какова же будетъ

участь путешественниковъ? Правда, они снабжены на нѣкоторое время съѣстными припасами. Но если даже предположить что ихъ смѣлое предпріятіе увѣнчается успѣхомъ, то какимъ образомъ возвратятся они? И могутъ ли они возвратиться когда-нибудь? Получатся ли отъ нихъ извѣстія? Эти вопросы, обсуждаемые первыми учеными знаменитостями того времени, сильно волновали публику.

Здѣсь умѣстно сдѣлать замѣчаніе, которое предлагаемъ вниманію слишкомъ нетерпѣливыхъ наблюдателей. Когда ученый возвѣщаетъ публикѣ объ открытіи чисто спекулятивномъ, то онъ долженъ дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Никого не принуждаютъ открывать планету, комету или спутника, и тотъ кто ошибается въ этомъ случаѣ по справедливости заслуживаетъ насмѣшекъ толпы. Потому лучше всего не торопиться, чѣмъ и слѣдовало сдѣлать нетерпѣливому I. T. Мэстону, прежде чѣмъ пускаться въ свѣтъ эту телеграмму, заключающую въ себѣ, по его мнѣнію, послѣднее слово вышесказаннаго предпріятія.

На повѣрку же вышло что эта телеграмма заключала въ себѣ двоякую ошибку, какъ оказалось въ послѣдствіи: 1) ошибку въ наблюденіи относительно разстоянія ядра отъ поверхности луны, ибо 11го декабря невозможно было его разсмотрѣть, а то что видѣлъ I. T. Мэстонъ не могло быть ядро Колумбіады; 2) теоретическую ошибку относительно участи которая могла постигнуть означенное ядро, ибо превращать его въ спутники луны значило становиться въ явное противорѣчіе съ законами рациональной механики.

Одна гипотеза наблюдателей Лонгсъ-Пика могла осуществиться, именно та которую предусматривался случай, когда путешественники, если они еще остались въ живыхъ, соединять свои усилія съ притяженіемъ луны чтобы достигнуть поверхности ея диска.

А между тѣмъ эти смысленные и смѣлые люди пережили страшный толчокъ отъѣзда, и ихъ-то путешествіе въ ядрѣ-вагонѣ имѣеть быть сообщено со всею его драматическими и диковинными подробностями. Разказъ этотъ разрушить множество предположеній и обманчивыхъ мечтаній; но онъ дастъ точное понятіе о перипетіяхъ сопряженныхъ съ подобнымъ предпріятіемъ и выставитъ въ надлежащемъ свѣтѣ научныя свѣдѣнія Барбикана, изобрѣтательность практическаго Николая и полную юмора смѣлость Мишеля Ардана.

Сверхъ того онъ докажетъ что достойный другъ ихъ, Л. Т. Мастоуъ, тратилъ напрасну свое время, когда, склонясь надъ испанскимъ телескопомъ, наблюдалъ ходъ луны по-среди звѣздныхъ пространствъ.

ГЛАВА I.

Отъ десяти часовъ двадцати минутъ до десяти часовъ сорока семи минутъ вечера.

Когда пробило десять часовъ, Мишель Арданъ, Барбиканъ и Николь простились со многочисленными друзьями, которыхъ они оставляли на землѣ. Двѣ собаки, предназначенныя для акклиматизаціи собачьей породы на материкахъ луны, были уже помѣщены въ ядро. Путешественники приблизились къ отверстию огромной чугунной трубы и, посредствомъ крана, были опущены до конической верхушки ядра.

Тамъ отверстие, устроенное съ этою цѣлю, дало имъ доступъ въ вагонъ изъ алюминія. Веревки и блоки крана вытянуты наружу, и жерло Колумбіады мгновенно освободилось отъ своихъ послѣднихъ дѣсовъ.

Тотчасъ же по вступленіи со своими товарищами въ ядро, Николь принялся закрывать его отверстие посредствомъ крѣпкой доски, придерживаемой внутри нажимными винтами; другія доски, плотно пригнанные, закрывали чечевицеобразныя стекла продушинъ. Путешественники, герметически закупоренные въ своей металлической тюрьмѣ, были погружены въ глубочайшій мракъ.

— Теперь, мои дорогіе товарищи, сказалъ Мишель Арданъ, — будемъ какъ дома. Я привыкъ къ семейной жизни и хорошо умѣю хозяйничать. Все дѣло въ томъ чтобы расположиться какъ можно пріятнѣе и удобнѣе на нашей новой квартирѣ. И прежде всего устроимъ чтобы намъ было освѣтлѣе. Чортъ возьми! Вѣдь не для кротовъ же изобрѣтенъ газъ.

Говоря это, беззаботный малый шаркнулъ спичкой о дошву своего сапога; огонекъ вспыхнулъ и онъ поднесъ его къ рожку, утвержденному на приемникѣ, въ которомъ былъ угле-водородъ подъ высокимъ давленіемъ, въ количествѣ достаточномъ для освѣщенія и отопленія ядра въ теченіи ста сорока часовъ или шести дней и шести ночей.

Газъ загорѣлся, ядро, освѣщенное такимъ образомъ, превратилось въ комфортабельную комнату, съ мягкими обоями

по отбрасывающа, мебаированную круглыми диванами, со сидомъ поднимавшимся въ видѣ купола.

Предметы, которые она заключала въ себя, оружіе, и инструменты, посуда, плотно пригнанные къ устроеннымъ для нихъ мѣстамъ и переоборудованнымъ ватой, должны были выдержать толчокъ отъ взрыва. Всевозможныя человѣческія предосторожности были приняты, чтобы привести къ успешному окончанію такое смѣлое предпріятіе.

Мишель Арданъ осматривалъ все и объявлялъ что онъ очень доволенъ своимъ новымъ помѣщеніемъ.

— Это тюрьма, сказалъ онъ, — но тюрьма путешествующая, и еслибы мнѣ предоставили право осматривать въ окно, то я готовъ бы заключить себя на это дѣло! Ты ушибаешься, Барбиканъ, У тебя вѣрно что-нибудь другое на умѣ? Не думаешь ли ты что тюрьма эта будетъ нашимъ гробомъ? Пусть будетъ и гробомъ, но я не промѣняю ее на гробъ Магометовъ, который несется въ пространство, а не двигается впередъ!

Пока Мишель Арданъ говорилъ все это, Барбиканъ и Николь дѣлали свои послѣднія приготовленія.

Хронометръ Николая показывалъ двадцать минутъ одиннадцатого вѣчеромъ, когда наши путешественники окончателъно заключались въ своею ядрѣ. Хронометръ этотъ поставленъ былъ по хронометру инженера Мурчисона. Барбиканъ посмотрѣлъ на него.

— Другая моя, сказалъ онъ, — теперь двадцать минутъ одиннадцатого. Въ десять часовъ сорокъ семь минутъ Мурчисонъ пуститъ электрическую искру по проводкѣ, соединяющейся съ зарядомъ Колумбиды. Именно въ эту минуту мы разстанемся съ нашею планетой. Итакъ, намъ остается пробыть на землѣ двадцать семь минутъ.

— Двадцать шесть минутъ и тринадцать секундъ, отвѣчалъ аккуратно Николь.

— Такъ что ска! воскликнулъ весело Мишель Арданъ: — въ двадцать шесть минутъ можно надѣлать много дѣла! Можно обсудить самыя важныя вопросы нравственности или политики, и даже рѣшить ихъ! Двадцать шесть минутъ употребленныя дѣльно лучше двадцати шести дѣтъ въ которыя ничего не сдѣлаешь! Нѣсколько секундъ какого-нибудь Наполеона или Ньютона гораздо дороже чѣмъ всякая бесполезная толпа глупцовъ.

— И ты выводилъ изъ этого, неукротимый говорунъ? спросилъ президентъ Барбиканъ.

— Я вывожу изъ этого что намъ остается двадцать шесть минутъ, отвѣчалъ Арданъ.

— Двадцать четыре только, замѣтилъ Николь.

— Двадцать четыре, если тебѣ это угодно, любезный капитанъ, отвѣчалъ Арданъ,—двадцать четыре минуты, въ которыя можно было бы изслѣдовать....

— Мисель, сказалъ Барбиканъ,—во время нашего перѣзда у насъ будетъ достаточно времени чтобъ обсудить самыя трудныя вопросы. Теперь же займемся отъѣздомъ.

— А развѣ мы не готовы?

— Безъ сомнѣнія. Но необходимо еще принять нѣкоторыя мѣры предосторожности чтобъ ослабить по возможности первый толчокъ.

— Развѣ у насъ нѣтъ этихъ слоевъ воды между разбивными перегородками, упругость которыхъ достаточно предохранить насъ?

— Надѣюсь, Мисель, отвѣчалъ кротко Барбиканъ,—но я не увѣренъ въ этомъ.

— Какое затѣйникъ! воскликнулъ Мисель Арданъ.—Онъ надѣется.... Онъ не увѣренъ!... И онъ ждалъ пока насъ закупорятъ чтобы высказать такое отчаянное признаніе! Я требую чтобы меня выпустили!

— А гдѣ средство? спросилъ Барбиканъ.

— Правда, отвѣчалъ Мисель, — теперь оно трудновато. Мы въ вагонѣ, и черезъ двадцать четыре минуты раздастся свистокъ кондуктора.

— Черезъ двадцать, сказалъ Николь.

Въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній путешественники глядѣли другъ на друга. Потомъ они осмотрѣли всѣ находившіяся при нихъ вещи.

— Все на своемъ мѣстѣ, сказалъ Барбиканъ.—Теперь слѣдуетъ рѣшить какъ намъ лучше развѣститься чтобы выдержать толчокъ отъѣзда. Необходимо озаботиться какое положеніе намъ принять, и прежде всего, насколько возможно, принять мѣры чтобы кровь не слишкомъ сильно ударила намъ въ голову.

— Справедливо! сказалъ Николь.

— Въ такомъ случаѣ, замѣтилъ Мисель Арданъ, готовый тотчасъ же къ словамъ присоединить дѣйствіе, — станемъ

головой внизъ, а ногами кверху, какъ дѣлають клоуны Большаго цирка.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Барбиканъ, — лучше всего ляжемъ на бокъ. Мы такъ легче вынесемъ толчокъ. замѣтите хорошенько что въ моментъ когда полетитъ ядро, внутри ли его мы будемъ или были бы предъ нимъ, это почти одно и то же.

— Если это только *почти* одно и то же, возразилъ Мисель Арданъ, — то я совершенно спокоенъ.

— Одобряете ли вы мою мысль, Николь? спросилъ Барбиканъ.

— Вполнѣ, отвѣчалъ тотъ. — Намъ остается еще тринадцать съ половиной минутъ.

— Этотъ Николь вовсе не человѣкъ, замѣтилъ Мисель, — это ходячій хронометръ съ секундами, на цилиндрѣ, съ семью камнями....

Но товарищи не слушали его и съ невозмутимымъ хладнокровіемъ оканчивали послѣднія приготовленія. Они похожи были на двухъ аккуратныхъ путешественниковъ, усѣвшихся въ вагонъ и старающихся устроиться какъ можно комфортабельнѣе. Поневолѣ спросишь себя изъ какого матеріала вылиты американскія сердца, биеііе которыхъ не усиливается при наступленіи величайшей опасности!

Три толстые и прочно набитые тѣфяка были положены въ ядро. Николь и Барбиканъ расположили ихъ въ центрѣ диска, составлявшаго подвижной полъ. Здѣсь должны были лечь путешественники за нѣсколько минутъ до отъѣзда.

Въ продолженіе этого времени Арданъ, будучи не въ состояніи оставаться неподвижнымъ, поворачивался въ своей тѣсной тюрьмѣ, какъ дикій звѣрь въ клеткѣ, разговаривая то со своими друзьями, то съ собаками Діаной и Спутникомъ, которымъ онъ незадолго до того далъ эти характеристическія имена.

— Ну, Діана! ну, Спутникъ! восклицалъ онъ, заигрывая съ нами. — И такъ вамъ придется поучать лунныхъ собакъ изящнымъ манерамъ собакъ земныхъ! Вотъ что принесетъ большую честь собачьей породѣ. Чортъ возьми! Если мы когда-нибудь вернемся сюда, я привезу скрещенный типъ *moon dogs*, который произведетъ фуроръ.

— Да, если есть собаки на лунѣ, замѣтилъ Барбиканъ.

— Конечно есть, съ увѣренностью сказалъ Мисель Арданъ, —

также какъ лошади, коровы, ослы, куры. Вьюсь объ закладъ что мы тамъ найдемъ курь!

— Сто долларовъ что ихъ нѣтъ тамъ, возразилъ Николь.

— Идетъ, капитанъ, отвѣчалъ Арданъ, пожимая руку Николу. — Но кетати: ты уже три раза проигралъ пари нашему президенту, такъ какъ капиталъ необходимый для нашего предпріятія собранъ, операція отливки удалась, и наконецъ Колумбиада была заряжена безъ всякаго несчастія; всего ты проигралъ 6.000 долларовъ.

— Да, отвѣчалъ Николь. — Десять часовъ 37 минутъ и 6 секундъ.

— Ладно, капитанъ. Не пройдетъ четверти часа, и тебѣ придется отсчитать 9.000 долларовъ президенту; 4.000 за то что Колумбиаду не разорветъ и 5.000 за то что ядро взлетитъ на воздухъ далѣе чѣмъ на шесть миль.

— Доллары объ мной, отвѣчалъ Николь, ударяя себя по карману, — и я съ радостью готовъ расплатиться.

— Вижу, Николь, что ты порядочный человекъ, какимъ мнѣ никогда не удавалось сдѣлаться. Но говоря вообще, съ твоего позволенія, ты поддержалъ нѣсколько пари очень для тебя невыгодныхъ.

— А почему? спросилъ Николь.

— Потому что, если ты выиграешь первое пари, значить Колумбиаду разорветъ, а съ нею и ядро, и Барбикану не придется выплатить тебѣ проигранные доллары.

— Моя ставка положена въ Балтиморскій банкъ, отвѣчалъ очень просто Барбиканъ, — и если Никола не станетъ, то она достанется его наследникамъ.

— О, практическіе люди! воскликнулъ Мисель Арданъ. — умы положительныя! Удивляюсь вамъ, но не понимаю васъ.

— Одиннадцатого сорокъ двѣ минуты! сказалъ Николь.

— Остается только пять минутъ, отвѣчалъ Барбиканъ.

— Да, только пять минуточекъ! повторилъ Мисель. — И мы заключены въ ядрѣ, на двѣ пушки въ 900 футовъ! И подъ этимъ ядромъ сложено 400.000 фунтовъ разрывнаго хлопка, что равняется 1.600.000 фунтамъ обыкновеннаго пороха! И другъ Мурчисонъ, съ хронометромъ въ рукѣ, устремивъ глаза на стрѣлку, положивъ палецъ на электрическій аппаратъ, считаетъ секунды и готовится ринуть насъ въ междупланетныя пространства.

— Довольно, Мисель! сказалъ Барбиканъ серьезнымъ

голосомъ. — Приготовимся. Нѣсколько секундъ отдѣляемъ насъ отъ великой минуты. Вашу руку, друзья!

— Да, да, произнесъ Мишель Арданъ, болѣе взволнованный чѣмъ онъ желалъ то выказать.

Три сильные товарища крѣпко пожали другъ другу руки.

— Да сохранить насъ Богъ! сказалъ набожный Барбиканъ.

Мишель Арданъ и Николай растаулились на тюфлякахъ, расположенныхъ въ центрѣ дѣка.

— Десять часовъ сорокъ семь минутъ! прошепталъ капитанъ.

Осталось двадцать секундъ. Барбиканъ послѣднѣе погасилъ газъ и легъ подлѣ свѣтъ спутниковъ.

Глубокое молчаніе прерывалось только ударами хронометра.

Вдругъ страшное сокращеніе, и ядро, уступая давленію прѣсти миллиардовъ атмосферъ газа, развалившись отъ воспламененія пироксилина, ринулось въ пространство.

ГЛАВА II.

Первые полчаса.

Что произошло? Какое дѣйствіе произвелъ этотъ страшный толчокъ? Изобрѣтательность строителей ядра увѣнчалась ли желаннымъ успѣхомъ? Ослабилъ ли ударъ, благодаря пружинамъ, четыремъ мягкимъ тампонамъ, водянымъ подушкамъ, разбивнымъ перегородкамъ? Успѣлъ ли побѣдить страшный порывъ этой начальной скорости въ одиннадцать тысячъ метровъ, съ которою можно было бы въ секунду пролетѣть Парижъ или Нью-Йоркъ? Вотъ, конечно, вопросы, который предлагали себѣ тысячи свидѣтелей этой потрясающей сцены. Они забывали цѣль путешествія и думали только о путешественникахъ! И еслибы кто-нибудь изъ нихъ, І. Т. Мастоуъ, напримѣръ, бросилъ взглядъ во внутренность снаряда, что бы они увидѣли тамъ?..

Ровно ничего. Глубокій мракъ царствовалъ въ ядрѣ. Но его цилиндро-коническія стѣнки устояли какъ нельзя лучше. Ничто не треснуло, не погнулось, не испортилось. Чуждое ядро не изменилось подлѣ громаднымъ взрывомъ пороха, не обратилось, какъ опасались нѣкоторые, въ дождь изъ алюминія.

Внутри, вообще, не произошло большого беспорядка. Нѣкоторые предметы сильно подбросило къверху, но самые важные, повидимому, не пострадали отъ удара.

На подвижномъ дискѣ, опустившемся до самаго дна ядра, по разрывѣ перегородокъ и истеченіи воды, три тѣла лежали безъ движенія. Барбиканъ, Николь, Мисель Арданъ дышали ли еще? Ядро это не обратилось ли въ металлическій гробъ, несущій въ пространство три трупа?..

Нѣсколько минутъ спустя по отлетѣ ядра, одно изъ этихъ тѣлъ пришло въ движеніе; руки зашевелились, голова поднялась, оно успѣло стать на колѣна. То былъ Мисель Арданъ. Онъ оцупалъ себя, громко произнесъ: ухъ! потомъ сказалъ:

— Мисель Арданъ цѣлъ. Посмотримъ что другіе...

Неустрасимый Французъ хотѣлъ встать, но не могъ держаться на ногахъ. Голова у него кружилась, кровь прилила къ глазамъ. Онъ похожъ былъ на пьянаго.

— Бррр! произнесъ онъ. — То же самое дѣйствіе что отъ двухъ бутылокъ Кортонна; только глотать-то это, можетъ-быть, не такъ пріятно.

Потомъ, проведя нѣсколько разъ рукой по лбу и потирая себѣ виски, онъ закричалъ твердымъ голосомъ:

— Николь! Барбиканъ!

Со страхомъ ждалъ онъ что будетъ. Отвѣта не было. Не слышно ни одного вздоха, по которому можно было бы предположить что товарищи его еще живы. Онъ позвалъ ихъ снова. То же молчаніе.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ.— Они какъ будто упали съ пятого этажа внизъ головой!... Ба!... прибавилъ онъ съ тою непоколебимою увѣренностью, которая никогда его не оставляла:—если Французъ могъ стать на колѣна, то два Американдца, ни мало не стѣсняясь, могутъ подняться на ноги. Но прежде всего осмотримся.

Арданъ чувствовалъ что жизнь быстро возвращается къ нему. Кровь его улеглась и снова приняла свое обычное обращеніе. Новыя усилія дали ему возможность найти равновѣсіе. Ему удалось подняться на ноги; онъ досталъ спичку, добылъ огня и зажегъ газовый рожокъ. Въсталище газа нисколько не повредилось; газъ не вылетѣлъ. Иначе запахъ выдалъ бы его, и въ этомъ случаѣ Мисель Арданъ не могъ бы безнаказанно поводить зажженною спичкой въ этомъ

замкнутомъ пространствѣ, наполненномъ водородомъ. Газъ въ соединеніи съ воздухомъ произвелъ бы гремучую смѣсь, и взрывъ, можетъ-быть, довершилъ бы то что началъ толчокъ.

Какъ только загорѣлся рожокъ, Арданъ наклонился надъ тѣлами своихъ спутниковъ. Тѣла эти лежали одно на другомъ, какъ двѣ безжизненные массы, Николь сверху, Барбиканъ снизу.

Арданъ поднялъ капитана, прислонилъ его къ дивану и началъ изо всѣхъ силъ растирать его. Это растираніе, производимое искусною рукой, оживило Николая, который открылъ глаза; присутствіе духа тотчасъ же возвратилось къ нему, онъ схватилъ Ардана за руку, и осматриваясь кругомъ, спросилъ:

— А что Барбиканъ?

— Каждому свой чередъ, спокойно отвѣчалъ Мишель Арданъ.—Я началъ съ тебя, Николь, потому что ты лежалъ сверху; теперь займемся Барбиканомъ.

Арданъ и Николь приподняли президента Пушечнаго Клуба и положили его на диванъ. Барбиканъ, повидимому, пострадалъ болѣе своихъ товарищей. Онъ былъ весь въ крови, но Николь вскорѣ успокоился, убѣдясь что это кровотеченіе не представляло никакой опасности и происходило отъ царапины на плечѣ, которую Николь тщательно обмылъ и перевязалъ.

Со всѣмъ тѣмъ, Барбиканъ нѣсколько времени не приходилъ въ себя, какъ ни усердно его растирали друзья.

— Онъ дышетъ, однако, сказалъ Николь, прикладывая ухо къ груди товарища.

— Да, отвѣчалъ Арданъ,—онъ дышетъ, какъ человѣкъ который имѣлъ нѣкоторую привычку къ этой ежедневной операціи. Потремъ его хорошенько, Николь.

И оба импровизованные медика принялись работать такъ усердно что Барбиканъ пришелъ наконецъ въ чувство. Онъ открылъ глаза, приподнялся, взялъ за руки своихъ спутниковъ, и первымъ словомъ его было:

— Ну что, Николь, двигаемся ли мы?

Николь и Арданъ взглянули другъ на друга. Они не успѣли еще подумать о ядрѣ Первая забота ихъ была о путешественникахъ, а не о вагонѣ.

— А что, въ самомъ дѣлѣ, движемся ли мы? повторилъ Арданъ.

— Или лежимъ спокойно на почвѣ Флориды? спросила въ свою очередь Николь.

— Или на дѣлѣ Мексиканскаго залива? присоветовала Мишель.

— Какъ бы не такъ! воскликнулъ президентъ Барбиканъ!

И эта двойная гипотеза, высказанная его спутниками, тотчасъ возвратила ему полное сознаніе.

Во всякомъ случаѣ невозможно еще было рѣшить что-нибудь относительно положенія ядра. Его кажущаяся неподвижность, отсутствіе всякаго сообщенія со вѣншими міромъ не позволяли рѣшить этотъ вопросъ. Можетъ быть, ядро совершаетъ свой полетъ въ пространство, можетъ-быть, поднимшись на короткое время вверхъ, оно упало на землю или въ Мексиканскій заливъ,—паденіе возможно; если принять въ соображеніе незначительную ширину Флоридскаго перешейка.

Дѣло было серьезное, проблема интересная. Нужно было разрѣшить ее какъ можно скорѣе. Барбиканъ, сильно возбужденный, преодолевая нравственною энергіею свою физическую слабость, всталъ на ноги и началъ прислушиваться. Извѣлъ глубокое безмолвіе. Толстая обивка стѣны была достаточно чтобы не допускать никакого звука. Но одно обстоятельство поразило Барбикана. Температура внутри ядра была необыкновенно высока. Президентъ вынулъ термометръ изъ футляра и саравился съ нимъ: оказалось 45 градусовъ по Цельсію.

— Да, воскликнулъ онъ тогда,—мы движемся! Этотъ удрушающій жаръ проникаетъ сквозь стѣнки ядра. Онъ происходитъ отъ тренія его объ атмосферическіе слои. Онъ скоро уменьшится, потому что мы уже перемемъ въ пустотѣ; теперь мы едва не задохнемся отъ жару, а потому намъ придется выносить страшный холодъ.

— Какъ такъ? спросилъ Арданъ.—Поэтому, Барбиканъ, мы теперь уже за пределами земной атмосферы?

— Безъ всякаго сомнѣнія, Мишель. Послушай меня. Теперь пятьдесятъ пять минутъ одиннадцатаго. Мы отправились восемь минутъ тому назадъ. Но еслибы начальная скорость нашего полета не уменьшилась отъ тренія, то намъ шестнадцать секундъ было бы достаточно чтобы

перелетѣтъ шестнадцать лѣ атмосферъ, окружающей нашъ сфероидъ.

— Совершенно такъ, сказалъ Николь,—но въ какой пропорціи полагаете вы уменьшеніе этой скорости отъ тренія?

— Въ пропорціи одной трети, Николь, отвѣчалъ Барбиканъ.—Это уменьшеніе значительно, но таково оно должно быть по моимъ вычисленіямъ. Итакъ, если мы имѣли начальную скорость въ 11.000 метровъ, то по выходѣ изъ атмосферъ эта скорость уменьшится до 7.332 метровъ. Какъ бы то ни было, мы уже перелетѣли этотъ промежутокъ и....

— И въ такомъ случаѣ, сказалъ Мишель Арданъ, — нашъ другъ Николь проигралъ оба пари: 4.000 долларовъ за то что Колумбіаду не разорвало, 5.000 долларовъ за то что ядро поднялось выше шести миль. Итакъ, Николь, расплачивайся.

— Сначала докажемъ это, отвѣчалъ капитанъ, — а потомъ расплатимся. Весьма возможно что заключенія Барбикана вѣрны и что я проигралъ 9.000 долларовъ. Но мнѣ приходитъ въ голову другая гипотеза, и она уничтожила бы закладъ.

— Какая это? съ живостью спросилъ Барбиканъ.

— Гипотеза что, по той или другой причинѣ, огонь не попалъ въ порохъ, и мы не полетѣли.

— Чортъ возьми, капитанъ, воскликнулъ Мишель Арданъ,— вотъ гипотеза достойная моей головы! Ужели она серьезна? Развѣ толчокъ не уморилъ насъ въ половину? Развѣ я не возвратилъ тебя къ жизни? Развѣ плечо капитана не въ крови отъ этого толчка?

— Согласенъ, Мишель, отвѣчалъ Николь, — но вотъ еще вопросъ.

— Слушаю, капитанъ.

— Слышалъ ты выстрѣлъ который, конечно, долженъ быть ужасенъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Арданъ, изумленный до крайности,—я не слышалъ выстрѣла.

— А вы, Барбиканъ?

— И я тоже не слышалъ его.

— Ну что же? спросилъ Николь.

— И въ самомъ дѣлѣ, прошепталъ президентъ,—отчего мы не слышали выстрѣла?

Три пріятеля съ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга. Здѣсь дѣйствительно представлялся феноменъ необъяснимый.

Ядро полетѣло, однако, и стало-быть выстрѣлъ долженъ былъ послѣдовать.

— Впервыѣхъ, осмотримся гдѣ мы, и откроемъ ставни, сказалъ Барбиканъ.

Эта операція, чрезвычайно простая, была тотчасъ же выполнена. Гайки сдерживавшія болты на внѣшнихъ пластинкахъ праваго окна уступили давленію англійскаго ключа. Эти болты были выдвинуты наружу, и заслонки, обдѣланныя въ каучукъ, заткнули отверстіе въ которое они проходили. Наружная пластинка тотчасъ же опустилась на своемъ шарньерѣ, и чечевицеобразное стекло, вставленное въ раму, появилось наружу. Такое же окно находилось на другой сторонѣ ядра, третье въ куполѣ, наконецъ четвертое посреди самаго дна. Вслѣдствіе этого, небо можно было наблюдать въ четырехъ противоположныхъ направленіяхъ чрезъ боковыя рамы, а землю и луну прямо чрезъ верхнее и нижнее отверстія ядра.

Барбиканъ и его спутники тотчасъ же бросились къ окну. Никакой лучъ свѣта не проникалъ въ него. Глубокій мракъ окружалъ ядро. Это не помѣшало президенту Барбикану воскликнуть:

— Нѣтъ, друзья мои, мы не упали на землю! Нѣтъ, мы не погрузились на дно Мексиканскаго залива! Да, мы несемся въ пространство! Видите звѣзды которыя мерцаютъ среди ночи и этотъ непролицаемый мракъ окопляющійся между землей и нами!

— Ура, ура! закричали въ одинъ голосъ Мишель Арданъ и Николь.

И дѣйствительно, этотъ густой мракъ свидѣтельствовалъ что ядро оставило землю, ибо земная почва, ярко освѣщенная въ то время луннымъ свѣтомъ, была бы видима путешественникамъ, еслибъ они оставались на ея поверхности. Этотъ мракъ свидѣтельствовалъ также что ядро перешло атмосферный слой, ибо разсѣянный воздухомъ свѣтъ, перенесъ бы нѣкоторый отблескъ на металлическія стѣнки, котораго не было замѣтно. Свѣтъ этотъ освѣтилъ бы окно, а окно оставалось въ темнотѣ. Сомнѣваться было уже невозможно. Путешественники разстались съ землей.

— Я проигралъ, сказалъ Николь.

— Съ чѣмъ тебя и поздравляю, отвѣчалъ Арданъ.

— Вотъ 9.000 долларовъ, сказалъ капитанъ, вынимая изъ кармана банковые билеты.

— Дать вамъ росписку? спросилъ Барбиканъ, принимая деньги.

— Если вамъ не трудно, отвѣчалъ Николь. — Дѣло будетъ чище.

И серьезно, флегматически, какъ будто сидя у своей кассы, президентъ Барбиканъ вынулъ записную книжку, вырвалъ отъ нея чистый листокъ, написалъ карандашомъ росписку по всемъ правиламъ и вручилъ капитану, который тщательно уложилъ ее въ свой портфель.

Мишель Арданъ снялъ фуражку и безмолвно поклонился своимъ товарищамъ. Такой формализмъ въ подобную минуту сковалъ ему уста. Онъ еще никогда не видывалъ ничего до такой степени *американскаго*.

Барбиканъ и Николь, по окончаніи своего дѣла, подошли опять къ окну и принялись разсматривать созвѣздія. Звѣзды яркими точками выдѣлались на черномъ фонѣ неба. Но съ этой стороны нельзя было видѣть луны, которая, двигаясь съ востока на западъ, мало-по-малу приближалась къ зениту. Отсутствіе ея вызвало слѣдующее замѣчаніе Ардана:

— А луна? Ужь не хочетъ ли она убѣжать отъ насъ?

— Успокойся, отвѣчалъ Барбиканъ. — Нашъ будущій сфероидъ на своемъ мѣстѣ, но мы не можемъ видѣть его съ этой стороны. Откроемъ другое боковое окно.

Въ ту минуту когда Барбиканъ готовился отойти отъ окна чтобъ открыть противоположный ставень, вниманіе его обратило на себя приближеніе какого-то блестящаго предмета. То былъ огромный дискъ, колоссальные размѣры коего невозможно было опредѣлить. Поверхность его, обращенная къ землѣ, была ярко освѣщена. Можно было принять его за маленькую луну отражающую свѣтъ большой. Онъ двигался съ необыкновенною быстротой и, повидимому, описывалъ вокругъ земли орбиту, которая перерѣзывала путь ядра. Поступательное движеніе этого тѣла дополнялось вращеніемъ его вокругъ самого себя. Такимъ образомъ оно вело себя точно такъ же какъ всѣ небесныя тѣла движущіяся въ пространствѣ.

— Ба! воскликнулъ Мишель Арданъ:—что это такое? Другое ядро?

Барбиканъ не отвѣчалъ. Появленіе этого огромнаго тѣла

удивило его и встревожило. Возможна была встрѣча, грозившая гибельными послѣдствіями, уклонилось ли бы ядро от своего пути, послѣдовало ли бы столкновение, которое низвергнуло бы его на землю, или было бы оно наконецъ привлечено неудержимо притягательною силой этого астероида.

Президентъ Барбиканъ быстро сообразилъ послѣдствія этихъ трехъ гипотезъ, которыя такъ или иначе повели бы къ гибельной неудачѣ ихъ предпріятія. Товарищи его молча устремили взоры въ пространство. Предметъ все увеличивался, приближался, и, по извѣстному оптическому обману, казалось что ядро стремится къ нему.

— Боги! воскликнулъ Мисель Арданъ: — поѣзды сейчасъ столкнутся!

Путешественники инстинктивно отодвинулись назадъ, Страхъ ихъ былъ неописанный, но продолжался не долѣе нѣсколькихъ секундъ. Астероидъ прошелъ въ нѣсколькихъ стахъ метровъ отъ нихъ и исчезъ не столько вслѣдствіе быстроты своего хода, сколько потому что поверхность его, противоположная лунѣ, вдругъ салилась съ глубокимъ мракомъ пространства.

— Счастливаго пути! сказалъ Мисель Арданъ, вздыхая полною грудью и съ видимымъ удовольствіемъ.—Какъ! ужели безпредѣльность недовольно обширна чтобы какое-нибудь ничтожное ядро не могло прогуливаться въ ней безъ опасностей! Да что же это за неутомимый шаръ, который едва не столкнулся съ нами?

— Я знаю, сказалъ Барбиканъ.

— Чортъ возьми, ты все знаешь!

— Это простой болидъ, но болидъ огромный, который притяженіе земли удержало въ качествѣ спутника.

— Возможно ли? Стало-быть земля, подобно Нептуну, имѣетъ двѣ луны?

— Да, мой другъ, двѣ луны, хотя и полагаютъ обыкновенно что у нея одна только луна. Но эта вторая луна такъ мала, и движеніе ея такъ быстро что жители земли не могутъ ее видѣть. Только принимая въ соображеніе нѣкоторыя пертурбаціи, французскій астрономъ, г. Пти, могъ опредѣлить бытіе этого втораго спутника и вычислить его элементъ. По его наблюденіямъ, этотъ болидъ совершаетъ свое обращеніе вокругъ земли только въ три часа двадцать минутъ, слѣдовательно съ чрезвычайною быстротой.

— Все ли астрономы, спросил Николь, — допускают бытие этого спутника?

— Нѣтъ, отвѣчал Барбиканъ; — но еслибъ они, подобно намъ, встрѣтили его, то не могли бы въ немъ сомнѣваться. Мнѣ кажется, однако, что этотъ болидъ, который надвѣялъ бы намъ много хлопотъ еслибы столкнулся съ нами, дастъ намъ возможность опредѣлить наше положеніе въ пространствѣ.

— Какъ такъ? спросил Арданъ.

— Разстояніе его извѣстно, и въ томъ пунктѣ гдѣ мы его встрѣтили мы были ровно на 8.140 километровъ надъ поверхностью земнаго шара.

— Болѣе чѣмъ на двѣ тысячи лье! воскликнулъ Мишель Арданъ. — Что же предъ этимъ экстренные поѣзды жалкаго шара, называемаго землею!

— Надѣюсь, сказалъ Николь, смотря на свой хронометръ, — теперь одиннадцать часовъ, и мы разстались съ американскимъ континентомъ только тринадцать минутъ тому назадъ.

— Только тринадцать минутъ? переспросилъ Барбиканъ.

— Да, отвѣчалъ Николь, — и еслибы наша начальная скорость одиннадцати километровъ не измѣнилась, то мы сдѣлали бы десять тысячъ лье въ часъ.

— Все это прекрасно, мои друзья, сказалъ президентъ, — но все-таки остается неразрѣшеннымъ вопросъ: отчего мы не слышали выстрѣла Колумбиады?

За неимѣніемъ отвѣта, разговоръ прекратился, и Барбиканъ, обдумывая его, занялся опущеніемъ ставня втораго боковаго окна. Операция ему удалась, и въ открытое окно луна наполнила внутренность ядра яркимъ свѣтомъ. Николь, какъ человѣкъ экономный, тотчасъ же погасилъ газъ, который сдѣлался излишнимъ, и свѣтъ котораго только мѣшалъ наблюденію планетныхъ пространствъ.

Лунный дискъ сіялъ тогда съ необыкновенною ясностью.

Лучи его, не задерживаемые болѣе туманною атмосферой земнаго шара, лились чисто сквозь окно и наполняли внутренность ядра серебристыми отблесками. Черный цвѣтъ неба удваивалъ сіяніе луны, которая, въ этой воздушной пустотѣ, не разсѣивавшей свѣта, не затемняла соседнихъ звѣздъ. Небо, видимое такимъ образомъ, представляло зрѣлище совершенно новое, котораго и вообразить себѣ невозможно.

Понятно съ какимъ интересомъ смотрѣли наши смѣльчаки

на царцу ночи, главную цѣль ихъ страствія. Спутникъ земли, въ своемъ поступательномъ движеніи, нечувствительно приближался къ зениту, математической точкѣ, которой онъ долженъ былъ достигнуть по истеченіи почти 96 часовъ. Его горы, равнины, всѣ его очертанія представлялись ихъ глазамъ нисколько не яснѣе чѣмъ съ какого бы то ни было пункта земли, но его свѣтъ въ пустомъ пространствѣ разливался съ необыкновенною ясностью. Дискъ сверкалъ какъ платиновое зеркало. О землѣ, исчезавшей подъ ихъ ногами, путешественники могли сохранить только одно воспоминаніе.

Капитанъ Николь первый обратилъ вниманіе своихъ спутниковъ на оставленный ими шаръ земной.

— Да, сказалъ Мишель Арданъ, — не будемъ къ нему неблагодарны. Такъ какъ мы оставляемъ нашу страну, то ей должны принадлежать наши послѣдніе взгляды. Я хочу увидѣть землю прежде чѣмъ она совсѣмъ скроется отъ нашихъ глазъ.

Барбиканъ, чтобъ удовлетворить желаніе товарища, занялся очищеніемъ окна на двѣ ядра, которое дало бы возможность прямо наблюдать землю. Подвижной дискъ, на которомъ они лежали во время выпуска ядра и который силой верженія былъ притиснутъ къ самому дну, былъ разобранъ не безъ труда. Части его, тщательно поставленныя вдоль стѣнокъ, могли еще служить въ случаѣ надобности. Тогда на нижней части ядра отыскано было окно, снабженное толстымъ стекломъ, которое и открыто было съ помощью того же механизма какъ и боковыя окна.

Мишель Арданъ сталъ на колѣна предъ окномъ. Оно было темно, какъ бы матовое.

— Ну что же? воскликнулъ онъ: — а гдѣ же земля?

— Земля? сказалъ Барбиканъ: — да вотъ она.

— Какъ? Эта узенькая полоса, этотъ серебристый серпъ?

— Безъ сомнѣнія, Мишель. Черезъ четыре дня, когда будетъ полная луна, въ ту самую минуту какъ мы ея достигнемъ, земля станетъ иная. Она теперь представляется намъ въ видѣ растянутого серпа, который скоро исчезнетъ, и тогда на нѣсколько дней она погрузится въ непроницаемую тьму.

— Это-то земля! повторялъ Мишель Арданъ, смотря во всѣ глаза на маленькую полоску родной планеты.

Объясненіе данное през идеомъ Барбиканомъ было вѣрно.

Земля, по отношенію къ ядру, входила въ свою послѣднюю фазу. Она была въ своемъ октантѣ и являлась тонкимъ серпомъ на черномъ фонѣ неба. Свѣтъ его, нѣсколько синеватый отъ густоты атмосфернаго слоя, былъ не такъ яркъ какъ серпъ луны. Но размѣры его казались несравненно значительнѣе; онъ являлся громаднымъ лукомъ растянутымъ по небу. Нѣкоторые пункты, ярко освѣщенные, особенно въ его вогнутой части, свидѣтельствовали о существованіи высокихъ горъ; но они по временамъ исчезали подъ густыми пятнами, какихъ никогда не видно на поверхности луннаго диска. То были кольца облаковъ, концентрически расположенныхъ вокругъ земнаго сфероида.

Впрочемъ, вслѣдствіе естественнаго феномена, тождественнаго съ тѣмъ который происходитъ на лунѣ, когда она находится въ своихъ октантахъ, можно было видѣть весь контуръ земнаго шара. Полный дискъ его выказывался довольно явственно, благодаря пепельному свѣту, менѣе впрочемъ замѣтному чѣмъ пепельный свѣтъ луны. И причину этой меньшей яркости понять не трудно. Когда этотъ отблескъ замѣчается на лунѣ, то онъ происходитъ отъ солнечныхъ лучей, которые земля отражаетъ къ своему спутнику. Здѣсь наоборотъ, онъ происходитъ отъ солнечныхъ лучей, отражаемыхъ отъ луны на землю. Но свѣтъ земной почти въ тринадцать разъ сильнѣе луннаго, что зависитъ отъ различнаго отблеска обоихъ тѣлъ. Отсюда вытекаетъ слѣдствіе что, въ явленіи пепельнаго свѣта, темная часть земнаго диска обозначается не такъ явственно какъ таковая же часть луннаго диска, такъ какъ напряженіе явленія пропорционально освѣщающей силѣ обѣихъ планетъ. Надо прибавить что серпъ земли, казалось, образовалъ дугу болѣе продолговатую, чѣмъ дуга диска. Естественное слѣдствіе иррадіаціи.

Между тѣмъ какъ путешественники пытались проникнуть глубокой мракъ пространства, сверкающій букетъ падучихъ звѣздъ раскинулся предъ ними. Сотни болидовъ, всплывшихся отъ соприкосновенія съ атмосферой, прорывали мракъ блестящими полосами и испещряли своимъ свѣтомъ пепельную часть диска. Въ эту эпоху земля находилась въ своемъ перигелии, и декабрь мѣсяцъ такъ благоприятенъ по явленію этихъ падучихъ звѣздъ что астрономы насчитывали ихъ до 24.000 въ часъ. Но Мишель Арданъ, не обращая

вниманія на научныя объясненія, угѣшался мыслию что земля напутствуетъ самыми блестящими фейерверками отбытіе трехъ чадъ своихъ.

Вотъ все что наблюдали они на этомъ сфероидѣ, затерянномъ въ тѣни, на этой нижней планетѣ солнечнаго міра, которая для большихъ планетъ заходитъ и восходитъ какъ простая утренняя или вечерняя звѣзда. Незамѣтная точка въ пространствѣ, этотъ шаръ, на которомъ они оставили все что имъ было дорого, являлся не болѣе какъ убѣгающимъ серпомъ.

Долгое время три друга, безмолвно, но слившись сердцами, смотрѣли въ даль, между тѣмъ какъ ядро несло съ скоростью уменьшавшеюся однообразно. Потомъ неудержимая сонливость овладѣла ими. Было ли то утомленіе тѣла и духа? Конечно, ибо, послѣ возбужденнаго состоянія, въ которомъ они провели послѣдніе часы на землѣ, реакція должна была послѣдовать неизбѣжно.

— Ну что жь, сказалъ Мишель, — коли спать, такъ спать!

Они улеглись на своихъ матрацахъ и вскорѣ всѣ трое погрузились въ глубокій сонъ.

Но не прошло четверти часа, какъ Барбиканъ вдругъ вскопчалъ и, будя своихъ товарищей, закричалъ имъ что было у него силы:

— Нашель, нашель!...

— Что ты нашель?... спросилъ Мишель Арданъ, вскакивая съ постели.

— Причину почему мы не слышали выстрѣла Колумбіады.

— А именно? спросилъ Николь.

— Ядро наше летѣло скорѣе звука!

ГЛАВА III,

въ которой путешественники устраиваются.

Какъ только это любопытное и несомнѣнно вѣрное объясненіе было сдѣлано, три друга снова погрузились въ глубокій сонъ. Да и гдѣ бы имъ найти для сна мѣсто болѣе тихое и спокойное? На землѣ городскіе дома, сельскія хижины ощущаютъ всѣ сотрясенія сообщаемыя оболочкѣ земнаго шара. На морѣ, судно, носимое волнами, безпрерывно

потрясается и колеблется. Въ воздухѣ, аэро-стать непрерывно качается на воздушныхъ слояхъ различной густоты. Одно только это ядро, несущееся въ абсолютной пустотѣ, посреди абсолютнаго безмолвія, представляемо обитателямъ своимъ абсолютный покой.

Вслѣдствіе этого, сонъ трехъ смѣлыхъ путешественниковъ, можетъ-быть, длился бы до безконечности, елибы внезапный шумъ не разбудилъ ихъ въ семь часовъ утра, 2го декабря, спустя восемь часовъ послѣ ихъ отъѣзда.

Шумъ этотъ былъ явственно раздававшійся лай собаки.

— Собаки! Да, собаки! воскликнулъ Мишель Арданъ, поднимаясь въ ту же минуту съ постели.

— Онѣ проголодались, сказалъ Николь.

— Еще бы! отвѣчалъ Мишель: — мы совсѣмъ о нихъ забыли.

— Гдѣ жь онѣ? спросилъ Барбиканъ.

Начали, разыскивать, и одну изъ собакъ нашли подъ диваномъ. Испуганная, ошеломленная начальнымъ толчкомъ, она, свернувшись, лежала въ своемъ углу до тѣхъ поръ пока голодъ не заставилъ ее подать голосъ.

То была кроткая Діана, стыдливо выползавшая по-немногу изъ своего убѣжища, уступая убѣдительнымъ просьбамъ. Мишель Арданъ не переставалъ приманивать ее самыми нѣжными рѣчами.

— Діана, Діанушка, говорилъ онъ, — поди сюда дитя мое! Ты, судьба которой будетъ отмѣчена въ кинегетическихъ лѣтописяхъ! Ты, которую язычники дали бы въ подруги богу Анубису! Ты достойна быть изваянною рукой бога преисподней, подобно той собачкѣ которую Юпитеръ уступилъ за поцѣлуй красавицѣ Европѣ! Ты, слава которой затмитъ славу героевъ Монтаржи и Сенъ-Бернара! Ты, которая, пускаясь въ междупланетныя пространства, сдѣлаешься, можетъ-быть, Еврою лунныхъ собакъ! Ты, которая оправдаешь тамъ на высотѣ слова Гуссенеля: „Въ началѣ Богъ сотворилъ человѣка, и видя слабость его, далъ ему собаку!“ Поди же ко мнѣ, Діанушка, поди ко мнѣ!

Діана, уступая льстивымъ рѣчамъ, подвигалась мало-помалу, съ жалобнымъ воемъ.

— Хорошо, сказалъ Барбиканъ, — Еву-то мы видимъ, но гдѣ же Адамъ?

— Адамъ! отвѣчалъ Мишель. — И Адамъ вѣрно не далеко!

Онъ также забился куда-нибудь. Надо позвать его. Спутникъ, сюда, Спутникъ!

Но Спутникъ не появлялся, а Діана продолжала выть. Ее освидѣтельствовали, нашли что она не равна и угостили ее вкуснымъ пирожкомъ, тотчасъ же прекратившимъ ея жалобныя стenanія.

Что касается до Спутника, то его долго не могли отыскать; наконецъ его нашли въ одномъ изъ верхнихъ отдѣленій ядра, куда разомъ подбросилъ его толчокъ. Бѣдное животное, сильно разбившееся, находилось въ самомъ жалкомъ положеніи.

— Чортъ возьми! сказалъ Мишель.—Вотъ вамъ и акклиматизація....

Бѣдную собаку осторожно спустили внизъ. Голова ея была разбита о сводъ ядра, и казалось что она не опомнится отъ этого удара. Тѣмъ не менѣе, ее бережно положили на подушку, и тамъ она вздохнула.

— Мы будемъ ухаживать за тобой, сказалъ Мишель.—На насъ лежитъ отвѣтственность за твою жизнь. Я готовъ скорѣе потерять руку чѣмъ хоть одну лапку моего бѣднаго Спутника!

Говоря это, онъ далъ воды разбитому животному, которое съ жадностью стало пить ее.

Затѣмъ путешественники принялись наблюдать землю и луну. Земля являлась имъ уже въ видѣ пепельнаго диска, оканчивавшагося болѣе узкимъ серпомъ чѣмъ наканунѣ; но объемъ его оставался еще огромнъ, при сравненіи его съ луной, которая все болѣе и болѣе обращалась въ полный кругъ.

— Досадно, право, сказалъ Мишель Арданъ,—что мы не отправились въ минуту „полноземлія“, то-есть когда нашъ шаръ былъ какъ разъ противъ солнца.

— А почему? спросилъ Николь.

— Потому что мы увидѣли бы въ новомъ свѣтѣ наши моря и материки, первыя—сверкающія отъ отраженія солнечныхъ лучей, вторыя—болѣе темныя и въ такомъ видѣ какъ ихъ изображаютъ на нѣкоторыхъ картахъ. Мнѣ желательно было бы видѣть эти полосы земли, на которыя никогда не падалъ взоръ человѣческой.

— Конечно, отвѣчалъ Барбиканъ,—но еслибы земля была полная, то мѣсяцъ находился бы въ періодѣ новолунія, то-есть былъ бы невидимъ въ солнечныхъ лучахъ. А для насъ

выгодѣе видѣть дѣла къ которой мы стремимся чѣмъ точку съ которой мы отправились.

— Вы правы, Барбиканъ, отвѣчалъ Николь,—да къ тому же, когда мы доберемся до луны, то успѣемъ въ долгія лунныя ночи вдоволь насмотрѣться на этотъ шаръ, гдѣ кишать наши ближніе!

— Наши ближніе! сказалъ Мисель Арданъ.—Но теперь они столько же наши ближніе какъ и селениты! Мы живемъ въ новомъ мірѣ, населенномъ нами одними, въ ядрѣ! Я ближній Барбикана, а Барбиканъ ближній Николь. Надъ нами и вѣкъ насъ человѣчество оканчивается, и мы единственное население этого микрокосма до той минуты пока не сдѣлаемся простыми селенитами!

— Почти чрезъ 88 часовъ, прибавилъ капитанъ.

— И это значить?... спросилъ Мисель.

— Что теперь половина девятого, отвѣчалъ Николь.

— Ну, такъ, возразилъ Мисель,—я не вижу причины почему бы намъ не позавтракать.

И дѣйствительно, жители новой планеты не могли оставаться безъ ѣды, и желудокъ ихъ настоятельно требовалъ подкрѣпленія. Мисель Арданъ, въ качествѣ Француза, объявилъ себя главнымъ поваромъ, въ чемъ онъ и не нашелъ себѣ конкурентовъ. Газъ доставилъ количество тепла нужное для приготовленія кушанья, а ящикъ съ провизіей—необходимые элементы для этого перваго банкета.

Завтракъ начался тремя чашками превосходнаго бульйона, добытаго разведеніемъ въ теплой водѣ драгоцѣнныхъ плитокъ Либиха, изготовленныхъ изъ лучшихъ частей рогатаго скота населяющаго пампы. За бульйономъ послѣдовали нѣсколько кусковъ бифштекса, сдавленнаго гидравлическимъ прессомъ, столь же нѣжныхъ и сочныхъ какъ будто они только что вышли изъ кухни *Café Anglais*. Мисель, человѣкъ пылкаго воображенія, утверждалъ даже что они „окровавлены“.

Овощи въ консервѣ и „свѣжѣе чѣмъ въ натурѣ“, какъ замѣтилъ тотъ же любезный Мисель, послѣдовали за мясомъ, и завтракъ заключился нѣсколькими чашками превосходнаго чая съ тартинками, изготовленнаго по-американски.

Наконецъ, для довершенія этого торжества, Арданъ вынулъ бутылку отличнаго бургонскаго, которая *случайно* пала въ ящикъ съ провизіей. Друзья выпили ее въ честь соединенія земли съ ея спутникомъ.

И какъ будто бы недостаточно было этого благороднаго вина, возвращеннаго солнечными лучами на холмахъ Бургони, само солнце выступило для озаренія пиршества. Въ эту минуту ядро вышло изъ конуса тѣни отбрасываемой земнымъ шаромъ, и лучи блестящаго свѣтила упали на нижнюю поверхность ядра....

— Солнце! воскликнулъ Мисель Арданъ.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Барбиканъ.—Я поджидалъ его.

— А между тѣмъ, замѣтилъ Мисель,—конусъ тѣни, которую земля отбрасываетъ въ пространство, идетъ за луну.

— И на значительное разстояніе, если не принять въ соображеніе атмосферной рефракціи, сказалъ Барбиканъ.— Но когда луна покрыта этою тѣнью, то это значитъ что центры трехъ тѣлъ, солнца, земли и луны, лежатъ на прямой линіи. Тогда узлы совпадаютъ съ фазами полной луны, и происходитъ затменіе. Еслибы мы отправились въ моментъ затменія луны, то все путешествіе наше совершилось бы въ тѣни. А это было бы прискорбно.

— Почему такъ?

— А потому что, хотя мы и несемъ въ пустотѣ, наше ядро, окруженное лучами солнца, будетъ пользоваться его свѣтомъ и теплотой. Итакъ—экономія газа, драгоценная во всѣхъ отношеніяхъ.

И дѣйствительно, подъ этими лучами, температура и блескъ которыхъ не умѣрялись никакою атмосферой, ядро согрѣвалось и освѣщалось какъ будто бы оно вдругъ перешло отъ зимы къ лѣту. Луна сверху, солнце снизу обливали его своими лучами.

— Здѣсь очень хорошо, замѣтилъ Николь.

— Надѣюсь, отвѣчалъ Мисель Арданъ:—немного земли на нашей планетѣ изъ алюминія, и мы выростили бы горошекъ въ 24 часа. Боюсь только одного, чтобы стѣны ядра не вздулись растопиться.

— Успокойся, мой достойный другъ, отвѣчалъ Барбиканъ.— Ядро выдержало температуру гораздо болѣе высокую, когда оно скользило по атмосфернымъ слоямъ. Я не удивился бы нисколько, еслибъ оно показалось жителямъ Флориды воспламененнымъ болидомъ.

— Но въ такомъ случаѣ Л. Т. Мэстонъ долженъ предполагать что мы изжарились.

— Меня самого удивляетъ что этого не случилось съ нами, сказалъ Барбиканъ.—Вотъ опасность, которой мы не предвидѣли.

— Признаться, я очень этого опасался, отвѣчалъ равнодушно Николь.

— И ты ничего не сказалъ намъ объ этомъ, неподобный капитанъ! воскликнулъ Мишель, сжимая руку своего товарища.

Между тѣмъ Барбиканъ началъ устраиваться въ ядрѣ, какъ будто бы ему предстояло навсегда остаться въ немъ. Нужно припомнить что этотъ воздушный вагонъ въ основаніи своемъ представлялъ поверхность въ 54 квадратные фута. Двадцати футовъ вышиной до вершины свода, искусно снаряженный внутри, мало загроможденный инструментами и дорожною утварью, которымъ отведены были особые мѣста, онъ предоставлялъ тремъ путешественникамъ нѣкоторую свободу движеній. Толстое стекло, занимавшее часть дна, могло легко выносить значительную тяжесть. Оттого Барбиканъ и его товарищи могли расхаживать по немъ какъ по крѣпкому полу; но солнце, ударявшее на него прямо своими лучами, освѣщая внутренность ядра снизу, производило въ немъ странные переливы свѣта.

Приступили къ осмотру ящиковъ съ водой и съѣстными припасами. Эти вмѣстителица не пострадали нисколько, благодаря мѣрамъ принятымъ для ослабленія толчка. Запасовъ было въ изобиліи, и они могли пропитать путешественниковъ въ теченіи цѣлаго года. Барбиканъ имѣлъ въ виду обезпечить себя, на случай если ядро остановится на совершенно бесплодной части луны. Что касается до воды и до запаса водки, состоявшаго изъ пятидесяти галлоновъ, то ихъ было достаточно только на два мѣсяца. Но, по послѣднимъ наблюденіямъ астрономовъ, луна одарена атмосферой низкою, густою, плотною, по крайней мѣрѣ въ ея глубокихъ долинахъ, и тамъ не можетъ быть недостатка въ ручьяхъ и источникахъ. Итакъ, во время путешествія и въ теченіе перваго года своего пребыванія на лунномъ континентѣ, смѣлые исследователи не должны были страдать ни отъ голода, ни отъ жажды.

Оставался вопросъ о воздухѣ внутри ядра. Въ этомъ отношеніи они были также вполне обезпечены. Аппаратъ Рейзе и Реньйо, назначенный для произведенія кислорода, былъ

снабженъ на два мѣсяца хлорнокислымъ поташомъ. Онъ по необходимости потреблялъ нѣкоторое количество газа, ибо отдѣляющее кислородъ вещество должно было постоянно поддерживать выше четырехъ сотъ градусовъ. И тутъ они были обезпечены. Къ тому же аппаратъ требовалъ самаго небольшого надзора. Онъ дѣйствовалъ автоматически. При этой возвышенной температурѣ хлорнокислый поташъ измѣнялся въ хлористый потассій, отдавая весь кислородъ который содержалъ въ себѣ. Но что же доставляли 18 фунтовъ хлорнокислаго поташа? Семь фунтовъ кислорода необходимаго для ежедневнаго потребленія жителей ядра.

Но недостаточно было одного возобновленія потребленнаго кислорода; требовалось еще поглощеніе угольной кислоты, производимой выдыханіемъ. Уже въ теченіи 12-ти часовъ атмосфера ядра переполнялась этимъ крайне вреднымъ газомъ, продуктомъ сожиганія элементовъ крови вдыхаемымъ кислородомъ. Николь замѣтилъ это состояніе воздуха по учащенному дыханію Діаны. И дѣйствительно, угольная кислота, подобно тому какъ происходитъ въ знаменитой Собачьей Пещерѣ, скоплялась на днѣ ядра вслѣдствіе своей тяжести. Такимъ образомъ бѣдная Діана должна была прежде своихъ господъ испытать присутствіе этого газа. Но капитанъ Николь успѣшилъ поправить дѣло. Онъ тотчасъ же поставилъ на дно ядра нѣсколько сосудовъ съ хлорнокислымъ поташомъ, который болталъ нѣсколько времени, и это вещество, жадно вливающее въ себя угольную кислоту, поглотило его совершенно и очистило внутренній воздухъ.

Затѣмъ начался осмотръ инструментовъ. Термометры и барометры устояли, за исключеніемъ одного термометра *à minima*, у котораго разбилось стекло. Превосходный анероидъ, вынутый изъ ящика, обложеннаго ватой, былъ повѣшенъ на одной изъ стѣнъ. Конечно, онъ показывалъ только давленіе воздуха внутри ядра. Но онъ показывалъ также количество водяныхъ паровъ заключавшихся въ немъ. Въ эту минуту стрѣлка его колебалась между 735 и 760 миллиметрами. Это означало „хорошую погоду“.

Барбиканъ взялъ съ собою также нѣсколько компасовъ, которые оказались въ совершенной исправности. Понятно что въ настоящемъ положеніи ихъ стрѣлка блуждала, то есть не имѣла никакого опредѣленнаго направленія. И дѣйствительно, на томъ разстояніи отъ земли гдѣ находилось

ядро, магнитный полюсъ не могъ имѣть никакого оцутительнаго вліянія на аппаратъ. Но эти компасы, перенесенные на лунный дискъ, могли послужить тамъ къ самымъ интереснымъ наблюденьямъ. Во всякомъ случаѣ, любопытно было изслѣдовать, подчиняется ли спутникъ земли такому же магнетическому вліянію, какъ и сама земля.

Гипсометръ для измѣренія высоты лунныхъ горъ, сектантъ для опредѣленія высоты солнца, теодолитъ, геодезическій инструментъ служащій для съемки плановъ и приведенія угловъ къ горизонту, зрительныя трубки, употребленіе которыхъ особенно будетъ важно по приближенію къ лунѣ, всѣ эти инструменты были тщательно осмотрѣны и признаны въ исправности, несмотря на силу начальнаго толчка.

Что касается до утвари, кирокъ, заступовъ и различныхъ орудій, коллекцію которыхъ забралъ съ собою Николь, что касается до различныхъ сѣменъ и кустарниковъ, которые Мишель Арданъ замышлялъ перенести на лунную почву, то они всѣ были на своихъ мѣстахъ въ верхнихъ углахъ ядра. Тамъ устроенъ былъ родъ палатей, заваленныхъ различными предметами, которые захватилъ съ собою предусмотрительный Французъ. Чтò у него тамъ было, онъ не объяснялъ товарищамъ; только время отъ времени, по ступенямъ вдѣланнымъ въ стѣну ядра, онъ карабкался въ этотъ тайникъ и все приводилъ тамъ въ порядокъ. Онъ осматривалъ, перебиралъ все чтò тамъ было, открывалъ и закрывалъ какіе-то таинственные ящички, распѣвая при этомъ довольно фальшиво старинныя французскія пѣсни, чтò забавляло его собесѣдниковъ.

Барбиканъ тщательно старался предохранить отъ порчи свои ракеты и другіе подобные предметы. Эти важные снаряды, сильно заряженные, должны были ослабить паденіе ядра, когда оно, привлекаемое луннымъ притяженіемъ, по минованіи пункта нейтральнаго притяженія, упадетъ на поверхность луны. Паденіе это, впрочемъ, должно было совершиться въ шесть разъ тише чѣмъ на поверхности земли, благодаря различію массы обѣихъ планетъ.

Итакъ осмотръ оказался вполне удовлетворителенъ. Путешественники возвратились къ наблюденію пространства въ боковыя окна и въ нижнюю раму.

Зрѣлище было то же самое: все пространство небесной сферы наполнено было планетами и созвѣздіями такой чудной

ясности что астрономъ сошелъ бы съ ума отъ восторга! Съ одной стороны видялось солнце; какъ жерло растопленной печи, оно являлось ослѣпительнымъ дискомъ, безъ ореола, и какъ бы отдѣляясь на черномъ фонѣ неба. Съ другой стороны луна отраженіемъ отбрасывала его огни и казалась какъ бы неподвижною посреди звѣзднаго міра. Затѣмъ пятно довольно темное, какъ бы прорывавшее небо, и еще окруженное серебристою полоской: то была земля. Тамъ-и-сямъ туманныя массы, какъ бы большіе комы звѣзднаго снѣга, и отъ зенита до надира громадное кольцо образуемое недосыгаемою пылью звѣздъ, этотъ млечный путь, посреди коего солнце не болѣе какъ звѣзда четвертой величины.

Наблюденія не могли отвлечь ихъ отъ созерцанія столь новаго зрѣлища, о которомъ никакое описаніе не можетъ дать настоящаго понятія. Сколько думъ оно имъ навѣяло! Сколько невѣдомыхъ ощущеній оно пробудило въ ихъ душѣ! Барбиканъ, подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, задумалъ начать разказъ о своемъ путешествіи; онъ отвѣчалъ часъ за часомъ всѣ факты ознаменовавшіе начало ихъ предпріятія. Онъ писалъ спокойно своимъ крупнымъ четверугольнымъ почеркомъ и нѣсколько коммерческимъ слогомъ.

Въ это время исчислитель Николь просматривалъ свои формулы траекторій и распорядился цифрами съ необыкновенною ловкостью. Мишель Арданъ болталъ то съ Барбиканомъ, который не отвѣчалъ ему, то съ Николемъ, который его не слушалъ, то съ Діаной которая не понимала его теорій; наконецъ заговорилъ самъ съ собою, дѣлалъ себѣ вопросы и отвѣчалъ на нихъ, рассказывая взадъ и впередъ, занимаясь разными мелочами, то наклоняясь надъ нижнею рамою, то взбираясь наверхъ ядра, и все распѣвая. Въ этомъ микрокосмѣ онъ служилъ представителемъ французской подвижности и болтаивости, и представителемъ вполнѣ достойнымъ.

День или, правильнѣе — выраженіе „день“ на точно, — 12-часовой періодъ составляющій день на землѣ окончился обильнымъ ужиномъ мастерски изготовленнымъ. Не случилось ничего такого что могло бы потревожить спокойствіе путешественниковъ. Вслѣдствіе этого, полныя надежды, даже увѣренныя въ успѣхъ, они мирно заснули, между тѣмъ какъ ядро съ постоянно уменьшающеюся скоростью несло по небесному пути.

ГЛАВА IV.

Нѣсколько агебры.

Ночь прошла благополучно. Правду сказать, слово *ночь* выраженіе неточное. Положеніе ядра относительно солнца не измѣнялось. Въ астрономическомъ смыслѣ, на нижней части ядра былъ день, на верхней ночь. Итакъ, если въ этомъ разказѣ встрѣчаются означенныя выраженія, то ихъ слѣдуетъ принимать за періодъ времени протекающій между восходомъ и закатомъ солнца на землѣ.

Сонъ путешественниковъ былъ тѣмъ покойнѣе что, несмотря на чрезмѣрную быстроту съ какою двигалось ядро, оно казалось неподвижнымъ. Никакое колебаніе не обозначало помета его въ пространствѣ. Перемѣщеніе, какъ бы быстро оно ни совершалось, не можетъ производить ощутительнаго вліянія на организмъ, когда оно совершается въ пустотѣ или когда масса воздуха вращается вмѣстѣ съ летящимъ тѣломъ. Какой житель земли замѣчаетъ быстроту ея движенія, а между тѣмъ эта быстрота равняется 90.000 километрамъ въ часъ. Движеніе при этихъ условіяхъ „не ощущается“, также какъ и неподвижность. Поэтому всякое тѣло остается къ нему равнодушнымъ. Если тѣло неподвижно, то оно и остается таковымъ до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь посторонняя сила не перемѣститъ его. Если же оно въ движеніи, то не остановится, пока не встрѣтитъ на пути своемъ какой-нибудь преграды. Это равнодушіе къ движенію или неподвижности есть инерція.

Такимъ образомъ Барбиканъ и его товарищи, будучи заключены во внутренности ядра, могли считать себя въ полной неподвижности. Впрочемъ, впечатлѣніе было бы одинаково еслибъ они находились и внѣ ядра. Безъ луны, постоянно увеличивавшейся надъ ними, безъ земли постоянно уменьшавшейся подъ ними, они могли бы поклясться что находятся въ совершенной неподвижности.

Въ это утро, 3го декабря, ихъ пробудилъ веселый, но совершенно неожиданный звукъ — пѣніе пѣтуха во внутренности вагона.

Мишель Арданъ первый вскочилъ съ постели; вскарабкался на свой чердакъ и, затворяя полуоткрытый ящикъ, произнесъ шепотомъ:

— Замолчишь ли ты, проклятый! Это животное разстроить, пожалуй, мою комбинацію!

Однако Николь и Барбиканъ проснулись.

— Пѣтухъ! сказалъ Николь.

— О, нѣтъ, мои друзья! съ живостью отвѣчалъ Мисель:— это мнѣ вздумалось разбудить васъ такимъ сельскимъ напѣвомъ.

И произнеся эти слова, онъ прокричалъ кукареку такъ искусно, что ему позавидовалъ бы самый крикливый изъ пѣтуховъ.

Американцы не могли удержаться отъ смѣха.

— Отличный талантъ, сказалъ Николь, подозрительно поглядывая на своего товарища.

— Да, отвѣчалъ Мисель,—національная потѣха! Это чисто по-гальски. У насъ такъ поютъ пѣтухомъ въ самомъ лучшемъ обществѣ.

Потомъ, поспѣшно перемѣнивъ разговоръ, онъ сказалъ:

— А знаешь ли, Барбиканъ, о чемъ я продумалъ всю ночь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ.

— О нашихъ кембриджскихъ друзьяхъ. Ты замѣтилъ уже что я ничего не смыслю въ математикѣ. Поэтому я никакъ не могу разгадать, какимъ образомъ наши ученые на обсерваторіи могли вычислить съ какою начальною скоростью должно быть пущено ядро, чтобъ отъ Колумбіады долетѣть до луны.

— Ты хочешь сказать, возразилъ Барбиканъ,—чтобы достигнуть того нейтральнаго пункта гдѣ земное и лунное притяженія уравновѣшиваются, ибо, начиная съ этого пункта, находящагося почти на девяти десятыхъ пути, ядро упадетъ на луну просто вслѣдствіе своей тяжести.

— Положимъ такъ, отвѣчалъ Мисель,—но, повторяю еще разъ, какимъ образомъ они могли вычислить начальную скорость?

— Нѣтъ ничего легче.

— И ты умѣлъ бы сдѣлать такое вычисленіе?

— Безъ сомнѣнія. Мы съ Николемъ сдѣлали бы его, еслибы мемуаръ обсерваторіи не избавилъ насъ отъ этого труда.

— Что до меня касается, мой дорогой Барбиканъ, то мнѣ легче было бы потерять голову чѣмъ рѣшить такую задачу.

— Потому что ты не знаешь алгебры, спокойно отвѣчалъ Барбиканъ.

— А такъ вотъ каковы вы, иксоды! Вамъ кажется что словомъ *алгебра* все сказано!

— Послушай, Мисель, возразилъ Барбиканъ,—какъ ты думаешь, можно копать безъ молотка, или пахать безъ сохи?

— Трудновато.

— Итакъ алгебра есть такое же орудіе какъ соха и молотокъ, и отличное орудіе для того кто умѣетъ имъ владѣть.

— Серіозно?

— Совершенно серіозно.

— И ты могъ бы употребить въ дѣло это орудіе, здѣсь же при мнѣ?

— Если тебѣ это угодно.

— И показать мнѣ какъ исчислена была начальная скорость нашего вагона?

— Да, мой достойный другъ. Принимая въ соображеніе всѣ элементы проблемы, разстояніе центра земли отъ центра луны, радіусъ земли, массу земли и массу луны, я могу съ точностью опредѣлить какова должна быть начальная скорость ядра, и все это простою формулой.

— Посмотримъ формулу.

— Ты увидишь ее. Я не стану опредѣлять кривую которую въ дѣйствительности описываетъ ядро между луной и землей, и не буду принимать въ расчетъ ихъ поступательнаго движенія около солнца. Нѣтъ, я буду считать эти тѣла неподвижными, что для насъ совершенно достаточно.

— А почему?

— Потому что иначе это было бы изысканіемъ той проблемы, которая носитъ названіе „проблемы трехъ тѣлъ“, а интегральное счисленіе не развилось еще на столько чтобы рѣшить ее.

— Ого! сказалъ Мисель Арданъ своимъ насмѣшливымъ тономъ:—стало-быть математика не сказала еще своего послѣдняго слова?

— Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ Барбиканъ.

— Хорошо! Можетъ-быть жители луны пошли дальше васъ въ интегральномъ счисленіи? А кстати, что такое интегральное счисленіе?

— Это счисленіе обратное счисленію дифференціальному, серіозно отвѣчалъ Барбиканъ.

— Очень благодаренъ.

— Говоря другими словами, это счисленіе которымъ отыс-

квиваются конечныя величины, дифференціалъ коихъ извѣстенъ.

— Вотъ что по крайней мѣрѣ ясно, отвѣчалъ Мисель, прикидываясь совершенно удовлетвореннымъ.

— А теперь, продолжалъ Барбиканъ, — клочокъ бумаги и карандашъ, и чрезъ полчаса я найду требуемую формулу.

Сказавъ это, Барбиканъ погрузился въ свое занятіе, между тѣмъ какъ Николь продолжалъ смотрѣть въ пространство, предоставляя Миселю позаботиться о завтракѣ.

Не прошло получаса, и Барбиканъ, поднявъ голову, показавъ Миселю Ардану страницу исписанную алгебраическими знаками, посреди коихъ выдѣлялась слѣдующая общая формула:

$$\frac{1}{2}(V^2 - V_0^2) = gr \left\{ \frac{r}{x} - 1 + \frac{m'}{m} \left(\frac{r}{d-x} - \frac{r}{dr} \right) \right\}$$

— Что жъ это значить? спросилъ Мисель.

— Это значить, отвѣчалъ Николь, — что половина V квадратъ, минусъ V нулевое квадратъ, равно gr , помноженному на r дѣленный на x минусъ единица плюсъ m примъ, дѣленный на m ...

— *Иксъ* скачетъ на *игрекъ*, *зетолъ* погоняетъ, воскликнулъ Мисель Арданъ, раздражаясь неистовымъ хохотомъ. — И ты это понимаешь, капитанъ?

— Какъ нельзя лучше.

— Еще бы! сказалъ Мисель: — оно въ глаза бросается, и съ меня совершенно достаточно.

— Вѣчный забавникъ! возразилъ Барбиканъ. — Тебѣ хотѣлось алгебры, и вотъ тебѣ ея въ волю.

— Нѣтъ, ужъ лучше повѣсьте меня!

— Дѣйствительно, отвѣчалъ Николь, разсматривая формулу съ видомъ знатока, — вычисленіе сдѣлано отлично, Барбиканъ. Это интегралъ уравненія живыхъ силъ, и я не сомнѣваюсь что мы найдемъ искомый результатъ.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось понять это! воскликнулъ Мисель: — я бы далъ десять лѣтъ жизни Никола, только бы добраться до такой премудрости.

— Итакъ слушай, продолжалъ Барбиканъ, — половина V квадратъ минусъ V нулевое квадратъ — формула, которая даетъ намъ половину измѣненія живой силы.

— Хорошо, а Николь понимаетъ что это значить?

— Конечно, Мисель, отвечал капитанъ.—Всѣ эти знаки, которые тебѣ кажутся кабалистическими, составляютъ самую ясную, самую простую, самую логическую рѣчь для того кто умѣетъ ихъ читать.

— И ты утверждаешь, Николь, продолжалъ допрашивать Мисель,—что посредствомъ этихъ пгероглифовъ, которые не понятнѣе египетскихъ ибисовъ, ты въ состояніи опредѣлить какую начальную скорость должно было имѣть наше ядро?

— Безъ сомнѣнія, и даже, на основаніи этой формулы, я могу сказать тебѣ какова его скорость на любомъ пунктѣ нашего пути.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Ну, такъ стало-быть ты такой же хитрецъ какъ нашъ президентъ.

— Нѣтъ, Мисель. Самое трудное именно то что сдѣлалъ Барбиканъ; онъ составилъ уравненіе въ которомъ приняты въ расчетъ всѣ условія проблемы. Остальное — дѣло ариметики и требуетъ только знанія четырехъ правилъ.

— И то ужъ хорошо! отвечалъ Мисель Арданъ, который въ жизнь свою не умѣлъ никогда сдѣлать безъ ошибки даже сложенія, и который опредѣлялъ это правило слѣдующимъ образомъ: „Маленькій китайскій кастетъ, дающій возможность получать бесконечно-разнообразные итоги“.

Барбиканъ замѣтилъ однако что Николу стоило бы только подумать, и онъ, конечно, самъ нашелъ бы эту формулу.

— Не знаю, отвечалъ Николь,—но чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ нее, тѣмъ болѣе нахожу въ ней достоинствъ.

— Теперь послушай, сказалъ Барбиканъ своему несвѣдущему товарищу,—и ты увидишь что всѣ эти буквы имѣютъ значеніе.

— Слушаю, отвечалъ Мисель съ видомъ самоотверженія.

— d , сказалъ Барбиканъ,—есть разстояніе центра земли отъ центра луны, ибо необходимо брать центры для вычисленія притяженій.

— Это я понимаю.

— r есть радіусъ земли.

— r — радіусъ. Согласенъ.

— m есть масса земли; m примъ масса луны. Необходимо

принять въ соображеніе массу двухъ притягивающихъ тѣлъ, потому что притяженіе пропорціонально массамъ.

— Понимаю.

— g значитъ тяготѣніе, скорость приобретаемая по простѣи секунды тѣломъ падающимъ на поверхности земли. Ясно это?

— Какъ хрусталь, отвѣтилъ Мисель.

— Теперь я обозначу буквой x измѣняющееся разстояніе, отдѣляющее ядро отъ центра земки, и буквой V скорость какою имѣетъ ядро на этомъ разстояніи.

— Хорошо.

— Наконецъ выраженіе V нулевое, стоящее въ уравненіи, есть скорость которую имѣетъ ядро при выходѣ изъ атмосферы.

— И дѣйствительно, сказалъ Николь,—въ этомъ именно пунктѣ и слѣдовало вычислить эту скорость, такъ какъ извѣстно что скорость при отправленіи составляетъ ровно три половинны скорости при выходѣ изъ атмосферы.

— Этого ужъ я не понимаю.

— А между тѣмъ вопросъ очень простъ, сказалъ Барбиканъ.

— Не такъ простъ какъ я, возразилъ Мисель.

— Это значитъ что когда наше ядро долетѣло до границы земной атмосферы, то оно уже потеряло треть своей начальной скорости.

— Такъ много?

— Да, мой другъ, и это только вслѣдствіе тренія своего объ атмосферные слои. Ты понимаешь что, чѣмъ быстрее оно двигалось, тѣмъ болѣе встрѣчало сопротивленія со стороны воздуха.

— Это я допускаю, сказалъ Мисель,—и понимаю, хотя твои V нулевое и V нулевое квадратъ сталкиваются у меня въ головѣ, какъ гвозди въ мѣшкѣ!

— Первое дѣйствіе алгебры, отвѣчалъ Барбиканъ.—А теперь, чтобъ доканать тебя, мы вставимъ числовыя данныя этихъ различныхъ выраженій, то-есть обратимъ ихъ въ цифры.

— Доканайте меня! отвѣчалъ Мисель.

— Изъ этихъ выраженій, сказалъ Барбиканъ,—одни извѣстны, другія слѣдуетъ вычислить.

— Я беру на себя эти послѣднія, сказалъ Николь.

— Разсмотримъ r , продолжалъ Барбиканъ,— r есть радіусъ

земли, который, подъ широтой Флориды, нашего исходнаго пункта, равняется 6.370.000 метрамъ. d , то-есть разстояніе отъ центра земли до центра луны, равняется 56ти земнымъ радіусамъ или....

Николь быстро сдѣлалъ вычисленіе.

— Или, сказалъ онъ, — 356.720.000 метровъ, въ моментъ когда луна находится въ своемъ перигеѣ, то-есть на самомъ близкомъ ея разстояніи отъ земли.

— Хорошо, сказалъ Барбиканъ.—Теперь m примъ раздѣленный на m , то-есть отношеніе массы луны въ массѣ земли, есть одна восемьдесятъ первая.

-- Отлично! замѣтилъ Мисель.

— g , тяготѣніе, во Флоридѣ есть 9 метровъ 81. Изъ чего слѣдуетъ, что gr равно...

— Шестидесяти двумъ милліонамъ четыремъ стамъ двадцати шести тысячамъ, отвѣчалъ Николь.

— И потомъ? спросилъ Мисель Арданъ.

— Потомъ, когда выраженія обращены въ цифры, отвѣчалъ Барбиканъ,—я буду отыскивать скорость V нулевое, то-есть скорость которую должно имѣть ядро оставляя атмосферу для достиженія точки притяженія, то-есть той точки, гдѣ скорость равняется нулю. Такъ какъ въ этотъ моментъ скорость будетъ равна нулю, то я и обозначаю ее нулемъ, а x , разстояніе на которомъ находится этотъ нейтральный пунктъ, будетъ представляемо девятью десятыми d , то-есть разстоянія отдѣляющаго оба центра.

— У меня смутное понятіе что это должно быть вѣрно, сказалъ Мисель.

— И такъ у меня будетъ: x равенъ девяти десятымъ d , а V равно нулю и моя формула будетъ....

Барбиканъ быстро написалъ на бумагѣ:

$$V_0^2 = 2gr \left\{ 1 - \frac{10r}{9d} - \frac{1}{81} \left(\frac{10}{d} r - \frac{r}{dr} \right) \right\}$$

Николь прочелъ съ жадностью.

— Такъ, такъ! вскричалъ онъ.

— Ясно ли это? спросилъ Барбиканъ.

— Какъ будто написано огненными буквами! отвѣчалъ Николь.

— Достойные мужи! пробормоталъ Мисель.

— Появля ли ты наконецъ? спросилъ его Барбиканъ.

— Появля ли я! воскликнулъ Мисель Арданъ: — то-есть у меня голова трещить.

— Итакъ, продолжалъ Барбиканъ, — V нулевое квадратъ равняется двумъ gr , помноженнымъ на единицу безъ $10r$ дѣленнымъ на $9d$ минусъ $\frac{1}{5}$ помноженная на $10r$ дѣленныхъ на d , минусъ r дѣленный на dr .

— А теперь, сказалъ Николь, — чтобы получить скорость ядра по выходѣ его изъ атмосферы, стѣбитъ только сдѣлать вычисленіе.

Капитанъ, какъ опытный практикъ, принялся вычислять съ ужасающею быстротой. Умноженія и дѣленія росли у него подъ пальцами. Цифры улизывали чистую страницу. Барбиканъ слѣдилъ за нимъ глазами, между тѣмъ какъ Мисель Арданъ старался обѣими руками подавить начинавшуюся мигрень.

— Ну? спросилъ Барбиканъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— По вычисленію всего, отвѣчалъ Николь, — V нулевое, то-есть скорость ядра при выходѣ изъ атмосферы для достиженія пункта равнаго притяженія, должна быть....

— Во сколько? спросилъ Барбиканъ.

— Въ 11.051 метръ въ первую секунду.

— Что? воскликнулъ Барбиканъ, вскакивая, — что вы сказали?

— Одиннадцать тысячъ пятьдесятъ одинъ метръ.

— Проклятіе! произнесъ президентъ отчаяннымъ голосомъ.

— Что съ тобой? произнесъ Мисель Арданъ, удивленный до крайности.

— Что со мной? Но если въ этотъ моментъ скорость уже уменьшилась на одну треть отъ тренія, то первоначальная скорость должна бы быть....

— Въ шестнадцать тысячъ пятьсотъ семьдесятъ шесть метровъ, отвѣчалъ Николь.

— А Кембриджская обсерваторія объявила что одиннадцать тысячъ метровъ достаточно для полета, и наше ядро полетѣло только съ этою скоростію!

— Ну что же? спросилъ Николь.

— Значить, она недостаточна.

— Правда.

— Мы не долетимъ до нейтральнаго пункта.

— Чортъ возьми!

- Мы не доберемся даже до половины пути!
- Проклятое ядро! воскликнул Мишель Арданъ, вспрыгнувъ такъ какъ будто ядро уже готово было удариться о землю.
- И упадемъ опять на землю!

ГЛАВА V.

Холодъ въ пространствахъ.

Открытие это было громовымъ ударомъ. Кто бы могъ ожидать такой ошибки вычисления? Барбиканъ не хотѣлъ этому вѣрить. Николь просматривалъ свои цифры. Онѣ были вѣрны. Что касается до формулы, на основаніи коей сдѣланъ былъ выводъ, то въ вѣрности ея невозможно было усомниться, и по окончаніи повѣрки оказалось несомнѣннымъ что начальная скорость въ 16.576 метровъ въ первую секунду была необходима для достиженія нейтральнаго пункта.

Друзья молча посмотрѣли другъ на друга. О завтракъ не было и помина. Барбиканъ, стиснувъ зубы, сдвинувъ брови, конвульсивно сжимая кулаки, наблюдалъ въ окно. Николь, скрестивъ руки, разсматривалъ свои вычисления. Мишель Арданъ бормоталъ:

— Вотъ они, ученые! Всегда-то они поступаютъ такъ! Я бы далъ двадцать пистолей чтобъ упасть на Кембриджскую обсерваторію и раздавить ее со всеми находящимися въ ней цифроплетами.

Вдругъ въ головѣ капитана мелькнула какая-то мысль, которую онъ поспѣшилъ сообщить Барбикану.

— Вотъ что! сказалъ онъ:—теперь семь часовъ утра; значить, мы отправились уже тридцать два часа тому назадъ; болѣе половины нашего пути мы пролетѣли, а еще не падаемъ, сколько мнѣ извѣстно.

Барбиканъ не отвѣчалъ ни слова. Но быстро взглянувъ на капитана, онъ взялъ циркуль, служившій ему для измѣренія угловой величины земнаго шара. Потомъ черезъ южное окно онъ сдѣлалъ самое точное наблюденіе, благодаря кажущейся неподвижности ядра. Затѣмъ онъ поднялся, отирая лобъ, съ котораго градомъ катилась потъ, и начертилъ нѣсколько цифръ на бумагѣ. Николь понялъ что президентъ

имѣлъ въ виду по измѣренію земнаго діаметра вывести разстояніе ядра отъ земли. Онъ со страхомъ смотрѣлъ на него.

— Нѣтъ, сказалъ Барбиканъ по прошествіи нѣсколькихъ минутъ,—нѣтъ, мы не падаемъ! Мы уже болѣе чѣмъ на пятьдесятъ тысячъ лѣ отъ земли! Мы перешли тотъ пунктъ гдѣ бы ядро должно было остановиться, еслибы скорость его была одиннадцать тысячъ метровъ! Мы все еще поднимаемся.

— Это ясно, отвѣчалъ Николь,— и отсюда слѣдуетъ заключить что наша начальная скорость подъ давленіемъ четырехъ сотъ тысячъ фунтовъ разрывнаго хлопка была сильнѣе требуемыхъ одиннадцати тысячъ метровъ. Этимъ объясняется что по истеченіи только тринадцати минутъ мы встрѣтили втораго спутника, который обращается на разстояніи слѣшкомъ двухъ тысячъ лѣ отъ земли.

— И это объясненіе тѣмъ болѣе вѣроятно, присовокупилъ Барбиканъ,—что выбросивъ воду, находившуюся между разбивными перегородками, ядро вдругъ облегчилось отъ значительной тяжести.

— Вѣрно! сказалъ Николь.

— О, мой дорогой Николь, воскликнулъ Барбиканъ,—мы спасены!

— Итакъ, спокойно произнесъ Мисель Арданъ,—если мы спасены, то давайте завтракать.

И дѣйствительно, Николь не ошибся. Начальная скорость, по счастью, была значительнѣе той которая была указана Кембриджскою обсерваторіей, но тѣмъ не менѣе обсерваторія ошиблась.

Путешественники успокоились отъ этой фальшивой тревоги, сѣли за столъ и весело позавтракали. Они много ѣли и говорили еще болѣе. Впрочемъ, увѣренность въ успѣхъ была сильнѣе до „алгебраическаго эпизода“ чѣмъ послѣ оного.

— А почему бы намъ не успѣть въ нашемъ предпріятіи? повторялъ Мисель Арданъ.—Почему бы намъ не доѣхать? Вѣдь мы несемъ. На пути намъ нѣтъ препятствій; камней нѣтъ на нашей дорогѣ. Путь нашъ свободнѣе пути корабля, который борется съ волнами, пути аэростата который борется съ вѣтромъ. Но если корабль приходитъ туда куда ему хочется, если аэростатъ поднимается куда заблагоразсудитъ, почему бы нашему ядру не достигнуть цѣли къ которой оно стремится?

— Оно и достигнетъ ея, сказалъ Барбиканъ.

— Хотя бы для чести американскаго народа, прибавилъ Мишель Арданъ,—единственнаго народа который способенъ довести до конца такое предпріятіе,—единственнаго который могъ произвести президента Барбикана! Но вотъ что мнѣ пришло въ голову: теперь, когда намъ не о чемъ беспокоиться, что съ нами будетъ? Мы будемъ царственно скучать....

Барбиканъ и Николь отрицательно покачали головами.

— Но я предусмотрѣлъ этотъ случай, друзья мои, продолжалъ Мишель.—Скажите только слово. Въ ваше распоряженіе явятся шашки, шахматы, карты, домино! Недостааетъ только билліарда!

— Какъ? спросилъ Барбиканъ,—ты захватилъ съ собой всю эту дрянь?

— Конечно, отвѣчалъ Мишель, — и не только для нашего развлечения, но съ похвальнымъ намѣреніемъ надѣлать ею лунные трактиры.

— Другъ мой, сказалъ Барбиканъ,—если луна населена, то жители ея появились на свѣтъ за нѣсколько тысячъ лѣтъ до жителей земли, такъ какъ, безъ сомнѣнія, луна древнѣе нашей планеты. Итакъ, если селениты существуютъ уже сотни тысячъ лѣтъ, если мозгъ у нихъ устроенъ подобно человѣческому мозгу, то они давно изобрѣли все что мы изобрѣли, и даже то что мы изобрѣтемъ въ теченіе будущихъ столѣтій. Имъ нечему будетъ учиться у насъ, а намъ придется всему научиться отъ нихъ.

— Какъ? спросилъ Мишель:—ты думаешь что у нихъ были такіе же художники какъ Фидій, Микель-Анджело или Рафаэль?

— Да.

— Такіе поэты какъ Гомеръ, Виргилій, Мильтонъ, Ламартинавъ и Гюго?

— Я увѣренъ въ этомъ.

— Такіе философы какъ Платонъ, Аристотель, Декартъ и Кантъ?

— Ни мало не сомнѣваюсь.

— Ученые какъ Архимедъ, Эвклидъ, Паскаль и Ньютонъ?

— Готовъ поклясться что да.

— Комики какъ Арналь и фотографы какъ.... Надаръ?

— Конечно.

— Въ такомъ случаѣ, другъ Барбиканъ, если эти Селениты также сильны какъ мы, даже сильнѣ насъ, то почему же они не попытаются завести сношенія съ земляей? Почему они не пустили луннаго ядра въ предѣлы земные?

— А кто жь тебѣ сказалъ что они этого не сдѣлали? спросилъ серьезно Барбиканъ?

— И дѣйствительно, прибавилъ Николь, — имъ это было легче сдѣлать чѣмъ намъ, и по двумъ причинамъ: вопервыхъ, притяженіе въ шесть разъ менѣе на поверхности луны чѣмъ на поверхности земли, что даетъ возможность ядру подниматься гораздо легче; вовторыхъ, имъ достаточно было ринуть ядро на 8.000 льѣ, вмѣсто 80.000, что требуетъ силы верженія въ десять разъ меньшей.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Мисель, — я повторяю, почему они этого не сдѣлали?

— А я, возразилъ Барбиканъ, — повторяю: кто тебѣ сказалъ что они этого не сдѣлали?

— Когда же?

— Тысячи лѣтъ назадъ, до появленія человѣка на землѣ.

— А ядро? Гдѣ же ядро? Покажите мнѣ его.

— Другъ любезный, отвѣчалъ Барбиканъ, — море покрываетъ пять шестыхъ нашего шара. Вслѣдствіе этого можно легко предположить что лунное ядро, если оно было пущено, покоится теперь въ глубинѣ океановъ Атлантическаго или Тихаго, а можетъ - быть зарылось въ какой-нибудь трещинѣ, въ то время когда земная кора еще недостаточно окрѣпла.

— Дорогой мой Барбиканъ, сказалъ Мисель, — у тебя на все готовъ отвѣтъ, и я преклоняюсь предъ твоею мудростью. При всемъ томъ есть гипотеза, которая мнѣ понравилась бы болѣе всѣхъ другихъ, а именно: такъ какъ Селениты старше насъ, то они и умнѣ насъ, и стало-быть пороха не изобрѣтали.

Въ эту минуту Діана вмѣшалась въ разговоръ громкимъ лаемъ. Она требовала себѣ завтрака.

— Ахъ, сказалъ Мисель Арданъ, — въ нашихъ разсужденіяхъ мы забываемъ Діану и Спутника.

Тотчасъ же кусокъ пирога былъ отданъ въ распоряженіе Діаны, которая поспѣшно убрала его.

— Видишь что, Барбиканъ, сказалъ Мисель, — намъ слѣдовало бы обратить нашъ снарядъ въ Ноевъ ковчегъ и взять съ собой на луну по парѣ всѣхъ домашнихъ животныхъ.

— Безъ сомнѣнiя, отвѣчалъ Барбиканъ, — но у насъ бы мѣста не достало для нихъ.

— Вотъ еще! сказалъ Мишель: — потѣсившись немножко, можно бы....

— Дѣло въ томъ, замѣтилъ Николь, — что: быкъ, корова, лошади были бы намъ очень полезны на лунномъ материкѣ. Къ несчастiю, вагонъ нашъ нельзя было обратить ни въ ковшню, ни въ хлѣвъ.

— Но по крайней мѣрѣ, сказалъ Мишель Арданъ, — мы могли бы захватить съ собою осла, только маленькаго осла, это мужественное и терпѣливое животное, на которомъ любилъ кататься древнiй Силевъ. Я люблю ихъ, этихъ бѣдныхъ ословъ. Вотъ животныя наименѣе одаренныя природою! Ихъ колотятъ не только въ продолженiи жизни, но даже колотятъ и по смерти....

— Чтѣ ты этимъ хочешь сказать?

— А то что изъ ихъ шкуры выдѣлываютъ барабаны.

Барбиканъ и Николь не могли не разсмѣяться такому глубокомысленному разсужденiю. Но отчаянный крикъ ихъ веселаго товарища вдругъ остановилъ ихъ. Онъ наклонился надъ канурой Спутника и подвѣлся со слѣдующими словами:

— Хорошо! Спутникъ уже не боленъ.

— А! сказалъ Николь.

— Нѣтъ, продолжалъ Мишель, — онъ умеръ. Вотъ, присокупилъ онъ жалобнымъ тономъ, — чтѣ крайне прискорбно! Я опасуюсь, моя бѣдная Дiана, что ты не дашь отраслей въ лунныхъ пространствахъ.

Дѣйствительно, бѣдный Спутникъ не могъ пережить своей раны. Онъ издохъ и издохъ окончателно. Мишель Арданъ съ отчаяннымъ видомъ смотрѣлъ на своихъ друзей.

— Теперь представляется вопросъ, сказалъ Барбиканъ: — мы не можемъ оставлять при себѣ еще сорокъ восемь часовъ трупъ этой собаки.

— Конечно нѣтъ, отвѣчалъ Николь, — но наши окна утверждены на шарньерахъ, они могутъ открываться; мы откроемъ одно изъ нихъ и бросимъ этотъ трупъ въ пространство.

Президентъ подумалъ нѣсколько минутъ, потомъ сказалъ:

— Да, надо сдѣлать это, но только примемъ предваритель-но всевозможныя предосторожности.

— Почему? спросилъ Мишель.

— По двумъ причинамъ, которыя ты поймешь, отвѣчалъ

Барбиканъ. — Впрочемъ, относительно воздуха наполняющаго ядро, котораго тратить надо какъ можно менѣе.

— Но вѣдь мы возобновляемъ этотъ воздухъ?

— Только частію. Мы возобновляемъ одинъ кислородъ, мой дорогой Мишель, и при этомъ стараемся чтобъ аппаратъ не доставлялъ этого кислорода въ слишкомъ большомъ количествѣ, ибо такой излишекъ можетъ повести къ весьма важному физиологическому разстройству въ насъ самихъ. Но если мы возобновляемъ кислородъ, то не возобновляемъ азота, этого элемента котораго легкія не поглощаютъ и который долженъ оставаться неприкосновеннымъ. А азотъ этотъ вылетѣлъ бы быстро въ отворенное окно.

— Ну, ужъ много его вылетитъ въ то мгновеніе пока мы выбрасываемъ этого бѣднаго Спутника!

— Положимъ такъ, но все-таки надо дѣйствовать поспѣшно.

— А другая причина? спросилъ Мишель.

— Другая причина, что не слѣдуетъ внѣшняго холода допускать въ снарядъ, иначе мы замерзнемъ живые.

— А солнце-то....

— Солнце согрѣваетъ наше ядро, которое поглощаетъ его лучи, но оно не согрѣваетъ пространства по которому мы теперь несемъ. Гдѣ нѣтъ воздуха, тамъ нѣтъ болѣе ни тепла, ни разсѣяннаго свѣта: куда не достигаютъ прямо солнечные лучи, тамъ такъ же темно какъ и холодно. И такъ температура эта есть не чтѣ иное какъ температура производимая звѣзднымъ сіяніемъ, то-есть такая кака вадворилась бы на земномъ шарѣ еслибы вдругъ потухло солнце.

— Чего опасаться нельзя, сказалъ Николь.

— Кто знаетъ! замѣтилъ Мишель Ардакъ.— Впрочемъ допустимъ что солнце не потухнетъ; развѣ не можетъ случиться ся что земля удалитса отъ него?

— Хорошо! сказалъ Барбиканъ:— вотъ Мишель начинаетъ снова строить гипотезы.

— А развѣ неизвѣстно, продолжалъ Мишель, — что земля прошла, въ 1861 году, сквозь хвостъ кометы? Предположимъ же такую комету, притяженіе которой сильнѣе солнечнаго притяженія; тогда земная орбита загнется къ блуждающей планетѣ, и земля, сдѣлавшись ея спутникомъ, будетъ увлечена на такое разстояніе что солнечные лучи не будутъ имѣть никакого вліянія на ея поверхность.

— Это можетъ случиться дѣйствительно, отвѣчалъ Барби-

кавъ, — но послѣдствія такого перемѣщенія могли бы быть не такъ страшны какъ ты предполагаешь.

— А почему?

— Потому что холодъ и теплота уравновѣсились бы на нашемъ шарѣ. Исчислено что, еслибы земля была увлечена кометою 1861 года, то она въ наибольшомъ удаленіи отъ солнца испытывала бы теплоту въ шестнадцать только разъ превышающую ту которую проливаетъ къ намъ луна и которая, будучи сосредоточена въ фокусѣ самыхъ сильныхъ стеколъ, не производитъ никакого замѣтнаго дѣйствія.

— Слѣдовательно....

— Подожди немного, отвѣчалъ Барбиканъ. — Исчислено также что въ своемъ перигеліи, то-есть на самомъ близкомъ разстояніи отъ солнца, земля испытывала бы теплоту въ двадцать восемь тысячъ разъ сильнѣйшую лѣтней теплоты. Но эта теплота, способная превратить въ стекло земныя вещества и испарить воды, образовало бы густое кольцо облаковъ, которое уменьшило бы эту чрезмѣрную температуру. Отсюда равновѣсіе между холодомъ въ афеліи и теплотой въ перигеліи, и средняя температура, вѣроятно, была бы сносная.

— Но во сколько градусовъ исчисляется температура планетныхъ пространствъ? спросилъ Николь.

— Въ прежнее время, отвѣчалъ Барбиканъ, — температуру эту полагали весьма низкою. Исчисляя ея термометрическое пониженіе, приходили къ милліонамъ градусовъ ниже нуля. Фурье, соотечественникъ Миселя, знаменитый членъ Парижской Академіи наукъ, привелъ эти цифры въ надлежащую величину. По его мнѣнію, температура пространства не падаетъ ниже 60-ти градусовъ.

— Только-то! сказалъ Мисель.

— Это почти та же температура, продолжалъ Барбиканъ, — которая наблюдаема была въ полярныхъ странахъ, на островахъ Мельвилъ и въ фортѣ Рельянсъ, то-есть около 56-ти градусовъ ниже нуля по Цельсію.

— Остается доказать, сказалъ Николь, — что Фурье не ошибся въ своихъ вычисленіяхъ. Если не ошибаюсь, другой французскій ученый, г. Пулье, опредѣлялъ температуру пространства во 160 градусовъ ниже нуля. Это мы теперь и проверимъ.

— Не въ эту минуту, отвѣчалъ Барбиканъ, — потому что солнечные лучи, падая прямо на нашъ термометръ, дали бы

намъ, напротивъ, температуру слишкомъ высокую. Но когда мы доберемся до луны, то въ продолженіе 15-ти-дневныхъ ночей, господствующихъ попеременно на каждой изъ ея сторонъ, мы будемъ имѣть возможность произвести этотъ опытъ, ибо спутникъ нашъ двигается въ пустомъ пространствѣ.

— Но что называешь ты пустымъ пространствомъ? спросилъ Мишель:—есть ли это абсолютная пустота?

— Это пространство лишнее воздуха.

— И гдѣ воздухъ ничѣмъ не замѣняется?

— Нѣтъ, замѣняется эфиромъ, отвѣчалъ Барбиканъ.

— А что такое эфиръ?

— Эфиръ, мой другъ, есть скопленіе невѣсомыхъ атомовъ, которые относительно своихъ размѣровъ, какъ гласятъ трактаты молекулярной физики, такъ же далеки другъ отъ друга какъ и небесныя тѣла въ пространствѣ. Ихъ разстояніе, однако, менѣе трехъ миллионныхъ миллиметра. Это атомы, которые своимъ колеблющимся движеніемъ производятъ свѣтъ и теплоту, совершая въ секунду 430 триллионовъ колебаній поражающихъ волны отъ 4хъ до шести десятитысячныхъ миллиметра длиною.

— Миллиарды миллиардовъ! воскликнулъ Мишель Арданъ:— стало-быть всѣ эти колебанія вымѣрены и сосчитаны. Все это, другъ Барбиканъ, цифры ученыхъ, ужасающія слухъ и ничего не говорящія уму.

— Надо, однако, приводить въ числа...

— Нѣтъ. Лучше сдѣлать сравненіе. Триллионъ ничего не значитъ. Сравненія выражаетъ все. Напримѣръ: если ты мнѣ скажешь что Уранъ своимъ объемомъ въ шестьдесятъ шесть разъ болѣе земли, Сатурнъ въ 900, Юпитеръ въ 1.300 разъ, солнце въ 1.300.000 разъ, то это меня нисколько не передвинетъ впередъ. Отъ того я и предпочитаю старинныя сравненія, находящіяся въ книжкѣ *Double Liégeois*, которая говоритъ вамъ по просту безъ затѣй: солнце есть тыква въ два фута въ діаметрѣ, Юпитеръ—апельсинъ, Сатурнъ—мелкое яблоко, Нептунъ—шпанская вишня, Уранъ—простая вишня, земля—горошина, Венера—маленькая горошина, Марсъ—булавочная головка, Меркурій—горчичное зерно, а Юнона, Церера, Веста и Паллада—простыя песчинки. Тутъ по крайней мѣрѣ понимаешь въ чемъ дѣло.

Послѣ этой выходки Мишеля Ардана противъ ученыхъ и тѣхъ триллионовъ которые онъ выставляють не поморщась,

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1870 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1870 г. стоить въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, тринадцать рублей пятьдесятъ коп., съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи пятнадцать рублей.

Желающіе могутъ подписываться также и на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., а съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 7 р. 75 к., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 3 р. 50 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 3 р. 85 к.

Заграничные высылаютъ за доставку въ Австрію, Баварію, Баденъ, Вуртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герман. Почт. Союза — 16 р.; въ Бельгію — 17 р.; во Францію и Данію — 18 р. 50 к.; въ Англию, Швецію, Испанію и Португалію — 20 р.; въ Швейцарію — 21 р., и въ Италію — 22 руб.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загражскаго.

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1870 году.

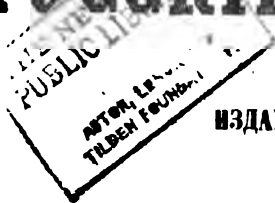
Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1870 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, двѣнадцать рублей сер.; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города пятнадцать рублей сер.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°), на Страстномъ бульварѣ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

60 218

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1869

ДЕКАБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ КУРЛЯНДИИ. X. М. Вольдемара.
- II. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ УЧРЕЖДЕНІЯ ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРСТВЪ ВЪ РОССИИ. (Окончаніе.) А. Д. Градовскаго.
- III. СЕОГУНЫ И МИКАДО. Историческій очеркъ по японскимъ источникамъ. (Окончаніе.) Геромонаха Николая.
- IV. РОССИЯ И СЕРБІЯ ПРЕДЪ ПОСЛѢДНЕЮ ВОСТОЧНОЮ ВОЙНОЮ. Е. М. Феокистова.
- V. ПАНУРГОВО СТАДО. Романъ. Часть третья Окончаніе. В. В. Крестовскаго.
- VI. МЮНХЕНСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА. Гл. I—VIII. А. М. Матушинскаго.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- БУЛГАМПТОНСКІЙ ВИКАРІЙ. Романъ. Соч. Антона Тролопа. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. XXIII—XXIX.
- ВОКРУГЪ ЛУНЫ. Разказъ Жюль Верна. Переводъ съ французскаго. (Окончаніе.)

ОБЪ ИЗДАНИИ
РУССКАГО ВЪСТНИКА

ВЪ 1870 ГОДУ.

Вслѣдствіе новой почтовой таксы, оказывается возможнымъ возстановить прежнія, для подписчиковъ болѣе выгодныя условія подписки:

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1870 году стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ до ставки, ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП. съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за рубличествомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо Петербургъ, по слѣдующему разчету:

За доставку въ Австрію, Баварію, Бадень, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герм. Почтоваго Союза	16	—
Въ Бельгію	17	—
Во Францію и Данію	18	50
Въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію	20	—
Въ Швейцарію	21	—
Въ Италію	22	—

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 7 р. 75 к., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки, 3 р. 50 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 3 р. 85 к.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ КУРЛЯНДИИ

Въ настоящее время, когда авторамъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ брошюръ кажется будто они нашли въ Курляндіи Рубиконъ, чрезъ который стоить только нѣмецкому народу смѣло перешагнуть, и онъ на вѣки вѣковъ овладѣетъ балтійскимъ побережьемъ, намъ кажется не лишнимъ предложить русскимъ читателямъ краткое обзорніе исторіи Курляндіи. Поводъ къ настоящему очерку подала издаваемая въ прошломъ году въ Лейпцигѣ Лудвигомъ Брунне небольшая книга, подъ заглавіемъ *Курляндія*, въ которой съ любовью разказываются нѣмецкимъ читателямъ нѣкоторые дѣйствительно интересные эпизоды изъ того времени когда Курляндія имѣла своихъ герцоговъ. Авторъ, жившій нѣсколько времени въ Курляндіи (если не ошибаемся, домашнимъ учителемъ), думаетъ что въ настоящее время эта страна заслуживаетъ особеннаго вниманія Германіи. Онъ находитъ въ Курляндіи все прекраснымъ: дворянство кажется ему образцовымъ, курляндскія дамы, по его словамъ, отличаются образцовою любезностью, а Латышки красотой, и т. д. О Латышахъ авторъ произноситъ на стр. 55 слѣдующее сужденіе: „Что касается до Латышей, то есть племени, которому Курляндія принадлежитъ по праву, то вообще о нихъ можно дать только самый благопріятный отзывъ. Въ прошлыя времена они были храбрые язычники, а теперь сдѣлались кроткими, уживчивыми христіанами; слѣдовало бы и правительству, и помѣщикамъ общими силами пецись объ улучшеніи участи этихъ людей.“ Сужденіе замѣчательное въ нѣмецкомъ авторѣ, усердно превозносящемъ балтійскихъ дворянъ и нѣмецкую націю.

I.

Въ лѣтописи Нестора, жители Курляндіи названы Корсы (Куры), а въ старыхъ нѣмецкихъ хроникахъ разказывается что Курляндія была населена пятью народами: Курами, Ливами, Вендами, Земгаллами и Зеелами. То обстоятельство что со времени распространенія основательныхъ свѣдѣній о Курляндіи мы видимъ въ ней Латышей въ огромномъ большинствѣ, побуждаетъ полагать что,—за исключеніемъ Ливовъ, старыхъ жителей Лифляндіи и сѣверной части Курляндіи, языкъ которыхъ сходенъ съ финскимъ, да, малочисленнаго народа Вендовъ, по всей вѣроятности славянскаго,—это были по большей части Латыши.* Жители окрестностей Бауска носили достопримѣчательное имя *Кръвинговъ*. *Кръвь*, во множественномъ *Кръви*, значитъ на латышскомъ языкѣ—Русскіе, и кажется что это было первоначальное названіе Кривичей. Замѣчательно что первосвященникъ латышко-пруско-литовскихъ языческихъ племенъ назывался Криве. Мѣстопробываніе свое онъ имѣлъ въ томъ мѣстѣ гдѣ теперь стоитъ Кенигсбергъ, въ дубовой рошѣ, называвшейся Ромове, гдѣ помѣщались изображенія трехъ высшихъ боговъ: Перкуна (Перунъ?), Потримпа и Пикула, которыхъ показывали поклонникамъ ихъ среди листвы огромнаго, вѣчно зеленаго дуба.

Перкунъ изображался въ видѣ сильнаго человѣка, съ огненно-багровымъ лицомъ, съ курчавою черною бородою и головою въ лучахъ. Это былъ богъ солнца, свѣта, воздушныхъ явленій; громъ почитался его рѣчью. И теперь еще на латышскомъ языкѣ громъ называется просто *перкунсъ*. До насъ дошло извѣстіе что *Салогиты* обожали мать Перкуна, которая каждый вечеръ мыла въ банѣ утомленнаго, запылившагося бога солнца, дабы онъ могъ на слѣдующее утро явиться опять въ обновленномъ видѣ, чистымъ и свѣтлымъ. Предъ Перкуномъ горѣлъ вѣчный огонь, въ которомъ жгли освященный дубъ. Если огонь

* Земгаллы, неоспоримо латышское племя, занимали окрестности Митавы и южный берегъ западной Двины; названіе чисто латышское, происходитъ отъ *земе* (земля) и *галъсъ* (конецъ); это названіе восточной Курляндіи сохраняется еще до сихъ поръ.

погасалъ вслѣдствіе небрежности жреца, то его опять разводили съ соблюденіемъ особенныхъ церемоній, и въ немъ сожигали виновнаго жреца, какъ жертву которая должна была укротить гнѣвъ бога. Перкуну приносили въ жертву обыкновенно освященныхъ свиней и козловъ, а въ важныхъ случаяхъ и людей, особенно военнопленныхъ.

Потримъ изображался въ видѣ безбородаго, веселаго юноши съ вѣнкомъ изъ колосьевъ и листьевъ на головѣ. Это былъ богъ рѣкъ, дождя, податель плодородія, покровитель полей, сѣмень и посѣва, помощникъ въ войнѣ. Ему приносили въ жертву снопы; въ огонь предъ нимъ возжигаемый бросали воскъ, ладанъ и фиміамъ. Въ поставленной предъ нимъ между колосьями урнѣ кормили молокомъ змѣю. И ему также приносились въ жертву животныя, а иногда и дѣти.

Третій изъ главныхъ боговъ, *Пикулъ*, изображался въ видѣ старика съ мертвеннымъ лицомъ, съ сѣдыми волосами и повязкой на головѣ. Это былъ богъ луны, мертвецовъ и пагубы. Предъ нимъ горѣла сальная свѣча, и его старались умилостивить всякаго рода жертвами и обѣтами.

При особенно важныхъ случаяхъ, или при сильной бурѣ, жрецы на плечахъ своихъ несли Криве къ костру, воздвигнутому подлѣ дуба. Криве спускался въ углубленіе, сдѣланное внутри костра, и оттуда бесѣдовалъ съ громоговорящимъ богомъ или молился ему. Какъ скоро раздавался ударъ грома, Криве склонялъ голову, а собравшій вокругъ костра народъ падалъ на колѣна и вопіялъ: „Deews, Perkurs, arschelk tuhs!“ (Богъ Перкунъ, помилуй насъ!)

По крови и внутренностямъ убитыхъ для жертвоприношенія животныхъ, по выступкѣ блага *коня судьбы*, именно смотря по тому правую или лѣвою (то-есть счастливою или несчастливою) ногой переступить онъ предъ битвой черезъ копье, положенное у костра, особенно же по тому быстро ли или медленно выступить кровь у плѣнника, въ сердце которому пускали притупленную стрѣлу, и по разнымъ другимъ признакамъ, Криве разгадывалъ волю боговъ и чрезъ подчиненныхъ ему жрецовъ объявлялъ о ней во всемъ краѣ. Личность Криве почиталась священною; воля его слыла волею боговъ. Онъ избирался изъ среды высшихъ жрецовъ и ими самими. Многіе Криве, какъ посредники между народомъ и божествомъ, сами предавали себя смерти въ священномъ огнѣ и потому становились

предметомъ высокаго, долговѣчнаго почитанія. Вокругъ древняго Ромове и вокругъ cadaго древа-храма существовалъ священный лѣсъ, въ которомъ было воспрещено рубить деревья и убивать животныхъ, и къ каждому изъ этихъ лѣсовъ доступъ иностранцамъ воспрещался подь страхомъ смерти. Къ священному лѣсу примыкало еще священное поле, котораго никто не смѣлъ вспахивать.

Кромѣ этихъ трехъ боговъ было еще много низшихъ божествъ, которыхъ старыя хроники насчитываютъ до пятидесяти. Упомянемъ о важнѣйшихъ, коими мало-по-малу была вытѣснена древняя тройственность боговъ: *Aukaperons* (*auka* по-латышски бурный вѣтеръ, *perreht* производить) былъ богъ бури; *Swaigstiks* (*swaigse* звезда) богъ созвѣдй; *Bangaputtis* (*bang* волна, *puttis* пѣна) богъ морей; *Gardatis* (пастухъ) богъ стадъ. *Пердотайса*, бога мореходцевъ и торговли, почитали громаднымъ великаномъ, стоящимъ на морѣ; куда онъ поворачивался лицомъ, туда дулъ и вѣтеръ. *Пуикотайс* (украшенный цвѣтами) былъ богъ лѣсовъ, котораго чествовали весьма высоко, и жилъ онъ подь священнымъ бузиннымъ деревомъ; ему были подчинены малые земные духи, *баршутки*, которые, по своему произволу, посылали людямъ обильную жатву или неурожай. Богъ радости назывался Лиго; память о немъ еще сохранилась съ полною свѣжестью и въ теперешнихъ пѣсняхъ Латышей. И ему были посвящены роци, луга и источники; особенно же въ лѣтній поворотъ солнца въ честь его распѣвались веселыя пѣсни, и весь народъ украшалъ себя цвѣтами и вѣнками. Въ послѣдствіи празднество богу Лиго слилось съ празднествомъ Св. Иоанну, и понынѣ и Нѣмцы, и Латыши, и въ городахъ, и въ деревняхъ, праздную день Св. Иоанна, поютъ пѣсни въ честь Лиго, и между прочимъ мальчики и дѣвочки, украшенные цвѣтами, распѣвая пѣсню *Ligo-jahning*, ходятъ по домамъ и предлагаютъ купить у нихъ вѣнки, и въ разныхъ мѣстахъ пляжотъ огни называемыя ивановскими огнями. Равнымъ образомъ и древней богинѣ судьбы, Лаймѣ, которая рѣшала участь новорожденныхъ, и теперь еще поются пѣсни; *лайма* до сихъ поръ еще значить по-латышски *счастіе*.

Высшіе жрецы, ближе всѣхъ другихъ стоявшіе къ Криве, изъ которыхъ онъ выбирался, и чрезъ посредство коихъ бесѣдовалъ съ народомъ (самъ, непосредственно, онъ никогда

не говорилъ къ народу), назывались вайделотами, то-есть предвѣщателями, или кривойтами, т.-е. слугами Криве. За ними слѣдовали сигоны, которые были обязаны убивать животныхъ приносимыхъ въ жертву и охранять священный лѣсъ. Кромѣ того были еще низшіе жрецы, а также и жрицы, и пророцицы.

Въ началѣ XI вѣка, повидимому, вслѣдствіе подчиненія Пруссіи Польшѣ, прочія прибалтійскія земли свергли съ себя господство Криве. Священная роца и всемогущій Криве уже не властвовали надъ умами населенія; каждое племя завело собственную священную роцу и своихъ особенныхъ жрецовъ. Этимъ и объясняется отчасти то явленіе что въ послѣдовавшихъ войнахъ съ нѣмецкимъ орденомъ между разными племенами не было никакого согласія относительно военныхъ предпріятій и никакого совокупнаго дѣйствія по одному плану, чтѣ преимущественно способствовало Нѣмцамъ покорить туземцевъ.

II.

Изъ хроники Генриха Латыша, писавшаго исторію Лифляндіи отъ 1200 — 26 года, * узнаемъ кто были первые Нѣмцы посѣтившіе въ 1158 году прибалтійскій край. Это были купцы изъ Бремена, прибывшіе для торговли съ туземцами. Ихъ повѣствованіе о новооткрытой землѣ возбудило въ сердцѣ монаха Мейнгардта желаніе обратить язычниковъ въ христіанство. Въ 1186 году отправился онъ съ горстью купцовъ въ Лифляндію, гдѣ и принялся проповѣдывать христіанство съ разрѣшенія князя Владиміра Полоцкаго, которому Ливы платили тогда дань. Вскорѣ ему удалось обратить нѣкоторое число язычниковъ, но христіанство могло держаться здѣсь лишь съ величайшимъ трудомъ, ибо обращенные постоянно опять возвращались къ идолопоклонству, и слѣдующія за тѣмъ столѣтія были свидѣтелями

* Генрихъ Латышъ былъ изъ первыхъ латышскихъ юношей получившихъ образованіе. Онъ написалъ книгу которая, какъ историческій источникъ, имѣетъ весьма важное значеніе для всего Сѣвера. Онъ былъ оданъ, вмѣстѣ съ другими мальчиками, заложникомъ третьему лифляндскому епископу Альберту фонъ Апельдеру (Буксгевденъ) который воспиталъ ихъ для посвященія въ духовное званіе.

непрерывной, кровопролитной, ужасной борьбы между завоевателями и туземцами. Третій епископъ Лифляндіи, Альбертъ фонъ-Апельдернъ, можетъ быть названъ истиннымъ завоевателемъ балтійскаго края. Удивленія заслуживаетъ хитрость и смѣлость, съ какими онъ успѣлъ пустить пылъ въ глаза русскимъ князьямъ, владѣльцамъ страны, при занятіи ея нѣмецкими рыцарями, которые увѣрили что они никогда не откажутся платить дань Русскимъ. Епископъ Альбертъ основалъ въ 1200 году городъ Ригу, на что папа Иннокентій III далъ ему свое благословеніе, и надѣлилъ будущій городъ важными преимуществами. Для поддержанія своего могущества онъ основалъ орденъ подъ названіемъ „Братства христіанскихъ рыцарей“, далъ ему уставъ рыцарей храма и отличительнымъ знакомъ его назначилъ красный крестъ и красный мечъ на бѣломъ плащѣ, почему ихъ въ позднѣйшее время и прозвали рыцарями Меча. Рыцари должны были дать обѣтъ повиновенія папѣ и епископу, и вѣчной войны противъ язычниковъ у Балтійскаго моря. Альбертъ назначилъ перваго орденъ-мейстера и почиталъ свое господство утвержденнымъ. Но вмѣсто того чтобы поддерживать свѣтскую власть епископа, орденъ со временемъ сдѣлался его врагомъ. Покоренные туземцы, въ свою очередь, ненавидѣли его и неоднократно противъ него бунтовали.

Когда Нѣмцы потерпѣли нѣсколько сильныхъ пораженій, и противъ нихъ вооружились и Русскіе, Альбертъ, опасаясь за свое новое государство, обратился къ Датскому королю Вальдемару, прося его защиты. Вальдемаръ милостиво принялъ просьбу и вскорѣ прибылъ съ большимъ флотомъ; ему удалось завоевать часть Эстляндіи, гдѣ онъ построилъ городъ Ревель (въ 1219). Въ послѣдствіи, однако, между Нѣмцами и Датчанами вспыхнула ссора. Вальдемаръ утверждалъ что ему принадлежала вся Эстляндія. Оба народа торопились занять какъ можно большую часть покоренной страны и поспѣшно крестили туземцевъ цѣлыми массами. Впрочемъ, Данія удерживала болѣе столѣтія Эстляндію подъ своею властью. Но когда занятіе этой страны оказалось обременительнымъ для Даніи, то въ 1348 году она продала ее нѣмецкому ордену за 19.000 марокъ. Послѣ уничтоженія ордена, Эстляндія подчинилась въ 1560 году королю Шведскому Эриху XIV, и оставалась подъ шведскимъ владычествомъ до покоренія ея Петромъ Великимъ.

Когда, послѣ продолжительной и кровавой борьбы, Лифляндія, около 1226 года, была вполнѣ покорена орденомъ (который мастерски умѣлъ возстановлять Эстовъ, Ливовъ и Латышей другъ противъ друга и попеременно помогалъ то тѣмъ, то другимъ), Куря въ 1230 добровольно пожелали принять христіанство. Они крестились, дали заложниковъ и обязались вмѣстѣ со своими христіанскими властелинами воевать противъ язычниковъ, за что имъ была безусловно и на вѣчныя времена обезпечена личная свобода и неприкосновенность ихъ поземельной собственности и прочаго имущества.

Многочисленными войнами съ Литовцами, Русскими и Датчанами орденъ былъ такъ ослабленъ что не находилъ никакого другаго средства къ поддержанію своего упадаваго могущества кромѣ сліянія съ нѣмецкимъ орденомъ въ Пруссіи. Но послѣдній былъ для властолюбиваго духовенства въ Лифляндіи гораздо болѣе опаснымъ сосѣдомъ чѣмъ братство рыцарей Меча. Въ новомъ государствѣ образовались на ряду три власти: орденъ, епископъ съ духовенствомъ и городъ Рига. Рыцарей Меча Альбертъ фонъ-Стаде характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „Хотя они купцы и притомъ богаты, и нѣкогда были изгнаны изъ Саксоніи за свои менническія продѣлки, однако уже такъ много приобрѣли силы что думаютъ будто имъ можно жить безъ законовъ и безъ короля.“ А Рутенбергъ, курляндскій дворянинъ, который написалъ достойную вниманія книгу объ исторіи прибалтійскихъ провинцій (изданную въ Лейпцигѣ въ 1859 г.), пишетъ въ ней: „Для всякаго очевидно что эти грубые, отчасти изгнанные изъ Германіи люди, ежедневно потѣшавшіеся пожарами, убійствомъ и грабежомъ, должны были одичать до высшей степени. Если же при этомъ принять еще во вниманіе что они должны были вѣчно вести жизнь безбрачную, и слѣдственно не испытывали нѣжныхъ, облагораживающихъ человѣка чувствъ любви къ женѣ и дѣтямъ, то почти невозможно вообразить себѣ до чего грубо и необузданно было это общество сыновей бременскихъ и любекскихъ купцовъ, соединившихся съ искателями приключеній, прибывшими въ Лифляндію и отчасти вступившими въ орденъ. Притомъ, такъ какъ отъ завоеванныхъ земель они стали получать огромныя доходы, то вскорѣ къ ихъ внутренней грубости присоединились невоздержность и роскошь.“

Хотя духовенство не чувствовало привязанности къ странѣ въ которой такъ еще недавно поселилось; хотя и оно поступало чрезвычайно жестоко съ язычниками, однако соблюдало болѣе кротости въ обращеніи съ ними, какъ скоро они принимали христіанство и крестились. Рыцари же, напротивъ, мучили новообращенныхъ христіанъ и попавшія въ ихъ власть провинціи до такой степени что бѣдныя туземцы снова впадали въ язычество, и этимъ подавали ордену желаемый поводъ опять побуждать ихъ и обращать въ крѣпостные, хотя оба папы, Иннокентій III и Григорій IX, настоятельно требовали чтобы новообращенные не были лишены ни свободы, ни собственности. Противъ жестокаго произвола завоевателей преимущественно возмущались Куры, побуждаемые къ тому отчасти чрезвычайными притѣсненіями новыхъ повелителей, отчасти любовью къ древнимъ богамъ и независимости; но послѣ продолжительной борьбы, они были въ 1244 году окончательно покорены. Такъ какъ въ это время Россія уже была покорена Монголами,—событіе весьма счастливое для нѣмецкаго ордена,—а Литовцы не оказались въ состояніи прогнать Нѣмцевъ, то судьба всѣхъ лифляндскихъ туземцевъ была рѣшена. Съ половины XIII вѣка Ливы, Латыши и Эсты, а также Куры, Семгалы и Эзельцы попали въ безправное положеніе, долженствовавшее перейти въ крѣпостное состояніе. * Новопокоренные Куры подверглись, вѣроятно, болѣе жестокому обращенію чѣмъ туземцы всѣхъ прочихъ провинцій, ибо совершенно впади въ руки ордена, который пользовался неограниченною надъ ними властію и поступалъ съ ними съ безжалостнымъ произволомъ и жестокостію. Папа Александръ IV, который чрезвычайно злоупотреблялъ духовною властію относительно прибалтійскихъ племенъ, поставилъ себя цѣлюю чтобы подъ его управленіемъ всѣ балтійскія земли были обращены въ христіанство, а могущество

* Только немногія латышскія семейства, которыя, можетъ-быть посредствомъ измѣны своимъ едимоплеменникамъ, приобрѣли власть вассаловъ, удержали за собой свои земли и остались свободными; они и теперь еще живутъ въ окрестностяхъ Гольдвингена, подъ названіемъ „курскихъ королей“. Древній дипломъ обезпечившій имъ свободу составленъ въ 1280 году и носитъ чисто-латышское названіе *Tautegod* (честь народа).

ордена онъ почиталъ предварительнымъ условіемъ для исполненія своего желанія. Поэтому онъ далъ ордену всякаго рода привилегіи и предписалъ чтобы поджигатели и другіе злодѣи, если они примуть крестъ для похода въ Пруссію или Лифляндію, были освобождены отъ-наложеннаго на нихъ отлученія отъ церкви. Онъ издалъ буллу, въ силу которой всѣ прежніе приверженцы императора Фридриха и его сыновей, равно какъ всѣ по какой-либо другой причинѣ подвергшіеся отлученію отъ церкви или какому-либо иному важному наказанію, освобождались отъ отлученія и отъ всякаго наказанія, если вступать въ орденъ. Такимъ образомъ, говоритъ Рутенбергъ, орденъ въ короткое время превратился въ колонію преступниковъ, въ которой искали убѣжища всѣ бродяги и всѣ злодѣи изъ всей Германіи. Вслѣдствіе этого власть и господство ордена такъ усилились что епископъ, духовенство и купцы были вынуждены склониться предъ его могуществомъ. Куда ни проникали рыцари, они всюду устраивали укрѣпленные бурги или замки, и тотъ орденскій братъ, которому поручалась оборона такого бурга, назывался *Ordens-Komthur*. Ему поручались управление и судебная власть въ принадлежащемъ къ бургу селеніи и во всемъ округѣ бурга. Подъ его начальствомъ оставлялось нѣкоторое число рыцарей и солдатъ, съ помощію которыхъ онъ долженъ былъ защищать бургъ, а въ случаѣ большаго похода онъ былъ обязанъ являться со своими людьми подъ начальство орденскаго маршала.

Кромѣ *Komthuren* были еще фохты (*Vögte*), которымъ, повидимому, такимъ же образомъ поручалось защищать менѣе важные бурги и замки. Всѣ попеченія о войнѣ лежали на орденскомъ маршалѣ; онъ надзиралъ за снаряженіемъ и вооруженіемъ рыцарей и долженъ былъ заботиться о всѣхъ военныхъ потребностяхъ. Если онъ одинъ выходилъ на войну, то всѣ прочіе рыцари были обязаны ему повиноваться, если же вмѣстѣ съ нимъ въ войнѣ участвовалъ ландмейстеръ, то орденсмаршалъ и самъ поступалъ подъ его начальство. Ландмейстеръ (жившій въ Венденѣ, въ Лифляндіи) былъ правитель страны, отвѣтственный предъ гофмейстеромъ въ городѣ Маріенбургѣ, въ Пруссіи; ему принадлежали всѣ правительственныя права во внутреннихъ дѣлахъ и представительство страны во внѣшнихъ. Онъ заключалъ всѣ трактаты и союзы съ иностранными государ-

ствами, издавалъ законы и предписанія, чеканилъ монету, и т. д.; но все это могъ онъ дѣлать лишь съ согласія земскаго капитула (Landkapitel), состоявшаго изъ Komthuren и фогтовъ, а въ важныхъ дѣлахъ и съ утвержденія гофмейстера. Во главѣ всего ордена стоялъ гофмейстеръ (жившій въ Мариенбургѣ, въ Западной Пруссiи); онъ выбирался орденскимъ капитуломъ, и въ важнѣйшихъ случаяхъ былъ обязанъ совѣщаться съ нимъ.

Такимъ образомъ, судя по внѣшности, можно было полагать что въ орденѣ все устроено хорошо и правильно; но вникнувъ глубже, каждый легко могъ видѣть что орденъ не имѣлъ никакой нравственной основы. Вотъ почему, послѣ чрезвычайно кратковременнаго процвѣтанія, государство пришло въ упадокъ и вскорѣ совсѣмъ разложилось. Хотя первые орденскіе братья и присланные въ край преступники и бродяги вскорѣ погибли при многочисленныхъ сраженіяхъ, а въ послѣдствіи отъ поступающихъ въ орденъ требовались доказательства о дворянскомъ происхожденіи, однако положеніе страны отъ этого не измѣнилось, по крайней мѣрѣ не сдѣлалось лучше. Въ эту эпоху въ Германіи императоръ Рудольфъ учредилъ въ 1290 г. строгій судъ надъ рыцарями которые разбойничали: ихъ казнили, разбойничество было воспрещено (однажды императоръ Рудольфъ сжегъ 30 злѣйшихъ изъ этихъ дворянъ-разбойниковъ, и замки ихъ разорилъ). Лишась возможности разбойничать въ Германіи, они отправились въ Лифляндію, гдѣ могли свободно предаваться грабежамъ и насиліямъ надъ язычниками, Несчастные туземцы, сдѣлавшись всѣ невольниками, перестали въ нѣкоторомъ отношеніи быть и людьми. Орденъ былъ не только властелиномъ, но и владѣльцемъ-собственникомъ всей земли и всѣхъ людей жившихъ на этой землѣ. Рыцари основывались при этомъ на древнемъ правѣ, въ силу котораго завоеванныя земли со всѣми жителями становились собственностью завоевателей; они основывались также на томъ что эти земли подарили имъ папы и императоръ, которые, по замѣчанію Рутенберга, имѣли никакъ не болѣе правъ на Лифляндію, какъ нынѣ императоръ китайскій или дааид-лама на Германію. Вся страна при этомъ была такъ раздѣлена что къ каждому замку, гдѣ жилъ комтуръ (Komthur) или фогтъ, было приписано большое пространство земли почтавшейся собственностью ордена. Крестьяне, жившіе на этой

земль, платили подать ордену, исправляли барщину и слѣдовали на войну по непосредственному предписанію комтура или фогта. Вся остальная земля была раздѣлена на малыя или большія помѣстья, и каждое изъ нихъ отдано Пѣмцу въ видѣ лена; получившій такой ленъ былъ обязанъ служить на войнѣ, вносить свою долю на военные расходы, и если попадался въ плѣнъ—самъ себя выкупать; за то крестьяне его помѣстья предоставлялись на полную его волю, должны были безусловно ему повиноваться и платить ему всѣ подати какія бы онъ ни наложилъ на нихъ.

Подобное же устройство встрѣчаемъ и въ земляхъ епископскихъ. Здѣсь главнымъ леннымъ владѣтелемъ былъ епископъ; онъ также имѣлъ своихъ фогтовъ и камераріевъ, которые должны были управлять замками. Такимъ образомъ вся теперешняя Курляндія получила то устройство которое сохраняла до 1561 года, когда она сдѣлалась герцогствомъ, и котораго слѣды очень замѣтно сохранились еще и нынѣ. О народномъ образованіи тогдашняго времени нечего и говорить. Монастыри, которые одни могли доставлять кое-какое скудное обученіе, были ненавистны ордену, а монаховъ-проповѣдниковъ, оказывавшихъ нѣкоторое попеченіе сельскому люду, орденъ изгонялъ изъ края. Вообще въ Лифляндіи и Курляндіи, даже по прошествіи пятисотъ лѣтъ, не было и рѣчи о народныхъ училищахъ, и не прежде какъ въ 1841 г., при содѣйствіи и подѣ руководствомъ нѣкоторыхъ заслуженныхъ и просвѣщенныхъ людей изъ провинціального дворянства, была основана латышская учительская семинарія, изъ которой теперь въ большей части страны и распространились крестьянскія училища.

Къ бѣдствіямъ, пережитымъ этою несчастною страной, присоединился еще въ 1313—15 годахъ голодъ, господствовавшій тогда на всемъ сѣверѣ Европы. Нужда была такъ велика что люди, мучимые голодомъ, теряли всякое человѣческое чувство, родители утоляли голодъ трупами своихъ дѣтей, и жители выкапывали мертвыхъ изъ могилъ и для пищи снимали съ висѣлицъ повѣшенныхъ преступниковъ. Нужда увеличилась еще болѣе отъ того что сельди, которые до того времени ловились въ большомъ количествѣ у береговъ Балтійскаго моря и составляли главный съѣстной припасъ жителей, именно въ эти голодные годы принажи въ своемъ странствованіи другое направленіе и

навсегда покинули наши балтійскіе берега. Съ тѣхъ поръ у балтійскаго берега ловятся въ большомъ количествѣ только нѣкоторыя породы мелкихъ сельде-подобныхъ рыбъ, какъ-то кильки и особенно салакушка.

Значительною долей своихъ успѣховъ на войнѣ орденъ былъ обязанъ крестоносцамъ-паломникамъ, или странствующимъ крестоносцамъ-богомольцамъ (Kreuzpilger), и цѣлымъ арміямъ рыцарей Креста которыхъ онъ вызывалъ изъ Германіи. Поэтому, въ концѣ XIV столѣтія, когда, при измѣнившемся направленіи всемірныхъ событій, эти подкрѣпленія сдѣлались невозможны, обнаружилась несостоятельность ордена—слѣдствіе самой его организаціи предавшей жителей завоеванной страны на произволъ нѣсколькихъ сотъ неженатыхъ чужеземцевъ. Народъ всею душою ненавидѣлъ пришлецовъ. Духовенство и горожане, которыхъ высокоумный орденъ сильно унижалъ, также чувствовали негодованіе противъ него и лучше хотѣли подчиниться иностранному королю чѣмъ сносить долге господство ордена. Наконецъ, орденъ своими предательскими дѣйствіями относительно Польши до такой степени навлекъ на себя вражду этого государства что оно выжидало только удобнаго случая дабы отмстить ордену. Такой благоприятный случай скоро представился, когда литовскій князь Ягелло вступилъ въ бракъ съ дочерью польскаго короля, Ядвигаго, и Польша тѣсно соединилась съ Литвой. Битва при Танненбергѣ, происходившая въ 1410 году, сокрушила могущество прусскаго нѣмецкаго ордена, и вскорѣ Пруссія уже не могла избѣгнуть зависимости отъ Польши. Наконецъ, когда лютеранское ученіе потрясло во многихъ мѣстахъ Европы свѣтское господство католической церкви, послѣдній прусскій гофмейстеръ, Альбрехтъ Бранденбургскій, воспользовался уваженіемъ которымъ пользовался, дабы изъ нѣкоторой части прусскихъ орденскихъ земель образовать наслѣдственное государство и присвоить себѣ надъ нимъ свѣтскую власть. Въ 1525 г. онъ сдѣлался наслѣдственнымъ герцогомъ Пруссіи подъ верховенствомъ Польши. Однимъ изъ слѣдствій зависимости Пруссіи отъ Польши было ослабленіе политической связи между Лифляндіей и Пруссіей. Лифляндскіе рыцари и ландмейстеры уже не заботились болѣе о распоряженіяхъ маріенбургскаго гофмейстера и, съ своей стороны, не дѣлали ничего чтобъ увеличить или хотя бы поддержать политическое

могущество лифляндскаго ордена. Въмѣсто прежнихъ разбойничьихъ походовъ, рыцарство предалось самой дикой невоздержности. Себастьянъ Мюнстеръ, который, состоя профессоромъ въ Базель, издалъ въ 1550 г. свою извѣстную *Космографію*, или описаніе всего міра, свидѣтельствууетъ что главнымъ занятіемъ лифляндскихъ рыцарей въ ихъ замкахъ было чрезмѣрное обжорство и пьянство. Кто могъ особенно отличиться въ подобныхъ подвигахъ, тому Себастьянъ Мюнстеръ совѣтовалъ ѣхать въ Лифляндію, ибо тамъ его приняли бы съ величайшими почестями и тотчасъ сдѣлали бы рыцаремъ; но годъ спустя онъ поплатился бы за это водянкою, ожиреніемъ брюха и т. п., ибо эти болѣзни, происходящія отъ невоздержности, соединенной съ величайшею праздностью, господствовали въ Лифляндіи повсемѣстно. О крестьянахъ лифляндскихъ Себастьянъ Мюнстеръ говоритъ что это самый бѣдный и угнетенный народъ какой только есть на свѣтѣ.

„Они питаются, пишетъ онъ, такимъ грубымъ хлѣбомъ и такою гадкою пищею, какой у насъ и свиньи не стали бы ѣсть; рыцари вполне предоставляютъ крестьянъ производу и насилію своихъ управителей, и этотъ *несчастнѣйшій на свѣтѣ* народъ во всѣхъ отношеніяхъ содержится какъ скотина, безъ малѣйшаго понятія о Богѣ.“ Съ показаніемъ Себастьяна Мюнстера согласуются извѣстія и всѣхъ прочихъ древнѣйшихъ историковъ, на основаніи которыхъ докторъ Меркель, въ концѣ прошлаго столѣтія, нарисовалъ столь страшную картину состоянія страны въ своей книгѣ: *Die Vorzeit Livlands*.

Естественно что при такомъ порядкѣ управленія Лифляндіей, она, несмотря на многочисленность своихъ укрѣпленныхъ замковъ и на нѣкоторыя пособія изъ Германіи, не могла оказать сильнаго отпора нападеніямъ царя Ивана Васильевича Грознаго. Когда Лифляндія почти вполне была покорена Русскими, послѣдній ландмейстеръ, Готгардтъ Кетлеръ, послѣдовалъ примѣру прусскаго гофмейстера, то-есть всю остальную часть страны, еще повиновавшуюся ему, именно теперешнюю Курляндію, подчинилъ Польшѣ, съ условіемъ что Курляндія, подъ скипетромъ Польши, останется за нимъ, и что онъ будетъ ея наслѣдственнымъ герцогомъ.

III.

Устроившееся (въ 1860 г.) новое герцогство должно было бороться со многими внутренними и внѣшними опасностями, и герцогу нужно было много мудрости и предусмотрительности дабы удержать страну въ своей власти. За обладаніе Лифляндіей, Эстляндіей и Курляндіей спорили и русскій царь, и польскій король, и короли датскій и шведскій. Герцогъ женился на принцессѣ Аннѣ, дочери мекленбургскаго герцога Альбрехта Прекраснаго, и такимъ образомъ вступилъ въ родство съ царствующими домами. Ему нужно было создать въ своемъ герцогствѣ правительство и администрацію. Мѣсто комтуровъ и орденскихъ фохтовъ заняли оберъ-гауптманы и гауптманы; но, впрочемъ, это была лишь перемѣна названій; въ сущности въ Курляндіи не было еще настоящаго понятія о государственномъ управленіи. Въ продолженіе многолѣтнихъ тревогъ жители отвыкли отъ повиновенія и порядка и предпочитали расправляться сами посредствомъ пединковъ и не подчиняться никакому суду. Поэтому жители или не принимали участія въ созываемыхъ герцогомъ ландтагахъ, или, если и являлись въ небольшомъ количествѣ на ландтагъ, то не обращали вниманія на совѣты и увѣщанія герцога. Полиція существовала только въ городѣ. Крестьяне изнемогали подъ бременемъ тяжелой работы и жестокаго обращенія, и находили удовлетвореніе грубыхъ инстинктовъ въ невоздержности, грабежѣ и убійствѣ. Во всей странѣ было только четыре церкви, девять маленькихъ часовенъ и три небольшія, весьма дурно содержимыя школы; между взрослыми было очень много некрещенныхъ и не получившихъ никакихъ свѣдѣній о христіанствѣ.

Хотя распоряженія герцога относительно правосудія и военнаго устройства не имѣли благоприятныхъ послѣдствій, однако онъ оказалъ своей странѣ важную услугу попеченіями о церквахъ. Удостоверясь въ упомянутой выше малочисленности церквей, онъ предписалъ строить во всемъ герцогствѣ церкви, школы и госпитали. И при этомъ онъ встрѣтилъ множество затрудненій, такъ какъ бѣдный, въ невѣ-

жествъ погрязшій народъ нерѣдко не хотѣлъ исполнять данныхъ ему предписаній, и часто насильственнымъ образомъ * отнималъ назадъ подати которыя уже внесъ духовенству.

Всею менѣе герцогъ имѣлъ успѣха во внѣшнихъ дѣлахъ. Хотя ему удалось уберечь свою земельку отъ военныхъ бѣдствій, однако онъ не могъ выполнить своего желанія и овладѣть Пильтенскимъ округомъ въ Курляндіи, составлявшимъ нѣкогда собственность епископскую. Именно, когда герцогъ Готгардъ подчинился польскому королю, послѣдній обѣщаль ему, по трактату при этомъ случаѣ заключенному, исходитьствовать у герцога Гольштейнскаго Магнуса, не задолго предъ тѣмъ купившаго епископство Пильтенъ, чтобъ онъ взялъ за это епископство двѣ другія области, а епископство уступилъ бы герцогу Готгарду для присоединенія къ остальной Курляндіи. Но по смерти польскаго короля, Магнусъ побудилъ дворянство, не желавшее подчиниться Польшѣ, просить покровительства датскаго короля; вслѣдствіе этого чуть не возгорѣлась снова война, еслибы не вступился въ посредничество маркграфъ Георгъ Фридрихъ Бранденбургскій, который устроилъ слѣдующую сдѣлку: Данію удовлетворилъ 30.000 талеровъ, епископство Пильтенское взялъ въ залогъ, а герцогу Готгарду предоставилъ ждать болѣе благопріятныхъ временъ.

* Впрочемъ, подобныя насилія со стороны народа не должны никого удивлять, ибо духовныя лица тогдашняго времени вовсе не заботились приобрести любовь и уваженіе народа. Рѣдко можно было найти священника который не предавался бы невоздержности и пьянству. Лишь немногіе умѣли говорить съ народомъ на его языкѣ, да объ этомъ дворянство и не заботилось. Достаточно было чтобы священникъ былъ хорошимъ товарищемъ на охотѣ и въ попойкахъ, веселымъ собесѣдникомъ и картежнымъ игрокомъ; этимъ „высокорожденные господа“ вполне удовлетворялись. По воскресеньямъ священникъ произн. силъ обычную проповѣдь на нѣмецкомъ языкѣ, разумѣется, совершенно непонятную слушателя, чѣмъ по тогдашнимъ понятіямъ и была достаточно исполнена его духовная обязанность. Въ посѣдствіи были, правда, заведены люди, которые, стоя у каеэды, передавали проповѣдь народу въ переводѣ на его языкъ. Для этого употреблялись большею частію разорившіеся купцы изъ Нѣмцевъ, слуги, по старости и слабости силъ уже неспособные заниматься своимъ дѣломъ, старые егеря, и т. д.

По смерти герцога Готтгарда Кеттлера, въ 1587, въ управленіи герцогствомъ наследовали ему совокупно два его сына, Фридрихъ и Вильгельмъ, которые, достигнувъ совершеннолѣтія, раздѣлили, въ 1596 году, Курляндію на два самостоятельныя герцогства. Собственно Курляндія, со столицею Гольдингеномъ, досталась въ удѣлъ Вильгельму, а старшій братъ, Фридрихъ, получилъ герцогство Земгалію со столицею Митавою. На этомъ до 1611 года продолжавшемся раздѣленіи основывается названіе „Курляндіи и Земгаліи“. Въ 1611 году, вслѣдствіе умерщвленія двухъ дворянъ фонъ-Нольде, Вильгельмъ былъ изгнанъ изъ страны и поселился на небольшомъ (въ то время и до 1660 года еще принадлежавшемъ къ Курляндіи) островѣ Руное, въ Рижскомъ заливѣ, гдѣ умеръ въ 1640 году. Польскіе комиссары, желая окатоличить страну, старались ослабить власть герцога и умножили до чрезвычайности привилегіи дворянства (1617).

Во время управленія герцога Фридриха вторгнулся въ Курляндію шведскій король Густавъ-Адольфъ и занялъ столицу герцогства, Митаву, которая сдалась ему почти безъ сопротивленія. Но тѣмъ не менѣе взятіе города сопровождалось многими неслыханными жестокостями, которыхъ, повидимому, невозможно было ожидать отъ войскъ состоявшихъ подъ начальствомъ этого кроткаго и всѣми прославляемаго шведскаго короля. Ни женщинамъ, ни дѣтямъ не было оказано пощады, и городъ былъ преданъ пламени. Лишь послѣ того какъ вступили въ посредничество Англія и Франція, было заключено перемиріе, и герцогъ Фридрихъ получилъ обратно Митаву и прочія свои владѣнія, но былъ вынужденъ уступить часть этихъ владѣній шведскому королю.

Такъ какъ герцогъ Фридрихъ въ 1642 г. умеръ, не оставивъ дѣтей, то единственнымъ наследникомъ оказался Іаковъ, сынъ изгнаннаго герцога Вильгельма. Дворянству удалось исходатайствовать у польскаго короля помилованіе герцогу Вильгельму, и король объявилъ его сына Іакова преемникомъ курляндскаго герцогскаго престола. Молодой герцогъ большею частію жилъ въ чужихъ краяхъ и, по смерти своего дяди, исполненный предпріимчивости и усердія, посѣвши въ Курляндію. Денежныя средства найденныя имъ при вступленіи въ управленіе были менѣе значительны чѣмъ тѣ которыми пользовались его предшественники. Но онъ озаботился самъ пріискать средства. Доходы курляндскаго герцога доставлялись ему исключи-

тельно государственными помѣстьями (Domainen), которыя, правда, обнимали болѣе чѣмъ половину всей территоріи герцогства. Въ хозяйственное завѣдываніе ими герцогъ ввелъ порядокъ и бережливость; управленіе было устроено по образцу Бранденбургскому; торговые продукты и товары были за собственный счетъ герцога нагружаемы на корабли и продаваемы въ чужихъ краяхъ; герцогъ завелъ разныя фабрики, мѣдныя и желѣзные заводы, гдѣ работа производилась его собственными людьми; все это увеличивало вліяніе герцога. Къ самымъ прибыточнымъ вспомогательнымъ средствамъ, которыя онъ сумѣлъ составить, принадлежали судостроеніе и морская торговля съ иностранными государствами, особенно съ Вестъ-Индіей, куда онъ продавалъ даже невольниковъ. Какъ сильно герцогъ интересовался этою торговлею, доказывается тѣмъ что въ одной изъ его залъ были нарисованы всѣ корабли выстроенныя по его повелѣнію; къ сожалѣнію, эти картины теперь утрачены. Въ цвѣтущее время курляндскаго флота въ немъ было 44 военные корабли, изъ коихъ ни на одномъ не было менѣе 20 пушекъ, а на нѣкоторыхъ было даже по 70 пушекъ. Какъ значительны были курляндскій военный и торговый флоты доказывается тѣмъ что Людовикъ XIV заключилъ съ герцогомъ Іаковомъ торговый трактатъ, и въ немъ выговорилъ между прочимъ чтобы, если у Франціи случится морская война, Курляндія не помогала своими морскими силами врагамъ Франціи. Герцогъ имѣлъ 60 собственныхъ торговыхъ кораблей и сверхъ того, кажется, строилъ ихъ по заказамъ и для другихъ государствъ. Онъ послалъ торговые корабли къ берегу Гвинеи въ Африкѣ и основалъ фортъ при устьѣ рѣки Св. Андрея. Равнымъ образомъ и фортъ Св. Іакова на рѣкѣ Гамбіи, принадлежащій теперь Англичанамъ, основанъ, какъ полагаютъ, имъ же.

Разказываютъ, будто англійскій король Іаковъ I подарилъ герцогу, какъ своему крестному отцу, островъ Табаго. Герцогъ Іаковъ вызвалъ туда изъ Курляндіи поселенцевъ; они построили тамъ крѣпость, изъ которой современемъ образовался городъ, носящій имя Іакова.

Въ первое время своего управленія онъ вступилъ въ бракъ съ принцессой Луизою-Шарлоттой, сестрой великаго курфирста Бранденбургскаго, и долго жилъ съ нею въ счастливомъ супружествѣ. Это близкое родство съ великимъ

курфирстомъ было весьма непріятно шведскому двору, которому не нравилась и торговая дѣятельность герцога. Послѣдній, съ своей стороны, вслѣдствіи старался поддержать миръ между Швеціей и Польшей, такъ какъ война между этими государствами могла нанести много вреда Курляндіи. Главная опасность этому герцогству грозила со стороны Швеціи. Вступивъ на тронъ, Карль-Густавъ поспѣшно схватился за случай начать войну съ Польшей, надѣясь, если не покорить Польшу, то по крайней мѣрѣ овладѣть зависящими отъ нея прусскими и курляндскими прибалтійскими провинціями. Герцогъ пламенно желалъ освободить Курляндію отъ ленной подчиненности Польшѣ. Но присоединиться для этого къ Швеціи и покинуть Польшу въ часть опасности, герцогу было противно. Поэтому онъ отвергъ всѣ предложенія Швеціи и чрезъ то такъ прогнѣвалъ короля Карла-Густава что послѣдній предписалъ своему рижскому военачальнику Дугласу овладѣть семействомъ герцога. Такъ какъ силою исполнить это порученіе было бы очень трудно, ибо герцогъ Іаковъ давно уже не довѣрялъ Шведамъ и принялъ всевозможныя мѣры для обороны, то шведскій генералъ рѣшился прибѣгнуть къ вѣроломству. Шведы, проходя чрезъ Курляндію въ Литву, остановились подъ ничтожнѣйшими предлогами близъ Доблена, у Митавы. Напрасно герцогъ посылалъ къ шведскому военачальнику напоминать ему о данномъ имъ словѣ что онъ только пройдетъ чрезъ Курляндію,—Дугласъ не двигался съ мѣста, отдѣляясь разными увертками. Тогда герцогъ попытался побудить Шведовъ къ удаленію деньгами и присылкой большаго количества съѣстныхъ припасовъ. Но Дугласъ объявилъ что ему невозможно идти далѣе, если ему не дадутъ 40 шлюпокъ дабы перевезти въ Ригу многочисленныхъ больныхъ Шведовъ. Герцогъ далъ ему и шлюпки.

Однажды вечеромъ шлюпки, наполненныя мнимыми больными, въ числѣ 500 человекъ, приблизились къ герцогскому митавскому замку; головы у нихъ были повязаны бѣлыми платками, а оружіе спрятано подъ скамьями. Такимъ образомъ Шведамъ удалось высадиться въ пяти мѣстахъ у самого замка и, такъ какъ стражи не ожидали нападенія, пробраться въ замокъ и безъ кровопролитія проникнуть во внутренность зданія. За тѣмъ послѣдовали грубыя насилія; герцога стащили съ постели и заперли въ темную комнату. Той же

участи подверглась герцогиня; къ ней на помощь подошли Французъ, учитель танцованія, и какой-то поручикъ; этихъ мужественныхъ защитниковъ грубые драгуны немедленно изрубили предъ глазами герцогини, которая была обрызгана ихъ кровью. Однако она не потеряла присутствія духа и продолжала раздавать приказанія Курляндцамъ, успѣвшимъ пробраться до нея. Между прочимъ одному вѣрному слугѣ она приказала поспѣшить въ кабинетъ герцога, выбрать изъ его письменнаго стола всѣ бумаги и сжечь ихъ, такъ какъ тамъ были важныя бумаги, которыя могли повредить герцогу, еслибъ онѣ попались въ руки шведскаго начальства.

Между тѣмъ Шведы принялись ужаснѣйшимъ образомъ грабить не только замокъ, но и весь городъ.

Вѣсть о разграбленіи Митавы, объ убійствахъ совершенныхъ въ замкѣ и о недостойномъ обращеніи съ семействомъ герцога быстро разнеслась по всей странѣ и возбудила всеобщее негодованіе. Приказовъ, подписанныхъ герцогомъ, никто не исполнялъ, ибо всѣмъ было извѣстно что подпись была у него исторгнута силою. Въ послѣдствіи нападеніе это вызвало множество политическихъ брошюръ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

Герцогъ отвергъ предложеніе шведскаго фельдмаршала отказаться отъ подчиненности Польшѣ и присоединиться къ Швеціи. Фельдмаршалъ могъ убѣдиться что и дворянство Курляндіи не согласно повиноваться его повелѣніямъ. Онъ опредѣлилъ увести герцогское семейство. Герцогиню, несмотря на то что она только что развѣшилась отъ бремени сыномъ, посадили съ семьей дѣтьми и нѣсколькими приближенными въ самыя плохія шлюпки и отправили въ Ригу.

Такой грубый поступокъ Шведскаго короля естественно возбудилъ сильное негодованіе всѣхъ европейскихъ дворовъ. Наиболѣе, разумѣется, былъ раздраженъ великій курфюрстъ Бранденбургскій, братъ герцогини Курляндской. Тестю Шведскаго короля, герцогу Гольштейнъ-Готторпскому, пришлось поплатиться за вѣроломство своего зятя. Великій курфюрстъ занялъ его герцогство и совершенно разорилъ его. Карлъ X тѣмъ не менѣе не хотѣлъ освободить семейство герцога Курляндскаго. Лишь послѣ многократныхъ переговоровъ и уже по смерти Карла X былъ заключенъ миръ, и семейство герцога освобождено. Курляндцы, несмотря на всѣ обѣщанія Шведовъ, остались вѣрны

своему герцогу и радостно привѣтствовали его освобожденіе. 21-го мая 1660 года губернаторъ Нарвы извѣстил герцога что онъ свободенъ и можетъ возвратиться въ свои владѣнія. Повсюду семейство герцога принимали съ пущечною пальбой, и почетная военная стража окружала ихъ карету. Со всѣхъ сторонъ стекались подданные герцога привѣтствовать его. Не только дворяне и горожане, но, что всего болѣе тронуло герцога, многія тысячи курляндскихъ крестьянъ, не устрасая труднаго пути, издалека сходились на встрѣчу возвращающемуся правителю. Многіе изъ нихъ, не взявъ съ собою достаточно денегъ, крайне бѣдствовали, и нѣкоторые даже померли съ голода, пока, наконецъ, не сжалился надъ ними рижскій городской совѣтъ и не снабдилъ ихъ кое-какою пищею. Шведы такъ усердно похозяйничали въ Курляндіи что герцогъ нашелъ въ своемъ замкѣ только стѣны. Болѣе всего пострадалъ отъ Шведовъ Гольдингенъ, вторая резиденція герцога. Флотъ былъ уничтоженъ. Король Карлъ-Густавъ сказалъ не церемонясь: „Братецъ мой Іаковъ имѣетъ ужь черезчуръ много кораблей для Курляндскаго герцога; надобно отнять ихъ у него.“ И по этой причинѣ велѣлъ своему генералу Дугласу истребить видавскія верфи. Выступъ съ тѣмъ упомянутый городъ грабили и Поляки, такъ что бѣдные жители не знали кто хуже: враги ли ихъ Шведы, или друзья Поляки. Іаковъ объявилъ въ послѣдствіи что онъ и его герцогство, вслѣдствіе шведскаго нападенія, потеряли болѣе 6¼ милл. талеровъ.

IV.

Этому превосходному герцогу наследовалъ сынъ его, Фридрихъ-Казиміръ (1682—1698), отличавшійся въ Голландіи, гдѣ онъ состоялъ въ военной службѣ. Онъ наберевалъ для Голландіи три полка: пѣхотный, конный и драгунскій, и отправилъ ихъ чрезъ Либаву. Подобно всѣмъ тогдашнимъ европейскимъ государямъ, и онъ подражалъ французскому королю Лудовику XIV въ расточительности и роскоши двора, разумѣется, сколько былъ въ силахъ. Но силъ его хватило не надолго; потребности его двора разстроили торговля сношенія съ Норвегіей, Исландіей и Гвинеей, сношенія, которыя не всегда приносили чистый барышъ, но

иногда требовали и значительныхъ денежныхъ пожертвованій. Только богатый островъ Табаго, который во время войнъ шведскаго короля Карла X оставался безъ хозяина, или, лучше сказать, былъ занимаемъ то Французами, то Голландцами, только этотъ островъ герцогъ Фридрихъ-Казиміръ старался удержать за собою, надѣясь на поддержку Голландіи, но напрасно. Постоянно нуждаясь въ деньгахъ, онъ продалъ или заложилъ большое число доходнѣйшихъ коронныхъ помѣстій курляндскому дворянству. Герцогская власть была уже значительно потрясена. Это доказывается между прочимъ тѣмъ что въ 1684 г., несмотря на протестъ герцога, іезуиты утвердились въ Митавѣ. Сынъ Фридриха Казимира, Фридрихъ-Вильгельмъ, имѣлъ отъ роду не болѣе шести лѣтъ, и дядя этого ребенка, Фердинандъ, состоявшій до тѣхъ поръ въ польской службѣ, исходатайствовалъ себѣ въ Варшавѣ разрѣшеніе вступить въ управленіе герцогствомъ; но дворянство не подчинилось этому рѣшенію, и когда вспыхнула Сѣверная война противъ шведскаго короля Карла XII, то въ Курляндіи возникло всеобщее замѣшательство. Страна была вынуждена платить огромныя военныя контрибуціи то Полякамъ, то Шведамъ, то, наконецъ, Петру Великому. Тяжкія военныя бѣдствія породили страшную заразу, продолжавшуюся два года (съ 1709 по 1711 гг.), которая, похитила значительную долю населенія Курляндіи; да и въ Стокгольмѣ, куда зараза проникла изъ Риги, въ теченіе одного полугодія умерло 30.000 человекъ. По прекращеніи заразы, уменьшившееся населеніе, прежде весьма густое, пополнилось многочисленными переселенцами изъ Швеціи, Пруссіи и Россіи. Большею частію это были солдаты бѣжавшіе изъ проходившихъ по краю армій. Потомки ихъ, сообразно тогдашнему курляндскому праву, всѣ сдѣлались крѣпостными. Фридрихъ-Вильгельмъ, достигшій въ 1710 году совершеннолѣтія, надѣясь поправить печальное положеніе своего герцогства, вступилъ въ супружество съ русскою великою княжною, Анною Ивановною, племянницею Петра Великаго. Но этотъ бракъ не принесъ ему счастья, ибо на возвратномъ пути домой онъ занемогъ и въ 1711 году умеръ, несмотря на всѣ усилія врачей спасти его.

Власть, по праву наслѣдства, переходила къ единственному находившемуся въ живыхъ потомку Кеттлера, Фердинанду, дядѣ умершаго герцога. Но такъ какъ онъ и прежде былъ въ

ссорѣ съ дворянствомъ, и сверхъ того жилъ въ чужихъ краяхъ, въ Данцигѣ, то ему не легко было добиться чтобъ его признали герцогомъ. Между тѣмъ вдовствующая герцогина, великая княгиня Анна Ивановна, прибыла въ Курляндію съ русокими войсками, и ей были отданы многія герцогскія помѣстья въ видѣ вдовьяго удѣла. Герцогина пользовалась уваженіемъ какъ царствующая государыня и, при своихъ большихъ доходахъ, могла не только содержать пышный дворъ, но еще употребить значительныя суммы на выкупъ заложныхъ герцогскихъ помѣстій и на покунку частныхъ имѣній.

Разстроеннымъ положеніемъ Курляндіи воспользовался лифляндскій епископъ Христофоръ Инслуповъ Сдембекъ, дабы возобновить свои притязанія на Пильтенскій округъ. Онъ просилъ пособія короля Польскаго, ссылаясь на польскую комиссію въ Курляндію, объявившую въ 1617 году что имѣнія католической церкви, захваченныя герцогомъ, должны быть ей возвращены. Дворянство Пильтенскаго округа просило герцога заступиться за него предъ королемъ. Но герцогъ отклонилъ отъ себя дѣло, такъ какъ коронныя имуществы были заложены. Поэтому дворяне исходатайствовали у короля чтобъ онъ вовсе освободилъ ихъ отъ подчиненности герцогу, и съ тѣхъ поръ Пильтенскій округъ оставался въ видѣ небольшого самостоятельнаго государства, подъ непосредственнымъ покровительствомъ Польскаго короля и Польской республики.

Между тѣмъ дворяне ходатайствовали при королевскомъ дворѣ о наряженіи комиссіи для рѣшенія споровъ между ними и герцогомъ. Они жаловались что страна очень много страдаетъ отъ пребыванія герцога въ чужихъ краяхъ, такъ какъ всѣ правительственныя и полицейскія дѣла надобно посылать къ нему на рѣшеніе въ Данцигъ. Жалобы накопились; дворяне прямо указывали что герцогъ нарушаетъ всѣ права страны. Наконецъ давно ожидаемая комиссія прибыла, объявила тронъ герцога упраздненнымъ и запретила высшимъ совѣтникамъ герцога подъ страхомъ лишенія имуществы, а подданнымъ подъ смертною казнью оказывать повиновеніе герцогу. Опредѣленіе это было объявлено закономъ, имѣющимъ силу до тѣхъ поръ пока герцогъ не возвратится въ страну. Вслѣдствіе этого, конечно, положеніе герцогства не улучшилось, а напротивъ сдѣлалось еще плачевнѣе. Во всей Курляндіи господствовали

беспорядокъ. Герцогъ продолжалъ жить въ чужихъ краяхъ; дѣтей у него не было; его подданные были во враждѣ съ нимъ, и Польша только выжидала случая вполне присоединить герцогство къ своимъ владѣніямъ. Но сляніе съ Польшей могло привести только вредъ Курляндіи, такъ какъ и въ самой Польшѣ господствовалъ совершеннѣйшій беспорядокъ. Въ ней только дворянство имѣло значеніе, гражданскаго, или средняго сословія не существовало, а съ народомъ обращались хуже чѣмъ со скотомъ. Въ массѣ народа не было ни малѣйшаго одушевленія. Пьянство и грубость господствовали въ полной силѣ. Дабы дать понятіе о томъ на сколько ленивыя связи Курляндіи съ Польшей повредили порядку и праву въ этомъ герцогствѣ, приводимъ изъ книги Лудвига Бруниера (*Курляндія, Описаніе страны и ея жителей*, Лейпцигъ 1868), слѣдующій примѣръ. Нѣкто баронъ Оффенбергъ, состоявшій корнетомъ въ польской военной службѣ, вслѣдствіе долговременнаго пребыванія въ Польшѣ, усвоилъ себѣ господствовавшія тамъ понятія о правѣ и свободѣ. Этотъ курляндскій баронъ и польскій корнетъ поссорился съ барономъ Брунновымъ за помѣстье Штаблитенъ. Обратиться для охраны своего права къ судѣ, по его понятіямъ, было прилично какому-нибудь гражданину или крестьянину, а не дворянину. Поэтому онъ рѣшился защищать свое право собственною силой. Дабы достигнуть своей цѣли, онъ навербовалъ толпу польской сволочи и съ нею среди бѣлаго дня напалъ на уединенно лежавшее помѣстье Штаблитенъ. Вышедшему на встрѣчу владѣльцу помѣстья онъ далъ нѣсколько пощечинъ, приставилъ ему къ груди пистолеть, вытребовалъ такимъ образомъ у него ключи отъ всѣхъ письменныхъ столовъ и шкафовъ, и забралъ деньги и все что нашель, особенно же бумаги которыми доказывались права его противника. Баронесса Брунновъ послѣшила на помощь своему мужу и упрекала высокочеловѣка за его недостойный поступокъ; но онъ велѣлъ своимъ польскимъ сподвижникамъ почти совсѣмъ раздѣть ее и вытащить за ворота, гдѣ она, дрожа отъ стужи и трепеща за жизнь своего мужа, вынуждена была ждать окончанія исторіи. Баронъ Брунновъ съ трудомъ избѣгнулъ смерти. Найдя мало денегъ, польскій корнетъ разчелъ что онъ гдѣ-нибудь зарыты у его противника, а потому, дабы вынудить у него признаніе гдѣ спрятаны деньги, велѣлъ раздѣть

его, посадить на кресло и то стегать веревками, то нѣсколько освобождать и мучить винтовымъ жомомъ, короче подвергать всякаго рода истязаніямъ, до тѣхъ поръ пока онъ открылъ мѣсто гдѣ находились деньги. Достигнувъ своей цѣли, безжалостный разбойникъ велѣлъ отащить несчастнаго Брунова въ болото, гдѣ его били до тѣхъ поръ пока онъ обезпамятѣлъ какъ мертвый. Разбойники, вѣроятно, такъ и думали что онъ умеръ; но по прошествіи нѣсколькихъ часовъ онъ опаматовался и, хотя покрытый безчисленнымъ множествомъ ранъ, дотащился по лѣсамъ и болотамъ до ближайшаго гауптманна, которому сообщилъ объ этомъ безпримѣрномъ вторженіи. Гауптманъ немедленно послалъ слѣдственнаго судью въ Штабштетъ къ корнету, предписавъ послѣднему выѣхать изъ незаконно захваченнаго имѣнія и явиться къ уголовному суду. Между тѣмъ, пока несчастный баронъ Бруновъ, выброшенный изъ своего помѣстья, полумертвый дотащился къ оберъ-гауптманну, благородный атаманъ разбойничьей шайки великодушно пировалъ со своими сообщниками и восклицалъ ура! въ честь удачнаго подвига. Онъ похвалялся этимъ подвигомъ предъ чиновникомъ присланнымъ отъ оберъ-гауптманна, съ хохотомъ и ругательствами показывалъ ему мѣсто гдѣ подвергались истязаніямъ баронъ Бруновъ и его жена, и при этомъ откровенно заявлялъ сожалѣніе что не замучилъ ихъ обоихъ до смерти, но прибавилъ что еще постарается докончить ихъ. Впрочемъ онъ, повидимому, все-таки болѣе боялся курляндскаго правосудія чѣмъ польскаго, ибо въ ту же ночь со всею своею шайкой убрался въ Польшу, гдѣ его ожидало безопасное убѣжище. Все что можно было увезти изъ имѣнія онъ велѣлъ разбойникамъ взять съ собою.

V.

Смерть императора Петра II имѣла важное вліяніе на судьбу Курляндіи. Герцогиня Анна Ивановна сдѣлалась русскою императрицей и тотчасъ отправилась въ Москву, куда послѣдовалъ за нею ея камергеръ, Эрнстъ Іоганнъ Бирровъ.

Когда, послѣ многихъ неурядицъ, со смертію въ 1787 году герцога Фердинанда, употреблявшаго не мало усилій дабы

снова обладать Курляндіей, герцогскій тронъ упразднился, то, естественно, на него нашлось много претендентовъ. Но лучшую рекомендацію имѣлъ оберъ-камергеръ русской императрицы. Такъ какъ совокупно съ императрицей и король польскій былъ вынужденъ благоприятствовать притязаніямъ Бирона, то въ 1738 году онъ и былъ избранъ въ герцоги Курляндіи и Семигалии. Биронъ отказался, правда, отъ должности оберъ-камергера, какъ „несовмѣстной съ его достоинствомъ въ качествѣ царствующаго государя“, но тѣмъ не менѣе остался довѣреннымъ совѣтникомъ императрицы, которая осыпала его свѣдѣльствами своего благоволенія и деньгами, и отказалась въ его пользу отъ своего вдовьяго содержанія въ Курляндіи. Такимъ образомъ герцогъ сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ владѣтелей; утверждаютъ что въ теченіе довольно продолжительнаго времени онъ получалъ по милліону талеровъ дохода. Богатство свое онъ употребилъ частію для уплаты долговъ и для выкупа заложённыхъ герцогскихъ помѣстій, частію для постройки двухъ великолѣпныхъ замковъ: въ Митавѣ и Рузентагѣ, не подалеку отъ Бауске (принадлежащаго теперь графу Шувалову), частію на покупку большихъ помѣстій за границей. Правительственныя распоряженія, получавшіяся въ то время, отличались такою опредѣленностью, отъ которой въ Курляндіи давно уже отвыкли. Равнымъ образомъ часто случалось что усилія доставить герцогу болѣе дохода съ герцогства рѣшительно выходили изъ предѣловъ обычая. Такъ, герцогъ ввелъ въ Курляндіи монополію продажи крѣпкихъ напитковъ и отдачу на откупъ всѣхъ шивковъ и трактировъ; велѣлъ устроить магазины для храненія зерноваго хлѣба, запретилъ вывозить хлѣбъ за границу, чѣмъ, повидимому, хотѣлъ присвоить себѣ всю отпускную торговлю. Ограниченія наложенныя на шивки и доставлявшія герцогскому казначейству ежегодно 150.000 польскихъ золотыхъ лишняго дохода, а также монополія продажи хлѣба возбудили даже мятежи, причемъ жизнь герцогскихъ управителей подвергалась опасности. Такимъ образомъ Биронъ, справедливо почитавшійся въ Петербургѣ главою нѣмецкой партіи, управлялъ и своимъ небольшимъ государствомъ не лучше чѣмъ Россіей. Горько раскаивалось курляндское дворянство въ той строптивости какую оказывало предъ своими прежними, столь кроткими герцогами.

Извѣстно что по кончинѣ императрицы Анны, кото-

раа назначила своимъ наслѣдникомъ малолѣтнаго Ивана Антоновича, сына своей племянницы Анны Карловны, состоявшей въ супружествѣ съ герцогомъ Антономъ Ульрихомъ Брауншвейгскимъ, вскорѣ послѣдовало паденіе всемогущаго Бирона. Послѣ ссылки его въ Пелымъ, въ Сибири, откуда въ послѣдствіи онъ былъ перевезенъ въ Ярославль, гдѣ жилъ очень долго, Курляндія дѣлясь семнадцать лѣтъ совсѣмъ не имѣла герцога, и герцогскія помѣстья управлялись русскимъ сановникомъ отъ имени русской короны. Этимъ благоприятнымъ временемъ курляндское дворянство воспользовалось дабы исходатайствовать себѣ въ Варшавѣ чрезвычайныя права. Польскій король заботился только о томъ чтобы посредствомъ просьбъ и уступокъ склонить петербургскій дворъ и Курляндію къ провозглашенію его сына герцогомъ. Дѣйствительно, герцогомъ былъ утвержденъ Карлъ Христіанъ Іосифъ, третій сынъ короля польскаго и курфюрста саксонскаго, Августа III. Онъ царствовалъ съ 1758 по 1763 годъ. Этотъ двадцатисемилѣтній герцогъ, исповѣдовавшій католическую религію, очень любившій увеселенія, вскорѣ сдѣлаема всѣмъ общимъ любимцемъ Курляндіи, такъ какъ онъ безъ разбора осыпалъ всѣхъ милостями и привилегіями.

Въ 1762 году, по смерти Елизаветы I, императоръ Петръ III освободилъ Бирона изъ заточенія, но хотѣлъ поставить герцогомъ Курляндіи Георга Лудвига Гольштейнъ-Готторпкаго. При Екатеринѣ II положеніе дѣлъ вновь измѣнилось. Она потребовала отъ польскаго короля чтобъ онъ немедленно смѣнилъ своего сына и возстановилъ герцогомъ Эрста Іоганна Бирона. Напрасно польскій король уклонялся отъ исполненія этого увязительнаго для него требованія; русскій агентъ въ Митавѣ, статскій совѣтникъ Симолинъ, конфисковалъ всѣ герцогскія помѣстья, большая часть дворянства объявила себя на сторонѣ Екатерины, и городъ Митава былъ занятъ русскими войсками. Съ начала 1763 года, въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, оба претендента находились въ Митавѣ, но, наконецъ, 27-го апрѣля, сынъ короля польскаго уѣхалъ. Биронъ владѣлъ Курляндіей до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1769 году, и бывъ уже старъ, притомъ испытывъ много тяжкихъ превратностей судьбы, управлялъ гораздо кротче чѣмъ прежде.

Теперь въ Курляндіи вполне господствовало вліяніе Россіи. Возстановленіе Бирона подѣйствовало въ этомъ отношеніи

самымъ рѣшительнымъ образомъ. Государственная мудрость Екатерины II обнаружилась въ этомъ дѣлѣ блестящимъ образомъ. Она объявила старыя права Курляндіи восстановленными, выговорила право выстроить православную церковь, полную свободу торговли для Русскихъ въ Курляндіи, а также покровительство Русскимъ которые поселятся въ этой странѣ, сохраненіе аренды герцогскихъ помѣстій за Русскими взявшими ихъ во время заточенія Бирона, восстановление русской почты чрезъ Митаву въ Мемель, бесплатное помѣщеніе для живущаго въ Митавѣ русскаго агента, и наконецъ всякаго рода выгоды для русскихъ военныхъ кораблей. Въ 1764 году, приведа въ исполненіе всѣ свои планы относительно Курляндіи, она посѣтила Митаву и была принята съ восторгомъ.

Дворянство раздѣлилось тогда на двѣ партіи: русскую и польскую; среди однообразія провинціальной жизни оно развлекало себя безконечными, бесплодными спорами, частію охотой и притѣвленіями крестьянъ. Въ послѣднемъ отношеніи, при началѣ XVIII столѣтія, оно встрѣчало на практикѣ нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ послѣ заразы мало оставалось народа, и крестьяне, въ случаѣ излишнихъ суровостей помѣщика, переходили на земли герцога и даже въ Пруссію и Литву. Тѣмъ не менѣе, постановленіемъ дворянства послѣдовавшимъ въ 1746 году, палачу была назначена слѣдующая такса, свидѣтельствующая о тогдашнихъ обычаяхъ и понятіяхъ: за сожженіе и колесованіе 6 талеровъ, за повѣшеніе 5 талеровъ, за выставленіе записки на позорномъ столбѣ, или за сожженіе пасквиля 2 талера. Это же самое постановленіе дворянства гласитъ между прочимъ: „всѣ тѣ которые осмѣлятся впредь изложить письменно вредныя для правительства или для дворянства разсужденія, должны каждый разъ уплачивать 100 талеровъ пени!“

Эрнсту Иоганну Бирону наследовалъ его старшій сынъ Петръ, который и былъ послѣднимъ курляндскимъ герцогомъ. Важнѣйшимъ и достопримѣчательнѣйшимъ дѣломъ этого герцога было учрежденіе, въ 1775 году, учебнаго заведенія для высшаго научнаго образованія страны. Съ этою цѣлью герцогъ поручилъ берлинскому ученому Зулцдеру составить планъ академической гимназіи (*gymnasium academicum*), и основалъ ее на доходы герцогскаго лена, даровавъ должностнымъ при гимназіи лицамъ привилегіи, а заведенію право

судиться своимъ судомъ. Съ императрицею заключенъ было пограничный и торговый трактатъ, переговоры о которомъ императрица вела съ герцогомъ и чинами Курляндіи совокупно. По этой конвенціи императрица выговорила чтобъ изъ 24 курляндскихъ приходоу всѣ произведенія были отправляемы въ Ригу, изъ прочихъ же куда сами пожелаютъ. Вскорѣ по заключеніи этого трактата герцогъ и супруга его отправились въ чужіе края и тамъ купили у Фридриха Великаго увеселительный замокъ въ Берлинѣ.

Вслѣдствіе американской войны за независимость и вооруженнаго нейтралитета, къ которому она подала поводъ, Балтійское море сдѣлалось весьма оживленнымъ средоточіемъ торговли хлѣбомъ, судостроенія и оснащенія кораблей. Въмѣстѣ съ тѣмъ цѣна земли въ Курляндіи поднялась; дворянство находилось въ цвѣтущемъ положеніи. На герцогскихъ земляхъ и крестьяне не бѣдствовали. Въ 1790 году жители городовъ заключили между собою унію горожанъ, которую поддерживалъ герцогъ. Эта унія имѣла цѣлью истребовать у дворянства въ пользу горожанъ нѣкоторыя незначительныя права. Но дворянство упорно не соглашалось ни на какія уступки.

Распаденіе Польскаго королевства измѣнило весь внутренній порядокъ въ Курляндіи. Отъ Варшавы уже нечего было ожидать, всѣ обратили свои взоры на Петербургъ. Значительная дворянская партія имѣла намѣреніе подчиниться Россіи условно, другая желала подчиненія безусловнаго. Герцогъ въ февралѣ 1795 года отправился въ Петербургъ, дабы выговорить себѣ благоприятнѣйшія по возможности условія. 17-го марта дворянство подписало въ Митавѣ актъ о подданствѣ Россіи, и отправленная по этому случаю въ Петербургъ дворянская депутація представлялась 15-го апрѣля въ торжественной аудіенціи императрицѣ, которая объявила что, сообразно просьбѣ депутаціи, ея величество согласна Курляндію и ея жителей сдѣлать причастными всѣхъ благодѣяній, милостей и законовъ какими пользуются всѣ вообще русскіе подданные. Тѣмъ же числомъ былъ помѣченъ и манифестъ о принятіи Курляндіи во владѣніе Россіей. Дворянство старалось выговорить себѣ, въ награду за свое добровольное подчиненіе, какія-нибудь особенныя условія; но политическая мудрость великой монархини отклонила всякія условія. Герцогъ Петръ получилъ два миліона рублей, за которые уступилъ русскому

правительству Курляндію съ ея многочисленными государственными имуществами и уѣхалъ въ свое помѣстье Саганъ, въ Силезіи, гдѣ и умеръ въ 1800 году. Титулъ герцога курляндскаго остался до сихъ поръ за его наследниками, владѣльцами Сагана.

Курляндія была послѣднимъ изъ достославныхъ приобрѣтений Екатерины II. Она добровольно и *безусловно* подчинилась Россіи.

По кончинѣ императрицы, исполненіе ея плановъ было прервано: въ Курляндіи не были введены законы имѣющіе силу въ остальной Россіи. Эта провинція сдѣлалась нѣкотораго рода Германіей съ латышскимъ населеніемъ, и послѣднее только онѣмечивалось можетъ получать въ ней гражданскія права....

ВОЛЬДЕМАРЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ УЧРЕЖДЕНІЯ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРСТВЪ ВЪ РОССІИ *

VIII.

Послѣ того какъ мѣнне комитета разрушило всѣ комбинаціи Балашова, должность генералъ-губернатора уже не возобновлялась въ формѣ органа губернскаго управленія вообще. Согласно мѣннію комитета, должность эта была признана необходимою лишь для нѣкоторыхъ мѣстностей Имперіи, представляющихъ какія-нибудь особенныя условія. Другими словами, въ губерніяхъ *управляемыхъ на общемъ основаніи* должность генералъ-губернаторовъ утратила свое значеніе. За то въ губерніяхъ съ особенными учрежденіями она вступила въ новую фазу своего развитія. Окончательно новое ея значеніе опредѣлено въ „Инструкціи генералъ-губернаторамъ“, составленной въ 1853 году и вошедшей въ составъ II тома Свода Законовъ.

По духу и смыслу этой инструкціи, означенная должность не имѣетъ ничего общаго ни съ должностію намѣстниковъ по „Учрежденію о губерніяхъ“, ни съ тѣмъ чѣмъ сдѣлались фактически намѣстники послѣ „Учрежденія“. Она не введена въ кругъ губернскихъ установленій, какъ этого желало

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 11.

„Учрежденіе“; она не имѣетъ значенія средней инстанціи между губернскимъ и высшимъ управленіемъ. Напротивъ, генераль-губернаторы получили то значеніе котораго Сперанскій, въ своемъ проектѣ, желалъ для наместниковъ,—значеніе министерства дѣйствующаго на мѣстѣ, то-есть она фактически принадлежать къ разряду высшихъ государственныхъ властей. Этого мало. Проектъ Сперанскаго сосредоточивалъ въ должности наместниковъ только функціи надзора, предоставивъ самое управленіе губернскимъ властямъ и министерствамъ. По смыслу дѣйствующихъ законовъ, генераль-губернаторства сдѣлались органами управленія стоящими отдѣльно отъ министерствъ, какъ исключеніе изъ общаго закона.

Правда, инструкция стремится сохранить основный взглядъ „Учрежденія“ что генераль-губернаторы суть власть надзирающая за порядкомъ мѣстнаго управленія. Она нѣсколько разъ высказывается въ этомъ смыслѣ (ст. 294, 296, 315). Но затѣмъ другія статьи даютъ генераль-губернатору право высшаго управленія во вѣренной ему мѣстности. Управительная власть генераль-губернатора рѣзко отдѣлена отъ власти обыкновенныхъ губернскихъ властей, ему подчиненныхъ. Инструкция противопоставляетъ губернскія власти, какъ органы администраціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, генераль-губернатору, какъ чрезвычайной политической власти. Онъ поставленъ внѣ губернскаго управленія, не входитъ въ кругъ губернскихъ учрежденій, подобно губернатору. Онъ не оставленъ дѣлою системой мѣстныхъ учрежденій, какъ губернаторъ,—при немъ дѣйствуютъ только канцелярія и чиновники особыхъ порученій (ст. 345—350). Слѣдовательно, законъ по всемъ вопросамъ управленія разчитываетъ только на личную дѣятельность генераль-губернатора. Онъ освобождаетъ генераль-губернатора отъ подробностей мѣстной администраціи, вѣряя ему только нѣкоторыя дѣла, какъ власти чрезвычайной. Любопытны статьи инструкции опредѣляющія предметы дѣятельности генераль-губернатора. Въ этихъ статьяхъ заключаются не столько предписанія, сколько совѣты, не всегда удобоисполнимые. Такъ генераль губернатору (ст. 302) предписывается „устремлять все свое вниманіе на духъ и нравственное направленіе во всѣхъ сословіяхъ и устранивать всякій поводъ къ ложнымъ понятіямъ, превратнымъ толкованіямъ и губельному лжемудрствованію“. Далѣе (ст. 309):

„свѣдуя коренному убѣжденію что земледѣіе есть главнѣйшая и самая прочная основа народнаго богатства, генералъ-губернаторъ пользуется всякимъ случаемъ для указанія истинныхъ и прямыхъ способовъ къ развитію и улучшенію сельскаго хозяйства во всѣхъ его многоразличныхъ и разнообразныхъ отрасляхъ, покровительствуя, поощряя и одобряя всѣ полезныя въ томъ отношеніи предпріятія“. Не менѣе трудными представляются и слѣдующія предписанія (ст. 310 и 312). „Генералъ-губернаторъ не оставляетъ безъ вниманія фабричную, заводскую и ремесленную промышленность, *направляетъ ее къ предметамъ необходимымъ и дѣйствительнымъ нуждамъ и потребностямъ и къ выгодамъ какъ производителей, такъ и потребителей*“. Онъ же долженъ поощрять всѣ частныя и общественныя предпріятія, *„давая имъ, сколько возможно, соотвѣтствующія выданы правительства направленія“*.

Итакъ, во первыхъ, генералъ-губернаторъ вообще не причисляется къ мѣстнымъ административнымъ властямъ; во вторыхъ, специально ему назначенныя административныя обязанности не могутъ имѣть серіознаго практическаго значенія. Въ итогѣ остается чрезвычайная политическая власть, которая и составляетъ всю сущность генералъ-губернаторской должности.

Политическая власть генералъ-губернаторовъ проявляется въ слѣдующихъ трехъ отношеніяхъ: 1) Черезъ нихъ высшее правительство приводитъ въ исполненіе свои законы и распоряженія. 2) Отъ нихъ узнаетъ оно о пользахъ и нуждахъ края. 3) Имъ принадлежитъ направленіе мѣстной администраціи, сообразно видамъ высшаго правительства. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ генералъ-губернаторы значительно затрудняютъ движеніе администраціи, ни въ чемъ не гарантируя ни большей правильности, ни большаго успѣха правительственныхъ мѣръ.

Въ губерніяхъ управляемыхъ на общемъ основаніи каждая мѣра правительства предписывается къ исполненію посредствомъ общаго закона или общаго же распоряженія, независимо отъ субъективнаго усмотрѣнія того или другаго должностнаго лица. Каждое изъ этихъ должностныхъ лицъ знаетъ что его губернія не должна и не можетъ составлять исключеніе изъ общаго правила. Напротивъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ существуетъ генералъ-губернаторская должность,

высшее правительство не может дѣйствовать путемъ обыкновенныхъ общихъ предписаній и законовъ. Необходимость „исключеній“ для данной мѣстности, такъ сказать, узаконяется и обуславливается субъективнымъ усмотрѣніемъ генераль-губернатора. Это субъективное усмотрѣніе вліяетъ и на изданіе общей мѣры, и на приведеніе ея въ исполненіе. „Никакая новая мѣра, или особое распоряженіе, относящіяся до благоустройства, общей пользы и казеннаго интереса въ краѣ, не предпринимаются иначе какъ по предварительномъ истребованіи соображеній и заключенія генераль-губернатора“ (ст. 329). Затѣмъ „распоряженія министровъ и главноуправляющихъ передаются къ исполненію въ губернію не иначе, какъ чрезъ генераль-губернаторовъ“ (ст. 328).

Получивъ распоряженіе, генераль-губернаторъ не только наблюдаетъ за его исполненіемъ (для чего достаточно было бы и обыкновеннаго губернаторскаго надзора), но еще соизмусуетъ дѣйствія подчиненныхъ ему лицъ съ „видами верховнаго правительства“, что открываетъ уже обширную возможность самаго разнообразнаго примѣненія общаго закона.

Благодаря такой чрезвычайной власти, высшее управленіе не можетъ имѣть прямыхъ отношеній къ мѣстной администраціи и непосредственно вліять на ходъ мѣстнаго управленія. Мѣстныя власти поставлены въ совершенную зависимость отъ генераль-губернаторовъ, а послѣдніе, въ свою очередь, находятся въ весьма условной зависимости отъ высшаго правительства. Губернаторы (II т. Св. З., ст. 686), за немногими исключеніями, не могутъ дѣлать высшему правительству никакихъ представленій мимо генераль-губернаторовъ, по тѣмъ дѣламъ по которымъ послѣдніе предоставили себѣ излагать собственныя свои мнѣнія, или представленіе коихъ (мнѣній) требуется отъ нихъ самими правилами ихъ власти. Генераль-губернаторы могутъ дѣлать всѣ распоряженія для исправленія замѣченныхъ ими упущеній, а мѣстныя власти только извѣщаются объ этомъ „для соблюденія порядка и единства въ ходѣ дѣлъ“ (ст. 335). Въ той губерніи гдѣ находится генераль-губернаторъ, его власть дѣйствуетъ на всѣ части ввѣреннаго ему управленія (ст. 291).

Сами генераль-губернаторы поставлены въ совершенную независимость отъ высшаго управленія. Они сносятся съ министерствомъ какъ равные съ равными (ст. 333 прим.). Имъ предоставлено важное право непосредственнаго доклада

императорскому величеству обо всѣхъ предметахъ „кои признають нужными и необходимыми“, хотя имъ и предписывается пользоваться этимъ правомъ съ должною осмотрительностію. Они имѣютъ не менѣе важное право получать непосредственно высочайшія повелѣнія относящіяся до вѣрннаго имъ края, съ обязанностію лишь доводить до свѣдѣнія министровъ о существѣ этихъ повелѣній (ст. 324 и 326). Пользуясь такою властью, они имѣютъ громадное вліяніе и на весь составъ мѣстной администраціи. Они имѣютъ право, „при всякой открывающейся ваканціи, замѣщеніе коей зависитъ отъ высшаго правительства (слѣдовательно вице-губернаторовъ и самихъ губернаторовъ, предсѣдателей палатъ, директоровъ гимназій и т. д.), ходатайствовать объ опредѣленіи на сіи должности чиновниковъ лично имъ извѣстныхъ“, и ходатайство это, прибавляетъ законъ, не оставляется, *безъ особыахъ причинъ*, безъ уваженія. Слѣдовательно это право фактически равносильно праву предоставленному министрамъ относительно опредѣленія высшихъ чиновниковъ (ст. 144 общ. нак. мин.).

Такимъ образомъ, путемъ различныхъ видоизмѣненій, должность генераль-губернаторовъ обратилась изъ простой административной въ исключительную политическую должность. Признанная несостоятельною для губерній находящихя подъ господствомъ общаго закона и прямо подчиненныхъ высшему государственному управленію, она перенесена была въ мѣстности объявленныя исключеніемъ изъ общаго права. Здѣсь она быстро развилась, благодаря именно этому исключительному положенію означенныхъ мѣстностей. Здѣсь она возвысилась до системы личнаго управленія, способствуя въ свою очередь выдѣленію вѣрнныхъ генераль-губернаторамъ мѣстностей изъ-подъ общаго управленія. Идеаломъ такого порядка вещей представляется должность на мѣстника бывшаго Царства Польскаго. Прочіе генераль-губернаторы хотя не достигли этого образца, но приближались къ нему. Политическія послѣдствія такого порядка были весьма важны.

IX.

Какое значеніе имѣетъ законъ, въ силу котораго извѣстная мѣстность ставится въ особыя административныя условія? Прежде всего въ такой мѣстности предполагаются какія-

либо особенности, не подлежащая дѣйствию общаго закона. Особенности эти возводятся на степень закона, конкурирующаго съ общими государственными установленіями и превращающаго мѣстность въ нѣчто совершенно отличное отъ общаго состава государства.

Наше законодательство, по отношенію къ тѣмъ мѣстностямъ гдѣ существуютъ генералъ-губернаторы, пошло именно этимъ путемъ. Общая формула принятой политики составлена тѣмъ же комитетомъ который отвергъ планы Балашова. По мнѣнію комитета, есть нѣкоторыя части Имперіи, гдѣ назначеніе генералъ-губернаторовъ можетъ быть полезно. „Не говоря о двухъ столицахъ, есть отдаленныя губерніи, въ коихъ необходимы особыя правила для управленія: въ губерніяхъ пограничныхъ мѣстное положеніе и другія обстоятельства обязываютъ начальниковъ заниматься разными посторонними дѣлами, какъ-то сношеніями политическими, торговыми и пр. Таковы губерніи: сибирскія, Оренбургская, кавказскія, Новороссійскій край, Лифляндія, Эстляндія и Курляндія. Въ онѣ должны быть исключены въ семь отношеніи изъ общаго порядка для внутренности государства учреждаемаго.“ Такимъ образомъ Сибирь, отдаленная отъ центральныхъ мѣстъ Имперіи на нѣсколько тысячъ верстъ, при плохихъ путяхъ сообщенія, при существованіи народностей, которыя пока нужно удерживать въ повиновеніи силою, поставлена въ одинъ разрядъ съ балтійскими провинціями, удаленными отъ столицы не болѣе чѣмъ любая изъ центральныхъ губерній. Далѣе, сибирскому генералъ-губернатору еще приходится заниматься дипломатическими сношеніями съ Китаемъ, съ киргизскими ордами и т. д., но сомнительно чтобъ управленію остзейскихъ провинцій необходимо было заниматься политическими сношеніями.

Какъ бы то ни было, но теорія „мѣстныхъ особенностей“ пустила глубокіе корни въ нашемъ законодательствѣ. Къ числу „отдаленныхъ и особенныхъ губерній“ отнесены двѣ категоріи мѣстностей—наши восточныя и сибирскія губерніи, съ одной, и западныя и юго-западныя губерніи, съ другой стороны. Серединная полоса Россіи осталась внѣ серьезнаго вліянія генералъ-губернаторской должности. Были, правда, учреждены генералъ-губернаторы въ обѣихъ столицахъ, существовало долгое время малороссійское генералъ-губернаторство

но, какъ извѣстно, эти должности не получили здѣсь такого развитія какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Малороссійское генераль-губернаторство никогда не имѣло значенія особенной политической власти. Генераль-губернаторъ сдѣлался просто совершенно бесполезною, посредствующею инстанціей между мѣстнымъ и столичнымъ управленіемъ. Это повело въ нынѣшнее царствованіе къ упраздненію харьковскаго генераль-губернаторства. Никакого ущерба отъ этого ни для мѣстной, ни для общей администраціи не произошло. Точно также въ 1866 году была призвана излишнею должность с.-петербургскаго генераль-губернатора. И никто изъ жителей столицы не почувствовалъ ея отсутствія. Должность московскаго генераль-губернатора имѣетъ шное, почетное назначеніе. Присутствіе въ первопрестольномъ городѣ представителя власти, окруженнаго особеннымъ почетомъ и блескомъ, сообразно со значеніемъ Москвы какъ второй столицы.

Начаа, въ силу которыхъ одна и та же должность существуетъ при двухъ столь противоположныхъ условіяхъ, въ Сибири и Вильнѣ, среди Киргизовъ и среди балтійскихъ культуртрегеровъ, очевидно, должны быть различны. Мѣстности на восточныхъ окраинахъ или недавно покорены русскимъ оружіемъ, или населены племенами не перешедшими еще первоначальныхъ культурныхъ формъ. Киргизская и калмыцкая орда, горное кавказское племя, то кочующія, то занимающіяся разбоемъ, вотъ чтò представляетъ *народонаселеніе*. Пути сообщенія плохи. Границы или не опредѣлены, или плохо защищены. При такихъ условіяхъ государственныя формы прививаются тамъ плохо. Государство Русское расположено тамъ, такъ-сказать, военнымъ станомъ. Много нужно усилій чтобы Киргизъ, Абхазъ, Чеченецъ или Калмыкъ вошелъ въ составъ русскаго государственнаго общества. При такихъ условіяхъ дѣятельность вполнѣ самостоятельной, даже чрезвычайной власти генераль-губернатора можетъ быть полезна, какъ переходная мѣра. И здѣсь, однако, институтъ генераль-губернаторовъ сопряженъ съ большими невыгодами. Но отъ учрежденія чрезвычайной власти въ полудикихъ областяхъ, которыя еще нужно приучить къ государственной жизни, до распространенія этой должности на всѣ губерніи, гдѣ имѣются какія-нибудь филологическія и культурныя особенности—шагъ большой. Франція имѣла основанія учредить

генераль-губернаторство въ Алжирѣ, для Арабовъ. Но что сказали бы тамъ на предложеніе учредить генераль-губернаторовъ въ Эльзасъ и Лотаргиніи для Нѣмцевъ?

X.

Великая Екатерина, издавая свое *Учрежденіе о губерніяхъ*, желала чтобъ оно сдѣлалось общимъ закономъ для всѣхъ подвластныхъ ей областей. Такое же значеніе должны были получить и прочіе ея законодательные акты, то-есть *Жалованная грамота дворянству* и *Городовое положеніе*. Правительство, насколько это отъ него зависѣло, энергически выполняло волю императрицы. Но со смертію ея, пало и ея предпріятіе.

3го іюля 1783 года было введено въ Лифляндіи *Учрежденіе о губерніяхъ*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ландратская коллегія, этотъ органъ феодальнаго дворянства, пользовавшійся огромною властью, была неосторожно оставлена. Должно замѣтить что это установленіе было отменено еще шведскимъ правительствомъ въ 1694 году, какъ несогласное съ выгодами шведской короны. Вообще шведская корона оставила очень немного изъ такъ-называемыхъ привилегій Тевтонскаго ордена, и продолжай русское правительство его политику, Остзейскій край давно сдѣлался бы географическимъ терминомъ. Но Нѣмцы успѣли обойти законъ 1694 года. Ландратская коллегія продолжала собираться и сдѣлалась обычнымъ учрежденіемъ. Оно оставлено было и Екатериной. Послѣдствія этой уступки не замедлили обнаружиться. Въ октябрѣ 1783 года майоръ Блаумень принесъ, отъ имени лифляндскаго земства, жалобу правительствующему сенату. Въ жалобѣ этой говорилось что рыцарство отстраняло земцевъ не только отъ всѣхъ сеймовыхъ дѣлъ, но и отъ выбора судей и чиновниковъ въ разныя должности, на что земцы имѣли право въ силу *Учрежденія о губерніяхъ*. Далѣе Блаумень указывалъ что члены рыцарства „даже не владѣющіе деревнями допущены къ выбору и опредѣлены въ судьи даже не въ своихъ округахъ, да и выборъ былъ сдѣланъ не изъ общества, а изъ представленныхъ *ландратскою коллегією* кандидатовъ“. Затѣмъ тотъ же Блаумень обратилъ вниманіе правительства на то что ландратская коллегія существуетъ не законно и причиняетъ

земству всевозможныя притѣсненія и обиды. Дерзость ея доходитъ до того что она издаетъ и публикуетъ законы.

Дѣло Блумена, можетъ-быть, и осталось бы безъ послѣдствій, но въ 1785 г. произошло новое столкновение между общими законами Имперіи и такъ-называемыми привилегіями рыцарства и бюргерства. 1785 годъ памятенъ для Россіи вслѣдствіе двухъ важныхъ актовъ: *Жалованной грамоты дворянству* и *Городоваго положенія*. И тотъ и другой актъ радикально расходились съ феодальною организаціей лифляндскаго дворянства и цеховымъ устройствомъ города Риги. Рыцарство и магистратъ пришли въ ужасъ отъ повелѣнія императрицы ввести эти акты въ Лифляндію. Они возопили о привилегіяхъ. Генераль-губернаторъ принялъ эти жалобы и представилъ императрицѣ. Но императрица твердо рѣшилась поддержать достоинство короны. Она не сочла нужнымъ переговариваться съ рыцарями и бюргерами чрезъ своего генераль-губернатора. Она послала ему рескриптъ, въ коемъ ему внушалось что на разсмотрѣніе такихъ претензій существуетъ въ Россіи правительствующій сенатъ. Дѣлать было нечего. Генераль-губернаторъ представилъ все дѣло, при своемъ рапортѣ и мнѣніи, въ сенатъ.

Сенатъ нашелъ что рижское и ревельское намѣстническія правленія напрасно медлятъ приводить въ исполненіе высочайшую волю, и что это происходитъ отъ нерѣшимости мѣстнаго управленія. Далѣе сенатъ полагалъ что *Жалованною грамотою дворянству* могутъ быть недовольны только немногіе дворяне, которые, *не выходя въ пользу общую, основываясь на какихъ-то обычаяхъ и закореппыхъ мнѣніяхъ*, вступили съ *не дѣльными* представленіями. Напротивъ, вся масса дворянства желаетъ скорѣе воспользоваться монаршими щедротами, объявленными въ *Дворянской грамотѣ*. Урезонивъ рыцарство, правительствующій сенатъ обратился съ увѣщаніемъ и къ „мѣстнымъ правительствамъ“. Вотъ что говоритъ онъ намѣстническимъ правленіямъ. „Намѣстническія правленія, *забывъ долгъ каждаго правительственнаго мѣста* судить по точной силѣ и разуму законовъ, удалились отъ предписаннаго порядка.“ Не меньше досталось и генераль-губернатору. Ему строго напоминалось что онъ есть блюститель законовъ и первое орудіе монаршей воли. Въ заключеніе сенатъ предписываетъ генераль-губернатору привести въ дѣйствіе *Жалованную грамоту* и

Городовое положеніе въ „самоскорѣйшемъ времени“; „если, противъ всякаго чаянія, встрѣятся съ коей-либо стороны какія препятствія или медленность (значить, тогдашній сенатъ и не думалъ чтобы можно было противиться монаршей волѣ двукратно выраженной), таковыхъ да отошлетъ, куда по указаніямъ слѣдуетъ, для суда.“

Покончивъ дѣло съ грамотой и положеніемъ, сенатъ обратилъ вниманіе и на вопросъ о ландратской коллегіи, поднятій Блуменомъ. Было произведено тщательное историческое изслѣдованіе этого учрежденія, и результаты этого изслѣдованія изложены въ докладѣ представленномъ сенатомъ государынѣ императрицѣ. Вотъ какіе факты показало изслѣдованіе. Ландраты учреждены шведскимъ правительствомъ въ 1643 году, но не въ качествѣ коллегіи, а простаго совѣщательнаго собранія при генераль-губернаторѣ. Ихъ назначеніе было помогать послѣднему „въ споспѣшествованіи королевскаго величества интереса и пользы“. На дѣлѣ вышло не такъ. Генераль-губернаторская должность была неудовлетворительна не только въ рукахъ нашего, но и шведскаго правительства. Ландраты, по смыслу шведскаго законодательства, должны были избираться изъ среды мѣстнаго дворянства. Этому было довольно чтобы должность эта сдѣлалась орудіемъ ландтага и, опираясь на него, получила безмѣрные права. Ландтагъ избиралъ изъ своей среды двѣнадцать ландратовъ, которые сохраняли эту должность пожизненно. Постепенно въ рукахъ этой могущественной коллегіи сосредоточились всѣ виды власти: судебная, исполнительная, распорядительная, право распределенія налоговъ и т. д. Шведское правительство скоро увидѣло невыгоды такого порядка вещей. Убѣдившись что ландратская коллегія далеко вышла за предѣлы предоставленной ей власти, король, въ 1694 году, 20го декабря, торжественно уничтожилъ это учрежденіе. Насталъ періодъ замѣшательства. Лифляндія отошла отъ Швеціи. При присоединеніи ея къ Россіи рыцарство хлопотало въ разныя времена о сохраненіи полезнаго для него учрежденія. Правительство долгое время отмачивалось. Наконецъ въ 1710 году канцлеръ Головкинъ объявилъ отъ имени императора что „относительно жалованья, чина и почести ландратовъ, разрѣшеніе отложено до удобнѣйшаго времени“. Такимъ образомъ эта коллегія осталась не гарантированою русскимъ закономъ. Но, при слабости центральной

власти, она продолжала свое существованіе какъ фактъ. При Екатеринѣ II настало время переборки всѣхъ мѣстныхъ привилегій. Императрица созвала въ 1767 году знаменитую комиссію. Цѣль ея состояла въ составленіи общихъ законовъ для всѣхъ областей Имперіи. Это давало собранію высокое національное значеніе. Балтійскимъ рыцарямъ и бюргерамъ предписано было прислать исправныя и засвидѣтельствованныя копіи со всѣхъ подтвержденныхъ привилегій и правъ, съ тѣмъ что если они ко времени открытія собора не будутъ присланы, „то все оное за право впредь принято не будетъ“. Рыцари прислали что могли, но объ указѣ уничтожавшемъ ландратскую коллегію умолчали. Императрица была введена въ обманъ и указомъ 1783 года повелѣла оставить коллегію. Жалоба Блумена раскрыла глаза правительству. Намѣстническое правленіе, *volens-nolens*, прислало наконецъ этотъ важный документъ.

Разсмотрѣвъ все это дѣло, сенатъ находилъ что, если шведское правительство уничтожило коллегію какъ вредную, то и въ послѣдствіи она не сдѣлалась установленіемъ болѣе полезнымъ. Напротивъ, вредъ приносимый ею весьма великъ. Не говоря уже о разныхъ безпорядкахъ, она присвоиваетъ себѣ высочайшую власть, производитъ самовольно поборы, въ которыхъ никому не даетъ отчета, не допускаетъ къ выборамъ нематрикулованное дворянство, которое имѣетъ на то право въ силу *Жалованной грамоты*. „Словомъ, говоритъ сенатъ, когда вся Россія признаетъ въ священной ея величества особѣ милосердную и щедрую мать отечества, пекущуюся неуспынно о благоденствіи своихъ вѣрноподанныхъ дарованіемъ безчисленныхъ выгодъ и преимуществъ, ландратская коллегія дерзаетъ при каждомъ случаѣ дѣлать возраженія, выводитъ превратные толки, приводя такимъ образомъ дѣло въ сущее замѣшательство.“

Это противодѣйствіе, оказываемое ландратскою коллегіей, по мнѣнію сената, тѣмъ болѣе непростительно что Россія обладаетъ уже губернскими учрежденіями которыя во всѣхъ частяхъ стоятъ выше нѣмецкихъ порядковъ. „Слѣдовательно, замѣчаетъ сенатъ, всѣ встрѣчающіяся тому препоны, *наводимыя проницательствомъ и хитростями малаго числа неблагонамѣренныхъ людей, вовсе истребить должно, и никакое побочное установленіе, не имѣющее притомъ законнаго начала, болѣе терпимо уже быть не можетъ.*“

Замѣчательный докладъ сената вызвалъ энергическій указъ императрицы. Въ немъ было изображено: „Должности ландратовъ въ намѣстничествѣ рижскомъ, и такъ-называемыя ландратскія коллегіи уничтожить, и впредь въ сіе званіе никого не избирать; данныя же на содержаніе ландратовъ *деревни* (!) принять въ вѣдомство казенныхъ палатъ, обратя доходы съ нихъ на другія полезныя государству издержки.“

XI.

Политика Екатерины II радикально измѣнилась съ восшествіемъ на престолъ Павла I. Онъ отмѣнилъ почти всѣ учрежденія императрицы и возстановилъ прежнія привилегированныя учрежденія. Для того чтобы понять всю важность этой реформы, намъ нужно вкратцѣ вспомнить что сдѣлано учрежденіемъ о губерніяхъ, жалованною грамотой дворянству и городовымъ положеніемъ.

Согласно этимъ установленіямъ, всѣ отрасли мѣстной администраціи и суда ввѣряются отчасти правительственнымъ, отчасти выборнымъ должностнымъ лицамъ. Нѣкоторыя учрежденія суть чисто правительственныя, другія выборныя, прочія представляютъ смѣшанный составъ. Общее управленіе мѣстностію, наблюденіе за исполненіемъ законовъ, разрѣшеніе сомнѣній, охраненіе круга вѣдомства каждаго установленія ввѣряются намѣстническому правленію и намѣстнику. Имъ же принадлежитъ и высшая полицейская власть. Затѣмъ судъ получаетъ сословную организацію въ двухъ первыхъ инстанціяхъ. Каждое сословіе, дворяне, граждане и крестьяне, пользуются своимъ судомъ въ этихъ двухъ инстанціяхъ. Они замѣщаютъ или всѣ, или почти всѣ должности этихъ судебныхъ учреждений по выбору. Палаты, какъ верхняя инстанція, суть правительственныя установленія. Уездная полиція также ввѣрена выборнымъ должностямъ. Такимъ образомъ сословія получили широкое участіе въ мѣстной администраціи. Вместе съ тѣмъ сословія не имѣли никакой феодальной организаціи. Жалованная грамота открывала доступъ въ дворянское сословіе всякому отличившемуся по службѣ. Это прямо противорѣчило началамъ балтійскаго матрикулованнаго дворянства. Городовое положеніе не знало замкнутыхъ корпорацій. Каждая гильдія и каждый цехъ были

открыты для каждаго, безъ различія христіанскихъ исповѣданій. Это пугало замкнутыя и строго нѣмецкіе цехи и гильдіи балтійскихъ городовъ.

Реформа 1796 года разрушила этотъ порядокъ. Въ Россіи вредъ ея не былъ абсолютенъ, ибо на мѣстѣ уничтоженныхъ не явилось никакихъ новыхъ учрежденій. Но въ балтійскихъ провинціяхъ результатъ былъ другой. Тамъ, вмѣсто управленія равнаго и доступнаго для всѣхъ сословій, явились рыцарская и бюргерская олигархія. Отъ учрежденій императрицы остались слѣдующія мѣста и лица: а) генераль-губернаторъ, губернаторъ и губернское правленіе; б) казенная палата съ вице-губернаторомъ; в) приказъ общественнаго призрѣнія и д) губернскій прокуроръ.

Дворянскія собранія замѣнены старыми ландтагами, къ великому удовольствію матрикулованнаго дворянства. Возстановленіе ландтага требовало раставраціи ландратской коллегіи, какъ его постояннаго исполнительнаго комитета. Всѣ права этой коллегіи были возстановлены. Она сдѣлалась ревностною блюстительницей привилегій и имѣла на то всѣ средства. Никакое высочайшее повелѣніе не могло быть приведено въ исполненіе безъ ея посредства. Въ случаѣ несогласія правительственныхъ мѣръ съ такъ-называемыми привилегіями, она имѣла право протеста и входила съ представленіями прямо къ императору. Но и ландратской коллегіи было мало для огражденія „вольностей“. Для этой цѣли имѣлся еще дворянскій конвентъ, который отчасти соотвѣтствовалъ нашему дворянскому депутатскому собранію. Но вмѣсто невинныхъ функцій нашего учрежденія, ему предоставлена власть весьма большая. Такъ какъ ландтагъ собирается чрезъ каждые три года, то конвентъ имѣлъ значеніе постояннаго его комитета, дѣйствующаго именемъ ландтага въ небытность послѣдняго. Ему принадлежитъ, между прочимъ, власть утверждать законодательныя предложенія ландратской коллегіи. Прочее управленіе строго соотвѣтствовало этимъ кореннымъ установленіямъ. Высшій судъ вѣрялся гофгерихту. Гофгерихтъ замѣнилъ палаты гражданскаго и уголовного суда, но захватилъ себѣ гораздо больше власти. Согласно закону 1796 года, онъ начисто состоитъ изъ дворянъ, занимающихъ свои должности пожизненно. Президентъ назначается изъ дворянъ самимъ императоромъ. Вице-президентъ (въ наше время эту должность

занималъ извѣстный г. фонъ-Боккъ) утверждается изъ числа мѣстныхъ дворянъ сенатомъ. Затѣмъ въ гофгерихтѣ засѣдаютъ три ландрата избранные самимъ гофгерихтомъ изъ числа 12 засѣдающихъ въ ландратской коллегіи, 8 ассессоровъ и оберъ-фискаловъ, также избираемые самимъ гофгерихтомъ изъ числа мѣстныхъ дворянъ. Духовное управленіе вѣрено оберъ-консисторіи и главному церковному управленію. Оберъ-консисторія дѣйствуетъ подъ предѣлательствомъ одного изъ ландратовъ и состоитъ изъ членовъ избираемыхъ дворянствомъ какъ изъ дворянъ, такъ и изъ духовенства. Главное церковное управленіе состоитъ изъ четырехъ ландратовъ.

Таковы установленія данныя дворянству закономъ 1796 года. Имъ вполне соответствовали и уѣздныя установленія, гдѣ дворянству дано еще больше простора. Бюргерство также не осталось безъ надлежащихъ установленій. Магистраты, съ зависящими отъ нихъ мѣстами и лицами, дѣйствовали по образцу дворянскихъ установленій.

Такимъ образомъ ничего не осталось отъ учрежденій императрицы, и правительственныя власти въ краѣ были поставлены въ трудное положеніе. И генералъ-губернаторы, и губернаторы съ губернскими правленіями тонуть въ этомъ морѣ ландтаговъ, ландратовъ, гофгерихтовъ, магистратовъ, не имѣя возможности опереться на общій законъ, ибо имъ тотчасъ противопоставятъ какую-нибудь „привилегію“. Дѣло дошло до того что губернскій прокуроръ, который въ русскихъ губерніяхъ имѣлъ такое значеніе для судебныхъ мѣстъ, былъ отстраненъ отъ нихъ въ балтійскихъ провинціяхъ. Его надзоръ ограничивался губернскимъ правленіемъ. „Око русскаго царя“ было признано бесполезнымъ для безпристрастныхъ гофгерихтовъ и магистратовъ.

Извѣстный патріотъ Д. П. Троицскій характеризовалъ положеніе дѣлъ слѣдующими правдивыми и мѣткими словами:

„Губернское правленіе, которое, яко представляющее въ себѣ лицо самого государя и охраняющее неприкосновенность его власти, должно пользоваться законнымъ первенствомъ въ губерніи, въ большей части дѣйствуетъ не само-собою непосредственно на губернскія и уѣздныя власти и на жителей губерніи, но или посредствомъ ландратской коллегіи, или посредствомъ магистрата. Поверхность губернскаго правленія есть самая малозначащая надъ властями и судами, зависящими непосредственно отъ сихъ двухъ учреждений, надъ судами, которыхъ члены опредѣляются, отряща-

ются, увольняются, предаются суду, наказываются и замѣщаются ими же самими, и которые по необходимости состоятъ у нихъ въ слѣпномъ повиновеніи.

„Всѣ сіи лифляндскія власти состоятъ въ непрестанной борьбѣ съ правительствомъ, и, въ случаѣ неисполненія его предписаній, находятъ оправданія или въ особенномъ лифляндскомъ законодательствѣ, которое не можетъ быть извѣстно генераль-губернатору во всѣхъ его изворотахъ, или въ древнихъ привилегіяхъ, заключающихся въ неопредѣленныхъ и разновременныхъ конфирмаціяхъ, которыми нельзя отыскать начала, и которыя никогда не могли быть объяснены и сведены вмѣстѣ, ни во время польскаго, ни во время шведскаго, ни во время россійскаго управленія, не взирая на всѣ приложенныя къ тому старанія и усилія.“

Такимъ образомъ край, вмѣсто того чтобъ управляться общимъ для всѣхъ закономъ, при участіи значительной части народонаселенія, отданъ на жертву рыцарству и бюргерству, этимъ двумя бичамъ феодальной Европы.

ХІІ.

„Да, конечно“, скажетъ кто-нибудь: „привилегіи эти не ладятъ съ государственнымъ единствомъ Россіи. Но вѣдь въ томъ-то и состоитъ задача генераль-губернатора чтобы сдерживать эти привилегіи въ должномъ повиновеніи.“

Чѣмъ? Силою? Но исторія убѣдительною образомъ доказываетъ что сила плохая опора въ подобныхъ случаяхъ. Да и кто знакомый съ тѣмъ что дѣлается въ привилегированныхъ мѣстностяхъ, не улыбнется, когда ему заговорятъ о силѣ генераль-губернаторскаго управленія?

Законъ, повидимому, предоставляетъ генераль-губернатору самыя обширныя права. Юристъ изучающій генераль-губернаторскую инструкцію поражается этимъ количествомъ перуновъ сосредоточенныхъ въ одной рукѣ. Но, повидимому, управляемые разсуждаютъ объ этомъ предметѣ иначе. Въ ихъ глазахъ эти обширныя права нерѣдко имѣютъ значеніе драконовъ и иныхъ чудовищъ намалеванныхъ на китайскихъ щитахъ. Высшее правительство готовить какую-либо общую мѣру. „Это до насъ не касается, говорятъ они. У насъ есть свои особенности которыя генераль-губернаторъ долженъ принять во вниманіе.“ Его должны спросить. Если его представленіе невидоизмѣнитъ общаго закона, то онъ

можетъ, по крайней мѣрѣ, на мѣстѣ ослабить его силу, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ.“

Самъ генераль-губернаторъ, каковъ бы ни былъ его образъ мыслей, какъ бы онъ ни былъ свободенъ отъ предразсудковъ, преданъ Россіи и государю, ѣдетъ во вѣренный ему край съ предвзятою идеей, отъ которой онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ освободиться. Эта предвзятая идея состоитъ въ томъ что край этотъ есть нечто особое отъ остальнаго государства. Вступивъ въ должность, онъ тотчасъ попадаетъ въ водоворотъ мѣстныхъ политическихъ интригъ. Онъ сразу видитъ себя предметомъ всѣхъ опасеній, надеждъ, тревогъ, поклоненія, лести. Онъ видитъ вокругъ себя разныхъ господъ которые всѣми считаются политическими дѣателями. Они говорятъ ему о разныхъ политическихъ интригахъ, стараются привлечь его то на ту, то на другую сторону. Мѣстность, гдѣ возможны политическія партіи и политическіе интересы, не есть ли въ самомъ дѣлѣ совершенно особый край, не имѣетъ ли онъ право на особое управленіе? И политическія партіи въ нашихъ генераль-губернаторствахъ умѣютъ изъ всякой нерѣдко неважной административной мѣры дѣлать политическій вопросъ, если только мѣра эта противорѣчитъ ихъ интересамъ.

Иногда говорятъ: генераль-губернаторъ есть представитель русскихъ интересовъ и общаго закона во вѣренномъ ему край. Сколько пропіи въ этомъ выраженіи: *быть представителемъ русскихъ интересовъ въ Россіи!* Почему отъ курскаго и воронежскаго губернатора не потребовать того же? Неужели въ самомъ дѣлѣ служеніе русскимъ интересамъ въ Россіи есть рѣдкая и трудная доблесть?

Понятно какой характеръ, при такихъ условіяхъ, принимаетъ мѣстное управленіе. Во внутреннихъ губерніяхъ Россіи управленіе находится въ рукахъ разныхъ мѣстъ и лицъ, которыя отвѣчаютъ каждый за свою часть, а потому дѣйствуютъ довольно самостоятельно. Въ генераль-губернаторствахъ мы видимъ противоположеніе двухъ видовъ власти. Одинъ разрядъ дѣйствуетъ на основаніи извѣстныхъ учрежденій съ точно опредѣленными правами. Другой,—власть генераль-губернаторская, дѣйствуетъ безъ всякаго учрежденія и пользуется самыми обширными полномочіями. Понятно что эта послѣдняя власть совершенно поглощаетъ первую. Персоналъ этихъ властей находится въ безусловной зависимости отъ

генераль-губернатора. Отъ него зависитъ ихъ опредѣленіе, перемѣщеніе, повышеніе, и высылка за политическую неблагонадежность. Нужно неслыханное мужество чтобы вступить въ коллизію съ такою властью, даже имѣя законъ на своей сторонѣ. Чиновники очень хорошо знаютъ что циркуляръ генераль-губернатора для нихъ гораздо важнѣе общаго закона, и что дѣлаясь пассивными орудіями его власти, они ничѣмъ не рискуютъ. Если дѣло не пойдетъ на ладъ, они не будутъ отвѣчать, ибо генераль-губернаторъ прикроетъ все своею безответственностію.

Зло не останавливается на этомъ. Еслибы по крайней мѣрѣ генераль-губернаторъ могъ дѣйствовать вполне самостоятельно, то все-таки можно было бы ожидать нѣкоторыхъ результатовъ. Но онъ самъ связанъ по рукамъ и ногамъ. Ему приходится согласовать свои дѣйствія не столько съ видами высшаго правительства, сколько съ интересами господствующихъ мѣстныхъ классовъ. Могущественныя корпораціи опираются на свои привилегіи и смѣются надъ его усиліями. Малѣйшій рѣшительный шагъ навлекаетъ на него гоненіе. Мѣстные олигархи имѣютъ свои партіи въ столицѣ. Они начинаютъ систематическую травлю при помощи своихъ сильныхъ друзей. Заграничная печать открываетъ свои столбцы нападкамъ всякаго рода.

Простой губернаторъ, если на него нападуть за то что казенная палата или мировой посредникъ исполняетъ законъ, спокойно можетъ отвѣтить что они дѣйствовали въ предѣлахъ закона, а потому сами отвѣчаютъ за свои дѣйствія; если же жалующійся недоволенъ ихъ дѣйствіями, то онъ можетъ жаловаться высшему правительству. Генераль-губернаторъ не можетъ дать этого отвѣта. Онъ понимаетъ что всѣ мѣстныя установленія находятся въ его власти, и что ни для него, ни для нихъ законность извѣстнаго дѣйствія не можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ.

Но не можетъ ли по крайней мѣрѣ чрезвычайная власть послужить къ разрѣшенію такихъ исключительныхъ задачъ какъ, напримѣръ, задача обрусенія.

Обрусеніе! Но на это дѣло нужны другія средства. Спросите какъ Римляне превращали въ римскихъ гражданъ жителей Малой Азіи, какъ Французы, Пруссаки, Австрійцы овѣмечивали и офранцуживали свои иноплеменные области. Во всѣхъ этихъ странахъ *выгоднѣе* было быть Нѣмцемъ, Фран-

дузомъ, Римляниномъ чѣмъ иностранцемъ. Цари гордились титуломъ римскаго гражданина. Луи-Филиппъ съ удовольствіемъ принялъ званіе гражданина Лондона. Въ Россіи вопросъ поставленъ иначе. „Вашъ чинъ?“ спрашивалъ квартальный у пьянаго буяна, взятаго въ часть. „Нѣмецъ,“ отвѣчалъ тотъ.

Дѣло обрусенія можетъ подвигнуться впередъ когда къ этому великому дѣлу будутъ призваны всѣ общественныя элементы дружественныя Россіи. Мы желаемъ обрусить разныя мѣстности. Но самое лучшее средство для этого—обращаться съ ними такъ же какъ съ русскими областями, изгнавъ всѣ „мѣстныя условія“ изъ нашей политической практики.

А. ГРАДОВСКІЙ.

СЁОГУНЫ И МИКАДО*

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ПО ЯПОНСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

У одного князька въ провинці Овари, Ода Нобухиде, въ числѣ 16ти сыновей, былъ одинъ, по имени Нобунага. Съ самаго дѣтства онъ отличался отъ другихъ, повидимому, далеко не въ свою пользу: воспитатели никакъ не могли подвести его размашистую и своеобразную натуру подъ мѣрку общепринятыхъ приличій; ему ничего не стоило, напримѣръ, идя по улицѣ, грызть конфеты, или что случится у него въ карманѣ, или идти облокотясь на плечо кого-нибудь изъ пріятелей; о платьѣ онъ также мало заботился какъ и о другихъ мелочахъ; словомъ, былъ то, что у насъ называется „оригиналъ“. У насъ это названіе не составляетъ лестной рекомендаціи, тѣмъ болѣе это въ Японіи, гдѣ мелочнымъ условіямъ свѣтскости придается особенная важность.

Поэтому неудивительно что на молодого Нобунага смотрѣли мало знавшіе его просто какъ на человѣка обиженнаго природой. Но отецъ зналъ его лучше: сквозь небрежность внѣшнихъ поступковъ онъ провидѣлъ въ немъ обширный умъ, желѣзную волю и предъ смертію не усомнился сдѣлать его своимъ наследникомъ, несмотря на то что онъ былъ сынъ наложницы, и притомъ второй. И Нобунага не замедлилъ показать что отецъ не ошибся въ выборѣ.

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 11.

Пользуясь разными предложениями чтобъ завести войну съ сосѣдями, онъ мало-по-малу овладѣлъ всѣмъ Овари. Оставался одинъ округъ; но этотъ округъ принадлежалъ Имагава Иосимото, одному изъ сильнѣйшихъ въ то время князей, владѣтелю провинцій Сурунга, Тоутони и Мукава. Для Нобунага, съ его какимъ-нибудь трехтысячнымъ войскомъ, было, повидимому, несмысленною дерзостью затрогивать въ двадцать разъ сильнѣйшаго сосѣда; но онъ не задумался, и сталъ забирать одну за другою крѣпости принадлежавшія Иосимото. Послѣдній почти не обратилъ на это вниманія, тѣмъ болѣе что скоро Нобунага останавливалъ былъ предъ одною крѣпостию и, послѣ тщетныхъ усилій взять ее, долженъ былъ снять осаду и вернуться домой. Комендантъ крѣпости, по имени Тобе, былъ тоже одинъ изъ героевъ. Но кого нельзя было одолѣть силою, противъ того у Нобунага былъ неистощимый запасъ хитрости. Нобунага велѣлъ одному изъ своихъ писарей выучиться поддѣлываться подъ руку Тобе, писавшаго замѣчательно хорошо. Цѣлый годъ писарь учился, и наконецъ письмо было написано такъ какъ написалъ бы только самъ Тобе; а содержаніемъ письма, адресованнаго какъ будто къ Нобунага, была извѣна Тобе своему владѣльцу и переходъ на сторону Ода. Одинъ изъ офицеровъ Нобунага, переодѣвшись купцомъ, отнесъ это письмо къ Иосимото, и невинный Тобе безъ всякаго суда былъ казненъ. Скоро Иосимото узналъ что былъ обманутъ, удивился дерзости Нобунага и возненавидѣлъ его болѣе прежняго; но онъ все еще до того презиралъ ничтожнаго, по его мнѣнію, противника, что не думалъ имѣть съ нимъ серьезнаго дѣла; только когда задумалъ идти въ Міако, разчитывая, какъ и многіе тогда разчитывали, на сёогунскій престолъ, предположилъ мимоходомъ захватить Овари, чрезъ которое ему лежалъ путь.

И вотъ онъ, во главѣ 45тысячной арміи, ступилъ на земли Нобунага. Крѣпостныя воздвигнутыя Нобунага падали одна за другою, несмотря на геройскую защиту: онѣ были снабжены слишкомъ малымъ количествомъ войскъ противъ полковъ Иосимото, привыкшихъ къ побѣдамъ. Свободнаго войска у Нобунага было всего три тысячи. Его офицеры, уже прославившіеся отвагой и мужествомъ въ бояхъ, истощали краснорѣчіе чтобъ убѣдить его покориться на этотъ разъ сильному врагу; но Нобунага оставался непреклоннымъ. Въ тотъ день,

когда онъ предположилъ вести свои три тысячи въ битву, онъ задалъ своему штабу пиръ; когда чаша нѣсколько разъ обошла пировавшихъ, воодушевленный Нобунага всталъ и протанцовалъ предъ собраніемъ, напѣвая древнюю пѣсню о томъ что жизнь человѣческая—сонъ, привидѣніе, что она и смерть неразлучны, но герой—„долженъ ли сокрушаться изъ-за этого?“ Съ этими словами онъ быстро оставилъ пиршествную залу, вскочилъ на лошадь и, не оглядываясь, помчался на враговъ, сопровождаемый своими воинами. Когда приблизились къ непріателямъ и увидѣли въ огнѣ только что взятая двѣ крѣпости, воины Нобунага опять оробѣли и стали умолять его вернуться. „Слушайте меня!“ громко и грозно крикнулъ онъ; „развѣ я съ ума сошедши веду васъ? Непрѣатели цѣлую ночь складывали подвезенный провіантъ, всѣ „устали и еще не успѣли придти въ порядокъ; въ настоящую „минуту больше чѣмъ когда вѣренъ успѣхъ!“ Былъ громъ, дождь и сумракъ. Незамѣтно для непріателей, Нобунага спустился съ горы и съ внезапнымъ крикомъ и барабаннымъ боемъ ударилъ на лагерь Иосимото. Пораженные неожиданностью, непріатели не успѣли опомниться, какъ отважившіеся изъ воннъ Нобунага ворвались въ палатку самого Иосимото, отрубили ему голову и, воткнувъ на мечъ, съ побѣдными кликами понесли ее по лагерю; тогда для войскъ Иосимото настала минута всеобщаго смятенія и бѣгства; отрубленныхъ головъ была бездна. Съ триумфомъ, съ предвосимую головой Иосимото, Нобунага вернулся домой, при огромномъ стеченіи народа, смотрѣвшаго на него уже какъ на героя.

Слава о немъ повеселась по всей Японіи. Разбитіе Имагава еще не значило чтобы Нобунага достались обширныя ихъ владѣнія; напротивъ, ему теперь еще болѣе чѣмъ прежде слѣдовало опасаться за свои собственныя: вмѣсто разбитой арміи, противъ него могли выставить въ скоромъ времени вдвое сильнѣйшую; не было еще недостатка у непріателей и въ искусныхъ вождяхъ; что же касается до наследника Иосимото, то онъ долженъ былъ пылать мщеніемъ за смерть отца и посрамленіе своей фамиліи, и идти противъ Нобунага уже не во имя расширенія своихъ границъ, но во имя священнаго долга, предписываемаго, по понятію Японцевъ, всѣми законами неба и земли: отмстить кровь отца и успокоить его духъ, мятежно блуждающій и

стоющую въ ожиданіи крови своего врага. Но молодому Имагава нравилась больше игра въ волавъ, въ которой онъ не имѣлъ себѣ достойныхъ соперниковъ, чѣмъ въ человѣческія головы; его избѣженный слухъ не любилъ грубыхъ военныхъ кликовъ, а еще болѣе вѣжное сердце не могло промѣнять полныя красавицъ дворцы на военный лагерь. Все это Нобунага принималъ въ расчетъ и, успокоивъ, на сколько возможно, оскорбленнаго князя отправленіемъ къ нему съ честью головы его отца, на время пересталъ и думать объ опасности съ этой стороны. Гораздо больше беспокоилъ его союзникъ Имагава, молодой Токугава Іеясу: онъ, до сего времени все еще проживавшій у Іосимото въ качествѣ заложника, участвовалъ въ войнѣ противъ Нобунага, во главѣ собственнаго отряда, и тоже былъ разбитъ и прогнанъ; но онъ не замедлил оправиться. Развязанный смертію Іосимото отъ обязательствъ, онъ прибылъ теперь въ свое княжество, принялъ въ свои руки правленіе, привелъ въ порядокъ войска и сталъ тревожить Нобунага. Послѣдній успѣлъ оцѣнить отвагу и таланты своего молодого соперника и, пока вражда его не разрослась, поспѣшилъ помириться съ нимъ и предложить тѣсный союзъ. Іеясу, начавшій враждебныя отношенія къ Нобунага изъ-за прежняго своего покровителя, а лично не имѣвшій противъ него ничего, не уклонился отъ выгоднаго предложенія. При нарочно устроенномъ личномъ свиданіи, два князя поклялись жить въ дружбѣ и дѣйствовать съ этого времени заодно, съ тѣмъ условіемъ, что если Нобунага овладѣетъ Японіей, то чтобъ Іеясу подчинился ему; если же Іеясу болѣе посчастливится, то чтобъ Нобунага безпрекословно отдался подъ его власть.

Этимъ союзомъ Нобунага обезпечилъ себя со стороны востока, предоставивъ Іеясу расширять свои владѣнія въ этомъ направленіи; самъ же обратилъ вниманіе исключительно на западъ. Не нужно забывать что будущій обладатель Японіи, такъ самонадѣянно разграничивавшій ее на картѣ съ своимъ другомъ, на самомъ дѣлѣ владѣлъ въ это время всего одною провинціей. Ему слѣдовало теперь начать со своего тестя Сайтоу Хидетацу, владѣтеля пограничной большой области Мино. Значительное неравенство силъ и здѣсь было не въ пользу Нобунага, но онъ и здѣсь объ этомъ мало думалъ; его больше всего беспокоили два генерала Сайтоу, извѣстные своею храбростію, талантами и преданностію

дому князя, и онъ опять употребилъ хитрость для истребленія ихъ. Хитрость на этотъ разъ состояла въ слѣдующемъ: по ночамъ онъ сталъ какъ можно чаще вставать и выходить на крыльцо; жена его, дочь Хидетацу, мучимая любопытствомъ, пристала къ нему съ распросами о значеніи этого: онъ долго отказывался повѣрить ей тайну, наконецъ, какъ будто не выдержавъ, рассказалъ подъ строгимъ секретомъ что такіе-то генералы Сайтоу предприняли, по соглашенію съ нимъ, извести тестя и общались, по окончаніи дѣла, дать ему знать зажженіемъ костра. Жена, какъ онъ и ожидалъ, тотчасъ же тайно извѣстила объ этомъ отца, и ни въ чемъ неповинные генералы были казнены. Скоро послѣ этого Хидетацу былъ убитъ своимъ сыномъ: это, сверхъ чаянія, дало Нобунага самый благовидный предлогъ начать войну, подъ видомъ мщенія за тестя; дурное правленіе послѣднихъ Сайтоу ускорило развязку, оттолкнувъ отъ нихъ сердца ихъ подданныхъ, и Нобунага безъ особеннаго труда овладѣлъ всѣмъ Мино. Въ это время однажды принесли ему въ подарокъ двухъ молодыхъ соколовъ; онъ возвратилъ подарокъ, примолвивъ: „некогда мнѣ теперь заниматься охотой; завоевавъ всю Японию, я приму ихъ; это еще не будетъ „поздно“. Такова была вѣра его въ свои таланты и въ свое призваніе, несмотря на то что его замыслы все еще могли казаться для всѣхъ не болѣе какъ самохвальствомъ и дерзостію, въ виду множества другихъ князей, вчетверо, впятеро сильнѣйшихъ его по матеріальнымъ средствамъ и столько же какъ онъ воинственныхъ и властолюбивыхъ.

Неожиданный случай какъ нельзя лучше помогъ быстрому развитію его плановъ. Въ это время сѣогунъ дошелъ до послѣдней степени слабости и униженія; при неоспоримости ихъ титула, на который еще никто не посягалъ, да и не думалъ посягать,—до того опомлилось это званіе,—у нихъ не осталось и тѣни власти: ею безусловно завладѣла фамилія Міѣси. Міѣси только что убили не нравившагося имъ сѣогуну Іоситеру, чтобъ отдать сѣогунское званіе нѣкому Асикага Іосицуну. Два брата Іоситеру, имѣвшіе ближайшее право на престолъ, тоже обречены были на смерть; но одинъ изъ нихъ, Іосіаки, успѣлъ бѣжать. Переходя отъ князя къ князю, онъ искалъ себѣ защиты; но никто не хотѣлъ начинать ссору съ сильными Міѣси, озаботившимися расположить множество князей

въ свою пользу. Иосіаки услышалъ наконецъ о Нобунага и погадалъ: хорошо ли вручить ему свое дѣло? Вышло: хорошо, и Иосіаки отправился къ нему. Нобунага было это какъ нельзя болѣе на руку. Сёогунъ все еще былъ, хотя номинальнымъ, но неоспоримымъ владѣльцемъ всей Японіи. Съ нимъ во главѣ, собственное дѣло Нобунага въ первый разъ становилось на твердую почву. Сливая свое дѣло съ дѣломъ Иосіаки, Нобунага могъ, подъ предлогомъ возвращенія утраченной власти, во имя самой законной причины, вступить въ борьбу со всякимъ кто отказалъ бы Иосіаки и, слѣдовательно, ему самому въ повиновеніи. Понятно, что Нобунага принялъ Иосіаки со всевозможнымъ почетомъ и взялся защищать его дѣло съ непритворною радостію. На вопросъ Иосіаки: „какой планъ дѣйствій онъ предприметъ?“ Нобунага почтительно отвѣчалъ: „это ужъ дѣло Нобунага; живите спокойно, а Нобунага не пройдетъ двухъ мѣсяцевъ какъ завоюетъ для васъ Міако“.

Собравъ вождей, онъ велѣлъ имъ приготовить войска и ждать его приказаній, а самъ съ небольшимъ отрядомъ отправился на границу своихъ владѣній и Ооми, уговаривать Роккоку Иосиката, — владѣнія котораго въ Ооми лежали на дорогѣ въ Міако, — обратиться къ своему долгу повиновенія сёогуну и способствовать возвращенію его въ столицу. Но Иосиката уже былъ на сторонѣ Міёси. Три раза Нобунага безуспѣшно отправлялъ къ нему пословъ; затѣмъ вернулся домой, взялъ войско и въ три дня забралъ въ Ооми 18 крѣпостей. Міёси бѣжали изъ столицы, и Нобунага безпрепятственно занялъ ее: все это сдѣлалось въ 12 дней съ тѣхъ поръ какъ онъ вышелъ съ войскомъ изъ Мино. Жители Міако, наслышавшись о крутости нрава Нобунага, разбѣжались; но страхъ былъ напрасный. Войскамъ былъ отданъ строгій приказъ не трогать ни волоска чужаго; одинъ изъ военачальниковъ назначенъ былъ исключительно для обходовъ по городу и наблюденія чтобъ солдаты никого не обижали; одинъ солдатъ заспорилъ съ купцомъ о цѣнѣ какой-то мелочи, и этого уже довольно было чтобъ его привязали на многолюдной улицѣ къ столбу, на позоръ всѣмъ. Жители, видя все это, вернулись по домамъ, и спокойствіе и порядокъ, лучше чѣмъ когда-либо, водворились въ столицѣ. Нобунага между тѣмъ пустился преслѣдовать враговъ сёогуна,

и разогнавъ ихъ по отдаленнымъ провинціямъ, вернулся въ Міако и отпрапортовалъ Іосіаки, уже привезенному туда и водворенному въ сѣогунскомъ дворцѣ, о своихъ побѣдахъ. Іосіаки не зналъ чѣмъ достойно возблагодарить своего великодушнаго защитника, предлагалъ ему на выборъ лучшія вотчины изъ тѣхъ которыми теперь, по милости его, могъ располагать, но Нобунага отказался, прося, вмѣсто того, награждать отличившихся офицеровъ. Іосіаки наконецъ придумалъ написать ему письмо, въ которомъ называлъ его своимъ *отцомъ*.

Устроивъ положеніе сѣогуна и взявъ на себя и въ будущемъ оберегать его и завѣдывать всею матеріальною обстановкой его, Нобунага взялъ и съ него слово заниматься дѣлами, оставилъ при немъ нѣсколько своихъ офицеровъ и, какъ будто исполнивъ лишь свой долгъ, вернулся въ свою резиденцію (Гафу) въ Мино, будучи увѣренъ что теперь въ центрѣ Японіи уже не обойдутся безъ него. Дѣйствительно, лишь только онъ вернулся домой, какъ Іосіаки снова былъ осажденъ своими противниками. Нобунага опять поспѣшилъ на выручку его и опять быстро разсѣялъ враговъ. На этотъ разъ онъ не вернулся тотчасъ же домой, а занялся наказаніемъ и приведеніемъ къ покорности окрестныхъ князей, не доставлявшихъ предписанной дани сѣогуну, или помогавшихъ его врагамъ. Успѣхъ вѣнчалъ его оружіе куда бы онъ ни обращался; непокорные смирялись предъ именемъ сѣогуна, и послѣдній, повидимому, долженъ былъ болѣе и болѣе проникаться благодарностію къ своему защитнику. Но Іосіаки, какъ ни былъ недалекъ, успѣлъ, однако, разгадать смыслъ опеки подъ которую попалъ: она была еще стѣснительнѣе той какую имѣли надъ сѣогунами Міёси; послѣдніе, по крайней мѣрѣ, не принуждали сѣогуну ходить по стрункѣ и заниматься скучными дѣлами правленія. А этотъ строгій и неумолимый Нобунага не позволяетъ ни полѣниться, ни побездѣльничать. Судите сами по слѣдующему укоризненному письму его: „Сѣогунъ обѣщался прилежно заниматься дѣлами правленія, когда шелъ въ Міако, а теперь измѣняетъ своему обѣщанію; наказаніе неба не преминетъ постигнуть его, и Нобунага тайнѣ опасается за него; онъ окружаетъ себя льстецами, а честныхъ слугъ гонитъ; его любимцы тѣснятъ народъ, за взятки несправедливо судятъ, подъ предлогомъ сборовъ на

визанъ и другое подобное грабятъ народъ; торгуютъ мило-
стями. Когда императоръ хотѣлъ перемѣнить названіе года,
сёогуны не позволили, пожалѣвъ расходовъ на праздникъ.
Народъ уже ненавидитъ его; Нобунага стыдится втай-
нѣ за сёогуна. Военные, копируя сёогуна, жадничаютъ въ
деньгахъ, не заботясь о военныхъ припасахъ. Нобунага окру-
жилъ его вѣрными изъ своихъ слугъ, а сёогуны всѣхъ ихъ
ограбилъ, отнявъ вотчины безъ вины, такъ что они жалуют-
ся, и Нобунага не знаетъ какими глазами смотрѣть на нихъ.
Въ настоящее время сёогуны собираютъ деньги и лошадей,
между тѣмъ какъ Нобунага взялся самъ снабжать его всѣмъ
что только потребуется, и желаніе Нобунага лишь одно,
чтобы быть заодно съ сёогуномъ и возстановить государ-
ственный порядокъ. Просить теперь Нобунага сёогуна не
слушать клеветниковъ, удалить льстецовъ, покровительство-
вать честнымъ слугамъ, заниматься дѣлами правленія, не пре-
небрегать и учеными людьми.“ Очевидно что подобныя по-
сланія, полныя весьма справедливыхъ укоровъ, могли не
вразумить неисправимаго Іосіаки,—понимавшаго очень хо-
рошо что хотя бы онъ и велъ себя безукоризненно, то
все равно плясалъ бы лишь подъ чужую дудку, — а скорѣе
ожесточить и побудить къ какимъ-либо еще большимъ без-
разсудствамъ. На послѣднее, быть-можетъ, и разчитывалъ
Нобунага, чтобъ имѣть основательный предлогъ выбросить
за бортъ ненужный балластъ: но для этого пока еще не при-
шло время, и Нобунага продолжалъ наружно оказывать сёо-
гуну всѣ знаки вѣрнопопдавской преданности. Да и могъ
ли онъ поступить иначе? Посмотрите какая буря поднялась
противъ него со всѣхъ сторонъ еще только по подозрѣнію
что онъ мѣтитъ въ сёогуны. Если Іосіаки понялъ намѣренія
Нобунага и возненавидѣлъ его за нихъ, то тѣмъ лучше могъ
ли понять ихъ люди болѣе умные чѣмъ онъ, и многіе при-
томъ сами не чуждые тѣхъ же замысловъ какіе питалъ Но-
бунага. И вотъ поднялось страшное движеніе: многіе князья
забыли взаимную вражду и подали другъ другу руку для со-
вокупной брани противъ общаго врага. Кенсинъ и Сингенъ,
Нагамаса и Іосиканге, сильные и воинственные, объяви-
ли себя врагами Нобунага на жизнь и смерть. Даже бонзы,
которыхъ онъ имѣлъ неосторожность раздражить отняті-
емъ у нихъ одной горы подъ крѣпость, выставили противъ
него огромныя, неистощимыя арміи. Тутъ-то настала для

Нобунага пора полной дѣятельности и широкаго размета силъ. Туда онъ бросался какъ левъ и опрокидывалъ противниковъ, здѣсь заискивалъ дружбы и брачнаго союза чтобы хоть на нѣсколько недѣль разрознить враговъ. И нигдѣ ни разу геній его не измѣнилъ ему. По мѣрѣ своихъ успѣховъ съ князьями, онъ измѣнялъ и свои отношенія къ сѣогуу. Іосіаки, наконецъ, открыто позвалъ трехъ самыхъ сильныхъ въ Японіи князей противъ Нобунага; послѣдній и на этотъ разъ не хотѣлъ измѣнить личины покорности и послалъ просить мира; но когда Іосіаки заносчиво отвергнулъ просьбу, Нобунага вымолвилъ: „мнѣ, наконецъ, невозможно обойтись съ нимъ безъ войска,“ и быстрымъ натискомъ отнялъ крѣпости у сѣогуна, вошелъ въ Міяко и обложилъ сѣогунскій дворецъ. Іосіаки ничего не оставалось сдѣлать какъ выслать сказать ему что „съ этихъ поръ онъ во всемъ безпрекословно станетъ слушаться своего нареченнаго отца“. Нобунага извинился предъ сѣогуномъ, снялъ осаду и удалился; но у него уже былъ разчитанъ послѣдній ударъ фамиліи Асикага: онъ предвидѣлъ что Іосіаки опять вооружится, предугадывалъ даже планъ будущаго возстанія и, сообразуясь съ нимъ, велѣлъ одному изъ своихъ генераловъ заготовить суда. Дѣйствительно, Іосіаки не замедлилъ возстать, и Нобунага опять съ такою быстротою явился въ Міяко, что народъ въ недоумѣніи спрашивалъ: „Не на крыльяхъ ли онъ летаетъ?“ На этотъ разъ сѣогуу уже не было пощады: онъ былъ заключенъ подъ стражу, и съ тѣмъ вмѣстѣ роль фамиліи Асикага, какъ сѣогуновъ, навсегда кончилась. Ее замѣнила фамилія Ода, хотя Нобунага никакъ не соглашался принять отъ микадо званіе сѣогуна, по виду, какъ будто изъ скромности, но въ сущности, гнушаясь этимъ званіемъ какъ до крайности униженнымъ.

Въ слѣдующій (1574) новый годъ съ поздравленіемъ къ Нобунага, такъ къ своему повелителю, собралось отовсюду множество владѣтельныхъ князей. Когда выпито было по три чаши вина, Нобунага сказалъ: „У меня есть прекрасная закуска; я попрошу васъ выпить съ ней, и велѣлъ привести что-то. Всѣ смотрѣли что будетъ. Принесенъ былъ ящикъ, и въ немъ оказались позолоченныя головы Іосиканге и Нагамаса, сильнѣйшихъ изъ враговъ Нобунага, предъ тѣмъ только что доведенныхъ до самоубійства. Всѣ засмѣялись и промолвили: „Какъ не выпить съ такою закуской!“ Одушев-

ленною рѣчью Нобунага благодарилъ гостей за труды для него, при помощи которыхъ онъ надѣется скоро справиться и съ остальными своими врагами и объединить Японію. Дѣйствительно, теперь враговъ у Нобунага стало немного; главные изъ нихъ были: Такеда и Нагао; но первая фамилія уже была не страшна, такъ какъ Сингена не было въ живыхъ, а его сынъ далеко не имѣлъ полководческихъ качествъ своего отца, хотя и былъ храбръ и неутомимъ; притомъ же между нимъ и Нобунага стояла крѣпкая стѣна—Иеясу, владѣнія котораго примыкали къ провинціи Каи, и Нобунага оставалось только отъ времени до времени помогать ему. Къ Нагао Кенсину Нобунага все еще относился съ заискиваніемъ и тѣмъ успѣвалъ хоть нѣсколько развлекать и задерживать этого страшнаго врага. Между тѣмъ съ юга непріязненно высматривалъ Мори Терумото, со страшною силой своихъ тринадцати провинцій; но онъ пока еще не выступалъ открыто. Наконецъ, противъ Нобунага враждовали еще бонзы, самые беспокойные изъ всѣхъ враговъ. Чтобы показать что эти враги были вовсе не шуточные, приведемъ нѣсколько фактовъ. Еще прежде они страшными скопищами держались на горѣ Эизанъ, недалеко отъ Міако, и въ другихъ укрѣпленныхъ мѣстахъ, отвергали всѣ мирныя предложенія Нобунага, смѣялись надъ его угрозами и дѣятельно помогали его врагамъ. Нобунага, улучивъ время, захотѣлъ привести въ исполненіе свою угрозу—выжечь Эизанъ и перебить тамъ всѣхъ бонзъ, и отрядилъ для этого военачальниковъ. Но послѣдніе побѣднѣли при этомъ порученіи. „Императоръ Квамму построилъ храмъ на этой горѣ, и вотъ ужъ 1000 лѣтъ какъ онъ служитъ охраной столицѣ, и никто никогда не оскорблялъ этого мѣста; а теперь внести туда огонь и мечъ! Какъ же это?“ возражали они. Но съ Нобунага трудно было спорить; онъ разразился жалобами и гнѣвомъ: „онъ не знаетъ покоя ни днемъ, ни ночью; не щадитъ себя чтобъ уничтожить враговъ отечества; прежде онъ неоднократно просилъ помощи у бонзъ, но они всегда отвѣчали презрѣніемъ на его просьбы, помогали, напротивъ того, его врагамъ,—не враги ли они отечества? И не бременять ли они отечество? Кроме того, они вѣдятъ запрещенное, держатъ наложицъ, забросили молитвенники,—какіе же они хранители императорской резиденціи?... Окружите и жгите, чтобъ и остатковъ ихъ не было!“ заключилъ онъ гнѣвную

реплику. И вожди буквально исполнили его приказъ: главный храмъ и 21 другихъ кумирень были сожжены до тла; бонзы, женщины, не разбирая ни старыхъ, ни малыхъ, кто захваченъ на горѣ, всѣ перебиты. Но этотъ урокъ нисколько не вразумилъ строптивыхъ поклонниковъ будды; они завяли и укрѣпили множество другихъ мѣстъ и продолжали наносить Нобунага всевозможный вредъ. Изъ своей крѣпкой позиціи въ Нагасима, они сносились съ фамиліей Такеда и дѣятельно помогали ей. Нобунага видѣлъ необходимость разорить, наконецъ, и это гнѣздо мятежниковъ. „Уже много моихъ лучшихъ людей истребили разбойники изъ Нагасима; разорю же я это ненавистное гнѣздо“, рѣшилъ онъ, и двинулся самъ съ огромнымъ войскомъ противъ Нагасима. По взятіи одной второстепенной крѣпости, было убито 2000 мушницъ и женщинъ, отрѣзаны у нихъ уши и носы и на лодкѣ препровождены въ Нагасима. Вслѣдъ за тѣмъ подступилъ къ Нагасима и Нобунага и, послѣ страшнаго кровопролитія, въ которомъ потеряли жизнь даже нѣсколько близкихъ родныхъ его, овладѣлъ городомъ, сжегъ живо 20 тысячъ мушницъ и женщинъ, такъ что запахъ гари заражалъ воздухъ на десятки миль. Но даже и это не образумило бонзъ. Успѣвшіе бѣжать изъ Нагасима приняты были въ Оосакской крѣпости, принадлежавшей также бонзамъ и сдѣлавшейся съ этого времени главнымъ гнѣздомъ ихъ; и долго они беспокоили Нобунага, поддерживаемые непокорными князьями и, въ свою очередь, поддерживая ихъ, много разъ прося пощады и, при удобныхъ случаяхъ, снова поднимая знамя бунта, пока не были, наконецъ, частію перебиты, а частію утомлены до очевидной невозможности противиться.

Безъ устали дѣйствуя противъ враговъ оружіемъ и болѣе и болѣе истощая ихъ, Нобунага въ то же время заботился о возстановленіи потрясенныхъ до основанія государственныхъ порядковъ и о возвращеніи странѣ мира и благоденствія, которыхъ она не видала уже сотни лѣтъ. Что касается до удѣльной системы, то она такъ глубоко укоренилась въ японской почвѣ, что Нобунага и въ голову не приходило уничтожить ее; онъ только хотѣлъ измѣнить ея наружную оболочку. Онъ задался задачею: уничтожить всѣхъ старыхъ удѣльныхъ князей и, вмѣсто ихъ, создать княжескіе роды изъ своихъ полководцевъ, друзей и помощниковъ. Эта

задача естественно вытекала изъ его главной задачи: въ то время какъ всѣ дрались одинъ съ другимъ, онъ предпринялъ драться со всѣми, и уже почти всѣхъ одолевъ. Въ теченіе этой борьбы, нѣкоторые князья успѣли въ-время перейти на его сторону и тѣмъ обезпечили продолженіе своихъ родовъ; всѣ же прочіе или истреблены въ конецъ, или загнаны въ толпу народа, лишенные титуловъ и владѣній. На мѣсто угасшихъ такимъ образомъ родовъ, естественно, должны были возникнуть новые; и вотъ сподвижники Нобунага стали стѣною вокругъ него, возведенные имъ въ достоинство удѣльныхъ владѣльцевъ; онъ щедрою рукою раздавалъ имъ отвоєванныя провинціи, не справляясь съ ихъ родословною, а руководясь лишь справедливою оцѣнкою ихъ талантовъ и заслугъ. Обязанности удѣльныхъ князей въ общихъ чертахъ остались тѣ же какія были прежде; только теперь эти обязанности перешли изъ теоріи въ самое строгое исполненіе. Князья должны были содержать войска и имѣть ихъ всегда наготовѣ чтобы дѣйствовать по указанію Нобунага; и мы видимъ, напримѣръ, что Сакума, одинъ изъ лучшихъ и дѣятельнѣйшихъ его сподвижниковъ въ первое время, за кратковременное небреженіе въ исполненіи этой обязанности, получилъ отъ него такой строгій выговоръ что, въ страхѣ, вмѣстѣ съ сыномъ, обрилъ голову и ушелъ въ монастырь. Въ мирные дни князья должны были заниматься обученіемъ войскъ и своимъ собственнымъ образованіемъ, а не тратить время на пустыя забавы; должны были имѣть обильные военные запасы, а не издерживаться на затѣи роскоши; въ отношеніи къ народу — быть строго справедливыми и заботливыми о его спокойствіи и благѣ, а не оставаться прежними деспотами, или безпечными правителями. И все это строго исполнялось. Зоркій глазъ Нобунага проникалъ всюду, видѣлъ всѣ злоупотребленія и безпощадно каралъ ихъ. Вздохнулъ свободно, наконецъ, и народъ; настало для него время безмятежья и безопасности; путешественникъ могъ спокойно заснуть подъ тѣнью перваго попавшагося дерева, отбросивъ далеко отъ себя кошелекъ съ деньгами; потерявшій дорожную вещь могъ вернуться и найти ее на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ она упала; всякій боялся коснуться чужой собственности, не только воспользоваться ею; всѣ знали строгій уголовный кодексъ Нобунага, опредѣлявшій смертную казнь за копѣчную покражу или утайку чужаго. Мирныя занятія народа процвѣ-

тали; югъ съ сѣверомъ, востокъ съ западомъ стали взаимно мѣняться своими произведеніями, чего давно уже не было....

Счастіе видимо благоприятствовало Нобунага: самый страшный врагъ его, Кенсинъ, умеръ, лишь только поднявшись противъ него. Теперь у него остался одинъ сильный противникъ, Мори, пріютившій у себя ех-сёюгуна Іосіаки и вооружившійся, наконецъ, на защиту его правъ. Противъ него Нобунага отправилъ красу своихъ генераловъ, непобѣдимаго Хидеёси. Послѣдній сталъ быстро отбирать у непріятеля провинцію за провинціей и скоро стѣснилъ его до такой степени что оставалось только нанести окончательный ударъ. Но этотъ ударъ онъ хотѣлъ предоставить самому Нобунага и просилъ его для этого прибыть въ армію. Нобунага отрядилъ съ собою нѣсколько полковъ и уже готовъ былъ отправиться. Но вмѣсто триумфа, намъ предстоитъ описать печальную катастрофу, совершенно неожиданно положившую конецъ его дѣятельности. Вышедшему невредимымъ изъ неогляднаго ряда враговъ и уже безопасному отъ нихъ, потому что ихъ не стало, ему суждено было пасть отъ своихъ.

Въ числѣ приближенныхъ генераловъ Нобунага, за способности и усердную службу возвышенныхъ имъ изъ низкаго званія до княжескаго положенія, былъ одинъ по имени Акеци Мицухиде. При несомнѣнныхъ военныхъ дарованіяхъ, Мицухиде имѣлъ много качествъ обличавшихъ въ немъ мелкую натуру; по наружности эlegantный, аристократически-вѣжливый, даже ученый, но невыносимо гордый, обидчивый, мнительный и злопамятный, онъ былъ не на мѣстѣ въ кругу безыскусственныхъ, прямыхъ и честныхъ рубаекъ школы Нобунага. Послѣдній, среди трудовъ боевой жизни, любилъ иногда освѣжить силы веселою пирушкой, въ кругу своихъ сподвижниковъ; тогда всѣ церемоніи отбрасывались въ сторону; герои браннаго поля тягались другъ съ другомъ количествомъ выпитыхъ чашъ; Нобунага своимъ примѣромъ поощрялъ всѣхъ: онъ былъ весь на-распашку, неудержимо веселый и шумливый: Мицухиде, какъ одинъ изъ военачальниковъ, также обязанъ былъ присутствовать на этихъ пирушкахъ; но плохо было ему здѣсь: Нобунага, вообще не терявшій случая сострить насчетъ своего щекотливаго генерала, на пирушкахъ особенно зло подтрунивалъ надъ нимъ, не подозревая того что каждая шутка его принималась за смертельную обиду и никогда не забывалась.

— Пей! кричалъ онъ ему однажды, подавая вино и зная очень хорошо что Мицухиде, къ довершенію всѣхъ качествъ утонченнаго японскаго джентльмена, не можетъ взять ни капли вина въ ротъ.

— Не могу, отговаривался генералъ съ самыми вѣжливыми поклонами.

— Пей, тебѣ говорятъ! горячился Нобунага.

— Никакъ не могу, упорствовалъ Мицухиде.

— А не можешь, такъ выпей вотъ это! кричалъ Нобунага, уже сидя верхомъ на опрокинутомъ генералѣ и размахивая саблей, которую какъ будто готовился воткнуть ему въ горло. Оробѣвшій Мицухиде, сквозь гримасы, выпилъ вино, при хохотѣ всей компаніи, послѣ чего удовлетворенный Нобунага схватилъ подъ мышку его голову и, похлопывая ладонью по безукоризненно выбритой лысинѣ, промолвилъ одобрительно:

— Эхъ, лысина, что твой барабанъ!

Сцены, подобныя этой, нерѣдко повторялись и до крайности бѣсили Мицухиде. Онъ возненавидѣлъ Нобунага. Нѣсколько серьезныхъ выговоровъ за нѣкоторыя служебныя ошибки укрепили эту ненависть; а ослѣпленный ею, Мицухиде нечувствительно пришелъ къ убѣжденію что и Нобунага, съ своей стороны, ненавидитъ его, хотя послѣдній продолжалъ дѣлать въ немъ опытнаго и искуснаго военачальника. Наконецъ, одинъ подслушанный у дверей и дурно понятый разговоръ Нобунага съ кѣмъ-то окончательно убѣдилъ Мицухиде что Нобунага замышляетъ лишить его владѣній и жизни, хотя послѣднему, еслибъ онъ хотѣлъ сдѣлать это, не стоило составлять замысловъ, такъ какъ ему не труднѣе было уничтожить Мицухиде чѣмъ прежде вызвать изъ ничтожества. Огорченный до глубины души, Мицухиде сталъ искать средствъ предупредить несчастіе, готовое, по его мнѣнію, обрушиться на его голову, и въ умѣ его самъ собою родился замыселъ на жизнь Нобунага. Предъ отправленіемъ въ лагерь Хидеёси, Нобунага необдуманно нанесъ Мицухиде новое оскорбленіе, вызвавшее въ немъ окончательную рѣшимость. Въ то время въ Міако прибылъ, съ визитомъ къ Нобунага, высокочтимый имъ Іеясу; принять и угостить его назначено было Мицухиде; но лишь только послѣдній приготовился къ этому, какъ Нобунага переимѣнилъ распоряженіе, приказавъ ему съ войскомъ

немедленно отправиться противъ Мори. Вѣзвѣщенный Мицухиде велѣлъ бросить въ море все что было заготовлено для угощенія и ускакалъ къ своему войску уже съ созрѣвшимъ замысломъ. Нобунага, готовясь назавтра отправиться въ путь, ночевалъ съ сотнею человекъ своей свиты и тѣлохранителей въ храмѣ Хонноодзи, близъ Міяко, въ то самое время когда Мицухиде долженъ былъ провести свою свыше чѣмъ двадцати-тысячную кавалерію на югъ, дорогою лежавшею неподалеку отъ храма. Угрюмый и молчаливый, вѣдалъ онъ впереди своихъ полковъ, еще ничего не знавшихъ о его замыслѣ. Вдругъ, при поворотѣ къ храму, онъ остановился и, указывая хлыстомъ по направленію къ храму, громкимъ голосомъ отдалъ приказъ:

— Мой врагъ вотъ гдѣ. Кто вѣрнѣе мнѣ, за мною! И оглядываясь, поскакалъ къ храму. Всѣ знали что тамъ Нобунага, и изумленію не было границъ; но не время было колебаться; всѣ ринулись впередъ: никто не хотѣлъ быть предателемъ своего господина. Страшный шумъ и военные клики разбудили Нобунага.

— Кто измѣнникъ? крикнулъ онъ.

Его люди, успѣвшіе въ темнотѣ различить знамена, донесли ему кто.

— Это ты-то, презрѣнный рабъ! воскликнулъ онъ и, схвативъ лукъ, выбѣжалъ защищаться.

Туча стрѣлъ встрѣтила его на крыльцѣ: дворъ и крыши зданій уже устланы были непріятелями; не оставалось никакой надежды на спасеніе. Нобунага и его люди дрались только для того чтобы какъ можно дороже продать жизнь. Порвавъ тетиву у лука, Нобунага схватилъ копьё и еще убилъ нѣсколько человекъ; но изнемогая и самъ отъ ранъ, вернулся въ комнаты, далъ наставленіе женѣ какъ скрыться, а самъ поджегъ домъ и умертвилъ себя (будучи сорока девяти лѣтъ отъ роду, въ 1582 году). Мицухиде долго искалъ въ пеплѣ пожара голову своего страшнаго врага: ему не вѣрилось чтобы Нобунага могъ погибнуть, хотя ему представили найденные остатки обгорѣлаго его платья. Первенецъ Нобунага, Нобутада, давно уже бывшій правою рукой отца во всѣхъ трудныхъ предпріятіяхъ и теперь готовившійся вмѣстѣ съ нимъ отправиться на югъ, занималъ въ эту ночь со своєю свитой другой храмъ, неподалеку отъ Хонноодзи. Услы-

шавъ о несчастной кончинѣ отца, онъ могъ бы спастись немедленнымъ бѣгствомъ, что и совѣтовали ему приближенные; но опасаясь что всѣ дороги уже заняты, онъ предпочелъ дожидаться неприятелей на мѣстѣ и умереть въ честномъ бою. Въ полдень и его храмъ былъ окруженъ неприятельскими войсками, и онъ такъ же, какъ отецъ, уставъ въ неравномъ бою, кончилъ жизнь самоубійствомъ. Мицухиде занялъ Міяко и получилъ отъ мукадо сёогунскій дипломъ; но ему ли, запятанному кровію своего господина, быть повелителемъ Японіи? У Нобунага остался внукъ, сынъ Нобутада, прямой наслѣдникъ верховной власти; осталось также нѣсколько сыновей; но и не имъ суждено было владѣть Японіей. Для этого давно уже готовился избранникъ счастья, питомецъ военной школы Нобунага, славный Хидеёси.

Тоётоми Хидеёси былъ сынъ бѣднаго крестьянина въ провинціи Овари. Еще младенцемъ онъ лишился отца, и мать его вышла замужъ за увѣчнаго солдата, служившаго въ войскѣ отца Нобунага. Маленькій Тоокици, какъ тогда попростонародному назывался Хидеёси, былъ въ тягость вочиму и матери, жившимъ въ крайней бѣдности, и они отдали его въ монастырь, думая сдѣлать изъ него со временемъ бонзу. Но Тоокици былъ настолько уменъ что не понялъ безтолковыхъ буддійскихъ молитвенниковъ и до того шаловливъ что бонзы никакъ не могли сладить съ нимъ и принуждены были отослать его домой. Тогда родители стали отдавать его въ услуженіе; но неугомонный мальчикъ вигдѣ не могъ ужиться болѣе двухъ мѣсяцевъ; всегда бывало такъ, что въ первые дни онъ усердно займется своими новыми обязанностями, особенно если опредѣлять его на какой-нибудь заводъ; въ недѣлю-другую онъ успѣетъ въ точности узнать все что представляетъ ему новаго его должность, и затѣмъ эта должность дѣлается ему противною, и онъ лѣвится и бездѣльничаетъ до тѣхъ поръ пока его съ безчестіемъ выгоняютъ. Мать была въ отчаяніи отъ безпутства сына и считала его совсѣмъ погибшимъ; родные и знакомые безпрестанно корили Тоокици и читали ему наставленія; но ему все было какъ къ стѣнѣ горохъ. Много лѣтъ прошлася онъ такъ изъ угла въ уголъ; случалось засыпать ему и на грязномъ помостѣ между нищими; бывалъ онъ (по нѣкоторымъ сказаніямъ) и въ шайкахъ разбойниковъ. Будучи уже 22хъ

лѣтъ, онъ зажилъ что-то не въ примѣръ долго у одного богатаго крестьянина, которому очень понравилась своею расторопностію. Крестьянинъ этотъ любилъ военную науку и имѣлъ хорошую коллекцію военного оружія; въ то время Нобунага одѣлъ свои войска въ какой-то новоизобрѣтенный панцырь; крестьянину захотѣлось достать этотъ панцырь для своей коллекціи, и онъ далъ Тоокици 6 рѣо (10 руб. 80 к.) денегъ и послалъ его въ Овари купить панцырь. Но Тоокици разчиталъ что ему гораздо лучше употребить эти деньги на собственную экипировку и поискать мѣста получше. Въ этихъ видахъ онъ отправился домой, показалъ вотчину 6 рѣо, какъ будто заработанная имъ, подарилъ тутъ же одно рѣо семейству, изъ остальныхъ на четыре справилъ себѣ новое платье и купилъ саблю, а что осталось припряталъ на черный день, и отправился къ Нобунага проситься на службу вмѣсто своего иквалида-вотчима. Чтобы лично изъяснить Нобунага свою просьбу, онъ подстерегъ его однажды на дорогѣ и бросился ему въ ноги, по всѣмъ правиламъ японскаго этикета. Расхохотался Нобунага при первомъ взглядѣ на него. Нужно замѣтить что Тоокици по виду былъ совершенный уродъ: маленькаго роста, съ большою головою, съ краснымъ лицомъ, совершенно обезьяньимъ; сходство съ обезьяной довершали необыкновенно живыя его движенія, такъ что съ самаго младенчества его никто иначе и не называлъ какъ обезьяной; это имя давалось ему каждымъ при первой встрѣчѣ, чѣмъ Тоокици никогда не обижался. И теперь Нобунага не могъ удержаться отъ смѣха, смотря на вертляваго Тоокици. „Совершенная обезьяна! Умень, должно-быть“, промолвилъ онъ, и велѣлъ зачислить Тоокици на службу. Тоокици былъ вѣдъ себя отъ радости и принялся усердно служить; а служба состояла лишь въ томъ чтобы при выходѣ барина подать ему соломенные сандалицы, а при входѣ принять. Но здѣсь для Тоокици важна была уже не служба, а самъ баринъ: нашелъ онъ, наконецъ, по себѣ господина и всею душой привязался къ нему; трудно было ему показать свое усердіе при своей несложной службѣ, но онъ умѣлъ; своеобразный Нобунага не жилъ какъ другіе живутъ: вставалъ часто ни свѣтъ ни заря, выходилъ изъ дому совершенно неожиданно, но никогда онъ не могъ явиться въ передней и не застать тамъ Тоокици, смиренно сидящаго у порога, съ готовыми сандалицами. Нобунага, впрочемъ, не

обращалъ на это усердіе ни малѣйшаго вниманія. Уже другимъ, постороннимъ дѣломъ Тоокици вызвалъ къ себѣ на первый разъ его вниманіе. Въ крѣпостномъ валу резиденціи Нобунага сдѣлался обвалъ саженъ на 100; Нобунага велѣлъ починить; но работа шла чрезвычайно медленно, по нерадѣнію распорядителей. Нобунага часто проходилъ мимо этого мѣста, но какъ будто не замѣчалъ. Однажды, проходя, онъ услышалъ за собою ропотъ Тоокици.

— Чтѣ ты ворчишь, обезьянья рожа? крикнулъ онъ съ сердцемъ.

— Какъ же не ворчать? отвѣчалъ Тоокици, припавъ лицомъ къ землѣ.—Вы теперь въ войнѣ, а крѣпость въ такомъ состояніи. Чтѣ если непріятель вздумаетъ сдѣлать неожиданное нападеніе?

— А ты развѣ можешь скорѣй поправить?

— Да здѣсь на три дня работы!

— Поручить ему распорядиться! Но если ты не сдѣлаешь въ три дня, то отвѣтишь, пригрозилъ онъ Тоокици.

Послѣдній началъ съ того что въ первый день всѣмъ рабочимъ задавалъ праздникъ; но на третій день Нобунага, проходя мимо, увидѣлъ что обвала и слѣдовъ нѣтъ. „Только обезьянья рожа можетъ такъ сдѣлать!“ удивился онъ, и наградилъ Тоокици первымъ офицерскимъ чиномъ. Скоро послѣ этого Нобунага, недовольный чрезмѣрными расходами на уголь и дрова въ своемъ дворцѣ, сдѣлалъ Тоокици смотрителемъ дровяныхъ и угольныхъ сараевъ: расходы сократились на семь десятыхъ. Въ это время на Тоокици взведено было обвиненіе, будто онъ укралъ у одного генерала золотую булавку; Тоокици со свойственнымъ ему искусствомъ отыскалъ покражу, уличилъ вора и съ горькими слезами истинно обиженнаго пожаловался Нобунага; послѣдній почувствовалъ къ нему состраданіе, сдѣлалъ строгій выговоръ генералу и, такъ какъ необыкновенная бѣдность Тоокици была единственною причиною павшаго на него подозрѣнія, то прибавилъ ему жалованья. Это дало возможность Тоокици, между прочимъ, завершить законнымъ бракомъ начатую имъ цѣлительность съ одною бѣдною дѣвушкой, дочерью умершаго офицера; но какъ бѣдна была свадьба! Сидя на соломѣ, пили молодые брачную чашу, и простой глиняный сосудъ игралъ роль брачнаго кубка. Истинная привязанность къ господину внушала Тоокици необыкновенную смѣлость: часто онъ

предлагалъ Нобунага разные совѣты, проекты, но увя! отвѣтъ ему былъ всегда въ такомъ родѣ: „Что ты понимаешь, обезьянья рожа! Убирайся вонъ!“ Или: „За твою дерзость сѣдло вало бы тебѣ голову долой; это и будетъ, если ты еще осмѣлишься сунуться съ совѣтомъ.“ Но Тоокици, какъ ни въ чемъ не бывало, являлся съ новымъ совѣтомъ, такъ что при дворѣ прозвали его „мѣднымъ лбомъ“ и всячески издѣвались надъ нимъ. Посмѣяться надъ бѣднымъ Тоокици не прочь былъ и самъ Нобунага, и на маневрахъ иногда, для шутки, назначалъ его генераломъ и заставлялъ командовать войскомъ, что Тоокици, къ немалому удивленію толпы, исполнялъ такъ какъ бы и старому генералу. Подозрѣвать же у Тоокици истинные военные таланты никому и въ голову не приходило, и Нобунага однажды не на шутку разсердился, когда увидѣлъ его продѣлывающимъ военные артикулы съ толпою набранныхъ имъ для того подростковъ: Нобунага собственноручно изорвалъ флагъ, сочиненный Тоокици для этихъ случаевъ, и строго запретилъ ему впередъ заниматься подобными вещами. Но пришло, наконецъ, и для Тоокици время обнаружить себя. Въ войнѣ съ Сайтоу для Нобунага чрезвычайно важно было утвердиться на противоположномъ берегу рѣки, отдѣлявшей его владѣнія отъ неприятельскихъ. Нобунага посылалъ одного за другимъ всѣхъ лучшихъ генераловъ, съ отборнымъ войскомъ и со сплавами лѣсу, чтобы построить на неприятельскомъ берегу крѣпость и сдѣлать ее точкой опоры для будущихъ военныхъ операцій. Но трудъ, повидимому, былъ выше силъ: едва только переправятся и начнутъ строить крѣпость, какъ неприятель сильнымъ натискомъ прогонитъ войско, разрушитъ работы, и вновь нужны строительные матеріалы и свѣжія войска. Нобунага сильно досадовалъ и не зналъ что дѣлать. Конечно, въ этихъ обстоятельствахъ онъ никакъ не ожидалъ помощи отъ Тоокици, но тѣмъ не менѣе однажды обратился къ нему за совѣтомъ, съ тѣмъ видомъ съ какимъ иногда добросердечный баринъ болтаетъ и совѣтуется со своимъ комердинеромъ, вовсе не ожидая что камердинеръ скажетъ что-нибудь путное. Сверхъ чаянія, совѣтъ Тоокици оказался какъ нельзя болѣе путнымъ.

— Зачѣмъ издерживать свои войска? говорилъ онъ. — Тутъ нужно дѣйствовать противъ враговъ врагами же.

— Какъ такъ? спросилъ озадаченный Нобунага.

— Очень просто. Въ удѣлѣ Сайтоу множество недовольныхъ теперешнимъ правленіемъ. Всѣ эти недовольные разбѣжались по дѣсамъ, образовали шайки и разбойничаютъ. Я долго жилъ въ этой провинціи и хорошо знаю ее; знаю и предводителей шайкъ (и онъ по пальцамъ насчиталъ до 160). Созвать ихъ; они съ радостію согласятся воевать противъ своего князя; на чтѣ лучше войска?

— Но кто возьмется за это дѣло?

— Поручите мнѣ, робко вымолвилъ Тоокици.

Нобунага съ охотою согласился. Да и отчего было не согласиться? Въ случаѣ неудачи, онъ не рисковалъ ничѣмъ; въ случаѣ же удачи, приобрѣталъ весьма много. Онъ даже обѣщаль Тоокици, въ случаѣ счастливаго начала, 500 солдатъ на помощь. Само собою разумѣется что прежнее обѣщаніе: отдать крѣпость и земли вокругъ нея во владѣніе тому кто построитъ эту крѣпость и отстоять ее, осталось неотмѣненнымъ. Тоокици исчезъ на нѣкоторое время изъ лагеря; но чрезъ нѣсколько дней подъ носомъ у непріятелей какъ будто изъ земли выросла крѣпость; непріятели по-прежнему напали чтобы разрушить ее, но нападеніе не только было отбито съ успѣхомъ, но въ то же время забрана у самихъ непріятелей близъ лежащая укрѣпленная мѣстность. Нобунага, внѣ себя отъ радости, переправился въ новыя свои владѣнія и осыпаль Тоокици наградами: далъ ему аристократически звучащее имя Хидеёси, подарилъ знамя и съ тѣмъ вмѣстѣ право на командованіе войскомъ, и утвердилъ за нимъ отвоеванную мѣстность въ видѣ лена. Съ этихъ поръ начинается славная жизнь Хидеёси. Въ сраженіяхъ онъ всегда былъ первый, въ отступленіяхъ прикрываль другія войска; гдѣ была неминуемая опасность, гдѣ посѣдѣлые въ бояхъ генералы теряли голову, туда посылался Хидеёси, и нигдѣ ни разу онъ не потерялся и не проигралъ. Послѣ каждой побѣды онъ нашиваль новую золотую тыкву-горлянку на значки своей кавалеріи, и хвалился что доведеть число горлянокъ до тысячи; теперь уже не смѣялись надъ его словами, а принимали ихъ за оракуль. „Тысяча горлянокъ“ стало прозваніемъ его и командуемаго имъ войска, и гдѣ видѣлись золотыя горлянки, оттуда непріятель заранѣе бѣжалъ, зная что тщетно противиться непобѣдимому Хидеёси. Нобунага цѣнилъ своего дивнаго генерала, осыпаль его ласками и вотчинами, и съ гордостью указываль на него

другимъ вождямъ, если кого хотѣлъ укорить въ недостаткѣ энергіи или умѣнья. „Что за большая печень у этого Тоокици!“ говаривалъ онъ, осматривая дань которую слагаи ему непокорныя прежде провинціи, куда предъ тѣмъ только что посланъ былъ Хидеёси со своею кавалеріей. А Хидеёси, осматриваясь кругомъ, уже находилъ число враговъ саиш-комъ бѣднымъ для себя.

— Когда я приведу въ покорность вамъ югъ, тогда позвольте мнѣ переправиться въ Корею; а когда покорю и ее, дайте помѣриться съ Китаемъ, говорилъ онъ, прощаясь съ Нобунага предъ отправленіемъ противъ Мори.

— Хидеёси, не много ли будетъ? возразилъ Нобунага. Ему казались странными эти легкіе порывы его живаго и пылаго Тоокици. Онъ самъ уже значительно усталъ въ этой непрерывной борьбѣ съ князьями, и вѣнцомъ его трудовъ казалось ему объединеніе и умиротвореніе отечества. Эта была завѣтная мечта его съ самой ранней юности; когда въ первый разъ у него, крошечнаго князька, родилась эта мечта, предъ нимъ стѣною возвышались тысячи преградъ: на нихъ постоянно устремленъ былъ взоръ его, выше ихъ онъ не простирался и не могъ простираться. Не то съ Хидеёси: онъ не задавался задачей при вступленіи въ жизнь; у него не было личныхъ великихъ заботъ; понавъ на свою дорогу, онъ шелъ туда или сюда по чужому указанію; путь его такъ легокъ; куда ни обращается онъ, все разступается предъ нимъ и даетъ дорогу. Его геній такъ свѣтелъ и легокъ что онъ какъ будто играя идетъ отъ побѣды къ побѣдѣ; и едва онъ почувствовалъ въ себѣ присутствіе этого генія, едва ощутилъ жажду широкой, многообъемлющей дѣятельности, какъ, озираясь кругомъ, онъ уже почти не видитъ враговъ,—и его быстрый взоръ скользитъ вдаль по глади океана, и тамъ ищетъ пищу для своего генія. Неизвѣстно что было бы еслибы Нобунага и Хидеёси, за недостаткомъ общаго дѣла, которое видимо клонилось къ концу, стали другъ противъ друга: вступили ли бы они въ борьбу другъ съ другомъ, и еслибы вступили, кто одолѣлъ бы: посвѣдѣый въ побѣдахъ, опытный и твердый какъ сталь въ своихъ предпріятіяхъ Нобунага, или гибкій, живой и до невѣроятности находчивый и изобрѣтательный Хидеёси; можно сказать только то что Японіи пришлось бы плохо отъ этой тѣжбы. Къ счастью, судьба заранѣе очистила путь для Хидеёси.

Положеніе Хидеёси было весьма затруднительно, когда онъ получилъ извѣстіе о смерти Нобунага: онъ былъ одинъ среди непріятелей; въ центрѣ имперіи верховную власть захватилъ убійца Нобунага и личный врагъ его самого; отъ другихъ полководцевъ Нобунага онъ также не могъ ждать ничего хорошаго для себя: они давно успѣли возненавидѣть его за быстрое возвышеніе и необыкновенные успѣхи. Но Хидеёси не смутился; никто не прочелъ на его лицѣ и тѣни тревоги, и его лагерь сохранилъ то же грозное спокойствіе какъ наканунѣ. Въ это время Мори уже просили пощады и мира: Хидеёси не кончалъ съ ними только потому что ждалъ прибытія Нобунага; теперь ему приходилось дѣйствовать самому. Въ непріятельскомъ лагерѣ еще никто не зналъ важной новости, и послы съ мирными предложеніями по-прежнему явились въ ставку Хидеёси. Чтобы на всякій случай показать непріятелямъ спокойную самоувѣренность, онъ отослалъ ихъ назадъ; когда же они снова явились, онъ прежде всего объявилъ имъ о смерти Нобунага, изложилъ затѣмъ свои условія мира и отпустилъ домой. Молодой князь Мори обрадовался неожиданному извѣстію и хотѣлъ снова открыть военныя дѣйствія; но опытные дяди остановили его. „Небо видимо предназначило этому человѣку владѣть Японіей“, говорили они. „Посмотри кругомъ: гдѣ властелинъ? Дѣти Нобунага поросята (sic); его генералы не на столько талантливы какъ Хидеёси. Если мы теперь заключимъ съ нимъ миръ, мы обезпечимъ себѣ его дружбу на будущее время.“ Условія Хидеёси были приняты; съ нимъ заключенъ самый дружескій союзъ и даже предложена помощь противъ Мицухиде. Чтобы не отвергнуть любезнаго предложенія, Хидеёси взялъ у Мори нѣсколько ружей, снялъ лагерь и съ быстротою, свойственною ему одному, явился въ столицѣ. Похититель власти всего тринадцать дней пользовался титуломъ сёогуна; на четырнадцатый онъ былъ разбитъ и убитъ, а Хидеёси, въ качествѣ опекуна надъ внукомъ Нобунага, принялъ въ свои руки правленіе. Сподвижники Нобунага, съ его сыновьями во главѣ, возстали противъ этого, но Хидеёси безъ труда одолевъ ихъ, послѣ чего уже прямо объявилъ себя верховнымъ повелителемъ, * надѣлавъ лишь ленами дѣтей

* Мы рѣшительно затрудняемся опредѣлить положеніе Хидеёси другимъ словомъ, да и невозможно. Сами Японцы, въ продолженіи семи вѣковъ существованія сёогунствъ, не могли придумать приличнаго

и внука Нобунага и поставивъ ихъ въ рядъ простыхъ удѣльных князей. Бѣольшая часть провинцій безспорно покорилась ему: князья спѣшили обезпечить за собою левы принесеніемъ присяги на вѣрность новому повелителю. Въ правахъ Хидеёси на верховную власть, основанныхъ на его талантахъ и особенно на его образцовыхъ войскахъ, повидимому, никто не сомнѣвался, и перемѣна правящей династіи на этотъ разъ далеко не стоила Японіи такого потрясенія какъ прежде. Но еще были у Хидеёси враги не склонявшіеся

названія для этого страннаго положенія людей власти безъ титуловъ. Слово *сѣогунъ* обращалось въ практикѣ съ самой глубокой древности, усвоенное, согласно его буквальному смыслу, начальникамъ войскъ, и Иоритомо справедливо назывался сѣогуномъ, лишь только собралъ армію для борьбы съ Таура; но коль скоро онъ сдѣлался повелителемъ Японіи, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, названіемъ сѣогуна никакъ не могло выразиться его положеніе. А какое другое названіе усвоить? Императорскіе титулы должны были остаться неприкосновенными: посягнуть на нихъ значило бы окончательно низвергнуть императорскую династію, на что Иоритомо не рѣшился. Вводить какой-нибудь новый титулъ, напримѣръ короля (воу), тоже довольно опасно: неизвѣстно какъ принялъ бы это народъ, — народъ восточный, у котораго что освящено временемъ, то и свято. Не надежны ли было остаться, по наружности, при всемъ старомъ? Императоръ уже давно былъ безъ власти, это не тайна ни для кого: стало быть, забирая въ свои руки Японію, Иоритомо не дѣлалъ ничего новаго; сѣогунъ тоже слово извѣстное всѣмъ и каждому.... Такъ или иначе, только Иоритомо не считалъ нужнымъ ломать голову надъ придумываніемъ титуловъ себѣ и остался съ названіемъ опредѣлявшимъ его отношеніе лишь къ арміи, но никакъ не къ Японіи вообще. Недостатокъ этого названія отчасти искупался тѣмъ что съ того времени его уже не усвоили собственно начальникамъ войскъ: *генералъ* сталъ единственнымъ лицомъ въ Японіи. Съ теченіемъ времени титулъ сѣогуна въ глазахъ народа болѣе и болѣе освящался, и Такаудзи, основатель новой династіи верховныхъ повелителей, уже тѣмъ болѣе не считалъ нужнымъ придумывать какое-нибудь новое названіе для себя. Нобунага не хотѣлъ принять сѣогунскаго титула, но и онъ не могъ придумать ничего лучшаго, и такъ и умеръ безъ титула. Хидеёси тоже не хотѣлъ назваться сѣогуномъ (японскіе историки говорятъ, будто императоръ не соглашался дать ему этотъ титулъ, на томъ основаніи что-де только потомуки фамиліи Минамото могутъ пользоваться имъ; но это, конечно, писано лишь въ угоду послѣдней сѣогунской династіи, Токугава; Нобунага происходилъ отъ Таура, а императоръ предлагалъ же ему титулъ

предъ нимъ, и между ними человекъ котораго одного во всей Японіи Хидеёси нѣсколько боялся: это Токугава Иеясу. Отношенія Хидеёси къ нему заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Иеясу вѣрой и правдой служилъ Нобунага и всегда былъ отличаеми послѣднимъ предъ другими князьями. Своими блестящими военными талантами и опытностію, такъ какъ почти постоянно велъ войну, онъ былъ страшенъ врагамъ; вѣрностію слова и честностію онъ заслужилъ всеобщее уваженіе; строгостію дисциплины и въ то же время простотой въ

сёогуна; Мицухиде—самая темная личность, а микадо послѣдилъ же съ угодищствомъ выслатъ ему сёогунаскій дипломъ, лишь только онъ совершилъ свое преступленіе). Но нужно же было назваться какъ-нибудь. Ему кто-то посоветовалъ принять титулъ квамбаку.

— А что такое квамбаку? спросилъ онъ.

— Это первое по императору лицо; высшій сановникъ въ государствѣ, объяснилъ ему.

— А! Идетъ! отвѣтилъ онъ.

Должность квамбаку оказалась занятою какимъ-то Фудзивара: разумеется, это лицо почтительно и торопливо подадо въ отставку, и Хидеёси принялъ титулъ квамбаку. Но, конечно, этотъ мирный гражданскій титулъ еще менѣе могъ выразить значеніе верховнаго повелителя Японіи. И потому слѣдующій за Хидеёси, такой же повелитель, Иеясу, не мудрствуя лукаво, опять вернулся къ титулу сёогуна. Между тѣмъ сами Японцы постоянно сознавали недостаточность этого титула, и нѣкоторые писатели, еще при первыхъ династіяхъ, покушались назвать сёогуна *тайкуномъ*; но другіе рѣшительно возставали противъ этого, на томъ основаніи что слово *тайкунъ* есть лишь китайскій переводъ слова *огими* (великій господинъ), тоже одного изъ императорскихъ титуловъ; и это названіе некогда не могло получить официальнаго значенія; его можно было встрѣтить только въ немногихъ, самыхъ льстивыхъ сёогунамъ сочиненіяхъ. Уже при заключеніи трактатовъ съ иностранными державами, когда японскимъ дипломатамъ нужно было уравнивать сёогуна въ названіяхъ съ ихъ величествами разныхъ европейскихъ державъ, они поторопились усвоить сёогуна титулъ *тайкуна*. Но и это какъ бѣдно въ сравненіи съ пышными европейскими титулами королевскихъ особъ! Японскіе официалы много ломали голову чтобы придумать что-нибудь равнозначащее имъ, но такъ и не придумали, съ тѣмъ сёогунаство и покончило свое существованіе. Кстати замѣтимъ что усвоенныя Европейцами наименованія микадо—*духовныя* императоромъ, а сёогуна—*святскимъ*, рѣшительно неудачны. Уже лучше бы называть одного—*номинальнымъ* императоромъ, а другаго *дѣйствительнымъ*.

въ обращеніи и умѣньемъ войти въ положеніе каждаго онъ возбуждалъ неподдѣльную любовь своихъ офицеровъ и солдатъ; а его справедливость, добросердечіе и заботливость о благѣ народа,—качества очень рѣдкія тогда между князьями,—дѣлали его идоломъ его подданныхъ. Все это, взятое вмѣстѣ, давно уже поставило Іеясу въ общественномъ мнѣніи Японіи выше всѣхъ князей, и въ настоящее время, если кого-нибудь, то именно его считали способнымъ помѣриться съ необыкновеннымъ баловнемъ счастья, Хидеёси. Онъ и самъ не прочь былъ отъ этого. По смерти Нобунага, Іеясу, бывший на ту пору съ небольшою свитой въ Міяко, вдали отъ своихъ владѣній, подвергался опасности раздѣлить участь Нобунага. Въ первыя минуты онъ считалъ свою гибель до того неизбежною что хотѣлъ самъ порѣшить съ собою чтобъ избѣжать позорной смерти отъ руки враговъ; къ счастью, его уговорили отложить операцію харакири (разрѣзыванье живота), пока испытаны будутъ всѣ средства къ побѣгу. Своею добротой онъ приобрѣлъ себѣ много друзей въ разныхъ мѣстахъ, кромѣ своихъ провинцій, и теперь эти невѣдомые друзья помогли ему ускользнуть отъ опасности: онъ благополучно вернулся домой и тотчасъ же сталъ готовить войска для похода на Мицухиде. Но это было сдѣлано уже прежде его быстро поспѣвающимъ Хидеёси. Вмѣстѣ съ тѣмъ поводъ къ походу на столицу самъ собой уничтожился; а такъ какъ тамъ начались смуты по поводу притязаній Хидеёси, то Іеясу счелъ за лучшее, не пускаясь за журавлемъ въ небѣ, приобрѣсти синацу, и занялся округленіемъ своихъ владѣній: въ самое короткое время онъ приобрѣлъ три провинціи, такъ что у него составился довольно почтенный леги въ пять провинцій. Народъ другихъ князей всегда былъ радъ пасть подъ управленіе справедливаго Іеясу; войска завоеванныхъ провинцій также съ охотою поступали подъ его побѣдоносныя знамена; такимъ образомъ, пока Хидеёси опредѣлялъ свое положеніе въ столицѣ, и Іеясу сталъ на своей почвѣ твердою ногой, готовый принять вызовъ на какую угодно борьбу. Долго Хидеёси ждалъ визита Іеясу въ столицу, но послѣдній не двигался; непокорные князья съ Сикоку слали пословъ къ Іеясу, прося его союза противъ Хидеёси, но онъ и отъ этого уклонялся: онъ не хотѣлъ связать свое дѣло съ дѣломъ ненадежныхъ союзниковъ; онъ предпочиталъ стоять одиноко чтобъ имѣть во всякое время полную

свободу выбора. Наконецъ Нобувоу, старшій изъ оставшихся сыновей Нобунага, желавшій во что бы ни стало добиться своихъ правъ на первенство въ Японіи, убѣждалъ къ Іеясу, отдавая свое дѣло съ Хидеёси въ его руки. Іеясу принялъ его и обѣщался защищать, но все-таки не хотѣлъ выступить изъ своихъ владѣній, предпочитая вести борьбу на родной почвѣ. Хидеёси волею-неволею долженъ былъ принять очевидный вызовъ. Съ сильнымъ войскомъ вступилъ онъ въ непріятельскія владѣнія и тотчасъ же встрѣтился лицомъ къ лицу съ Іеясу; противники смѣрили другъ друга взорами и остановились: ни тотъ ни другой не хотѣлъ начинать первый; каждый изъ нихъ зналъ что ставилъ здѣсь на карту весьма многое, если не все, и потому каждый, для большей вѣрности, хотѣлъ по первымъ дѣйствіямъ угадать планъ противника и сообразоваться съ нимъ. Нетерпѣливому Хидеёси надобно, наконецъ, это критическое положеніе.

— Нужно послать къ Іеясу письменный вызовъ, сказалъ онъ однажды въ кругу своего штаба.

— Не слѣдуетъ, замѣтилъ на это одинъ изъ его приближенныхъ. Можно предвидѣть чѣмъ кончится въ такомъ случаѣ. Іеясу отвѣтитъ колкостью; вы выйдете изъ себя и второпяхъ надѣлаете, пожалуй, непоправимыхъ глупостей.

— Какъ можно чтобъ я въ такихъ случаяхъ горячился! возразилъ Хидеёси, и велѣлъ изготавить письмо въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ. „Князь, начинайте“, гласило оно; „нужно же намъ кончить наше дѣло; вы видите, я огородился частоколомъ и не имѣю ни малѣйшаго намѣренія двинуться отсюда, пока мы не сразимся.“ Письмо было отнесено на непріятельскій валъ и прибито къ столбу. Отвѣтъ не замедлилъ, но онъ былъ не отъ Іеясу, а отъ начальника авангарда, и заключался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Не угодно ли вамъ начинать, князь? Вы огородили свое войско частоколомъ чтобъ оно не разбѣжалось, а у насъ безъ всякихъ загородей войско стоитъ, готовое во всякую минуту отразить васъ.“ Какъ порохъ вспылалъ Хидеёси, прочитавъ этотъ отвѣтъ.

— Ну, такъ и есть! Не говорилъ ли я что быть бѣдѣ? поспѣшилъ замѣтить его другъ. Но Хидеёси, не слушая ничего, выбѣжалъ въ чемъ былъ изъ палатки и пустился къ непріятельскому валу. Перепуганная свита бросилась за нимъ, не зная что будетъ; а онъ бѣгомъ взлетѣлъ на валъ

и вслухъ обоихъ лагерей обругалъ Іеясу самыми рѣзкими словами. Непріятельскіе аванпосты, узнавъ его, подняли пальбу, но пули летѣли мимо; „небомъ даннаго повелителя и пуля не беретъ!“ прокричалъ онъ и, повернувшись, неторопливымъ шагомъ отправился въ свою палатку. Облегчивъ такимъ образомъ душу, Хидеёси опять сталъ ждать, но наконецъ его терпѣніе окончательно истощилось, и онъ рѣшился послѣдовать совѣту нѣкоторыхъ генераловъ: отдѣлить часть войска и зайти непріятелю въ тылъ. Совершенно незамѣтно, повидимому, сдѣланъ былъ этотъ маневръ, подъ начальствомъ тѣхъ самыхъ генераловъ которые подали совѣтъ; но лишь только они подошли къ крѣпости, на которую предположено было напасть, какъ опять очутились лицомъ къ лицу съ самимъ Іеясу: произошло сраженіе, и войска Хидеёси не выдержали. Іеясу, отразивъ нападеніе, опять остановился, готовый, повидимому, встрѣтить непріятеля въ каждомъ пунктѣ своей территоріи. Хидеёси не рѣшился продолжать опасную борьбу, и чтобы дать благовидный предлогъ къ отступленію, разрушилъ нѣсколько незначущихъ крѣпостей и, какъ будто сдѣлавъ все что хотѣлось, вернулся съ войсками въ Міако. Тотъ же Нобувоу, который вызвалъ Іеясу на защиту своихъ правъ, принялъ на себя, конечно, не безъ внушеній со стороны Хидеёси, посредничество между враждующими партіями, и формальный миръ былъ заключенъ. Но Іеясу все-таки не хотѣлъ явиться въ столицу: онъ продолжалъ быть въ тѣхъ же гордо-холодныхъ и независимыхъ отношеніяхъ къ Хидеёси какія принялъ до начала войны. Хидеёси рѣшилъ во что бы то ни стало сломить эту гордость. Не разъ уже его послы возвращались отъ Іеясу ни съ чѣмъ, наконецъ онъ отправилъ посольство съ рѣшительнымъ приказаніемъ не являться обратно, если Іеясу не будетъ уговоренъ прибыть въ столицу. Послы долго убѣждали Іеясу согласиться на желаніе ихъ повелителя, представляя всѣ выгоды союза съ нимъ и всѣ невыгоды борьбы; Іеясу по-прежнему отвѣчалъ или холоднымъ молчаніемъ, или вѣжливыми, но рѣшительными противорѣчіями, и наконецъ, бросивъ ихъ, уѣхалъ на соколиную охоту. Послы послѣдовали за нимъ и туда, и опять пристали съ уговорами.

— Съ Хидеёси уже вся Японія, а вы, князь, одинъ: можете ли вы бороться съ нимъ, когда у васъ всего пять провинцій?

Само небо видимо покровительствуетъ ему, и вы, не покоряясь Хидеёси, возбудите противъ себя мщеніе неба. Не лучше ли посвятить столицу? Дайте намъ рѣшительный отвѣтъ.

Держа сокола на локтѣхъ и готовясь пустить его, Іеясу отвѣчалъ сухо и рѣшительно:

— Сколько ужъ разъ я говорилъ вамъ что мы не сходимся съ княземъ. Я былъ въ столицѣ, когда мы оба съ нимъ служили у общаго намъ повелителя; а теперь мнѣ, больше чѣмъ столичные виды, вравятся вотъ эти дикія поля и эта охота. Что же касается до угрозъ, то я понимаю свое положеніе лучше чѣмъ кто-нибудь. Съ Хидеёси вся Японія, а со мной мои владѣнія, но за то здѣсь каждый клочъ земли мнѣ извѣстенъ, а ему придется вести войну на незнакомой почвѣ. Идите и передайте все это князю, и если опять явятся ко мнѣ послы, то я уже не буду такъ снисходителенъ къ нимъ какъ доселѣ. И онъ отвернулся отъ нихъ и спустилъ сокола.

Со страхомъ и трепетомъ передавали послы этотъ отвѣтъ Хидеёси, ожидая вспышки необузданнаго гнѣва; но тихо выслушавъ онъ ихъ, далъ знакъ удалиться и глубоко задумался. Уже поздно вечеромъ онъ очнулся отъ своей задумчивости и велѣлъ позвать пословъ. Встрѣтилъ ихъ веселый и радостный.

— Іеясу, наконецъ, явится ко мнѣ, сказалъ онъ.— Слушайте: у него недавно умерла жена; я предложу ему жениться на моей сестрѣ; въ заложницы же, на то время пока онъ будетъ въ Міяко, отправлю свою мать.

Планъ былъ оригиналенъ: никто еще въ такихъ случаяхъ не отдавалъ въ залогъ родную мать; что же касается до сестры, то она давно уже была замужемъ за другимъ княземъ. Но это не смутило Хидеёси: онъ велѣлъ князю развестись съ женой, послѣ чего бѣдный князь долженъ былъ отъ печали и позора распороть себѣ брюхо, и отправилъ сватовъ къ Іеясу.

Не выдержавъ на этотъ разъ неуступчивый противникъ; отказать и теперь значило бы уже возбудить смертельную вражду Хидеёси; Іеясу предпочелъ почетный союзъ и родство и обѣщавшись прибыть въ столицу лично благодарить нареченнаго шурина. Хидеёси не медля отправилъ къ нему мать, а Іеясу не замедлилъ вмѣсто ея явиться въ Міяко. Хидеёси былъ въ восхищеніи отъ успѣха своего предпріятія. Ему важна была покорность Іеясу, не только какъ опаснаго

соперника, но и по другой причинѣ. Окружающіе его князья, по невозможности бороться съ нимъ, конечно, покорились ему. Но никто изъ нихъ не забывалъ кто такой Хидеэси по своему происхожденію; сынъ раба подчинилъ себя всѣхъ ихъ, гордыхъ и сановитыхъ вассаловъ,—дѣло неслыханное и безпримѣрное въ японской исторіи; но чѣмъ чувствительнѣе было ранено ихъ самолюбіе, тѣмъ грубѣе были проявленія ихъ неудовольствія: многіе старались дать своимъ отношеніямъ къ Хидеэси видъ фамильярности, иные позволяли себѣ колкія замѣтки насчетъ его; все это не могло нравиться Хидеэси, не потому чтобъ онъ былъ щепетилецъ и безразсудно гордъ, но потому что это отзывалось неповиновеніемъ и могло во всякое время послужить зерномъ раздора и большихъ беспорядковъ. Хидеэси не безъ основанія разчитывалъ что покорность гордаго Іеясу, первенца между князьями, по сознанію самихъ князей, поможетъ ему въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ.

— Какъ быть? Князья фамильярничаютъ со мной и держатъ себя слишкомъ вольно, на томъ основаніи что я тако-го низкаго происхожденія. Чѣмъ помочь въ этомъ? спросилъ Хидеэси на первомъ же частномъ визитѣ, которымъ поспѣшилъ привѣтствовать давно жданнаго гостя, лишь только онъ прибылъ въ Міако.

— Одно средство: учредить строгій этикетъ; я завтра же покажу имъ примѣръ, отвѣчалъ Іеясу.

Назавтра назначенъ былъ офиціальныи пріемъ Іеясу; всѣ наличные князья и вельможи должны были участвовать въ церемоніи. Іеясу съ глубоко почтительнымъ видомъ и со всѣми признаками самаго покорнаго вассала представился Хидеэси, который, согласно условію, держалъ себя на этотъ разъ особенно гордо и церемонно. Смотря на эту сцену, всѣ прикусили языкъ и почувствовали урокъ. Если непобѣдимый Іеясу такъ смиряется, то какъ же должны быть низки предъ Хидеэси они сами, не смѣвшіе и думать о сопротивленіи ему въ открытомъ полѣ! Чтобъ еще болѣе подѣйствовать на князей, разыграна была, по предварительному условію, слѣдующая сцена. Однажды Хидеэси, въ сопровожденіи блистательной свиты вассаловъ, дѣлалъ визитъ Іеясу. На немъ былъ бѣлый военный плащъ. По окончаніи визита, когда Іеясу, съ видомъ глубокой почтительности, проводилъ Хидеэси изъ внутреннихъ покоевъ въ пріемную, гдѣ оба они очутились предъ

огромною толпой князей и сановниковъ, Иеясу вдругъ, какъ бы по внезапному вдохновенію, обратился къ Хидеёси съ почтительнѣйшею просьбой, и когда послѣдній пожелалъ узнать въ чемъ дѣло, попросилъ подарить ему одежду съ плеча.

— Да вѣдь это военный плащъ, возразилъ Хидеёси.

— Это-то я и прошу. Мой высокій шурина можетъ теперь освободить себя отъ военныхъ доспѣховъ. Иеясу сумѣетъ защитить его, если то потребуется.

— Какого славнаго зятя я приобрѣлъ себѣ, съ веселымъ смѣхомъ замѣтилъ Хидеёси, обращаясь къ свитѣ и отдавая плащъ Иеясу. Двѣ-три сцены въ томъ же родѣ, и самое строгое соблюденіе этикета водарилось при дворѣ Хидеёси.

Подавивъ съ Иеясу, Хидеёси уже не боялся болѣе никого въ Японіи. Изъ оставшихся непокорными князей, самыми главными теперь были два: Симаду Иосихиса, предокъ тепершняго Сацумскаго князя, и Хоодзёу Удзимаса, владѣтель восьми восточныхъ провинцій. Первый, владѣя леномъ на самомъ отдаленномъ отъ центральной власти концѣ Японіи, на югѣ Кіусіу, давно уже безнаказанно билъ сосѣднихъ князей и отнималъ у нихъ владѣнія, на требованія покорности отвѣчалъ Хидеёси самыми грубыми письмами, и не думалъ призывать надъ собою ни чьего контроля. Хидеёси, наконецъ, потерялъ терпѣніе, и самъ отправился усмирить бунтующаго вассала. Иосихиса хотѣлъ противиться, но это оказалось безуміемъ; скоро онъ кончилъ тѣмъ что обрилъ голову, надѣлъ монашескую рясу и, съ заранѣе приготовленнымъ для себя гробомъ, явился въ лагерь Хидеёси. Послѣдній смягчился такимъ необыкновеннымъ видомъ покорности и оставилъ жизнь и владѣнія роду Симаду, отобравъ у него все то что было захвачено незаконно.

Хоодзёу Удзимаса тоже долго упорствовалъ въ неповиновеніи Хидеёси. Много разъ они обмѣнялись взаимными посольствами, и Хоодзёу совсѣмъ не прочь былъ явиться съ повинною въ столицу; онъ только ждалъ чтобъ ему предложена была такая же честь какъ Иеясу. Но онъ, хотъ и владѣтель восьми провинцій, по своимъ личнымъ качествамъ далеко не былъ такъ опасенъ какъ Иеясу, и Хидеёси не намѣренъ былъ кокетничать съ нимъ. Вида безуспѣшность дружескихъ вызововъ, онъ объявилъ что идетъ усмирить его силой. Между прочими князьями, онъ пригласилъ на этотъ

разъ участвовать въ походѣ и Іеясу. Послѣдній, находясь по брачнымъ связямъ въ близкомъ родствѣ съ Хоодзѣу, видѣлъ необходимость обезпечить довѣріе Хидеёси какимъ-нибудь важнымъ залогомъ, и отослалъ къ нему съ этою цѣлю своего старшаго сына. Хидеёси принялъ мальчика совершенно по-родственному, повелъ его къ своей женѣ, велѣлъ нарядить по-столичному, самъ заткнулъ ему за поясъ дорогую саблю и вновь вывелъ къ посламъ: укорилъ Іеясу въ излишней мнительности, разсыпался въ увѣреніяхъ что онъ безъ всякихъ залоговъ твердо надѣется на Іеясу и, объявъ мальчика, возвратилъ посламъ для доставленія отцу. Но Іеясу не совсѣмъ по душѣ приплась эта любезность милаго шурина: онъ совершенно понялъ смыслъ ея.

— Это значить что онъ хочетъ занять мои крѣпости на время войны съ Хоодзѣу, пояснилъ онъ.

Дѣйствительно, таково было намѣреніе Хидеёси. Многие генералы Іеясу подозрительно взглянули на эту политику; но онъ лучше ихъ зналъ рыцарскій духъ Хидеёси и со всею готовностію обѣщался посланцамъ его очистить нужныя крѣпости.

— Вы такъ, пожалуй, и жену свою уступите другому, угрюмо и ворчливо замѣтилъ тутъ же одинъ изъ старыхъ совѣтниковъ.

— Вотъ, онъ всегда такъ грубитъ, этотъ несносный дядька мой, отшутился благодушный Іеясу, сильный, между прочимъ, тѣмъ, что никогда не стѣснялъ своихъ совѣтниковъ въ выраженіи ихъ мнѣній.

Въ награду за помощь Іеясу въ войнѣ противъ Хоодзѣу, Хидеёси еще напередъ обѣщалъ отдать ему ленъ Хоодзѣу. Но увы, и это было вовсе не къ радости Іеясу. Хидеёси нужно было не наградить его, а разлучить съ его народомъ, который обожалъ своего князя, что было вовсе невыгодно для всякаго, кто захотѣлъ бы враждовать съ нимъ. Тѣ восемь провинцій разстроены дурнымъ управленіемъ и войной: когда еще Іеясу приведетъ ихъ въ порядокъ и приобрѣтетъ любовь народа! А между тѣмъ восемь, вмѣсто пяти которыми до сихъ поръ владѣлъ Іеясу: какъ не считать этого наградой! Скрѣпя сердце, Іеясу благодарилъ своего щедраго шурина (какъ будто оба они не разумѣли своей взаимной комедіи!) и усердно дрался съ Хоодзѣу.

— Гдѣ думаешь основать свою резиденцію? спросилъ

однажды Хидеёси у Иеясу, въ лагерѣ при Одавара, отлично укрѣпленной резиденціи Хоодзёу.

— Да гдѣ же какъ не здѣсь?

— Нѣтъ, я совѣтую тебѣ занять другое мѣсто. Миль 20 отсюда, по восточному берегу, есть прекрасный заливъ съ небольшимъ городкомъ Едо: вотъ гдѣ мѣсто для твоей резиденціи.

Иеясу принявъ совѣтъ и, по полученіи лена, дѣйствительно основался въ Едо, хотя, по низменности мѣста, ему стоило необыкновенныхъ трудовъ сдѣлать его удобообитаемымъ и построить укрѣпленія.

По уничтоженіи Хоодзёу, вся имперія была у ногъ Хидеёси; воля одного повелителя непрекословно исполнялась всѣми: давно уже не было этого въ Японіи. Будучи гениальнымъ полководцемъ, Хидеёси былъ не менѣе гениальнымъ администраторомъ: всѣ части управленія подверглись при немъ преобразованію и улучшеніямъ; особенно же великую услугу своему народу оказалъ онъ повѣркой и перемежеваніемъ земель, причемъ обращено было самое строгое вниманіе на распредѣленіе полей по классамъ, смотря по производительности почвы, и, сообразно съ этимъ, съ разныхъ полей опредѣлены неодинаковыя повинности.

Но ни внутреннія войны, ни заботы по управленію не могли истощить богатыхъ силъ гениальнаго Хидеёси. Куда дѣтъ избытокъ ихъ? Не забылъ онъ своего плана внѣшнихъ завоеваній, заявленнаго имъ еще при Нобунага. Занятый объединеніемъ Японіи, онъ, отъ времени до времени, давалъ знать окружающимъ его что этотъ планъ носится въ его душѣ. Такъ однажды, осматривая Камакура и зашедши въ храмъ гдѣ стояла статуя Иоритомо, онъ, поглаживая по спинѣ перваго сёогуна, говорилъ вслухъ своей свитѣ: „пріятель, ты голою рукой взялъ имперію; только ты да я способны на это. Впрочемъ, ты происходишь отъ знатнаго рода, а я сынъ раба; да притомъ, порѣшивъ съ домашними дѣлами, я доберусь и до Китая. Какъ ты думаешь объ этомъ?“ Теперь Хидеёси рѣшилъ, наконецъ, осуществить свою долговременную мечту. Предлогъ къ началу войны былъ готовъ. При первыхъ сёогунахъ династіи Асикага, Японія была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Китаемъ и Кореей; китайскіе императоры любезничали съ Асикага, называя ихъ королями; Корея служила посредницей этихъ любезностей. Въ

послѣднее время Асикага, когда въ Японіи настала страшная безурядица, японскіе пираты начали грабить берега Китая и Кореи, за что послѣдніе почувствовали самое непріязненное расположеніе къ Японцамъ, хотя правильныя торговля сношенія между Кореей и Японіей, чрезъ посредство японскаго острова Цусима, не прекращались. Хидеёси давно еще, чрезъ двойныхъ данниковъ Китая и Японіи, Рюкідцевъ (жителей Лючу), пытался возобновить сношенія съ китайскимъ императоромъ, но послѣдній не счелъ нужнымъ даже отвѣчать ему. Этого уже достаточно было для начатія войны. Такъ какъ въ Китай ближайшій путь былъ чрезъ Корею, данницу Китая, то Хидеёси хотѣлъ прежде всего склонить ее на свою сторону. Въ любезномъ письмѣ, по этому поводу, къ корейскому королю, Хидеёси, извѣстивъ его о прекращеніи безпорядковъ въ Японіи и объединеніи ея, продолжалъ: „Хидеёси низкаго происхожденія; но его мать, заберементвъ имъ, видѣла во свѣ что будто солнце вошло въ ея чрево. Гадатели объяснили что всѣ страны, куда достигаетъ солнечный свѣтъ, наполняется славою его оружія, и что съ кѣмъ бы онъ ни воевалъ, непременно побѣдитъ, что бы ни захотѣлъ взять, непременно возьметъ.“ Онъ просилъ дальше короля открыть ему свободный путь въ Китай и даже оказать ему дѣятельную помощь. Но король счелъ все это самохвальствомъ и отвѣчалъ грубостію и прямымъ вызовомъ на войну. Тогда Хидеёси созвалъ князей, объяснилъ имъ свои сношенія съ Китаемъ и Кореей и свой планъ относительно завоеванія ихъ, и требовалъ ихъ совѣта. Князья, зная что война заранѣе рѣшена, единогласно одобрили его предпріятіе и обѣщались безусловно слѣдовать его предписаніямъ. Тогда онъ назначилъ, кому съ какимъ количествомъ войска и военныхъ запасовъ явиться къ походу, и распустилъ всѣхъ по домамъ для скорѣйшаго приготовленія. Сборнымъ пунктомъ назначена была Нагоя, въ области Хизень, на Киусіу. Когда войска собрались, Хидеёси, сообразно раздѣленію Кореи на восемь дорогъ, раздѣлилъ ихъ на восемь дивизій, назначилъ начальниковъ и составилъ превосходный планъ кампаніи, въ которомъ, повидимому, все было предусмотрено и напередъ устроено. Въ заключеніе, для лучшаго исполненія этого плана, онъ предположилъ отправиться во главѣ войскъ самъ. Но это встрѣтило рѣшительное противорѣчіе со стороны какъ искреннихъ приверженцевъ его, такъ и всѣхъ

желающихъ блага отечеству. На совѣтъ по этому поводу Хидеёси долго спорилъ съ князьями, старавшимися деликатно уговорить его остаться дома.

— Да что попусту тратить слова? Когда человекъ спятитъ съ ума, тогда его ничѣмъ не урезонишь, хватилъ съ плеча, наконецъ, одинъ старый князь, любившій говорить правду.

— Я спятилъ съ ума? Доказательства! вспыхнулъ Хидеёси, выхвативъ саблю.

Князь, нисколько не смутившись, рѣзко и смѣло представилъ ему эти доказательства. Онъ говорилъ что „для Японіи, только что отдѣлавшейся отъ внутреннихъ мятежей, очень тяжела эта новая война, которая будетъ поглощать потъ и кровь народа, что народъ все-таки молчаливо перенесетъ ее, но не иначе какъ если самъ Хидеёси останется съ нимъ и своимъ присутствіемъ будетъ обуздывать людей злонамѣренныхъ и наклонныхъ къ мятежамъ; въ противномъ же случаѣ, лишь только Хидеёси покинетъ берегъ, какъ въ разныхъ концахъ государства непременно вспыхнутъ бунты, и отечество снова подвергнется всѣмъ ужасамъ междоусобій; Хидеёси, не окончивъ дѣла, все-таки принужденъ будетъ вернуться домой, но еще неизвѣстно какъ его приметъ тогда отечество“. Хидеёси казалось все это недостаточнымъ чтобы назвать его сумашедшимъ, и онъ порывался своеручно изрубить князя, безропотно подставлявшаго голову подъ саблю; но, къ счастью, между ними стали другіе князья, кивнули виновному чтобъ онъ ускользнулъ, а разгоряченному Хидеёси представили все недостоинство самоличнаго труда въ этомъ случаѣ и вызывались каждый замѣнить его саблю своею. Князь, затворившись дома, нѣсколько дней ждалъ приказа совершить харакири, но этого не послѣдовало; резоны же его, кстати подкрѣпленные письмомъ матери Хидеёси, извѣщавшей его о своей болѣзни и умолявшей не отлучаться изъ отечества, все-таки сдѣлали свое дѣло: Хидеёси рѣшилъ отпустить войско безъ себя. Князь былъ какъ нельзя болѣе правъ: когда онъ былъ еще въ неизвѣстности касательно своей участи, здѣсь же, на Кіусіу, въ одномъ мѣстѣ вспыхнулъ бунтъ; Хидеёси позвалъ князя, извинился предъ нимъ въ запальчивости и поручилъ его сыну усмирить бунта, а самъ еще болѣе утвердился въ рѣшимости не оставлять отечества. Между тѣмъ легіоны его благополучно высадились въ Корей (въ 1592 г.) и шли отъ побѣды къ побѣдѣ: корейскія крѣпости

падали, города почти безпрекословно сдавались. Кореѣ ли, вѣками приученной къ подчиненію и ослабленной отъ двойнаго гнета Китая и Японіи, воевать съ гордыми духомъ японскими войсками, особенно когда ими командовали такіе птенцы гнѣзда Хидеёси какъ Катоу Киёмаса и Кониси Юкинага? Кореѣскій король слалъ пословъ за послами въ Китай, требуя помощи. Китайскій императоръ увидѣлъ что съ Хидеёси въ самомъ дѣлѣ шутить не слѣдуетъ, и спѣшилъ выслать огромныя арміи въ Корею: ему хотѣлось во что бы то ни стало вести эту войну на чужой почвѣ, чтобы не подвергать своихъ земель всѣмъ ужасамъ непріятельскаго нашествія. Уже недалеко отъ своихъ предѣловъ китайскія войска встрѣтились съ японскими и тоже были разбиты на всѣхъ пунктахъ. Тогда Китайцы заговорили о мирѣ, обѣщаясь согласиться на всевозможныя уступки. Между японскими вождями также нашлись сторонники мира. Хидеёси, управляя издали экспедиціей, не могъ устранить соперничества между генералами. Они старались щеголять другъ предъ другомъ побѣдами и не упускали случаевъ ставить другъ друга въ очень затруднительное положеніе, словомъ, мѣшали одинъ другому. Это было причиной что война, хотя и побѣдоносная для Японцевъ, все-таки не шла такъ какъ ожидалъ Хидеёси, а между тѣмъ для нея истощался весь японскій народъ, и потому самъ Хидеёси не прочь былъ отъ мира, разумѣется, выгоднаго для себя; именно, онъ хотѣлъ чтобы все то что забрано его войсками въ Кореѣ осталось за нимъ, Китай же долженъ былъ поднести ему титулъ своего короля. Китайскій императоръ съ радостію согласился на эти условія, и потому военныя дѣйствія были остановлены, и изъ Китая отправлено къ Хидеёси блистательное посольство съ королевскимъ дипломомъ и платьемъ. Назначенъ былъ день для торжественной аудіенціи посламъ; Хидеёси, въ прикрасномъ королевскомъ одѣяніи, сидѣлъ на тронѣ во главѣ блистательнѣйшей свиты своихъ вассаловъ и вельможъ двора; послы представились ему со всѣми признаками подобострастія и поднесли дипломъ который велѣно было тутъ же торжественно прочитать. „Итакъ за все это“, заключалъ высокопарный дипломъ, перечисливъ высокія достоинства и заслуги Хидеёси, „мы жалуемъ ему титулъ японскаго короля“.

— Японскаго короля! вскрикнулъ Хидеёси, вскинувшись съ мѣста.— Титулъ Японскаго короля, кипѣлъ онъ, швыряя съ

себя королевскую шанку и мантию.—Я и безъ того въ Японіи все что хочу: императоръ, такъ императоръ, король, такъ король! Кто же смѣетъ давать мнѣ японскіе титулы?

Всѣ въ залѣ были ни живы ни мертвы; послы ждали что имъ сейчасъ головы съ плечъ; но Хидеёси велѣлъ просто прогнать ихъ, и сейчасъ же закупѣли приготовления къ новой войнѣ. Опять японскій народъ понесъ трудовую лепту на военные расходы, опять несчастная Корея застонала подъ двойными ударами, а слабодушные Китайцы, неподражаемо способные лишь на обманъ, стали пятиться отъ храбрыхъ враговъ. Но, къ счастью для всѣхъ, престарѣлый Хидеёси уже стоялъ на краю гроба: ему было 62 года, когда началась эта вторая корейская война (въ 1597 г.). По смерти его, послѣдовавшей въ ближайшемъ году, войска изъ Кореи немедленно были отозваны, и его предпріятіе рухнуло, къ общей радости всѣхъ трехъ державъ. Единственнымъ плодомъ этого предпріятія для Японіи осталось, и то на короткое время, возстановленіе древнихъ данническихъ отношеній корейскаго короля къ Японіи.

Хидеёси долгое время былъ бездѣтвымъ; однажды порадовало его рожденіе сына отъ одной изъ наложницъ, но и тотъ скоро померъ; это крайне печалило его, особенно подъ старость, когда нужно было подумать о преемникѣ себѣ. Отчаявшись имѣть дѣтей, онъ, еще предъ первымъ походомъ въ Корею, назначилъ своимъ преемникомъ своего племянника Хидеунгу. Но послѣ этого у него неожиданно родился сынъ, названный Хидеёри. Хидеёси былъ вѣдъ себя отъ радости. Для новорожденнаго, конечно, нужно было очистить мѣсто, отданное племяннику; кстати, этотъ племянникъ оказался совершеннымъ негодяемъ, способнымъ лишь на самый необузданный развратъ и тиранство. Хидеёси долго терпѣлъ его и ждалъ исправленія; наконецъ, когда Хидеунгу затѣялъ было возстаніе противъ дяди, Хидеёси рѣшился обуздать милаго племянника. Послѣдній, видя свой замыселъ открытымъ, пришелъ въ такой страхъ что, не дожидаясь раздѣлки, порѣшилъ самъ съ собою. Хидеёри предстояло наследовать титулы и власть отца. Но онъ былъ еще ребенкомъ, когда Хидеёси почувствовалъ приближеніе смерти. Умирая, Хидеёси сдѣлалъ все что могъ дабы обезпечить власть за сыномъ. Самыхъ сильныхъ князей и самыхъ преданныхъ своему дому людей онъ сгруппировалъ вокругъ Хидеёри, раздѣливъ между

ними дѣла правленія и устройвъ такъ что, повидимому, никто не могъ взять опаснаго преобладанія. Пять главныхъ князей (Токугава Іеясу, Маеда Тосііе, Мори Терумото, Укида Хидеіе и Уесунги Кангекацу) составили верховный совѣтъ, имѣвшій вѣдать самыя важныя государственныя дѣла; пять важныхъ сановниковъ назначены для завѣдыванія текущими дѣлами; въ случаѣ недоразумѣній и несогласій между этими двумя инстанціями, должны были посредствовать между ними особо для того назначенные три совѣтника (сіуроу); войско реформировано на семь дивизій и получило начальниковъ, на вѣрность которыхъ Хидеіеи твердо надѣялся; воспитателями и наставниками наследника назначены особенно преданные вельможи. Всѣ обязаны были клятвою въ неупустительномъ исполненіи предначертаній Хидеіеи, пока его сынъ не будетъ въ состояніи взять въ свои руки кормило правленія. Но, увы, все это не спасло его династію, какъ онъ самъ когда-то не спасъ династію Нобунага.

Однажды, еще при жизни Хидеіеи, когда у него по какому-то случаю собрались всѣ князья, онъ вышелъ къ нимъ съ маленькимъ Хидеіери на рукахъ.

— Ну что? Кого боишься? Кто страшнѣй всѣхъ? спросилъ онъ шутя у малютки, таращившаго глазенки на незнакомаго лица. Хидеіери указалъ на Мори Терумото, страшнаго вида.

— Нѣтъ! Этотъ-то что! Ты вонъ кого бойся, вотъ того черненькаго, съ небольшою головою, сказалъ смѣясь отецъ, указывая на Іеясу, сидѣвшаго первымъ въ ряду князей.

Шутка была пророчествомъ. Дѣйствительно, для Хидеіери всѣхъ опаснѣй и страшнѣй оказался Іеясу. Не успѣло остыть тѣло Хидеіеи, какъ между правительственными лицами родились поводы ко взаимнымъ неудовольствіямъ и завязались интриги: у всѣхъ всплыли на верхъ личныя симпатіи и антипатіи и своекорыстные замыслы. Іеясу стоялъ высоко надъ всею этою толпою, и потому за нимъ слѣдили съ особенною ревностію, въ намѣреніи предупредить всякія попытки къ самовластію съ его стороны. Но онъ, какъ будто не замѣчая этого, и не думая стѣсняться, а дѣлалъ то что хотѣлъ. Первые самовластные дѣйствія его касались вещей не особенно важныхъ, въ родѣ заключенія брачныхъ союзовъ, вызова или отсылки домой того или другаго князя; но такъ какъ, по завѣщанію Хидеіеи, и это не могло произво-

даться иначе какъ съ общаго совѣта, то уже всякій могъ видѣть что Іеясу ставить себя выше своихъ товарищей. Противъ него поднялся крикъ неудовольствія соправителей, а одинъ изъ нихъ, Уесунги, прямо укорилъ его по пунктамъ въ десяти преступленіяхъ противъ данной имъ клятвы на вѣрность Хидеёри. Тогда Іеясу собралъ войско и пошелъ наказывать дерзкаго князя, какъ своего оскорбителя. Но лишь только онъ оставилъ столицу, какъ здѣсь образовалась страшная коалиція противъ него, подъ предводительствомъ неугомоннаго интригана и бездарнаго челоуѣка, Исида Мицунари. Положеніе Іеясу было очень затруднительно: онъ попалъ между двухъ огней. Но его спасало то что еще никто не могъ укорить его открыто въ прямыхъ замыслахъ противъ верховной власти. Хидеёри стоялъ въ сторонѣ; тутъ было дѣло удѣльнаго князя Іеясу съ его личными врагами, и потому многіе князья охотно приняли его сторону. Онъ оставилъ противъ Уесунги своего сына, приобрѣтя ему надежнаго союзника въ предкѣ теперешняго Сендайскаго князя, Даде Масамуне, съ которымъ заключилъ секретный договоръ, * а

* За помощь противъ Уесунги, Іеясу обещалъ Масамуне ленъ въ милліонъ коку (въ коку больше семи пудовъ рису), когда самъ овладѣетъ Японіей. Изъ этого видно что у Іеясу въ то время уже было опредѣленное намѣреніе устранить Хидеёри и овладѣть верховною властію. Но это намѣреніе онъ могъ открывать только такимъ людямъ какъ Масамуне. Послѣдній былъ тоже одною изъ замѣчательнѣйшихъ личностей этой эпохи. Съ юныхъ лѣтъ онъ безъ устали воевалъ со своими сосѣдами; его мечты далеко не замослались; онъ не заявлялъ претензій на сёгунскій престолъ; онъ лишь хотѣлъ добыть себѣ такой огромный ленъ какой только можно, и отдаленность поприща его дѣйствій отъ центральной власти какъ нельзя болѣе способствовала ему. Уже Хидеёси овладѣлъ почти всюю Японіей и требовалъ, между прочимъ, и Масамуне явиться съ покорностію, но этотъ не обращалъ вниманія на призывъ до послѣдней крайности: онъ не то чтобы хотѣлъ противиться, а ему некогда было,—у него были свои счеты съ сосѣдами, которыхъ онъ немилосердно общипывалъ. Впрочемъ, онъ всегда умѣлъ во-время явиться съ повинной головой, при чемъ, обыкновенно, давалъ обязательство не обижать сосѣдей; но никогда не думалъ, безъ особенной крайности, исполнять это обязательство; въ случаѣ же обвиненій, умѣлъ удивительно ловко завернуться изъ бѣды. Такъ, однажды онъ былъ обвиненъ предъ Хидеёси въ нарушеніи спокойствія сосѣдей; безъ явныхъ уликъ обвиненіе, конечно, ничего не значило бы; къ несчастію, Хидеёси

самъ обратился противъ союзниковъ. На пути къ Оосака, мѣстопробыванію Хидеёри и сборному пункту союзниковъ, къ нему одинъ за другимъ присоединялись князья, или лично расположенные къ нему, или находившіе для себя болѣе безопаснымъ стоять заодно съ нимъ. Союзники сочли для себя болѣе удобнымъ встрѣтить Іеясу въ открытомъ полѣ чѣмъ въ стѣнахъ Оосакской крѣпости, и потому выступили къ нему навстрѣчу. При Секигахара обѣ арміи сошлись. Союзники значительно превосходили Іеясу числомъ войскъ, въ опытныхъ и искусныхъ генералахъ у нихъ также не было недостатка. Но звѣзда Іеясу горѣла ярко: онъ одержалъ полную и рѣшительную побѣду. Эта побѣда, уничтожившая личныхъ враговъ Іеясу, въ то же время была и рѣшительнымъ ударомъ нанесеннымъ династіи Тоётоми. Нѣкоторые даже изъ сторонниковъ Іеясу и многіе князья, не принявшіе участія въ борьбѣ, считавшіе ее частною враждою между Іеясу и его личными врагами, и не имѣвшіе намѣренія измѣнять Хидеёри, спохватились теперь, но поздно, и потому должны были, для личной безопасности, припрятать подалеже свои

вдругъ неожиданно показываетъ запирающемуся Масамуне его собственное письмо, которымъ онъ подбивалъ другаго князя соединиться съ нимъ противъ одного изъ сосѣдей; письмо было скрѣплено именною печатью виновнаго. Пристально разсматриваетъ удивленный Масамуне письмо своимъ единственнымъ глазомъ, видитъ, точно его печать.

— Удивительно ловко поддѣлано, замѣчаетъ онъ съ неподражаемою невнимательною.

— Какъ? Будто печать не подлинная?

— Въ этомъ-то не можетъ быть сомнѣнія; только изумительно какъ хорошо нынче поддѣлываютъ печати; вотъ тутъ лишь одна черточка не такъ.

Потребовалъ Хидеёси для саиженія его печать, и точно, черточка почему-то оказалась непохожею. Въ другой разъ, когда не было уже никакой надежды на пощаду, Масамуне явился къ Хидеёси съ разволоченнымъ столбомъ, на которомъ распинаются и умерщвляются самыхъ важныхъ преступниковъ. Кто же станетъ казнить такого покорнаго? Изъ подобныхъ фактовъ видно, между прочимъ, что Масамуне не могъ имѣть особенной симпатіи къ династіи Хидеёси, состоянно стѣснѣвшаго его. Но въ то же время онъ не имѣлъ и особенныхъ причинъ ратовать за Іеясу и очень холодно принялъ его посланца, присланнаго съ предложеніемъ союза. Уже когда посланецъ объявлялъ что есть особое секретное условіе, и когда

чувства. Иеясу, вслѣдъ за побѣдой, сбросилъ съ себя маску и сталъ перетасовывать князей по-своему. Всѣ сторонники его, дѣятельно помогавшіе ему, награждены или прибавкой леновъ, или чинами и почестями; всѣ противники, кто не успѣлъ вымолить пощады, лишены владѣній; даже тѣ князья которые, имѣя на мѣстѣ готовое войско, не присоединились къ врагамъ его, но въ то же время не помогли и ему, понесли тяжкое наказаніе; такъ у Мори Терумото, простоявшаго все время сраженія въ нервѣшительности къ какой сторонѣ присоединиться, по окончаніи же сраженія тотчасъ принесшаго повинную Иеясу, за одну эту нервѣшительность отобрано шесть провинцій.

Не встрѣчая оппозиціи отъ примолкнувшихъ князей, Иеясу считъ своевременнымъ облечь себя и титуломъ, который бы узаконялъ его самовластіе. Онъ не побрезговалъ титуломъ сёогуна, которымъ такъ пренебрегали Нобунага и Хидеёси. Такимъ образомъ династія Тоётоми и de facto, и de jure была устранена отъ верховной власти; Хидеёри обратился въ простаго удѣльнаго князя, съ довольно значительнымъ, но и не особенно богатымъ леномъ (въ 600.000 коку). Впрочемъ и послѣ этого Иеясу продолжалъ ласкать Хидеёри и оказывать ему знаки особеннаго вниманія; такъ, въ томъ же году въ которомъ самъ принялъ титулъ сёогуна, онъ выдалъ за Хидеёри свою внучку. Но увы! это похоже было на украшеніе жертвы обреченной на закланіе. Сынъ Хидеёси, законный наследникъ верховной власти, не побѣжденный въ войнѣ, не лишенный своихъ правъ за какую-нибудь вину

оказалось что оно заключается именно въ обѣщаніи милліона коку, тогда Масамуне заинтересовался и выразилъ согласіе помочь сыну Иеясу противъ Уесунги. Иеясу далъ письменное обязательство выполнить это условіе. Но увы! по мѣрѣ успѣховъ, память Иеясу насчетъ обязательства постепенно дѣлалась слабѣе, а Масамуне почему-то не напоминалъ. Уже при внукѣ Иеясу, Иемиду, онъ рѣшился напомнить. Поморщился Иемиду при этой неожиданности: отказать—скандалъ, а исполнить почти не было средствъ. Отправился одинъ изъ савонниковъ двора къ Масамуне, попросилъ показать актъ; но лишь только актъ выпущенъ былъ изъ рукъ доврчивымъ Масамуне, какъ савонникъ, со словами: „этотъ-то? Да это не больше, какъ клочъ старой бумаги!“ быстро разорвалъ его и бросилъ въ жаровню. Горько засмѣлася старый князь и тутъ же выбранилъ себя за опрометчивость.

предъ націей, а обойденный единственно потому что по малолѣтству не въ состояніи былъ защищать себя, могъ быть, въ послѣдствіи, весьма опаснымъ для Іеясу и его династіи. Что если, по возрастѣ, онъ или даже его дѣти вздумаютъ заявить свои права? И что, если у нихъ окажется хоть малая доля талантовъ ихъ предка? Пока самъ Іеясу живъ, онъ, пожалуй, въ состояніи будетъ защитить себя и свой родъ; но онъ самъ уже на краю гроба; онъ добился верховной власти исключительно своими талантами, но кто поручится что первый же его преемникъ, его сынъ Хидетада, не проиграетъ всего добытаго имъ? Какъ самъ онъ, Іеясу, не можетъ и думать о равенствѣ съ Хидеёси, такъ и сынъ Іеясу станетъ во мнѣніи всей Японіи гораздо ниже своего соперника Хидеёри, лишь только послѣдній вздумаетъ заявить свои права и вступить съ нимъ въ борьбу. Его невинность и оскорбленія причиненныя ему отнятіемъ у него законнаго наслѣдства громко возопіютъ къ совѣсти всѣхъ и, вмѣстѣ съ памятью о достоинствахъ и заслугахъ его отца, котораго вся Японія признала даромъ неба, возбуждать къ нему самыя искреннія симпатіи, тогда какъ несправедливый захватъ и явное коварство Іеясу, и многія обиды нанесенныя имъ князьямъ, отвратятъ симпатіи Японіи отъ его сына. Не гораздо ли лучше отдѣлаться навсегда отъ опаснаго соперника?... Въ Осака, разумѣется, знали всѣ эти соображенія и старались вести себя такъ чтобы не подать Іеясу ни малѣйшаго повода придаться и начать войну: умный и вѣрный воспитатель Хидеёри, Катагири Кацумото, былъ ангеломъ хранителемъ своего питомца. Но предлогами ли стѣсняться, когда дѣло идетъ о такомъ важномъ предметѣ какъ утверженіе на престолѣ своей династіи? Можно прицѣпиться къ самому незначительному обстоятельству. Въ 1614 году Хидеёри окончилъ постройкой, по обѣту, одинъ храмъ; на праздникъ освященія его предположено было просить дзенсёгуна (прежняго сёгуна, какъ въ это время назывался Іеясу, такъ какъ передалъ уже свое званіе сыну Хидетада) и сёгуна; приглашено было множество и другихъ знатныхъ гостей. Дзенсёгунъ, съ первыхъ же словъ, охотно согласился почтить своимъ присутствіемъ праздникъ и уже отпустилъ обратно Кацумото, присланнаго просить его. Но вдругъ ему почему-то захотѣлось взглянуть на надпись которая была вылита на

замѣчательно большомъ колоколѣ новаго храма. Прочитавъ надпись, Іеясу пришелъ въ сильный гнѣвъ: тамъ были употреблены два знака, которыми пишется имя Іе-ясу. „Что это, Хидеёри вздумалъ проклинать меня?“ молвилъ онъ. Тщетно Кацумото, вернувшись съ дороги, представляя ему что Хидеёри и понятія не имѣлъ объ этой надписи, что она писана какимъ-то бонзой. Іеясу ничего знать не хотѣлъ и требовалъ чтобы колоколъ перелили; всѣ приготовления къ празднику обратились ни во что. Тутъ ужъ было не до праздника. Изъ Оосака отправлено новое посольство увѣрить Іеясу въ невинности Хидеёри, но онъ и слушать не хотѣлъ. Между тѣмъ въ то же время, искусною интригой, въ Оосака возбуждено было подозрѣніе въ предательствѣ Кацумото. Іеясу зналъ что, съ устраненіемъ его, дѣло успѣшнѣе пойдетъ къ развязкѣ. Дѣйствительно, мать Хидеёри, властолюбивая и своенравная Іодогими, уже не сдерживаемая мудрыми совѣтами Кацумото, рѣшилась лучше умереть чѣмъ долѣе выносить свое унижительное положеніе. Хидеёри, хотя ему въ это время было уже 20 лѣтъ, во всемъ безпрекословно слушался матери; фавориты Іодогими, по неразумію и изъ угодиливости ей, поддержали вспышку ея гордости, и приготовления къ войнѣ закинули. Многіе князья сочли своимъ долгомъ вступить за Хидеёри и привели свои войска на защиту Оосака. Но не замедлил явиться сюда и Іеясу, во главѣ еще большаго числа князей и огромнѣйшей арміи. Оосакская крѣпость, построенная Хидеёси, была въ то время лучшею крѣпостію въ имперіи. Планъ осады ея, сохранившійся доселѣ, достаточно былъ бы, еслибы не существовало другихъ доказательствъ, убѣдить всякаго въ необыкновенныхъ полководческихъ талантахъ Іеясу; но и осажденные не имѣли недостатка ни въ мужествѣ, ни въ искусствѣ, и часто Іеясу, для воодушевленія своего войска, готоваго упасть духомъ отъ безплодныхъ усилій, долженъ былъ самъ являться среди свиста неприятельскихъ пуль. Наконецъ, осажденные принуждены были сдаться; но они могли еще выговорить въ условіяхъ, кромѣ своей личной неприкосновенности, то, чтобы внутренняя крѣпость осталась нетронутою, тогда какъ наружныя укрѣпленія отдавались на разрушеніе. Іеясу, разчитавъ уже послѣдній ударъ Хидеёри, счелъ за лучшее, впрочемъ, не стѣсняться условіями, и отдавъ тайный приказъ разрушить все. Когда его солдаты

принялись засыпать внутренніе рвы, испуганные противники бросились искать суда на нарушеніе условія: но сѣогунъ отсылалъ ихъ къ дзенсѣогуну, тотъ къ такому-то начальнику, подъ предлогомъ что это по его части, тотъ еще къ другому, другой отзывался больнымъ и посылалъ къ пятому, а между тѣмъ усиленная работа шла, и прекраснѣйшая изъ крѣпостей была разрушена прежде чѣмъ успѣли найти кто отдалъ ошибочный приказъ. Разчетъ Іеясу былъ вѣренъ. Едва онъ успѣлъ вернуться съ войскомъ домой, какъ въ Осака затѣялось новое возстаніе. Ближайшая причина его, на этотъ разъ, состояла въ недостаткѣ продовольствія для тѣхъ сбродныхъ войскъ которыя со всѣхъ сторонъ стеклись въ Осака для защиты Хидеѳри, и которыя Іеясу не мѣшало и по окончаніи войны остаться тамъ. Когда почувствовался этотъ недостатокъ, изъ Осака обратились къ Іеясу за пособіемъ, но онъ, естественно, имѣлъ полное право не обратить вниманія на это требованіе. Тогда осакскій сбродъ вновь предпринялъ домогаться восстановленія правъ Хидеѳри. Іодогими и самъ онъ, какъ будто неизбѣжнымъ рокомъ влекомые на гибель, безпрекословно поддались недостойнымъ совѣтникамъ. И между князьями нашлись люди, рѣшившіеся съ видимою опасностію для себя, защищать сына своего прежняго повелителя. На скорую руку возобновлены были, по возможности, укрѣпленія, и вновь Іеясу стоялъ предъ ними, но уже грозный и неумолимый. Осажденные дрались на жизнь и смерть, зная что теперь не будетъ пощады; но уже не тѣ были твердыни скрывавшія ихъ. Хидеѳри самъ, наконецъ, вышелъ въ битву съ остатками своей дружины, но тотчасъ же долженъ былъ вернуться въ крѣпость, преслѣдуемый по пятамъ непріателемъ; онъ затворился съ матерью и приближенными въ кладовой, отправивъ жену умолять Іеясу о мѣрѣ и напередъ соглашаясь на какія угодно условія. Іеясу съ гнѣвомъ принявъ свою внучку и не далъ ей отвѣта; впрочемъ, велѣлъ военнопочинамъ пощадить жизнь Хидеѳри; но они, какъ видно по недостатку дисциплины, оставшемуся, впрочемъ, почему-то безъ дурныхъ для нихъ послѣдствій, выстрѣлами изъ ружей въ дверь кладовой дали знать Хидеѳри что для него все кончено.

— Таково опредѣленіе неба! рѣшилъ онъ, и зарѣзался.

Іодогими, обхвативъ его голову, долго рыдала и, въ заключеніе, попросила одного изъ присутствовавшихъ убить ее.

Больше двадцати человекъ генераловъ и придворныхъ Хидеёри послѣдовали примѣру своего господина, а десять фрейлакъ Иодогими сдѣлали ту же честь своей госпожѣ. Князья, помогавшіе Хидеёри, лишены владѣній; главные зачинщики возстанія казнены; Осацкая крѣпость сдѣлана личнымъ владѣніемъ сёгуна; лень Хидеёри розданъ защитникамъ сёгуна. Такимъ образомъ династія Тоётоми, со всѣми своими сторонниками, исчезла съ лица Японіи.

Теперь князья стояли предъ Іеясу безгласные и покорные, безъ тѣни строптивыхъ замысловъ. Іеясу могъ теперь предписать имъ какіе угодно законы, и онъ не упустилъ случая сдѣлать это. Вотъ знаменитыя 13 правилъ, которыми въ общихъ чертахъ опредѣлены обязанности князей. Князья должны:

1. Заботиться о процвѣтаніи въ ихъ владѣніяхъ наукъ и военнаго искусства;
2. Не позволять распущенности нравовъ и кутежей;
3. Не оставлять безъ наказанія нарушителей законовъ;]
4. Докладывать о зачинщикахъ мятежей и убійцахъ;
5. Не переселять своего народа съ мѣста на мѣсто;
6. Не строить крѣпостей, безъ разрѣшенія сёгуна;
7. Докладывать объ измышляющихъ какое-нибудь новое ученіе и составляющихъ общества;
8. Не заключать самопроизвольно, безъ сёгунскаго разрѣшенія, брачныхъ союзовъ;
9. Соблюдать предписанія этикета;
10. Не носить запрещеннаго платья;
11. Кому по чину не дозволено, не употреблять паланкиновъ;
12. Не быть расточительными;
13. На должности въ своихъ владѣніяхъ избирать людей достойныхъ. *

* Нихомгвайси, 22 кн. 31 л. Намъ случалось встрѣчать у новѣйшихъ европейскихъ писателей объ Японіи указаніе, будто Іеясу вошелъ лишь въ союзъ съ князьями, въ которомъ онъ былъ почти совершенно равенъ имъ, такъ что Японія представляла въ то время что-то въ родѣ конфедераціи почти независимыхъ одно отъ другаго княжествъ; въ доказательство этой конфедеративности, писатели указываютъ именно на приведенныя 13 правилъ, называя ихъ договоромъ Іеясу съ князьями, но не приводя самихъ правилъ, заключенныхъ въ недоступныхъ японскихъ книгахъ. Пусть судятъ

При этомъ опредѣленіи обязанностей князей, разумѣется, были приняты самыя дѣйствительныя мѣры къ тому чтобъ эти обязанности въ точности исполнялись, и вообще чтобъ князья соблюдали самую строгую подчиненность сѣоуну. Мѣры эти состояли въ слѣдующемъ: 1) у князей, по возможности, обрѣзаны лены, такъ что особенно большихъ и сильныхъ вассаловъ, всегда опасныхъ для центральной власти, не стало; 2) лены всѣхъ прежнихъ князей (названныхъ *тосама-ивъшій*, то-есть не принадлежащій къ дому Токугава) окружены ленами новыхъ (фудай—домашній), возведенныхъ въ княжеское достоинство изъ потомственныхъ слугъ Іеясу, ознаменовавшихъ себя заслугами и преданностію его дому; 3) всѣмъ князьямъ вмѣнено въ непрѣвныи долгъ всегда содержать въ сѣоунской столицѣ заложника, которымъ должно было быть лицо дорогое для князя, то-есть сынъ его, или другой ближайшій родственникъ. Впрочемъ, Іеясу продолжалъ еще оказывать князьямъ-тосама нѣкоторые знаки особеннаго вниманія; при пріѣздѣ ихъ въ столицу, напримеръ, онъ выѣзжалъ за городъ на встрѣчу имъ; при дворѣ всегда отличалъ ихъ отъ фудайевъ: это была позолота пилули, очень горькой.

Устанавливая свои отношенія къ князьямъ, Іеясу въ то же время преобразовалъ государственное управленіе, стянувъ весьма искусно всѣ нити административной сѣти въ однѣ руки сѣогуна. Онъ умеръ 75 лѣтъ (въ 1616 г.), счастливый тѣмъ что успѣлъ самъ окончить государственное устройство такъ какъ желалъ. Его сынъ, Хидетада, долгое время бывший дѣятельнымъ участникомъ во всѣхъ его военныхъ и административныхъ предпріятіяхъ и давно уже носившій титулъ сѣогуна, какъ нельзя лучше поналъ планы отца и, по смерти его, ни въ чемъ не отступалъ отъ нихъ. Сынъ Хидетада, Іемицу, выросъ также на глазахъ Іеясу и особенно радовалъ его богатыми умственными способностями и геройскимъ духомъ. Въ осаду Оосака, еще ребенкомъ, онъ уже рвался въ сраженіе и плакалъ что дѣдъ не пускаетъ его.

— Вамъ всего четырнадцать лѣтъ, еще будетъ время отличиться, замѣтилъ ему одинъ изъ приближенныхъ Іеясу.

читатели, похожи ли эти правила на договоръ между двумя свободными сторонами.

— Но четырнадцать лѣтъ развѣ мнѣ будетъ опять? обидчиво возразилъ Іемицу, не переставая плакать.

— Это одно твое слово лучше всякаго военнаго отличія, замятилъ ему съ улыбкой дѣдъ, довольный какъ нельзя болѣе и порывомъ храбрости, и находчивостію своего внука-ребенка.

Заступивъ мѣсто отца, Іемицу вполне выказалъ и свой геройскій духъ, и свой умъ, и довершилъ подчиненіе тосама сёогуна, отнявъ у нихъ и послѣднія ничтожныя привилегіи и знаки превосходства предъ фудаями. При самомъ вступленіи на престолъ, онъ созвалъ всѣхъ тосама и произнесъ имъ слѣдующую рѣчь: „Мой дѣдъ былъ такой же князь какъ вы, но вашею помощію подчинилъ себѣ государство; поэтому онъ обращался съ вами почтительно и отнюдь не смѣшивалъ васъ съ фудаями. Что же касается меня, то я съ самыхъ пеленокъ повелитель имперіи, и этимъ отличаюсь отъ моего дѣда. Теперь я вступилъ на престолъ, но права мои по отношенію къ разнымъ лицамъ неодинаковы: это не хорошо. Отнынѣ я уравниваю васъ во всемъ съ фудаями. Кому это не нравится, тотъ пусть отправится въ свое княжество. Даю три года сроку: пусть каждый зрѣло обдумаетъ и рѣшитъ, подчиниться мнѣ, или не подчиниться.“ Князья тутъ же единогласно отвѣчали увѣреніемъ въ самомъ безусловномъ подчиненіи, послѣ чего Іемицу, чтобъ еще болѣе произвести на нихъ впечатлѣніе, удалился изъ тронной залы въ одинъ изъ внутреннихъ покоевъ, одѣлся по-домашнему, потребовалъ связку сабель, и вызывая князей одного за другимъ, подарилъ имъ изъ собственныхъ рукъ по саблѣ, причемъ совѣтовалъ каждому вынуть клинокъ изъ ноженъ и испытать его качество. Князья должны были одѣннуть отвагу сёогуна, только что оскорбившаго ихъ и тутъ же оставшагося съ глазу на глазъ съ каждымъ изъ нихъ, давая обнаженную саблю въ руки. При Іемицу же окончательно установился обычай, обратившійся скоро въ обязательство для князей, постоянно пребывать въ Едо. Началомъ этого обычая послужило указанное выше обязательство князей давать сёогуна заложника. Еще при жизни Іеясу одинъ князь, въ угоду ему, предложилъ представить въ Едо, въ залогъ своей вѣрности, все свое семейство. Когда же Іеясу выразилъ ему за это свое величайшее удовольствіе и одобреніе, тогда за этимъ княземъ потянулись и другіе, за семей-

отвами стали и сами селиться въ Едо. Кончилось тѣмъ что Иемицу велѣлъ вѣсть князьямъ безъ исключенія навсегда поселиться въ Едо, и это было приведено въ исполненіе въ такомъ буквальномъ смыслѣ что даже въ свой загородный домъ, за чертою Едо, князь уже не смѣлъ выѣхать безъ разрѣшенія сѣюгуна. Каждые два-три года князю позволялось на нѣсколько мѣсяцевъ отлучиться въ свои владѣнія, но безъ семейства, которое безвыѣздно жило въ Едо; отпуски князей распредѣляемы были такъ что два сосѣдніе по своимъ владѣніямъ князя никогда не отправлялись домой разомъ.

Послѣ Иемицу только одинъ сѣюгунъ, Иосимуне, царствовавшій съ 1716 по 1745 годъ, подражалъ доблестямъ своихъ славныхъ родоначальниковъ. Всѣ прочіе сѣюгуны династіи Токугава были не лучше Асикага. Но удѣльные князья, скученные въ Едо и опутанные многосложными обязательствами, никогда не выходили и не могли выйти изъ предѣловъ самаго строгаго повиновенія имъ. Распущеніе князей изъ Едо, случившееся семь лѣтъ тому назадъ, было началомъ революціи, приведшей въ прошломъ году къ паденію династіи Токугава и къ ниспроверженію сѣюгунскаго престола. Но ходъ этой революціи долженъ быть предметомъ особой статьи.

Перомонахъ НИКОЛАЙ.

РОССІЯ И СЕРБІЯ

ПРЕДЪ ПОСЛѢДНЕЮ ВОСТОЧНОЮ ВОЙНОЮ

Россия и Сербія.—Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 годъ. Соч. Н. Попова. Москва, 1869 г.

Книга г. Попова появилась какъ нельзя болѣе кстати въ настоящее время. До 1856 года лишь немногіе избранные кружки нашего общества слѣдили заботливо за судьбой христіанскихъ племенъ Оттоманской имперіи, но столь печальное равнодушіе, объясняющееся главнымъ образомъ отсутствіемъ самыхъ необходимыхъ свѣдѣній, замѣтно исчезаетъ на нашихъ глазахъ. Участіе къ родственнымъ намъ по вѣрѣ и происхожденію народностямъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Мы живо отзываемся на удручающія ихъ невзгоды; подъ вліяніемъ этого настроенія и политика нашего правительства усваиваетъ себѣ болѣе національный характеръ. Но прочность и неизмѣнность этого направленія зависитъ, конечно, прежде всего отъ степени его сознательности. Можно ли однако считать его вполнѣ сознательнымъ, если современная исторія восточныхъ христіанъ, успѣвшихъ и вырваться изъ-подъ ненавистнаго имъ ига, и положить основы своего внутренняго устройства при дѣятельномъ участіи Россіи, будетъ намъ знакома лишь въ весьма неясныхъ и туманныхъ очертаніяхъ? Гдѣ найдемъ мы мѣрило для оцѣнки теперешнихъ стремленій нашихъ соплеменниковъ, а также того образа дѣйствій котораго должно держаться относительно ихъ наше отечество? Для утвержденія

нашей съ ними связи, намъ необходимо, конечно, близко узнать ихъ, а что можетъ лучше способствовать уясненію характера и потребностей всякаго народа какъ не основательное знакомство съ его прошедшимъ? Вотъ этого-то главнаго условія и не доставало намъ до сихъ поръ. Никакое другое государство не находилось въ столь тѣсныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ восточными христіанами какъ наше, а между тѣмъ Западная Европа, которую мы упрекаемъ въ надменномъ и презрительномъ къ нимъ равнодушіи, значительно опередила насъ въ знакомствѣ съ ними. Мы находимъ недостаточнымъ или пристрастнымъ бѣольшую часть того что выходитъ изъ-подъ пера заграничныхъ историковъ и публицистовъ, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно что на Западѣ существуетъ обширная литература, изъ которой тамошняя публика можетъ черпать свѣдѣнія о народностяхъ выдерживавшихъ въ текущемъ столѣтіи упорную борьбу съ Турціей: что же касается до насъ, то мы не имѣемъ на русскомъ языкѣ ни одного сколько-нибудь основательнаго сочиненія о современной Греціи; исторія Молдавіи и Валахіи знакома намъ по весьма почтенному, но далеко неполному труду г. Палаузова, а руководствомъ для изученія Сербіи служилъ доселѣ переводъ извѣстной книги Ранке, — книги превосходной, отличающейся рѣдкимъ мастерствомъ изложенія, но написанной иностранцемъ, который не считалъ нужнымъ распространяться объ участи Россіи въ судьбахъ Сербскаго народа. Таково наше богатство. Основываясь на этомъ явленіи, многіе спѣшили, при каждомъ удобномъ случаѣ, съ какимъ-то злорадствомъ выразить сомнѣніе въ самой искренности и глубинѣ того сочувствія которое русское общество обнаруживаетъ нынѣ къ своимъ собратьямъ: намъ приходилось выслушивать ядовитые намеки, что всѣ эти симпатіи — дѣло напускное, что онѣ навѣяны модой, не пустили никакихъ глубокихъ корней, и въ подтвержденіе приводилось, что и въ литературѣ не породили онѣ еще ни одного самостоятельнаго и капитальнаго труда, который свидѣтельствовалъ бы о томъ что ученые наши не намѣрены довольствоваться пустымъ словоизверженіемъ..... Но Римъ былъ построенъ не въ одинъ день, гласитъ народное изреченіе. Не вдругъ, конечно, и русская литература, которой такъ долго воспрещено было касаться политическихъ вопросовъ, обогатится цѣлымъ отдѣломъ недостававшихъ ей произведеній, но настоящая

въ нихъ потребность уже сознается, и уже принимаются мѣры удовлетворить этой потребности, доказательствомъ чему служитъ весьма замѣчательный трудъ находящійся теперь предъ нами.

Г. Поповъ избралъ для своей книги скромное названіе „очерка“ русскаго покровительства Сербіи, но относительно обилія и полноты собранныхъ имъ свѣдѣній, обширный его трудъ удовлетворитъ самымъ взыскательнымъ требованіямъ. Авторъ самъ посѣтилъ сербскія земли, вступалъ въ личныя сношенія со многими изъ дѣятелей описываемаго имъ времени, находящихся еще въ живыхъ, пользовался ихъ указаніями, перепиской и мемуарами, собралъ нѣсколько важныхъ документовъ, остававшихся вовсе неизвѣстными, и если между этими документами менѣе всего такихъ которые могли бы служить къ уясненію дипломатической дѣятельности русскаго правительства, то вина лежитъ, конечно, не на авторѣ. Картина возрожденія Сербіи, тѣхъ многочисленныхъ затрудненій которыя встрѣтила она съ самаго начала на своемъ пути, и отношеній ея къ покровительствующей державѣ, живо рисуется теперь предъ нами, хотя мы и не можемъ сказать чтобы все въ ней представлялось для насъ одинаково яснымъ: намъ кажется, — и мы объяснимъ подробнѣе свою мысль, — что авторъ не со всѣхъ сторонъ отгвѣнилъ эту картину надлежащимъ образомъ.

Въ книгѣ г. Попова съ особенною подробностью изложенъ обширный періодъ отъ Адрианопольскаго мира до возстановленія въ 1859 году на сербскомъ престолѣ Милоша Обреновича. Періодъ этотъ крайне интересенъ и поучителенъ для насъ, ибо тутъ русскому правительству приходилось опредѣлить свои отношенія къ христіанскимъ народностямъ, впервые возрождавшимся, послѣ долгаго гнета, къ болѣе или менѣе самостоятельному политическому существованію. Греція (хотя далеко не во всѣхъ своихъ предѣлахъ) приобрѣла полную независимость; для Сербіи и Румынскихъ княжествъ начиналась новая жизнь; послѣ продолжительной и геройской борьбы, въ которой Россія помогала своимъ единовѣрцамъ не совѣтами только, но и оружіемъ, она заставила Порту признать торжественно ихъ права. Каковъ же долженствовалъ быть дальнѣйшій ея образъ дѣйствій относительно тѣхъ изъ названныхъ нами областей на которыя простиралось ея исключительное покровительство?

Если вспомнимъ что силы ихъ были еще очень слабы, что имъ предстояло преодолѣть важныя препятствія на пути своего новаго устройства, что прежній ненавистный властелинъ все еще держалъ ихъ въ зависимости отъ себя, то задача русскаго правительства опредѣлялась, повидимому, очень просто: оно достойнымъ образомъ выполнило бы свое назначеніе, еслибы дало имъ возможность окрѣпить и бдительно ограждало ихъ отъ всякихъ непріязненныхъ покушеній на ихъ права и свободу. Иначе зачѣмъ же было намъ проливать за нихъ свою кровь, и могли ли бы мы когда-нибудь на нихъ опереться, если не суждено было имъ самимъ стать твердо на ноги? Г. Поповъ замѣчаетъ вполне справедливо что Россія много выиграла бы посвятивъ всѣ свои заботы постепенному освобожденію различныхъ христіанскихъ народностей. „Вотъ эта-то послѣдняя задача, говоритъ онъ, и могла бы быть достойнымъ предметомъ русской политики, которая, избавившись съ одной стороны отъ исполнскихъ плановъ, съ другой шла бы къ той же цѣли, но по частямъ и постепенно, не возбуждая противъ себя такой всеобщей зависти какую вызвала рѣшая великіе вопросы: восточный, славянскій, и подчиняя имъ вопросы частныя: сербскій, черногорскій, болгарскій. Уже полное освобожденіе однихъ Сербовъ полагало бы прочныя основы и для рѣшенія всего славянскаго и христіанскаго вопроса.“ Къ сожалѣнію, мы видимъ что эта, повидимому скромная, но тѣмъ не менѣе богатая по своимъ послѣдствіямъ программа была оставлена совершенно въ сторонѣ нашимъ правительствомъ. Обратимся напримѣръ хоть къ Сербіи, послѣ того какъ возникло въ ней самостоятельное управленіе: что видимъ мы въ этой странѣ? Правительство наше прибѣгаетъ къ непрерывному вмѣшательству въ ея внутреннія дѣла, подчиняетъ своему строгому контролю всѣ явленія ея политической и гражданской жизни; различныя партіи ищутъ и находятъ въ немъ опору, и вслѣдствіе того княжеская власть не въ состояніи укрѣпиться; вмѣсто столь необходимаго единодушія, возникаютъ раздоры, представляющіе обширное поприще для происковъ западныхъ державъ; смуты и потрясенія въ Сербіи не прекращаются въ теченіи цѣлыхъ тридцати лѣтъ, и когда наконецъ гроза разыгралась на всемъ Востокѣ, Сербскій народъ оказывается безсильнымъ принести намъ какую-нибудь пользу. Мало того, нельзя отрицать что то сочувствіе, та

признательность, которая вначалѣ такъ неудержимо проявлялась въ немъ къ Россіи, уступаютъ отчасти мѣсто совершенно противоположнымъ чувствамъ.... Чѣмъ же объяснить подобное направленіе русской политики? Гдѣ искать разгадку ея странныхъ дѣйствій въ теченіи столь долгаго времени? По мнѣнію автора разбираемой нами книги, ошибка русскаго правительства заключалась въ томъ что оно стремилось къ разрѣшенію восточнаго вопроса во всемъ его объемѣ. Но восточный вопросъ, говоритъ онъ, „обнимаетъ собою множество мелкихъ и мѣстныхъ вопросовъ. Только при тщательномъ вниманіи къ этимъ мѣстнымъ интересамъ можетъ быть рѣшенъ и главный вопросъ. Слишкомъ громадный самъ по себѣ, онъ можетъ поглотить самыя отважныя, самыя обширныя силы, если будетъ обобщенъ. Связывать судьбу Сиріи съ судьбой Сербіи, Египта съ участіемъ Румынскихъ княжествъ, Герцеговины съ вопросомъ о Кандіи, значило бы добровольно тратить свои усилія на невозможное дѣло. Между тѣмъ до послѣдней Восточной войны такое обобщеніе всѣхъ мѣстныхъ интересовъ подъ видомъ одного восточнаго вопроса было въ большомъ ходу. Восточная война показала всю несостоятельность подобнаго воззрѣнія, и прежде чѣмъ мечтать объ освобожденіи всего Востока, пожелаемъ окончательнаго освобожденія Сербіи“.... Мысль эта кажется намъ справедливою, но допуская даже что русское правительство дѣйствительно преслѣдовало тѣ грандіозныя планы которые приписываетъ ему г. Поповъ, мы не въ состояніи уяснить себѣ вполне удовлетворительнымъ образомъ отношенія, въ которыя оно поставило себя къ Сербіи и Румынскимъ княжествамъ. Конечно, попытка разрѣшить восточный вопросъ разомъ и во всемъ его объемѣ—дѣло несбыточное и въ высшей степени опасное, но все-таки, еслибы политика наша проникнута была подобными замыслами, представляется непонятнымъ почему считала она нужнымъ держать упомянутыя нами сейчасъ области въ какомъ-то переходномъ положеніи, оказывавшемъ губельное вліяніе на ихъ внутреннее развитіе. Чѣмъ обширнѣе были планы Россіи, тѣмъ усерднѣе долженствовала она искать себѣ союзниковъ на Востокѣ, тѣмъ выгоднѣе было для нея способствовать благоустройству и полному освобожденію различныхъ христіанскихъ областей. Но преслѣдовать

широкія задачи и въ то же самое время относиться недо-
вѣрчиво къ племенамъ которыя привыкли возлагать на насъ
свои лучшія надежды и всегда послушно слѣдовать за нами,
это такого рода непослѣдовательность которая не можетъ
не поражать съ перваго взгляда. Вотъ почему объясненіе г.
Попова объясняетъ дѣло лишь на половину: Россія могла не
выполнить предположенныхъ ею цѣлей, но пораженіе постиг-
шее ее не было бы такъ сильно, еслибъ она въ благоустро-
енныхъ и вполнѣ окрѣпшихъ христіанскихъ областяхъ
успѣла приготовить себѣ надежныхъ союзниковъ. Глав-
ная ошибка заключалась, слѣдовательно, не въ томъ только
что русская политика задалась несоразмѣрными со своими
силами намѣреніями, а въ томъ пути которымъ она стре-
милась къ осуществленію этихъ намѣреній. Къ сожа-
лѣнію, авторъ разбираемой нами книги не счелъ нужнымъ—
и въ этомъ заключается одна изъ слабыхъ сторонъ его
труда — представить достаточно подробный общій очеркъ
дипломатической дѣятельности нашего правительства на
Востоки: еслибъ онъ сдѣлалъ это, то читателю вполнѣ уяс-
нилось бы что роль усвоенная Россіей относительно Сербіи,
Румынскихъ княжествъ и т. д. находилась въ тѣсной связи
съ общимъ направленіемъ нашей политики, что Россія дѣй-
ствовала на основаніи опредѣленнаго плана, которому оста-
валась одинаково вѣрна какъ въ Константинополѣ, Вѣнѣ
или Парижѣ, такъ и въ Бѣлградѣ, Букурештѣ и Яссахъ.
Въ основѣ этого плана лежали теоріи Священнаго Союза.
Русская политика обольщалась въ то время мыслью при-
готовить разрѣшеніе восточнаго вопроса путемъ, если
можно такъ выразиться, полюбовнаго соглашенія съ Евро-
пой. Она уже мечтала о томъ во время знаменитаго гре-
ческаго возстанія: несмотря на явное противорѣчіе между
нашими интересами и интересами другихъ державъ, Россія
заботливо старалась не отдѣлять себя отъ нихъ, дѣйствовать
съ ними заодно, въ надеждѣ что удастся привести вопросъ
къ одинаково для всѣхъ удовлетворительной развязкѣ. Ожи-
данія эти не сбылись, и въ 1828—29 годахъ намъ пришлось
взяться за оружіе. Но послѣ этого минутнаго проблеска
вполнѣ самостоятельнаго образа дѣйствій съ нашей стороны,
наступаетъ рѣзкій поворотъ къ прежней системѣ. Ревностно
дорожа сохраненіемъ порядка вещей существовавшего въ Ев-
ропѣ, Россія считаетъ долгомъ оберегать его и въ предѣлахъ

Оттоманской имперіи, опасаясь что всякое нарушеніе его тамъ поставило бы ее въ непріязненные отношенія къ державамъ, доброе согласіе съ которыми казалось настоятельно необходимыхъ для обезпеченія общаго мира и спокойствія. Она старается всѣми силами доказать и европейскимъ державамъ, и Портѣ что не питаетъ никакихъ завоевательныхъ замысловъ; послѣ Адрианопольскаго мира возникаютъ вдругъ въ настоящемъ смыслѣ слова дружественныя отношенія къ султану; Россія начинаетъ обнаруживать почти безпредѣльное великодушіе къ прежнему врагу, — великодушіе, дошедшее наконецъ до того что она является къ нему на помощь въ одну изъ самыхъ критическихъ минутъ его существованія. Но при всемъ этомъ она не можетъ освободиться отъ опасеній что смуты на Востокѣ въ состояніи возникнуть помимо ея воли, что полуосвободившіяся христіанскія народности будутъ стремиться къ полной независимости, что они подчинятъ своему вліянію единовѣрцевъ и соплеменниковъ своихъ, еще оставшихся подъ ненавистнымъ игомъ, и увлекутъ ихъ за собою въ борьбу: отсюда желаніе сдерживать эти народности, зорко слѣдить за всѣмъ что происходитъ въ ихъ предѣлахъ, примѣнять къ нимъ буквально постановленія трактатовъ и не допускать ничего такого что не согласовалось бы съ этими трактатами. Какихъ еще жертвъ могла бы требовать отъ насъ Европа? Но принося ихъ, русское правительство считало себя въ правѣ настаивать на томъ чтобъ и никакая другая держава не преслѣдовала на Востокѣ эгоистическихъ и корыстныхъ замысловъ. Оно стремилось утвердить свой наблюдательный постъ въ самомъ Константинополѣ, въ столицѣ прежняго врага, котораго хотѣла сдѣлать близкимъ своимъ союзникомъ и, осыпавъ доказательствами дружбы, подчинить его своему вліянію, руководить его дѣйствіями. Но вотъ этого-то послѣдняго притязанія и не простила намъ Европа. Всѣ дѣйствія русскаго правительства истолкованы были въ ненавистномъ смыслѣ: его упреками въ томъ что оно стремится поставить Турцію въ вассальныя къ себѣ отношенія и довести ее мало-по-малу до гибели; съ необыкновеннымъ мастерствомъ успѣли западныя державы противопоставить Россіи непреодолимыя препятствія на той самой почвѣ гдѣ она надѣялась познать блестящіе успѣхи; снова пробудили онѣ недовѣріе къ

намъ Порты; примирили въ значительной степени общественное мнѣніе Европы съ мусульманскимъ владычествомъ, побудивъ султана возвѣстить пышныя реформы, всегда долженствовавшія оставаться на бумагѣ, но которыя тѣмъ не менѣ производили эффектъ; наполнили Турцію толпами эмигрантовъ, цѣлымъ авангардомъ враговъ Россіи. Грозныя тучи надвигались, а между тѣмъ, вслѣдствіе неудачнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла, не вполне освободившихся христіанскихъ областей, Россія сдѣлалась невольною виновницей смутъ мѣшавшихъ имъ окрѣпнуть, упрочить свое благоустройство и окончательно сбросить съ себя зависимость отъ Порты, когда весь Востокъ огласился раскатами грома. Россія осталась въ одиночествѣ....

Вотъ почему кажется намъ что русская дипломатія дѣлала важную ошибку не въ томъ только что, по выраженію г. Попова, „втянулась въ восточный вопросъ во всемія его объемы“, а въ томъ что приступала къ разрѣшенію этого вопроса съ понятіями навѣянными извѣ и совершенно чуждыми ея интересамъ. Обильный запасъ фактовъ собранныхъ въ разбираемой нами книгѣ вполне подтверждаетъ справедливость этого замѣчанія.

Уже при заключеніи Адрианопольскаго мира, изъ уваженія къ Европѣ, изъ страха разрушить союзъ, въ которомъ правительство наше упорно хотѣло видѣть самую прочную гарантію для огражденія общаго спокойствія, оно далеко не воспользовалось благоприятными для него обстоятельствами. Угнетенныя народности были удерживаемы отъ участія въ войнѣ съ Турціей; ихъ требованія и желанія не были выслушаны вовсе; Сербія не достигла полной независимости, но все-таки, если для этой послѣдней страны не сдѣлано было всего чего слѣдовало желать, то она пріобрѣтала очень многое. Нельзя сомнѣваться что, еслибы предоставлена была ей затѣмъ полная свобода дѣйствій, то, подъ покровительствомъ Россіи, она сама могла бы довершить остальное. Во главѣ Сербовъ находился тогда преемникъ Георгія Чернаго, князь Милошъ. Вотъ какъ изображаетъ г. Поповъ эту замѣчательную личность:

„Роста средняго, онъ былъ склоненъ къ полнотѣ, что дѣлалось особенно замѣтно въ позднѣйшіе годы его жизни; цвѣтъ лица у него былъ бѣлый; нѣсколько лѣзливый

физически, Милошъ никогда не утомлялся умственно. Каждое предпріятіе, каждое новое положеніе, каждый неожиданно представившійся ему вопросъ, онъ любилъ обсуждать со всѣхъ сторонъ. Онъ болѣе довѣрялъ головѣ чѣмъ сердцу: болѣе различивалъ чѣмъ подчинялся минутному увлеченію; никогда не кидался въ опасность, развѣ только въ минуту крайней необходимости. Съ людьми имѣвшими силу и власть въ своихъ рукахъ былъ уклончивъ, всегда находчивъ и нерѣдко тонокъ въ обращеніи съ ними. Чего Кара-Георгій добивался силою, того Милошъ достигалъ лаской, лестью и въ-время оказанною уступчивостью. Онъ не былъ молчаливъ, напротивъ, любилъ поговорить, и путешественники, посѣщавшіе его домъ въ эпоху наибольшей его власти надъ Сербскимъ народомъ, отзывались съ похвалами объ его пріятномъ умѣ, его жизненной опытности, его искусствѣ различать людей. Бесѣда за столомъ Милоша отличалась необыкновеннымъ разнообразіемъ; тутъ перебирались не только всѣ дѣла Сербіи и Турціи, но нерѣдко дѣлались мѣткія замѣчанія о политикѣ Австріи, Россіи и другихъ державъ. Милошъ любилъ обнаруживать вышность, когда это было кстати, ибо зналъ что вышность имѣетъ сильное вліяніе на народъ; онъ любилъ собирать богатства, ибо зналъ что они дають силу и значеніе человѣку въ его положеніи. Изъ приближенныхъ его рѣдко кто могъ похвалиться что пользуется большимъ вліяніемъ на него или особымъ его довѣріемъ. Въ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ онъ былъ болѣе самостоятеленъ чѣмъ Кара-Георгій и не любилъ ни съ кѣмъ дѣлиться властью. Врагамъ не прощалъ ихъ замысловъ; приближеннымъ любилъ напоминать объ ихъ ошибкахъ. Онъ былъ болѣе друженъ съ женщинами чѣмъ Кара-Георгій, и хотя жена его Любица отличалась и красотой, и умственными и душевными качествами, словомъ, была ему парой, Милошъ часто измѣнялъ ей; число его любовныхъ было не малое. Это былъ типъ ловкаго Сербя, который удачно торговалъ, когда былъ только владѣльцемъ свиней и воловъ; который умѣлъ въ-время, въ самую опасную для Сербіи минуту, забыть о своихъ личныхъ выгодахъ, или, лучше сказать, сдѣлать ихъ съ выгодами народа; который всегда былъ въ уровень съ обстоятельствами, но рѣдко выше ихъ, и который, достигнувъ всѣхъ своихъ цѣлей, легко могъ обольститься своимъ положеніемъ и обмануть себя насчетъ своего значенія и даже народнаго расположенія къ нему“....

Милошъ не получилъ никакого образованія, не умѣлъ даже читать и писать, но въ зрѣлыхъ лѣтахъ жадно старался обогатить свой умъ различными свѣдѣніями, знакомился чрезъ другихъ съ замѣчательными произведеніями тогдашнихъ публицистовъ, любилъ окружать себя просвѣщенными людьми, и

богатая его память твердо усвоивала все что удавалось ему узнать: прислушиваясь къ сужденіямъ этого человѣка о европейскихъ государствахъ, ихъ исторіи, ихъ политическихъ и торговыхъ отношеніяхъ, многіе путешественники отказывались вѣрить его безграмотности. Милоша упрекали въ жестокосердіи, въ наклонности къ грубому, чисто-восточному произволу, и конечно, упреки эти были отчасти справедливы, но не слѣдуетъ забывать о средѣ въ которой проходила его дѣятельность. Какъ всегда бываетъ у народовъ стоящихъ еще на первой степени гражданскаго развитія, Сербы сохраняли въ своемъ характерѣ, наряду съ высокими качествами, поразительную дикость нравовъ; къ тому же они только что освободились отъ такого рабства, которое не могло не оказать на нихъ губительнаго вліянія; убійство считалось ни по чемъ, патриархальная расправа являлась дѣломъ весьма обыкновеннымъ и естественнымъ; не только въ мужчинахъ, но и въ женщинахъ поражаютъ насъ черты ничѣмъ не сдерживаемаго своеволія и распущенности. Вотъ, на примѣръ, одинъ изъ множества разказовъ которые находимъ мы въ книгѣ г. Попова:

„Княгиня Любица давно уже была въ разладѣ съ мужемъ, но умѣла владѣть собой и скрывала свое неудовольствіе на Милоша, поводовъ къ которому было много. Еще въ 1821 году Милошъ приблизилъ къ себѣ одну изъ служительницъ Любицы, Петрію. Пылкая Любица застрѣлила свою соперницу въ ту минуту когда та поправляла занавѣску у окна и стояла къ ней спиной. У княгини были уже приготовлены на такой случай верховые кони и спутники. Убивъ Петрію, она ускакала изъ Крагуевца...“

Общественная среда, въ которой зачастую происходили сцены такого рода, легко могла мириться съ произволомъ Милоша ради другихъ, высшихъ и благотворныхъ для страны соображеній. Сербія сбросила съ себя часть тяготѣвшаго надъ нею ига, но много еще испытаній оставалось преодолѣть ей въ борьбѣ съ вѣковымъ врагомъ, и успѣхъ могъ быть обезпеченъ только энергическимъ дѣйствіемъ единоличной власти, которая была бы въ состояніи обуздывать внутреннія несогласія и направлять всѣ силы къ достиженію завѣтной цѣли. Вотъ мысль никогда не покидавшая Сербовъ! Милошъ сдѣлался бы ненавистенъ народу въ томъ лишь случаѣ еслибъ измѣнилъ

своему главному призванію, еслибы пользовался властью исключительно для эгоистических цѣлей, но нѣтъ,—ни изъ чего не видно чтобы, при всей его алчности и наклонности къ деспотизму, были имъ упущены изъ виду драгоценнѣйшіе интересы страны. И намъ кажется что Милошъ былъ вполне искрененъ, когда, въ 1824 году, обратился къ народной скупщинѣ съ слѣдующими словами:

„Можетъ-быть, господа мои, есть много не разумѣющихъ прежнія и нынѣшнія обстоятельства времени, все приписывающихъ моему славолюбію и самовластію, и думающихъ что желаю имѣть въ своихъ рукахъ всю власть, что далеко отъ моихъ помысловъ. Я руководился иными побужденіями; читая или слушая что написано въ исторіи о нашихъ праотцахъ и другихъ народахъ, я замѣтилъ что рѣдко, или, лучше сказать, никогда не могло произойти добра, если какой-либо народъ, начинавшій подниматься изъ развалинъ, давалъ и дѣлалъ верховную власть между собой и между нѣсколькими лицами. Все тогда шло медленно, вопреки желаніямъ, и большею частью народъ возвращался въ прежнее состояніе, изъ котораго начиналъ выходить. О томъ намъ довольно свидѣтельствуетъ паденіе нашего бывшаго царства, которое сильный царь Стефанъ Душанъ раздѣлил между своими вельможами и воеводами, о чемъ наши люди и до сихъ поръ вспоминаютъ въ пѣсняхъ. Все это я непрестанно имѣю предъ собою, и по этимъ причинамъ, а не изъ жажды самовластія, стараюсь удержать все въ цѣлости...“

Милошъ не довольствовался тѣмъ положеніемъ которое создано было для Сербіи Адрианопольскимъ трактатомъ, а старался идти далѣе. Прежде всего озабочивали его судьбы княжеской власти. Если сильная княжеская власть считалась необходимою для страны, то слѣдовало дать ей прочныя основы, сдѣлать ее наследственной въ одномъ родѣ, чтобъ оградить Сербію отъ смутъ неизбежныхъ съ переменной престолонаслѣдія. Понятна великая важность подобнаго вопроса, и тѣмъ болѣе служить къ чести Милоша что онъ очень скоро успѣлъ разрѣшить его, благодаря своему искусному образу дѣйствій и той подкупности которою отличались министры султана. Одновременно съ тѣмъ едва не удалось ему достигнуть другаго успѣшнаго результата: въ султанскомъ хатти-шерифѣ 1830 года было сказано, что воеводы и турецкіе мусульмане останутся только въ укрѣпленных мѣстахъ, что мусульманамъ не принадлежащимъ къ турецкому

гарнизону воспрещается жить въ Сербіи, и на основаніи этого Сербамъ сильно хотѣлось удалить Турокъ изъ Бѣлграда, ибо въ рукахъ Сербовъ городъ этотъ могъ получить весьма важное торговое значеніе. Невозможно, кажется, отрицать что право было совершенно на ихъ сторонѣ. Укрѣпленія Бѣлграда были скрыты еще въ 1739 году, по окончаніи войны между Турціей и Австріей, и если въ текущемъ столѣтіи, во время борьбы за независимость, снова появились вокругъ города валъ и палисады, то это служило весьма плохимъ основаніемъ чтобы считать его крѣпостью. Сами Турки держались въ началѣ такого же мнѣнія, ибо они готовились уже добровольно продавать свое имущество, какъ вдругъ наущенія Австрійцевъ, упрямство намѣстника Гуссейна-паши и ошибка Милоша, который не кстатѣ поспешилъ и не хотѣлъ дать требуемой съ него взятки, сообщили совершенно иной поворотъ дѣлу. Возникъ споръ, и положено было предоставить его на рѣшеніе Русскаго императора, причемъ особенно знаменательно что мысль эта явилась впервые не у Сербовъ, а у самой Порты. Такимъ образомъ русскому правительству приходилось высказаться по одному изъ крайне важныхъ вопросовъ для Сербской націи,—и это въ ту самую пору когда Милошъ собственными усиліями достигъ наслѣдственности своей власти, помимо всякаго участія и вмѣшательства со стороны Россіи. Русское правительство подало голосъ въ пользу оставленія Турокъ въ Бѣлградѣ... Мы не можемъ не придавать важнаго значенія этому факту, ибо онъ показываетъ что уже тогда вполне опредѣлилась программа, которой правительство наше намѣревалось слѣдовать на Востокѣ, особенно если припомнимъ что не задолго предъ тѣмъ оно всѣми силами старалось облегчить Портѣ уплату военныхъ издержекъ, отказалось даже отъ значительной части выговоренной суммы, а въ послѣдствіи, вывода войска свои изъ Силистріи, оставило тамъ въ подарокъ султану болѣе 70 пушекъ и значительное количество снарядовъ всякаго рода. Рѣшеніе принятое нами не могло не произвести тяжкаго впечатлѣнія на Сербовъ. Они недоумѣвали какого рода побужденія могли руководить Россіей, ибо всякій изъ просвѣщенныхъ Сербовъ былъ твердо убѣжденъ въ справедливости мысли высказанной еще въ 1804 году митрополитомъ Стратиміровичемъ: „Такое о воздвиженіи новаго словеносербскаго государства понятіе столь живо представляется

моему уму и сердцу, такъ полезно Россійскому Императорскому дому, столь славно всему словенскому роду что никакой величайшій трудъ и никакое величайшее иждивеніе не можетъ быть для пріобрѣтенія того слѣшкомъ велико; но всякъ истинный, истиннаго словенскаго рода и ревности Россіянинъ и своего государя искренній любитель о существованіи того всѣми силами подвизатися бы долженствовалъ, которое существованіе въ нынѣшнія времена возможно быти кажется.“ Если такъ думали Сербы въ началѣ нынѣшняго вѣка, то еще болѣе убѣдились въ своей мысли послѣ услугъ оказанныхъ имъ Россіей. А теперь рождалось подозрѣніе что русское правительство къ самому важному изъ достигнутыхъ ими пріобрѣтеній—къ наследственности княжеской власти—относится далеко не доброжелательно....

Внутреннія смуты и волненія въ Сербіи возникаютъ съ той самой поры какъ возбужденъ былъ вопросъ о водвореніи въ этой странѣ правильнаго государственнаго устройства. Г. Поповъ съ замѣчательною подробностью изобразилъ всѣ перипетіи этой борьбы, усилія княжеской власти сохранить свое вліяніе, и происки различныхъ честолюбцевъ, въ высшей степени гибельные для Сербскаго народа,—но, повторимъ при этомъ сдѣланное нами выше замѣчаніе,—картина все-таки не рисуется достаточно живо предъ нашими глазами. Авторъ знакомитъ насъ съ предводителями враждебныхъ Милошу и его преемникамъ партій, объясняетъ ихъ замыслы и намѣренія, но за всѣмъ тѣмъ мы тщетно задаемъ себѣ вопросъ, почему эти вожди пріобрѣтали въ извѣстное время огромное вліяніе и такъ же скоро утрачивали его, что служило имъ опорой въ борьбѣ съ княжескою властью, и чѣмъ объясняются ихъ успѣхи, ибо несомнѣнно что успѣхъ оставался долго на ихъ сторонѣ. Вотъ почему Вучичъ, Петроніевичъ, Симичъ и др. являются для насъ какими-то загадочными личностями. Г. Поповъ старается, напримѣръ, увѣрить, что едва ли не до послѣдней минуты Милошъ пользовался сильными симпатіями народа, и между тѣмъ этотъ самый Милошъ спасается бѣгствомъ изъ отечества, не попытавшись обнаружить сколько-нибудь упорное противодѣйствіе своимъ врагамъ; при снѣгъ его Михаилъ народная скупщина выступаетъ съ формальнымъ обвинительнымъ актомъ противъ названныхъ нами сейчасъ интригановъ и принуждаетъ ихъ выселиться изъ Сербіи, но чрезъ самое короткое время

они возвращаются снова и тотчасъ же низвергаютъ Михаила, о которомъ г. Поповъ говоритъ что правленіе его менѣе всего могло назваться деспотическимъ и безразсуднымъ; новая скупщина не хочетъ и слышать о династіи Обреновичей, къ которой еще недавно народъ заявлялъ сочувствіе, и подчиняется совершенно вліянію Вучича и его друзей. Эти внезапные перевороты остаются далеко не истолкованными въ книгѣ г. Попова. Правда, онъ говоритъ въ предисловіи что не намѣревался писать внутреннюю исторію Сербіи, но намъ кажется что ему все-таки необходимо было коснуться ея съ надлежащею подробностью, дабы опредѣлить характеръ внѣшнихъ отношеній этой страны,—иначе исключительно дипломатическимъ вліяніемъ можно ошибочно приписать то чтò условливалось другими и болѣе глубокими причинами.

Но помимо этого замѣчанія, изъ книги г. Попова, изъ многочисленныхъ фактовъ собранныхъ имъ, мы выносимъ твердую увѣренность что партія противившаяся княжеской власти играла далеко не завидную роль. Она состояла изъ людей отличавшихся замѣчательными дарованіями, но для нравственной ихъ характеристики достаточно сказать что всѣ средства, казались имъ одинаково хорошими, лишь бы только достигнуть цѣли. Въ числѣ этихъ средствъ на первомъ планѣ стояли непрерывные доксы турецкому правительству: Милое Дьякъ, Протичъ, Вучичъ и въ послѣдствіи Гарашанинъ, всѣ эти люди, ратовавшіе будто бы за свободу и права Сербіи, ищутъ опоры — у кого же? У того самаго врага, въ борьбѣ съ которымъ Сербскій народъ пролилъ столько своей крови, и который все еще усиливался держать его въ порабощеніи! Такое отсутствіе патріотизма кладетъ неизгладимое пятно на вождей этой политической партіи, какими бы софизмами ни старались они оправдать свой образъ дѣйствій! Чтò же касается до ихъ цѣлей и стремленій, то вотъ какъ выражается по этому поводу г. Поповъ:

„Подобно тому какъ шведское государственное устройство служило примѣромъ въ прошломъ столѣтіи для честолюбивыхъ плановъ русокихъ временщиковъ, управлявшихъ дѣлами по смерти Петра II, такъ примѣръ Валахи возбуждалъ сербскихъ честолюбцевъ враждовавшихъ противъ Милоша. Исключительное положеніе аристократіи, господствовавшей въ этомъ придунайскомъ княжествѣ,

доходившее нерѣдко до смѣшнаго, кружило головы сербскимъ чиновникамъ, вышедшимъ изъ народной толпы. Значеніе румынскихъ бояръ представлялось въ привлекательномъ свѣтѣ бывшимъ сербскимъ князямъ, и они забывали что румынская аристократія не была чисто сербскаго происхожденія, а смѣшалась съ потомками фанариотовъ и развилась подъ вліяніемъ Турціи. Румынскіе порядки окончательно прельстили сербскихъ великашей, какъ ихъ называли въ народѣ, послѣ того какъ Стоянъ Симичь былъ отправленъ въ Букурештъ для принесенія поздравленій новому господарю Александру Гикъ.... Вернувшись въ Сербію, онъ уже инымъ языкомъ говорилъ о румынскихъ порядкахъ чѣмъ прежде: ему уже не казалось невыносимымъ положеніе крестьянъ въ Валахіи; онъ уже находилъ весьма естественнымъ что аристократія, владѣющая землею и всеми высшими должностями въ странѣ, пользуется такими привилегіями которыя ставятъ ее выше закона; онъ прямо говорилъ что феодальныя права были единственнымъ ручательствомъ за правильную и постоянную обработку земли крестьянами....“

Не забудемъ при этомъ что во время народной войны, когда страна вырывалась изъ рукъ ненавистнаго владычества, на ряду съ главнымъ вождемъ стояли другіе, почти равные ему по значенію и вліянію, и которые теперь, въ болѣе спокойное время, считали оскорбительнымъ подчиняться ему и вступили съ нимъ въ явное соперничество: явленіе весьма естественное, но въ Сербіи долженствовало оно породить сильныя невзгоды, ибо Сербія выполнила только половину своей задачи, и серьезныя опасности угрожали ей еще впереди. Мы полагаемъ однако что Милошъ, опираясь на здравый смыслъ своего народа, сумѣлъ бы отстранить ихъ, еслибы не встрѣтилъ на своемъ пути столь же недоброжелательныхъ ему постороннихъ вліяній. Правительство наше, сильно опасавшееся чтобы спокойствіе не было нарушено на Востокѣ, зорко слѣдило за сербскимъ княземъ, изъ боязни что онъ распространитъ свое вліяніе на старую Сербію, Боснію и Болгарію: „русскіе дипломаты не сознавали еще, весьма справедливо замѣчаетъ г. Поповъ, что независимая Сербія, но съ границами не установившимися, всегда способными къ расширенію, безъ опредѣленнаго уставомъ государственнаго устройства, но съ сильнымъ вліяніемъ князя на народъ и ближайшихъ ему соплеменниковъ, можетъ имѣть большую силу въ рѣшительную минуту чѣмъ Сербія закованная въ извѣстныя границы, подчиненная обязательному уставу и введенная въ извѣстныя международныя

отношенія“. Русской политикѣ казалось тогда несравненно пригоднѣе держать Милоша въ тѣсной зависимости отъ себя; уже отважная попытка его расширить права опредѣленные для него трактатами,—попытка увѣнчавшаяся пріобрѣтеніемъ имъ титула наследственнаго князя, — не могла похвалиться въ Петербургѣ. Теперь, когда въ самой Сербіи поднимала голову оппозиція, наступала, повидимому, благоприятная минута чтобъ обуздать его, и мы видимъ что русское правительство тотчасъ же взялось за этотъ предлогъ.

Вмѣшательство во внутреннія дѣла страны, въ которой народныя страсти не успѣли еще успокоиться послѣ недавнихъ потрясеній,—страны, съ большими затрудненіями переходившей отъ анархіи къ правильному устройству и порядку,—представлялось во всякомъ случаѣ дѣломъ крайне щекотливымъ, требовало большого знакомства съ характеромъ народа и положеніемъ различныхъ партій. Къ сожалѣнію, этого послѣдняго условія почти вовсе не доставало русскому правительству. Между тѣмъ какъ Австрія и Англія давно уже сочли необходимымъ назначить въ Бѣградъ своихъ консуловъ, русское правительство не имѣло еще тамъ, по не постижимымъ для насъ причинамъ, ни одного дипломатическаго агента: свѣдѣнія получаемыя имъ далеко не отличались вѣрностію; извѣдка только являлись отъ него въ Сербію разныя лица съ особыми порученіями, но опять-таки выборъ этихъ лицъ нельзя назвать удачнымъ, ибо всѣ они носили нерусскія фамиліи (Родофиникинъ, Бала, Недоба, Цукато, Оруркъ, Коцебу, баронъ Рюкманъ). Вотъ также одна изъ причинъ почему отношенія Россіи къ Сербіи приняли съ самаго начала весьма странный характеръ. Мы уже сказали что эти натянутыя отношенія вызваны были вопросомъ великой важности,—вопросомъ о государственномъ уставѣ для княжества. Самъ Милошъ приступалъ къ его рѣшенію крайне неохотно, ибо ему крайне не хотѣлось, конечно, создавать никакихъ ограниченій для своей власти, и если онъ, наконецъ, уступилъ, то вслѣдствіе непрерывной агитаціи его противниковъ-старѣйшихъ, обнаружившейся цѣлымъ рядомъ опасныхъ заговоровъ. Уставъ 1835 года, вышедшій изъ-подъ пера Давидовича, который менѣе всего былъ созданъ для роли законодателя, отличался немалыми противорѣчіями. Мы не станемъ разбирать его здѣсь подробно, но приведемъ лишь мнѣніе о немъ г. Попова:

„Сохраняя за княземъ право назначенія всѣхъ чиновниковъ, уставъ не позволялъ ему смѣнять или понижать ихъ безъ согласія державнаго совѣта, такъ что послѣдній всегда могъ сдѣлаться прибѣжищемъ, куда каждый чиновникъ могъ обращаться за защитой. У князя не было никакой административной власти, между тѣмъ какъ любой сельскій кметъ пользовался ею: для Сербовъ того времени это должно было казаться страннымъ. Вся правительственная дѣятельность погашена была державнымъ совѣтомъ, члены коего, не менѣе четырехъ человекъ, должны были постоянно находиться при князѣ и, при извѣстныхъ отношеніяхъ высшихъ чиновниковъ къ Милошу, могли сдѣлаться его постоянными обвинителями: они были несмѣняемы и подлежали только суду скупщины.... Можно было бы спросить, какой власти не получилъ державный совѣтъ? Въ лицѣ его членовъ соединялись власти законодательная, исполнительная и судебная: въ немъ были и министры и судьи, совѣтники и администраторы. Давидовичъ, ограничивая такимъ образомъ княжескую власть, руководился демократическими ученіями, которыхъ былъ большимъ поклонникомъ“....

Легко понять въ какой степени могъ сочувствовать Милошъ уставу такого рода, но гораздо труднѣе объяснить причины побудившія его такъ покорно и безпрепятственно ему подчиниться. Г. Поповъ рисуетъ намъ поразительную сцену происходившую на скупщинѣ въ Крагуевцѣ, когда многочисленныя толпы народа явно выражали свое озлобленіе противъ виновниковъ новаго государственнаго положенія, и главнымъ образомъ противъ Симича, и когда владѣтельный князь вынужденъ былъ явиться покровителемъ и защитникомъ злѣйшихъ своихъ враговъ:

„Толпа людей недовольныхъ Симичемъ приблизилась къ возвышенію гдѣ сидѣлъ Милошъ, окруженный близкими ему лицами, въ числѣ коихъ былъ и Симичь, и послышались слова произнесенныя Даниловичемъ: „хорошо, князь, но злодѣи чтѣ подлѣ тебя...“ Симичь поблѣднѣлъ, а Милошъ, внезапно отвлеченный отъ разговоровъ о поздкѣ въ Константинополь и услышавшій слова капитана, возвысилъ свой голосъ и покрылъ имъ рѣчь Даниловича, не покидая прежней темы разговоровъ. Ненавидѣвшіе Симича толпились около князя, пытались снова начать рѣчь, но Милошъ постоянно перебивалъ ихъ и взглядомъ давалъ знать чтобъ они замолчали. Сдержанное самимъ княземъ проявленіе народной ненависти къ заговорщикамъ, конечно, не уничтожило послѣдней, и она всегда могла пробудиться при первомъ же поводѣ къ тому“....

Итакъ, мы видимъ что лица вынудившія уставъ у владѣтельнаго князя должны трепетать за свою жизнь; народъ заявляетъ открыто свое сочувствіе къ князю, а князь все-таки принужденъ даровать то чего отъ него требуютъ: странныя противорѣчія, объясненія коихъ мы не находимъ въ разбираемой нами книгѣ. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно что Милошъ игралъ во всемъ этомъ чисто страдательную роль, а между тѣмъ исключительно на него обрушилось неудовольствіе русскаго правительства. Подъ вліяніемъ своего до крайности консервативнаго направленія и навѣтовъ Австріи, оно обвиняло Милоша въ потворствѣ демократическимъ тенденціямъ. Въ уставѣ было сказано что законъ о распредѣленіи народной дани не можетъ быть издаваемъ безъ одобренія народной скупщины, и что скупщина будетъ для того созываема ежегодно: не служило ли уже одно это опаснымъ нововведеніемъ? А затѣмъ установленіе національнаго флага и герба для Сербіи: не есть ли это новая попытка сдѣлать дальнѣйшій шагъ къ полной независимости? Въ Пожаревацѣ нарочно прибылъ баронъ Рикманъ съ цѣлію остановить Милоша на избранномъ имъ пути, и совѣщанія его съ Сербами до такой степени характеристичны что мы считаемъ необходимымъ выписать здѣсь слѣдующую страницу изъ разбираемой нами книги:

„Вотъ какъ описываетъ (говоритъ г. Поповъ) самъ Живановичъ, котораго Милошъ назначилъ для переговоровъ съ Рикманомъ, пребываніе русскаго агента въ Пожаревацѣ: „Баронъ потребовалъ отъ князя депутатовъ для конференціи, и депутатами назначены были: Ефремъ Обреновичъ, Оедоръ Гербесъ, Паунъ Яковичъ и я. Я просилъ у князя наставленій для этой конференціи, но онъ мнѣ отвѣчалъ что и самъ не знаетъ о чемъ хочетъ совѣщаться баронъ, а потому говорите какъ знаете. Баронъ осыпалъ насъ на этой конференціи живымъ огнемъ: зачѣмъ мы учинили такія постановленія, которыя никакъ не могутъ быть приняты для нашей земли; такія постановленія будто бы заимствованы Богъ знаетъ изъ какихъ чужестранныхъ теорій, республиканскихъ и тому подобнаго; и Высокая Порта, и покровительствующій дворъ весьма недовольны нашимъ такъ-называемымъ уставомъ; намъ же и не нужно было заводить ничего подобнаго, а слѣдовало остаться при старомъ; такими-то дѣйствіями разсвѣтаются революціонныя сѣмена, которыя не ведутъ къ добру, но государь императоръ прощаетъ всѣ наши январьскіе и февральскіе поступки, подъ условіемъ чтобы князь все что было написано въ февралѣ (то-есть уставъ) уничтожилъ. Мои товарищи не

„проговорили на это ни одного слова и все отмалчивались. Я начиналъ было кое-что говорить, но, не зная по-русски, останавливался. И на этомъ кончилась наша конференція. Возвращаясь въ канцелярію, мы всѣ были смущены, кромѣ Ефрема Обреновича, который, пришедши къ старѣйшинамъ какъ бы съ триумфа, изъяснилъ неслезанную радость что имѣлъ случай убѣдиться что сербскій дипломатъ, то-есть я, не знаетъ ничего на свѣтъ: хотъ бы одно слово! Будучи удивленъ такимъ неожиданнымъ заявленіемъ, я поглядѣлъ на старѣйшинъ, но они всѣ потупили взоры въ землю: на ихъ лицахъ замѣтны были смущеніе и печаль. Потомъ позвалъ меня Давидовичъ въ сторону и сталъ спрашивать что было. Я рассказалъ ему все. Тогда онъ спросилъ у меня отчего я не говорю съ барономъ по-нѣмецки, ибо баронъ самъ Нѣмецъ. Я отвѣчалъ ему что не смѣлъ, ибо полагалъ что Русскіе не имѣютъ большой охоты говорить съ Сербами по-нѣмецки, а къ тому же и всѣ мои товарищи не говорятъ по-нѣмецки, кромѣ Гербеса. Давидовичъ ободрилъ меня чтобы я свободно говорилъ съ барономъ по-нѣмецки, что и онъ такъ дѣлаетъ, когда встрѣчается съ какимъ-либо русскимъ Нѣмцемъ.“ Какъ ни кратко передаетъ Живановичъ разговоръ барона Рикмана съ сербскими депутатами, но нельзя не видѣть что рѣчи барона содержали въ себѣ сильное неодобреніе всего что сдѣлано было въ Сербіи въ январѣ и февралѣ 1835 года. Это еще болѣе видно изъ той передачи словъ Рикмана которую находимъ въ книгѣ Кюнибера. По свидѣтельству послѣдняго, писавшаго по разказами людей бывшихъ на свиданіи съ барономъ, послѣдній началъ съ упрека что Сербы, будучи подданными Порты и получивъ при содѣйствіи Россіи нѣкоторыя льготы, осмѣлились злоупотребить ими, сочиняя для себя уставы, какъ бы для свободнаго народа; что ихъ конституція заключаетъ въ себѣ революціонныя начала, противъ которыхъ Россія и Австрія всегда боролись, и что даже ни одна изъ великихъ націй не рѣшилась бы усвоить этихъ началъ для своихъ дѣйствій. Изъ этихъ словъ видно что русскіе дипломаты получили изъ Австріи преувеличенныя свѣдѣнія о либеральномъ характерѣ сербскаго устава, и что осужденіе Сербовъ въ этомъ случаѣ было со стороны Россіи новою жертвою такъ-называемому Священному Союзу.“

Милошъ тотчасъ же поспѣшилъ устранить мнимо-революціонный уставъ, просуществовавшій такимъ образомъ всего полтора мѣсяца. Уже этимъ самымъ представилъ онъ новое и весьма убѣдительное доказательство что вовсе не служилъ подборникомъ такого политическаго устройства княжества которое служило бы къ ограниченію его власти, — и еслибы правительство наше вооружалось только противъ опасныхъ ученій которыя, какъ казалось ему, проникли въ Сербію, то

могло считать себя вполне удовлетвореннымъ. Но у него была еще другая цѣль: оно считало необходимымъ ограничить вліяніе приобретенное Милошемъ и не выпускать его изъ-подъ своей опеки. Вотъ почему надо всѣми происходившими тогда переговорами господствуетъ какое-то странное недоразумѣніе: Милошъ противился уставу, а между тѣмъ на него обрушилось главнымъ образомъ неудовольствіе Россіи; настоящими виновниками устава были старѣйшины, а русская дипломатія оказывала имъ особенное вниманіе! Съ этими послѣдними пожелалъ видѣться баронъ Рикманъ предъ отъѣздомъ своимъ изъ Пожаревца: „выслушавъ ихъ всѣхъ,“ говорить г. Поповъ, —

„баронъ отвѣчалъ что они могутъ разчитывать на покровительство государя императора, пока останутся вѣрными своимъ обязанностямъ относительно Порты и Россіи, но если они шаршатъ ихъ, то императоръ не только отступится отъ нихъ, но и соединится съ Портою чтобы привести ихъ къ послушанію. Затѣмъ онъ коснулся недостатковъ въ сербскомъ правленіи, причемъ всѣ поняли что слова эти относились къ отсутствовавшему Милошу.... Съ нѣкоторыми изъ наиболѣе недовольныхъ Милошемъ баронъ Рикманъ имѣлъ еще нѣсколько свиданій до своего отъѣзда изъ Пожаревца, что Симичу и его друзьямъ внушило большія надежды на поддержку со стороны Россіи въ борьбѣ съ Милошемъ.“

Эти непонятныя съ перваго взгляда дѣйствія нашей дипломатіи объясняются для насъ слѣдующимъ образомъ: желая ограничить вліяніе и значеніе Милоша, она не хотѣла искать этихъ ограниченій въ такомъ порядкѣ вещей который имѣлъ бы что-либо общее съ конституціонными идеями того времени; вслѣдствіе того она стремилась противопоставить князю враждебныхъ ему старѣйшинъ, которые только и нуждались въ ея поддержкѣ для достиженія своихъ цѣлей; но русское правительство сильно ошибалось въ избранномъ имъ орудіи, не сознавало что это оружіе обоюдоострое, что люди искавшіе его покровительства преслѣдовали весьма эгоистическія цѣли и готовы были, смотря по обстоятельствамъ, также легко служить какъ и измѣнить ему. Возможно ли сомнѣваться въ томъ, если скажемъ, что именно въ описываемое нами время одинъ изъ корифеевъ партіи враждебной Милошу, Протичъ, послалъ въ Константинополь доносъ, въ которомъ утверждалъ что владѣтельный князь замышляетъ возстаніе, находится въ сношеніяхъ

съ правителями Египта и Албаніи, собираетъ значительные военные припасы, и что будто бы Сербы были бы рады увеличить платимую ими дань и передать Туркамъ управление всѣмъ Бѣлградомъ, еслибы только Порта лишила Милоша княжескаго достоинства.... Не служатъ ли подобныя происки самымъ краснорѣчивымъ приговоромъ надъ партией которая прибѣгала къ нимъ?

Событія, о которыхъ мы упомянули сейчасъ, не могли не охладить Милоша къ Россіи. Съ этой минуты начинается онъ обнаруживать относительно ея настроеніе, которое далеко нельзя назвать дружелюбнымъ: „Мы поклоняемся Россіи до земли, говорилъ онъ, за оказываемое ею намъ покровительство, но за всѣмъ тѣмъ не хотимъ чтобы Русскіе вмѣшивались въ наше правленіе....“ Но не въ одномъ только этомъ обнаружались печальныя послѣдствія того ошибочнаго направленія которое было избрано нашею дипломатіей: по справедливому замѣчанію автора разбираемой книги, она приносила важную жертву такъ-называемому Священному Союзу, руководилась не столько своими интересами, сколько отвлеченными теоріями консервативной политики, и между тѣмъ державы, которыя исключительно пользовались всѣми выгодами подобнаго образа дѣйствій съ нашей стороны, поспѣшили первыя воспользоваться сдѣланною нами ошибкой. Замѣчаніе это относится прежде всего къ Австріи. Побудивъ Россію устранить уставъ 1835 года, она избавлялась отъ опасности, которая могла серьезно угрожать ей, еслибы въ составѣ Сербскомъ княжествѣ возникло такое политическое устройство которое служило бы приманкой для подвластныхъ ей сербскихъ земель. Гроза эта не только была удалена, но посяганъ былъ раздоръ между Милошемъ и Россіей: какъ же было не воспользоваться столь счастливымъ обстоятельствомъ, какъ же не постараться усилить раздоръ еще болѣе и приобрести вліяніе на Сербію? И вотъ Вѣнскій дворъ начинаетъ ревностно заботиться о достиженіи своихъ цѣлей, оказываетъ необходимое вниманіе Милошу, официально признаетъ за нимъ титулъ свѣтлости и, предупредивъ русское правительство, назначаетъ своего консула въ Бѣлградъ.... Съ другой стороны и Англія тотчасъ же спохватилась что почва достаточно подготовлена для рѣшительнаго дѣйствія. Агентъ этой державы, Ходжесъ, спѣшитъ завязать тѣсныя сношенія между Милошемъ и англійскимъ

посланникомъ въ Константинополь, лордомъ Понсонби; онъ не скрываетъ что дѣло идетъ о замѣнѣ русскаго покровительства Сербіи коллективнымъ покровительствомъ западныхъ державъ, усиливается ободрить Милоша, увѣряя что тотъ не останется одинокъ, если только подчинится одному существенному и неизмѣнному условію: сохранить вѣрность обязанностямъ и отношеніямъ которыя связывали его съ Оттоманскою имперіей, и будетъ соблюдать интересы Порты какъ свои собственные и считать своими врагами всѣхъ кто посягаетъ на цѣлость или независимость этой имперіи.... Такимъ образомъ Бѣлградъ сдѣлался центромъ дипломатическихъ интересовъ всякаго рода. Въ то время какъ русское правительство стремилось утвердить свое вліяніе въ Константинополь и вначалѣ достигло даже на этомъ пути значительныхъ успѣховъ, европейскія державы вступали въ борьбу съ нимъ на той самой почвѣ которая служила единственною твердою опорой его силы и значенія на Востокъ....

Такъ какъ составленіе устава перестало быть самостоятельнымъ дѣломъ сербскаго правительства и народа, то нѣтъ ничего удивительнаго что въ скоромъ времени оно было перенесено въ Константинополь, гдѣ сосредоточивались всѣ вліянія отъ которыхъ зависѣли судьбы Оттоманской имперіи. Мысль эта принадлежала лорду Понсонби, надѣявшемуся убѣдить Порту что ея выгоды тѣсно связаны съ неограниченною властью сербскаго князя внутри подвластной ему страны. Милошъ не думалъ противиться, ибо совершенно былъ сбитъ съ толку настойчивыми требованіями Россіи, кознями своихъ враговъ и противорѣчащими совѣтами различныхъ консуловъ. „Придется сочинять уставъ не здѣсь, а въ Царѣградѣ, воскликнулъ онъ,—и тѣмъ лучше; тамъ овинъ и вѣтеръ, пускай же тамъ молотятъ и вѣютъ.“ Въ это время надежды его опирались главнымъ образомъ на англійское правительство, но надеждамъ такого рода не суждено было осуществиться. Лордъ Понсонби совершенно проигралъ дѣло; онъ не въ состояніи былъ побороть вліяніе русскаго посланника; между самими сербскими депутатами находились люди которые отнюдь не сочувствовали планамъ Англіи и питали непримиримую ненависть къ Милошу. Не трудно догадаться какимъ характеромъ долженъ былъ отащаться новый уставъ, составленный согласно видамъ двухъ дворовъ — владѣтельнаго и покровительствующаго. Г. Поповъ

говорить что уставъ этотъ „наносилъ послѣдній ударъ той власти которую привыкъ соединять въ своихъ рукахъ Милошъ въ продолженіи столькихъ лѣтъ“. Онъ предоставлялъ значительное преобладаніе совѣту, находившемуся при князѣ и состоявшему изъ враждебныхъ ему старѣйшихъ; члены этого совѣта были несмѣняемы, и никто кромѣ Порты не имѣлъ права судить ихъ за преступныя дѣйствія; уставъ рѣшительно отвергъ одно изъ важнѣйшихъ и вѣковыхъ учрежденій Сербіи — народную скупщину, и такимъ образомъ отнималъ у князя возможность апеллировать къ народу всякій разъ какъ возникали серьезныя столкновения между нимъ и его совѣтниками. При такомъ порядкѣ вещей, гдѣ было искать предѣловъ для власти совѣта? Что могло препятствовать непрерывному его вмѣшательству въ непринадлежавшую ему сферу дѣятельности? Отнынѣ рядомъ другъ съ другомъ стояли двѣ власти, князя и совѣта,—власти почти равныя, проникнутыя соперничествомъ и взаимнымъ недоувѣріемъ, и не было никакого посредствующаго учрежденія, которое могло бы ослаблять неизбежную коллизію; не естественно ли было ожидать что подобный порядокъ вещей обрекалъ Сербію на непрерывныя потрясенія и смуты? Россія осудила уставъ 1835 года какъ проникнутый демократическими началами, но развѣ искусственное созиданіе олигархіи было менѣе опасно для страны? Развѣ нравы и понятія Сербскаго народа въ состояніи были примириться съ олигархическимъ устройствомъ, при которомъ вся законодательная власть отдавалась въ руки 17 человекъ принадлежавшихъ къ рядамъ одной партіи?...

При такомъ положеніи дѣлъ случилось именно то что слѣдовало предвидѣть заранѣе. Членами совѣта назначены были почти исключительно враги Милоша, такъ-называемые „уставобранители“, между коими Вучичъ отличался особенною энергіей и способностями. Обнародованіе устава происходило 13го февраля 1839 года, а не далѣе какъ чрезъ три мѣсяца послѣ того наступилъ уже въ Сербіи отчаянный кризисъ. Между властью исполнительною и властью законодательною господствовалъ непримиримый антагонизмъ; взаимныя пререканія не прекращались ни на минуту; князь не соглашался на предложенія дѣлаемыя ему совѣтомъ, а совѣтъ, въ свою очередь, систематически отвергалъ всѣ мѣры предлагаемыя княземъ. „Настойчивость, говоритъ авторъ, съ

какою члены совѣта предлагали Милошу на чиновныя мѣста своихъ родственниковъ, друзей и приближенныхъ, ясно свидѣтельствовала что въ ихъ разчеты входили вовсе не интересы страны, но личныя выгоды.... Кромѣ того возбуждали они недовольныхъ прежнему правленіемъ къ подачѣ частныхъ жалобъ въ совѣтъ: отовсюду посыпались просьбы, въ которыхъ требовали обратно мельницъ, нивъ, луговъ, домовъ и другихъ недвижимыхъ имуществъ, отобранныхъ будто бы Милошемъ отъ разныхъ людей. Совѣтники вычитывали съ своей стороны всѣ подарки которые Милошъ когда-то переслалъ въ Константинополь.“ Это невыносимое положеніе дѣлъ породило наконецъ возстаніе солдатъ, втайнѣ подготовленное однимъ изъ членовъ фамиліи Обреновичей, Іованомъ, который постоянно находился въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ братомъ своимъ, господаремъ. Но возстаніе не удалось, и тогда Милошъ долженъ былъ убѣдиться что дѣло его окончательно проиграно. Вотъ какъ разказываетъ авторъ о послѣднихъ дняхъ его пребыванія въ Сербіи:

„Матвѣй Ненадовичъ и Лазарь Теодоровичъ посланы были склонять князя къ отреченію: они представили ему положеніе дѣлъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. 1го іюня Милошъ подписалъ отреченіе въ пользу старшаго сына своего Милана, лежавшаго уже на смертномъ одрѣ, и извѣщеніе о томъ на имя совѣта, всѣхъ начальниковъ, духовенства и цѣлаго народа Сербскаго. Акты же, за безграмотностью отца, подписалъ сынъ его Михаиль; онъ же приложилъ и печать княжескую. Милошъ отрекался подъ предлогомъ слабаго здоровья, изнуреннаго многолѣтними трудами подъятыми на пользу Сербскаго народа. „Я покидаю Сербію навсегда“, сказано было въ отреченіи, „и уношу съ собою въ сердце единственное утѣшеніе что оставляю ее обезпеченную правами и преимуществами, осѣненную сильнымъ покровительствомъ, въ мирѣ, порядкѣ, согласіи и довольствѣ.“ При чтеніи отреченія присутствовали по четыре депутата изъ каждаго округа, и прощаясь съ ними, Милошъ обнималъ ихъ. Но папа не хотѣлъ выпустить Милоша изъ Бѣлграда до полученія отвѣта изъ Константинополя. Милошъ отправилъ однако внизъ по Дунаю ладью со своими вещами и бумагами, но близъ Смедерева ее остановили, и отобрали хатти-шерифы и другіе акты. 3го іюня, не дожидаясь турецкаго позволенія, Милошъ сталъ готовиться къ отъезду. Митрополитъ, епископы, Петроніевичъ, Симиць, нѣкоторые изъ совѣтниковъ, Хаджиць, Лазаревичъ собрались въ его комнату. Милошъ ходилъ изъ угла въ уголъ, и проговора: „вотъ, братья, какая

„судьбина!“ вышелъ изъ дворца въ сопровожденіи всѣхъ ихъ и направился къ Савѣ, гдѣ, у таможи, ожидали его три ладьи. Идя къ берегу, Милошъ шутилъ со Стояномъ Симицеиъ: „Вотъ, Симиць, твоя жена въ Валахиі, а моя остается здѣсь, помѣняемся женами....“ За Милошемъ шелъ его младшій сынъ вмѣстѣ съ матерью. На берегу видѣлся Вучичъ, распорядившійся отправленіемъ бывшаго князя: въ переднюю и заднюю ладью помѣстилась вооруженная стража, въ среднюю дождень былъ съѣсть Милошъ съ сыномъ и совѣтникомъ Тесою. Вступивъ въ ладью, Милошъ обратился къ народу съ поклономъ и сказалъ: „Съ Богомъ, братья, оставайтесь здоровы.“ Княгиня, поцѣловавъ сына, громко зарыдала, приговаривая: „Увы, слава моя!“ а Вучичъ, крикнувъ на первую ладью: „легче“, бросилъ камень въ воду со словами: „когда этотъ камень вернется изъ Савы, тогда вернешься и ты.“ Ладью, уносившія Милоша, пустились внизъ по Дунаю прямо къ границамъ Валахиі, гдѣ онъ и вышелъ на берегъ въ Ново-Северинскомъ карантинѣ. Австрійскія пограничныя власти, *готовившія Милошу торжественную встрѣчу* и видѣвшія въ немъ залогъ будущихъ смуть въ Сербіи, еслибъ онъ очутился въ ихъ рукахъ, а также англійскій консулъ Ходжесъ, бывший тогда на минеральныхъ водахъ въ Мехадіи, дали диву, когда узнали что Милошъ уже въ Валахиі. Противники Милоша торжествовали побѣду; его отреченію радовались и въ Константинополѣ. Уже тогда бывшіе извѣстными два французскіе путешественника, Киприанъ Робертъ и Эдуардъ Тувенель, изъ коихъ первый былъ въ Бѣлградѣ во время отреченія Милоша, а второй проѣхалъ внизъ по Дунаю вслѣдъ за Милошемъ, приписывали паденіе сербскаго князя дипломатическимъ проискамъ русскаго консула....“

Итакъ Англія и Австрія готовились уже воспользоваться въ послѣдствіи Милошемъ какъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Въ Константинополѣ, съ другой стороны, радовались его отреченію. Быть-можетъ, Россія имѣла основательныя причины считать это послѣднее обстоятельство благоприятнымъ для себя; быть-можетъ, она надѣялась, въ тѣсномъ согласіи съ Портой, руководить дѣлами Сербіи согласно своимъ видамъ и намѣреніямъ? Посмотримъ, такъ ли это. Милошъ покинулъ свое отечество въ іюнь 1839 года, а чрезъ какихъ-нибудь четыре или пять мѣсяцевъ послѣ того совершилось въ Константинополѣ событіе произведшее чрезвычайный эффектъ во всей западной Европѣ: на берегу Босфора, при многочисленномъ стеченіи дипломатовъ, сановниковъ и высшаго духовенства, прочитанъ былъ хатти-шерифъ султана, возвѣщавшій о намѣреніи его выступить на путь цивилизаціи и прогресса. Решидъ-паша становился во главѣ оттоманскаго

правленія. „Знакомство съ французскою прессой, говоритъ одинъ изъ лучшихъ историковъ Турціи, г. Розенъ, пробудило въ немъ симпатію къ конституціоннымъ формамъ и парламентаризму; со свойственнымъ всѣмъ мусульманамъ неумѣиємъ отащити внѣшность отъ сущности дѣла, онъ ласкалъ себя надеждою что всякая, хотя бы только для вида сочиненная хартія, въ которой было бы обѣщано уважать гражданскія права подданныхъ и отмѣнить вопіющія злоупотребленія администраціи, дастъ возможность Портѣ занять мѣсто въ ряду либеральныхъ государствъ и облегчить ей союзъ съ Франціей и Англіей противъ надменнаго сѣвернаго сосѣда. Вопросъ заключался вовсе не въ томъ чтобы дѣйствительно создать какой-либо новый порядокъ вещей, а лишь чтобы блеснуть въ глазахъ публики манифестомъ, который съ трескомъ и громомъ возвѣстилъ бы новыя теоріи, будто бы усвоенныя на будущее время турецкимъ правительствомъ....“ Разчетъ Решидъ-паши оказался безошибочнымъ: разумѣется, ни онъ самъ, и никто изъ сколько-нибудь проникательныхъ людей въ Европѣ не вѣрилъ въ возможность возрожденія Турціи, но ему удалось ввести въ обманъ европейскую публику. Пародія парламента, созданнаго немного спустя въ Константинополѣ, кокетничанье съ венгерскими и польскими выходцами, все это было лишь послѣдствіемъ задуманной въ 1839 году программы; союзъ Порты съ западными державами не долженъ былъ уже удивлять никого; Порта видимо старалась сбросить съ себя вліяніе Россіи....

Но, быть-можетъ, русская дипломатія заняла твердое положеніе въ самой Сербіи? Можетъ-быть, она была въ состояніи разчитывать на партію, которая ставила себѣ въ великую заслугу уставъ 1839 года, хотя уставъ этотъ не произвелъ съ самаго начала ничего кромѣ смуты и низверженія съ престола законнаго князя? Мы не замедлимъ увидѣть въ какой мѣрѣ сбылись эти ожиданія. Несмотря на всѣ свои недостатки, Милошъ оказалъ огромныя услуги Сербіи. Недобросовѣстно было бы считать эгоистомъ человѣка, который не задумался стать во главѣ своего народа противъ ненавистнаго владычества, который произнесъ когда-то памятные слова: „Когда я убѣгу, непріятель захватитъ мою жену, старуху мать, ребенка и продастъ ихъ въ рабство; нельзя бѣжать отъ общаго гора!“ Патріотизмъ и ревностныя заботы о странѣ не покидали Милоша и на престолѣ; онъ

съ гордостью могъ указать на многое что сдѣлано было имъ для Сербіи: благодаря ему была признана наследственность княжеской власти; пограничныя таможни перешли въ завѣдываніе Сербовъ; выговорено для нихъ право имѣть агентовъ въ Румынскихъ княжествахъ; сербская церковь была освобождена отъ зависимыхъ отношеній къ цареградскому патриарху; расширены были предѣлы страны новыми округами; приступлено къ составленію гражданскихъ и уголовныхъ законовъ; учреждены лицей, Общество сербской словесности, школьный фондъ и т. д. Но русская дипломатія находила Милоша слишкомъ неподатливымъ, приписывала ему опасные замыслы и не сочла нужнымъ оказать ему ни малѣйшей поддержки среди критическихъ для него обстоятельствъ. Теперь приходилось ей имѣть дѣло уже не съ однимъ лицомъ, а съ цѣлою партіей. Мы знаемъ вѣчто о нравственныхъ побужденіяхъ этой партіи въ то время когда она не пользовалась еще властью, и если предположить даже (хотя мы не видимъ на чемъ могло бы быть основано подобное предположеніе) что г. Поповъ не вполнѣ справедливъ къ ней, достаточно половины приведенныхъ имъ фактовъ чтобы внушить весьма невыгодное о ней понятіе. Последующія событія, какъ увидимъ сейчасъ, выставляютъ ее въ еще болѣе непривлекательномъ свѣтѣ.

Старшій сынъ Милоша, Миланъ, провозглашенный его преемникомъ, умеръ чрезъ три недѣли послѣ отъѣзда отца и не имѣлъ никакого понятія о томъ что совершалось вокругъ него. По закону долженъ былъ теперь вступить на престолъ второй сынъ бывшаго князя, Михаилъ, находившійся въ Валахіи, но уставобранители прибѣгли ко всякимъ проускамъ чтобы противопоставить ему наследника знаменитаго Георгія Чернаго, Александра Карагеоргиевича. Уже по одному этому можно судить въ какой мѣрѣ принимали они къ сердцу самые дорогіе интересы своей страны. Такъ какъ наследственность княжеской власти признана была только въ пользу фамиліи Обреновичей, то съ возвышеніемъ новой династіи Сербія утрачивала приобретенное ею право, и было въ высшей степени сомнительно, удалось ли бы ей снова получить его при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Замыселъ уставобранителей не удался, но Порта, убѣдившись какъ мало дорожили люди стоявшіе во главѣ сербскаго правленія правами своего народа, тотчасъ же поспѣшила воспользоваться

этимъ благоприятнымъ для нея ходомъ дѣлъ. Юный Михаилъ утвержденъ былъ на престолѣ не въ качествѣ законнаго наследника Милоша, а какъ избранникъ совѣта и народа. Въ султанскомъ бератѣ сказано было: „по случаю послѣдовавшаго увольненія князя Милоша Обреновича, который былъ назначенъ въ прежнія времена отъ Порты княземъ Сербіи, и по случаю смерти старшаго его сына Милана, наследовавшаго ему по силѣ даннаго его отцу берата, и ради совершеннаго успокоенія жителей Сербскаго княжества, принадлежащаго къ числу областей нашей имперіи, объявитель сего, Михаилъ Обреновичъ, избранъ съ согласія всѣхъ членовъ совѣта и цѣлаго народа Сербскаго....“ Итакъ совѣтъ, если это льстило его честолюбію, могъ гордиться что получалъ голосъ при назначеніи князя, но Сербская нація отнюдь не имѣла причины радоваться тому. И дѣйствительно, такъ какъ Сербы отказались, повидимому, отъ одѣланной имъ уступки, то Порта вступала въ прежнія свои права; отнынѣ она могла даровать инвеституру „избранникамъ“ совѣта, или отказывать въ ней, и каждая перемѣна престоловасалѣдія представляла ей удобный предлогъ для вмѣшательства въ сербскія дѣла. Но этого мало. Не успѣвъ облечь властью Карагеоргіевича, уставобранители считали необходимымъ установить строгую опеку надъ новымъ княземъ изъ ненавистной имъ фамиліи Обреновичей, не выпускать его изъ своихъ рукъ, и вотъ мы видимъ что Порта назначаетъ постоянными совѣтниками при Михаилѣ двухъ вождей враждебной ему партіи, Вучича и Петроніевича,—нововведеніе небывалое и не имѣвшее для себя никакого законнаго основанія. „Порта, замѣчаетъ г. Поповъ, видимо рѣшилась ввести въ Сербію систему каймакамій, посредствомъ которой могла держать въ своихъ рукахъ цѣлую страну и князя ея. Русская дипломатія не возражала противъ того, ибо таковы были желанія и важнѣйшихъ старѣйшинъ Сербіи, называвшихъ себя уставобранителями, друзьями народа, первыми отчизколюбцами....“

Пришлось бы составить весьма невыгодное понятіе о Сербскомъ народѣ, еслибы подобный порядокъ вещей не возбудилъ наконецъ въ немъ негодованія. Негодованіе выразилось очень сильно. Тотчасъ по прибытіи въ страну князя Михаила, собралась вокругъ него многочисленная партія, рѣшившаяся ограждать его права отъ происковъ честолюбцевъ.

Отовсюду слышались голоса что съ паденіемъ Милоша, никогда не допускавшаго Турокъ до внимательства во внутренія распри Сербіи, погибла ея политическая независимость; иные громко требовали чтобы Милошъ былъ возвращенъ; другіе хотѣли усердно служить его сыну, но огромное большинство выражало твердое убѣжденіе что до тѣхъ поръ спокойствіе не водворится въ странѣ, пока уставохранители не будутъ удалены изъ нея. Этотъ взрывъ народныхъ страстей принялъ такой опасный характеръ что главнѣйшіе вожди ненавистной партіи, Вучичъ, Петровіевичъ, Стоянъ Симицъ, Стефановичъ, протоіерей Ненадовичъ, Илья Гарашанинъ и Лазаръ Теодоровичъ, вынуждены были укрыться въ Бѣлградской крѣпости. Смуты охватили всю Сербію. Русская дипломатія должна была убѣдиться что съ удаленіемъ Милоша положеніе дѣлъ принимало несравненно худшій оборотъ, что Сербская нація явно отвергала людей, въ которыхъ Россія надѣялась встрѣтить твердую опору для своего вліянія. Какъ же поступить она среди столь критическихъ обстоятельствъ? Окажетъ ли свое могучее покровительство партіи уставохранителей, которые только-что готовились торжествовать одержанную ими побѣду, когда вдругъ постигло ихъ неожиданное пораженіе? Энергическая попытка сдѣлана была въ этомъ смыслѣ. Въ Сербію прибылъ комиссаръ Порты, Муса-эффенди, который служилъ представителемъ воли какъ Константинопольскаго, такъ и С.-Петербургскаго дворовъ. Порученіе данное ему было сформулировано такимъ образомъ: 1) Порты, въ согласіи съ Россіей, рѣшила что князь Милошъ не можетъ возвратиться въ Сербію, и, кромѣ того, она употребитъ всѣ мѣры чтобы онъ никогда болѣе не могъ интриговать и нарушать миръ и порядокъ въ своемъ отечествѣ; 2) комиссаръ долженъ умирить сербскую смуту, все возвратитъ къ прежнему порядку и утвердить земскій уставъ, а еслибъ онъ не въ состояніи былъ этого исполнить, то Россія и Порты обязаны совокупными силами потушить волненіе; 3) виновники мятежа должны быть выданы и подвергнуты надлежащему взысканію; 4) комиссаръ, во всѣхъ вопросахъ касающихся благосостоянія земли и счастья Сербскаго народа, долженъ дѣйствовать съ согласія русскаго консула. Турецкій комиссаръ принялъ на себя роль судьи, по его настоянію созвана была въ Топчидерѣ скупщина, которой онъ предложилъ цѣлый рядъ заготовленныхъ имъ вопросовъ по поводу

происшедшихъ смуть, и такимъ образомъ обѣ стороны получили возможность высказаться вполнѣ: въ книгѣ г. Попова находимъ мы *in extenso* обвиненія представленныя народными депутатами и оправдательные отзывы уставобранителей. Читая ихъ, мы легко объясняемъ себѣ почему партія Вучича и Петровіевича возбудила столь сильное ожесточеніе противъ себя, почему члены скупщины заявили твердое намѣреніе не расходиться пока лица укрывшіяся въ крѣпости не будутъ изгнаны изъ страны, „ибо, сказано было въ представленіи комиссару, мы знаемъ что до тѣхъ поръ не можетъ быть мира и порядка въ нашемъ отечествѣ, пока хоть одинъ изъ этихъ семи будетъ дышать воздухомъ Сербіи....“ Возможно ли было идти наперекоръ этимъ народнымъ требованіямъ? Была ли возможность навязать правительству князя Михаила людей, съ которыми оно находилось въ открытой и непримиримой враждѣ? При всемъ желаніи, Мусаэффенди не въ состояніи былъ достигнуть этой цѣли, но, послѣ долгихъ переговоровъ, Порты, опять-таки въ согласіи съ Русскимъ дворомъ, объявила что признаетъ удалившихся въ крѣпость чиновниковъ „невинными“, и что если князь не хочетъ снова принять ихъ въ службу, то они должны отправиться вмѣстѣ съ комиссаромъ въ Константинополь. Такъ и случилось. Внутреннія волненія могли бы прекратиться совершенно, но русская дипломатія считала долгомъ великодушія отнюдь не покидать своихъ бывшихъ *protégés*: въ Сербію прибылъ уполномоченный Россіи, баронъ Ливенъ, съ порученіемъ уладить примиреніе между удалившимися уставобранителями и правительствомъ князя Михаила. Ему предстояло преодолѣть не мало препятствій, но все-таки посольство его увѣнчалось успѣхомъ. Вучичъ и его товарищи получили возможность возвратиться на весьма почетныхъ для нихъ условіяхъ, не вслѣдствіе даже амнистіи, ибо князю было замѣчено что амнистія была бы актомъ неумѣстнымъ, такъ какъ означенные люди удалились изъ Сербіи не по его власти и суду, и слѣдовательно не подлежали прощенію. Такимъ образомъ нельзя отрицать что возстановленіемъ своихъ правъ уставобранители обязаны были исключительно Россіи. Могла ли Россія сдѣлать для нихъ что-нибудь болѣе, и не имѣла ли она права разчитывать на ихъ полную признательность?

Но именно съ этой минуты обнаруживается рѣзкій пово-

ротъ въ ихъ образѣ дѣйствій. „Сторонники Вучича и Петроніевича, говоритъ г. Поповъ, ожидавшіе отъ барона Ливена болѣе настойчивыхъ требованій въ пользу безусловнаго возвращенія бѣглецовъ въ отечество, стали распускать слухи по Бѣлградѣ что русскіе агенты были подкуплены княземъ Михаиломъ.“ Слѣдуетъ думать что одно это обстоятельство не могло бы сдѣлать ихъ такими ожесточенными, непримиримыми врагами Россіи, какими мы видимъ ихъ въ послѣдствіи, но что вѣроятно существовали для того другія и болѣе важныя причины. Не даромъ уставобранители оставались нѣсколько мѣсяцевъ сряду въ Константинополь. Они имѣли тамъ возможность убѣдиться что согласіе, долгое время господствовавшее между Портой и Россіей, значительно поколебалось; турецкое правительство видимо выступило на тотъ путь который былъ предначертанъ для него Решидъ-пашой,—путь долженствовавшій привести въ послѣдствіи къ страшной катастрофѣ на Востокѣ, и уставобранителямъ предстояло тогда же сдѣлать выборъ. На одной сторонѣ была Porta, къ которой все болѣе и болѣе склонялись симпатіи западныхъ державъ; на другой—Россія, угрожаемая совершеннымъ одиночествомъ.... Колебаться было, кажется, невозможно, и уставобранители приняли рѣшеніе съ беззащитчивостью и динизмомъ какими отличались всѣ ихъ прежнія дѣйствія. Изъ приверженцевъ они являлись вдругъ обвинителями Россіи, прибѣгаютъ къ наглýmъ клеветамъ, не щадятъ даже собственной репутаціи чтобы повредить благодѣтельствувавшей имъ державѣ. „Вучичъ и Петроніевичъ, говоритъ авторъ, объявили Портѣ что Россія всегда побуждала Сербовъ, Болгарь, Герцеговинцевъ и Черногорцевъ къ возстанію противъ султана, съ цѣлію основать изъ ихъ земель одну славянскую державу подъ исключительнымъ вліяніемъ Россіи; она думала о томъ еще во времена Милоша, который, какъ увѣряли теперь уставобранители въ противность своимъ прежнимъ показаніямъ, былъ большимъ препятствіемъ тому по своему характеру; они даже говорили что, вмѣстѣ со своими подручниками, получая деньги въ Константинополь и Бѣлградѣ, сначала обѣщали содѣйствовать выполненію такихъ плановъ, но теперь, послѣ изгнанія ихъ изъ Сербіи, рѣшились повѣрить Портѣ эту тайну (!). Правда, они не могли представить никакихъ ясныхъ доказательствъ въ подтвержденіе своего

извѣта, не могли даже сообщить въ подробности планъ воз-
становленія славянской державы на сѣверѣ Балканскаго по-
луострова, но уже и такое показаніе ихъ было достаточно
чтобы возбудить подозрительность Порты....“ Вотъ какого
рода людямъ старалась Россія проложить путь въ Сербію:
вскорѣ они явились туда, но явились исполненные явнаго
недоброжелательства къ покровительствовавшей имъ доселѣ
державѣ, явились надежнымъ орудіемъ всякихъ козней и
интригъ направленныхъ противъ русскаго вліянія. Порта
имѣла полное право смѣло разчитывать на нихъ.

Пребываніе ихъ въ Сербіи отразилось тотчасъ же болѣе
чѣмъ когда-нибудь сильными смутами. Мы не станемъ раз-
казывать здѣсь подробно объ обширномъ заговорѣ, душою
коего былъ Вучичъ,—заговорѣ, который привелъ къ воору-
женному столкновенію между обѣими сторонами. Князь Ми-
хаилъ былъ разбитъ и удалился въ Земаинъ. Не можетъ не
показаться страннымъ что приверженцы уставобранителей
въ состояніи были нанести ему ударъ не темными своими
происками, а въ открытомъ полѣ. Нѣкоторые писатели
утверждаютъ что сынъ Милоша возбудилъ противъ себя не-
удовольствіе народа неудачными нововведеніями, къ кото-
рымъ прибѣгло его правительство, но г. Поповъ ничего
ровно не упоминаетъ о нихъ. „Обвинять Михаила въ деспоти-
змъ не было никакой возможности,“ восклицаетъ онъ,—
но въ такомъ случаѣ чѣмъ же объяснить его быстрое паде-
ніе? Ровно за два года предъ тѣмъ, на Топчидерской скуп-
щинѣ, депутаты заявляли единодушно что все зло происхо-
дитъ отъ Вучича и его сторонниковъ, а теперь этотъ же
самый Вучичъ пользовался, по словамъ автора, „громаднымъ
вліяніемъ на народъ, и почти одинъ (?) совершилъ все дѣло
изгнанія Обреновичей.“ Настроеніе народа измѣнилось
вдругъ, по совершенно необъяснимымъ для насъ причинамъ,
и самымъ радикальнымъ образомъ. Когда по изгнаніи Ми-
хаила собралась подъ Бѣлградомъ скупщина, то всѣмъ
руководилъ исключительно Вучичъ, не встрѣчавшій себѣ со-
перниковъ. „Мы собрались сегодня, говорилъ онъ, чтобы по-
совѣтоваться что намъ дѣлать? Князь нашъ Михаилъ въ
Земаинѣ, не позвать ли его назадъ?“ — „Не хотимъ, не хо-
тимъ!“ слышались крики. — „А почему, братья, не хотите?“
спрашивалъ Вучичъ. Крики усилились со всѣхъ сторонъ; нельзя
было разобрать отдѣльныхъ рѣчей; слышно было только:

„не хотимъ его, не хотимъ!“—Вучичъ, снова поднявъ руку и крикнувъ: „слышу, слышу!“ прервалъ народные крики, но все еще слышался глухой говоръ.... „Хорошо, сказалъ Вучичъ,—но у князя Михаила есть родные.“—„Есть, кричалъ народъ, но одинъ хуже другаго, и мы не хотимъ ихъ, не хотимъ никого изъ Обреновичей: худы къ намъ были, худы и останутся, пусть себѣ идутъ куда хотятъ....“ Подъ вліяніемъ этого настроенія единодушно былъ избранъ сынъ Георгія Чернаго, Александръ Карагеоргиевичъ. Если упоминаемъ что австрійскія власти еще задолго до этого дѣятельно сносились съ уставобранителями, что Порта тотчасъ же присоединилась къ совершенному ими дѣлу, то легко понять кому былъ особенно пріятенъ упомянутый выборъ. Въ бератѣ, присланномъ отъ султана, находились слѣдующія слова: „для того чтобъ угнетенія и всякая неправда были повсюду устраняемы, а царствовала бы только справедливость, вездѣ я поставилъ своихъ правителей. Между ними, дабы и Сербскій народъ, подданный мнѣ, пользовался спокойствіемъ въ полной мѣрѣ, назначилъ я ему прежде княземъ Михаила Обреновича. Но такъ какъ онъ заблагоразсудилъ поступать противно и моеи волѣ, и дарованнымъ тому народу правамъ и законамъ, то я нашелъ вынужденнымъ свергнуть его и лишить сего достоинства....“

Немного протекло времени послѣ паденія Милоша, а между тѣмъ какой рѣзкій переворотъ произошелъ въ отношеніяхъ Россіи къ Сербскому народу! Собственно въ Сербіи не могла она опереться ни на какую партію, австрійскія интриги свободно развивались тамъ, и авторъ имѣлъ полное право замѣтить что „покровительство, дипломатически утвержденное за Россіей, на практикѣ явно переходило къ Вѣнскому двору“. Порта обнаруживала далеко не доброжелательныя намъ намѣренія: она какъ бы совершенно забыла о томъ что ничего не могла предпринимать въ княжествѣ безъ вашего согласія, вполнѣ одобрила образъ дѣйствій противниковъ князя Михаила и поспѣшила утвердить избраніе новаго государя. Наконецъ самое это избраніе было слѣдствіемъ мятежа и находилось въ явномъ противорѣчьи съ консервативными принципами, которые русское правительство выставило главною и неизбежною основой своей политики. Что же оставалось ему предпринять среди столь критическихъ обстоятельствъ? Примириться съ совершившимся фактомъ?

Но это значило бы уже окончательно отказаться отъ всякаго вліянія на сербскія дѣла и развязать руки своимъ врагамъ. Протестовать во имя трактатовъ? Россія обладала достаточнымъ для того могуществомъ и избрала именно этотъ путь. Императоръ Николай отправилъ къ султану собственноручное письмо, въ которомъ заключались между прочимъ слѣдующія слова: „касательно основаній, по которымъ мое правительство будетъ поступать въ сихъ достойныхъ сожалѣнія обстоятельствахъ, я объявляю что никогда не намѣренъ входить въ сдѣлки съ мятежомъ и не признаю несправедливаго и незаконнаго порядка вещей, явившагося порожденіемъ мятежа. Кромѣ того, моя обязанность побуждаетъ меня строго хранить и содержать договоры, которые я, съ своей стороны, совѣстливо до сихъ поръ соблюдалъ.“ Смыслъ этихъ договоровъ былъ какъ нельзя болѣе ясенъ: они воспрещали Портѣ принимать какія-либо рѣшенія, касающіяся судьбы княжества, отдѣльно отъ Россіи, а потому С.-Петербургскій дворъ имѣлъ полное право требовать чтобъ избраніе Александра Карагеоргиевича было отмѣнено, и произведены новые выборы согласно установленнымъ правиламъ. Такъ какъ трудно было бы возражать что-нибудь противъ подобныхъ требованій, то они, какъ увидимъ сейчасъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ, но при всемъ томъ побѣда, одержанная Россіей, была вовсе не изъ числа тѣхъ которыя сколько-нибудь твердо упрочивали бы ея положеніе въ Сербіи. Она торжествовала на почвѣ формальнаго права, но вмѣстѣ съ тѣмъ давала сильное орудіе противъ себя своимъ противникамъ: вмѣстательство ея, вполнѣ законное и имѣвшее основаніе въ договорахъ, было истолковано въ смыслѣ самыхъ невыносимыхъ покушеній на свободу Сербской націи. Русская дипломатія, слышалось со всѣхъ сторонъ, недоброжелательствовала основателю династіи Обреновичей, а теперь возстаетъ противъ представителя новой династіи; она была главною виновницею устава 1839 года, и между тѣмъ отвергаетъ людей которые считали долгомъ ревностно поддерживать этотъ уставъ: не ясно ли что тайная цѣль всѣхъ ея желаній состоитъ въ томъ чтобы воспрепятствовать самостоятельному развитію Сербіи, поставить Сербію въ вассальныя къ себѣ отношенія? Вучичъ весьма искусно разыгрывалъ вариации на эту тему: „да нѣтъ же, нѣтъ, восклицалъ онъ съ пафосомъ, не успеетъ Россія сдѣлать

Сербскій народъ своими крестьянами и рабами, доколѣ я живъ и доколѣ существуютъ четыре европейскія силы....“ А четыре силы также не дремали. По крайней мѣрѣ одна изъ нихъ прибѣгала къ самымъ дѣятельнымъ кознямъ чтобы разжечь неудовольствіе противъ Россіи. „Совѣты, говоритъ нашъ авторъ, получались въ Бѣлградѣ отовсюду. Даже Меттернихъ посылалъ ихъ чрезъ тайнаго сербскаго агента въ Вѣнѣ, котораго рекомендовалъ Петроніевичу баронъ Гауеръ, и который получалъ отъ сербскаго правительства 500 гульденовъ въ годъ, но кромѣ того ему помогало вѣнское министерство. Меттернихъ совѣтовалъ сербскимъ правителямъ, въ случаѣ если Россія не отстанетъ отъ своихъ требованій, обратиться съ официальной нотой къ Портѣ, Австріи, Англии и Франціи и просить ихъ защиты, и указывалъ что при такихъ условіяхъ султанъ легко можетъ согласиться на признаніе Сербіи королевствомъ.“ Дѣло не дошло впрочемъ до разрыва и покончилось мирнымъ образомъ; Порта согласилась произвести вторичные выборы, но почему?—единственно по той причинѣ что нельзя было сомнѣваться въ избраніи того же самаго Александра Карагеоргиевича, который занялъ престолъ вслѣдствіе мятежа. Господствовавшая въ Сербіи партія рѣшилась эмергически противиться всякому другому назначенію. Члены совѣта постановили, въ тайномъ засѣданіи, собрать на всякій случай въ Бѣлградѣ 3.000 человекъ подъ начальствомъ Вучича (кромѣ войскъ, расположенныхъ въ Крагуевцѣ и другихъ мѣстахъ), и еслибы на скупщинѣ, на вопросъ кого хочетъ народъ провозгласить княземъ — Михаила или Александра, образовались двѣ партіи, то партія Александра долженствовала тотчасъ же стрѣлять въ приверженцевъ Михаила, не слушая ни царскихъ комиссаровъ и никого другаго. Всѣ эти приготовленія стали приводиться въ исполненіе на другой же день; уже въ бѣлградскихъ казармахъ и въ самомъ дворцѣ дѣлались патроны; уже всѣ пушки свезены были въ одно мѣсто.... Къ счастью, катастрофа была предотвращена именно тѣмъ обстоятельствомъ что Россія отнюдь не намѣревалась навязывать Сербамъ какое бы то ни было правительство. Она требовала только буквального соблюденія трактатовъ. Она хотѣла чтобы Порта не уклонялась отъ обязательствъ соединявшихъ ее съ Россіей.... И вотъ на Топчидерской скупщинѣ снова былъ избранъ сынъ Кара-Георгія. Въ это самое время русская дипломатія выступила съ другимъ

заявленіемъ, которое было опять-таки, какъ кажется намъ, важною ошибкой съ ея стороны. Она потребовала удаленія изъ княжества главныхъ виновниковъ недавняго мятежа — Вучича и Петроніевича. Къ чему была эта мѣра, какую пользу могло принести устраненіе названныхъ нами лицъ, когда созданный ими порядокъ вещей только что утвердился на прочныхъ основахъ? Не для того ли дѣлалось это чтобы дать имъ возможность прослыть невинными жертвами русскаго произвола, чтобы они могли унести съ собою сочувственныя заявленія Сербскаго народа? Скупщина тотчасъ же вопиовала имъ адресъ, въ которомъ между прочимъ говорилось слѣдующее: „Пусть же наши слезы будутъ свидѣтелями неограниченной любви и благодарности за ваши услуги и труды, которые вы принесли на пользу отечества. Что мы получили благотворный уставъ, пользуемся свободой и добрыми правами, за все это по большей части, и можетъ быть единственно, вамъ мы должны быть благодарны. И вы, трудившіеся для того чтобы безъ распроса и изслѣдованія ни одно дитя нельзя было взять изъ дому для наказанія, вы будете принуждены предъ нашими глазами удалиться изъ отечества и уйти въ чужую землю! Вы даровали намъ жизнь, а вамъ не будетъ дозволено жить здѣсь! И пусть бы все это послѣдовало намъ съ чьей-либо другой стороны, но не со стороны покровителя, отъ коего мы ожидали защиты нашихъ правъ и свободы противъ всякаго насилія.... Мы не перестанемъ возносить молитвы къ Богу о такой неправдѣ и обидѣ....“ Вучичъ и Петроніевичъ отправились въ Константинополь, гдѣ Порта назначила имъ отъ себя по 20,000 піастровъ ежемѣсячнаго содержанія. Но, по странной непосѣдовательности, примѣровъ которой не мало видимъ мы въ то время, русское правительство почти тотчасъ же согласилось снова разрѣшить имъ возвращеніе въ Сербію. Они не замедлили, конечно, воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ. „Громадныя толпы народа, говоритъ авторъ, цѣлыя сотни конныхъ кметовъ выходили на встрѣчу „защитникамъ народной свободы“, какъ называли тогда Вучича и Петроніевича. При въѣздѣ въ города ихъ встрѣчали звономъ колоколовъ, стрѣльбой изъ ружей и пушекъ, духовенство говорило привѣтственныя рѣчи; самъ князь выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу.... Въ Бѣлградѣ три дня праздновался ихъ пріѣздъ....“

Событія начала сороковыхъ годовъ, какъ легко убѣдиться

изъ представленнаго очерка, имѣли громадное значеніе. Въ описанное время русская дипломатія вполнѣ пожала плоды неудачнаго вмѣшательства своего во внутреннія дѣла Сербіи,—вмѣшательства, которое условливалось мотивами нѣсколько не соответствовавшими дѣйствительнымъ интересамъ нашего отечества. Европейская печать вопила тогда о корыстныхъ замыслахъ Россіи, объ ея надменномъ образѣ дѣйствій, объ униженіи которое нанесла она своимъ врагамъ, но для людей проникательныхъ дѣло представлялось совершенно въ иномъ свѣтѣ. Что касается честолюбивыхъ ея цѣлей, то не трудно было бы доказать что ихъ не существовало вовсе, а относительно побѣды будто бы одержанной нашею дипломатіей, не менѣе ясно что побѣда эта равнялась совершенному пораженію. Правда, Россія принудила Порту подчиниться своей волѣ, настояла на точномъ соблюденіи трактатовъ, показала свою силу недоброжелателямъ своимъ въ Сербіи, но что же затѣмъ? Прежніе поклонники русскаго вліянія въ княжествѣ считались теперь открытыми врагами русскихъ интересовъ, и люди эти держали всю власть въ своихъ рукахъ; Порта явно покровительствовала имъ; Австрія и остальные державы дѣйствовали заодно.... Россія же нигдѣ и ни въ комъ не встрѣчала союзниковъ и, кромѣ того, навлекла на себя нареканія, будто бы прогивилась свободѣ и правамъ Сербскаго народа.

Но и сама Сербія не имѣла причины радоваться новому порядку вещей возникшему въ ея предѣлахъ. Авторъ разбираемой нами книги нѣсколькими мѣткими чертами охарактеризовалъ этотъ порядокъ со всеми его гибельными послѣдствіями для будущаго судьбы страны:

„Въ Сербіи (говоритъ онъ) было новое правительство, пожертвовавшее многимъ для сохраненія устава или, вѣрнѣе сказать, 17й статьи его (касающейся привилегій членовъ съѣзда), но было ли оно лучше прежнихъ правительствъ? Отвѣчать не трудно. Милошъ, не бывшій безусловнымъ противникомъ устава, признавалъ его необходимость для Сербіи, и еще въ 1835 году издалъ уставъ который принять былъ народною скупщиной. Хотя и этотъ уставъ ограничивалъ власть князя, тѣмъ не менѣе Милошъ предложилъ его народу. А четыре года спустя, вслѣдствіе происковъ нѣсколькихъ старѣйшинъ и вмѣшательства трехъ сильныхъ державъ, Сербія данъ былъ новый уставъ, присланный изъ Константинополя, который уже не нуждася въ одобреніи скупщины, а былъ обнародованъ подъ стѣнами Бѣградской

крѣпости безъ всякихъ возраженій съ чьей бы то ни было стороны. Онъ дѣйствительно давалъ значительныя права и льготы, но не народу, а нѣсколькимъ старѣйшинамъ и всѣмъ чиновникамъ принадлежавшимъ къ ихъ партіи. Правда, покровительствовавшая Сербіи держава стала на сторону старѣйшинъ не безъ обмана съ ихъ стороны, но чрезъ то свѣдѣствіа отъ новаго порядка вещей установившагося въ княжествѣ не измѣнились. Воцарилась воля нѣсколькихъ людей, воля партіи. Оправдались слова Родофиникина, сказанныя имъ въ запискѣ о Сербіи, поданной главнокомандующему князю Прозоровскому: „въ семь краѣ чистое демократическое или аристократическое правленіе существовать не могутъ. Нуженъ князь. Быть ему избираемымъ, правда, отъкроется путь къ раздорамъ и подается поводъ по часту посягать на жизнь князя въ землѣ, гдѣ убитъ человекъ почитается весьма малымъ грѣхомъ.“ Уставобранители, хвалящіеся тѣмъ что избавили Сербію отъ тиранства Милоша, оказались нисколько не лучше своего врага; они явились бѣлыми разорителями народной казны чѣмъ Милошъ, ославленный ими на всю Европу, а будучи вождями партіи, они обнаружили большее пристрастіе въ дѣлствіяхъ чѣмъ свергнутый ими князь. Но этого мало. вмѣсто того чтобъ идти спокойнымъ путемъ въ дѣлѣ внутренняго развитія, Сербія испытала цѣлый рядъ потрясеній, опять-таки вслѣдствіе происковъ старѣйшинъ и невозможности для народа выражать свое участіе въ дѣлахъ страны прямо и постоянно. Въ замѣнъ того восторжествовавшая партія могла бы похвалиться своею законодательною и административною дѣятельностью, но и тутъ хвалиться было нечѣмъ. Надъ составленіемъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ трудились все тѣ же юристы которые были приглашены еще Милошемъ; къ тому же они, получивъ образованіе въ Австріи и будучи мало знакомы съ обычаями и отношеніями страны, составили свои кодексы по австрійскимъ образцамъ. Законодательная дѣятельность самого правительства: была отрывочна и по временамъ какъ будто прерывалась; эти перерывы соответствовали тѣмъ моментамъ, когда борьба партій усиливалась. Что касается народнаго образованія, то важнѣйшія учрежденія по этой отрасли были наслѣдованы еще отъ прежняго правительства; мы разумѣемъ лицей, Общество сербской словесности и школьный фондъ. Нѣкоторыя измѣненія въ уставѣ первыхъ двухъ свидѣтельствовали болѣе о желаніи уничтожить память о предшествовавшихъ правительствахъ чѣмъ о заботахъ относительно самихъ учреждений; а при основанномъ уже однажды школьномъ фондѣ и продолжавшихся народныхъ пожертвованіяхъ въ пользу его, народное образованіе подвигалось впередъ благодаря самому народу, открывавшему школы и читальни, а не правительству. Положеніе духовенства было определено еще Милошемъ. Состояніе войска было прежнее, да военная сила

оказывалась и ненужною притѣхъ подчиненныхъ отношеніяхъ въ которыхъ стояло сербское правительство не только къ самой Портѣ, но и къ ея представителю въ Бѣлградѣ, мѣстному пашѣ. При такихъ условіяхъ, могло ли сербское правительство дѣйствовать самостоятельно въ дѣлахъ внѣшнихъ? Могло ли рѣшиться на какой-либо важный шагъ внѣ своего княжества? Въ основѣ всей жизни лежали выгоды бюрократіи; народныя стремленія были вытѣснены побужденіями отдѣльныхъ партій; всѣ политическія надежды замѣнялись желаніемъ сохранить то что было доступно въ прежнія времена; мысль о будущемъ отброшена въ сторону. Словомъ, жизнь Сербскаго княжества вошла въ узкую колею мѣстныхъ интересовъ, отстранилась отъ остальныхъ частей Сербскаго народа. Сербское княжество мало-по-малу утрачивало право считаться дѣятельнымъ представителемъ цѣлой народности, къ составу коей принадлежало его населеніе....“

Въ такомъ положеніи очутилась Сербія наканунѣ великихъ событій, когда вопросы о правахъ народностей возбуждены были повсюду въ Европѣ съ неслыханною силой. Въ 1848 и 1849 годахъ Италія и Германія напрягали всѣ усилія къ достиженію единства, Мадыяры водрузили знамя своей политической независимости, наконецъ, подвластные Австріи соплеменники Сербскаго народа съ самоотверженіемъ бросились въ борьбу, съ которою было связано у нихъ столько надеждъ на славное будущее. Могла ли Сербія оставаться равнодушною къ этимъ знаменательнымъ событіямъ? Но съ другой стороны въ состояніи ли было правительство ея воспользоваться ими? Періодъ, о которомъ мы говоримъ, весьма обстоятельно и подробно изложенъ въ книгѣ г. Попова, и всякій долженъ согласиться что нѣтъ ничего невиданнѣ той роли которую разыгрывали тогда сербскіе правители. И самъ государь, и министры его были противъ внѣшательства въ венгерскія дѣла, ибо страшились что народное движеніе можетъ снова выдвинуть впередъ ненавистныхъ имъ Обреновичей. Ими руководили исключительно личные разчеты. „Малѣйшее сочувствіе къ политической свободѣ австрійскихъ Сербовъ“, замѣчаетъ авторъ, должно было повлечь за собою подобныя же стремленія и внутри княжества, гдѣ народъ слѣдилъ съ горячимъ участіемъ за дѣйствіями сѣверныхъ Сербовъ. Съ другой стороны, хотя уставобранители и обѣщали при самомъ вступленіи своемъ въ управленіе краемъ созывать ежегодно народную скупщину, но не исполняли этого обѣщанія; подчинивъ себѣ князя, они управляли

Сербіей неограниченно и не допускали народнаго участія ни въ политикѣ, ни въ администраціи. Они водворили въ княжествѣ именно тотъ порядокъ о которомъ такъ много мечталъ князь Меттернихъ, и противъ котораго возстали теперь европейскіе народы: въ общественной жизни все должно было подчиняться предписаніямъ властей: надъ всѣми проявленіями народнаго быта тяготеаа самая строгая бюрократическая система, перенесенная изъ Австріи....“ Австрійскіе Сербы проливали кровь въ борьбѣ съ давнишними своими притѣснителями—Мадырами; Мадыры опустошали ихъ области, предавая мученическимъ истязаніямъ и женщинъ, и дѣтей, а правительство Александра Карагеоргиевича спѣшило провозгласить свой нейтралитетъ. Совершенно противъ воли вынуждено было оно согласиться на сформированіе добровольныхъ ополченій, устремлявшихся за австрійскую границу. Словомъ, никогда еще фальшивое его положеніе не выражалось въ болѣе яркомъ свѣтѣ, а по прекращеніи борьбы наступаетъ попрежнему полное, безпрекословное подчиненіе Портѣ. Наряду съ нимъ недоброжелательство къ покровительствующей державѣ усиливается съ каждымъ днемъ: „Сербскіе правители, говоритъ нашъ авторъ, охотаѣе прежняго выслушивали теперь внушенія шедшія изъ австрійскаго, англійскаго и французскаго консульствъ, которыя старались распространять всѣми средствами мнѣнія, что Россія пользуется своимъ покровительствомъ надъ Сербіей только для подавленія самостоятельности Сербовъ, что она мѣшаетъ имъ образовать независимое государство и сама стремится къ завоеванію южныхъ Славянъ...“ Необходимо замѣтить при этомъ что точно такое же нерасположеніе къ намъ господствовало и въ Румынскихъ княжествахъ, и такимъ образомъ русской дипломатіи приходилось пожинать весьма горькіе плоды ошибочныхъ дѣйствій въ виду грозныхъ событій приготовлявшихся на Востокѣ.

Крымская война послужила естественною и неизбежною развязкой того что готовялось въ теченіи долгаго ряда лѣтъ. Соперничество наше съ европейскими державами неминуемо должно было привести къ столкновенію съ ними, но въ этой борьбѣ Россія лишена была содѣйствія тѣхъ силъ, въ тѣсномъ союзѣ съ которыми слѣдовало бы ей видѣть самую твердую опору своего преобладанія на Востокѣ. Христіанскія княжества, вмѣсто того чтобы достигнуть

внутренняго благоустройства, окрѣпить и изготавиться для всякихъ случайностей, были ослаблены неурядицами и раздорами партій; правительства ихъ относились съ недоверіемъ или недоброжелательствомъ къ нашему отечеству; народъ недоумѣвалъ между Россією, вовсе не думавшею призывать къ борьбѣ своихъ единовѣрцевъ, Портою, расточавшею имъ ласкательства, и европейскими державами, твердившими о властолюбивыхъ замыслахъ Россіи. Не было ничего такого что могло бы непосредственно одушевить славянскія племена; ни одна изъ враждующихъ сторонъ не выставляла вопроса объ ихъ освобожденіи, не считала нужнымъ начертать на своемъ знамени права народностей. Русская дипломатія, по примѣру 1828 и 1829 годовъ, требовала и теперь отъ христіанскихъ подданныхъ султана спокойствія и сдержанности во время борьбы Россіи съ Турціей. Удивительно ли что противникамъ нашимъ удалось воспользоваться какъ нельзя лучше этимъ благопріятнымъ для нихъ положеніемъ дѣла? Для нихъ было особенно важно чтобы Сербія не принимала никакого участія въ совершавшихся тогда событіяхъ: видя что Сербскій народъ тѣтено ждетъ призыва со стороны Россіи, и дѣйствуя заодно съ правительствомъ Александра Карагеоргиевича, западныя державы побудили Порту признать нейтралитетъ Сербскаго княжества. Порта весьма охотно исполнила это требованіе хатти-шерифомъ, изданнымъ въ декабрѣ 1853 года. Г. Поповъ замѣчаетъ весьма справедливо что событіе это наносило крайне чувствительный ущербъ интересамъ Россіи: „Оно лишало Россію ея естественнаго и вѣрнѣйшаго союзника въ войнѣ съ Турціей—Сербскаго народа; оно предупреждало возможность возстанія всѣхъ окружавшихъ Сербію славянскихъ народовъ, для которыхъ она служила точкой опоры и примѣромъ; оно дѣлало для русскихъ войскъ затруднительнымъ походъ чрезъ плодоносныя равнины западной Болгаріи, для котораго Сербія составляетъ необходимую основу дѣйствій...“ Что касается до совѣтниковъ князя Александра, то они были весьма довольны упомянутымъ нами исходомъ дѣла. Въ книгѣ г. Попова помѣщенъ въ высшей степени интересный документъ, а именно мемуаръ начальника дипломатической канцеляріи въ Бѣлградѣ, г. Марикевича, который подробно разсматривалъ вопросъ объ отношеніяхъ Сербіи къ Россіи и европейскимъ державамъ.

Вотъ въ чемъ состояла его аргументація: достигнувъ признанія своей нейтральности, Сербія приобрѣтала значительныя выгоды. Говоря строго, Порты не должна была бы признавать за Сербіей этого права, ибо Сербія—вассальная провинція Турціи, а по всемъ правиламъ народныхъ отношеній, только тотъ можетъ быть нейтральнымъ, кто имѣетъ право объявлять войну, заключать миръ и т. п. Порты могла бы потребовать отъ Сербіи помощи и участія въ войнѣ, могла бы употребить силу чтобы принудить ее къ исполненію своей воли, но она поступила иначе, и сербскому правительству остается только воспользоваться столь благопріятными для него обстоятельствами. „Нейтральность наша, признанная самою Турціей, есть уже великій шагъ впередъ, который ставитъ насъ какъ бы на ступень независимой державы уже и потому, что эта нейтральность не есть условленная между нами только и Турціей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность предъ остальными державами, которую мы приняли на себя добровольно.“ Еслибы Сербія нарушила свой нейтралитетъ въ пользу Россіи, то для неизвѣстнаго будущаго она пожертвовала бы настоящимъ весьма обезпеченнымъ положеніемъ. Западные державы никогда не простили бы ей подобнаго поступка, а возбуждать ихъ неудовольствіе въ высшей степени неблагоприятно, ибо все показываетъ что, по окончаніи войны, рѣшеніе восточнаго вопроса перенесено будетъ на Западъ. Сербія была бы отстранена и пренебрежена, еслибы изъ любви къ Русскимъ отступила отъ положенія которое должна сохранять относительно Порты. Да и что могла бы обѣщать ей Россія? Возможно ли надѣяться что Россія выйдетъ съ торжествомъ изъ борьбы почти съ цѣлою Европой? „Предположить это въ состояніи только человѣкъ не желающій слушать внушеній здраваго смысла“, а если такъ, то сербское правительство должно упорствовать въ сохраненіи самаго строгаго нейтралитета, ибо этимъ самымъ избѣгнетъ она вторженія въ свои предѣлы войскъ русскихъ, турецкихъ и австрійскихъ, и дипломатической вражды Англіи, Франціи, а можетъ-быть и Пруссіи...

Взглядъ выраженный г. Мариновичемъ былъ съ его точки зрѣнія вполне справедливъ, но незья однако не скорбѣть что Сербія вынуждена была руководствоваться подобными взглядами въ ту критическую минуту, когда удары западной Европы направлены были противъ державы, которая

одна обезпечила Сербамъ самостоятельное существованіе. Околько было нужно ошибокъ чтобы довести Сербію до такого положенія! Кто бы могъ предвидѣть при заключеніи Адрианопольскаго мира что ровно чрезъ двадцать пять лѣтъ послѣ того Россія вовлечена будетъ въ новую борьбу на Востокѣ, но что на этотъ разъ сербскія власти будутъ радоваться не успѣхамъ, а неудачамъ русскаго оружія, что при извѣстіи о паденіи Севастополя Бѣлградъ огласится пушечными выстрѣлами, и владѣтельный князь пошлетъ къ нашѣ своего пристаивка для официальнаго поздравленія съ торжествомъ... Но одна ли Сербія была виновата въ томъ что надъ нею такъ зло посмѣялась судьба? Нѣтъ, справедливость требуетъ сознаться что значительная доля вины падаетъ также на Россію, и сознаніе это отнюдь не должно удручать насъ, послѣ того какъ Россія тяжкими испытаніями убѣдилась въ несостоятельности системы, которая требовала отъ нея только жертвъ и не приносила никакихъ выгодъ, которая ставила на первомъ планѣ отвлеченныя теоріи, а не національные интересы...

Парижскій миръ 1856 года не принесъ ровно ничего для Сербіи. Съ этого времени не одна уже Россія, а всѣ европейскія державы принимали на себя ручательство за права дарованныя Сербскому народу, но самыя эти права не получили ни малѣйшаго расширенія. Событія грозной борьбы, прекратившейся подъ разрушенными стѣнами Севастополя, не остались однако безслѣдными для Сербовъ и пробудили въ нихъ сильное негодованіе противъ правительства Карагеоргиевича, которое осуждало ихъ на застои внутри и на жалкое отсутствіе самостоятельности въ дѣлахъ внѣшнихъ. Читатели найдутъ въ книгѣ г. Попова весьма подробный разказъ о переворотѣ 1859 года, вслѣдствіе коего фамилія Обреновичей, въ лицѣ своего престарѣлаго представителя Милоша, снова была призвана на сербскій престолъ. Переворотъ этотъ открылъ, говоритъ нашъ авторъ, болѣе свѣтлую эпоху въ жизни Сербской націи: княжеская власть по-прежнему была признана наследственною, и народная скупщина, пустившая столь глубокіе корни въ странѣ, снова приобрѣла временное отвѣтное у нея значеніе. Будемъ надѣяться что долгій, тридцатилѣтній опытъ, со всѣми невзгодами которыя были порождены имъ, будетъ одинаково полезенъ какъ для Сербіи и вообще всѣхъ славянскихъ народностей Востока.

такъ и для нашего отечества. Если народности эти должны убѣдиться что, несмотря на всѣ ошибки совершенныя русскою политикою, только со стороны Россіи могутъ онѣ встрѣтить надежную опору и сочувствіе, то на обязанности Россіи лежитъ доказать что не тщетно будутъ возлагать на нее подобныя надежды. Никому неизвѣстно когда наступитъ такъ-называемое разрѣшеніе восточнаго вопроса, но чѣмъ болѣе отдаленъ этотъ срокъ, тѣмъ успѣшнѣе должны мы воспользоваться имъ для упроченія тѣсныхъ связей съ единокровными и единовѣрными намъ племенами, должны оправдать ихъ сочувствіе къ намъ постоянною заботливостію объ ихъ судьбѣ и достигнуть того чтобъ они привыкли видѣть въ Россіи главное средоточіе самыхъ дорогихъ для себя интересовъ. Но задача эта будетъ выполнена въ томъ лишь случаѣ, если у насъ самихъ окончательно утвердится господство вполнѣ сознательной національной политики. Иначе бесполезны были бы всякія сочувственныя заявленія Славянамъ: съ тою чуткостью которою одарены всѣ подавленные народности, они тотчасъ посылаютъ въ этихъ заявленіяхъ фальшивую ноту, и поймутъ что имъ нечего разчитывать на Россію. Вотъ въ чемъ несомнѣнно убѣждаетъ насъ, между прочимъ, почтенный трудъ, съ содержаніемъ котораго мы старались познакомить здѣсь, въ бѣгломъ очеркѣ, нашихъ читателей.

ЕВ. ФЕОКТИСТОВЪ.

ПАНУРГОВО СТАДО

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XXXII. Ардалионъ съ ореоломъ мученика.

Полоярва подержали-подержали да и выпустили. Да и что жь болѣе оставалось съ нимъ дѣлать какъ не выпустить? Не держать же человѣка за одну только глупость его! Впрочемъ, арестъ былъ вѣнечъ ему въ наказаніе.

Полоярвъ снова очутился на свободѣ.

Но теперь ужь это былъ не прежній Полоярвъ, а рафинированный.

Это былъ Полоярвъ-мученикъ, Полоярвъ „пострадавшій за убѣжденія“.

Какъ гордо несъ онъ теперь свою голову! Какую усиленную, сосредоточенную мрачность старался сообщить своему взору! Съ какою таинственностью подавалъ при встрѣчѣ руку своимъ знакомымъ!

— Ардалионъ Михайлычъ!... Батенька!... Что съ вами? вопрошаютъ его знакомые: — вы, говорятъ, арестованы были?

— Былъ-съ! съ какою-то таинственною, озлобленною и въ то же время торжествующею мрачностью лапачически подтверждаетъ Полоярвъ.

— За что и какъ? Разкажите, пожалуйста!

— Такъ-съ. У насъ эти вещи очень просто совершаются.

— Но однако? Какъ же и за что?

— По доносу-съ.

— Кто же донесъ-то? Неизвѣстно?

— Нѣтъ-съ, извѣстно. Нашлись добрые людишки.... Ну, да вѣдь и мы тоже не лыкомъ шиты! Что-нибудь да смекаемъ! Одинъ учителешка есть тутъ.... Устиновъ нѣкто, такъ это вотъ они-съ изволятъ сими похвальными дѣлами заниматься.

— Какой мерзавецъ! качая головой, восклицаетъ соболѣзнующій знакомый, и старается запечатлѣть въ своей памяти имя „учителешки Устинова“, для того, впервыхъ, чтобы самому знать, на случай какой-нибудь возможной встрѣчи съ нимъ, что этоть, молъ, баринъ шпiонъ, а потому поосторожнѣе! а вовторыхъ, чтобы и другихъ предупредить, да и вообще не забыть бы имени при разказахъ о томъ кто и что были причиной мученичества „нашего Ардалiона Михайлыча“.

— Но тутъ и не одинъ Устиновъ, тутъ и *другіе* есть! многозначительно продолжаетъ Полояровъ, видимо желая показать что теперь, послѣ мученій, ему ой-ой-ой какъ много кое-чего извѣстно!

— Кто же другіе? Надо всѣхъ знать! Чѣмъ больше знать ихъ, тѣмъ безопаснѣе! горячо наступаетъ на мученика вопрошающій знакомецъ.

— Есть тутъ.... *изъ нашихъ*, изъ своихъ же, такіе подлецы! какъ бы нехотя замѣчаетъ Полояровъ.

— Но кто же? кто?... Чего скрывать! Къ позорному столбу ихъ! Въ *Колоколъ*! Имена ихъ отпечатать! Пускай же всѣ знаютъ!

— Да, слѣдовало бы!... Вы вѣдь, кажись, знакомы съ господиномъ Фрумкинѣмъ?

— Да, я съ нимъ кое-гдѣ встрѣчался. А что?

— Да такъ.... Коли знакомы, такъ раззнакомьтесь, и вообще держитесь при немъ поосторожнѣе! Это вамъ мой добрый, пріятельскій совѣтъ; потому, что за охота потерпѣть изъ-за какого-нибудь подлеца, изъ-за Иуды!...

Знакомецъ крайне удивленъ, однакоже и это сообщеніе принимаетъ къ свѣдѣнію.

— Фрумкинъ!... Скажите! Кто бы могъ ожидать!... Мнѣ онъ казался такимъ порядочнымъ человѣкомъ....

— Н-да-съ! Всѣ они порядочные до поры до времени!

— Но на основаніи чего же вы такъ думаете про него?

— Ну, батенька! это долга исторія повѣствовать-то вамъ! Да и наскучило ужь мнѣ!... Однимъ словомъ, повѣрьте: если я говорю такъ, то ужь значить есть серіозныя основанія! Я на вѣтеръ говорить не стану.... Я вѣдь самъ-съ, на своей шкурѣ перенесъ все это! энергически увѣряетъ Ардаліонъ Полояровъ.

— Ну, а какъ тамъ-то?... любопытно вопрошаетъ знакомецъ: — какъ держали-то васъ? Какъ обращались?...

— Хм!... Какъ держали! сквозь стиснутые зубы бормочетъ Полояровъ, и тотчасъ же устраиваетъ себѣ озлобленно-мрачную фізіономію: — могу сказать, хорошо держали!

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошо?

— Н-да-съ, не дурно! Селедками, напримѣръ, кормили и пить не давали.... въ нетопленной комнатѣ по трое сутокъ сидѣть заставляли.... спать не давали. Чуть ты заснешь, сейчасъ тебя ужь будятъ: „пожалуйте къ допросу!“ А допросы всѣ, надо вамъ сказать, все ночью у нихъ происходятъ. Ну-съ, спросятъ о чемъ-нибудь и отпустятъ. Ты только что прилежъ, опять будятъ: „еще къ допросу пожалуйте!“ И вотъ такъ-то все время-съ!

Знакомецъ въ ужасѣ и съ соболѣзнованіемъ качаетъ головою.

— Н-да-съ!... Инквизиція! Утонченная, рафинированная инквизиція-съ! восклицаетъ Ардаліонъ: — и знаете ли, я вамъ скажу, надо имѣть слиткомъ твердый характеръ, слиткомъ большой запасецъ силы воли чтобы не пасть духомъ и не сдѣлаться подлецомъ при такой инквизиціи.... Тутъ-съ, батенька мой, вотъ ужь именно что гражданское мужество нужно!... Н-да-съ!... Но ужь за то же, могу сказать, и закалился я теперь!... Теперь они могутъ дѣлать со мной все что угодно, ни шиша имъ отъ меня не добиться!

— Но какъ же они васъ выпустили? недоумѣваетъ удивляющійся знакомецъ.

— Да такъ вотъ и выпустили! Что жъ такое! разводитъ руками Полояровъ: — подержали-съ, да и выпустили, потому убѣдились что со мной ничего не подѣлаешь. Я и самъ, впрочемъ, не понимаю какъ это они рѣшились! Но это что! Нѣтъ-съ; я вамъ лучше скажу-съ! Они меня подкупить хотѣли.

— Какъ подкупить?!

— Да такъ-съ. Очень просто. Предлагали мнѣ отличнѣйшее

мѣсто, карьеру и прочее.... Единновременно цѣлый капиталъ предлагали! Пятнадцать тысячъ рублей!... Предлагали журналъ основать, съ тѣмъ что онъ даже можетъ себѣ быть *нашимъ*, либеральнымъ органомъ, а они во всякомъ случаѣ субсидію постоянно будутъ давать. То-есть, конечно, все это очень тонко и политично предлагалось, но такъ что я могъ очень хорошо понять куда оно клонить.

— И вы отказались?!

— И я отказался. Я имъ говорю на это: милостивые вы мои государи! Ардалиона Полоярова можно сослать въ каторгу, можно пытаться, можно наконецъ казнить, повѣсить, но купить Ардалиона Полоярова нельзя-сь!

— Такъ и сказали?!

— Такъ и сказалъ-сь. Да чего же? Чтѣ я церемониться съ ними буду, что ли? Вотъ еще!... Надо было, батенька мой, вести себя со строгимъ сознаніемъ своего достоинства. Видь я — шутка ль сказать! — предъ звѣздами-сь, предъ цѣлою комиссіею истязался-то!

— И вы гдѣ же сидѣли?

— Въ крѣпости-сь. Въ Алексѣевскомъ разеланѣ.

— Неужели?!

— Н-да-сь! И еще въ томъ самомъ номерѣ гдѣ Пестель сидѣлъ. Вотъ мы, батюшка, какъ! Это мнѣ послѣ плацъ-майоръ сообщилъ. „Хотя мы, говорить, и привуждены были васъ арестовать, но за то, говорить, вы сидите въ томъ самомъ казематѣ въ которомъ знаменитый Пестель сидѣлъ.“ Ха-ха-ха!... Какъ вамъ это нравится?... А? хорошо-сь? Нѣтъ, какво утѣшеніе-то!... Чудаки, ей-Богу!

— И васъ послѣ этого выпустили?!

— Какъ видите: цѣлъ, здравъ и невредимъ. Да и чтѣ жь бы они со мной подѣлали если противъ меня нѣтъ никакихъ уликъ и фактовъ? Мы, батенька, тоже видь мозгами-то пошевеливаемъ не хуже, коли не получше другихъ, и за себя еще потягаемся-сь!

Ардалионъ хотя и напускалъ на себя злобственную мрачность, тѣмъ не менѣе во глубинѣ души былъ очень доволенъ собой: ему всѣ удивлялись, всѣ его слушали, всѣ ему сочувствовали, даже.... даже уважать его стали гораздо болѣе прежняго. Такимъ образомъ, относительно уваженія онъ не ошибся въ расчетѣ.

Онъ продолжалъ очень живописно повѣствовать всѣмъ и

каждому объ инквизиціонныхъ мученіяхъ и пыткахъ котораго онъ вытерпѣлъ, о своемъ великомъ гражданскомъ мужествѣ, о своемъ подвигѣ, и отъ столь частыхъ повѣствованій съ теченіемъ времени и самъ наконецъ убѣдился что все это точно такъ и было въ дѣйствительности. И есаубы кто-нибудь вдругъ возразилъ ему что „послушай-ка, братъ, Ардалионъ, вѣдь ты это все врешь и выдумываешь,“ то онъ не на шутку оскорбился бы и горячо сталъ бы вступаться за истину, ибо и самъ былъ теперь уже твердо убѣжденъ что все это чистая истина, все это точно было, все это онъ говорилъ, и все это съ нимъ дѣлали.

Ардалионъ вошелъ нѣкоторымъ образомъ въ славу: надъ нимъ возсіялъ ореолъ политическаго мученика, и какой же бы Фрумкинъ осмѣлился теперь пикнуть противъ него хоть единое слово?

Впрочемъ, Фрумкину не для чего уже было возставать противъ Ардалиона. Во время его ареста, практичный Моисей сумѣлъ такъ ловко обдѣлать свои дѣлашки что за долги коммуны, принятыя имъ на себя, перевелъ типографію на свое имя, въ полную свою собственность, совсѣмъ уже забравъ въ руки юнаго князя, и кончилъ тѣмъ что въ одно прекрасное утро покинулъ вмѣстѣ съ нимъ на произволъ судьбы коммуны и ея обитателей. Князь переселился къ Фрумкину мечтать о скорѣйшемъ осуществленіи „собственного своего журнала“.

Наличные обитатели коммуны, то-есть Лиденька съ Андцифровымъ и Малгоржановымъ, очутились въ очень стѣснительномъ положеніи, и потому поспѣшили перемѣнить квартиру. Эти „нумера“ стали уже не подъ силу ихъ соединенному карману; новыхъ охотниковъ на коммунаное сожителство какъ-то все не подыскивалось, хотя Лиденька съ Малгоржановымъ и пытались неоднократно перетянуть кое-кого къ себѣ изъ другихъ петербургскихъ коммуналь. Они наняли, наконецъ, небольшую квартирку въ Троицкомъ переулкѣ, въ четвертомъ этажѣ одного большого дома. Всѣ предпріятія въ родѣ швейныхъ и переплетныхъ полопались сами собой послѣ ареста Луки Доброуравова, и ко времени переѣзда въ Троицкій переулокъ окончательно уже умерли естественною смертію. Для Лиденьки наступило время дѣйствительнаго „личнаго труда“, о которомъ она всегда столь много хлопотала на словахъ; но этотъ личный трудъ, состоявшій въ

переводахъ съ французскаго, далеко не показался ей теперь вкуснымъ, по той причинѣ что Лиденка ни къ какому труду, кромѣ обильныхъ словоизверженій, рѣшительно не была способна. Поэтому она чуть не ежедневно бомбардировала своего благовѣрнаго письмами, въ которыхъ настойчиво изображала что если онъ „мало-мальски честный и порядочный человѣкъ, то пусть присылаетъ ей побольше денегъ, въ противномъ же случаѣ я, молъ, твоя законная жена, на всякій скандалъ пушусь и надѣлаю тебѣ много неприяностей“. Благовѣрный, будучи человѣкъ характера робкаго и миролюбиваго и притомъ, по духу времени, смиряясь предъ эманципированными стремленіями къ независимому труду и жизни своей супруги, спѣшилъ высылать ей денегъ сколько могъ. Лиденка съ его помощью кое-какъ перебывалась и еще находила возможность поддерживать иногда существованіе обоихъ своихъ сожителей, которымъ „трудъ“, за исключеніемъ разговорнаго, тоже какъ-то все не давался. Оба они не находили дѣла соответствующаго ихъ способностямъ и призванію. Впрочемъ, Анцыфровъ правилъ гдѣ-то, съ грѣхомъ пополамъ, корректуру, хотя самъ и не особенно силенъ былъ по части орфографіи, а Малгоржановъ нашель себѣ „урокъ“, обучать по-русски кого-то изъ „восточныхъ конвойныхъ князей“, который, кромѣ платы, угощалъ его еще и шашлыкъ-кебабомъ.

Потерявъ щедрую кузину, Малгоржановъ принялся съ горя объяснять свою восточную страсть Лиденкѣ Затцъ, и былъ ею утѣшенъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Маленькій Анцыфровъ сталъ было ревновать, но Лиденка каждый разъ его просто-на-просто била за столь неумѣстное, непослѣдовательное и дикое чувство. И каждый разъ послѣ такой трепки злосчастный пскунокъ взмацивался съ ножками на подоконникъ и привалился горько плакать, думая себѣ, за что это онъ уродился такимъ несчастнымъ что всѣ его обижаютъ.

Однако, мысль о томъ что если ужъ не побить, такъ хоть нось откусить своей „натуральной супругѣ“, которая была гораздо сильнѣе его, золотушнаго киевунка, и тѣмъ отомстить ей за всѣ ея царапанья и обиды, крѣпко засѣла ему въ голову. Онъ возымѣлъ пламенное желаніе при первомъ удобномъ случаѣ привести эту мысль въ исполненіе. Лиденка же, ничего не подозревая о его затаенныхъ коварныхъ

умыслахъ, продолжала по-прежнему держать при себѣ этого „натуральнаго мужа“ на посылкахъ и побѣгушкахъ, чѣмъ-то въ родѣ комнатной собачки.

Въ такомъ-то положеніи находились дѣла и отношенія тройственной коммуной четы, когда выпустили изъ-подъ ареста Ардаліона Подолрова.

Ему не трудно было, справясь у дворника прежней квартиры, отыскать ихъ новое жительство.

Храня сухой и сдержанный видъ человѣка обиженнаго и поссорившагося, онъ явился къ нимъ подъ предлогомъ забрать кое-что изъ оставшихся вещей своихъ, бѣлье да платье, однакоже съ сильнымъ желаніемъ въ душѣ чтобы дѣло приняло удачный оборотъ и дало бы ему возможность снова поселиться въ коммуны и снова верховодить ея сожителями. Въ сущности онъ очень хорошо сознавалъ что въ коммуны ему почти некуда и дѣваться.

Сожители встрѣтили его и ласково, и радостно, и на столько радостно что это вышло даже сверхъ всякихъ ожиданій Ардаліона. Онъ все же былъ между ними наиболее сильный и предприимчивый характеръ. А въ затруднительныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ его силы и предприимчивость были теперь для коммуны сущимъ кладомъ. Кромѣ того, всѣ эти люди были въ сущности вовсе незлобивые люди. Они только такъ себѣ, отъ нечего-дѣлать, какъ флюгерки по вѣтру вертѣлись, впрочемъ при неизмѣнно либеральномъ скрипѣ. Удалился отъ нихъ Фрумкинъ со своими каверзами, и вся ихъ злоба на Ардаліона сама собой исчезла, особенно съ тѣхъ поръ какъ онъ „томился въ заключеніи“. Это „заключеніе“ разомъ подняло его въ ихъ глазахъ, разомъ породило вѣру и въ Герценовское письмо, и въ то что онъ одинъ только высоко держитъ въ Россіи знамя демократическаго социализма. Когда арестъ его возбудилъ нѣкоторое кудачтанье въ нигилистическихъ курятникахъ, то флюгерки стали даже въ нѣкоторомъ родѣ хвастаться и гордиться его дружбой и совмѣстнымъ жительствою. Поэтому-то его внезапное появленіе, его „возстаніе изъ мертвыхъ“, и поразило ихъ столь радостно.

Ардаліонъ не упустилъ благоприятнаго случая распространиться предъ ними объ ужасахъ инквизиціи и о своей гражданской стойкости, и тѣмъ окончательно покорилъ сердца ихъ. Они первые стали теперь трубить о его славѣ и

освѣтили главу его ореоломъ политическаго мученичества. Они первые предложили ему тотчасъ же по-братски поселиться въ коммуны на прежнихъ основаніяхъ, и Ардалионъ, конечно, не замедлилъ тотчасъ же забрать администрацію въ свои руки, а сожителю до известной степени были даже рады тому что предприимчивый администраторъ избавляетъ теперь ихъ головы отъ многихъ лишнихъ хлопотъ и заботъ.

XXXIII. „Молодая Россія“.

19го апрѣля, с.-петербургскій оберъ-полицеймейстеръ публиковалъ приказъ по полиціи, въ которомъ предписывалъ ей наблюдать за тѣмъ чтобы подпольныя воззванія не появлялись въ столицѣ, и даже самое появленіе ихъ относилъ къ недостаточности полицейскаго надзора. Полиція, конечно, наблюдала, но.... наблюденія ея оставались сами по себѣ, а прокламаціи тоже сами по себѣ благополучно продолжали „возмущать спокойствіе мирныхъ обывателей“. Эти разнообразныя листки, тянувшіе всѣ болѣе или менѣе сказку про бѣлаго бычка, частію проходили изъ-за границы, а частію печатались дома на ручныхъ станкахъ, что можно было отличить сразу, по одной ихъ вѣдливости. Сначала это были памфлеты на правительство, потомъ всяческія программы политическаго и общественнаго обновленія, и наконецъ призывъ къ топору.

Въ началѣ мая мѣсяца съ особеннымъ обиліемъ стала распространяться по Петербургу довольно длинная и многоречивая прокламація *Къ молодой Россіи*.

„Мы требуемъ уничтоженія брака,“ гласила она, между прочимъ, „какъ явленія въ высшей степени безнравственнаго и неммыслимаго при полномъ равенствѣ половъ и безъ котораго неммыслимо уничтоженіе наслѣдства. Мы требуемъ полного уничтоженія наслѣдства. Мы требуемъ полного освобожденія женщины, дарованія ей всѣхъ тѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ какими будутъ пользоваться мужчины. Мы требуемъ уничтоженія семьи, препятствующей развитію человека. Мы требуемъ общественнаго воспитанія дѣтей, требуемъ содержанія ихъ на счетъ общества до конца ученія. Мы требуемъ заведенія общественныхъ фабрикъ, управлять которыми должны лица выбранныя отъ общества,

обязанныя по истеченіи извѣстнаго срока давать ему отчетъ; требуемъ заведенія общественныхъ лавокъ, въ которыхъ продавались бы товары по той цѣнѣ которой они дѣйствительно стоѣтъ, а не по той которую заблагоразсудится назначить торговцу для своего скорѣйшаго обогащенія.“ Религія, какаѣ бы то ни была, а христіанская и православіе въ особенностяхъ, совершенно отиѣнялась. Церкви немедленно должны быть упразднены. Всякая собственность—долгой! Каждый собственникъ—воръ и преступникъ! „Мы изучали исторію Запада,“ гласилось тамъ далѣе, „и это изученіе не прошло для насъ даромъ: мы будемъ послѣдовательнѣе не только жалкихъ революціонеровъ 48 года, но и великихъ революціонеровъ 93 года. Мы не испугаемся, если намъ придется пролить втрое болѣе крови чѣмъ пролито якобинцами въ 90хъ годахъ.“ Словомъ, требовалось немедленное уничтоженіе всѣхъ тѣхъ началъ на которыхъ основано современное бытіе всякаго общества и государства. Герценъ объявлялся отстающимъ и ни на что непригоднымъ человѣкомъ.

Затѣмъ, въ числѣ самыхъ настоятельныхъ, первыхъ дѣйствій *Молодой Россіи* представлялась неизбѣжная необходимость вырѣзать, по крайней мѣрѣ, полтораста тысячъ русскихъ дворянъ и помѣщиковъ, казнить смертію всѣхъ вообще противниковъ благодѣтельной радикальной реформы и идей *Молодой Россіи*. „Кто не съ нами, тотъ противъ насъ, а кто противъ насъ, тотъ врагъ нашъ, а враговъ слѣдуетъ истреблять всѣми средствами.“ Это называлось самымъ простымъ и обыкновеннымъ „освѣженіемъ политической и общественной атмосферы“. А въ случаѣ сопротивленія авторы *Молодой Россіи* грозилась „камня на камень не оставить“. „Насъ слишкомъ много, и мы имѣемъ полную вѣру въ себя и въ свои силы,“ заявляла эта *Молодая Россія*. Прокламація, кончавшаяся призывомъ къ скорѣйшему возстанію, заключалась торжественнымъ возгласомъ, который былъ напечатанъ даже особымъ шрифтомъ и долженствовалъ служить лозунгомъ боины: „Да здравствуетъ молодая Россія и русская соціально-демократическая республика!“

Молодая Россія разчитывала что никакой другой, а именно этотъ самый возгласъ будетъ гремѣть въ устахъ народа, когда этотъ народъ пойдетъ дѣлать революцію съ его плотничьими топорами. Она даже съ полною увѣренностью заявляла: мы-де надѣемся на сочувствіе народа.

Русское общество положило наконецъ себя въ ротъ палецъ недоумѣнія.

— Нѣтъ, ужь это что жь такое!... И меня, значитъ, рѣзать?... Да за что же меня-то? Помилуйте! поднимая говорить съ разныхъ концовъ и словъ этого общества: — нѣтъ, ужь воля ваша, а это сумбуръ какой-то!... Это, значитъ, я моего Ванючку да Надюшу въ Воспитательный брось, а мою Марью Ивановну въ люпанарь отведи? Да за что же такъ?...

Такъ рассуждало „нравственное мѣщанство“, неспособное, по своей тупоумой пошлости, возвыситься до пониманія столь великихъ, въ своей первобытной простотѣ и ясности, идей *Молодой Россіи*.

XXXIV. Quae medicamenta non sanant—ferrum sanat, quae ferrum non sanat—ignis sanat.

16го мая, Каретной части, по Лиговкѣ, въ домъ подъ № 224, въ шесть часовъ пополудни, произошелъ пожаръ. Загорѣлись надворныя деревянныя службы, и огонь быстро перешелъ на сосѣднія нежилая зданія, которыя, за ветхостью ихъ, вскорѣ всѣ сгорѣли и разобраны. Причина пожара осталась неизвѣстною. *

17го мая, Нарвской части, по 6й ротѣ Измайловскаго полка, въ пять часовъ пополудни, при домъ № 14, загорѣлся жилой сарай гдѣ хранилась старая мебель. Пожаръ прекращенъ безъ вреда для сосѣднихъ зданій, причина же пожара осталась неизвѣстною.

19го мая, въ пять часовъ утра, Рождественской части, по Невскому проспекту, въ домъ подъ № 26, произошелъ

* Свѣдѣнія о пожарахъ и бѣлая часть подробностей и отдѣльных эпизодовъ заимствованы изъ нѣкоторыхъ официальныхъ записокъ и документовъ, а также изъ газетъ и журналовъ 1862 года. Впрочемъ, многое изъ того что въ этихъ послѣднихъ источникахъ являлось какъ факты, необходимо должно было теперь подвергнуться строгому анализу и критикѣ, а потому все то что не имѣетъ фактической достовѣрности, авторъ передаетъ какъ слухи и толки ходившіе въ обществѣ того времени, ибо всѣ эти слухи и толки имѣютъ ту особенность что необыкновенно рельефно характеризуютъ напряженную и во многихъ отношеніяхъ замѣчательную эпоху 1862 года.

пожаръ, который вскорѣ прекращенъ, безъ особеннаго вреда строенію.

20го мая, въ пять часовъ пополудни, Московской части, по Загородному проспекту, во дворѣ зданія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, загорѣлось деревянное нежилое помещеніе, принадлежавшее музыкантской командѣ. Строеніе это сгорѣло до основанія, но бывшія съ нимъ въ сосѣдствѣ деревянныя постройки отстояны. Причина пожара осталась неизвѣстною.

21го мая, въ пять часовъ утра, произошелъ пожаръ на Большой Охтѣ. Огъ начался съ дома мѣщанки Макарихиной, на Большомъ Охтенскомъ проспектѣ, противъ пожарной части Охтенскаго квартала, въ деревянномъ зданіи котораго, отъ жару, потрескались все стекла. Огонь, гонимый сильнымъ вѣтромъ отъ Невы, распространился съ быстротою по тремъ улицамъ: Георгіевской, Конторской и Оградской, которыя до самой рѣчки Чернявки превращены въ пепель. Въ продолженіе менѣе чѣмъ полутора часа сгорѣло около двадцати пяти домовъ, со службами, въ томъ числѣ и находившаяся на берегу рѣчки, на Георгіевской улицѣ, часовня во имя Смоленской Божіей Матери, заложенная Петромъ Великимъ въ 1708 году. По неумовѣрной быстротѣ пожара, жителямъ почти ничего не удалось спасти изъ своего имущества. Погорѣло много коровъ (Охтянки почти единственныя петербургскія молочницы), лошадей и домашней птицы. Обгорѣлыя трупы лошадей и коровъ еще на слѣдующіе дни валялись на пожаращѣ. Причина пожара осталась неизвѣстною.

22го мая было два пожара. Первый, въ восемь часовъ утра, на Петербургской сторонѣ, куда потребовалось нѣсколько пожарныхъ частей, второй ровно въ полдень, въ Ямской. Загорѣлось въ деревянномъ сараѣ, на заднемъ дворѣ дома № 243. Не болѣе какъ черезъ осьмнадцать минутъ двѣ пожарныя команды были уже на мѣстѣ, близъ церкви Іоанна Предтечи, на набережной Лиговки, за мостомъ черезъ Обводный каналъ. Но несмотря на то что вслѣдъ за этими двумя командами прискакала еще и третья, предотвратить страшное бѣдствіе было невозможно. Сильный порывистый вѣтеръ, старая деревянная надворная строенія, поставленные слишкомъ близко одно къ другому, предшествовавшее сухое время, все это вмѣстѣ было причиной что черезъ полчаса отъ начала пожара уже шесть домовъ, съ ихъ надворными строеніями,

были охвачены пламенемъ. Пять минутъ спустя, на другой сторонѣ Лиговки, почти мгновенно, охватило нѣсколько домовъ и надворныхъ строеній за Шмелевымъ переулкемъ. Къ часу дня, длинная линія горѣвшихъ домовъ уже отягала у пожарной команды возможность дѣйствовать совокупными силами въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, тѣмъ болѣе что надо было отряжать трубы на противоположную сторону Лиговки, гдѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ безпрестанно начинало горѣть, но распространеніе огня предупреждалось усиліями частію пожарной команды, а частію и самихъ жителей. Всѣ дома, со всеми надворными строеніями, по лѣвой сторонѣ Лиговки, отъ № 126 до № 164, сгорѣли совершенно; на правой—отъ № 243 до 253. Причины пожаровъ, какъ на Петербургской, такъ и въ Ямской, остались неизвѣстны...

23го мая было пять пожаровъ: въ два часа утра, при сильномъ вѣтрѣ, начался пожаръ на Малой Охтѣ, въ Солдатской слободкѣ, которая и сгорѣла вся до основанія,—около 40 домовъ населенныхъ исключительно бѣднымъ, работающимъ людемъ. Еще не всѣ части пожарныхъ командъ успѣли возвратиться въ казармы, какъ вдругъ, около 3¼ часовъ пополудни, загорѣлось въ Гороховой улицѣ, между Семеновскимъ мостомъ и Садовою, въ домѣ Яковлева, гдѣ сгорѣлъ каменный двухэтажный флигель и каменные службы съ сѣноваломъ, въ которыхъ хранился разный столярный матеріалъ. Въ этихъ-то службахъ и загорѣлось. Пожаръ въ Гороховой далеко еще не былъ потушенъ, какъ уже выкинули шары Каретной части: здѣсь загорѣлось опять-таки въ Ямской, въ Кобыльей улицѣ, съ задовъ дома № 104, откуда огонь распространился на всѣ дома по Лиговкѣ, такъ что весь громадный четвероугольникъ между улицами: Кобыльею и Лиговкою и отъ церкви Іоанна Предтечи до Глазовскаго моста, сгорѣлъ до основанія. Въ это же время, какъ полагаютъ, отъ перекинутого огня, загорѣлся на противоположной сторонѣ Лиговки, въ Разъѣзжей улицѣ, шестой домъ отъ моста. Огонь распространился на четыре сосѣдніе дома, изъ которыхъ одинъ былъ деревянный, и всѣ они сгорѣли. Пожаръ шелъ такъ быстро и такъ внезапно охватывалъ дома что многіе люди едва успѣвали спастись, спускаясь изъ оконъ и съ балконовъ. Сгорѣло много извозничьихъ лошадей; одинъ хозяинъ лишился ихъ до шестидесяти головъ. Въ одно время съ пожарами въ Гороховой и Ямской, загорѣлось въ Лештуковомъ переулкѣ,

въ домѣ купца Ушкова. Здѣсь пожаръ обнаружился въ деревянномъ сараѣ, наполненномъ складомъ тряпья, пуха и перьевъ. Огонь пошелъ быстро катать по соседнимъ каменнымъ флигелямъ, которые оба сгорѣли. Сюда могла прибыть только одна изъ пожарныхъ частей, и она успѣла остановить распространеніе пожара, отстоявъ соседній домъ Колчина, при помощи мѣстныхъ жителей, усердно таскавшихъ воду въ ведрахъ и въ шайкахъ. Еще всѣ пожарныя команды были на пожарѣ въ Ямской, гдѣ заливали горѣвшія развалины, какъ въ одиннадцать часовъ вечера вспыхнулъ новый пожаръ на Невскомъ проспектѣ, между Николаевскою и Владимірскою улицами, въ домѣ Вилье. Здѣсь онъ начался въ надворныхъ службахъ, гдѣ помѣщались сѣноваль и сараи, на второмъ дворѣ, и перешелъ на два дома въ Стремянной улицѣ. Огонь прекращенъ къ четыремъ часамъ утра. Причины всѣхъ этихъ пожаровъ остались неизвѣстны.... А между тѣмъ еще къ утру 24го мая можно было видѣть всѣ степени пожара въ длинномъ рядѣ домовъ по набережной и Лиговкѣ. Одни изъ нихъ, уже совершенно уничтоженные, представляли только дымившіяся развалины; въ другихъ, огненная работа сосредоточивалась внутри, пожирая остатки балокъ и обрушившихся стропилъ; въ третьихъ, полныя длинными языками вырывалось еще изъ всѣхъ оконъ. Пожаръ у Александровскаго рынка тоже еще далеко не былъ потушенъ.

24го мая, опять-таки на Гороховой улицѣ, вспыхнулъ пожаръ въ домѣ протоіерея Окунева, начавшійся въ деревянномъ пустомъ сараѣ и кончившійся въ каменныхъ флигеляхъ этого дома. Вслѣдъ за тѣмъ загорѣлось на Васильевскомъ Островѣ, но огонь вскорѣ прекращенъ. Причины этихъ двухъ пожаровъ остались неизвѣстны....

26го и 27го мая городъ вспыхивалъ съ разныхъ концовъ, но эти пожары, которые вскорѣ тушились, казались уже ничтожными петербургскимъ жителямъ, привыкшимъ въ предыдущіе дни къ огню громадныхъ размѣровъ, истреблявшему цѣлыя улицы, цѣлыя кварталы. Говоря сравнительно, въ эти дни было пожарное затишье; но народъ не успокоивался: онъ какъ бы какимъ-то инстинктомъ чувалъ что это тишина предъ бурей. Ходили смутныя слухи что на этомъ не кончится, что скоро сгоритъ Толкучій рынокъ, а за тѣмъ и со всѣмъ Петербургомъ будетъ порѣшено.

26го мая, въ субботу, на Апраксиномъ дворѣ были

подброшены письма извѣщавшія о пожарѣ имѣющемъ быть на завтра, въ Троицкѣ день.

И дѣйствительно: въ воскресенье Апраксинъ дворъ загорался три раза, но неудачно. Огонь успѣвали замѣчать въ время и тушили.

28го мая, 4й части, въ одиннадцать часовъ утра, въ каменномъ домѣ купца Прокофьева, изъ запертой кладовой при щепенной лавкѣ купца Георгіева показался сильный дымъ; но прибывшею тотчасъ пожарною командой начинавшійся пожаръ потушенъ. Горѣлъ лежавшій у штукатурной перегородки разный хламъ.

28го же мая, по Апраксину переулку, въ домѣ Трифонова, въ два съ половиною часа пополудни показался дымъ изъ дровянаго сарая, прилегавшаго заднею стѣною своею къ рядамъ Толкучаго рынка. При осмотрѣ сарая оказалось въ немъ тлѣвшая подброшенная („вѣроятно съ умысломъ“, какъ замѣтила полицейская газета) пакля, которая и была тотчасъ потушена. Послѣ этого, среди Апраксина двора, въ промежутокъ двухъ часовъ времени, два раза тушили пучки хаопка и пакли пропитанные смолою.

28го мая былъ праздникъ, Духовъ день. Торговля на Апраксиномъ дворѣ на сей разъ шла весьма незначительная. Большинство лавокъ и ларей оставались запертыми. Впрочемъ, кое-кто поторговывалъ, и по всѣмъ направленіямъ рынка бродили сторожа; а потому купечество надѣялось что угроза не будетъ исполнена.

XXXV. Пожаръ 28го мая 1862 года.

Погода стала теплая: даже было жарко, что становилось особенно ощутительно послѣ холодной, дождливой и, можно сказать, суровой весны. Половина мая стояла хоть и сухая, но очень холодная. Порывистые, сѣверозападные вѣтры дули съ рѣдкимъ постоянствомъ.

Въ Духовъ день Петербургъ гуляетъ.

Около четырехъ часовъ пополудни улицы были полны народомъ, въ праздничныхъ нарядахъ. По Фонтанкѣ снова шли толпы съ праздничными пассажирами; кто направлялся въ Екатерингофъ, кто въ Лѣтній садъ. И тамъ, и здѣсь въ Духовъ день Петербургъ искони справляетъ народное гулянье.

Въ Лѣтнемъ саду—по преимуществу праздникъ купечества. Въ прежніе годы здѣсь бывала выставка и происходилъ выборъ купеческихъ невѣсть, разраженныхъ въ марабу, въ шелки, въ жемчугъ, и въ брилліанты. Съ годами, конечно, вывелись эти смотрины, но обычай посѣщать въ Духовъ день гулянье Лѣтняго сада всецѣло сохранился и до сихъ поръ въ петербургскомъ купечествѣ изъ—подъ Невскаго, съ Ямской, съ Ивановской улицы. Весь Щукинъ и Апраксинъ дворы имѣютъ тутъ полный комплектъ своихъ представителей: тутъ и хозяева съ хозяйками и съ дочерьми, тутъ и прикащики, и просто молодцы, и сидѣльные, и конторщики, и лавочные мальчишки. Народъ торопился на свои гулянья, спѣша воспользоваться нѣсколькими часами когда наконецъ и въ воздухѣ потеплѣло, и въ городѣ какъ будто поуспокоилось чуточку послѣ цѣлыхъ двѣнадцати сутокъ безпокойствъ, страха и пожарной передраги.

Въ Лѣтнемъ саду гремѣло нѣсколько оркестровъ музыки и кишмя-кишѣла густая, празднично-пестрая толпа. Народу столклось что называется видимо-невидимо.¹

Вдругъ, въ шестомъ часу пополудни, съ разныхъ концовъ раздались громкіе крики: „Горимъ! Горимъ! Пожаръ! Токуцій горить!“ Сквозь просвѣты деревьевъ можно было разглядѣть вдали густую, черную и громадно-широкую полосу дыма, которая стлалась по небу и быстро мчалась нескончаемою лентой густыхъ клубовъ все дальше и дальше.... При первыхъ крикахъ тревоги гуляющіе бросились къ воротамъ. Началась давка, суета, суматоха, и въ этой суматохѣ шелъ самый дерзкій, неслыханный дотогѣ грабежъ. Съ мушкетерскихъ часовъ, нагло, лицомъ къ лицу, запускали руку въ карманы и вытаскивали бумажники, съ женщинъ рвали цѣпочки, браслеты, фермуары, даже вырывали серьги изъ ушей, не говоря уже о шальяхъ и бурнуссахъ которые просто стягивались съ плечъ, причемъ многія даже сами спѣшили освободиться отъ нихъ, изъ боязни задохнуться, такъ какъ застегнутый воротъ давилъ горло. Многія изъ женщинъ выходили изъ сада измятыя, избитыя, изорванныя, окровавленныя, съ оборванными ушами; многихъ вытаскивали безъ чувствъ или въ истерикѣ. Садъ стоналъ отъ звуковъ музыки, отъ криковъ, воплей, брани и рыданій....

У многихъ тысячъ дрожало въ душѣ чувство что въ эту

минуту они выходятъ изъ сада, быть-можетъ, уже круглыми нищими.

Чѣмъ болѣе приближались толпы къ пожарищу, тѣмъ все явственнѣе становился тотъ жуткій, зловѣщій людской гулъ, который всегда поражается, какъ бы въ самомъ воздухѣ, въ виду великой бѣды общественной. Этотъ гулъ шаговъ, экипажей, голосовъ, говора, крика, смѣшался съ подобнымъ вихрю трескомъ и ревомъ пожара. Какой-то болѣзненный, дрожащій, сумрачный отпечатокъ испуга и тревоги являлся не только на лицахъ, но какъ будто на самомъ городѣ, на камняхъ, на зданіяхъ, на стеклахъ, въ самихъ улицахъ, въ свинцовой ряби водъ.... Громадная туча дыму заслонила собою солнце, которое еле-еле проглядывало изъ-за нея какимъ-то тускло-багровымъ, каменнымъ пятномъ и наводило на всѣ предметы особый свѣтъ который придавалъ имъ зловѣщій характеръ тоскливости и смутенія.

Съ каждою минутой красновато-черный столбъ дыму все выше и дальше протягивался по небу. Изъ-за домовъ и строевнй не видать еще было самого пожарища, но страшные языки густаго и тусклаго пламени, казалось, облизывали небо. Въ черныхъ клубахъ сверкали и неслись, подхваченные кружащимся вихремъ, крупныя искры, уголья, головки, листы бумаги, доскутья какихъ-то тканей, оборвыши всяческаго хламу.... Стаи голубей бѣсновались со стаями ласточекъ, воробьевъ и галокъ. Съ отчаянными криками и пискомъ, они вздымались высоко-высоко, кружились въ воздухѣ, черкая его крыльями въ зигзагахъ своего полета, и, какъ ошалѣлые, гдѣ бы улетѣть скорѣе отъ пожара, они напротивъ того ныряли въ самое пламя и пропадали въ облакахъ дыма.... Пламя хлестало ихъ концами своихъ языковъ, или вдругъ охватывало всюю своею огненною влагою; стаи вырывались изъ огня, и то тамъ, то здѣсь падали мертвыя и дымящіяся птицы. Цѣлый дождь искръ, угольевъ, пеплу и горящихъ головней сыпался съ неба на крыши, на мостовыя, на головы прохожимъ. И это небо, съ его солнцемъ, съ этими клубами, съ этимъ огненнымъ дождемъ и мятущимися стаями птицъ, представлялось испуганнымъ глазамъ народа въ ужасающемъ величїи.

Даже въ такихъ отдаленныхъ отъ мѣста катастрофы улицахъ, какъ Офицерская, замѣтно было сильное, необычное

движеніе, а въ Мѣщанской становилось уже тѣсно отъ столпленія двухъ потоковъ народа, изъ которыхъ одинъ стремился на пожаръ, а другой убѣгалъ съ пожара. Черезъ Каменный мостъ никого не пускали въ экипажахъ, и на самомъ мосту уже являлись предвѣстники бѣды: испуганныя лица, дрожки, кареты и возы, нагруженные вещами, пожитками и товарами, суматоха, брань, крики, слезы, проклятія.... По ту сторону моста, хотя до пожараща лежало еще болѣе полуверсты разстоянія, начиналась уже сильная давка. Всѣ окрестныя переулки, что ведутъ на Садовую, были запружены бѣжавшимъ народомъ, грудами мебели, тюками товаровъ, сброшенныхъ въ огромныя кучи. Громадный потокъ толпы стремился къ Апраксину двору, тѣснилъ, сбивалъ съ ногъ, захватывалъ и уносилъ съ собою и тѣхъ кто шелъ на встрѣчу, и тѣхъ кто спасалъ изъ домовъ свои пожитки. Никакія усилія полиціи и конныхъ жандармовъ не могли сдержать этого напора, который опрокидывалъ и людей, и лошадей, давившихъ подъ своими копытами и всадника, и того кто имѣлъ несчастіе подвернуться тутъ въ эту минуту. Въ переулкахъ уже было такъ тѣсно что нагруженные возы при встрѣчѣ едва могли развѣзжаться. На перекресткахъ въ особенности была страшная давка; на одномъ изъ нихъ, въ нѣсколько минутъ, нагромоздили пропасть разныхъ вещей, и столпилось столько народу что не только проѣхать или пройти, но просто съ мѣста двинуться не было ни малѣйшей возможности. Полиція принялась растаскивать народъ,—народъ сталъ растаскивать вещи, а тащить, межъ тѣмъ, некуда; изъ сосѣднихъ домовъ тоже выбираютъ и стаскиваютъ пожитки въ эту же груды; со всѣхъ сторонъ и везуть, и несутъ, и народъ валитъ. Груда вещей съ грохотомъ валится на мостовую, давить, зашибаетъ людей.... крики, стоны, ругательства.... По Садовой тоже навалены грузы разныхъ вещей и товаровъ, и снуютъ массы народа, и тѣснота стоитъ такая что пожарныя команды и бочки съ водой едва-едва могутъ пробираться шагомъ, поминутно цѣпляясь колесами за всевозможную мебель и поневолѣ останавливаясь чтобы не давить народа. Изъ каменныхъ корпусовъ Апраксина двора летятъ звенья разбиваемыхъ оконъ, выламываются двери лавокъ; изъ оконъ и изъ дверей летитъ на улицу нужное и ненужное: мѣха, шубы, шапки, цѣлыя груды сапоговъ, куски всевозможныхъ матерій, женскія уборы, ящички галан-

терейныхъ вещей, пустыя картонки, коробки. Летящія изъ оконъ тяжести кого съ ногъ сшибаютъ, кому попадаютъ въ голову. Тамъ вонъ несутъ замертво окровавленнаго человѣка: ящикоми, говорятъ, зашибло, а сейчасъ опять пронесли обгорѣлаго солдата пожарной команды съ переломленными ногами: съ крыши упалъ въ самое полмя. Кто-то, неизвестно для чего,—лѣзетъ вверхъ по водосточной трубѣ, двое какихъ-то кадетъ, тоже невѣдомо зачѣмъ, отдираютъ вывѣску; офицеръ какой-то, вышибя каблукомъ окно, спускаетъ на веревкѣ мебель, студентъ съ ломомъ бросается къ двери и выламываетъ ее. Никто и самъ не знаетъ зачѣмъ онъ дѣлаетъ то или это. Испугъ, озлобленіе, растерянность, неумѣлость, ярко написаны на всѣхъ лицахъ этой безконечной толпы. Жандармы стараются оттереть толпу отъ огня, масса пятится, опрокидывается на груды вещей, ломаетъ себѣ шею, руки и ноги, падаетъ, люди давятъ другъ друга, а сзади, межъ тѣмъ, напираютъ другія массы, которыя не видятъ что творится впереди и лѣзутъ къ огню съ неудержимою силой. Одинъ растерявшійся квартальный гонитъ въ одну сторону, другой невѣдомо зачѣмъ оттираетъ въ противоположную, городовые сбрасываютъ шапки съ головъ зазѣвавшихся зрителей и прутъ на толпу въ третій конецъ; но новыя массы, какъ волны, валятъ и валятъ одна за другою, и все впередъ, все на огонь, и давятъ, и опрокидываютъ все встрѣчное, несутся съ ревомъ чрезъ груды вещей и ломаютъ все что ни попало. Каждый атомъ этихъ живыхъ массъ воодушевленъ однимъ стремленіемъ спасать и помогать, но ни одинъ не знаетъ что дѣлать, что спасать, кому помогать, куда направиться. Все ошамѣло, все помутилось и потеряло голову. Одна великая, мірская бѣда царитъ надъ всѣми.

Въ Апраксиномъ переулкѣ становится такъ жарко что начинаютъ загораться дома противоположные рынку. Заливать ихъ уже невозможно отъ жару. Народъ, валя другъ друга, бѣжитъ изъ этого переулка,—торопится не задохнуться и не сгорѣть заживо въ пѣклѣ огня и дыма.

Въ Чернышевскомъ переулкѣ нѣсколько минутъ давки, но жаръ за то невыносимый. Изъ воротъ Щукина двора вдругъ летитъ цѣлый ураганъ пуху и перьевъ, которыя съ трескомъ и шипѣніемъ разносятся по вѣтру и распространяютъ отвратительный смрадъ. Куры, цесарки, утки, гуси, индѣйки, павлины и всякая мелкая птица изъ птичнаго ряда, квок-

четь, кракаетъ, гогочетъ, кричитъ и стонетъ, тщетно выбиваясь изъ своихъ кѣтокъ; а которымъ удалось какими-то судьбами освободиться изъ нихъ, тѣ кружатся, снуютъ и бѣгаютъ какъ шальные по пожарищу, ища, но не находя себѣ выхода и, наконецъ, живьемъ запекаются и жарятся въ этой адской кухнѣ. На тротуарѣ, какъ и на Садовой, валяются разные товары: груды полшубковъ, груды трико, драпу, дорогихъ суконъ, груды битаго хрусталу, фаянсу и всякой посуды, перины, подушки, тюфаки, диваны и громадныя простѣночныя зеркала. Головы сахару, разбитыя бочки кофе, цыбики чаю, валяются въ грязи, рассыпаются по мостовой. Народъ неистово накидывается на миндаль, пастилу и орѣхи, хватаетъ горстями просыпанный чай, набиваетъ карманы разными продуктами. Прикащики ломаютъ двери и выбрасываютъ чтò ни попадо: изъ оконъ летятъ ананасы, банки съ вареньемъ, вина, трюфели, виноградъ, всяческіе консервы; бочки съ фруктами бьются въ дребезги; груши, яблоки и апельсины прыгаютъ по мостовой какъ мячики, разлетаются какъ картечь и катятся во всѣ стороны. Толпа огуломъ накидывается на всѣ эти блага, давитъ ихъ подъ ногами и въ одинъ мигъ расхищаетъ все чтò лишь возможно расхитить. „Ничего, братцы! Бери знай!... Съѣстное не грѣхъ! Все одно прахомъ пойдетъ!“ раздаются въ этой толпѣ поощрительныя возгласы.

Верхній этажъ пылаетъ, а многія лавки внизу еще заперты. Прибѣжалъ хозяинъ одной изъ нихъ, взглянулъ на пламя, подвѣлъ руки вверхъ и тутъ же замертво хлопнулся объ землю.

Съ противоположнаго берега Фонтанки, около Лештукова переулка и Мѣщанской гильдіи, открывалась страшная, поразительная картина пожара во всемъ его адскомъ ужасѣ. Изъ воротъ выходившихъ на Набережную спѣшно выкатывали разные экипажи: кареты, тарантасы, коляски, дорезы, сани и дрожки. Тутъ же тѣснились телѣги, на которыхъ торговцы набрасывали свой товаръ, больше все разный пестрый хламъ изъ Лоскутнаго ряда; валяли его также на барки, на плоты и на лодки, подходившія къ гранитному берегу. Множество всякихъ узловъ, вещей, и хламу, и рѣдкостей, оружіе, картины, бронзы, китайскія вазы, рѣдкія книги и груды вообще книжнаго товара, домашняя утварь, желѣзо, мебель, все это валялось съ берега, чрезъ чугунную

рѣшетку, на суда, но великое множество этихъ вещей падало въ воду и тонуло.

Между тѣмъ, барки съ дровами спѣшили поскорѣе уйти отъ пожарища внизъ по теченію. На водѣ шла такая же толкотня и сумятица какъ и на сушѣ. Не прошло и двадцати минутъ отъ начала пожара, какъ огонь побѣждалъ уже по самому забору рынка. Уголъ его, выходявшій на Набережную и Апраксинъ переулокъ, занятъ былъ громаднымъ дровянымъ складомъ. Квадраты досокъ и бревень, тѣсно сплоченные одинъ возлѣ другихъ, возвышались надъ землею болѣе чѣмъ на три сажени. Къ этому складу примыкали каретный и желѣзный ряды. Все это менѣе чѣмъ въ десять минутъ пылало гигантскимъ, сокрушительнымъ пламенемъ. Народъ еще копошился на той сторонѣ, пока пожаръ не дотелъ до забора; но когда золотыя полосы и жилаки огня пробились сквозь его щели, жаръ вдругъ сдѣлался невыносимъ до такой степени что чрезъ минуту на Набережной не было уже ни души. За нѣсколько мгновеній предъ бѣгствомъ отсюда, выломали въ нѣсколькихъ мѣстахъ чугунную рѣшетку; своротили съ мѣста нѣсколько гранитныхъ тумбъ и сбрасывали въ воду значительное число экипажей, надѣясь спасти ихъ хоть этимъ средствомъ. Впрочемъ, много каретъ и колясокъ, за недостаткомъ времени, остались на опустѣлой Набережной, которая, съ отсутствіемъ людей, вдругъ приняла какой-то мертвенный, тоскливо-пустынный и мрачный видъ. Огонь работалъ. Вътеръ клубками катилъ по Набережной комья и пучки какого-то горящаго хлама. Горѣли черныя кареты, горѣли фонарные столбы.

Рядомъ съ Мѣщанскою гильдіей, на противоположной сторонѣ Фонтанки, съ балкона дома Шамо, гдѣ жилъ тогда пишущій эти строки, открывался чуть ли не лучший и чуть ли не самый страшный видъ въ цѣломъ городѣ на это пожарище. Внизу, подъ балкономъ, кишѣла и гудѣла непроходимая толпа, сквозь которую съ неимовернымъ трудомъ прокладывали себѣ дорогу воинскія команды, торопившіяся на свои экстренные посты. Духота и жара были здѣсь такія что всѣ стекла полопались; желѣзная рѣшетка балкона раскалилась до такой степени что обжигала руки; оконныя рамы и ворота тлѣли и загарались. Надо было ежеминутно обливать ихъ водою, но чуть растворить дверь балкона какъ палачій жаръ такъ и обдастъ тебѣ все лицо. Остаться на

бажковъ не иначе было возможно какъ покрывъ голову мокрою салфеткой. Но едва успѣвали обдать стекла и рамы нѣсколькими ведрами воды, какъ черезъ минуту жаръ каленнаго воздуха уже высушивалъ ихъ, и дерево начинало гнѣть сызнова.

А на той сторонѣ, прямо предъ глазами, бушевало, ревѣло и свистало цѣлое море сплошнаго огня. Заборъ давно уже рухнулъ. Желѣзо плавилось потоками и клочкотало какъ въ каминной печи, раздражая глазъ невыносимо яркимъ свѣтомъ. Тутъ же горѣли купоросъ и сѣра которая свѣтилась переливами великолѣпнаго зеленого и голубаго огня. Въ воздухѣ поднялась цѣлая буря. Сильный и порывистый морской вѣтеръ гналъ потоки пламени прямо на громадное зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Огненные языки уже лизали его стѣны, и черезъ нѣсколько минутъ министерскій домъ пылалъ какъ и Толкучка. Дома въ Апраксиномъ переулкѣ тоже горѣли. Пламя крутилось и металось во все стороны; иногда столбъ его, какъ огненный смерчъ, высоко уходилъ въ небо и крутился длинною спиралью. А тамъ, вдали, за этимъ моремъ, мгновенными видѣлось другое, густо-багровое и даже какъ будто какое-то темное, черноватое пламя: то горѣли каменные флигеля суконныхъ рядовъ, выходящіе на уголъ Садовой и Чернышева переулка.

Въ семь съ половиною часовъ пламя вырвалось наконецъ на Садовую улицу, противъ оптовыхъ лавокъ, между Мучнымъ переулкомъ и государственнымъ бажкомъ. Домовые извозчики подѣзжали безпрестанно; вещи съ мостовой укладывались и увозились, по мѣрѣ возможности, но все-таки цѣлыя груды ихъ оставались еще на улицѣ. Брошенные шкафы, ящики и множество другихъ деревянныхъ и удобовоспламеняемыхъ вещей валялись въ томъ положеніи какъ повбросили ихъ изъ оконъ втораго этажа. Весь этотъ хаамъ тоже начиналъ загораться и угрожалъ собою зданіямъ противоположной стороны; и дѣйствительно, одинъ изъ флигелей государственнаго банка уже загорѣлся, но вскорѣ его отстояли. Надо было очистить улицу отъ хлама. Народу было множество, но онъ стоялъ себѣ простымъ зрителемъ и только препятствовалъ разѣзжаться повозкамъ. Цѣпи военныхъ часовыхъ еще не было. Солдаты продолжали выносить вещи, но спасали, по указанію самихъ же купцовъ потерявшихъ голову, совсѣмъ ничтожныя и даже непригодныя предметы,

въ родѣ сѣпжныхъ подошвенныхъ шпильковъ, поломанныхъ дивановъ и стульевъ, битыхъ зеркалъ, разную бумагу, корзинны, гвозди, пуговицы, вату и тряпье. Хотѣли солдаты ломать крышу, но не случилось ни топоровъ, ни ломовъ, которые явились уже гораздо позже. Солдаты тщетно бѣгали по лавкамъ, въ надеждѣ отыскать ихъ у торговцевъ, но желѣзныхъ лавокъ по близости не было.

Кто-то подалъ дѣльную мысль, чтобы брошенные на улицѣ вещи втаскивать обратно подъ арки Апраксина—работа закипѣла, и единственно лишь этому слѣдуетъ приписать спасеніе государственнаго банка и вообще зданій противоположной стороны Садовой улицы. Нѣкоторыя лавки, послѣ того какъ въ нихъ были выломаны двери, къ неожиданному и крайнему удивленію свидѣтелей, оказались внутри совершенно пустыми. Это возбудило громкій ропотъ: жалобы и подозрѣнія на хозяевъ въ томъ что они, вывезя весь товаръ предъ пожаромъ, вѣроятно знали что онъ случится.

— Гляди, банкротами объявятся! замѣчали въ толпѣ.

— А можетъ, ради цного злостнаго банкротства, и Толкучій горить! предположилъ нѣкто.

— Нѣтъ, баринъ, врешь! Толкучій не купечество, а хичные люди подожгли! Ужъ они давно на него зарылись! Тѣ самые чтѣ народъ православный по міру пустить хотятъ да нехорошія бумаги подбрасываютъ! Это вѣрно!

Лавки, оказавшіяся пустыми, стояли подъ №№ 40, 44 и 45. *

Солдаты выносили товары и вещи, но все это было вполне бесполезно. Ни купцы, ни прикащики не условливались съ ними о мѣстахъ складки, и тѣ, въ попыткахъ, роная по дорогѣ и подымая вещи, или, будучи задержаны толпой, теряли изъ виду своихъ провожатыхъ и потомъ отыскивали ихъ при шумѣ и замѣшательствѣ, нарочно производимомъ многочисленными мошенниками, на которыхъ слышались жалобы изъ разныхъ мѣстъ и лавокъ, и которые объявляли себя хозяевами чужаго добра. Прикащики разгоняли ихъ, дубаса по чемъ попало желѣзными замками, звали

* Фактъ этотъ засвидѣтельствованъ офиціально нѣсколькими лицами. Съ какою цѣлью и почему были вынесены изъ этихъ лавокъ всѣ товары? О цѣли, конечно, судить трудно; но почему?—это другой вопросъ. О предстоящемъ пожарѣ Апраксина и Толкучки уже заранее ходили темныя слухи, а 26го мая были подброшены извѣстительныя письма.

полицейскихъ офицеровъ и солдатъ; но тѣ и сами не знали въ какую имъ сторону идти, и брать ли этихъ господъ, отъ которыхъ хотя и припахивало водкой, но которые по большей части одѣты были прилично, называли себя дворянами или чиновниками, и съ примѣрнымъ безкорыстіемъ усердствовали въ разбитіи дверей тѣхъ лавокъ, хозяева которыхъ не успѣли во-время явиться на мѣсто.

Вообще, повсюду шель грабежъ страшнѣйшій. Хозяева вещей стараются поймать вора, ловятъ и правого и виноватаго, завязывается драка, вступается полиція, а грабежъ тѣмъ часомъ идетъ еще болѣе.

А тутъ у Апраксина переулка „поджигателя“ вдругъ поймали.

— Гей! ребята! Ваи смотрѣть! Поджигатель! Поджигатель! реветъ толпа, обуянная злобой и любопытствомъ.

Человѣкъ десять ухватили какого-то блѣднаго отъ страха молодого человѣка, предъ которымъ стоитъ лавочникъ и держать въ рукахъ бутылку съ какимъ-то чернымъ порошкомъ и коробокъ спичекъ, отнятые у „поджигателя“.

— Чтò это за порошокъ, любезный?

— Э, робя! Это порохъ!... Ей-ей, порохъ! Ишь, какъ блесить!

— Мажь ему рожу! Мажь эвтимъ самымъ суставомъ! вопить толпа.

— Держи, братцы, крѣпче! Вотъ я ему сейчасъ! говоритъ лавочникъ, насыпая въ руку порошокъ изъ бутылки.

Пойманный судорожно присѣдаетъ.

— Стой, братцы, кричить кто-то: — давай, я на языкъ попробую!

— Не трожь! Ротъ обдеретъ!

— Полно!... Еще, гляди, помрешь, аль лопнешь!

— Небойсь!... Не помремъ!... Давай!... Я сейчасъ узнаю!

Порошокъ оказывается обыкновеннымъ чернымъ пескомъ, для засыпки письма.

— Ну, ступай съ Богомъ! Христось съ тобой! Не сердися!... Самъ видишь, время нонѣ какое!

Пойманный, перекрестившись, пускается бѣжать чтò есть духу.

— Держи! держи! Воръ бѣжить! Воръ! преслѣдуетъ его крикомъ какая-то баба, въ конецъ ошалѣлая отъ страха.

Нѣсколько человѣкъ изъ толпы кидаются ловить „вора“,

который сейчасъ только что былъ „поджигателемъ“. Къ счастью, полиція успѣваетъ на выручку.

А въ это же самое время бѣжитъ по улицѣ, выпучивъ глаза, какой-то растрепанный, оборванный, но бывшій порядочно одѣтымъ, человѣкъ, безъ шапки, съ обезображеннымъ лицомъ. Онъ бессмысленно смотритъ впередъ, беспорядочно машетъ руками и вопитъ страшныя проклятія.

— Сумашедшій!... Помѣшался!... Господи!... Человѣкъ въ умѣ помѣшался! проносится въ толпѣ словъ состраданія.

Помѣшанный бѣжитъ далѣе и исчезаетъ въ народѣ.

Какая-то растерявшаяся женщина, съ ребенкомъ на рукахъ, вдругъ бросается съ визгомъ подъ пожарную тройку.

— Стой!... Стой!... Берегись!... Батюшки! Раздавили!... Подъ лошадей попала!... Ребенокъ-то, ребенокъ!... Ай-ай-ай, Господи!... проносятся отчаянные крики.

Пьяный господинъ, въ отставномъ пальто, съ кокардой на красномъ околышѣ потертой фуражки, азартно колотитъ по зубамъ встрѣчныхъ и поперечныхъ и хрипло-начальственнымъ тономъ оретъ:

— Назадъ!... Назадъ, говорю вамъ! Сюда нельзя! Не смѣть ходить сюда!

Смущенная толпа молча пятится предъ азартною кокардой.

То тамъ, то здѣсь появляются разные самозванные начальники и запретители, которые обращаются съ приказаніями къ толпѣ, что „и сюда, молъ, нельзя, и туда нельзя“. Иногда толпа послушаетъ запретителя и попытается, а иногда какой-нибудь смѣльчакъ и по зубамъ его съѣздитъ. За симъ неизбежно поднимается драка, кончающаяся цѣлою свалкой.

— Поберегись!... Уйди!... Прочь съ дороги!... Убью!... Берегись!... Караулъ!... Ка-ра-у-у-уль!... Стой!... Чтѣ за человѣкъ такой? неумолаемо раздается со всѣхъ сторонъ надъ одурѣвшею толпой.

Какой-то старикъ съ длинною, сѣвою бородой, припавъ лицомъ къ стѣнѣ, вдругъ тяжко и страшно зарыдалъ разбитымъ, старческимъ рыданьемъ.

— У!... Разбойники!... Жечь ихъ! самихъ жечь! гудѣло въ толпѣ со стономъ и скрипящею злобой.

Страшный вѣтеръ отрывалъ отъ пожара цѣлыя клубы пашени и несъ ихъ въ воздухѣ отдѣльными клочьями.

Около шести часовъ пополудни огонь показался на противоположной сторонѣ Фонтанки. Быть-можетъ, его перебросило. Здѣсь, повидимому, никто не чаялъ новаго пожара, какъ вдругъ, почти мгновенно, освѣтило дровяные дворы и досчатые склады; затѣмъ и четверти часа не прошло какъ уже пылали Чернышевъ, Троицкій и Щербаковъ переулки. Въ послѣдній, въ особенности, было страшно взглянуть: это самый узкій изъ всѣхъ петербургскихъ переулковъ, застроенный, по большей части, ветхими деревянными лачугами, и теперь въ немъ кипѣла и трещала цѣлая рѣка непрерывнаго, сплошнаго огня: тамъ уже не души не было. Оттуда можно было только спастись, но не спастись. Въ общей сложности, горѣло пространство, по крайней мѣрѣ, на три версты въ окружности. Тринадцать частей съ ихъ резервами — все чѣмъ богатъ въ этомъ отношеніи городъ — были раскинуты на столь громадномъ протяженіи и совершенно терлись въ немъ. Работа ихъ, повидимому, была вполнѣ бессильна. Пожарные солдаты, измученные длиннымъ рядомъ предшествовавшихъ, непрерывныхъ пожаровъ, въ теченіи цѣлыхъ двѣнадцати дней лишенные сна и покоя, часто по цѣлымъ суткамъ голодные отъ недостатка свободнаго времени проглотить какой-нибудь кусокъ, — въ настоящую минуту еле двигали руки и ноги. Сколько изъ нихъ, бывало, въ ожиданіи воды, присядутъ къ колесу бочки и тотчасъ же засыпаютъ глубокимъ сномъ; сколько, бывало, валялись съ ногъ на мостовую въ совершенно безчувственномъ состояніи; одинъ сталъ было колѣнами на подножку, склонилъ голову на дроги, да такъ и остался недвижимъ: никакими усиліями не могли его растолкать — онъ онемѣлъ совершенно. А сколько этихъ людей калѣчилось, убивалось, гибло въ огнѣ жертвами собственнаго самоотверженія! Спасибо еще что находились добрые люди которые привозили имъ на пожаръ хлѣба, вина и калачей, — и трудно представить себѣ до какой степени простиралась благодарность этихъ солдатъ! Хвативъ глотокъ водки и на-ходу закусывая кускомъ хлѣба, они съ новою энергіей кидались въ свою каторжную работу и дѣлали все что только въ состояніи сдѣлать человѣческія силы.

Въ минуты тяжкихъ общественныхъ испытаній какъ-то само собою сглаживается и исчезаетъ то что зовется кастою, сословностью, разностью положеній, званій и состояній. Въ-мѣсто этого является масса, сила, міръ, кѣчто единое, или то

что можно понимать подъ словомъ *народъ*, въ самомъ широкомъ смыслѣ. Такъ было и теперь. Пожаръ сталъ общео бѣдой; тушить его стало общимъ дѣломъ. Офицеры гвардіи и отставные солдаты, чиновники, пажи, гимназисты и студенты, лицеисты и правовѣды, денди въ изящѣйшихъ пальто, съ пепелемъ на носу, и пролетаріи съ Святой площади, священники, негоціанты, капиталисты и нищіе, лица заслуженныя и простые работники, бары и мѣщане, — словомъ, всѣ кто только могъ посылно помогали дѣлу: карабкались на подмостки пожарныхъ машинъ и, облитые потоками грязной воды, обсыпанные пепломъ, подъ дождемъ сыплющихся искръ и углей, усердно качали и качали воду, осушая на всѣхъ пунктахъ цѣлыя сотни бочекъ. Въ одномъ мѣстѣ какой-то заслуженный, сѣдой генералъ, вида что рвеніе толпы къ помощи начинаетъ ослабѣвать, а утомляемые межъ тѣмъ выбываются изъ послѣднихъ силъ, взлѣзъ на пожарную трубу и, не говоря ни слова, что было мочи сталъ качать воду. Этотъ примѣръ былъ своего рода электрическою искрой: сотни рукъ въ одну минуту двинулись къ машинѣ чтобъ освободить честнаго, добраго человѣка отъ непосильнаго ему труда. Двое кадетъ инженернаго корпуса видѣлись вмѣстѣ съ нѣсколькими пожарными на обхваченной пламенемъ крышѣ высокаго, пятиэтажнаго дома и усердно работали тамъ топорами. Какой-то молодой человѣкъ, безъ сюртука, одѣтый въ одну рубашку и панталоны, со студентскою фуражкой на головѣ, съ топоромъ за кожанымъ поясомъ, предвождая небольшою группою своихъ товарищей, просто поражалъ толпу, смотрѣвшую на пожаръ, чудесами неумоврнаго мужества. Сначала онъ работалъ около министерства внутреннихъ дѣлъ, но потомъ, когда тутъ нечего уже было дѣлать, бросился со своими товарищами въ Троицкій переулокъ. За нимъ послѣдовала цѣлая толпа чтобы полюбоваться на молодецкій образъ дѣйствій отважнаго юноши. Тутъ онъ по лѣстницѣ бросился на одинъ изъ загорѣвшихъ уже домовъ, и толпа снизу видѣла какъ изъ-подъ его топора летѣли щепы, когда онъ быстро рубилъ горѣвшія балки. Товарищи его помогали ему сбрасывать балки наземь, но вдругъ раздается зловѣщій трескъ, подъ студентомъ рушится потолокъ, и онъ праваливается. Крикъ ужаса вырвался у глядѣвшей толпы. Прошло минуты двѣ ожиданія, обдающаго нѣмою тишиной, и дрожью, и холодомъ. Но

вотъ онъ однако показывается въ окнѣ пылающаго верхняго этажа. Товарищи его, успѣвшіе, между тѣмъ, спуститься внизъ, помогаютъ ему сдѣлать тоже, приставляютъ лѣстницу, но онъ видимо страдаетъ отъ боли. Не прошло и пяти минутъ какъ, заткнувъ топоръ за поясъ, онъ вновь взбирается по лѣстницѣ на другой горящій домъ, хотя толпа и не пускала его. Это самоотверженіе тѣмъ болѣе могло назваться подвигомъ что толпа громко говорила будто Петербургъ жгутъ не только Поляки, но и студенты. Одинъ видъ синяго околыша студентской фуражки возбуждалъ уже въ толпѣ враждебную подозрительность и негодованіе.

Примѣры великодушія являли многіе городскіе и ломовые извозчики. Болѣе полтораста ломовыхъ прикатили къ мѣсту пожара съ Калашниковой пристани чтобы перевозить товары за самую ничтожную плату и даже вовсе безъ всякой платы. Одинъ извозчикъ, съ Литейной, прислалъ для той же цѣли безвозмездно пятнадцать четверомѣстныхъ каретъ. Но за то были и такіе спекулянты которые за перевозку клади отъ Гостинаго двора на Царицынъ луга, разстояніе менѣе чѣмъ полверсты, драли по тридцати-пяти рублей съ воза или по пятидесяти съ омнибуса. Кто хотѣлъ въ мутной водѣ рыбу ловить, тому было теперь всяческое раздолье....

XXXVI. Наши знакомцы на пожарѣ.

Андрей Павловичъ Устиновъ въ этотъ день обѣдалъ у Горевыхъ. Еще сидѣли за столомъ, когда принесена была вѣсть что Толкучій горитъ. Черезъ полчаса опять прибѣжала горничная и объявила что пожаръ—страсти какой! что и въ Петербургѣ отродясь такого не видано! Татьяна Николаевна въздумалось пойти поглядѣть что тамъ такое дѣлается, и она отправилась вмѣстѣ съ Устиновымъ.

Литейная, Владимірская, Александринская площадь, Садовая, словомъ, всѣ ближайшія къ пожару улицы, площади и переулки были запружены народомъ и экипажами, загромождены мебелью, завалены товарами, узлами и всякими пожитками. Бабы ревя ревяли, сидя на вихъ и караула остатки своего добра отъ расхищенія. Солдаты съ ружьями тамъ и сямъ стояли часовыми при грудахъ имущества. Длинные цѣпи ихъ протянулись вдоль ближайшихъ улицъ. Изъ домовъ

продолжали выносить и спасаться жильцы. Со всѣхъ сторонъ было одно и то же: пламя, дымъ, обгорѣлыя бревна, стропила, доски, оторванные листы желѣзныхъ крышъ, мрачные остовы сгорѣвшихъ домовъ, закопченныя стѣны, выбитыя окна, искры и головни.... Повсюду бѣготня, вѣда, суета, сумятица, слезы и вопли, крики, ругательства и проклятія, и все это покрывается свистомъ порывистаго вѣтра, ревомъ пожара, трескомъ рушащихся домовъ и шипѣніемъ высокихъ струй воды, направляемыхъ въ самую сильную пѣкла.

— Поджигаютъ!... Поджигаютъ! слышалось со всѣхъ сторонъ отъ встрѣчнаго и поперечнаго.

Кто поджигаетъ? Тьма предположеній, но ни одного положительнаго вѣрнаго отвѣта. Одно только чувство немедленной и безпощадно-страшной мести невидимымъ, тайнымъ врагамъ, съ каждою минутой все болѣе и болѣе разгорается въ массахъ народа.

Установъ, подъ руку съ Горевой, пробирается по Троицкому переулку. Прель воротами одного дома имъ повеломъ пришлось остановиться, такъ какъ огромная толпа стояла тутъ не двигаясь и глядѣла на загаравшійся домъ съ противоположной стороны переулка.

— Батюшки! да никакъ это наша коммуна выносится, сказала Татьяна, замѣтивъ въ двухъ шагахъ отъ себя Лиденьку Затцъ, сидѣвшую на грудѣ узловъ и мебели:—Ну, такъ и есть: вонъ и Малгоржановъ тащить сюда что-то!

— Лиденька! Здравствуйте! крикнула ей Татьяна.

Затцъ обернулась. Лицо ея было нервно и встревожено. На немъ явно отпечатывались испугъ и растерянность.

— Ахъ, это вы!... Здравствуйте, здравствуйте, миленькая! быстро и взволнованно заговорила она, видимо обрадовавшись:— Голубушка, помогите, Христа ради!... Вынесимся.... Сейчас, вѣрно, и у насъ загорится.... Помогите, покараульте вотъ.... За всѣмъ не доглядишь, а у меня ужъ и то новое пальто украли.... Эдакое бѣдствіе!... Ахъ, ужъ, кажется, еслибы только узнать кто эти мерзавцы поджигатели, вотъ бы ужъ, кажется, своими руками!... Разстрѣливать эдакихъ изверговъ мало!... Вѣдь тутъ народъ, цѣлый народъ страдает!... Подлецъ эдакіе!... Но пальто мое... Господи! на прошлой недѣлѣ только двадцать пять рублей заплатила.... и представьте, сейчасъ отащили вотъ.... Эдакая обида!

Варугъ, въ эту самую минуту, изъ-подъ воротъ послыша-

лись отчаянные крики: „держи!... держи, братцы, держи!“ и вслѣдъ затѣмъ выскочила какая-то блѣдная, испуганная, оборванная фигурка, безъ шапки, кутая что-то подъ мышкой, и тотчасъ же за нею появился Ардалионъ Полояровъ. Блѣдный и растрепанный, съ горящими, опалѣлыми глазами, онъ гнался во всю прыть за испугомъ, оборванной фигуркой и простирая впередъ руки, силась догнать и поймать ее.

— Держи, братцы, держи!... Воръ! Мазурикъ!... Сейчас штаны мои изъ-подъ руки стащилъ! вопилъ запыхавшійся Ардалионъ, вслѣдъ за которымъ, словно мячикъ, выкатился и Анцыфрикъ, пища во весь свой плюгавый голосенокъ:—держи! штаны украдъ!... штаны наши! Держи его!... въ полицію!...

Толпа тотчасъ же задержала испуганнаго мазурика, который, весь дрежа и присѣдая отъ страху, кидаясь вокругъ себя дикіе, молящія взгляды.

Полояровъ нагналъ его и цапнулъ за волосы.

— Вотъ онъ кто поджигатель-то!... Вотъ онъ! вопилъ Ардалионъ Михайловичъ:—Отдай штаны, подлець!... Братцы, помогите! Отымите! За что жь имъ грабить-то позволять!

Коммунисты гуртомъ бросились спасать Полояровскіе штаны. Толпа мигомъ окружила и Ардалиона, и мазурика, и загудѣла своимъ смѣшаннымъ, но злобѣющимъ гуломъ.

— Бей его!... Бей, братцы! раздавался сквозь этотъ гулъ озлобленно-растерянный голосъ Ардалиона.

Нѣсколько кулаковъ замелькали надъ головами своими широкими размахами, и вслѣдъ за тѣмъ всю душу раздражающій крикъ и жалобные стоны пронеслись надъ толпой.

— Уйдемте... Бога ради, уйдемте поскорѣй отсюда! прошептала поблѣдѣвшая Татьяна, прижимаясь къ рукѣ Устинова.

Они съ величайшимъ трудомъ прокладывали себѣ дорогу. Иногда волна людской толпы захлестывала ихъ собою, подхватывала и несла впередъ своимъ собственнымъ невольнымъ движеніемъ, и въ такія минуты было легче идти: приходилось только защищать свои бока, но самому пробираться было уже не къ чему: толпа несла сама собой.

Такимъ образомъ, и сами не понимая какъ, они вмѣстѣ съ захлестнувшимъ ихъ потокомъ очутились на Чернышевской площади, предъ пылающимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Тутъ было нѣсколько простора, и потому соблюдался кой-какой порядокъ. Груды бумагъ и „дѣлъ“ валялись на

мостовой. Порывы вѣтра подхватывали ихъ, рвали, кружили и разносили въ стороны. Нѣсколько студентовъ захватили пять или шесть извожничихъ дрожекъ, и наваливъ туда кучи этихъ бумагъ, отвозили ихъ подъ своимъ надзоромъ въ болѣе безопасное мѣсто. Другіе ловили и подхватывали налету отдѣльные листы и отдавали ихъ тѣмъ же студентамъ. Фасадъ министерства стоялъ подъ вѣтромъ, и потому языки огненного пламени, выкатывавшіеся изъ всѣхъ оконъ верхняго и средняго этажей, плавно подымались вверхъ, и уже оттуда вѣтеръ металъ ихъ во всѣ стороны. Сквозь пролетныя арки сосѣдняго дома министерства народнаго просвѣщенія, несмотря на огонь адскаго пожара, порою открывалось здали на нѣсколько мгновеній небо, все багровое отъ послѣднихъ лучей заходящаго солнца. Начинало смеркаться. Въ воздухѣ понемногу темнѣло, и вмѣстѣ съ синевою сумерокъ увеличивалось зарево пожаровъ. Оно становилось теперь какимъ-то грознымъ, злобщимъ, ярко-краснымъ. Стаи голубей и листы бумаги все еще высоко кружились надъ пожарищемъ, мгновенными сверкая предъ лучами огня своею яркою бѣлизной. Иногда бумага казалась птицей, а птица бумагой. Вода въ Фонтанкѣ вся поворонѣла, и на мелкихъ изломахъ ея зыби, словно на стальной чешуѣ, мириадами свѣтлыхъ точекъ, полосокъ и змѣекъ играли отблески кроваваго огня. По теченію медленно плыли одна за другой три покинутыя барки, наполненныя дровами. Одна изъ нихъ горѣла.

Устиновъ и Горева молча, съ какою-то обмирающею скорбью въ душѣ, глядѣли на всю эту мрачную, ужасающую картину.

Спиною къ нимъ, въ какомъ-нибудь шагѣ разстоянія, оставились двое молодыхъ людей и, повидимому, любовались пожаромъ.

— Это тоже изъ коммунистовъ, шепнула Татьяна, указавъ на одного изъ нихъ глазами:—я и другаго, кажется, тамъ встрѣчала....

То были Моисей Фрумкинъ и Василій Свитка, нечаянно столкнувшіеся гдѣ-то на пожарѣ. Свитка, противъ обыкновенія, щеголялъ теперь не въ чамаркѣ, а въ обыкновенномъ пиджакѣ.

— А славно горить.... Просто прелесть какая картина! съ улыбкой обратился онъ къ Моисею.

— Да! эффектно, чортъ возьми! процѣдилъ тотъ оквозь сжатые зубы.

Какой-то пожилой, обрюзглый господинъ съ рыжими усами и съ чиновничьею кокардой на шапкѣ, стоявшій тутъ же по соседству, почти рядомъ съ ними, свирѣпымъ взглядомъ поглядѣлъ на обоихъ, молча, но въ высшей степени подозрительно.

Тѣ однако, продолжая любоваться эффектомъ огня, не замѣтили этого взгляда.

— *Quae medicamenta non sanant—ferrum sanat, quae ferrum non sanat—ignis sanat!* * тихо, но вѣско проговорилъ Свитка.

Чиновникъ снова метнулъ на него подозрительный взглядъ, и сталъ прислушиваться.

— Это старая истина, согласился Фрумкинъ.—А вѣдь говорятъ будто это Поляки? а? съ улыбкой обратилса онъ къ пріятелю.

Тотъ поглядѣлъ на него черезъ плечо такимъ взглядомъ, въ которомъ сквозила и насмѣшка, и презрѣніе.

— Вы полагаете? сказалъ онъ:—говорятъ тоже будто рускіе студенты, но я этого не полагаю. Чтѣ же касается до Поляковъ, то у нихъ пока еще, слава Богу, есть другія средства борьбы; а на это дѣло и изъ своихъ, изъ Русскихъ найдется достаточно героевъ.

— Да, сѣверный исполинъ просыпается! съ отѣнкомъ какого-то самодовольнаго самохвальства замѣтилъ Моисей Фрумкинъ.

— Да намъ-то чтѣ до этого „исполина“, до этого Росса-колосса! Вѣдь мы съ вами не принадлежимъ къ туранской породѣ, съ легкою ироніей замѣтилъ Свитка.

— Конечно, я космополитъ въ сущности! поспѣшилъ объясняться Фрумкинъ:—но вѣдь эта идея подымается во имя революціоннаго начала, въ смыслѣ общеевропейской революціи.

Рыжіе усы съ кокардой очевидно ловили каждое слово этой неосторожной бестыды.

— *Ignis sanat*, продолжалъ межъ тѣмъ Фрумкинъ:—это конечно такъ! Средство славшомъ радикальное, но оно должно

* Чему дѣкарство не поможетъ—жельзо поможетъ, чему жельзо не поможетъ—огонь поможетъ.

наконецъ подѣйствовать, именно потому что это радикально!

— А что ваша типографія? перебилъ его Свитка.

— Слава Богу, я успѣлъ застраховать ее! шихоходомъ отвѣтилъ Моисей и поспѣшилъ вернуться къ дальнѣйшему развитію своей темы:—какъ бы то ни было, но мы видимъ что правительство безсильно, правительство не можетъ и не умѣетъ бороться даже и съ этими пожарами: оно само горитъ. Сегодня сгорятъ эти два министерства, а завтра, можетъ, и остальные. И народъ тоже вѣдь очень хорошо видитъ и понимаетъ это безсиліе, онъ начнетъ завтра же презирать ту власть которая сегодня не можетъ и не умѣетъ помочь народу. А между тѣмъ горятъ-то все не богатые, а самые бѣдные кварталы, значить, тотчасъ же возникнетъ пролетаріатъ, съ ненавистью къ правительству и къ капиталу, который не горитъ теперь, а выѣзжаетъ на дачи. Пожары—вотъ вы увидите—окончательно раздражатъ народъ и сдѣлаютъ его воспріимчивѣе для принятія новыхъ идей и порядковъ,—ну, и конечно,—хочешь-не-хочешь, втолкнуть его въ революцію. А вѣдь этого въ сущности только и нужно, и съ этой стороны я понимаю и, пожалуй, до нѣкоторой степени даже оправдываю пожары.

Но не успѣлъ еще Моисей договорить послѣдней фразы, какъ подслушивавшій чиновникъ съ яростью ухватилъ его за шиворотъ.

— Братцы! Православные! Бунтовщикъ! Поджигатель! закричалъ онъ на всю площадь своимъ хриплымъ басомъ:— Эй! Народъ русскій! Сюда! Ко мнѣ! Я врага отечества поймалъ! В-р-р-рага отечества! Казни его, народъ православный. Выдаю тебѣ его головою! Вотъ онъ!

Рыжіе усы мощною рукой потрясали шиворотъ съѣжившагося Фрумкина, который, какъ ни старался вывернуться, однако ничего не могъ подѣлать. Свитка же, чуть лишь замѣтилъ въ самый первый мигъ эту руку схватившую его за комца, тотчасъ же юркнулъ назадъ и затерялся въ толпѣ.

Нѣсколько десятковъ человѣкъ самаго разношерстнаго народа въ ту же минуту плотно окружили со всѣхъ сторонъ чиновника и Моисея.

— Хвалилъ пожары! Говорить что это хорошее дѣло, что онъ одобряетъ! докладывалъ толпѣ поимщикъ. — Обыскать его, братцы!

— Обыскать! Обыскать! подхватили въ толпѣ, и нѣсколько

рукъ запустилось во всё карманы какъ смерть побѣдѣвшаго Фрумкина.

— Вотъ оно!... Вотъ!... Нашель!... Всю механику, братцы, нашель! выкрикнувъ одинъ голосъ,—и предъ глазами толпы появились мельхиоровая спичешница съ желтымъ селитрянымъ фитилемъ, пара сигаръ, какіе-то пять порошковъ въ аптекарскихъ конвертикахъ.

— Это у тебя зачѣмъ имѣются поджигательные снаряды? допытывалъ чиновникъ въ героической позѣ судья и рѣшителя. Хотя отъ этого оратора и сильно отдавало сивушнымъ масломъ, но толпа на такое обстоятельство не обратила ни малѣйшаго вниманія, которое было поглощено „поджигателемъ“ и сдѣланными у него находками.

— Я тебя спрашиваю, для чего у тебя эти поджигательные снаряды? продолжалъ яростный ораторъ-судья и слѣдователь.

— Это спички!... папиросы зажигать, пробормоталъ въ колець оробѣвшій Фрумкинъ.

— Папиросы зажигать? А можетъ и столицу поджигать?

— Это такъ! „Поджигать!“ Это вѣрно! гудѣла голоса въ окружавшей толпѣ.

— А зачѣмъ у тебя эти порошки?... Это, братцы, самый составъ-то и есть которымъ поджигаютъ! объяснялъ чиновникъ, обращаясь ко всему ареопату.

— Боже мой!... это Доверовы порошки!... позвольте я прогложу одинъ хоть сейчасъ же!... вы увидите! бормоталъ Фрумкинъ, тщетно ища себѣ хотя въ комъ-нибудь нѣкоторой поддержки.

Но всё глаза такъ предупреденно, такъ подозрительно и съ такою злобой смотрѣли на него что тутъ уже рѣшительно нечего было ждать себѣ защиты.

— Православные! хрипѣлъ межъ тѣмъ чиновникъ:—Я самъ былъ земскимъ засѣдателемъ по этимъ дѣламъ! Я знаю что это зажигательный снарядъ!... Я самъ все время слышалъ какъ онъ хващелъ пожары!... Полицію сюда! Полицію!

— На что полицію! отзывались въ толпѣ:—съ полиціей лишняя возня, а лучше своимъ судомъ!

— Своимъ! Своимъ судомъ лучше! подхватили десятки новыхъ голосовъ:—въ огонь его, душегуба, да и вся не долга. Въ огонь!... Бери, братцы! Подхватывай!... Чего ждать-то!... Швыряй прямо въ огонь-то!... Псу песня и смерть! Пуцай

поддыхаетъ! Въ огонь его! Въ поляны! Умѣлъ поджигать, умѣи и жариться таперя!

— Братцы!... Я Русскій... Я православный... Я въ Бога вѣрую! молящимъ голосомъ бормоталъ Фрумкинъ и спѣшно сталъ креститься для доказательства что онъ въ Бога вѣруетъ.

— Небось, не надуешь!... Въ огонь его, братцы!... Берися.

Десятка полтора охочихъ рукъ подхватили несчастнаго Моисея за руки и за ноги и потащили къ огню, съ намѣреніемъ раскатать его и швырнуть въ пламя.

Въ эту самую минуту, къ счастью, замѣтивъ особенное движеніе толпы, налетѣлъ на нее какой-то полицейскій маіоръ верхомъ и двое жандармовъ.

— Господи! офицеръ! господинъ офицеръ! Бога ради!... Спасите!... Невиннаго спасите! громко молящимъ, отчаяннымъ голосомъ взывалъ къ нему Фрумкинъ.

Маіоръ, съ помощію жандармовъ, силою разогналъ толпу, и всѣ они тотчасъ же взяли подъ свою непосредственную опеку несчастнаго космополита, о которомъ, впрочемъ, толпа почти тутъ же и позабыла: вниманіе ея въ эту самую минуту всецѣло отвлеклось въ другую сторону.

XXXVII. Ignis non sanat.

На площадь валила несмѣтная масса народа. Гулъ сотенъ тысячъ голосовъ разражался въ потрясенномъ воздухѣ однимъ гигантскимъ, единодушнымъ крикомъ — однимъ безконечнымъ *ура*. Надъ этими массами развѣвались султаны нѣсколькихъ всадниковъ. Впереди былъ одинъ. Онъ медленно подвигался впередъ на своемъ конѣ, совершенно отдѣленный, отрѣзанный отъ остальныхъ всадниковъ живыми волнами плотной массы народа. Это ему кричали *ура* эти сотни тысячъ грудей, поднятыхъ однимъ восторженнымъ порывомъ, однимъ стремленіемъ. Это на него были устремлены эти сотни тысячъ глазъ горѣвшихъ одною мыслію, одною надеждою, одною вѣрой и любовью. Русскій народъ встрѣчалъ Русскаго цара. Иной встрѣчи и быть не могло: у нихъ одна и та же радость и горе, одни и тѣ же друзья и недруги, и это высшее единеніе чувствовалось инстинктивно, само собою, никѣмъ и ничѣмъ не подсказанное, никакимъ искус-

ством непрививаемое: оно органически, естественно рождалось изъ двухъ близкихъ словъ, изъ двухъ родныхъ понятій: *народъ* и *царь*.

„Батюшка!.. Царь!.. Спаси!.. Заступись! Ты одинъ наша надежда! Отецъ нашъ!“ вопилъ народъ, кидаясь къ царскому стремени и обнимая ноги Государя: — „Мы знали что Ты съ нами! Ты нашъ! Ты не оставишь.... Мы всѣ съ Тобой! Всѣ за Тебя! Не выдадимъ! Умремъ—не выдадимъ!..“

И снова тысячегрудое, громовое *ура* потрясло воздухъ и заглушало свистъ и ревъ пожара.

Съ трудомъ прокладывая себѣ дорогу чрезъ волнующееся море народныхъ массъ, Государь продолжалъ одинъ, безъ свиты, оставленной далеко позади, медленнымъ шагомъ вѣхать впередъ. У Чернышева моста Онь на минуту остановилъ кова и оглядѣлся. Впереди было море огня, позади море огня. Надъ головой свистала буря и сыпался огненный дождь искръ и пепла, и среди всего этого хаоса и разрушенья раздавались тяжкіе стоны, рыданья, вопли о помощи, о защитѣ и могучее, восторженное, ни на единый мигъ несмолкаемое *ура* всего народа.

Всѣ мысли, всѣ взоры были теперь прикованы къ лицу Государя. Оно было блѣдно и величественно. Оно было просто, искренно, и потому такимъ теплымъ, восторженнымъ и благоговѣйнымъ чувствомъ поражало души людскія. Оно было понятно народу. Для народа оно было свое, близкое, кровное, родное. Сквозь кажущееся спокойствіе, въ этомъ блѣдномъ лицѣ проглядывала скорбь глубокая, проглядывала великая мука души. Нѣсколько крупныхъ слезъ тихо скатились по лицу Государя....

Народъ видѣлъ эту скорбь, видѣлъ эти слезы. Быть-можетъ, никогда еще не былъ Онь такъ близокъ народу, такъ высоко популяренъ, какъ въ эти тяжкія минуты всенародной бѣды. Не было такой непереходной преграды которая бы не преодолилась, не было такой великой жертвы которая не принеслась бы народомъ, съ восторгомъ несокрушимой силы и любви, съ охотой доброй воли, по единому *Его* слову.

Съ этой минуты для народа Онь, одинъ Онь былъ *все*. Въ Онь, мимо Онь народъ ничего не зналъ, ничего не видѣлъ. Старая, историческая связь закрѣпилась теперь еще разъ новыми узами.

19го февраля 1861 года они опознали другъ друга въ словѣ и дѣлѣ свободы. 28го мая 1862 года огонь пожаровъ закалдилъ ихъ нравственныя узы. Горящій городъ,—все равно какъ и Москва 1812 года,—сталъ огненною купелью ихъ взаимной силы и единенія.

Быть-можетъ, ни раньше, ни позже, а именно въ эту самую глубоко-скорбную минуту свершился тотъ нравственный кризисъ, тотъ благодѣтельный переломъ въ тифозной горячкѣ общественнаго организма того времени, который потомъ съ такою мощью и достоинствомъ сказался на весь миръ однимъ годомъ позднеѣ.

Ignis non sanat. Это уже было рѣшено. Кто думалъ иначе, тотъ былъ слѣпъ. Впрочемъ, радикальное лѣкарство дѣйствительно произвело и радикальныя послѣдствія,—только со всѣмъ въ другую сторону.

Новыя массы, новыя живыя рѣвки людей отовсюду стремились на встрѣчу Государю. Вѣсть о томъ что Онъ самъ здѣсь же, на пожарѣ, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, какъ электрическая искра пробѣгала въ массахъ, и крики *ура* оглашали воздухъ за версту и болѣе разстоянія отъ того мѣста гдѣ находился Царь. Тамъ Его не видѣли, но чувствовали Его присутствіе.

— Слышите?... Слышите эти крики? говорила Татьяна съ невольными восторженными слезами на глазахъ: она сейчасъ была свидѣтельницей этой встрѣчи, этихъ порывовъ; она тоже, и притомъ близко, видѣла этотъ блѣдный, величественный облакъ съ медленно катящеюся слезой, и отзывчивое, простое и чуткое сердце ея дрожало тѣмъ же восторгомъ, тою же любовью какъ и сердце всего этого народа.

— Да, точно: исполнѣнь просыпается! отозвался ей Устиновъ: — да только проснется-то онъ вовсе не такъ и не за тѣмъ какъ ждуть и надѣются мнимые любители народа!... Показать бы ихъ теперь этому народу! Пускай бы послушали, не кричить ли онъ по ихъ рецепту: „да здравствуетъ Молодая Россія и русская соціально-демократическая республика!“

XXXVIII. Кому и какія услуги оказаны пожарамъ?

На слѣдующіе дни Петербургъ былъ похожъ на городъ въ осадномъ положеніи: дымящіяся развалины, по всѣмъ площадямъ таборы погорѣльцевъ, груды пожитковъ, слезы и

лицета, усиленные военные патрули, часовые съ ружьями на скрытыхъ и явныхъ экстренныхъ постахъ по всѣмъ улицамъ и во многихъ дворахъ; ворота домовъ на запорѣ, дворники день и ночь на строгомъ дежурствѣ, повсюду наготовѣ бочки, ушаты и ведра съ водой; ночью не дозволяютъ ходить по тротуарамъ; днемъ не пускаютъ во дворы и на лѣстницы вока не скажешь къ кому идешь, и тогда одинъ изъ дворниковъ отправляется по слѣдамъ и доводитъ до самой двери; повсюду самая усиленная бдительность, и несмотря на это, 29го мая, загорѣлся отъ поджога Александринскій театръ, въ то время когда еще очень много было огня и на Толкучемъ, и въ Троицкомъ, въ Щербаковомъ и въ иныхъ мѣстахъ за Фонтанкой, а 30го мая сдѣлано болѣе десяти поджоговъ. Сильный вѣтеръ благоприятствовалъ. Въ этотъ день сильно горѣли Пески, гдѣ дворники очень исправно караулили до пяти часовъ утра, а въ этотъ часъ, по общему соглашенію, отправились отдохнуть,—и черезъ полчаса Пески загорѣлись. Пожаръ этотъ заранѣе былъ уже назначенъ подметными письмами на 30е мая, что и исполнено въ точности. Другіе поджоги въ тотъ день были: на Мѣщанской, около Ломбарда, на углу Мѣщанской и Вознесенскаго, около склада аптекарскихъ и москательныхъ товаровъ, во дворѣ откупной конторы, гдѣ помѣщались большіе запасы водки и спирта. два поджога въ Коломнѣ, въ Большой Подъяческой и др. 31го мая поджигали Первый сухопутный госпиталь и Кутелевку, и тогда же были подброшены новыя письма о предстоящихъ большихъ пожарахъ на 3е іюня и о поджогахъ пороховыхъ погребовъ. Призывали экспертовъ для сличенія рукъ, и тѣ нашли что всѣ письма писаны одною рукой, но измѣненными почерками (прямѣе или косѣе). Поджигатели дѣйствовали неутомимо. „Ишь ты, мореходы какіе!“ говорилъ народъ: „по вѣтру дѣйствуютъ! Все вѣтру ждуть.“ 1го и 2го іюня все время шелъ дождь, и потому поджоговъ сравнительно было менѣе. Съ этого же времени стала на десять дней совсѣмъ осенняя свирѣпая непогода, Реомюръ падалъ до 4° тепла. Безостановочный, мелкій, осенній дождь и студеные вѣтры довершали несчаствіе погорѣльцевъ, которые ютились на площадяхъ, подъ открытымъ небомъ, въ грязи и мокротѣ, почти на морозѣ, — и какихъ только проклятій не посыпалось тутъ поджигателямъ!

Нравственное состояніе жителей было возбуждено въ

высшей степени: чуть ли не въ каждомъ прохожемъ подозрѣвали тайнаго врага. За молодыми людьми слѣднми повсюду, такъ что нѣкоторые изъ студентовъ являлись въ редакцію газеты, прося вступиться и защитить ихъ печатнымъ словомъ. Сцены кровавыхъ уличныхъ расправъ и самосуда повторялись безпрестанно, такъ что просто опасно стало ходить по улицамъ. Ночью народъ останавливалъ всякаго, по малѣйшему подозрѣнью, обыскивалъ и заставлялъ говорить: „Какъ ты говоришь-то, какъ выговоръ-отъ у тебя—русскій ли?“ До утра 1го юня было взято девятнадцать человекъ по подозрѣнью въ поджогахъ и болѣе четырехсотъ мелкихъ ворюшекъ. О пожаръ на Толкучемъ, купецъ Александровъ, въ лавкѣ котораго первоначально загорѣлось, далъ показаніе что „28го мая, въ пятомъ часу, пришли къ нему въ лавку четверо молодыхъ людей, перебирали товары—все будто не находятъ что имъ нужно, пошли къ нему наверхъ, рылись и ушли, купивъ на рубль разнаго хлама. Черезъ четверть часа, услышавъ запахъ гари, Александровъ вышелъ посмотреть все ли здорово въ соседнемъ трактирѣ который загорѣлся наканунѣ, возвращается въ свою лавку—и ужъ оттуда дымъ валить.“ 1го юня, въ Александро-Невской Лѣврѣ, въ саду, монахи поймали молодаго человека съ зажигательными снарядами, спрятавшася за кустъ. 1го юня были подброшены письма о томъ что пожаровъ болѣе не будетъ, такъ какъ народъ русскій оказался глупъ до такой степени что не могъ понять высокой цѣли для достиженія которой они дѣлались, и что поэтому отнынѣ стануть отравлять. Это уже была величайшая неаѣность какую только могла производить безысходная, бессильная злоба; тѣмъ не менѣе вѣсть эта наводила на легковѣрныхъ ужасъ болѣе даже чѣмъ самыя пожары. Народъ ожесточался и свирѣпѣлъ съ каждымъ днемъ все хуже и хуже въ виду этихъ слуховъ и ежедневныхъ новыхъ поджоговъ. Петербургъ сталъ океаномъ слетень и самыхъ неаѣныхъ толковъ. Кто болѣе трусилъ, тотъ болѣе и сочинялъ. Толковали что дворникъ поймалъ протопопа въ кампалавкѣ, на поджогъ; что поджигаетъ главнѣйшимъ образомъ какой-то генералъ, у котораго спина намазана горючимъ составомъ, такъ что стоить ему только почесаться спиной о заборъ, онъ и загорится; что за Аракчеевскими казармами приготовлено пять висѣлицъ, и на одной изъ нихъ уже повѣшенъ одинъ генералъ; что пожарные представили одного

аностранца и одного Русскаго, которые давали имъ 100 рублей чтобы только они не тушили Толкучаго рыжка; что семидесятилетняя баба ходила въ Смольный поджигать и, схваченная тамъ, объявила на допросъ, будто получала 100 рублей, но не откроеть-де кто далъ ей деньги, хонь въ кусоочки искрошите; что Петербургъ поджигаетъ цѣлая шайка въ триста человекъ. Толковали также и въ народѣ, и въ газетахъ, будто 29го мая, въ третьемъ часу пополудни, бѣжалъ въ дрожкахъ мимо министерства внутреннихъ дѣлъ молодой человекъ, съ небольшою бородкой, хорошо одѣтый, въ статокомъ пальте, и будто онъ бросилъ небольшой шаръ или клубъ, который высоко прыгнулъ и потомъ упалъ, не зажегши ничего. Бывшіе тутъ немногіе люди закричали „держи! лови!“ но неизвестный успѣлъ уже ускакать. Одинъ изъ служащихъ въ министерствѣ (нѣкто П., какъ назвало его *Наше Время*) представилъ-де этотъ шаръ по начальству, и оказалось что „бомба“ сдѣлана изъ трута, напитаннаго внутри разными веществами, какъ маленькія курительныя свѣчи, но не чернаго, а бураго цвѣта, и будто люди, свѣдущіе въ химіи, объявили что бомба могла быть сдѣлана не иначе-де какъ въ химической лабораторіи. Та же газета сообщила что въ комиссіи о поджогахъ одинъ изъ членовъ будто бы говорилъ о необходимости пытокъ, но прочіе-де не согласились на это. Подметныя письма посылались по городской почтѣ и разбрасывались по улицамъ. Въ комиссіи была собрана ихъ огромная пачка, въ которой иныя оказались писаны на плохомъ французскомъ языкѣ, а иныя даже въ стихахъ. И въ это же время приходили официальныя вѣсти о большихъ пожарахъ изъ провинціи: 27го мая сгорѣли присутственныя мѣста и половина города Боровичей; 27го же мая, во время обѣдень, горѣлъ Могилевъ, при сильномъ вѣтрѣ, причемъ уничтожено 24 зданія. 30го мая сгорѣлъ Мамый Ярославецъ. 31го мая, ночью, горѣлъ Черниговъ, гдѣ погубило 27 домовъ, 17 флигелей, 133 номера лавокъ и нѣкоторыя присутственныя мѣста. Москва тоже не избѣгла общей участи: 24го мая, въ полдень, Пятницкой части, въ домѣ Васильевой, произошелъ пожаръ въ холостомъ деревянномъ строеніи съ дровами, соломой и угольями. Причина пожара осталась неизвѣстною. Въ тотъ же день, въ 9 часовъ вечера, горѣли лѣсные ряды на Мясоедской площади, гдѣ вдругъ, и тоже отъ неизвѣстной причины, загорѣлся подъ навѣсомъ лѣсной матеріалъ. Въ тотъ же день, когда еще не кончился

пожаръ въ рѣдахъ, загорѣлся въ третьемъ часу ночи домъ Масловой, Серпуховской части, гдѣ, точно также отъ неизвестной причины, огонь показался въ сѣняхъ. Въ ночь на 29е мая, въ первомъ часу, Серпуховской же части, вдругъ загорѣлась тесовая обшивка домашнего угла у мѣщанина Антонова, и тоже отъ неизвестной и совершенно непонятной причины. Все это усиливало панику не только народа, но и страховыхъ обществъ, изъ коихъ нѣкоторые отказывались принимать на страхъ имущества. Народъ негодовалъ на медленность слѣдственной пожарной комиссiи, и громко требовалъ мести. Каждое утро всѣ, бывало, кидались на полицейскую газету: нѣтъ ли тамъ объявленiя о казняхъ. Всюду высказывалось нетерпѣнiе, ропотъ на слѣдователей, на юстицію. Вчерашнiе либералы вдругъ заговорили о томъ что надо вѣшать и разстрѣливать, что надо пытать хоть двухъ или трехъ изъ пойманныхъ поджигателей; вчерашнiе ярые прогрессисты сегодня вдругъ превратились въ ярыхъ ретроградовъ, и сами не подозревали при этомъ сколько комизма было во вчерашнемъ ихъ радикальномъ либеральничаньи и въ сегодняшней внезапной метаморфозѣ.

31го мая, въ 8 часовъ утра, вывели на Мытнинскую площадь бывшаго гвардейскаго офицера Владимiра Обручева для публичнаго объявленiя ему приговора. Онъ присуждался къ каторжной работѣ за распространенiе *Великоросса*. Площадь была полна народомъ, и въ этой массѣ слышалось злобное рычанье, ропотъ на то что мало казнить такимъ образомъ, а слѣдуетъ вѣшать за ребро на желѣзный крюкъ. Когда же каторжная шапка, надѣтая палачомъ на осужденнаго, нахлобучилась ему на глаза, въ народѣ вдругъ раздался хохотъ....

Заграничная печать тоже очень сильно занималась пожарами. *Siècle* совершенно серьезно разказывалъ, напримѣръ, что Петербургъ телеграфировалъ Москвѣ: „Горю! пришлите трубы!“ въ ту самую минуту какъ Москва саала ему депешу: „Пожаръ! тушите!“ Но въ заграничной печати было всеобщее убѣжденiе что наши пожары суть дѣло особой пропаганды, особаго комитета, и имѣють исключительно политическую цѣль.

Погорѣльцамъ немедленно были отведены разныя казенныя помѣщенiя: казармы, манежи, и были розданы пятьсотъ палатокъ, которыя тотчасъ же раскинулись таборомъ на

Семеновскомъ плацу и на самомъ пожарищѣ. Въ этихъ таборахъ тотчасъ же возникъ новый торгъ. Но убытки толкучаго пожара были громадны: они простирались за шестьдесятъ милліоновъ рублей серебромъ. Больше двадцати тысячъ человекъ сидѣльцевъ, прикащиковъ, мальчиковъ, рабочихъ, хозяевъ ларей остались положительно безъ куска хлѣба. Толпа этого народа нѣсколько разъ собиралась у станціи Царскосельской желѣзной дороги и ждала Государя, а когда Государь выходилъ на крыльцо, она становилась на колѣни и кричала *ура*, вопія въ то же время о хлѣбѣ и защитѣ. 8го іюня въ таборъ погорѣльцевъ, на Семеновскомъ плацу, пріѣхала Государыня, останавливалась у множества лавокъ, покупала разную мелочь и платила съ избыткомъ наиболее нуждавшимся.

Съ 31го мая Петербургъ раздѣлился на три военныхъ генераль-губернаторства, и издано повелѣніе о томъ чтобы всѣхъ кто будетъ взятъ съ поджигательными снарядами и веществами, а равно подстрекателей къ беспорядкамъ судить полевыми военными судомъ въ 24 часа, съ предоставленіемъ военному генераль-губернатору права конфирмовать и приводить въ исполненіе приговоры военного суда. Въ Исакіевскомъ соборѣ митрополитъ Исидоръ совершилъ молебствіе объ отвращеніи бѣдствій, и такія же молебствія ежедневно отправлялись во всѣхъ церквахъ. Со всѣхъ ступеней общества стали стекаться въ комитетъ пожертвованія въ пользу погорѣльцевъ и вскорѣ доросли до весьма значительной цифры.

Вскорѣ послѣ грознаго объявленія о полевомъ военномъ судѣ пожары совершенно прекратились, а между тѣмъ послѣдовало нѣсколько вызванныхъ исключительно ими правительственныхъ мѣръ весьма знаменательнаго свойства: 3го іюня объявлено о закрытіи Самсоніевской и Введенской воскресныхъ школъ и объ учрежденіи особой комиссіи для изслѣдованія дѣйствій ихъ преподавателей и распорядителей. Въ объявленіи, опубликованномъ по этому поводу *Съвѣрною Почтой*, сказано: „Показаніями фабричныхъ работниковъ обнаружено что въ этихъ воскресныхъ школахъ преподается ученіе направленное къ потрясенію религіозныхъ вѣрованій, къ распространенію социалистическихъ понятій о правѣ собственности и къ возмущенію противъ правительства. Два работника, сперва посѣщавшіе Самсоніевскую, а нынѣ посѣ-

щающіе Введенскую школу, позволили себѣ возмутительные толки, отзываясь о политическихъ переворотахъ, о пользѣ пожаровъ, о надобности сжечь весь Петербургъ“ и т. п.

6го іюня всѣмъ начальникамъ губерній предоставляемо право судить полевымъ военнымъ судомъ поджигателей и раскидывателей угрожаемыхъ подметныхъ писемъ.

6го же іюня закрытъ Шахматный клубъ. Въ объявленіи было сказано что это распоряженіе состоялось въ видахъ прекращенія встревоженнаго состоянія умовъ и къ предупрежденію между населеніемъ столицы не имѣющихъ никакого основанія толковъ о современныхъ событіяхъ. Въ Шахматномъ клубѣ, говорило официальное объявленіе, происходятъ и изъ него распространяются тѣ неосновательныя сужденія.

Въ тотъ же день закрыты всѣ народныя читальни. Въ объявленіи говорилось что мѣра эта принята вслѣдствіе замѣченнаго вреднаго направленія нѣкоторыхъ изъ учрежденныхъ въ послѣднее время народныхъ читальнь, кои даютъ средства не столько для чтенія сколько для распространенія между посѣщающимъ ихъ лицами сочиненій имѣющихъ цѣлю произвести безпорядки и волненіе въ народѣ, а также безосновательныхъ толковъ.

8го іюня было объявлено о закрытіи воскресныхъ школъ и другихъ училищъ учрежденныхъ при войскахъ для лицъ не принадлежащихъ къ военному вѣдомству. Несмотря на всѣ установленныя правила для надзора за воскресными и бесплатными школами, сказано въ объявленіи, нынѣ положительно обнаружено что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, подъ благовиднымъ предлогомъ распространенія въ народѣ грамотности, люди злоумышленные покушались развивать вредныя ученія, возмутительныя идеи, превратныя понятія о правѣ собственности и безвѣріе. Государь Императоръ, имѣя въ виду что при многихъ воинскихъ частяхъ также учреждены воскресныя бесплатныя школы, что по затруднительности за ними надзора злоумышленные люди могутъ и въ этихъ школахъ проводить вредныя и ложныя ученія, что притомъ обнаружены уже нѣкоторыя преступныя покушенія увлечь и нижнихъ чиновъ къ нарушенію долга службы и присяги, Высочайше повелѣтъ соизволилъ, въ предупрежденіе могущихъ быть пагубныхъ послѣдствій, нынѣ же закрыть всѣ учрежденныя при войскахъ воскресныя школы и вообще всякія училища для лицъ не принадлежащихъ къ

военному ведомству и впредь никакихъ сборищъ постороннихъ людей, въ зданіяхъ занимаемыхъ войсками, отнюдь не допускать.

12го іюня объявлено о закрытіи воскресныхъ школъ и народныхъ читальнъ во всей Имперіи, вслѣдствіе обнаруженнаго во многихъ изъ нихъ подобнаго же направленія.

14го іюня объявлено о закрытіи недавно учрежденнаго при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ особаго отдѣленія для вспоможенія студентамъ. Въ этотъ же день объявлено Высочайшее повелѣніе о томъ чтобы „чтеніе публичныхъ лекцій въ Петербургѣ впредь разрѣшать не иначе какъ по взаимному соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія съ военнымъ генералъ-губернаторомъ и главнымъ начальникомъ III отдѣленія“.

Вскорѣ былъ напечатанъ приказъ о томъ что трое офицеровъ гвардейскаго сапернаго баталіона предаются военному суду за содѣйствіе, противъ порядка службы, къ уничтоженію бумагъ имѣвшихся при бывшемъ студентѣ Петербургскаго университета Яковлевѣ, во время его арестованія, 10го мая, когда означенный Яковлевъ, придя въ казармы лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, старался возмутить нижнихъ чиновъ онаго.

Петербургскіе пожары кончились, но толки о нихъ и всеобщая паника долго еще не проходили въ обществѣ. Всѣхъ вообще поражаело это холодное, какъ бы обдуманное и послѣдовательное дѣйствіе поджоговъ, которое невольно указывало на существованіе цѣлаго систематическаго плана. Горѣли почти исключительно кварталы бѣднаго работающаго населенія, горѣлъ рынокъ исключительно удовлетворявшій самымъ первымъ, насущно-необходимымъ потребностямъ бѣднаго класса. Кто винилъ агитаторовъ особаго рода, а кто простыхъ мошенниковъ; но противъ послѣдняго обвиненія даже и въ печати возражали недоумѣніемъ что для чего бы-де мошенникамъ жечь бѣдняковъ, у которыхъ и грабить-то нечего, тогда какъ кварталы богатыхъ людей остаются нетронутыми; для чего имъ жечь Толкучій, когда онъ искони служилъ для ихъ сбыта единственнымъ и незамѣнимымъ прихотомъ? Иностранная же печать, какъ сказано уже, видѣла тутъ исключительно политическія цѣли, желаніе вызвать вслѣдствіемъ пролетаріатъ, который помогъ бы государ-

ственному перевороту. Коммиссія составленная для изслѣдованія причинъ пожаровъ канула словно въ воду, и всѣ ея дѣйствія, несмотря на громкія требованія общественнаго мнѣнія, несмотря на лихорадочное ожиданіе всего населенія Петербурга, всего русскаго общества, не опубликовала результатовъ ни своихъ дѣйствій, ни своихъ свѣдѣній. Отчего это вышло такъ, а не иначе — никому не извѣстно. *Journal de St.-Petersbourg*, отъ 19го іюня, напечаталъ даже статью, предназначенную специально для успокоенія толковъ европейской печати, изъ которой можно заключить что никакихъ особенныхъ пожаровъ, вызванныхъ поджогами, въ сущности, пожалуй, и не было, и что пожары въ Россіи составляютъ слишкомъ обыкновенное, всегдашнее явленіе. Въ послѣднемъ, конечно, нельзя не согласиться съ этимъ журналомъ.

Итакъ, на вопросъ: кто же, наконецъ, поджигалъ Петербургъ, и былъ ли онъ поджигаемъ? нынѣ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, оставаясь строго добросовѣстнымъ, можно отвѣтить лишь одно: *мы не знаемъ*. Мы только правдиво и безпристрастно сгруппировали факты заимствованные преимущественно изъ официальныхъ данныхъ.

XXXIX. Наканунѣ чего-то новаго.

Послѣ пожаровъ вдругъ наступило какое-то мрачное затишье. Время отъ времени слышно было что того-то и того-то взяли жандармы, а такой-то сидитъ въ крѣпости. Такимъ образомъ были взяты и посажены нѣсколько довольно видныхъ и даже крупныхъ литературныхъ дѣятелей радикальной партіи. На все общество, какъ тихая, непросвѣтная туча, наплыла тяжелая паника: иные ждали какихъ-то новыхъ бѣдствій, иные новыхъ арестовъ.... Разговоры стали тише, таинственнѣе.

16го іюня, во рву Новогеоргиевской крѣпости, были разстрѣляны офицеры Арнольдтъ, Сливицкій и унтеръ-офицеръ Ростковскій, за распространеніе въ войскахъ возмутительныхъ воззваній, а наканунѣ ихъ казни въ Петербургъ пришла изъ Варшавы телеграмма, извѣщавшая что въ Саксонскомъ саду ранили пулею сзади, въ шею, намѣстника Царства Польскаго генерала Лидерса. 16го же числа на мѣсто

Лидерса. Быль назначенъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ.

Быль холодный, дождливый вечеръ въ концѣ іюна мѣсяца, который въ этомъ году весь выстоялъ сырой и холодный. Въ гостиной у Горевыхъ собралось маленькое общество, тетка съ племянницей, да Устиновъ со старымъ майоромъ.

— И вы не шута говорите что пришли проститься? полу-грустно и полунедовѣрчиво глядя на Дубянского, сказала Горева-тетка.

— Завтра-съ, или много что послѣзавтра ѣду, съ легкимъ наклоненіемъ головы улыбулася въ отвѣтъ Петръ Петровичъ.

— И такъ внезапно, неожиданно!

— А что жь? долго ли нашему брату, солдату-то старому, въ походъ собираться! Дѣло привычное!

— Да что вамъ за охота? Вѣдь тамъ время теперь такое смутное....

— Эхъ, да вѣдь надо же съ собой дѣлать что-нибудь! беззавѣтно махнулъ рукой Дубянской: — вѣдь меня тоже тоска взяла жить-то такъ какъ я живу! Сами вы посудите, оударыня, что бѣ я сталъ дѣлать? Вернуться въ Славнобубенскъ— ну, претить мнѣ это.... Не могу! И думалъ ужъ было, да не могу!... И вы сами, конечно, хорошо понимаете мои чувства отчего и почему не могу я.... вѣдь тамъ мнѣ на каждомъ шагу....

Майоръ не договорилъ, но по лицу его скользнуло что-то сдавленное, горькое, колющее.

Старуха въ отвѣтъ ему сочувственно качнула головой. Она, дѣйствительно, понимала что возвратиться въ Славнобубенскъ и жить тамъ по-старому было для него очень трудно и больно: кромѣ толковъ и пересудовъ про дочку и ея печальный романъ, пересудовъ и злыхъ, и фальшиво-сочувственныхъ, и равнодушно-вздорныхъ, на которые ему по-неводѣ приходилось бы ежедневно наткаться, тамъ каждый уголокъ въ его домишкѣ, каждая вещь служили бы неотвязнымъ и горькимъ воспоминаніемъ о ней. Возвратиться туда значило бы, вмѣсто возможнаго успокоенія, самому идти на безконечное, ежеминутное усиленіе боли самой чуткой, самой больной струны его сердца.

— Оставаться здѣсь тоже не по сердцу мнѣ какъ-то, про-

должалъ майоръ:—вѣдь кромѣ насъ двухъ да Андрея Павлача у меня никого и ничего здѣсь вѣту. Да и вы вѣдь не вѣчно же въ Петербургѣ. А тутъ для меня и жизнь, и люди, все какое-то не свое, все чужое. Вуда же дваться? Силы, слава Богу, еще есть, и здоровья хватить; дряхлость еще не совсѣмъ одолѣла. Пока дочка была на свѣтѣ, ну, думалъ, для нея жить стану, замужъ выдамъ за хорошаго человѣка, а тогда ужъ на покой.... ну, видно, не суждено было этого.... А вѣдь съ самимъ собой надо же какъ-нибудь распорядиться человѣку, я и рѣшился.

— Да какъ это вы, право, надумались такъ быстро, я и въ толкъ себѣ не возаму! развела руками старуха.

— А какъ надумался, очень просто-съ; очень просто, сударыня, пояснилъ майоръ:—недѣянъ съ двѣ тому назадъ иду я какъ-то по Садовой, мимо комендантскаго управленія, а оттуда изъ подъѣзда въ это самое время выходитъ полковникъ какой-то. Возрился это я на него совсѣмъ машинально, только чу! какъ будто лицо что-то знакомое.... Глажу — и онъ на меня тоже эдакъ пристально смотритъ. „Петръ Петровичъ! ты ли это?“ говоритъ. Тутъ я его сейчасъ по голосу-то и призналъ: Пчельниковъ, старый, закадычный пріятель, однополчанинъ. Ну, обнялись мы это, расцѣловались.... Вѣдь и не мудрено, сударыня: на Кавказѣ-то у насъ, бывало, пріятельскія отношенія не на фу-фу устанавливались! Изъ одного котелка кашуцу хлебали, на одной буркѣ спали, у одного костерка отогрѣвались. Это истинно сказать что братская армія была!... Ну, затащилъ онъ это меня къ себѣ, обѣдать оставилъ. Разговорились мы. Какъ и что ты? спрашиваю. А такъ и такъ, говорить, полкомъ нынѣ команду, въ Польшѣ стоимъ, а сюда въ двадцати-осми-дневный отпускъ по двѣамъ прікатилъ. Пошло на откровенности.... ну, тутъ и я старому другу про свои невеселыя исторіи рассказывалъ. А я вамъ скажу, сударыня, что если человѣкъ сирота-сиротой на свѣтѣ, такъ это самое одиночество-то его никогда ему не покажется грустнѣе какъ если вдругъ встрѣтятся со старымъ товарищемъ, съ которымъ ты дѣлалъ когда-то свои лучшіе, свѣтлые дни, да какъ если разговоришься по душѣ про все это.... Горько и мнѣ въ ту пору стало!... Разболтались про бывшее, про поискъ, про дѣвнныя флангъ, про товарищей, да про экспедицію.... расшевелило меня все это не на шутку! А онъ мнѣ и говоритъ: что тебѣ,

говорить, такъ-то по свѣту чужакомъ скитаться,—все равно бобыль! Ступай-ка лучше опять на службу царскую. Я, говоритъ, не моложе тебя, а служу еще; отчего и тебѣ не служить бы? Ступай, говоритъ, ко мнѣ въ поакъ, при первой ваканціи батааліемъ получишь. Жизнь, говоритъ, тебѣ знакомая, своя родная, и по крайности будешь не одинъ, а со мной; а я старый холостакъ, тоже, значить, бобыль! И такъ онъ мнѣ это тепло да радушно предложилъ, такъ это оказалось у него отъ сердца, по-братски, что меня не на шутку радумье взяло. Стали мы это судить, рядить, и то, и сѣ, забрала меня охота; значить, вновь защекогала старая, солдатская жилка. Чтò жь, думаю себѣ: силы, и въ самъ-дѣлѣ, есть еще довольно, маяться по свѣту безъ дѣла скучно.... А и то оказать, признаться откровенно, такая на меня порою, послѣ Нютиной смерти, тоска находить, что радъ бы въ омутъ; а тутъ все-жъ таки дѣло какое ни на-есть, занятіе по душѣ, старый товарищъ.... Подумалъ я это, завѣсилъ все, и рѣшился. Я даже сердечно радъ что такъ неожиданно и такой очастливыи исходъ представился. Это просто спасеніе мнѣ.... просто, я такъ считаю, Божій промыселъ надо мной.

— И вы уже все порѣшили и все устроили? не безъ удивленія покала плечами старуха.

— Господи, да много ли на это времени-то надо! улыбулась маіоръ. — Прошеніе въ инспекторскій департаментъ на другой же день подали, Пчельниковъ дохлопоталъ, и завтра, или послѣ-завтра, я думаю, уже въ *Инвазидъ* будетъ приказъ провечатанъ. Я вмѣстѣ съ Пчельниковымъ и ѣду.

Старуха только головою качала.

— А я такъ отъ души завидую даже Петру Петровичу! улыбулась Устиновъ: — и право, блаженъ человекъ, если въ эти годы еще находить въ себѣ столько силы и воли чтобы смыскать себѣ дѣло по душѣ и взяться за него!... Боже, куда ли отглянись, вездѣ одинъ лишь повальный, безконечный сумбуръ! Радъ величайшихъ и самыхъ нечѣпныхъ противорѣчій слова съ дѣломъ, дѣла съ живою жизнью и здравымъ смысломъ! Кабы только возможно, я радъ бы не знаю куда бѣжать отъ этого сумбура, да жаль что некуда.

— Экой вы непосѣда, шута улыбунулась Татьяна: — изъ Сазанобубенска бѣжалъ въ Питеръ, а теперь и отсюда радъ бѣжать.

— Ну, ужь не отъ васъ бы это слышать! вскинулъ на нее глаза Устиновъ.— Чтò жь, по-вашему, здѣсь прекрасно?

— Да вѣдь и вездѣ все то же. Въ Саввобубенскѣ развѣ не тотъ же сумбуръ?

— Мм.... То-есть какъ вамъ сказать.... Тамъ онъ наивнѣе, тамъ онъ болѣе безсознательнѣе. Тамъ скорѣе одна только отголоски того чтò творится здѣсь. Въ Саввобубенскѣ стадо, а вожаки пасутъ его въ городѣ Санктъ-Петербургѣ. И кто же вожаки-то? Смѣшно и стыдно сказать — Полояровы съ Андифровыми!

— Ну, гдѣ же Полояровы!... Развѣ это вожакъ? усомнилась Татьяна.

— А развѣ нѣтъ, спрошу я васъ въ свою очередь? Развѣ то чтò проповѣдуетъ Полояровъ не слушается и не принимается тысячами головъ? Я согласенъ что очень обидно за то общество гдѣ голоса Полояровыхъ могутъ имѣть такое значеніе, но развѣ вы сама не видали множества примѣровъ?

— Чтò жь это доказываетъ? спросила Горева.

— Это доказываетъ то что наше общество находится теперь въ какомъ-то дикомъ, угарномъ чаду; это своего рода хмѣль, оргія, и необходимъ хорошій нашатырный спиртъ который отрезвилъ бы его. Намъ нужна добрая встряска чтобы мы очнулись, и я не знаю откуда она придетъ, изнутри, или извнѣ, и чтò именно послужитъ въ этомъ случаѣ цѣлительнымъ спиртомъ, — но что это будетъ, что это случится, и довольно скоро, въ томъ, кажется, не должно быть сомнѣній. Такъ продолжать невозможно, и никакое общество не можетъ жить въ подобномъ угарѣ.... Я удивляюсь только одному, нѣсколько помолчавъ, опять обратился Устиновъ къ Горевой: — какъ это вы, съ вашимъ простымъ и яснымъ, здравымъ смысломъ, могли сойтись съ этими „новыми людьми“? Какъ вы могли такъ долго заблуждаться на ихъ счетъ? Неужели же вы не разглядѣли чтò такое, въ сущности, всѣ эти Фрумкины и Малгоржановы? Вотъ чтò мнѣ странно!

— Андрей Павловичъ, серьезно начала въ отвѣтъ ему Татьяна:—вопервыхъ, вы сами, и притомъ одинъ только вы лучше всѣхъ знаете тѣ побужденія какія свели меня съ ними. Мнѣ казался въ нихъ призракъ серьезнаго и хорошаго дѣла, а я бездѣльемъ страдаю. Это одно. А вовторыхъ, не все же тамъ были Фрумкины да Малгоржановы. Были кое-кто посильнѣе

и посерьознѣе. Вѣдь не я одна заблуждалась: также точно заблуждалось множество мнѣ_подобныхъ.

— Чтò же именно въ нихъ послыбѣи и посерьознѣе? пожалъ плечами Устиновъ.

— Чтò? А наиримѣрь хоть этотъ Лука Добронравовъ. Признаться сказать, если чтò и заставило меня поближе подойти къ нимъ, такъ именно эта оригинальная личность, съ ея фанатическою вѣрой, съ ея упорнымъ трудомъ. Вѣдь это же человѣкъ честный, а онъ былъ для меня совсѣмъ новымъ, невиданнымъ явленіемъ въ жизни. Вотъ, если хотите, мое оправданіе.

— И вы немножко увлеклись имъ?

Татьяна слегка вспыхнула.

— Нѣтъ, отвѣтила она твердо и просто.—Я только старалась разглядѣть; другаго у меня не было. Но.... при другихъ обстоятельствахъ.... сложись моя внутренняя жизнь не такъ странно какъ она теперь сложилась, что же? быть-можетъ, я и могла бы имъ увлечься....

Устиновъ на нѣсколько мгновеній раздумчиво поникъ головой.

— Нѣтъ, Татьяна Николавна! поднялъ онъ наконецъ на нее грустные, но въ то же время ясные взоры:—все это не то! Не то чего вамъ надобно! Въ васъ сидитъ просто-себѣ хорошая русская женщина; вы все дѣла себѣ ищете, а его пока еще нѣтъ.... Погодите, придетъ и оно. Сама жизнь обнаружитъ его предъ вами, безъ всякихъ особенныхъ исканій. Дѣло, быть-можетъ и скоро, всѣмъ намъ найдется; быть-можетъ, оно будетъ и не громкое, не блестяще-героическое, да зато прочное, честное и серьезное дѣло. Не отрывайтесь только отъ родной почвы и не ищите его въ заоблачныхъ сферахъ, въ теоретическихъ утопіяхъ: сама жизнь, но только не такая какъ здѣсь теперь, а простая трезвая жизнь приведетъ живаго человѣка къ живому и полезному дѣлу. А теперь.... (Устиновъ вздохнулъ, какъ бы высвобождая грудь изъ-подъ какой-то тяжести) теперь бы вонъ отсюда, изъ этого города!... Посмотрите, какая грустная теметь, какой гнетъ повсюду.... холодно, неприглядно.... и этою гарью, гарью удушливою въ воздухѣ пахнетъ.... Нѣтъ, ей-Богу, счастливи маіоръ что можетъ убѣжать отсюда!...

XI. Въ виду возможности безпечальнаго будущаго.

Ансельмъ Бейгушъ создалъ самъ себѣ тайникъ нравственной муки. Съ той минуты какъ въ Сусаннѣ исчезла для него *Mockeska* и возродилась женщина называвшаяся его женой, эта сокровенная мука стала грѣзть его душу. Предъ всепобѣждающимъ сознаниемъ любви и самоотверженія этой женщины исчезали и разсѣивались какъ дымъ всѣ софизмы, всѣ оправдательные доводы созданные теоріей Слончичкаго. „Она недалека, она всегда казалась мнѣ такою, думалъ Бейгушъ о своей женѣ: — пусть будетъ такъ!... Но много ли на свѣтѣ умныхъ женщинъ съ такимъ сердцемъ!... И что тутъ умъ, если всѣ ея недостатки она способна восполнить однимъ своимъ чувствомъ, этою безконечно-доброю любовью!“ Быть-можетъ, онъ теперь идеализовалъ себѣ свою жену; быть-можетъ, ея самоотверженный поступокъ проистекалъ изъ побужденій болѣе простой сущности, потому что и въ самомъ дѣлѣ, будь Сусанна поумнѣе, она, быть-можетъ, не взирая на всю свою прирожденную доброту и на всю свою страстность къ Бейгушу, не дѣлалась бы столь легко въ разставленную ей ловушку; все это, конечно, было такъ; но теперь и эта идеализація со стороны Бейгуша была понятна: ее подсказывало ему собственное его самолюбіе, собственная гордость: „это, молъ, *меня* такъ любятъ; это для *меня* приносятъ такіа жертвы, не задумываясь ни единой минуты!“ Одно лишь было тутъ ясно: это—безгранично-добрая любовь. „А въ отвѣтъ на такую любовь нельзя наругаться надъ женщиной!“ думалъ себѣ Бейгушъ: „если даже она и сама не сознаетъ, не понимаетъ вполнѣ всего значенія своего поступка; если онъ съ перваго мгновенія казался ей такимъ легкимъ, такимъ простымъ и естественнымъ дѣломъ, то даже это самое недониманіе еще болѣе возвышаетъ гялу ея любви. И ты... ты не стоишь этой женщины, ты подлець, обманщикъ, воръ предъ нею! Сдѣйся теперь, если можешь! Идѣвайся надъ нею! Превозноси себя за свою собственную низость!... Низость во имя патриотизма!... Что жь, вѣдь побужденіе высокое? Вѣдь такъ? Вѣдь ты же былъ

убѣжденъ что для славы и свободы отечества всѣ средства хороши и позволительны? И что же! Несмотря на все это въ душѣ у тебя все-таки сидитъ кто-то, что шепчетъ тебѣ ежеминутно „подлеца“ за твой патриотическій поступокъ!“

„Нѣтъ, подлецомъ я не буду!... Еще есть время... еще не все для меня кончено!“ съ твердымъ убѣжденіемъ говорилъ Бейгушъ самому себѣ, говорилъ и... все-таки молчалъ предъ Сусанной, все-таки таилъ у себя ея деньги.

„Надо отдать ихъ! Надо признаться!... Но какъ признаться? Какъ языкъ-то повернется на такое признаніе?... И неужели она проститъ и это?... Проститъ! Проститъ навѣрное! Но тѣмъ-то оно и горше для собственной твоей совѣсти! Еслибы возможно было тотчасъ же разстаться, разойтись заклятыми врагами, это, кажись, и лучше, и легче бы мнѣ было; но встрѣтить въ отвѣтъ на твою низость всепрощающій, любящій взглядъ, это ужасно, это невыносимо!“

Бейгушъ словно стоялъ теперь на распутьи: предъ нимъ двѣ дороги, и онъ знаетъ что по которой-нибудь надо же наконецъ, неизбежно надо идти; но по которой? Сомнѣнья нѣтъ, по той которая прямѣе и честнѣе; но какъ ступить на нее? какъ сдѣлать этотъ тяжкій первый шагъ? Онъ зналъ что это *надо*, но пока еще стоялъ и медлилъ на распутьи, желая и не рѣшаясь завести ногу. И такъ-то изо дня въ день въ душѣ его безпрестанно подымался цѣлый рядъ роковыхъ вопросовъ, сомнѣній, мученій совѣсти, укоризнъ, а тихая семейная жизнь текла межъ тѣмъ для него своею ровною и скромною чередой. Сусанна и не подозрѣвала что творится въ душѣ ея мужа. Видя порой его угрюмую и какъ будто озлобленную мрачность, а порой глубокую, молчаливую тоску, она въ простотѣ сердца думала что это онъ все томится по своему злосчастному проигрышѣ, и потому всячески старалась, насколько могла и умѣла, облегчить его грусть, разсѣять тяжелую думу, утѣшить его хотя бы своею собственною безпечальною вѣрой въ свѣтлую, безбѣдную будущность.

— Ну, стоять ли эти глупыя деньги чтобъ убиваться о нихъ такимъ образомъ! говорила она ему порой съ такою свѣтлою, искреннею улыбкой:—я, ей-Богу, никогда не давала имъ ужъ такой особенной цѣны. Ну, проживемъ какъ-нибудь!

— Какъ? грустно улыбался въ отвѣтъ ей Бейгушъ.

— Ну, какъ-нибудь... Я ужь не знаю тамъ... Живуть же люди!

„Нешто обрадовать ее?... сказать что деньги здѣсь, у меня; цѣлешеньки?“ мелькала ему свѣтлая мысль; и какъ самому-то хотѣлось въ эти минуты облегчить себя полнымъ, искреннимъ признаніемъ! Вотъ ужь это признаніе почти всѣмъ готово, вотъ ужь оно вертится на языкѣ, само высказывается въ глазахъ, но... Богъ знаетъ почему, только чувствуется въ то же время что въ этомъ признаніи есть что-то роковое, и слово, готовое уже сорваться, какъ-то невольно, само собою замираетъ на языкѣ, а тяжелая дума еще затѣ послѣ этого ложится на сердце, въ которомъ опять вотъ кто-то сидитъ и шепчетъ ему страшное названіе и даритъ его такимъ безконечнымъ самопрезрѣніемъ.

Ни одной жалобы, ни одного упрека за все это время не вырвалось у Сусанны. Бейгушъ ждалъ что такъ или иначе непременно будетъ и то и другое, но ожиданія его оказывались напрасны. Онъ сталъ замѣчать въ женѣ даже кѣчто противное своимъ ожиданіямъ: она незамѣтно отъ него старалась экономничать и суживать не только свои прихоти, но и потребности, зачастую отказывая себѣ даже въ извозчикѣ.

— Сусанна, тебѣ бы нужно новую весеннюю шляпку, говорилъ онъ ей, напримѣръ, замѣчая, во время прогулки, что она съ живымъ любопытствомъ останавливаетъ глаза на соблазнительныхъ окнахъ модныхъ магазиновъ.

— Нѣтъ, голубчикъ мой, у меня и прошлогодняя еще очень хороша! торопилась она успокоить и умѣрить его желаніе, тогда какъ самой смерть какъ хотѣлось бы пощеголять въ новой шляпкѣ.

Бейгушъ очень хорошо все это видѣлъ, чувствовалъ и понималъ. Собственное сердце и чувство справедливости невольно подсказывали ему что за всю эту простую, безкорыстную любовь надо платить хоть отъвѣтною доброю лаской, и онъ, почти самъ того не замѣчая, сталъ платить ею Сусаннѣ и легко, и охотно. Такой переворотъ совершился въ немъ исподоволь, но прочно, потому что это было естественно. Тихая супружеская жизнь, съ ея уютною обстановкой, начинала уже ему нравиться. Подчасъ, мечтая съ самимъ собой, онъ уже сталъ находить въ ней влекущую прелесть, впереди уже мерещилась ему возможность спокойнаго

счастія... И эта возможность, дѣйствительно, была, потому что Сусанна чувствовала надъ собой превосходство его нравственной силы, потому что ей нужно было, и она даже сама хотѣла чтобъ ее „въ рукахъ держалъ“ тотъ кого она любить, потому что, наконецъ, въ Бейгушѣ были всѣ данныя необходимыя для этого, данныя, которыхъ, увы! совсѣмъ не обрѣталось ни въ покойникѣ Штромѣ, ни въ восточномъ кузень Малгоржановѣ. Впрочемъ, ни того, ни другаго она, въ сущности, никогда не любила. Настоящее, дѣйствительное чувство, насколько была способна по-своему чувствовать Сусанна, впервые пришло къ ней только съ Бейгушемъ. „Надо бы только какъ-нибудь выйти изъ этой лжи, изъ этого гнуснаго, фальшиваго положенія, думалъ себѣ Бейгушъ въ минуты подобныхъ своихъ мечтаній:—а тамъ.... тамъ будетъ и миръ, и покой, и счастье....“

Наконецъ, въ одну счастливую минуту постигла его мысль о такой удобной комбинаціи, которая даже сразу разрѣшила бы всю тяжесть его ложнаго положенія.

„Такъ и быть! рѣшилъ онъ самъ съ собою: — куда ни шло, но.... надо сыграть еще одну и уже послѣднюю комедію въ своей жизни!... Надо уловить первую подходящую, удобную минуту и открыть ей что деньги дѣла, что вся эта исторія съ проигрышемъ была не болѣе какъ комедія... комедія, которую я разыгралъ желая испытать ее.... испытать на сколько она любитъ, на сколько можетъ простираться ея самоотверженіе.... Надо, увы!... надо обмануть еще одинъ, но уже послѣдній разъ!... Затѣмъ.... затѣмъ возвратитъ ей деньги и, если можно, постараться навсегда уже жить съ нею честнымъ человѣкомъ!“

XLI. Выборы въ „военномъ кружкѣ“.

Въ самый день этого счастливаго, по мнѣнію Бейгуша, рѣшенія, онъ совершенно неожиданно получилъ небольшую записку отъ капитана Чарыковского, который приглашалъ его на нынѣшній вечеръ, отложивъ всѣ текущія дѣла и занятія, непременно явиться къ назначенному часу, для весьма важныхъ и экстренныхъ совѣщаній, въ Офицерскую улицу, въ квартиру занимаемую четырьмя слушателями академіи генеральнаго штаба, гдѣ обыкновенно собиравался, подъ видомъ

„литературныхъ вечеровъ“, польскій „военный кружокъ Петербурга“.

Бейгушъ отправился, торопясь не опоздать къ назначенному часу.

„Кружокъ“ былъ уже почти въ полномъ сборѣ. Поджидали еще только двухъ-трехъ членовъ, такъ какъ Чарыковскій не хотѣлъ открывать совѣщаній пока не будутъ на лицо всѣ приглашенные. Всѣ пять комнатъ были наполнены исключительно военными разнаго рода оружій и специальностей. На большинствѣ изъ нихъ красовались академическіе эксельбанты и „ученые“ кантики по низу бархатныхъ воротниковъ. Тутъ были инженеры и путейцы, артиллеристы и телеграфные, и горные, пѣхота и кавалерія, гвардія и армія, кругомъ числомъ до сорока офицеровъ. Въ комнатахъ было дымно отъ папиросъ и шумно отъ самаго разнообразнаго, но почти исключительно польскаго говора.

Наконецъ, когда всѣ уже оказались въ сборѣ, капитанъ Чарыковскій занялъ председательское кресло въ залѣ, на концѣ большаго, раздвижнаго стола и громкимъ звонкомъ призвалъ всѣхъ наличныхъ членовъ къ тишинѣ и вниманію.

Зала переполнилась народомъ. Каждый торопился занять себѣ мѣсто поудобнѣе, на стульяхъ, на подоконникахъ, но большинство тѣснилось у стола, поближе къ председателю.

Черезъ минуту наступила достодолжная тишина, и капитанъ Чарыковскій, положивъ предъ собою какія-то бумаги, не безъ торжественности поднялся со своего кресла.

— Панове-братья! началъ онъ громко и самоуверенно, не глядя ни на кого, помимо всѣхъ, устремляя спокойный взоръ въ противоположную ему стѣну:—21го іюня въ 11 часовъ вечера, какъ всѣмъ вамъ уже извѣстно, варшавская телеграмма принесла сюда извѣстіе что новый намѣстникъ Великій Князь раненъ изъ пистолета. Тому прошло уже пять дней. Сегодня утромъ мы получили изъ Варшавы сообщенія, которыя собственно и вызвали наше экстренное собраніе. Положеніе тамъ натянуто до послѣдней возможности, такъ что народный взрывъ можетъ случиться ежеминутно. Но... если Польша готова къ поголовному взрыву, то и московскія войска, вѣроятно, готовы къ сопротивленію, а вы сами солдаты, стало-быть, понимаете что. каковъ бы ни былъ этотъ взрывъ, ему трудно, почти невозможно устоять противъ нѣсколькихъ баталіоновъ регулярнаго войска.

Варшава требует от нас организаторовъ, инструкторовъ, офицеровъ, *догудовъ*. Она требует чтобы мы какъ можно скорѣе выслали военныхъ агентовъ и въ Конгрессовку, и въ Литву, и въ Киевъ, и въ Житомиръ. Народовое войско готово, есть и оружіе, и запасы, но нѣтъ еще офицеровъ, нѣтъ организаторовъ. И тѣхъ и другихъ въ нашемъ лицѣ подготовила сама Москва для нашей отчизны. Наше время, панове, пришло; надо торопиться. И я отъ себя точно также повторю вамъ: надо торопиться! И вотъ по какимъ именно соображеніямъ: до самыхъ послѣднихъ дней наши миссіи и наша пропаганда какъ нельзя успѣшнѣе подготовили русское общество къ сочувствію нашему дѣлу. Европа уже давно за насъ; но вы, конечно, согласитесь что сочувствіе громаднаго числа Москалей будетъ гораздо поважнѣе для насъ чѣмъ сочувствіе Европы: масса Москалей своимъ голосомъ очень можетъ сдѣлать то что правительство не осмѣлится рѣшительно противодействовать намъ; оно должно будетъ уступить, будучи раздавлено общественнымъ мнѣніемъ своего же собственного народа, тѣмъ паче когда оно увидитъ въ рядахъ нашихъ бойцовъ своихъ же собственныхъ, чистокровныхъ Русскихъ. А эти бойцы уже есть, и ихъ найдется еще больше! Теперь два слова объ этомъ самомъ русскомъ обществѣ: въ немъ очень сильно бродильное начало; оно само, пожалуй, не знаетъ хорошенько чего ему хочется, потому что вся сумма его социальной жизни въ послѣднее время показываетъ какую-то непроходимую, темную рутаницу понятій и отношеній, но во всей этой нелѣпой путаницѣ для насъ ясны двѣ вещи: сильное броженіе и подготовленное нами же сочувствіе нашему дѣлу. Однако, въ послѣднее время пресловутая „Молодая Россія“, да еще пожары и два выстрѣла въ Варшавѣ сдѣлали, къ сожалѣнію, то, что въ этомъ обществѣ подымается весьма замѣтная реакція. Она уже слышна и въ литературѣ. Мы не должны допустить ее развиться до значительной силы, потому что тогда намъ уже гораздо труднѣе будетъ справиться. Надо еще торопиться и потому, наконецъ, что съ будущаго года прекращается двухлѣтнее переходное состояніе крестьянъ. *Земля и Воля* къ тому времени имѣетъ прочную увѣренность поднять революцію внутри Россіи. *Земля и Воля* обѣщаетъ намъ самую дѣятельную поддержку. Но главное чего мы должны опасаться, это все-таки реакція,

потери сочувствія массы образованнаго общества. Крупныя событія въ родѣ здѣшнихъ пожаровъ и варшавскихъ выстрѣловъ ставятъ дѣло такъ что оно быстро должно идти къ своимъ конечнымъ результатамъ. Событія не ждутъ и, какъ видите, опережаютъ даже благоразуміе и осторожность, но эти же самыя событія знаменуютъ всю силу нетерпѣливаго броженія. Массы ждутъ только сигнала чтобы подняться. Горько будетъ если онѣ подымутся нестройныя, неорганизованныя, и если чрезъ то самое не удастся намъ великое дѣло. Поэтому-то, въ силу всего сказаннаго, намъ *volens-polens* надо торопиться. Надо торопиться чтобы не проиграть. Надо работать пока еще не охладѣло постороннее сочувствіе. А времена межъ тѣмъ немного, господа! Самое большое что остается намъ, это какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ, да и того-то дай Богъ! И въ этотъ краткій срокъ намъ необходимо надо охватить всю Польшу въ ея старыхъ границахъ нашею всею организациею. Организациа административно-гражданская уже есть давно, какъ вы знаете, и дѣйствуетъ превосходно. Вся остановка за нами. Мы должны изъ готоваго уже, но сыраго матеріала организовать стройныя военныя отряды, нашу народную армію, обучить сколько возможно нашихъ будущихъ солдатъ, чтобы они ловко умѣли дѣйствовать и косою, и саблей, и штыкомъ, и пулей, ввести дисциплину, а духъ свободы и духъ военный — старый польскій духъ! — благодаря Бога, еще не умеръ! Задача трудна, господа, особенно въ виду столь короткаго срока, но... въ насъ есть энергія, есть молодыя силы, есть твердая вѣра въ свое дѣло, есть любовь къ свободѣ и родинѣ, есть наконецъ способности и разумъ, а быть-можетъ найдутся между нами и гениальныя военныя таланты! Съ такими данными, господа, намъ нечего задумываться, а надо поскорѣе дѣло дѣлать! Поэтому, всакъ изъ насъ, кто только чувствуетъ въ себѣ честнаго Поляка, пусть немедленно возьмется за дѣло! По порученію варшавскаго народнаго комитета, а имѣю честь предложить вамъ, господа, чтобы вы немедленно же приступили по собственной своей свободной инициативѣ къ выбору изъ среды себя наиболее способныхъ организаторовъ въ разныхъ частяхъ Польши, Литвы и Руси. Я не сомнѣваюсь что выборъ будетъ сдѣланъ вполне достойный, потому что это дѣло есть дѣло Бога и отчизны.

Чарыковскій кончилъ и съ легкимъ покаивомъ опустился

въ свое кресло. Онъ говорилъ горячо, отчетливо, складно, и потому рѣчь его была прослушана съ величайшимъ вниманіемъ. Когда замолкъ наконецъ его звучный, выразительный голосъ, въ залѣ ѣвкоторое время царствовала еще полубѣшная тишина. Слово его сдѣлало замѣтно сильное, въское впечатлѣніе. Едва чрезъ двѣ-три минуты члены стали пошевеливаться и совѣщаться, но вкорѣ сдержанный говоръ перешелъ въ горячіе громкіе споры. Панъ А. не хотѣлъ пана В., а панъ В. не хотѣлъ пана А., но хотѣлъ пана С. Панъ же С. хотѣлъ всѣхъ трехъ разомъ, а черезъ минуту никого не хотѣлъ кромѣ своей собственной особы. Въ этихъ спорахъ, доходившихъ уже кое у кого до колкостей и крупной перебранки, прошло болѣе часу времени, и казалось что споры могутъ продолжаться сколько угодно часовъ, могутъ дойти, пожалуй, до перепалки, до потасовки, до вызова, до пощечинъ, но только отнюдь не до сути дѣла. Капитанъ Чарыковскій видѣлъ это и, не безъ горькой грусти, подпершись рукою, молча сидѣлъ на своемъ предсѣдательскомъ креслѣ. Наконецъ, рука его нервно дернула колокольчикъ. Споры не умокали, и Чарыковскій еще энергичнѣе повторилъ свой звонокъ.

— Панове! съ ѣдкою улыбкой возвысилъ онъ свой голосъ:—неужели и теперь, въ такую минуту и ради такого дѣла, мы во сто тысячъ первый разъ оправдаемъ на себѣ ту проклятую пословицу которая гласитъ что гдѣ два Поляка, тамъ три убѣжденія?! Если такъ, то лучше разоидитесь и отвѣтите нашимъ варшавскимъ братьямъ что мы свое личное самолюбіе предпочитаемъ общему дѣлу!

Эти немногія слова были чѣмъ-то въ родѣ ушата холодной воды, внезапно пролитого на головы горячихъ и самолюбивыхъ спорщиковъ: большинство сконфузилось и приумокло; кое-кто пытался защититься и отстоять свое мнѣніе; но Чарыковскій, послѣ своей рѣчи не принимавшій до этой самой минуты никакого участія въ преніяхъ, сталъ теперь, хотя и косвенно, но очень ловко руководить выборами. Онъ исподоволь подходилъ то къ тому, то къ другому, то къ третьему кружку, прислушивался, перемолвливался съ тѣмъ или другимъ изъ членовъ, и каждой партіи успѣвалъ всучить свое собственное мнѣніе, навести на желанную ему личность, подшепнуть ту или другую фамилію—и, благодаря только этой уловкѣ, выборы наконецъ

совершились. Между нѣсколькими организаторами, которыми почти немедленно предстояло отправляться въ назначенные пункты, было и имя Бейгуша. Когда до слуха его коснулся звукъ собственной его фамиліи, онъ невольно поблѣднѣлъ и смутился. Это назначеніе, почетное со стороны патриотической идеи, показалась ему теперь равносильнымъ самому жестокому приговору. Сердце его ёкнуло такою тоской, такъ болѣзненно сжалось и такъ упало вслѣдъ за тѣмъ что, казалось, будто онъ все свое существованіе поставилъ на роковую, предательскую карту, которая ему измѣнила. „Неужели-жь это въ самомъ дѣлѣ будетъ такъ? Неужели я точно долженъ бросить, разорвать все и идти? Неужели это уже рѣшено безперемѣнно, безповоротно?“ думалъ онъ, стоя отдѣльно отъ прочихъ: „нѣтъ, этого быть не можетъ! это невозможно! по крайней мѣрѣ, для меня и теперь это невозможно!“

Въ эту минуту въ первый разъ въ своей жизни онъ сознательно и серьезно почувствовалъ что любить, что ему кровно дорога женщина называющаяся его женой.

Подавляя въ себѣ признаки внутренняго волненія, блѣдный и пасмурный, выступилъ онъ впередъ и попросилъ у собранія слова.

Почти всѣ благосклонно приготовились выслушать его.

— Благодарю васъ за честь, господа, которую вы мнѣ сдѣлали вашимъ выборомъ, началъ онъ не совсѣмъ-то твердымъ голосомъ: — честь эта слишкомъ велика для меня, но... потому-то я и не чувствую себя вполне достойнымъ ея... Я готовъ служить нашему дѣлу, но только не тамъ, а здѣсь, въ Петербургѣ... Я прошу у васъ позволенія остаться... прошу назначить мнѣ какой-либо родъ дѣятельности, и я постараюсь выполнить его добросовѣстно. Еще разъ: увольте меня, господа, отъ этого назначенія!

Слова его были совсѣмъ неожиданны и показались странными. Каждый глядѣлъ на него съ недоумѣніемъ, не понимая его цѣлей и побужденій. Чарыковскій былъ изумленъ не менѣе прочихъ.

— Конечно, не чувство расчета и самохраненія говоритъ вашими устами? проговорилъ онъ хотя и сквозь зубы, но очень явственно.

Бейгушъ вспыхнулъ и гордо поднялъ голову.

— Надвюсь, капитанъ, что никакъ не оно! Вы, кажется, достаточно меня знаете.

Капитанъ молча поклонился въ знакъ своего согласія.

— Вы, поручикъ, принадлежите къ организаціи, сказалъ онъ: — и потому не имѣете права отказываться отъ общаго выбора.

— Но я прошу о свисхожденіи... Я не отказываюсь отъ служенія дѣлу; но неужели же здѣсь, въ Петербургѣ, не найдется для меня никакихъ полезныхъ занятій?

— Что заставляетъ васъ просить объ этомъ?

Бейгушъ нѣсколько смутился. „Какъ сказать имъ настоящую, сокровенную причину? Поѣметъ ли, уважить ли ее чужое, нелюбящее сердце?“

— Вы спрашиваете что заставляетъ меня? проговорилъ онъ, наконецъ:—заставляютъ мои семейныя обстоятельства.

Чарыковскій съ изумленіемъ поглядѣлъ на него.

— Вы ли это говорите, Бейгушъ? Васъ ли я слышу? пожалъ онъ плечами.—Развѣ въ такомъ дѣлѣ могутъ что-нибудь значить какія бы то ни было семейныя обстоятельства. Что это вы сказали! Опомнитесь!

Бейгушъ поникъ головой. Онъ чувствовалъ что на него внимательно устремлены теперь всѣ взоры, и чувствовалъ что въ этихъ взорахъ уже просвѣчиваетъ нѣчто враждебное и презрительное.

— Какъ другъ, какъ солдатъ, какъ Полякъ, умоляю васъ еще разъ: опомнитесь! возьмите назадъ свои слова! съ чувствомъ и убѣдительно, положивъ руку на грудь, проговорилъ Чарыковскій.

— Повторяю вамъ, я не отказываюсь отъ дѣла! тихо сказалъ Бейгушъ. — Но, господа, какъ знать чужое сердце и какъ судить его!.. Берите отъ меня все что я могу дать, но оставьте же мнѣ хоть одинъ маленькій уголокъ моей личной, исключительно мнѣ принадлежащей жизни. Неужели жь отъ этого можетъ хоть сколько-нибудь пострадать дѣло моей родины? Я не герой, а простой работникъ... Перебѣните на шахматной доскѣ двѣ рядомъ стоящія пѣшки, поставьте одну на мѣсто другой—развѣ отъ этого ваша игра хоть сколько-нибудь измѣнится?

— Слишкомъ много скромности съ вашей стороны, господинъ поручикъ! не безъ ѣдкости замѣтилъ Чарыковскій: —

вы не пѣшка, а офицеръ, и потому на шахматной доскѣ имѣете свои особые ходы. Впрочемъ... какъ вамъ угодно!

Чарыковскій сухо поклонился и сѣлъ, явно показывая что считаетъ оконченными всѣ дальнѣйшія пренія на эту тему.

Между членами организациа пошелъ смутный шепотъ. До слуха Бейгуша какъ будто долетѣло слово „измѣнникъ“. Вся кровь хлынула ему въ голову. Удаляясь изъ собранія, онъ прошелъ, въ некоторомъ родѣ, сквозь строй безпощадно враждебныхъ и холодно-презрительныхъ взглядовъ.

XLIII. Fatum.

Какой страшный разладъ между идеей, дѣломъ и своимъ сердцемъ почувствовалъ Бейгушъ! Согласить одно съ другимъ было невозможно: этотъ разладъ, по самой сущности своей, являлся непримиримымъ. Надо было чѣмъ-нибудь однимъ пожертвовать: или отказаться отъ дѣла которому обрекъ себя, отказаться съ тѣмъ чтобы потомъ уже всю жизнь нести на себѣ клеймо отверженія, имя „измѣнника“; или же ради дѣла жертвовать любовью, грезамъ мирнаго, покойнаго счастія.

„Какъ согласить одно съ другимъ? пытался Бейгушъ задавать себѣ трудную задачу: — взять съ собой Сусанну, ѣхать съ нею вмѣстѣ, но моя идея для нея не своя, а чужая! Положимъ, она пойдетъ за мной, но вѣдь она не одна, у нея здѣсь же, въ Петербургѣ, двое сыновей воспитываются. По какому праву я отыму у нихъ мать? Какъ оставить ихъ на произволь судьбы? И наконецъ, можно ли взять на совѣсть судьбу этой женщины, заставить ее, быть-можетъ, скитаться съ собою по лѣсамъ, обрекъ ее на тысячи лишеній, на темное будущее... А если... если придется сложить свою голову — что съ нею тогда? Если дѣло не удастся, если и меня, и ее вмѣстѣ со мною поймутъ, захватятъ, тогда что? Тюрьма, ссылка, Сибирь, и опять-таки тысячи всяческихъ лишеній... И это все въ награду за ея самоотверженіе, за ея любовь!... И изъ-за чего? Изъ-за моего лишь эгоистическаго побужденія, изъ-за того что я полюбилъ ее!... Нѣтъ, не возьму я этого на совѣсть! рѣшилъ себѣ Бейгушъ: — гибнуть, такъ гибнуть одному, а не четверемъ вмѣстѣ, изъ которыхъ трое совсѣмъ чужды этому дѣлу!“ Онъ провелъ бессонную, мучительную ночь. Свѣжее воспоминаніе о сценѣ

разыгравшейся вечеромъ въ „Кружкѣ“, воспоминаніе объ этихъ взглядахъ и улыбкахъ, объ этомъ безмолвномъ, но уничтожающемъ презрѣніи давило ему грудь, истерическими спазмами душило горло и словно желѣзными тисками стискивало голову. Онъ всталъ съ постели полубольной, съ какою-то моральною и физическою тяжестью во всемъ организмѣ. Хотѣлось бы на воздухъ освѣжиться, разсѣяться,— и Бейгушъ ушелъ изъ дому. Въ этотъ день случайно онъ встрѣтился на улицѣ съ двумя своими короткими пріятелями. Оба были офицеры, оба принадлежали къ той же организаціи, и оба присутвовали во вчерашнемъ собраніи. Бейгушъ, по всегдашней привычкѣ, кивнулъ имъ головой, но тѣ не отвѣтили на поклонъ, и не то чтобъ отвернулись отъ него, не то чтобы сдѣлали видъ будто не узнаютъ его; напротивъ, оба прямо и твердо глядѣли ему въ глаза, и въ ихъ взорѣ онъ ясно прочелъ то же самое презрѣніе, то же самое имя „измѣнника“.

Бейгушъ смутился и потупилъ взглядъ. Эта встрѣча словно обожгла его. „Нѣтъ, жить такъ долѣе, продолжать выносить такіе взгляды.... нѣтъ, это невозможно!“ рѣшилъ онъ самъ съ собою. „Еслибы ты не вѣрилъ въ дѣло, не сочувствовалъ ему, ну тогда куда бъ ни шло еще!... Но любя ихъ всѣхъ, страдая съ ними одною болью, дѣля ихъ мысли, ихъ убѣжденія, самъ между ними измѣнникомъ, добровольно лишиться себя честнаго имени.... Нѣтъ, это невозможно!“ повторилъ себѣ еще разъ Бейгушъ. Эти взгляды двухъ его пріятелей показались ему знаменательными. Понявъ ихъ значеніе, онъ уже зналъ что могутъ они предвѣщать ему въ будущемъ. Какъ Полякъ, и притомъ до вчерашняго дня столь дѣятельный членъ петербургской организаціи, онъ зналъ чему подвергается, не говоря уже объ измѣнникѣ, простой ослушникъ предписаній высшаго революціоннаго комитета. Онъ слишкомъ близко стоялъ къ дѣлу чтобы не знать этого. Онъ могъ теперь ожидать всякихъ непріятностей и несчастій по службѣ, въ обществѣ, въ жизни. Ловкіе „воротилы дѣла“ могли путемъ тайной интриги подвести подъ него такую каверзу что начальство, считавшее его доселѣ однимъ изъ лучшихъ и блаженнейшихъ офицеровъ, вдругъ могло бы найти его весьма неблагонадежнымъ, могло придратъся къ какому-нибудь случайному упущенію по службѣ (а мало ли ихъ!) чтобъ отдать его подъ судъ, могло найти вреднымъ его образъ мыслей или

какіе-нибудь его поступки и исключить изъ службы. Но это все было бы еще самымъ легкимъ и ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ что могло угрожать ему. Въ обществѣ — того и глады — о немъ могли пойти самыя дурныя слухи, могла быть замарана его репутація, подорванъ его нравственный кредитъ, онъ легко могъ быть сдѣланъ молвою и мошенникомъ, и негодяемъ, и шпиономъ, и лжецомъ, и воромъ, и всѣмъ, всѣмъ чѣмъ угодно. Наконецъ, онъ зналъ что власть и сила тайнаго *рѣсонда* велика, что корни ея на огромное пространство вѣтвятся подъ землей, а ползучіе побѣги, незаметно, но цѣлко, поднимаются очень высоко, что въ этомъ *рѣсондѣ* существуетъ верховный тайный трибуналъ, который судить безапелляціонно и неуклонно приводитъ въ исполненіе свои приговоры надъ ослушниками и отступниками. Въ этихъ приговорахъ бывали и ножъ изъ-за угла, и ядъ въ кускѣ хлѣба или въ стаканѣ воды. Исполненіе этихъ приговоровъ не могло быть стѣсняемо ни временемъ, ни пространствомъ. Все это очень хорошо понималъ Бейгушъ и при этомъ чувствовалъ, что если надъ нимъ будетъ произнесенъ подобный приговоръ, то для него онъ будетъ суровѣе и беспощаднѣе чѣмъ для многихъ другихъ, потому что Бейгушъ стоялъ слишкомъ близко къ дѣлу, ему было извѣстно много такого что являлось весьма важнымъ для успѣха и для многихъ лицъ петербургской организаціи, которыя теперь весьма легко стануть опасаться что отступничество столь дѣятельнаго члена можетъ имѣть и для нихъ, и для дѣла очень вредныя, а быть-можетъ и непоправимыя послѣдствія. Ясно что эти люди постараются теперь избавиться отъ него какъ можно скорѣе и притомъ самымъ радикальнымъ образомъ.

„Да, вотъ она, казнь за черныя умыслы, за воровское, подлое намѣреніе! горько раздумывалъ онъ: — ты сдѣлалъ ее своей женой съ тѣмъ чтобъ ограбить и бросить какъ старую перчатку... и вмѣсто того, и самъ не зная какъ, полюбилъ ее пуще самаго для тебя завѣтнаго!... Какая пропія! Какая отместка!“

Бейгушъ, давая себѣ строгій отчетъ о своихъ мысляхъ и побужденіяхъ, сознавалъ что почти не чувствуетъ ни малѣйшаго страха предъ возможностью подпольной казни: смерть тѣмъ или другимъ способомъ страшила его не столько какъ это проклятое имя Іуды, измѣнника. „Измѣнникъ своимъ братьямъ, Іуда идеи.... бррр!... Вотъ что ужасно! вотъ что

невыносимо! вотъ что скажутъ о тебѣ, и вотъ какую память по себѣ ты оставишь!“ думалъ Бейгушъ, и при одной этой мысли его обдавало холодомъ и дрожью. Онъ чувствовалъ что надъ нимъ тяготѣетъ какой-то страшный fatum, который, хочешь-не-хочешь, подчиняетъ себѣ его волю, его поступки, его помышленія, который словно говоритъ ему: иди, или умри съ именемъ Иуды! И этотъ fatum является въ лицѣ того же „кружка“, того же тайнаго комитета „святой sprawy“, этотъ вершачій все Deus ex machina есть его же собственное личное сопричастіе къ дѣлу, къ „организациі“. И никакихъ выходовъ нѣтъ изъ этого положенія!

„Еслибъ еще одна женщина, одна любовь могла все замѣнить собою человѣку, мыслилъ онъ въ самомъ мучительномъ состояніи духа:—пусть даже будетъ такъ! Я вѣрю въ это!... Что бы съ тобой ни случилось, какимъ бы именемъ тебя ни заклеили, пусть тебя навѣки похоронятъ въ Сибири, въ какомъ-нибудь Обдорскѣ, пусть сошлютъ въ каторгу, въ рудники: пусть все это такъ; но если ты любишь, если твоя любовь съ тобою, тутъ, пожалуй, можно бы еще все перенести, все выстрадать! Какъ бы страшно ни заклеили тебя эти люди, твои же братья, но зная что есть на Божьемъ свѣтѣ хоть одна бѣдная душа которая тебя любить и вѣрить въ тебя, которая для тебя на все готова,—о! зная это, можно стать выше всѣхъ этихъ людей и всей сѣрной злобы ихъ! Можно бы уйти внутрь себя, жить своимъ сердцемъ, своею душой.... Да; все это можно, еслибы только такъ!... Но если тебя не сегодня-завтра ждетъ угольная смерть, тогда что? Какой результатъ? Лучшие люди твоей родины съ ненавистью и презрѣніемъ скажутъ про тебя: собака и смерть собачья! Умереть съ именемъ Иуды измѣнника, и только!... Нѣтъ, видно, великое дѣло требуетъ и жертвъ великихъ!... Иди, иди, и нѣтъ тебѣ другой дороги, другаго выхода!

Въ нервномъ и возбужденномъ состояніи Бейгушъ, послѣ непродолжительной, но страшной и роковой борьбы съ самимъ собою, поѣхалъ вечеромъ къ капитану Чарыковскому.

Тотъ встрѣтилъ его сухо, однимъ лишь вопросительнымъ взглядомъ.

— Я прошу васъ забыть все прошлое, трудно дыша, смущеннымъ, но рѣшительнымъ тономъ началъ Бейгушъ:—я виновать предъ общими дѣломъ.... виновать тѣмъ что допустилъ

себя увлечься своимъ личнымъ чувствомъ, но.... теперь я прѣхалъ сказать вамъ что съ этой минуты я по-прежнему вашъ.... весь вашъ! Забудьте и протяните мнѣ честно вашу руку!

Лицо его дрожало внутреннимъ волненіемъ, на глазахъ блистали слезы.

Чарыковскій ступилъ шагъ впередъ, горячо обнявъ его, и оба они расцѣловались.

Съ этой минуты миръ съ „кружкомъ“ былъ возобновленъ; но далеко еще не было такого же мира съ самимъ собою въ наболѣвшей душѣ Бейгуша.

XLIII. Alea jacta est.

Въ нѣсколько дней официальная сторона дѣла, должествовавшая служить ему благоприлично и легально маской, была обработана: Бейгушъ получилъ экстренную командировку въ Литву, по одному изъ тѣхъ дѣлъ третьей-степенной важности, на которыя во всякомъ вѣдомствѣ зачастую и притомъ самымъ обыкновеннымъ образомъ случаются командировки. Все это очень легко и очень быстро обработалъ ему Чарыковскій, который пользовался хотя и косвеннымъ, но весьма значительнымъ вліяніемъ, какъ дѣльный, умный, ученый и необыкновенно способный человекъ. Точно такимъ же образомъ, подъ разными служебными предлогами, подобно Бейгушу, были отправлены и всѣ остальные организаторы въ разные мѣста западнаго края.

У Бейгуша все уже было готово къ отъѣзду: инструкция и подорожная вмѣстѣ съ проганами въ карманѣ, субсидія отъ организаціи тоже, вещи, то-есть самое лишь необходимое, исподоволь понемногу перенесены къ Чарыковскому, такъ что теперь оставалось только садиться въ вагонъ и ѣхать. А какъ не хотѣлось бы ѣхать! Какъ томительно просить собственное сердце остаться, помедлить.... хоть нѣсколько бы дней еще помедлить!...

Бейгушъ скрывалъ отъ Сусанны и свои приготовления, и свой отъѣздъ. Онъ зналъ что она настойчиво стала бы просить его отказаться подъ какимъ бы то ни было предлогомъ отъ казеннаго порученія, что въ крайнемъ случаѣ сама

рѣшилась бы ѣхать съ нимъ, убѣдила бы, умолила бы его своею любовію согласиться на это. Но разсудокъ громко и твердо говорилъ ему что ѣдучи на такое рискованное дѣло, было бы и опасно, и грѣшно тащить ее за собою. Въ умѣ своемъ онъ уже рѣшилъ что этому не бывать ни подъ какимъ условіемъ; но въ то же время боялся что слишкомъ тепло любить ее для того чтобъ ея просьбы и слезы не поколебали его рѣшимости, а потому онъ дѣлалъ все это втайнѣ.

Подъ вліяніемъ мысли о необходимости близкой и моментъ-быть вѣчной разлуки, онъ невольнo сталъ еще добрѣе и нѣжнѣе къ этой женщинѣ, онъ чувствовалъ, будто теперь она стала ему еще дороже, будто полюбилась ему еще болѣе. Сусанна, въ простотѣ сердечной, въ эти дни просто была на верху блаженства. Ей уже, дѣйствительно, не хотѣлось болѣе ни новыхъ шляпокъ, ни ложъ въ театрѣ, ни дачи въ Павловскѣ: ласки мужа, его внимательная и какая-то болѣзненно-задушевная нѣжность замѣнили ей всѣ посторонніе помыслы и желанія. Отчасти смущало ее порою только то что, среди ласковаго, веселаго разговора, мужъ ея вдругъ, ни съ того ни съ сего, на нѣсколько мгновеній становился какъ-то тоскливо угрюмъ и озабоченъ, или вдругъ нападала на него—то непонятная разсѣянность, то какая-то глубокая, подавляющая дума. Сусанна попросту думала себѣ что это онъ все о проигранныхъ деньгахъ, и потому, въ благодарность за его ласки, еще живѣе старалась всячески развлечь, приглубить и успокоить его.

Бѣгушъ жадно впивалъ теперь жизнь, полную любви, наслажденія и тихихъ семейныхъ радостей. Ему такъ сильно хотѣлось взять отъ этой жизни все что только можно взять, все что только можетъ она дать ему, хотѣлось до послѣдней капли осушить эту чашу, чтобы потомъ разбить ее въ дребезги, но за то чтобы въ послѣдствіи, при иной, грядущей, темной и одинокой жизни было бы чѣмъ помянуть эти немногія, но хорошія минуты!

Хотѣлось ему открыть Сусаннѣ что деньги ея цѣлы, и что именно вся комедія была разыграна имъ для одного лишь испытанія, но... силъ не хватало на это. Его нравственное чувство, возрожденное и очищенное силою любви, рѣшительно возмущалось противъ новой уловки, новой лжи. „Къ чему хитрить и притворяться! Къ чему еще разъ обманывать эту дѣтски-наивную, простую душу, которая и безъ того

ничего не хочетъ, ничего не требуетъ, кромѣ добраго слова да теплой ласки!" думалось Бейгушу, и онъ молчалъ, рѣшившись внутренне открыть ей на прощанье всю горькую правду.

Наконецъ наступилъ канунъ отъѣзда. Завтрашнее утро — крайній, послѣдній срокъ. Дѣло не ждетъ, Чарыковскій не терпѣливо и настойчиво поучаетъ. Надо вѣхать, надо кончить все, и беззавѣтно махнуть на все рукой!

Въ теченіе послѣдняго вечера Бейгушъ нѣсколько разъ пытался высказать Сусаннѣ правду о ея деньгахъ, и все-таки силъ не хватало. Жалко и больно было, пока самъ еще здѣсь на лицѣ, хоть на мгновеніе помутить счастливое чувство мира и покоя, чувство ея безграничной вѣры въ его нравственную личность. Онъ выждалъ пока наконецъ Сусанна заснула, и тихо, осторожно вышелъ изъ спальни.

Былъ уже въ исходѣ четвертый часъ ночи. Блѣдный разсвѣтъ петербургской бѣлой ночи глядѣлъ въ окна. Бейгушъ долго просидѣлъ въ глубокомъ и тяжкомъ раздумьи предъ своимъ кабинетнымъ столомъ, но наконецъ встрепенулся, смутно провелъ по лицу рукою и сталъ писать:

„Все кончено, Сусанна! Надо наконецъ сказать тебѣ всю горькую правду“, писалъ онъ. „Я женился на тебѣ ради самаго гнуснаго обмана, съ намѣреніемъ обокрасть тебя и бросить. Но не знаю, сама ли судьба, или безграничная любовь твоя отместили мнѣ за мою низость. Задумавъ наругаться надъ тобой, я кончилъ тѣмъ что глубоко полюбилъ тебя, побѣдленный твоею же любовью. Деньги твои цѣлы почти сполна, за исключеніемъ двухъ тысячъ, отданныхъ по условію моему достойному сообщнику. Онѣ лежатъ въ банкѣ, а билеты ты найдешь въ среднемъ ящикѣ моего стола. Ключъ я оставляю.“

Затѣмъ Бейгушъ подробно разказалъ всю исторію мнимаго проигрыша.

„Теперь уже не ради комедіи, какъ въ томъ письмѣ“, продолжалъ онъ: „а всаправду скажу тебѣ: *прости меня, если можешь!* Мы не увидимся больше; развѣ счастливая судьба сведетъ насъ какъ-нибудь въ послѣдствіи. И какъ бы желалъ я этой счастливой судьбы! Какъ страстно ждалъ бы!... Не спрашивай, не допытывай ни у кого и никогда почему я расстаюсь съ тобой такъ странно, такъ внезапно. Предупредить этого ничѣмъ нельзя: *это такъ должно.* Спрашивая и разглашая объ этомъ, ты можешь только повредить мнѣ самымъ страшнымъ образомъ. Почему это такъ, а въ настоящее время не имѣю права сказать тебѣ. Въ послѣдствіи, и даже можетъ-быть скоро, сама все узнаешь изъ

дѣла, безъ справокъ и распросовъ. Скажу пока одно: я увѣжаю въ Литву по экстремному порученію моего начальства. Такъ ты это и знай, такъ и говори знакомымъ, буде стануть спрашивать. Но вообще, если любишь меня, то не распространяйся и какъ можно менѣ говори обо мнѣ. Я наказанъ вдвойнѣ: и тѣмъ что полюбилъ тебя, и тѣмъ что долженъ теперь разстаться. Да, какъ Полякъ, я не имѣлъ права полюбить русскую женщину. Какое жесткое, ужасное положеніе!... Будь проклята и эта племенная, историческая вражда, и то что породило ее! Благодаря ей, вся моя личная жизнь (да и едва ли моя только?) построена на фальши, на противуестественномъ умерщвленіи въ себѣ самомъ лучшихъ, самыхъ святыхъ и завытныхъ чувствъ во имя одной идеи. И это необходимо! Отказаться отъ этого не въ моей власти, не въ моей волѣ, если только я хочу сохранить себѣ честное польское имя, если я не сдѣлаюсь измѣнникомъ Польши. А я имъ никакъ и никогда не сдѣлаюсь!... Что же дѣлать мнѣ, если я люблю и *ее*, и *тебя*! Но которую же больше?... Сердце шепчетъ: *тебя*, а долгъ и клятва кричатъ мнѣ: Польшу! Польшу! ее одну и никого и ничего болѣе!... Такова наша суровая, историческая заповѣдь. Можно только бесконечно жалѣть и сокрушаться о томъ что есть въ жизни народа такіа непримиримыя положенія, когда отдѣльная личность, даже помимо собственной воли, насильственно принуждена разрывать самыя дорогія свои связи и отношенія. Такъ точно и со мною. Пожалѣй же обо мнѣ, моя милая, добрая Сусанна!

„Я не хотѣлъ тебѣ говорить и объяснять причины, а вышло какъ-то такъ что сказалося даже гораздо болѣе чѣмъ бы слѣдовало. Не оставлай у себя этого письма и никому не говори про него. Самое лучшее: прочти, пойми его сердцемъ и сожги, чтобы и слѣдовъ не осталось. Это моя послѣдняя просьба. А *послѣднія* просьбы всегда исполняются строго.

„Нѣтъ, есть и еще одна: прости, благослови заочно и люби меня, какъ умѣла любить до этой минуты. Авось еще и не все кончено! Авось еще встрѣтимся, но только дай Богъ чтобы на радость и счастье!“

Онъ дописалъ. Былъ седьмой часъ вначалѣ. Лакей уже проснулся и подметалъ въ гостиной. Бейгушъ со всевозможною осторожностью прошелъ въ спальню и положилъ письмо на туалетъ, такъ что оно прежде всего должно было кинуться въ глаза женѣ, когда она встанетъ съ постели.

Сусанна спала тихо и безмятежно, сладкимъ утрекнимъ сномъ, подложивъ обнаженную красивую руку подъ свою розовую щеку.

Затаивъ дыханіе, безъ малѣйшаго движенія, Бейгушъ глядѣлъ и любовался на нее влюбленными глазами.

Наконецъ-таки не осилилъ себя, приблизился къ постели и съ жуткимъ чувствомъ въ душѣ привикъ трепещущими губами къ щекамъ жены.

Сусанна нехотя раскрыла глаза, увидѣла мужа, и думая что онъ уже всталъ чтобы по обыкновенію отправиться въ свою батарею, улыбнулась ему, и повернувшись на другой бокъ, тотчасъ же снова заснула.

Послѣ этого Бейгушъ спѣшно одѣлся у себя въ кабинетъ и ушелъ изъ дому. Онъ отправился къ Чарыковскому, который лично хотѣлъ проводить его на желѣзную дорогу.

Утро стояло свѣтлое и свѣжее. Ночью шелъ дождикъ, и разорванныя тучи плавали еще по небу, но солнце блистало ярко и радостно, словно приветствуя и маня своимъ баскомъ отходящаго въ трудный и темный путь.

— Ну!... *Ala jacta est!* съ глубокимъ и полнымъ вздохомъ сказалъ себѣ Бейгушъ:—да, жребій брошенъ! Подготовительный періодъ нашъ конченъ. Теперь—борьба! На арену выступаютъ двѣ силы.... Что-то будетъ? Что-то выдетъ?... Но.... вернуться уже нельзя, невозможно: *ala jacta est!*

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

14го декабря 1869.

К О Н Е Ц Ъ.

МЮНХЕНСКАЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

ВЫСТАВКА

I.

Никогда Мюнхенъ не былъ такъ оживленъ какъ нынѣшнимъ лѣтомъ. Обыкновенно тихія и подчасъ пустынные улицы его были полны движенія. Шумъ экипажей не прекращался до поздней ночи. Гостиницы до такой степени переполнены прїѣзжими и иностранцами что трудно было найти свободную комнату и, дѣло небывалое въ столицѣ Баваріи, въ отеляхъ принуждены были отказывать иностранцамъ. Причиной такого наводненія Мюнхена прїѣзжими были почти въ одно время открывшіяся здѣсь три выставки: мѣстная промышленная выставка, международная художественная выставка и выставка картинъ старыхъ мастеровъ.

Предметомъ настоящей статьи будетъ художественная выставка, которая чрезвычайно интересна въ томъ отношеніи что представляетъ небывалое еще до сихъ поръ, по своему богатству и разнообразію, собраніе произведеній живописи и скульптуры со всѣхъ концовъ Европы, отчасти даже изъ Америки, и такимъ образомъ даетъ возможность составить себѣ довольно полное понятіе о современномъ состояніи искусства.

Мюнхенъ, претендующій на названіе германскихъ Афинъ,

справедливо можетъ гордиться тѣмъ что ему принадлежить честь почина въ устройствѣ первой международной художественной выставки. Безъ сомнѣнiя, этотъ примѣръ не останется безъ подражателей. Уже теперь поговариваютъ о такой же художественной выставкѣ въ Парижѣ въ 1872 году. Болѣе чѣмъ вѣроятно что Парижская выставка будетъ еще гораздо разнообразѣе и богаче Мюнхенской, и что она будетъ устроена съ тѣмъ вкусомъ и знанiемъ дѣла которыми отличаются Французы въ предпрiятiяхъ подобнаго рода. Но какъ первый опытъ въ новомъ дѣлѣ, Мюнхенская выставка можетъ быть названа блистательною: тѣ нации у которыхъ современное искусство получило наибольшее свое развитiе, какъ-то Германiя, Францiя и Бельгiя съ Голландiей, представлены на выставкѣ довольно полно и хорошо. Гораздо слабѣе представлены искусства Италiи (особенно живопись). Что же касается Испанiи, Англiи и Россiи, то, къ сожалѣнiю, изъ этихъ странъ получено только по нѣскольку картинъ и статуй. Положительно можно сказать что виной огромныхъ пробѣловъ въ отдѣлахъ нѣкоторыхъ изъ названныхъ странъ было единственно только неумѣнье взяться за дѣло, выказанное комитетомъ которому баварское правительство поручило устройство выставки. Много есть болѣе или менѣе основательныхъ упрековъ которые бы можно сдѣлать комитету, но, безъ сомнѣнiя, главнѣйшая вина его заключается въ томъ что имъ не принято было всѣхъ мѣръ для того чтобы придать устройству выставки ту всеобщую извѣстность которая составляетъ первое условiе предпрiятiй имѣющихъ международный характеръ. Не только въ Россiи, въ Англiи и въ Италiи публика почти ничего не знала объ устройствѣ Мюнхенской выставки, но даже въ самой Германiи, въ Вѣнѣ, напримѣръ, говорили объ этомъ неуверенно, въ такомъ родѣ: что, можетъ-быть, выставка состоится, а можетъ-быть и нѣтъ, что, кажется, она отложена на слѣдующiй годъ и пр. Почти наканунѣ открытiя выставки, въ послѣднихъ числахъ iюня, намъ случилось читать въ одной нѣмецкой газетѣ извѣстiе что въ Мюнхенѣ 1го августа будетъ открыта только выставка картинъ старыхъ мастеровъ, а международная выставка отложена до будущаго года. Вотъ образчикъ того какъ много знала о выставкѣ даже нѣмецкая печать. Комитетъ, сдѣлавъ сношенiя съ правительствами и академiями, считалъ дѣло конченнымъ и спокойно ждалъ

присылки картинъ и статуй, до времени ничѣмъ не заявляя міру о своемъ существованіи. Говорятъ что въ первое время, вслѣдствіе такихъ распоряжковъ, присылки были такъ незначительны что баварское правительство, опасаясь потерять фіаско, въ самомъ дѣлѣ подумывало было не отложить ли выставку. Только въ послѣдніе дни, предъ окончаніемъ срока назначеннаго для приѣма, стали во множествѣ со всѣхъ сторонъ подходить въ Мюнхенъ ящики съ картинами и статуями, а многія изъ нихъ получены уже гораздо послѣ открытія выставки. Вообще, какъ кажется, въ Мюнхенѣ не разчитывали на большую выставку. Это видно изъ того что для помѣщенія художественной выставки предоставленъ не весь Кристальный дворецъ, какъ бы слѣдовало, а только половина его, между тѣмъ какъ другая половина отдана въ распоряженіе мѣстной промышленной выставки. Отъ этого произошло страшное стѣсненіе въ размѣщеніи картинъ, которыми буквально покрыты всѣ стѣны сверху до низу. Ничто не утомляетъ такъ глаза какъ подобное нагроможденіе картинъ одна на другую. Притомъ нѣкоторыя картины пришлось повѣсить такъ высоко что ихъ трудно видѣть не только простымъ глазомъ, но даже въ бинокль. Разумѣется, при такой тѣснотѣ расположенія, о раздѣленіи произведеній искусства по націямъ и по школамъ не могло уже быть и рѣчи. Все смѣшано, сбито, перепутано. Не только картины одной и той же школы размѣщены часто въ разныхъ комнатахъ, но даже произведенія одного и того же художника разбросаны такъ что, для того чтобы найти ихъ, въ случаѣ необходимости сдѣлать какія-нибудь сравненія, приходится терять очень много времени. Все это въ высшей степени затрудняетъ знакомство съ выставкой, и посѣтителю блуждаютъ по заламъ какъ въ лѣсу, совершенно лишенные возможности познакомиться толкомъ съ тѣмъ или другимъ художникомъ, съ тою или другою школою. Еслибы подъ помѣщеніе художественной выставки предоставленъ былъ весь Кристальный дворецъ, то весьма легко было бы избѣгнуть всѣхъ этихъ неудобствъ. Притомъ въ такомъ случаѣ къ настоящей художественной выставкѣ, представляющей такое богатое собраніе произведеній современнаго искусства, можно было бы присоединить выставку картинъ старыхъ мастеровъ. Сколько было бы случаевъ для полезныхъ сравненій и выводовъ! Между тѣмъ комитетъ распорядился помѣстить

выставку произведеній старыхъ мастеровъ совершенно отдѣльно, въ особомъ зданіи, почти за версту отъ Кристальнаго дворца, съ особою платой за входъ.

Въ довершеніе беспорядка господствовавшего на художественной выставкѣ, комитетъ не озаботился составленіемъ хорошаго систематическаго каталога, который бы могъ, хотя въ нѣкоторой степени, вознаграждать недостатки размѣщенія. Въ первые десять дней по открытіи выставки, которое, надо замѣтить, было отложено на пять дней, даже вовсе не было никакого каталога, и бѣдные посѣтители, не имѣя никакой путеводной нити въ этомъ лабиринтѣ, осуждены были любоваться прекрасными произведеніями, не вѣдая ни кто ихъ авторъ, ни въ какой странѣ они произошли на свѣтъ. Черезъ десять дней, наконецъ, появилась каталогъ, но каталогъ въ высшей степени плохо составленный и наполненный самыми грубыми ошибками. Комитетъ, самъ хорошо сознавая это, назвалъ этотъ каталогъ только *временнымъ* (Provisorischen Katalog), обѣщая выдать въ послѣдствіи другой, болѣе полный и систематическій, но когда этотъ желанный каталогъ появится—неизвѣстно, а между тѣмъ уже прошло около полутора мѣсяца со дня открытія выставки.

Мы позволили себѣ распространиться о беспорядкахъ выставки, столь затрудняющихъ ея изученіе, не безъ намѣренія. Въ нихъ мы надѣемся найти себѣ извиненіе въ тѣхъ неточностяхъ, пропускахъ и недосмотрахъ, какихъ, безъ сомнѣнія, очень не мало встрѣтится читателю въ настоящей статьѣ.

Въ Мюнхенѣ надѣялись что самъ король откроетъ выставку, какъ это сдѣлалъ, черезъ нѣсколько дней потомъ, король Бельгійцевъ для своей трехгодичной бруссельской выставки, но не задолго до открытія сдѣлалось извѣстно что Лудвигъ II поручилъ это дѣло дядѣ своему, принцу Адальберту. Открытіе совершилось 8го (20го) іюля, очень торжественно, въ присутствіи всего дипломатическаго корпуса и высшихъ государственныхъ чиновъ Баваріи. Посѣтителей также собралось много, несмотря на довольно высокую для Мюнхена плату за входъ—одинъ гульденъ.

Выставка занимаетъ собою бѣольшую половину Кристальнаго дворца. Она расположена въ одной огромной залѣ (трансептѣ) и шести меньшихъ залахъ, въ 14 такъ-называемыхъ ложахъ и 22 кабинетахъ. Въ трансептѣ устроенъ превосходный

большой фонтанъ, возлѣ котораго, прямо противъ входа, въ цвѣтахъ и въ зелени, красуется бюстъ короля, а отъ него, вокругъ фонтана, идутъ скульптурныя произведенія. Въ средней залѣ тоже небольшой фонтанъ. Оба фонтана были чрезвычайно полезны для освѣженія воздуха во время душныхъ июльскихъ жаровъ. Изъ транспта нѣтъ двѣ залы, почти исключительно занятыя французскою школою, ведутъ въ хорошій ресторанъ, обильно снабженный холодными закусками, гдѣ, за какихъ-нибудь 50 копѣекъ, можно очень порядочно позавтракать. Направо изъ транспта ходъ въ остальные залы, а также въ ложи и въ кабинеты. Три залы и всѣ ложи заняты картинами писанными масляными красками; десять кабинетовъ на югъ исключительно заняты архитектурными проектами и рисунками, въ другихъ десяти кабинетахъ размѣщены акварели, гравюры, рисунки и пр. Наконецъ одна зала и два очень просторные кабинета посвящены скульптурѣ. Въ залахъ, гдѣ помѣщаются картины, свѣтъ распределенъ очень хорошо, благодаря особенно устроеннымъ для этой цѣли навѣсамъ изъ полотна и коленкора. Напротивъ того въ ложахъ нѣкоторыя картины освѣщены довольно плохо. Число всѣхъ художественныхъ произведений на выставкѣ слѣдующее: картинъ масляными красками 1.631. Картоновъ, акварелей, рисунковъ, гравюръ, картинъ на стеклѣ и пр. около 800. Статуй и барельефовъ 392. Архитектурныхъ проектовъ и рисунковъ 596, а всего около 3.400 произведений. Подобнаго богатства не представляла еще ни одна художественная выставка.

II.

Общее впечатлѣнiе производимое выставкой послѣ перваго знакомства съ нею не вполне въ ея пользу. Отъ международной художественной выставки, которая должна представлять собою полную и вѣрную картину современнаго состоянiя искусства за послѣднiе годы, ожидаешь какъ-то больше. Переходя изъ залы въ залу и обозрѣвая поочередно весь этотъ безконечный рядъ болѣе или менѣе хорошихъ картинъ и статуй, собранныхъ сюда со всѣхъ концовъ Европы, напрасно ищешь произведенiя вполне прекраснаго, равно замѣчательнаго по мысли и по исполненiю, которое бы надолго приковывало къ себѣ глаза и вниманiе

зрителя и оставляло бы по себѣ неизгладимое впечатлѣніе. Такихъ высоко-художественныхъ произведеній, составляющихъ эпоху въ исторіи искусства, нѣтъ на Мюнхенской выставкѣ. Съ этимъ бы еще можно примириться: подобныя произведенія вообще являются не часто, ихъ иногда напрасно ждутъ цѣлыя поколѣнія, но неприятно поражаетъ на выставкѣ то что, среди этой пестрой и разнообразной массы произведеній бьющихся въ глаза необыкновеннымъ мастерствомъ исполненія: бойкостію кисти, блескомъ колорита и всѣми совершенствами исполненія, вообще очень мало произведеній съ серіознымъ содержаніемъ. Всмотриваясь внимательно въ то что пишутъ нынѣшніе живописцы, что создаетъ рѣзецъ современныхъ скульпторовъ, невольно приходишь къ безотрадному убѣжденію что уровень искусства значительно понизился въ послѣднее время. Духовная сторона искусства находится въ очевидномъ пренебреженіи. Вездѣ видны только расчетъ на эффектъ и щегольство техники. Притомъ въ современномъ искусствѣ не замѣчается ничего прочнаго, опредѣленнаго, никакихъ серіозныхъ стремленій. Все сбивчиво, шатко, все въ какомъ-то хаотическомъ броженіи. Искусство несомнѣнно переживаетъ переходную эпоху. Но посреди этого безконечнаго разнообразія стремленій, манеръ и приѣмовъ, особенно выдѣляются и поражаютъ двѣ характеристическія черты отличающія современное искусство. Это, съ одной стороны, необыкновенная бѣдность содержанія и нищенство мысли; а съ другой, и рядомъ съ этимъ, удивительное мастерство исполненія, достигающее до изумительныхъ фокусовъ и *tour de force*.

Въ эпоху цвѣтущаго состоянія искусства, на выборъ сюжета, на содержаніе художественнаго произведенія всегда обращалось особенное вниманіе, потому что великіе художники справедливо думали что вѣнецъ искусства заключается въ художественномъ сляніи формы съ содержаніемъ. Они не понимали произведеній незапечатлѣнныхъ серіозною мыслию, не преклонялись предъ блестящимъ исполненіемъ, если оно тратилось на предметы ничтожныя или недостойныя искусства. Одно существованіе предмета въ природѣ не давало ему права, по ихъ понятію, быть предметомъ искусства. Всегда и вездѣ у нихъ на первомъ планѣ была идея, духовное содержаніе. Отсюда тотъ идеальный характеръ которымъ болѣе или менѣе проникнуты величайшія произведенія

искусства, и благодаря которому они никогда не перестанутъ быть предметомъ удивленія и восторга. Съ того времени какъ жили и работали величайшіе гении искусства прошло много поколѣній и много вѣковъ и тысячелѣтій. Мраморъ ихъ статуй потемнѣлъ, краски ихъ картинъ поблекли. Съ теченіемъ времени, техника искусства значительно подвинулась впередъ, выработала себѣ новые приемы, искусство стало ближе къ природѣ, но произведенія ихъ отъ этого не потеряли ни своей прелести, ни своего обаянія. Мысль, которая скрывается подъ условною и часто несовершенною формою, — вотъ что даетъ имъ непреходящее значеніе, вотъ что приготовило имъ вѣчность. Въ настоящее время выборъ предмета произведенія и его внутреннее содержаніе отодвинулись на дальній планъ. Все вниманіе художника, всѣ усилія его обращены единственно и исключительно только на технику, на мастерство исполненія. Теперь художникъ, принимаясь за кисть или за рѣзецъ, руководствуется не желаніемъ выразить въ своей картинѣ или статуѣ ту или другую мысль, а единственно произволомъ, первымъ пришедшимъ въ голову капризомъ.

При обработкѣ предмета вся его забота заключается въ томъ чтобы сколько возможно приблизиться къ природѣ и передать предметъ точно, какъ онъ есть, въ томъ самомъ сыромъ видѣ въ какомъ представляетъ его природа. Эта школа отчаянныхъ реалистовъ какъ бы отрицаетъ въ искусствѣ всякое право на мысль и на выборъ. Она не признаетъ идеаловъ и видитъ красоту только въ сходствѣ съ природою. По ихъ ученію, какъ бы дурень и даже отвратителенъ ни былъ предметъ, онъ изященъ, если онъ вѣрно переданъ. Представители этого направленія проповѣдуютъ что вся суть искусства заключается въ томъ *какъ* извѣстный предметъ передается, а вовсе не въ томъ какое онъ самъ по себѣ имѣетъ значеніе. Авторитета древнихъ эти господа не хотятъ знать, о художникахъ эпохи возрожденія отзываются съ пренебреженіемъ, для нихъ какъ будто не существуетъ ни исторіи народовъ, ни произведеній великихъ писателей, ни вѣчно новаго и разнообразнаго міра души, для нихъ все заключается въ одной природѣ, ее одну они признаютъ своею наставницею и руководительницею, только въ ней одной ищутъ предметовъ для своихъ твореній. Забывая что природа тоже имѣетъ свою душу, свой внутренній смыслъ, они довольству-

ются только внѣшнимъ сходствомъ. Но ограничиваться только поверхностію предмета, не проникая въ его глубину, значитъ превратно понимать природу и грѣшить противъ искусства. Отъ этого реализма, отъ этого исключительнаго поклоненія природѣ, при изгнаніи изъ области искусства всего поэтического, идеальнаго и духовнаго, одинъ только шагъ до самаго грубаго матеріализма. И дѣйствительно, не надо много изучать выставку чтобъ убѣдиться что реализмъ, вмѣстѣ съ матеріализмомъ, суть двѣ господствующія болѣзни современнаго искусства.

У большей части живописцевъ реальнаго направленія въ особенномъ уваженіи колоритъ. На краски они обращаютъ особенное вниманіе, точно желая блескомъ ихъ замѣнить и содержаніе, и душу своихъ произведеній. Лучшимъ образцомъ этого направленія въ Германіи можетъ служить даровитый мюнхенскій художникъ, дѣйствительно отличающійся необыкновенно живымъ и блестящимъ колоритомъ, Гансъ Маркартъ. Извѣстно что когда въ литературѣ поднялся споръ о томъ что именно изображаетъ картина пріобрѣтшая ему года два тому назадъ громкую славу въ Германіи и которую иные принимали за *Семь смертныхъ грѣховъ*, а другіе за *Чужу во Флоренціи*, то онъ съ удивительною наивностію объяснилъ что у него собственно не было въ виду писать ни того, ни другаго, а что это просто фантазія безъ имени и безъ содержанія, навѣянная на него кой-какими веселыми воспоминаніями, и которую онъ старался передать на полотнѣ точно такъ какъ она ему представлялась, вовсе не думая о томъ что изъ этого выйдетъ.

Вообще содержаніе для картинъ выбирается въ послѣднее время самое легонькое, не головоломное, вполне доступное и понятное для той публики которая преимущественно покупаетъ подобнаго рода произведенія. Въ нѣкоторыхъ картинахъ часто даже вовсе нѣтъ содержанія. Онѣ просто представляютъ фотографически вѣрный снимокъ какой-нибудь личности, или одну фигуру, преимущественно женскую и притомъ какъ можно менѣе одѣтую. Если это изображеніе совершенно раздѣтой женщины, то произведенію дается названіе какой-нибудь нимфы, Венеры, Дианы и пр. Въ особенномъ также ходу теперь изображеніе дамъ полусвѣта съ ихъ роскошною обстановкой, съ кружевами, бархатомъ и атласомъ, которые въ настоящее время пишутся съ такимъ

совершенством что совершенно обманываютъ глазъ. Являлось небывалое прежде раздѣленіе труда въ искусствѣ, подобно тому какъ это существуетъ въ ремеслахъ. Въ противоположность великимъ мастерамъ XVI вѣка, нерѣдко соединявшимъ въ одномъ лицѣ всѣ три главныя отрасли искусства — живопись, скульптуру и архитектуру, художникъ теперь избираетъ себѣ одну какую-нибудь специальность, ограничивается самымъ тѣснымъ кругомъ дѣятельности, но старается довести технику въ передачѣ избраннаго имъ предмета до совершенства. Одинъ пишетъ преимущественно только шелковыя ткани, другой — только бархаты, третій — алуанное освѣщеніе, четвертый — стальные доспѣхи, пятый — розовый разсвѣтъ, шестой — красный закатъ, и такъ далѣе. Разумѣется, что и содержаніе картины избирается преимущественно такое гдѣ бы можно было выказать въ полномъ блескѣ свою специальность. Зато какая благодать для покупателя, видящаго въ картинѣ не болѣе какъ дополненіе къ убранству комнаты; онъ не только имѣетъ полную возможность выбрать себѣ картину какой угодно формы и какихъ угодно размѣровъ, но можетъ даже, если пожелаетъ, подобрать ее подъ цвѣтъ мебели и обоевъ. Спросъ покупателя — вотъ чтó въ настоящее время приводитъ въ движеніе всю эту массу кистей и рѣзцовъ, вотъ чтó создаетъ законы для искусства. Художники, съ самою любезною готовностію, поставляютъ только то на чтó есть спросъ, чтó покупается. Такимъ образомъ искусство обращается въ ремесло, и художникъ дѣлается ремесленникомъ. Забывъ свое истинное призваніе — руководить вкусомъ публики, а не быть его рабомъ, художникъ сталъ заботиться только о томъ чтобъ угодить наклонностямъ покупателя, подстрекнуть его чувственность. Отсюда чувственное направленіе, такъ замѣтно преобладающее въ художественныхъ произведеніяхъ послѣдняго времени. И скульптурное, и живописное отдѣленія выставки преизобилуютъ обнаженными женщинами во всѣхъ возможныхъ позахъ. Но нагота сама по себѣ не имѣетъ въ себѣ ничего неприличнаго или предосудительнаго, а человеческое тѣло, какъ образецъ совершенства всего существующаго на землѣ, составляетъ даже прямое достоинство искусства. Все зависитъ отъ того какъ передается нагота. Въ этомъ отношеніи античное искусство можетъ служить намъ самымъ вѣрнымъ и надежнымъ руководствомъ. Древніе завѣщали намъ цѣлый

совѣтъ боговъ и богинь, героевъ и простыхъ смертныхъ, или совѣтъ обнаженныхъ, или только слегка задрапированныхъ, но красота формъ, доведенная до идеала, лучше всякихъ одеждъ защищала ихъ отъ нескромныхъ мыслей. Видъ такой наготы доставляетъ только чистое наслажденіе и не заставляетъ покраснѣть ни одну дѣвушку. Въ наше время нагое тѣло трактуется въ другомъ духѣ и въ иномъ направленіи. Нынѣшнія Діаны, Венеры, нимфы и пр. только предлогъ показать публикѣ раздѣтыхъ продажныхъ красавицъ, которыхъ не только тѣла, но часто даже, для большей пикантности, и самое лицо художникъ передаетъ съ истинно фотографическою вѣрностію. Это не нагія чистыя богини, прекрасныя и лучезарныя какъ день, а соблазнительныя гетеры. Взглядъ ихъ полонъ призыва, позы изысканы и кокетливы, формы умышленно утрированы,—во всемъ расчетъ подстрекнуть чувственность, все носить унижающій искусство пряный характеръ. Иногда художникъ, точно изъ скромности, закрываетъ драпировкой часть формъ своихъ красавицъ, но это дѣлается только съ коварнымъ умысломъ еще больше возбудить любопытство и подстрекнуть желанія. Это чувственное направленіе особенно преобладаетъ въ новѣйшей французской школѣ. Мюнхенская выставка представляетъ въ этомъ отношеніи множество любопытныхъ примѣровъ. Гг. Ульманъ, Геннеръ, Шабстъ (Pabst), Кемереръ, Феликсъ, Лоанг, Неркорнъ соперничаютъ другъ предъ другомъ въ самомъ реальномъ изображеніи нагихъ красавицъ; гг. Курбѣ, Ковсенъ и Ризонеръ истощаютъ всю свою изобрѣтательность чтобы, изображая нагую женщину, занятую игрой то съ попугаемъ, то съ козочкой, то съ пантерой, показать ее публикѣ въ самыхъ соблазнительныхъ позахъ. Но этимъ утонченность французскихъ художниковъ не ограничивается. Этексъ, напримѣръ, сообразилъ что выставить на показъ раздѣтую Египтянку будетъ еще гораздо интереснѣе и пикантнѣе чѣмъ европейскую женщину, что ужъ слишкомъ обыкновенно. Благодаря этой счастливой мысли, Мюнхенская выставка украсилась двумя портретами во весь ростъ египетской красавицы, изображающими ее съ двухъ разныхъ сторонъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія что красивая обитательница юга, такъ безцеремонно показывающая зрителю свои подернутыя бронзовымъ отливомъ прелести, очень скоро найдетъ себѣ радушный приѣмъ въ роскошномъ будуарѣ

какого -нибудь пресыщенного сибарита. Гг. Антинья и Жюль Саль идутъ по этой скользкой дорогѣ еще дальше: они, съ беззащитностію, рѣшаются показать публикѣ совершенно обнаженными двухъ молоденькихъ, только что начинающихъ развиваться, дѣвочекъ.

Въ то время когда одна часть художниковъ дѣлается покорными слугами публики и все свое призваніе полагаетъ въ угожденіи ложному вкусу толпы и поблажкѣ чувственнымъ вклонностямъ покупателя, другая ищетъ отличиться и привлечь къ себѣ вниманіе причудливостію или уродливостію изображаемыхъ предметовъ и поразительною правдою въ передачѣ самыхъ отталкивающихъ и неприятно дѣйствующихъ подробностей. Одинъ изображаетъ старый, почернѣвшій отъ времени безобразный черепъ посреди прелестно написанныхъ незабудокъ, съ каплями росы, точно каплями слезъ, на безжизненныхъ костяныхъ скулахъ, и даетъ этой занимательной картинѣ выразительное названіе *Vergissmeinnicht* (Авансонъ); другой вводитъ насъ въ кабинетъ анатома и показываетъ намъ лежащій на анатомическомъ столѣ полуобнаженный трупъ молодой дѣвушки-самоубійцы, какъ бы приглашая присутствовать при вскрытіи, къ которому готовится приступить анатомъ (Максъ); третій, наконецъ, (*Auftrag de Roc Rhian*), представляетъ намъ брошенный, посреди грандіозной горной природы, на вершинѣ утеса, въ удивительномъ ракурсѣ, головой внизъ, отвратительный, оглоданный хищными звѣрями и птицами, скелетъ, на которомъ сохранились только огромные охотничьи сапоги, да окровавленные клочки одежды. Кости скелета, прорвавшія лохмотья, и покрытые зеленоватымъ мхомъ сапоги съ удивительною отчетливостію вырисовываются на ясной лазури неба. Черепъ оскалдился, точно улыбается. Картина выходитъ необыкновенно эффектная. Она называется *Смерть контрабандиста*. Намъ говорили что на выставку присланы въ этомъ родѣ вещи до такой степени ужасныя и отвратительныя что комитетъ выставки не рѣшился выставить ихъ въ залахъ Кристальнаго дворца.

Все это своего рода рекламы и объявленія, все это кричать и зазываетъ къ себѣ публику, каждый силится во что бы то ни стало, какими бы то ни было средствами обратиться на себя вниманіе. Есть что-то болѣзненное и въ

вышей степени безотрадное въ этой страстной погонѣ за извѣстностію.

Многіе, въ виду неутѣшительныхъ явленій отличающихъ современное искусство—бѣдности содержанія его произведеній, исключительнаго преобладанія техники, ничтожности его задачъ и отсутствія здраваго направленія,—предсказываютъ близкій конечный упадокъ искусства. Мы не раздѣляемъ такихъ убѣжденій. Мы сказали что искусство въ настоящее время переживаетъ переходную эпоху, но твердо вѣримъ что это переходъ къ лучшему, а не къ худшему. На это неудержимое стремленіе къ совершенству техники, къ мастерству и щегольству исполненія, по нашему мнѣнію, нужно смотрѣть только какъ на подготовку къ будущему. Искусство очевидно запасается силами, стремится вполне овладѣть вѣшними приѣмами, для того чтобы не затрудняться этимъ въ послѣдствіи, когда настанетъ для него лучшее время....

Оно ищетъ себѣ новыхъ путей и новыхъ задачъ, но пока еще не находитъ ихъ. До сихъ поръ искусство почти исключительно жило преданіями и забавлялось формами выработанными другою жизнію, вызванными другими потребностями, но эти формы теперь уже не удовлетворяютъ его. Онѣ слишкомъ устарѣли и не годятся для выраженія цѣлаго міра новыхъ идей сдѣлавшихся достояніемъ новѣйшаго времени. Надо чтобы искусство, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, вполне отражало въ себѣ всю духовную жизнь современнаго человека, чтобы оно радовалось его радостями, страдало его горемъ. Тогда только искусство вновь, какъ въ былое, давно прошедшее время, сольется съ жизнію общества, сдѣлается насущною потребностію и перестанетъ быть, какъ теперь роскошью только немногихъ избранныхъ. Уже и въ наше время можно указать на нѣсколькихъ художниковъ, стоящихъ совершенно отдѣльно посреди всеобщей оргіи неистовыхъ эффектовъ и фокусовъ, которые, вооружась знаніемъ и всеми усовершенствованіями техники, чуждые рабскаго поклоненія авторитетамъ, съ ясно сознаною цѣлію стремятся къ тому чтобы отражать въ своихъ произведеніяхъ современную жизнь со всѣмъ многообразіемъ ея новѣйшихъ интересовъ. Къ сожалѣнію, это пока еще только рѣдкія исключенія, и плоды ихъ благородныхъ усилій почти незамѣтны въ огромной массѣ того что составляетъ большинство нынѣшнихъ художниковъ.

Притомъ, указывая на фальшивость направленія новѣйшаго искусства, было бы несправедливо забыть о томъ что оно заключаетъ въ себѣ отраднаго и хорошаго. Нельзя не признать его заслуги въ стремленіи сблизиться съ обыденною жизнію, въ желаніи посвятить насъ въ бытъ и въ незатѣливую обстановку простаго народа. Прежде содержаніе художественныхъ произведеній преимущественно черпалось изъ Библіи, изъ Новаго Завѣта, изъ мифологіи, изъ Гомера и пр. Въ ходу были только такъ-называемые *возвышенные сюжеты*. Только боги и богини, герои, короли и рыцари, съ ихъ дамами, удостоивались чести быть предметомъ рѣзца или кисти. Теперь отъ боговъ и королей искусство низшло къ простымъ смертнымъ. Оно преимущественно беретъ свое содержаніе изъ исторіи, изъ близкихъ намъ писателей, изъ повседневной жизни всѣхъ классовъ народа, не забывая никого. Любовь къ семьѣ, тихія радости сердца, дѣти, ихъ игры и ихъ ученіе, крестьяне съ ихъ деревенскою обстановкой, таковы большею частію сюжеты въ картинахъ нѣкоторыхъ наиболѣе серіозныхъ представителей новѣйшаго искусства. Уже одно то что современное искусство такъ замѣтно стало предпочитать близкое отдаленному, свое чужому, уже это одно даетъ ему право на уваженіе и на благодарность, хотя съ другой стороны не надо забывать что это гуманное направленіе искусства, стремящееся захватить въ свою область не только все возвышенное и благородное земли, но и вообще все человѣческое, на основаніи извѣстнаго *nil humanum a me alienum puto*, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, въ своихъ крайностяхъ, повело къ господству реализма о которомъ мы говорили выше.

III.

На Мюнхенской выставкѣ особенно замѣтно преобладаніе пейзажа и жанра. Напротивъ того, произведеній съ содержаніемъ заимствованнымъ изъ Библіи или изъ мифологіи весьма немного. Ихъ можно пересчитать на пальцахъ. Это совершенно понятно при томъ направленіи какое приняло искусство въ послѣдніе годы. Предметы религіозные, столь воодушевлявшіе нѣкогда великихъ мастеровъ эпохи возрожденія, отъ Джіото и Чимабуэ до Каррачей и Гвидо-Рени, теперь

сдѣлались рѣдкостію и исключеніемъ. Намъ не достаетъ ни того религіознаго восторга, ни той теплой вѣры, которые водили кистью художниковъ-идеалистовъ XV и XVI столѣтій. Если и встрѣчаются еще картины съ религіознымъ содержаніемъ, то по большей части предметъ обрабатывается не въ томъ духѣ какой необходимъ для произведеній подобнаго рода. Отсутствіе внутренняго, духовнаго содержанія составляетъ отличительную черту новѣйшихъ картинъ съ изображеніемъ распятій, положеній во гробъ, Св. семействъ и пр. Въ этихъ случаяхъ золотые вѣнцы вокругъ головъ мадоннъ и святыхъ не въ силахъ придать имъ ни святости, ни религіознаго значенія. Нѣкоторые новѣйшіе художники трактуютъ подобныя сюжеты въ совершенно реальномъ направленіи. Тутъ уже не можетъ быть и рѣчи о чемъ-нибудь выше самаго обыкновеннаго, человѣческаго. Эмѣ Лемюдь, напримѣръ, изображаетъ Святое семейство въ видѣ семейства простаго столяра. Подъ навѣсомъ дома, на верандѣ убранной дикимъ виноградомъ, сидитъ женщина самой обыкновенной наружности и пріятно улыбается. Это Богоматерь. Возлѣ нея видны прялка и пряжа. Невдалекѣ Св. Іосифъ заботливо прилаживаетъ къ только что выструганной доскѣ какую-то планку. Около него стоитъ юноша, съ молоткомъ и долотомъ въ рукѣ, скорѣе напоминающій нѣмецкаго бурша чѣмъ тотъ прекрасный типъ который усвоены Спасителю преданіями церкви. Вотъ другой примѣръ въ томъ же родѣ. Святое семейство Гуффенса, изъ Антверпена, представляетъ намъ здороваго пожилаго человѣка распиливающаго, при помощи красиваго мальчика, толстое бревно. Это Христосъ и Іосифъ; а вотъ возлѣ нихъ молодая красивая женщина, съ книгою въ рукахъ, которую она машинально опустила на колѣна, заглядѣвшись на работающихъ. Это Мадонна. Тутъ есть и большіе золотые вѣнцы вокругъ головъ, но они нисколько не помогаютъ дѣлу... Мифологія также очень мало вдохновляетъ современныхъ художниковъ. Объ этомъ жалѣть нечего. Олимпъ, съ его богами и богинями, давно отжилъ свой вѣкъ. Богамъ этимъ. мы не можемъ сочувствовать: они ничего не говорятъ ни нашему сердцу, ни нашему воображенію. Сюжетами подобнаго рода новѣйшее искусство пользуется только какъ предлогомъ показать нагое тѣло, причемъ идея изображаемаго божества не играетъ ровно никакой роли.... Историческая живопись, въ серіозномъ

значеніи этого слова, требуетъ слишкомъ большой подготовки и сопряжена съ слишкомъ большими трудностями при обработкѣ для того чтобъ имѣть много почитателей и партизановъ не только между художниками, но и между покупателями. Тутъ требуется знаніе, серьезное изученіе исторіи, археологіи и пр., что не представляетъ ничего заманчиваго для большинства современныхъ художниковъ, ищущихъ средства производить много и скоро, и притомъ такихъ вещей которыя всего болѣе покупаются, на которыя есть спросъ. Такимъ образомъ на долю новѣйшаго искусства остаются по преимуществу пейзажъ и жанръ. Пейзажъ особенно приходится по нраву молодымъ художникамъ. Тутъ не нужно ни обдумывать предметъ, ни задаваться какою бы то ни было мыслию, тутъ не нужно знать ни исторіи, ни миеологіи, ни археологіи, ни устройства человеческого организма. Природа на каждомъ шагу представляетъ готовый матеріалъ, который, при обладаніи извѣстными приѣмами, остается только, не мудрствуя лукаво, переносить на полотно, безъ выбора и соображенія, а стараясь, единственно, сколько возможно больше сохранить внѣшнее сходство. Это тотъ родъ живописи въ которомъ болѣе чѣмъ въ какомъ другомъ сходятся идеальное и реальное направленія, хотя все же существуетъ огромная разница между тѣмъ какъ понимаютъ задачу пейзажа, положимъ, Каламъ или Кукукъ, или, съ другой стороны, Кордъ или Густавъ Дорé. Въ пейзажахъ послѣдняго времени особенно замѣтны двѣ совершенно противоположныя манеры. Одни пейзажисты, перенося на полотно какую-нибудь мѣстность, стараются съ необыкновенною тщательностію выписывать всѣ подробности. Начиная отъ перваго и до самаго дальняго плановъ, каждая травка, каждый листикъ, кора каждаго дерева отдѣланы у нихъ съ изумительнымъ совершенствомъ. Этотъ добросовѣстный, но совершенно ненужный и бесполезный трудъ можно вполне оцѣнить только тогда, когда разсматриваешь подобную работу въ увеличительное стекло. Другіе впадаютъ въ противоположную крайность. Пейзажи ихъ набрасываются только въ общихъ чертахъ, чрезвычайно поверхностно и эскизно. Для нихъ не существуетъ, равно вблизи, какъ и вдали, ни травы, ни листьевъ, ни даже деревьевъ. Они гонятся только за общимъ впечатлѣніемъ пейзажа, за главнымъ пятномъ свѣта и тѣни. Эти господа пишутъ свои пейзажи такъ, какъ

они должны представиться въ натурѣ людямъ страдающимъ близорукостію, для которыхъ вовсе нѣтъ подробностей, а есть только общее. Нужно ли говорить что истина заключается въ разумномъ соединеніи этихъ двухъ манеръ? Въ природѣ предметы близкіе представляются намъ съ совершенною отчетливостію и потомъ, по мѣрѣ своего отдаленія, все болѣе и болѣе теряютъ опредѣленную форму и наконецъ сливаются въ общія пятна; такъ точно долженъ представлять ихъ намъ и пейзажъ на картинѣ. Только въ такомъ случаѣ законы перспективы не будутъ нарушены, и пейзажъ будетъ производить болѣе или менѣе полное впечатлѣніе. Впрочемъ, на выставкѣ есть нѣсколько вещей въ этомъ родѣ (представленныхъ преимущественно германскими школами), которыя написаны съ такимъ совершенствомъ что смѣло могутъ выдерживать самую строгую критику.

Жанръ получилъ свое особенное развитіе только въ новѣйшее время. Спустившись отъ боговъ и героевъ къ простымъ смертнымъ, искусство съ любовью взялось за обработку сюжетовъ изъ вседневной будничной жизни, преимущественно низшихъ классовъ. Это неистощимый рудникъ сценъ и положеній то печальныхъ, то въ высшей степени комичныхъ, то вызывающихъ слезы, то неудержимый хохотъ. Здѣсь обширное поле для остроумія и для наблюдательности, для тонкаго юмора и для злой насмѣлки. Мюнхенская выставка представляетъ нѣсколько превосходнѣйшихъ образцовъ этого рода живописи. Особенно въ этомъ отношеніи достигла большаго совершенства Дюссельдорфская школа, отличающаяся необыкновеннымъ умѣньемъ подмѣтить и схватить самыя тонкія характеристическія черты множества лицъ, составляющихъ любимый предметъ ея жанровъ, всегда живыхъ, всегда прямо выхваченныхъ изъ дѣйствительности. Достаточно назвать такихъ художниковъ какъ Кнаусъ, Вогъе, Салантинъ, Лашъ, К. Шлезингеръ и другіе, хотя впрочемъ имъ Бердинъ, съ своей стороны, имѣетъ полное право гордиться именами Карла Беккера, Кречмера, Мейергейма и пр.

На Мюнхенскую выставку преимущественно нужно смотрѣть какъ на чрезвычайно интересное и вмѣстѣ съ тѣмъ блистательное состязаніе въ дѣлѣ искусства собственно двухъ націй — Франціи и Германіи, потому что всѣ другія націи представлены на выставкѣ далеко не такъ полно, да и по

самому направленію своего искусства болѣе или менѣе примыкають къ той или другой изъ соперничающихъ между собою сторонъ. Исключеніе составляетъ одна Италія, со своимъ скульптурнымъ отдѣломъ, которую можно разсматривать какъ совершенно самостоятельное цѣлое. Это соперничество между Французами и Нѣмцами, перешедшее изъ области политики въ область искусства, дѣло не новое, но нигдѣ еще оно не выражалось такъ ясно какъ на нынѣшней Мюнхенской выставкѣ. Въ первый разъ еще оба противника встрѣчаются лицомъ къ лицу съ такими огромными и почти равными силами. Разрѣшеніе вопроса кто изъ этого состязанія выйдетъ побѣдителемъ, и въ какомъ именно отношеніи,—мы оставляемъ до заключенія статьи, когда будетъ окончень нами обзоръ замѣчательнѣйшихъ произведеній выставки по національностямъ. Тогда общій выводъ сложится самъ собою, и читателю легко будетъ провѣрить подведенные итоги.... Начнемъ съ Франціи....

IV.

Французская школа представлена на выставкѣ съ необыкновеннымъ блескомъ. Французы явились на состязаніе въ полномъ вооруженіи: не только здѣсь на лицо почти всѣ болѣе или менѣе извѣстные современные французскіе художники, но не забыты также и многія изъ знаменитостей прошлаго времени. По собраннымъ на выставкѣ образцамъ можно прослѣдить нагляднымъ образомъ всю исторію того многозначительнаго движенія въ искусствѣ, которое началось во Франціи вкорѣ послѣ революціи и достигло своего апогея во время июльской монархіи. На выставкѣ мы встрѣчаемъ имена: Энгра, Ев. Делакруа, Виктора Орселя, Декама, двухъ Франдреновъ, Гораса Верне и пр. Правда, всѣ эти художники представлены очень слабо и далеко не въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ, но даже и въ этомъ видѣ они все же составляютъ самое блестящее украшеніе выставки и рѣзко выдѣляются изъ толпы составляющей новѣйшую школу. То что особенно характеризуетъ эту славную группу (въ которой не достаетъ только Поля Делароша) и придаетъ ея произведеніямъ такое достоинство—это серьезный взглядъ на искусство, необыкновенная любовь къ своему дѣлу, чистый,

благородный рисунокъ и наконецъ удивительное разнообразіе и могущество художественной фантазіи. Каждый изъ этихъ художниковъ высоко понималъ искусство и, не увлекаясь модой дня, стремился сколько возможно ближе подойти къ своему идеалу. Имъ руководилъ строгій эстетическій вкусъ, а не желаніе эффектовъ. За то произведенія ихъ никогда не теряютъ своего значенія.

Энгръ, по всей справедливости, заслуживаетъ названіе главы французской идеальной школы. Это Корнелиусъ Французовъ. Но тому кто незнакомъ вообще съ произведеніями этого замѣчательнаго художника трудно будетъ составить себѣ о немъ правильное понятіе по тѣмъ немногимъ вещамъ которые носятъ его имя на выставкѣ. Все это только этюды, и притомъ этюды небольшіе: *Ликторы* для картины *Мученіе Св. Симфоріана*, голова Эдипа, голова Данта, подносящаго Гомеру *Божественную Комедію*, изъ извѣстной картины его *Аптеоза Гомера*, и наконецъ прекрасная и полная глубокаго выраженія голова одного изъ апостоловъ, тоже изъ находящейся въ Люксембургѣ большой картины *Христосъ вручающій Петру ключи райа*, писанной еще въ 1820 году—вотъ всѣ произведенія Энгра въ отдѣлѣ масляныхъ картинъ выставки. Но за то чрезвычайно важное дополненіе къ этимъ вообще довольно незначительнымъ этюдамъ мы находимъ въ отдѣлѣ рисунковъ. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе превосходный рисунокъ карандашомъ и сепію — *Аптеоза Наполеона*, по всей вѣроятности навѣянный изученіемъ одного изъ камеевъ съ изображеніемъ аптеозы римскихъ императоровъ. Можно сказать безъ преувеличенія что и прекрасный эскизъ Энгра имѣетъ всю силу и рельефность дорогаго античнаго камea. Въ воздушномъ пространствѣ, надъ покинутою землею, на колесницѣ запряженной четырьмя сильными конями, съ французскимъ орломъ въ рукѣ, стоитъ императоръ. Слава вѣнчаетъ его голову неуваждаемыми лаврами, богиня побѣдъ правитъ его колесницей. Ниже Франція, въ образѣ прекрасной женщины, въ затканныхъ лиліями одеждахъ, съ удивленіемъ и печалью смотритъ на покидающаго ее императора, а опустѣлый тронъ, на который, пользуясь отсутствіемъ героя, дѣлаютъ нападеніе раздоры и мятежи, въ видѣ обитыхъ зміями атлетовъ, охраняетъ геній порядка. Необыкновенная простота и ясность композиціи, а также сила и поэтическая

прелесть фантази дѣлають этотъ эскизъ чрезвычайно замѣчательнымъ. Несмотря на свое аллегорическое значеніе, онъ производитъ сильное впечатлѣніе и забывается не скоро. Въ послѣднее время получены на выставкѣ превосходные медальоны и медали французскаго художника Удине. Въ числѣ ихъ одинъ медальонъ, съ портретомъ нынѣшняго Французскаго императора, на другой сторонѣ съ рѣдкимъ совершенствомъ воспроизводитъ въ бронзѣ чудную композицію Энгра. Только современный художникъ не могъ обойтись безъ того чтобы не дополнить немножко Энгра, сообразно требованію времени; на ступеняхъ трона явилась надпись „in perote redivivus“, которой нѣтъ въ рисункѣ Энгра. Неподалеку отъ Апотеозы Наполеона находится еще одинъ, также очень замѣчательный рисунокъ Энгра, посвященный прославленію другаго, несравненно болѣе великаго и чистаго явленія въ исторіи Франціи,—именно Орлеанской Дѣвственницы. Это эскизъ перомъ для большой картины Энгра, находящейся въ Люксембургскомъ дворцѣ, *Жанна д'Аркъ присутствующая въ Реймскомъ соборѣ при коронованіи Карла VII*. Кто не знаетъ этой картины? Кто, при видѣ этой идеальной прекрасной, величественной фигуры Дѣвственницы, своими латами напоминающей небснаго архангела, не задумывался объ удивительной судьбѣ этой чудной дѣвушки? Сколько печальныхъ мыслей мелькаетъ въ умѣ при чтеніи этихъ нѣсколькихъ словъ, начертанныхъ авторомъ внизу картины, для объясненія золотого вѣнца окружающаго дѣвственную голову Жанны: „et son buchet se change en trône dans les cieux“. Рисунокъ Энгра, несмотря на то что онъ не великъ, даетъ возможность предчувствовать всѣ красоты его прекрасной картины. Безъ красокъ, чуть тронутый тушью, рисунокъ однакоже воспроизводитъ предъ нами знаменую Дѣвственницу, со всѣмъ обаяніемъ ея какъ героини и мученицы. Безъ всякаго расчета на эффектъ, стоитъ Жанна, скромная, но величественная въ самой простотѣ своей, озаренная, точно ореоломъ, сознаниемъ своего святаго призванія. Глаза ея благоговѣнно подняты къ небу. Она молится о благоденствіи короля и своей милой Франціи, той Франціи, которую она недавно спасла и которая скоро возведетъ ее на костеръ.

Послѣ Энгра, самые извѣстные французскіе живописцы идеальнаго направленія — Ипполитъ Фландренъ и Викторъ Орсель. Произведеній Ипп. Фландрена на выставкѣ также

очень немного. Въ отдѣлѣ масляныхъ картинъ красуется только одинъ превосходный портретъ принца Наполеона, писанный въ 1860 году, безспорно самый лучший портретъ во всемъ французскомъ отдѣлѣ. Онъ можетъ служить образцомъ того какъ долженъ художникъ облагораживать и идеализовать лицо, не теряя его сходства. Въ отдѣлѣ рисунковъ Ипполиту Фландрену принадлежитъ прекрасная, по выраженію скорби, голова Спасителя въ терновомъ вѣнкѣ, съ извѣстнаго распятія находящагося въ парижской церкви S. Germain des Prés, и небольшой рисунокъ *Преданіе Иисуса въ Масличномъ саду*. Несравненно лучше представленъ на выставкѣ Орсель. Правда, изъ картинъ масляными красками мы видимъ тоже только одинъ его портретъ, небольшихъ размѣровъ, совершенно бѣлокураго мальчика, написанный на свѣтло-желтомъ, золотистомъ фонѣ, но за то на выставкѣ есть нѣсколько превосходныхъ его рисунковъ и нѣкоторые изъ картоновъ для работъ его въ церкви Notre Dame de Lorette, въ Парижѣ. Портретъ, о которомъ мы только что упомянули, представляетъ настоящій *tour de force*, рѣдко удающійся и требующій очень опытной руки. Въмѣстѣ съ тѣмъ это попытка сочетать античную красоту формы съ полною простодушіемъ и робкою манерой старыхъ мастеровъ. Изъ картоновъ особенно заслуживаютъ вниманія четыре проекта для купола одной изъ капеллъ церкви de Lorette и довольно большой эскизъ Архангела Гавриила, особенно важный какъ доказательство что школа Энгра и его послѣдователей очень часто употребляла для мужскихъ фигуръ женскія модели. Но самая замѣчательная изъ работъ Орселя на выставкѣ,—это два эскиза, одинъ карандашомъ, а другой масляными красками, для большой картины въ Лионскую церковь—Notre Dame des Fourvières, въ память спасенія города отъ холеры. Композиція этихъ эскизовъ превосходна и способна дать самое высокое понятіе объ идеальномъ направленіи таланта художника. На высокомъ, украшенномъ золотомъ рѣзьбой тронѣ, съ младенцемъ на рукахъ, возсѣдаетъ Богоматерь. Предъ нею колѣнопреклоненная женская фигура, съ зубчатою короной на головѣ, представляющая городъ Лионъ. По одну сторону Мадонны молящіяся о спасеніи города святыя, по другую—болѣзнь и смерть, дѣлающія нападенія на городъ, охраняемый мечомъ архангела. На выставкѣ есть и превосходный этюдъ льва (масляными красками) для

этой же картины. Вообще Орсель былъ рисовальщикъ какихъ немного. Не можемъ пройти молчаніемъ еще двухъ его маленькихъ, но прелестныхъ, по композиціи, рисунковъ. Одинъ называется *Salut des malades*. Это бѣгло наброшенный рисунокъ карандашомъ, слегка отгѣненный сепіей. Онъ изображаетъ Марію, съ младенцемъ на рукахъ, склонившуюся надъ постелью больного. Сколько чувства въ этомъ маленькомъ рисункѣ! Какъ превосходно передано выраженіе милосердія на лицѣ Богоматери! Какую благодію и милосердіемъ сіяетъ личико малютки Спасителя, который даетъ больному свое благословеніе, приносящее *жизнь и воскресеніе*. Прекрасна также фигура стоящей на колынахъ у постели больного женщины, можетъ-быть жены его, смотрящей на Мадонну и Спасителя съ невыразимою благодарностію. Этотъ рисунокъ помѣченъ 1855 годомъ, а вотъ, рядомъ съ нимъ, послѣдняя работа Орсея, рисунокъ, наброшенный невѣрно и слабою рукой, въ то время когда онъ уже былъ боленъ. Рисунокъ носитъ названіе: *La prescience de la Vierge*. Печальная и погруженная въ думу, какъ бы предчувствующая Голгофу и смерть, сидитъ Мадонна у колыбели младенца Спасителя. По обѣ стороны ея два ангела съ орудіями мукъ и казни. Обѣ обоеихъ этихъ рисункахъ можно сказать что въ нихъ есть то чего такъ часто недостаетъ произведеніямъ новѣйшихъ французскихъ художниковъ, въ нихъ есть мысль и чувство.

Во главѣ современныхъ послѣдователей идеальнаго направленія во Франціи, безспорно, первое мѣсто принадлежитъ Кабанелю.

Въ картинахъ этого художника, пользующагося во Франціи громкою и вполне заслуженною извѣстностію, особенно со времени появленія его *Венеры Анадіомены*, едва ли не самаго слабого изъ его послѣднихъ произведеній, видно желаніе поддержать значительно упавшее въ послѣднее время направленіе Энгра, придавъ ему новый блескъ и силу живописію колорита. На выставкѣ есть три картины этого мастера: *Друида*, *Женщина съ лютней* и *Изгнаніе Адама и Евы изъ рая*, и ихъ совершенно достаточно для того чтобы познакомиться съ манерой и духомъ его произведеній и сразу увидѣть различіе между имъ и представителями модной школы реалистовъ. Первая картина изображаетъ молодую жрицу, сидящую на землѣ, въ тѣни священнаго лѣса. На головѣ

ея дубовый вѣкомъ, станъ скромно одѣтъ бѣлою одеждою, оставляющею обнаженными однѣ руки. Въ преждевременнѣ поблекшей красотѣ этой сѣверной вестаки и въ ея глубоко впалыхъ, но прекрасныхъ и выразительныхъ глазахъ, можно прочесть всю безотрадную жизнь ея, протекшую единственно въ исполненіи строгихъ обѣтовъ, не знавшую ни любви, ни тихихъ радостей семейной жизни. Въ ея сидящей прямо фигурѣ есть что-то строгое и дѣйственное, но вмѣстѣ симпатичное и внушающее участіе. Еще лучше *Женщина съ лютней*. По удивительной оконченности письма и по гармонической вѣжности нѣсколько темныхъ и какъ будто сливающихся между собою красокъ, *Женщина съ лютней* напоминаетъ несравненную *Монна Лиза* Леонардо да-Винчи. Уже одного этого сравненія достаточно чтобы сдѣлать излишними всѣ другія похвалы. Много ли есть въ наши дни художниковъ, о произведеніяхъ которыхъ можно было бы сказать что они напоминаютъ гениальнаго творца—*Сенасоло*? Въ современныхъ произведеніяхъ можно встрѣтить всѣ манеры, всѣ направленія, поддѣлки подъ всевозможныхъ мастеровъ, но Леонардо и Рафаэль всего менѣе находятъ себѣ подражателей. Самое капитальное произведеніе Кабанелля, не только на Мюнхенской выставкѣ, но и вообще въ ряду всѣхъ другихъ его произведеній, — это *Изгнаніе изъ рая*. Нѣмецкіе критики отозвались очень неблагоклонно объ этой картинѣ. Не признавая за авторомъ ея никакихъ другихъ достоинствъ кромѣ необыкновеннаго мастерства въ исполненіи, они упрекаютъ композицію картины въ недостатокъ серіозности и называютъ картину пестрою и безвкусною. Съ этимъ нельзя согласиться. Независимо отъ необыкновенно правильнаго рисунка, отъ боѣкости кисти и отъ красотъ колорита, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ картины, *Изгнаніе изъ рая* имѣетъ еще много и другихъ достоинствъ, хотя, разумѣется, не чуждо и нѣкоторыхъ недостатковъ, почти неизбѣжныхъ въ картинахъ такой важности и такихъ колоссальныхъ размѣровъ. Художникъ избралъ для своей картины тотъ моментъ, когда разгнѣванное Божество является нарушившимъ заповѣдь первымъ челоѣкамъ чтобы возвѣстить имъ что они уже недостойны болѣе жить въ раю. Сюжетъ задуманъ превосходно. Посреди роскошной растительности земнаго рая, подъ тѣнью величественнаго платана, лежитъ на землѣ павшая Ева, терзаемая раскаяніемъ и

угрызениемъ совѣсти. Роскошныя золотыя волосы ея въ беспорядкѣ разметались на травѣ; по щекамъ, какъ дорогіе перлы, катятся слезы; положеніе руки, которою она желаетъ скрыть лицо свое, и вся поза ея, выражаютъ стыдъ и порывистое, чисто женское, отчаяніе. Направо отъ нея, въ смущеніи и полный сосредоточеннаго горя, которое менѣе способно выражаться въ жестахъ и слезахъ, но можетъ - быть еще несравненно сильнѣе и жгучѣ чѣмъ горе жены, сидитъ Адамъ. Онъ прижался къ дереву, какъ бы стараясь укрыться отъ взоровъ Грознаго Судьи, Котораго величественная фигура является въ высотѣ, несомая ангелами. Одинъ изъ ангеловъ вооруженъ пламеньющимъ мечомъ, другой своею позой выражаетъ что онъ ждетъ только повелѣнія чтобъ очистить рай отъ павшихъ человѣковъ. Въ очахъ Бога справедливый гнѣвъ. Правая рука Его энергически поднята съ выраженіемъ укора. Подобно небесному грому звучатъ слова Его обращенныя къ Адаму. Внизу, изгибаясь среди цвѣтовъ и зелени, скользитъ диаволь-искуситель, стараясь уйти отъ заслуженнаго наказанія. Злобная радость и вмѣстѣ непреборимый страхъ видны въ его воспаленныхъ, огненно-красныхъ глазахъ. Для него невыносимо присутствіе Бога. Какъ змѣя, съ которою переплелось его тѣло, ползетъ онъ, хватаясь своими когтистыми руками за вѣтви и цвѣты, которые мгновенно вянутъ и сохнутъ отъ его нечистаго прикосновенія. Потемнѣвшее вдали небо показываетъ что, вслѣдъ за разгнѣваннымъ Божествомъ, идетъ буря и гроза. Таково содержаніе картины Кабанеля. О фигурѣ колоссальной Евы можно сказать что эта безспорно самая превосходная изъ всѣхъ безчисленныхъ нагихъ женщинъ созданныхъ новѣйшею живописью. Это не раздѣтая натурщица, какими такъ преизобилуютъ всѣ послѣднія художественныя выставки, а идеально прекрасная первая жена, — лучшее созданіе Творца. Нѣжный, теплый колоритъ придаетъ еще болѣе прелести этой удивительно нарисованной фигурѣ. Ева изображена совершенно обнаженною, но нагота ея не заключаетъ въ себѣ ничего нескромнаго. Единственный упрекъ, который можно сдѣлать Евѣ Кабанеля, заключается въ томъ что печаль ея не выражена съ надлежащею силою и что, въ минуту раскаянія и слезъ, она могла бы избрать себѣ болѣе простую позу. Почти въ такой же мѣрѣ хороши Адамъ и искуситель. Вообще всѣ эти три фигуры имѣютъ въ себѣ что-то гран-

діозное, напоминающее Микель-Анджело. Несравненно менѣе удовлетворительна лѣвая сторона картины. Новѣйшіе художники, при изображеніи Бога-Отца, никакъ не могутъ отдѣлаться отъ образа Юпитера громовержца. Это отразилось и у Кабанеля, хотя общая композиція всей группы, Бога и ангеловъ, очевидно, навѣяна воспоминаніями о *Видѣніи Іезекииля*, въ галлерей Питти, гдѣ, впрочемъ, фигура Бога тоже не чужда юпитеровскаго типа. Нельзя похвалить также изысканное положеніе лѣвой руки главной фигуры и ничѣмъ необъяснимый нѣсколько темный колоритъ, приданный художникомъ изображенію Бога и поддерживающимъ Его ангеламъ. Если это сдѣлано только для того чтобы пріятно расположить въ картинѣ пятна свѣта и тѣни, то справедливость требуетъ сказать что эта цѣль не достигнута. Того что художники называютъ *пятномъ*, — нѣтъ въ картинѣ, и отъ этого всѣ дѣйствующія лица находятся какъ будто на одной плоскости, что очень вредитъ общему впечатлѣнію. Можно сказать что обширной сценѣ, на которой происходитъ дѣйствіе, не достаетъ глубины. Картина эта написана по заказу извѣстнаго Кленце, для Максимилианеума, въ Мюнхенѣ, куда изъ иностранныхъ произведеній она одна только и попала. Другая картина съ библейскимъ содержаніемъ, обращающая на себя вниманіе во французскомъ отдѣлѣ, принадлежитъ кисти талантливаго ученика Герена—Густава Бриона и называется *Шестой день творенія*. Подобно картинѣ Кабанеля, она подверглась довольно рѣзкимъ отзывамъ нѣмецкихъ критиковъ и, по нашему мнѣнію, точно также несправедливо. Брионъ изображаетъ Бога носящимся въ воздушныхъ пространствахъ и озирающимъ Свое твореніе. На темносинемъ небѣ, какъ прекрасное видѣніе, въ дымчатыхъ облакахъ, нѣсколько прозрачно, рисуется величественная, грандіозная фигура. Широко набросанныя и эффектно освѣщенные сбюку, бѣлыя одежды играютъ съ вѣтромъ и далеко развѣваются по воздуху. „И видѣлъ Богъ что все сотворенное Имъ хорошо“. Руки его съ отеческою любовью простерты для благословенія. Далеко внизу, какъ въ предразсвѣтномъ туманѣ, виднѣется убранная свѣжею зеленью земля. Вся картина проникнута величавою поэзіей Библіи. Фигура Бога, по необыкновенному благородству композиціи и по своему величію, принадлежитъ къ лучшимъ созданіямъ новѣйшей живописи въ этомъ родѣ. Она несомнѣнно удалась Бриону лучше

чѣмъ Кабанелю. Даже эта, ужь слишкомъ, можетъ-быть, большая бѣлая борода, придающая фигурѣ нѣсколько осіановскій характеръ, сливаясь съ бѣлыми одеждами и въ бѣлыхъ облакахъ, нисколько не вредитъ впечатлѣнію, а напротивъ, кажется, помогаетъ грандіозности образа. Какъ ничтожно и несовершенно въ сравненіи съ этимъ подобное же изображеніе на картинѣ одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ художниковъ, въ одной изъ залъ Эрмитажа!

Моншаблонъ и Лакретель тоже прислали на выставку по картинѣ религіознаго содержанія. Первый — колоссальную композицію, *Погребеніе Моисея*, второй — небольшую *Мадонну. Погребеніе Моисея* имѣетъ свои достоинства, а между тѣмъ картина эта не производитъ на зрителя никакого впечатлѣнія. Если начать разбирать ее въ подробности, то окажется что тутъ есть и правильный рисунокъ, и удовлетворительная композиція, и колоритъ, и благородство типовъ, особенно въ изображеніи ангеловъ, недостаетъ только того что одно даетъ жизнь и душу подобнаго рода произведеніямъ, недостаетъ душевной теплоты и религіознаго воодушевленія. То же, и еще въ гораздо большей степени, можно сказать и о *Мадоннѣ* Лакретеля. Обѣ эти картины ясно показываютъ что подобныя сюжеты не по плечу современнымъ французскимъ художникамъ. Для религіозной живописи, этого чистаго и благоуханнаго цвѣтка искусства, всего менѣе благоприятна въ настоящее время почва „новаго Вавилона“.

V.

Лучшими представителями современной школы реалистовъ, со всѣми ея красотами, являются на выставкѣ преимущественно два художника, Курбѣ и Густавъ Дорѣ. Между ними есть много общаго. Оба они, почти въ равной мѣрѣ, одарены необыкновенными способностями, оба владѣютъ съ удивительнымъ мастерствомъ кистью, и оба признаютъ въ живописи одинъ только законъ — природу, которую и передаютъ, надо имъ отдать въ этомъ справедливость, съ поразительною правдой. Главное преступленіе ихъ противъ искусства заключается въ слишкомъ уже рабскомъ слѣдованіи природѣ и въ полнѣйшемъ пренебреженіи къ выбору сюжетовъ. Отрицаніе идеала часто доводитъ ихъ до безобразія. Будучи

отъявленными противниками античной красоты, они, по преимуществу, берутъ содержаніе для своихъ картинъ въ самыхъ низшихъ слояхъ общества. Оборванные лохмотья, немытыя руки, загрубѣлыя чувственные лица, потерявшія всякое человеческое достоинство, рабочіе ограничивающіе всю свою заботу дневнымъ пропитаніемъ, жалкіе, испитые комедіанты и скоморохи, пыль и грязь обстановки, таковы любимые предметы ихъ картинъ. Содержаніе ихъ произведеній почти всегда бѣдно или ничтожно, но для того чтобы произвести больше эффекта и показать въ полномъ блескѣ всѣ совершенства своей мастерской техники, они любятъ писать въ большихъ размѣрахъ. Это лучший способъ обратить на себя вниманіе и заставить говорить о себѣ. Съ перваго взгляда даже можетъ показаться что произведенія ихъ вовсе не бьютъ на эффектъ, до такой степени они кажутся просты въ передачѣ натуры, такъ немногосложно ихъ содержаніе, и такъ мало бросается въ глаза ихъ запачканный, точно закопѣлый, колоритъ, но стоить ближе всмотрѣться въ выраженіе этихъ неприглядныхъ лицъ, въ это искусное расположеніе свѣта, въ это умышленное скопленіе на картинѣ только грубаго или грязнаго и, наконецъ, въ эту виртуозность исполненія, доходящую до настоящаго фокусничества, и тогда не останется никакого сомнѣнія что главная руководящая цѣль этихъ художниковъ есть расчетъ на эффектъ, желаніе поразить и ошеломить зрителя.

Курбѣ представилъ на выставку шесть картинъ, обнимающихъ собою періодъ времени около двадцати лѣтъ. Самая капитальная вещь изъ нихъ, безъ сомнѣнія, его *Каменотеса*. Это картина которую всѣ превозносятъ до небесъ и которую, разумеется, никто не пожелаетъ имѣть у себя въ гостиной. На пыльномъ шоссе, въ грубой, покрытой заплатами и изорванной одеждѣ грязно-сѣраго цвѣта, въ пыли, работаютъ два каменотеса. Одинъ, постарѣе, съ надвинутою на глаза грошевою соломенною шляпою, припавъ на одно колено, подъ которое брошенъ клочокъ рожи, весь погруженъ въ дробленіе булыжника. Другой, помоложе, въ грязной рубахѣ и безъ шапки, съ трудомъ тащитъ корзину наполненную камнями. Невдалекѣ оловянный судокъ со скуднымъ обѣдомъ и кусокъ чернаго хлѣба. Кругомъ безотрадная, пожелтѣвшая, неплодная природа. Вотъ люди о которыхъ, болѣе чѣмъ о комъ-нибудь другомъ, можно сказать что они въ

потъ лица зарабатываютъ хлѣбъ свой. Какая правда въ положеніи ихъ фигуръ и во всѣхъ ихъ движеніяхъ, съ какою поразительною силой и вѣрностію изображена здѣсь гнетущая бѣдность и нищета! Лица этихъ горемычныхъ работниковъ почти не видно, но одного уже вида ихъ оборванныхъ нищенскихъ фигуръ достаточно для того чтобы понять, какое ужасное, отупляющее вліяніе можетъ имѣть на человѣка тяжелая механическая работа и полнѣйшая безнадежность на что-нибудь лучшее впереди. Вторая картина Курбѣ изображаетъ раздѣтую лежащую женщину, играющую съ попугаемъ. Понятно что, при взглядѣ Курбѣ на искусство, эта женщина должна представлять собою не болѣе какъ фотографически вѣрный портретъ молодой, здоровой натурщицы. О какой бы то ни было идеализаціи формъ и лица, разумѣется, тутъ не могло быть и рѣчи. Перенести на полотно съ математическою вѣрностію то что представила природа, не опустивъ ни одной индивидуальной черты, ни одного пятнышка, такова была задача художника. И дѣйствительно, его *Женщина съ попугаемъ*, съ ея темно-свинцовымъ колоритомъ, какъ двѣ капли воды, похожа на какую-то гигантскую фотографію. Тѣмъ же недостаткомъ колорита, но еще въ гораздо большей степени, страдаетъ и его *Соннамбула*, какъ говорятъ, портретъ сестры художника. Впалыя, затаенныя щеки этой изумительно хорошо написанной головы, и ея помутившіяся, безжизненные глаза производятъ на зрителя самое непріятное впечатлѣніе. Въ мастерѣ видно подражаніе Рембрандту. Курбѣ превосходно пишетъ также пейзажи. Тутъ ему случается производить вещи поражающія не однимъ только мастерствомъ, но вмѣстѣ и симпатичныя. Таковъ его пейзажъ *Изъ окрестностей Мезьера*, который, несмотря на нѣсколько синеватый тонъ зелени, принадлежитъ къ лучшимъ пейзажамъ французскаго отдѣла. Нѣсколько слабѣе и небрежнѣе написанъ другой его громадный пейзажъ—*Отдыхъ во время уборки стна*. Здѣсь цвѣтъ зелени натуральнѣе, но за то волны набросаны до такой степени эскизно что вблизи похожи на кучи желтой глины. Мы чуть было не забыли упомянуть объ одной колоссальной его картинѣ, *Охота за оленемъ*, изображающей тотъ моментъ когда загнанный олень уже упалъ и на него ринулись собаки, а охотники, одинъ спѣшившись, а другой верхомъ, отбиваютъ стаю. Картина эта написана въ совершенно декоративномъ

родѣ. Снѣжный лѣсной ландшафтъ набросанъ небрежно и широко, но смѣлою и опытною рукой. Фигура охотника, хлопающаго бичомъ, какъ нельзя болѣе жива и натуральна. Лошадь тоже хорошо написана, и въ поворотѣ ея много огня, но общему впечатлѣнію вредитъ непріятный, сѣровато-известковый цвѣтъ краски, которою художникъ, безъ различія, окрасилъ и холодное зимнее небо, и покрытый снѣгомъ лѣсъ, и собакъ, и лошадь, и всадника.

Другой представитель той же школы, Густавъ Дорè, какъ извѣстно, отличается необыкновенною плодovitостью своей фантазіи. Это человѣкъ которому не болѣе тридцати шести лѣтъ, а между тѣмъ число его произведеній, карандашомъ и кистью, уже теперь, говорятъ, далеко переходитъ за четыре тысячи, считая здѣсь, разумѣется, и его всѣмъ извѣстные рисунки къ сочиненіямъ Перрò, Бальзака, Лафонтена, Данта, Сервантеса и пр. Въ настоящее время онъ занятъ изготовленіемъ рисунковъ для Библии и, вмѣстѣ съ тѣмъ, путешествуя по Англіи, изучаетъ типы и бытъ Англичанъ, что дастъ ему новый, неистощимый источникъ для его талантливаго карандаша. Необыкновенная плодovitость и быстрота, съ какими производитъ Дорè, мѣшаютъ однакожъ ему углубиться въ предметъ. Онъ болѣею частію довольствуется поверхностію, нѣсколькими удачно схваченными чертами, и притомъ нерѣдко тратитъ свой талантъ на вещи недостойныя серіознаго художника. Его главная забота произвести эффектъ. Еще менѣе чѣмъ Курбè разборчивъ онъ въ изображеніи непріятнаго и отталкивающаго, и иногда доходитъ въ этомъ отношеніи до настоящей апотеозы физическаго и нравственнаго безобразія. Изъ шести его картинъ, находящихся на выставкѣ, сюда особенно должны быть отнесены *Фигляръ* и *Гренадскій макарено*. Обѣ эти картины переносятъ наше воображеніе къ той жалкой категоріи человѣческихъ существъ, которыя, будучи неспособны къ какому бы то ни было постоянному, хотя бы даже такому механическому труду какой мы видимъ на картинѣ Курбè, зарабатываютъ скудный кусокъ хлѣба шутловствомъ и безобразнымъ кривляньемъ, на потѣху неразборчивой публики. Бездомное, вѣчное скитальничество, всевозможныя лишения, даже голодъ, и въ то же время вѣчный смѣхъ, безумная веселость по заказу, мишурный блескъ костюма, подъ которымъ часто нѣтъ рубахи,—вотъ жизнь этого отребья чело-

вѣческаго общества, и все это въ самыхъ яркихъ и поразительныхъ чертахъ, съ необыкновенною отчетливостью и силой, сказывается зрителю при первомъ взглядѣ на картины Дорѣ. На первой картинѣ мы видимъ четырехъ сидящихъ возлѣ балагана фигляровъ, повидимому сейчасъ готовыхъ начать представленіе и ожидающихъ только зрителей. На лицо вся труппа. Вотъ *хозяйинъ* въ шутовскомъ костюмѣ, съ сѣрою трехъугольною шляпою на головѣ и въ накрахмаленныхъ брижахъ подозрительнаго цвѣта. Въ рукахъ его рожокъ, на которомъ онъ только-что проигралъ призывный ратурнель. Заискивающее выраженіе его гадко улыбающагося лица имѣетъ въ себѣ что-то отталкивающее, какъ прикосновеніе ползучаго животнаго. Возлѣ него стоитъ его супруга, высокая и, можетъ-быть, когда-нибудь очень красивая женщина, но теперь настоящая мумія, съ глубоко запавшими, безжизненными глазами и съ лицомъ потерявшимъ нормальный цвѣтъ вслѣдствіе бѣлилъ и притираний. Развратъ положилъ на него неизгладимую печать. Осунувшееся, дряблѣе тѣло ея, сохранившее однакожь остатки прежней красоты, одѣто въ поношенное бархатное платье декольтѣ, украшенное мишурнымъ шитьемъ и фальшивыми драгоценностями. А вотъ возлѣ этой достойной четы маленькая дѣвочка, лѣтъ десяти или одиннадцати, одно изъ тѣхъ несчастныхъ существъ которыхъ, попавъ по какому-либо случаю въ руки подобныхъ уличныхъ артистовъ, служатъ для нихъ предметомъ безжалостной эксплуатаціи и, съ самаго рѣзнаго возраста, уже изуродованы и физически, и нравственно. На дѣвочкѣ грязное розовое трико. Лицо ея болѣзненно раздуто и некрасиво. По щекамъ тихо катятся слезы. Ихъ вызвали или голодъ, или побои. Но пройдетъ немного времени, въ кассу фигляра попадетъ нѣсколько грошей, и бѣдная дѣвочка, по приказанію хозяина, съ веселою улыбкой, хотя можетъ-быть и съ пустымъ желудкомъ, пойдетъ коверкаться и ломаться передъ публикой. Четвертый персонажъ труппы— балаганный силачъ и акробатъ, тоже одѣтый въ трико, виденъ только въ профиль, но сколько горькаго и безотраднaго можно прочесть въ этомъ потупленномъ взорѣ и въ этомъ покрытомъ румянами лицѣ!... И все же въ этой труппѣ балаганныхъ фигляровъ, въ этой печальной картинѣ униженнаго человѣчества есть хоть одно существо способное возбудить состраданіе и жалость: кого не тронетъ видъ этой

плачущей маленькой комедиантки? Напротивъ того *Макарено* Дорè не внушаетъ ничего кромѣ отвращенія. Подъ именемъ макарено извѣстенъ въ Испаніи родъ бродячихъ уличныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ, людей не имѣющихъ ни крова, ни опредѣленныхъ занятій, и способныхъ на все изъ-за нѣсколькихъ піастровъ. Главное ихъ поприще притоны пьянства и разврата. И вотъ именно такого человѣка, составляющаго послѣднюю ступень въ цивилизованномъ обществѣ, съ любовью изображаетъ намъ художникъ. Макарено садитъ на каменной скамьѣ возлѣ какой-то стѣны. Красный жилетъ составляетъ единственную роскошь его обветшалаго костюма. Онъ играетъ на чемъ-то въ родѣ балалайки и, съ веселыми ужимками, поетъ, судя по выраженію лица, циническую пѣсню. Его пьяные, налитые кровью глаза какъ будто подмигиваютъ зрителю. Смыслъ пѣсни дополняется жестами, которые онъ выдѣлываетъ своими босыми ногами. Довольно взглянуть чтобы понять что въ этомъ человѣкѣ соединяются всѣ пороки. Художникъ справедливо можетъ гордиться тѣмъ что ему удалось представить въ макарено полное олицетвореніе самыхъ гадкихъ и унижительныхъ сторонъ человѣка.

Двѣ другіе картины Дорè называются *Кордовскіе нищіе* и *Неофитъ*. На первой, въ натуральную величину, изображена полудикая, оборванная и давно не умывавшаяся дѣвочка, съ безобразнымъ больнымъ ребенкомъ на рукахъ, закутаннымъ въ лохмотья, а на другой, и тоже въ натуральную величину, около десяти сидящихъ рядомъ монаховъ, среди которыхъ замѣтно выдѣляется фигура молодого неофита, недавно надѣвшаго монашескую рясу. Его насторожившаяся, вытянутая фигура, его худое, изнуренное постомъ и молитвой лицо и его сверкающіе энергіей и фанатизмомъ глаза, обращенные къ зрителю какъ бы съ нѣмымъ вопросомъ, составляютъ разительный контрастъ съ дородными тѣлами и нѣсколько отупѣвшими лицами другихъ монаховъ, которыхъ, по видимому, уже не волнуютъ никакіе вопросы, и которые заняты единственно машинальнымъ исполненіемъ вѣншихъ обрядовъ: одни изъ нихъ молятся или читаютъ, другіе тихо дремлютъ или зѣваютъ во весь ротъ. Нельзя довольно удивиться мастерству съ какимъ, широкою кистью, набросаны эти характеристическія головы, но картины въ собственномъ смыслѣ здѣсь нѣтъ, и *Неофитъ* Дорè представляетъ собой

скорѣе превосходный, мастерской этюдъ съ натуры нежели вполнѣ законченное, художественное произведеніе. Тотъ же характеръ большихъ этюдовъ съ натуры, не достигающихъ значенія картины, хотя и отличающихся необыкновенною силой и вѣрностію, особенно въ манерѣ писать деревья, имѣютъ и пейзажи Дорё. Впрочемъ, въ послѣднихъ его пейзажахъ все замѣтнѣе стала обнаруживаться наклонность къ одному преобладающему условному тону: такъ, нѣкоторые его пейзажи отаиваютъ синевою, другіе, напротивъ, зелены какъ изумрудъ. Можно сказать съ увѣренностію что, при томъ громадномъ талантѣ какимъ надѣлала природа Густава Дорё, изъ него могъ бы, при болѣе серіозномъ взглядѣ на искусство, выйти первоклассный художникъ, но ложное направленіе губить эти мощныя силы, и невѣроятное количество работъ, производимыхъ Дорё съ такою изумительною легкостію, не въ состояніи создать ему прочной извѣстности. Онъ рѣдко можетъ подняться выше мастерскаго этюда.

Школа, во главѣ которой стоятъ Курбё и Дорё, имѣетъ въ настоящее время не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ многочисленныхъ и нерѣдко очень даровитыхъ послѣдователей. Нѣкоторые изъ нихъ замѣтны и на выставкѣ, но мы не желаемъ утомлять читателя сухимъ перечисленіемъ именъ, а о произведеніяхъ ихъ оказать больше нечего, кромѣ того что уже высказано нами по поводу картинъ Курбё и Дорё.

Какъ это обыкновенно водится, послѣдователи во всемъ стараются подражать своимъ образцамъ и, не обладая ни ихъ талантомъ, ни ихъ блестящимъ исполненіемъ, еще болѣе утрируютъ ихъ недостатки.

VI

Переходимъ къ другой школѣ, школѣ колористовъ по преимуществу, обязанной своимъ происхожденіемъ Евг. Делакруа, Полю Деларошу и ихъ ближайшимъ послѣдователямъ. Нѣкоторые называютъ еще эту школу школой романтиковъ, въ противоположность классической школѣ, основанной Давидомъ и Энгромъ. Лучшіе представители этой школы являются на выставкѣ въ очень не блестящемъ видѣ. Изъ произведеній Делакруа здѣсь только его *Сисилла*, одна изъ

самыхъ слабыхъ его вещей, и кромѣ того два эскиза: *Нума Помпилий у нимфы Эгерты* и *Хиронъ и Ахиллесъ*. Последний эскизъ замѣчательно хорошъ, и обѣ изображенныя на немъ фигуры отличаются превосходнымъ колоритомъ и живостію движенія. * Уже по этой маленькой вещи можно судить о томъ *чувствѣ краски*, если можно такъ выразиться, которое составляло характеристическую черту произведеній Делакруа. Содержаніе эскиза представляетъ эпизодъ изъ воспитанія Ахиллеса. Хиронъ, подхвативъ на спину своего питомца, и оба вооруженные лукомъ и стрѣлами, гонятся за убѣгающею вдали пантерой, стрѣляя между тѣмъ набѣгу пролетающихъ мимо птицъ. Рядомъ съ Делакруа невольно хочется поставить имя его знаменитаго современника Декана, хотя и онъ тоже представленъ на выставкѣ довольно бѣдно. Его картина *Искатели трюфелей* не интересна и не замѣчательна ни въ какомъ отношеніи. Несравненно выше небольшой пейзажъ его съ фигурами, извѣстный подъ именемъ *Сострадательнаго Самаритянина*. Пейзажъ этотъ не можетъ равняться съ его *Сауломъ*, находящимся въ Люксембургскомъ музеѣ, но тѣмъ не менѣе простота и безпритязательность, съ какою передана въ пейзажѣ дикая, обожженная солнцемъ, скалистая пустыня, показываетъ всю силу таланта этого очень мало цѣнимаго публикой художника.

Самый даровитый изъ послѣдователей Делакруа и Декана, хотя собственно ученикъ Делароша, Томасъ Кутюръ, прислалъ на выставку давно извѣстную по фотографіямъ картину свою *Паукъ, играющій съ соколомъ*. Грація движенія и красота лица одѣтаго въ черный костюмъ пака, а болѣе всего чудный теплый розовый колоритъ, напоминающій Рубенса, вотъ достоинства этого превосходнаго, образцоваго въ своемъ родѣ произведенія. Недавно вышедшее сочиненіе Кутюра *Entretiens d'atelier* показываетъ что авторъ *Римлянъ время упадка* не только отличный живописецъ, но и хорошій писатель.

Къ числу романтиковъ-колористовъ принадлежитъ во Франціи цѣлая фаланга болѣе или менѣе даровитыхъ художниковъ. Мы ограничимся названіемъ только тѣхъ изъ нихъ чьи произведенія особенно замѣтно выдаются на выставкѣ. Прежде всего тутъ слѣдуетъ поставить имена трехъ художниковъ

* Рисунокъ карандашомъ для этого эскиза находится въ Люксембургской галлерей.

давно пользующихся во Франціи прочною извѣстностью, это Робертъ-Флери, Геберъ и Делонэ. Первый изъ нихъ за свои произведенія получилъ въ 1867 году командорскій крестъ Почетнаго Легиона.

Робертъ-Флери считается во Франціи однимъ изъ лучшихъ историческихъ живописцевъ. Онъ особенно любитъ выбирать содержаніе для своихъ картинъ изъ истории среднихъ вѣковъ, а также изъ временъ реформаціи, инквизиціи, Варооломеевской ночи и пр. Пожары, разрушенія, сцены преслѣдованія и убійства, костры и эшафоты, вотъ та область въ которой талантъ его выражается съ особенною силой. На этотъ разъ картина его изображаетъ *Избіеніе Евреевъ въ Лондонѣ*, какъ бы pendant къ извѣстной его картинѣ *Разграбленіе еврейскаго дома въ Венеціи*, писанной лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Дѣйствіе происходитъ ночью, на дворѣ еврейскаго дома. Толпа преслѣдователей съ камнями и съ зажженными факелами врывается въ жилище беззащитнаго еврейскаго семейства. Лежащее подъ ногами фанатиковъ убитое дитя и маленькій мальчикъ съ пробитою головою показываютъ что озлобленная толпа не щадитъ ни пола, ни возраста. Два Еврея съ характеристическими, выразительными лицами, составляющими принадлежность ихъ племени, одинъ уже сбитый съ ногъ, а другой убѣгающій, стараются укрыть свои сокровища. Но художникъ хотѣлъ показать что и для средневѣковаго Еврея, вопреки общепринятому тогда мнѣнію, могло быть кое-что подороже золота и драгоценныхъ камней. Вотъ прекрасная трогательная группа, представляющая старуху Еврейку, которую многочисленная семья ея и родные стараются унести въ безопасное мѣсто. Особенно хороша здѣсь молодая красавица, съ покраснѣвшими заплаканными глазами, въ слезахъ, съ невыразимою любовью обнимающая ноги своей матери. Страшная сцена разбоя и грабежа освѣщается заревомъ пожара. Есть въ этой картинѣ нѣсколько лицъ чрезвычайно удачно написанныхъ и обличающихъ опытную руку, много также вѣрнаго въ постановкѣ и движеніи фигуръ. Въ смѣшавшейся толпѣ преслѣдователей и гонимыхъ ясно можно различить ненависть и кровожадность однихъ, ужасъ и смятеніе другихъ. Но не всѣ фигуры одинаково хороши. Такъ, старикъ, которому въ глаза попали искры, дѣлаетъ гримасу доходящую до комизма, а мальчикъ, въ сильной злобѣ сжимающій кулаки, поставленъ неудачно.

Картина нынѣшняго директора французской академіи въ Римѣ—Гебѣра, *Несчастные*, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ что и нищія, несмотря на свою оборванную одежду, могутъ быть написаны такъ что не будутъ возбуждать отвращенія, а напротивъ, только весьма естественное чувство жалости и состраданія. Его нищая, судя по костюму Римлянка, стоитъ прислонясь къ городской стѣнѣ, печально сложивъ на груди руки. Глаза ея, съ выраженіемъ мольбы, устремлены прямо на зрителя. Этотъ грустный, сосредоточенный взглядъ говорить несравненно больше чѣмъ могли бы сказать самыя неотступныя просьбы. Возлѣ нея сынъ ея, мальчикъ лѣтъ девяти или десяти. Онъ безопасно заложилъ одну руку подъ голову, а во рту машинально перебираетъ шнурочекъ отъ висающаго на шеѣ образка. Поза его, въ контрастѣ матери, дышетъ чисто дѣтскою беззаботностію, хотя глаза его серьезны и задумчивы. Эти люди тоже бѣдны и несчастны, но они не потеряли человѣческаго достоинства. Въ ихъ рубищахъ нѣтъ цинизма. Въ этой нищѣ художникъ не забылъ показать намъ женщину и мать. Въ мольбѣмъ зорѣ ея скорѣе можно прочесть горячее материнское чувство нежели эгоистическую заботу о себѣ. Съ другой стороны умное, милостивое личико мальчика позволяетъ думать что изъ него можетъ выйти что-нибудь порядочное: въ немъ нѣтъ матеріала для будущаго макарено. Другая картина Гебѣра—*Слѣпой нищій мальчикъ, со скрипкою*, не столько интересна. Это не болѣе какъ ловкій эскизъ, замѣчательный только по необыкновенной вѣрности съ какою переданъ сонъ ребенка.

Делонѣ (Jules Elie), ученикъ Инп. Флаандрена, написавшій недавно для Новой парижской оперы большую фреску *Торжество пѣнія*, является на выставкѣ съ двумя картинами: *Пастушки играющіе на свирѣли* и *Чума въ Римѣ*. Обѣ онѣ показываютъ въ художникѣ знаніе рисунка и умѣніе гармонически сочетать краски, такъ что онѣ не кричатъ и не поражаютъ, а напротивъ производятъ на глазъ пріятное впечатлѣніе, но относительно выбора сюжетовъ можно замѣтить что всѣ эти пастушки играющіе на свирѣли—предметъ слишкомъ избитый и устарѣлый, черезчуръ напоминаяшій школу и академію, а такіе сюжеты какъ, наприкладъ, чума, моровое повѣтріе, холера и пр., требующіе непременно зрѣюща мукъ, судорогъ и предсмертныхъ конвульсій,

вообще очень неблагоприятны. Нуженъ большой талантъ чтобъ умѣть сохранить здѣсь границы и не перейти въ безобразное и отталкивающее. Одинъ изъ зачумленныхъ, въ картинѣ Делонэ, сидящій на скамьѣ у дома врача, съ болѣзненно-вытанутыми отъ корчей членами, показываетъ что Делонэ не можетъ совладать съ подобнымъ труднымъ сюжетомъ.

Болѣе или менѣе по слѣдамъ названныхъ нами художниковъ, въ томъ же духѣ и направленіи, но съ безчисленнымъ разнообразіемъ оттѣнковъ и особенностей, обусловленнымъ или индивидуальнымъ вкусомъ каждаго, или манерой учителя, идутъ слѣдующіе художники.

Антинья (Antigna), ученикъ П. Делароша, отъ мрачныхъ и потрясающихъ сценъ убійствъ и пожаровъ недавно перешедшій къ изображенію дѣтскихъ игръ и наивной деревенской жизни простаго народа. Но картины подобнаго содержанія рѣдко ему удаются, по большей части онѣ слишкомъ отзываются приторною сентиментальностію. Также очень любитъ онъ упражняться въ изображеніи нагаго тѣла, преимущественно молоденькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ. Изъ картинъ Антинья перваго рода есть на выставкѣ *Король уличныхъ мальчишекъ*, и *На что иногда пригодна любовь*, довольно оригинальная и полная наивности сцена, изображающая молоденькую дѣвочку, которая только что пришила пуговку къ курточкѣ своего предмета и откусываетъ нитку а къ картинамъ втораго рода принадлежитъ *Дѣвочка увидѣвшая ящерицу*.

Ученикъ Роберта-Флери—Контъ (Conte), который на послѣдней Парижской выставкѣ надѣлалъ столько шума своею картиной *Свиньи, танцующія предъ больнымъ Людовикомъ XI*, прислалъ въ Мюнхенъ картину *Сцена въ караульнѣ*, гдѣ съ неподражаемымъ искусствомъ изобразилъ трехъ ландскнехтовъ, проводшихъ ночь въ дружеской попойкѣ. Два изъ нихъ еще крѣпко спятъ около стола, на которомъ видны остатки пира, а третій только-что проснулся и, вытянувшись во весь ростъ, потягивается и зѣваетъ. Какъ хорошо здѣсь передано отяжелѣніе во всѣхъ членахъ, вслѣдствіе глубокаго и продолжительнаго сна, въ неудобной позѣ и въ тяжеломъ военномъ костюмѣ! Картина показываетъ въ авторѣ замѣчательную наблюдательность и необыкновенное мастерство во владѣніи кистью. Прекрасна также картина ученика его Ньевенгюйса (Niewenhuis), *Два охотника*,

застынутые грозой, скачущіе маршъ-маршемъ черезъ поля и доли. За ними несутся ихъ собаки. Вдали черная туча, и на темномъ фонѣ ея удивительно красиво и эффектно выдѣляется красный кафтанъ одного изъ всадниковъ. Живость движенія передана съ замѣчательною правдой. Кажется, какъ будто слышишь мѣрный топотъ скачущихъ лошадей и тяжелое дыханіе запыхавшихся собакъ.

Шапленъ выставилъ двѣ прекрасно-нарисованныя большія женскія полуфигуры, которымъ овъ далъ названіе *Астрономія* и *Поэзія*, но обѣ музы, несмотря на громкія имена, по типамъ лицъ и по расположенію одеждъ скорѣе похожи на пышно-разодѣтыхъ дамъ полусвѣта чѣмъ на олицетвореніе науки и поэзіи, а розовый прозрачный колоритъ ихъ, лишенный всякой сочности и силы, болѣе напоминаетъ акварель нежели масляныя краски. Совершенно противоположнымъ недостаткомъ, именно неприятнымъ, бѣлесовато-сѣрымъ колоритомъ, страдаетъ колоссальная картина Шенавара (*Chenavard*), неправильно названная въ каталогѣ *Comedia Divina*, и которую самъ художникъ окрестилъ названіемъ божественной трагедіи *Divina tragedia*. При видѣ этого произведенія, претендующаго своимъ названіемъ на нѣкоторое родство съ бессмертнымъ твореніемъ Данта и, какъ по всему видно, стоившаго художнику многихъ лѣтъ усиленнаго труда, не знаешь чему болѣе удивляться, бойкости ли рисунка и необыкновенному искусству ракурса, или страшной обивчивости содержанія, непонятнаго не только съ перваго взгляда, но даже и послѣ внимательнаго изученія картины. Цѣлью Шенавара было изобразить паденіе языческихъ религій и торжество христіанства. Но очевидно что философская мысль такой важности съ трудомъ можетъ помѣститься въ размѣрахъ одной картины, какъ бы ни были колоссальны ея размѣры. Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе композиціи. Въ центрѣ картины на радугѣ воссѣдаетъ Богъ-Отецъ. На рукахъ у него бездыханный Спаситель съ распростертыми руками, поддерживаемыми ангелами. Къ нему стремится Духъ Святой, въ видѣ голубя. Выше рѣютъ въ небесныхъ высотахъ головки ангеловъ и окриленныя мертвыя головы. Нѣсколько сзади Бога-Отца, съ одной стороны виднѣются два первые человека, а съ другой Мадонна съ младенцемъ. Далѣе начинается непостижимое смѣшеніе образовъ, религій и вѣрованій, изображаемыхъ

художниковъ въ многочисленныхъ и разнообразныхъ фигурахъ, находящихся между собою въ страшной борьбѣ. Вотъ смерть съ неизбѣжною косою, тамъ Изида, полураскрывшая свои таинства, поверженный Юпитерь-Аммонъ, Аполлонъ сдирающій кожу съ Марсія, и Геркулесъ на превосходномъ конѣ, и три Парки, и Торъ, со своимъ тяжелымъ молотомъ, и Діана пускающая свои стрѣлы не разбирая въ кого попадутъ онѣ... Все это отчаянно сражается и гибнетъ, или торжествуетъ мгновенную побѣду. Только ниже, направо, лежащая въ обольстительной позѣ Венера, несомая Бахусомъ и Амуромъ, тихо улетаетъ съ мѣста страшной битвы. На землѣ ночная мгла, позволяющая впрочемъ различить вдали Партенонъ, Коллизей и церковь Св. Петра, а также стоящаго на скалѣ челоуѣка, [выражающаго своей позой удивленіе при видѣ того что происходитъ выше его. Надо думать что это самъ авторъ картины въ изумленіи отъ своего необыкновеннаго произведенія, и повторяемъ, все это написано очень хорошо. Вездѣ видно серіозное изученіе хорошихъ образцовъ, преимущественно Микель-Анжело. Рисунокъ вездѣ правильный, хотя видъ всѣхъ этихъ фигуръ въ неестественномъ движеніи и въ страшно-напряженныхъ позахъ слишкомъ утомляетъ глаза. Главная ошибка художника заключается въ томъ что онъ взялъ себѣ задачу слишкомъ трудную, и забывъ что кисть не въ состояніи тягаться съ перомъ, потратилъ много силъ и времени на передачу отвлеченной идеи, по самому свойству своему не передаваемой живописью.

Послѣ этой сбивчивой и многосложной кампозиціи, глазъ съ удовольствіемъ отдыхаетъ на висящей неподалеку картинѣ Клера (Clere)—*Нилфа, возвращающаяся съ охоты*, которой Купидонъ помогаетъ нести убитую дикую козу. Какъ эта, такъ и другая картина того же художника, *Рыбачка*, по своему прекрасному рисунку, свѣжому, жизненному колориту и отсутствію всякой натажки или утрировки въ положеніи фигуръ и въ выраженіи лицъ, представляютъ собой весьма рѣдкое явленіе среди щеголяющей эффектами модной французской живописи. Къ категоріи такихъ произведеній съ претензіями мы должны отнести картину Бомона (de Beaumont), носящую довольно вычурное названіе: *Почему же нѣтъ?* Художникъ представляетъ намъ сидящую на козеткѣ хорошенькую, раздѣтую до пояса, лоретку, съ высокимъ моднаго цвѣта

шивъпономъ, которой грезятся золотые сны. Сны эти, или, правильнѣе, мечты, олицетворяются въ образѣ безобразныхъ гномовъ, кувыркающихся предъ нею и предлагающихъ ей золото, брилліанты, графскую корону и пр. Одинъ изъ этихъ проказниковъ взгромоздился даже на ея туалетный столикъ и оттуда, перегнувшись въ смѣлой позѣ, коварно улыбаясь, старается соблазнить ее заманчивыми предложеніями. Отвѣтъ красавицы и далъ названіе картины. Все это очень хитро придумано и даже, можетъ-быть, въ некоторомъ покажется очень остроумнымъ, но картинѣ положительно вредитъ неудачное смѣшеніе дѣйствительнаго и фантастическаго. Надо было чѣмъ-нибудь показать яснѣе что это только грезы и мечты, иначе очень странно видѣть какихъ-то уродливыхъ карловъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего призрачнаго и представляющихъ собою не болѣе какъ каррикутуру настоящаго человека, увивающихся около полураздѣтой женщины. Съ другой стороны, женщина не спитъ, а смотритъ во всѣ глаза и даже куритъ папиросу, слѣдовательно нѣтъ никакой возможности догадаться что она находится въ полусонномъ состояніи, допускающемъ фантастическія видѣнія.

Нельзя пропустить также безъ вниманія картину Ев. Жирд (Giraud), имѣвшую большой успѣхъ въ Парижѣ. Содержаніе ея,—одинъ изъ любимыхъ сюжетовъ Жирд,—сцена изъ испанскихъ нравовъ, которые онъ имѣлъ случай хорошо изучить во время своего путешествія въ Испанію съ Александромъ Дюма. Дѣло происходитъ во время боя быковъ, такъ сказать, за кулисами цирка. Молодой красивый тореадоръ смертельно раненъ быкомъ. Въ то время, когда его спѣшатъ унести изъ цирка, онъ обращается къ любимой женщинѣ съ послѣднею прощальною улыбкой и возвращаетъ ей полученный отъ нея бантъ лентъ „la devisa“. Съ Испанкой дѣлается дурно, и около нея суетится нѣсколько женщинъ, а невдалекѣ отъ мѣста гдѣ разыгрывается эта трагическая сцена, видны скамьи цирка, наполненныя многочисленными зрителями. Тамъ шумно и весело. „Гремитъ рукоплесканіемъ широкая арена“, толпа бѣснуется и бросаетъ шапки вверхъ. Можетъ-быть, это рукоплесканія въ честь быка, только что сразившаго несчастнаго бойца. Содержаніе выбрано очень удачно, но художникъ не умѣлъ имъ воспользоваться вполне. Движенія натянуты и страдаютъ преувеличеніемъ. Колоритъ тусклый. Письмо тяжелое и непріятное.

Эженъ Леру (Leroi) съ несравненно большимъ искусствомъ и, прибавимъ, съ большимъ чувствомъ, рисуетъ сцену смерти совершенно иного рода. Въ небогатомъ крестьянскомъ домѣ лежитъ покойникъ, вѣроятно хозяинъ дома. Все приготовлено къ погребенію. Плачущая семья и печальные сосѣди собрались вокругъ тѣла для отданія послѣдняго долга. Въ большихъ пандалахъ тихо теплятся похоронныя свѣчи. Въ комнатѣ чувствуется торжественное присутствіе смерти. И въ этой картинѣ тоже нельзя похвалить колорита, слишкомъ тусклаго и безцвѣтнаго, но картина замѣчательна по выраженію горя, ясно написаннаго на всѣхъ этихъ лицахъ, и по вѣрной передачѣ характера печальной обстановки.

Картина Авансона (Avançon), „Monsieur le Dauphin“ имѣетъ значеніе злой сатиры. Предъ нами наследникъ французскаго престола, по всей вѣроятности будущій Карлъ IX, юноша лѣтъ девятнадцати, въ пестромъ современномъ костюмѣ, весь погруженный въ занятіе, вполне достойное будущаго короля могущественнаго государства. Согнувшись и притаивъ дыханіе, онъ подстерегаетъ сидящую на дверяхъ муху и старается поймать ее въ кулакъ. Невдалекѣ брошены волчокъ и полураскрытый молитвенникъ. На дорогахъ ковровыхъ обояхъ, украшающихъ стѣну комнаты, гдѣ происходитъ эта оригинальная охота, зрителю бросаются въ глаза звучація насмѣшкой слова: Sic itur ad astra....

Изъ представителей такъ-называемой новогреческой школы, получившей такое названіе оттого что художники этого направленія берутъ содержаніе для своихъ произведеній преимущественно изъ древняго міра, на выставкѣ встрѣчаемъ Жерома и Гектора Леру. Но Жерому принадлежитъ одинъ только, и притомъ ничѣмъ особенно незамѣчательный, эскизъ его знаменитой *Фрины передъ афинскими аргопагоми*. Гораздо лучше представленъ Леру. Во Франціи немного найдется художниковъ которые могли бы поспорить съ Гекторомъ Леру въ глубокомъ знаніи античнаго міра и умѣли бы передавать его такъ живо и вѣрно какъ онъ. То онъ изображаетъ трогательную картину римскихъ похоронъ, когда печальная процессія сходитъ въ подземную усыпальницу, неся урну съ прахомъ покойника, то знакомитъ съ обрядами посвященія въ таинства Изиды, то рисуетъ интересные эпизоды изъ жизни Цезаря, Саллюстія, Горація, Тибулла и пр. Послѣдняя картина Леру переноситъ насъ въ печальную

эпоху римскихъ императоровъ, когда прежняя строгость римскихъ нравовъ смѣнилась всеобщемою распущенностію, и цезари, съ ихъ женами, первые подавали примѣръ самаго необузданнаго разврата. Ночь. На темной синевѣ неба чуть обозначается куноль Пантеона. Предъ нами одна изъ удивительныхъ улицъ древняго Рима. Кто же эта красивая римская матрона, закутанная въ фіолетовый плащъ, что стоитъ у дверей позорнаго дома и поджидаетъ запоздаващаго прохожаго? Это жена Цезаря, знаменитая Мессалина, имя которой сдѣлалось нарицательнымъ для обозначенія развратной женщины. Она украдкой оставила роскошное ложе своего золотого дворца чтобы, въ сопровожденіи невольницы, выйти на распутіе, подобно продажной красавицѣ самаго низкаго разбора. Въ картинѣ чрезвычайно хорошо передано освѣщеніе или, лучше сказать, прозрачность безумной южной ночи.

Среди всѣхъ этихъ разнообразныхъ направленій, среди этихъ идеалистовъ, реалистовъ, колористовъ, новогрековъ и пр., совершенно отдѣльно и уединенно стоитъ художникъ, очень серьезно понимающій искусство и никогда не профанировавшій его пустымъ или недостойнымъ содержаніемъ, Мы говоримъ о Жанѣ Франсуа Миллѣ (Millet). На Мюнхенской выставкѣ, впрочемъ, онъ представленъ также бѣдно, какъ и многіе другіе изъ знаменитѣйшихъ его соотечественниковъ. Тутъ всего только одна и притомъ не особенно замѣтная его картина, съ содержаніемъ заимствованнымъ изъ извѣстной басни Лафонтена: *Крестьянинъ и смерть*. Намъ очень хорошо извѣстно что картина эта имѣла въ Парижѣ огромный успѣхъ, и французская критика превознесла ее чуть не до небесъ. Съ своей стороны и нѣмецкіе критики не поспешили на похвалы и сумѣли отыскать въ этомъ небольшомъ произведеніи и величіе Микель Анджело, и юморъ Альбрехта Дюрера, и мастерство въ освѣщеніи достойное Рембрандта. Но мы разъ навсегда дали себѣ слово не увлекаться, при оцѣнкѣ художественныхъ произведеній, никакими авторитетами, а говорить только по личному нашему убѣжденію и по нашему крайнему разумѣнію. Поэтому и о картинѣ Миллѣ мы должны сказать что надо имѣть большую долю воображенія чтобъ отыскать такіа красоты въ этой тяжело драпированной смерти и въ этомъ жалкомъ крестьянинѣ, который не знаетъ какъ отъ нея отдѣлаться. Въ картинѣ

есть действительно много юмора, съ этимъ нельзя не согласиться, но за тѣмъ сказать о ней больше нечего.

Намъ остается упомянуть еще о нѣкоторыхъ изъ французскихъ художниковъ, получившихъ медали на послѣдней Парижской выставкѣ, чтобы потомъ перейти къ такъ-называемымъ малымъ жанристамъ.

Французская академія, какъ видно, очень щедро раздаетъ свои награды. Многія картины, на рамкахъ которыхъ красуется лаконическая надпись, „Medaille“ не имѣютъ въ себѣ ровно ничего замѣчательнаго. Мы остановимся только на двухъ-трехъ произведеніяхъ, обличающихъ, по нашему мнѣнію, несомнѣнный талантъ. Сюда относятся Анри Леви (Levy) съ его картиной *Плнныя Іудеи, оплакивающіе паденіе Іерусалима*, написанною въ хорошемъ тонѣ и съ замѣчательнымъ вкусомъ въ расположеніи фигуръ. Потомъ Жемсъ Бертранъ (Bertrand), картина котораго, подъ названіемъ *Смерть Виргиніи* всегда привлекаетъ толпу зрителей. Публика любитъ сильныя ощущенія, а здѣсь содержаніе выбрано одно изъ самыхъ потрясающихъ. Только что отхлынувшая отъ берега огромная морская волна оставила на пескѣ трупъ молоденькой прелестной дѣвушки, въ синемъ платьѣ. Красивыя руки ея закованы, на лицѣ, запечатлѣнномъ безмятежнымъ спокойствіемъ смерти, уже леги зеленовато-синія тѣни. И надъ бездыханнымъ тѣломъ, чуя добычу, низко вѣется хищная птица. Утопленница эта вещь не новая. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ парижская публика видѣла уже ее подъ именемъ Сафо. Женщина лежала точно въ томъ же положеніи, съ тѣмъ же выраженіемъ на лицѣ, но только тогда она была совершенно обнажена. Теперь художникъ одѣлъ свою Сафо въ синее платье, надѣлъ на нее чулки, и притомъ шелковыя ажурныя, для того чтобы не лишить зрителя удовольствія видѣть эти хорошенькія ножки, небрежно бросилъ возлѣ черную туфельку лучшаго парижскаго башмачника, и вотъ такимъ образомъ древняя Сафо обратилась въ Виргинію. Волна, разумѣется, осталась та же самая, хищная птица—тоже. Это усовершенствованный способъ разнообразить развѣ удачно выбранный сюжетъ. Но независимо отъ этого, нельзя не признать что картина очень хорошо написана и производитъ сильное впечатлѣніе.

Еще справедливѣе заслужилъ свою медаль ученикъ Госсе и Леона, Коанье-Бень (Vin), за своего *Прикованнаго Прометейя*.

Картина эта написана въ колоссальныхъ размѣрахъ. Прикованный за руки къ превосходно нагроможденнымъ скаламъ Кавказа, Прометей виситъ надъ безднами, точно распятый. Всѣ жилы его тѣла находятся въ страшномъ напряженіи. Гефестъ вколачиваетъ въ скалу послѣдній гвоздь. Выше видна величественная Минерва, обращающаяся къ Прометею съ повелительнымъ жестомъ, а направо необыкновенно грандіозная фигура спокойно сидящей, одѣтой въ доспѣхи Геркулеса, Силы. Далеко внизу, сквозь прозрачныя облака, виднѣтся роскошная природа Кавказа. Намъ давно уже не случалось видѣть такой простоты и вмѣстѣ такого величія въ композиціи. Къ сожалѣнію, фигура Гефеста лишена благородства. Это, какъ кто-то очень справедливо замѣтилъ на выставкѣ, не богъ огня и кузнечнаго дѣла, а простой кузнецъ-работникъ. Въ высшей степени также смѣшонъ этотъ брошенный на скалы огонь, похищенный Прометеемъ, легкій дымокъ котораго, выходящая въ видѣ газоваго шарфа, только, кажется, и нуженъ былъ художнику для того чтобы замѣнить классическій листокъ, встрѣчающійся въ музеяхъ скульптуры.

VII.

Во главѣ французскихъ малыхъ жанристовъ, число которыхъ во Франціи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивается, первое мѣсто занимаетъ Мессонье. Изъ присланныхъ имъ (на выставку трехъ картинъ, каждая въ своемъ родѣ неподобна и неподражаема, несмотря на то что каждая величиною только въ нѣсколько вершковъ. Первая представляетъ сидящаго въ креслахъ, читающаго господина, въ костюмѣ прошлаго столѣтія. Сюжетъ самый простой и немногосложный, какой только можно вообразить, но что за удивительная оконченность отдѣлки, сколько выраженія! Онъ читаетъ, и кажется какъ будто содержаніе книги отражается на его лицѣ, въ его глазахъ, въ положеніи всей его фигуры. Вы видите что этого человѣка очень занимаетъ его книга, что это не обыкновенное машинальное чтеніе отъ нечего дѣлать, а чтеніе, можетъ-быть, какого-нибудь любимаго писателя, доставляющаго высокое и истинное наслажденіе. Эта удивительная игра физиономіи, эта поразительная психологическая вѣрность характеристики

изображаемых лиц — составляют отличительную черту произведений Мессонье и ставят его на ряду съ замѣчательнѣйшими художниками. Не менѣе, въ своемъ родѣ, хороша и другая картина Мессонье, названная въ каталогѣ *Маршалъ Саксонскій наканунѣ битвы при Фонтенуа*. Художникъ изобразилъ небольшой отрядъ войска, впереди котораго ѣдетъ маршалъ со своимъ штабомъ. Всадники заняты разговоромъ. Каждое лицо имѣетъ свое характеристическое выраженіе. Обѣ эти прелестныя картины, по костюму фигуръ, принадлежать къ тому періоду времени изъ котораго художникъ особенно любитъ брать сюжеты для своихъ произведеній. Нигдѣ не достигаетъ онъ такой высоты, какъ въ тѣхъ случаяхъ когда рисуетъ намъ легкомысленный, влюбчивый, храбрый и кокетливый міръ эпохи рококо. Къ этому періоду, изученному Мессонье до малѣйшихъ подробностей костюма, мебели и обстановки, относятся всѣ лучшія его произведенія. Третья картина Мессонье переноситъ насъ въ XVII столѣтіе и даетъ намъ возможность присутствовать при одной изъ сценъ составлявшихъ чуть не ежедневную жизнь военныхъ людей этого воинственнаго вѣка. Въ богато-меблированной комнатѣ, недавно занятаго, а можетъ-быть взятаго съ боя замка, расположень воеваый карауль. Отъ нечего дѣлать, для сокращенія времени, два воина занялись игрой въ карты. Остальные смотрятъ на игру, а одинъ, взобравшись съ сапогами на диванъ, спитъ глубокимъ сномъ. Удивительная простота и естественность позъ всѣхъ этихъ людей, необыкновенная характерность лицъ, дающая возможность безъ труда сразу прочесть занимающую каждого мысль, оковченность и вкусъ всѣхъ мелочей обстановки, гармонія красокъ и наконецъ превосходная манера письма дѣлаютъ изъ этой маленькой картины настоящій chef d'oeuvre. Изъ играющихъ тотъ что постарѣе очевидно выигрываетъ. Онъ сдѣлалъ ходъ и съ самодовольною, но сдержанною миной ожидаетъ какую карту положить нѣскольکو ошеломленный, проигрывающій его противникъ. Два воина, что стоятъ около проигрывающаго, повидимому, не менѣе его заинтересованы игрой и пристально смотрятъ въ его карты. Сидящій направо даже какъ будто доволенъ затруднительнымъ положеніемъ товарища; можно подумать что онъ въ долѣ съ тѣмъ который выигрываетъ. А вотъ нѣскольکو дальше стоитъ еще одинъ ландскнехтъ. Онъ задумчиво

курить трубку и машинально смотреть на игру, ничего не видя. Мысли его носятся гдѣ-то далеко... Мессонье, какъ извѣстно, написалъ, по заказу императора Наполеона, цѣлый рядъ картинъ представляющихъ различные эпизоды изъ жизни императора и его семейства. Изъ этого цикла на выставкѣ есть только одинъ маленькій, но удивительный, по мастерству работы, рисунокъ перомъ, со множествомъ фигуръ, изображающій приемъ императрицы и императорскаго принца въ какомъ-то провинціальномъ городѣ.

Мессонье представляетъ собою рѣдкое и замѣчательное явленіе. Выбравъ себѣ одинъ родъ живописи, онъ, съ удивительнымъ постоянствомъ, занимается имъ почти въ продолженіи около тридцати пяти лѣтъ, и успѣлъ довести его до совершенства, какого едва ли когда-нибудь достигали самыя знаменитые мастера Фламандской школы. Каждая его фигура, не говоря уже объ оконченности исполненія, кромѣ того въ высшей степени истинна и полна жизни, каждая имѣетъ собственное ей выраженіе. Ничего лишняго, ничего натянутого или ложнаго. Удивительная отдѣлка костюмовъ нисколько не вредитъ лицамъ. Эти лица не предлогъ только хорошо написать атласъ или бархатъ, что такъ часто встрѣчается у нынѣшнихъ художниковъ-жанристовъ, а неотъемлемая принадлежность фигуръ, при видѣ которыхъ совершенно забываешь о костюмѣ, до такой степени онъ имъ свойственъ, до такой степени каждую данную фигуру трудно вообразить иначе чѣмъ какъ показываетъ намъ ее художникъ. Есть много критиковъ которые, отдавая полную справедливость огромному таланту Мессонье, выражаютъ однакожъ мнѣніе что ему не достаетъ композиціи въ его картинахъ. Правда, его картины состоятъ большею частію изъ одной, много изъ двухъ фигуръ, но развѣ композиція заключается только въ искусствѣ расположить множество фигуръ? Развѣ это необыкновенное умѣніе, съ какимъ Мессонье даетъ положеніе своей одиночной фигурѣ, этотъ гармоническій подборъ всей обстановки, гдѣ все такъ на мѣстѣ, такъ отвѣчаетъ одно другому, словомъ, эта рѣдкая способность изъ одной спокойно стоящей или сидящей фигуры создать цѣлую, вполне законченную картину, развѣ это не композиція? И потомъ какой правильнѣйшій, изящнѣйшій рисунокъ, какое вѣрное и въ то же время свободное и ничуть не кропотливое письмо! Вотъ въ чемъ заключается тайна того необыкновеннаго успѣха

какимъ пользуется Мессонье во всей Европѣ, вотъ почему, несмотря на то что онъ почти никогда не касается столь привлекательной для художника области чувствъ и страстей, несмотря на то что въ его картинахъ ни любовь, ни женщина никогда не играютъ никакой роли, произведенія его имѣютъ такое чарующее вліяніе что отъ нихъ невозможно отвести глазъ.

Весьма естественно что такой сильный талантъ, какъ Мессонье, долженъ былъ увлечь за собой множество послѣдователей. Въ числѣ ихъ есть не мало людей даровитыхъ, но ни одинъ не достигаетъ его высоты. Самые замѣчательные изъ тѣхъ произведенія которыхъ есть на выставкѣ слѣдующіе: Бриллюанъ (Brillouin) съ своею прекрасною небольшою картиною *Финансистъ*, почти приближающагося къ Мессонье, Луи Фисель со своимъ *Віолончелистомъ*, Вижэ (Viger), *Императоръ Александръ у императрицы Жозефины*, Леманъ, *Принятіе Лудовикою XIV сіамскаго посольства*, Ландель, *La femme fellah*, Замакуа, двѣ прелестныя маленькія картинки, Пекрю, Пласанъ, Косманъ и многіе другіе.

Къ малымъ жанристамъ слѣдуетъ причислить и Діаза, хотя онъ по преимуществу беретъ свои сюжеты изъ области фантазіи или міеологіи. На выставкѣ есть его четыре или пять картинъ. Всѣ онѣ имѣютъ между собою много общаго и отличаются свойственными этому мастеру достоинствами и недостатками, именно, красивымъ типомъ лицъ, живостію карнацій, удачнымъ освѣщеніемъ и въ то же время нетвердостью рисунка и неопредѣленностью контуровъ, положительно неуловимыхъ и вѣчно какъ будто тонущихъ въ какомъ-то туманѣ. Этотъ мастеръ создалъ себѣ особую, оригинальную манеру, по которой его можно узнать между тысячами. Никто лучше его не передастъ солнечнаго освѣщенія, когда оно проникаетъ сквозь деревья и пестритъ предметы пятнами свѣта и тѣни. Изъ его картинъ на выставкѣ лучшая называется *Купающіяся женщины*.

Къ этому же отдѣлу жанристовъ принадлежитъ также цѣлый рядъ художниковъ почти исключительно посвятившихъ себя на изображеніе свѣтскихъ красавицъ и дамъ полусвѣта, съ ихъ атласомъ и бархатомъ, съ ихъ кружевами и батистами. Эти господа, не хуже любой модистки, до тонкости изучили покроевъ платьевъ и фасоны шляпокъ; не хуже каждаго куафѣра знаютъ всѣ модныя шиньоны и прически. Главная

задача ихъ постоянно быть au courant модѣишихъ видоизмѣненій моды, ревниво слѣдить за всѣми ея прихотями и переносить на полотно дамъ свѣта и полусвѣта во всемъ блескѣ роскошной обстановки. Въ числѣ этихъ художниковъ особенно замѣчательны по необыкновенному искусству писать разнаго рода матеріи: Паульсонъ, котораго *Молодая мать*, надо ей отдать въ этомъ справедливость, отличается необыкновенною свѣжестью своего туалета, Легранъ, Гупиль и другіе. Картина послѣдняго, *Дама съ вѣеромъ*, съ удивительною вѣрностью воспроизводитъ предъ нами одну изъ самыхъ махровыхъ парижскихъ лоретокъ. Художнику удалось даже схватить тотъ неиможко странный цвѣтъ лица: соединеніе лиліи и розы, который отличаетъ женщинъ этого разбора.

Лучшіе портреты на выставкѣ французскаго отдѣла принадлежатъ Ипполиту Фландрену, г-жѣ Жакмаръ, Винтергальтеру, Сиволою, Дюбюфу, Гард и пр. Безспорно, первый портретъ по достоинству во французскомъ отдѣлѣ — это портретъ принца Наполеона, Ипполита Фландрена. Что за удивительная тонкость въ отдѣлкѣ головы и рукъ! Какъ характерно лицо принца, съ его сосредоточеннымъ взглядомъ, съ его тонкими сжатыми губами, на которыхъ какъ будто играетъ чуть замѣтная улыбка. О такомъ портретѣ можно сказать что тутъ переданы не только лицо, но и душа, характеръ, вся жизнь человѣка. Этотъ chef d'oeuvre портретной живописи составляетъ собственность принцессы Клотильды, жены принца. Почти рядомъ съ портретомъ Ипполита Фландрена виситъ произведеніе женской кисти: портретъ министра Дюрюи, работы г-жи Жакмаръ. Этотъ портретъ былъ очень замѣченъ на Парижской выставкѣ и заслужилъ со стороны французскихъ художественныхъ критиковъ самые восторженные отзывы. Намъ не разъ случалось слышать и въ Мюнхенѣ что этотъ портретъ, пожалуй, еще лучше Фландреновскаго. Съ этимъ нельзя согласиться, особенно видна большая разница въ рисунокѣ рукъ, притомъ въ колоритѣ есть что-то условное, но уже то обстоятельство что онъ съ честью выдерживаетъ сравненіе съ портретомъ Фландрена, что его можно поставить если не рядомъ, то по крайней мѣрѣ непосредственно за такимъ образцовымъ произведеніемъ, уже одно это показываетъ до какой степени хороша работа г-жи Жакмаръ, и какъ много обѣщаетъ въ будущемъ талантливая художница. Портреты

Винтергальтера такъ извѣстны что мы считаемъ излишнимъ распространяться о выставленномъ имъ портретѣ княгини Меттернихъ. Превосходный рисунокъ, умѣнье бойко и вѣствъ необыкновенно красиво набросать драпировку, преимущественно изъ легкихъ или прозрачныхъ тканей, тонкій, изящный вкусъ, съ какимъ расположены въ портретѣ краски и аксессуары, и особенно способность идеализовать и облагородить самое обыкновенное лицо, не теряя при этомъ его сходства, вотъ отличительныя качества кисти Винтергальтера, создавшія ему такую знаменитость и давно уже сдѣлавшія его любимцемъ дамской аристократической публики. Въ портретѣ княгини Меттернихъ Винтергальтеръ такой же художникъ какъ и въ прежнихъ своихъ работахъ, несмотря на то что колоритъ этого портрета нѣсколько тусклъ и теменъ, что очень рѣдко случается у Винтергальтера. Не забудемъ еще превосходно написанную, замѣчательную своимъ прозрачнымъ теплымъ колоритомъ женскую головку Рикара (Ricard). Вѣроятно, это тоже портретъ. Прелестная головка блондинки написана вся въ свѣту, съ неподражаемымъ мастерствомъ. Она точно облита солнечнымъ свѣтомъ, и какъ будто сіяетъ вся и свѣтится насквозь.

VIII.

По части батальной живописи, во французскомъ отдѣлѣ есть вещи замѣчательно хорошія. Прежде всего здѣсь обращаетъ на себя вниманіе давно всѣмъ извѣстная по фотографіямъ и гравюрамъ небатальная картина одного изъ лучшихъ французскихъ баталистовъ, Гораса Верне—*Père nourricier*—солдатъ, превратившійся въ няню и держащій на рукахъ козу, къ сосцамъ которой припало голодное, маленькое дитя. Сколько юмора въ разительномъ контрастѣ между грозною наружностью солдата и этимъ наивнымъ добродушнымъ! Какъ забавна его неловкость въ совершенно новомъ для него положеніи! Выше Гораса Верне по дарованіямъ стоитъ умершій три года тому назадъ другой знаменитый французскій баталистъ—Ипполитъ Белланже. Онъ лучше Верне умѣлъ схватывать характеристическія черты французскаго солдата и передавалъ ихъ съ большею правдой. Къ числу замѣчательнѣйшихъ его картинъ принадлежитъ находящаяся

на выставкѣ *Курасирская атака при Ватерло*, столь краснорѣчиво описанная Викторомъ Гюго въ его *Les misérables*. Художникъ изобразилъ тотъ ужасный моментъ когда три тысячи латниковъ, пущенныхъ въ атаку во весь карьеръ, вдругъ, неожиданно и негаданно, нанесли на скрытаго за холмомъ непріятели, и безжалостная картечь скосила и уничтожила этотъ цвѣтъ французской кавалеріи. Стремительность атаки, отъ которой должна была стонать земля, передана съ поразительною вѣрностью. И потомъ какое разнообразіе въ положеніяхъ такого множества всадниковъ и лошадей. Другая картина Белланже относится къ вѣчно памятнаму для Французовъ двѣнадцатому году. По свѣжной долинкѣ Россіи, отбившись отъ своего отряда, идетъ французскій гренадеръ, закутанный въ нѣсколько разнаго рода одеждъ, надѣтыхъ одна на другую. Онъ еще крѣпко держитъ въ рукахъ ружье, но лицо его печально и выражаетъ глубокое нравственное страданіе: онъ предчувствуетъ что ему уже не видать больше родной Франціи. Притомъ его мучитъ забота не объ одномъ себѣ: рядомъ съ нимъ плетется, дрожа отъ холода, его подруга, съ полузамерзшимъ ребенкомъ на рукахъ. Крутомъ страшныя сцены смерти и въ безпорядкѣ движущіяся войска. Свѣрый тусклый цвѣтъ неба, изъ котораго какъ будто сейчасъ должны посыпаться новыя горы снѣга, какъ нельзя больше гармонируетъ съ содержаніемъ картины, хотя въ сущности невѣренъ истинѣ, потому что при такомъ небѣ и при снѣгѣ большого мороза не бываетъ. Притомъ откуда могла взяться у французскаго гренадера, уходящаго изъ Россіи, эта жена или подруга? Картина *Эпизодъ изъ сраженія при Альмѣ* принадлежитъ Ипполиту Белланже только по композиціи, написана же сыномъ и ученикомъ его, Евгениемъ Белланже, тоже очень талантливымъ батальнымъ живописцемъ, какъ это можно заключить по его картанѣ *Французскіе солдаты на раздѣлѣтѣ*.

Особенно сильное впечатлѣніе на зрителя производятъ двѣ картины современныхъ французскихъ баталистовъ—Проте (Protais) и Бровна (Broun). Картина первого изображаетъ ночь послѣ Сольферинской битвы. На равнинѣ, едва освѣщенной призрачнымъ свѣтомъ закутанной въ облака луны, въ разныхъ положеніяхъ лежатъ убитые и раненые Французы и Австрійцы. Посреди окровавленная фигура тяжело раненаго, дѣлающаго напрасныя усилія чтобы

приподняться. Кое-гдѣ по разбросанному оружію скользнуть лучъ луны. Вдали видны огни французскаго лагеря. И есть что-то страшное въ зрѣлищѣ этой ужасной равнины смерти, гдѣ тишина и отсутствіе движенія нарушаются только стономъ раненныхъ или конвульсіями умирающихъ. Какъ разъ подѣ пару этой картинѣ, названной въ каталогѣ *Fructus belli*, можетъ служить картина Бровна: *Вечеръ послѣ Ватерлооской битвы*, принадлежащая императору Наполеону. Это тотъ же *fructus belli*, только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. На небольшомъ возвышеніи, посреди разметанныхъ въ разныхъ положеніяхъ труповъ людей и лошадей, посреди изломанныхъ лафетовъ, сбитыхъ пушекъ и разбросаннаго оружія, собралось нѣсколько испуганныхъ и раненыхъ лошадей безъ всадниковъ. Онѣ обились въ тѣсную кучу. Положеніе ихъ показываетъ ужасъ. Нѣкоторыя отъ голода грызутъ грязную землю упитанную кровью, другія, вытянувъ шею и настороживъ уши, жалобно ржутъ, чуя кругомъ гибель и смерть. По потемнѣвшему вечернему небу вѣтеръ гонитъ тяжелыя, сѣрыя тучи. Изъ-за ближняго холма клубится черный дымъ пожара. Не видѣвъ этой картины, нельзя себя вообразить какое потрясающее впечатлѣніе она производитъ. Другая картина Бровна, также прибрѣтенная французскимъ императоромъ, называется *Наполеонъ I вечеромъ 15го іюля 1815 года*. Она гораздо менѣе эффектна.

Отдѣлъ французскихъ пейзажистовъ едва ли не бѣднѣе всѣхъ другихъ отдѣловъ французской школы. Не то чтобъ ихъ на выставкѣ было мало, напротивъ, но въ числѣ выставленныхъ ими пейзажей не много найдется дѣйствительно замѣчательныхъ, или такихъ образцовыхъ произведеній какія мы встрѣтимъ въ послѣдствіи у Нѣмцевъ. Пейзажъ одного изъ знаменитѣйшихъ французскихъ живописцевъ въ этомъ родѣ, Теодора Руссо, *Лѣсъ вечеромъ, послѣ дождя*, съ очень исключительнымъ эффектомъ нестраго, въ красныхъ пятнахъ, неба, не принадлежитъ къ наиболее удачнымъ его произведеніямъ. Гораздо лучше пейзажи старѣйшины современныхъ французскихъ пейзажистовъ, Коро (Corot). Коро принадлежитъ къ числу тѣхъ художниковъ которыхъ мало занимаетъ отдѣлка подробностей. Для него главное общій тонъ картины. Деревья, зелень, фигуры нужны ему только въ той мѣрѣ въ какой они помогаютъ показать игру свѣта и тѣни, расположеніе пятенъ и главную идею картины.

Потому въ картинахъ его, несмотря на неоконченность и эскизность подробностей, такъ много гармоніи въ цвѣлохъ. Особенно хорошъ огромный пейзажъ его, и размѣрами, и расположеніемъ, и двумя летящими вверхъ ангелами очень напоминающій знаменитое образцовое произведеніе Тиціана: *Мученіе Петра Пустынника*, недавно погибшее при пожарѣ въ церкви St. Giovanni et Paolo, въ Венеціи. Только вечеръ Тиціана превратился здѣсь въ душный полдень, а Петръ Пустынникъ замѣненъ Св. Себастіаномъ. Очень не дуренъ также маленькій пейзажъ Коро, отличающійся впрочемъ свойственнымъ этому художнику нѣсколько однообразнымъ тускло-сѣрымъ тономъ, — *Поры въ вѣтра*. Пейзажъ Діаза: *Изъ окрестностей Фонтенбло*, на который потрачено столько красокъ что ихъ у другаго живописца хватало бы по крайней мѣрѣ на три подобныя картины, тяжелъ и непривлекателенъ. Совершенною противоположностью съ нимъ составляетъ пейзажъ ученика Коро и Добиньи — Анпіана, *Вечеръ на берегу Роны*. Если у Діаза красокъ наложено слишкомъ много, то у Анпіана, напротивъ, во многихъ мѣстахъ ихъ такъ мало что онѣ даже не закрываютъ полотна. Тѣмъ не менѣе его заходящее солнце, въ фіолетовомъ тонѣ, съ отраженіемъ въ водѣ, и прозрачность самой воды переданы съ рѣдкимъ мастерствомъ. Хороши также небольшой пейзажъ Поля Фландрена, *Идиллія*, и Пуатьена — *Рубка льда въ Голландіи*. На послѣднемъ нельзя не удивляться искусству въ передачѣ тихаго зимняго вечера, при заходѣ солнца. Западъ окрашенъ розовымъ отблескомъ. Морозный воздухъ необыкновенно прозраченъ, и всѣ предметы обозначаются въ немъ съ удивительною отчетливостію.

Отъ пейзажистовъ въ собственномъ смыслѣ не далеко переходъ къ пейзажистамъ „съ животными“ и къ живописцамъ животныхъ. Въ числѣ первыхъ наиболее выдаются братья Бокъ (de Cogh), Сезаръ и Ксавье. Первый за свою картину *Утро въ лѣсу*, съ идущими по лѣсной дорогѣ, покрытой солнечными пятнами, коровами, получилъ медаль на послѣдней Парижской выставкѣ. Между живописцами животныхъ очень замѣтно отсутствіе знаменитой Розы Боннеръ, которое никакъ не можетъ быть замѣнено или пополнено ея братомъ Августомъ Боннеръ, приславшимъ на выставку довольно слабый „пейзажъ съ животными“. Затѣмъ пальма первенства въ этомъ родѣ безспорно принадлежитъ недавно умершему

Тройону. Тройонъ былъ одинъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ Декана. Онъ не только превосходно умѣлъ подмѣчать и передавать типы и характеръ животныхъ, преимущественно коровъ и воловъ, но также съ неменьшимъ искусствомъ писалъ и ландшафты. Главная его сила заключалась въ умѣнїи распредѣлить свѣтъ на картинѣ. Особенно ему удаются туманные утра, ненастная погода, небо покрытое тяжелыми тучами, и т. п. На выставкѣ есть нѣсколько его картинъ, но одна изъ нихъ, съ изображеніемъ бѣлаго быка выдѣляющагося на голубомъ фонѣ неба и облитого яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, представляетъ настоящій chef d'oeuvre, который смѣло можетъ выдержать сравненіе съ самыми знаменитыми картинами въ этомъ родѣ. Другая, также превосходная картина Тройона изображаетъ опушку лѣса гдѣ человекъ въ синей блузѣ спускается со смычковъ гончихъ. Опытный охотникъ, глядя на этихъ собакъ, можетъ, кажется, разказать не только отличительный характеръ, но даже голосъ каждой въ гоньбѣ за звѣремъ, до такой степени онъ живы и натуральны, и такъ характерны ихъ головы. За Тройономъ непосредственно слѣдуетъ Браскасса (Brascassat), котораго нѣкоторые, судя по фамиліи, неправильно относятъ къ испанской школѣ. Какъ извѣстно, онъ родился въ Бордо и былъ воспитанникомъ Парижской академіи, гдѣ еще въ 1825 году, за такъ-называемый *Классическій пейзажъ*, получилъ премію, съ правомъ поѣздки за границу, а воротившись снова въ Парижъ, исключительно посвятилъ себя живописи животныхъ. Онъ умеръ въ 1867 году. На выставкѣ одна только его картина, но она даетъ о немъ довольно полное понятіе. Къ этимъ двумъ художникамъ слѣдуетъ присоединить еще одно имя, только въ самое послѣднее время получившее довольно громкую извѣстность, это имя Шенка, родомъ Голштинца, но получившаго свое образованіе въ Парижѣ, подъ руководствомъ Коанье. Двѣ его картины: *Ослы* и *Овцы застигнутыя жателю*, обратили на себя, на Мюнхенской выставкѣ, всеобщее вниманіе. На первой, которая особенно имѣла большой успѣхъ, изображено семь, поставленныхъ рядомъ, ослиныхъ головъ, въ натуральную величину, глубокомысленно уставившихъ свои физиономїи на зрителя. Мимо этой картины невозможно пройти безъ смѣха, до такой степени уморительны эти длинноухія, глупосмотряція ослиныя головы. Почти съ такимъ же состоятельствомъ, съ какимъ Тройонъ и Браскасса писали своихъ

коровъ и воловъ, но далеко съ мѣньшимъ искусствомъ, пишутъ Дедрё (De Dreux) и Лепикъ (Vicomte de Lepic) собакъ, а Жакъ—всѣхъ возможныхъ сортовъ куръ. Впрочемъ нельзя не замѣтить что рисунокъ Дедрё въ послѣднее время дѣлается все болѣе и болѣе манернымъ. Его собаки слишкомъ рисуются, всѣ ихъ позы изысканны, въ нихъ мало простоты и натуры. Чтобы покончить съ картинами изображающими животныхъ, упомяну еще о величественной, необыкновенно благородной и полной жизни головѣ льва, въ натуральную величину, работы Коанье.

Изъ морскихъ пейзажистовъ или такъ-называемыхъ маринистовъ, лучшія вещи принадлежатъ Гюдену (Gudin)—особенно хороша его маленькая картина *Туманное утро*—и Изабѣ—нѣсколько манерная, но чрезвычайно мастерская вещь, *Приморскій городъ Нормандіи*. Затѣмъ, такъ-сказать во второй категоріи, слѣдуютъ три картины Теодора Вебера, маленькая картинка Дюмениля, *Canale Grande, въ Венеціи*, и очень большая картина *Фрегатъ при приближеніи бури*, принадлежащая кисти, если не ошибаемся, еще очень молодого, но необыкновенно даровитого художника, Мореля-Фаціо.

Въ заключеніе этого обзора французской школы, намъ остается упомянуть еще объ одномъ произведеніи, которое трудно было подвести подъ какой-нибудь изъ упомянутыхъ выше родовъ, пропустить же его безъ вниманія было бы непростительно, такъ какъ оно показываетъ большое дарованіе въ своемъ авторѣ, и при этомъ замѣчательное мастерство во владѣніи кистью. Мы разумѣемъ картину Гуда (Gide), *Внутренность монастырской молельни*. Перспектива комнаты, искусное распредѣленіе свѣта, льющагося въ большое окно прямо противъ зрителя, и рельефность съ какою выдаются стоящіе вокругъ стѣнъ молящіеся монахи, переданы съ неподражаемою вѣрностію. Особенно замѣчательно искусство съ которымъ художникъ, какъ бы играя съ трудностями, такъ хорошо умѣлъ отдѣлать коричневыя рясы капюшонъ отъ коричневаго же фона стѣнъ, обдѣланныхъ снизу темнымъ старымъ дубомъ. Единственный недостатокъ этой картины заключается въ томъ что она слишкомъ напоминаетъ Гранё.

А. МАТУШИНСКИЙ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Н О Я В Р Ъ .

	Стр.	
Историческій очеркъ учрежденія генераль-губернаторствъ въ Россіи. Гл. I—VII. <i>А. Д. Градовскаго.</i>	5	✓
Международные конгрессы. <i>Г. Де-Молinari</i>	32	
Къ біографіи Пушкина. Выдержки изъ записной книжки. <i>М. И. Семевскаго</i>	60	✓
Государственные доходы и расходы въ царствованіе Екатерины II (1762—1769). <i>А. Н. Куломзина</i>	108	✓
Польскіе агенты въ Царьградѣ. Гл. III—IV. <i>В. И. Кельсѣва</i>	152	
Грибной дождь и ливень. Разказъ. <i>С. В. Танъева</i>	195	
Сѣогунны и микадо. Историческій очеркъ по японскимъ источникамъ. <i>Иеромонаха Николая</i>	207	✓
Павургово стадо. Романъ. Часть третья. Гл. XVII—XXXI. <i>В. В. Крестовскаго</i>	228	✓
Памяти Василя Петровича Боткина. 16го октября. Стихотвореніе. <i>А. А. Фета</i>	317	
Историческая литература. <i>Р.</i>	318	

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- Булгамптонскій викарій. Романъ. Соч. Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. XVII—XXII. ✓
- Вокругъ луны. Разказъ Жюль Верна. Переводъ съ французскаго. Гл. I—V.

Д Е К А Б Р Ъ.

	Стр.
✓ Очеркъ исторіи Курляндіи. <i>Х. М. Вольдемара</i>	367
✓ Историческій очеркъ учрежденія генераль-губернаторствъ въ Россіи. Окончаніе. <i>А. Д. Градовскаго</i> .	396
✓ Сёогунъ и микадо. Историческій очеркъ по японскимъ источникамъ. Окончаніе. <i>Геромонаха Николая</i>	414
✓ Россія и Сербія предъ послѣднею Восточною войной. <i>Е. М. Февктистова</i>	461
✓ Шавургово стадо. Романъ. Часть третья. Окончаніе. <i>В. В. Крестовскаго</i>	505
Мюнхенская международная художественная выставка. Гл. I—VIII. <i>А. М. Матушинскаго</i>	573

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- ✓ Булгамптонскій викарій. Романъ. Соч. Антони Троллопа. Переводъ съ англійскаго. Часть первая. Гл. XXIII—XXIX.
- ✓ Вокругъ луны. Разказъ Жюль Верна. Переводъ съ французскаго. Окончаніе.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 р.

ОТЧЕТЪ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ по учебной части за первые полтора года его существованія. Цѣна 30 к., съ перес. 50 к.

ИЗБРАННЫЯ БАСНИ ИЗЪ МЕТАМОРФОЗЪ ОВИДІЯ съ полнымъ словаремъ и примѣчаніями. Составили Я. Смирновъ и В. Павловъ. Ц. 1 руб., учебнымъ заведеніямъ и книгопродавцамъ дѣлается 20% уступки.

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА. А. е. Ананьева, бывшаго директора Тверской гимназіи и составителя Латинскаго Словара, изд. пр. Леонтьевымъ. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ВОПРОСЪ О НАПРАВЛЕНІИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ РОССІИ. Передовыя статьи *Московскихъ Вѣдомостей*. Цѣна 60 к., съ пересылкой 75 коп. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Два тома съ семью рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861—1862. Цѣна за оба тома 3 р. 50 к. сер.; пер. за 3 ф.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь Негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Вичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

СѢВЕРЪ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. с.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ. Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к. сер.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа, Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 85 к.

МОЯ СУДЬБА. М. Камской. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ П. Н. Кудрявцева, покойнаго профессора Московскаго Университета. Цѣна за двѣ части 3 руб. сер.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1870 ГОДУ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

ОХОТЫ И КОННОЗАВОДСТВА,

для охотниковъ, коннозаводчиковъ, любителей рыбной ловли, акклиматизаціи животныхъ и другихъ предметовъ спорта.

Приступивъ съ 1869 года къ изданію нашего журнала, мы имѣли намѣреніе: дать любителямъ охоты и коннозаводства органъ, въ которомъ отражались бы всѣ замѣчательныя явленія современнаго спорта, въ обширѣйшемъ значеніи этого слова, содѣйствовать указаніями и совѣтами развитію въ Россіи этихъ важныхъ отраслей промышленности и вообще знакомить охотниковъ и любителей какъ лошадей, такъ и другихъ животныхъ, со всѣми необходимыми и интересными для нихъ свѣдѣніями.

Строго придерживаясь избранной нами программѣ, мы въ то же время старались сообщить своему журналу возможно большее разнообразіе и занимательность чтобы сдѣлать его интереснымъ и для тѣхъ, кто не занимался бы названными предметами спеціально. Для достиженія этой цѣли, мы не останавливались ни предъ какими трудами и издержками, причемъ усердно заботились объ улучшеніи также и художественной стороны изданія, приобретаая лучшіе полуграфичные рисунки, которыхъ въ вышедшихъ въ 1869 году 24хъ номерахъ помѣщено болѣе 160.

Рѣшеніе вопроса—на сколько успѣли мы удовлетворить ожиданіямъ читателей нашихъ, мы на себя не принимаемъ, хотя и имѣемъ полныя основанія предполагать что труды наши и матеріальныя пожертвованія не остались напрасными, въ чемъ насъ удостовѣряютъ непрекращавшіяся въ теченіе всего года требованія на нашъ журналъ, вообще доставившія намъ кругъ читателей въ такихъ размѣрахъ, на которые мы даже и не разчитывали.

На будущее время программа *Журнала Охоты и Коннозаводства* останется прежнею, хотя для удобства читателей мы нашли нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія и улучшенія.

Главное улучшеніе *Журнала* будетъ заключаться въ томъ что для сообщенія болшей свѣжести помѣщаемымъ въ немъ текущимъ новостямъ, номера будутъ выходить не по два раза въ мѣсяцъ, какъ выходили въ 1869 году, но по четыре раза, то есть *еженедѣльно по субботамъ*. Объемъ выпусковъ будетъ простираться отъ одного до полутора листа большаго формата. Несмотря на это, мы нашимъ возможнымъ, при несоизмѣнномъ увеличеніи расходовъ по изданію въ наступающемъ году, не увеличиваемъ подписной цѣны, которая останется тою же что и въ 1869 году, то-есть 8 р. 5 к. въ годъ, съ доставкой и пересылкою.

Стремясь, какъ мы уже сказали, къ сообщенію въ нашемъ изданіи всѣхъ новѣйшихъ извѣстій и явленій современнаго спорта, мы приобрѣли корреспондентовъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Москвѣ, Варшавѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, принявшихъ на себя обязательство сообщать намъ описанія всѣхъ замѣчательныхъ явленій современнаго европейскаго спорта и составяемые на мѣстѣ отчеты о главнѣйшихъ скачкахъ, охотахъ, конскихъ заводахъ, успѣхахъ акклиматизаціи и тому подобнымъ предметамъ.

Отдѣлы *Журнала* въ 1870 году будутъ слѣдующіе:

I. *Правительственныя и официальные извѣстія*, имѣющія непосредственное отношеніе къ программѣ *Журнала*.

II. *Охота*. Теоретическія статьи, запіски охотниковъ и свѣдѣнія о производствѣ и современномъ состояніи охоты въ Россіи и другихъ государствахъ.

III. *Коннозаводство*. Статьи по части коннозаводства и коневодства, преимущественно въ Россіи, описанія конскихъ породъ, ставленія относительно воспитанія лошадей, ихъ разведенія и содержанія.

IV. *Акклиматизація*. Статьи, замѣтки и свѣдѣнія, относящіяся къ акклиматизаціи и вообще водворенія въ нашемъ отечествѣ новыхъ породъ разныхъ полезныхъ животныхъ.

V. *Рыболовство*. Описаніе рыбныхъ породъ и различныхъ способовъ лова ихъ.

VI. *Зоологія*. Описаніе животныхъ и птицъ.

VII. *Ветеринарная медицина и гигиена*. Завѣдываніе этимъ важнымъ отдѣломъ поручено нами опытному ветеринарному врачу.

VIII. *Хроника*. Текуція новости по всѣмъ предметамъ, относящимся къ охотѣ, коннозаводству и другимъ спеціальностямъ входящимъ въ программу нашего *Журнала*, и, между прочимъ, свѣдѣнія о производимыхъ въ Россіи и за границей рысистыхъ бѣгахъ, скачкахъ конскихъ выставкахъ, армаркахъ, съ подробнымъ обозначеніемъ премій и названій лошадей ихъ выигравшихъ и т. д.

IX. *Корреспонденція*. Письма русскихъ и иностраныхъ корреспондентовъ по различнымъ предметамъ охоты, коннозаводства, акклиматизаціи и спорта вообще.

X. *Разныя извѣстія и замѣтки* по всѣмъ родамъ спеціальныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ *Журнала*.

XI. *Фельетонъ*. Разказы объ интересныхъ эпизодахъ и приключеніяхъ извѣстныхъ охотниковъ.

XII. *Справочный листокъ*. Въ составъ этого отдѣла войдутъ слѣдующія подраздѣленія:

а) Объявленія о рысистыхъ испытаніяхъ, скачкахъ и выставкахъ лошадей и другихъ животныхъ.

б) Свѣдѣнія о конскихъ армаркахъ и торгахъ.

в) Свѣдѣнія о дѣятельности всѣхъ существующихъ рысистыхъ скаковыхъ и охотничьихъ обществъ.

г) Извѣстія о цѣнахъ на предметы продовольствія лошадей.

XIII. *Торговля, промышленныя и вообще всякаго рода объявленія*, преимущественно имѣющія отношеніе къ предмету *Журнала*

„Я знаю что это не любезно, но теперь я не могу быть любезнѣе. Благослови васъ Богъ, дорогая Мери.

„Всегда васъ любящій другъ,
„Жанета Феввикъ.“

Письмо не было запечатано до самаго часа отхода почты на слѣдующій день, но до этого часа въ домѣ настоятеля не видали мистера Джильмора.

XXIII. Чтò объ этомъ думалъ мистеръ Джильморъ.

Мистеръ Джильморъ стоялъ на крыльцѣ своего дома, когда ему принесли письмо Мери. Домъ этотъ имѣлъ видъ скромнаго помѣщичьяго жилища, и былъ построенъ изъ неотесанныхъ камней, черныхъ, сѣрыхъ и бѣлыхъ, большею частью кремней, но углы, впадины оконъ и дверей были сдѣланы изъ кирпича. Въ немъ было что-то мрачное, и многіе назвали бы его скучнымъ, но онъ былъ удобенъ, проченъ и безъ претензій. Въ него вели широкія каменные ступени съ желѣзными перилами, и гладкая площадь окружавшая домъ показывала что службы были въ нижнемъ этажѣ. Въ то же время это былъ домъ во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительный, и къ тому же мистеръ Джильморъ не любилъ холостыхъ сборищъ. Онъ разъ въ мѣсяцъ угощалъ сосѣдей обѣдомъ, и иногда у него гостили знакомые. Его дядя, пребендарій изъ Салисбери, бывалъ у него довольно часто, и изрѣдка пріѣзжалъ братъ, который служилъ въ арміи. Но въ послѣднее время, почувствовавъ потребность въ обществѣ, онъ охотнѣе отправлялся въ домъ настоятеля, и избѣгалъ приглашать кого-нибудь къ себѣ. Когда ему подали письмо Мери съ другими письмами и номеромъ *Times*, онъ, какъ и всѣ дѣлаютъ, взглянулъ на адреса и тотчасъ же узналъ что оно отъ Мери Лоутеръ. Онъ до сихъ поръ никогда не получалъ отъ нея писемъ, но теперь узналъ ея почеркъ. Не медля ни минуты, онъ повернулся и пошелъ въ домъ, и прошелъ чрезъ залу въ бібліотеку. Тамъ онъ сначала распечаталъ три другія письма, два отъ лондонскихъ купцовъ и одно отъ дяди, предлагавшаго пріѣхать къ нему

въ слѣдующій понедѣльникъ. Потомъ онъ распечаталъ *Times*, разрѣзалъ его и развернулъ на столѣ. Письмо Мери оставалось въ его рукѣ, и можно было подумать что онъ забылъ о немъ. Но онъ не забылъ, и на на одну минуту оно не выходило у него изъ памяти. Когда онъ смотрѣлъ на другія письма, когда онъ разрѣзывалъ газету, когда старался читать новости, онъ страдалъ отъ предчувствія готовившагося удара. Прошло двадцать минутъ прежде чѣмъ онъ рѣшился разорвать конвертъ, и хотя все это время онъ старался обмануть себя какимъ-нибудь занятіемъ, онъ сознавалъ что только откладываетъ неизбѣжную неприятность. Наконецъ онъ развернулъ письмо и нѣсколько минутъ собирался съ духомъ прочесть его. Онъ прочелъ его, сѣлъ въ кресло, и сказалъ себѣ что все кончено и что онъ долженъ перенести это какъ мужчина. Онъ взялъ газету и принялся изучать ее. То было время года когда газеты бываютъ не очень интересны; онъ взглянулъ на передовыя статьи и прочелъ двѣ изъ нихъ, потомъ перешелъ къ извѣстіямъ отъ полиціи. Онъ просидѣлъ тутъ около часу и все прилежно читалъ. Потомъ онъ всталъ, потянулся, и почувствовалъ что онъ теперь калѣка, что всѣ способности его не въ порядкѣ, всѣ члены обезсилѣли. Онъ вышелъ изъ библіотеки въ залу, оттуда въ столовую и ходилъ такъ взадъ и впередъ около четверти часа. Наконецъ онъ почувствовалъ что не можетъ больше ходить, вошелъ въ библіотеку, заперъ за собой дверь, бросился на диванъ и зарыдалъ какъ женщина.

Чего ему нужно, и почему это ему такъ нужно? Развѣ нѣтъ другихъ женщинъ которыя, какъ сказалъ бы ему свѣтъ, ничѣмъ не хуже Мери? Есть ли примѣръ чтобы мужчина умеръ вслѣдствіе обманутой любви? Развѣ это не такая вещь которую онъ долженъ стряхнуть съ себя и этимъ покончить? Эти и много подобныхъ вопросовъ задавалъ онъ себѣ и пытался взглянуть на дѣло съ философской точки зрѣнія. Развѣ у него нѣтъ собственной воли чтобы побѣдить врага? Нѣтъ, у него нѣтъ воли, и врагъ останется непобѣжденнымъ. Онъ сказалъ себѣ что онъ такое ничтожное существо что не въ силахъ бороться съ постигшимъ его горемъ.

Онъ ходилъ по своимъ разсадникамъ и конюшнямъ, старался заинтересоваться телятами и лошадьми, но зналъ, что еслибъ его телята и лошади всѣ заразъ издохли, это ни мало не усилило бы его горя. У него и прежде было мало

надежды, но онъ согласился бы увидать свой домъ въ пламени за ту маленькую надежду которая была у него еще вчера. Онъ мучился не только потому что Мери была нужна ему, что онъ лишился радости которую она принесла бы ему, но ея окончательное рѣшеніе отнимало у него всю жизненность, всякую способность радоваться, всю ту внутреннюю подвижность, которая необходима чтобы заниматься дѣлами міра сего.

Сначала онъ думалъ только о себѣ, едва замѣтилъ имя своего счастливаго соперника, и ни на что не обратилъ вниманія кромѣ того факта что она сказала ему: все кончено. Онъ даже не могъ остановиться на мысляхъ, нельзя ли еще сдѣлать что-нибудь, не остается ли еще надежды, не пріятно ли будетъ подраться съ тѣмъ джентльменомъ, отнестись ли къ ней съ презрѣніемъ или протестовать противъ ея жестокости. Онъ думалъ только объ ударѣ и о своей неспособности вынести его. Не лучше ли выстрѣлить себѣ въ голову и тѣмъ все кончить?

Онъ ни разу не взглянулъ на письмо пока опять не вошелъ въ бібліотеку. Тогда онъ вынулъ его изъ кармана и прочелъ внимательно. Да, она это скоро рѣшила. Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ какъ она уѣхала изъ ихъ прихода? Теперь еще октябрь, а она была здѣсь предъ самымъ убійствомъ, даже наканунѣ. Капитанъ Вальтеръ Маррабель! Нѣтъ, онъ, кажется, никогда не слыхалъ о немъ. Какой-нибудь господинъ съ усами и съ военною осанкой, одинъ изъ тѣхъ людей которыхъ онъ всегда ненавидѣлъ, которымъ всегда дѣло до чужаго счастья. Съ такой точки зрѣнія взглянулъ теперь Джильморъ на капитана Маррабель. Можетъ ли такой человѣкъ сдѣлать женщину счастливою, когда у него, вѣроятно, нѣтъ даже дома или какого-нибудь пріюта, гдѣ бы онъ могъ доставить ей удобства жизни? Гостить у своего дяди, священника! Бѣдный Джильморъ выразилъ сожалѣніе что этотъ дядя не задохся предъ тѣмъ какъ принялъ такого гостя. Потомъ прочелъ заключительную фразу письма Мери, гдѣ она выражала надежду что о..и останутся друзьями. Что за бездушная насмѣшка! Друзья! Какая можетъ быть дружба между двумя существами, изъ которыхъ одно сдѣлало другое такимъ несчастнымъ, такимъ безжизненнымъ каковъ онъ теперь!

Около получаса онъ утѣшалъ себя мыслью что онъ

поймаетъ капитана Маррабель и исколотитъ его. Онъ, мировой судья, вообразилъ себя въ правѣ придти съ кнутомъ и избить его, а можетъ-быть и застрѣлить, за то что человекъ этотъ счастливъ въ томъ въ чемъ онъ самъ потерпѣлъ неудачу! Но онъ слишкомъ хорошо зналъ свѣтъ въ которомъ жилъ, чтобы позволить себѣ надолго остановиться на такихъ мысляхъ. Можетъ-быть, лучше было бы жить на свѣтъ, еслибы такая мѣсть была дозволена, но онъ хорошо сознавалъ что теперь она невозможна, и если Мери Лоутеръ угодно отдать себъ своему проклятому капитану, то помѣшать ей нельзя. Ему больше ничего не остается какъ уѣхать куда-нибудь и остаться наединѣ со своею тоской тамъ, гдѣ никто не будетъ знать что онъ тоскуетъ.

Когда пришелъ вечеръ, и одиночество сдѣлалось ему невыносимо, онъ подумалъ что хорошо бы сходить къ викарію. Эта обманщица пишетъ что она извѣстала объ этомъ своего друга. Онъ взявъ шляпу, пошелъ по полю и дошелъ до церковной ограды, до того самаго мѣста гдѣ онъ въ послѣдній разъ видѣлся съ Мери, но тутъ у него пропала рѣшимость идти въ домъ викарія. Для мужчины есть что-то унижительное въ неуспѣшной любви. Если человекъ потерпѣлъ неудачу въ денежныхъ дѣлахъ, если онъ безуспѣшно добивался выбора въ парламентъ, если онъ даже былъ забаллотированъ въ клубъ, то онъ можетъ сказать объ этомъ друзьямъ, но онъ съ трудомъ принудитъ себя сказать своему лучшему другу что его Мери предпочла ему другаго. Несчастіе Джильмора было уже извѣстно Фенвикамъ, и несмотря на то что онъ пошелъ къ нимъ искать утѣшенія, онъ не рѣшился показаться имъ. Одинокій возвратился онъ домой и всю ночь метался и тосковалъ.

На слѣдующее утро было не легче. Онъ бродилъ до четырехъ часовъ окончательно убитый тяжестью своего горя. Была суббота, и когда зашелъ почталіонъ, онъ еще не написалъ отвѣта на предложеніе дяди. Думая объ этомъ, онъ шелъ погруженный въ свое горе, положивъ руки въ карманы, когда предъ нимъ на тропинкѣ неожиданно явилась мистрисъ Фенвикъ. Въ это утро у ней съ мужемъ было опять совѣщаніе, и это посѣщеніе было его слѣдствіемъ. Онъ тотчасъ же самъ заговорилъ о дѣлѣ.

— Вы пришли поговорить со мной о Мери Лоутеръ, сказалъ онъ.

— Я пришла сколько-нибудь утѣшить васъ, если это возможно, сказала она.— Франкъ просилъ меня сходить.

— Это невозможно, возразилъ онъ.

— Мы знаемъ какъ это тяжело, другъ мой, сказала она,— но есть утѣшеніе.

— Для меня его нѣтъ. Я положилъ въ это все мое сердце и теперь никогда этого не забуду.

— Я знаю какъ вы этого желали, да и мы тоже. Это большое горе, но оно пройдетъ!

Онъ молча покачалъ головой.

— Господь слишкомъ милостивъ, продолжала она,—чтобъ оставить васъ долго въ такомъ горѣ.

— Такъ вы думаете что нѣтъ никакой надежды? спросилъ онъ. Что могла она отвѣтить ему? Могла ли она, зная о рѣшеніи Мери, посрѣдствъ его любовь?

— Я знаю что нѣтъ никакой надежды, продолжалъ онъ.— Я не знаю что съ собой дѣлать, мистрисъ Фенвикъ, какъ держать себя. Глупо говорить о смерти, но я чувствую, что если я не умру, то сойду съ ума. Я ни на чемъ не могу остановить мысли.

— Горе еще слишкомъ свѣжо, Гарри, сказала она.

Она прежде никогда не называла его Гарри, хотя мужъ ея всегда звалъ его такъ, и теперь она употребила это имя изъ сочувствія къ нему.

— Я не знаю почему я принимаю это не такъ какъ другіе, сказалъ онъ:— можетъ быть оттого что я слабѣе. Я съ самаго начала увидѣлъ что съ ней связано все мое существованіе. Я всегда ожидалъ того что теперь случилось. О, мистрисъ Фенвикъ, еслибы Богъ убилъ меня въ это мгновеніе, это было бы милостью!

И онъ бросился на землю къ ея ногамъ, но тотчасъ вскочилъ.

— О, еслибы вы знали какъ я презираю себя за все это! какъ я ненавижу себя!

Она не хотѣла покинуть его и оставалась съ нимъ пока онъ согласился идти къ нимъ. Онъ будетъ у нихъ обѣдать, а потомъ Франкъ проводитъ его домой. Что же касается до посѣщенія дяди, то въ этомъ дѣлѣ мистрисъ Фенвикъ не считала себя компетентною давать совѣты: они поговорятъ съ Франкомъ, и можно будетъ послать верховаго въ Салисбери въ воскресенье утромъ.

Когда онъ шелъ въ домъ настоятеля подъ руку съ этою хорошею женщиной, ему, можетъ-быть, было уже легче.

XXIV. Преподобный Генри Фитцекерли Чамберленъ.

Вечеромъ въ домѣ настоятеля было рѣшено что для всѣхъ будетъ лучше, если пригласить почтеннаго дядю изъ Салсбери пріѣхать и провести въ Вязникахъ недѣлю, то-есть отъ понедѣльника до субботы. Письмо написано было въ домѣ настоятеля, потому что Фенвикъ опасался что оно никогда не будетъ написано, если предоставить это угасшей энергіи сквайра, и викарій, проводивъ Джильмора въ Вязники, озаботился чтобъ оно въ тотъ же вечеръ было отдано слугѣ.

Въ воскресенье Джильморъ не показывался. Онъ не пришелъ ни въ церковь, ни обѣдать къ настоятелю. Весь день просидѣлъ онъ дома, принуждая себя читать или писать, со счетами на столѣ, съ журналами въ рукахъ, и даже съ открытымъ томомъ проповѣдей. Но ни счеты, ни журналы, ни проповѣди не могли ни на минуту остановить его вниманія. Онъ связалъ всю жизнь съ достиженіемъ извѣстной цѣли, и теперь эта цѣль погибла для него безвозвратно. Люди часто терпятъ неудачу въ достиженіи своихъ цѣлей: почестей, богатства, власти; но потерпѣвъ въ этомъ неудачу, они могутъ начинать сызнова. Для него это было невозможно. Когда Мери выйдетъ за этого капитана, она погибнетъ для него безвозвратно, а развѣ теперь не все равно какъ будто бы она вышла за него? Онъ не можетъ помѣшать ея браку.

Въ понедѣльникъ, вскорѣ послѣ полудня, преподобный Генри Фитцекерли Чамберленъ прибылъ въ Вязники. Онъ пріѣхалъ въ собственной каретѣ на парѣ почтовыхъ, какъ подобаетъ пребендарію добраго стараго времени. Нельзя сказать чтобъ мистеръ Чамберленъ былъ очень старый человекъ, но къ его вкусу, тону и характеру шла церемонія благовоспитанной жизни, изъ которыхъ многія вышли изъ моды съ распространеніемъ желѣзныхъ дорогъ. Мистеръ Чамберленъ былъ джентльменъ лѣтъ пятидесяти пяти, неженатый, обладатель значительнаго состоянія и духовнаго мѣста въ бологахъ Кембриджскаго графства, посѣщать которое не позволяло ему его здоровье, по поводу чего онъ имѣлъ

серіозную переписку съ епископомъ, но въ этомъ спорѣ онъ привелъ въ свое оправданіе такіе аргументы: что епископъ болѣе не тревожилъ его. Какъ мы уже сказали, онъ занималъ катедру въ Салисберійскомъ соборѣ. Что же касается до его мѣста въ болоталъ, то въ этомъ отношеніи совѣсть его была спокойна, такъ какъ онъ отдалъ приходскій домъ и двѣ трети дохода въ пользованіе викарія, а треть пожертвовалъ на приходскую благотворительность. Можетъ-быть, значительнѣе всѣхъ другихъ аргументовъ, способствовавшихъ молчанію епископа, была короткая приписка къ одному изъ писемъ мистера Чамберлена. „Между прочимъ я долженъ сообщить вашему преосвященству“, говорилось въ припискѣ, „что я не взялъ ни одного пенни изъ дохода съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ изъ Гарбедло.“ „Это епископское мѣсто“, говорилъ счастливый обладатель его одному или двумъ изъ своихъ духовныхъ друзей, „и докторъ думаетъ что было бы лучше еслибъ оно принадлежало ему, а не мнѣ. Но я съ этимъ не согласенъ, и ему придется написать еще много писемъ прежде чѣмъ онъ достигнетъ своей цѣли.“ Его катедра доставляла ему 800 фунтовъ ежегоднаго дохода и домъ, такъ что мистеръ Чамберленъ былъ вполне обезпеченъ въ своихъ денежныхъ обстоятельствахъ.

Онъ былъ очень красивый человѣкъ, около шести футовъ ростомъ, съ большими свѣтлыми сѣрыми глазами и красиво очерченнымъ лбомъ. Губы его были тонки, зубы, вставленные девтистомъ, безукоризненны. Сѣдые волосы около лба вились волнистыми кудрями и побѣждали множество дѣвичьихъ сердець въ соборѣ. Шепотомъ передавались слухи что нѣкоторыя замужня женщины бредили о красотѣ, величіи, бѣлыхъ рукахъ и глубокомъ голосѣ почтеннаго Генри Фитцекерли Чамберлена. Въ самомъ дѣлѣ, голосъ его былъ прекрасенъ, въ особенности если слушать его изъ отдаленнаго угла хоровъ во время причастной службы, и совершенно заглушалъ усилія другаго второстепеннаго духовнаго, который помогалъ ему въ алтарѣ. У него былъ замѣчательный даръ краснорѣчія, въ которомъ онъ упражнялся разъ въ недѣлю, въ продолженіе тридцати недѣль. Онъ никогда не говорилъ долѣе двадцати пяти минутъ, но каждое слово его было слышно въ самомъ отдаленномъ углу, и слова эти были полны такой граціи которая стоила любой доктрины. Когда онъ долженъ былъ говорить проповѣдь, соборъ былъ всегда

полонъ, такъ что онъ былъ правъ считая себя духовнымъ свѣтиломъ своего времени. Часто приглашали его сказать проповѣдь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но онъ отказывался. Разказывали даже что онъ отказался сказать проповѣдь въ Сентъ-Джемсѣ, въ присутствіи королевы, и при этомъ выразился что, если ея величеству угодно будетъ посѣтить Салисбери, ей будутъ доставлены всевозможныя удобства. Что же касается до приглашеній говорить проповѣди въ Вайтголлъ, въ Вестминстеръ и въ соборъ Св. Павла, то никто не сомнѣвался что, онъ постоянно отказывается, объявляя что его опредѣленное мѣсто на его кафедрѣ, но что онъ не обязанъ проповѣдовать на площадяхъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе проводить за границей первые осенніе мѣсяцы и потомъ дарилъ продолжительными визитами своихъ друзей, но постоянною его резиденціей былъ домъ близъ собора. Это былъ незначительный съ виду домъ, незатѣливо выстроенный изъ кирпича, но внутренность его была прекрасна. Все что можно сдѣлать для украшенія его съ помощію драпри, ковровъ, кресель, книгъ и т. п., было сдѣлано щедрою рукой, а погребъ славился лучшимъ въ городѣ. Мистеръ Чамберленъ ѣздилъ постоянно на почтовыхъ, но въ собственной каретѣ. Онъ никогда не говорилъ много, но когда говорилъ, его слушали. У него былъ отличный аппетитъ, но на него трудно было угодить, и салисберійскія дамы знали что, если къ обѣду ожидали мистера Чамберлена, то обѣдъ долженъ быть совершенствомъ въ своемъ родѣ. Обѣтъ онъ былъ всегда изысканно хорошо. Какъ онъ проводилъ свое время, это не было никому извѣстно, но предполагалось что онъ человѣкъ съ многостороннимъ образованіемъ, и всѣми было признано что онъ лучший судья въ произведеніяхъ искусства во всемъ Вильтширѣ. Всѣ были согласны что онъ нисколько не ниже епископа, и никто въ Салисбери не подумалъ бы сравнивать съ нимъ декана. Но у декана было семь человѣкъ дѣтей, а мистеръ Чамберленъ былъ совершенно свободенъ.

Гарри Джильморъ побаивался дяди, но никогда не хотѣлъ въ этомъ сознаться. „Если ему угодно гостить у меня, очень радъ“, говорилъ племянникъ, „но у меня онъ долженъ жить какъ я живу.“ Тѣмъ не менѣе, хотя въ погребѣ Вязниковъ оставалось уже мало заповѣднаго лафита, всегда приносилась бутылка, когда пріѣзжалъ мистеръ Чамберленъ, а мистрисъ Бункеръ, кухарка, сознавала что она ходитъ какъ

потерянная съ минуты его прїѣзда и до минуты отъѣзда. Несмотря на это, мистрисъ Бункеръ и другимъ слугамъ нравились его посѣщенія. Его присутствіе дѣлало честь Вязникамъ. Даже мальчикъ, чистившій его сапоги, сознавалъ что чиститъ сапоги великаго человѣка. Слуги думали что сквайръ, имѣя такого дядю, былъ болѣе значительный сквайръ чѣмъ еслибъ его не имѣлъ. Такой духовный въ ихъ глазахъ былъ выше сельскаго дворянина. И при всемъ этомъ мистеръ Чамберленъ былъ только пребендарій, сынъ сельскаго священника, которому посчастливилось взять жену съ большимъ приданымъ, но который въ продолженіи всей своей жизни не сдѣлалъ ничего полезнаго. Иногда бываетъ очень интересно прослѣдить источники величія. Мистеру Чамберлену, маѣ кажется, оно досталось за бѣлизну его рукъ и за тотъ особенный взглядъ которымъ онъ какъ будто хотѣлъ сказать многое, хотя къ нему болѣе шло когда онъ ничего не говорилъ. Внѣшними пріемами онъ обладалъ превосходно. Мистеръ Фенвикъ утверждалъ что онъ въ восторгѣ отъ мистера Чамберлена и питаетъ къ нему глубокое уваженіе, „Онъ мудрѣйшій философъ какого я когда-либо встрѣчалъ и дошелъ до высочайшей степени созерцанія. Онъ вѣсть, пьетъ, слушаетъ, вполнѣ покоенъ и не имѣетъ никакихъ желаній. Ни одинъ человѣкъ изъ всѣхъ кого я знаю не беспокоитъ такъ мало другихъ. Но мистеръ Чамберленъ не питалъ большаго уваженія къ мистеру Фенвику, про котораго говорилъ что онъ „субъектъ суетливой породы, уменъ, безъ сомнѣнія, можетъ-быть, совѣстливъ, но пусть и нѣсколько высокомеренъ“. Сквайръ, который не былъ ни уменъ, ни высокомеренъ, понималъ ихъ обоихъ и значительно предпочиталъ своего друга викарія своему дядѣ пребендарію.

Джилморъ однажды посовѣтовался съ дядей,—въ одну злополучную минуту, какъ онъ теперь думалъ,—не жениться ли ему на Мери Лоутеръ. Дядя выразилъ полное неодобреніе такой женитьбы, и теперь, конечно, спросить объ этомъ. Когда прибылъ великій человѣкъ, сквайра не было дома, онъ опять бродилъ между телятами и баранами. Какъ дивно будетъ вечеръ! Завтра въ Вязники придутъ обѣдать мистеръ и мистрисъ Фенвика съ мистеромъ и мистрисъ Гринторъ. Еслибы только прошелъ этотъ первый вечеръ! Джилморъ думалъ что потомъ онъ могъ бы найти нѣкоторое утѣшеніе даже въ присутствіи дяди. Когда онъ подошелъ

къ дому, онъ увидалъ на дворѣ карету пребендарія, которую уже обмывали. Нѣтъ,—на сколько было извѣстно мальчику,—мистеръ Чамберленъ не выходилъ изъ дому; Джимморъ вошелъ и нашелъ дядю въ библіотекѣ. Первый его вопросъ былъ объ убійствѣ.

— Вы одного поймали и потомъ выпустили? сказалъ онъ.

— Да, онъ одинъ изъ моихъ арендаторовъ. Противъ него не было никакихъ уликъ. Это была ошибка.

— Я не выпустилъ бы его, сказалъ мистеръ Чамберленъ.

— Вы не стали бы задерживать невиннаго.

— Я не выпустилъ бы этого молодого человека.

— Но законъ не даетъ намъ права задерживать его.

— Какъ бы то ни было, но я не выпустилъ бы его, сказалъ мистеръ Чамберленъ. — Я много слышалъ объ этомъ дѣлѣ.

— Отъ кого вы слышали?

— Отъ лорда Тробриджа. Я, конечно, не выпустилъ бы его.

Но было очевидно что мнѣніе лорда Тробриджа было передано пребендарію еще до роковой встрѣчи въ домѣ убитаго.

Дядя въ продолженіи всего вечера безмолвно пилъ лафитъ. О Мери Лоутеръ не было сказано ни слова.

— Не знаю гдѣ вы достали, Гарри, а вино это очень недурно.

— Мы считаемъ его лучшимъ въ нашемъ краѣ, сэръ, сказалъ Гарри.

— Этого бы я утверждать не рѣшился, а не дурно оно, дѣйствительно. Кстати, надѣюсь что ваша экономка научилась варить кофе съ тѣхъ поръ какъ я былъ здѣсь весной. Не попробовать ли намъ?

Кофе былъ принесенъ; пребендарій тихо покачалъ головою и улыбнулся.

— Ужасный кофе въ нашемъ краю, сказалъ Гарри Джимморъ, не смѣя сказать, вопреки своему дядѣ, что кофе очень вкусенъ.

Послѣ кофе, который подавался въ библіотекѣ, оба сидѣли молча около получаса, и Джимморъ старался догадаться что могло привести его дядю въ Булгамитонъ. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ остановиться на какой-нибудь догадкѣ, онъ замѣтилъ со стороны дяди маленькій кивокъ, потомъ легкое вздрагиванье и сладкую улыбку, потомъ опять кивокъ и вздрагиваніе, но уже безъ улыбки, потомъ слабое сопѣаніе

скоро перешло въ музыкальное хранище, которое шло crescendo, и наконецъ стало очевидно что пребендарій находится въ самомъ благополучномъ состоянїи. Тутъ Джильмору пришло въ голову что мистеру Чамберлену надоѣло засыпать въ своемъ домѣ, и онъ прїѣхалъ въ Вязники потому что не могъ бы этого дѣлать съ такимъ спокойнымъ самодовольствомъ у постороннихъ людей. Это маленькое разнообразіе, можетъ-быть, искупило въ глазахъ великаго человѣка неприятность чашки невкуснаго кофе.

Не заснутъ ли и ему, Джильмору? Не заснутъ ли ему тѣмъ философскимъ сномъ о которомъ говорилъ Фенвикъ? Не можетъ ли и онъ сдѣлаться безчувственнымъ какъ его божественный дядя? Никакая Мери Лоутеръ не нарушала спокойствія этого человѣка. Хорошій обѣдъ, красивое кольцо, спокойное кресло, китайская чайная чашка, все это такъ легко достать пока есть деньги. Вотъ предъ нимъ вполне счастливый человѣкъ, вполне спокойный, не знающій большей неприятности какъ случайная чашка невкуснаго кофе, между тѣмъ какъ онъ, Гарри Джильморъ, самый несчастный смертный во всей Великобританіи, потому что какая-то молодая дѣвушка не захотѣла жить съ нимъ и взять половину того чѣмъ онъ владѣеть! Если есть цѣлебная философія, то почему ему не принять ея? Свѣтъ скажетъ что это нечестная философія, но какое ему дѣло до того что скажетъ свѣтъ, если эта философія освободитъ его отъ тяжести которая давитъ его грудь и которую онъ не можетъ выносить? Онъ отдастъ свое сердце за полфартинга, если только кто-нибудь захочетъ взять его со всею его тяжестью. Вотъ человѣкъ у котораго на сердцѣ нѣтъ тяжести. Онъ храпитъ съ благозвучнымъ тактомъ, медленно, благопристойно, можно даже сказать аристократически, какъ настоящій джентльменъ, а человѣкъ который такъ храпитъ не можетъ не быть счастливымъ. „О, чертъ возьми“, прошепталъ Джильморъ, всталъ и вышелъ изъ комнаты, но въ его головѣ было больше зависти чѣмъ гнѣва.

— А вы выходили? спросилъ мистеръ Чамберленъ, когда племянникъ воротился.

— Я ходилъ посмотреть на лошадей.

— Я въ этомъ не вижу никакой необходимости, но, кажется, многіе это дѣлаютъ. Мнѣ кажется, это просто предлогъ для куренья. Самъ мистеръ Чамберленъ никогда не курилъ.

— Да, я курить.

— Вамъ не зачѣмъ признаваться мнѣ въ этомъ, Гарри. Теперь посмотримъ не лучше ли чай мистрисъ Бункеръ чѣмъ ея кофе. Позволили, и мистеръ Чамберленъ выразилъ желаніе получить чашечку чернаго чая, не слиткомъ крѣпкаго, но чтобъ было заварено много чая, и сейчасъ же его наливать, а не давать настаиваться. „Когда онъ крѣпокъ и вяжущъ, я послѣ не могу заснуть ни на одинъ мигъ“, сказалъ онъ. Чай былъ поданъ и выпитъ чрезвычайно медленно. Въ это время было сказано слова два о какихъ-то нѣмецкихъ водахъ, съ которыхъ только что возвратился мистеръ Гамблекъ, и мистеръ Джильморъ началъ надѣяться что въ этотъ вечеръ его не спросятъ о Мери Лоутеръ.

Но судьба не оказала такой милости. Пребendarій всталъ, намѣреваясь идти на покой, и, уже стоялъ предъ огнемъ со спальною свѣчой въ рукѣ, когда что-то, можетъ-быть его собственное счастливое положеніе въ жизни, напомнило ему что племянникъ говорилъ ему о какой-то молодой дѣвушкѣ, которую судьба не удостоила даже хорошимъ приданымъ.

— Кстати, сказалъ онъ,—что сдѣлалось съ вашею возлюбленною, Гарри?

Гарри поблѣднѣлъ и нахмурился. Онъ не любилъ чтобы Мери называли его возлюбленною. Онъ какъ стоялъ повернувшись спиной къ дядѣ, такъ и остался, и не отвѣчалъ ему.

— Такъ вы не сдѣлали ей предложенія? спросилъ дядя.—Если вы чѣмъ-нибудь затрудняетесь, Гарри, вы бы мнѣ прямо сказали.

— Я не понимаю о какихъ затрудненіяхъ вы говорите. Она не будетъ моею женою.

— Слава Богу, другъ мой!

Джильморъ повернулся, но дядя, вѣроятно, не замѣтилъ выраженія его лица.

— Могу васъ увѣрить, продолжалъ мистеръ Чамберленъ,—что ваше намѣреніе беспокоило меня. Я навелъ справки, и она оказалась не такою дѣвушкой на которой вы могли бы жениться.

— Клянусь Богомъ, сказалъ Джильморъ,—что я отдалъ бы всю мою землю, всѣ деньги до послѣдняго шиллинга, всѣхъ друзей и двадцать лѣтъ моей жизни за одну надежду что она когда-нибудь будетъ моею женою!

— Милсердое небо! воскликнулъ мистеръ Чамберленъ.

Но Джильморъ вышелъ изъ комнаты, и въ этотъ вечеръ не показывался болѣе дядѣ.

XXV. Карри Бретль.

На слѣдующій день, послѣ обѣда въ Вязникахъ, мистеръ Фенвикъ предпринялъ поѣздку по направленію къ Девизамъ, о которой говорилъ женѣ. Обѣдъ прошелъ очень тихо, и въ кофе замѣчено было значительное улучшеніе. Происходило, между двумя духовными лицами, нѣкоторое фехтованіе ума, если можно назвать фехтованіемъ такое состязаніе, въ которомъ вся наступательная воинственность была съ одной стороны. Мистеръ Фенвикъ старался заманить мистера Чамберлена на аргументацію, но тотъ, не отказываясь прямо, уклонялся съ такимъ искусствомъ которое возбудило удивленіе жены Фенвика.

— Какъ бы то ни было, онъ умный человекъ, сказала она, идя домой,—иначе онъ не могъ бы такъ легко и ловко увертываться.

На слѣдующее утро викарій поѣхалъ одинъ, въ своей таратайкѣ. Сначала онъ хотѣлъ взять съ собой мальчика, неопредѣленнаго званія, служившаго частію садовникомъ, частію конюхомъ, словомъ, исправлявшаго въ домѣ самыя разнообразныя должности, но потомъ рѣшилъ что поѣдетъ одинъ.

— Петръ очень молчаливъ и похвально безучастенъ ко всему, замѣтилъ онъ женѣ,—много онъ не разболтаетъ, но и онъ все-таки можетъ разболтать что-нибудь.

Итакъ, викарій сѣлъ въ свою таратайку и уѣхалъ одинъ. Онъ направился къ Девизу и проѣхалъ чрезъ Левингтонъ, не сдѣлавъ ни одного вопроса; но на полпути отъ этого селенія до Девиза онъ остановилъ лошадь, у поворота вправо. Взялъ онъ и прежде по этой дорогѣ, но этого поворота не зналъ. Онъ дождался пока старуха, шедшая ему на встрѣчу, подошла, и спросилъ ее, не ведетъ ли этотъ поворотъ на Марльбороскую дорогу. Старуха не знала такой дороги и, повидимому, не имѣла понятія о Марльборо. Затѣмъ викарій спросилъ, не проѣдетъ ли онъ тутъ въ Пикрофтскую общину?

— Да, проѣдете.

— И къ Лысому Оленю?

Старуха такого мѣста не знала, а сказала что эта дорога

приведеть къ Ромпъ-Энду. Викарій поѣхалъ вправо и безъ большаго труда добрался до Лысаго Оленя, который, въ цѣлѣ тушее время большой западной дороги, поставлялъ пиво, по крайней мѣрѣ, на дюжину дилижансовъ въ день, а теперь, увы, могъ утолять только жажду сельскихъ обывателей. Однако въ Лысомъ Оленѣ оказалась мѣра овса, викарій поставилъ тутъ лошадь, и далъ ей овесъ при себѣ.

Оставалась миля до Пикрофтской общины. Онъ пошелъ нѣшкомъ: сначала по дорогѣ къ Марльборо, а потомъ свернулъ влѣво цѣлкою. Мѣсто это было найти не трудно; но теперь предстоило отыскать жилище мистрисъ Борроусъ, не спрашивая о ней по имени. Викарій имѣлъ нѣкоторыя указанія и надѣялся съ ихъ помощію достигнуть своей цѣли. Онъ вышелъ на средину селенія и сталъ отыскивать свои примѣты. Вотъ полпивная, вотъ дорога въ Пьюзи, вотъ два кирпичные домика, стоящіе рядомъ. Мистрисъ Борроусъ живетъ въ бѣломъ домикѣ позади ихъ. Онъ пошелъ прямо къ двери, минуя подсолнечники и розовый кустъ, и подумавъ минутой, не войти ли безъ предувѣдомленія, постучался. Полицейскій не сталъ бы стучаться, точно такъ же какъ лѣсной бродяга застрѣлилъ бы лежащаго зайца, но джентльменъ и настоящій охотникъ, за какой бы дичью ни шелъ, не подкрадывается тайкомъ. Викарій постучался, и тотчасъ же услышалъ шумъ въ домѣ. Онъ постучался еще разъ и чрезъ минутой его пригласили войти. Онъ отворилъ дверь, и нашелъ въ комнатѣ одну только молодую женщину. Онъ не тотчасъ заговорилъ съ ней, а остановился у двери и пристально посмотрѣлъ на нее.

— Карри Бретлы сказалъ онъ:—я радъ что нашелъ васъ.

— Господи! Мистеръ Фенвикъ!

— Карри, я очень радъ васъ видѣть,—и онъ протянулъ ей руку.

— О, мистеръ Фенвикъ,—я не стою чтобы вы прикасались ко мнѣ, сказала она.

Но такъ какъ рука его все была протянута, она вложила въ нее свою руку, и онъ нѣсколько секундъ крѣпко держалъ ее.

Карри была теперь худа и болѣзненна, оставались еще слѣды красоты, но красоты омраченной невоздержаніемъ, нуждою, болѣзнію, горемъ и болѣе всего угрызениями пробуждающейся отъ времени до времени совѣсти. Лицо было блѣдое, кроткое, еще съ проблесками румянца, когда-то

нѣжное, смѣющееся лицо. И теперь еще въ глазахъ свѣтлосія остатокъ прежней веселости, какъ будто готовой возвратиться, еслибы только могло быть излѣчено какое-то великое зло. Длинные, свѣтлорусые локоны по-прежнему падали на плечи, но они казались Фенвику тусклѣе прежняго; щеки впали, глаза ввалились, и въ губахъ появилось то выраженіе смѣлости, которое порождаетъ привычка къ дурнымъ, рѣзкимъ словамъ, и непристойнымъ и частію остроумнымъ. Одѣта она была прилично и сидѣла на низкомъ стулѣ съ изодранною, старою, неблаговидною книгой въ рукахъ. Фенвикъ зналъ что книгу эту она взяла въ руки только сію минуту, потому что тутъ навѣрное былъ еще кто-то, когда онъ стучалъ.

Хотя порокъ наложилъ на эту женщину свою тяжелую руку, однако блескъ, ясность и свѣжесть невинности еще не совсѣмъ оставили ее. Хотя ротъ ея былъ смѣлъ, глаза были нѣжны и женственны, и она глядѣла въ лицо священнику кроткимъ, смиреннымъ, молящимъ взглядомъ, который сразу тронулъ и плѣнилъ его. Онъ и прежде не особенно строго смотрѣлъ на нее. Можно, пожалуй, отнести къ числу его недостатковъ что онъ не способенъ былъ относиться къ грѣшнику съ немолимою строгостію, если только въ грѣхѣ не заключалась ложь. Въ эту минуту онъ вспомнилъ прежнюю маленькую Карри Бретль, то кроткую и послушную, то шаловливую и капризную, которую онъ баловалъ и ласкалъ, и бранилъ, и любилъ, — любилъ несомнѣнно, отчасти и за красоту; которую надѣялся выдать за какого-нибудь хорошаго фермера и потомъ быть всегда дорогимъ гостемъ въ ихъ кухнѣ и крестить, ихъ дѣтей. Вспомнивъ все это, онъ готовъ былъ тутъ же обнять ее, въ доказательство что не чувствуетъ къ ней презрѣнія, и просить ее воротиться къ добру и приступить къ обсужденію ея будущности.

— Я пріѣхалъ изъ Булгамптона, Карри, чтобы найти васъ, сказалъ онъ.

— Въ плохое мѣсто пріѣхали вы, мистеръ Фенвикъ. Вамъ вѣроятно, полиція сказала что я здѣсь.

— Я слышалъ. Скажите мнѣ, Карри, что вы знаете о Семѣ?

— О Семѣ?

— Да, о Семѣ. Не говорите неправды. Если не хотите, вы, конечно, можете ничего не сказать мнѣ. Я спрашиваю не

какъ лицо имѣющее право спрашивать, а просто какъ другъ его и вашъ.

Она подумала минуту.

— Семь никому не сдѣлалъ зла, сказала она.

— Я этого и не говорю. Я только желаю знать гдѣ онъ. Вы понимаете, Карри, что лучше всего было бы ему быть дома.

Она опять задумалась.

— Онъ вышелъ въ ту заднюю дверь какъ вы входили въ переднюю, мистеръ Фенвикъ, сказала она вдругъ.

Викарій тотчасъ же пошелъ къ задней двери, но Сема, конечно, не оказалось.

— Зачѣмъ онъ прячется, если не сдѣлалъ ничего дурнаго? сказалъ викарій.

— Онъ думалъ что это полицейскіе. Они чуть не каждый день ходятъ сюда, такъ что наконецъ просто терпѣнья нѣтъ. Я ушла бы отсюда, еслибы было куда уйти.

— Развѣ нѣтъ у васъ дома, Карри?

— Нѣтъ.

Отвѣтъ этотъ былъ такъ справедливъ что викарій самъ не могъ объяснить себѣ зачѣмъ онъ предложилъ такой вопросъ. Конечно, у ней не было дома, пока отецъ не перемѣнится къ ней!

— Карри, сказалъ онъ очень медленно,—мнѣ говорили что вы замужемъ. Правда ли это?

Она не отвѣчала.

— Скажите мнѣ, если можете. Званіе замужней женщины во всякомъ случаѣ честное, кто бы ни былъ ея мужъ.

— Мое званіе не честное.

— Такъ вы не замужемъ?

— Нѣтъ.

Онъ уже почти не зналъ какъ продолжать свои распросы, какъ освѣдомиться объ ея прошедшей или настоящей жизни, не выражая осужденія, отъ котораго, по крайней мѣрѣ въ эту минуту, онъ хотѣлъ воздержаться.

— Вы, кажется, живете здѣсь со старою мистрисъ Боррусъ? сказалъ онъ.

— Да.

— Мнѣ говорили что вы замужемъ за ея сыномъ.

— Вамъ говорили неправду. Я едва въ лицо знаю ея сына.

— Это правда, Карри?

— Правда. Совсѣмъ не онъ.

— Кто же, Карри?

— Другой... Но что до этого? Онъ увѣхалъ, и я его больше не увижу. Онъ не хорошій человекъ и, съ вашего позволенія, мистеръ Фенвикъ, мы не будемъ говорить о немъ.

— Онъ не былъ вашимъ мужемъ?

— Нѣтъ, мистеръ Фенвикъ. У меня не было мужа и, должно-быть, никогда не будетъ. Кто меня возьметъ? Мнѣ одно только остается....

— Что же, Карри?

— Умереть и тѣмъ покончить, сказала она, раздражаясь громкимъ рыданіемъ. — Къ чему мнѣ жить на свѣтѣ? Никто не хочетъ глядѣть на меня, говорить со мной. Развѣ не стою я чтобъ меня повѣсили, еслибы только знали какъ изловить меня.

— Что вы хотите сказать? спросилъ мистеръ Фенвикъ, которому пришло въ голову что, судя по ея словамъ, можетъ-быть, и она принимала участіе въ убійствѣ.

— Развѣ не является сюда полиція чуть не каждый день? И какъ вертятся они вокругъ дома и вокругъ меня, что мнѣ оказать имъ? Я упала такъ низко что всякій можетъ говорить со мной какъ захочетъ. И куда мнѣ уйти отсюда? Я не хочу вѣчно жить здѣсь съ этою старухой.

— Кто эта старуха, Карри?

— Вы, я думаю, знаете, мистеръ Фенвикъ.

— Мистрисъ Борроусъ, не такъ ли?—Она кивнула головой.— Это мать такъ называемаго Точильщика?—Опять она кивнула головой.—Его и обвиняютъ въ убійствѣ?—Въ третій разъ она кивнула.—Былъ еще кто-то другой?—Опять она кивнула.— Говорятъ былъ и третій, продолжалъ викарій,—и будто бы братъ вашъ, Семъ.

— Лгутъ они, вскричала она, вскакивая со стула. — Лгутъ они какъ дьяволы. Они сами дьяволы и пойдутъ въ геенну огненную на вѣки вѣчные.

Несмотря на трагичность минуты, эта страшная угроза невольно связалась въ умѣ мистера Фенвика съ мыслью о маркизѣ Тробриджѣ.

— Семъ также невиненъ въ этомъ какъ вы, мистеръ Фенвикъ.

— Я самъ такъ думаю, сказалъ Фенвикъ.

— Да, потому что вы добры инисходительны и не осуж-

даете бѣднака какъ только ему придется плохо, но тѣ, тѣ дьяволы.

— Я однако прѣхалъ сюда не для того чтобы толковать объ этомъ убійствѣ, Карри. Еслибъ я и предполагалъ что вы знаете виновнаго, я бы не попросилъ васъ назвать его. Это дѣло полиціи, а не мое. Я прѣхалъ сюда отчасти поискать Сема. Ему бы слѣдовало быть дома. Зачѣмъ онъ ушелъ изъ дому отъ работы, когда объ немъ столько толковъ.

— Не могу отвѣчать за него, мистеръ Фенвикъ.— Пусть говорятъ что хотятъ, бѣлаго имъ не очернить. Но мнѣ ни о комъ не приходится говорить. Какъ мнѣ знать зачѣмъ онъ приходитъ и уходитъ. Вѣдь еслибъ я сказала что онъ приходитъ повидаться съ сестрой, не похоже было бы на дѣло, когда сестра его такая негодная, не правда ли?

Фенвикъ всталъ, пошелъ къ передней двери, отворилъ ее и сталъ глядѣть кругомъ. Но онъ ничего не указалъ. Слезы навернулись у него на глазахъ, и ему не хотѣлось отирать ихъ при ней.

— Карри, сказалъ онъ, возвращаясь къ ней,—я не для него одного прѣхалъ.

— Для кого же еще?

— Помните ли какъ мы любили васъ, когда вы были малы, Карри? Помните ли жену мою, и какъ вы, бывало, играли съ дѣтьми нашими на лужайкѣ? Помните ли, Карри, мѣсто, на которомъ сидѣли вы въ церкви, и сколько хлопотъ доставляло намъ пѣніе? Късть человѣка два въ Бугамптонѣ которые никогда этого не забудутъ.

— Никто меня теперь не любитъ, сказала она черезъ плечо обращенное къ нему.

Онъ хотѣлъ сказать ей что Богъ ее любитъ, но ему пришло въ голову что глубоко падшему любовь болѣе близкая, болѣе доступная, болѣе осязательная бываетъ утѣшительнѣе, по слабости и грѣховности, чѣмъ любовь Господа Бога.

— Почему вы такъ думаете, Карри?

— Потому что я дурная.

— Еслибы любить только хорошихъ, пришлось бы любить лишь очень немногихъ. Я люблю васъ искренно, Карри. Жена моя отъ души любитъ васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказала дѣвушка съ тихимъ рыданіемъ.— Нѣтъ, не любить. Я знаю что не любить. Такія какъ

она не могутъ любить такихъ какъ я. Она бы не стала говорить со мной, не согласилась бы прикоснуться ко мнѣ.

— Прійжайте и посмотрите, Карри.

— Отецъ убьетъ меня.

— Отецъ вашъ очень сердитъ, правда. Вашъ поступокъ не могъ не разсердить отца.

— О, мистеръ Фенвикъ, я не смѣю на глаза ему показаться. Звукъ его голоса сразу убилъ бы меня. Какъ могу я вернуться?

— Не легко выпрямлять кривое, Карри; но можно попробовать, и кривое выпрямится, если постараться хорошенько. Отвѣтите вы мнѣ еще на одинъ вопросъ?

— Если только дѣло идетъ обо мнѣ самой, мистеръ Фенвикъ.

— Вы и теперь въ грѣхѣ живете, Карри?

Она сидѣла молча; не то чтобъ она не хотѣла отвѣчать ему, а не понимала вполне значенія его вопроса.

— Если такъ, продолжалъ онъ,—если вы не оставите грѣха, никто не будетъ любить васъ. Вы должны измѣниться, тогда васъ будутъ любить.

— У меня и теперь деньги которыя онъ далъ мнѣ, если только вы это разумѣете, сказала она.

Онъ не спрашивалъ ея больше о ней самой, а заговорилъ опять о братѣ. Нельзя ли привести его побесѣдовать со старымъ другомъ? но она объявила что онъ ушелъ неизвестно куда и, вѣроятно, вернется въ этотъ же день на мельницу, такъ какъ говорилъ ей что намѣренъ идти туда. Когда Фенвикъ выразилъ надежду что Семъ не водится теперь со злодѣями убившими и ограбившими мистера Тромбула, она завѣрjala что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, и завѣрjala такъ искренно что викарій тотчасъ же убѣдился что убійцы далеко, и она это знаетъ. Изъ ея словъ оказывалось что Семъ дѣйствительно приходилъ въ Пикрофтъ повидаться съ сестрой, пользуясь конечно этимъ случаемъ чтобъ отдохнуть день-другой отъ работы. Затѣмъ викарій опять заговорилъ о ней самой, получивъ, какъ ему казалось, удовлетворительный отвѣтъ на важный вопросъ предложенный ей.

— Вы ничего не спрашиваете о своей матери? сказалъ онъ.

— Семъ разказалъ мнѣ о ней и объ Фанни.

— И вамъ бы не хотѣлось видѣть ее?

— Какъ не хотѣться, мистеръ Фенвикъ! Я бы глаза

отдала, чтобы только взглянуть на нее! Но какъ мнѣ видѣться съ ней? И что сказала бы она мнѣ? Отецъ убьетъ ее, если она станетъ говорить со мной. Иногда мнѣ приходится въ голову сходить туда къ ночи поглядѣть на старое мѣсто, да только я, кажется, утопилась бы въ рѣчкѣ. Да и хорошо бы. По крайней мѣрѣ былъ бы конецъ. Я читала старый разказъ объ одной дѣвушкѣ, которую всѣ стали жалѣть какъ она утопилась, хотя никто не хотѣлъ и подумать объ ней пока была жива.

— Не топитесь, Карри, я подумаю о васъ. Не марайте рукъ,—вы понимаете что я хочу сказать,—и я покоя не буду знать пока не найду вамъ убѣжище гдѣ преклонить утомленную голову. Общаете ли вы мнѣ? (Она не отвѣчала.) Я не требую обещанія выраженного словами; дайте себѣ самой обещаніе, Карри, и просите у Бога силы сдержать его. Молитесь ли вы Богу, Карри?

— Никогда.

— Вы однако не забыли молитвъ. Можете опять начать молиться. Общайтесь мнѣ. Если я пришлю за вами, прѣдете ли вы?

— Какъ, въ Булгамптонъ?

— Куда бы я ни позовалъ васъ. Какъ вы думаете, я за вамъ желаю?

— А можетъ-быть вы повезете меня въ тюрьму, или куда-нибудь гдѣ много живетъ такихъ. О, мистеръ Феввикъ, этого бы я не вынесла.

Онъ не смѣлъ продолжать, чтобы не дать ей такихъ обещаній которыя потомъ невозможно будетъ сдержать. Предъ отъѣздомъ онъ однако взялъ съ нея слово что она уведомитъ его, если оставить свое теперешнее мѣсто жительства раньше мѣсяца.

Онъ отправился къ Лысому Оленю и сѣлъ въ свою тарайку. На пути домой онъ нагналъ Сема Бретля у выхода изъ Левингтона. Онъ остановился и предложилъ молодому человѣку подвезти его, если онъ идетъ домой. Семъ отказался, но объявилъ что идетъ прямо на мельницу.

— Удивительно какъ трудно выпрямлять покривившееся, говорилъ себѣ мистеръ Феввикъ, подѣзжая къ двери своего дома.

XXVI. Торноверская корреспонденція.

Читатель, надѣмся, помнитъ что маркизь Тробриджъ подвергся чувствительному оскороленію со стороны мистера Фенвика во время бесѣды объ убійствѣ, происходившей въ приѣмной фермера Тромбула. Нашъ пріятель викарій не удовольствовался рѣзкимъ отвѣтомъ, но коснулся и дочерей маркиза. Маркизь, ѣдучи домой въ своей каретѣ, пришелъ къ самымъ строгимъ заключеніямъ насчетъ мастера Фенвика. Что человекъ этотъ ни во что не вѣритъ, теперь несомнѣнно; если онъ ни во что не вѣритъ, стало-быть онъ лгунъ и обманщикъ, мошенникъ и воръ. Развѣ не крадетъ онъ у прихода десятинную подать, губя въ то же время души мужиковъ и женщинъ? Не слѣдуетъ ли ожидать что при такомъ священникѣ будутъ въ приходѣ такія личности [какъ Семъ Бретль и Карри Бретль? Правда, порокъ покуда распространялся еще только между немногими сравнительно арендаторами „неблагомыслящаго лица“ владѣющаго, къ сожалѣнію, ничтожнымъ количествомъ акровъ въ приходѣ, но арендаторъ его свѣтлости былъ убитъ. При такомъ священникѣ и такомъ приходѣ, и такомъ неблагомыслящемъ землевладѣльцѣ, поддерживающемъ священника, не слѣдуетъ ли ожидать что всѣ арендаторы его свѣтлости будутъ перебиты? Многие уже просили у маркиза церковную ферму, но случилось такъ что искатель наиболѣе нравившійся ему не соглашался жить въ домѣ гдѣ убили Тромбула, и маркизь счелъ себя въ правѣ вывести заключеніе что такимъ образомъ скоро ни одинъ порядочный человекъ не захочетъ жить ни въ одномъ изъ его домовъ. А тутъ еще въ разговорѣ объ убійцахъ, и объ людяхъ еще хуже убійцъ, говорилъ себѣ маркизь въ каретѣ, качая головой при мысли о такихъ ужасахъ этотъ безстыдный священникъ осмѣлился упомянуть о дочерахъ его свѣтлости. Такой человекъ не долженъ дерзать даже и помыслить объ особахъ столь высоко поставленныхъ. Конечно, существованіе дочерей маркиза не можетъ не быть извѣстно и такимъ людямъ, и между ними, вѣроятно, дѣлаются нѣкоторыя смутныя догадки объ образѣ жизни этихъ дамъ, какъ гадаютъ люди о короляхъ и королевахъ, и даже

о богахъ и богиняхъ. Но чтобы дочери его были поставлены въ параллель—и съ кѣмъ еще!—для опроверженія его собственныхъ мнѣній, это казалось маркизу невыносимымъ. Онъ не могъ прибить кнутомъ мистера Фенвика; не могъ также выслать на него съ этою цѣлью своихъ людей, но есть, слава Богу, епископъ. Не совсѣмъ ясно было маркизу чего именно можно достигнуть чрезъ епископа, но представлялось ему что можно по крайней мѣрѣ выжить Фенвика изъ этого прихода. „Чтобъ я выгналъ дочерей моихъ изъ моего дома.... ого!“ Онъ едва не прошибъ кулакомъ окно кареты отъ негодованія, возбужденнаго въ немъ этою мыслью.

Случилось такъ что маркизъ Тробриджъ никогда не засѣдалъ въ нижней палатѣ, но былъ у него сынъ, засѣдающій въ ней. Лордъ Сентъ Джорджъ, человѣкъ свѣтскій, былъ членъ палаты за другое графство, въ которомъ у маркиза было имѣніе. Отецъ очень уважалъ его, полагался на его мнѣніе, но все-таки думалъ иногда что онъ не достаточно высоко цѣнить положеніе въ свѣтѣ, занимать которое онъ призванъ. Лордъ Сентъ Джорджъ теперь былъ дома, въ замкѣ, и вечеромъ отецъ, естественно, сталъ совѣтоваться съ сыномъ. Онъ считалъ своею обязанностью написать епископу, но все-таки желалъ слышать мнѣніе Сентъ Джорджа. Прежде всего онъ, разумѣется, заявилъ твердое убѣжденіе что Сентъ Джорджъ согласится съ нимъ.

— Я не сталъ бы поднимать шума изъ-за этого, сказалъ сынъ.

— Какъ? Оставить безъ вниманія?

— По-моему, да,

— Понимаете ли вы какого рода намекъ былъ сдѣланъ на вашихъ сестеръ?

— Имъ отъ этого вреда не будетъ, милордъ, а на кого и на что не намекаютъ теперь? Епископъ ничего не можетъ сдѣлать. Почему вы знаете, можетъ они съ Фенвикомъ задушевные пріятели?

— Епископъ весьма благомыслящій человѣкъ, Сентъ Джорджъ.

— Безъ сомнѣнія. Епископы, какъ видно, всѣ люди благомыслящіе, и хорошо имъ что отъ нихъ не требуется ничего кромѣ благомыслія. Онъ, конечно, сочтетъ этого священника неучтивымъ, но тѣмъ дѣло и окончится. Вы же получите щелчокъ.

— Какъ щелчокъ?

— Щелчокъ, милордъ. Чѣмъ больше живу я на свѣтѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь что не слѣдуетъ обнаруживать свои большыя мѣста.

Что-то въ тонѣ сына глубоко огорчало маркиза, но Сентъ Джорджъ былъ извѣстенъ за человѣка умнаго и осмотрительнаго и дѣлалъ карьеру въ политическомъ мѣрѣ. Маркизъ вздохнулъ, покачалъ головой и пробормоталъ что-то о лежащей на знатныхъ людяхъ обязанности нести тяжести сопряженныя со знатностью, разумѣя подъ этимъ готовность обнаружить большыя мѣста, если сословные интересы этого потребуютъ. Въ заключеніе совѣщанія онъ объявилъ что подумаетъ объ этомъ еще двое сутокъ. Къ несчастію, до истеченія двухъ сутокъ лордъ Сентъ Джорджъ уѣхалъ изъ замка Торноверъ, и маркизъ былъ предоставленъ собственному разуму. Предъ тѣмъ отецъ съ сыномъ и двумя-тремя знакомыми ѣздили на охоту въ Булгамптонъ, такъ что враждебныя дѣйствія еще не были начаты, когда Фенвики встрѣтились съ маркизомъ на тропинкѣ.

На слѣдующій день его свѣтлость сидѣлъ въ своей комнатѣ, размышляя о нанесенномъ ему оскорбленіи. Онъ думалъ объ этомъ, и ни о чемъ почти другомъ не думалъ, уже трое сутокъ. „Допустить возможность чтобъ я выгналъ изъ дому моихъ дочерей! Каково! Моихъ дочерей!“ Онъ очень хорошо зналъ что, при всемъ несогласіи во мнѣніяхъ съ сыномъ, вѣрнѣйшее средство избѣгать непріятностей—слѣдовать совѣтамъ сына. Но тутъ дѣло совсѣмъ особенное, исключительное, вовсе не похожее на тѣ обыденныя житейскія мелочи относительно которыхъ онъ обыкновенно расходился во мнѣніи съ сыномъ. Дочери! леди Софи и Каролина Стоутъ! Ему предлагаютъ выгнать ихъ изъ дому, такъ какъ... ого! Обида такъ велика что нѣтъ на свѣтѣ маркиза который могъ бы ее вынести. Ему не терпѣлось чтобы не написать письма епископу. Перо и бумага были подъ рукою, и онъ принялся писать.

„Преподобный и многоуважаемый лордъ епископъ!

„Считаю не лишнимъ уведомить ваше преподобіе о поступкѣ, или, позволю себѣ выразиться точнѣе, о проступкѣ достопочтеннаго Фенвика, викарія булгамптонскаго. (Маркизъ зналъ очень хорошо имя нашего пріятели, но не хотѣлъ показать что его сіятельная память обременена такими мелочами.) Можетъ-быть вы слышали что въ этомъ приходѣ

одинъ изъ моихъ арендаторовъ сдѣлался жертвою ужаснаго убійства, и что подозрѣніе пало на сына мельника, арендующаго мельницу у одного господина, который владѣеть нѣкоторымъ количествомъ земли въ приходѣ. Семейство это очень дурное, одна изъ дочерей, какъ говорятъ, предалась разврату. На дняхъ я счелъ нужнымъ посѣтить этотъ приходъ, съ цѣлю удалить изъ среды моихъ людей такіа вредныя личности. Тамъ выступилъ противъ меня мистеръ Фенвикъ, не только безъ всякой христіанской кротости, но и безъ всякой учтивости, свойственной человѣку благовоспитанному. Онъ ворвался ко мнѣ въ одинъ изъ моихъ домовъ, въ тотъ самый гдѣ жилъ убитый, и тутъ, пока я совѣщался съ тѣмъ лицомъ, о которомъ я упоминалъ выше, о необходимости удаленія этихъ вредныхъ людей, обратился ко мнѣ съ дерзостями и ругательствами. Довольно, полагаю, сказать вашему преподобию что онъ позволилъ себѣ насчетъ моихъ дочерей намеки до такой степени непристойныя что я не рѣшаюсь повторить ихъ. При этой встрѣчѣ присутствовали: мистеръ Шудельгамъ, проповѣдникъ диссентеровъ, и мистеръ Генри Джильморъ, владѣлецъ земли арендуемой упомянутымъ семействомъ.

„Ваше преподобіе, вѣроятно, знаете какого рода человѣкъ мистеръ Фенвикъ съ религіозной точки зрѣнія. Не мнѣ судить по какимъ причинамъ такой человѣкъ считаетъ себя способнымъ сохранять мѣсто приходскаго настоятеля, но думаю что въ правѣ просить ваше преподобіе о разслѣдованіи выходки, которую я пытался описать, и жду нѣкоторой защиты на будущее время. Не сомнѣваюсь ни минуты что ваше преподобіе примете въ настоящемъ случаѣ всѣ надлежащія мѣры.

„Имѣю честь быть вашего преподобія, многоуважаемый лордъ-епископъ, покорнѣйшимъ слугою

„Тробриджъ.“

Онъ перечелъ письмо это трижды, и такъ плѣнился своимъ произведеніемъ что, послѣ третьяго чтенія, у него не осталось уже ни малѣйшаго сомнѣнія относительно умственности такого письма. Почти увѣренъ былъ онъ также что епископъ непременно сдѣлаетъ съ Фенвикомъ что-нибудь такое, вслѣдствіе чего нельзя будетъ этому позору англійской церкви остаться въ Булгамптонскомъ приходѣ.

Вернувшись домой изъ Пикрофтской общины, Фенвикъ нашелъ ожидавшее его письмо отъ епископа. Онъ проѣхалъ въ этотъ день сорокъ верстъ и опоздалъ къ обѣду. Однако жена пришла къ нему наверхъ чтобы послушать его разказъ и принесла съ собой письмо. Онъ не распечаталъ

письма отъ епископа, пока не одѣлся на половину, и вдругъ громко расхохотался.

— Что такое, Франкъ? спросила жена въ растворенную дверь своей комнаты.

— Вотъ такъ штука! Постои, сначала пообѣдаемъ, а потомъ покажу.

Читатель, однако, можетъ быть совершенно увѣренъ что мистрисъ Фенвикъ не дождавшись обѣда узнала въ чемъ состояла штука.

Письмо епископа къ викарію было очень коротко и очень разсудительно, и оно разсмѣшило викарія, но въ него важено было письмо маркиза.

„Дорогой мистеръ Фенвикъ (писалъ епископъ), по зрѣломъ обсужденіи я рѣшился послать вамъ прилагаемое письмо. Я поступаю такъ потому что взялъ себя за правило всякое полученное мною обвиненіе противъ одного изъ лицъ подвѣдомственнаго мнѣ духовенства препровождать къ обвиняемому. Вы, конечно, увидите сами что тутъ рѣчь идетъ о вещахъ мнѣ неподсудныхъ, но, можетъ-быть, вы позволите мнѣ, какъ другу, замѣтить вамъ что приходскому священнику всегда слѣдуетъ избѣгать столкновеній и ссоръ съ собѣдами, и въ особенности желательно быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ людьми имѣющими вліяніе въ приходѣ. Извините меня, если я прибавлю, что духъ воинственности, хотя, конечно, иногда производитъ много добра, можетъ однако повести къ дурному, если не сдерживать его.

„Не забудьте пожалуста что лордъ Тробриджъ человекъ достойный, вообще хорошо исполняющій свои обязанности, и въ правѣ требовать по отношенію къ себѣ, конечно, не угодливости, но во всякомъ случаѣ уваженія. Если вы почувствуете себя въ состояніи сказать мнѣ что не питаете досады на него за случившееся, я буду очень счастливъ.

„Вы обратите вниманіе что я съ намѣреніемъ не придалъ этому письму официальнаго характера.

„Вашъ искренно“ и т. д.

Отвѣтъ на это письмо былъ написанъ въ тотъ же вечеръ, но прежде мужъ съ женою подвергли маркиза Тробриджа не лестному обсужденію. Мистрисъ Фенвикъ въ этомъ случаѣ оказалась воинственнѣе мужа. Она не могла простить человеку который намекнулъ епископу что мужъ ея остается на мѣстѣ вслѣдствіе дурныхъ побужденій и что онъ не хорошій священникъ.

— Душа моя, возражалъ Фенвикъ, — чего же и ожидать отъ осла какъ не длинныхъ ушей.

— Я не ожидала прямой клеветы отъ маркиза Тробриджа, и на твоёмъ мѣстѣ такъ и сказала бы епископу.

— Я не скажу ему ничего подобнаго, а отзовусь о маркизѣ весьма сочувственно.

— Но вѣдь ты не сочувствуешь ему.

— Въ томъ-то и дѣло что сочувствую. У бѣднаго стараго гаупда нѣтъ никого кто направлялъ бы его какъ слѣдуетъ, и онъ дѣйствуетъ по крайнему своему разумѣнію. Нѣтъ сомнѣнія что я въ его глазахъ воплощеніе всего ужаснаго. Я нисколько не сержусь на него и завтра же обошелся бы съ нимъ такъ учтиво, какъ только могу, еслибъ онъ самъ былъ учтивъ со мною.

Затѣмъ онъ написалъ слѣдующее письмо, которымъ мы заключимъ сообщаемую корреспонденцію:

„Бугамптонскій приходъ, 29го октября, 186° г.

„Многоуважаемый лордъ-епископъ!

„Возвращаю письмо маркиза съ благодарностью. Могу увѣрить что принимаю какъ слѣдуетъ ваши указанія насчетъ моей воинственности и буду стараться воспользоваться ими.

„Жена говоритъ что я большой спорщикъ, и она, конечно, права.

„Что касается до лорда Тробриджа, то увѣряю васъ что я не чувствую на него ни малѣйшей досады, и не смотрю даже дурно на его жалобу. Мы съ нимъ, вѣроятно, расходимся во мнѣніяхъ почти обо всемъ, а онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей которые жалуютъ всѣхъ не соглашающихся съ ними по слѣпотѣ своей. При слѣдующей встрѣчѣ съ нимъ я буду вести себя такъ какъ будто письма этого не существовало и столкновения этого не было.

„Вы, надѣюсь, позволите мнѣ заявить что, помимо всякихъ иныхъ побужденій, я не скоро рѣшусь отказаться отъ прихода въ епархіи вашего преподобія. Такъ какъ ваше письмо ко мнѣ неофициальное, за что отъ души благодарю васъ, то я осмѣлился отвѣчать въ томъ же духѣ.

„Остаюсь, многоуважаемый лордъ-епископъ, вашимъ покорнымъ слугою

„Францисъ Февикъ.“

— Вотъ, сказалъ онъ, складывая письмо и подавая женѣ.— Окончанія переписки я не увижу. Я далъ бы шиллингъ чтобы узнать что напишетъ епископъ маркизу и золотой чтобы взглянуть на отвѣтъ маркиза.

Читателя мы не будемъ утомлять ни тѣмъ, ни другимъ,

такъ какъ онъ едва ли оцѣнилъ бы эти документы такъ высоко какъ викарій. Письмо епископа, въ сущности, не содер­жало въ себѣ ничего кромѣ увѣренія что Фенвикъ не ду­малъ оскорбить маркиза, и что такого рода дѣла епископа не касаются. Все это, конечно, было выражено съ истинно епископскою любезностью. Отвѣтъ маркиза былъ длиненъ, изысканъ и очень пышенъ. Онъ не то чтобы бравилъ епи­скопа, но выразилъ однако очень ясно мнѣнiе что англійская церковь гибнетъ оттого что у духовныхъ сановниковъ нѣтъ власти уничтожить окончательно какого-нибудь викарія, ко­торый позволилъ себѣ оскорбить такое лицо какъ маркизь Тробриджъ.

Но чтѣ было дѣлать съ Карри Бретанъ? Мистрисъ Фен­викъ, изливъ гнѣвъ свой на маркиза, не отрицала что во­просъ о положеніи Карри гораздо важнѣе для нихъ чѣмъ неудовольствіе благороднаго лорда. Какъ тутъ протянуть руку помощи и спасти эту заблудшую овцу? Фенвикъ въ не­обдуманномъ усердіи предложилъ взять ее къ себѣ въ домъ, но жена тотчасъ же поняла что такой шагъ опасенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ будетъ жить она? Чтѣ будетъ дѣлать? Чтѣ подумаетъ остальная прислуга?

— Чтѣ за дѣло остальной прислугѣ? спросилъ Фенвикъ.

Но въ такихъ вещахъ жена его умѣла настоять на своемъ, и это предположеніе было оставлено. Безъ сомнѣнія, самое приличное мѣсто для Карри отцовскій домъ, да отецъ-то ея такой неподатливый человекъ.

— Честное слово, говорилъ викарій, — это единственный человекъ на свѣтѣ котораго я самъ какъ будто боюсь. Съ нимъ я говорю не такъ какъ съ другими, и онъ, разумѣется, это знаетъ.

Однако, если можно было сдѣлать что-нибудь для Карри, такъ, казалось, не иначе какъ съ согласія и съ содѣйствіемъ отца.

— Это, наконецъ, прямая его обязанность, говорила мис­трисъ Фенвикъ.

— Не знаю, отвѣчалъ мужъ. — Я думаю, есть обстоятельства при которыхъ отецъ въ правѣ отрѣчься отъ дочери. Такое со­знаніе, безъ сомнѣнія, удерживаетъ многихъ отъ грѣха. На­до чтобъ отецъ могъ это сдѣлать и никогда въ дѣйствитель­ности не дѣлалъ. Таково ученіе которое всѣ мы проповѣ­дуемъ: строгость и угрозы предъ грѣхомъ, любовь, и

прощеніе когда грѣхъ совершенъ. Еслибы ты убѣжала отъ меня, Жанета....

— Франкъ, не смѣй говорить такихъ ужасовъ!

— Теперь я, пожалуй, стану увѣрять что, еслибы ты это сдѣлала, я бы тебя никогда на глаза къ себѣ не пустилъ, а между тѣмъ я знаю очень хорошо что погнался бы за тобой и сталъ бы умолять тебя вернуться ко мнѣ.

— Ты не сдѣлалъ бы ничего подобнаго, и говорить объ этомъ не смѣдуешь; я лягу спать.

— Очень трудно выпрямлять покривившееся, говорилъ себѣ викарій, ходя по комнатѣ, когда жена ушла.—Ее бы, кажется, слѣдовало помѣстить въ исправительный домъ, но она, я знаю, не согласится, да и я не рѣшусь уговаривать-ее послѣ того что она сказала.

По всей вѣроятности, мистеръ Фенвикъ лучше бы исполнилъ свою обязанность, еслибы къ милосердію его примѣшивалось больше строгости къ грѣшнику.

XXVII. Я никогда не срамилъ никого.

„Надо, однако, немедля сдѣлать что-нибудь для Карри Бретль.“ Викарій чувствовалъ что онъ обязанъ принять какія-либо мѣры для ея благополучія, и обдумывая, онъ приходилъ къ убѣжденію что только двѣ такія мѣры возможны. Можно поговорить за нее съ отцомъ, или можно помѣстить ее въ исправительный домъ, гдѣ бы ее удерживали отъ зла и учили добру. Последнее было бы лучше и, безъ сомнѣнія, легче для него самого. Но ему представлялось что онъ нѣкоторымъ образомъ общалъ дѣвушкѣ не дѣлать этого; да она бы, навѣрное, и не согласилась. Не зная на что рѣшиться, онъ отправился къ другу своему Джильмору посоветоваться. Онъ засталъ сквайра съ дадею и тотчасъ же заговорилъ о своемъ дѣлѣ.

— Ничего вы не сдѣлаете, мистеръ Фенвикъ, сказалъ мистеръ Чамберленъ, прослушавъ съ полчаса бесѣду друзей.

— Такъ, по-вашему, не смѣдуешь и пытаться?

— По-моему, подобныя попытки, никогда ни къ чему не ведутъ.

— Такъ надо, слѣдовательно, предоставить всемъ несчастнымъ гибнуть по собственному усмотрѣнію.

— Безполезно, мнѣ кажется, разсматривать отдѣльный случай какъ исключеніе. Такой взглядъ происходитъ отъ увлеченія, а увлеченіе никогда не принеситъ пользы.

— Какъ же прикажете помочь такимъ несчастнымъ какъ эта бѣдная дѣвушка? спросилъ настоятель.

— Есть исправительные дома и пріюты, и очень похвально, конечно, жертвовать на нихъ деньги, отвѣчалъ стипендіатъ.— Это вопросъ такой сложный что нельзя легко разрешить его. Генри, гдѣ послѣдній номеръ *Quarterly Review*?

— Я не получаю.

— Да, я забылъ, сказалъ мистеръ Чамберленъ, улыбаясь привѣтливо.

Затѣмъ онъ взялъ *Saturday Review* и постарался довольствоваться ею.

Джильморъ и Фенвикъ пошли на мельницу вмѣстѣ. Условлено было что сквайръ тамъ не покажется. Трудное дѣло предстоявшее Фенвику могло быть сдѣлано лишь наединѣ. Надо проникнуть въ логовище льва и приступить къ нему безъ посторонней помощи. Джильморъ полагалъ что дѣлать этого вовсе не слѣдовало.

— Онъ только накинется на васъ, и пользы никакой не будетъ, говорилъ онъ.

— Не съѣстъ же онъ меня, отвѣчалъ Фенвикъ, сознаваясь однако что приступаетъ къ этому дѣлу со страхомъ и трепетомъ.

Недалеко еще отошли они отъ дому какъ Джильморъ перебилъ разговоръ и вернулся къ своему горю. Онъ еще не отвѣчалъ на письмо Мери и теперь объявилъ что не намеренъ отвѣчать. Чтò сказать ей? Не увѣрять же ее въ дружбѣ; не поздравленіе же подносить, не лгать же на себя, разыгрывая равнодушіе. Она предпочла другаго и такъ и сказала. Къ чему же описывать ей причиненныя ею страданія?

— Я уничтожу хозяйство и уѣду отсюда, сказалъ Джильморъ.

— Не дѣлайте этого опрометчиво, Гарри. Нигдѣ на свѣтѣ не можете вы быть такимъ полезнымъ дѣятелемъ какъ здѣсь.

— Вся моя дѣятельность истощилась. Я не дорожу ни мѣстомъ, ни людьми. Я уже боленъ, и скоро буду еще больнѣе. Кажется, я поѣду за границу лѣтъ на пять, а пожалуй и въ Соединенные Штаты.

— Надѣсть вамъ тамъ.

— Конечно надѣсть. Все мнѣ надѣдаетъ. Я думаю, никто не можетъ такъ надѣсть какъ мой дядя, однако я со страхомъ думаю объ его отъѣздѣ, о томъ какъ останусь одинъ. Мнѣ представляется что въ Скалистыхъ горахъ не такъ будетъ думаться.

— Черная забота сидитъ за всадникомъ, сказалъ викарій.— Не знаю, поможетъ ли вамъ путешествіе. Одно только нѣжное поможетъ.

— Что же такое.

— Работа. Какой-то врачъ сказалъ своему больному что если онъ будетъ жить на полкрону въ сутки и зарабатывать ее, то скоро будетъ здоровъ. Я убѣжденъ что это же самое средство помогаетъ и отъ душевныхъ болѣзней. Вы не можете зарабатывать полкроны, но работать можете.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Читайте, копайте, стрѣляйте, занимайтесь фермою и молитесь Богу. Не давайте себѣ времени думать.

— Ученіе хорошее, только не думаю чтобъ оно вело къ счастью. Ну, здѣсь я съ вами разстанусь.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ пошелъ поработать въ саду.

— Можетъ-быть я и пойду. Знаете, мнѣ хочется съѣздить въ Лорингъ.

— Что вамъ тамъ дѣлать?

— Узнать негодяй этотъ человекъ или нѣтъ. Мнѣ кажется что негодяй. Дядя знаетъ немножко отца и говоритъ что нѣтъ хуже мошенника.

— Не знаю къ чему бы это повело, Гарри, сказалъ викарій.

Они разстались.

Фенвику оставалось съ полмили до мельницы, и онъ жалѣлъ что не полторы. Онъ зналъ что на мельницѣ запрещено всѣмъ безъ исключенія говорить со старикомъ о его дочери. Съ матерью священникъ часто говорилъ и зналъ какъ ей горько что она не смѣетъ произнести при мужѣ имя Гарри. Онъ проклялъ свою дочь и поклялся что она на вѣки будетъ всѣмъ имъ чужая. Она причинила ему горе и стыдъ, и онъ отвергъ ее съ твердою рѣшимостью не поддаваться малодушной слабости. Знавшіе мельника коротко были убѣждены что онъ сдержитъ слово, и до сихъ поръ както не осмѣливался заговорить при отцѣ о погибшей дочери. Все

это мистеръ Феввикъ зналъ, зналъ также что мельникъ свирѣль и грозенъ когда разсердится. Онъ говорилъ женьѣ что старый Бретль единственный человекъ на свѣтѣ съ которымъ ему страшно говорить прямо, и выразилъ только чувство общее воимъ жителямъ Булгамптона. Мистеръ Пудельгамъ былъ человекъ весьма навазчивый, и однажды онъ осмѣлился зайти на мельницу поговорить, не о Карри, а о какомъ-то юношекомъ простукѣ Сема. Съ тѣхъ поръ онъ не подходилъ уже къ мельницѣ и содрогался, и поднималъ къ небу глаза и руки всякій разъ какъ произносилось имя мельника. Нелто чтобы Бретль ругался или выходилъ изъ себя, но въ немъ была какая-то мрачная суровость, какая-то сила, предъ которою нападавшіе падали духомъ и отступали какъ побитые. Мистера Феввика, правда, всегда хорошо принимали на мельницѣ. Женщины очень любили его и дорожили его посѣщеніями. Съ самаго пріѣзда своего въ приходъ онъ вступилъ съ ними въ короткія отношенія, хотя старикъ никогда не ходилъ въ церковь. Бретль самъ обращался съ ними привѣтливѣе чѣмъ съ хозяиномъ, который могъ когда угодно выгнать его изъ мельницы. Но и Феввикъ получалъ не разъ такіе отвѣты что уходилъ сравнивая себя невольню съ поджавшею хвостъ собаченкой.

„Не съѣсть же онъ меня“, говорилъ онъ себѣ, какъ стали показываться низкія ивы вокругъ мельницы.

Когда человекъ говоритъ себѣ что его не съѣдятъ, какъ это нерѣдко случается, то почти всегда можетъ быть увѣренъ что его съѣдятъ непременно.

Подобая къ мельницѣ, Феввикъ увидѣлъ что она въ ходу. Джимльморъ предупредилъ его объ этомъ, такъ какъ, по отчетамъ, перестройка была почти окончена. Викарій былъ увѣренъ что, послѣ долгаго времени невольной праздности, Бретль постоянно на мельницѣ, однако онъ вошелъ сначала въ домъ, и тамъ нашелъ мистрисъ Бретль и Фанни. Даже съ ними ему было какъ-то неловко, однако удалось предложить нѣсколько вопросовъ о Семѣ. Семъ вернулся и теперь на работѣ; но съ отцомъ онъ сильно побранился. Старикъ пожелалъ знать гдѣ былъ сынъ. Семъ не хотѣлъ сказать и объявлялъ что, если его будутъ допрашивать, такъ онъ вовсе уйдетъ изъ дому. Отецъ отвѣчалъ что туда ему и дорога. Семъ не ушелъ, но съ тѣхъ поръ они, работая вмѣстѣ, ни слова другъ другу не сказали.

— Мнѣ его нужно видѣть, сказалъ мистеръ Фенвикъ.

— То-есть, Сема? спросила мать.

— Нѣтъ, отца. Я выйду на дорогу, а вы, Фанни, попросите его пожалуста выйти ко мнѣ.

Мистрисъ Бретль тотчасъ же испугалась и стала заглядывать въ лицо священника кроткими, молящими, полными слезъ глазами. Въ послѣднее время уже столько было у нея горя.

— Успокойтесь, бѣды не случилось никакой, сказалъ настоятель.

— Я думала что вы слышали что-нибудь о Семѣ.

— Изъ того что слышалъ я еще болѣе убѣдился что онъ не причастенъ къ преступленію совершенному на Тромбуловъ фермѣ.

— Слава тебѣ, Господи! сказала мать, взявъ священника за руку.

Затѣмъ Фанни пошла на мельницу, и Фенвикъ вышелъ за нею на дорогу. Онъ стоялъ прислонясь къ дереву, пока старикъ подошелъ къ нему. Тутъ онъ пожалъ мельнику руку и сказалъ что-то о мельницѣ.

— Сегодня начали работать рано, сказалъ мельникъ.— Семѣ опять уходилъ, а то можно бы начать еще вчера.

— Не сердитесь на него, онъ ходилъ за хорошимъ дѣломъ, сказалъ викарій.

— За хорошимъ ли, за дурнымъ ли, я не знаю.

— Я знаю и, если желаете, скажу вамъ. Но сначала надо мнѣ поговорить съ вами о другомъ. Пройдемтесь немного по аллеѣ, мистеръ Бретль.

Настоятель, неудачно стараясь соединить твердость съ торжественностью, началъ, безъ намѣренія, говорить такимъ тономъ какъ будто собирался сдѣлать выговоръ. Мельникъ тотчасъ же оскорбился.

— Зачѣмъ мнѣ идти по аллеѣ? У меня теперь много дѣла, мистеръ Фенвикъ.

— Дѣло, о которомъ я хочу говорить съ вами, важнѣе. Ради Бога, мистеръ Бретль, ради жены и дѣтей вашихъ, подарите мнѣ десять минутъ.

Онъ замолчалъ и пошелъ по аллеѣ, Бретль шелъ съ нимъ рядомъ.

— Другъ мой, я видѣлъ вашу дочь.

— Какую дочь? спросилъ мельникъ, останавливаясь.

— Вашу дочь Карри, мистеръ Бретль.

Старикъ отвернулся и ушелъ бы на мельницу, не сказавъ ни слова, но викарій удержалъ его за платье.

— Если вы считали меня когда-нибудь другомъ вашимъ и вашего семейства, такъ выслушайте меня.

— Развѣ я хожу къ вамъ въ домъ растревлять ваше горе? Пустите!

— Мистеръ Бретль, вамъ стоить протянуть руку, и вы спасете ее. Она ваша дочь, ваша кровь. Подумайте какъ легко молодой дѣвушкѣ пасть, какъ великъ соблазнъ, какъ неизвестно скрытое впереди несчастье, какъ ничтоженъ грѣхъ, какъ ужасно наказаніе. Ваши друзья, мистеръ Бретль, прощали вамъ грѣхи болѣе тяжкіе нежели тотъ который она совершила.

— Я никогда не срамилъ никого, отвѣчалъ мельникъ, порываясь назадъ на мельницу.

— Такъ вотъ что, собственная ваша обида, а не ея грѣхъ, дѣлаютъ васъ неумолимымъ къ родной дочери! Вы хотите дать ей погибнуть на улицѣ не за то что она пала, а за то что повредила вамъ своимъ паденіемъ! Можетъ ли отецъ, можетъ ли человѣкъ такъ поступать? Опомнитесь, мистеръ Бретль, и дайте волю влеченію своего сердца.

Между тѣмъ мельникъ вырвался и, въ гнѣвномъ молчаніи, большими шагами шелъ къ мельницѣ. Викарій, сознавая что внимательство его было совершенно бесполезно, что раздраженіе и упорство старика недоступны убѣжденіямъ, стоялъ на мѣстѣ, не рѣшаясь даже вернуться въ домъ и сказать нѣсколько словъ оставшимся тамъ женщинамъ. Однакоже наконецъ пошелъ туда. Онъ зналъ что Бретль не покажется въ домъ, пока не пройдетъ его теперешнее настроеніе. Послѣ гнѣвнаго разговора съ кѣмъ-нибудь онъ уходилъ и молча работалъ поддня, и потомъ почти никогда не упоминалъ о причинѣ своей досады. Объ этомъ разговорѣ онъ никогда не упоминаетъ, думалъ викарій, но помнить онъ его будетъ всегда, и, можетъ-быть, не захочетъ болѣе говорить съ человѣкомъ такъ глубоко оскорбившимъ его.

Подумавъ минуту, онъ рѣшилъ сказать мельничихѣ, сообщилъ и Фяни, что видѣлъ Карри въ Пикрофтской общинѣ. Не трудно вообразить распросы матери: что подѣлываетъ ея дочь, какъ живетъ, здорова ли, счастлива ли, или несчастлива?

— Кажется, къ сожалѣнію, несчастлива.

— Бѣдная моя Карри!

— Я бы и не желалъ чтобъ она была счастлива пока не вернется къ приличной жизни. Какъ намъ вернуть ее?

— Придетъ она сюда, если ее примутъ? спросила Фанни.

— Я думаю, придетъ; придетъ, повѣрьте.

— Что жъ онъ сказалъ, мистеръ Феввикъ? спросила мать. Викарій только покачалъ головой.—Онъ очень добръ; онъ насъ очень любитъ, но, ахъ, мистеръ Феввикъ, ужь очень онъ строгъ.

— Онъ не позволяетъ вамъ говорить о ней?

— Ни слова, мистеръ Феввикъ.—Онъ иной разъ такъ посмотритъ что взглядъ его падаетъ на васъ словно ударъ. Я не смѣю говорить, и Фанни тоже, хотя она съ нимъ смѣлѣе чѣмъ всѣ мы.

— Еслибъ была польза, я стала бы говорить, сказала Фанни.

— Нельзя ли мнѣ повидаться съ ней, мистеръ Феввикъ? Нельзя ли съѣздить съ вами? Я бы вышла послѣ завтрака на дорогу, онъ бы ничего и не зналъ; а потомъ онъ спрашивать не станетъ. Какъ ты думаешь, Фанни?

— За обѣдомъ спросить. Но если я скажу что вы уѣхали на весь день съ мистеромъ Феввикомъ, тѣмъ, вѣроятно, и кончится. Онъ, конечно, догадается куда вы поѣхали.

Мистеръ Феввикъ сказалъ что подумаетъ объ этомъ и уведомить Фанни въ слѣдующее воскресенье. Сразу обѣщать онъ не хотѣлъ, да и во всякомъ случаѣ нельзя ему будетъ ѣхать раньше воскресенья. Прежде чѣмъ согласиться на такую поѣздку, онъ считалъ нужнымъ посоветоваться съ женой. Затѣмъ онъ простился и, уходя, увидѣлъ мельника въ дверяхъ мельницы. Онъ махнулъ ему рукой и сказалъ: „До свиданья!“ но мельникъ поспѣшно повернулся къ нему спиною и ушелъ въ мельницу. Подходя къ своему дому, онъ встрѣтилъ мистера Пудельгама.

— Семъ Бретъ опять выкинулъ штуку, оказалъ проповѣдникъ диссентеровъ.

— Какую штуку, мистеръ Пудельгамъ?

— Исчезъ безъ слѣда; ушелъ за границу.

— Кто это вамъ оказалъ, мистеръ Пудельгамъ?

— Развѣ это не правда, мистеръ Феввикъ? Вамъ слѣдуетъ знать, такъ какъ вы одинъ изъ поручителей.

— Я сейчасъ былъ на мельницѣ и не видалъ его.

— Я думаю, вы уже никогда не увидите его ни на мельницѣ, ни въ Булгамтонѣ, развѣ полиція приведетъ его.

— Я не видалъ его сегодня, потому что не входилъ въ мельницу, но онъ въ эту минуту тамъ работаетъ. Тамъ все въ порядкѣ, мистеръ Пудельгамъ. Зайдите побесѣдовать съ нимъ, или съ отцомъ, и вы увидите что они устроились отлично.

— Констебль Гуксъ сказалъ мнѣ что онъ бѣжалъ, отозвался мистеръ Пудельгамъ, уходя въ большомъ неудовольствіи.

Мистрисъ Фенвикъ высказалась въ пользу второй поѣздки въ Пикрофтскую общину. Матери, по ея мнѣнію, непременно слѣдовало повидаться съ дочерью. Она никакъ не могла примириться съ мыслью о непреклонности мельника. Я бы на мѣстѣ мистрисъ Бретль оттаскала старика за уши и заставила бы его уступить.

— Пойди, попробуй, сказалъ викарій.

Въ слѣдующее воскресенье Фанни было сказано что въ среду Фенвикъ повезетъ ея мать въ Пикрофтскую общину. Онъ не сомнѣвался что Карри по-прежнему живетъ съ мистрисъ Борроусъ. Онъ объяснилъ что старухи въ его пріѣздѣ, по счастью, не было дома, а теперь они ее, вѣроятно, застанутъ. Съ этимъ дѣлать нечего. Условились обо всемъ. Мистеръ Фенвикъ обѣщалъ выѣхать въ десять часовъ въ таратайкѣ къ воротамъ Джильмора, гдѣ мельничиха должна была его встрѣтить.

XXVIII. Поѣздка мистрисъ Бретль.

Мистрисъ Бретль сидѣла у изгороди, противъ воротъ мистера Джильмора, когда къ ней подѣхалъ мистеръ Фенвикъ. Бѣдная старушка ждала тамъ уже съ полчаса. Ей казалось что ей понадобится теперь вдвое больше времени чѣмъ прежде чтобы прибыть сюда, и она боялась заставить викарія ждать. Она надѣла свое праздничное платье и чепецъ, и когда усѣлась на свободное мѣсто, позади своего друга, ея положеніе казалось ей такимъ неловкимъ что она не осмѣливалась открыть ротъ. Онъ сказалъ ей нѣсколько словъ, но не беспокоилъ ее вопросами, понимая причину ея замѣшательства. Онъ размышлялъ что между всѣми его прихожанами нѣтъ двухъ другихъ столь противоположныхъ другъ другу людей какъ мельникъ и его жена. Онъ такъ грубъ и упрямъ, она такъ покорна и кротка. Все, однако,

говорятъ что Бретль нѣжный и любящій мужъ. Страхъ мистрисъ Бретль, внушенный ей лошадыю, экипажемъ и невольностью ея положенія, понемногу прошелъ, и она заговорила о своей дочери. Она везла съ собой маленькій узелокъ, желая помочь дочери нѣкоторыми необходимыми вещами, и много извинялась за этотъ узелокъ. Фенвикъ вспомнилъ какъ Карри говорила ему что у ней есть еще деньги, но такъ какъ онъ былъ увѣренъ что убійцы, совершивъ злодѣяніе, отправились въ Пикрофтскую общину, то затруднился оказать мистрисъ Бретль что дочь ея ни въ чемъ не нуждается. Сынъ обвинялся въ убійствѣ, и викарій почти не сомнѣвался что дочь живетъ награбленнымъ.

— Трудно ей жить съ такою старухой, мистеръ Фенвикъ, сказала мистрисъ Бретль.—Можетъ-быть, еслибъ я привезла ей чего-нибудь съѣстнаго....

— Не думаю, чтобъ она въ этомъ нуждалась, мистрисъ Бретль.

— Не нуждается? Страшно однако подумать откуда у ней берутся средства. Да сжалятся надъ ней Господь и поможетъ ей.

— Аминь, сказалъ викарій.

— А также ли она весела и добра какъ прежде. Она была самою веселою и доброю дѣвушкой во всемъ Булгамптонѣ, какъ мнѣ казалось. Она, я думаю, потеряла свой прежній характеръ, мистеръ Фенвикъ?

— Мнѣ показалось что она мало измѣнилась.

— Возможно ли это, мистеръ Фенвикъ? И она не показалась вамъ печальною, или неряхой?

— Она, кажется, была одѣта довольно опрятно. Вамъ было бы непріятно еслибъ я сказалъ что она показалась мнѣ счастливою?

— Можетъ быть непріятно; я не должна желать этого, не такъ ли? Но я дала бы отсѣчь себѣ лѣвую руку, мистрисъ Фенвикъ, чтобы сдѣлать ее опять счастливою и веселою. Это, можетъ-быть, потому что я мать, но голосъ ея я всегда считала самою пріятною музыкой. Никогда уже онъ не будетъ такъ звученъ какъ прежде, мистеръ Фенвикъ?

Онъ не могъ отвѣтить ей утвердительно. Сдѣлавшаяся святою грѣшница, о которой онъ напомнилъ мистеру Пудельгаму, хотя и вошла въ милость Господа, однако никогда уже не воротила веселой младенческой невинности. Голосъ Карри

Бретль, который такъ нравился ея матери, дѣйствительно, уже никогда не будетъ такъ звученъ какъ прежде.

— Если намъ удастся вернуть ее домой, она будетъ вамъ доброю дочерью, сказалъ онъ.

— А я буду ей доброю матерью. Но, мнѣ кажется, этому не бывать. Я не знаю ни одного примѣра чтобъ онъ измѣнилъ свое рѣшеніе въ подобномъ дѣлѣ. Онъ тогда такъ принялъ это къ сердцу что это его едва не убило. Еслибъ онъ не вытрясъ немного своего гнѣва, поколотивъ того негодая, онъ не пережилъ бы этого.

И опять викарій остановился у Лысаго Оленя и пошелъ по проселочной дорогѣ. Онъ предложилъ старушкѣ руку, но она отказалась принять ее, и никакими просьбами нельзя было уговорить ее передать ему свой узелокъ. Она говорила что это поставитъ ее въ ужасно неловкое положеніе, и онъ оставилъ ее въ покоѣ. Она увѣряла что нисколько не устала и что двѣ мили, которыя она прошла, равняются ея воскресному пути въ церковь и обратно. Однако, когда они подходили къ дому, у нея захватило духъ, и она попросила остановиться на минуту.

— Можетъ-быть, моей дочери пріятнѣе было бы еслибъ я ее не тревожила, сказала она.

Викарій взялъ ее подъ руку и повелъ дальше, и желая утѣшить ее, говорилъ ей что, когда она обниметъ свою дочь, Карри будетъ на верху блаженства.

— Обнять мнѣ ее, мистеръ Фенвикъ? Я не скажу ей ни одного слова упрека, по крайней мѣрѣ сегодня. И зачѣмъ мнѣ укорять ее? Она, я думаю, и сама все чувствуетъ.

— Надѣюсь, мистрисъ Бретль.

Они подошли къ двери коттеджа, и викарій постучалъ. Не послѣдовало никакого отвѣта, но то же самое было когда онъ приходилъ въ первый разъ. Онъ зналъ что въ подобномъ хозяйствѣ неудобно впускать всякаго посѣтителя прямо, безъ предварительнаго осмотра. Онъ постучалъ во второй разъ, но опять никто не отвѣчалъ. Онъ попробовалъ отворить дверь, но оказалось что она заперта.

— Она, можетъ-быть, видѣла какъ я шла и не хочетъ впускать меня, сказала мать.

Викарій обошелъ вокругъ домика и удостовѣрился что и задняя дверь заперта. Онъ заглянулъ въ одно изъ переднихъ оконъ и увидѣлъ что въ домѣ, по крайней мѣрѣ въ

кухнѣ, никого не было. Была еще одна комната на верху, но и въ ней окно было затворено.

— Я начинаю бояться что никого нѣтъ дома, сказалъ викарій.

Въ эту минуту онъ услышалъ женскій голосъ въ соседнемъ домѣ, то-есть въ одномъ изъ двухъ кирпичныхъ строеній стоявшихъ рядомъ, и женщина сказала ему что мистрисъ Борроусъ ушла въ Девизъ и, кажется, не воротится раньше вечера. Онъ спросилъ о Карри, но назвалъ ее не по имени, а молодою женщиною которая живетъ съ мистрисъ Борроусъ.

— Молодой мущина пріѣзжалъ въ субботу и увезъ ее въ Лондонъ, сказала женщина.

Фенвикъ хорошо слышалъ ея слова, но мистрисъ Бретль не слыхала. Онъ не имѣлъ причины не вѣрить словамъ женщины, и всѣ его надежды на спасеніе бѣдной дѣвушки сразу рушились. Первымъ его чувствомъ была досада на нее за то что она не сдержала слова. Она говорила ему что не уѣдетъ раньше какъ черезъ мѣсяцъ, и во всякомъ случаѣ не уѣдетъ не давъ ему знать объ этомъ, а никакой проступокъ, никакой порокъ не оскорбляетъ насъ до такой степени какъ обманъ или неблагодарность въ отношеніи къ намъ. И потомъ какое ужасное извѣстіе! Она воротилась къ безвыходному пороку и неправдѣ. На сколько онъ могъ догадаться по извѣстіямъ полученнымъ изъ различныхъ источниковъ, этотъ молодой человекъ былъ сообщникъ Точильщика въ убійствѣ и грабежѣ.

— Она уѣхала, мистрисъ Бретль, сказалъ онъ самымъ горестнымъ тономъ.

— Куда же она уѣхала, мистеръ Фенвикъ? Нельзя ли мнѣ ѣхать за ней?

Онъ только покачалъ головой и, взявъ ее подъ руку, пошелъ въ обратный путь.

— Развѣ они ничего не знаютъ о ней, мистеръ Фенвикъ?

— Она уѣхала, и вѣроятно, въ Лондонъ. Забудемъ о ней, по крайней мѣрѣ хотъ на время. Я могу только сказать что мнѣ очень, очень досадно что я привезъ васъ сюда.

Безмолвно и печально совершился обратный путь въ Булгамптонъ. Мистрисъ Бретль ожидало впереди затрудненіе объяснить мужу свою поѣздку и печальную истину что поѣздка была напрасная. Что же касается Фенвика, онъ досадо-

валъ на свой прошлый энтузіазмъ къ молодой дѣвушкѣ. И такъ мистеръ Чамберленъ былъ правъ. Она уѣхала какъ только узнала что друзьямъ извѣстно ея мѣстопробываніе и положеніе. Ей нѣтъ дѣла до участія ея друга священника, до разказовъ о домѣ гдѣ протекло ея дѣтство, до грязи и порочности той жизни которую она вела. Когда онъ заговорилъ о томъ что ей надо воротиться къ честной жизни, она скрылась отъ него и бросилась въ порокъ, который для нея имѣеть привлекательность. Онъ позволилъ себѣ вѣрить что, несмотря на ея испорченность, она можетъ сдѣлаться опять честною, и вотъ какая ему за это награда! Онъ высадилъ бѣдную женщину на томъ самомъ мѣстѣ на которомъ взялъ ее, не сказавъ ей почти ни слова, и печально поѣхалъ домой.

— Самое лучшее поступать какъ ея отецъ и никогда не произносить ея имени, сказалъ онъ женѣ.

— Но что же она сдѣлала, Франкъ?

— Воротилась къ той жизни которая ей, вѣроятно, болѣе нравится. Хоть сегодня, по крайней мѣрѣ, не будемъ говорить объ этомъ. У меня сжимается сердце когда я о ней вспоминаю.

Мистрисъ Бретль, пробираясь близъ изгороди примыкавшей къ ихъ дому, увидѣла мужа, который стоялъ у двери мельницы. Сердце ея упало. Онъ не шевельнулся, но стоялъ не спуская съ нея глазъ. Она надѣялась войти въ домъ не замѣченною и узнать отъ Фанни что произошло въ ея отсутствіе, но она чувствовала себя столь виноватою что не осмѣливалась войти въ домъ. Не лучше ли прямо подойти къ нему и попросить прощенія за свой поступокъ? Когда онъ наконецъ окликнулъ ее, голосъ его былъ для нея облегченіемъ.

— Гдѣ ты была, Меджи? спросилъ онъ.

Она подошла къ нему, положила руку на его плечо и покачала головой.

— Иди лучше домой, сиди спокойно и жди что пошлетъ Господь, сказалъ онъ.—Что пользы таскаться впадъ и впередъ?

— Сегодня это не принесло никакой пользы, сказала она.

— И никогда не принесетъ, добавилъ онъ.

И болѣе ни одного слова не было объ этомъ сказано между ними. Она вошла въ домъ, отдала Фанни узелъ, сѣла на кровать и заплакала.

На слѣдующее утро Фенвикъ получилъ слѣдующее письмо:

„Лондонъ. Воскресенье.

„Многоуважаемый сэръ!

„Я обѣщала написать вамъ если мнѣ надо будетъ уѣхать, но я принуждена была уѣхать не написавъ, потому что въ домѣ нельзя было писать. Мы побранились съ мистрисъ Борроусъ, и я боялась что она обокрадетъ меня, или сдѣлаетъ что-нибудь еще хуже. Она дурная женщина, я не могла больше выносить ея, и пріѣхала сюда потому что у меня не было мѣста гдѣ я могла бы провести ночь. Я должна написать вамъ объ этомъ, хотя не вижу отъ этого никакой пользы.

„Я послала бы мое почтеніе отцу и матери, еслибы снѣла. Я желала выйти изъ моего положенія, но знаю что онъ убилъ бы меня. Я послала бы также мое уваженіе мистрисъ Фенвикъ, но я недостойна произносить ея имя, и мою любовь сестрѣ Фанни. Я уѣхала сюда, и здѣсь буду ждать смерти.

„Ваша покорная и несчастная Карри.“

„P. S. Хотя горе ни къ чему не послужитъ, но никому такъ не горько какъ мнѣ, и никто такъ не несчастливъ какъ я. Я пробовала молиться, но послѣ молитвы мнѣ дѣлалось еще стыднѣе. Еслибы можно было убѣжать куда-нибудь, я убѣжала бы.“

XXIX. „Негоціантъ“ въ Лорингѣ.

Джильморъ сказалъ своему другу Фенвику что у него есть два намѣренія: отправиться путешествовать лѣтъ на пять, и посѣтить Лорингъ. Фенвикъ совѣтовалъ ему не дѣлать ни того ни другаго, а остаться дома, работать и молиться. Но въ подобныхъ случаяхъ совѣты друзей не принимаются, и Джильморъ, когда мистеръ Чамберленъ уѣхалъ, рѣшилъ, во что бы то ни стало, отправиться въ Лорингъ. Въ воскресенье утромъ онъ пошелъ въ церковь и намѣревался сказать мистрисъ Фенвикъ о своемъ рѣшеніи, но что-то задержало ее въ церкви, и онъ ушелъ не сказавъ ей ни слова. Первую половину слѣдующей недѣли онъ провел не сдѣлавъ шагу изъ своихъ владѣній, и въ продолженіи этихъ трехъ дней онъ разъ шесть мѣнялъ свои намѣренія. Наконецъ въ четвергъ онъ уложилъ чемоданъ и отправился въ путь. Предъ тѣмъ какъ выйти изъ дому, онъ написалъ Фенвику строчку карандашомъ: „Я уѣзжаю въ Лорингъ. Г. Дж.“ Онъ оставилъ эту записку въ деревнѣ, на пути къ Востберійской станицѣ.

Онъ не могъ придумать никакой причины для своей поѣздки въ Лорингъ и не зналъ что будетъ дѣлать или говорить когда прійдетъ туда. Онъ разъ сто повторилъ себѣ что дальнѣйшая навязчивость къ молодой дѣвушкѣ была бы недостойнымъ униженіемъ и сознавалъ что для человѣка нѣтъ болѣе смѣшнаго положенія какъ положеніе безнадежно влюбленнаго. Мущина обязанъ принять отказъ женщины, перевести его какъ можетъ и не возражать противъ него. Такъ обязанъ онъ поступать когда знаетъ что рѣшеніе ея окончательное, а нѣтъ болѣе несомнѣннаго доказательства неизмѣнности этого рѣшенія, какъ сдѣланное ею признаніе что она предпочитаетъ другаго. Все это зналъ Джильморъ, но не могъ отказаться отъ надежды что колесо фортуны повернется въ его пользу. До него дошли неясные слухи что капитанъ Маррабель, его соперникъ, опасный человѣкъ. Дядя съ увѣренностью говорилъ ему что отецъ капитана очень дурной человѣкъ, а насчетъ сына сдѣлалъ нѣсколько неблагоприятныхъ для него намековъ, значеніе которыхъ Джильморъ въ своемъ безпокойствѣ все усиливалъ, такъ что, наконецъ окончательно убѣдился что дѣвушка, которую онъ любитъ, отдаетъ себя отъявленному негодю. Не можетъ ли онъ сдѣлать чего-нибудь, если не для себя, то для нея? Нѣтъ ли возможности избавить ее отъ опасности? Что если онъ откроетъ какой-нибудь ужасный обманъ? Не смягчится ли она къ нему въ своей благодарности? Ему почему-то казалось что этотъ негодяй уже женатъ. Очень вѣроятно что такой человѣкъ опутанъ неоплатными долгами. Что же касается до его состоянія, то мистеръ Чамберленъ уже увѣрилъ его что оно равняется нулю. Оно ушло все до послѣдняго шиллинга на уплату долговъ отца и сына. Люди подобные мистеру Чамберлену почерпаютъ свои свѣдѣнія изъ такихъ источниковъ которые кажутся чудесными людямъ ведущимъ болѣе удивительную жизнь, и источники не теряютъ своей чудесности, когда свѣдѣнія, по обыкновенію, оказываются ложными. Такимъ образомъ Джильморъ пришелъ къ убѣжденію что Мери Лоутеръ готова принести себя въ жертву человѣку недостойному ея, и онъ приучилъ себя не думать, но вѣровать, что можетъ спасти ее. Люди знавшіе его сказали бы что онъ неспособенъ поддаться романической мечтѣ. Но и у него были свои романическія мысли, развѣвшіяся въ его умѣ до той же степени какъ у древнихъ рыцарей отправлявшихся

спасать злополучныхъ дѣвушекъ. Если онъ можетъ спасти ее, онъ это сдѣлаетъ, но крайней мѣрѣ попытается сдѣлать, хотя бы ему пришлось погибнуть чрезъ эту попытку. И почему же ему не надѣяться заслужить ту награду которую по обыкновенію получали другіе рыцари? Надежда на успѣхъ его попытки, конечно, очень сомнительна, но что для него весь міръ безъ этой надежды?

Онъ еще никогда не былъ въ Лорингъ. Онъ повѣхалъ въ Чиппингамъ и Свиндонъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Лорингъ. У него не было никакого опредѣленнаго плана дѣйствій, но онъ намѣревался сходить къ миссъ Маррабель, выбравъ, если будетъ возможно, такое время когда Мери Лоутеръ не будетъ дома, и узнать отъ старушки о положеніи дѣла. Онъ уже давно, еще въ началѣ лѣта, узналъ что миссъ Маррабель расположена въ его пользу. Онъ также слышалъ что у Маррабелей были семейныя ссоры, и у Фенвика при немъ сорвалось одно слово, изъ котораго онъ заключилъ что миссъ Маррабель не совсѣмъ нравилась бракъ въ который готова была вступить ея племянница. Не доказывало ли все это что капитанъ Маррабель самая нежеланная особа.

Когда онъ пріѣхалъ въ Лорингъ, ему представилась необходимость озаботиться о ночлегѣ. У станціи стояли два омнибуса, и два служителя изъ двухъ гостиницъ наперерывъ старались овладѣть его дорожнымъ мѣшкомъ. „Драгонъ“ и „Негоціантъ“ дрались за него. Лотоунскій „Негоціантъ“ былъ промышленникъ и богачъ, а опгильскій „Драгонъ“ аристократъ, преданный политическимъ стремленіямъ. Старанія „Негоціанта“ превозмогли. „Вы, кажется, намѣрены отнять у джентльмена его собственность“, съ негодованіемъ оказалъ сауга „Негоціанта“ и вырвалъ собственность мистера Джильмора изъ рукъ своего естественнаго врага, предварительво усадивъ самого мистера Джильмора въ свой омнибусъ. Еслибы мистеръ Джильморъ узналъ что „Драгонъ“ стоялъ рядомъ съ домомъ миссъ Маррабель, а „Негоціантъ“ находился въ такомъ же близкомъ разстояніи отъ дома въ которомъ жилъ капитанъ Маррабель, то его выборъ, вѣроятно, и тогда не измѣнился бы. Въ такихъ случаяхъ рыцарь, готовящійся сдѣлаться освободителемъ, старается подойти какъ можно ближе къ своему врагу.

Его отвели въ спальню, а оттуда въ такъ-называемую „коммерческую комнату“. Лорингъ ведетъ довольно значительную

торговлю для такого маленькаго городка и уже нѣсколь-ко лѣтъ считается сравнительно богатымъ городомъ, но все же онъ не такъ значителенъ въ торговомъ отношеніи чтобы могъ поддержать первостепенную торговую гостиницу. Въ такихъ гостиницахъ коммерческая комната такъ же строго затворена для непосвященныхъ какъ какой-нибудь первоклассный лондонскій клубъ. Но у „Негоціанта“ законъ соблюдается не такъ строго, и уже одинъ тотъ фактъ что слова „коммерческая комната“ были написаны на двери доказывалъ людямъ знающимъ толкъ въ такихъ вещахъ что дѣло тутъ сомнительное. Въ гостиницѣ не было кофейной комнаты, и потому посѣтителей желавшихъ пить кофе по необходимости провожала въ коммерческую комнату. Въ такихъ комнатахъ существуютъ и нѣкоторые особые законы. Сигары тамъ не дозволяются до десяти часовъ, развѣ только по взаимному соглашенію всѣхъ присутствующихъ. Тамъ не бываетъ ежедневнаго обѣда, но когда трое или болѣе джентльменовъ обѣдаютъ вмѣстѣ въ пять часовъ, тогда обѣдъ становится коммерческимъ обѣдомъ, и опредѣленные законы относительно вина и т. п. исполняются съ большею или меньшею строгостью, смотря по обстоятельствамъ. Въ настоящую минуту только одинъ посѣтитель занималъ коммерческую комнату. Онъ привѣтствовалъ мистера Джильмора, и поклонъ его былъ полонъ достоинства и внимательности. Коммерческій человѣкъ общителенъ по природѣ, и хотя въ священ-ный часъ обѣда, когда онъ находится въ высокомъ обществѣ своихъ сотоварищей, онъ исключителенъ въ высокой степени, можетъ-быть болѣе чѣмъ всякій другой, онъ готовъ однако снизойти, если случайности его профессіи разлучили его съ его товарищами, до любезности со всякимъ другимъ джентльменомъ, съ которымъ сведеть его судьба. Мистеръ Кокки провелъ въ одиночествѣ весь тотъ день, въ который пріѣхалъ мистеръ Джильморъ, и раздумывалъ уже о печальномъ удовольствіи втораго одинокаго обѣда у „Негоціанта“, когда судьба послала ему этого незнакомаго. Слуга, который смотрѣлъ на это съ такой же точки зрѣнія и зналъ что общій обѣдъ пріятнѣе для всѣхъ, тотчасъ же явился на помощь къ мистеру Кокки въ его распоряженіяхъ. Мистеръ Джильморъ, конечно, пожелаетъ обѣдать. Обѣдъ будетъ поданъ ровно въ пять часовъ, и когда мистеръ Кокки пойдетъ обѣдать,

мистеръ Джильморъ съ удовольствіемъ присоединится къ нему. Мистеръ Кокки выразилъ свое удовольствіе и объявилъ что будетъ въ восхищеніи. Влюбленные, какъ бы ни была безнадеежна ихъ любовь, должны обѣдать, если не хотятъ умереть. Обѣдъ, конечно, не допускается хрониками древнихъ героевъ, спасавшихъ своихъ дамъ, но хотя древнія хроники лѣтописей парятъ выше современныхъ, однако всѣми признано что онѣ не такъ правдивы. Нашъ рыцарь былъ до крайности печаленъ, и что касается до его храбрости, онъ не уронилъ бы себя предъ какимъ-нибудь Орландомъ, но при всемъ томъ онъ былъ голодець. Напоминаніе объ обѣдѣ было ему пріятно, и онъ съ благодарностью принялъ приглашеніе мистера Кокки и слуги.

Треска и бифштексъ, хотя нѣсколько шершавые и жесткіе, были здоровыя кушанья, а хересь, поданный по требованію мистера Кокки, хотя самъ по себѣ не совсѣмъ здоровый, былъ не вреденъ по своему количеству. Мистеръ Кокки былъ любезенъ и сообщителенъ, и много разказывалъ мистеру Джильмору о Лорингѣ. Нашъ другъ боялся предложить какой-нибудь вопросъ объ особѣ которая его такъ сильно интересовала, чувствуя что это дѣло такого рода что не выдержитъ прикосновенія грубой руки. Наконецъ онъ осмѣлился спросить о приходскомъ священникѣ. Мистеръ Кокки, со свойственнымъ ему остроуміемъ, отвѣчалъ что церковь такого рода офиціальное мѣсто которое ему, по дѣламъ его профессіи, не приходится посѣщать часто. Хотя онъ посѣщалъ Лорингъ уже въ продолженіи четырехъ лѣтъ, но ничего не слышалъ о священникѣ. Слуга, безъ сомнѣнія, сообщить имъ что-нибудь. Джильморъ началъ было возражать и доказывать что онъ мало интересуется этимъ, но слуга былъ призванъ и спрошенъ, и много разказывалъ о старомъ мистерѣ Маррабель. Онъ самъ по себѣ хорошій человекъ, но проповѣдникъ не важный. Народъ его любитъ за то что онъ никогда на вмѣшивается въ чужія дѣла и не суетъ своего носа туда гдѣ его не спрашиваютъ, какъ дѣлаютъ многіе, и при этомъ слуга началъ разказывать о другомъ, несправимомъ въ этомъ отношеніи, молодомъ священникѣ изъ Опгилля. „Да, у священника есть родственница, старушка, которая живетъ въ Опгиллѣ.“ „Нѣтъ, не бабушка.“ Последнее было отвѣтомъ на остроумную шутку мистера Кокки. „И не дочь.“ Слуга не зналъ какая она ему

родственница. Миссъ Маррабель, судя по виду, очень важная дама, и ее всѣ уважають. Съ ней живетъ еще одна молодая дама, но слуга не зналъ ея имени.

— А почтенный мистеръ Маррабель живетъ одинъ? спросилъ Джильморъ.

— Постоянно одинъ, но въ настоящее время у него гость.

Изъ всего того что слуга разказалъ о капитанѣ, самымъ существеннымъ было извѣстие что онъ сегодня вечеромъ возвратился изъ Лондона; прѣхалъ съ экстреннымъ поѣздомъ, и омнибусъ „Негоціанта“ довезъ его до дома священника. Капитанъ былъ „настоящій джентльменъ“, по словамъ слуги, „и такой красавецъ какого рѣдко можно найти“. „Чортъ бы его побралъ“, подумалъ бѣдный Джильморъ, и рѣшился предложить другой вопросъ: не знаетъ ли слуга чего-нибудь объ отцѣ мистера Маррабель? Слуга могъ только сказать что отецъ мистера Маррабель военный и съ большимъ чиномъ. Изъ всѣхъ этихъ разказовъ Джильморъ вывелъ заключеніе что жемитьба капитана на Мери Лоутеръ еще не сдѣлалась предметомъ городскихъ толковъ.

Послѣ обѣда мистеръ Кокки предложилъ грогъ и сигары и сказалъ что онъ вноситъ билль объ отмиѣнѣ закона относительно куренія на нывѣшній день, на что Джильморъ съ удовольствіемъ согласился. Теперь, когда онъ очутился въ Лорингъ, онъ не находилъ другаго занятія какъ пить грогъ съ мистеромъ Кокки. Послѣдній объявилъ что билль принять большинствомъ голосовъ, и немедленно явились сигары и грогъ. Мистеръ Кокки разказывалъ что онъ слыхалъ о сэрѣ-Грегори Маррабель. Прѣзжая однажды по Варвикшейру, онъ тамъ, по своему обыкновенію, собиралъ мелкіе факты. Сэръ-Грегори, по его мнѣнію, не слухкомъ значительный господинъ. Помѣстье его не велико и не совсѣмъ въ порядкѣ. Быть сельскимъ дворяниномъ и „рыцаремъ сохи“, какъ онъ выражался, по мнѣнію мистера Кокки, положеніе хорошее, но только въ томъ случаѣ если у васъ есть хорошее помѣстье, которымъ вы можете управлять, а одно имя безъ дѣла ничего не значить. По его мнѣнію, торговая есть основная сила націи, а что общество странствующихъ торговцевъ есть основная сила торговли,—это извѣстно всякому ребенку. Мистеръ Кокки дѣлался сообщительнѣе и дружелюбнѣе по мѣрѣ того какъ выпивалъ свой грогъ.

— Однако я еще не знаю кто вы, сэръ? сказалъ онъ.

— Я человѣкъ незначительный во всѣхъ отношеніяхъ, отвѣчалъ мистеръ Джильморъ.

— Можетъ-быть, но это не бѣда. Если человѣкъ сознаетъ что онъ способствуетъ коммерческому первенству своей націи, то онъ не имѣетъ причины стыдиться самого себя.

— Въ этомъ отношеніи, конечно, нѣтъ.

— И ни въ какомъ другомъ, пока онъ сознаетъ что вѣренъ своимъ обязанностямъ. Вы говорите, напримѣръ, о сельскихъ дворянахъ.

— Я не думалъ говорить о нихъ, сказалъ Джильморъ.

— Положимъ, вы не говорили, но другіе говорятъ. Что такое сельскій дворянинъ и что онъ дѣлаетъ? Какую пользу приноситъ онъ своему краю? Онъ травитъ и стрѣляетъ, потомъ наполняетъ желудокъ виномъ и ложится. На другой день опять встаетъ, травитъ, стрѣляетъ и пьетъ. Вотъ и все его дѣло.

— Иногда онъ бываетъ мировымъ судьей.

— Да, правосуднымъ судьей! Знаемъ мы это. Старика сажаютъ въ тюрьму за то что онъ въ воскресенье заглянулъ на свой дугъ съ сыномъ, а молодаго человѣка посылаетъ въ смиренный домъ за то что онъ подстрѣлилъ зайца. Право, я не вижу никакой пользы отъ сельскихъ дворянъ. Купля и продажа—вотъ чѣмъ держится міръ.

— Сельскіе дворяне покупаютъ и продаютъ землю.

— Это совсѣмъ не то. Правда, тѣ изъ нихъ которые живутъ скупо, прикупаютъ изрѣдка по клочку, а тѣ которые доходятъ до того что имъ вѣсть нечего, продаютъ понемногу. Но что касается до капитала и процентовъ, объ этомъ они не имѣютъ никакого понятія. Они не умѣютъ наживать болѣе двухъ съ половиной процентовъ, а мы знаемъ до чего это доводитъ.

Мистеръ Кокки былъ сначала такъ кротокъ предъ бутылкой хереса и стаканомъ грога что Джильморъ былъ теперь озадаченъ какъ онъ измѣнился. Мистеръ Кокки сдѣлался такъ нелюбезенъ что Джильморъ оставилъ его и пошелъ бродить по городу. Онъ вошелъ на Огиль, обошелъ вокругъ церкви и взглянулъ на окно дома миссъ Маррабель. О мѣстоположеніи этого дома онъ заранѣе собралъ свѣдѣнія. Но онъ не встрѣтилъ никакого приключенія, не увидѣлъ ничего интереснаго, и въ половинѣ десятаго, усталый, легъ въ постель.

Въ тотъ же день капитанъ Маррабель пріѣхалъ изъ

Лондона въ Лорингъ съ ужасными извѣстіями. Деньги, на которыя онъ разчитывалъ, всѣ погибли.

— Чтѣ вы объ этомъ думаете? спросилъ дядя. — Неужели адвокаты васъ все время обманывали?

— Это все равно. Дѣло въ томъ что все погибло. Они утѣшили меня извѣстіемъ что ничего нельзя больше сдѣлать.

Священникъ Джонъ просвисталъ длинную ноту удивленія.

— Люди, съ которыми мы имѣли дѣло, и готовы были бы отдать деньги, но бѣда въ томъ что онѣ уже прожиты и погибли безвозвратно.

— Какое несчастіе!

— Я видѣлъ отца, дядя Джонъ.

— Ну, и чтѣ же?

— Я сказалъ ему что онъ мошенникъ, и ушелъ. Я не ударилъ его.

— Надѣюсь, Вальтеръ.

— Я удержался, но, право, когда человѣкъ васъ губить, то забываешь кто онъ, отецъ ли, или кто другой. Но онъ такъ старъ, такъ слабъ и блѣденъ что я могъ бы убить его на мѣстѣ.

— Чтѣ же вы теперь намѣрены дѣлать?

— Отправляюсь въ тотъ земной адъ который на той сторонѣ земнаго шара. Чтѣ же мнѣ остается дѣлать?

Ни слова болѣе въ этотъ вечеръ не было сказано между дядей и племянникомъ, и имя Мери Лоутеръ не было упомянуто. На слѣдующее утро завтракъ прошелъ также безмолвно. Священникъ много думалъ о Мери, но считалъ нужнымъ молчать до времени. Когда онъ въ первый разъ услышалъ объ этомъ, онъ рѣшилъ про себя что его племянникъ никогда не женится на Мери Лоутеръ. Зная своего племянника, или воображая что знаетъ его, онъ былъ увѣренъ что тотъ никогда не принесетъ себя въ жертву такому браку. Изъ всякаго положенія есть исходъ, и Вальтеръ, конечно, найдетъ его. А теперь исходъ представился самъ собою.

Тотчасъ же послѣ завтрака капитанъ, не сказавъ ни слова, взявъ шляпу и бодро пошелъ на гору въ Опгиль. Проходя мимо двери „Негоціанта“ онъ видѣлъ джентльмена стоявшаго подъ навѣсомъ входа въ гостиницу и наблюдавшаго за нимъ съ той минуты какъ онъ вышелъ изъ дома дяди, но не обратилъ на него вниманія. А Джильморъ, какъ только увидалъ капитана, тотчасъ же догадался что это его соперникъ.

Капитанъ вошелъ на гору и постучалъ въ дверь миссъ Маррабель. Дома ли миссъ Лоутеръ? Въ такой часъ, конечно, дома. Дѣвушка сказала что она сидитъ одна въ столовой. Миссъ Маррабель уже сошла въ кухню. Не спрашивая болѣе, капитанъ отправился въ маленькую боковую комнату, и тутъ нашелъ свою возлюбленную.

— Вальтеръ! воскликнула она, бросаясь къ нему на встрѣчу:—какъ это хорошо съ вашей стороны что вы такъ скоро прѣехали! Мы не ждали васъ раньше двухъ дней.

И она бросилась въ его объятія.

Онъ обнялъ ее, но не поцѣловалъ.

— Что-нибудь случилось, спросила она.—Что такое?

Она отодвинулась отъ него, и взглянула ему въ глаза.

Онъ улыбнулся и покачалъ головой, все еще обнимая ея талию.

— Говорите, Вальтеръ; я вижу что случилось что-то нехорошее.

— Опять эти ужасныя деньги. Моему отцу удалось погубить все.

— Все, Вальтеръ? спросила она, и опять отодвинулась отъ него.

— Все до послѣдняго шиллинга, отвѣчалъ онъ, и опустилъ руку.

— Это очень неприятно.

— Еще бы. Мнѣ это такъ же неприятно какъ и вамъ.

— И всѣ наши чудныя планы погибли?

— Да, погибли всѣ наши чудныя планы.

— Что же вы теперь сдѣлаете?

— Остается одинъ исходъ: я опять отправлюсь въ Индію. Для меня это все равно что смертный приговоръ, только смерть, къ сожалѣнію, придетъ не такъ скоро.

— Не говорите такъ, Вальтеръ.

— Отчего, милая моя, не говорить, если я это чувствую?

— Но вы этого не чувствуете. Я знаю что вамъ неприятно, но не до такой степени какъ вы говорите. Не думаю, чтобъ у васъ не было ничего что привязывало бы васъ къ жизни.

— Я не могу просить васъ ѣхать со мной въ этотъ блаженный рай.

— Но я могу просить васъ взять меня съ собой, хотя, можетъ-быть, я не должна этого дѣлать.

путешественники принялись за погребеніе Спутника. Все дѣло было въ томъ чтобы выбросить его въ пространство, точно такъ же какъ моряки выбрасываютъ въ море трупы.

Но, какъ говорилъ Барбиканъ, необходимо было дѣйствовать поспѣшно, чтобы потерять какъ можно менѣе того воздуха, упругость коего тотчасъ же могла вытѣснить его въ пустоту. Болты праваго окна, отверстіе котораго простиралось до 30 сантиметровъ, были отодвинуты тщательно, между тѣмъ какъ Мишель, въ сильномъ волненіи, готовился бросить свою собаку въ пространство. Окно быстро двинулось на шарьярахъ, и Спутникъ вылетѣлъ вонъ. Воздуха потрачено было нѣсколько ничтожныхъ частицъ, и операція окончилась такъ удачно что въ послѣдствіи Барбиканъ не побоялся этимъ же путемъ избавиться отъ различныхъ обломковъ и остатковъ стѣснявшихъ вагонъ.

День 3го декабря окончился безъ особыхъ приключеній, и Барбиканъ могъ убѣдиться что ядро продолжало все съ уменьшающеюся скоростью свой путь къ лунному диску.

ГЛАВА VI.

Вопросы и отвѣты.

4го декабря, хронометры показывали пять часовъ земнаго утра, когда путешественники проснулись послѣ пятидесяти-четырёхъ-часоваго пути. По времени, они только на пять часовъ сорокъ минутъ перешли за половину срока назначенаго для пребыванія ихъ въ ядрѣ; но относительно пути, они совершили его около семи десятыхъ. Причиной этого обстоятельства было правильное уменьшеніе ихъ скорости.

Когда они разсмотрѣли землю въ нижнее окно, то она явилась предъ ними темнымъ пятномъ, потонувшимъ въ солнечныхъ лучахъ. Не видно было ни серпа, ни пепельнаго свѣта. На другой день, въ полночь, должно было быть *новоземліе*, въ ту самую минуту когда наступило бы полнолуніе. Сверху луна становилась все ближе и ближе на линіи описываемой ядромъ, такъ что она должна была встрѣтиться съ нимъ въ назначенный часъ. Вокругъ, черный сводъ былъ устланъ блестящими точками, которыя, казалось, медленно перемѣщались. Но вслѣдствіе значительнаго разстоянія на которомъ онѣ находились, ихъ относительная величина не измѣнилась.

Солнце и звѣзды казались точно такими же какими ихъ видишь съ земли. Что касается до луны, то она значительно возросла въ величинѣ; но телескопы путешественниковъ, вообще не слишкомъ сильныя, не представляли еще возможности сдѣлать какія-либо полезныя наблюденія на ея поверхности и опредѣлить ея топографическія и геологическія особенности.

Время шло въ нескончаемыхъ разговорахъ. Въ особенности много говорилось о лунѣ. Каждый высказывалъ свои собственные свѣдѣнія. Барбиканъ и Николь, постоянно серьезные, Мишель Арданъ, неизстимо веселый. Ядро, его положеніе, направленіе, случайности которыя могли встрѣтиться, предосторожности которыя слѣдовало принять при паденіи на луну—вотъ что составляло неизстимый предметъ для предположеній.

За завтракомъ одинъ вопросъ Мишеля, относительно ядра, вызвалъ отвѣтъ Барбикана столь интересный что на немъ стоить остановиться.

Мишель, предположивъ что ядро было бы вдругъ задержано въ то время когда оно имѣло свою страшную начальную скорость, хотѣлъ узнать какія были бы послѣдствія такой остановки.

— Но, возразилъ Барбиканъ,—я не вижу какимъ образомъ ядро могло бы быть задержано.

— Все-таки предположимъ это, отвѣчалъ Мишель.

— Предположеніе невозможное, возразилъ практическій Барбиканъ.—Развѣ предположить что сила верженія оказалась бы недостаточною. Но въ такомъ случаѣ скорость его уменьшалась бы мало-по-малу, и оно не остановилось бы вдругъ.

— Допустимъ, наконецъ, что оно столкнулось бы съ какимъ-нибудь тѣломъ въ пространствѣ.

— Съ какимъ, напримѣръ?

— Ну, хоть съ этимъ огромнымъ болидомъ который мы встрѣтили.

— Тогда, оказалъ Николь,—ядро разлетѣлось бы въ дребезги, а съ нимъ вмѣстѣ и мы.

— Еще хуже, отвѣчалъ Барбиканъ,—мы сгорѣли бы живьемъ.

— Сгорѣли бы! воскликнулъ Мишель:—сожалѣю что этого не случилось, а то интересно было бы *посмотрѣть*....!

— И ты увидѣлъ бы, сказалъ Барбиканъ.—Нынѣ извѣстно о

уже что теплота есть видоизмѣненіе движенія. Когда нагреваютъ воду, то-есть прибавляютъ въ нее теплоты, это значитъ что придаютъ движеніе ея частицамъ.

— Браво! сказалъ Мишель:—вотъ остроумная теорія.

— И вѣрная, мой достойный другъ, потому что она объясняетъ всѣ феномены теплоты. Теплота есть не что иное какъ частичное движеніе, простое колебаніе частицъ тѣла. Когда нажимаютъ тормозъ поѣзда, то поѣздъ останавливается. Но что дѣлается съ движеніемъ которое онъ имѣлъ? Оно превращается въ теплоту, и тормозъ нагревается. Зачѣмъ мажутъ оси колесъ? Чтобъ онѣ не нагревались, такъ какъ эта теплота была бы не что иное какъ движеніе, потерянное чрезъ преобразование въ теплоту. Понимаешь ли ты это?

— Еще бы! отвѣчалъ Мишель:—понимаю какъ нельзя лучше. Такъ, напримѣръ, если я долго бѣжалъ и вспотѣлъ, если потъ каплетъ съ меня, то почему я принужденъ остановиться? Просто потому что мое движеніе превратилось въ теплоту.

Барбиканъ не могъ не улыбнуться этой новой выходкѣ Мишеля. Потомъ продолжалъ развивать свою теорію:

— Итакъ, въ случаѣ столкновенія, съ нашимъ ядромъ было бы то же что съ пулей, которая, ударившись о металлическую пластинку, падаетъ вся горячая. Это ея движеніе превратилось въ теплоту. Поэтому я утверждаю что, еслибы наше ядро задѣло болидъ, то быстрота его, разомъ уничтоженная, произвела бы теплоту способную улетучить его мгновенно.

— Въ такомъ случаѣ, спросилъ Николь,—что бы случилось еслибы земля вдругъ была задержана въ своемъ поступательномъ движеніи?

— Температура ея достигла бы той степени что она тотчасъ же превратилась бы въ пары.

— Отлично! воскликнулъ Мишель:—вотъ средство покончить съ міромъ, которое очень упростило бы дѣло.

— А еслибы земля упала на солнце? сказалъ Николь.

— По вычисленіямъ, отвѣчалъ Барбиканъ,—это паденіе разило бы теплоту равную той которую могутъ произвести 1.600 шаровъ угля равныхъ объемомъ нашему земному шару.

— Добрый придатокъ къ солнечной температурѣ, замѣтилъ Мишель Арданъ,—и вѣроятно на него не пожаловались бы

жители Урана или Нептуна, которые должны на своихъ планетахъ терпѣть смертельный холодъ.

— Итакъ, друзья мои, продолжалъ Барбиканъ, — всякое движеніе, разомъ задержанное, производитъ теплоту. И эта теорія дала возможность допустить что теплота солнечнаго диска поддерживается градомъ болидовъ, падающимъ безпрерывно на его поверхность. Даже исчислили....

— Примемъ наши мѣры! проворчалъ Мишель: — опять выступаютъ цифры....

— Исчислили даже, продолжалъ невозмутимый Барбиканъ, — что ударъ каждаго болида на солнце долженъ производить теплоту равную 4.000 массамъ каменнаго угля одинаковаго объема.

— А какъ велика солнечная теплота?

— Она равняется той какою произвело бы воспламененіе слоя угля, который окружалъ бы солнце на толщину 27 километровъ.

— А эта теплота?...

— Могла бы вскипятить въ часъ два миллиарда 900 миллионовъ кубическихъ мириаметровъ воды.

— И она не изжариваетъ насъ?

— Нѣтъ, потому что земная атмосфера поглощаетъ четыре десятыхъ солнечной теплоты. Къ тому же количество теплоты принимаемой землею не болѣе одной двухмиллиардной всего лучеиспусканія.

— Вижу теперь, сказалъ Мишель, — что все на свѣтѣ къ лучшему, и что эта атмосфера прелезное изобрѣтеніе, потому что она не только позволяетъ намъ дышать, но и мѣшаетъ еще намъ изжариться.

— Да, сказалъ Николь, — и, къ несчастію, не то будетъ на лунѣ.

— Вотъ еще! сказалъ Мишель, никогда не унывавшій: — Если тамъ есть жители, то вѣдь дышать же они. Если ихъ уже нѣтъ тамъ болѣе, то вѣрно они оставили достаточно кислорода для трехъ человекъ, хотя бы въ глубинахъ ущелій, куда оны по тяжести своей должны были укрыться! Что жъ за бѣда! Мы не будемъ карабкаться на горы! Вотъ и все тутъ.

И Мишель отправился разсматривать лунный дискъ, сіявшій ослабительнымъ блескомъ.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ:—а вѣдь тамъ, должно-быть, страшно жарко.

— Не говоря уже о томъ, прибавилъ Николя, — что день тамъ продолжается 360 часовъ.

— За то, сказалъ Барбиканъ,—и ночи тамъ такія же длинныя, а такъ какъ теплота возобновляется лучеиспусканіемъ, то температура должна быть такая же какъ и въ планетныхъ пространствахъ.

— Сторонка, нечего сказать! замѣтилъ Мисель. — Ну, да что за бѣда! Мнѣ очень хотѣлось бы быть уже тамъ! Эхъ, мои милые товарищи, право, очень куріозно луной имѣть землю, видѣть какъ она поднимается на горизонтѣ, распознавать очертанія ея материковъ и говорить другъ другу: „Вотъ тутъ Америка, а тамъ Европа“; потомъ слѣдить какъ она исчезаетъ въ лучахъ солнца. Кстати, Барбиканъ, бывають ли затменія для лунныхъ жителей?

— Бывають солнечныя затменія, отвѣчалъ Барбиканъ,—когда центры трехъ свѣтилъ находятся на одной линіи, и земля стоитъ посрединѣ. Но затменія эти только кольцеобразныя, во время которыхъ земля, заслоняющая солнце какъ экранъ, позволяетъ видѣть бѣольшую часть его.

— А почему, спросилъ Николя, — не бываетъ полныхъ затменій? Развѣ конусъ тѣни, бросаемаго землею, не простирается за луну?

— Да, если не принимать въ соображеніе рефракцію, производимую землею атмосферой. Нѣтъ, если принимать въ соображеніе эту рефракцію. Итакъ, пусть будетъ *дельта* примъ горизонтальный параллаксъ и γ примъ видимый полу-діаметръ....

— Уфъ! сказалъ Мисель:—половина V нулевое квадратъ!... Говори же наконецъ чтобы всѣмъ было понятно, о ты, ходячая алгебра!

— Итакъ, по просту сказать, отвѣчалъ Барбиканъ,—такъ какъ среднее разстояніе отъ луны до земли равняется шестидесяти земнымъ радіусамъ, то длина конуса тѣни, вслѣдствіе рефракціи, приводится менѣе чѣмъ къ сорока двумъ радіусамъ. Отсюда выходитъ что во время затменій луна находится внѣ конуса полной тѣни, и что солнце посылаетъ ей лучи не только со своихъ краевъ, но также и съ своего центра.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ насмѣшливо Мисель Арданъ, — отчего же бываетъ затменіе, если оно не должно быть?

— Единственно потому что солнечные лучи ослаблены рефракціей, и что атмосфера, чрезъ которую они проходятъ, погашаетъ бѣольшую ихъ часть.

— Причина эта совершенно меня удовлетворяетъ, отвѣчалъ Мисель. — Къ тому же мы сами увидимъ когда будемъ тамъ. Теперь скажи мнѣ, Барбиканъ, какъ ты думаешь, не была ли луна прежде кометою?

— Вотъ идея!...

— Да, отвѣчалъ съ нѣкоторою гордостью Мисель, — у меня бываютъ такіа идеи.

— Но это не твоя идея, замѣтилъ Николь.

— Вотъ тебѣ разъ! Стало-быть я, по-твоему, не болѣе какъ литературный похититель?

— Конечно. По свидѣтельству древнихъ, Аркадіиды утверждали что ихъ предки жили на землѣ прежде чѣмъ луна сдѣлалась ея спутникомъ. Исходя отъ этого факта, нѣкоторые ученые приняли луну за комету, которую орбита ея приблизила къ землѣ настолько что она стала спутникомъ послѣдней.

— А есть ли что-нибудь дѣльное въ этой гипотезѣ?

— Ничего, отвѣчалъ Барбиканъ, — и доказательство что луна не сохранила нисколько той газообразной оболочки которая сопровождаетъ всегда кометы.

— Но, возразилъ Николь, — развѣ луна не могла, прежде чѣмъ сдѣлалась спутникомъ земли, пройти въ своемъ перигеліи такъ близко къ солнцу что оставила тамъ, вслѣдствіе испаренія, всѣ эти газообразныя вещества?

— Могла, другъ Николь, но это невѣроятно.

— Почему?

— Потому.... Ну, право, не знаю почему.

— Ахъ, сколько томовъ можно было бы написать; воскликнулъ Мисель, — о томъ чего не знаешь! Но скажите мнѣ, который часъ?

— Три часа, отвѣчалъ Николь.

— Какъ время-то идетъ, сказалъ Мисель, — въ бесѣдахъ такихъ ученыхъ какъ мы! Рѣшительно, я чувствую что научаюсь ужъ слишкомъ многому! Чувствую что становлюсь кладеземъ знаній!

Сказавъ это, Мисель взявъ на верхъ ядра „чтобы луч-

ше наблюдать луну“, какъ онъ увѣрялъ. Въ это время его товарищи смотрѣли въ нижнюю раму, но тамъ ничего не было новаго.

Когда Мисель Арданъ сошелъ сверху, то приблизился къ боковому окну и вдругъ воскликнулъ отъ изумленія.

— Что тамъ такое? спросилъ Барбиканъ.

Президентъ также подошелъ къ окну и замѣтилъ родъ сплюсненнаго мѣшка, несшагося вѣкъ, въ нѣсколькихъ отъ него метрахъ. Предметъ этотъ казался неподвижнымъ какъ ядро, и стало-быть имѣлъ то же движеніе какъ и ядро.

— Что это тамъ за штука? повторилъ Мисель.— Не одно ли это изъ маленькихъ тѣлъ пространства, которое наше ядро держитъ въ сферѣ своего притяженія и которое будетъ сопровождать его до луны?

— Меня удивляетъ, отвѣчалъ Николь, — какимъ образомъ тѣло это можетъ такъ строго держаться на одномъ уровнѣ съ нашимъ ядромъ, тогда какъ удѣльный вѣсъ его несомнѣнно менѣе удѣльнаго вѣса ядра?

— Николь, сказалъ Барбиканъ, подумавъ съ минуту, — я не знаю что это за предметъ, но очень хорошо знаю почему онъ держится на уровнѣ ядра.

— А почему?

— Потому что мы несемся въ пустотѣ, мой милый капитанъ, а въ пустотѣ тѣла падаютъ или движутся, что одно и то же, съ равною скоростью, каковы бы ни были ихъ тяжесть или форма. Только воздухъ своимъ сопротивленіемъ производитъ различіе паденія. Когда вы пневматически производите пустоту въ трубкѣ, то предметы, которые вы туда бросаете, легкія ли пылинки или крупинки свинца, падаютъ съ одинаковою быстротой. Здѣсь въ пространствѣ та же причина и то же дѣйствіе.

— Совершенно справедливо, сказалъ Николь, — и все что мы выбросимъ изъ ядра будетъ постоянно сопровождать его на пути до самой луны.

— Какіе же мы глупцы! воскликнулъ Мисель.

— За что ты насъ честить такъ? спросилъ Барбиканъ.

— За то что мы должны были бы наполнить снарядъ полезными предметами, книгами, инструментами, орудіями и пр. Мы все побросали бы на пути, и все послѣдовало бы за нами. Но вотъ что мнѣ пришло въ голову: почему мы сами не прогуляемся на свободѣ, подобно этому болиду?

Почему намъ не броситься въ пространство черезъ окно? Какое наслажденіе было бы чувствовать что висишь въ эфирѣ, въ положеніи болѣе пріятномъ чѣмъ птица, которая постоянно должна размахивать крыльями?

— Хорошо, сказалъ Барбиканъ, — а какъ бы ты сталъ дышать?

— Проклятый воздухъ, котораго нѣтъ тамъ такъ некстати!

— А еслибъ онъ былъ тамъ, Мишель, то такъ какъ плотность твоя менѣе плотности ядра, то ты очень скоро остался бы позади.

— Въ такомъ случаѣ это безвыходное положеніе?

— Самое безвыходное.

— И надо оставаться въ заключеніи въ этомъ вагонѣ?

— Надо.

— Ахъ! воскликнулъ громовымъ голосомъ Мишель.

— Чтò съ тобой? спросилъ Ничоль.

— Я понимаю, я угадываю чтò такое этотъ мнимый бо- лідь! Это вовсе не астероидъ, вовсе не обломокъ какой- нибудь планеты!

— Чтò жь это такое? спросилъ Барбиканъ.

— Это наша несчастная собака, мужъ Діаны!

И дѣйствительно, этотъ предметъ, искаженный, неузнава- емый, превратившійся въ ничто, былъ трупъ Спутника, спасен- нутый какъ воликна, изъ которой выпустили воздухъ, и все двигавшійся и двигавшійся.

ГЛАВА VII.

Минута опьянѣнія.

Такимъ образомъ, при этихъ необыкновенныхъ условіяхъ, совершился феноменъ не виданный, но логическій, странный но объяснимый. Всякій предметъ, выброшенный изъ ядра, долженъ былъ слѣдовать по одному съ нимъ пути и останавливаться вмѣстѣ съ нимъ. Это явленіе послужило предме- томъ разговоровъ въ продолженіе всего вечера. Волне- ніе нашихъ путешественниковъ усиливалось по мѣрѣ прибли- женія къ цѣли. Они готовились ко всему чудесному, ждали новыхъ феноменовъ, и ничто не удивило бы ихъ при томъ расположеніи духа, въ которомъ они находились. Возбуж- денное воображеніе ихъ опережало ядро, скорость котораго

значительно ослабѣвала, хотя они того и не чувствовали. Но луна все увеличивалась предъ ихъ глазами, и имъ казалось уже что стоить только протянуть руку чтобы схватить ее.

На другой день, 5го декабря, въ пять часовъ утра, всѣ трое уже были на ногахъ. День этотъ долженъ былъ быть послѣднимъ днемъ ихъ странствія, если только вычисления ихъ не обманули. Въ тотъ же день въ полночь, чрезъ восемь-надцать часовъ, въ самую минуту полнолунія, они должны были достигнуть блестящаго диска луны. Въ полночь должно было окончиться это путешествіе, самое необычайное въ древнія и новыя времена. Потому, съ утра, чрезъ окна осеребряемыя царицей ночи, они привѣтствовали ее радостнымъ и полнымъ увѣренности крикомъ: *ура!*

Луна величественно двигалась къ нимъ по звѣздному небу. Еще нѣсколько градусовъ, и она достигнетъ именно той точки въ пространствѣ гдѣ должна совершиться встрѣча ея съ ядромъ. По собственнымъ наблюденіямъ, Барбиканъ исчислилъ что ядро коснется сѣвернаго полушарія луны, гдѣ простираются обширныя равнины, и гдѣ горы встрѣчаются рѣдко. Обстоятельство чрезвычайно благопріятное, если лунная атмосфера, какъ полагали, скоплена лишь въ углубленіяхъ.

— Равнина мѣсто гораздо болѣе удобное для высадки, чѣмъ гора, замѣтилъ Мисель Арданъ.—Селенитъ котораго высадили бы въ Европѣ на Монъ-Бланъ, или въ Азійи на Гиммалайскихъ вершинахъ, не могъ бы въ строгомъ смыслѣ сказать что онъ уже прибылъ на землю!

— Къ тому же, присовокупилъ капитанъ Николь,—на плоской поверхности ядро останется неподвижно, какъ только оно ея коснется. Если же, напротивъ, оно упадетъ на поверхность наклонную, то покатится какъ лавина, а такъ какъ мы не бѣлки, то едва ли бы мы остались въ этомъ случаѣ здоровы и невредимы. Итакъ все къ лучшему!

И дѣйствительно, успѣхъ смѣлаго предпріятія казался несомнѣннымъ. Одна мысль тревожила, однако, Барбикана, но онъ не высказывалъ ея, не желая прежде времени беспокоить своихъ товарищей.

Направленіе ядра къ сѣверному полушарію луны свидѣтельствоvalo что линія ихъ пути нѣсколько измѣнилась. Выстрѣлъ исчисленный математически долженъ былъ донести ядро въ самый центръ луннаго диска. Если оно не направлялось къ нему, то, значить, произошло уклоненіе. Чтò произвело его?

Барбиканъ не могъ ни представить себѣ причины, ни опредѣлить важности этого уклоненія, потому что не доставало точекъ сравненія. Онъ надѣялся, впрочемъ, что единственнымъ результатомъ уклоненія будетъ остановка ядра на верхнемъ краѣ луны, мѣстности болѣе благоприятной для высадки.

Итакъ Барбиканъ, не сообщая своихъ опасеній товарищамъ, ограничивался болѣе тщательнымъ наблюденіемъ луны и старался изслѣдовать, не измѣнилось ли направленіе ядра. Положеніе ихъ было бы ужасно, еслибъ ядро, не попавъ въ цѣль и увлекаемое за предѣлы диска, ринулось въ междупланетныя пространства.

Въ эту минуту луна явилась уже не плоскою какъ дискъ, а до нѣкоторой степени обнаружила свою выпуклость. Если бы солнце косвенно озарило ее своими лучами, то произведенная имъ тѣнь обнаружила бы высокія горы, которыя обрисовались бы явственно. Взглядъ могъ бы углубиться въ зияющую бездну кратеровъ и выслѣдить причудливыя изгибы, испещравшіе громадное пространство равнинъ. Но всѣ выпуклости уравнивались еще въ яркомъ освѣщеніи. Едва можно было различить тѣ широкія пятна которыя придаютъ лунному лику какъ бы человѣческій образъ.

— Лицо, да и только, сказалъ Мисель Арданъ, — но мнѣ очень прискорбно за любезную сестрицу Аполлона: лицо-то у нея рябоватое!

Между тѣмъ путешественники, столь близкіе къ своей цѣли, не переставали наблюдать открывавшіяся предъ ними новыя мѣра. Воображеніе носило ихъ по этимъ невѣдомымъ странамъ. Они поднимались на высокія пики. Они спускались въ глубину широкихъ ущелій. Тамъ и сямъ они воображали себѣ обширныя моря, едва сдерживаемыя подъ разрѣженной атмосферой, и потоки воды изливавшіе въ нихъ влагу, накопляющуюся на горахъ. Наклонясь надъ бездною, они надѣялись услышать шумъ свѣтила, вѣчно безмолвнаго въ пустыняхъ пространства.

Этотъ послѣдній день оставилъ въ нихъ жгучія воспомнанія. Они отмѣтили малѣйшія его подробности. Смутная тревога охватывала ихъ по мѣрѣ приближенія къ цѣли. Эта тревога удвоилась бы, еслибъ они могли чувствовать, какъ незначительна была ихъ скорость. Она показалась бы имъ слишкомъ недостаточною чтобы довести ихъ до цѣли. Дѣло въ томъ что тогда ядро не имѣло уже почти *никакого* вѣса.

Всѣ его непрерывно уменьшался и долженъ былъ обратиться въ нуль на той точкѣ гдѣ притяженія луны и земли, нейтрализуя другъ друга, должны были произвести самыя необычайныя явленія.

Несмотря на всю тревогу, Мишель Арданъ не забылъ со своею обычною точностью приготовить завтракъ. Всѣ кушали съ большимъ аппетитомъ. Нельзя было ничего представить вкусѣе этого бульона, изготовленнаго съ помощью газа, и этого мяса въ консервахъ. Нѣсколько стакановъ добраго французскаго вина заключили завтракъ. И при этомъ случаѣ Мишель Арданъ не преминулъ замѣтить что лунные виноградники, согрѣтые этимъ горячимъ солнцемъ, должны производить самыя тонкія вина, если они только существуютъ тамъ. На всякій случай, предусмотрительный Французъ не забылъ захватить съ собою нѣсколько лозъ Медока и Котъ д'Ора, на которыя онъ особенно разчитывалъ.

Аппаратъ Рейзе и Реньйо дѣйствовалъ постоянно съ чрезвычайною аккуратностью. Воздухъ поддерживался въ совершенной чистотѣ. Никакая частица угольной кислоты не могла устоять противъ потока, а что касается до кислорода, то несомнѣнно, по увѣренію Николая, „онъ былъ перваго сорта“. Небольшое количество водяныхъ паровъ, находившееся въ ядрѣ, смѣшивалось съ этимъ воздухомъ, умѣряя его сухость, и многія изъ комнатъ въ Парижѣ, въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ, многія театральныя залы, конечно, не могутъ похвалиться такими благоприятными гигиеническими условіями.

Но для правильнаго дѣйствія, аппаратъ этотъ долженъ былъ поддерживаться въ совершенномъ порядкѣ. Для того, каждое утро, Мишель осматривалъ регуляторы истеченія, пробовалъ краны и регулировалъ по пирометру теплоту газа. До сихъ поръ все шло своимъ порядкомъ, и путешественники, въ подражаніе достойному Л. Т. Мастоу, начинали приобрѣтать полноту, которая сдѣлала бы ихъ неузнаваемыми, еслибы заключеніе ихъ продлилось нѣсколько мѣсяцевъ. Словомъ, съ ними было то чтò бываетъ съ цыплятами въ клеткѣ: они жирѣли.

Смотря въ окна, Барбиканъ увидѣлъ въ немъ трупъ собаки и различныя предметы, выброшенныя изъ ядра, которые настойчиво слѣдовали за ними. Діана жалобно выла, глядя на останки Спутника. Они казались неподвижными, какъ будто бы лежали на твердой почвѣ.

— Знаете ли что, мои друзья? сказалъ Мисель Арданъ:— еслибъ одного изъ насъ пришибъ толчокъ ядра, то намъ очень прискорбно было бы хоронить его, или—что я говорю?—ринуть въ эфиръ, потому что эфиръ замѣняетъ здѣсь землю! Трупъ покойнаго преслѣдовалъ бы насъ какъ угрызеніе совѣсти.

— Это было бы очень грустно, сказалъ Николь.

— Ахъ! воскликнулъ Мисель:—я сожалѣю только объ одномъ что не могу прогуляться въ пространствѣ. Какое наслажденіе плавать посреди этого яснаго эфира, купаться въ этихъ чистыхъ лучахъ солнца! Еслибы только Барбиканъ вздумалъ заготовить пробочнымъ снарядомъ и воздушнымъ насосомъ, то я рискнулъ бы выскочить изъ ядра и принять бы на вершинѣ его положеніе химеры и гиппогрифа.

— Эхъ, мой дорогой Мисель, отвѣчалъ Барбиканъ, — не долго пришлось бы тебѣ разыгрывать гиппогрифа; несмотря на твою непроницаемую одежду, раздутую воздухомъ находящимся въ тебѣ, ты лопнулъ бы какъ граната или, лучше сказать, какъ воздушный шаръ поднявшійся слишкомъ высоко. Итакъ, не жалѣй ни о чемъ и помни слѣдующее: до тѣхъ поръ пока мы будемъ носиться въ пустотѣ, тебѣ должно отказаться отъ всякой сантиментальной прогулки внѣ ядра.

Мисель Арданъ уступилъ до нѣкоторой степени убѣжденію товарища. Онъ сознался что дѣло было трудно, но не „невозможно“—слово, котораго онъ не произносилъ никогда.

Отъ этого предмета бесѣда перешла къ другому и не прерывалась ни на минуту. Третье друзьямъ казалось что мысли развиваются у нихъ въ головѣ какъ листья отъ первыхъ весеннихъ жаровъ. Они чувствовали себя преисполненными идей.

Посреди перекрестныхъ вопросовъ и отвѣтовъ Николь поставилъ одинъ вопросъ, на который не послѣдовало непосредственнаго разрѣшенія.

— Вотъ что! сказалъ онъ: — отправляться на луну очень пріятно, но какимъ образомъ мы воротимся съ нея?

Собесѣдники взглянули на него съ изумленіемъ. Можно было подумать что такая случайность въ первый разъ представлялась имъ.

— Что вы хотите этимъ сказать, Николь? спросилъ Барбиканъ серьезно.

— Толковать о возвращеніи изъ страны въ которую еще

не прибыли мнѣ кажется несвоевременнымъ, присовокупилъ Мисель.

— Я отнюдь не за тѣмъ сказалъ это чтобъ отступить отъ начатаго дѣла, возразилъ Николь, — но все-таки повторяю мой вопросъ: какимъ образомъ мы возвратимся?

— Этого я не знаю, сказалъ Барбиканъ.

— А я, продолжалъ Мисель, — еслибъ и зналъ какъ возвратиться, то не поѣхалъ бы.

— Хорошъ отвѣтъ! воскликнулъ Николь.

— Я одобряю слова Миселя, сказалъ Барбиканъ, — и прибавлю что вопросъ этотъ не имѣетъ, въ настоящую минуту, ни малѣйшаго интереса. Послѣ, когда мы найдемъ что время возвращаться, то и подумаемъ объ этомъ. Если Колумбиады тамъ не будетъ, то ядро все-таки будетъ съ нами.

— Утѣшительно, нечего сказать! пуля безъ ружья!

— Ружье можно сдѣлать. Порохъ также можно сдѣлать. Ни въ металахъ, ни въ селитрѣ, ни въ углѣ не можетъ быть недостатка на лунѣ. Къ тому же, чтобы возвратиться, надо одолѣть только восемь лѣтъ луннаго притяженія чтобы, по законамъ тяготѣнія, упасть на земной шаръ.

— Довольно, сказалъ Мисель, одушевляясь. — Чтобъ и рѣчи не было о возвращеніи! Мы и такъ слишкомъ много говорили о немъ. Что касается до сообщенія съ нашими бывшими сотоварищами на землѣ, то это будетъ не трудно.

— А какимъ образомъ?

— Посредствомъ болидовъ, извергаемыхъ лунными волканами.

— Отличная выдумка, Мисель, отвѣчалъ Барбиканъ тономъ убѣжденія. — Лапласъ вычислилъ что силы впятеро сильнѣйшей нашихъ пушекъ было бы достаточно для отправленія болида съ луны на землю. А нѣтъ волкана который бы не былъ одаренъ болѣе значительною силой верженія.

— Ура! воскликнулъ Мисель. — Вотъ самые удобные факторы, эти болиды, да и стоять они намъ ничего не будутъ! И какъ мы посмѣемся надъ почтовымъ управленіемъ! Но я думаю....

— О чемъ?

— Прекрасная мысль! Отчего мы не прицѣпили проволоки къ нашему ядру. Мы пересылались бы телеграммами съ землей!

— Чортъ возьми! возразилъ Николь:—а вѣсь-то проволоки въ восемьдесятъ шесть лѣ ты развѣ ставишь ни во чтѣ?

— Какъ ни во чтѣ? Зарядъ Колумбіады можно было утроить, учетверить, уплатерить! кричалъ Мисель, все съ большею и большею запальчивостію.

— Противъ твоего проекта, сказалъ Барбиканъ, — можно сдѣлать только одно небольшое возраженіе. Дѣло въ томъ что, при вращательномъ движеніи шара, наша проволока обернулась бы около него какъ цѣпь на воротахъ, и неизбѣжно возвратила бы васъ на землю.

— Клянусь тридцатію девятію звѣздами Союза, сказалъ Мисель,—у меня сегодня все непрacticalныя мысли, мысли достойныя І. Т. Мастога! Но я полагаю что если мы не возвратимся на землю, то І. Т. Мастога способенъ явиться чтобъ отыскать насъ.

— Да, онъ явится за нами, отвѣчалъ Барбиканъ,—онъ достойный и мужественный товарищъ. Къ тому же и дѣло это не трудное! Развѣ Колумбіада не осталась на флоридской почвѣ? Развѣ можетъ оказаться недостатокъ въ хлопкѣ и азотной кислотѣ для выдѣлки пироксилина? Развѣ луна не пройдетъ снова по зениту Флориды? Развѣ чрезъ восемнадцать лѣтъ она не будетъ занимать того же мѣста какое занимаетъ въ настоящую минуту?

— Да, повторилъ Мисель,—да, Мастога явится къ намъ, и съ нимъ наши друзья: Эльфистонъ, Бломсбери, всѣ члены Пушечнаго Клуба; и какъ же мы примемъ ихъ! И потому устроятся поѣзды адеръ между луной и землею! Ура І. Т. Мастогу!

Весьма вѣроятно что, если досточтимый І. Т. Мастога, не слышалъ криковъ произносимыхъ въ честь его, то по крайней мѣрѣ у него звенѣло въ ушахъ. Чтѣ онъ дѣлалъ въ то время? Безъ сомнѣнія, стоя на Скалистыхъ Горахъ, на станціи Лонгсъ-Пику, онъ старался разсмотрѣть невидимое ядро, несшееся въ пространствѣ. Если онъ думалъ о своихъ любимыхъ товарищахъ, то должно сознаться что и они не оставались у него въ долгу и, подъ впечатлѣніемъ какого-то страннаго возбужденія, посвящали ему свои лучшія мысли.

Но откуда взялось это одушевленіе, явно усиливавшееся въ обитателяхъ ядра? Трезвость ихъ не подлежала сомнѣнію. Нужно ли было это странное возбужденіе мозга приписать исключительнымъ обстоятельствамъ въ которыхъ они

находились, такъ близко отъ ночнаго свѣтила что только нѣсколько часовъ отдѣляли ихъ отъ него, или какому-нибудь тайному вліянію луны, дѣйствовавшему на нервную систему? Лица ихъ покраснѣли, какъ будто они сидѣли предъ печью, дыханіе ихъ ускорилося, легкія дѣйствовали какъ кузнечныя мѣхи, глаза ихъ метали пламя; голоса издавали громовые звуки; слова ихъ вылетали подобно пробкѣ шампанскаго, вытѣсняемой угольною кислотой; тѣлодвиженія становились опасны: такъ много нужно было для нихъ пространства. И, что всего страннѣе, они сами не замѣчали этого чрезмѣрнаго напряженія ихъ мозга.

— Теперь, сказалъ Николь отрывисто, — теперь, когда мнѣ неизвѣстно когда мы возвратимся съ луны, я желаю знать что мы будемъ тамъ дѣлать?

— Что мы будемъ тамъ дѣлать? отвѣчалъ Барбиканъ, топая ногой какъ въ фехтовальной залѣ: — я этого не знаю.

— Ты не знаешь? воскликнулъ Мисель страшнымъ голосомъ, громко раздавшимся въ ядрѣ.

— Нѣтъ! даже и вообразить себѣ не могу, возразилъ Барбиканъ такимъ же тономъ какъ и его товарищъ.

— Ну, такъ я знаю! проревѣлъ Мисель.

— Говори же, коли знаешь, закричалъ Николь, который тоже не въ состояніи былъ совладѣть со своимъ голосомъ.

— Я буду говорить когда мнѣ вздумается, отвѣчалъ Мисель, схвативъ за руку товарища.

— Надо чтобы тебѣ сейчасъ это вздумалось, сказалъ Барбиканъ, сверкая глазами и дѣлая рукой угрожающій жестъ. — Ты насъ завлекъ въ это страшное путешествіе, и мы хотимъ знать зачѣмъ?

— Да, прибавилъ капитанъ, — такъ какъ я не знаю теперь куда иду, то желаю знать зачѣмъ я иду туда.

— Зачѣмъ? закричалъ Мисель подпрыгивая на метрѣ: — зачѣмъ? Зачѣмъ чтобы принять во владѣніе луну именованъ Соединенныхъ Штатовъ! Чтобы присоединить сороковой штатъ къ Союзу! Чтобы колонизовать лунныя области, обработать ихъ, населить, перенести туда всѣ чудеса искусства, науки и промышленности! Чтобы образовать Селенитовъ, если они уже не образованы на насъ, и учредить между ними республику, если они еще не учредили ея у себя.

— Да еще есть ли на свѣтѣ Селениты? возразилъ Николь,

который, подъ вліяніемъ этого необъяснимаго опьянѣнія, становился крайне задоренъ.

— Кто говорить что нѣтъ Селенитовъ? закричалъ Мисель угрожающимъ тономъ.

— Я! отвѣчалъ Николь.

— Капитанъ! не повторяй мнѣ этой дерзости, или я верну тебѣ ее въ горло черезъ зубы!

Противники готовились броситься другъ на друга, и этотъ безтолковый споръ готовъ былъ превратиться въ драку, какъ вдругъ Барбиканъ бросился разнимать ихъ.

— Подождите, несчастные! сказалъ онъ, разводя ихъ:—если нѣтъ Селенитовъ, то можно будетъ обойтись и безъ нихъ.

— Да, сказалъ Мисель, который ни мало не держался за свою мысль,—можно будетъ обойтись и безъ нихъ. Намъ нечего дѣлать съ Селенитами. Долой Селенитовъ!

— Намъ нужно царство луны! сказалъ Николь.

— Мы втроемъ устроимъ республику!

— Я буду конгрессомъ! кричалъ Мисель.

— А я сенатомъ, говорилъ Николь.

— А Барбиканъ президентомъ! ревълъ Мисель.

— Не нужно президента избираемаго націей! отвѣчалъ Барбиканъ.

— Хорошо, президентъ будетъ избираться конгрессомъ, сказалъ Мисель,—а такъ какъ конгрессъ я, то я и избираю тебя президентомъ единогласно!

— Ура! ура! ура! президенту Барбикану! кричалъ Николь.

— Гипъ, гипъ, гипъ! вопилъ Мисель.

Потомъ президентъ и сенатъ заплѣли неистовымъ голосомъ народную пѣсню *Yankee Doodle*, между тѣмъ какъ конгрессъ, надрываясь, тянулъ *Марсельезу*.

Тогда началась неистовая пляска съ дикими жестами, съ оглушительнымъ топаньемъ и кувырканьемъ. Діана, присоединяясь къ этой пляскѣ, завывала въ свою очередь и прыгнула до вершины ядра. Тамъ слышались необъяснимыя хлопья крыльевъ и пѣтушиный крикъ звучности необычайной. Пять или шесть куръ взлетѣли, ударяясь о стѣнки ядра, какъ обезумѣвшія летучія мыши.

Потомъ три сопутника, легкія которыхъ разстроились подъ непонятнымъ впечатлѣніемъ, болѣе чѣмъ опьянѣлые, сожигаемые воздухомъ, воспалившимъ ихъ дыхательный снарядъ, упали безъ движенія на дно ядра.

ГЛАВА VIII.

На разстояніи семидесяти восьми тысячъ ста
четыредесятати аё.

Что такое случилось? Откуда взялось это странное опьянѣніе, послѣдствія котораго могли быть столь губельны? Причиной его была разбѣянность Мишеля, и ее, къ счастью, Николь успѣлъ поправить во время.

Послѣ совершеннаго безчувствія, продолжавшагося нѣсколь-
ко минутъ, капитанъ очнулся первый и сталъ приводить въ
порядокъ свои умственные способности. Несмотря на то
что не болѣе двухъ часовъ тому назадъ они завтракали, онъ
чувствовалъ страшный голодь, мучившій его такъ какъ буд-
то онъ не ѣлъ нѣсколько дней.

Вслѣдствіе этого онъ всталъ и потребовалъ у Мишеля до-
попленія къ завтраку. Истомленный Мишель не отвѣчалъ.
Тогда Николь задумалъ сдѣлать себѣ чаю чтобы запить пол-
дюжины сэндвичей, которые онъ проглотилъ. Прежде всего
ему нужно было добыть огня, и онъ шаркнулъ спичкой.

Каково же было его изумленіе когда сѣра вспыхнула не-
обыкновеннымъ блескомъ, почти невыносимымъ для глазъ!
Изъ газоваго рожка, который онъ зажегъ, разлилось пламя
похожее на лучи электрическаго солнца.

Вдругъ догадка озарила ужъ Николая. Онъ разомъ понялъ
причины этого необыкновеннаго блеска, физиологическаго
разстройства которое онъ чувствовалъ, и возбужденія всѣхъ
своихъ нравственныхъ и физическихъ способностей.

— Кислородъ! воскликнулъ онъ.

И склонясь подъ воздушнымъ аппаратомъ, онъ увидѣлъ что
изъ крана вылетаетъ струей этотъ безцвѣтный газъ, безъ
вкуса, безъ запаха, въ высшей степени животворный, но про-
изводящій въ чистомъ состояніи самое важное разстройство
организма. Мишель, по разбѣянности, оставилъ кранъ совер-
шенно открытымъ.

Николь посѣвшилъ остановить это изліяніе кислорода, ко-
имъ пропитана была атмосфера и который могъ причинить
смерть путешественникамъ: онъ не задумалъ бы ихъ, а сжегъ.

По прошествіи часа воздухъ очистился, и дыханіе восстано-
вилось. Мало-по-малу три друга очнулись отъ опьянѣнія,

но имъ необходимо было оправиться отъ дѣйствія кислорода, и они были въ положеніи пьяницъ у которыхъ проходитъ мѣсяцъ.

Узнавъ о той долѣ ответственности которая падала на него въ этомъ происшествіи, Мисель нисколько не сконфузился. Эта неожиданная оргія нарушила однообразіе путешествія. Много глупостей было сказано подъ ея вліяніемъ, но онѣ были уже забыты.

— Притомъ, прибавилъ веселый Французъ,—я нисколько не раскаиваюсь что отвѣдалъ этого полномѣснаго газа. Знаете ли, друзья, что можно было бы основать отащенное заведеніе съ кислородными кабинетами, гдѣ люди съ ослабѣвшимъ организмомъ могли бы пожить въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ жизнью болѣе дѣятельною! Представьте себѣ собранія, гдѣ воздухъ былъ бы пропитанъ этою геройскою жидкостью, театры, гдѣ администрація пускала бы ее въ большомъ количествѣ,—какая страсть въ душѣ актеровъ и зрителей, какой огодъ, какой восторгъ! А еслибы, вмѣсто одного собранія, возможно было пропитать имъ цѣлый народъ, то какая дѣятельность закипѣла бы въ средѣ его, какой прирѣтокъ жизни онъ получалъ бы! Истощенную націю можно было бы такимъ образомъ превратить въ націю великую и сильную, и въ нашей Европѣ нашлось бы не одно государство которому бы, въ интересахъ его здоровья, пришлось воспользаться кислороднымъ лѣченіемъ.

Мисель говорилъ съ такимъ жаромъ какъ будто кравъ съ кислородомъ все еще былъ открытъ. Но Барбиканъ одною фразой умѣрилъ его восторгъ.

— Все это прекрасно, другъ Мисель, сказалъ онъ ему,—но не сообщай ли ты намъ откуда взялись куры пришедшія свой голосъ къ нашему концерту?

— Куры-то?..

— Да.

И дѣйствительно, подюжины куръ и великолѣпный пѣтухъ прохаживались по ядру, взлетая по временамъ и кудахтавъ.

— Ахъ, негодныя! воскликнулъ Мисель:—это кислородъ вывелъ ихъ изъ повиновенія!

— Но что ты хочешь дѣлать съ этими курами? спросилъ Барбиканъ.

— Акклиматизовать ихъ на лунѣ, конечно.

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ты ихъ пряталъ?

— Фарсъ, мой достойный президентъ, простой фарсъ потерпѣвшій прискорбное фіаско! Я хотѣлъ выпустить ихъ на лунный материкъ не сказавъ вамъ ни слова! Какъ бы изумились вы, когда бѣ увидѣли что эти земныя пернатые проглатываются по луннымъ полямъ.

— О, шалунъ, вѣчный шалунъ! отвѣчалъ Барбиканъ:—тебѣ не нужно кислорода чтобы придти въ восторженное состояніе! Ты всегда то чѣмъ мы были подъ вліяніемъ этого газа. Ты всегда безумедъ!

— Эхъ, кто знаетъ? можетъ-быть, тогда-то мы и были ужны! возразилъ Мишель Арданъ.

Послѣ этого философическаго разсужденія, друзья принялись приводить въ порядокъ ядро. Пѣтухъ и куры слова заняли свои мѣста въ клеткѣ. Но производя эту операцію, Барбиканъ и его товарищи замѣтили новый поразительный феноменъ.

Съ той минуты какъ они оставили землю, ихъ собственный вѣсъ, вѣсъ ядра и предметовъ, заключавшихся въ немъ, постепенно уменьшился. Если они не могли провѣрить уменьшеніе вѣса относительно ядра, то должна была наступить минута когда это явленіе сдѣлается ощутительно для нихъ самихъ, а равно для утвари и инструментовъ которыми они пользовались.

Конечно, вѣсы не могли бы показать этого уменьшенія тяжести, потому что орудіе назначенное для взвѣшиванія предмета потеряло бы ровно столько же тяжести сколько и самый предметъ; но вѣсы на пружинѣ, напримѣръ, растяжимость которой не зависитъ отъ притяженія, могли бы показать точную цифру уменьшенія вѣса.

Извѣстно что притяженіе, иначе называемое тяжестью, пропорціонально массамъ и обратно пропорціонально квадратамъ разстояній. Отсюда вытекаетъ слѣдствіе: еслибы земля была одна въ пространствѣ, еслибы прочія небесныя тѣла вдругъ уничтожились, то ядро, по закону Ньютона, становилось бы легче по мѣрѣ удаленія отъ земли, никогда однако не теряя совершенно своего вѣса, ибо земное притяженіе всегда ощущалось бы, на какомъ бы то ни было разстояніи.

Но въ настоящемъ случаѣ должна была наступить минута, въ которую ядро перестанетъ быть подчиненнымъ законамъ тяготѣнія (если не обращать вниманія на прочія небесныя тѣла, дѣйствіе коихъ можно было считать равнымъ нулю).

И дѣйствительно, путь ядра шелъ между луной и землей. По мѣрѣ того какъ оно удалялось отъ земли, земное притяженіе уменьшалось обратно квадрату разстоянія, но зато лунное притяженіе увеличивалось въ той же пропорціи. Долженъ былъ встрѣтиться пунктъ гдѣ оба эти притяженія нейтрализуются, и гдѣ ядро теряетъ всякій вѣсъ. Еслибы массы луны и земли были одинаковы, то пунктъ этотъ долженъ бы лежать на одинаковомъ разстояніи отъ нихъ обѣихъ. Но принимая въ расчетъ различіе массъ, легко было опредѣлить, что этотъ пунктъ находится на сорокъ семь пятьдесятъ вторыхъ всего пути или на разстояніи семидесяти восьми тысячъ, ста четырнадцати льѣ отъ земли.

На этомъ пунктѣ, тѣло, не имѣющее скорости, оставалось бы вѣчно неподвижнымъ, такъ какъ обѣ планеты притягивали бы его одинаково, и ничто не заставляло бы его склоняться къ той или къ другой.

Но ядро, если сила верженія была исчислена вѣрно, должно было достигнуть этого пункта со скоростью равною нулю, потерявъ всякій вѣсъ вмѣстѣ съ предметами въ немъ заключающимися.

Что жъ бы случилось въ такомъ случаѣ? Представлялись три гипотезы, изъ коихъ каждая должна была повести къ самымъ различнымъ послѣдствіямъ.

Или ядро сохранило бы еще нѣкоторую скорость и, перейдя пунктъ равнаго притяженія, упало бы на луну, вслѣдствіе одного луннаго притяженія;

Или, у него не достало бы скорости для достиженія пункта равнаго притяженія, и оно упало бы на землю въ силу одного земнаго притяженія;

Или наконецъ, имѣя достаточную силу для достиженія нейтральнаго пункта, но недостаточную чтобы перейти за его предѣлы, оно осталось бы вѣчно на одномъ мѣстѣ, подобно воображаемому гробу Магомета, между zenitomъ и надиромъ.

Таково было ихъ положеніе, и Барбиканъ объяснилъ послѣдствія его своимъ товарищамъ. Это интересовало ихъ въ высшей степени. Но какимъ образомъ узнали бы они что ядро достигло своего нейтральнаго пункта, расположеннаго на разстояніи семидесяти восьми тысячъ ста четырнадцати льѣ отъ земли? Они узнали бы его по тому именно что

ни они, ни предметы находившіеся въ ядрѣ, не были бы уже подчинены никакимъ законамъ тяготѣнія.

До сихъ поръ путешественники, замѣчая что вліяніе это уменьшается все болѣе и болѣе, не сознавали однако его полного отсутствія. Но въ этотъ день, около 11ти часовъ утра, Николь нечаянно выронилъ изъ рукъ стаканъ, и этотъ стаканъ, вмѣсто того чтобъ упасть на полъ, стоялъ неподвижно на воздухѣ.

— Вотъ штука-то! воскликнулъ Мисель Ардакъ:—какой интересный физическій опытъ!

И тотчасъ же различные предметы, оружіе, бутылки, предоставленные самимъ себѣ, держались на воздухѣ какъ бы какимъ-то чудомъ. Діана также, поднятая вверхъ Миселемъ, воспроизвела, но безъ всякаго фокуса, чудесное положеніе въ пространствѣ, которое принимали Кастоны и Роберты Гудены. Собака, впрочемъ, повидимому, нисколько не замѣчала что она плаваетъ по воздуху.

Сами они, изумленные, пораженные, несмотря на всѣ свои ученые разсужденія, чувствовали что перенеслись въ сферу чудеснаго, чувствовали что тѣламъ ихъ недостаетъ тяжести. Если они протягивали руки, то руки не падали назадъ. Головы ихъ колебались на плечахъ. Ноги не держали ихъ на днѣ ядра. Они были какъ пьяные, у которыхъ земля ускользаетъ изъ-подъ ногъ. Фантазія создавала людей лишенныхъ отраженія или тѣни. Но здѣсь дѣйствительность, нейтральностью притягательныхъ силъ, создавала людей въ которыхъ не было тяжести и которые не вѣсили ничего сами по себѣ!

Вдругъ Мисель вспрыгнулъ, оставилъ дно ядра и повисъ на воздухѣ, какъ добрый монахъ въ *Кузнь Ангеловъ* на картинѣ Мурильо. Оба его пріятели последовали за нимъ въ одно мгновеніе, и всѣ трое въ центрѣ ядра представили чудесное восхожденіе.

— Вѣроятно ли это? Правдоподобно ли это? Возможно ли это? спрашивалъ Мисель.—Нѣтъ! А между тѣмъ оно есть! Ахъ! еслибы Рафаэль увидалъ насъ въ такомъ положеніи, какое бы „Преображеніе“ набросалъ онъ на полотно!

— Это не можетъ продолжаться, отвѣчалъ Барбиканъ.— Если ядро пройдетъ нейтральный пунктъ, то лунное притяженіе привлечетъ насъ къ лунѣ.

— Тогда мы будемъ стоять ногами на верхушкѣ ядра?

— Нѣтъ, потому что ядро, центр тяжести коего лежитъ очень низко, перевернется мало-по-малу.

— Тогда и все наше хозяйство перевернется вверхъ дномъ; вотъ тебѣ и разъ!

— Успокойся, Мисель, сказалъ Николь.— Никакого смѣтенія дамъ опасаться нечего. Ни одинъ предметъ не двинется, потому что поворотъ ядра совершится нечувствительно.

— Совершенно справедливо, присовокупилъ Барбиканъ,— и когда оно пройдетъ пунктъ равнаго притяженія, то низъ его, относительно болѣе тяжелый, увлечетъ его перпендикулярно къ лунѣ. Но чтобъ этотъ феноменъ совершился, намъ сдѣдуетъ перейти нейтральный пунктъ.

— Мы переходимъ нейтральный пунктъ! воскликнулъ Мисель.— Въ такомъ случаѣ поступимъ какъ моряки переходящіе экваторъ. Вспрыснемъ нашъ переходъ!

Легкое движеніе въ бокъ привело Миселя къ стѣнкѣ ядра. Тамъ онъ досталъ изъ шкафа бутылку и стаканы, поставилъ ихъ въ „пространствѣ“ предъ товарищами, и весело осушивъ стаканы, они привѣтствовали переходъ троекратнымъ: ура!

Это важеніе притяженій продолжалось не болѣе часа. Путешественники почувствовали что они постепенно спускаются на дно, и Барбикану показалось, что коническая оконечность ядра вѣсколько уклоняется отъ нормальной линіи, направленной къ лунѣ. Обратнымъ движеніемъ, дно къ ней приближалось. Значитъ, лунное притяженіе дѣйствовало сильнѣе земнаго. Паденіе къ лунѣ начиналось, хотя еще нечувствительно; оно должно было быть только въ миллиметрѣ съ третью въ первую секунду или въ 0,59 линіи. Но мало-по-малу притягательная сила должна была усилиться, паденіе сдѣлалось бы значительнѣе, ядро, увлекаемое своею нижнею частью, обратилось бы верхнимъ конусомъ къ землѣ, и упало бы съ возрастающею скоростью на поверхность луннаго материка. Такимъ образомъ цѣль была бы достигнута. Теперь ничто уже не могло помѣшать успѣху предпріятія, и Николь съ Миселемъ Арданомъ отъ души раздѣляли радость Барбикана.

Потомъ они бесѣдовали объ этихъ феноменахъ, которые приводили ихъ въ изумленіе одинъ за другимъ. Въ особенности они не могли наговориться объ испытанной ими нейтрализаціи законовъ тяготѣнія. Мисель Арданъ, вѣчно

восторженный, извлекалъ изъ нихъ самыя фантастическія заключенія.

— Ахъ, мои милые друзья! восклицалъ онъ:—какой бы прогрессъ совершился, еслибы такимъ образомъ можно было на землѣ освободиться отъ этой тяжести, отъ этой цѣпи, приковывающей насъ къ ней! Это значило бы вырваться изъ пазны! Ни усталости, ни рукъ, ни ногъ! И если говорить правду, будто для того чтобы летать на поверхности земли, чтобъ держаться на воздухѣ простымъ дѣйствіемъ мускуловъ, надо имѣть силу во сто пятьдесятъ разъ, превосходящую ту которою мы обладаемъ, то одного акта воли, одной нашей прихоти достаточно было бы, чтобы перенести насъ въ пространство, еслибы притяженія не было.

— Да, замѣтилъ смѣясь Николь,—еслибы дойти до того чтобъ уничтожить тяжесть, какъ уничтожаютъ боль анестезіею, то какъ измѣнился бы видъ современныхъ обществъ!

— Да, продолжалъ Мисель, увлеченный своимъ предметомъ, — уничтожимъ тяжесть, и бремени болѣе не будетъ! тогда не будетъ ни журавлей, ни подъемовъ, ни вороговъ, ни другихъ снарядовъ, которыя тогда не были бы нужны.

— Хорошо сказано, возразилъ Барбиканъ,—но еслибы ничто не имѣло вѣса, тогда бы ничто и не держалось; не держалась бы шляпа на твоей головѣ, мой безцѣнный Мисель, не держался бы и твой домъ, камни котораго держатся только своего тяжестью! Не было бы лодокъ которыя держатся на водѣ только вслѣдствіе тяготѣнія. Не было бы даже океана, волны котораго не держались бы въ равновѣсіи, какъ они держатся благодаря земному притяженію! Наконецъ, не было бы атмосферы, частицы коей, несдерживаемыя болѣе, разсыпались бы въ пространство!

— Вотъ что прискорбно, возразилъ Мисель.—Только положительные люди и способны такъ грубо возвращать насъ къ дѣйствительности!

— Но утѣшься, Мисель! Если нѣтъ планеты съ коей были бы изгнаны законы притяженія, то по крайней мѣрѣ ты вскорѣ посѣтишь планету гдѣ это притяженіе несравненно слабѣе чѣмъ на землѣ.

— Луну?

— Да, луну. Такъ какъ масса ея равняется одной шестой

массы земнаго шара, и такъ какъ тяжесть пропорціональна массамъ, то предметы на ней вѣсятъ въ шесть разъ менѣе.

— И мы замѣтимъ это? спросилъ Мишель.

— Конечно, потому что двѣсти килограммовъ на поверхности луны вѣсятъ только тридцать.

— А сила нашихъ мускуловъ не уменьшится тамъ?

— Ни мало. Когда ты вадумасшь прыгать, то поднимешь не на одинъ метръ, какъ на землѣ, а на восемнадцать футовъ.

— О, такъ мы будемъ геркулесами на лунѣ! воскликнулъ Мишель.

— Тѣмъ болѣе, сказалъ Николай,—что если ростъ Селенитовъ пропорціоналенъ массѣ ихъ шара, то онъ долженъ быть около фута.

— Диллапуты! замѣтилъ Мишель.—Стало-быть, я буду разыгрывать тамъ Гулливера! Мы осуществимъ басню о великанахъ! Вотъ выгода оставить свою планету и странствовать по солнечному міру!

— Подожди минутой, Мишель, отвѣчалъ Барбиканъ.—Если ты хочешь разыгрывать Гулливера, то посѣдай только низшія планеты, каковы: Меркурій, Венера и Марсъ, масса которыхъ менѣе массы земли. Но не пускайся на большія планеты, каковы: Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ, потому что тамъ роли переимѣнятся, и ты станешь Диллапутомъ.

— А на солнцѣ?

— Хотя плотность солнца вчетверо менѣе плотности земли, но объемъ его въ 1,380,000 разъ значительнѣе, и потому притяженіе тамъ въ двадцать семь разъ сильнѣе чѣмъ на поверхности нашего шара. Сравнительно, тамошніе жители должны быть, среднимъ числомъ, въ двѣсти футовъ ростомъ.

— Чортъ возьми! воскликнулъ Мишель.—Значить, я былъ бы тамъ пигмеемъ, Мирмидонцемъ!

— Гулливеромъ у великановъ, сказалъ Николай.

— Точь-въ-точь! присовокупилъ Барбиканъ.

— И не мѣшало бы тогда захватить съ собою для защиты нѣсколько артиллерійскихъ орудій.

— Какъ же не такъ! возразилъ Барбиканъ:—ядра твои не имѣли бы никакой силы на солнцѣ и стали бы падать пролетѣвъ нѣсколько метровъ.

— Ну, ужъ это чересчуръ!

— Несомнѣнно. Притяженіе такъ сильно на этомъ громад-

номъ тѣлѣ что предметъ, вѣсящій на землѣ 70 килограммовъ, вѣсилъ бы 1.980 на поверхности солнца. Твоя шляпа вѣсила бы десять килограммовъ, твоя сигара полфунта. Наконецъ, еслибы ты самъ упалъ на солнечный материкъ, то тяжесть твоя была бы такова,—около 2.500 килограммовъ,—что ты не въ состоянн быль бы встать!

— Чортъ возьми! Стало-быть, надо бы тогда имѣть при себѣ маленькій карманный журавль! Ну, такъ что жь, друзья мои! Удовольствуемся на этотъ разъ луной. Тамъ по крайней мѣрѣ мы будемъ имѣть величественный видъ! Позже мы посмотримъ, отправится ли намъ на солнце, гдѣ нельзя обойтись безъ ворота чтобы поднять стаканъ и поднести его ко рту.

ГЛАВА IX.

Послѣдствія укаменія.

Барбиканъ не тревожился болѣе, если не относительно исхода путешествія, то относительно силы верженія ядра. Сохранившаяся въ немъ скорость увлекала его за предѣлы нейтральнаго пункта. Значить, оно не возвратится на землю. Значить, оно не останется на одномъ пунктѣ, въ состоянн неподвижности. Оставалось осуществиться одной гипотезѣ,—то-есть, чтобы ядро достигло своей цѣли подъ влиянiемъ луннаго притяженія.

Въ дѣйствительности, то было бы паденiемъ съ высоты 8.296 льѣ на планету, тяготѣнiе которой, впрочемъ, вшестеро слабѣе земнаго тяготѣнiя. Тѣмъ не менѣе паденiе страшное, противъ котораго необходимо было безотлагательно принять всѣ мѣры предосторожности. Предосторожности эти были двоякаго рода: одна должны были ослабить ударъ въ ту минуту, когда ядро коснулось бы лунной почвы, другія должны были замедлить его паденiе, и вслѣдствiе этого сдѣлать его не столь сильнымъ.

Очень прискорбно было Барбикану что для ослабленія удара онъ не могъ воспользоваться тѣми же средствами которыя были такъ успѣшно употреблены для ослабленія толчка при отъѣздѣ, то-есть водою, дѣйствовавшею въ видѣ пружины, и разбивными перегородками. Правда, перегородки сохранились, но воды не доставало, потому что для этой цѣли

нельзя было употребить тотъ запасъ, который могъ пригодиться имъ въ томъ случаѣ, если они въ первые дни своего пребыванія на лунной почвѣ не найдутъ тамъ воды. Къ тому же этого запаса было бы и недостаточно чтобъ устроить изъ него пружину. Вода, заключенная въ ядро при отпавленіи, на которую положенъ былъ подвижной дискъ, занимала не менѣе трехъ футовъ въ вышину, на поверхности 54 квадратныхъ футовъ. Въ объемъ она имѣла шесть кубическихъ метровъ, вѣсу 5.750 килограммовъ. А водохранилища въ ядрѣ не имѣли и пятой части такого количества. Приходилось отказаться отъ этого столь дѣйствительнаго средства для ослабленія удара при паденіи.

Къ счастью, Барбиканъ, не довольствуясь употребленіемъ воды, снабдилъ подвижной дискъ сильными упругими пружинами, цѣлю коихъ было ослабить ударъ о дно ядра, послѣ разрыва горизонтальныхъ перегородокъ. Эти тампоны были цѣлы; стоило только привести ихъ въ порядокъ и утвердить на прежнемъ мѣстѣ подвижной дискъ. Со всѣми этими вещами справиться было не трудно, такъ какъ тяжесть ихъ была почти нечувствительна.

Такъ и было сдѣлано. Отдѣльныя части пришлось одна къ другой какъ нельзя лучше. Оставалось только приладить винты и гайки. Въ орудіяхъ также недостатка не было. Вскорѣ дискъ, совершенно исправленный, покоился стальныхъ тампонахъ, какъ столъ на ножкахъ. Отъ помѣщенія диска оказалось только одно неудобство. Нижнее окно было имъ закрыто, вслѣдствіе чего путешественники лишились возможности наблюдать луну, когда ядро будетъ перпендикулярно спускаться къ ней. Необходимо было съ этимъ примириться. Къ тому же изъ боковыхъ отверстій еще можно было видѣть обширныя лунныя пространства, подобно тому какъ мы видимъ землю изъ лодочки воздушнаго шара.

Исправленіе диска потребовало часовой работы. Было уже за полдень, когда окончились всѣ приготовленія. Барбиканъ произвелъ новыя наблюденія надъ наклоненіемъ ядра, но, къ великой его досадѣ, оно недостаточно перевернулось для паденія; оно, повидимому, шло по кривой линіи параллельно съ луннымъ дискомъ. Луна ярко блистала въ пространствѣ, между тѣмъ какъ съ противоположной стороны солнце обливало ее своими лучами.

Положеніе это было далеко не успокоительно.

— Доберемся ли мы до нея? спросилъ Николь.

— Будемъ дѣйствовать такъ, какъ бы мы должны были ее достигнуть, отвѣчалъ Барбиканъ.

— Вы просто-на-просто трусы, сказалъ Мисель Арданъ.— Мы долетимъ до луны и гораздо скорѣе чѣмъ вы желаете.

Отвѣтъ этотъ заставилъ Барбикана приняться снова за работу, и онъ сталъ размѣщать снаряды, цѣлю коихъ было замедлить паденіе ядра.

При этомъ необходимо припомнить сцену митинга въ Тампа-Таунѣ, во Флоридѣ, гдѣ капитанъ Николь выступилъ врагомъ Барбикана и противникомъ Миселя Ардана. Капитану Николу, утверждавшему тогда что ядро разобьется какъ стеклянное, Мисель возразилъ что онъ задержитъ его паденіе посредствомъ ракетъ, расположенныхъ какъ слѣдуетъ.

И дѣйствительно, сильные фейерверочные снаряды, имѣя точкой опоры дно ядра и вылетая наружу, могли, производя попятное движеніе, замедлить до нѣкоторой степени скорость паденія. Эти ракеты должны были горѣть, правда, въ пустотѣ, но въ кислородѣ у нихъ не было бы недостатка, такъ какъ они сами доставляли бы его себѣ, подобно луннымъ вулканамъ, изверженію коихъ никогда не препятствовалъ недостатокъ атмосферы вокругъ луны.

Барбиканъ запасся фейерверочными снарядами, заключенными въ маленькіхъ нарѣзныхъ стальныхъ пушкахъ, которые можно было привинтить ко дну ядра. Снаружи онѣ выходили изъ него на полфута; изнутри они оставались наравнѣ со дномъ. Ихъ было всего двадцать. Отверстіе, оставленное въ дискѣ, давало возможность зажечь фитили, которыми была снабжена каждая изъ пушекъ. Все дѣйствіе ихъ должно было совершиться вѣѣ. Ракетная смѣсь заранее вложена была въ каждую пушку. Итакъ достаточно было вынуть металлическія втулки, вставленныя въ дно ядра, и замѣнить ихъ этими пушками, которыя заранее пригнаны были такъ что плотно входили въ отверстія, занятыя втулками.

Эта новая работа была окончена къ тремъ часамъ, и по окончаніи ея оставалось только ждать.

Между тѣмъ ядро видимо приближалось къ лунѣ. Оно несомнѣнно испытывало на себѣ въ нѣкоторой мѣрѣ ея вліяніе; но собственная скорость увлекала его по кривой линіи.

Съ увѣренностью можно было сказать что ядро уже не упадетъ нормально на поверхность луны, такъ какъ нижняя его часть, вслѣдствіе своей тяжести, должна бы уже обратиться къ ней.

Безпокойство Барбикана усилилось, когда онъ замѣтилъ что его ядро не подчиняется дѣйствию притяженія. Предъ нимъ открывалась неизвѣстность, столь грозная посреди междупланетныхъ пространствъ. Онъ, ученый, мечталъ, что предусматривалъ три возможныя гипотезы: возвращеніе на землю, паденіе на луну, неподвижность на нейтральномъ пунктѣ! И вотъ четвертая гипотеза, чреватая всѣми ужасами безконечности, возставала предъ ними внезапно! Не податься совершенному унынію могли только такой отважный ученый какъ Барбиканъ, такой флегматикъ какъ Николь, или такой дерзкій авантюристъ какъ Мисель Арданъ.

Разговоръ вертѣлся около этого предмета.

Люди иного характера стали бы разсматривать вопросъ съ практической точки зрѣнія. Они стали бы допытываться куда несеть ихъ ядро-вагонъ. Не то было съ нашими путешественниками. Они старались отыскать причины такого явленія.

— Итакъ мы соскочили съ рельсовъ, сказалъ Мисель, — но отъ чего это?

— Я опасаюсь, отвѣчалъ Николь, — что, несмотря на всѣ принятыя предосторожности, Колумбіада была невѣрно прицѣлена. Ошибка, какъ бы она ни была ничтожна, уже достаточна чтобы ринуть насъ за предѣлы луннаго притяженія.

— Стало-быть прицѣлъ былъ невѣренъ? спросилъ Мисель.

— Не думаю, отвѣчалъ Барбиканъ. — Вертикальное положеніе пушки было совершенно вѣрно, направленіе ея къ зениту несомнѣнно. Но такъ какъ луна проходитъ теперь по зениту, то мы должны бы достигнуть ея въ полнолуніе. Есть иная причина, но она не приходитъ мнѣ теперь въ голову.

— Не слишкомъ ли поздно мы приблизились къ ней? спросилъ Николь.

— Слишкомъ поздно! повторилъ Барбиканъ.

— Да, отвѣчалъ Николь. — Мемуаръ Кембриджской обсерваторіи гласить, что путь долженъ совершиться въ 97 часовъ, 13 минутъ и 20 секундъ, а это значитъ что ракѣ луна еще не будетъ въ назначенномъ пунктѣ и что позже ея уже опять тамъ не будетъ.

— Такъ, отвѣчалъ Барбиканъ;—но мы отправились 1го декабря, въ 11 часовъ безъ 13 минутъ и 25 секундъ вечера, и должны прибыть 5го въ полночь, въ ту самую минуту, когда будетъ полнолуніе. У насъ 5е декабря. Теперь половина 4го вечера, и восьми съ половиной часовъ достаточно чтобы привести насъ къ дѣлу. Почему же мы ея не достигнемъ?

— Не отъ избытка ли это скорости? спросилъ снова Николь,—вѣдь мы знаемъ теперь что начальная скорость была значительное чѣмъ предполагали.

— Нѣтъ, сто разъ нѣтъ! отвѣчалъ Барбиканъ.—Избытокъ скорости, если направленіе ядра было вѣрно, не помѣшалъ бы намъ достигнуть луны. Нѣтъ! тутъ должно быть уклоненіе. Мы уклонились отъ прямого пути.

— Чѣмъ? по какой причинѣ.

— Не знаю!...

— Ну, Барбиканъ, сказалъ Мисель.— хочешь знать мое мнѣніе о причинѣ этого уклоненія?

— Говори!

— Я не дамъ и полу-доллара чтобъ узнать причину! Мы сбились съ пути—вотъ фактъ. Куда мы несемся, что за дѣло? Мы это скоро увидимъ. Чортъ возьми! такъ какъ мы увлечены въ пространство, то кончимъ тѣмъ что упадемъ въ какой-нибудь центръ притяженія!

Это равнодушіе Миселя Ардава не могло удовлетворить Барбикана. Не потому чтобъ его беспокоило будущее! Нѣтъ! Но онъ хотѣлъ во что бы то ни стало узнать почему ядро уклонилось съ пути.

Между тѣмъ ядро продолжало двигаться бокомъ къ лунѣ и за нимъ весь кортежъ выброшенныхъ изъ него предметовъ. Барбиканъ могъ даже опредѣлить, по возвышеннымъ пунктамъ луны, что они находились отъ нея менѣе чѣмъ на 2.000 лье, а скорость движенія становилась однообразною. Новое доказательство что паденія не было. Сила верженія все еще была значительное луннаго притяженія, но траекторія ядра несомнѣнно приближалась къ лунному диску, и можно было надѣяться что, на болѣе близкомъ разстояніи, дѣйствіе тяготѣнія одолѣетъ и поведетъ наконецъ къ паденію ядра на луну.

Три друга, за неимѣніемъ другаго дѣла, продолжали свои наблюденія. Но они не могли опредѣлить топографическія особенности земнаго спутника. Всѣ рельефы его уравнивались подѣ блескомъ солнечныхъ лучей.

Они продолжали наблюдать луну въ боковыя окна до восьми часовъ вечера. Она до такой степени увеличилась въ ихъ глазахъ что закрывала половину неба. Солнце съ одной стороны, луна съ другой, заливали ядро свѣтомъ.

Въ эту минуту Барбиканъ изъ своихъ соображеній заключалъ, что только 700 льё отдѣляютъ ихъ отъ ихъ цѣли. Скорость ядра казалась ему 200 метровъ въ секунду, или около 170 льё въ часъ. Низъ ядра, подъ вліяніемъ центростремительной силы, стремился направиться къ лунѣ, но такъ какъ центробѣжная сила все еще преодолевала центростремительную, то становилось вѣроятнымъ что прямолинейная траекторія измѣнится въ какую-либо кривую линію, свойства коей опредѣлить было невозможно.

Барбиканъ все еще искалъ разрѣшенія своей неразрѣшенной проблемы. Часы проходили безъ результата. Ядро очевидно приближалось къ лунѣ, но также очевидно было что оно ея не достигнетъ. Что касается до кратчайшаго расстоянія, на которомъ оно пройдетъ мимо ея, то оно будетъ зависеть отъ совокупнаго дѣйствія двухъ силъ, притягивающей и отталкивающей, коими обуславливалось движеніе.

— Я желаю только одного, сказалъ Мисель, — пройти настолько близко къ лунѣ чтобы проникнуть ея тайны.

— Да будетъ же проклята, воскликнулъ Николь, — та причина которая заставила наше ядро уклониться съ пути.

— Да будетъ же проклять, сказалъ Барбиканъ, какъ будто бы что-то мелькнуло у него въ головѣ, — тотъ болидъ, который пересѣкъ намъ дорогу.

— Какъ? спросилъ Мисель Арданъ.

— Чтѣ вы хотите сказать этимъ? спросилъ въ свою очередь Николь.

— Я хочу сказать, сказалъ Барбиканъ тономъ убѣжденія, — что уклоненіемъ нашимъ съ пути мы обязаны этому блуждающему тѣлу.

— Но оно даже и не коснулось насъ, отвѣчалъ Мисель.

— Чтѣ за дѣло? Масса его въ сравненіи съ нашимъ ядромъ громадная, и его притяженія достаточно было чтобы подѣйствовать на наше направленіе.

— Такъ мало! замѣтилъ Николь.

— Да, Николь, какъ ни мало это значитъ, отвѣчалъ Барбиканъ, — но, на расстояніи 84.000 льё, болѣе не требовалось чтобы намъ не попасть на луну.

ГЛАВА X.

Наблюдатели луны.

Барбиканъ, очевидно, нашелъ единственную дѣльную причину своего уклоненія съ пути. Какъ ни слаба она казалась, ея достаточно было для измѣненія траекторіи ядра. Въ этомъ было нѣчто роковое. Смѣлая попытка оканчивалась неудачей по совершенно случайному обстоятельству, и если не встрѣтится что-нибудь необыкновенное, путешественникамъ уже не достичь луны. Пройдутъ ли они, по крайней мѣрѣ, достаточно близко отъ нея чтобы рѣшить нѣкоторые физическіе и геологическіе вопросы до сихъ поръ неразрѣшимые? Вотъ единственный вопросъ, занимавшій ихъ въ настоящую минуту. Что касается до участи своей въ будущемъ, то они и думать о ней не хотѣли. А между тѣмъ, что станетъ съ ними посреди этихъ безконечныхъ пустынь, такъ какъ скоро уже у нихъ не будетъ воздуха необходимаго для жизни? Еще нѣсколько дней, и они задохнутся въ этомъ адѣ, несущемся неизвѣстно куда. Но нѣсколько дней казались имъ вѣками, и они посвятили всѣ свои минуты наблюдениямъ луны, достигнуть которой они потеряли надежду.

Разстояніе, отдѣлявшее ядро отъ земнаго спутника, они исчислили въ 200 льѣ. На этомъ разстояніи топографическія подробности луны, разсматриваемыя безъ телескопа, не могли быть вѣрно опредѣлены. Глазъ обнималъ обширныя очертанія этихъ громаднѣхъ углубленій, не точно называемыхъ „морями“, но свойства ихъ онъ распознать не могъ. Рельефъ горъ исчезалъ въ яркомъ свѣтѣ производимомъ отраженіемъ солнечныхъ лучей. Взоръ, ослабленный блескомъ луны, похожимъ на растопленное серебро, отвращался отъ нея неволью.

Однако, овальная форма ночнаго свѣтила уже обозначалась. Оно представлялось исполненнымъ ядомъ, острый конецъ коего обращенъ къ землѣ. Находясь въ жидкомъ или тягучемъ состояніи въ первые дни своей формации, луна представляла собою правильную сферу. Но вскорѣ, увлеченная въ сферу притяженія земли, она удлинилась подъ вліяніемъ тяготѣнія. Сдѣлавшись спутникомъ, она утратила первоначальную чистоту своихъ формъ; центръ ея тяжести перемѣстился

впередъ противъ центра фигуры, и изъ этого перемѣщенія нѣкоторые ученые заключили что воздухъ и вода перенеслись на противоположную поверхность, которой никогда не видно съ земли.

Измѣненіе первоначальныхъ формъ спутника можно было замѣтить лишь въ продолженіи нѣскольکو минутъ. Разстояніе ядра отъ луны быстро уменьшалось, со скоростью гораздо меньшею первоначальной скорости, но въ восемь или въ девять разъ превосходившею ту которую имѣютъ спѣшныя поѣзды на желѣзныхъ дорогахъ. Косвенное направленіе ядра, вслѣдствіе самой этой косвенности, подавало Мишелю Ардану нѣкоторую надежду коснуться какого-нибудь пункта на лунномъ дискѣ. Онъ не хотѣлъ вѣрить что не попадетъ туда, и безпрестанно твердилъ о томъ. Но Барбиканъ, болѣе компетентный судья въ этомъ дѣлѣ, отвѣчалъ ему съ безопасною логикой:

— Нѣтъ, Мишель, нѣтъ. Мы можемъ достигнуть луны только паденіемъ, а мы не падаемъ. Центроостремительная сила удерживаетъ насъ подлѣ вліяніемъ луны, но сила центробѣжная удаляетъ насъ отъ нея неудержимо.

Это сказано было такимъ тономъ что отняло у Мишеля послѣднюю надежду.

Та часть луны, къ которой приближалось ядро, была сѣверное ея полушаріе: то которое лунныя карты ставятъ снизу, ибо карты эти вообще снимаются съ изображенія доставляемаго телескопами, а извѣстно что телескопы представляютъ предметы верхъ ногами. Такова была *Марра celestographica* Бера и Медлера съ которою справлялся Барбиканъ. Это сѣверное полушаріе представляло обширныя равнины, тамъ и сямъ пересѣченныя отдѣльными горами.

Въ полночь наступило полнолуніе. Въ этотъ самый моментъ путешественники должны были достигнуть луны, еслибы непрошеный боиудъ не отклонилъ ихъ отъ пута. Итакъ луна представлялась въ положеніи строго опредѣляемомъ Кембриджскою обсерваторіей. Она математически стояла въ своемъ перигетѣ, и на зенитѣ 28й параллели. Наблюдатель, который помѣстился бы на дѣлѣ громадной Колумбиады, направленной перпендикулярно къ небу, увидѣлъ бы луну прямо въ пущечномъ жерлѣ. Еслибы провести прямую линію изъ середины орудія, то она прошла бы въ центръ луны.

Излишне говорить что въ эту ночь, съ 5го на 6е декабря,

путешественники не смыкали глазъ. И могли ли они сомкнуть ихъ на такомъ близкомъ разстояніи отъ этого новаго міра? Нѣтъ! всѣ ихъ ощущенія сосредоточивались въ одной мысли—видѣть! Служа представителями земли, они заключали въ себѣ прошедшее и настоящее человѣчества, и чрезъ посредство ихъ глазъ человѣческой родъ смотрѣлъ на эти лунныя пространства и проникалъ въ тайны своего спутника! Сильное волненіе наполняло ихъ сердца, и они безмолвно переходили отъ одного окна къ другому.

Наблюденія ихъ, воспроизводимыя Барбиканомъ, были весьма тщательны. Для произведенія ихъ, у нихъ были зрительныя трубы, для повѣрки—карты.

Первымъ наблюдателемъ луны былъ Галилей. Слабый телескопъ его увеличивалъ предметы только въ 30 разъ. Несмотря на то, въ пятнахъ испещрявшихъ лунный дискъ, „подобно глазкамъ испещряющимъ хвостъ павлина“, онъ первый распозналъ горы и вымѣрилъ нѣкоторые высоты, которыми онъ преувеличенно приписалъ размѣръ равный одной двадцатой діаметра диска или 8,800 метровъ. Галилей не начертилъ никакой карты своихъ наблюденій.

Нѣсколько лѣтъ спустя, одинъ данціскій астрономъ, Гевеліусъ,—способомъ который можетъ давать вѣрные результаты только дважды въ мѣсяцъ, въ первую и вторую квадратуры, — уменьшилъ высоты Галилея до одной двадцать шестой луннаго діаметра. Невѣрность въ обратномъ смыслѣ. Но этотъ ученый составилъ первую карту луны. Свѣтлыя и округлыя пятна на ней образуютъ горы, а темныя обозначаютъ обширныя моря, которыя въ сущности не иное что какъ равнины. Этимъ горамъ и воднымъ пространствамъ онъ придалъ земныя названія. Тамъ является Синай посреди Аравіи, Этна въ центрѣ Сициліи, Альпы, Аппеннины, Карпаты, потомъ моря: Средиземное, Мраморное, Черное и Каспійское. Названія данныя весьма неудачно, потому что ни горы эти, ни моря не напоминаютъ своими очертаніями своихъ земныхъ соименниковъ. Съ трудомъ можно узнать въ этой широкой бѣлой полосѣ, примыкающей на югѣ къ болѣе обширнымъ материкамъ и оканчивающейся остриемъ, изображеніе опрокинутой фигуры Индійскаго полуострова, Бенгальскаго залива и Кохинхины. Названія эти не сохранились. Другой картографъ, знавшій

лучше человеческое сердце, предложилъ новую номенклатуру, которую и поспѣшило принять человеческое тщеславіе.

Наблюдатель этотъ былъ патеръ Риччіоли, современникъ Гевеліуса. Онъ составилъ грубую и исполненную ошибокъ карту. Но луннымъ горамъ онъ придалъ имена великихъ людей древности и ученыхъ своего вѣка, что и вошло потомъ въ употребленіе.

Третья лунная карта была составлена въ XVII вѣкѣ Доминикомъ Кассини; превосходя исполненіемъ карту Риччіоли, она не вѣрна относительно измѣреній. Многія изданія оной разошлись, но потомъ мѣдная доска, долго сохранявшаяся въ королевской типографіи, была продана на вѣсъ какъ вещь излишняя.

Лагаръ, знаменитый математикъ и рисовальщикъ, составилъ карту луны въ четыре метра высоты, но она никогда не была награвирована.

Послѣ него, вѣмецкій астрономъ, Тобіи Мейеръ, началъ, около половины XVIII вѣка, изданіе великолѣпной селенографической карты по точнымъ измѣреніямъ, строго имъ провереннымъ, но смерть, постигшая его въ 1762 году, помѣшала ему окончить этотъ превосходный трудъ.

Затѣмъ слѣдовали Шрётеръ изъ Лиліентала, который начерталъ множество лунныхъ картъ, потомъ нѣкто Лорманнъ изъ Дрездена, оставившій доску раздѣленную на 25 отдѣлений, изъ коихъ четыре были награвированы.

Въ 1830 году гг. Беръ и Медлеръ составили свою знаменитую *Mappa selenographica*, въ ортографической проекціи. Карта эта вѣрно изображаетъ лунный дискъ въ томъ видѣ какъ онъ представляется наблюдателю; но очертанія горъ и равнинъ вѣрны только въ ея центральной части; въ другихъ же частяхъ, сѣверныхъ или южныхъ, эти очертанія, представленныя въ ракурсѣ, не могутъ быть сравниваемы съ центральными. Эта топографическая карта, вышиной въ 95 центиметровъ и раздѣленная на четыре части, есть совершенство лунной картографіи.

Далѣе можно упомянуть селенографическіе рельефы вѣмецкаго астронома Юліуса Шмидта, топографическія работы патера Секки, великолѣпные опыты англійскаго любителя Варена Деларю, и наконецъ карту въ ортографической проекціи, гг. Лекутюрье и Шаюп, исполненную въ 1860 году, рисунка очень чистаго и расположенія самаго отчетливаго.

Вотъ исчисленіе различныхъ картъ относящихся къ лунному міру. У Барбикана ихъ было двѣ: карта гг. Бера и Медлера, и затѣмъ другая гг. Шаюи и Лекутюрье. Онѣ должны были облегчить ему его наблюденія.

Что касается до оптическихъ инструментовъ, бывшихъ у него въ распоряженіи, то они состояли изъ отличныхъ морскихъ зрительныхъ трубъ, специально приспособленныхъ къ этому путешествію. Онѣ увеличивали предметы во сто разъ; значить, онѣ приблизили бы луну къ землѣ менѣ чѣмъ на тысячу лѣтъ. Но тамъ, на разстояніи которое въ три часа утра не превышало 120 километровъ, и въ средѣ не возмущаемой никакою атмосферой, эти инструменты должны были приблизить лунный дискъ ближе чѣмъ на 1.500 метровъ.

ГЛАВА XI.

Фантазія и дѣйствительность.

— Видали ли вы когда-нибудь луну? иронически спросилъ одинъ учитель своего ученика.

— Нѣтъ, господинъ учитель, еще съ большею ироніей отвѣчалъ ученикъ;—но я долженъ сознаться что слыхалъ о ней.

Въ извѣстномъ смыслѣ, забавный отвѣтъ ученика могло бы повторить огромное большинство подлунныхъ жителей. Сколько людей слыхало о лунѣ, а никогда ея не видало.... по крайней мѣрѣ въ зрительную трубу или въ телескопъ! Сколько изъ нихъ не бросало даже и взгляда на карту нашего спутника!

Когда вы начинаете разсматривать селенографическую карту, то васъ прежде всего поражаетъ одна особенность. Въ противоположность расположенію материковъ на землѣ и на Марсѣ, материки луны главнымъ образомъ размѣщены въ южномъ полушаріи. Материки эти не представляютъ тѣхъ значительныхъ линій, столь опредѣленныхъ и правильныхъ, которыя характеризуютъ Южную Америку, Африку и Индійскій полуостровъ. Ихъ берега, угловатые, излучистые и причудливо изрѣзанные, изобилуютъ заливами и полуостровами. Они напоминаютъ лабиринтъ Зондскихъ острововъ, гдѣ земля дробится до безконечности. Если мореплаваніе существовало когда-нибудь на лунѣ, то оно было крайне затруднительно и опасно, и надо пожалѣть лунныхъ моряковъ

и гидрографовъ,—первыхъ, когда они пускались въ эти опасныя воды, вторыхъ, когда имъ приходилось дѣлать съемку этихъ изрѣзанныхъ береговъ.

Должно замѣтить также что на лунномъ сфероидѣ южный полюсъ гораздо континентальнѣе сѣвернаго. На послѣднемъ существуетъ только небольшая группа земель, отдѣленная отъ прочихъ материковъ обширными морями.* Къ югу материки покрываютъ сплошь почти все полушаріе. И потому возможно что Селевиты водрузили уже флагъ на одномъ изъ своихъ полюсовъ, между тѣмъ какъ Франклины, Россы, Кены, Дюмонъ-Дюрвилли, Ламберы не могли еще достигнуть этого таинственнаго пункта земнаго шара.

Что касается острововъ, то они многочисленны на поверхности луны. Почти всѣ они имѣютъ форму овальную или круглую и какъ бы обведенную циркулемъ; повидимому, они образуютъ обширный архипелагъ, который можно сравнить съ тою прекрасною группой острововъ, расположенною между Греціей и Малою Азіей, которую мифологія украсила некогда самыми изящными изъ своихъ легендъ. Невольно приходятъ на умъ имена Наксоса, Тенедоса, Милоса, Карпатоса, и ищешь глазами Уацсова корабля или „клиппера“ Аргонавтовъ. Таково, по крайней мѣрѣ, было мнѣніе Мишеля Ардана; ему чудилось что онъ видитъ на картѣ греческій архипелагъ. На глаза его товарищей, мѣтѣ наклонныхъ къ мечтательности, видъ этихъ береговъ напоминалъ болѣе раздробленныя земли Новаго Брауншвейга и Новой Шотландіи, и, тамъ гдѣ Французъ находилъ слѣды баснословныхъ героевъ, Американцы отмѣчали пункты удобные для устройства конторъ въ интересахъ лунной торговли и промышленности.

Чтобъ окончить описаніе континентальной части луны, скажемъ нѣсколько словъ объ ея орографическомъ расположеніи. Тамъ очень ясно видны горныя цѣпи, отдѣльныя горы, круглыя выемки или цирки и борозды. Весь лунный рельефъ представляетъ только эти формы. Онъ въ высшей степени неровень и является намъ какою-то громадною Швейцаріей, непрерывною Норвегіей, гдѣ все возникло вслѣдствіе

* Разумѣется, словомъ *море* мы обозначаемъ тѣ громады пространства которыя, вѣроятно, были некогда покрыты водою, а теперь представляютъ только обширныя равнины.

плутоническихъ переворотовъ. Эта поверхность, столь глубоко изрытая, есть результатъ послѣдовательныхъ сжатій коры въ періодъ образованія луны. Дискъ ея весьма удобенъ для изученія великихъ геологическихъ феноменовъ. По замѣчанію нѣкоторыхъ астрономовъ, поверхность его хотя и древнѣе поверхности земли, но осталась въ извѣстномъ смыслѣ новѣе послѣдней. На немъ нѣтъ водъ, извѣщающихъ первобытный рельефъ и своимъ постоянно усиливающимся дѣятвемъ какъ бы подводящихъ все подъ одинъ уровень, нѣтъ воздуха, влагающее свойство котораго измѣняетъ орографическія очертанія. Тамъ плутоническое образованіе, не искаженное нептуническими силами, пребываетъ въ своей первобытной чистотѣ. Такова была земля прежде чѣмъ болота и потоки покрыли ее наносными слоями.

Пробѣжавъ по обширнымъ материкамъ луны, взоръ устремляется на ея еще болѣе обширныя моря. Не только ихъ очертанія, положеніе и наружный видъ напоминаютъ земные океаны, но тамъ также, какъ на землѣ, моря занимаютъ ббльшую часть шара. Но это не покрытыя влагой пространства, а твердыя равнины, свойство которыхъ путешественники надѣялись въ скоромъ времени опредѣлить.

Надо сознаться что астрономы украсили эти мнимыя моря самыми странными названіями, которыхъ наука до сихъ поръ не измѣнила. Мишель Арданъ былъ правъ, сравнивая эту карту съ „картой Нѣжности“, придуманною какою-нибудь Скюдери или какимъ-нибудь Сирано де-Бержеракомъ.

— Разница въ томъ только, прибавилъ онъ,—что это уже не карта чувства, какъ было въ XVII вѣкѣ, а карта жизни, рѣзко раздѣленная на двѣ части: на мужскую и женскую. Женщинамъ правое полушаріе; мужчинамъ—лѣвое.

Такія рѣчи Мишеля заставляли его прозаическихъ товарищей пожимать плечами. Барбиканъ и Николь разсматривали лунную карту совершенно съ другой точки зрѣнія чѣмъ мечтатель-Мишель. А между тѣмъ мечтатель-Мишель былъ правъ до нѣкоторой степени. Судите сами.

На этомъ лѣвомъ полушаріи простирается „Море Облаковъ“, въ которомъ такъ часто тонетъ человѣческой разумъ. Неподалеку появляется „Море Дождей“, питаемое всѣми тревоженіями бытія. Рядомъ идетъ „Море Бурь“, гдѣ человѣкъ непрерывно борется со страстями, нерѣдко его преодоляющими. Затѣмъ, истощенный разочарованіями, измѣнами,

вѣроломствомъ и всею вереницей человѣческихъ бѣдствій, что же онъ находитъ въ концѣ своего поприща? Это обширное *Mare Hyborum*, *Mer des Hyboris*, едва усаждаемое водами „залива Росы“! Облака, дожди, бури, скорби, содержатъ ли въ себѣ что-нибудь иное жизнь мушоны, и не выражается ли она въ этихъ словахъ?

Правое полушаріе, „посвященное женщинамъ“, заключаетъ въ себѣ моря менѣе обширныя, многозначительныя названія коихъ обозначаютъ всѣ эпизоды женскаго бытія. Вотъ „Море Ясности“, надъ которымъ склоняется молодая дѣвица, и „Море Мечтаній“, отражающихъ въ себѣ свѣтаую будущность. Далѣе „Море Нектара“ съ волнами пѣвности и восторгамъ любви! Потомъ „Море Плодородія“, „Море Кризисовъ“, „Море Порывовъ“, размѣры коихъ, можетъ-быть, слишкомъ ограничены, и наконецъ „Море Спокойствія“, гдѣ тоуютъ всѣ ложныя страсти, всѣ бесполезныя мечты, всѣ неудовлетворенныя желанія, и воды коего мирно заиваются въ „Озеро Смерти“.

Какое странное сочетаніе названій! Какое странное раздѣленіе этихъ двухъ полушарій луны, соединенныхъ одно съ другимъ, подобно мушонѣ и женщинѣ, и образующихъ эту сферу жизни носящуюся въ пространствѣ! И развѣ не правъ былъ мечтатель-Мишель, объясняя такимъ образомъ фантазію древнихъ астрономовъ?

Но между тѣмъ какъ его воображеніе разгуливало такимъ образомъ по „морямъ“, его серіозные товарищи смотрѣли на предметы находившіеся у нихъ предъ глазами болѣе географически. Они какъ бы заучивали наизусть этотъ новый міръ. Они измѣряли углы и діаметры.

Для Барбикана и Наколя, Море Облаковъ было громадною впадиной усѣяною нѣсколькими круглыми горами; покрывая западную часть южнаго полушарія, оно занимаетъ пространство 184.000 квадратныхъ лѣ, и центръ его находится подъ 15° южной широты и подъ 20° западной долготы. Море Бурь, *Oceanus Procellarum*, самая обширная равнина луннаго диска, занимаетъ 328.800 квадратныхъ лѣ, центръ его подъ 10° сѣверной широты и подъ 45° восточной долготы. Изъ нѣдръ его воздымаются чудныя, блестящія горы Кеплера и Аристарха.

Далѣе къ сѣверу, отдѣленное отъ Моря Облаковъ длинными цѣплями, простирается Море Дождей, *Mare Imbrium*,

центральнѣйшій пунктъ коего подѣ 35° сѣв. широты и 20° вост. долготы; форма его почти круглая и занимаетъ пространство 193.000 кв. льё. Неподалеку Море Влагъ, *Mare Humorum*, маленькій бассейнъ, не болѣе какъ въ 44.200 кв. льё, подѣ 25° юж. широты и 40° вост. долготы. Наконецъ по берегамъ этого полушарія обрисовываются три залива: заливъ Знойный, заливъ Росы и заливъ Радугъ, маленькія равнины сжатая между высокими горными цѣпами.

„Женское“ полушаріе, естественно болѣе причудливое, отличалось морями меньшей величины, но болѣе многочисленными. На сѣверѣ Море Холода, *Mare Frigoris*, подѣ 55° сѣв. широты и 0° долготы, съ пространствомъ въ 76.000 кв. льё, примыкавшее къ Озеру Смерти и къ Озеру Сновъ; Море Ясности, *Mare Serenitatis*, подѣ 25° сѣв. шир. и 20° зап. долг., съ пространствомъ въ 86.000 кв. льё; Море Кризисовъ, *Mare Crisium*, ясно очерченное, очень круглое, занимающее подѣ 17° сѣв. шир. и подѣ 55° зап. долг., пространство въ 40.000 кв. льё, настоящее Каспійское море, сжатое поясомъ горъ. Далѣе къ экватору, подѣ 5° сѣв. шир. и 25° зап. долг., появлялось Море Спокойствія, *Mare Tranquillitatis*, занимающее 121.509 кв. льё; море это соединяется на югѣ съ Морею Нектара, *Mare Nectaris*, пространствомъ въ 28.800 кв. льё, подѣ 15° юж. шир. и 35° зап. долг., а къ востоку съ Морею Плодородія, *Mare Fecunditatis*, самымъ обширнымъ въ этомъ полушаріи, занимающимъ 219.300 кв. льё, подѣ 3° юж. шир. и 50° зап. долг. Наконецъ на самомъ сѣверѣ и на самомъ югѣ выдаются еще два моря: Гумбольдтово Море, *Mare Humboldtianum*, съ поверхностью въ 6.500 кв. льё и Море Австраійское, *Mare Australe*, на поверхности 26 миль.

Въ центрѣ луннаго диска, вдоль самаго экватора и на меридіанѣ 0, открывался центральный заливъ, *sinus Medii*, нѣчто въ родѣ соединительной черты между двумя полушаріями.

Такимъ образомъ обрисовалась предъ глазами Никола и Барбикана постоянно видимая поверхность земнаго спутника. Когда они сложили эти различныя измѣренія, то нашли что поверхность этого полушарія равняется 4.738.160 кв. льё, изъ коихъ 3.317.600 льё приходится на вулканы, горныя цѣпи, ущелія, острова, словомъ на все составляющее матерую часть луны и 1.410.400 льё на моря, озера, болота, на все что составляетъ кажущуюся жидкую ея часть. Ко всему этому достойный Мишель оставался совершенно равнодушнымъ.

Итакъ изъ предыдущаго мы видимъ что это полушаріе въ $13\frac{1}{2}$ разъ менѣе земной полусферы, а между тѣмъ селенографы насчитали уже тамъ до 50.000 кратеровъ. Значитъ поверхность на немъ изрытая, растреснувшаяся, достойная очень неповѣческаго названія даннаго ей Англичанами, *green cheese*, то-есть „зеленый сыр“.

Мишель Арданъ вспрыгнулъ, когда Барбиканъ произнесъ это столь нелестное для луны названіе.

Такъ вотъ какъ Англо-Саксонцы XIX вѣка трактуютъ красавицу Діану, бѣлокудрую Фебею, милую Изиду, очаровательную Астарту, царицу ночи, дочь Латоны и Юпитера, юную сестру лучезарнаго Аполлона!

ГЛАВА XII.

Орографическія подробности.

Направленіе, принятое ядромъ, несло его, какъ уже было замѣчено, къ сѣверному полушарію луны. Путешественники давно уже мимовали тотъ центральный пунктъ котораго они должны были бы коснуться, еслибы траекторія ихъ не потерпѣла неправильнаго уклоненія.

Часы показывали половину перваго ночи. Но, по мнѣнію Барбикана, ядро находилось въ 1.400 километрахъ отъ луны—разстояніе, еще превосходившее длину луннаго радіуса, и которое должно было уменьшаться по мѣрѣ того какъ они приближались къ сѣверному полюсу. Ядро стояло тогда не на высотѣ экватора, но пересѣкало десятую параллель; отъ этой широты, тщательно снятой на картѣ, и до полюса Барбиканъ и оба его товарищи могли наблюдать луну при самымъ лучшихъ условіяхъ.

И дѣйствительно, благодаря зрительнымъ трубамъ, это разстояніе 1.400 километровъ уменьшалось до 14 километровъ или до $4\frac{1}{2}$ льѣ. Барбиканъ, сидя въ своемъ ядрѣ, со зрительною трубкой въ рукахъ, замѣчалъ уже нѣкоторыя подробности почти недоступныя для земныхъ наблюдателей.

— Друзья мои, сказалъ тогда президентъ серьезнымъ тономъ,—я не знаю куда мы несемся, не знаю, увидимъ ли мы когда-нибудь земной шаръ. Будемъ, однако, дѣйствовать такъ, чтобы занятія наши могли послужить въ пользу нашимъ

ближнимъ. Отгонимъ отъ себя всѣ заботы. Мы астрономы. Ядро это есть кабинетъ Кембриджской обсерваторіи, перенесенный въ пространство. Будемъ наблюдать.

Послѣ этихъ словъ онъ принялся за дѣло съ удвоеннымъ вниманіемъ, и вѣрно воспроизвелъ различные виды луны на различныхъ разстояніяхъ, которыя ядро занимало относительно этого свѣтила.

Въ то время ядро находилось на десятой сѣверной параллели и, повидимому, слѣдовало неуклонно по 20 градусу вост. долготы.

Здѣсь кстату сдѣлать важное замѣчаніе относительно карты служившей имъ для наблюденій. На селенографическихъ картахъ, гдѣ, вслѣдствіе обращенія верхъ ногами предметовъ въ зрительныхъ трубахъ, югъ поставленъ на верху, а сѣверъ внизу, казалось бы естественнымъ что, вслѣдствіе того же обращенія, востокъ долженъ бы находиться налѣво, а западъ направо. А между тѣмъ ничего подобнаго мы не видимъ. Еслибы карта была перевернута и представляла луну такъ какъ она является нашимъ глазамъ, то востокъ былъ бы налѣво, а западъ направо, въ противоположность тому что видно на земныхъ картахъ. Вотъ причины такой аномаліи: наблюдатели, находящіеся на сѣверномъ полушаріи, въ Европѣ, если угодно, видятъ луну относительно себя на югѣ. Наблюдая ее, они стоятъ спиной къ сѣверу, положеніе обратное тому которое они занимаютъ разсматривая земную карту. Такъ какъ они стоятъ спиной къ сѣверу, востокъ у нихъ находится слѣва, а западъ справа. Для наблюдателей находящихся въ южномъ полушаріи, въ Патагоніи на примѣръ, западъ луны оказался бы слѣва, а востокъ справа, потому что югъ былъ бы позади ихъ.

Такова причина кажущагося перемѣщенія двухъ главныхъ точекъ, и необходимо принять его въ соображеніе, чтобы слѣдовать за наблюденіями президента Барбикана.

Съ помощію *Mappa selenographica* Бера и Медлера, путешественники могли безошибочно распознать часть луннаго диска входившаго въ кругъ ихъ зрительной трубы.

— Что жъ мы видимъ въ эту минуту? спросилъ Мисель.

— Сѣверную часть Облачнаго моря, отвѣчалъ Барбиканъ.— Мы слишкомъ далеко отъ него чтобы распознать его свойство. Состоятъ ли эти равнины изъ сыпучихъ песковъ, какъ утверждали первые астрономы? Не представляютъ ли онѣ

обширныхъ лѣсовъ, согласно съ мнѣніемъ г. Варена-Деларю, который полагаетъ что луна надѣлена очень низкою, но очень густою атмосферою? Это мы узнаемъ послѣ. А теперь воздержимся отъ догадокъ, которыя могутъ оказаться ошибочными.

Это Море Облаковъ довольно неопредѣленно обозначено на картахъ. Полагаютъ что оно представляетъ обширную равнину, устьянную массами лавы, извергнутой волканами которые находятся вблизи ея праваго берега и носятъ названія: Птолемей, Пурбахъ, Арзахель. Но ядро двигалось и замѣтно приближалось къ лунѣ: вскорѣ обозначились вершины замыкающія это море съ сѣверной его границы. Впереди воздымалась великолѣпная гора, вершина коей какъ будто тонула въ морѣ солнечныхъ лучей.

— Что это? спросилъ Мисель.

— Коперникъ, отвѣчалъ Барбиканъ.

— Ну, посмотримъ Коперника.

Гора эта, лежащая подъ 9° сѣв. шир. и 20° вост. долготы, воздымается на 3.438 метровъ надъ уровнемъ лунной поверхности. Она хорошо видима съ земли, и астрономы могутъ изучать ее вполне, особенно во время фазы между послѣднею четвертью и новолуніемъ, потому что тогда тѣни тянутся длинною полосой отъ востока къ западу и даютъ возможность измѣрить ея высоту.

Этотъ Коперникъ образуетъ самую замѣчательную лучезарную систему диска послѣ Тихо, лежащаго въ южномъ полушаріи. Онъ воздымается одиноко, подобно исполинскому маяку, на той части Моря Облаковъ которая граничитъ съ Моремъ Бурь, и своимъ яркимъ блескомъ освѣщаетъ разомъ два океана. Невыразимо прекрасно было зрѣлище этихъ длинныхъ, свѣтоносныхъ полосъ, столь освѣжительныхъ во время полнолунія, которыя, переходя къ сѣверу за пограничныя горы и дѣли, угасаютъ наконецъ въ Морѣ Дожей. Въ часъ земнаго утра, ядро, подобно аэростату унесенному въ пространство, господствовало надъ этою великолѣпною горой.

Барбиканъ могъ съ точностью опредѣлить ея главныя черты. Коперникъ принадлежитъ къ разряду кольцеобразныхъ горъ перваго порядка, къ отдѣлу большихъ цирковъ. Подобно Келлеру и Аристарху, господствующимъ надъ Моремъ Бурь, онъ является иногда блестящею точкою посреди темнаго свѣта, а потому его и принимали за дѣйствующій

волокна. Но ояъ не что иное, какъ volcano угасшій, подобно всѣмъ прочимъ на этой сторонѣ луны. Окружность его представляетъ діаметръ около 22 льё. Въ телескопъ открыты были на немъ слѣды наслоеній, произведенныхъ послѣдовательными взрывами, и окрестности его какъ будто устланы вулканическими обломками, изъ коихъ нѣкоторые выкальваются еще изъ внутренности кратера.

— На поверхности луны, сказалъ Барбиканъ,—находится много различныхъ цирковъ, и не трудно убѣдиться что Коперникъ принадлежитъ къ лучистому ихъ разряду. Еслибы мы были ближе, мы замѣтили бы конусы находящіеся внутри и бывшіе некогда огневдышащими жерлами. Вотъ чрезвычайно замѣчательное и не имѣющее никакихъ исключеній явленіе на лунномъ дискѣ: внутренняя поверхность этихъ цирковъ значительно ниже внѣшней равнины, въ противность тому что представляютъ земные кратеры. Изъ этого оказывается что общая кривизна дна этихъ цирковъ представляетъ сферу съ діаметромъ меньшимъ сравнительно съ діаметромъ луны.

— А какая причина такого особеннаго расположенія? спросилъ Николь.

— Неизвѣстно.

— Какой великолѣпный блескъ! повторилъ Мишель:—я не думаю чтобы гдѣ-нибудь возможно было увидѣть зрѣлище болѣе прекрасное!

— Что же ты скажешь? спросилъ Барбиканъ:—если случайности нашего путешествія завлекутъ насъ къ южному полушарію?

— Ну что жъ? Я скажу что зрѣлище тамъ еще прекраснѣе, отвѣчалъ не обинуясь Мишель Арданъ.

Въ эту минуту ядро стояло перпендикулярно надъ циркомъ Коперника. Ояъ представлялъ собою почти полный кругъ, и окраины его, весьма крутыя, ясно обрисовывались. Замѣтна была даже его двойная кольцеобразная ограда. Кругомъ разстилалась сѣровая равнина дикаго вида, рельефы которой выдѣлялись въ желтомъ цвѣтѣ. Внутри цирка блеснули на мгновеніе, какъ бы заключенные въ ларцѣ, два-три конуса изверженія, подобные громаднымъ брилліантамъ ослѣпительной игры. Къ сѣверу края повижались вслѣдствіе опущенія, давшаго по всей вѣроятности доступъ ко внутренности кратера.

Провосаясь надъ окрестною равниной, Барбиканъ могъ отмѣтить великое множество незначительныхъ вершинъ и между прочимъ маленькую кольцеобразную гору, носящую названіе Гей-Люссака, ширина коей 23 километра. Къ югу равнина являлась весьма плоскою, безъ малѣйшаго возвышенія почвы. Къ сѣверу же, напротивъ, до того мѣста гдѣ она примыкала къ Морю Бурь, она представляла какъ бы водную поверхность, взволнованную ураганомъ, гдѣ верхушки горъ и холмовъ казались рядами послѣдовательно воздымающихся волнъ. По всему этому пространству и во всѣхъ направленіяхъ бѣжали полосы свѣта сливавшіяся на вершинѣ Коперника. Нѣкоторыя имѣли до 30 километровъ въ вышину съ неизмѣримою длиною.

Путешественники обсуждали происхожденіе этихъ странныхъ лучей, но, подобно земнымъ наблюдателямъ, не могли опредѣлить ихъ свойства.

— Но почему, сказалъ Николь,—лучамъ этимъ не быть просто контрфорсами горъ, ярче отражающими солнечный свѣтъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Барбиканъ,—еслибъ это было такъ, то, въ извѣстныя минуты, такіе горные отроги бросали бы тѣнь, а они ея не бросаютъ.

И дѣйствительно, эти лучи появляются только въ такое время когда солнце становится прямо противъ луны, и исчезаютъ какъ только лучи его дѣлаются косвенными.

— Но чтѣ же придумали для объясненія этихъ полосъ свѣта? спросилъ Мишель:—я не повѣрю чтобъ ученые когда-нибудь истожились въ объясненіяхъ.

— Да, отвѣчалъ Барбиканъ,—Гершель выразилъ о нихъ мнѣніе, но не рѣшился выдать его за вѣрное.

— Пусть такъ; но чтѣ же это за мнѣніе?

— Онъ предполагалъ что эти лучи должны быть потоки остывшей лавы, которые блещутъ, когда солнце падаетъ на нихъ прямо. Это возможно, но достовѣрно сказать ничего нельзя. Впрочемъ, если мы подойдемъ ближе къ Тихо, то, можетъ-быть, намъ удастся вѣрнѣе узнать причину этихъ лучей.

— Знаете ли, друзья мои, на чтѣ похожа эта равнина, если глядѣть на нее съ высоты, гдѣ мы находимся? спросилъ Мишель.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Николь.

— Съ этими кусками лавы, длинными какъ вретена, она похожа на громадную массу бирюлекъ, набросанную на

столь какъ попало. Не достаетъ только крючка чтобы выдергать ихъ одна за другою.

— Будь же немножко посерьознѣе! сказалъ Барбиканъ.

— Будемъ серьезны, отвѣчалъ спокойно Мишель,—и вмѣсто „бирюлекъ“, поставимъ „скелеты“. Такимъ образомъ равнина эта была бы громаднымъ кладбищемъ, на которомъ покоились бы смертные останки тысячи угасшихъ поколѣній. Больше нравится тебѣ это эффектное сравненіе?

— Одно стоить другаго!

— Чортъ возьми! На тебя не угодишь.

— Достойный другъ мой, возразилъ положительный Барбиканъ,—какая намъ нужда знать на что это похоже, когда мы не знаемъ даже что это такое?

— Отвѣтъ отличный, воскликнулъ Мишель.—Онъ научить меня какъ рассуждать съ учеными.

Между тѣмъ ядро подвигалось со скоростью почти однообразною вдоль луннаго диска. Легко можно себя представить что путешественники не думали объ отдыхѣ. Ежеминутно измѣнялся ландшафтъ, бѣжавшій у нихъ предъ глазами. Утромъ, около половины втораго, они разсмотрѣли вершины другой горы. Справившись съ картою, Барбиканъ опредѣлилъ что предъ ними находилась Эратосеенъ.

То была кольцеобразная гора высотой въ 4500 метровъ, одинъ изъ цирковъ, очень многочисленныхъ на лунѣ. При этомъ случаѣ Барбиканъ сообщилъ своимъ друзьямъ странное мнѣніе Кеплера объ образованіи этихъ цирковъ. По мнѣнію знаменитаго математика, эти кратерообразныя впадины были изрыты человѣческими руками.

— Съ какою цѣлю? спросилъ Николь.

— Цѣль весьма понятная, отвѣчалъ Барбиканъ. Селениты предприняли эти громадныя работы и вырыли эти обширныя впадины для того чтобъ укрываться въ нихъ и предохранять себя отъ солнечныхъ лучей, прямо падавшихъ на нихъ по двѣ недѣли сряду.

— Не совсѣмъ же глупы эти Селениты! замѣтилъ Мишель.

— Странная мысль! сказалъ Николь.—Но, вѣроятно, Кеплеру неизвѣстны были размѣры этихъ цирковъ; вырыть ихъ было бы гигантскою работою, невозможною для Селенитовъ!

— А почему же, если тяжесть на поверхности луны въ шесть разъ менѣе чѣмъ на поверхности земли? спросилъ Мишель.

— Но если Селениты въ шесть разъ менѣ жителей земли? возразилъ Николь.

— А если Селемитовъ и вовсе нѣтъ? проговорилъ Барбикаль. На этомъ и остановилась ихъ бесѣда.

Вскорѣ Эратоссеенъ исчезъ съ горизонта, прежде чѣмъ ларо на столько приблизилось къ нему чтобы возможно было тщательное его изслѣдованіе. Эта гора отдѣляла Аппеннины отъ Карпатовъ.

Въ лунной орографіи обозначены нѣсколько горныхъ цѣпей, которыя главнымъ образомъ размѣщены въ сѣверномъ полушаріи. Нѣкоторыя однако занимаютъ извѣстныя части южнаго полушарія.

Вотъ таблица этихъ различныхъ цѣпей, обозначенныхъ отъ юга къ сѣверу съ ихъ географическимъ положеніемъ и съ обозначеніемъ ихъ высочайшихъ пунктовъ:

Горы:	Южн. широта.	Выс. въ метр.
Дерфель.....	84°	7.608
Лейбницъ.....	65°	7.600
Рокъ.....	отъ 20° до 30°	1.600
Алтай.....	17° . 28°	4.047
Кордильеры.....	10° . 20°	3.898
Пиренеи.....	8° . 18°	3.631
Уралъ.....	5° . 13°	838
Даламбергъ.....	4° . 10°	5.847
	Сѣв. широта.	
Гемусъ.....	отъ 8° до 21°	2.021
Карпаты.....	15° . 19°	1.939
Аппеннины.....	14° . 2°	5.501
Тавръ.....	21° . 28°	2.746
Рифей.....	25° . 33°	4.171
Герцины.....	17° . 29°	1.170
Кавказъ.....	32° . 41°	5.567
Альпы.....	42° . 49°	3.617

Между этими различными цѣпями самая значительная Аппеннины, распространеніе коей во 150 льѣ уступаетъ пространенію большихъ орографическихъ системъ земли. Аппеннины тянутся вдоль восточнаго берега Моря Дождей и къ сѣверу продолженіемъ ихъ служатъ Карпаты, профиль которыхъ исчисленъ почти во сто льѣ.

Путешественники успѣли бросить только бѣглый взглядъ на эти Аппеннины, которыя обрисовываются отъ 10° зап. долг. до

16° вост. долг.; но цѣпь Карпатовъ простиралась подъ ихъ глазами отъ 18° до 30° вост. долг., и они могли рассмотреть ихъ расположеніе.

Одна гипотеза показалась имъ весьма вѣроятною. При видѣ этой цѣпи Карпатовъ, представляющей тамъ и самъ кругобразныя формы и многія вершины, они пришли къ заключенію что она образована нѣкогда обширныя цирки. Эти гористыя кольца, вѣроятно, разорваны были когда-либо обширнымъ разлитіемъ, которому бытіемъ своимъ обязано Море Дождей. Эти Карпаты, по своему виду, были тѣмъ чѣмъ были бы цирки Пурбаха, Арзахеля и Птолемея, если бы какой-либо переворотъ сбросилъ ихъ лѣвыя окраины и превратилъ ихъ въ непрерывную цѣпь. Они представляютъ среднюю высоту въ 3.200 метровъ, одинаковую съ нѣкоторыми пунктами Пиринеевъ, каковъ, напримѣръ, портъ Пинеда. Ихъ южныя склоны понижаются отвѣсно къ громадному Морю Дождей.

Около двухъ часовъ утра, Барбиканъ находился на высотѣ двадцатой лунной параллели, не далеко отъ той маленькой горы въ 1.559 метровъ, которая носитъ названіе Пинеаса. Ядро отстояло отъ луны на 1.200 километровъ, разстояніе сокращавшееся при помощи телескоповъ до 2½ льб.

Mare Umbrium простиралось предъ глазами путешественниковъ подобно громадной впадинѣ, подробности которой еще трудно было рассмотретьъ. Подлѣ нихъ воздымалась гора Ламбера, высота коей исчисляется въ 1.813 метровъ, и далѣе, на границѣ Моря Бурь, подъ 23° сѣв. шир. и 29° долготы, свѣтилась лучезарная гора Эйлера. Гора эта, воздымающаяся только на 1.815 метровъ надъ лунною поверхностью, была предметомъ интереснаго изслѣдованія астронома Шретера. Этотъ ученый, занимаясь изысканіемъ происхожденія лунныхъ горъ, предложилъ себѣ вопросъ, всегда ли объемъ впадины кратера равенъ объему образующихъ его окраинъ? Оказалось что это отношеніе, вообще говоря, соблюдается, и Шретеръ заключилъ изъ этого что *одного* изверженія вулканическихъ веществъ было достаточно чтобъ образовать эти края, такъ какъ послѣдовательныя изверженія извратили бы это отношеніе. Одна лишь гора Эйлера не соответствовала этому общему закону и для образованія ея потребовалось нѣсколько послѣдовательныхъ изверженій, такъ какъ объемъ ея впадины вдвое болѣе объема ея окраинъ.

Всѣ эти гипотезы позволительны земнымъ наблюдателямъ, инструментамъ коихъ такъ далеки отъ совершенства. Но Барбиканъ не хотѣлъ довольствоваться ими; видя что ядро ихъ правильно приближается къ лунному диску, котораго достигнуть имъ было уже невозможно, онъ надѣялся по крайней мѣрѣ открыть тайны его формаци.

ГЛАВА XIII.

Человѣческіе ландшафты.

Въ половинѣ третьяго, утормъ, ядро достигло тридцатой лунной параллели и было на разстояніи отъ луны въ 1.000 километровъ, сокращавшемся на 10, благодаря оптическимъ инструментамъ. Достигнуть какого-нибудь пункта луннаго диска по-прежнему казалось невозможнымъ. Скорость движенія, относительно умѣренную, не могъ объяснить себѣ президентъ Барбиканъ. На такомъ разстояніи отъ луны, скорость эта, казалось, должна быть значительною чтобъ ядро могло сопротивляться силѣ притяженія. Итакъ, здѣсь представлялось явленіе, причина коего ускользала отъ объясненія. Къ тому же не доставало и времени для объясненія. Лунный рельефъ проходилъ предъ глазами путешественниковъ, и они не хотѣли потерять ни малѣйшей изъ его подробностей.

Итакъ, дискъ казался въ телескопѣ только на разстояніи двухъ съ половиной лѣѣ. Что могъ бы различить на поверхности земли воздухоплаватель, поднявшійся надъ нею на такое разстояніе? Сказать трудно, потому что никто изъ воздухоплавателей не поднимался выше 8.000 метровъ.

Вотъ однако точное описаніе того что видѣли съ этой высоты Барбиканъ и его товарищи.

Разнообразныя окраски являлись широкими пятнами на дискѣ. Селенографы не согласны между собою относительно свойства этихъ окрасокъ. Онѣ различны и довольно рѣзко обозначены. Юліусъ Шмидтъ утверждаетъ что, еслибы высушить земные океаны, то лунный наблюдатель не нашелъ бы на земномъ шарѣ, между океанами и материковыми равнинами, оттѣнковъ столь рѣзко обозначенныхъ какъ тѣ которые появляются на лунѣ предъ земнымъ наблюдателемъ. По его

мнѣнію, общій цвѣтъ этихъ обширныхъ равнинъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „морей“, есть темносѣрый съ примѣсью зеленого и коричневаго. Нѣкоторые большіе кратеры представляютъ тотъ же оттѣнокъ.

Барбикану было извѣстно это мнѣніе нѣмецкаго селенографа, которое разделяють гг. Беръ и Медлеръ. Онъ заявилъ что наблюденія говорятъ въ ихъ пользу, противъ нѣкоторыхъ астрономовъ которые допускаютъ на поверхности луны только одинъ сѣрый цвѣтъ. На нѣкоторыхъ пространствахъ зеленый цвѣтъ рѣзко обозначается и, слѣдуя Юліусу Шмидту, онъ господствуетъ также на моряхъ Ясноста и Влагъ. Барбиканъ замѣтилъ также широкіе кратеры лишенные внутреннихъ конусовъ отбрасывающіе синеватый цвѣтъ, похожій на отблески только что выполірованной стальной пластинки. Эти оттѣнки принадлежали дѣйствительно лунному диску, а не происходили, какъ увѣряли нѣкоторые астрономы, отъ несовершенства телескопныхъ объективовъ или отъ вліянія земной атмосферы. Для Барбикана, въ этомъ отношеніи, не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Онъ наблюдалъ въ пустотѣ и не могъ сдѣлать никакой оптической ошибки. Онъ смотрѣлъ на фактъ этихъ различныхъ оттѣнковъ какъ на достояніе науки. Но были ли эти зеленныя полосы слѣдствіемъ тропической растительности, поддерживаемой густою и вязкою атмосферой? Этому рѣшить онъ не могъ.

Далѣе онъ замѣтилъ красноватый оттѣнокъ, обозначившійся довольно ярко. Такой же оттѣнокъ былъ уже замѣченъ въ глубинѣ отдѣльной огады, извѣстной подъ названіемъ Лихтенбергскаго цирка, лежащаго близъ горъ Гирцинскихъ, у края луны. Свойствъ его онъ также не могъ распознать.

Не болѣе удалось ему изслѣдованіе и другой особенности диска, потому что онъ не могъ съ точностью опредѣлить ея причину. Вотъ эта особенность.

Мишель Арданъ наблюдалъ рядомъ съ президентомъ и вдругъ замѣтилъ длинныя бѣлыя линіи, ярко освѣщенныя прямыми лучами солнца. То былъ рядъ блестящихъ полосъ совершенно отличныхъ отъ сіянія исходящаго отъ Коперника. Онѣ тянулись параллельно одна другой.

Мишель, со своею обыкновенною самоувѣренностью, тотчасъ же рѣшилъ въ чемъ дѣло.

— Смотрите, вотъ обработанныя поля! воскликнулъ онъ.

— Обработанныя поля? переспросилъ Николай, пожимая плечами.

— По крайней мѣрѣ вспаханныя, возразилъ Мисель Арданъ.—Но что за пахаря эти Селениты, и какихъ исполнскихъ быковъ должны они запрягать въ свои плуги чтобы проводить такія борозды!

— Это вовсе не борозды, сказалъ Барбиканъ, — а полосы, *rainures*.

— Пусть будутъ полосы, смиренно отвѣчалъ Мисель.— Но что же разумѣется въ ученомъ мѣрѣ подъ этимъ словомъ?

Барбиканъ сообщилъ своему товарищу все что ему было извѣстно о лунныхъ полосахъ. Онъ зналъ что то были борозды, замѣченныя на всѣхъ частяхъ луннаго диска не покрытыхъ горами, что эти борозды большею частью одинокія, имѣють въ длину отъ 4 до 50 льѣ; что ширина ихъ измѣняется отъ 1.000 до 1.500 метровъ, и что края ихъ неуклонно параллельны. Но онъ не зналъ ничего болѣе ни о происхожденіи ихъ, ни о свойствахъ.

Барбиканъ, вооруженный своимъ телескопомъ, разсматривалъ эти борозды съ величайшимъ вниманіемъ. Онъ замѣтилъ что края ихъ имѣють чрезвычайно крутые склоны. То были какъ бы параллельныя валы, и, при нѣкоторомъ усиленіи воображенія, ихъ можно было принять за длинныя линіи укрѣпленій воздвигнутыхъ лунными инженерами.

Изъ этихъ различныхъ бороздъ, однѣ совершенно прямы и какъ бы вытянуты по шнуру. Другіе представляютъ легкія искривленія съ сохраненіемъ параллельности своихъ сторонъ. Первыя перекрещивались другъ съ другомъ, вторыя перерѣзывали кратеры. Здѣсь онъ пересѣкали кольцеобразныя впадины, каковы Посидоній или Петавій, тамъ онъ успещрляли моря, какъ, напримѣръ, Море Ясности.

Эти естественныя неровности необходимо должны были подстрекать воображеніе земныхъ астрономовъ. Первые наблюдатели не замѣтили этихъ бороздъ. Ни Гевеліусъ, ни Кассини, ни Лагиръ, ни Гершель, повидимому, не знали ихъ. Въ 1789 году Шрётеръ первый обратилъ на нихъ вниманіе ученыхъ. За нимъ изучали ихъ Пасторфъ, Грюйтгюйзенъ, Беръ и Медлеръ. Нынѣ число ихъ простирается до 70ти. Но если ихъ и сосчитали, то свойства ихъ еще не опредѣлилъ никто. Конечно, онѣ не могутъ быть ни укрѣпленіями,

ни даже руслами высохших рѣкъ, ибо, вопервыхъ, воды, столь легковѣсныя на поверхности луны, не могли бы изрыть себѣ такихъ глубокихъ ложъ, а вовторыхъ, эти полосы часто пересѣкаютъ кратеры находящіеся на большой высотѣ.

Надо, однако, сознаться что Мисель Арданъ придумалъ гипотезу, и что безъ вѣдома самому себѣ онъ встрѣтился въ этомъ случаѣ съ Юліусомъ Шмидтомъ.

— Почему бы, сказалъ онъ,—этимъ необъяснимымъ пологомъ не быть просто феноменами растительности?

— Чтѣ ты хочешь сказать этимъ? спросилъ Барбиканъ.

— Не гавьайся, мой досточтимый президентъ, отвѣчалъ Мисель.—Нельзя ли предположить что эти темныя линіи, образующія зполемента, суть ряды деревьевъ правильно расположенныхъ?

— Такъ ты крѣпко держишься своей растительности? спросилъ Барбиканъ.

— Держусь ея, возразилъ Мисель Арданъ,—чтобъ объяснить то чего вы, господа ученые, не объясняете! По крайней мѣрѣ моя гипотеза будетъ имѣть то преимущество что укажетъ почему эти борозды въ опредѣленныя эпохи исчезаютъ или кажутся исчезнувшими.

— А по какой причинѣ?

— По той причинѣ что эти деревья становятся невидимы, когда теряютъ листву, и видимы снова, когда опять покрываются ея.

— Объясненіе твое остроумно, мой милый товарищъ, но допустить его невозможно.

— Почему?

— Потому что на поверхности луны нѣтъ того что называется временами года, и вслѣдствіе этого феномены растительности, с которыхъ ты говоришь, не могутъ тамъ имѣть мѣста.

И дѣйствительно, малое наклоненіе лунной оси производить то что солнце на ней остается на высотѣ почти постоянной подъ каждою широтой. Надъ экваторіальными странами солнце почти неизмѣнно занимаетъ зенитъ, въ странахъ полярныхъ не переходитъ предѣловъ горизонта. И такъ, смотря по странѣ, тамъ господствуетъ вѣчная зима, весна, лѣто или осень, чтѣ должно быть и на планетѣ Юпитеръ, ось котораго также мало наклонена къ плоскости орбиты.

Какой причинѣ приписать эти борозды? Вопросъ этотъ

рѣшить трудно. Онѣ очевидно явились послѣ образованія кратеровъ и цирковъ, ибо многія изъ нихъ прошли по нимъ, прорѣзывая ихъ округлыя окраины. Итакъ, можетъ-быть, современныя послѣднимъ геологическимъ эпохамъ, онѣ обязаны происхожденіемъ напряженному проявленію силъ природы.

Между тѣмъ ядро достигло высоты 40° лунной широты, на разстояніи отъ луны не болѣе 800 километровъ. Предметы появлялись въ телескопъ какъ будто они были не далѣе двухъ льѣ. Въ этомъ пунктѣ подъ ихъ ногами возвышался Геликовъ, съ высотой 500 метровъ, и нѣско округлялись меньшія высоты, замыкающія небольшую часть Моря Дождей носящую названіе залива Радугъ.

Земная атмосфера должна бы быть во 170 разъ прозрачнѣе чѣмъ она нынѣ чтобъ астрономы могли въ полнотѣ изучить лунную поверхность. Но въ этой пустотѣ, гдѣ носилось ядро, никакой жидкой среды не было между глазомъ наблюдателя и предметомъ наблюденія. Мало того, Барбиканъ находился на такомъ разстояніи, какого не могли дать самые сильныя телескопы, ни Джона Росса, ни Скалистыхъ Горъ. Вслѣдствіе этого, обстоятельства вполне благоприятствовали рѣшенію великаго вопроса относительно обитаемости луны. Но рѣшеніе это ускользало отъ него. Онъ различалъ только пустынное ложе громадныхъ равнинъ, и къ сѣверу бесплодныя горы. Ничто не обнаруживало руки человѣка, ни одной развалины которая свидѣтельствовала бы что онъ проходилъ тамъ. Никакое скопленіе животныхъ не показывало чтобы жизнь развилась тамъ даже въ низкой степени. Нигдѣ не видно было движенія. Нигдѣ ни признака растительности. Изъ трехъ царствъ, раздѣляющихъ между собою земной сфероидъ, только одно имѣетъ представителей на лунѣ: царство ископаемыхъ.

— Такъ вотъ чтó! сказалъ Мисель Арданъ съ видомъ разочарованія:—стало-быть тамъ и нѣтъ никого.

— До сихъ поръ никого и ничего, сказалъ Николь,—ни человѣка, ни животнаго, ни растенія. Во всякомъ случаѣ, если атмосфера укрывалась во впадины, во внутренность цирковъ, или даже на противоположную поверхность луны, то мы еще не можемъ рѣшить этотъ вопросъ.

— Замѣтимъ также, присовокупилъ Барбиканъ,—съ самымъ острымъ зрѣніемъ не возможно увидѣть человѣка на

разстояніи болѣе семи километровъ. Итакъ, если существуютъ Селениты, то они могутъ видѣть наше ядро, но мы видѣть ихъ не можемъ.

Около четырехъ часовъ утра, на высотѣ 500й параллели, разстояніе уменьшилось до 600 километровъ. Налѣво раскидывалась линія горъ съ причудливыми очертаніями, облитая яркимъ свѣтомъ. Направо же, напротивъ того, зіяла черная впадина, подобная мрачному бездонному колодезю, изрытому въ лунной почвѣ.

Впадина эта—Черное озеро. Это глубокій циркъ Платона, который можно удобно изучать съ земли, между послѣднею четвертью и новолуніемъ, когда тѣни тянутся съ запада на востокъ.

Такой черный оттѣнокъ рѣдко встрѣчается на поверхности земнаго спутника. Его замѣтили только въ глубинахъ Эдмундова цирка, къ востоку отъ Моря Холода, въ сѣверномъ полушаріи, и во глубинѣ цирка Гримальди, на экваторѣ, около восточнаго края луны.

Платонъ есть кольцеобразная гора, лежащая подъ 51° сѣв. шир. и подъ 9° вост. долг. Циркъ ея имѣетъ 92 километра въ длину и 61 въ ширину. Барбиканъ жалѣлъ что они не прошли перпендикулярно надъ обширною впадиной цирка. Ея бездна открылась бы наблюденію и, быть-можетъ, былъ бы замѣченъ какой-нибудь таинственный феноменъ. Но движеніе ядра измѣнить было невозможно. Необходимо было вполнѣ подчиниться ему. Не умѣя направлять полетъ аэростата, можно ли думать о направленіи ядра, будучи закупореннымъ въ его внутренности?

Часамъ къ пяти утра, они прошли наконецъ сѣверную границу Моря Дождей. Горы Лакондаминъ и Фонтенель остались одна направо, другая налѣво отъ нихъ. Эта часть диска, начиная съ 60°, становилась совершенно гористою. Телескопы приближали ее на одно лѣ, разстояніе менѣе того которое отдѣляетъ вершину Монблана отъ уровня моря. Вся эта страна покрыта пиками и цирками. Около 70° господствовалъ Филолай на высотѣ 3.700 метровъ, открывая эллиптическій кратеръ длиной во 16 лѣ и шириной въ четыре.

Дискъ съ этого разстоянія представлялъ чрезвычайно страшный видъ. Ландшафты открывались взорамъ при условіяхъ совершенно отличныхъ отъ тѣхъ къ которымъ мы привыкли на землѣ.

Луна не имѣетъ атмосферы, и это отсутствіе газообразной оболочки ведетъ къ любопытнымъ послѣдствіямъ. На поверхности ея нѣтъ сумерекъ; ночь слѣдуетъ за днемъ и день за ночью съ быстротой лампы потухающей или зажигающейся посреди глубокой темноты. Перехода отъ теплоты къ холоду также нѣтъ, ибо температура падаетъ въ одно мгновеніе отъ градуса кипящей воды до градуса холода въ пространствѣ.

Вотъ и другое слѣдствіе этого отсутствія воздуха: куда не достигаютъ солнечные лучи, тамъ господствуетъ абсолютный мракъ. То что мы называемъ разсвѣтлымъ свѣтомъ на землѣ, та свѣтосная матерія, какъ бы взвѣшенная въ воздухъ, которая создаетъ сумерки и разсвѣтъ, производитъ тѣни, полусвѣтъ и все очарованіе свѣто-тѣни, не существуетъ на лунѣ. Отсюда рѣзкость контрастовъ, допускающая только два цвѣта: черный и бѣлый. Если Селенитъ защитить свои глаза отъ солнечныхъ лучей, то небо явится предъ нимъ совершенно черное, и днемъ звѣзды будутъ блистать предъ нимъ какъ въ самую темную ночь.

Представьте же себѣ какое впечатлѣніе производило на Барбикана и его друзей такое странное зрѣлище! Зрѣніе ихъ термлось. Они не схватывали болѣе относительнаго разстоянія между различными мѣстностями. Лунный ландшафтъ, не умѣряемый феноменомъ свѣто-тѣни, не могъ бы быть изображенъ земнымъ пейзажистомъ. Чернильные пятна на бѣлой бумагѣ—вотъ и все.

Видъ этотъ не измѣнился даже и тогда, когда ядро, на высотѣ 80°, было удалено отъ луны только на 100 километровъ; то же самое было и въ пять часовъ утра, когда оно прошло менѣе чѣмъ въ 50 километрахъ надъ горой Джоія,—разстояніе, которое телескопы сокращали на $\frac{1}{3}$ мили. Луну, казалось, можно было достать рукой. Казалось также невозможнымъ чтобъ ядро не задѣло ея въ скоромъ времени, хотя бы на ея сѣверномъ полюсѣ, блестящій гребень коего ярко рисовался на черномъ фонѣ неба. Мишель Арданъ хотѣлъ открыть одно изъ оконъ и броситься на лунную поверхность. Паденіе въ 12 льѣ! Онъ не заботился объ этомъ. Но попытка была бы все-таки напрасная, ибо, если ядро не должно было коснуться какого-либо пункта луны, то и Мишель, увлекаемый его движеніемъ, не попалъ бы на нее, такъ же какъ и ядро.

Въ эту минуту, въ шесть часовъ, обозначился лунный полюсъ. Дискъ представлялъ путешественникамъ только одну свою половину, ярко освѣщенную, между тѣмъ какъ другая исчезала, погруженная во мракъ. Вдругъ ядро перешло за линію разграниченія между яркимъ свѣтомъ и абсолютною тѣнью, и разомъ погрузилось въ глубокую тьму.

ГЛАВА XIV.

Ночь въ триста пятьдесятъ четыре съ половиной часа.

Въ ту минуту, когда такъ внезапно совершился вышеупомянутый феноменъ, ядро несло надъ сѣвернымъ полюсомъ луны, на разстояніи отъ нея менѣе чѣмъ на 50 километровъ. И такъ, въ сколькихъ секундахъ было для него достаточно чтобы погрузиться въ полнѣйшій мракъ пространства. Переходъ совершился такъ быстро, безъ отбѣжковъ, безъ переходовъ свѣта, безъ смягченія блестящихъ лучей, что луна какъ будто потухла отъ мощнаго дуновения.

— Растаяла, пропала луна! воскликнулъ Мишель Арданъ, внявъ себя отъ изумленія.

И дѣйствительно, ни отблеска, ни тѣни, ничего не осталось отъ этого диска, недавно еще столь ослѣпительнаго. Темнота была полная и казалась еще глубже отъ сіянія звѣздъ. То былъ „черный мракъ“ лунныхъ ночей, продолжающихся триста пятьдесятъ четыре съ половиной часа на каждомъ пунктѣ диска; долгая ночь, происходящая отъ равномерности движеній вращательнаго и поступательнаго, первого—около самой себя, втораго—около земли. Ядро, попавъ въ конусъ тѣни луны, стало недоступно солнечнымъ лучамъ подобно всѣмъ точкамъ ея невидимой части.

Внутри ядра темнота была неисходная. Не видно было другъ друга. Необходимо было разсвѣять этотъ мракъ. Какъ ни желалъ Барбиканъ поберечь газъ, запасъ котораго былъ очень ограниченъ, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ нему за свѣтомъ, въ которомъ солнце отказывало имъ въ ту минуту.

— Чортъ бы побралъ дневное свѣтило, проворчалъ Мишель Арданъ,—которое заставляетъ насъ тратить газъ, вмѣсто того чтобы даромъ надѣлать насъ своимъ свѣтомъ!

— Не будемъ обвинять солнце, еказалъ Николь.— Это не его вина, а вина луны, которая, какъ экранъ, стала между нами и имъ.

— Нѣтъ, солнце виновато!

— Нѣтъ, луна!

Безплодный споръ, который Барбиканъ прекратилъ словами:

— Друзья мои, тутъ не виноваты ни солнце, ни луна. Виновато ядро, которое, вмѣсто того чтобы строго держаться своего пути, имѣло неловкость уклониться отъ него. А чтобы быть еще справедливей, скажемъ, что еще виновнѣе тотъ враждебный болидъ который такъ бѣдственно сбилъ насъ съ пути.

— Пусть будетъ такъ! отвѣчалъ Мисель Арданъ:— а такъ какъ дѣло улажено, то давайте завтракать. Послѣ ночи проведенной въ наблюденіяхъ, не мѣшаетъ подкрѣпить себя.

Предложеніе это не встрѣтило противорѣчій. Въ нѣскольکو минутъ Мисель изготовилъ завтракъ. Но друзья ѣли для того только чтобъ утолить голодъ, пили безъ тостовъ, безъ радостныхъ криковъ. Смѣлые путешественники, увлекаемые въ эти темныя пространства безъ обычнаго кортежа лучей, чувствовали на сердцѣ своемъ смутную тревогу. „Страшная“ тѣнь, любимица музы Виктора Гюго, охватывала ихъ со всѣхъ сторонъ.

Однако они бесѣдовали объ этой безконечной ночи въ триста пятьдесятъ четыре часа, или въ пятнадцать дней, которую физическіе законы надѣлили жителей луны. Барбиканъ далъ своимъ друзьямъ нѣкоторыя объясненія о причинахъ и слѣдствіяхъ этого любопытнаго явленія.

— Безспорно любопытнаго, продолжалъ онъ,—ибо, если оба полушарія луны лишены солнечнаго свѣта въ продолженіи пятнадцати дней, то полушаріе надъ которымъ мы несемся теперь не пользуется въ свою долгую ночь даже и зрѣлищемъ земли пышно освѣщенной. Однимъ словомъ, луна нашего спутника (примѣняя это названіе къ нашей планетѣ) существуетъ только для одной стороны его диска. Но еслибы такъ было на землѣ, еслибы Европа никогда не видѣла луны, и еслибы луна была видима только для ея антиподовъ, то вы можете себѣ представить въ какое изумленіе пришель бы Европеецъ, пріѣхавъ въ Австралію.

— Стали бы путешествовать для того только чтобы посмотреть на луну! отвѣчалъ Мисель.

— Такое удивленіе, продолжалъ Барбиканъ, — долженъ испытывать Селенитъ, обитатель той части луны которая противоположна землѣ и всегда остается невидимою для жителей нашей планеты.

— И которую мы увидѣли бы, присовокупилъ Николь, — еслибы прибыли сюда въ то время когда было новолуніе, то-есть пятнадцать дней позже.

— Прибавлю еще, сказалъ Барбиканъ, — что жителямъ видимой части особенно благоприятствуетъ природа, въ ущербъ ихъ братьямъ на части невидимой. Последнимъ, какъ видите, даны въ удѣлъ глубокія ночи въ триста пятьдесятъ четыре часа, темноту коихъ не прерываетъ ни малѣйшій лучъ. Предъ другими же, напротивъ того, какъ только солнце, освѣщавшее ихъ въ теченіе пятнадцати дней, скроется за горизонтъ, на другой сторонѣ горизонта поднимается блестящее свѣтило — земля, которая въ тринадцать разъ больше чѣмъ знакомая намъ наша сокращенная луна; земля, раскинутая на діаметръ въ два градуса и изливающая свѣтъ въ тринадцать разъ болѣе блестящій, не умѣряемый притомъ никакимъ атмосфернымъ слоемъ; земля, исчезновеніе коей совершается только въ ту минуту когда снова появляется солнце.

— Прекрасная фраза! сказалъ Мишель Арданъ: — немного академическая, можетъ-быть.

— Отсюда слѣдуетъ, продолжалъ Барбиканъ, ни мало не смущаясь, — что жить на этой видимой части диска, должно-быть, весьма пріятно, потому что она постоянно видитъ или солнце, когда полнолуніе, или землю, когда новолуніе.

— Но, сказалъ Николь, — преимущество это должно уравновѣшиваться невыносимымъ зноемъ, который ведетъ за собой такой свѣтъ.

— Неудобство въ этомъ отношеніи одинаково для обѣихъ сторонъ, такъ какъ свѣтъ отражаемый землей, очевидно, лишенъ теплоты. Но эта невидимая сторона еще болѣе терпитъ отъ жара чѣмъ видимая. Я говорю это вамъ, Николь, потому что Мишель, вѣроятно, не пойметъ меня.

— Много благодаренъ, сказалъ Мишель.

— И дѣйствительно, продолжалъ Барбиканъ, — когда эта невидимая сторона принимаетъ солнечный свѣтъ и теплоту, тогда бываетъ новолуніе, то-есть луна находится въ соединеніи и расположена между солнцемъ и землей. Тогда,

слѣдовательно, она находится, — относительно положенія занимаемаго ею когда бываетъ полнолуніе, — ближе къ солнцу на двойное разстояніе свое отъ земли. А разстояніе это можно опредѣлить двухъ-сотю частію того которое отдѣляетъ солнце отъ земли, или круглою цифрою въ 200.000 лѣ. Итакъ, эта невидимая сторона луны на 200.000 лѣ ближе къ солнцу, когда принимаетъ его лучи.

— Совершенно справедливо, отвѣчалъ Николь.

— Напротивъ того.... продолжалъ Барбиканъ.

— Одну минуту, сказалъ Мисель, перерывая своего серьезнаго товарища.

— Что тебѣ угодно?

— Я желаю продолжать объясненіе.

— Зачѣмъ это?

— Чтобы доказать что я правъ.

— Сдѣлай милость, сказалъ Барбиканъ, улыбаясь.

— Напротивъ, началъ Мисель, подражая тону и жестамъ президента Барбикана, — напротивъ, когда видимая сторона луны освѣщается солнцемъ, то значитъ что тогда полнолуніе, то-есть она находится относительно земли на противоположной сторонѣ съ солнцемъ. Разстояніе отдѣляющее ее отъ дневнаго свѣтила, стало-быть, увеличилось круглою цифрою въ 200.000 лѣ, и теплота, получаемая ею, должна быть менѣе значительна.

— Отлично сказано! воскликнулъ Барбиканъ. — Знаешь ли, Мисель, что для художника ты очень расудителенъ?

— Да, отвѣчалъ небрежно Мисель, — мы всѣ таковы тамъ, на *boulevard des Italiens!*

Барбиканъ съ важностію пожалъ руку своему веселому товарищу и продолжалъ исчислять преимущества коими надѣлены обитатели видимой стороны.

Между прочимъ онъ упомянулъ о солнечныхъ затмевіяхъ, которыя имѣютъ мѣсто только для этой стороны луннаго диска, ибо, для того чтобы такое затмевіе произошло, луна должна быть въ противоположеніи. Эти затмевія, вызванныя положеніемъ земли между луной и солнцемъ, могутъ продолжаться два часа, въ теченіе коихъ, вслѣдствіе лучей, преломленныхъ его атмосферой, шаръ земной долженъ являться не болѣе какъ черною точкою на солнцѣ.

— Итакъ, сказалъ Николь, — вотъ полушаріе, то-есть невидимое полушаріе, очень мало и дурно надѣленное природой!

— Да, отвѣчалъ Барбиканъ,—но не все. И дѣйствительно, вслѣдствіе нѣкотораго колебательнаго движенія, нѣкотораго качанія на своемъ центрѣ, луна показываетъ землѣ нѣсколько болѣе половины своего диска. Она какъ бы маятникъ, центръ тяжести коего направляетъ къ земному шару, и который колеблется правильно. Откуда это колебаніе? Отъ того что вращательное движеніе луны около оси имѣетъ однообразную скорость, между тѣмъ какъ ея поступательное движеніе по эллиптической орбитѣ вокругъ земли имѣетъ скорость измѣняющуюся. Въ перигеѣ, скорость поступательнаго движенія превосходитъ, и луна обнаруживаетъ нѣкоторую часть своего западнаго края. Въ апогеѣ наоборотъ, превосходитъ скорость вращенія, и луна обнаруживаетъ часть восточнаго края. Такимъ образомъ вырѣзка градусовъ въ восемь появляется то на западѣ, то на востокѣ. Оказывается что изъ тысячи частей своей поверхности луна позволяетъ намъ видѣть пятьсотъ семьдесятъ.

— Чтѣ бы тамъ ни было, сказалъ Мисель,—если мы сдѣлаемся Селенитами, то будемъ жить на видимой лунѣ. Чтѣ до меня касается, то я люблю свѣтъ!

— Если только, возразилъ Николь,—атмосфера не сосредоточилась на той сторонѣ, какъ увѣряютъ нѣкоторые астрономы.

— Да, это важное обстоятельство, отвѣчалъ очень просто Мисель.

Между тѣмъ, по окончаніи завтрака, наблюдатели снова заняли свои мѣста. Они старались разсмотрѣть что-нибудь сквозь темныя окна, погасивъ всякій свѣтъ въ ядрѣ; но ни одинъ блестящій атомъ не нарушалъ этой темноты.

Необъяснимый фактъ тревожилъ Барбикана. Какимъ образомъ, проходя на такомъ близкомъ разстояніи отъ луны,—около 50 километровъ,—ядро не упало на нее? Еслибъ оно имѣло огромную скорость, то еще понятно было бы почему паденіе это не совершилось. Но при скорости относительно умѣренной, такое сопротивленіе лунному притяженію оставалось необъяснимымъ. Было ли ядро подчинено какому-нибудь постороннему вліянію? Удерживало ли его какое-нибудь тѣло въ зенитѣ? Очевидно было одно, что оно не достигнетъ никакаго пункта луны. Куда же оно несло? Приближалось ли оно къ диску, отдалялось ли отъ него? Уносились ли оно въ этомъ глубокомъ мракѣ въ безконечность?

Какъ узнать это, какъ исчислить что-либо посреди такого мрака? Всѣ эти вопросы тревожили Барбикана, но рѣшить ихъ онъ былъ не въ состояніи.

И въ самомъ дѣлѣ, невидимое свѣтило было тамъ, можетъ-быть, въ нѣсколькихъ льѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ, но ни онъ, ни его товарищи того не замѣчали. Если какой-нибудь шумъ раздавался на поверхности луны, то они не могли его слышать. Не было воздуха, этого проводника звука, чтобы передать имъ стоны луны, которую арабскія легенды изображаютъ „человѣкомъ въ половину окаменѣвшимъ, но еще движущимся“.

Нельзя не согласиться что все это могло смутить даже самыхъ терпѣливыхъ наблюдателей. Это-то именно невидимое полушаріе и ускользало отъ ихъ глазъ! Эта сторона, которая пятнадцать дней прежде или пятнадцать дней послѣ была бы великолѣпно освѣщена солнечными лунами, исчезла теперь въ абсолютной темнотѣ. Гдѣ же будетъ ядро по прошествіи пятнадцати дней? Куда увлекутъ его случайности притяженія? Кто могъ бы сказать это?

На основаніи селенографическихъ наблюденій, вообще принимаютъ что невидимое полушаріе луны, по своему устройству, совершенно сходно съ ея видимымъ полушаріемъ. И дѣйствительно, почти седьмая часть его открывается во время тѣхъ колебаній о которыхъ говорилъ Барбиканъ. Но на этихъ усматриваемыхъ поясахъ тѣ же горы и равнины, цирки и кратеры, одинаковые съ тѣми которые нанесены на карту. Можно, стало-быть, предположить и тамъ ту же природу, тотъ же міръ безплодный и мертвый. Ну, а если атмосфера укрылась на этой сторонѣ? Если, съ воздухомъ, вода дала жизнь этимъ обновленнымъ материкамъ? Если растительность удержалась тамъ? Если животныя населяютъ эти материки и моря? Если человѣкъ, при этихъ условіяхъ обитаемости, живетъ еще тамъ? Сколько вопросовъ было бы интересно рѣшить! Сколько проблемъ разрѣшилось бы отъ созерцанія этого полушарія! Какое наслажденіе бросить взглядъ на этотъ міръ, вѣчно недоступный глазамъ человѣка!

Итакъ понятно неудовольствіе которое испытывали наши путешественники посреди этой мрачной ночи. Наблюденіе луннаго диска стало рѣшительно невозможно. Одни только созвѣздія привлекали ихъ взоры, и надо сознаться что никогда астрономы, ни Фаи, ни Шакорнаки, ни Секки не

находились въ столь благоприятныхъ условіяхъ для наблюденій.

Поистинѣ, ничто не могло сравниться съ этимъ звѣзднымъ міромъ, омываемымъ прозрачнымъ эфиромъ. Эти алмазы, вѣнчанные въ небесный сводъ, сверкали чудными огнями. Взоръ обнималъ пространство отъ Южнаго Креста до Сѣверной Звѣзды, двухъ созвѣздій, которыя чрезъ 12.000 лѣтъ, вслѣдствіе предваренія равноденствій, уступятъ свою роль полярныхъ звѣздъ одно Канопусу южнаго полушарія, другое Вега сѣвернаго полушарія. Воображеніе терялось въ этой чудной бесконечности, посреди коей двигалось ядро, какъ новое свѣтло созданное руками человѣка. Созвѣздія блистали тихимъ свѣтомъ; они не сверкали, такъ какъ не было атмосферы, которая своими слоями неравной густоты и влажности производитъ сверканіе. Звѣзды казались короткими глазами, смотрѣвшими въ эту глубокою ночь посреди неварушимаго безмолвія пространства.

Долгое время путешественники молча созерцали звѣздное небо, на которомъ обширный экранъ луны образовалъ громадную черную впадину. Но тягостное ощущеніе перервало наконецъ ихъ наблюденія. То былъ страшный холодъ, вскорѣ покрывшій изнутри стекла оконъ толстымъ слоемъ льда. Такъ какъ солнце не согрѣвало болѣе ядра своими прямыми лучами, то послѣднее мало-по-малу теряло теплоту скопившуюся въ его стѣнахъ. Эта теплота скоро разсѣялась въ пространство чрезъ лучеиспусканіе, и произошло значительное пониженіе температуры. Вслѣдствіе этого, внутренняя влага превратилась въ ледъ при соприкосновеніи съ окнами и не дозволяла никакого наблюденія.

Николь, взглянувъ на термометръ, объявилъ что олъ упалъ на 17° ниже нуля по Цельсію. Итакъ, несмотря на все свое желаніе соблюдать экономію, Барбиканъ принужденъ былъ снова обратиться къ газу чтобы занять у него вѣсколько теплоты. Низкая температура ядра становилась невыносима. Обитатели его могли замерзнуть живые.

— На монотонность нашего путешествія грѣх пожаловаться, замѣтилъ Мишель Арданъ. — Какое разнообразіе, хотя бы въ температурѣ! То мы ослѣплены свѣтомъ и умираемъ отъ жара, подобно Индійцамъ въ лампахъ; а вотъ теперь мы погружены въ глубокій мракъ и выносимъ холодъ

какой выпалъ на долю полярнымъ Эскимосамъ! Нѣтъ, право, намъ жаловаться не на что, и природа много дѣлаетъ намъ въ честь.

— Но, спросилъ Николь,—какова же вѣшняя температура?

— Именно та которая постоянно господствуетъ въ планетныхъ пространствахъ, отвѣчалъ Барбиканъ.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ Мисель Арданъ, — не удобно ли теперь сдѣлать тотъ опытъ на который мы не могли рѣшиться когда были погружены въ солнечные лучи?

— Другой болѣе удобной минуты для этого мы и не найдемъ, отвѣчалъ Барбиканъ, — ибо мы какъ разъ находимся въ такомъ положеніи что можемъ провѣрить температуру пространства и убѣдиться чьи вычисления вѣрны, Фурье, или Пулье?

— Во всякомъ случаѣ, очень холодно! сказалъ Мисель. — Вотъ внутренняя влага сгустилась на оконномъ стеклѣ. Если пониженіе будетъ продолжаться, то паръ нашего дыханія будетъ падать около насъ въ видѣ снѣга!

— Изготовимъ термометръ, сказалъ Барбиканъ.

Понятно что обыкновенный термометръ не далъ бы никакихъ результатовъ при тѣхъ обстоятельствахъ въ которыхъ долженъ былъ дѣйствовать означенный инструментъ. Ртуть замерзла бы въ своей трубчкѣ, потому что она не можетъ оставаться въ жидкомъ состояніи при 42° ниже нуля. Но Барбиканъ запасся термометромъ à dévergement системы Вальфердена, дающимъ *minima* температуры чрезвычайно низкой.

Предъ началомъ опыта инструментъ этотъ былъ свѣрженъ съ обыкновеннымъ термометромъ, и Барбиканъ приготовился употребить его въ дѣло.

— Какъ же мы это устроимъ? спросилъ Николь.

— Нѣтъ ничего легче, сказалъ Мисель Арданъ, ничѣмъ не затруднявшійся. — Стоить быстро открыть окно, выбросить инструментъ, онъ послѣдуетъ за ядромъ съ рабскою покорностію; четверть часа спустя достать его...

— Рукой? спросилъ Барбиканъ.

— Ну, конечно, рукой.

— Не совѣтую, мой другъ; рука твоя превратится въ ледяную глыбу подъ влияніемъ этого страшнаго холода.

— Будто бы?

— Ты почувствуешь ощущеніе страшнаго обжога, какъ отъ

прикосновенія желѣза раскаленнаго до бѣла, ибо, если тепло-та вдругъ входитъ въ наше тѣло, или выходитъ изъ него, слѣд-ствие бываетъ одно и то же. Къ тому же я не увѣренъ что предметы выброшенные нами изъ ядра все еще слѣдуютъ за нами.

— А почему? спросилъ Николь.

— Потому что, если мы несемся въ атмосферѣ, какъ бы рѣдка она ни была, то предметы эти должны отстать отъ насъ. А темнота помѣшаетъ намъ удостовѣриться тутъ ли они. Итакъ, чтобы не рисковать потерей нашего термометра, мы привяжемъ его и такимъ образомъ удобнѣе возвратимъ обратно.

Совѣтъ Барбикана былъ исполненъ.

Черезъ окно, быстро отворенное, Николь выбросилъ инструментъ, который удерживала очень короткая веревка, чтобы можно было вытащить его скорѣе. Окно было полу-открыто только на одну секунду, и этой секунды достаточно было чтобы распространить въ ядрѣ невообразимый хо-лодъ.

— Чортъ возьми! воскликнулъ Мисель Арданъ:—этакимъ холодомъ заморозишь и бѣлыхъ медвѣдей!

Барбиканъ подождалъ полчаса, время болѣе чѣмъ достаточное чтобы инструментъ сталъ въ уровень съ температурой про-странства. Затѣмъ его быстро втащили обратно.

Барбиканъ измѣрилъ количество жидкости перешедшей въ маленькую чашечку припаиванную къ нижней части инстру-мента, и сказалъ:

— Сто сорокъ градусовъ ниже нуля по Цельзію.

Значитъ, правъ былъ Пулье, а не Фурье. Такова ужасаю-щая температура звѣзднаго пространства. Такова, можетъ-быть, температура лунныхъ материковъ, когда свѣтило ночи теряетъ теплоту которую она заимствуетъ отъ солнца въ продолженіе пятнадцати дней.

ГЛАВА XV.

Гипербола или парабола.

Можетъ-быть, многимъ покажется странно что Барбиканъ и его товарищи такъ мало заботились о будущности, кото-рую готовила имъ эта металлическая тюрьма, несшаяся въ

безконечности зѣира. Вмѣсто того чтобы спрашивать другъ у друга куда они летать, они проводили время въ опытахъ, какъ будто сидѣли преспокойно въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.

На это можно было бы отвѣчать что люди сильнаго закала были выше подобныхъ заботъ, что они не тревожились такими пустяками, и что у нихъ было занятіе гораздо важнѣе заботы о собственной участи.

Но тутъ была и другая причина: они не властны были надъ своимъ ядромъ, не могли ни остановить его ходъ, ни измѣнить его направленіе.

Моракъ измѣняетъ по своему желанію движеніе своего судна; воздухоплаватель можетъ сообщить своему шару вертикальное движеніе. Имъ же недоступенъ былъ никакой маневръ. Отъ того имъ повелюль приходилось съ самоотверженіемъ предоставить ядру полную свободу дѣйствія, такъ какъ стѣснить эту свободу они были не въ состояніи.

Гдѣ же находились они въ эту минуту, въ восемь часовъ утра того дня который на землѣ носилъ названіе бѣго декабря? Несомнѣнно, въ сосѣдствѣ луны, и даже довольно близко отъ нея, такъ что она представлялась имъ огромнымъ чернымъ экраномъ на небѣ. Что касается разстоянія въ которомъ они отъ нея находились, то исчислить его не было никакой возможности. Ядро, удерживаемое силами необъяснимыми, пронеслось надъ сѣвернымъ полюсомъ луны на разстояніи 50 километровъ. Но съ двухъ часовъ, когда они вошли въ конусъ тѣни, увеличилось или уменьшилось это разстояніе? Не было никакой точки сравненія для опредѣленія направленія и скорости ядра. Можетъ-быть, оно быстро удалялось отъ диска и должно было скоро выйти изъ полной тѣни. Можетъ-быть, наоборотъ, оно замѣтно приближалось къ нему и вскорѣ должно было коснуться какого-нибудь возвышеннаго пика на невидимомъ полушаріи; послѣднее окончало бы путешествіе, конечно въ ущербъ путешественникамъ.

По этому поводу начался споръ, и Мишель Арданъ, всегда готовый на объясненія, высказалъ мнѣніе что ядро, удерживаемое луннымъ притяженіемъ, упадетъ наконецъ на луну, какъ падаетъ аэролитъ на поверхность земнаго шара.

— Впервыхъ, мой милый товарищъ, отвѣчалъ ему Барбиканъ, — не всѣ аэролиты падаютъ на землю, а весьма немногіе изъ нихъ. Итакъ, если мы обратимся въ положеніе

аэролита, то изъ этого нисколько не слѣдуетъ что мы непременно упадемъ на поверхность луны.

— Однако, возразилъ Мисель,—если мы подойдемъ къ ней довольно близко....

— Все-таки ты ошибаешься. Не случалось ли тебѣ видѣть падающихъ звѣздъ, тысячами катающихся по небу въ известное время года?

— Да.

— Такъ вотъ эти звѣзды или эти маленькія тѣла блещутъ потому только что онѣ воспламеняются катясь по атмосфернымъ слоямъ. Пролетая по атмосферѣ, онѣ проходятъ не болѣе какъ на 16 лье отъ земнаго шара, а между тѣмъ падаютъ на него очень рѣдко. То же самое и съ нашимъ ядромъ. Оно можетъ очень близко подойти къ лунѣ и все таки не упасть на нее.

— Но въ такомъ случаѣ, спросилъ Мисель,—мнѣ очень любопытно было бы знать какимъ образомъ наша блуждающая колесница будетъ вести себя въ пространствѣ.

— Я могу допустить только двѣ гипотезы, отвѣчалъ Барбинанъ, подумавъ нѣсколько минутъ.

— А именно?

— Ядру предстоитъ выборъ между двумя математическими линіями, и оно изберетъ ту или другую, смотря по скорости которую будетъ имѣть и которую вычислить въ эту минуту я не въ состояніи.

— Да, сказалъ Николь,—оно пойдетъ по параболѣ или по гиперболѣ.

— Точно такъ, отвѣчалъ Барбинанъ.—При известной скорости, оно пойдетъ по параболѣ, а при нѣкоторой болѣе значительной скорости по гиперболѣ.

— Люблю эти громкія слова, воскликнулъ Мисель Арданъ.—Тотчасъ узнаешь въ чемъ дѣло. А что такое ваша парабола, если смѣю спросить?

— Другъ мой, отвѣчалъ капитанъ,—парабола есть кривая линія происходящая отъ пересѣченія конуса плоскостью параллельною одному изъ его реберъ.

— А, вотъ что! сказалъ Мисель довольнымъ тономъ.

— Почти то же, присовокупилъ Николь,—что траекторія описываемая бомбой пущенною изъ мортиры.

— Отлично! А гипербола?

— Гипербола есть кривая линія второго порядка, проис-

ходящая отъ сопересяченія колической поверхности и плоскости параллельной двумъ ея образующимъ, и составляющая двѣ отдѣльныя вѣтви простирающіяся до безконечности въ двухъ направленіяхъ.

— Можетъ ли это быть? сказалъ Мишель Арданъ самымъ серьезнымъ тономъ, какъ будто услышалъ о какомъ-нибудь необыкновенномъ происшествіи. — Послушай же, Николай, и замѣть слѣдующее. Мнѣ въ твоёмъ опредѣленіи гиперболы нравится именно то что оно еще менѣе понятно чѣмъ слово которое ты стараешься опредѣлить.

Николь и Барбиканъ не обращали вниманія на шутки Мишеля Ардана. Они пустились въ ученое разсужденіе. Какую линію приметъ ядро, вотъ что волновало ихъ. Одинъ стоялъ за гиперболу, другой за параболу. Они приводили другъ другу доказательства, преисполненныя иксами. Аргументы излагались такимъ языкомъ что Мишель вскакивалъ отъ нетерпѣнія. Споръ былъ горячій, и ни одинъ изъ противниковъ не хотѣлъ уступить другому той линіи, которая ему нравилась.

Этотъ ученый диспутъ, затанувшійся слиткомъ долго, вывелъ наконецъ изъ себя Мишеля, который сказалъ:

— Ну, господа косинусы, скоро ли вы перестанете перекидываться гиперболами и параболами? Что касается меня, то я желаю знать одну только вещь, интересную во всемъ этомъ дѣлѣ. Мы полетимъ по той или по другой изъ вашихъ линій. Хорошо. Но куда онѣ приведутъ насъ?

— Никуда, отвѣчалъ Николь.

— Какъ куда?

— Очевидно, сказалъ Барбиканъ. — Эти линіи не замкнуты, продолжающіяся до безконечности!

— Ай-да ученые! Люблю ихъ до смерти! Да какое же намъ дѣло до параболы или гиперболы, если та и другая должны одинаково увлечь насъ въ безконечное пространство?

Барбиканъ и Николь не могли не улыбнуться. Они завидовали „искусствомъ для искусства“. Никогда еще такой бесполезный вопросъ не обсуждался такъ неумѣстно. Заовѣщая истина состояла въ томъ что ядро, уносимое параболически или гиперболически, никогда не должно было встрѣтиться ни съ землею, ни съ луною.

Что же могло случиться съ этими смѣлыми путешественниками въ самомъ близкомъ будущемъ? Если они не умрутъ

отъ голода, или отъ жажды, то черезъ нѣсколько дней, когда газа у нихъ болѣе не будетъ, они должны умереть отъ недостатка воздуха, если только холодъ не убьетъ ихъ прежде.

А между тѣмъ, какъ ни важно было соблюдать экономію въ газѣ, чрезвычайное пониженіе температуры побудило ихъ истребить значительное его количество. Въ строгомъ смыслѣ, они могли обойтись безъ его свѣта, но не безъ его теплоты. Къ счастью, теплота разливаемая аппаратомъ Рейзе и Реньйо возвышала, нѣсколько низкую температуру ядра и, безъ большого расхода газа, ее можно было поддерживать на сносной степени.

Но наблюденія сквозь окна сдѣлались очень затруднительны. Внутренняя влажность ядра сгущалась на стеклахъ и тотчасъ же замерзала. Эту тусклость стеколъ сдѣловало уничтожать непрерывнымъ треніемъ. При всемъ томъ нѣкоторые феномены представляли величайшій интересъ.

И дѣйствительно, если этотъ невидимый дискъ снабженъ атмосферой, то падучія звѣзды не должны ли бороздить ее своими линіями? Если само ядро проходило по этимъ воздушнымъ слоямъ, то нельзя ли было подслушать какого-нибудь шума, распространеннаго луннымъ эхомъ, раскатовъ грозы, напримѣръ, паденія лавины или взрыва дѣйствующаго волкана? Факты такого рода, утвержденные тщательнымъ наблюденіемъ, много бы прояснили этотъ темный вопросъ объ устройствѣ луны. Вотъ почему Барбиканъ и Николь, стоя у своего окна, подобно астрономамъ, наблюдали пространство съ наклоннымъ терпѣніемъ.

Но до сихъ поръ дискъ оставался нѣмъ и мраченъ. Онъ не отвѣчалъ на безчисленные вопросы которые предлагали ему эти пытливые умы.

Это вызвало сѣдующее, по наружности, вѣрное замѣчаніе Мишеля:

— Если мы когда-нибудь повторимъ наше путешествіе, то лучше выберемъ эпоху новолунія.

— Правда, отвѣчалъ Николь,—обстоятельство это было бы для насъ благопріятнѣе. Я согласенъ что луна, поглощенная солнечными лучами, будетъ невидима во время переѣзда, но за то видима будетъ наша родная планета, которая вступить тогда въ періодъ полноземія. Сверхъ того, еслибы мы были увлечены вокругъ луны, какъ въ эту минуту, то мы имѣли бы по крайней мѣрѣ ту выгоду что дискъ ея, мы

невидимый, явился бы предъ нами великолѣпно освѣщеннымъ.

— Ты дѣло говоришь, Николай, сказалъ Мисель Арданъ. — А ты какъ думаешь, Барбиканъ?

— Вотъ что я думаю, отвѣчалъ положительный президентъ;—если мы когда-нибудь пустамся снова въ это путешествіе, то предпримемъ его въ то же время и при тѣхъ же самыхъ условіяхъ какъ нынѣ. Предположимъ что мы достигли бы нашей дѣли. Въ такомъ случаѣ не лучше ли бы намъ было сойти на матеруки ярко освѣщенные чѣмъ въ страну погруженную въ непроницаемый мракъ! Наше первое водвореніе на лунѣ не совершилось ли бы при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ? Очевидно, да. Что касается до этой невидимой стороны, то мы осмотрѣли бы ее во время нашего путешествія по лунному шару. Итакъ, это время полнолунія было выбрано какъ нельзя удачнѣе. Но надо было достигнуть дѣли, а чтобы достигнуть ея, не слѣдовало уклоняться съ пути.

— На это отвѣчать нечего, сказалъ Мисель Арданъ. — А между тѣмъ пропадаетъ прекрасный случай осмотрѣть другую сторону луны! Желательно было бы знать, болѣе ли знаютъ о своихъ спутникахъ жители прочихъ планетъ чѣмъ земные ученые о своемъ?

На это замѣчаніе Миселя Ардана легко можно было бы дать слѣдующій отвѣтъ: „Да, прочіе спутники, по болѣе ихъ близости къ своимъ планетамъ, болѣе доступны для изученія. Жители Сатурна, Юпитера и Урана, если только жители тамъ имѣются, могли устроить со своими спутниками сообщенія гораздо болѣе удобныя. Четыре спутника Юпитера обращаются на разстояніи отъ него 108.260 льѣ, 172.200 льѣ, 274.700 льѣ и 480.130 льѣ. Но эти разстоянія считаются отъ центра планеты, и искаячая длину радіуса, простирающуюся отъ 17 до 18 тысячъ льѣ, видимъ что первый спутникъ менѣе удаленъ отъ поверхности Юпитера чѣмъ луна отъ поверхности земли. Изъ восьми лунъ Сатурна четыре также ближе къ своей планетѣ; Диана на 84.600 льѣ, Тетиды на 62.960 льѣ, Энкеладъ на 48.191 льѣ и, наконецъ, Мимасъ не болѣе какъ на 34.500 льѣ. Изъ восьми спутниковъ Урана, первый, Аріель, отстоитъ отъ него только на 51.520 льѣ.“

Итакъ, на поверхности этихъ планетъ, опытъ, подобный предпринятому Барбиканомъ, представилъ бы менѣе затруд-

ней. Значитъ, еслибы жители ихъ рискнули на такую попытку, то они, можетъ-быть, изслѣдовали бы свойство той половины диска, которую ихъ спутникъ вѣчно скрываетъ отъ ихъ глазъ. * Но если они никогда не оставляли своей планеты, то они отнюдь не болѣе свѣдущи чѣмъ земные астрономы.

Между тѣмъ ядро описывало во мракѣ ту невычислимую траекторію, для опредѣленія которой не было данныхъ. Измѣнилось ли ея направленіе подъ вліяніемъ луннаго притяженія или подъ вліяніемъ какого-нибудь неизвѣстнаго тѣла? Барбиканъ не могъ этого рѣшить. Но совершилась перемѣна въ относительномъ положеніи ядра, и Барбиканъ удостовѣрился въ этомъ около четырехъ часовъ утра.

Перемѣна эта состояла въ томъ что нижняя часть ядра обратилась къ поверхности луны. Притяженіе, то-есть тяжесть, было причиной этой перемѣны; наиболѣе тяжелая часть ядра наклонилась къ невидимому диску, какъ бы падая на него.

Ужь не падало ли оно въ самое дѣло? Тогда путешественники достигли бы, наконецъ, желанной цѣли. Нѣтъ. Наблюденіе представившейся точки сравненія, довольно, впрочемъ, необъяснимой, показало Барбикану что ядро его нисколько не приближается къ лунѣ, а описываетъ кривую, почти концентрическую линію.

Такою точкой сравненія былъ яркій блескъ, внезапно замѣченный Николемъ на краю горизонта образованнаго чернымъ дискомъ. Точку эту невозможно было принять за звѣзду. То было нѣчто красноватое, какъ бы раскаленное, все увеличивавшееся въ объемъ,—неоспоримый знакъ что ядро подвигалось къ сверкающему предмету, а не падало нормально на поверхность луны.

— Волканъ! и волканъ дѣйствующій! воскликнулъ Николь:—

* Гершель доказалъ что движеніе вращенія спутниковъ около оси всегда равно движенію обращенія ихъ вокругъ планеты. Слѣдовательно они обращены къ ней всегда одною и тою же стороной. Лишь мѣръ Урана представляетъ замѣтное отлечіе; движеніе его луны происходитъ въ направленіи почти перпендикулярномъ къ плоскости орбиты, и направленіе ихъ движенія обратное,—то-есть спутники его двигаются въ направленіи обратномъ движенію всѣхъ прочихъ планетъ солнечной системы.

измѣненіе внутреннихъ огней луны. Стало-быть, луна еще не совсѣмъ потухла.

— Да, это дѣйствительно изверженіе, замѣтилъ Барбиканъ, съ телескопомъ въ рукахъ, тщательно наблюдавшій это явленіе.—Что жъ можетъ быть это, если не вулканъ?

— Но въ такомъ случаѣ, оказалъ Мишель Арданъ,—чтобы поддерживать это горѣніе, необходимъ воздухъ. Значитъ, эта часть луны окружена атмосферой?

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Барбиканъ,—хотя это и не составляетъ необходимости. Вулканъ, вслѣдствіе разложенія нѣкоторыхъ веществъ, можетъ самъ доставлять себѣ кислородъ и извергать пламя въ пустое пространство. Мнѣ кажется даже, что видимое намъ пламя имѣетъ напряженіе и блескъ замѣчаемые при горѣніи тѣлъ въ чистомъ кислородѣ. Итакъ, не станемъ дѣлать слишкомъ поспѣшныхъ заключеній о существованіи лунной атмосферы.

Огнедышущая гора должна была находиться подъ 45° южной широты невидимой части диска. Но, къ великой досадѣ Барбикана, кривая линія, описываемая ядромъ, увлекла его далеко отъ точки обозначенной изверженіемъ, такъ что Барбиканъ не могъ въ точности опредѣлить свойства послѣдняго. Не прошло полчаса съ тѣхъ поръ какъ она замѣтила означенную блестящую точку, какъ она уже стала исчезать за темнымъ горизонтомъ. А между тѣмъ подтверженіе феномена было бы замѣчательнымъ фактомъ въ области селенографіи. Оно доказывало бы что еще не вся теплота исчезла изъ внутренности луннаго шара, а тамъ гдѣ существуетъ теплота, кто можетъ поручиться чтобы растительное и даже животное царство не устояло до сихъ поръ противъ разрушительныхъ вліяній? Бытіе этого дѣйствующаго вулкана, неоспоримо признанное земными учеными, породило бы, безъ сомнѣнія, множество теорій благоприятныхъ важному вопросу обитаемости луны.

Барбиканъ отдался потоку своихъ мыслей. Онъ погрузился въ безмолвные мечтанія о таинственныхъ судьбахъ луннаго міра. Онъ старался установить связь между замѣченными имъ фактами, какъ вдругъ новое явленіе внезапно возвратило его къ дѣйствительности.

Явленіе это было болѣе нежели космическій феноменъ,—то была грозная опасность, послѣдствія коей могли быть гибельны.

Вдругъ, посреди глубокаго мрака, въ эфирѣ появилась огромная масса. Она походила на луну, но на луну воспламененную, блескъ которой тѣмъ болѣе былъ невыносимъ что онъ рѣзко выдѣлялся изъ непроницаемой темноты пространства. Масса эта, кругообразной формы, распространяла такой свѣтъ что онъ наполнилъ все ядро. Лица Барбикана, Николая и Мишеля Ардана, озаренныя этими бѣлыми волнами свѣта, принимали блѣдный, синеватый оттѣнокъ, который придавалъ имъ видъ призраковъ, словомъ, тотъ видъ какой принимаютъ человѣческія лица при свѣтѣ искусственно добытомъ съ помощью алькоголя пропитаннаго солью.

— Чортъ знаетъ на что мы похожи! воскликнулъ Мишель Арданъ:—что это за зловѣщая луна?

— Это болидъ, возразилъ Барбиканъ.

— Болидъ, воспламенившійся въ пустотѣ?

— Да.

Барбиканъ не ошибся. Этотъ огненный шаръ былъ дѣйствительно болидъ. Такіе космическіе метеоры, наблюдаемые съ земли, изливаютъ свѣтъ нѣсколько блѣднѣе луннаго, но здѣсь, въ этомъ темномъ эфирѣ, онъ былъ ослѣпительнъ. Эти блуждающія тѣла въ самихъ себѣ заключаютъ причину своего воспламененія, и для горѣнія не нуждаются въ атмосферномъ воздухѣ. И въ самомъ дѣлѣ, если нѣкоторые изъ этихъ болидовъ и прорѣзываютъ атмосферные слои въ двухъ или трехъ льѣ отъ земли, то другіе, напротивъ, совершаютъ свои пути на разстояніи, куда не можетъ распространиться атмосфера. Таковы были болиды появившіеся, одинъ 27го октября 1844 г. на высотѣ 128 льѣ, другой 18го августа 1841 года, почезнувшій на разстояніи 182 льѣ. Нѣкоторые изъ этихъ метеоровъ имѣютъ отъ 3 до 4 километровъ въ ширину, и скорость ихъ можетъ достигать 75 кил. въ секунду *, въ направленіи обратномъ движенію земли.

Этотъ блуждающій шаръ, столь внезапно появившіеся посреди мрака на разстояніи не менѣе 100 льѣ, имѣлъ, по численію Барбикана, до 2.000 метровъ въ діаметръ. Онъ двигался съ быстротой двухъ километровъ въ секунду, или тридцати льѣ въ минуту. Онъ перерѣзывалъ путь ядра и долженъ былъ черезъ нѣсколько минутъ коснуться его. По

* Средняя скорость движенія земли по экватору не болѣе 50 километровъ въ секунду.

мѣръ приближенія, величина его возрастала въ громадныхъ размѣрахъ.

Можно себѣ представить, положеніе нашихъ путешественниковъ! Описать его невозможно. Несмотря на все свое мужество, хладнокровіе, безпечность въ виду опасности, они стояли теперь безмолвные, неподвижные, объятые непреодолимымъ ужасомъ, оковавшимъ всѣ ихъ члены. Ядро ихъ, ходъ котораго они не могли измѣнить, неслось прямо къ этой огненной массѣ, пылавшей какъ жерло отражательной печи. Оно, казалось, летѣло въ огненную бездну.

Барбиканъ схватилъ за руки своихъ товарищей, и всѣ трое, сквозь полузакрытыя вѣки, смотрѣли на этотъ до бѣла раскаленный астероидъ. Если въ нихъ не совсѣмъ еще замерла мысль, если мозгъ ихъ продолжалъ еще работать посреди объившаго ихъ ужаса, то они должны были считать себя погибшими!

Двѣ минуты спустя послѣ внезапнаго появленія болида (эти двѣ минуты показались имъ вѣчностью), ядро готовилось уже столкнуться съ нимъ, какъ вдругъ огненный шаръ лопнулъ какъ бомба, не произведя ни малѣйшаго шума въ этой пустотѣ, гдѣ звукъ, который есть не что иное какъ сотрясеніе слоевъ воздуха, слышать быть не можетъ.

Николь вскрикнулъ, и всѣ трое бросились къ окнамъ. Никакое перо, никакая кисть, какъ бы искусны они ни были, не въ состояніи передать то великолѣпное зрѣлище какое представилось ихъ взорамъ!

То былъ волканъ во всемъ грозномъ величіи полного изверженія, или разливъ громаднаго пожара. Тысячи пылающихъ обломковъ бороздили пространство своими огнями. Тутъ было смѣшеніе всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Тутъ были снопы лучей желтыхъ, желтоватыхъ, красныхъ, зеленыхъ, сѣрыхъ, цѣлый вѣнокъ разноцвѣтныхъ огней. Отъ огромнаго, столь грознаго шара не осталось ничего кромѣ этихъ кусковъ разносившихся по всѣмъ направленіямъ и въ свою очередь превращавшихся въ астероиды; нѣкоторые изъ нихъ пылали какъ огненные мечи, другіе окружены были какъ бы бѣловатымъ облакомъ, третьи оставляли послѣ себя блестящіе савды космической пыли.

Эти раскаленные массы перекрещивались, сталкивались между собою, рассыпаясь въ болѣе мелкіе обломки; нѣкоторые изъ нихъ ударились объ ядро, такъ что лѣвое окно

его лопнуло отъ удара. Казалось что ядро плаваешь подъ градомъ бомбъ, изъ которыхъ самой маленькой достаточно было чтобъ уничтожить его въ одно мгновеніе.

Свѣтъ, наполнявшій эфиръ, развивался съ несказанною силой, такъ какъ астероиды распространяли его по всѣмъ направленіямъ. Въ ту минуту когда онъ сдѣлался наиболѣе яркъ, Мишель, привлекая къ окну Барбикана и Николая, воскликнулъ:

— Глядите, невидимая луна видна наконецъ!

И всѣ трое, сквозь массу свѣта блиставшую нѣсколько секундъ, увидѣли этотъ таинственный дискъ, на который впервые еще упалъ взоръ человѣческій.

Что же они увидали на разстояніи котораго не могли измѣрить? Нѣсколько длинныхъ полосъ на дискѣ, настоящія облака образовавшіяся въ самомъ ограниченномъ атмосферномъ пространствѣ; между ними обрисовывались не только всѣ горы, но и менѣе значительные рельефы, такіе же цирки, сіяющіе и причудливо расположенные кратеры, какъ и на видимой поверхности. Затѣмъ обширныя пространства, но не безплодная равнины, а настоящія моря, широко разлившіяся океаны, въ зеркальной влагѣ которыхъ отражались волшебнo-ослѣпительные огни, разсѣянные въ пространствѣ. Наконецъ, на поверхности материковъ, обширныя темныя массы, какими бы появились сплошные лѣса, на минуту озаренные блескомъ молніи....

Была ли то иллюзія, оптической обманъ? Могли ли путешественники придать столь поверхностному наблюденію значеніе научнаго факта? Дерзнули ли бы они, послѣ мимолетнаго взгляда на невидимый дискъ, рѣшить вопросъ объ его обитаемости?

Между тѣмъ сверканія въ пространствѣ постепенно ослабѣвали; блескъ ихъ уменьшался; астероиды разсѣялись по различнымъ направленіямъ и погасли въ отдаленіи. Эфиръ снова погрузился въ обычный мракъ; звѣзды, на минуту затмившіяся, заблестали снова, и дискъ, появившійся на мгновеніе, снова погрузился въ непроницаемую ночь.

ГЛАВА XVI:

Южное полушаріе.

Ядро избѣжало опасности страшной и совершенно неожиданной. Кто бы могъ вообразить себѣ такую встрѣчу съ

боидами? Эти блуждающія тѣла могли надѣвать нашимъ путешественникамъ серіозныхъ бѣдъ. То были подводныя скалы разбѣяныя въ этомъ воздушномъ морѣ, но путешественники наши не могли, подобно земнымъ плавателямъ, обходить ихъ. Но роптали ли на свою судьбу смѣльчаки, носившіеся въ пространствахъ? Ни мало, потому что природа дала имъ возможность насладиться великолѣпнымъ зрѣлищемъ космическаго метеора, разорвавшагося отъ страшнаго дѣйствія внутренняго огня, потому что этотъ чудный фейерверкъ, котораго воспроизвести даже въ подражаніи не могъ бы никакой Руджіери, освѣтилъ на нѣсколько секундъ невидимый дискъ луны. Въ этомъ мгновенномъ освѣщеніи, предъ нами появились материки, моря и лѣса. Значитъ, атмосфера сообщала этой таинственной сторонѣ свои животворныя частицы? Вопросы еще неразрѣшенные, вѣчно возбуждающіе пылливость человѣка!

Часы показывали половину четвертаго пополудни. Ядро слѣдовало своему криволинейному направленію вокругъ луны. Измѣнился ли еще разъ путь его отъ дѣйствія метеора? Можно было опасаться и этого. Тѣмъ не менѣе ядро должно было описать кривую линію, неопредѣленную законами раціональной механики. Барбиканъ полагалъ что эта линія будетъ скорѣе парабола чѣмъ гипербола. Но, если допустить эту параболу, то ядро должно было довольно скоро выйти изъ конуса тѣни отбрасываемой въ пространство противоположное солнцу. Конусъ этотъ дѣйствительно былъ очень узокъ, до такой степени малъ умовой діаметръ луны при сравненіи его съ діаметромъ дневнаго свѣтила. До сихъ поръ однако ядро несло въ глубокой тѣни. Какова бы ни была его скорость, а эта скорость не могла быть незначительна, періодъ его покрытія продолжался. То былъ фактъ очевидный, но, можетъ-быть, онъ не совсѣмъ согласовался съ предполагаемою случайностію траекторіи строго параболической. Новая проблема, заставлявшая работать мозгъ Барбикана, замкнутый въ сферѣ невѣдомаго, изъ которой онъ не могъ освободиться.

Ни одинъ изъ путешественниковъ не думалъ объ отдыхѣ. Каждый изъ нихъ съ напряженнымъ вниманіемъ поджидалъ какого-нибудь феномена, который бы бросилъ новый свѣтъ на ихъ уранографическія изслѣдованія. Часовъ около пяти, Мишель Арданъ угостилъ всѣхъ, вмѣсто обѣда, кускомъ

холодного мяса съ хлѣбомъ, который они быстро съѣли, не отходя отъ оконъ, стекла коихъ безпрестанно покрывались льдомъ отъ сгущенія паровъ.

Въ три четверти шестаго. пополудни, Николь, вооруженный своимъ телескопомъ, замѣтилъ на южномъ краю луны и въ направленіи, по которому двигалось ядро, нѣсколько свѣтлыхъ точекъ, вырѣзавшихся на темномъ экранѣ неба. Казалось что предъ ними открывался рядъ остроконечныхъ вершинъ, профиль коихъ составлялъ волнистую линію. Онѣ освѣщались довольно ярко. Такимъ представляется на границѣ свѣта и тѣни очертаніе луны, когда она бываетъ въ одномъ изъ своихъ октантовъ.

Ошибиться было невозможно. Дѣло шло уже не о простомъ метеорѣ, потому что свѣтосарный гребень не имѣлъ ни дѣла его, ни подвижности. То не былъ и вулканъ извергающій пламя. Вотъ почему Барбиканъ и выразилъ, не обинуясь, свое мнѣніе.

— Солнце! сказалъ онъ.

— Какъ? Что? Солнце? воскликнули въ одинъ голосъ Николь и Мисель Ардакъ.

— Да, друзья мои, само лучезарное свѣтило озаряетъ эти горы, расположенныя на южномъ краю луны. Очевидно, мы приближаемся къ южному полюсу.

— Прощедши чрезъ сѣверный полюсъ, сказалъ Мисель.— Стало-быть, мы обошли вокругъ нашего спутника?

— Да, мой бездѣльный Мисель.

— Въ такомъ случаѣ намъ нечего уже бояться гиперболы, параболы и незамкнутыхъ кривыхъ линій?

— Нѣтъ, но за то можно опасаться замкнутой кривой линіи.

— Которая называется?

— Эллипсисъ. Въмѣсто того чтобы затеряться въ междупланетныхъ пространствахъ, ядро наше, повидимому, опишетъ эллиптическую орбиту вокругъ луны.

— Неужели?

— И сдѣлается ея спутникомъ.

— Луна луны! воскликнулъ Мисель Ардакъ.

— При этомъ я тебѣ замѣчу только, мой достойный другъ, сказалъ Барбиканъ, — что намъ все-таки придется погибнуть.

— Да, но другимъ образомъ и гораздо интереснѣе! отвѣчалъ безпечный Французъ съ самою любезною улыбкой.

Президентъ Барбиканъ былъ правъ. Описывая эту эллиптическую линію, ядро, безъ сомнѣнія, должно было таготѣть вокругъ луны какъ ея спутникъ. То было новое свѣтило присоединившееся къ солнечному міру, микрокосмъ населенный тремя жителями, которые вскорѣ должны погибнуть по недостатку воздуха.

Вслѣдствіе этого Барбиканъ не могъ радоваться такому окончательному положенію, которое приняло ядро подъ двойнымъ вліаніемъ силъ центроостремительной и центробѣжной. Ему и его товарищамъ предстояло увидѣть снова освѣщенную сторону луннаго диска. Можетъ-быть даже они проживутъ еще столько чтобъ увидѣть въ послѣдній разъ полную землю, великолѣпно освѣщенную солнечными лучами! Можетъ-быть, имъ удастся послать послѣднее прощаніе этому шару, видѣть который имъ болѣе не суждено! Затѣмъ ядро ихъ сдѣлается потухшею, мертвою массой, подобною этимъ безжизненнымъ астероидамъ носящимся въ зенитѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ имъ было то что они оставляютъ наконецъ эту неисходную тьму и возвращаются къ свѣту, вступая снова въ области облитыя солнечнымъ сіяніемъ!

Между тѣмъ горы, указанныя Барбиканомъ, мало-по-малу выдѣлялись на темной массѣ. То были горы Дѣрфель и Лейбницъ, воздымающіяся въ южной части лунной приполюсной страны.

Всѣ горы видимаго полушарія измѣрены съ безукоризненною точностью. Можетъ-быть, многимъ покажется удивительною эта точность, но употребляемыя при этомъ гипсометрическія методы непогрѣшительны. Можно даже утвердительно сказать что высота лунныхъ горъ также вѣрно опредѣлена какъ и высота горъ земныхъ.

Метода наиболѣе употребляемая состоитъ въ измѣреніи тѣни отбрасываемой горами, причемъ принимается въ соображеніе высота солнца въ минуту наблюденія. Измѣреніе это производится безъ труда посредствомъ телескопа, снабженнаго сѣткой о двухъ параллельныхъ виткахъ, причемъ допускается что истинный діаметръ луннаго диска извѣстенъ въ точности. Эта метода даетъ также возможность исчислить глубину лунныхъ кратеровъ и впадинъ. Галилей пользовався уже ею, а въ послѣдствіи гг. Беръ и Медлеръ употребляли ее съ большимъ успѣхомъ.

Другая метода, такъ-называемая метода касательныхъ лучей,

можетъ быть также принимаема къ измѣренію лунныхъ рельефовъ. Ею пользуются въ тотъ моментъ когда горы образуютъ блестящія точки на темной части диска, внѣ линіи разграниченія свѣта и тѣни. Эти блестящія точки производятся солнечными лучами идущими выше тѣхъ лучей которые опредѣляютъ границу фазы. Измѣреніе темнаго промежутка, остающагося между блестящею точкой и наиболее близкою къ нему освѣщенной частію, даетъ въ точности высоту этого пункта. Но понятно что метода эта можетъ быть принимаема только къ горамъ сосѣднимъ съ линіей разграниченія свѣта и тѣни.

Третья метода состоитъ въ измѣреніи посредствомъ микрометра профиля лунныхъ горъ обрисовывающихся на фонѣ; но она принимаема только къ высотамъ лежащимъ на краю луны.

Надо замѣтить что во всѣхъ случаяхъ это измѣреніе тѣней, промежутковъ или профилей можетъ быть производимо тогда только, когда относительно наблюдателя солнечные лучи падаютъ на луну косвенно. Когда же они падаютъ на нее прямо, словомъ, когда луна полная и всякая тѣнь исчезаетъ съ ея диска, наблюденія становятся невозможны.

Галилей, первый признавъ бытіе лунныхъ горъ, употребилъ методу тѣней для исчисленія ихъ высотъ. Онъ написалъ имъ, какъ уже сказано было выше, среднюю высоту 4.500 туазовъ. Гевелій значительно уменьшилъ эти цифры, которыя, напротивъ того, Риччіоли удвоилъ. Измѣренія эти были преувеличены съ той и съ другой стороны. Гершель, вооруженный усовершенствованными инструментами, приблизился болѣе къ гипсометрической истинѣ. Но окончательно ее должно искать въ отчетахъ современныхъ наблюдателей.

Гг. Беръ и Медлеръ, первые селенографы въ мірѣ, вымѣрили тысячу девяносто пять лунныхъ горъ. По ихъ вычислениямъ оказывается что между означенными горами шесть поднимаются выше 5.800 метровъ, и двадцать двѣ выше 4.800. Высочайшая вершина луны имѣетъ 7.603 метра; значить, она ниже земныхъ вершинъ, изъ коихъ нѣкоторыя превосходятъ ее на 500 и 600 туазовъ. При этомъ должно сдѣлать одно замѣчаніе. По сравненію съ объемами обоихъ свѣтилъ, лунныя горы относительно выше земныхъ. Первые составляютъ четыреста семидесятую часть луннаго діаметра; вторыя

только тысяча четыреста сороковую часть земнаго діаметра. Чтобы земная гора относительно достигла размѣровъ горы лунной, перпендикулярная высота ея должна бы имѣть шесть лье съ половиной, а между тѣмъ самая высокая земная гора не имѣетъ и девяти километровъ.

Сдѣлаемъ нѣкоторыя сравненія: между Гималайскими горами находятся три пика превосходящіе лунные пики: Эверестъ, имѣющій 8.837 метровъ, Кинчанджуга 8.588 метровъ, Давалагири 8.187. Лунныя горы Дѣрфель и Лейбницъ равняются высотой съ Джавагири той же цѣпи, то-есть поднимаются на 7.603 метра. Ньютонъ, Казатусъ, Курціусъ, Шортъ, Тахо, Клавіусъ, Бланканусъ, Эндиміонъ, главныя вершины Кавказа и Апеннинъ, выше Монблана, имѣющаго 4.810 метровъ. Равны Монблану: Морé, Теофиль, Катарніа; равны Монте-Роза, имѣющей 4.636 метровъ: Пикколомини, Вернеръ, Гарпалусъ; Монъ-Сервену, имѣющему 4.522 метра: Макробъ, Эратосеенъ, Альбатекъ, Делаамбръ; Tenerifскому пику, имѣющему 3.710 метровъ: Баконъ, Кизатусъ, Филолай и пику Альпъ; пиренейской Монъ-Пердю, имѣющей 3.351 метръ: Рѣмеръ и Богуславскій; Этнъ, имѣющей 3.237 метровъ: Геркулесъ, Атласъ, Фурнеріусъ.

Таковы пункты сравненія, дающіе возможность составить понятіе о высотѣ лунныхъ горъ. Траекторія, которою слѣдовало ядро, увлекало его именно къ этой гористой странѣ южнаго полушарія, гдѣ возвышались самыя замѣчательныя образцы лунной орографіи.

ГЛАВА XVII.

Т и о.

Въ шесть часовъ вечера, ядро проходило около южнаго полюса, на разстояніи менѣе 60 километровъ, то-есть на такомъ же разстояніи на какомъ оно проходило и около севернаго полюса. Значить, оно окончателно двигалось по эллипсису.

Въ эту минуту путешественники вступали снова въ благотворную сферу солнечныхъ лучей. Предъ ними снова появились звѣзды, медленно двигавшіяся съ востока на западъ. Они привѣтствовали лучезарное свѣтило троекратнымъ ура!

Видеть со светомъ оно обливало ихъ своею теплотой, которая вскорѣ проникла сквозь металлическія стѣнки ядра. Оконныя стекла сдѣлались снова прозрачными. Покрывавшій ихъ слой льда растаялъ мгновенно. Тотчасъ же, въ видахъ экономіи, погашенъ былъ газъ. Только одинъ воздушный аппаратъ продолжалъ потреблять его обычное количество.

— Ахъ! сказалъ Николь:—какъ отрадны эти теплые лучи! Съ какимъ нетерпѣніемъ, послѣ столь долгой ночи, должны ожидать Селениты возвращенія дневнаго свѣтила!

— Да, отвѣчалъ Мишель Арданъ, какъ бы упиваясь этимъ блестящимъ эфиромъ,—свѣтъ и теплота заключаютъ въ себѣ всю жизнь!

Въ эту минуту нижняя часть ядра начинала уклоняться нѣсколько отъ лунной поверхности, свидѣтельствуя что слѣдуетъ по эллиптической орбитѣ довольно удлиненной. Съ этого пункта, еслибы земля была полная, Барбиканъ и его товарищи могли бы увидѣть ее снова. Но, потонувшая въ сіяніи солнца, она оставалась абсолютно невидимою. Другое зрѣлище должно было привлекать ихъ взоры: зрѣлище южной части луны, приближенной къ нимъ съ помощью телескопа на четверть лье. Они не отходили болѣе отъ оконъ и отмѣчали всѣ подробности этого страннаго материка.

Горы Дѣрфель и Лейбницъ образуютъ двѣ отдѣльныя группы, раскинутыя почти на южномъ полюсѣ. Первая группа простирается отъ полюса до 84й параллели на восточной сторонѣ нашего спутника; вторая, выступающая на восточномъ краю, идетъ отъ 65° широты къ полюсу.

На гребнѣ ихъ, тянущемся въ причудливыхъ изгибахъ, появились ослѣпительные покровы, замѣчательные отцомъ Секки. Съ большею достовѣрностью чѣмъ знаменитый римскій астрономъ, Барбиканъ могъ опредѣлить ихъ свойство.

— Это снѣга! воскликнулъ онъ.

— Снѣга? вопросительно повторилъ Николь.

— Да, Николь, снѣга, поверхность коихъ глубоко обледѣла. Посмотрите какъ они отражаютъ лучи свѣта. Остывшая лава не могла бы произвести такого ослѣпительнаго блеска. Стало-быть на лунѣ есть вода и воздухъ. Какъ бы ихъ тамъ мало ни было, но самый фактъ не можетъ болѣе подлежать сомнѣнію.

Нѣтъ, онъ не могъ подлежать сомнѣнію. И если когда-

кабудь Барбиканъ увидитъ землю, то его замѣтки засвидѣтельствуютъ объ этомъ фактѣ первостепенной важности въ селенографическихъ наблюденіяхъ.

Горы Дёрфель и Лейбницъ подымались посреди равнинъ умѣренного протяженія, границами коимъ служилъ безконечный рядъ цирковъ и кольцеобразныхъ возвышенностей. Эти двѣ цѣпи единственныя встрѣчающіяся въ области цирковъ. Относительно менѣе изрыты, онѣ представляютъ мѣстами острые пики, высочайшая вершина коихъ достигаетъ 7.603 метровъ.

Но ядро господствовало надо всѣмъ этимъ, и рельефъ исчезалъ въ ослѣпительномъ сіяніи диска. Предъ глазами путешественниковъ появился снова этотъ архаическій видъ лунныхъ ландшафтовъ съ грубыми тонами, безъ переизбытка цвѣтовъ, безъ перехода тѣней, съ бѣлыми и черными пятнами, такъ какъ имъ недоставало рассеянаго свѣта. Но видъ этого пустынного міра былъ все-таки въ высшей степени интересенъ самою своею странностью. Они носились надъ этимъ хаотическимъ краемъ, какъ бы увлекаемые дуновеніемъ урагана; подъ ихъ ногами проходили ряды вершинъ; взоръ ихъ пробѣгалъ по этимъ углубленіямъ, по этимъ трещинамъ и возвышенностямъ, спускался въ глубину этихъ таинственныхъ отверстій, слѣдя за всѣми ихъ излучинами. Но нигдѣ не могъ замѣтить онъ ни слѣдовъ растительности, ни признаковъ населенія; повсюду лишь наслоенія почвы, потоки лавы, гладкія полосы, отражавшія, подобно исполкискимъ зеркаламъ, солнечные лучи съ ослѣпительнымъ блескомъ. Ничего отъ живаго міра; все отъ міра мертваго, гдѣ лавины, катясь съ вершины горъ, погружаются беззвучно въ глубину пропастей. Движеніе онѣ имѣли, но не производили никакого шума.

Барбиканъ, послѣ многократныхъ и тщательныхъ наблюденій, заявилъ что рельефы по краямъ диска, хотя и подчинены были силамъ отличнымъ отъ тѣхъ которыя дѣйствовали въ центральной странѣ, но представляли одинаковое образованіе. То же скопленіе цирковъ, тѣ же возвышенія почвы. Можно было думать, однако, что расположеніе ихъ не одинаково. И въ самомъ дѣлѣ, въ центральной области лунная кора, въ своемъ полу-жидкомъ состояніи, была подчинена двойному притяженію земли и луны, дѣйствующихъ въ

противоположномъ направленіи по линіи соединяющей одну съ другой. Напротивъ того, на краяхъ диска лунное притяженіе дѣйствовало, такъ-сказать, перпендикулярно къ земному. Итакъ, казалось бы, что рельефы почвы, произведенные при этихъ двухъ условіяхъ, должны были принять различныя формы. Но этого не было. Значитъ, лунашла въ самой себѣ принципъ своей формации и своего устройства. Она ничѣмъ не была обязана постороннимъ силамъ, что и оправдывало замѣчательное слово Араго: „Никакое дѣйствіе внѣ луны не содѣйствовало образованію ея рельефа.“

Какъ бы то ни было, но въ настоящемъ своемъ положеніи, этотъ міръ былъ образомъ смерти, и невозможно было утверждать чтобы жизнь когда-нибудь его одушевляла.

Мишелю Ардану показалось однако что онъ разглядѣлъ скопленіе разваливъ, на что онъ и указалъ Барбикану. То было подъ 80ю параллелью и подъ 30° долготы. Эти груды камней, довольно правильно расположенныя, представляли обширное укрѣпленіе, господствующее надъ одною изъ трещинъ, бывшихъ ложами рѣкъ доисторической эпохи. Недалеко оттуда возвышалась на 5.646 метровъ кольцеобразная гора Шортъ. Мишель Арданъ, съ обыкновеннымъ своимъ увлеченіемъ, утверждалъ что видѣлъ на ней крѣпость. Ниже онъ различалъ полуразрушенныя стѣны города; здѣсь ему представлялась еще уцѣлѣвшій сводъ портика, тамъ двѣ-три колонны, лежавшія рядомъ со своими пьедесталами, рядъ дугообразныхъ столбовъ, которые должны были поддерживать водопроводъ, и наконецъ разрушенные быки гигантскаго моста, выступавшіе въ глубинѣ трещины. Онъ отличалъ это съ такою приправой воображенія, въ такой фантастическій телескопъ, что трудно было довѣрять его наблюденіямъ. Со всѣмъ тѣмъ, кто бы могъ утверждать, кто бы дерзнулъ сказать, что отважный весельчакъ дѣйствительно не видалъ того чего не хотѣли видѣть его товарищи?

Минуты были слишкомъ дороги чтобы пускаться въ бесплодный споръ. Лунный городъ, дѣйствительный или мнимый, уже исчезъ въ отдаленіи. Разстояніе ядра отъ луннаго диска начало увеличиваться, и подробности почвы начали смѣшиваться предъ глазами. Одни только рельефы, цирки, кратеры, равнины оставались видимы и рѣзко выставляли свои оконечности.

Въ эту минуту назво отъ нихъ обрисовался одинъ изъ

красивѣйшихъ цирковъ лунной орографіи, одна изъ достопримѣчательностей луннаго материка. То былъ Ньютонъ, котораго Барбиканъ узналъ тотчасъ же, справившись со своею *Mapa selenographica*.

Ньютонъ дѣйствительно находится подъ 77° южн. шир. и подъ 16° долг. Онъ образуетъ кольцеобразный кратеръ, края котораго, возвышаясь на 7.264 метра, казались недоступными.

Барбиканъ обратилъ вниманіе своихъ товарищей, что высота этой горы надъ окружающею его равниной далеко не равна глубинѣ его кратера. Эта глубокая впадина ускользала отъ всякаго измѣренія и представляла мрачную пропасть, два коей никогда не могли достигать солнечные лучи. Тамъ, по замѣчанію Гумбольдта, царствуетъ непроницаемый мракъ, не нарушаемый свѣтомъ солнца и земли. Міеологія могла бы не безъ основанія назвать ее воротами преисподней.

— Ньютонъ, сказалъ Барбиканъ, — есть самый совершенный типъ этихъ кольцеобразныхъ горъ, какихъ нѣтъ на землѣ. Онъ свидѣтельствуютъ что въ образованіи луны путемъ охлажденія участвовали насильственные перевороты, ибо въ то время когда, воздвигаемые внутреннимъ огнемъ, рельефы воздымались на значительныя высоты, дно отступало и понижалось далеко ниже луннаго уровня.

— Не имѣю ничего возразить противъ этого, отвѣчалъ Мишель Арданъ.

Нѣсколько минутъ спустя, миновавъ Ньютона, ядро находилось прямо надъ кольцеобразною горой Морѣ. Оно прошло довольно далеко вдоль горъ Бланкануса и въ половинѣ восьмаго вечера достигло цирка Клавиуса.

Циркъ этотъ, одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ на лунномъ дискѣ, лежитъ подъ 58° южн. шир. и подъ 15° вост. долг. Высота его опредѣляется въ 7.091 метръ. Путешественники, отдаленные отъ него на 400 километровъ, которые, благодаря телескопамъ, сокращались до четырехъ, могли осмотрѣть вполнѣ этотъ обширный кратеръ.

— Земные вулканы, сказалъ Барбиканъ, — не болѣе какъ кротовыя норы сравнительно съ лунными. При измѣреніи древнихъ кратеровъ Везувія и Этны, найдено что они имѣютъ не болѣе 6.000 метровъ въ ширину. Во Франціи циркъ Канталь имѣетъ 10 километровъ; на Цейлонѣ циркъ этого острова 70 километровъ, а онъ считается обширнѣйшимъ на земномъ шарѣ. Что же значатъ эти діаметры сравнительно

съ діаметромъ Клавіуса надъ которымъ мы находимся въ сію минуту.

— А какова его ширина? спросилъ Николь.

— 227 километровъ, отвѣчалъ Барбиканъ.—Циркъ этотъ, правда, самый значительный на лунѣ; но сколько тамъ другихъ въ 200, въ 150 и во 100 километровъ!

— О, друзья мои! воскликнулъ Мисель:—можете ли вы представить себѣ чѣмъ было это мирное свѣтло ночи, когда эти кратеры, оглашаемые громовыми ударами, изрыгали всѣ разомъ потоки лавы, градъ камней, облака дыма и струи пламени. Какое дивное зрѣлище въ то время, и какая пустота теперь! Эта луна не что иное какъ жалкое вмѣстѣлице фейерверка, изъ котораго съ великолѣпнымъ блескомъ вылетѣли петарды, ракеты, солнца, оставивъ послѣ себя обожженные куски картона. Кто можетъ указать причину, источникъ, дать объясненія этихъ переворотовъ?

Барбиканъ не слушалъ Миселя Ардана. Онъ разсматривалъ бока Клавіуса, состоявшіе изъ горъ въ нѣсколько лье шириной. Изъ глубины его громадной впадины выглядывали сотни мелкихъ потухшихъ кратеровъ, надъ которыми господствовалъ пикъ въ 5.000 метровъ.

Вокругъ равнина представляла видъ опустошенія. Нельзя представить ничего мрачнѣе этихъ рельефовъ, печальнѣе этихъ горъ и, если позволено выразиться такимъ образомъ, этихъ обломковъ пиковъ и возвышенностей разбросанныхъ по почвѣ! Луна какъ будто лопнула въ этомъ мѣстѣ.

Ядро все двигалось, а этотъ хаосъ не измѣнялся. Цирки, кратеры, растреснувшіяся горы непрерывно слѣдовали одни за другими. Не видно было ни равнинъ, ни морей; тянулась безконечная Швейцарія или Норвегія. Наконецъ въ центрѣ этой изрытой страны, на высочайшемъ пунктѣ ея, показалась великолѣпнѣйшая изъ горъ луннаго диска, ослѣпительный Тихо, за которымъ потомство сохранить навсегда имя знаменитаго датскаго астронома.

Всякій кто наблюдалъ полную луну на безоблачномъ небѣ, конечно, замѣтилъ этотъ блестящій пунктъ южнаго полушарія. Для возвеличенія его Мисель Арданъ употребилъ всѣ метафоры которыя только могло изобрѣсти его воображеніе. Для него этотъ Тихо былъ пламенный очагъ свѣта, центръ сіянія, кратеръ изрыгающій лучи! То была ступица сверкающаго колеса, морская звѣзда, сжимавшая дискъ своими

серебряными щупальцами, громадный глазъ метавшій пламя, ореоль созданный для головы Плутона! То была звѣзда брошенная рукой Творца и рассыпавшаяся о лунный ликъ!

Тихо представляетъ такое средоточіе свѣта что жители земли могутъ видѣть его безъ телескопа, хотя и находятся на разстояніи 100.000 лье отъ него. Вообразите же каково должно было представиться его сіяніе наблюдателямъ находившимся только въ 150 лье отъ него! Сквозь этотъ чистый эфиръ сверканіе его было до такой степени ослѣпительно что Барбиканъ и его товарищи, для наблюденія надъ нимъ, принуждены были съ помощью газа закоптить стекла своихъ телескоповъ. Потомъ, въ глубокомъ молчаніи которое прерывалось только восклицаніями изумленія, они разсматривали его и любовались имъ. Всѣ ихъ чувства, всѣ впечатлѣнія сосредоточились въ ихъ взглядѣ, подобно тому какъ жизнь, при сильномъ волненіи, вся сосредоточивается въ сердцѣ.

Тихо принадлежитъ къ системѣ блистающихъ горъ, какъ-вы Аристархъ и Коперникъ. Но самая полная, самая опредѣленная изъ нихъ, она свидѣтельствуетъ неотразимо о страшной силѣ вулканическихъ дѣйствій участвовавшихъ въ образованіи луны.

Тихо лежитъ подъ 43° южн. шир. и подъ 12° вост. долг. Центръ его занятъ кратеромъ въ 87 километровъ. Онъ представляетъ форму нѣсколько эллиптическую и заключенъ въ оградѣ кольцеобразныхъ возвышенностей, которыя, къ востоку и западу, господствуютъ надъ внѣшнюю равниной на высотѣ 5.000 метровъ. Это соединеніе Монъ-Блановъ, расположенныхъ около общаго центра и увѣнчанныхъ лучезарнымъ сіяніемъ.

Никогда даже фотографія не могла воспроизвести этой несравненной горы со всѣми рельефами направляющимися къ ней, со всѣми внутренними изгибами ея кратера. Тихо является во всемъ своемъ великолѣпнн только въ полнолуніе; но тогда тѣней нѣтъ, ракурсы перспективы исчезаютъ, и снимки выходятъ блѣдые. Обстоятельство прискорбное, ибо въ высшей степени интересно было бы воспроизвести съ фотографическою отчетливостію эту необыкновенную страну. Она не что иное какъ скопленіе впадинъ, кратеровъ, цирковъ, хаотическое смѣшеніе гребней; потомъ на необозримомъ пространствѣ вулканическая сѣть набросанная на эту ноздреватую

почву. Понятно становится что эти всплески центрального изверженія сохранили свою первобытную форму. Кристаллизованные охлажденіемъ, они увѣковѣчили видъ который представляла нѣкогда луна подѣ влияніемъ плутоиническихъ силъ.

Разстояніе отдѣлявшее нашихъ путешественниковъ отъ кольцеобразныхъ вершинъ Тихо не было такъ значительно чтобъ они не могли замѣтить главныхъ его признаковъ. На самой насыпи, составляющей ограду Тихо, горы по ребрамъ внутреннихъ и вѣшнихъ скатовъ воздвигались однѣ надъ другими подобно испанскимъ террасамъ. Онѣ казались на 300 или 400 футовъ выше на западѣ чѣмъ на востокѣ. Никакая система земной фортификаціи не могла сравниться съ этими естественными укрѣпленіями. Городъ въ глубинѣ впадины цирка былъ бы рѣшительно неприступенъ.

Онъ былъ бы неприступенъ и чудно раскинулся бы по этой почвѣ, богатой живописными уступами! И въ самомъ дѣлѣ, природа не оставила плоскимъ и пустымъ дна этого кратера. Онъ имѣетъ свою специальную орографію, горную систему, дѣлающую его какъ бы особымъ міромъ. Путешественники ясно различали конусы, центральные холмы, замѣчательные изгибы почвы созданные природой для помѣщенія произведеній селенитской архитектуры. Тамъ, обозначалось мѣсто для храма, здѣсь помѣщеніе для форума, далѣе виденъ былъ фундаментъ для дворца и наконецъ ровное мѣсто для цитадели. Надъ всѣмъ господствовала центральная гора въ 1.500 футовъ. Обширное пространство, гдѣ бы древній Римъ могъ умѣститься десять разъ!

— Ахъ! воскликнулъ Мишель Арданъ, въ восторгѣ отъ этого зрѣлища: — какой чудный городъ можно бы построить въ этомъ кольцѣ горъ! Городъ спокойный, мирное убѣжище вдали отъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій! Какъ бы жили тамъ, спокойные и одинокіе, всѣ эти мизантропы, всѣ эти ненавистники людей, всѣ тѣ кому опротивѣла социальная жизнь!

— Всѣ? Да имъ бы тутъ и мѣста не достало! отвѣчалъ простодушно Барбиканъ.

ГЛАВА XVIII.

Важные вопросы.

Между тѣмъ ядро миновало ограду Тихо. Тогда Барбиканъ и его друзья съ напряженнымъ вниманіемъ принялись наблюдать блестящія полосы, такъ чудно распространяющіяся по всѣмъ направленіямъ отъ этой знаменитой горы.

Что такое этотъ сіяющій ореолъ? Какой геологической феноменъ произвелъ эти пламенные лучи? Вотъ вопросъ который сильно занималъ Барбикана.

Предъ его глазами простирались во всѣ стороны свѣтоносныя борозды съ возвышенными краями и съ вогнутою серединой, однѣ шириной въ 20 километровъ, другія въ 50. Эти полосы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шли на протяженіи 300 лѣ отъ Тихо и, казалось, покрывали, особенно къ востоку, сѣверо-востоку и сѣверу, половину южнаго полушарія. Одинъ изъ отроговъ Тихо тянулся до цирка Неандра, находящагося на 40мъ меридіанѣ. Другой, округляясь, перерѣзывалъ море Нектара и, пробѣжавъ 400 лѣ, разбивался о цѣпь Пиренеевъ. Нѣкоторые, къ западу, покрывали свѣтоносною сѣтью моря Облаковъ и Влагъ.

Откуда происходили эти сіяющіе лучи, пробѣгавшіе какъ по равнинамъ, такъ и по горамъ, какъ бы высоки онѣ ни были? Всѣ они шли отъ общаго центра, кратера Тихо. Они выходили изъ него. Гершель приписывалъ ихъ блескъ стариннымъ потокамъ застывшей отъ холода лавы, но мнѣніе его не было принято. Другіе астрономы принимали эти необъяснимыя полосы за горныя осадки, за рядъ эрратическихъ глыбъ образовавшихся въ эпоху формации Тихо.

— А почему жь бы и не такъ? спросилъ Николь у Барбикана, излагавшаго эти различныя мнѣнія и опровергавшаго ихъ.

— Потому что правильность этихъ линий и сила, необходимая для перенесенія вулканическихъ веществъ на такое разстояніе, необъяснимы.

— По-моему, вмѣшался Мисель Арданъ,—объяснить происхожденіе этихъ лучей очень легко.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Барбиканъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Мишель.— Стоитъ только сказать что это огромная звѣздообразная трещина, подобная той какую производить ударъ пули или камня объ оконное стекло!

— Положимъ! отвѣчалъ Барбиканъ съ улыбкой.— А какая рука имѣла бы такую страшную силу чтобы ринуть камень, который произвелъ бы подобный ударъ?

— Здѣсь не нужно руки, отвѣчалъ Мишель, ни мало не смущаясь, — а что касается до камня, то положимъ что то была комета.

— Ахъ! опять кометы! воскликнулъ Барбиканъ: — ихъ суютъ повсюду! Объясненіе твое недурно, мой дорогой Мишель, но комета твоя здѣсь вовсе не умѣста. Ударъ, причинившій эту трещину, могъ произойти изъ ударъ самой луны. Сильное и быстрое сжатіе лунной коры, подъ вліяніемъ охлажденія, могло быть источникомъ этой колоссальной звѣздообразной трещины.

— Пусть будетъ сжатіе, ничто въ родѣ лунной колики, отвѣчалъ Мишель Арданъ.

— Къ тому же, прибавилъ Барбиканъ,—это мнѣніе англійскаго ученаго Насмита, и мнѣ кажется что оно удовлетворительно объясняетъ блескъ этихъ горъ.

— Твой Насмитъ не дуракъ! отвѣчалъ Мишель.

Долго еще путешественники смотрѣли и не могли насмотрѣться на великолѣпное зрѣлище окрестностей Тихо. Ядро ихъ, облитое свѣтомъ двойнаго сіянія солнца и луны, должно было казаться раскаленнымъ шаромъ. Итакъ они разомъ перешли отъ страшнаго холода къ сильнѣйшему жару. Такимъ образомъ природа подготовляла ихъ къ жизни Селенитовъ.

Сдѣлаться Селенитами! Эта мысль снова подняла вопросъ объ обитаемости луны. Могли ли разрѣшить его наши путешественники послѣ всего что они видѣли? Могли ли они вывести заключеніе за или противъ этой обитаемости? Мишель Арданъ пригласилъ друзей своихъ формулировать ихъ мнѣніе и настоятельно потребовалъ отвѣта, допускаютъ ли они чтобы животный міръ и человѣчество имѣли своихъ представителей на лунѣ?

— Я полагаю что мы можемъ дать отвѣтъ тебѣ, сказалъ

Барбиканъ;—только, по-моему, вопросъ этотъ нельзя ставить въ такой формѣ. Я требую чтобъ онъ поставленъ былъ иначе.

— Ставь его какъ хочешь, сказалъ Мисель.

— Слушайте, отвѣчалъ Барбиканъ.—Проблема эта двойная и требуетъ двойнаго рѣшенія. Обитаема ли луна? Была ли она когда обитаема?

— Хорошо, возразилъ Николь.—Посмотримъ сначала, обитаема ли она?

— Правду сказать, я ничего не знаю, отвѣчалъ Мисель.

— А я отвѣчу отрицательно, возразилъ Барбиканъ.—При настоящемъ положеніи луны, съ ея, конечно, весьма ограниченной атмосферною оболочкой, съ ея по большей части высохшими морями, при недостаточномъ количествѣ ея водъ и скудости растительности, съ этими быстрыми переходами отъ жара къ холоду, съ ея днями и ночами, продолжающимися триста пятьдесятъ четыре часа, луна, по моему мнѣнію, необитаема, отнюдь неблагоприятна развитію животнаго царства, и не можетъ удовлетворить потребностямъ бытія, какъ мы ихъ понимаемъ.

— Согласенъ, отвѣчалъ Николь.— Но, можетъ-быть, луна обитаема для существъ иначе организованныхъ чѣмъ мы.

— На этотъ вопросъ, возразилъ Барбиканъ,—отвѣчать труднѣе. Впрочемъ, попробую; но я спрошу Николая, не кажется ли ему *движеніе* необходимымъ результатомъ бытія на всякой ступени организаціи?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Итакъ, достойный мой товарищъ, скажу вамъ что мы наблюдали лунные матеріки на разстояніи не болѣе пяти-сотъ метровъ, и не замѣтили на поверхности луны никакого движенія. Присутствіе человѣческихъ существъ, каковы бы они не были, заявило бы себя различными перемѣнами въ естественномъ видѣ лунной поверхности, какими-нибудь постройками и даже развалинами. А что же мы видѣли? Повсюду одну геологическую работу природы, и нигдѣ не видѣли работы человѣка. Итакъ, если представители животнаго царства существуютъ на лунѣ, то они скрываются въ неизмѣримыхъ углубленіяхъ, куда взоръ не можетъ проникнуть. Но этого я не могу допустить, такъ какъ они оставили бы послѣ себя слѣды на этихъ равнинахъ, которыя должны быть покрыты атмосфернымъ слоемъ, какъ бы онъ ни былъ

незначителенъ. Слѣдовъ же этихъ нигдѣ не видно. Остается только гипотеза о существованіи живыхъ существъ чуждыхъ движенію, которое и есть самая жизнь.

— Это все равно что живыя существа лишены жизни, сказала Мишель.

— Именно такъ, отвѣчалъ Барбиканъ,—а это для насъ не имѣетъ никакого смысла.

— Теперь мы можемъ формулировать наше мнѣніе? спросилъ Мишель.

— Да, отвѣчалъ Николь.

— Итакъ, продолжалъ Мишель Арданъ,—ученая коммиссія, собравшаяся въ ядрѣ Пушечнаго Клуба, подтвердивъ аргументы свои вновь видѣнными фактами, рѣшаетъ единогласно вопросъ о нынѣшней обитаемости луны: „Нѣтъ, луна необитаема.“

Это рѣшеніе записано было президентомъ Барбиканомъ въ его памятную книжку, гдѣ и находится протоколъ засѣданія 6го декабря.

— Теперь, сказалъ Николь,—приступимъ ко второму вопросу, неизбежному дополненію перваго. Я спрошу почтенную коммиссію: если луна необитаема, то была ли она когда-нибудь обитаема?

— Слово принадлежитъ гражданину Барбикану, сказалъ Мишель Арданъ.

— Друзья мои, отвѣчалъ Барбиканъ,—еще задолго до нашего путешествія я составилъ себѣ мнѣніе о прежней обитаемости нашего спутника. Прибавлю, что наши личные наблюденія могутъ только подтвердить мое мнѣніе. Я полагаю, я убѣжденъ даже что луна населена была человѣческими существами, одинаково съ нами организованными, что она производила животныхъ, анатомически тождественныхъ съ земными животными, но присовокупляю, что эти человѣческія или животныя породы отжили свое время и исчезли навсегда.

— Значить, лунный міръ старше земнаго? спросилъ Мишель.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Барбиканъ съ убѣжденіемъ,—но онъ состарился скорѣе, и его устройство и разрушеніе совершились быстрѣе. Организующія силы вещества были относительно гораздо сильнѣе во внутренности луны чѣмъ во внутренности земнаго шара. Настоящее положеніе этого диска,

покрытаго трещинами, буграми, изрытаго во всѣхъ направленіяхъ, достаточно доказываетъ это. Луна и земля были вначалѣ не что иное какъ газообразныя массы. Подъ различными вліяніями, эти газы перешли въ жидкое состояніе, а твердая масса образовалась въ послѣдствіи. Но вѣрно то что нашъ сфероидъ находился еще въ газообразномъ или жидкомъ состояніи, когда луна, уже отвердѣвшая путемъ охлажденія, стала обитаемою.

— Вѣрю этому, сказалъ Николь.

— Въ то время, продолжалъ Барбиканъ,—ее окружала атмосфера. Воды, сдерживаемыя этою газообразною оболочкою, не могли испариться. Подъ вліяніемъ воздуха, воды, свѣта, солнечной теплоты и теплоты внутренней, растительность стала покрывать материки, готовые къ принятію ея, и, безъ сомнѣнія, жизнь проявилась около этого времени, потому что природа не тратитъ своихъ силъ понапрасну, и міръ, столь чудесно приспособленный къ обитаемости, необходимо долженъ былъ быть населенъ.

— А между тѣмъ, возразилъ Николь,—многія явленія зависящія отъ движенія нашего спутника, должны были препятствовать развитію царствъ растительнаго и животнаго. Напримѣръ дни и ночи продолжающіеся 354 часа.

— На земныхъ полюсахъ, замѣтилъ Мишель,—они длятся шесть мѣсяцевъ.

— Этотъ аргументъ ничего не доказываетъ, такъ какъ полюсы необитаемы.

— Замѣтимъ, друзья мои, продолжалъ Барбиканъ,—что, если при настоящемъ положеніи луны такіе длинные дни и ночи производятъ различіе въ температурѣ невыносимое для организма, то этого не было въ тѣ историческія времена. Атмосфера облекала дискъ текучимъ покровомъ. Пары сгущались тамъ въ видѣ облаковъ. Этотъ естественный экранъ умѣрялъ жаръ солнечныхъ лучей и удерживалъ ночное лучеиспусканіе. Свѣтъ, точно также какъ и теплота, могли распространяться въ воздухѣ. Отсюда то равновѣсіе между этими вліяніями, котораго теперь уже нѣтъ болѣе, такъ какъ атмосфера почти совсѣмъ исчезла. Къ тому же, я васъ очень удивляю....

— Удиви, удиви! сказалъ Мишель Арданъ.

— Я предполагаю что въ ту пору, когда луна была обитаема, ея дни и ночи продолжались не 354 часа.

— Почему же? спросил Николь съ живостью.

— Потому что, по всей вѣроятности, въ то время вращательное движеніе луны вокругъ оси не было равно поступательному, — равенство отдающее въ продолженіи пятнадцати дней каждую точку диска дѣйствию солнечныхъ лучей.

— Согласенъ, отвѣчалъ Николь, — но почему же бы эти два движенія прежде не были равны, тогда какъ они равны теперь?

— Потому что это равенство установилось вслѣдствіе дѣйствія земли. Но кто же сказалъ что притяженіе земли было настолько сильно чтобъ измѣнить движенія луны въ то время, когда земля находилась еще въ жидкомъ состояніи?

— Но изъ чего мы можемъ заключить что луна всегда была спутникомъ земли? спросилъ Николь.

— И изъ чего можемъ мы заключить, воскликнулъ Мишель Арданъ, — что луна не существовала гораздо прежде земли?

Воображеніе увлекало ихъ въ безконечную сферу гипотезъ. Барбиканъ счелъ нужнымъ сдержать ихъ.

— Вы пускаетесь въ умозрѣнія слѣшкомъ высокія и вызываете проблемы поистинѣ неразрѣшимыя, сказалъ онъ. — Лучше не приниматься за нихъ. Допустимъ только недостаточность первобытнаго притяженія, и тогда увидимъ что, вслѣдствіе неравномѣрности обоихъ движеній, вращательнаго и поступательнаго, ночи могли смѣняться на лунѣ какъ онѣ нынѣ смѣняются на землѣ. Къ тому же и безъ этихъ условій жизнь была возможна.

— Итакъ, спросилъ Мишель Арданъ, — человечество исчезло съ луны?

— Да, отвѣчалъ Барбиканъ, — продержавшись, безъ сомнѣнія, цѣлыя тысячи вѣковъ. Потомъ, мало-по-малу, когда атмосфера стала рѣдѣть, дискъ сдѣлался необитаемъ, какимъ сдѣлается и нашъ земной шаръ вслѣдствіе охлаждения.

— Охлажденія?

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Барбиканъ. — По мѣрѣ того какъ угасали внутренніе огни, и огненная матерія сосредоточивалась въ нѣдрахъ луны, кора ея охлаждалась. Мало-по-малу проявились послѣдствія этого явленія: исчезновеніе организованныхъ существъ и растительности. Вскорѣ атмосфера стала рѣдѣть, вѣроятно вслѣдствіе земнаго притяженія, и тогда исчезъ воздухъ, необходимый для дыханія, исчезла

и вода путемъ испаренія. Тогда луна сдѣлалась необитаемою. Это былъ вымершій міръ, какимъ онъ является намъ и теперь.

— И ты говоришь что такая же участь ожидаетъ и землю?

— Весьма вѣроятно.

— Но когда же?

— Когда охлажденіе ея коры сдѣлаетъ ее необитаемою.

— А исчислено ли время когда нашъ несчастный сфероидъ начнетъ охлаждаться?

— Безъ сомнѣнія.

— И тебѣ извѣстно это исчисленіе?

— Вполнѣ извѣстно.

— Такъ говори же, ученый ворчунъ, воскликнулъ Мишель Арданъ, — потому что я стараю отъ нетерпѣнія!

— Извѣстно, добрый мой Мишель, отвѣчалъ преспокойно Барбиканъ, — какое уменьшеніе температуры испытываетъ земля въ теченіе вѣка. Итакъ, по нѣкоторымъ вычисленіямъ, эта средняя температура дойдетъ до нуля черезъ четыреста тысячъ лѣтъ.

— Четыреста тысячъ лѣтъ! воскликнулъ Мишель. — Ахъ, теперь только я дышу свободно! А то я не на шутку испугался! Слушая тебя, я вообразилъ что намъ остается жить не болѣе пятидесяти тысячъ лѣтъ!

Барбиканъ и Николь не могли удержаться отъ смѣха, глядя на серьезный испугъ ихъ товарища. Потомъ Николь, въ видѣ заключенія, снова поднялъ вопросъ уже рассмотрѣнный ими.

— Была ли луна обитаема? спросилъ онъ.

На это единодушно послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ.

Но въ продолженіе этихъ преній, обильныхъ теоріями черезчуръ смѣлыми, хотя онѣ заключали въ себѣ общія идеи добытыя по этому предмету наукой, ядро быстро подвинулось къ лунному экватору, правильно удаляясь, однако, отъ диска. Оно перешло уже за циркъ Виллемса и сороковую параллель на разстояніи 800 километровъ. Потомъ, оставивъ вправѣ Питатусъ на 30°, оно стало двигаться вдоль южной стороны моря Облаковъ, къ сѣверной части коего оно уже приближалось прежде. Различные цирки смутно обрисовались въ ослѣпительной бѣлизнѣ полнолунія: Бульфо, Пурбахъ, почти четвероугольной формы, съ центральнымъ кратеромъ,

потомъ Арзахель, внутренняя гора котораго сіяетъ восхитительнымъ блескомъ.

Наконецъ, по мѣрѣ удаленія ядра, очертанія скрылись отъ глазъ путешественниковъ, горы смѣшались въ отдаленіи, и отъ всѣхъ этихъ странныхъ, необыкновенныхъ, диковинныхъ явленій, которыми такъ поразилъ ихъ земной спутникъ, въ душѣ ихъ осталось только одно неизгладимое воспоминаніе.

ГЛАВА XIX.

Борьба съ невозможнымъ.

Довольно долгое время Барбиканъ и его товарищи въ задумчивости и молчаніи устремляли взоры на этотъ міръ, который имъ удалось увидѣть издали, какъ Моисею Обѣтованную землю, и отъ котораго они удалялись на вѣки. Положеніе ядра относительно луны измѣнилось, и теперь дно его было обращено къ землѣ.

Перемена эта, тотчасъ же замѣченная Барбиканомъ, изумила его. Если ядро должно было обращаться около луны по эллиптической орбитѣ, то почему же оно не обращено къ ней своею тяжелою частью, какъ луна къ землѣ? Въ этомъ было нѣчто необъяснимое.

Наблюдая ходъ ядра, можно было замѣтить что оно слѣдуетъ, уклоняясь отъ луны, кривою линіей, подобною той которую оно описывало приближаясь къ ней. Итакъ оно описывало эллипсисъ весьма удлиненный, который, вѣроятно, продолжается до пункта равнаго притяженія, тамъ гдѣ нейтрализуется вліяніе земли и ея спутника.

Таково было заключеніе къ которому пришелъ Барбиканъ на основаніи отмѣченныхъ имъ фактовъ, и съ этимъ заключеніемъ согласились его товарищи.

Вслѣдъ за тѣмъ посыпались вопросы.

— А когда доберемся до этого мертваго пункта, что будетъ тогда съ нами? спросилъ Мисель Арданъ.

— Неизвѣстно, отвѣчалъ Барбиканъ.

— Но можно сдѣлать предположеніе, мнѣ кажется?

— Два. Или скорость ядра окажется тогда недостаточною, и оно останется вѣчно неподвижно въ этомъ пунктѣ равнаго притяженія....

— Ужь лучше другая гипотеза, прервалъ Мисель,—какая бы она ни была!

— Или скорость окажется достаточною, продолжалъ Барбиканъ,—и оно пойдетъ снова эллиптическимъ путемъ чтобы вѣчно обращаться около ночнаго свѣтила.

— Перспектива неутѣшительная, сказалъ Мисель.—Обратиться въ покорныхъ слугъ луны, которую мы привыкли считать нашею служительницею. Такъ вотъ какая будущность ожидаетъ насъ!

Барбиканъ и Николь молчали.

— Чтò жъ вы не отвѣчаете? спросилъ Мисель съ нетерпѣніемъ.

— Да отвѣчать нечего, сказалъ Николь.

— Развѣ нельзя попытаться на что-нибудь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Барбиканъ.—Или ты собираешься вступить въ борьбу съ невозможнымъ?

— А почему жъ бы и не такъ? Ужели Французъ и два Американца отступать предъ такимъ словомъ?

— Но чтò же бы ты желалъ сдѣлать?

— Подчинить себѣ движеніе насъ увлекающее!

— Подчинить его себѣ?

— Да, отвѣчалъ Мисель, одушевляясь, — остановить его или измѣнить, наконецъ употребить его для выполненія нашихъ плановъ.

— Но какимъ образомъ?

— Это ужъ ваше дѣло! Если артиллеристы не могутъ справиться со своими ядрами, такъ чтò жъ они за артиллеристы? Если ядро будетъ распоряжаться бомбардиромъ, то бомбардира слѣдуетъ на его мѣсто заколотить въ пушку! Отличные ученые, нечего сказать! Вотъ они и не знаютъ чтò имъ дѣлать, послѣ того какъ завели меня...

— Завели! воскликнули въ одинъ голосъ Барбиканъ и Николь. — Завели! Чтò ты хочешь этимъ сказать?

— Оставимъ споры! сказалъ Мисель. — Я не жажду. Прогулка мнѣ нравится. Ядро мнѣ пò-сердцу! Но сдѣлаемъ же все человѣчески возможное чтобъ оно упало хоть куда-нибудь, если не на луну.

— Мы сами только этого и желаемъ, мой безцѣльный Мисель, отвѣчалъ Барбиканъ, — да средствъ-то у насъ нѣтъ никакихъ.

— Мы не можемъ измѣнить движеніе ядра?

— Нѣтъ.

— Ни уменьшить его скорость?

— Нѣтъ.

— Даже если мы облегчимъ его, какъ облегчаютъ судно слишкомъ нагруженное?

— Что же ты хочешь выбросить? спросилъ Николь.— Вѣдь балласта нѣтъ на нашемъ кораблѣ. Да къ тому же, мнѣ кажется, если облегчить ядро, то оно понесется скорѣе.

— Нѣтъ тише, сказала Мишель.

— Нѣтъ, скорѣе, повторилъ Николь.

— Ни тише, ни скорѣе, сказала Барбикавъ чтобы сомащить спорщиковъ, — потому что мы несемъ въ пустотѣ, гдѣ не слѣдуетъ принимать въ соображеніе удѣльнаго вѣса.

— Такъ стало-быть, воскликнулъ Мишель Ардавъ рѣшительнымъ тономъ, — намъ остается только одно....

— Что именно? спросилъ Николь.

— Завтракать! съ важностью отвѣчалъ невозмутимый Французъ, рѣшавшій всегда этимъ словомъ самые затруднительные вопросы.

И дѣйствительно, если эта операція не имѣла никакого вліянія на ходъ ядра, то ее можно было безъ вреда и даже съ успѣхомъ употребить съ точки зрѣнія желудка. Рѣшительно, Мишелю всегда приходили въ голову свѣтлыя мысли.

Итакъ они принялись завтракать въ два часа утра, но время тутъ ничего не значило. Мишель приготовилъ обычное пиршество, завершившееся бутылкой добраго вина, которую онъ досталъ изъ своего потаеннаго погреба.

По окончаніи банкета наблюденія возобновились.

Вокругъ ядра держались на неизмѣнномъ разстояніи выброшенные изъ него предметы. Очевидно, ядро во время своего движенія вокругъ луны не прошло никакой атмосферы, ибо удѣльный вѣсъ этихъ различныхъ предметовъ измѣнилъ бы ихъ относительное движеніе.

Со стороны земнаго сфероида не видно было ничего. Землѣ минулъ только одинъ день, такъ какъ наканунѣ въ полночь было новоземліе, и еще два дня должны были пройти прежде чѣмъ ея серпъ, освобожденный отъ солнечныхъ лучей, явится для указанія часа Селенитамъ, такъ какъ, при вращательномъ движеніи земли, каждый изъ ея пунктовъ проходитъ всякіе двадцать четыре часа черезъ тотъ же лунный меридіанъ.

Со стороны луны зрѣлище было иное: свѣтло ночи сіяло во всемъ своемъ блескѣ, посреди безчисленныхъ созвѣздіи, лучи коихъ не могли возмутить ея ясности. На дискѣ равнины уже принимали тотъ темный оттѣнокъ который виденъ на землѣ. Остальная часть оставалась блестящею, и посреди этого блеска, Тихо все-таки выдѣлялся яркій какъ солнце.

Барбиканъ никакъ не могъ вычислить скорость ядра, но разсудокъ говорилъ ему что скорость эта должна была однообразно уменьшаться, согласно съ законами рациональной механики.

И въ самомъ дѣлѣ, если допустить что ядро будетъ описывать орбиту вокругъ луны, то эта орбита необходимо должна быть эллиптическая. Наука свидѣтельствуетъ что такъ должно быть. Никакое тѣло двигающееся около другаго притягивающаго его тѣла не измѣняло этому закону. Всѣ орбиты описываемыя въ пространствѣ суть эллиптическія,—орбиты спутниковъ около планетъ, орбиты планетъ около солнца, орбита солнца около невѣдомой звѣзды, служащей для него центральнымъ пунктомъ. Почему же ядро Пущечнаго Клуба должно было измѣнить этому естественному порядку?

Но въ эллиптическихъ орбитахъ притягивающія тѣла занимаютъ всегда одинъ изъ фокусовъ эллипсиса. Такимъ образомъ есть моментъ когда спутникъ находится въ самомъ близкомъ разстояніи отъ планеты, вокругъ которой онъ обращается, и есть другой моментъ когда онъ находится на самомъ далекомъ отъ нея разстояніи. Когда земля ближе всего къ солнцу, то она находится въ своемъ перигелии, а въ своемъ афелии она находится въ пунктѣ наиболее отдаленномъ отъ солнца. Чтобъ употребить выраженія подобныя тѣмъ какими обогатится языкъ астрономовъ, если ядро останется въ положеніи луннаго спутника, слѣдуетъ сказать что оно находится въ своемъ „апоселенѣ“, когда оно въ самомъ отдаленномъ пунктѣ отъ луны, и что оно въ своемъ „периселенѣ“, когда оно въ самомъ близкомъ отъ нея пунктѣ.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ ядро должно достигнуть *maxim* своей скорости, въ первомъ же случаѣ оно имѣетъ *minim* скорости. Въ настоящемъ случаѣ оно очевидно шло къ своему апоселену, и Барбиканъ справедливо полагалъ что

скорость его будетъ уменьшаться до этого пункта, чтобы снова усилиться мало-по-малу, по мѣрѣ того какъ оно будетъ приближаться къ лунѣ. Наименьшая скорость обратилась бы въ нуль, еслибъ этотъ пунктъ совпалъ съ пунктомъ равнаго притяженія.

Барбиканъ изучалъ послѣдствія этихъ различныхъ положеній, придумывалъ какъ бы можно воспользоваться ими, какъ вдругъ его вызвалъ изъ задумчивости рѣзкій возгласъ Мишеля Ардана.

— Надо правду сказать, произнесъ тотъ, — что мы порядочные глупцы!

— Не спорю, отвѣчалъ Барбиканъ, — но почему ты насъ величаешь такъ?

— Потому что у насъ въ рукахъ самое простое средство уменьшить скорость удаляющую насъ отъ луны, а мы не употребляемъ его въ дѣло.

— А средство это?

— Воспользоваться силой попятнаго движенія, заключающагося въ нашихъ ракетахъ.

— Право? сказалъ Николь.

— Правда, мы не пользовались еще этою силой, отвѣчалъ Барбиканъ, — но еще воспользуемся ею.

— Когда? спросилъ Мишель.

— Когда придетъ время. Забѣйте, мои друзья, что въ положеніи, которое занимаетъ ядро, въ положеніи еще косвенномъ относительно луннаго диска, наши ракеты, измѣняя его направленіе, могли бы отдалить его отъ луны, а не приблизить къ ней. А вѣдь вы непременно хотите попасть на луну?

— Непременно, отвѣчалъ Мишель.

— Въ такомъ случаѣ подождите. По необъяснимому вліянію, ядро поворачивается дномъ своимъ къ землѣ. Вѣроятно, въ точкѣ равнаго притяженія его коническая вершина направится прямо къ лунѣ. Въ этотъ моментъ можно надѣяться что скорость его будетъ ничтожна. Тогда настанетъ минута дѣйствовать, и взрывомъ нашихъ ракетъ, можетъ-быть, мы успѣемъ произвести прямое паденіе на поверхность луннаго диска...

— Bravo! воскликнулъ Мишель.

—Чего мы не сдѣлали, чего мы не могли сдѣлать при первомъ нашемъ проходѣ по нейтральному пункту, потому что ядро имѣло еще слишкомъ большую скорость.

— Разсужденіе вѣрное, сказалъ Николай.

— Будемъ ждать съ терпѣніемъ, продолжалъ Барбиканъ.— Расположимъ все вѣроятности въ нашу пользу, и пока стоить долгаго унынія я начинаю снова вѣрить что мы достигнемъ нашей цѣли.

Это заключеніе вызвало радостныя смѣхъ и ура со стороны Мишеля Ардана. И ни одинъ изъ этихъ смѣлыхъ безумцевъ не припомнилъ при этомъ вопроса который сами же они рѣшили отрицательно: „Нѣтъ, луна необитаема; нѣтъ, луна, вѣроятно, и не можетъ быть обитаема!“ И со всѣмъ тѣмъ они готовились испытать все возможное чтобы попасть на луну.

Оставалось рѣшить только одинъ вопросъ: въ какой именно моментъ ядро достигнетъ пункта равновѣрнаго притяженія, гдѣ путешественники готовились употребить своя послѣднія усилія?

Чтобы вычислить этотъ моментъ, Барбикану стоило только справиться со своими путевыми замѣтками. Время употребленное на переходъ разстоянія отдѣляющаго нейтральный пунктъ отъ южнаго полюса должно быть одинаково съ временемъ соотвѣтствующимъ разстоянію отдѣляющему северный полюсъ отъ нейтральнаго пункта. Время употребленное на переходъ было тщательно замѣчено, и вычисленіе не представляло затрудненій.

Барбиканъ нашелъ что означеннаго пункта ядро достигнетъ въ часъ ночи съ 7го на 8е декабря. Но въ настоящую минуту было три часа ночи съ 6го на 7е декабря. Итакъ, если ничто не помѣшаетъ ходу ядра, то оно достигнетъ даннаго пункта черезъ двадцать два часа.

Ракеты первоначально были расположены для ослабленія паденія ядра на луну, а теперь наши смѣльчаки готовились употребить ихъ въ дѣло съ совершенно противоположною цѣлью. Какъ бы то ни было, онѣ были совсѣмъ готовы, и оставалось только ожидать минуты когда нужно будетъ зачесть ихъ.

— Такъ какъ теперь дѣлать намъ нечего, сказалъ Николай,— то я сдѣлаю предложеніе.

— Какое? спросилъ Барбиканъ.

— Я предлагаю спать.

— Вотъ новости! воскликнулъ Мишель Арданъ.

— Вотъ уже сорокъ часовъ какъ мы не смыкали глазъ, сказалъ Николь.—Нѣсколько часовъ сна возстановятъ наши силы.

— Ни за что на свѣтѣ! отвѣчалъ Мишель.

— Дѣлайте какъ знаете, сказалъ Николь,—а я спать хочу!

И растянувшись на диванѣ, Николь тотчасъ же захрапѣлъ.

— Николь человѣкъ умный, сказалъ немного спустя Барбиканъ.—Я послѣдую его примѣру.

Не прошло минуты, и Барбиканъ захрапѣлъ подобно капитану.

„Надо правду сказать, подумалъ Мишель, оставшись одинъ,— у этихъ практическихъ людей бываютъ иногда очень дѣловыя мысли“, и вытянувъ свои длинные ноги, онъ подложилъ себѣ руки подъ голову и послѣдовалъ примѣру своихъ товарищей.

Но сонъ этотъ не могъ быть ни крѣпкимъ, ни продолжительнымъ. Слишкомъ много тревожныхъ мыслей ходило въ головѣ этихъ трехъ человѣкъ, и въ семь часовъ утра всѣ трое были уже на ногахъ.

Ядро постоянно удалялось отъ луны, все болѣе и болѣе наклоняя къ ней свою коническую сторону. Феноменъ до сихъ поръ необъяснимый, но, по счастью, содѣйствовавшій намѣреніямъ Барбикана.

Еще семнадцать часовъ, и наступитъ время дѣйствовать.

День этотъ оказался имѣть очень долгій. Несмотря на всю свою отвагу, путешественники были сильно взволнованы приближеніемъ той минуты которая должна была рѣшить или паденіе ихъ на луну, или вѣчное движеніе по неизмѣнной орбитѣ. Они считали часы, тянушіеся для нихъ слишкомъ долго: Барбиканъ и Николь, погруженные въ свои размышленія, Мишель, прохаживаясь взадъ и впередъ по своей тѣсной кельѣ, съ жадностью разсматривали эту безстрастную луну.

По временамъ воспоминанія о землѣ быстро проносились въ ихъ головѣ. Они видѣли предъ собой своихъ друзей Пупечнаго Клуба и самаго дорогаго изъ нихъ—І. Т. Мастопа. Въ эту минуту досточтимый секретарь долженъ былъ занимать свой постъ на Скалистыхъ Горахъ. Если онъ видѣлъ ядро въ стекло своего гигантскаго телескопа, то что думалъ онъ о немъ? Прослѣдивъ его исчезновеніе за сѣвернымъ полюсомъ луны, онъ, конечно, замѣтилъ теперь и появленіе его у южнаго полюса. Стало-быть, оно стало спутникомъ

спутника! Пустилъ ли въ свѣтъ I. T. Мастоуъ такое неожиданное извѣстiе? Ужели здѣсь и развязка этого великаго предпрiятiя?

День, однако, прошелъ безъ всякихъ приключенiй. Земная ночь наступила. Приближалось 8е декабря. Еще часть, и пунктъ равномернаго притяженiя будетъ достигнутъ. Какую скорость имѣло ядро? Исчислить ее было невозможно. Но никакая ошибка не могла вкратиться въ исчисленiя Барбикана. Въ часъ утра скорость эта должна была равняться нулю.

Къ тому же и другой феноменъ долженъ былъ обозначить остановку ядра на нейтральной линiи. Въ этомъ пунктѣ оба притяженiя, земное и лунное, прекратятся. Предметы „не будутъ болѣе имѣть вѣса“. Этотъ странный фактъ, такъ сильно поразившiй Барбикана и его товарищей когда они летѣли къ лунѣ, долженъ былъ повториться при ихъ возвращенiи въ той же самой формѣ. Въ эту именно минуту и нужно было дѣйствовать.

Коническая верхушка ядра уже ощутительно наклонилась къ лунному диску. Ядро становилось въ такое положенiе что можно было употребить въ пользу все попятное движенiе которое долженъ былъ произвести толчокъ ракетныхъ снарядовъ. Итакъ всѣ вѣроятности оказывались въ пользу путешественниковъ. Если скорость ядра сдѣлается абсолютно ничтожною на этомъ мертвомъ пунктѣ, то нѣкотораго движенiя по направленiю къ лунѣ будетъ достаточно чтобы повести его къ паденiю.

— Часъ безъ пяти минутъ, сказалъ Николь.

— Все готово, отвѣчалъ Мишель Арданъ, направляя изготовленный фитиль къ газовому пламени.

— Подожди, сказалъ Барбиканъ, держа хронометръ въ рукахъ.

Въ эту минуту тяжесть не имѣла уже никакого влiянiя. Исчезновенiе ея путешественники ощущали на самихъ себѣ. Они были близко къ нейтральному пунктѣ, если даже не находились на немъ....

— Часъ, произнесъ Барбиканъ.

Мишель Арданъ приложилъ зажженный фитиль къ сваряду, мгновенно сообщившему пламя вѣзмъ ракетамъ. Никакого выстрѣла не слышно было извѣвъ за недостаткомъ воздуха, Но сквозь окна Барбиканъ замѣтилъ длинный снопъ огня, вскорѣ потомъ потухшiй.

Ядро подверглось нѣкоторому сотрясенію, которое было очень ощутительно внутри.

Друзья смотрѣли, слушали, не говоря ни слова, съ трудомъ переводя дыханіе. Можно было слышать біеніе ихъ сердца посреди этого могильнаго безмолвія.

— Падаемъ мы что ли? спросилъ наконецъ Мишель Арданъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Николь, — потому что дно ядра не обращается къ лунному диску.

Въ эту минуту Барбиканъ, отвернувшись отъ окна, обратился къ своимъ товарищамъ. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть, лобъ у него сморщился, губы сжались.

— Что? воскликнулъ Мишель Арданъ: — падаемъ на луну?

— На землю! отвѣчалъ Барбиканъ.

— Чортъ возьми! произнесъ Мишель Арданъ, и тотчасъ же философски присовокупилъ: — Ну, такъ что жь? Забираясь въ это ядро, мы отнюдь не сомнѣвались что выбраться изъ него будетъ не легко!

И дѣйствительно, это страшное паденіе начиналось. Скорость, которую сохранило еще ядро, увлекла его за мертвый пунктъ. Остановить его не въ состояніи былъ взрывъ ракетъ. Скорость эта, увлекшая его при полетѣ за нейтральную линію, увлекла его и при возвращеніи. Физика требовала чтобъ оно на своей эллиптической орбитѣ *прошло снова по вѣтвямъ тѣмъ пунктамъ по которымъ уже проходило.*

То было паденіе ужасное, съ высоты 78.000 лѣ, паденіе которое не могло уменьшить никакое средство. По законамъ баллистики, ядро должно было удариться о землю со скоростью равною той которую оно имѣло при выходѣ изъ Колумбіады, то-есть со скоростью 16.000 метровъ въ послѣднюю секунду.

Сравнительную цифру скорости можетъ представить слѣдующее исчисленіе: предметъ брошенный съ башенъ церкви Парижской Богоматери, высота коихъ простирается до 200 футовъ, коснется земли со скоростью 120 лѣ въ часъ. Здѣсь ядро должно было удариться о землю со скоростью 57.600 лѣ въ часъ.

— Мы погибли! холодно сказалъ Николь.

— И если мы умремъ, отвѣчалъ Барбиканъ съ какимъ-то религиознымъ одушевленіемъ, — результатъ нашего путешествія расширится великолѣпно! Самъ Богъ повѣдаетъ намъ

свою тайну! Въ той жизни душа, чтобы познавать, не будетъ нуждаться ни въ машинахъ, ни въ снарядахъ. Она сойдетъ съ божественною премудростью!

— И то сказать, отвѣчалъ Мишель Арданъ, — тотъ свѣтъ въ полномъ составѣ легко можетъ утѣшить насъ за эту ничтожную планету которая называется луной!

Барбикакъ сложилъ руки на груди и, съ видомъ благоговѣйнаго самоотверженія, произнесъ:

— Да будетъ воля Божія!

ГЛАВА XX.

Промѣры Соскеганни.

— Ну, что же, лейтенантъ, какъ идетъ дѣло?

— Я полагаю, сэръ, что оно уже приходитъ къ концу, отвѣчалъ лейтенантъ Бронсфильдъ. — Но кто бы ожидалъ найти такую глубину такъ близко отъ земли, всего въ сотнѣ мѣ отъ американскаго берега?

— Въ самомъ дѣлѣ, Бронсфильдъ, здѣсь значительная впадина, сказалъ капитанъ Бломсберри. — Въ этомъ мѣстѣ должна быть подводная долина, прорытая Гумбольдтовымъ потокомъ, идущимъ вдоль береговъ Америки до Магелланова пролива.

— Эти значительныя глубины, снова заговорилъ лейтенантъ, — не слишкомъ благоприятны для проведенія телеграфныхъ канатовъ. Гораздо лучше иль ровная плоскость, подобная той по которой проведенъ американскій кабель между Валенсіей и Нью-Фаундлендомъ.

— Я съ этимъ согласенъ, Бронсфильдъ. Съ вашего позволенія, лейтенантъ, при чемъ мы теперь?

— Въ эту минуту у насъ высучено веревки 21.500 футовъ, отвѣчалъ Бронсфильдъ, — и ядро, которое тянетъ за собою лотъ, не коснулось еще дна, а то лотъ самъ собой поднялся бы вверхъ.

— Этотъ снарядъ Брука очень остроумно придуманъ, сказалъ капитанъ Бломсберри. — Онъ даетъ возможность производить чрезвычайно точныя измѣренія глубины.

— Дотронулся! воскликнулъ въ эту минуту одинъ изъ рулевыхъ, наблюдавшій за этою операціей.

Капитанъ съ лейтенантомъ отправились на бакъ.

— Какова глубина? спросил капитанъ.

— 21.762 фута, отвѣчалъ лейтенантъ, записывая это число въ свою книжку.

— Хорошо, Бронсфильдъ, сказалъ капитанъ, — я отмѣчу этотъ результатъ на своей картѣ. Теперь вытяните лотъ на бортъ. Здѣсь работы на нѣсколько часовъ. Въ это время инженеръ велитъ развести пары, и мы будемъ готовы къ отъѣзду какъ только вы кончите. Теперь десять часовъ вечера и, съ вашего позволенія, лейтенантъ, я лягу спать.

— Ложитесь, сэръ, ложитесь, предупредительно отвѣчалъ лейтенантъ Бронсфильдъ.

Капитанъ *Соккеганнъ*, отличный малый и покорный слуга своихъ офицеровъ, возвратился въ свою каюту, выпилъ грогу, за который выразилъ полное удовольствіе буфетчику, легъ, похваливъ служителя за его умѣнье стлать постель, и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Было десять часовъ вечера. Одинадцатый день декабря мѣсяца оканчивался великолѣпною ночью.

Соккеганна, корветъ въ 500 силъ національнаго флота Соединенныхъ Штатовъ, занимался измѣреніемъ глубины Тихаго океана, въ сотнѣ льѣ отъ американскаго берега, на параллели продолговатаго полуострова, который выступаетъ на берегу Новой Мексики. Вѣтеръ мало-по-малу стихъ. Ни малѣйшее движеніе не колебало воздуха. Флагъ корвета неподвижно висѣлъ на мачтѣ.

Капитанъ Джонатанъ Бломсберри, двоюродный братъ полковника Бломсберри, одного изъ дѣятельныхъ членовъ Путешческаго Клуба, женатаго на нѣкоей Горшбиденъ, теткѣ капитана и дочери почтеннаго негоціанта изъ Кентукки, не могъ бы пожелать лучшей погоды для счастливаго окончанія своихъ щекотливыхъ операцій по измѣренію. Корветъ его нисколько даже не потерялъ отъ этой страшной бури, которая, разметавъ облака сгустившіяся на Скалистыхъ Горахъ, дала возможность наблюдать ходъ знаменитаго ядра. Все шло по его желанію, и онъ не забывалъ благодарить небо съ усердіемъ пресвитеріанина.

Рядъ измѣреній, произведенныхъ *Соккеганной*, имѣлъ цѣлью изслѣдовать глубины наиболѣе благоприятныя для устройства подводнаго каната, который долженъ былъ соединить острова Гаваи съ американскимъ берегомъ.

То былъ обширный проектъ, инициатива коего принадле-

жала значительной компаніи. Директоръ ея, смышленный Баръ Фильдъ, предполагалъ даже покрыть весь острова Океаніи обширною электрическою сѣтью: предпріятіе великое и достойное американскаго генія.

Корвету *Cockeeganna* поручены были первыя операции этого изслѣдованія. Въ эту ночь, съ 11го на 12е декабря, онъ находился на 27° 7' сѣверной широты и на 41° 37' долготы къ западу отъ Вашингтонскаго меридіана. *

Луна, въ послѣдней своей четверти, начинала показываться надъ горизонтомъ.

По удаленіи капитана Бломсберри, лейтенантъ Бронсфильдъ и нѣсколько офицеровъ собрались на ютъ. При появленіи луны, мысли ихъ обратились къ этому свѣтилѹ, на которое обращены были въ то время взоры цѣлаго полушарія. Лучшія морскія трубы не могли показать ядра странствовавшаго вокругъ луны, а между тѣмъ все онѣ были направлены къ ея сіяющему диску, на который миллионы глазъ обращены были въ ту минуту.

— Они отправились назадъ тому десять дней, сказалъ тогда лейтенантъ Бронсфильдъ.—Что же случилось съ ними?

— Они пріѣхали на мѣсто, лейтенантъ, воскликнулъ молодой мичманъ,—и дѣлаютъ то что дѣлаетъ каждый путешественникъ пріѣхавшій въ новую страну: они прогуливаются!

— Я въ этомъ увѣренъ, потому что вы мнѣ это говорите, мой юный другъ, отвѣчалъ лейтенантъ Бронсфильдъ, улыбаясь.

— А между тѣмъ, заговорилъ другой офицеръ,—нельзя сомнѣваться въ ихъ прибытіи. Ядро должно было достигнуть луны въ моментъ ея полнолунія, 5го въ полночь. Теперь у насъ уже 11е декабря, что составляетъ шесть дней. Въ шестеро сутокъ можно устроиться очень комфортабельно. Мнѣ кажется что я вижу ихъ, нашихъ бравыхъ соотечественниковъ, остановившихся въ глубинѣ долины, на берегу луннаго ручья, подлѣ ядра на половину врѣзавшагося въ почву вслѣдствіе падепія между вулканическими обломками; вижу какъ капитанъ Николь начинаетъ свои вычисленія, президентъ Барбиканъ переписываетъ набѣло свои путевыя замѣтки, а Мишель Арданъ наполняетъ лунныя пустыни благоуханіемъ своихъ сигаръ....

— Да, это должно быть такъ, это совершенно такъ!

* Разъ 119° 55' долготы къ западу отъ Парижскаго меридіана.

воскликнул юный мичманъ, увлеченный идеальнымъ описаніемъ своего начальника.

— Вѣрю этому, отвѣчалъ лейтенантъ Бронсфильдъ, ни мало не увлекавшійся.—Къ несчастію, прямыя извѣстія съ луны никогда не могутъ доходить до насъ.

— Извините, лейтенантъ, сказалъ мичманъ,—но развѣ президентъ Барбиканъ не умѣетъ писать?

Отвѣтъ этотъ встрѣченъ былъ общимъ смѣхомъ.

— То-есть не письма, продолжалъ съ живостью молодой человѣкъ.—Почтовая администрація тутъ не причемъ.

— Такъ не администрація ли телеграфныхъ линий? спросилъ иронически одинъ изъ офицеровъ.

— Нѣтъ, и не она, отвѣчалъ мичманъ не смущаясь.—Но очень легко устроить графическое сообщеніе съ землей.

— А какимъ образомъ?

— Посредствомъ Лонгспикскаго телескопа. Вы знаете что онъ приближаетъ луну на разстояніе только двухъ лѣ отъ Скалистыхъ Горъ и даетъ возможность видѣть на поверхности ея предметы имѣющіе девять футовъ въ діаметрѣ. Итакъ, пусть же наши предприимчивые друзья устроятъ гигантскую азбуку; пусть они напишутъ слова длиной во сто туазовъ, а фразы длиной въ одно лѣ, и такимъ образомъ они будутъ посылать намъ извѣстія о себѣ.

Всѣ громогласно одобрили молодаго мичмана, у котораго не было недостатка въ воображеніи. Даже лейтенантъ Бронсфильдъ согласился что эта мысль удобовыполнимая. Онъ прибавилъ что, посылая лучи сгруппированные въ пучки помощію параболическихъ стеколъ, можно также устроить прочныя сношенія. Въ самомъ дѣлѣ, лучи эти также были бы видны на поверхности Венеры или Марса какъ Нептунъ виденъ съ земли. Въ заключеніе онъ сказалъ что блестяція точки, уже замѣченныя на планетахъ наиболѣе близкихъ, могли быть сигналами которые подавались на землю. Но при этомъ онъ далъ замѣтить что, если этимъ средствомъ и можно получать извѣстія изъ луннаго міра, то невозможно посылать ихъ съ земли, развѣ только Селениты имѣютъ въ своемъ распоряженіи орудія годныя для далекихъ наблюденій.

— Очевидно такъ, отвѣчалъ одинъ изъ офицеровъ,—но что случилось съ путешественниками, что они сдѣлали, что они видѣли,—вотъ что главнымъ образомъ должно интересоваться

насть. Къ тому же, если опытъ удался, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то его возобновать. Колумбіада все еще стоитъ въ почвѣ Флориды. Здѣсь дѣло только въ ядрѣ и порохѣ, и всакій разъ какъ луна будетъ проходить чрезъ зенитъ, къ ней можно будетъ отправлять грузъ посѣтителей.

— Вѣроятно, отвѣчалъ лейтенантъ Бронсфильдъ,—I. T. Мэстонъ присоединится на дняхъ къ своимъ друзьямъ.

— Если онъ захочетъ захватить меня, воскликнулъ мичманъ,—то я готовъ ему сопутствовать.

— О, въ охотникахъ недостатка не будетъ, отвѣчалъ Бронсфильдъ,—и еслибы только ихъ пустили, то половина земныхъ обитателей переселилась бы на луну.

Этотъ разговоръ между офицерами *Соскеганна* продолжался почти до часу утра. Невозможно вообразить себѣ какія поразительныя системы, какія все неиспроверяющія теоріи строились этими отважными умами. Послѣ попытки Барбикана, ничто уже не казалось невозможнымъ для Американцевъ! Они строили планы объ отправленіи не комиссіи ученыхъ, а цѣлой колоніи къ селенитскимъ берегамъ, и цѣлой арміи, съ пѣхотой, артиллеріей и кавалеріей, для завоеванія луннаго міра.

Въ часть утра, поднятіе лота еще не было окончено. 10.000 футовъ его оставалось неубраннымъ, что требовало работы еще на нѣсколько часовъ. Сообразно съ приказаніями капитана, огонь подъ паровикомъ былъ разведенъ, и давленіе уже возрастало. *Соскеганна* могла бы отправиться сію же минуту.

Въ это мгновеніе было семнадцать минутъ втораго; лейтенантъ Бронсфильдъ собирався уже уйти съ вахты къ себѣ въ каюту, какъ вдругъ вниманіе его привлечено было отдаленнымъ и совершенно неожиданнымъ свистомъ.

Онъ и его товарищи думали сначала что свистъ этотъ происходитъ отъ вылетавашаго пара, но, подыравъ голову, они удостовѣрились что онъ раздавался въ самыхъ отдаленныхъ слояхъ воздуха.

Они не успѣли еще переговорить другъ съ другомъ, какъ свистъ этотъ усилился до страшныхъ размѣровъ, и внезапно предъ глазами ихъ появился огромный болѣе, раскаленный отъ быстроты движенія и отъ тренія своего объ атмосферныя слои.

Эта огненная масса все росла предъ ихъ глазами, съ громовымъ трескомъ ударилась о бушпритъ корвета, который

сломада у самого форштевеня и съ оглушительнымъ ревомъ и шипѣніемъ погрузилась въ волны.

Нѣсколько футовъ поближе, и *Cockeanna* опрокинулась бы со всемъ своимъ экипажемъ и грузомъ.

Въ эту минуту капитанъ Бломберри высунулся полуодѣтый и, бросившись на бакъ, куда успѣли уже всѣ офицеры, спросилъ:

— Съ вашего позволенія, господа, что случилось?

И мичманъ, какъ бы передавая мнѣніе всѣхъ присутствовавшихъ, воскликнулъ:

— Капитанъ! Они, они сами возвращаются!

ГЛАВА XXI.

I. Т. Мастеръ появляется снова на сцену.

Воленіе на *Cockeanna* было неописанное. Офицеры и матросы забыли объ ужасной опасности которой они подвергались, забыли что падавшее ядро могло раздавить и потопить ихъ. Они думали только о катастрофѣ которою оканчивалось небывалое путешествіе. И такъ, самое отважное изъ предпріятій древняго и новаго времени повлекло за собой гибель смѣльчаковъ рѣшившихся испытать его.

„Это они возвращаются“, сказалъ молодой мичманъ, и всѣ его поняли. Никто не усомнился что этотъ болидъ есть ядро Путешнаго Клуба. Что же касается до путешественниковъ закупоренныхъ въ немъ, то мнѣнія объ ихъ участи были различны.

— Они умерли! говорилъ одинъ.

— Они живы, возражалъ другой.—Водяной слой глубокъ, и онъ ослабилъ ударъ ихъ паденія.

— Но у нихъ не было воздуха, замѣчалъ третій, — и они должны были задохнуться.

— Они спорили, произнесъ кто-то.—Ядро ихъ было не что иное какъ раскаленная масса, когда проходило черезъ атмосферу.

— Все равно! рѣшили всѣ въ одинъ голосъ.—Живы ли они, или мертвы, достать ихъ оттуда необходимо!

Между тѣмъ капитанъ Бломберри собралъ своихъ офицеровъ и, „съ ихъ позволенія“, держалъ совѣтъ. Дѣло пла

о томъ чтобы немедленно на что-нибудь рѣшиться. Прежде всего нужно было извлечь ядро,—операція трудная, но все-таки возможная. Но на корветѣ не было необходимыхъ снарядовъ, которые должны были соединять въ себѣ силу и точность. Итакъ рѣшено было идти въ сосѣдній портъ и дать знать Пушечному Клабу о паденіи ядра.

Рѣшеніе это было принято единогласно. Предстояло избрать наиболѣе удобный для того портъ. Сосѣдній берегъ не имѣлъ такой пристани на 27° широты. Далѣе, нѣсколько выше полуострова Монтере, находился значительный городъ того же имени. Но, расположенный на границѣ настоящей пустыни, онъ не соединялся со внутреннею страной никакою телеграфическою сѣтью, а только электричество могло съ надлежащею скоростью распространить это важное извѣстіе.

Нѣсколько выше лежитъ заливъ Санъ-Франциско. Черезъ посредство столицы золотоноснаго края сообщенія съ центромъ Союза были бы удобны. Менѣе чѣмъ въ два дня *Соскеганна* могла на всѣхъ парахъ достигнуть порта Санъ-Франциско, но отправляться ей слѣдовало безъ замедленія.

Пары были разведены. Можно было двинуться въ путь немедленно. Двѣ тысячи брасовъ каната оставалось еще въ водѣ. Капитанъ не хотѣлъ терять драгоценнаго времени на его поднятіе и укладываніе, и рѣшился его перерѣзать.

— Конецъ мы прикрѣпимъ къ бую, сказалъ онъ,—и буди этотъ въ точности укажетъ намъ мѣсто куда упало ядро.

— Къ тому же, замѣтилъ лейтенантъ Бронсфильдъ,—положеніе наше опредѣлено: 27° 7' сѣв. шир. и 41° 37' зап. долг.

— Такъ, такъ, мистеръ Бронсфильдъ, отвѣчалъ капитанъ,—а теперь, съ вашего позволенія, прикажите перерубить канатъ!

Сильный буй, подкрѣпленный еще большими шестами, былъ пущенъ на поверхность океана. Конецъ каната былъ прочно прикрѣпленъ къ нему и, колеблемый только волненіемъ, не могъ слишкомъ далеко уклониться отъ мѣста.

Въ эту минуту инженеръ извѣстилъ капитана что давленія достаточно, и что можно выступить въ путь. Капитанъ велѣлъ благодарить его за добрую вѣсть. Затѣмъ онъ направилъ судно къ сѣверо-востоку. Корветъ полетѣлъ на всѣхъ парахъ къ заливу Санъ-Франциско. Было три часа утра.

Пройти 220 льё было не трудно для такого хода какъ

Соскеганна. Въ 36 часовъ она прошла это разстояніе, и 14го декабря, въ 27 минутъ втораго пополудни достигла залива Санъ-Франциско.

Появленіе этого судна, принадлежащаго къ національному флоту и несшагося на всѣхъ парахъ съ обломаннымъ бугшпритомъ и подпертою бизань-мачтой, возбудило общее любопытство. Густая толпа народа собралась на набережныхъ, въ ожиданіи высадки.

Вошедши въ гавань, капитанъ Бломсберри и лейтенантъ Бронсфильдъ спустились въ восьми-весельную шлюпку; которая быстро доставила ихъ на берегъ.

Они выскочили на набережную.

— Телеграфъ? спросили они, не отвѣчая на тысячи сыпавшихся на нихъ вопросовъ.

Портовой офицеръ отвелъ ихъ въ телеграфное бюро, посреди безчисленнаго стеченія любопытныхъ.

Бломсберри и Бронсфильдъ вошли въ бюро, между тѣмъ какъ толпа ломилась въ двери.

Нѣсколько минутъ спустя отправлены были телеграммы въ четырехъ направленіяхъ: 1) секретарю флота въ Вашингтонъ; 2) вице-президенту Пушечнаго Клуба въ Балтиморъ; 3) досточтимому I. Т. Мастоу въ Лонгспикъ на Скалистыхъ горахъ; 4) помощнику директора Кембриджской обсерваторіи въ Массачусетсъ.

Изложены онѣ были въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Подъ 27° 7' сѣв. шир. и 41° 37' западной долготы, сего 12го декабря, въ 27 минутъ втораго утрома, ядро Колумбиады упало въ Тихій океанъ. Присылайте инструкции. Бломсберри, командиръ *Соскеганны*.“

Пять минутъ спустя, извѣстіе это распространилось по всему Санъ-Франциско. До шести часовъ вечера всѣмъ штатамъ Союза стала извѣстна великая катастрофа. Послѣ полуночи вся Европа узнала о результатѣ великой американской попытки.

Не беремъ изображать впечатлѣніе произведенное во всемъ мірѣ такою неожиданною развязкой.

По полученіи телеграммы, секретарь флота тотчасъ же предписалъ по телеграфу *Соскеганнѣ* ожидать въ заливѣ Санъ-Франциско, не гася огня. Каждую минуту дня и ночи она должна быть готова къ выходу въ море.

Кембриджская обсерваторія собралась въ чрезвычайное

засѣданіе и, съ тѣмъ спокойствіемъ которое отличаетъ собраніе ученыхъ, хладнокровно обсудила вопросъ съ научной точки зрѣнія.

Въ Пушечномъ Клубѣ поднялась страшная тревога. Всѣ артиллеристы были въ сборѣ. Именно въ то время вице-президентъ, досточтимый Вилькомъ, читалъ ту преждевременную телеграмму, въ которой Л. Т. Мастоу и Бельфасть извѣщали что ядро было усмотрѣно въ гигантскій телескопъ Лонгспика. Въ сообщеніи этомъ было сказано сверхъ того что ядро, задержанное дуновымъ притяженіемъ, заняло роль второстепеннаго спутника къ солнечной системѣ.

Истина относительно этого пункта уже извѣстна.

По полученіи телеграммы Бломберри, столь формально противорѣчившей сообщенію Л. Т. Мастоу, въ нѣдрахъ Пушечнаго Клуба образовались двѣ партіи. Съ одной стороны партія людей допускавшихъ паденіе ядра и вслѣдствіе этого возвращеніе путешественниковъ; съ другой, партія тѣхъ которые довѣряли лонгспикскимъ наблюденіямъ и считали ошибочнымъ донесеніе командира *Cockeгаппы*. По мнѣнію послѣднихъ, мнимое ядро былъ болидъ, не иное что какъ болидъ, блуждающее тѣло, раздробившее бугшпритъ корвета при своемъ паденіи. Возражать на ихъ аргументацію было довольно трудно, потому что скорость, которую имѣлъ этотъ болидъ, представляла неодолимыя препятствія для его наблюденія. Командиръ *Cockeгаппы* и его офицеры, конечно, могли обмануться весьма добросовѣстно. Въ пользу ихъ говорилъ однако одинъ аргументъ: если допустить что ядро упало на землю, то встрѣча его съ земнымъ сфероидомъ должна была произойти именно подъ этимъ 27мъ градусомъ сѣверной широты и, принимая въ разчетъ протекшее время и вращательное движеніе земли, между 41мъ и 42мъ градусами западной долготы.

Какъ бы то ни было, въ Пушечномъ Клубѣ было рѣшено единогласно что Бломберри-братъ, Бильзби и майоръ Эльфистонъ немедленно отправятся въ Санъ-Франциско и предпримутъ всѣ средства для извлеченія ядра изъ нѣдръ океана.

Эти преданные люди отправились въ ту же минуту, и желѣзная дорога, пересѣкающая центральную Америку, доставила ихъ въ Сенъ-Луи, гдѣ ожидалъ ихъ быстрый дилижансъ.

Почти въ ту же минуту когда секретарь флота, вице-президентъ Пушечнаго Клуба и помощникъ директора обсерваторіи получили телеграмму изъ Санъ-Франциско, досточтимый

Г. Т. Мастоу испытывалъ самое потрясающее впечатлѣніе, какого онъ не испытывалъ даже и при разрывѣ его знаменитой пушки, и которое едва не убило его.

Надо припомнить что секретарь Путешнаго Клуба отправился черезъ нѣсколько минутъ послѣ ядра, и почти съ такою же скоростью, къ своему посту въ Лонгспикъ, на Скалистыхъ горахъ. Ученый Л. Бельфасть, директоръ Кембриджской обсерваторіи, сопровождалъ его. По прибытіи на мѣсто, два друга тотчасъ же принялись за дѣло и не оставляли своего громаднаго телескопа.

Этотъ колоссальный инструментъ былъ того устройства какого требуютъ рефлекторы, называемые у Англичанъ *front view*. Благодаря этому устройству, лучи испытывала только одно отраженіе, и поэтому изображеніе было яркѣе. Вслѣдствіе этого, во время своихъ наблюденій, Г. Т. Мастоу и Бельфасть находились на верхней части инструмента, а не на нижней его части. Они всходили на него по витой лѣстницѣ, чудной по своей легкости, и подъ ними открывался этотъ металлическій колодезь, оканчивавшійся металлическимъ зеркаломъ на глубинѣ 280 футовъ.

На узкой платформѣ, расположенной надъ телескопомъ, проводили свою жизнь наши ученые, проклиная дневной свѣтъ, не позволявшій имъ видѣть луну, и облака, упорно закрывавшія ее по ночамъ.

Какова же была ихъ радость, когда, послѣ нѣсколькихъ дней ожиданія, они увидѣли, въ ночь на 5е декабря, колесницу, уносившую ихъ друзей въ пространство! За этою радостью послѣдовало глубокое разочарованіе, когда они, довѣрясь неполнымъ наблюденіямъ, отправили по всему міру свою первую телеграмму, то невѣрное заявленіе, которое представляло ядро спутникомъ луны вращающимся по неизмѣнной орбитѣ.

Съ той минуты ядро уже не появлялось предъ ихъ глазами. Исчезновеніе его объяснялось легко тѣмъ что оно скрылось за невидимымъ дискомъ луны. Но потомъ оно должно было снова появиться на видимомъ дискѣ, и можно себѣ представить нетерпѣніе неукротимаго Г. Т. Мастоу и его товарища! Каждую минуту ночи они воображали что увидятъ снова ядро, но оно не появлялось предъ ними. По этому поводу между ними происходили непрерывныя пренія, запаль-

чивые споры: Бельфасть утверждалъ что ядро уже невидимо, I. Т. Мастоуъ настаивалъ что оно „колетъ ему глаза“.

— Это ядро! повторилъ I. Т. Мастоуъ.

— Нѣтъ! возражалъ Бельфасть.—Это лавина, отдѣляющаяся отъ лунной горы.

— Ну, мы увидимъ его завтра.

— Нѣтъ, мы его больше не увидимъ. Оно увлечено въ пространство.

— Да!

— Нѣтъ!

И въ эти минуты, когда возраженія сыпались градомъ, хорошо извѣстная раздражительность секретаря Пушечнаго Клуба грозилъ постоянною опасностью досточтимому Бельфасту.

Эта жизнь вдвоемъ скоро бы сдѣлалась для нихъ невозможною, но непредвидѣнное обстоятельство положило конецъ ихъ нескончаснымъ пререканіямъ.

Въ ночь съ 14го на 15е декабря два непримиримые друга были заняты наблюденіемъ луннаго диска. I. Т. Мастоуъ бранилъ, по своему обыкновенію, ученаго Бельфаста, стоявшаго съ нимъ рядомъ. Секретарь Пушечнаго Клуба утверждалъ въ тысячный разъ что онъ видитъ ядро, говорилъ что даже замѣтилъ лицо Мишеля Ардана у одного изъ оконъ. Онъ подтверждалъ свою аргументацію множествомъ жестовъ, которые были крайне опасны, когда онъ размахивалъ желѣзнымъ крючкомъ замѣнявшимъ ему правую руку.

Въ эту минуту слуга Бельфаста появился на платформѣ—тогда было десять часовъ вечера—и подаль ему депешу. То была телеграмма отъ командира *Cosceganны*.

Бельфасть сорвалъ пакетъ и громко вскрикнулъ.

— Чтѣ тамъ? спросилъ I. Т. Мастоуъ.

— Ядро!

— Ну чтѣ же?

— Оно упало на землю!

Отвѣтомъ на это былъ новый крикъ, на этотъ разъ болѣе похожій на ревъ.

Бельфасть обратился къ I. Т. Мастоуу. Несчастный, неосторожно наклонившійся надъ металлическою трубой, исчезъ въ громадномъ телескопѣ. Паденіе въ 280 футовъ! Бельфасть внѣ себя бросился къ отверстию рефлектора.

Онъ вздохнулъ свободнѣе. I. Т. Мастоуъ, зацѣпившійся

своимъ крючкомъ, держался за одну изъ внутреннихъ подпоръ телескопа. Онъ испускалъ страшные вопли.

Бельфасть позвалъ своихъ помощниковъ. Они вмѣстѣ устроили родъ подмостокъ и втащили помощію ихъ, хотя и не безъ труда, неосторожнаго секретаря Пушечнаго Клуба.

І. Т. Мастоуъ, невредимый, появился на верхнемъ концѣ телескопа.

— Эхъ! сказалъ онъ:—ну, еслибъ я разбилъ зеркало?...

— Вы заплатили бы за него, строго отвѣчалъ Бельфасть.

— А проклятое-то ядро упало? спросилъ І. Т. Мастоуъ.

— Въ Тихій Океанъ.

— Вдемъ!

И, четверть часа спустя, два ученые спустились со Скалистыхъ Горъ, а по прошествіи двухъ дней, одновременно съ ихъ друзьями Пушечнаго Клуба, они достигли Санъ-Франциско, загнавъ дорогой пять лошадей.

Эльфистонъ, Бломсберри-братъ и Бильзби бросились къ намъ навстрѣчу.

— Чтò намъ дѣлать? воскликнули они.

— Вытащить ядро изъ воды, отвѣчалъ І. Т. Мастоуъ,—и какъ можно скорѣе!

ГЛАВА XXII.

Спасеніе.

Мѣсто гдѣ ядро погрузилось въ воды было извѣстно въ точности. Не доставало только орудій чтобы захватить его и вытащить на поверхность океана. Необходимо было ихъ изобрѣсти, а потомъ сфабриковать. Американскіе инженеры не могли затрудниться такими пустяками. Приспособивъ крючья, они увѣрены были что, съ помощію пара, вытащать ядро, несмотря на его тяжесть, которую, впрочемъ, уменьшала плотность влаги въ которую оно было погружено.

Но недостаточно было извлечь ядро. Необходимо было принять быстрыя мѣры въ интересъ путешественниковъ. Никто не сомнѣвался что они еще живы.

— Да, повторялъ безпрестанно І. Т. Мастоуъ, увѣренность котораго сообщалась всѣмъ,—друзья наши люди смышленные и не могли шлепнуться какъ дураки. Они живы, непременно живы, но надо поторопиться чтобъ откопать ихъ живыми.

Пища, питье—все это меня не беспокоить; они запаслись всѣмъ этимъ надолго. Но воздухъ, воздухъ! Вотъ въ чемъ они скоро будутъ нуждаться. Итакъ, скорѣе, скорѣе!

Приготовленія закупѣли. *Cockeганну* приготовили къ ея новому назначенію. Ея сильныя машины были расположены такъ чтобъ онѣ могли дѣйствовать подъемными цѣпями. Ядро изъ алюминія вѣсило только 19.250 фунтовъ, стало-быть, оно было гораздо легче трансатлантическаго каната, поднятаго при такихъ же условіяхъ. Единственнымъ затрудненіемъ было вытащить цилиндрико-коническое ядро, гладкія стѣнки котораго захватить было неудобно.

Съ этою цѣлю, инженеръ Мурчисонъ, посѣдившій въ Санъ-Франциско, велѣлъ устроить огромныя желѣзныя лапы автоматической системы, которыя не выпустили бы ядра, еслибы только имъ удалось обхватить его своими мощными захватами. Онъ велѣлъ также изготовить пробочныя фуфайки, которыя, своею упругою и непромокаемою оболочкой, дали бы возможность водолазамъ изслѣдовать дно моря. Онъ погрузилъ также на *Cockeганну* снаряды со сжатымъ воздухомъ, придуманные чрезвычайно остроумно. То были настоящія комбаты, съ продѣланными въ нихъ отверстиями. Вода, если ее ввести въ нѣкоторыя отдѣленія, могла увлечь аппаратъ на большую глубину. Эти снаряды отыскались въ Санъ-Франциско, гдѣ они служили для устройства подводной платины. Последнее обстоятельство было весьма благоприятно, потому что для устройства ихъ не достало бы времени.

Но, несмотря на всѣ усовершенствованія снарядовъ, несмотря на искусство ученыхъ, принявшихъ на себя обязанность употребить ихъ въ дѣло, успѣхъ операціи былъ далеко не надеженъ. Сколько неожиданныхъ случайностей могло встрѣтиться, такъ какъ дѣло шло объ извлеченіи изъ воды ядра на глубинѣ 20.000 футовъ. Наконецъ, если ядро даже и будетъ привлечено на поверхность, то спрашивается, перенесли ли путешественники страшный ударъ, можетъ-быть недостаточно ослабленный слоемъ воды въ 20.000 футовъ?

Во всякомъ случаѣ необходимо было торопиться. I. T. Мэстонъ день и ночь понуждалъ работать. Самъ онъ готовъ былъ облечься въ пробочную фуфайку или испытать воздушные снаряды, чтобы развѣдать положеніе своихъ отважныхъ друзей.

Несмотря, однако на быстроту, съ которою устраивались снаряды, несмотря на огромныя суммы предоставленныя правительствомъ Союза въ распоряженіе Путешчнаго Клуба, пять дней,—пять вѣковъ!—прошли прежде чѣмъ окончены были всѣ приготовленія. Въ теченіе этого времени, общественное мнѣніе достигло крайней степени возбужденія. Телеграммы непрерывно передавались по всему міру по электрическимъ проволокамъ и подводнымъ канатамъ. Спасеніе Барбикана, Николая и Мишеля Ардана становилось дѣломъ международнымъ. Всѣ націи, участвовавшія въ подпискѣ Путешчнаго Клуба прямо заинтересованы были въ спасеніи путешественниковъ.

Наконецъ подъемныя цѣпи, воздушныя камеры, автоматическія желѣзныя лапы были нагружены на *Cockeggan*. I. T. Мастоуъ, инженеръ Мурчисонъ, уполномоченные Путешчнаго Клуба заняли свои каюты. Оставалось только пуститься въ путь.

21го декабря, въ восемь часовъ вечера, корветъ выступалъ въ море при благопріятной погодѣ: вѣтеръ дулъ съверо-восточный, и было довольно холодно. Все населеніе Санъ-Франциско тѣснилось на набережныхъ, взволнованное, но безмолвное, сдерживавшее свои возгласы до возвращенія судна.

Пары были разведены до *maximum*, и *Cockeggan* быстро понеслась изъ залива.

Излишне было бы передавать разговоры офицеровъ, матросовъ и пассажировъ. Всѣ эти люди были одушевлены только одною мыслью; всѣ сердца волновались однимъ чувствомъ: что дѣлали Барбиканъ и его товарищи, въ то время какъ всѣ рвались къ нимъ на помощь? Что случилось съ ними? Въ состояніи ли они были рѣшиться на какую-нибудь смѣлую попытку чтобы возвратить себѣ свободу? Никто не могъ отвѣчать на это. Истина въ томъ что всякое средство оказалось бы неудачнымъ! Погруженная на глубинѣ почти двухъ льё въ океанѣ, эта металлическая тюрьма дѣлала безполезными всякія усилія своихъ узниковъ.

23го декабря, въ восемь часовъ утра, послѣ быстраго перѣзда, *Cockeggan* должна была прибыть на мѣсто катастрофы. Нужно было подождать полудня чтобы въ точности опредѣлить мѣсто. Буй, къ которому былъ прикрѣпленъ канатъ, еще не отыскался.

Въ полдень, капитанъ Бломсберри, съ помощію своихъ

офицеровъ, повѣрившихъ наблюденія, опредѣлили мѣстность въ присутствіи уполномоченныхъ Пушечнаго Клуба. То была минута лихорадочнаго ожиданія. Когда положеніе было опредѣлено, то оказалось что *Соскеганна* находилась на нѣскольکو минутъ къ западу отъ того мѣста гдѣ ядро исчезло въ волнахъ.

Корветъ тотчасъ же былъ направленъ къ самому этому пункту.

Въ сорокъ семь минутъ перваго усмотрѣнъ былъ буѣ. Онъ найденъ въ исправности и, повидимому, мало отнесенъ былъ отъ мѣста.

— Наконецъ! воскликнулъ I. T. Мастонъ.

— Начинать? спросилъ капитанъ Бломсберри.

— Не теряя ни секунды! былъ отвѣтъ.

Всѣ предосторожности были приняты чтобы поддержать корветъ въ полной неподвижности.

Прежде чѣмъ захватить ядро, инженеръ Мурчисонъ хотѣлъ изслѣдовать его положеніе на днѣ океана. Подводные снаряды, приспособленные для этого изслѣдованія, снабжены были необходимымъ для того воздухомъ. Употребленіе этихъ снарядовъ было безопасно на 20.000 футовъ подъ водой: подъ такимъ значительнымъ давленіемъ они могли подвергнуться разрывамъ, слѣдствія коихъ были бы ужасны.

I. T. Мастонъ, Бломсберри-братъ, инженеръ Мурчисонъ, не заботясь объ опасности, заняли мѣста въ воздушныхъ камерахъ. Капитанъ, помѣстясь на своемъ мостикѣ, наблюдалъ за операциею, готовый убрать или выпустить цѣпи при малѣйшемъ сигналѣ. Винтъ былъ отцѣпленъ, и вся сила машины, перенесенная на кабестанъ, разомъ могла вытащить снаряды на бортъ.

Спускъ начался въ двадцать пять минутъ втораго вечера, и камера, увлекаемая своими резервуарами наполненными водой, быстро исчезла подъ волнами.

Тревожное чувство, волновавшее офицеровъ и матросовъ *Соскеганны*, возбуждали теперь не одни узники ядра, но и заключенные въ подводномъ снарядѣ. Чтѣ касается послѣднихъ, то они забыли о себѣ и, прильнувъ къ окнамъ, тщательно наблюдали влажныя массы, по которымъ они спускались.

Спускъ совершился быстро. Восемнадцать минутъ третьяго, I. T. Мастонъ и его товарища достигли дна Тихаго

Океана; но они не замѣтили ничего, кромѣ бесплодной пустыни, не оживляемой ни морскою фауной, ни морской флорой. При свѣтѣ своихъ лампъ, снабженныхъ сильными рефлекторами, они могли наблюдать темные слои воды на довольно обширномъ районѣ, но ядро оставалось для нихъ невидимо.

Невозможно изобразить нетерпѣніе этихъ отважныхъ водолазовъ. Такъ какъ снарядъ ихъ находился въ электрическомъ сообщеніи съ корветомъ, то они подали условенный сигналъ, и *Соскеганна* провела на протяженіи мили ихъ камеру, висѣвшую на нѣсколько метровъ надъ почвой.

Такимъ образомъ они изслѣдовали всю подводную равнину, обманываемые ежеминутно оптическими призраками которые надрывали имъ сердца. Тамъ скала, тамъ возвышеніе дна казались имъ ядромъ которое они отыскивали; потомъ они сознавали свою ошибку и приходили въ отчаяніе.

— Но гдѣ же они? гдѣ они? восклицалъ *И. Т. Мастоуъ*.

И бѣднякъ громкими криками призывалъ *Николя*, *Барбикана* и *Мишеля Ардана*, какъ будто его несчастные друзья могли услышать его или отвѣчать ему въ этой непроницаемой влагѣ!

Поиски продолжались при тѣхъ же условіяхъ до той минуты, когда воздухъ въ снарядѣ испортился, и водолазы должны были возвратиться на поверхность.

Поднятіе ихъ началось въ шесть часовъ и окончилось въ полночь.

— До завтра! сказалъ *И. Т. Мастоуъ*, ступая на палубу корвета.

— Да, отвѣчалъ капитанъ *Бломсберри*.

— И на другомъ мѣстѣ.

— Да.

И. Т. Мастоуъ еще не сомнѣвался въ успѣхѣ, но его товарищи, которыхъ не поддерживало болѣе одушевленіе первыхъ минутъ, понимали всю трудность предпріятія. Что казалось легко въ Санъ-Франциско, здѣсь, посреди океана, являлось почти невыполнимымъ. Вѣроятности успѣха уменьшались въ огромной пропорціи, и только одинъ случай могъ открыть ядро.

На другой день, 24го декабря, несмотря на все утомленіе испытанное наканунѣ, операція произведена была вновь. Корветъ перемѣстился на нѣсколько минутъ къ западу, и

снарядъ, наполненный воздухомъ увлекъ, тѣхъ же водолазовъ въ глубину океана.

Весь день прошелъ въ бесплодныхъ поискахъ. Морское ложе было пусто. День 25го декабря не принесъ никакого результата; то же самое было и 26го декабря.

Было отчего придти въ отчаяніе. Стоило подумать объ этихъ несчастныхъ, вотъ уже двадцать шесть дней заключенныхъ въ ядрѣ! Можетъ-быть, въ эту минуту они начинали уже задыхаться, если только уцѣляли при паденіи! Истощался воздухъ, а вмѣстѣ съ воздухомъ истощалось и мужество ихъ.

— Воздухъ—можетъ-быть, отвѣчалъ постоянно на это разсужденіе І. Т. Мастоуъ,—но мужество—никогда!

28го, послѣ новыхъ двухъ-дневныхъ поисковъ, всякая надежда исчезла. Ядро—только атомъ въ безпредѣльности моря! Приходилось отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ.

Несмотря на все это, І. Т. Мастоуъ не хотѣлъ и слышать объ отъѣздѣ. Онъ не хотѣлъ разстаться съ этимъ мѣстомъ, не разыскавъ хотя могилы своихъ друзей. Но капитанъ Бломберри не могъ оставаться долѣе и, несмотря на требованія достойнаго секретаря, далъ приказаніе изготавиться къ отъѣзду.

29го декабря, въ десять часовъ утра, *Соккеганна*, повернувъ къ сѣверо-востоку, двинулась къ заливу Санъ-Франциско.

Было десять часовъ утра. Корветъ удалялся на малыхъ парахъ, какъ бы съ сожалѣніемъ, отъ мѣста катастрофы, какъ вдругъ матросъ, наблюдавшій море съ бранъ-стеньги, закричалъ:

— Буй въ виду, у насъ подѣ вѣтромъ!

Офицеры стали смотрѣть въ указанномъ направленіи. Съ помощію своихъ трубъ они увидѣли что названный предметъ дѣйствительно имѣлъ видъ буевъ которые ставятся въ проходахъ заливовъ или рѣкъ. Но странно: надъ его конусомъ, на пяти или на шести футахъ надъ водой, видѣлся флагъ, развѣвавшійся по воздуху. Этотъ буй блестѣлъ на солнечныхъ лучахъ, какъ будто бы стѣны его были сдѣланы изъ серебряныхъ пластинокъ.

Капитанъ Бломберри, І. Т. Мастоуъ и уполномоченные Пущечнаго Клуба стояли на палубѣ и разсматривали этотъ предметъ, носившійся по волнамъ по волѣ вѣтра.

Всѣ глядѣли съ лихорадочныхъ трепетомъ, но въ молчаніи.

Никто не осмѣливался высказать мысль, приходившую всѣмъ въ голову.

Корветъ приблизился менѣе чѣмъ на два кабельтова къ этому предмету.

Трепетъ пробѣжалъ по всему экипажу.

Флагъ этотъ былъ американскій!

Въ эту минуту послышался настоящій ревъ. То вскрикнулъ достойный І. Т. Мастоуъ, рухнувшійся на палубу всѣмъ тѣломъ. Забывъ, впервыхъ, что правую руку ему замятъ желѣзный крючокъ, вовторыхъ, что простая гуттаперчевая шапочка покрываетъ его черепъ, онъ нанесъ себѣ страшный ударъ по головѣ.

Всѣ бросились къ нему. Его подняли и привели въ чувство. И какія были его первые слова?

— О, какіе мы скоты! Идіоты въ квадратъ! Безконечные дураки!

— Чтѣ такое? кричали всѣ, толпясь вокругъ него.

— Чтѣ такое?!

— Да говорите же!

— А то, безмысленные глупцы, проревѣлъ ужасный секретарь,—что ядро вѣситъ не болѣе 19.250 фунтовъ.

— Ну чтѣ жъ изъ этого?

— А то, что оно вытѣсняетъ 28 тоннъ, другими словами 56.000 фунтовъ воды, и стало-быть оно *держится на водѣ*.

О, какъ этотъ достойный человекъ подчеркнул слова: „держится на водѣ!“ И онъ былъ правъ. Всѣ, да, всѣ эти ученые забыли слѣдующій основной законъ: по своему удѣльному вѣсу, ядро, увлеченное своимъ паденіемъ до самой страшной глубины океана, естественно должно было возвратиться на поверхность. Въ настоящую минуту оно спокойно носилось по волнамъ.

Шлюпки тотчасъ же были спущены на воду. І. Т. Мастоуъ и друзья его бросились въ нихъ. Волненіе ихъ дошло до крайней степени. Всѣ сердца сильно бились въ то время какъ шлюпки приближались къ ядру. Чтѣ заключало оно въ себѣ? Живыхъ людей, или мертвецовъ? Живыхъ, да, живыхъ, если только смерть не постигла Барбикана и его друзей послѣ того какъ они выкинули этотъ флагъ.

Глубокое молчаніе царствовало на шлюпкахъ. У всѣхъ захватывало духъ, у всѣхъ туманилось въ глазахъ. Одно окно въ ядрѣ было отворено. Нѣсколько кусковъ стекла, остав-

шіеся въ отверстіи, свидѣтельствовали что оно было разбито. Это окно въ настоящую минуту находилось на высотѣ пяти футовъ надъ волнами.

Одна изъ шляпокъ причалила; то была шляпка I. T. Масона. Онъ бросился къ разбитому окну.

Въ эту минуту послышался звонкій и веселый голосъ Мишеля Ардана, который восклицалъ побѣдоносно:

— Все бѣлое, Барбиканъ, все бѣлое!

Барбиканъ, Мишель Арданъ и Николь играли въ домино.

ГЛАВА XXIII.

Заключеніе.

Читатели помнятъ какое глубокое сочувствіе сопровождало трехъ путешественниковъ при ихъ отъѣздѣ. Если при началѣ своего предпріятія они возбудили такое волненіе въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, то съ какимъ восторгомъ должны были встрѣтить ихъ по возвращеніи! Эти милліоны зрителей, тѣснившіеся на полуостровѣ Флоридѣ, не бросятся ли они на встрѣчу къ этимъ славнымъ авантюристамъ? Эти легіоны иностранцевъ, собравшіеся со всѣхъ пунктовъ земнаго шара къ американскимъ берегамъ, оставятъ ли они почву Союза, не увидавъ снова Барбикана, Николая и Мишеля Ардана? Нѣтъ, и горячее увлеченіе публики должно было вполнѣ соответствовать величію предпріятія. Человѣческія существа, покинувшія земной сфероидъ и возвратившіяся изъ этого необыкновеннаго путешествія по небеснымъ пространствамъ, не могли не возбудить безконечнаго восторга. Увидѣть и услышать ихъ, — таково было всеобщее желаніе.

Желаніе это должно было осуществиться очень скоро почти для всѣхъ обитателей Союза.

Барбиканъ, Мишель Арданъ, Николь, уполномоченные Путешественнаго Клуба, немедленно возвратившіеся въ Балтиморъ, приняты были тамъ съ неописаннымъ восторгомъ. Дорожныя замѣтки президента Барбикана приготовлены для напечатанія. *New York Herald* купилъ его рукопись за цѣну еще неизвѣстную, но, по всему вѣроятію, громадную. И дѣйствительно, во время печатанія *Путешествія на луну*, означенная газета расходилась въ числѣ пяти милліоновъ экземпляровъ.

Три дня спустя по возвращеніи путешественниковъ на землю, малѣйшія подробности ихъ странствованія были уже всѣмъ извѣстны. Оставалось только увидать героевъ этой сверхъестественной экспедиціи.

Исслѣдованія произведенныя Барбиканомъ и его друзьями вокругъ луны дали возможность провѣрить различныя теоріи установившіяся относительно земнаго спутника. Эти ученые наблюдали его *de visu*, и при совершенно особыхъ условіяхъ. Теперь уже стало извѣстно какія системы слѣдуетъ устранить, какія принять, относительно строенія этого свѣтила, его происхожденія и обитаемости. Его прошедшее, настоящее и будущее разоблачили свои тайны. Что можно было возразить добросовѣстнымъ наблюдателямъ, которые видѣли на разстояніи менѣе 40 километровъ эту чудную гору Тихо, самую необыкновенную систему лунной орографіи? Что отвѣчать ученымъ, взоры коихъ погружались въ бездны Платонова цирка? Какимъ образомъ противорѣчить этимъ смѣльчакамъ, которыхъ случайности ихъ попытки завлекли поверхъ невидимой стороны диска, на которую до тѣхъ поръ не падалъ никогда взоръ человѣка? Теперь за ними было право полагать границы этой селенографической наукѣ, возсоздавшей лунный міръ, подобно тому какъ Кювье возсоздавалъ скелеты ископаемыхъ, и сказать: Луна была міромъ обитаемымъ и населеннымъ прежде земли. Луна теперь міръ необитаемый и въ настоящую минуту незаселенный!

Чтобъ отпраздновать возвращеніе самаго знаменитаго изъ своихъ членовъ и его двухъ товарищей, Путешный Клубъ вздумалъ задать имъ банкетъ, но банкетъ достойный этихъ триумфаторовъ, достойный американскаго народа, и при такихъ условіяхъ чтобы всѣ жители Союза могли непосредственно принять въ немъ участіе.

Всѣ главныя линіи желѣзныхъ дорогъ въ государствѣ соединены были между собой летучими рельсами. Потомъ, на всѣхъ станціяхъ, разцвѣченныхъ одинаковыми флагами, открытыхъ одинаковыми украшеніями, разставлены были столы, одинаково накрытые. Въ извѣстные часы, послѣдовательно разчитанные съ помощію электрическихъ часовъ, которые били секунды въ одно и то же мгновеніе, все населеніе приглашено было занять свои мѣста за пиршественными столами.

Въ продолженіе четырехъ дней, отъ 5го до 9го января, на желѣзныхъ дорогахъ Союза поѣзды были приостановлены, какъ это бываетъ по воскресеньямъ, и всѣ пути оставались свободны.

Одинъ только локомотивъ необыкновенной скорости, къ которому прицѣпленъ былъ почетный вагонъ, имѣлъ право развѣзжать въ продолженіе этихъ четырехъ дней по желѣзнымъ дорогамъ Соединенныхъ Штатовъ.

На локомотивѣ, кромѣ кочегара и машиниста, въ видѣ съсобой милости, дозволено было помѣститься досточтимому I. T. Мастоу, секретарю Путешчнаго Клуба.

Вагонъ приготовленъ былъ для президента Барбикана, капитана Никола и Мишеля Ардана.

По свистку машиниста, послѣ всѣхъ *ура, гилъ* и различныхъ восторженныхъ междометій американскаго языка, поѣздъ оставилъ Бальтиморскую станцію. Онъ ѣхалъ со скоростью восьмидесяти миль въ часъ. Но чтѣ значила эта скорость въ сравненіи съ тою которая увлекла трехъ героевъ при выходѣ ядра изъ Колумбіады?

Такимъ образомъ они поѣхали изъ одного города въ другой, заставая на своемъ пути за столами все населеніе, пріѣтствовавшее ихъ такими же восклицаніями и изъяслявшее чѣмъ такой же восторгъ. Они проѣхались такимъ образомъ по востоку Союза, черезъ Пенсильванію, Коннектикутъ, Массачусетсъ, Вермонъ, Мень и Новый Брауншвейгъ; они отправились на сѣверъ и западъ черезъ Нью-Йоркъ, Огайо, Мичиганъ и Висконсинъ, спустились на югъ черезъ Иллинойсъ, Миссури, Арканзасъ, Техасъ и Луизиану, на юго-востокъ черезъ Алабаму и Флориду, поднялись вверхъ Георгіей и Каролинами, посѣтили центръ черезъ Теннесси, Кентукки, Виргинію, Индіану, потомъ, отъ Вашингтонской станціи, возвратились въ Бальтиморъ, и цѣлые четыре дня могли думать что Соединенные Штаты Америки, собранные за однимъ огромнымъ пиршественнымъ столомъ, одновременно пріѣтствуютъ ихъ общимъ *ура*.

Апоѳеоза достойна была этихъ трехъ героевъ, которыхъ миеологія включила бы въ число полубоговъ.

Теперь спрашивается, эта попытка, не имѣвшая подобныхъ себѣ въ лѣтописяхъ путешествій, принесетъ ли какой-нибудь практической результатъ? Установятся ли когда-нибудь прямые сообщенія съ луной? Организуется ли когда-нибудь особый

родъ навигаціи чрезъ пространство для сближенія съ солнечнымъ міромъ? Будутъ ли ѣздить съ одной планеты на другую, съ Юпитера на Меркурій, а въ послѣдствіи, съ одной звѣзды на другую, съ Полярной на Сиріусъ? Какой-нибудь способъ передвиженія допустить ли посвятить эти солнца, которыми усяянъ сводъ небесный?

На эти вопросы отвѣчать невозможно. Но зная смѣлую изобрѣтательность англо-саксонскаго племени, никто не удивится если Американцы извлекутъ пользу изъ попытки президента Барбикана.

Такимъ образомъ, нѣсколько времени спустя по возвращеніи путешественниковъ, публика съ особенною благоклонностью приняла объявленія акціонернаго Общества съ капиталомъ во 100 милліоновъ долларовъ, раздѣленнымъ на сто тысячъ акцій, въ 1.000 долларовъ каждая, подъ названіемъ: „Национальное Общество междузвѣздныхъ сообщеній“. Президентъ его—Барбиканъ; вице-президентъ — капитанъ Николь; секретарь администраціи — І. Т. Мастоуъ; директоръ движеній — Мишель Арданъ.

И такъ какъ Американцы, по своему характеру, все предвидятъ въ торговыхъ дѣлахъ, даже несостоятельность, то на этотъ случай заранѣе были назначены: досточтимый Гарри Трлоппъ—судей-коммиссаромъ и Франсисъ Дейтонъ—синдикомъ.

К О Н Е Ц Ъ.

Съ январской книжки наступающаго года, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* начнется печатаніе новаго произведенія того же автора: *Подводное путешествіе вокругъ свѣта*.

III

ЖУРНАЛЪ ОХОТЫ и КОННОЗАВОДСТВА будетъ выходить съ 1го января 1870 года *еженедельно по субботамъ, въ объемъ отъ 1го до 1½, печатными листами, на отапной веленовой бумагѣ.* Каждый номеръ будетъ заключать въ себя отъ 4 до 6 рисунковъ и политипажей. Къ послѣднему номеру приложены будутъ систематическое оглавленіе статей и рисунковъ и иллюстрированная обертка.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на одинъ годъ:

Безъ доставки и пересылки. . . 7 р.

Съ доставкою въ С.-Петербургъ. . . 8 .

Съ пересылкою въ другіе города. 8 . 5 к.

Полугодовая подписка принимается только на второе полугодіе, то-есть съ 1го іюля.

Лица, которыя пожелаютъ подписаться въ продолженіи года, получать всѣ прежде вышедшіе номера.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ Петербургѣ: въ конторѣ редакціи *Журнала Охоты и Коннозаводства* (по Екатерининскому каналу, у Казанской части, домъ графини Рибоьеръ № 107) ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, отъ 10 часовъ утра до 4хъ часовъ пополудни, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Гг. изгородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями *исключительно* въ С.-Петербургъ, въ редакцію *Журнала Охоты и Коннозаводства.* (Адресъ извѣстенъ почтамту.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ ДЛЯ НАПЕЧАТАНІЯ

принимаются *исключительно* въ конторѣ редакціи. Объявленія принимаются съ платою по 15 к. за строку мелкаго шрифта, или занимаемое ею мѣсто; за рекамы по условію. Для объявленій могутъ быть, по желанію, заготовляемы рисунки.

За разсылку при *Журналь* отдѣльныхъ объявленій взимается по 5 р. съ тысячи экземпляровъ.

10.648.

Редакторъ-издатель А. Ф. Паули.

ОТЪ ФАБРИКИ

ПОТОМСТВЕННОГО ПОЧЕТНАГО ГРАЖДАНИНА

1-й гильдіи купца и кавалера

ИВАНА ЕГОРОВИЧА СЫТОВА.

Честь имѣю довести до свѣдѣнія гг. моихъ покупателей и прочихъ лицъ, что я произвожу свои торговыя дѣла, въ Москвѣ, на Мясницкой улицѣ, въ собственномъ домѣ, гдѣ находится магазинъ и контора, куда прошу адресовать свои требованія, гдѣ имѣются всѣ церковныя вещи: парчи отъ 1 р. до 50 р. за аршинъ, газеты, бархаты съ золотомъ и серебромъ, форменныя матеріи, муары, фризы, рипсы, готовые облаченія и по заказу, хоругви, плащаницы, воздухи, архіерейскія митры, вышивка золотомъ и серебромъ съ камнями саккосовъ, ризъ, гробницъ и прочихъ церковныхъ вещей.

Церковная утварь 84 пробы: Евангелія, кресты, сосуды, ковчеги, мурницы, кадила, дароносицы, ризы на иконы.

Иконы различнаго письма: греческаго, фряжскаго и живописнаго.

Церковная утварь, бронзовая и мѣдная посеребренная, ланкадила, подсвѣчники, лампы и пр. и пр.

Фабрика исполняетъ заказы на иконостасы, полковые створы и наметы; кто пожелаетъ сдѣлать ризы на иконы, то могутъ высылать снимки съ иконъ начерченные на бумагѣ, по которымъ сдѣлаются ризы.

Фабрика высылаетъ: образцы различныхъ парчей и матерій, рисунки на церковную утварь, дѣлаетъ смѣты, высылается бесплатно прейсъ-курантъ.

Имѣются всѣ военныя вещи и галуны.

Фабрика принимаетъ въ домъ старую церковную утварь и отдѣлываетъ заново.

Фабрика исполняетъ разныя порученія въ видѣ кома и высылаетъ вещи не относящіяся до ея прейсъ-куранта.

Фабрикантъ почетный гражданинъ и кавалеръ, 1-й гильдіи купецъ

Иванъ Егоровичъ Сытовъ.

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1870 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1870 г. стоить въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, тринадцать рублей пятьдесятъ коп., съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во все мѣста Россіи пятнадцать рублей.

Желающіе могутъ подписываться также и на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., а съ доставкой на домъ и съ пересылкой во все мѣста Россіи 7 р. 75 к., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 3 р. 50 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во все мѣста Россіи 3 р. 85 к.

Заграничные высылаютъ за доставкѣю въ Австрію, Баварію, Баденъ, Виртембергъ, Ганноверъ, Нидерланды, Пруссію, Саксонію и другія государства Герман. Почт. Союза — 16 р.; въ Бельгію — 17 р.; во Францію и Данію — 18 р. 50 к.; въ Англію, Швецію, Испанію и Португалію — 20 р.; въ Швейцарію — 21 р., и въ Италію — 22 руб.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загражскаго.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтѣ.

Въ почтовыхъ ящикахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1870 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1870 годъ, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, двѣнадцать рублей сер.; съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой въ другіе города пятнадцать рублей сер.

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи на Страстномъ бульварѣ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ

